РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

ВЫПУСК XVII

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2007

Редакционный совет

академик РАН *Г.М.Бонгард-Левин* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А.Амирханов,* , член-корр. РАН *П.Г.Гайдуков*,
академик РАН *А.П.Деревянко, проф. А.Иверницци,*
член-корр. РАН *С.П.Карпов*, член-корр. РАН *Г.А.Кошеленко,*
член-корр. НАН Украины *С.Д.Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А.Макаров*,
д.и.н. *Л.П.Маринович*, д.и.н. *Ю.М.Могаричев,*
академик РАН *В.И.Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
д.ф.н. *В.Ф.Романов*, д.и.н. *Э.Д.Фролов,* проф. *Чан Куквон*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М.Г.Абрамзон* (главный редактор, Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *М.Ф.Высокий* (Институт всеобщей истории РАН),
к.и.н. *В.А.Гаибов* (Институт археологии РАН),
д.п.н. *О.В.Гнэвек* (Магнитогорский гос. университет),
к.и.н. *Ю.В.Горлов* (Институт археологии РАН),
д.и.н. *В.Д.Кузнецов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
к.и.н. *С.В.Мокроусов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
д.и.н. *И.В.Октябрьская* (зам. главного редактора,
Институт археологии и этнографии СО РАН).
д.и.н. *И.Е.Суриков* (Институт всеобщей истории РАН),
д.п.н. *З.М.Уметбаев* (Магнитогорский гос. университет),
д.фил.н. *С.Г.Шулежкова* (Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *Л.И.Киреева* (ответственный секретарь, Магнитогорский гос. университет)

Editorial Board:

M.G.Abramzon (Editor-in-Chief),

V.A.Gaibov, O.V.Gnevek, Yu.V.Gorlov, V.D.Kuznetsov, S.V.Mokrousov, I.V.Oktyabrskaya, S.G.Shulezhkova, I.E.Surikov, M.Ph.Vysokii, Z.M.Umetbayev.

Head, Editorial Office L.I.Kireyeva

© Российская академия наук, 2007 г.
Институт археологии РАН, 2007 г.
Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007 г.
© Магнитогорский государственный университет, 2007 г.
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2007 г.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ГРЕЦИЯ И РИМ

© 2007 г.

М. Ю. Лаптева

МИГРАЦИИ ИОНИЙЦЕВ XII–XI ВВ. ДО Н.Э. В СВЕТЕ ТРАДИЦИИ И АРХЕОЛОГИИ

Проблема исторических корней ионийских полисов, первенствовавших в греческом мире в VIII–VI вв. до н.э., определение истоков их культурных, религиозных и политических институтов, представляют интерес для исследователей истории Ионии архаического и классического периодов[1]. Поиски причин экономического, политического и культурного своеобразия архаической Ионии приводят нас к периоду ионийской миграции XII–XI вв. до н.э., то есть времени массового и организованного переселения на западное побережье Малой Азии греческих племен, именующих себя ионийцами.

Основание поселений ионийцев на западном побережье Малой Азии, ограниченном на севере и юге руслами рек Герм и Меандр, стало одним из заключительных этапов переселений индоевропейских племен, длившемся не менее столетия и сопровождавшемся крушением или упадком некоторых ближневосточных государств, гибелью ахейских царств Пелопоннеса, бегством уцелевшего ахейского населения в наименее затронутые войнами и разрушениями районы. Одним из них стала центральная часть береговой полосы Западной Малой Азии, получившая в архаическую эпоху название Ионии.

В отечественной и зарубежной историографии неоднократно предпринимались попытки реконструкции маршрутов отдельных миграционных потоков, установления хронологии миграций индоевропейских и других племен на Балканах, в Малой Азии и Восточном Средиземноморье в XIII–XII вв. до н.э.[2] Уделялось также внимание гипотезам относительно глубинных причин этих масштабных миграционных движений: от климатических катастроф и экономических потрясений, внутренних социально-политических конфликтов, внешних вторжений до духовной деградации правящей элиты[3].

Впрочем, углубленное рассмотрение этих гипотез, а также воссоздание всей сложной и во многом еще не ясной картины кризиса, охватившего Восточное Средиземноморье в конце II тыс. до н.э., не является задачей настоящей статьи. Мы ограничимся рассмотрением лишь одного из направлений в этих движениях индоевропейских племен Эгеиды-ионийской миграции, еще не получившей в отечественной историографии всестороннего освещения.

Исследований, специально посвященных этому начальному периоду ранней ионийской истории, в отечественной историографии нет, если не считать статьи К. В. Хилинского, опубликованной в начале XX века, когда археологическое изучение Ионии еще только начиналось, а также написанной столетие спустя, но также с использованием преимущественно традиции, а не археологии статьи А. Е. Ефимова[4]. Не меняют общей картины и беглые очерки прихода ионийских греков в Малую Азию в работах по истории и культуре Малой Азии и отдельных ее городов[5]. Негативное отношение к самой

возможности реконструкции событий ионийской миграции по данным легендарно-исторической традиции мы находим в работе Ю. В. Андреева[6].

Если в отечественной историографии ионийская миграция почти не отмечена вниманием исследователей, то в западной литературе эта тема оживленно обсуждается уже более столетия. Наиболее спорными проблемами в теме ионийской миграции стали следующие: значение минойского и ахейского периодов в освоении греческими племенами западного побережья Анатолии, время и место рождения ионийского этноса, хронология ионийской миграции, ее основные направляющие центры, этнический состав мигрантов, время образования и роль в миграционном движении ионийцев Панионийского союза.

Тема ионийской миграции, тем не менее, не может считаться исчерпанной. Дело в том, что до начала интенсивного археологического изучения Ионии после Второй мировой войны, миграция ионийцев изучалась главным образом по легендарно-исторической традиции. Успехи ионийской археологии с одной стороны подтвердили многие факты легендарной традиции (например, о ведущей роли в ионийской миграции Афин), с другой–выявили противоречия между археологическим материалом и легендами миграции (например, в вопросе о времени появления ионийских племен в Малой Азии, причинах создания Панионийского союза). Это привело к скептическому отношению к легендарным повествованиям вплоть до их полного отрицания как совершенно недостоверных или фальсифицированных в политических целях в классический период истории Афин[7]. В итоге начальные периоды истории ионийцев стали рассматриваться преимущественно по археологическим свидетельствам, а это создавало бледную и искаженную картину первых веков ионийской истории[8]. Незавершенность археологического изучения западного побережья Малой Азии и скептическое отношение к традиции сделали возможными суждения об отсутствии преемственности между микенскими и ионийскими поселениями Ионии[9].

Правда, следует отметить, что в изданной в середине 60-х гг. XX в. монографии Г. Хаксли, посвященной политической истории ранней Ионии, были проанализированы как археологические, так и легендарные источники о миграции ионийцев[10]. Однако за 40 лет, прошедших со времени издания этой работы, накопилось много нового археологического материала, еще не нашедшего отражения в специальных работах, посвященных ионийским полисам.

Принимая во внимание все эти особенности историографии, мы намерены заново рассмотреть свидетельства о миграции, как легендарно-исторические, так и археологические, учитывая итоги раскопок ионийских поселений последних десятилетий. При этом мы будем отмечать те черты этого миграционного движения, которые имели значение как для утверждения ионийцев на новых землях, так и для понимания социально-политических особенностей греческих полисов архаической Ионии.

Прежде всего, подчеркнем своеобразие политической обстановки, предшествовавшей приходу ионийских племен в Малую Азию. Поселения ионийцев возникали в ожесточенной борьбе за землю с враждебными анатолийскими племенами карийцев, ликийцев, лидийцев[11]. Как нам представляется, успех ионийцев в этой борьбе предопределялся тем, что ионийские мигранты селились, главным образом, в старых минойских и микенских поселениях (Клазомены, Колофон, Магнесия на Меандре, Милет, Миунт, Самос, Хиос, Эрифры), сохранивших к приходу ионийцев не только ахейское население, но также минойские и ахейские религиозные, культурные и политические институты и традиции[12].

Обоснование ионийцев в междуречье Герма и Меандра заняло не менее столетия. Начало ионийской миграции надежно засвидетельствовано в многочисленных источниках. Прежде всего, это греко-римская и византийская легендарная и хронографическая традиция: труды Гелланика Митиленского (FgrHist I F 125, vs. 24–34), Геродота (I, 145–148), Фукидида (I, 12, 2–3), Эратосфена (Eratosth. apud Clem. Alex., Strom., I, 24, 138), Аполлодора (FgrHist II B F 61=FGH, fr. 73a–74c), Страбона (XIV, 1, 3 p. 632–633),

Павсания (II, 17, 8–9), Евсевия Кессарийского (Chron., I, p. 186 Schone; II, p. 89, 168–176 Karst; VII, 1, p. 55–72 Helm; Praep. Evang., X, 11, 4–5)[13].

Кроме того, начало ионийской миграции эпиграфически отражено в Паросской хронике (I.G., XII, №. 444, ep. 23–27, vs. 38–44), в ионийской лирике (Mimnerm., fr. 12 Diehl[3]) и местных ионийских генеалогиях Гекатея Милетского (Her., II, 143), Геропита (Jeffery, №. 47) и Пифагора (Paus., II, 13, 1–2).

Традиция дает в целом сопоставимые варианты времени и обстоятельств переселения ионийцев в Малую Азию. В трудах греко-римских и византийских авторов, переселение греков-ионийцев в Малую Азию отделяется от Троянской войны[14] отрезком в четыре-пять поколений и связывается с возвращением в Пелопоннес Гераклидов.

Как пишет Павсаний (II, 17, 8–9), ионийцы Ахайи оказались вытесненными ахейцами Арголиды во главе с сыном Ореста Тиссаменом, в свою очередь потесненными из Арголиды Гераклидами. Нелеиды же Пилоса (в том числе Алкмеон, Писистрат и Меланф, ставший впоследствии басилеем Афин) были изгнаны самими Гераклидами. Оба потока направились в Аттику, а спустя два поколения, при сыновьях и внуках афинского басилея Кодра, потомки этих ахейских родов стали участниками переселения греческих племен, называющих себя ионийцами, в Малую Азию.

Хронографическая традиция, отраженная у Гелланика Митиленского, Фукидида, в Паросской хронике, трудах Эратосфена, Аполлодора, Евсевия, позволяет относительно точно определить время переселения ионийцев в Малую Азию.

Ионийский логограф V в. до н.э. Гелланик Митиленский относит ионийскую миграцию к пятому поколению после Троянской войны (FgrHist I F 125, vs. 24–34).

Фукидид также связывает в один хронологический комплекс Троянскую войну, возвращение Гераклидов (на 80-й год после падения Трои) и время заселения афинянами будущих ионийских земель. Это заселение произошло, как он считает, после прекращения насильственных переселений, когда Эллада окончательно успокоилась и стала выводить апойкии (Thuc., I, 12, 2–3).

Следующий по времени хронографический источник, Паросская хроника (I.G., V. XII, fasc. 5. №. 444, ep. 23–27, vs. 38–44), соотносит время Троянской войны и миграцию ионийцев во главе с Нелеем с хронологией правления афинских басилеев. Так, начало Троянского похода датируется тринадцатым годом правления афинского басилея Менесфея, а взятие Трои–двадцать вторым годом его правления, то есть 1209 г. до н.э. Ионийская же миграция приходится на время правления Медонта, сына Кодра и брата Нелея, то есть первую половину XI в. до н.э.[15]

Эратосфен, применив в своих хронологических исследованиях не только счет по поколениям, но и по олимпиадам, поместил взятие Трои за 408 лет до первой олимпиады, в 1184 г. до н.э. Возвращение Гераклидов определяется Эратосфеном так же как и у Фукидида: 80 год после взятия Трои. Заселение Ионии произошло, по Эратосфену, через 60 лет после возвращения Гераклидов, в 1044 г. до н.э. (Eratosth. apud Clem. Alex., Strom., I, 24, 138). Аналогичных хронологических расчетов времени миграции придерживался Аполлодор (FgrHist II B F 61=FGH, fr. 73a–74c).

Что касается Евсевия, то в одном случае в определении времени миграции он следует за Эратосфеном и Аполлодором (Chron., II, p. 89 Karst–1044 г. до н.э.), в других–дает даты весьма близкие их датировкам (Chron., II, p. 176 Karst–1036 г. до н.э.). Евсевий приводит также известные ему датировки других авторов, в которых ионийская миграция происходит в период от 100 до 180 лет после падения Трои (Praep. Evang., X, 11, 4–5)[16].

В целом хронографическая традиция, несмотря на имеющиеся вполне объяснимые расхождения в определении времени миграции и основания отдельных поселений[17], отводит ей в цепи значимых и общепризнанных событий греческой истории определенное место: четыре-пять поколений после Троянской войны, одно-два поколения после возвращения Гераклидов, то есть в границах XI в. до н.э.

Следует заметить, что Евсевий (и отчасти его предшественники) соотносил даты ионийской миграции не только с событиями греческой истории, но и с генеалогиями афинских, аргосских и спартанских царей, а также с египетскими и ближневосточными (ассирийскими, вавилонскими) царскими списками, сопоставляя их в свою очередь с библейской хронологией. В этом контексте ионийская миграция, отнесенная в латинской версии его «Хроники» ко времени основания Карфагена и правления Соломона в Израильско-Иудейском царстве (p. 69 Helm) предстает значимым событием не только греческой, но и всемирной истории.

Сведения хронографической традиции подкрепляются и местными ионийскими генеалогиями. А. А. Молчанов отмечает сохранение в среде потомков ахейской знати во всех регионах греческого мира, в том числе и в Ионии, семейно-генеалогических и сакральных традиций, фиксирующих достоверное прошлое своего рода[18]. Существовала подобная традиция и в Ионии. Так, семья Пифагора, родившегося на Самосе, помнила о своем предке Гиппасе, который возглавил уход из Флиунта на Самос многих ахейцев, не пожелавших подчиниться дорийцам (Paus., II, 13, 1–2)[19]. Геродот рассказывает о генеалогических претензиях знаменитого ионийского историка Гекатея Милетского, сообщившего египетским жрецам, что он происходит от бога в шестнадцатом поколении. (Her., II, 143). Ф. Якоби сопоставляет этот рассказ Геродота с хиосской надгробной надписью некоего Геропита, датируемой началом V в. до н.э. (Jeffery, № 47). В этой надписи генеалогия умершего насчитывает 15 поколений, что, по мнению Ф. Якоби, является указанием на время ионийского переселения[20]. По мнению А. И. Немировского, Гекатей в этом эпизоде предстает не кичливым аристократом, как это обычно принято считать. Напротив, он осознанно указывает на начальную общепринятую дату истории своего народа[21]. Таким образом, генеалогии Гекатея и Геропита предполагают начало ионийской миграции в XI в. до н.э.[22].

Ионийская сакральная традиция также признает относительную древность ионийских поселений. Византийский поэт и схолиаст XII в. И. Цец, рассказывает, как сын афинского басилея Кодра, Нелей, приведший колонистов в Малую Азию, делает запрос о месте будущего поселения, в древнейшем карийском святилище Аполлона в местности Дидимы, находящейся недалеко от Милета (ad Lykophr., 1385–87; Chil., XIII, 100–124). Доионийскую древность святилища Аполлона в Дидимах отмечает и Павсаний (VII, 2, 6)[23].

С традицией миграции вполне согласуются данные археологии ионийских поселений. Общепризнанным свидетельством времени миграции греческих племен, именующих себя ионийцами, на западное побережье Малой Азии, а также на острова Хиос и Самос, являются массовые находки так называемой протогеометрической керамики в местах расположения двенадцати известных ионийских поселений и зависимых от них местных общин. Наиболее ранние образцы этой керамики датируются серединой XI в. до н.э. и рассматриваются в новейшей археологической и исторической литературе как главное доказательство появления в областях будущей Ионии нового этноса[24].

Помимо керамики другим археологическим свидетельством присутствия ионийцев на западном побережье Малой Азии в XI в. до н.э. можно считать следы их культовой деятельности, что нашло параллельное отражение и в ионийской легендарно-исторической традиции[25].

Наиболее выразительным археологическим примером первого ионийского святилища, датируемого временем миграции (XI в. до н.э.), являются найденные в Милете остатки небольшого овального алтаря (диаметром около двух метров), окруженного оградой. Алтарь был расположен над крепостной стеной микенского поселения, разрушенной в конце XII в. до н.э., и одновременно под фундаментом юго-западного угла архаического храма Афины и стеной архаического темена, относящегося к этому храму[26].

Археологи говорят о возможности существования в раннепротогеометрический период других ионийских святилищ, что подтверждают фрагменты субмикенской и ран-

ней протогеометрической керамики, обнаруженные при раскопках доархаических слоев храмов Артемиды в Эфесе[27], Афины в Милете[28], Геры на Самосе[29], а также святилищ Аполлона в милетских Дидимах[30] и колофонском Кларосе[31]. Как сообщает историческая традиция, эти святилища принадлежали племенным богам ионийцев, культы которых были перевезены из различных балканских областей. Нередко они возникали в местах поклонения доионийским ахейским и местным анатолийским богам, что впоследствии приводило к возникновению синкретических культов.

Следует также отметить, что находки субмикенской и ранней протогеометрической керамики при раскопках таких святилищ, как самосский Герайон, святилище Аполлона в Кларосе, святилище Афины в Милете, свидетельствуют не только о времени появления ионийских переселенцев в областях Ионии, но и о непрерывности религиозных традиций в среде ахейского населения восточного и западного побережья Эгеиды[32]. О культовой преемственности и большой древности некоторых ионийских храмов говорят также сохраняющиеся в религиозных традициях ионийцев типы вотивных приношений, характерные для культа данного божества (и перевезенные ионийцами на новую родину), а также почитание в них ксоанов, деревянных статуй божества[33].

Таким образом, религиозная преемственность осуществлялась как в результате перенесения в Ионию некоторых ахейских культов Балканского полуострова, например, Посейдона Геликонского или Деметры Элевсинской, так и продолжением отправления критских, ахейских и местных анатолийских культов в тех ахейских поселениях западной Малой Азии, которые принимали в XII–XI вв. до н.э. новые волны греческих переселенцев под общим именем ионийцев[34].

Что же касается остатков собственно ионийских поселений раннего протогеометрического периода, то археологическая картина XII–XI вв. до н.э. не может быть представлена во всей полноте. Большинство из этих поселений еще не обнаружены или окончательно утрачены в силу различных объективных и субъективных причин[35]. Об этих поселениях повсеместно свидетельствуют лишь скопления протогеометрической керамики, домостроительные же и другие их признаки (погребения, святилища) единичны[36]. Результаты археологических исследований ранних протогеометрических слоев ионийских поселений, относящиеся к началу ионийской миграции (XI–X вв. до н.э.), обобщает следующая таблица[37].

Название поселения	Археологические признаки поселения	Святилища	Некрополи
Клазомены	протогеометрическая керамика, апсидальное строение		несколько погребений
Колофон	протогеометрическая керамика	святилище Аполлона в Кларосе: протогеометрическая керамика, бронзовая фибула	следы кремации в толосе
Лебед	протогеометрическая керамика		
Магнесия на Меандре	протогеометрическая керамика		
Милет	протогеометрическая керамика, овальные строения	святилище Афины: алтарь, темен, субмикенская и протогеометрическая керамика; святилище Аполлона в Дидимах: протогеометрическая керамика.	
Миунт	протогеометрическая керамика		
Приена	протогеометрическая керамика	святилище Посейдона Геликонского: протогеометрическая керамика	
Самос	протогеометрическая керамика	святилище Геры: протогеометрическая керамика	

Название поселения	Археологические признаки поселения	Святилища	Некрополи
Смирна	протогеометрическая керамика, апсидальные овальные и прямоугольные строения		
Теос	протогеометрическая керамика		
Фокея	протогеометрическая керамика		
Хиос	протогеометрическая керамика		погребение
Эрифры	протогеометрическая керамика		
Эфес	протогеометрическая керамика	святилище Артемиды: протогеометрическая керамика	

Таким образом, археология протогеометрических слоев Ионии в сочетании с данными традиции позволяет увидеть признаки тринадцати известных ионийских поселений уже в XI в. до н.э. Археологически они представлены комплексами протогеометрической керамики (все тринадцать поселений), причем, в трех поселениях (Милет, Клазомены и Смирна) сохранились остатки зданий. Эту картину дополняют несколько захоронений (Клазомены, Колофон, Хиос) и следы культовой практики в четырех поселениях (Самос, Колофон, Милет, Эфес).

Необходимо также учитывать и параллельный археологический материал. Археологи считают, что раскопанные греческие некрополи протогеометрического периода в соседней Карии (вблизи современных деревень Мюсгеби, Дирмил и Ассарлик), отличающиеся разнообразным погребальным инвентарем (керамика, оружие, золотые и серебряные украшения), являются типичными для всех греческих поселений западной Анатолии[38].

Возвращаясь к историографическим спорам относительно руководящих центров миграции, заметим, что противопоставление в новейшей историографии афинского варианта миграции пилосскому и остальным неафинским, могло возникнуть в результате рассмотрения всех данных традиции о миграции в едином временном контексте, без учета археологии Малой Азии, которая в начале XX в. делала только первые шаги.

Как нам представляется, настало время сопоставить все имеющиеся свидетельства о миграции, доставляемые археологией, с различными вариантами легендарной традиции, выстроив последние в той последовательности, в которой они упоминаются у античных авторов. Необходимо при этом учитывать особенности отражения исторического прошлого в легендарной и исторической традиции[61].

Покажем возможности подобного сопоставления традиции и археологии на примере Колофона. Согласно легендарному преданию, первоначальным населением Колофона были карийцы, затем на его земли переселились критяне во главе с Ракием, основав здесь свое поселение (Paus.,VII, 3, 1).

После взятия Фив аргосцами в Колофон прибыли фиванцы (среди которых была дочь прорицателя Тиресия, Манто) и поселились совместно с критянами (Ibid., VII, 3, 2). После Троянской войны Колофон вместе с возвращающимися ахейцами посещает прорицатель Калхант. Здесь он состязается в искусстве прорицания с сыном Манто и Ракия, Мопсом (Apoll., Epit., VI, 2–4; Strab., XIV, 1, 27, p. 642).

Затем следует, очевидно, поставить сообщение Страбона, основывающееся на Мимнерме, о переселении в Колофон пилосцев во главе с Андремоном (XIV, 1, 3, p. 633). И, наконец, финальным событием этой легендарной истории заселения Колофона является миграция ионийцев во главе с Кодридами, Дамасихтоном и Прометом (Paus., VII, 3, 3).

Этим легендарным фактам соответствуют археологические аналогии, которые могут быть выстроены в относительно-хронологический ряд. Присутствие критян в областях будущей Ионии (в том числе и Колофоне) засвидетельствовано не только находками минойской керамики, но и поселениями со следами критских культов, а также фрагментами линейного письма А, обнаруженного в Милете[62].

Прибытие в Колофон фиванцев, а затем посещение его ахейцами после завоевания Трои занимает в традиции два поколения. Соотношение этих фактов и временной интервал между ними соответствует приблизительно археологическим датировкам разрушения Фив (конец XIV в. до н.э.) и геродотовой датировке Троянской войны (середина XIII в. до н.э.). О связях с ахейской Грецией, а также, возможно, ахейском поселении в Колофоне свидетельствует и купольная гробница с позднемикенской керамикой[63].

Переселение пилосцев в Колофон, о котором, цитируя Мимнерма, рассказывает Страбон (XIV, 1, 4, p. 644), следует, на наш взгляд, отнести к рубежу XIII–XII вв. до н.э., которым датируется разрушение пилосского дворца. Следующий этап — появление ионийцев во главе с Кодридами, связывается с находками протогеометрической керамики, датируемой XI в. до н.э.

Таким образом, сопоставление литературной традиции и археологических источников показывает, что нет необходимости противопоставлять афинский и пилосский варианты предания о переселении греков в Колофон. Эти переселения происходили в разное время. Причем переселение пилосцев состоялось на 100–150 лет раньше миграции ионийцев, ведомых Кодридами.

В целом, как нам представляется, история заселения критянами и греками западного побережья Малой Азии не сводима только к трем этапам: критскому, микенскому и ионийскому. Вполне вероятно, что между главными вехами этого движения племен Балканской и островной Греции на Восток были периоды переселений отдельных племен или племенных групп.

Что же касается собственно ионийской миграции, то она, несомненно, представляла собой многоэтапный и длительный процесс, начавшийся еще в конце XIII в. до н.э. в связи с миграциями, охватившими Балканы и Ближний Восток. Это многоэтапное и длительное переселение как собственно ионийцев, так и примкнувших к ним племен на западное побережье Малой Азии, в устной и последующей литературной традиции «упростилось» до одной экспедиции — переселения ионийцев, под главенством Кодридов в области будущей Ионии. Подобным же образом длительный и сложный период миграций и вторжений различных индоевропейских племен в Балканскую Грецию XII–XI вв. до н.э. предстает в традиции возвращением Гераклидов в свои родовые земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наиболее полные характеристики начального периода ионийской истории и отдельных институтов ионийских общин в Малой Азии: *Хилинский К. В.* Предания о начале Ионии // ЖМНП. Июль. 1908. Отд. класс. филологии. С. 284–302. *Хогарт Д. Г.* Иония и Восток / Пер. с англ. П. В. Латышева. Спб., 1914; *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Über die ionische Wanderung // Sitzungsberichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenshaften. Sitzung der philosophisch-historischen Klasse vom 18 Januar 1906. Berlin, 1906. S. 59–79=Kleine Schriften. Vol. 1. Berlin, 1937. S. 152–176; P. 1–37; *Bilabel F*. Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920; *Monro J.* Pelasgians and Ionians // JHS. Vol. 54. 1934. P. 109–128; *Hanfmann G*. Ionia Leader or Follower? // HSCPh. Vol. 61. 1953. P. 1–37; *Cassola F*. La Ionia nel mondo miceneo. Napoli, 1957; *Sakellariou M. B.* La migration grecque en Ionie. Athenes, 1958; *Akurgal E*. The Early Period and the Golden Age of Ionia // AJA. Vol. 66. 1962. № 4. P. 369–379; *Luria S.* Kureten, Molpen, Aisymneten // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1963. T. 11. Fasc. 1–2. S. 31–35; *Huxley G. L.* The Early Ionians. L., 1966. P. 15–35; *Cook J. M.* The Greeks in Ionia and the East. N. Y., 1963. P. 23–35; *Idem.* Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor // CAH². 1975. Vol. II. Part. 2. P. 773–796; *Hegyi D.* Das ionische Ethnicum // Homonoia. T. V. Budapest, 1983. P. 15–51.
2. В этих реконструкциях наиболее убедительными (хотя не всегда полными) представляются следующие: *Андреев Ю. В*. 1) Коллапс микенской цивилизации и варварский мир Центральной Европы // *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (Гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 372–386; 2) От Евразии к Европе. СПб, 2002.

С. 667–668, 710–712, 717; *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. Гл. 2. М., 1996; *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 102–122; История древнего Востока. Ч. II. С. 188–196; *Немировский А. А.* 1) Троя после Троянской войны // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. №5. С. 60–74; 2). К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н.э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 6–19; *Немировский А. И.* История древнего мира: Античность. М., 2000. Гл. 6; *Sakellariou M. B.* La migration grecque en Ionie. Partie 3. Athenes, 1958; *Barnett R. D.* The Sea Peoples // CAH. Vol. 2. Part. 2. P. 363–366.

3. Изложение этих концепций: *Desborough V. R. d'A.* History and Archaeology in the Last Century of the Mycenaene Age // Del 1 congresso internazionale di micenologia. Roma, 1967. Vol. XXV. P. 1074–1077. См. также: *Андреев Ю. В.* Коллапс микенской цивилизации… С. 372–386; *Он же.* От Евразии к Европе. С. 645–659. *Колобова К. М.* Греция XI–IX вв. до н.э. Л., 1956. С. 37; *Папазоглу Ф.* К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 36; *Starr Ch.* The origins of Greek Civilization. L., 1962. P. 64–65.
4. *Хилинский К. В.* Ук. соч. С. 284–302; *Ефимов А. Е.* Ионийская миграция по данным античной письменной традиции // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 5–22.
5. См., например: *Кобылина М. М.* Милет М., 1965. С. 15–23; *Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. М., 1984. С. 13–18.
6. *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. С. 667–668, 710–712, 717.
7. В отечественной историографии наиболее отчетливо эта позиция была выражена у Ю. В. Андреева: бессмысленно строить какие-либо предположения о центрах миграции, ее этническом составе, характере и причинах на основе «грубой, схематичной и надуманной» традиции (От Евразии к Европе. С. 710–712). Пример скептического отношения к традиции миграции в западной литературе: *Barron J. P.* Milesian Politics and Athenian Propaganda c. 460–440 B.C. //JHS. Vol. 82. 1962. P. 1–6.
8. *Akurgal E.* The Early Period and the Golden Age of Ionia // AJA. Vol. 66. 1962. № 4. P. 369–379. *Cook J. M.* The Greeks in Ionia and the East. N. Y., 1963. P. 23–35.
9. *Ефимов А. Е.* Ук. соч. С. 5–22.
10. *Huxley G. L.* Op. cit. P. 15–35.
11. См. далее таблицу, систематизирующую сведения о ранней политической истории ионийских поселений.
12. Подробнее о выживании ахейских поселений на западном побережье Малой Азии и сохранении в них минойских и ахейских религиозных и культурных традиций: *Лаптева М. Ю.* 1) Крит и Иония во II тыс. до н.э. (мифологическая традиция и археология) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 11–30; 2) Ахейцы в Ионии // Мнемон. Вып. 4. СПб., 2005. С. 23–50. Относительно минойского и ахейского наследия в Милете по данным археологии: *Gorman V. B.* Miletos: The Ornament of Ionia. University of Michigan Press, 2001. P. 1–31.
13. Фундаментальное исследование богатейшей легендарной традиции по ионийской миграции предпринял в 50-е гг. прошлого века французский исследователь М. В. Сакелляриу (La migration grecque en Ionia. Athenes, 1958). См. список источников по ионийской миграции на с. 10–15 его работы.
14. О традиционной датировке Троянской войны см.: *Немировский А. А.* Датировка Троянской войны…С. 3 слл.; *Sakellariou M. B.* La migration grecque… P. 308–320.
15. См. предлагаемые конъектуры плохо сохранившейся строки 44 Паросского мрамора, содержащей имя Медонта и года его правления, на который приходится основание ионийских поселений: I. G., V. XII, fasc. 5. S. 105. Anm. 44.
16. Подробный анализ расчетов хронографами событий Троянской войны и особенностей используемых ими источников: *Немировский А. А.* Датировка Троянской войны… С. 3–18; *Sakellariou M. B.* Op. cit. P. 311–317.
17. *Немировский А. А.* Датировка Троянской войны… С. 3 слл.

18. *Молчанов А. А*. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н.э. М., 2000. С. 179–192. См. также суждения об историической ценности и особенностях легендарной и генеалогической традиции греческого героического века: *Vansina J.* Oral Tradition. A Study in Historical Methodology. Chicago, 1965. P. 2–18, 141–164, 170–182, 213–215; *Idem.* Oral Tradition as History. Madison, Wisconsin, 1985. P. 198–199; *Finkelberg M.* Greeks and Pre-Greeks. Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition. Cambridge, 2005. P. 1–21, 37–67, 235–237.
19. Пифагор у Павсания называется потомком Гиппаса в четвертом поколении. Вероятно, это ошибка рукописи, и в оригинале было не четвертое, а четырнадцатое. См. об аналогичных ошибках в рукописях Павсания: *Жестоканов С. М.* Фидон Аргосский и Коринф // Мнемон. Вып. 4. СПб, 2005. С. 67.
20. FgrHist. T. I. S. 317.
21. *Немировский А. И*. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 35. См. также: *Молчанов А. А*. Ук. соч. С. 187. Основываясь исключительно на традиционной хронологии миграции, автор считает достоверной датой её начала первую половину XI в. до н.э.
22. Cf.: *Snodgrass A. M*. The Dark Age of Greece. N. Y., 2-d. ed. N. Y., 2000. P. 376–377. Автор считает, что в своих генеалогических расчетах Гекатей и Геропит были остановлены бурным потоком ионийской миграции, но определяет нижнюю границу генеалогических исчислений этих ионийцев X в. до н.э.
23. О древнейшей истории этого оракула: *Parke H. W*. Oracles of Apollo in Asia Minor. L., 1985. P. 1–32; *Fontenrose J. E.* Didima: Apollo's oracle, Cult and Companions. Los Angeles. London, 1988. P. 5–7.
24. *Huxley G. L.* Op. cit. P. 23–25; *Lemos I. S.* The Protogeometric Aegean. The Archaeology of the Late Eleventh and Tens Centuries B.C. Oxf., 2002. P. 22–23, 148–149; 199–200, 210–212; *Snodgrass A. M.* Op. cit. P. 64, 66–68, 90–91, 127, 157–158, 328–329, 373–377; Cf.: *Akurgal E*. The Early Period…P. 369; *Idem*. Ancient Civilizations and Ruins of Turkey. Istanbul, 1990. P. 16–17, 114; *Bean G. E.* Aegean Turkey. An archaeological Guide. L., 1966. P. 20; Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. P. 23; *Idem*. Greek Settlement…P. 785–786; *Desborough V. R. d' A.* Protogeometric Pottery. Oxf., 1952. P. 215–217, 221; *Idem*. The Last Mycenaeans and their successors. Oxf., 1964. P. 254; *Ejusdem*. The Greek Dark Ages. L., 1972. P. 179–180, 184, 279. Завышенные даты ионийской миграции в этих работах (X–IX вв. до н.э.) отражают начальную стадию археологического изучения ионийских поселений после Второй мировой войны. Cf.: *Lemos* I. S. Op. cit. P. 200 (напротив, заниженная дата миграции — конец XIII в. до н.э.).
25. Об основании святилищ ионийцами и их ойкистами в период миграции: Her., I, 148; Strab., IV, 1, 3 p. 633 (культ Посейдона Геликонского на мысе Посидий Милетского полуострова и на Панионийском холме полуострова Микале); Strab., IV, 1, 3 p. 632–633; Etym. Magn. s. v. Δαιτίς (святилище Артемиды в Эфесе), Her., IX, 97 (основание святилища Деметры Элевсинской на полуострове Микале).
26. *Weickert C.* Neue Ausgrabungen in Milet // Neue Deutsche Ausgrabungen im Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient. B., 1959. S. 191.
27. *Lemos I. S*. Op. cit. P. 148. Исследовательница также допускает, что эти фрагменты керамики могли остаться от ионийского поселения протогеометрического периода; *Mitchell St.* Archaeology in Asia Minor 1990–98 // Archaeological Reports for 1998–1999. L., 1999. P. 150.
28. *Weickert* C. Op. cit. S. 191–192 (Abb. 11).
29. *Lemos I. S.* Op. cit. P. 221; *Shipley G. A.* History of Samos. 800–188 B.C. Oxf., 1987. P. 26–28. Cf.: *Snodgrass A. M*. Op. cit. P. 277, 410–412.
30. *Parke H. W*. Op. cit. P. 23.
31. *Mitchell St.* Op. cit. P. 148–149.
32. Об особенностях религиозной практики и способах передачи религиозной традиции в протогеометрический период см.: *Согомонов А. Ю*. Ремесло и святилище в Греции на

исходе «темных веков» (к постановке проблемы) // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987. С. 124–133; *Lemos I. S.* Op. cit. P. 222–223.

33. *Dietrich B.C.* Tradition in Greek Religion. B., N. Y., 1986. C. 43–47, 105 (о ксоанах Геры и терракотовых вотивах в самосском Герайоне).
34. О сохранении в Ионии критских и ахейских культов: *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. Л., 1951. С. 42–43, 249–251; *Лаптева М. Ю.* 1) Крит и Иония…С. 23–30; 2) Ахейцы в Ионии. С. 28; 3) Коллегия куретов в древней Ионии // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2005. С. 5–12; *Laumonier A*. Les Cultes Indigènes en Carie. P., 1958. P. 526, 528; *Luria S.* Kureten, Molpen, Aisymneten // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XI. Budapest, 1963. Fasc. 1–2. S. 31–36.
35. К числу этих причин относятся: изменение береговой линии, затягивание песком и илом или заболоченность некоторых местностей ионийского побережья, разрушение этих поселений сменяющими их архаическими, классическими или римскими городами. Пагубную роль в сохранении древних памятников Ионии сыграли многочисленные войны, происходившие в этом регионе в XIX–XX вв.
36. *Greaves A. M. and Helwing B*. Archaeology in Turkey // AJA. Vol. 105. 2001. № 3. P. 505–506.
37. Составлена по кн.: *Coldstream J. N.* Geometric Greece. L., 1977; *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. N. Y., 2-d. ed. N. Y., 2000; *Lemos I. S.* The Protogeometric Aegean. The Archaeology of the Late Eleventh and Tens Centuries B.C. Oxf., 2002, а также по обзорам археологических открытий за вторую половину XX–начало XXI в., регулярно публикуемым в “Archäeologischer Anzeiger”, “Archaeological Reports”, “American Journal of Archaeology” (статьи А. Гривса, Дж. Кука, Ст. Митчелла, М. Меллинка, Б. и В. Д. Нимайеров, Б. Хелвинг).
38. *Lemos I. S.* Op. cit. P. 182–184; *Snodgrass A. M.* Op. cit. P. 157–158.
39. *Greaves A*. M. Miletos: A History. P. 77, 90; *Desborough V. R. d‘ A*. Protogeometric Pottery. P. 221; *Lemos I. S.* Op. cit. P. 3–4, 148–149, 182–184, 210–212; *Snodgrass A. M.* Op. cit. P. 66–68.
40. *Snodgrass A. M.* Op. cit. P. 158. Подробно об обряде кремации в протогеометрических погребениях Карии (Ассарлик и Дирмил) и о захоронении кремированных останков в микенских толосах пишет И. Лемас. Исследовательница считает этот материал типичным для западной Малой Азии и предполагает наличие таких же кладбищ в районе Милета и Смирны (Op. cit. P. 182–184).
41. *Кобылина М. М*. Милет. С. 48–49; *Weickert C*. Op. cit. S. 190–191, Abb. 9–10. Найденный в этом святилище обломок микенского сосуда с изображением змеи, тотемного животного Афины, наглядно подчеркивает культовую преемственность субмикенского и протогеометрического периодов в истории Милета.
42. См. таблицу политической истории ионийских поселений.
43. О культах, праздниках и календаре ионийцев: *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation. S. 67–75, 80–118 (Милет), 162–173 (Самос), 198–200 (Теос), 211–212 (Колофон), 215 (Хиос), 243 (Фокея). *Nilsson M.* Griechische Feste von religiözer Bedeutung. Leipzig, 1906. S. 478–479 (каталог ионийских праздников); *Graff. F.* Nordionische Kulte. Religionsgeschichte und epigraphische Untersuchungen zu den Kulten von Chios, Erythrai, Klazomenae und Phocaia. Rome, 1985. О племенной организации ионийцев: *Sakellariou M.* Op. cit. P. 19–302 (особенно P. 239–243, 300); *Hegyi D.* Op. cit. P. 30–51.
44. О святилище Посейдона Геликонского и его роли в этнической и политической консолидации ионийцев: *Лаптева М. Ю.* Панионий: амфиктиония, симмахия или этнический союз // Studia Historica. Вып. VI. М., 2006. С. 3–24.
45. *Лурье С. Я.* Язык и культура Микенской Греции. С. 206–207; *Meyer* Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 3. Stuttgart, 1937. S. 398–401; *Munro J.* Op. cit. P. 117; *Wade-Gery H*. The Dorian Invasion // AJA, Vol. 52. 1948. No. 1. P. 115, 117.
46. *Лурье С. Я.* Язык и культура…С. 205–206; *Андреев Ю. В*. От Евразии к Европе С. 712 (там же, прим. 49: новейшая литература по этому вопросу); *Munro J.* Op. cit. P. 116,

118–120; *Barron J*. Milesian Politics and Athenian Propaganda c. 460–440 B.C. // JHS. Vol. 82. 1962. P. 1–6; *Huxley G.* Op. cit. P. 25–26.

47. *Finley M. I.* Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L., 1970. P. 81.
48. *Desborough V. R. d'A.* The Last Mycenaeans… P. 245; *Idem*. The Greek Dark Ages. L., 1972. P. 178–180.
49. *Boardman J.* The Greek Overseas. Baltimor, 1964. P. 27; *Roebuck C.* Ionian Trade and Colonization. N. Y., 1959. P. 26–27.
50. *Desborough V. R. d'A*. The Greek Dark Ages. P. 341; *Snodgrass A. M*. Op. cit. P. 374.
51. *Cook J. M.* Greek Settlement…P. 784–785. Cf.: *Roebuck C.* Ionian Trade…P. 31–32, 39, n. 59 (о ресурсах и техническом уровне Греции XI–IX вв. до н.э.).
52. *Ленцман Я. А.* Рабство в Микенской и Гомеровской Греции. М., 1963. С. 207; *Desborough V. R. d'A.* Protogeometric Pottery. P. 344.
53. *Лурье С. Я.* Язык и культура…С. 208–211, 228–229, 251; *Luria S.* Kureten, Molpen, Aisymneten. S. 31–32.
54. *Snodgrass A. M*. Op. cit. P. 374.
55. *Залюбовина Г. Т*. Культ Посейдона и консолидация ионийского этноса во II — начале I тыс. до н.э. // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 48.
56. Паниасис написал поэму, в которой, как свидетельствует лексикон Свида (s.v. Πανύασις), изложил историю ионийского переселения в Малую Азию.
57. *Snodgrass A. M.* Op. cit. P. 374.
58. Г. Шипли, например, опираясь на данные археологии и традиции определяет продолжительность миграции ионийцев на Самос XI–X вв. до н.э.: *Shipley G. A.* Op. cit. P. 26–27. См. также: *Akurgal E.* The Early Period…P. 369; *Huxley G. L.* Op. cit. P. 23–24.
59. Отмечены только те события, которые относятся к истории поселения и утверждения ионийцев на новых землях. Подробности дальнейшей политической истории ионийских полисов в XI–IX вв. до н.э., содержащиеся в легендарно-исторической традиции, см. в кн.: *Huxley G. L*. Op. cit. P. 47–54.
60. Такую последовательность ойкистов Теоса предлагает Павсаний. В списке ойкистов Теоса у Страбона после Афаманта следует незаконный сын Кодра, Навкл, после него афиняне Апек (Апойк?) и Дамас, а затем беотиец Герес.
61. *Андреев Ю. В*. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990 (Гл. 3 и заключение). Ср.: *Немировский А. А.* 1) Троя после Троянской войны. С. 60, прим. 1; 2) «Троянская дискуссия» в историографической перспективе. С. 14–43; *Vansina J.* Oral Tradition. A Study in Historical Methodology. Chicago, 1965. P. 2–18, 141–164, 170–182, 213–215. *Finkelberg M.* Op. cit. P. 1–21, 37–46.
62. Подробнее: *Niemeier. B. und W.-D.* Milet 1994–1995 // Archäologischer Anzeiger. B., 1997. S. 240–241; *Greaves A. M. and Helwing B*. Archaeology in Turkey //AJA. Vol. 105. 2001. N 3. P. 504–506.
63. Archaeological Reports. L., 1979. P. 64; *Bridges R.* The Mycenaen Tholos Tomb at Kolophon // Hesperia. Vol. 43. 1973. P. 264–266.

M. Yu. Lapteva

MIGRATIONS OF IONIANS IN 12th–11th CC. B.C. IN LIGHT OF TRADITIONS AND ARCHEOLOGY

The article deals with the so called Ionian migration which took place at the end of the Greek Bronze age. Using information about Greek historical and legendary tradition, data of archaeology, the author proves that this movement was prolonged (extending during some generations of the 12th–11th cc. B.C.) and was organized from some centers of the Balkan and island Greece, one of which was Athens, the most powerful one. The author underlines the organization of the Ionian migration at the head of which were sons and grandsons of the Athenian basileus Kodros and which often was sanctioned from such famous religious centers

as Delphi and Didima. The author also marked multinational composition of migrants who realized themselves as Ionians, continuity of the Greek settlements on the earthen shore of Anatolia at the end of the second millennium BC.

© 2007 г.

Л.Л. Селиванова

ДРЕВНИЕ ПИФИЙСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕЛЬФИЙСКИЕ ИГРЫ

Архаическая эпоха была эпохой «общечеловеческого культурного переворота», рождения из агонального духа Древней Греции[1], «греческого чуда», каковому суждено было угаснуть в эллинистическую эпоху[2]. В отличие от людей Востока, древние греки, сознавая трагизм и быстротечность земной жизни, не впадали в уныние, апатию и фатализм. Любя жизнь, они ценили каждый ее миг и понимали ее как героический подвиг, требующий от человека полной самоотдачи. Эта позиция непосредственно была связана с возникновением олимпийской религии. Человек в своей жизни способен на величайшие свершения, он не может избежать лишь смерти[3]. А.И. Зайцев говорил об «относительном оптимизме», в котором видел вторую, после агонального начала[4] причину культурного расцвета Греции[5].

VII–VI вв. до н.э. по праву считаются «золотым веком» греческой агонистики. Этот расцвет совпал с порой наивысшего развития Дельфийского оракула. Именно к этому времени относится исторически зафиксированное устройство панэллинских игр — Пифийских, Истмийских и Немейских. Участвовать в них имели право только свободные мужчины[6] (однако Греции были известны и женские состязания[7]), полноправные граждане, чаще всего зажиточные люди и аристократы, так как ремесленник или земледелец не мог забросить хозяйство, чтобы усиленно тренироваться на протяжении года. Красивое, гармонично развитое тело было отличительным признаком свободного гражданина, а «идеалы греческой аристократии, по Гомеру, очень часто основывались на значении физической доблести»[8]. Греческое общество было первым, известным нам, которое серьезно занималось спортом. Атлеты были знамениты в своих полисах, их чествовали в победных одах. Можно лишь удивляться, что при таком коллективистском менталитете греки совершенно не знали командных состязаний[9]. Священные состязания, проходящие в Дельфах, поддерживали и дополняли пифийский культ — мантику дельфийского оракула.

Когда и как возникли Пифийские игры, какова была первоначальная программа состязаний и как она изменялась, каковы были правила и возрастной ценз соревнующихся, какое значение имела победа в Пифийских играх, в чем была их особенность по сравнению с Олимпийскими и другими панэллинскими агонами, чем отличался античный спорт от современного, а также какое место занимали Пифийские игры в религии и культе дельфийского Аполлона и какова была дальнейшая судьба этих состязаний — эти вопросы будут рассмотрены в настоящей статье.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПИФИЙСКИХ ИГР, ИХ ОРГАНИЗАЦИЯ, ПРОГРАММА, ЭВОЛЮЦИЯ

Официальной датой проведения первых Пифийских игр считается 590 г. до н.э. В этот год длившаяся почти 10 лет Первая священная война[10] закончилась[11] разрушением Крисы и ее гавани Кирры[12] и их присоединением к Дельфам путем посвящения этих земель Аполлону Пифийскому[13]. Главным итогом войны было возникновение Пилей-

ско-Дельфийской амфиктионии, ставшей отныне гарантом независимости дельфийской храмовой общины. После взятия Кирры в Ол. 47,3, в год архонтства Симонида в Афинах и Гилида в Дельфах, члены дельфийской амфиктионии[14], как о том свидетельствует Паросская хроника (Marmor Parium FGrHist 239 A 37–38 = CIG. P. 301. № 2374), устроили на земле Кирры, посвященной Аполлону Пифийскому, праздник с мусическими и гимнастическими состязаниями. Победитель получал ценные призы из военной добычи (ὁ ἀγὼν χρηματίτης ἀπὸ τῶν λαφύρων) — Paus. X. 7.4–8; Pind. Pyth. IV. 66; X. 8.9.

Однако Пифийские игры, равно как и остальные панэллинские состязания, проводились задолго до их официального установления[15]. К тому же списки победителей и участников общегреческих агонов велись не с момента их возникновения, а спустя значительное время. Так, каталог олимпийских победителей был составлен софистом Гиппием из Элиды на рубеже VI–V вв. до н.э., а список победителей на Пифийских агонах — во второй половине IV в. до н.э. Аристотелем и его племянником Каллисфеном[16]. Об этой работе Аристотеля упоминает Плутарх в «Солоне» (XI). Наречие pavlin («снова, опять») в Паросской хронике указывает на традицию, согласно которой Пифийские игры праздновались еще в героическое время (возможно, в VIII в. до н.э.), но были прерваны священной войной. Общепринятая легенда гласит, что Пифийские игры были установлены самим Аполлоном после убийства им дракона, сторожившего в Дельфах древнее прорицалище Геи и Фемиды (H.h. II. 115–196; Callim. Hymn. II. 100–104; Paus. X.6. 6; Ovid. Met. I. 438–451; Ael. Var. hist. III.1; Jamblich. De Pythag. Vit. I. 52; Hygin. Fab. 140). Так как дракон, пораженный стрелами Аполлона, сгнил в этом месте (πύθεσθαι — «гнить»[17]), то Дельфы, названные вначале по имени сына Аполлона Дельфа (Paus. X.6. 3), получили свое второе название — Пифон (Paus. X. 6. 6; Strabo. IX. 4. 5)[18]. После убийства дракона Пифона[19] Аполлон обрек себя на 9-летнее изгнание и удалился в Темпейскую долину. Очистил Аполлона от крови змея критянин Карманор, после чего Аполлон вернулся в Дельфы, увенчав голову темпейским лавром и с веткой лавра в руке, и завладел оракулом (Paus. X.7. 2; Apollod. I. 4.1; Ael. Var. hist. III.1; Senec. Trag. Hercul. Oet. 92–93). Аристотель в «Пеплосе», объединив легенду и историю, говорит об установлении Пифийских игр амфиктионами из-за убийства Пифона (FHG II Mьller. Fr. 282. P.189–190). Почти то же сообщает и Иоанн Антиохийский: игры были учреждены дельфийцами в честь победы над драконом или древним героем Дельфином (FHG IV. P.539). Так или иначе перед нами типичное поминальное состязание, тризна (ἀγὼν ἐπιτάφιος), описанная еще Гомером в связи с похоронами Патрокла (Il. XXIII).

Менее известное сказание приписывает устройство Пифийских игр Диомеду, который посвятил их Аполлону по возвращении из Илиона (Paus. II. 32.2). С этой версией хронологически увязывается драгоценное свидетельство христианского писателя IV века Августина, который сообщает, что Аполлону Дельфийскому были устроены музыкальные состязания (ludi musici), дабы унять его гнев, ибо земли Греции были поражены бесплодием за то, что не был защищен храм бога от напавшего на эти земли и сжегшего храм Даная. Оракул Аполлона повелел устроить эти игры (August. De civ. Dei. XVIII.12). Причем Августин указывает время учреждения Пифийских игр — от исхода Израиля из Египта до смерти Иисуса Навина (“ab exitu Israel ex Aegypto usque ad Iesu Nave obitum”). Интересно, что примерно к этому же времени относит Иоанн Антиохийский состязания Аполлона с Марсием — в период правления еврейских судей (Ἐν τοις χρόνοις τῶν Ἰουδαίων Κριτῶν) во второй книге своей «Исторической хроники» (FHG IV. P. 539). Неожиданное подтверждение этим свидетельствам дали археологические раскопки 1970-х годов, проведенные Немецким археологическим институтом под руководством Р. Фельша и Х.Киназа. В Фокиде, близ местечка Калаподи был обнаружен храм Аполлона и Артемиды Элафеболии, непрерывно существовавший с середины XIII в. до н.э. до конца классического периода[20]. Таким образом, можно с достаточным основанием предполагать существование Пифийских игр уже в древности.

В древнейшее время, вплоть до 582 г. до н.э. (Вторая пифиада)[21], праздник отмечался эннаэтерически — каждые 8 лет (Censor. De die nat. 18; Plut. Quest. Gr. 12; Ael. Var.

Hist. III. 1), по легенде, в память о добровольном уходе Аполлона после убийства Пифона. В Греции многие великие праздники отмечались с таким интервалом времени[22] (Censor. De die nat. 18). Создание эннаэтериды приписывается Солону (Plut. Solon. XXV), который, чтобы подогнать гражданский лунный календарь к солнечному году, сделал 3, 5 и 8-ой год цикла эмболисмическими[23]. (Предположение о том, что реформа календаря была проведена в Дельфах в VIII в. до н.э.,[24] нельзя ни доказать, ни опровергнуть[25]).

Первоначально управление играми находилось в руках дельфийских жрецов, которые награждали победителей венками из «любой древесной ветви»[26]. Поскольку, согласно Овидию, лавра еще не было, победитель мог получать и дубовые листья (Ovid. Met. I. 448–451). Самым древним и единственным видом состязаний в Дельфах было пение пеана (παιᾶν) в честь бога[27] под аккомпанемент кифары (Strabo. X.4.10; Philostr. Apoll. VIII. 18). Первым в состязаниях кифаредов[28] одержал победу Хрисофемис, отец которого Карманор очистил Аполлона от скверны убийства. После Крисейской войны агонотесия в пифийских играх переходит к амфиктионам, таким образом, дельфийские амфиктионы были также и эпимелетами[29] агона[30]. В их функции входили организация игр (постановка программы торжества), руководство (назначение или утверждение служителей торжеств и т.д.), судейство, управление финансовыми делами (утверждение сметы расходов). Амфиктионы кроме того охраняли посвященную богу землю, управляли ей как собственностью бога, занимались финансовыми вопросами дельфийского храма (в том числе ведали сбором налогов) и вели активное строительство[31]. Кроме руководителей состязаний, обладающих рядом привилегий (почетные места на играх, ношение длинного торжественного одеяния с пурпурной каймой и специального посоха[32]), были также и непосредственные распорядители и судьи состязаний βραβεῖς, которые выносили решение о победе и вручали призы[33] (βραβεις ἄθλων). Порядок и дисциплину на состязаниях поддерживали биченосцы — mastigofovroi[34].

По окончании Крисейской войны к мусическому агону амфиктионы присоединили гимнастические и конные состязания (ἀγὼν γυμνικὸς καὶ ὑππικός) — CIG. II. P.301. № 2374, а к состязаниям кифаредов добавляют игру на флейте и пение под ее аккомпанемент (αὐλῳδίας ἀγώνισμα καὶ αὐλῶν) пифийского нома (Paus. X.7. 2; Strabo. X. 4.10).

Но уже со второй пифиады в Ол. 49,3 (582 г. до н.э.) игры реорганизуются. В 582–581 г. до н.э., в год архонства Дамасия Второго в Афинах и Диодора в Дельфах, было снова устроено празднество. Восьмилетний цикл был изменен на четырехлетний (πεντετηρίς – пентетэрида)[35], и игры стали отмечаться в третий год Олимпиады[36]. Было решено, что праздник должен проходить несколько дней, а победитель вместо прежних ценных призов (ὁ ἀγὼν χρηματίτης) получит, как это было в древности, венок (Paus. X. 7. 5) из священного лавра Аполлона[37] (δάφνης στέφανος) — Marmor. Par. CIG. II. P. 301. № 2374: ἐν Δελφοῖς στεφανίτης ἀγὼν πάλιν ἐτέθε («в Дельфах было установлено состязание, в котором победителя награждали венком»). Во вторую пифиаду изменения коснулись и мусических состязаний: было отменено пение под флейту. Амфиктионы осудили авлодию как производящую неприятное впечатление из-за мрачности и скорби песен: σκυτρωπότατα καὶ ἐλεγεῖα [θρῆνοι] (Paus. X.7. 7)[38]. В атлетических состязаниях были прибавлены конские бега (Paus. X. 7. 6). В дальнейшем программа расширялась. В 8-ую пифиаду была введена игра на кифаре без пения. В 23-ю прибавлен бег гоплитов (ὁπλίτης δρόμος). В 48-ую — скачки на колесницах, запряженных парой коней (συνωρίδος δρόμος). Еще через пять пифиад установили скачки на жеребятах (πώλους ὑπὸ ἅρματι), в 1-ую введен панкратий для мальчиков и скачки на колесницах парой (συνωρίδος πώλων) и на одном жеребце (πώλως). В 63-ю пифиаду установили скачки для жеребят в одиночку (δρόμος πώλω) и в 69-ую — для жеребят в парной упряжке (συνωρὶς πωλικῇ) — Paus. X. 7. 5–8.

Когда приближалось время празднования Пифийских игр, жрецы Аполлона объявляли всем грекам о священном перемирии (ἐκεχειρία)[39] и рассылали гонцов (феоров) в разные города с приглашением на праздник. Чтобы успеть выполнить это поручение,

феоры отправлялись в путь за полгода до начала игр. Экехейрия вступала в силу с момента объявления (ἐπαγγελία). Период перемирия, гарантирующий проведение и посещение празднества, длился для Пифий целый год[40]. Он обеспечивал прибытие и отъезд атлетов, гостей и зрителей, которые находились под защитой Аполлона. Защита распространялась особенно и на тех, кто пересекал враждующие государства[41]. Этого времени было вполне достаточно, чтобы в безопасности добраться до Дельф из самых отдаленных уголков Средиземного моря и после праздника спокойно вернуться домой. А так как Пифии совпадали с проведением Панафиней, то священное перемирие распространялось и на афинский праздник.

Накануне игр дельфийцы посылали священное посольство, состоящее из юношей благородного происхождения, в Темпейскую долину. Посольство шло по Пифийской дороге[42], причем всюду ему оказывали почести не меньшие, чем гиперборейцам, следующим с жертвенными дарами (Ael. V.h. III. 1). В Темпейской долине мальчик благородного происхождения, имеющий в живых обоих родителей[43], золотым ножом срезал ветви со священного лавра Аполлона[44]. Венками из этого лавра награждались пифионики — победители на Пифийских состязаний (Suid. s.v. Πυθιονίκης; Paus. X. 7. 8; VIII. 48. 2.). Победителю к тому же полагалось давать в правую руку ветвь финиковой пальмы (Paus. VIII. 48. 2; Plut. Quaest. conv. VIII. 724 a-b). Есть основания думать, что в качестве награды победителю использовались и яблоки[45]. По крайней мере, древнейшая статуя олимпионика и пифионика, знаменитого Милона Кротонского[46], представляющая собой тип архаического куроса[47] и подробно описанная Филостратом (Philostr. Vit. Apoll. IV. 28), изображает Милона с яблоком в руке. Кулачный боец первой половины V в. до н.э. тоже изображен с яблоком и еловой шишкой, что, по мнению Л.Моретти, указывает на его победы в Истмиях (где давалась еловая шишка) и Пифиях[48]. Во всяком случае, известно, что яблоки использовали в качестве приза в императорское время. Не будучи символом Аполлона, эти фрукты оказались связанными с его культом из-за местной легенды, по которой парнасские нимфы преподнесли Аполлону яблоки после его победы над Пифоном[49].

Пифийский праздник начинался во второй месяц дельфийского календаря — Букатий (CIG. № 1688), который соответствовал второму месяцу аттического календаря Метагейтниону (август-сентябрь)[50]. Спорным остается вопрос о том, в какой день месяца начинались Великие Пифии. Август Моммзен полагает, что вечером 7-го числа, исходя из того, что семь — священное число[51], в этот день родился Аполлон (Hes. Opera. 771; Diog. Laert. III. 2; Plut. (Plut. Quaest. conv. VIII. 717 d-e). Однако этот аргумент все-таки сомнителен. В аттическом календаре[52], имеющем много сходства с дельфийским, Аполлону посвящено первое и седьмое число месяца, да и в спартанском календаре ежемесячными праздниками помимо новолуния были 1 и 7 дни, посвященные Аполлону. Если Септерий (Σεπτήριον — «Почитание» в честь Аполлона) — праздник, на котором после жертвоприношения трех быков разыгрывалось мимическое представление мифа об убийстве дракона (Plut. Quaest. Gr. 12), является частью Великих Пифий (а типологически[53] это, бесспорно, так), то они начинались не 7-го, а 6-го Букатия. А 7-го торжественная процессия (πομπή) из жрецов в богатых одеждах, послов и участников состязаний из всех городов, неся дары святилищу, двигалась от стои афинян к храму Аполлона, где приносилась вторая жертва на алтаре — гекатомба. На третий день (8-го Букатия) устраивался пир, на котором поедалось мясо принесенных в жертву животных. На четвертый день (9 Букатия) проходили мусические состязания в театре[54]. Исполнялся пеан Аполлону на кифаре, игра на кифаре и на флейте, ставились комические и трагические хоры. На пятый день (10-го Букатия) начинались атлетические состязания: δόλιχος (надо было пробежать 24 круга стадиона), στάδιον-стадий (178, 35 м), δίαυλος (двойной стадий), pevntaqlon-пентатл (пятиборье, включающее в себя бег, прыжки, борьбу, метание диска и метание копья), борьба (παλή), кулачный бой (πυγμή), πανκράτιον-панкратий (комбинация борьбы и кулачного боя) и в конце — состязания гоплитов. На 6-ой день (11-го Букатия) проходили соревнования колесниц на Крисей-

ской равнине[55]. Они включали скачки лошадей, ристания колесниц, скачки на четырех и на двух конях[56]. Характерно, что в такой широкой программе атлетическим состязаниям отводился всего один день.

Атлетические и иппические состязания в Дельфах не были оригинальными: они повторяли программу Олимпийских игр. Древнейшим и главным агоном здесь был музыкальный. Отсутствующий в других панэллинских состязаниях, он оставался постоянным на протяжении всей истории Пифийских игр: ведь Аполлон, как бог катарсиса, был и Мусагетом. Поэзия и музыка в культе этого бога занимали очень важное место. Первоначально в Дельфах в честь Аполлона кифародами исполнялся пеан, его Пиндар считал главной жертвой богу. После Крисейской войны были добавлены состязания флейтистов и кифаристов без пения, которые должны были играть так называемый пифийский ном, известный в описаниях Поллукса, Страбона и схолиаста к Пиндару. Суда называет номом кифародическую песнь, настроенную на определенную гармонию и лад[57]. Изобретение пифийского нома приписывается Сакаду Аргосскому (VII в. до н.э.)[58], а Терпандр[59] составил семь напевов нома (Suid. s.v. Νόμος). В этом произведении в пяти частях изображалось сражение Аполлона с Пифоном. Поллукс подробно описывает древнейшую форму нома (Pollux. Onom. 4. 84). Первая часть называлась pei`ra (проба, попытка), в ней бог обозревает будущее поле битвы. В следующей — κατακελεύσμος – Аполлон вызывает дракона на поединок. В ἰαμβικόν бог сражается с драконом и ранит его, звуки трубы и флейты передают скрежет зубов дракона, пораженного стрелами солнечного божества. Σπονδεῖον представляет победу Аполлона, и в καταχορεύσις бог празднует свою победу танцем. Страбон рассказывает о мелодии (Strabo. IX. 10), исполнявшейся в его время (или во время Эфора, которому он следует) так: вступление называлось анакруса, начало борьбы — ампейра, сама борьба — катакелевсмос, триумфальная песнь — ямб и дактиль, наконец, издыхание чудовища — сиринга, так как играющие подражали шипению издыхающего дракона.

Аполлон Пифийский тесно связан с агонистикой. Как и повсюду в Греции, Аполлон — бог цветущей юности и палестры, которую создал вместе с Гермесом[60]. Не случайно Плутарх, бывший жрецом Аполлона в Дельфах[61] и эпимелетом амфиктионии (Plut. De Ei ap. Delph. 397 E; idem: De Pyth. or. 409 C), говорит, что «вместе с Дельфами цветет юность, набирает сил Пилея» (Plut. De Pyth. or. 409 A). Киник Эномай Гадарский высказался еще определеннее: Аполлону надо было родиться учителем гимнастики, «чтобы дельфийское прорицалище было одновременно и гимнасием, ибо не были чужды Пифийским играм пифийские гимнасии» (Евсевий. Пригот. к Еванг. V. 34. С. 230 слл.). Сам Аполлон был первым олимпиоником, победив в беге Гермеса, а в кулачном бою Ареса, по поводу чего, как сообщает Павсаний, была введена игра на пифийских флейтах во время прыжков для борющихся в пентатле, так как «флейта посвящена Аполлону»[62] (Paus. V.7. 10). Как богу кулачного боя ему поклонялись в Дельфах. Аполлон был и первым пифиоником. При этом культу Аполлона была чужда варварская жестокость рингов, чему мы находим множество примеров в источниках[63]. Выбить зубы, вырвать внутренности противника, задушить, искалечить или забить насмерть соперника вовсе не считалось нарушением правил (Ael. V.h. X. 19; Paus. VIII. 40. 1–2, 5; VI. 9. 6; II. 20. 1). А излюбленным приемом в панкратии, объединявшем борьбу и бокс, был удар ногой в желудок[64]. Становится понятным, почему Ксенофан Колофонский (Афин. X. 413) называл панкратий «состязаньем ужасным». Таких примеров мы не находим в источниках для Пифийских игр.

Чужды были культу Аполлона Пифийского и изматывающие тренировки (в Элиде 30 дней и, кроме того, ежедневные десятимесячные тренировки перед Олимпийскими играми — Paus. V. 24. 10; VI. 23. 1) и чрезмерные спортивные нагрузки[65], что особенно тяжело отражалось на детском организме. Ведь в Олимпийских и Пифийских играх существовали только две возрастные группы παῖδες (мальчики) и ἄνδρες (мужи) без промежуточной ἀγένειοι (безбородые, юноши). В Олимпии возрастные границы παῖδες были относительно высокими — 17–20 лет[66]. Но на практике судьи обращали внимание

не только на возраст, но и на физические данные и мастерство (Paus. VI. 23. 2). Однако порядок состязаний в Олимпии был такой, что сначала выступали παῖδες, а затем ἄνδρες. Это значит, что победители в младшей возрастной группе должны были потом еще бороться с взрослыми. А на остальных панэллинских играх еще и с юношами. Так, Артемидор из Тралл, будучи в возрасте παῖς, в один день одолел в панкратии мальчиков, юношей и мужей. Причем со старшей возрастной группой вступил в борьбу по совету своего тренера (Paus. VI. 14.3–4). Кулачный боец Архипп из Митилены в двадцать лет был периодоником (то есть победителем на всех четырех панэллинских состязаниях[67]), борясь к тому же с взрослыми (Pais. VI. 15.1). Показательна судьба Никосила с Родоса. Ему было восемнадцать лет, и гелланодики не разрешили ему бороться в числе мальчиков. Поэтому он боролся с взрослыми и победил. Потом он был победителем в Немее и на Истме. А в двадцать лет умер, не успев вернуться домой на Родос (Paus. VI. 14. 2).

Здравомыслящие люди того времени и, прежде всего, философы крайне отрицательно относились к чрезмерным нагрузкам на молодой растущий организм. Аристотель, специально занимавшийся этими вопросами, говорил, что в списках олимпийских победителей крайне редко встретишь людей, победивших в бытность их детьми, а затем взрослыми. «Это объясняется тем», — отмечает он, — «что молодые люди от постоянных непосильных упражнений теряют свои силы» (Arist. Polit. VIII. 4, 1339 a). Он критиковал тренеров, которые, стремясь выработать атлетическое телосложение, калечат фигуру детей и мешают их естественному росту (Ibid. VIII. 3, 1338 a). На необходимость гармонического развития указывал Платон (Resp. III. 410 b-d), хотя с сожалением заметил, что «в природе плотная кость и обильная плоть никак не могут ужиться с тонким и отчетливым ощущением». (Plato. Tim. 75 b).

Иной порядок состязания был в Дельфах. Там вначале в соревнование вступали взрослые в каждом виде состязаний, затем уже дети[68]. Благодаря этому мальчики могли отдыхать и к тому же имели шанс на победу, соревнуясь с уже уставшими мужами. Щадящее отношение к детскому организму — отличительная черта Пифийских игр. Победа как силовое превосходство определенно не была в Дельфах самоцелью. Судя по надписи некоего Николадаса из Коринфа (V в. до н.э.)[69], победа в Пифийских играх была столь престижной (и не только для Николадаса), что перевешивала все остальные победы в других играх[70]. А Диоген, признавая, что философствовать ему приписано самим Аполлоном Пифийским (Юлиан. Речи. VI), воспитывал детей своего хозяина Ксениада, не позволяя тренеру делать из них атлетов. Он заботился лишь о том, чтобы лица юношей покрывал румянец и были крепки их тела. При этом сочетал такое воспитание с гуманитарным образованием (Сенека. Письма к Луцилию. LXXXVI). Считающийся сыном Аполлона или даже самим Аполлоном Гиперборейским Пифагор (Porphyr. Vit. Pyth. 2; Diog. Laert. VIII. 1, 11) тренировал не «олимпийских надежд», а как бы теперь сказали, «неперспективных детей». С помощью мясной диеты[71] (а раньше атлеты питались лишь сыром и смоквами) он привел своего слабого ученика самосца Евримена к Олимпийской победе (Porphyr. Vit. Pyth. 15; Diog. Laert. VIII. 1. 12–13). Однако при этом он советовал Евримену бороться, но не побеждать, ибо человек должен принимать на себя труд, но не навлекать, побеждая, зависти: ведь и увенчанные победители небезупречны (Porphyr. Vit. Pyth. 15). В этих словах выражена сущность Пифийских игр, их принципиально гуманный характер. Сам Пифагор, по свидетельству Аристоксена, большую часть этических положений взял у дельфийской жрицы Фемистоклеи[72] (Diog. Laert. VIII. 1, 8: FHG II. P.272. Fr. 2).

Серьезная забота пифагорейцев о физическом воспитании принесла свои плоды: Кротон и Тарент, где были влиятельные секты пифагорейцев, дали самое большое количество олимпиоников[73] (была даже поговорка, что «последний из кротонцев был первым из остальных греков» — Strabo. VI. 1.12). А в доме знаменитого атлета Милона (единственного шестикратного периодоника) собирались друзья Пифагора[74] (Porphyr. Vit. Pyth. 55; FHG. II. P. 274–275. Fr. 11).

Священные игры в Дельфах проходили под эгидой Аполлона, покровителя молодости и агонистики. «Ведь Аполлон, любитель состязаться и побеждать, и сам состязался в игре на кифаре, в пении, в метании диска… и в кулачном бое». Греки верили, что «бог, дающий нам здоровье, посылает также и умение для гимнастических состязаний», от Аполлона «исходит важнейшая сила, приносящая победу» (Plut. Quaest. conv. VIII. 724 b-c). При этом у бога имелась и своя «узкая специализация»: он патронировал бегунов и кулачных бойцов. И хотя главным оружием Аполлона-стреловержца был лук, сам бог был непревзойденным стрелком и покровителем лучников, а стрельба из лука подробно описана в эпосе[75] и мифологии, этот вид состязания, весьма распространенный в древнейшие времена, не входил в программу панэллинских игр. По мнению Ю.В.Шанина, причиной этого стала все возрастающая аристократизация агонов в классическую эпоху, лук же никак не мог быть отнесен к «рыцарским» видам оружия. Состязания лучников снова обрели право спортивного гражданства уже в Северном Причерноморье как под влиянием местного скифского элемента, так и в силу военной необходимости[76]. Аполлон и зритель: древний храм его (который был старше даже святилища Аполлона Пифийского на Самосе), находившийся в Трезене, был назван храмом Аполлона Теария (Зрителя) — Paus. II. 31. 5. Кроме того, Аполлон был и спортивным судьей: когда афиняне с большим пренебрежением отказались платить штраф за подкуп и не явились на Олимпийские игры, Аполлон пригрозил, что ни в чем не будет давать им вещаний, покуда они не заплатят элейцам штраф (Paus. V. 21. 6). За несправедливое лишение героя бегуна Эбота, победителя в Олимпии, почестей Аполлон дал оракул: ни один из ахеян не одержит победы в Олимпии ((Paus.VII. 17. 3). Умершего кулачного бойца Клеомеда из Астипалеи бог сделал героем[77], а героя Феагена и вовсе богом, статуя которого к тому же стала врачевать болезни[78]. Интересна здесь функция Аполлона как верховного судьи в панэллинских состязаниях. Вообще в своей солярной ипостаси (а в Дельфах она исконная) Аполлон олицетворяет космический закон, и, как и боги Солнца во всех религиях, он — всевидящий судия, недреманное око[79]. Им постоянно клянутся и герои Аристофана, и в речах ораторов IV в. до н. э. В речи Лисия «Против Феомнеста» (X. 17) приводится закон Солона, где ответчик, представив поручителей, клянется Аполлоном. Пожалуй, нигде так точно не выражена судейская функция Аполлона, как в том образе, в котором он появляется в храме Зевса в Олимпии (471–457 гг. до н.э.)[80]. Скульптурное оформление храма посвящено агональной тематике (Paus. V. 10. 6–9): на западном фронтоне изображена битва лапифов с кентаврами, на восточном — сцена подготовки к состязанию Пелопса и Эномая. На метопах храма показаны подвиги Геракла, основателя Олимпийских игр и образца для всех греческих атлетов. Восточный фронтон представляет Зевса в образе судьи, поворотом головы выражающего благоволение к Пелопсу. В центре западного, возвышаясь над остальными фигурами, выступает сын Зевса Аполлон, так же усмиряющий стихию хаоса и упорядочивающий космос. Бог изображен анфас, развевающиеся одежды позади обнаженного тела откинуты рукой, правая рука царственным жестом следует за поворотом головы. Левая рука (сохранилась в обломках) первоначально держала лук со стрелой. «Величием светится его лицо, повелевающее одним лишь взглядом огромных глаз; в сильных и благородных губах сквозит, однако, тонкое, почти меланхолическое чувство обладания высшим знанием»[81]. Художнику удалось с потрясающей выразительностью передать атмосферу величественности, когда среди столпотворения внезапно возникает бог, одним мановением руки наводящий порядок[82]. Будучи, помимо того, богом атлетических состязаний, Аполлон является также и их судьей. «Аполлон требует честной борьбы, что можно отнести как к спортивному агону, так и к соперничеству греческих государств, которые должны были уважать принятые нормы»[83]. В.Рашке обращает внимание на жест правой руки Аполлона, давно уже представляющий интерес для историков искусства. Сравнение с многочисленными атлетическими сценами в вазописи приводит Рашке к справедливому выводу, что это жест тренера или судьи, который инструктирует или наказывает атлета[84].

Вначале поединки представляли собой честные любительские состязания представи-

телей аристократии, возводящих свой род к богам и героям (Главк из Каристы, Клеомед из Асткпалеи, Евфим — сын бога реки Кекина, Феаген с Фасоса — сын Геракла и прочие). Причем греки не отдавали предпочтения какому-либо одному виду состязания, будучи в архаический период универсальными атлетами. Кулачный боец Эпей в Илиаде не вызывает симпатий у автора. Эпей горд лишь своим сокрушительным ударом. Ахейцы его недолюбливают: он мощный кулачный боец, но не лучший воин. Эпей противопоставлен универсальным атлетам Одиссею, Ахиллу, Нестору (Il. XXIII. 664–669, 839–840). Тем не менее, он, согласно благородному обычаю, поднимает нокаутированного противника (Il. XXIII. 695). Подражатель Гомера Квинт Смирнейский доводит этот рыцарский жест до поцелуя (IV. 375 sqq.).

Постепенно, однако, начинает преобладать узкая специализация, и в состязания проникают элементы профессионализма. Гардинер отмечает, что с конца V в. до н.э. слово ἀθλητής (атлет) приобретает значение «профессионал» и противопоставляется ἰδιώτης (любителю)[85]. Раньше победа в Олимпии давала только масличный венок, но она, равно как и смерть в Олимпии, занимала высшее место в шкале ценностей наравне со славой умереть за свой полис (отражение аристократического принципа калокагатии). Теперь же, с появлением профессионалов, победа в состязаниях становится выгодной материально[86].

Очень показательно, что первыми статуями, воздвигнутыми в Олимпии в честь атлетов, были статуи кулачных бойцов (Paus. VI. 18. 7) — в 59-ю Олимпиаду. Также первыми занами[87] (медные изображения Зевса, сделанные на деньги оштрафованных атлетов, нарушивших правила) в Олимпии были шесть скульптур, поставленных кулачными бойцами, обвиненными в подкупе соперников (Paus. V. 21. 2–4)[88]. Взяточничество, убийства, выступление за деньги становятся обычным явлением. Сравним, например, отношение к победе знаменитого кулачного бойца периодоника Диагора Родосского (сер. V в. до н.э.)[89], у которого вся семья — братья, дети и внуки были олимпиониками, а дочь даже стала тренером собственного сына (Paus. VI. 7. 1–5; V. 6. 8). Когда два его сына, победившие в Олимпии, на руках пронесли осыпаемого цветами отца через все восхищенное собрание, некий спартанец сказал ему: «Умри теперь, Диагор, раз ты не можешь взойти на Олимп». Растроганный Диагор на виду у всех испустил дух (Plut. Pelop. 34). Это воплощение арете (доблести, совершенства)[90], которая не является свойством характера и не достигается путем длительных тренировок. Ἀρετή — это божественный дар, передаваемый по наследству от предков к потомкам, она неизменна и вечна, победитель — только носитель доблести[91]. На другой стороне — поведение кулачного бойца из Александрии Аполлония, которого судьи осудили за то, что он, опоздавший на игры и не допущенный к состязаниям, оправдывался уважительными причинами, а на деле подрабатывал на Кикладских островах на выступлениях. Поэтому противник его получил венок без боя. Оскорбленный Аполлоний надел ремни и бросился избивать соперника, хотя тот уже находился под защитой гелланодиков (Paus. V. 21. 12–14).

Первым профессиональным кулачным бойцом П.Картледж называет периодоника Феагена[92], стяжавшего за свою жизнь 1400 венков[93]. Его не менее знаменитый современник Клеомед из Астипалеи на Олимпийских играх в 492 г. до н.э. убил соперника Икка из Эпидавра и, так как бился не по правилам, был лишен победного венка. Его самолюбию был нанесен такой удар, что он сошел с ума. Вернувшись домой, он зашел в школу во время занятий н ударом кулака свалил колонну, поддерживающую потолок. Все 60 детей погибли, а Клеомед бежал в храм Афины, где и исчез чудесным образом, став героем (Paus. VI. 9. 6–8).

Появление профессионализма не отразилось сколько-нибудь значительно на правилах πυγμή. Но присущая профессиональному спорту ставка на победу любой ценой не могла не повлечь за собой изменений в экипировке в сторону ее утяжеления и ужесточения. К чести греков, однако, следует заметить, что пришли они к этому довольно поздно. И это свидетельство гуманизма (в той мере, в какой это понятие применимо к той эпохе) греков [94], в то время как их соседи в Иллирии и верхней Италии по крайней мере уже с

800 г. до н.э., подобно древним вавилонянам, боксировали с гантелями в обеих руках[95]. С упразднением в 393 г. Олимпийских игр иссякли физические упражнения и вместе с ними — πυγμή. Кулачный бой как вид спортивного состязания был возрожден в Англии в XVI–XVII вв. В 1743 г. англичанин Джек Бротон установил первые правила бокса, в специальных мягких перчатках. Правила во многом соответствовали античным. Как и πυγμή, бокс, пока оставался любительским, был честным состязанием в силе и ловкости. Известное выражение, появившееся в Англии в связи с возрождением бокса, «вести себя спортивно», значило быть честным, вести себя по-джентльменски. С включением бокса в 1904 г. в программу Олимпийских игр началась его профессионализация, которая привела к его вырождению. Яркое свидетельство тому — скандально известный поединок за звание чемпиона мира между Э.Холифилдом и М.Тайсоном. История бокса повторила историю πυγμή[96]. Примерно с IV в. до н.э. Олимпийские игры пошли по пути развития профессионального спорта, и Пьер де Кубертен принял эту эстафету[97].

По мнению Вадима Михайлина, «возрождающий Олимпийские игры» барон де Кубертен, «прививал оливу к груше: и привил», «кубертенов клон ничуть не схож с оригиналом»[98]. Это не совсем так, если иметь в виду конечный результат (тем более что клон есть точная *внешняя* копия оригинала). Бесспорно, барон был настоящим романтиком и подвижником, принеся в жертву олимпизму свои здоровье, состояние (умер в нищете), семью, личную жизнь, он искренне верил в аутентичность собственных идей античным. В олимпийской декларации черным по белому было прописано, что «к соревнованиям не допускаются те, кто профессионально занимается спортом, и те, кто получал в прошлом и получает теперь денежные вознаграждения за занятия спортом. Именно поэтому на международных Олимпийских играх никогда нельзя назначать денежные призы, а можно вручать только почетные награды». Однако необходимо помнить, что этические и эстетические взгляды древних греков весьма существенно отличались от современных. Главным отличием античных игр были их сакральный характер[99], поскольку состязания являлись неотъемлемой часть культа[100], а также неразрывно связанные с ними чисто греческие представления о гармонии, чести, доблести[101] (ἀρετή) и *калокагатии*[102]. «Спортивные состязания проводились не ради рекордов как таковых, которые сводились в таблицы, демонстрирующие их рост…Тот, кто одерживал победу в соревновании,.. рассматривался как приблизившийся… к божественному, он как бы прорывал свою человеческую оболочку и обретал некий божественный ореол… Вот почему… победитель… должен был обладать, кроме собственно высоких физических данных, тренированности мышц, еще и высокими нравственными качествами; человек злой, несправедливый, подлый… в принципе не мог добиться победы»[103]. Поэтому, когда в конце классического периода произошло размывание системы традиционных религиозных и нравственных ценностей[104], кризис коснулся и агонистики. То же произошло и с современными Олимпийскими играми: изначальная честность любительского спора выродилась в жестокую, беспринципную борьбу за лидерство, а выхолощенная религиозность была заменена эффектным внешним ритуалом: самая красивая девушка Греции в окружении свиты зажигает Олимпийский факел от лучей солнца на развалинах храма Олимпийского Зевса. Так что, в конце концов, «кубертеновские игры» повторили путь античных Олимпийских игр: профессионализм, коммерциализация, победа любой ценой, использование запрещенных препаратов, влияющих на результаты, политизация[105], несправедливое судейство. Этого В.Ю.Михайлин отрицать не может: «Античные олимпиады и олимпиады, возрожденные бароном де Кубертеном, исходили из совершенно разных представлений о сути атлетических состязаний и о природе человека вообще. Но с ходом времени, стартовав из разных точек, две эти традиции привели примерно к одной и той же роли спорта в обществе»[106].

Поэтому вряд ли можно согласиться с Э.Мелем, что кулачный бой древних представлял собой разительный контраст современному[107]. Мы полностью разделяем мнение Пола Картледжа: «То, что писал о современном спорте Джордж Оруэлл[108], еще больше относится к античным Олимпийским играм: “Серьезный спорт не имеет ничего

общего с честной игрой. Он связан с ненавистью, завистью, хвастовством, пренебрежением всеми правилами и с садистским наслаждением явной жестокостью, иными словами, это война без стрельбы”»[109].

…Пифийские игры завершились одновременно с Олимпийскими и другими панэллинскими состязаниями более 1600 лет назад. В 394 г. н.э. декретом императора Феодосия I Олимпийские игры были запрещены как «богопротивные и языческие», изображения эллинских богов сброшены с пьедесталов, храмы — разрушены и разграблены, а множество бронзовых статуй олимпиоников вывезено в «вечный город» и переплавлено.

2. ХАРАКТЕР ПИФИЙСКИХ ИГР

Любому ученому, приступающему к изучению Пифийских игр, можно только посочувствовать. Дело в том, что источниковая база темы весьма неудовлетворительна, и это главная причина того, что священные игры в Дельфах (в отличие, например, от Олимпийских) по-прежнему остаются «белым пятном» не только в отечественном, но и в зарубежном антиковедении. Всю информацию исследователям приходится собирать по крупицам, будто складывая мозаику.

Анализ данных Павсания и победных надписей атлетов (Ebert I, II, III, Moretti) показывает, что побеждающие многократно в остальных панэллинских состязаниях значительно реже побеждали в Дельфах. Объяснять это тем, что Истмии и Немеи проходили чаще (раз в два года), будет не совсем корректно, так как Олимпийские игры проходили с тем же интервалом, что и Пифийские — через четыре года. Можно было бы предположить, что, либо соперники в Дельфах оказывались более достойными, либо требования эпимелетов были выше. Однако наблюдается и обратная зависимость: практически все многократные пифионики редко побеждали несколько раз в Олимпии[110]. Что это? Соперничество двух самых значительных в Греции игр? Но они соревновались скорее в блеске и пышности. А монументальное строительство храмов и сокровищниц, работы лучших мастеров и художников сделали, по словам Дж.Бордмана, Олимпию и Дельфы «витринами греческого искусства»[111]. Думается, главная причина — принципиально разный подход Олимпийских (и соответственно прочих, равняющихся на Олимпийские)[112] и Пифийских игр к системе воспитания, диаметрально противоположные взгляды на физическое развитие, что в двух словах можно определить как противостояние профессионального и любительского спорта, точнее, спорта и физической культуры. После 30-дневных упражнений накануне Олимпийских игр и ежедневных десятимесячных тренировок в течение года участникам состязаний в Элиде делалось так называемое Олимпийское предупреждение: «Если потрудились вы достаточно, чтобы удостоиться прийти в Олимпию, и если не повинны вы в нерадивости и подлости, идите смело! А если кто не упражнялся — ступай куда хочешь!». На Пифийских играх дельфиец напутствует агонистов словами: «Идите состязаться и покажите себя достойными победы!» (Philostr. Apoll. V. 43). Такое обращение указывает на более демократический состав участников Пифийских игр. В Дельфах даже в последние века существования игр не требовались профессионалы, то есть спортсмены, живущие только на деньги и награды, готовые за них объявить себя гражданами любого полиса (Paus. V. 21. 2–3; 5; 9; VI. 13.1; VI. 18.6). Олимпийское предупреждение отсекало «любителей», а Олимпийские игры дали крен в сторону уродливого однобокого развития. Сила как самоцель, «культуризм», тщеславие, ажиотаж, обожествление кумиров[113], накачивание мускулов мясным питанием и обильными возлияниями[114], преждевременное физическое истощение и одряхление — все то, что было неприемлемо для Пифийских игр и что К.Дим так удачно назвал «спортивной идиотией»[115] — вызывало насмешки трезвомыслящих современников. Диоген сравнивал атлетов с баранами, а на вопрос, почему они так глупы, отвечал: «Потому что они сделаны из мяса свиней и быков» (Diog. Laert. VI. 49; Ael. V.h. XII. 58).

Изображения на амфорах VI–V вв. до н.э., скульптура и коропластика IV в. до н.э.

представляют уродливые, карикатурные типы атлетов[116] с маленькой головой, непропорциональным телосложением, гипертрофированными мышцами[117]. Солон, сократив награды за победы в пользу сирот (Diog. Laert. I. 2. 55–56) рассуждал так: «Гимнастические же борцы и в учении недешевы, и в успехе небезопасны, и венцы принимают не столько за победу над неприятелем, сколько над отечеством, в старости же они “изношены, как плащ, рядном сквозящий”[118]». Еврипид за вслед за Ксенофаном Колофонским вообще считал атлетов величайшим злом Греции: «Из тьмы несчастий, Грецию гнетущей, / Нет хуже, чем атлеты, ничего» (Аф. Пир. X. 413 C, 413 f). Профессионализм, ставка на победу любой ценой рука об руку шли с такими отвратительными явлениями, как подкуп атлетов и гелланодиков (что явствует уже из самой судейской клятвы — Paus. V. 24. 9–10), взяточничество (Paus. V. 21. 2–3; 21. 16–17; VI. 3. 7; Plut. Lyc. XXII) и даже убийство соперников[119]. Но главный вред заключался в том, что у праздной толпы стало привычкой глазеть на своих кумиров[120], не принимая участия в играх. Неудивительно, что с IV в. до н.э. начинается упадок Олимпийских игр[121]. В Дельфах же, наоборот, наступает расцвет[122], ведь гимнастические состязания на Пифийских играх никогда не были главными. Основным агоном был мусический[123]. Еще во II в. до н.э. не имевший соперников флейтист Сатир с Самоса радовал слушателей на дельфийском стадионе своей вольной программой выступления. Как гласит надпись, после атлетических состязаний он открыл концерт, где исполнил гимн в честь Диониса, а также хор вакханок из Еврипида, аккомпанируя себе на кифаре[124]. Со временем в программу Пифийских игр были включены три или четыре дополнительных мусических состязания. Плутарх писал: «После добавления еще и трагиков к трем существовавшим с самого начала этих игр состязаниям флейтистов, кифаристов и кифаредов как бы в открытую дверь устремились, не встречая отказа, всевозможные зрелищные развлечения», что «привлекало к ним большое стечение участников и гостей» и «усложняло работу судей» (Plut. Quaest.conv. V. 674 d). Вследствие этого в конце I в. н.э. даже возник вопрос об отмене дополнительно учрежденных состязаний, так как игры, по мнению их устроителей, становились похожими на музыкальный инструмент с множеством струн несогласного звучания. Особенно представлялось желательным устранить состязания логографов и поэтов, поскольку они вызывали замешательство у судей, ибо те признавали все выступления блистательными и не могли никому присудить победу. Однако Плутарх, участвовавший как дельфийский жрец в обсуждении порядка проведения Пифийских игр, выступил на совете[125] против этого предложения, а на обеде, данном агонофетом Петреем, аргументировал свою позицию тем, что поэзия не была нововведением и уже в давние времена удостаивалась на играх победного увенчания. Он привел в пример древние игры, установленные Акастом в честь своего отца Пелия, где были объявлено состязание в поэзии, в котором победу одержала Сивилла. Для пущей важности Плутарх сослался на книгу «О дельфийских сокровищницах» афинянина Полемона[126], который сообщал о том, что в сокровищнице сикионян находилась золотая книжка — приношение эретриянки Аристомахи, дважды победившей эпической поэмой на Истмийских играх (Plut. Quaest.conv. V. 674 d-675c). А современник Флавия Филострата (II–III вв.) дал неодобрительную оценку Пифийским играм в таких выражениях: «…в Дельфах для гостей и на флейтах дудят, и на струнах бряцают, и песни поют, да еще ублажают их комедиями и трагедиями, так что под самый конец дают им лицезреть состязания нагих ристателей, а из Олимпии, напротив, все перечисленные развлечения изгнаны как бесполезные и несообразные с обычаем, так что гостям по установлению Гераклову показывают лишь нагих ристателей — и только». (Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. VI.10. Пер. Е.Г.Рабинович).

Таким образом, Пифийские игры были единственными общегреческими состязаниями, где первенство на ринге или ипподроме было вторичным. Отношение к победе было разумным: любое превосходство относительно, а сама победа — случай, о чем неустанно твердили и Вакхилид, и любимец Аполлона, родившийся в Пифийский праздник поэт Пиндар (fr. 193)[127], чей трон находился в храме бога, а могила, по преданию, на

дельфийском ипподроме (Paus. IX. 23. 1–4)[128]. Доблесть от бога, а божество завистливо (Pind. Ol. IX. 28–30; Pyth. II. 94–95; III. 72–74; VIII. 96; XI. 50–55; Nem. VI. 5; XI.45). Вызывать же зависть божества ли, человека, привлекая к себе внимание, недостойно, согласно Еврипиду (Eur. Phoen. 551). О том же говорил и Пифагор. Сюда же примыкают и изречения семи мудрецов в Дельфах: «ничего слишком», « лучшее — мера» и др. И главное, Γνῶθι σεαυτόν — «Познай самого себя!», которое Платон понимал в смысле «Владей собой» (Plat. Charm. 164 d), Плутарх — как напоминание человеку о его смертной природе и слабости (Plut. De E ap. Delph. 394 C), а пророк Аполлоний Тианский — как первооснову всякой мудрости и начало философии (Philostr. Apoll. III. 18; VII. 14). Представляется, что именно эта формула отражает глубинное, сущностное отличие Пифийских игр — их принципиальную гуманистическую направленность[129].

В Новое время греческий национальный поэт Ангелос Сикелианос подхватил идею некоего поэтического и морального обращения, исходящего из Дельф, в котором он слил воедино традиции пифийского оракула и христианизированных сивилл, что должно было, по его мнению, возродить гуманистическое начало[130].

При подъеме в Дельфы, от театрально лежащего на склоне древнего святилища на высоту, к дому поэта, открывается широкая панорама на восток, юг и запад. Небо расширяется над движущейся горной цепью, и на памятнике Еве, первой жене поэта, меценатке и его соратнице, читаются стихи:

Νότος, Βοριάς,’Ανατολὴ καὶ Δύση
μέγας σταυρός κι ἀπάνω του τοῦ ἀνθρώπου
τὸ Πνέμα βλέπω τώρα καρφομένο.
Μὰ θα λυθεῖ κι ὁ ἀγέρας π’ἀνασαίνω,
μὲς στὴν ψυχή μου ἐγὼ τὴν ὥρα τούτη
γιὰ ὅλες θὰ πνέψει τὶς ψυχες...

Юг, Север, Восток и Запад –
Крест великий, и вижу на нём я
Душу распятую человека.
Но станет свободной она, и ветер,
Который вдыхаю сейчас я своею душою,
Повеет всем душам…

Пер. наш. — *Л.С.*[131]

Это стихи из драмы «Сивилла» (1940 г.), в которой говорится о насилии Нерона по отношению к оракулу. Действие происходит на фоне современных поэту исторических событий — угрозы Греции со стороны Муссолини и Гитлера. Поэт спасает человечество от дуализма божественного и дьявольского с помощью духовно-космического видения, в котором соединяются античная и христианская религиозность. Эти представления уходят своими корнями в позднеантичный неоплатонизм, вновь подхваченный Ренессансом.

О работе поэта в Дельфах напоминает его дом, в котором сейчас размещается музей, и недавно открытый памятник. В 1927 и 1930 гг. поэт и его супруга Ева организовали и провели два больших фестиваля в Дельфах, однако финансовый успех предприятий не соответствовал публицистическому: время для гуманизма было неподходящим. Большие надежды не сбылись. Запланированный дельфийский университет как колыбель новой гуманности остался утопией. Гуманистическая идея воплотилась у поэта в представлении о Христе как духовном спасении, о Дионисе как символе экстаза и воссоединения в естественном чередовании рождения и смерти и о тиранах как мощи человеческой целеустремлённости и самоутверждения.

Правда, с 1927 по 1936 год в Греции раз в три года проводился Дельфийский фестиваль, по аналогии с античными Пифийскими играми. Вторая Мировая война прервала проведение этого форума искусств. Но сама дельфийская идея не умерла. В 1994 году,

через сто лет после того, как Пьеру де Кубертену удалось восстановить Олимпийское движение, в Берлине представители 19 стран основали неправительственную организацию — Международный Дельфийский Совет. Деятельность Международного Дельфийского Комитета и его региональных представительств нашла поддержку со стороны руководителей государств и ЮНЕСКО. Таким образом, под лозунгом возрождения культуры духа началось Дельфийское движение[132]. Эта идея была подхвачена и нашей страной, выступившей с инициативой проведения первых Дельфийских игр. В декабре 1998 г. в Курске состоялась Первая Конференция Национального Дельфийского совета России. 19 марта 1999 года Национальный Дельфийский совет России был зарегистрирован в Минюсте России как общероссийская общественная организация, а в апреле — июле 1999 года создан Попечительский Совет Национального Дельфийского совета России. 17–21 ноября 1999 года состоялись Первые Российские молодежные Дельфийские игры в Саратове. Новая эра Дельфийских игр началась в 2000 году, когда при участии 27 стран (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Вьетнам, Германия, Греция, Грузия, Республика Казахстан, Кипр, Китай, Кыргызская Республика, Литва, Республика Молдова, Польша, Российская Федерация, Сенегал, Словения, США, Украина, Филиппины, Хорватия, Чехия, Швеция, Швейцария, Эстония, Южная Корея, Япония) в Москве состоялись Первые Всемирные Дельфийские игры современности[133]. В 18 номинациях приняло участие 938 человек, а в состав жюри вошли представители 13 стран. Дельфийские игры — это комплексные профессиональные соревнования, объединяющие все виды искусств. Цель проведения подобных соревнований — практическое развитие идеи Дельфийских игр как Высшего форума искусств, сохранения и приумножения культурного наследия народов, создания прочных межкультурных связей и развития дружбы молодежи стран Содружества. Обычно, в рамках Игр проходят состязания по 15–25 номинациям конкурсной программы, среди которых: фортепиано, скрипка, эстрадное пение, народное пение, академическое пение, эстрадный танец, народный танец, цирк, фотография, плакат, граффити, ди-джей, вэб-дизайн, народные инструменты, духовые инструменты, народные умельцы и пр. 21–26 сентября 2001 г. в Смоленске состоялись Вторые молодежные Дельфийские игры России. С 13 по 18 сентября 2002 года в Брянске состоялись Первые молодежные Дельфийские игры государств-участников СНГ[134]. Автором «Гимна молодежных Дельфийских игр государств-участников СНГ», исполненного на торжественной церемонии открытия, является композитор Константин Руснак, член правления Международного Дельфийского совета. Главным судьей Игр был актер Василий Лановой.

Священные игры в Дельфах внесли неоценимый вклад в развитие мировой культуры. Именно древние Пифийские игры с их музыкальными состязаниями были предшественниками современных конкурсов и фестивалей, которые обладают необычайной способностью объединять людей, народы, нации, страны. Мари Делькур в своих рассуждениях о Дельфийском оракуле очень поэтично сформулировала это так: «Свою самую блистательную победу Аполлон одержал, завладев умами писателей». А Михаэль Маас эту глубокую сентенцию понимал также в том смысле, что поэзия завладела дельфийской идеей[135].

Итак, подведем итоги. В Дельфах Пифийский Аполлон был богом агонистики, юности и гармонии. Отличительной чертой Пифийских игр был гуманный характер состязаний по сравнению с другими панэллинскими состязаниями, что во многом определялось тем, что Пифии проходили под патронатом самого светлого бога эллинов. Принципиально разный подход Олимпийских и Пифийских игр к системе воспитания, диаметрально противоположные взгляды на физическое воспитание, противопоставление профессионализма и любительства, спорта и физической культуры обеспечило и более демократический состав участников состязаний в Дельфах. Древнейшей и главной частью программы Пифийских игр был музыкальный агон, что предопределило живучесть не только самих игр в период общего упадка античного атлетизма, но и самой дельфийской идеи, вновь возродившейся в XX в. Место и роль Пифийских игр, занимавших в антич-

ности второе место по блеску и значению после Олимпийских, в мировой культуре и в истории античной музыки до конца еще не осознаны. Являясь предшественником музыкальных конкурсов и фестивалей, священные игры Аполлона имели в прошлом и имеют теперь в виде возобновленных Дельфийских игр очень большое значение, объединяя страны и народы в их мирном, созидательном творчестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зайцев А.И.* Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд. испр. и перераб. СПб., 2000.
2. *Зайцев А.И.* «Греческое чудо» и его завершение в эпоху эллинизма // *Зайцев А.И.* Ук. соч. С. 279–285.
3. «Автономная мораль героического человека» или «трагический оптимизм» — так определил отношение греков к жизни и смерти Ю.В. Андреев (*Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. СПб., 1998. С. 325–326).
4. *Зайцев А.И.* «Греческое чудо» … С. 280.
5. К предпосылкам этого расцвета следует отнести также географический фактор, а именно скудные условия жизни в Эгеиде, которые закаляли человека и побуждали к интенсивному физическому и духовному развитию. Характерно, что слово «автаркия» («достаточность», «независимость» — один из важнейших греческих идеалов) происходит от глагола «ἀρκέω», первоначально относящегося к военной сфере и означающего «отражать (врага)». Отсюда впоследствии появился также смысл «отражать нужду», «быть достаточным», что объясняется суровыми условиям окружающей среды. См.: *Krischer T.* Der Begriff der Autarkie im Rahmen der griechischen Kulturgeschichte // Hyperboreus. 2000. Vol. 6. Fasc. 2. S. 253–262.
6. Как известно, женщины не допускались на Олимпийские игры под страхом смерти — ослушниц сбрасывали с Типейской скалы даже в том случае, если они только осмеливались в недозволенный день перейти реку Алфей (Paus. V. 6.7). Впрочем, по крайней мере, в позднее время это ограничение уже не было правилом. Так, дельфийская надпись 50 г. н.э. сообщает о приношении статуй трех сестер. Одна из них, Трифоса, стала победительницей в беге на стадий в Пифийских и Истмийских играх, причем на последних состязалась с мальчиками. Вторая сестра, Гедея, победила на своей колеснице в Истмийских играх (SIG^{3}. 802; FD. III. 1. 534; *Harris H.A.* Greek Athletes and Athletics. L., 1964. P. 180). Известны также женщины, стяжавшие на Пифийских играх славу в мусическом агоне (FD. III. 3.249; IG IV. 682; *Fontenrose J.* The Cult of Apollo and the Games at Delphi // The Archaeology of the Olympics: The Olympics and Other Festivals in Antiquity. Ed. by W.J. Raschke. Madison, 1988. P. 135–136).
7. В частности, в Спарте, что было связано с общим подходом к воспитанию граждан, а также в Олимпии, где каждые четыре года, на пятый (т.е. в неолимпийский год) проводились посвященные Гере Гереи. Своя собственная организация женщин под покровительством Геры была своего рода антитезой сообществу мужчин на великом олимпийском празднике. См.: *Шанин Ю.В.* Олимпия: история античного атлетизма. СПб., 2001. С. 18; *Курилов М.Э.* О ритуально-обрядовом характере женской агонистики в классической Спарте // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. № 6. С. 7–19; *Селиванова Л.Л.* Волоокая царица Олимпа // Адам и Ева. М., 2004. № 7. С. 28–30.
8. *Bilicski B.* L'Agonistika sportiva nella Grecia Antika (aspertti sociali e ispirazioni litterarie). Roma, 1916. P. 16.
9. *Murrey O.* Life and Society in Classical Greece // Greece and the Hellenistic World. Oxford, N.Y., 1988. P. 220. Впрочем, у древних греков не было и соревнований по плаванию. См.: *Schütze K.* Warum kannten die Griechen keine Schwimmwettkämpfe? // Hermes. 1938. Vol. 73. S. 357.
10. Поводом к ней послужили грабительские поборы, которыми вопреки постановлению

амфиктионов крисейцы облагали паломников, идущих в Дельфы (Strabo. IX. 3. 4; Aeschin. Or. III. 107), а также случаи разбойных нападений и убийств. Кроме того, жители Кирры святотатственно отрезали себе часть земли, посвященной Аполлону (Paus. X. 37. 5–6).

11. За более раннюю дату войны высказывается Л.М.Глускина (*Глускина Л.М.* Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. № 2. С. 213). Она считает, что Первая священная война продолжалась с конца VII до 80-х гг. VI в. до н.э. Л.А.Лихачева относит начало войны, символом которой стал миф о борьбе Геракла за треножник, к концу VII в. до н.э. (*Лихачева Л.А.* Первая священная война в истории Пилейско-Дельфийской амфиктионии // Историк и его дело. Сборник научных статей, посвященный 85-летию со дня рождения проф. В.Е. Майера. Ижевск, 2003. С. 56). Н. Робертсон вообще отрицает историчность Первой священной войны, полагая, что Криса никогда не существовала, а предание о войне — миф, разработанный сторонниками Филиппа II Македонского, дабы оправдать его интервенцию в Фессалию и Фокиду (*Robertson N.* The Myth of the First Sacred War // CQ. 1978. Vol. 28. № 1. P. 38–73). Однако в Платейской речи Исократа (Isocr. Plat. 31), датируемой 374/3 г. до н.э., упоминается посвященная богу Криса. «Молчание» Геродота и Фукидида по поводу Первой священной войны Л.А.Лихачева объясняет тем, что «Пилейский культовый союз первоначально не имел такого огромного значения и влияния, как более поздняя Пилейско–Дельфийская амфиктиония», и конфликт с Крисой являлся, по всей вероятности, малозначительным событием, а также тем, что дельфийское жречество могло наложить запрет на упоминание о войне, в которой оно проявило себя далеко не самым лучшим образом. (Там же. С. 59).
12. В источниках существует путаница относительно названия города, против которого велась война: то ли Криса (Il. II. 520; H.h. II. 253, 260 sqq.; Hdt. VIII. 32.2; Thuc. I. 107.3; Strabo. IX. 3.3–4), то ли Кирра (Marm.Par. FGH. 239. A 37; Plut. Sol. XI.1; Polyaen. Strat. III.5; VI. 13), то названия используются как взаимозаменяемые (Pind. Pyth. III. 74; VII. 16; VIII.19; X. 15; XI. 12; Isthm. II. 18; Callisthen. FGH. 124. F.1; Paus. X. 37.5). Результаты археологических раскопок пока ничего не проясняют. Лингвистически Криса, Кирса и Кирра, скорее всего, являются эквивалентами, но наименование Криса преобладает в архаический период, тогда как с IV в. до н.э. в литературе и надписях чаще встречается название Кирра. См.: *Robertson N.* The Myth... P. 40–48; *Fontenrose J.* The Cult of Apollo and the Games at Delphi. P. 125.
13. Сделать это посоветовал амфиктионам Солон, правильно понявший оракул Аполлона о победе. Солон был вызван из Афин в качестве советника, а начальником войска амфиктионы поставили сикионского тирана Клисфена (Paus. X. 37. 6–7). Плутарх, ссылаясь на дельфийские документы, говорит, что военачальником был Алкмеон (Plut. Solon. XI). Саму инициативу войны с Киррой «во имя бога» Аристотель приписывает Солону (FHG. IV. Müller, fr. 265. P. 184). По мнению некоторых ученых, однако, Солон не имел никакого отношения к Первой священной войне, а участие в ней приписано ему традицией: *Глускина Л.М.* Дельфы… С. 215; *Defradas J.* Les thèmes de la propagande delphique (Études et Commentaries, XXI). Paris, 1954. P. 266; *Smertenko C.M., Belknap G.N.* Studies in the Greek Religion. Eugene, 1935. P. 5 ff. Критику этого мнения см.: *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 122–124; *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 208–209. Культ Аполлона в Крисе известен по надписям, в частности в надписи CIG N 1. P. 2–3, посвященной «Аполлону Крисейскому, сыну Лето».
14. Амфиктионы (᾽Αμφικτύονες от ἀμφι- и κτίζω — «живущие вокруг, соседи» или от Амфиктиона, сына Девкалиона — Paus. X. 8.1) — собрание эллинских племен, живущих вокруг святилища, заключивших между собой союз для совместного отправления культа, проведения священных празднеств, защиты святилища и для мирного урегулирования спорных вопросов. Отличие дельфийской амфиктионии от всех прочих в том, что это союз именно племен, а не государств; согласно Гарпократиону (Harpocrat. Lex.

s.v. Ἀμφικτύονες), их было двенадцать, наиболее славных и могущественных: ионийцы, дорийцы, фтиотийцы, перрибои, беотийцы, магнеты, малиейцы, долопы, эниаиы, дельфийцы, фокейцы. Павсаний называет лишь 10 племен (Paus. X. 8.1). Собрания амфиктионов проходили два раза в год, весной и осенью, вначале в Фермопилах, где совершались жертвоприношения Деметре и Амфиктиону, оттуда собравшиеся отправлялись в Дельфы. (*Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 293).

15. *Глускина Л.М.* Политическая роль дельфийского оракула (из истории Дельфов VI в. до н.э.). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. Л., 1948. С. 126. «…очевидно, что общегреческие агоны уходят своими корнями в доисторическую эпоху, а впоследствии Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры родились вторично (соответственно в 776, 590, 583 и 573 годах до н.э.), чему есть не мифологические, а литературно-документальные подтверждения» — *Шанин Ю.В.* Ук. соч. С. 63. См. также: *Lee H.M.* The “First” Olympic Games of 776 B.C. // The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity. Ed. by W.J.Raschke. L., 1988. P. 110–118. Дж. Фонтенроуз допускает, что игры в честь Аполлона могли справляться в Дельфах, начиная с VIII в. до н.э. (*Fontenrose J.* The Cult of Apollo and the Games at Delphi. P. 125).
16. *Ziegler K.* Πυθιονῖκαι// RE. Stuttgart, 1963. Bd. 24. Sp. 563–564.
17. Суда дает также синоним σαπῆναι («гнить»), а гниющую кровь дракона называет вслед за Ликом Неаполитанским τὸ πῦον (Suid. Lex. II.2. P. 558).
18. Его постоянно использует сам Павсаний. Когда же речь идет о Пифийских играх, он употребляет название Дельфы (Pausanius. Description of Greece. Comm. J.G.Frazer. N.Y., 1965. Vol. V. P. 242).
19. Подробное исследование о Пифоне см.: *Fontenrose J.* Python. A Study of Delphic Myth and its Origins. Berkeley; Los Angeles, 1959.
20. *Caskey M.E.* News letter from Greece // AJA. 1977. Vol. 81. № 4. P. 511.
21. *Höfer.* Pythios (Delphi) // *Roscher W.H.* Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie. 1908. III Abt. 3384–3385; *Blümner H.* Leben und Sitten der Griechen. Ein Beitrag zur griechischen Religions und Kunstgeschichte. Lpz., 1887. S. 20; *Mommsen A.* Delphika. Lpz., 1878. S. 153; *idem:* Chronologie. Lpz., 1883. S. 188.
22. *Mommsen A.* Chronologie. S. 36, 187. В основе Греция имела 8-летний цикл, состоящий из 2922 дней наряду с 365-дневным годом.
23. То есть в эти годы вставлялся дополнительный месяц — Plut. Solon. XXV. О правилах интеркаляции см.: *Pritchett W.K., Neugebauer O.* The Calendars of Athens. Cambridge, 1947. P. 6–7; *Pritchett W.K.* Ancient Athenian Calendars on Stone. Berkeley, Los Angeles, 1963. P. 347–348.
24. *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. I. München, 1955. S. 644. По мнению Элера и Бишофа, в Дельфах довольно рано стал употребляться так наз. великий год — октаэтерида, 8-летний солнечный год, который примерно на 19 дней был длиннее лунного, что решалось вставкой 13-го месяца. См.: *Oehler I., Bischoff.* Kalender // RE. Stuttgart, 1919. Bd. X. Hlbd. 20. Sp. 1568.
25. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1976. С. 23.
26. Венками награждали победителей на всех панэллинских играх: на Олимпийских — из ветвей маслины, на Истмийских в честь Посейдона — вначале из пиниевых веток, затем из сельдерея, а в римское время из сосны (Plut. Quaest. conv. V. 3. 675 e-677b), на Немейских играх в честь Зевса наградой служил сначала масличный венок, а после Персидских войн венок из сухого сельдерея. О венках см.: *Blech M.* Studien zum Kranz bei der Griechen. (Religionsgeschichte Versuche und Vorarbeiten. Bd. 38). N.Y., 1982; *Krause J.H.* Die Pythien, Nemeen und Isthmien. Lpz., 1841.
27. Paus. X. 7. 2: «Как вспоминают, древнейшим состязанием и причем [таким], за который впервые стали давать награды, было пение гимна в честь бога» (здесь и далее в пер. С.П.Кондратьева).
28. Кифаредами назывались те, кто пел под аккомпанемент кифары, а кифаристами — те,

кто только играл на кифаре (Strabo. X. 4.10). Павсаний сообщает, что к Пифийским играм не был допущен Гесиод, поскольку он не научился сопровождать свое пение игрой на кифаре (Paus. X. 7. 2–3).

29. В Олимпии им соответствовали гелланодики (ἑλλανοδίκαι), в афинских Панафинеях атлофеты (ἀθλοθέται).
30. *Reisch E.* Agonothetes // RE. I. Stuttgart, 1894. Sp. 870–871; *Reinmuth O.W.* Ἀθλοθέτες // KP. IV. 1963. Sp. 707; *idem:* Ἀγωνοθέτες // KP. I. Sp. 140–141; *Mommsen A*. Delphika. S. 166.
31. *Cauer F.* Amphiktyionia // RE. Stuttgart, 1894. Bd. I. Sp. 1911–1915; *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. Vol. I. Oxford, 1956. P. 109; *Roux G.* L'Amphictionie, Delphes et le temple d'Apollon au IV-e siècle. Lyon, 1979. P. 95–224.
32. *Reinmuth O.W.* Ἀθλοθέτες… Sp. 141.
33. *Blümner H.* Op. cit. S. 23; *Themelis P.G.* Delphi: The archaeological Site and the Museum. Athens, 1983. P. 7; *Reinmuth O.W.* Ἀγωνοθέτες. Sp. 870.
34. В других местах называемые также ῥαβδοῦχοι («палочники»).
35. Павсаний, не зная этого, допустил ошибку, отнеся первую пифиаду к Ол. 48,3 (586 г. до н.э.) — Paus. X. 7. 3. И эту ошибку повторяет большинство ученых. Некоторые из них относят вторую пифиаду к 586 г. до н. э. (*Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 122. сн. 2). С конца прошлого столетия оживилась дискуссия о времени проведения первой Пифиады и, соответственно, о дате второй. Разноголосица во мнениях ученых объясняется использованием разных систем отсчета. Перед исследователем неизбежно встает ряд следующих вопросов: 1). Признавать ли историчность Первой священной войны и если да, какими годами ее датировать; 2). Начинать ли отсчет пифиад со времени введения ценных призов (ὁ ἀγὼν χρηματίτης) или только тогда, когда амфиктионы постановили награждать победителей лавровыми венками; 3). Считать ли пифиады хронологическими эрами, наподобие олимпиад (С.Дж.Миллер); 4). Принимать ли цикл пифиад, всегда равным пентетэриде, или сделать оговорку для первой, тогда вторая пифиада наступила через 8 лет после первой (эннаэтерида); 5). Как относиться к данным Павсания, противоречащим другим источникам (в частности, Паросской хронике, Пиндару, P. Oxy. II. 222 и дельфийской надписи в честь Аристотеля и Каллисфена — FGrHist. 124 т 23) и проч. В зависимости от того, как ученые отвечают на эти и другие вопросы, дата первой пифиады варьирует от 591/0 до 586/5 и 582/1 гг. до н.э. Феликс Якоби в своих комментариях к FGrHist 239 A 37–38 относит первую пифиаду к 590/89 г. до н.э. Подробнее см.: *Bennett H.C.* On the Systemazation of Scholia Dates for Pindar's Pythian Odes //HSCPh. 1957. Vol 62. P. 61–78; *Brodersen K.* Zur Datierung der ersten Pythien //ZPE. 1990.Vol. 82. S. 25–31; *Miller S.G.* The Date of the First Pythiad //CSCA. 1978. Vol. 11. P. 127–158; *Mosshammer A.A.* The Date of the First Pythiad — Again //GRBC. 1982. Vol. 23. N 1. P. 15–30.
36. *Mommsen A.* Chronologie. S. 188.
37. Ovid. Met. I. 558–559. В лавр (ἡ δάφνη) была превращена первая возлюбленная Аполлона Дафна, дочь реки Ладона (или Пенея), которая была первой пророчицей и заместительницей оракула Геи в Дельфах (Paus. X. 5. 5–6). По Сервию (ad. Verg. Aen. II. 513; III. 91), Дафна — дочь Геи. Спасаясь от преследования бога, она обратилась к матери за помощью, и земля приняла ее в свою расщелину, а на этом месте вырос лавр. О венках из лавра см.: *Curran B., Williams F.* Laurel boughs // LCM. 1981. Vol. 6. P. 209–212; *Hollis A.S.* Ovid. Metamorphoses 1, 445 ff.: Apollo, Daphne, and the Pythian Crown // ZPE. 1996. Vol.112. P. 69–73; *Knox P.E.* In Pursuit of Daphne // TAPhA. 1990. Vol. 120. P. 183–202.
38. Флейта вообще не была в числе инструментов Аполлона. Широко известен миф о состязании Аполлона с сатиром Марсием, который осмелился бросить вызов Мусагету своей игрой на флейте. Согласно мифу, двойную флейту (точнее авлос) изобрела Афина, сделав инструмент из костей оленя. Решив поупражняться в одиночестве во фригийском лесу, она увидела в ручье свое уродливое отражение с напряженным лицом и раздутыми щеками (Ovid. Fasti. VI. 700), после чего бросила флейту, прокляв каждого, кто

ее найдет (I Myth. Vat.). На свою беду флейту подобрал местный сатир Марсий (Павсаний описывает картину на афинском акрополе, где изображена Афина, бьющая Марсия за то, что он подобрал флейту — Paus. I. 24, 1. Сюжет также использовал скульптор Мирон в группе «Афина и Марсий»). Он быстро научился играть и стал веселить своими мелодиями фригийцев. Их царь Мидас тоже с удовольствием слушал Марсия. Пастухи и пастушки, нимфы и сатиры наперебой восторгались этой музыкой, говоря, что даже сам Аполлон не сыграл бы лучше на своей лире, с чем соглашался и Марсий. Это вызвало гнев Аполлона, и он вызвал Марсия на состязание, причем победитель мог сделать с побежденным все, что угодно. Судьями в этом соревновании были Музы и бог горы Тмол (вариант: царь Мидас — I Myth. Vat. II. 23, 3). Музыка обоих понравилась судьям. Тогда Аполлон перевернул лиру и заиграл такие прекрасные гимны в честь олимпийских богов, что судьи не могли не отдать ему предпочтения. (Согласно другому мифу, Аполлон победил потому, что, играя на кифаре, он одновременно пел — Diod. III. 58; Hyg. Fab. 165). За свою дерзость Марсий жестоко поплатился: Аполлон подвесил его к сосне и содрал с него кожу (Apollod. I. 4. 2). По другой версии, его засекли до смерти розгами (I Myth. Vat. II. 23, 4). Не согласился с решением судей один только Мидас. Разгневанный Аполлон схватил его за уши и оттрепал их так, что они вытянулись и превратились в ослиные. Так бог показал, что у Мидаса совсем нет музыкального слуха. Греки, между прочим, считали, что ослы — животные музыкальные и, хотя исполнять ничего не могут, при звуках музыки начинают весело шевелить ушами, отсюда и поговорка «Как осел лиру слушает». Бедный Мидас вынужден был прятать свои длинные уши под высокой фригийской шапкой. О его тайне знал только царский цирюльник, который не сумел ее сберечь: не вынеся страданий, он выкопал на берегу реки ямку, которой и поведал секрет. Закопав ее, он успокоенный ушел. Но на этом месте вырос тростник, из которого некий пастух сделал флейту. Всякий раз, когда на ней играли, флейта выводила: «У царя Мидаса ослиные уши!» Так тайна стала известной всем. Узнав об этом, Мидас приговорил цирюльника к смерти, а сам с горя покончил с собой (I Myth. Vat. I. 89).

Общее отношение греков к флейте выразил Плутарх: лира и плектр не искажают облика, тогда как флейта уродует лицо (Plut. Alc. II). Знаменитый художник V в. до н.э. Полигнот изобразил на картине в Дельфах, как Марсий учит игре на флейте своего ученика Олимпа (по другим мифам, Марсий — сын Олимпа: Apollod. I. 4. 2).

39. О роли священного перемирия на панэллинских играх см.: *Кузищин В.И.* Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры // ВИ. 1997. № 1. С. 41–49; *он же:* Олимпийские игры как миротворческий фактор в политической жизни древней Греции (Институт священного перемирия — экехерия) // ВИ. 2000. № 8; *он же.* Олимпийские и Пифийские игры: их взаимосвязь. Доклад на университетском олимпийском семинаре (Москва, МГУ, 7 июня 2002 г.) // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. Вып.6. М., 2004. С. 251.
40. А.Моммзен говорит о трехмесячном перемирии — *Mommsen A.* Delphika. S. 163–165. На практике же весь год, в который отмечались Пифийские игры, был мирным (*Fontenrose J.* The Cult of Apollo. P. 128).
41. *Decker W.* Zur Vorbereitung und Organisation griechischer Agone // Nikephoros. 1977. Vol. 10. S. 79–80, 82.
42. По легенде, этой дорогой Аполлон возвратился из Фессалии в Дельфы после изгнания. Либо это тот путь, который проделал бежавший от бога раненый дракон (Plut. Quaest. Gr. 12).
43. Обязательное условие исполнения ритуала: сирота считался сакрально нечистым (Il. XXII. 496), то же у римлян (Dion. Hal. II. 22). По мнению Дж. Фрэзера, мальчик являлся персонификацией Аполлона (Op. cit. P. 248).
44. *Латышев В.В.* Ук. соч. С. 122.
45. *Hufer.* Op. cit. Sp. 3385; *Ebert J.* Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen // Abhandl. der Sächs. Akademie der Wissenschaft zu Leipzig.

Philol.-histor. Kl. Berlin, 1972. Bd. 63. H. 2. S. 59. (далее — Ebert I).

46. Милон, сын Диотима из Кротона, свою первую победу в борьбе в Олимпии (540 г. до н.э.) одержал еще мальчиком. Всего он победил 6 раз в Олимпии и 6 — в Дельфах. В своем последнем выступлении он уступил соотечественнику Тимасифею в 512 г. до н.э., будучи уже почти 40-летним мужчиной. Это выдающийся пример спортивного долголетия. Даже по нынешним меркам атлет вполне достоин титула абсолютного рекордсмена среди олимпийских борцов. О Милоне рассказывали легенды: будто бы он, стоя на диске, смазанном маслом, смеялся над теми, кто хотел его с этого диска столкнуть. Он также так крепко удерживал плод граната, что никто не смог его отнять, между тем как ни одно зернышко плода не было повреждено. Говорили, что он разрывал обвязанную вокруг лба веревку одним напряжением жил. Конец его был трагичен: он нашел засохшее дерево с расщепленным стволом, в который были вбиты клинья. Понадеявшись на свою силу, Милон сунул руки в этот расщеп, клинья выпали, и руки оказались намертво зажаты. В таком состоянии он стал жертвой диких зверей (Paus. VI. 14. 5–8). Его смерть вдохновила через многие столетия двух французских скульпторов — Пьера Пюже в XVII в. и Этьена Мориса Фальконе в XVIII в. Их мраморные изваяния Милона Кротонского по сей день украшают парижский Лувр.
47. *Gross W.N.* Quas iconicas vocant? Zu Porträtcharakter der Statuen dreimaliger Olympischen Sieger. Gött., 1969. S. 71.
48. Цит. по: *Ebert J.* Op. cit. S. 59.
49. *Amandry P.* La fête des Pythia // Πρακτικά της Ακαδημίας Αθηνών. 1990. T. 65. Athènes, 1991. P. 309, Not. 92.
50. Об организации Пифийских игр см. также: *Селиванова Л.Л.* Пифийские игры в Дельфах: дух и тело // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1991. № 2. С. 24–31; *она же:* Пифийские игры: концепция и процедура // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 6. М., 2004. С. 252–253; *Шарнина А.Б.* Пифийские игры в Дельфах // ΜΟΥΣΕΙ ΟΝ: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. Сб. статей / Отв. ред. В.С.Дуров. СПб., 1997. С. 63–73.
51. *Mommsen A.* Chronologie. S. 211, 214.
52. Обстоятельные исследования о праздниках в Аттике см.: *Deubner L.* Attische Feste. B., 1932; *Parke H.W.* Festivals of the Athenians. N.Y., 1977.
53. *Schreiber Th.* Apollon Pythoktonos. Ein Beitrag zur griechischen Religions und Kunstgeschichte. Lpz., 1879. S. 17.
54. Для музыкальных состязаний использовался дельфийский одеон и проскений, сооруженный из дерева. В более поздние времена, чтобы не использовать театр, подмостки переносили прямо на стадион.
55. На Крисейской равнине находился ипподром, и первоначально именно здесь проходили и мусические, и конные, и атлетические состязания. После того, как был построен стадион в Дельфах, все соревнования стали проходить там, за исключением ристаний колесниц.
56. *Blümner H.* Op. cit. S. 23; *Fontenrose J.* Op. cit. P. 456–461; *idem.* The Cult of Apollo and the Games at Delphi. P. 127; *Themelis P.G.* Op. cit. P. 7.
57. Суда сообщает, что тем же словом называли пастбище, область, а также закон и обычай, а дорийцы использовали это слово для обозначения денег. Отсюда появилось у римлян слово nummus (монеты, деньги) — Suid. s.v. Νόμος.
58. Павсаний относит время жизни Сакада к самому древнему периоду Пифийских игр, утверждая, что Сакад на состязании, установленном амфиктионами, одержал победу, когда еще не увенчивали венком, а затем две, когда уже стали награждать венком (Paus. VI. 14. 10).
59. Один из первых известных греческих поэтов спартанец Терпандр в 26-ую Олимпиаду (674/3 г. до н.э.) на празднике в честь Аполлона Карнейского в Спарте победил в конкурсе исполнителей кифародического нома. Терпандру принадлежит также канониза-

ция семиструнной кифары, изобретение нотации и инициатива перехода от пентатонной гаммы к диатонической. (О древнегреческой музыке см.: *Алмазова Н.А.* Античная музыкальная эпиграфика. Авт. дисс. на соиск. уч. степ. канд. искусств. СПб.: СПб. техн. ун-т, 1998; Античная музыкальная эстетика /Под ред. А.Ф.Лосева. М., 1960; *Герцман Е. В.* Рец.: H. Thiemer. Der Einflüß der Phryger auf die altgriechische Musik. Bonn-Bad Godesberg, 1979 // ВДИ. 1984. № 4. С. 181–187; *Он же.* Античное музыкальное мышление. Л., 1986; *Он же.* Музыка древней Греции и Рима. СПб., 1995; *Сакетти Л.* Очерк всеобщей истории музыки. СПб., 1891). С тех пор спартанские законодатели решительно препятствовали всяким нововведениям в музыке. См.: Plut. De profect. in virtute. 84 a; Ages. 10). Так, спартанский эфор Экпреп перерубил две из девяти струн инструмента музыканта Фринида, сказав при этом: «Не вреди музыке!» (Plut. Mor. 220 c). Другого музыканта, Тимофея, на карнейском празднике один из эфоров, взяв в руки меч, спросил, с какой стороны лучше обрубить на его инструменте струны, добавленные сверх положенных семи. Даже своего лучшего и старейшего кифареда Терпандра спартанцы однажды наказали, а кифару его пробили гвоздями, когда он, стремясь добиться большего разнообразия звуков, натянул дополнительную струну (Plut. Mor. 238 d). Некоего заезжего кифариста подвергли наказанию за то, что он играл на кифаре пальцами, а не плектром (Plut. Mor. 233 f). Спартанцы вообще очень серьезно относились к музыке и пению, считая, что эти искусства призваны ободрять дух и разум человека, помогать ему в действиях, и находя также связь между мужеством и музыкой. Поэтому пению и музыке обучали с неменьшим тщанием, нежели четкости и чистоте речи (Plut. Lyc. 21). В походе, увенчав себя венками, они исполняли пеан, во время атаки пели хором под звуки флейты, а перед сражением приносили жертвы Музам, моля, чтобы воины совершили подвиги, достойные доброй славы (Plut. Mor. 238 a-b). Язык спартанских песен был прост и выразителен, а в музыке они отдавали предпочтение суровому и мужественному дорическому ладу. По меткому выражению Ф.Ф.Зелинского, «когда Дельфы задались целью цивилизировать Спарту, насаждение музыки было их главным средством». Известно, что Ликург не стал записывать свои законы, ибо ретры он получил из Дельф положенными на музыку для лучшего запоминания (Plut. Lyc. 13). Музыкальный слух древних греков был намного тоньше, чем у наших современников: минимальный интервал, доступный нашему слуху — полутон, тогда как у греков — 1/4 тона. Более того, пифагорейцы, преуспевшие в подготовке атлетов, по свидетельству Платона (Resp. VII. 530 c-531), слышали столь малые доли тона, что оные уже доходили до тождества.

60. Статуя Гермеса — непременный атрибут гимнасий и палестр. Но кроме того Аполлон и Гермес ответственны и за мусическое воспитание, ибо Гермес изобрел лиру, а Аполлон — кифару (Paus. V. 14, 8). Аполлону делали посвящения и ставили свои статуи победители на других играх, как некий Алкмеонид из беотийского Птойона (*Ebert J.* Zu griechischen agonistischen Epigrammen // Wiss. Zeitschrift der Martin-Luther-Univers. Halle-Wittenberg. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reiche. 1965. XIV. S. 393. — далее: Ebert II).
61. На пожизненную должность жреца дельфийского Аполлона Плутарх был избран в возрасте около 50 лет. Его деятельность на этом посту снискала ему глубокое уважение.
62. Интересно изменение отношения к флейте, которая теперь «осмелилась зазвучать для радости» (Plut. De ei ap. Delph. 394 B). А знаменитый флейтист Сакад, трижды пифионик, своим искусством положил конец ненависти Аполлона к флейте (Paus. II. 22. 9). Благодаря Сакаду и Проному (Paus. IV. 27. 8; IX.12. 4), флейта стала столь популярной, что Пифийский ном, ранее исполнявшийся только на кифаре, стал называться πυθαύλης, Πυθιὰς βοή. Причем также называли и пеан (Suid. s.v. Νόμος).
63. Paus. VI. 4. 3–4; *Ebert J.* Zu griechischen Siegerepigrammen // Wiss. Zeitschrift der Martin-Luther-Univers. Halle, 1966. Bd. 15. H. 3. S. 396 (далее — Ebert III).
64. *Vogt E.* Agon (es) (certamena) // KP. I. 1964. Sp. 136.
65. Так, один кротонский атлет, одержавший победу на Олимпийских играх и уже шедший

получать венок, замертво рухнул у ног гелланодиков (Ael. V. h. IX.31). Пример вовсе не исключительный.

66. *Ebert I.* S. 78.
67. *Maróti E.* Περιοδονίκης. Änmerkungen zum Begriff Perioden-Sieger bei den panhellenischen Spielen // AAASH. 1985–1988. Vol. 31. S. 335–355.
68. *Blümner H.* Op. cit. S. 21.
69. *Ebert I.* S. 92. № 26.
70. Николадас победил пять раз в Панафинеях, три раза на Истме, три — в Немее, четыре — Пеллене, два — в Ликеях (Аркадия), а также в Тегее, Эгине, Эпидавре, Фивах, Мегарах, один раз во Флиунте. Возможно (Ebert I. S. 93), что часть побед он одержал как παῖς или ἀγένειος.
71. Согласно Павсанию, мясную диету ввел стимфалиец Дромей (Paus. VI. 7, 10).
72. У Порфирия — Аристоклеи (Porphyr. Vit. Pyth. 41).
73. Как сообщает Страбон, однажды на Олимпийских играх все семь победителей в беге оказались кротонцами (Strabo. VI. 1.12).
74. См. об этом: *Finley M.J., Pleket H.W.* The Olympic Games: The First Thousand Jears. L., 1976. P. 94.
75. М.Римшнайдер высказывает довольно спорную точку зрения, согласно которой Гомер пренебрежительно относится к состязаниям лучников, поскольку они приступают к состязаниям после всех прочих атлетов. Однако, сопоставляя ценность и значимость спортивных призов, она приходит к вполне логичному выводу, что этот вид спорта не был главенствующим на античных стадионах ни в раннюю эпоху, ни в более поздние времена. См.: *Римшнайдер М.* От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1977. С. 55–56, 59.
76. *Шанин Ю.В.* Олимпия: история античного атлетизма. С. 107–108.
77. Астипалейскому посольству пифия прорекла:

    Это последний герой, Клеомед из Астипалеи;
    Жертвы ему приносите, зане уже он не из смертных.
    Paus. VI. 9. 8. Пер. С.П.Кондратьева.

78. За непочтительное отношение фасосцев к статуе Феагена (ее выбросили в море) их земля была поражена бесплодием. Феорам, отправленным в Дельфы, был дан оракул, что они должны вернуть изгнанников. Однако и потом не наступило избавления от бесплодия. Вторично отправленному посольству пифия объявила:

    Вами оставлен в забвеньи у вас Феаген достославный.
    Paus. VI.11. 7–9. Пер. С.П.Кондратьева.

    После этого статуя чудесным образом была выловлена в море, ее водрузили на прежнее место и постановили приносить ей жертвы как богу.
79. Вспомним хотя бы, что Аполлон вытеснил из Дельф соперничавшую с ним богиню правосудия Фемиду, владевшую дельфийским оракулом прежде него (Aeschyl. Eum. 1–20; Eur. Iphyg. ad Aul. 1259 sqq.).
80. Подробное описание храма см.: *Соколов Г.И.* Олимпия. М., 1980. С. 87–148.
81. *Einem H. von.* Zum «Apoll» vom Westgiebel des Zeustempels in Olympia // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philolog.-histor. Klasse. 1980. № 1. S. 4.
82. «Трудно назвать даже в истории эллинской скульптуры фигуру, по пластической мощи равную образу Аполлона… Весь комплекс действий бога: решительное движение руки, могучий поворот плеч, резкий поворот головы подчиняются просветленному, исполненному возвышенного благородства, сильному, но спокойному лицу, воспринимающемуся как завершение все композиции фронтона. Скульптор максимально гармонизирует элементы лица,.. как бы излучающие победный свет…» (*Соколов Г.И.* Ук. соч. С. 124).
83. *Герасимова Л.Ю.* Концепция Олимпийских игр и художественное оформление Олимпии. Авт. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2005. С. 14.
84. *Raschke W.J.* Images of Victory. Some New Considerations of Athletic Monuments // The

Archaeology of the Olympics: The Olympics and Other Festivals in Antiquity. Ed. by W.J. Raschke. Madison, 1988. P. 42–43.

85. *Gardiner E.N.* Greek Athletic Sports and Festivals. Oxf., 1910. P. 130.
86. Хотя по-прежнему единственной наградой олимпионику был венок, невозможно отрицать факт извлечения из победы политического капитала, что приносило и ощутимые экономические выгоды. Даже если атлет был честен и не подрабатывал на каких-нибудь состязаниях, его по возвращении на родину ожидали пышные почести. Не только родственники и друзья, весь город считал себя прославленным перед лицом Эллады. Олимпионик, одетый в пурпур, на четверке белых коней въезжал в город через специально подготовленный пролом в каменной стене, который в тот же день заделывали, чтобы Ника Олимпийская не улетела из города. Люди с криками «Хайре!» — «Радуйся!» бросали цветы под колеса колесницы. У храма главного божества победитель слагал свой венок на алтарь, затем устраивался пир, во время которого исполнялись торжественные гимны в честь героя. Знаменитейшие поэты — Пиндар, Симонид, Вакхилид прославляли победителей в своих эпиникиях. Благодарные общины чтили своих героев денежными наградами (иногда значительными), даровали проэдрию или почетное место на празднествах и зрелищах, бесплатное пожизненное содержание в пританее. Из городской казны оплачивали работу скульптора, приглашенного возвеличить героя в бронзе или камне. Толпа настолько боготворила своих кумиров, что олимпионики нередко становились полководцами, а то и царями. Так, легендарный шестикратный олимпионик Милон Кротонский в 510 г. до н.э. возглавил войско родного города в войне против Сибариса. Полководец нагнал такого страха на врага, идя впереди так сказать в костюме Адама, вооруженный только шкурой льва и дубиной, наподобие Геракла, что победа над изнеженными сибаритами была предрешена. Большой авторитет толкал некоторых олимпиоников на захват власти, во всяком случае, среди тиранов было немало победителей в Олимпийских играх. (*Зельин К.К.* Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21–29). Кстати, последний олимпионик, чье имя осталось на мраморных скрижалях, могучий армянский князь Вараздат, непревзойденный кулачный боец, по возвращении на родину стал царем. Этому способствовала слава победителя Олимпийских игр. Совершенно справедливо мнение П.Картледжа о том, что индивидуалисты «пользовались олимпийской победой как формой политического кредита». (*Cartledge P.* The Greek Religious Festivals // Greek Religion and Society. Cambridge, 1985. P. 115). Классический пример — Алкивиад, выступивший в Олимпии в 416 г. до н.э. с семью колесницами и занявший 2 и 4 места (Thuc. VI. 16; *Moretti L.* Olympionikai. I vincitori negli antichi agoni olimpici. Roma, 1957. № 345). С другой стороны, уже существующие тираны стремились подкрепить свою власть олимпийскими победами. Особенно преуспели в этом сицилийские правители Гиерон и его братья Гелон и Полизал. Первый на скаковом коне дважды победил в Дельфах (вероятно, в 478 и 474 гг. до н.э.) и дважды в Олимпии (476 и 472 гг. до н.э.). На квадриге он также получил приз в 470 г. до н.э. в Пифо, а два года спустя в Олимпии. Пиндар и Вакхилид воспели победы не только Гиерона, но и его коня, «карего Ференика, / Мчащегося, как буря», которого не касалась пыль от опередивших (Bacch. Ep. V). «Еще любит свои Сиракузы / Аполлон в золотых кудрях, /Если одаряет он почестью / Гиерона, правосудного городам, — / Ибо вот уже третий раз / Там, где пуп меж высоких скал, / Гиеронова поется победа / И подвиг быстроногих его коней» (Вакх. Эпин. V. 1–8. Пер. М.Л.Гаспарова). Брат Гиерона Гелон победил в соревнованиях на квадриге в 488 г. до н.э., что запечатлено на 10-тидрахмовых серебряных монетах (так называемых дамаретинах). См.: *Moretti L.* Op. cit. № 185 (Гелон), № 221, 232 (Гиерон). Самым известным, однако, стал третий брат Полизал, который победил на колеснице в Пифийских играх. Об этой победе и сегодня возвещает знаменитая бронзовая фигура Возничего — все, что осталось от пожертвованной Полизалом в Дельфы квадриге. На базе статуи высечена надпись «Властвующий над Гелой». Скульптура и надпись датируются 470–460 гг. до н.э. Пиндар и Вакхилид создали хвалебные гимны, в которых прославлялись не только победы на состязаниях,

но также личность и деяния сицилийских тиранов (*Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 178, 185–187, 191). Дейномениды вообще уделяли большое внимание панэллинским играм, а также щедро одаряли Олимпию и Дельфы, последовательно проводя политику укрепления своего статуса посредством демонстрации богатства и благополучия: так, Гелон на средства из военной добычи соорудил сокровищницу, посвятил огромную, украшенную золотым плащом, статую Зевса в храм Зевса Олимпийского и три панциря. В Дельфы он послал золотой треножник весом в 16 талантов, по треножнику посвятили Аполлону и браться Гелона. Гиерон за победу над Кумами послал богатые дары в Дельфы и Олимпию. Подробнее см.: *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — середины V вв. до н.э. СПб., 2004. С. 180–181, 225, 237.

87. Т.е. Зевсами; это форма дорического диалекта.
88. Они были поставлены в 98 олимпиаду (388 г. до н.э.). В этом году фессалиец Эвпол подкупил деньгами двух выступавших с ним кулачных бойцов, в том числе и победителя предыдущей олимпиады. Надпись на шестой статуе гласила, что все они установлены в назидание эллинам, дабы никто не давал денег, желая добыть себе победу в Олимпийских состязаниях.
89. Пиндар воздал ему хвалу за кулачный бой в словах: «Без промаха бьющему / Исполину в Алфейском и в Кастальском венке, / И отцу его Дамагету, угодному Правде» (Пиндар. Ол. VII. 14–17. Пер. М.Л.Гаспарова).
90. Другой пример подобного рода — подвиг аргосцев Клеобиса и Битона, сыновей жрицы Геры Аргосской. На празднество в честь богини жрицу в святилище доставляли на повозке. Когда быки не вернулись с поля, юноши, которые обладали большой физической силой и были победителями на атлетических состязаниях, сами впряглись в ярмо и потащили повозку с матерью. Они пробежали 45 стадий до святилища Геры. Собравшийся на праздник народ восславил силу юношей, а их мать за то, что она обрела таких сыновей. Мать, возрадовавшись подвигу братьев, обратилась к статуе богини с мольбой даровать ее детям высшее благо, доступное людям. После этой молитвы, жертвоприношений и пиршества юноши заснули в святилище и уже не проснулись. Так божество показало, что есть высшее счастье для смертного. Солон назвал Клеобиса и Битона вторыми счастливцами после афинянина Телла. Благодарные аргосцы посвятили в Дельфы статуи юношей за проявленную ими высшую доблесть (Hdt. I. 31). Куросы близнецов Клеобиса и Битона работы Полимеда Аргосского (590–580 гг. до н.э.) — одни из древнейших статуй архаического времени в собрании Дельфийского археологического музея.
91. Подробнее см.: *Miller S.G.* Arete. P. vii-x.
92. *Cartledge P.* Op. cit. P. 111.
93. Феаген с Фасоса трижды побеждал в Пифийских играх (482, 478 и 474 гг. до н.э.), дважды в Олимпии, 10 раз на Истме, 9 — в Немее. См.: *Moretti L.* Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953. P. 51–56. № 15.
94. В.Йегер считал гуманность сущностью пайдейи. См.: *Jaeger W.* Paideia. Bd.I. B.-Lpz., I934. S. 13–16.
95. *Jüthner J.* Die athletischen Leibesübungen der Griechen. Bd. I. Wien, 1965. S. 58–62. Abb. 4–5.
96. *Селиванова Л.Л.* Πυγμή. К истории боксерской перчатки // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций Российской Ассоциации антиковедов 1996–1997 гг. М., 1997. С. 380–391.
97. Родоначальник современных Олимпийских игр барон Пьер де Кубертен (1863–1937), несмотря на очень маленький рост и совсем не атлетическое телосложение, был страстным спортсменом. Верховая езда, фехтование, плавание, гребля, бег — вот неполный перечень его спортивных увлечений. Барон имел прямое отношение к изобретению такой сложной и многообразной дисциплины, как современное пятиборье, ему же принадлежала идея марафона. В июле 1889 года на международном атлетическом конгрес-

се, созванном по инициативе созданного бароном Комитета по пропаганде физического воспитания Симона Кубертен выдвигает идею проведения международных соревнований по типу древнегреческих Олимпийских игр. Возрождению Олимпийских игр способствовали археологические открытия второй половины XIX века, в частности, открытие Г.Шлиманом Трои. Сам барон находился под сильным впечатлением «Истории греков», написанной членом Комитета Симона ученым и политиком В. Дюрюи. Слова песнопевца Пиндара «Боги — друзья игр» вдохновили Кубертена. 25 ноября 1892 года, выступая на юбилее Французского атлетического союза, он в качестве генерального секретаря этой организации официально предложил восстановить связь времен, начав новую эру Олимпиад. Путешествие в США, где, по его мнению, спорт готовил молодых людей к роли «граждан свободной страны», утвердило Кубертена в убеждении, что «принцип индивидуальной свободы в спорте должен найти свое воплощение в периодически повторяющихся международных встречах, организуемых по образцу Олимпийских игр. И как во времена эллинских племен, античные Олимпиады выражали идею их общности и примирения, так и современные Олимпийские игры будут преследовать ту же цель, распространив ее на все народы мира». Американские представления о массовости и популярности спорта наложились в сознании Кубертена на впечатления от массовых празднеств и зрелищ на Парижской всемирной выставке 1889 года (еще Лондонскую всемирную выставку 1851 г. газеты называли «Олимпийскими играми индустрии»). 16 июня 1894 года в Париже на Учредительном конгрессе, результатом которого стало «возрождение Олимпийских игр», звучали приветствия, декламация, выступали атлеты. В большом зале Сорбонны большой хор с великолепной солисткой исполнил «Дельфийский гимн Аполлону» и хорал в архаическом стиле композитора Габриеля Форе. На конгрессе был образован Международный олимпийский комитет (МОК), который с 1896 по 1925 гг. (кроме 1916–1919 гг.) возглавлял П. де Кубертен, и сформулирован ключевой принцип Олимпийских игр — принцип любительства. 6 апреля 1896 г. в Афинах состоялись первые современные Олимпийские игры. Сам Кубертен на всех торжествах оставался в тени, его имя почти не упоминалось. На первом плане обычно фигурировали греческий король и его сыновья, а затем ставший национальным героем Греции победитель марафона Спиридон Луис. Однако барон не позволил королю национализировать состязания в пользу Греции, настояв на том, чтобы Олимпийские игры проходили в больших городах разных стран мира, а не только на земле древней Эллады. В апреле 1927 года, в годовщину первой Олимпиады, в древней Олимпии по распоряжению греческого правительства был воздвигнут обелиск из белого мрамора, на котором на греческом и французском языках было выгравировано имя основателя современного олимпизма. 26 марта 1938 г., в соответствии с завещанием П. де Кубертена, над древним стадионом, на склоне холма Кронион было захоронено сердце инициатора Игр современности. Над захоронением поставлена беломраморная стела с профилем Зевса Олимпийского.

98. *Михайлин В. Ю.* Аполлоновы лярвы: состязательный спорт в древнегреческой и новейшей культурных традициях // *Михайлин В. Ю.* Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / Предисл. К.Кобрина. М., 2005. С. 310.

99. *Nilsson M.P.* Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Lpz., 1906. S. 159. Очень точно выразился крупный отечественный филолог-классик М.Л. Гаспаров: «Фантастический почет, который воздавался олимпийским, пифийским и прочим победителям, стремление городов и партий в любой борьбе иметь их на своей стороне, — все это объяснялось именно тем, что в них чтили не искусных спортсменов, а любимцев богов. Спортивное мастерство оставалось личным достоянием атлета, но милость богов распространялась по смежности на его родичей и сограждан. Идя на войну, граждане рады были видеть в своих рядах олимпийского победителя не потому, что он мог в бою убить на несколько вражеских бойцов больше, чем другие, а потому что его присутствие сулило всему войску благоволение Зевса Олимпийского. Исход состязаний позво-

лял судить, чье дело боги считают правым, чье нет. *Греки времен Пиндара шли на состязания с таким же чувством и интересом, с каким шли к оракулу. Не случайно цветущая пора греческой агонистики и пора высшего авторитета дельфийского оракула так совпадают* [курсив наш — Л.С.]». См.: *Гаспаров М.Л.* Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. Изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М., 1980. С. 363.

100. М.П.Нильссон еще в 1940 г. заметил, что те, кто изучает греческую религию, обычно пренебрегают явлением, которое, «как им кажется, имеет к религии мало отношения. Но на самом же деле именно религия является его основой. Речь пойдет о великих общих празднествах, которые греки назвали “panegyreis” (“общие собрания”). Они происходили в определенных культовых местах, были посвящены какому-либо богу и сопровождались жертвоприношениями. Важной составной частью некоторых подобных собраний были игры… Великие игры Греции — Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские были, в буквальном смысле, преимущественно панегиреями». (*Нильссон М.П.* Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 133–135). О том же см.: *Amandry P.* La fête des Pythia. P. 316.

101. Так, смерть на Олимпийских играх в греческой шкале ценностей приравнивалась к высшей славе гражданина, погибшего в бою за родной полис. А олимпийский победитель в Спарте получал особую почесть: идти в атаке впереди царя (Plut. Lyc. 22).

102. Καλός καὶ ἀγαθός (или καλός καγαθός) — во всех отношениях совершенный человек и идеальный гражданин. А.Ф.Лосев предлагает следующую классификацию калокагатии (*Лосев А.Ф.* Классическая калокагатия и ее типы // ВЭ. 1960. Вып. 3. С. 416): 1). Старинно-аристократическая, родившаяся в недрах разлагающегося общинно-родового строя; 2) общественно-показная, или общественно-демократическая калокагатия, связанная с демократическим государственным устройством. Такая калокагатия проявлялась лучше всего на стадионах и в театрах; 3). Третий тип калокагатии выработало греческое мещанство, литературным выразителем которой был Ксенофонт. См. также: *Ленская В.С.* ΚΑΛΟΣ ΚΑΓΑΘΣ: воспитание и образование дренегреческого аристократа // Studia historica. М., 2006. Вып. VI. С. 69–82.

103. *Кузищин В.И.* Предисловие. Олимпия древняя и современная // *Шанин Ю.В.* Олимпия: история античного атлетизма. С. 7.

104. Как метко выразился Ю.В.Шанин, «благородство теперь измерялось не столько духовными талантами, сколько талантами золотыми». (*Шанин Ю.В.* Ук. соч.С. 28).

105. Пол Картледж характеризует Олимпийские игры как полувоенные упражнения (одно из значений слова ἀγών — «борьба, война»). Перефразируя высказывание генерала Клаузевица, он утверждает, что «античные Олимпийские игры были продолжением войны другими, политическими средствами». Поставив вопрос о соотношении спорта и политики, П.Картледж идет еще дальше. «Античные греки, — пишет он, — разделили участь современной критики нацистской Германии 1936 г. и Советской России 1980 г.» [1936 г. — Олимпийские игры в Берлине, 1980 г. — в Москве — Л.С.], из проведения которых нация-хозяин извлекла политический капитал». Как и в древности, Олимпийские игры еще совсем недавно так же бойкотировались по политическим причинам, так что современные Олимпийские игры — «это хороший пример смешения религиозного и мирского, спорта и политики» (*Cartledge P.* Op. cit. P. 112–113, 115). Также обращает внимание на политическую составляющую Олимпийских игр Венди Рашке. Изучая образы победителей в архаическом и классическом искусстве Греции, Рашке приходит к выводу, что создавшие их художники выполняли социальный и политический заказ. Созерцая изображения антропоморфных богов и героев, воплощавших состязательный дух греческой жизни, человек стремился им подражать и проникался идеей героизированного *арете*. Храм Зевса в Олимпии и его статуи являлись, таким образом, синтетическим выражением религиозных, агональных и политических идеалов, разделявшихся классическими греками. Любопытно, что Рашке проводит здесь параллель с ленинским планом монументальной пропаганды, выдвинутом в апреле 1918 г., в соответствии с которым художникам и скульпторам было поручено создание статуй и монументов в

честь героев революции и народных вождей (*Raschke W.J.* Op. cit. P. 38–54).

106. *Михайлин В. Ю.* Ук. соч. С. 328. Ср. с тем, что писал Р.Генон: «В таком мире нет больше места для интеллигенции или того, что является чисто внутренним, потому что здесь существуют вещи, которые нельзя потрогать, увидеть, сосчитать или взвесить… Не следует поэтому удивляться, что англосаксонская мания “спорта” завоевывает с каждым днем все большее пространство: идеал этого мира — это “человеческое животное”, которое до максимума развило свою мускульную силу; его герои — это атлеты, пусть они будут даже грубыми, они вызывают народный энтузиазм, это их подвигами вдохновляется толпа» (*Генон Р.* Кризис современного мира // *Генон Р.* Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. — Пер. с франц. М., 2004. С. 268–269).
107. *Jüthner, Mehl.* Op. cit. Sp. 1352.
108. *Orwell G.* The Spotring Spirit (1945), repr. in: The Collected Essays Journalism and the Letters of George Orwell. IV. In Front of Yours Nose. 1945–1950. Harmondsworth, 1971. P. 63.
109. *Cartledge P.* Op. cit. P. 112.
110. *Ebert II.* № 15, 25, 35, 43, 52; Paus. VI. 4.3; 17.3; 8, 6; 10, 3. Исключения единичны: знаменитый Милон Кротонский и Феаген с Фасоса.
111. *Boardman J.* Greek Art and Architecture // Greece and the Hellenistic World. Oxford, N. Y., 1988. P. 292.
112. О системе воспитания в Олимпии см.: *Рунг Э.В.* Элейский образ жизни (К вопросу об ἀγωγὴ τοῦ βίου элейцев) // Античный вестник. Вып. 2. Омск, 1994. С. 91–101.
113. *Шанин Ю.В.* Олимпийские игры и поэзия эллинов. Гомер и классическая лирика VIII–V вв. до н. э. Киев, 1980. С. 129.
114. Об обжорстве атлетов см.: Ael. V.h. I. 27; о пьянстве — Ael. V.h. XII. 26.
115. *Diem C.* Antiker und moderner Sport // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts und Archäologischer Anzeiger. B., 1960. Bd. 74. S. 30.
116. Типичный пример — бронзовая голова кулачного бойца из Олимпии работы Силаниона или Лисистрата (IV в. до н.э.). Яркую характеристику этого памятника дает Г.И. Соколов: «Лишенный каких-либо проблесков мысли, максимально огрубленный облик кулачного бойца выступает здесь в обнаженной неприглядности». Здесь, прежде всего, подчеркнуты его профессиональные качества. «Выступающая вперед челюсть, брезгливо и презрительно сложенные губы, закрытые густыми усами и прядями бороды, подчеркивают скорее животную жестокость, нежели физическую силу. Маленькие, прячущиеся под нависающими бровями настороженные глаза, привыкшие следить за малейшим движением противника, смотрят угрюмо, с выражением желания добить соперника». Динамика недавнего боя передана в «еще полных злых огоньков глазах». Подчеркивается «асимметрия черт лица в резком сопоставлении по-разному поднятых бровей, в различных по величине и положению, хотя и маленьких, но выразительных глаз и особенно беспорядочном характере прядей волос… Волосы олимпийского кулачного бойца кажутся взъерошенными, пластические формы будто вскипели в бурной подвижности,.. извивающиеся пряди придают образу характер колючий, враждебно-наступательный, агрессивный». Контакт пластического объема и реального пространства выступает «как конфликтное противопоставление». Особенное внимание автор обращает на светотеневое решение образа. «Поверхность здесь тревожная, вызывающая ощущение взволнованности и напряжения. Мышцы крутого лба набухают настолько же сильно, насколько глубоко утоплены глазницы. Нос показан сильно приплюснутым как бы для того, чтобы подчеркнуть дерзко выставленную колючую бороду… В олимпийской голове, возможно, представлен побежденный на состязаниях IV века до н.э. кулачный боец… Правда, скульптора не столько интересуют индивидуальные, неповторимые особенности лица,.. сколько профессиональные качества» изображаемого. «В поле зрения скульптора вошло теперь то, что воспринималось как некрасивое, даже уродливое». Подобная резкая трактовка образа атлета была невозможна в классическую эпоху,

когда ваятели максимально облагораживали облик своих героев. «Этот бронзовый памятник свидетельствует об утрате не только высоких идеалов физического воспитания, но и гражданственных идеалов, о замене их мелкой в своей основе жаждой индивидуальных успехов». (*Соколов Г.И.* Олимпия. С. 170–175).

117. Прекрасную подборку иллюстративного материала см.: *Finley M.J., Pleket H.W.* The Olympic Games: The First Thousand Years. L., 1976. P. 84. Pl. V a, Fig. 13; Pl. 16 a, b; 21, 22.
118. Из несохранившейся трагедии «Автолик» (Афиней. Пир софистов. X. 413).
119. Paus. V. 2. 4. Два мальчика, прибывшие на Истмийские игры, один для того, чтобы участвовать в панкратии, другой — в борьбе, были задушены накануне состязаний.
120. Гиппократова школа. О диете. XXIV.
121. *Шанин Ю.В.* Ук. соч. С. 43.
122. Разумеется, кризис полиса IV в. до н.э. с присущими этому процессу упадком нравов и ослаблением традиционных норм не мог не коснуться и Дельф. См. об этом: *Глускина Л.М.* Дельфийский полис в IV в. до н. э. (некоторые аспекты внутриполитической истории) // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. М., 1983. С. 43–72; *Musielak M.* Miasto-pacstwo Delfy w IV w. p. n.e. Studium z historii spoiiczecstwa greckiego. Poznac, 1989. Однако, наши знания об этом недостаточны и неполны. Как справедливо указывала Л.М.Глускина, скудные данные о внутренней жизни дельфийского полиса не дают возможности «восстановить не только последовательный ход событий, но даже… важные элементы социально-политической структуры» (*Глускина Л.М.* Ук. соч. С. 72). Кроме того, Дельфы были не обычным полисом, а сакральным центром всей Греции. Обладая непререкаемым авторитетом для всех эллинов, как оракул, законодатель, хранитель традиционных устоев и третейский судья, Дельфы в лице своего жречества, магистратов и амфиктионов обязаны были удерживать ту высокую моральную планку, на которую равнялись греческие города и полисы. Прибегая к музыкальной терминологии, можно назвать град Аполлона панэллинским камертоном. Поэтому те пагубные процессы, которые неизбежно сопровождали общий кризис полиса, в Дельфах, по крайней мере, должны были быть минимизированы. Одним из доказательств этого положения служит факт учреждения после 300 г. до н.э. многочисленных праздников по типу Пифийских игр в разных полисах (τοὺς ἀγῶνας… στεφανίτας ἰσοπυθίους μουσικόν τε καὶ γυμνικόν — FD III. 3, 240–242 342; IG II². 3169–70): в Филиппополе, Траллах, Гиераполе и др., в ионийских городах праздновали Панионийские Пифии. В 292 г. до н.э. македонский царь Деметрий Полиоркет провел Пифийские игры в Афинах. В самих Дельфах в 278 г. до н.э. после того, как было отражено нашествие галатов, амфиктионы учредили праздник Swthriva (Спасение) с музыкальными и драматическими соревнованиями (FD III. 1, 481–483; III. 2, 140,141; III.3, 215; III. 4, 356, 361, 362; IG II². 680; IX.2, 187; *Nachtergael G.* Les Galates en Grèce et les Sôtéria à Delphes. P. 209–382, 401–495). А в 246/5 г. до н.э. Этолийская Лига, которая тогда доминировала в Дельфах, реорганизовала его в атлетическое празднество, проводимое раз в четыре года в честь Зевса Спасителя и Аполлона Пифийского, по типу Пифийских игр с гимнастическими, иппическими, музыкальными и драматическими состязаниями, в которых победитель так же увенчивался венком. Праздник проходил летом, возможно, в пифийский месяц Букатий, после Пифийских игр. Так что вместе с Сотериями Пифии составляли один долгий атлетический фестиваль (*Fontenrose J.* The Cult of Apollo and the Games at Delphi. P. 137). О художественных и интеллектуальных состязаниях на спортивных играх в Греции см.: *Bilicski B.* Agoni ginnici: componenti artistiche ed intellettuale nell'antica agonistica greca. Wrociaw-Roma, 1979.
123. Не случайно с Дельфами связывают одну очень красивую легенду. В Локрах Эпизефирских показывают статую кифареда Евнома с цикадой, сидящей на кифаре. Некогда Евном и Аристон из Регия состязались на Пифийских играх и поспорили, кому выступать первым. Аристон просил о содействии дельфийцев на том основании, что его предки были посвящены богу, и отсюда была выведена колония. Напротив, Евном утверждал,

что регийцы вообще не имеют права участвовать в соревнованиях, потому что у них даже цикады, обладающие самым звучным голосом из всех существ, не поют. Тем не менее, Аристон выступил успешно и надеялся на победу. Во время же выступления Евнома на его инструменте лопнула струна, и в этот самый момент на кифару вскочила цикада и восполнила недостающий звук. Евном победил и посвятил богу статую в родном городе (Strabo. VI. 1.9). Греки действительно считали цикад очень музыкальными и поэтично величали их служанками Муз.

124. FD III. 3. 128; *Decker W.* Op. cit. S. 85; *Amandry P.* La fête des Pythia. P. 296.
125. Члены Дельфийско-фермопильской амфиктионии, непосредственно заведовавшие союзными делами, назывались иеромнемонами (ἱερομνημόνες) и назначались каждым племенем по числу его голосов в союзе, так что всего их было 24. Иеромнемоны составляли совет по делам, относящимся к культу, заботились об охране храма, его сокровищ и земель, устраивали Пифийский праздник, наблюдали за исполнением амфиктионских уставов, в особенности священного перемирия, созывали собрания по важнейшим вопросам. (*Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. С. 293).
126. FHG III. 123. Сочинение до нас не дошло, вероятно, оно содержало описание посвятительных даров Аполлону от граждан и городов.
127. И сами поэты, и их произведения часто соревновались за призы на музыкальных и артистических праздниках, которые становились ярким общественным и религиозным событием. В основе лежала идея, что боги, обладающие некоторыми человеческими пристрастиями, получали удовольствие от зрелищ, особенно организованных в виде соревнований, подобно тому, как люди получали удовольствие от различного рода агонов. Это было также очень почетно, так как соперничавшие между собой поэты, музыканты, хоры пытались достичь превосходства, и победитель получал награду, демонстрируя тем самым свое возвышение на празднике. Хотя в своем творчестве, в поэмах и эпиникиях поэты воспевали людские подвиги (в центре всегда победитель, место его победы, атлетические достижения, его семья, его спортивный рекорд, его полис), но везде присутствовали боги и герои. Поэтому столь трудно провести грань между священным и мирским в греческой поэзии. См.: *Easterling P.E.* Greek Poetry and Greek Religion // Greek Religion and Society. L., N.Y., N.Rochelle, Melbourne, Sydney, 1985. P. 41–43. «Особое отношение Дельфийского оракула к поэтическому творчеству отражает традиции, которые принадлежат не только к легендам, но и к культово-исторической реальности. Роль пифийского круга идей в творчестве Пиндара известна так же, как и почести, которые оказывались поэту в святилище. Ритуал Теоксений и даже вечернее закрытие храма включали в себя приглашение героизированным поэтам принять участие в празднике жертвоприношения. Это символическое действие соответствует праву потомка на долю в праздничном пиршестве. Такое чествование поэтов является частью дельфийской традиции, которая связывает оракул с великими поэтами и мудрецами. Гомер получает предсказание горя и счастья одновременно, смешанной судьбы, где будет и потеря зрения, и непреходящая слава после смерти, Гесиод — похожее двойственное изречение о конце жизни и славе. Еврипиду оракул тоже дал прорицание о посмертной славе». — *Маас М.* Оракул в Дельфах: истина и вымысел. Пер. с нем. и комм. Л.Л.Селивановой // Studia historica. М., 2005. Вып. V. С. 158.
128. Подробнее см.: *Гринбаум Н.С.* Пиндар и Дельфы // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. С. 305–311.
129. *Селиванова Л.Л.* Пифийские игры в Дельфах: дух и тело. С. 24–31.
130. *Мааß М.* Das antike Delphi: Orakel, Schätze und Monumente. Darmstadt, 1993. S. 21; *idem.* Das Orakel in Delphi. Dichtung und Wahrheit // Prognosis. Studien zur Funktion von Zukunftsvorhersagen in Literatur und Geschichte seit der Antike. Münster, 2001. S. 126–127.
131. В оригинале стихи написаны верлибром.
132. Сайт международного дельфийского движения: www.delphic.ru.
133. 15 июня 2001 г. информация о Первых Российских молодежных Дельфийских играх и

Первых Всемирных Дельфийских играх была направлена для публикации в «Книгу рекордов Гиннеса» и Российское издание «Книгу рекордов планеты».

134. Хроника последующих мероприятий: 16–22 мая 2003 г. Третьи молодежные Дельфийские игры России (Волгоград); 25 сентября — 1 октября 2004 г. Вторые молодежных Дельфийские игры государств-участников СНГ (Молдова); 2–7 мая 2005 г. Четвертые молодежные Дельфийские игры России (Рязань); 19–24 мая 2006 г. Пятые молодежные Дельфийские игры, посвященные 15-летию СНГ (Красноярск).
135. *Maaß M.* Das Orakel in Delphi. Dichtung und Wahrheit. S. 128.

L.L. Selivanova

ANCIENT PYTHIAN AND MODERN DELPHIAN GAMES

Having studied narrative and epigraphic sources (victorious inscriptions), and also sculpture, cutterplasty and vase-painting 6th–4th cc. BC, the author comes to the following conclusions. In Delphi Apollo Pythian was the god of agonistics, youth and harmonies. Distinctive feature of the Pythian games was the humane character of competitions in comparison with others pan-Hellenistic competitions. This characteristic was in many respects determined by the fact that the Pythii passed under the patronage of the most light Hellenistic god. Essentially different approach of the Olympic and the Pythian games to educational system, opposite views at physical training, opposition of professionalism and amateurishness, sports and physical training provided more democratic composition of participants at competitions in Delphi. The most ancient and significant part of the Pythian games program was musical agon, that predetermined vitality for not only games during a common decline of antique athleticism, but also for the Pythian idea itself which has been revived in 20th c. In antiquity the Pythian games were occupying the second place after the Olympic as to the shine and value. Their place and role within the world culture and in a history of antique music have not been realized yet. Being the predecessor of musical competitions and festivals, Apollo's sacred games had in the past and have now as the renewed Delphian games great value, uniting countries and peoples in their peace, resourceful creativity.

© 2007 г.

М.Ф. Высокий

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НА СИЦИЛИИ: ЗАКОНЫ ХАРОНДА

Древнейшее греческое законодательство на острове появилось вместе с возникновением эллинских полисов. Несмотря на вполне объяснимое заимствование законодательных традиций метрополий, в правовых системах новых полисов достаточно рано стали формироваться собственные правовые традиции.[1] Но определяющим этапом развития правовой системы греческого общества на Сицилии безусловно следует считать законодательство Харонда из Катаны — одной из наиболее ярких фигур в ранней истории греческого Запада, ставшей его «визитной карточкой» в остальном эллинском мире.

В античной традиции Харонд упоминается вместе с законодателем из Локр Эпизефирийских Залевком (см., например, Arist.Pol.II.9.1274a.22–25; Aelian.V.H.III.17; Porphyr.,Vita Pyth .21; Iambl. Vita Pyth.33; 172; Senec. Ep. ad Luc.XC.6; др.). Подобное «объединение» было, видимо, связано с достаточно ранней версией, упоминаемой уже Аристотелем, о том, что Харонд был учеником Залевка (Pol.II.9.1274a.29–30). Правда, сам Аристотель сомневался в ее правдивости, и в дальнейшем данная версия авторами

уже не упоминается.[2] Источники подобной версии нам неизвестны, однако не исключено, что одним из поводов ее появления может быть традиция о введении в Регии, соседнем с Локрами италийском полисе, законов Харонда (Heracl.Lemb.55 Dilts), и даже эмиграции самого Харонда из Катаны в Регий (Ael.VH.III.17)

Законы Залевка были весьма важны для эллинского мира в целом тем, что, как утверждает Эфор, весьма осведомленный в делах Сицилии и Великой Греции,[3] именно Залевком в Локрах впервые был введен письменный свод законов (apud Strabo.VI.I.8; Ps.-Scymn.314–315).[4] Вероятно, именно в этом качестве данный свод был известен Демосфену, который не только приводит обширную цитату из локрийского законодательства, но и подчеркивает, что это цитата из свода, сохранявшегося более чем двести лет (Contr.Timocr.139–141). Эта информированность Демосфена обусловлена спецификой его профессии — оратора, прежде всего судебного.[5] Но что интересно — Демосфен, хорошо знакомый с локрийским сводом законов, нигде не упоминает имени Залевка. В этом отношении показательно мнение младшего современника Демосфена, Тимея, написавшего знаменитый труд по истории Ἰταλικὰ καὶ Σικελικα;[6] который отрицал существование Залевка (apud Cic.Leg.II.15), видимо, как литературной фикции. Да и Платон, не раз лично бывавший на Сицилии, законодателем Италии и Сицилии называет только Харонда (Resp.X.599e).

По всей видимости, распространение законов Залевка было ограничено собственно Локрами, и данный свод законов был известен за пределами полиса только как первый письменный свод.[7] В отличие от законов Харонда, широко известных и использовавшихся далеко за пределами Катаны: фактически, именно об этом и пишет Аристотель, который называет Залевка законодателем Локр Эпизефирийских, а Харонда — законодателем Катаны и других халкидских полисов Италии и Сицилии (Arist. Pol. II. 9. 1274a. 22–25: νομοθέται δὲ ἐγένοντο Ζαλευκος τε Λοκροῖς τοῖς ἐπιζεφυρίοις, καὶ Χαρώνδας ὁ Καταναῖος τοῖς αὐτοῦ πολίταις καὶ ταῖς ἄλλαις ταῖς Χαλκιδικαῖς πόλεσι ταῖς περὶ Ἰταλίαν καὶ Σικελίαν). Таким образом, для изучения греческой правовой системы на Сицилии следует рассматривать только законы Харонда.

Хронологические рамки жизни Харонда достаточно обширны, и terminus post quem является датировка законов Залевка. Введение законов Залевка в Локрах Евсевий твердо датирует 663 г. (Chron.vers.arm.p .86 Schoene; в латинской версии Иеронима 662/661, — p.94 Helm). Версия об ученичестве Харонда у Залевка, как мы уже видели, не вызывала доверия уже в древности, однако она позволяет предположить, что законы Харонда появились позже, чем законы Залевка. Косвенно это подтверждает и утверждение Эфора о законах Залевка как первом письменном своде. Однако насколько Харонд жил позже Залевка? Описывая схему ученичества законодателей (Ономакрит и Фалес — Ликург и Залевк — Харонд), Аристотель подчеркивает, что подобной версии может придерживаться только тот, кто несведущ в хронологии (ἀλλὰ ταῦτα μὲν λέγουσιν ἀσκεπτότερον τῶν χρόνων ἔχοντες — Pol. II.9. 1274a.30). И хотя данное замечание относится ко всей схеме, вполне можно предположить, что между Залевком и Харондом существовал значительный временной промежуток. Terminus ante quem для Харонда является сообщение Гераклида Понтийского, что законы Харонда действовали в Регии до прихода к власти тирана Анаксилая (Heracl.Lemb.55 Dilts) в 494 г. (Diod.XI.48.2). Иными словами, время жизни и деятельности Харонда следует отнести к концу VII–VI в.

В этой связи следует упомянуть интересную гипотезу о возможной связи между тиранией Панетия в Леонтинах, соседнем с Катаной халкидском полисе, и возникновением законодательства Харонда: законы могли быть приняты с целью избежания леонтинского опыта в других полисах, прежде всего в Катане, родном полисе Харонда, а их конституционная часть заключалась в том, чтобы олигархия расширила свой состав за счет предоставления определенных прав и земли наиболее состоятельным лицам из числа тех членов полисного коллектива, кто ранее их не имел.[8] К сожалению, у нас нет достаточных доказательств для подтверждения (или опровержения) данной гипотезы, однако

сама предложенная суть конституционной реформы Харонда кажется вполне правдоподобной. Учитывая то, что приход Панетия к власти датируется 609/8 г. (Euseb. Chron. vers. arm. p. 90 Schoene; в латинской версии Иеронима 615/14, — p.97 b Helm), законы Харонда следует отнести к первой половине VI в.

Среди источников, содержащих сведения о законах Харонда, следует отметить Аристотеля, как наиболее раннего из дошедших до нас авторов, а также Диодора Сицилийского, в труде которого представлен наибольший перечень законов, известных ему под именем Харонда. Кроме того, значительный по объему фрагмент, названный Carwvvnda Katanaivou Prooivmia novmwn, содержится в труде византийского автора VI в. н.э. Иоанна Стобея (Flor.IV.p.149–155 Hense).[9] К сожалению, представленный у Стобея материал представляет интерес скорее как литературно-философский памятник, а не конкретно-исторический. Прежде всего отметим, что данные законы у Стобея содержат преамбулы, а судя по утверждению Платона, в раннем законодательстве преамбул к законам не существовало (Leg.IV.722e). Что касается формулировки и содержания самих законов, то они содержат сентенции, восходящие к пифагорейской традиции, впрочем достаточно ранней, V–IV вв.[10]: так, в некоторых фрагментах упоминаются демоны (подземные демоны и демоны — хранители очага), характерные для системы пифагорейских воззрений (см. Arist. fr.193; 196 Rose; Heracl.Lemb. apud Jamb. V.P. 219; Aristox. fr. 34 Wehrli; Jamb. V.P. 31; 37; 100). В целом же материал Стобея вторичен, прежде всего по сравнению с более ранним Диодором. Однако следует отметить, что и Диодор использовал не оригинальный текст кодекса Харонда, а изложение авторов пифагорейской традиции: во-первых, в некоторых его философских рассуждениях, обосновывающих правомерность принятия того или иного закона, прослеживаются классические пифагорейские максимы,[11] во-вторых, в тексте Диодора при передаче содержания законов проскальзывают фрагменты, очевидно являющиеся заимствованием из преамбул законов, содержавшихся в источнике Диодора (περὶ τῆς κακομιλίας — XII.12.3; περὶ τῆς τῶν ὀρφανῶν φυλακῆς — XII.15.1; περὶ τῶν ἐπικλήρων — XII.18.3).

В связи с этим встает вопрос об источнике Диодора. Для освещения событий на Сицилии и в Великой Греции Диодор, уделявший особое внимание данному региону, использовал впечатляющее количество трудов предшествующих авторов.[12] Однако он практически никогда не ссылался на них, поэтому появились и появляются различные гипотезы об источниках того или иного фрагмента труда Диодора. Что касается интересующего нас фрагмента о законах Харонда, то он возводится к часто используемому Диодором труду Тимея из Тавромения,[13] произведениям Эфора (apud Strabo,VI,1,8),[14] или Посидония (apud Senec.Ep.90.6).[15] Особо следует отметить гипотезу К.Майстера, который доказывает, что фрагменты Диодора о законах Харонда и о законах Залевка (XII.20–21) восходят к специальному труду περὶ νομοθετῶν, автор которого неизвестен.[16] В самом деле, вопрос достаточно запутан. У Тимея и Эфора упоминается лишь Залевк, поэтому мы не можем твердо подтвердить, что в их трудах освещались и законы Харонда. Фрагмент Посидония слишком мал, и хотя в нем упоминается наряду с Залевком и Харонд, однако суть его направлена на обозначение традиции о принадлежности обоих законодателей к пифагорейцам, и мы не можем надежно определить, имелось ли в его труде описание самих законов Харонда, которое мы видим у Диодора. По всей видимости, Диодор использовал какой-то иной местный источник, имевший пифагорейское происхождение, описывающий, в частности, содержание кодекса Харонда, хотя не исключено, что этот источник был им соотнесен с другим источником по истории и законодательству Фурий (тем же Тимеем или Эфором), — ведь Диодор называет Харонда законодателем именно Фурий (XII.11.4).

Как мы уже видели, пифагорейское влияние на традицию о Харонде, как и о Залевке, было определяющим, что и обеспечило появление соответствующих сентенций в трудах не только представителей пифагорейской школы (Jamb. V.P. 31; 37; 100; Porph. V.P.21), но и в общих работах эллинских историков (Diod.XII.19.1; Poseidon. apud Senec.Ep.90.6). Краеугольным камнем данной традиции стала версия об ученичестве Харонда и Залевка

у Пифагора, появившаяся, видимо, уже в раннем пифагореизме и фигурирующая уже у Аристоксена (apud Diog.Laert.VIII.15 = fr.43 Wehrli).[17] Очевидная литературность данной версии подтверждается хронологически: как мы уже определили ранее, время создания кодекса Харонда следует отнести к первой половине VI в., в то время как отъезд Пифагора из Самоса в Италию датируется 532/1 г. или 529 г.[18] Однако едва ли не с момента своего появления эта пифагорейская версия вошла в противоречие с другой, синхронно бытовавшей версией о «школе ученичества» законодателей западных эллинов: Ономакрит, первый законодатель, родом из Локр, прошел курс обучения на Крите вместе с Фалесом; учениками Фалеса были Ликург и Залевк, а учеником Залевка — Харонд (Arist. Pol.II.9. 1274a.23–30). Однако эта последняя версия, почерпнутая Аристотелем у не названных им авторов, в дальнейшем не получила распространения, чему в немалой степени способствовало, по всей вероятности, отрицательное отношение к ней самого Аристотеля (ἀλλὰ ταῦτα μὲν λέγουσιν ἀσκεπτότερον τῶν χρόνων ἔχοντες), в то время как пифагорейская версия с легкой руки ученика Аристотеля Аристоксена закрепилась в античной традиции.

Причина столь пристального интереса пифагорейских авторов к законодателям заключалась в их отношении к божественности законов. Данная пифагорейская теория наиболее полно отражена у Ямвлиха, который позаимствовал ее из «Пифагорейских изречений» все того же Аристоксена[19]: «Пифагор признавал самым важным средством для установления справедливости власть богов. Благодаря этой власти он установил государственное устройство, законы, справедливость, право… Они (пифагорейцы, — М.В.) справедливо утверждали, что живое существо от природы склонно к необузданности и разнообразным устремлениям, желаниям и прочим страстям. Поэтому-то и необходима некая высшая сила, рождающая благоразумие и порядок … Они признавали самым большим злом безначалие, ибо человек от природы не способен сдержать себя, если над ним нет никакого начальника. Пифагорейцы одобряли приверженность к отеческим обычаям и законам, даже если те были хуже чужеземных…» (174–176; пер. Ю.А.Полуэктова). Именно поэтому едва ли не все известные законодатели региона стали считаться учениками Пифагора: кроме Залевка и Харонда это Тимар из Локр, номофеты Регия Фитий, Феокл, Геликаон, Аристократ, Теэтет (Jamb. V.P.130; 172). Вероятно, в данном случае речь не идет о банальной фальсификации: не исключено, что в раннем пифагорейском сообществе законодатели, особенно древние, считались духовными учениками Пифагора, который посредством божественной субстанции установил через них «государственное устройство, законы, справедливость, право».

Таким образом, основная часть законов Харонда дошла до нас в обработке пифагорейской традиции. Именно в обработке, поскольку в основе был реальный кодекс Харонда. При этом следует отметить, что в данной традиции именно Харонд считался лучшим законодателем. Эта версия наиболее полно отражена у Ямвлиха (130: «Харонд из Катаны, признаваемый одним из лучших законодателей…»; 172: «Потому ученики Пифагора стали лучшими законодателями: прежде всего Харонд Катанский, затем Залевк и Тимар, давшие законы локрам…»). К сожалению, вследствие скудости имеющихся источников мы не можем точно определить причину появления подобной версии, однако можно предположить, что она кроется в широкой известности кодекса Харонда в регионе (см. выше).

В заключение рассмотрения литературных версий о Харонде остановимся на традиции, передаваемой Диодором, о том, что Харонд был законодателем Фурий (XII.11.4). Фурии были основаны в Южной Италии, недалеко от Сибариса, коллективом выходцев из различных областей Эллады и островов. Датируется основание Фурий 446/5 г. (Diod. XII. 7; 10.2) или 444/3 г. (Plut. Moral. 835).[20] Уже сама эта датировка надежно свидетельствует о том, что Харонд не мог быть законодателем и гражданином Фурий, как об этом рассказывает Диодор. Однако это отнюдь не значит, что в полисе не могли быть введены законы Харонда в качестве базового конституционного устройства. И для этого были объективные предпосылки. Население Фурий было очень разнородным и делилось на 10

фил, в соответствии с происхождением переселенцев: три филы выходцев из Пелопоннеса (Аркадии, Ахайи, Элеи), филы переселенцев из Беотии, Фокиды, Дориды, Афин, Эвбеи, Ионии и выходцев с островов (Diod.XII.11.3). Таким образом, среди гражданского коллектива не было доминирующей группы переселенцев, и для нормального существования был необходим компромисс между всеми группами, прежде всего в вопросе о конституционном базисе нового полиса. Необходимость и правомерность подобного компромисса стала очевидной уже через несколько лет после основания полиса, когда в 434 г. вспыхнул острый конфликт по вопросу о том, кто был основателем Фурий, и, следовательно, кто в нем имеет право доминировать — афиняне или выходцы из Пелопоннеса (см. Diod.XII.35.2–3). По всей видимости, реальным номофетом Фурий был философ Протагор из Абдеры,[21] которого Гераклид Понтийский упоминает как законодателя Фурий (apud. Diog.Laert.IX.8). Либо сразу после основания полиса, либо после стасиса 434 г. он ввел в Фуриях правовую систему, в основе которой находился кодекс Харонда, как наиболее авторитетный в регионе, да и в целом в греческом мире. Однако в изложении Протагора данный кодекс предстал в новой редакции и был существенно дополнен как минимум законами Залевка (Strabo. VI,1,8; Suda. Ζάλευκος). Диодор (скорее, его источник) использовал именно эту, новую редакцию, в которой не содержались ни ссылки на авторство Протагора, ни на иных авторов законов.[22] Поэтому мы не можем в полной мере использовать данную объединенную редакцию для полноценной реконструкции кодекса Харонда.

Биографические сведения о Харонде столь же скудны, сколь и данные о его кодексе. Номофет был родом из Катаны (Arist. Pol. II.9.1274a.22–25), из средних слоев гражданского населения (ejk tw'n mevswn — Arist. Pol. IV.9.1296a.18–20), и основная его законодательная деятельность проходила также в родном полисе (νομοθέται ... Χαρώνδας ὁ Καταναῖος τοῖς αὐτοῦ πολίταις — Arist.Pol.II.9.1274a.22–25). Диодор предлагает нам рассказ о смерти Харонда (XII.19.1–2): законодатель установил закон, согласно которому никто не мог являться в народное собрание вооруженным; однажды он отправился вооруженным в свое сельское имение, а на обратном пути, узнав о волнениях в городе, поспешил в народное собрание, и явился, не сняв вооружения; один из присутствующих заявил, что этим Харонд отменил свой собственный закон, на что Харонд ответил, что он укрепит этот закон, и тут же покончил с собой. Однако Диодор здесь оговаривается, прямо ссылаясь на свои источники, что некоторые историки (τῶν συγγραφέων) данный рассказ приписывают биографии Диокла, законодателя Сиракуз. И в соответствующей части своего труда, рассказывая о Диокле, Диодор практически дословно повторяет этот сюжет (XIII.33.2). Таким образом, данный рассказ, по-разному трактовавшийся уже во времена Диодора, носит явно легендарный характер, и по сути является вариантом распространенной моралистической сентенции, в соответствии с которой законодатель становится жертвой жестокости своего же закона, — ср. раннюю новеллу о Залевке, который на основании собственного закона о лишении глаза за воровство выколол один глаз себе, а другой сыну, уличенному в воровстве (Arist. fr. 600 Rose). Этот рассказ о смерти Харонда использовался и в поздней традиции (Val.Max.6.5. ext. 4), причем Элиан предлагает его вариативное продолжение, сообщая, что Харонд бежал из Катаны в Регий (V.H.III.17). Но в данном случае следует согласиться с убедительной гипотезой Т.Данбэбина, что сюжет Элиана является попыткой рационалистического объяснения введения законов Харонда в Регии.[23]

На основании всего вышеизложенного попытаемся реконструировать части кодекса Харонда, насколько нам позволяет состояние источников. Аристотель, в распоряжение которого попал, видимо, изначальный текст кодекса, дает ему общую характеристику, подчеркивая, что по точности (ἡ ἀκριβεία) формулировок законов свод Харонда выделяется даже среди современных ему законодателей (Pol.II.9.1274b.8–10). Здесь же Аристотель подчеркивает, что в законодательстве Харонда нет ничего оригинального (τὸ ἴδιον), за исключением закона о лжесвидетельстве. Перед этим Аристотель рассказывал о законах Солона и Филолая, однако соотнесение данной фразы Стагирита с зако-

нами этих номофетов, и прежде всего Солона, кажется неправомерным, поскольку Аристотель на протяжении сравнительно небольшого фрагмента текста (1274а-в) упоминает множество законодателей (Солон, Залевк, Харонд, Филолай, Фалес, Платон, Драконт, Питтак, Андродамант), причем в отношении трех из них (Харонда, Драконта, Андродаманта) уточняет, что в их законах нет ничего оригинального. Таким образом, данная фраза является замечанием автора, сделанном на основании всего комплекса его правовых знаний, и не позволяет дополнить наши знания о кодексе Харонда сравнением с наследием других номофетов.

Из сохранившихся фрагментов Харонда можно выделить несколько разделов кодекса. Прежде всего остановимся на законах, связанных с судопроизводством. Как сообщает Аристотель, по закону Харонда за уклонение от исполнения судейских обязанностей на богатых граждан накладывался большой штраф, а на бедных маленький (Pol.IV.10.1297a21–24). Из этого фрагмента очевидно, что в основе процессуальной системы был суд (Аристотель использует нейтральный термин τὰ δικαστήρια), который комплектовался из числа полноправных граждан, вероятно, по жребию. Можно согласиться с теми исследователями, которые предполагают градацию граждан на основе имущественного ценза[24] (не исключено, что в отдельном законе кодекса Харонда). Целью данного закона было уравнивание прав граждан, поскольку ущерб от штрафа стал пропорционален размеру их имущества.[25] Другой закон в данном разделе — о привлечении к суду за лжесвидетельство (Arist.Pol.II.9.1274b.6–8). Причем Аристотель особо подчеркивает, что именно Харонд первый постановил привлекать к ответственности лжесвидетелей. Данный закон выводил судопроизводство на новый уровень, позволяя в значительной степени гарантировать объективность рассмотрения дел в суде.

Другой раздел кодекса Харонда можно условно обозначить как комплекс законов о наследовании имущества. И прежде всего это закон об эпиклерах. Согласно закону, ближайший родственник должен либо жениться на наследнице-эпиклере, либо выплатить ей 500 драхм в качестве приданого (Diod.XII.18.3). Текст этого закона сохранился только у Диодора, однако язык этого фрагмента является более архаичным, по сравнению с языком других фрагментов,[26] и вполне может относиться к изначальному тексту кодекса Харонда, цитированному источником Диодора. Кроме того, Аристотель (Arist.Pol.II.9.1274b.24–25) сообщает, что среди законов Андродаманта из Регия, который устанавливал законы Харонда в полисах Халкидики во Фракии,[27] был закон περί τάς ἐπικλήρους, очевидно позаимствованный из кодекса Харонда. Данный закон имеет очевидную параллель в соответствующем законе Солона (Demosth.XLIII.54), на что обращает внимание и сам Диодор.[28] Вряд ли стоит говорить о каком-либо заимствовании, хотя взаимовлияние не исключено — так, максимальная цифра приданного, 500 драхм, в обоих законах удивительным образом совпадает. В любом случае, цель закона очевидна — сохранение имущества в семье и защита имущественных прав наследницы.

У Диодора (XII.15.1–3) содержится текст другого закона, который по смыслу очень тесно примыкает к закону об эпиклерах, и, вероятно, является его продолжением. Это закон о защите сирот: имуществом сироты должны управлять ближайшие родственники со стороны отца, а воспитываться сирота должен был родственниками со стороны матери.

Основной правовой единицей, на которой замыкалось наследование имущества, была семья. И судя по всему, в своем кодексе Харонд дал четкое определение того, кого следует считать семьей с точки зрения владения и наследования имущества: членами семьи законодатель считал тех, которые едят из одной кладовой (ὁμοσιπύους — Arist. Pol. I. 1.1252b.14). Иными словами, семья — это люди, ведущие совместное хозяйство в отдельном помещении (доме).

Еще один закон, который Диодор приписывает Харонду, направлен на регулирование сферы семейно-имущественных отношений: если женщина по своей инициативе расторгла брак, то она не имеет права выйти замуж за человека моложе ее бывшего мужа; равным образом и мужчина, оставивший женщину, не мог жениться на более молодой

(XII.18.1–2). Хотя логика закона вполне соответствует архаическому законодательству, тем не менее сложно судить о его достоверности. Во всяком случае, некоторые исследователи не оспаривают его историчность, опираясь на древневосточные параллели.[29]

Следующий раздел кодекса Харонда посвящен уголовным преступлениям. До нас дошла надпись, содержащая наиболее ранний текст из кодекса Харонда. В ходе раскопок небольшого греческого поселения в Монте Сан Мауро, на хоре халкидского полиса Леонтины,[30] было найдено 12 обожженных фрагментов двух или более бронзовых табличек, содержащих текст закона. Надпись сделана бустрофедоном, датируется VI в., и судя по палеографии написана на халкидском диалекте. Большинство исследователей относят данный текст к законам Харонда, принятым в Леонтинах.[31] Текст весьма фрагментирован, но из него можно понять, что это закон об убийстве (fr.1: [- - -]φονε[- - -]), наказанием за которое был весьма значительный денежный штраф (fr.5: δύο τάλαν[τα - -]). Упоминаемое во fr. 1 число 400 (τετρακό[σι - -]) относится, вероятно, к сумме штрафа в 400 драхм за более легкое, чем убийство, преступление, — например, покушение на убийство или нанесение увечья.

Другие законы данного раздела цитируются в «Мимиамбах» Геронда (II.47–56), автора III в. до н.э., представителя александрийской школы. Прямая ссылка на текст Харонда и использование раннего источника, явно отличного от источника Диодора, позволяет с доверием относиться к данному материалу.[32] Речь идет об ответственности за ущерб, причиненный недвижимому имуществу:

— в случае выбивания двери и вторжения в частный дом виновные уплачивают штраф в размере 1 мины; если при этом нанесены телесные повреждения хозяину («кулаком ударят») — штраф 2 мины;

— в случае поджога дома виновные уплачивают штраф 1000 драхм;

— в случае нарушения межевой границы владения (ὅρους ὑπερβῆι) виновные платят штраф 1000 драхм, если при этом был нанесен ущерб имуществу — штраф 2000 драхм

Кроме того, предусматривалась ответственность за ущерб, причиненный рабыням: если ей будут нанесены увечья или она будет изнасилована, то виновный, свободный человек, уплачивает штраф в двойном размере. Последнее замечание о двойном размере свидетельствует о том, что данный фрагмент является составной частью положения об определенном правонарушении, как деяние, усугубляющее вину (сравни положения законов выше): например, нанесение увечья рабу — штраф, нанесение увечья рабыне — штраф в двойном размере.

В отдельный раздел можно выделить законы, регулировавшие сферу торгово-финансовых отношений. Прежде всего это закон, упоминаемый Феофрастом в его труде «О контрактах» (fr.97 apud Stob.Flor.IV.2.20 Hense), чей авторитет ученика Аристотеля и руководителя Ликея определяет высокую степень доверия к переданному тексту закона: продавец обязан требовать оплату проданного товара сразу при покупке; в противном случае покупатель впоследствии будет избавлен от любых финансовых обязательств по отношению к продавцу. Очевидно, что цель данного закона — в препятствии формированию кредитной задолженности граждан, и, следовательно, гарантии от разорения граждан и их долгового порабощения (ср. сисахфию, «стряхивание бремени», в реформах Солона, — Arist. Ath. pol.6; Plut.Sol.15).

Некоторые из законов, которые содержатся у Диодора, относятся к сфере общественных интересов. Например, закон о воинской обязанности. Он гласит, что каждый, кто покидал строй во время войны, либо вообще отказывался сражаться за родину, подвергался позорному наказанию: этот человек три дня должен был сидеть на агоре в женских одеждах (XII.16.1–2). При этом сам Диодор подчеркивает, что другие законодатели за подобное преступление предусматривали смертную казнь. К сожалению, у нас нет оснований согласиться или наоборот, опровергнуть утверждение о достоверности данного закона,[33] однако логика закона — тяжелое наказание вместо смертной казни, — соответствует логике кодекса Харонда. Другой закон из той же сферы регулирования касает-

ся обучения детей граждан: все сыновья граждан должны были обучаться грамоте, а полис брал на себя расходы по оплате учителей (Diod.XII.12.4). В данном случае можно согласиться с достоверностью закона, тем более что в VI–V вв. государственное образование детей граждан существовало в Трезене, Хиосе, Спарте, на Крите.[34] Более того, подобные школы существовали и в греческих полисах Сицилии: в подобной школе обучался в своем родном полисе Геле в конце VI в. Гелон Дейноменид, будущий тиран Гелы и Сиракуз; кроме него в ней обучалось одновременно более 100 детей (Diod.X.29).

Наконец, остановимся на вопросе, содержал ли кодекс Харонда конституционный раздел, определявший основы политического устройства. Известно, что в Регии в VI в., в период действия в нем законов Харонда, власть была сосредоточена в руках олигархического совета 1000 (Heracl.Lemb.55 Dilts). Состав совета комплектовался из граждан, избранных на основании имущественного ценза (χίλιοι γὰρ πάντα διοικοῦσιν αἱρετοὶ ἀπὸ τιμημάτων. νόμοις δὲ ἐχρῶντο τοῖς Χαρώνδου τοῦ Καταναίου). К сожалению, состояние источников не позволяет надежно определить, является ли данная система государственного устройства составной частью кодекса Харонда, либо это традиция Регия, где у власти находились οἱ ἡγεμόνες (Strabo.VI.1.6).[35] Во всяком случае, с определенной долей уверенности можно утверждать, что в полисах, в которых действовали законы Харонда, политическим строем была олигархия.[36]

Кодекс Харонда стал определенным явлением эллинской правовой культуры. В эпоху эллинизма эти законы были известны и использовались на Косе (Herond.Mim.II.47–56), применялись в городе Мазаке в Каппадокии (Strabo.XII.2.9). В Афинах же законы Харонда пели во время пиров (Hermipp. apud Athen.XIV.619b).[37] Но наиболее ранним примером применения кодекса Харонда в эгейско-малоазийском регионе следует считать его введение Андродамантом из Регия в халкидских полисах на побережье Фракии в VI в.[38] Именно эти события оказали определяющее влияние на распространение законов Харонда в данном регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. *Высокий М.Ф.* Древнейшее греческое право на Сицилии // Древнее право. 1(9).2002. С.51–68.
2. У Эфора (apud Strabo.VI.I.8) есть замечание, что Залевк составил свои законы из критских, лаконских и афинских законов, что является практическим отражением версии, упомянутой у Аристотеля: Ономакрит из Локр первый изучал законы на Крите, вместе с Фалесом, у Фалеса обучались Ликург и Залевк, а у Залевка Харонд. Однако и Эфор, в тексте которого, очевидно, содержался значительный материал о Залевке, — у Страбона мы встречаем многочисленные прямые ссылки на Эфора в связи с Залевком, — не упоминает об ученичестве Харонда у Залевка.
3. См. подробнее: *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — середины V вв. до н.э. СПб., 2004. С.20.
4. Действительно, свод Драконта появился на 40 лет позже, а известность более раннего законодательства Филолая в Фивах и критских законов, видимо, не выходила за пределы их родных полисов, — так, сведения о законах Филолая присутствуют только в «Политике» Аристотеля, т.е. труде, в который специально включались материалы о правовом устройстве различных полисов (подробнее см.: *Шишова И.А.* Ранее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С.74–88; *Суриков И.Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С.20–21; 27–52).
5. Этим же, т.е. профессиональным интересом и специальным исследованием, обусловлена информированность о Залевке Аристотеля и его современника Феофраста, автора специального труда о законодателях (Diog.Laert.V.45), который, видимо, в научной полемике отстаивал реальность Залевка (apud Cic.Leg.II.15).
6. Подробнее о Тимее из Тавромения и его трудах см.: *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. С.10–13.

7. В Локрах законы Залевка тщательно сохранялись, как это видно из рассмотренного выше сообщения Демосфена. Полибий также сообщает об активном использовании законов Залевка в Локрах (XII.16). И еще во времена Цицерона в Локрах сохранялась память о Залевке (Cic.Leg.II.15). Сами законы Залевка в отечественной историографии достаточно подробно рассмотрены: *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. С.62–69; *Строгецкий В.М.* Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда // Античность, средние века и новое время. Социально-политические и этно-культурные процессы. Нижний Новгород, 1997. С.69–71.
8. *Roebuck C.* Stasis in Sicily in the VII-th century // Studi Manni. Roma, 1980. P. 1927. *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С.177
9. Трактат Стобея Ανθολόγιον ἡ ᾽Εκλογήν ἀποφθεγμάτων более известен как Florilegium. Последнее издание под редакцией O.Hense: Stobaeus Ioannes. Anthologium. Vol.1–2. Berolini.1884.
10. *Vallet G.* Rhégion et Zancle. Histoire, commerce et civilisation des cités chalcidiennes du détroit de Messine. Paris,1958. P.314; *Cordano F.* Leggi e legislatori calcidesi // Miscellanea greca e romana. Vol.VI.1978. P.88; 95–96. M.Мюль, написавший отдельную работу о Залевке и Харонде, полагал, что само появление преамбул характерно для пифагорейской традиции, — *Mühl M.* Die Gesetze des Zaleukos und Charondas // Klio.1929. Bd.22. Ht.2. S.437.
11. К пифагорейским сентенциям можно отнести следующие законы, связанные с общественной нравственностью, в пифагорейском же понимании; необходимо повиноваться законам, даже если они ошибочны (XII.16.3), не следует общаться с дурными людьми (XII.12.3), не следует вступать в повторный брак и следует ограничивать в общественных правах тех, кто приводит мачеху своим детям (XII.12.1), следует публично наказывать клеветников (XII.12.2), — см. *Vallet*. Rhégion et Zancle. P.315.
12. Подробнее см.: *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. С.16–17.
13. *Pearson L.* The Greek Historians of the West. Timaeus and His Predecessors. Atlanta,1987. P.106–107. Ср. категорическое утверждение Ф.Якоби, что источником материалов о законах Залевка, как и о законах Харонда, не может являться Тимей (FGrH IIIb. Kommentar-Noten. S.329. Anm.280). Оба исследователя опираются на один фрагмент Тимея (apud Cic.Leg.II.15=FGrH.566.fr.130) об отрицании историком существования Залевка, но делают из этого диаметрально противоположные выводы.
14. *Ehrenberg V.* The foundation of Thurii // AJPh.1948.Vol.69.P.150–155; *Rutter N.K.* Diodorus and the foundation of Thurii // Historia.1973.Bd.22.P.155–156.
15. *Vallet*. Rhégion et Zancle. P.314. Посидоний был представителем школы платонической интерпретации пифагореизма, и именно в его труде была отражена версия об ученичестве Залевка у Пифагора.
16. *Meister K* Die Sizilische Geschichte bei Diodor von den Anfängen bis zum Tod des Agathokles. München, 1967. S. 54. Автор опирается на упоминание самим Диодором (XII.19.2) неких историков, в трудах которых содержатся сведения о Харонде и Диокле, сиракузском законодателе конца V в.
17. Аристоксен, ученик Аристотеля, был родом из Тарента, единственного сохранившегося центра пифагореизма, общался с пифагорейцами, а его отец был знаком со знаменитым пифагорейцем Архитом (fr. 30; 18–19 Wehrli). Он собрал обширный материал по истории и практике пифагорейского учения (см. *Fritz K von*. Pythagorean Politics in Southern Italy. An Analysis of the Sources. N.Y., 1940. P.3–26), и, видимо, именно к его труду восходит известный каталог пифагорейцев, сохранившийся в сочинении Ямвлиха (V.P. 267; см. *Burkert W*. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Cambridge, 1972. P.105; *Жмудь Л.Я.* Наука, философия, религия в раннем пифагореизме. СПб.,1994. С.72–74).
18. Аполлодор, опиравшийся на сочинение Аристоксена, датирует отъезд Пифагора 532/1 г. (*Burkert W.* Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. P.110), а Тимей из Тавромения относит это событие 529 г. (*Fritz K von.* Pythagorean Politics in Southern Italy. P.180).

19. *Minar E.* Early Pythagorean Politics in Practice and Theory. Baltimore, 1942. P.99–102.
20. Об аргументах в пользу той или иной даты см.: *Ehrenberg V*. The foundation of Thurii. P.150, n.6; *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnessian War. Ithaca-London, 1969. P.164-166.
21. См. работу В.М.Строгецкого, ранее высказывавшего эту гипотезу: Политика Афин в Западном Средиземноморье в сер. V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурий // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития. Л., 1987. С.74.
22. Так, Диодор (XII.17.1-3), или его источник, приписывает Харонду закон, согласно которому всякий желавший внести новый закон предлагал его с петлей на шее; если закон принимали, то петлю с инициатора снимали, если же отвергали, то петлю затягивали и его удушали. По другим источникам, Демосфену (XXIV.139) и Полибию (XII.16), этот закон надежно относится к кодексу Залевка. Харонду же Диодор приписывает и закон «око за око»: если человек выбьет глаз другому, он должен сам лишиться глаза (XII.17.4-5); хотя и этот закон относится к законодательству локров (Demosth. XXIV. 140), т.е. Залевка. В этом отношении стоит отметить версию И.А.Шишовой, которая, опираясь на данные свидетельства, а также на традицию об ученичестве Харонда у Залевка, полагает, что Харонд включил в свой свод ряд законов Залевка (Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. С.70; автор также относит к Залевку написанный в пифагорейском духе (см. сн. 10) закон о лишении некоторых гражданских прав тех, кто приводит в дом мачеху своим детям (Diod.XII.12.1), — С.114, сн.119). По нашему мнению, нет достаточных оснований для подобных конструкций, а путаница, которую мы наблюдаем в тексте Диодора (или его источника) свидетельствует прежде всего о редакционном единстве кодекса Фурий, бытовавшего под эгидой Харонда, что безусловно оправдано с точки зрения его практического использования.
23. *Dunbabin T.J.* The Western Greeks. The History of Sicily and South Italy from the Foundation of the Greek Colonies to 480 B.C. Oxford, 1948. P.74.
24. *Cordano F.* Leggi e legislatori calcidesi. P.94; *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. С.70. Именно цензовая градация позволяет законодателю классифицировать граждан для определения размера штрафа. Однако, в отличие от законов Солона, применение имущественного ценза в законах Харонда было далеко не так распространено. Так, при выделении приданого наследнице-эпиклере его размер, по закону Солона, находился в зависимости от имущественного ценза ее родственника (500, 300 или 150 драхм, — см. Demosth. XLIII.54), в то время как по аналогичному закону Харонда, размер приданого был фиксированным (500 драхм, — Diod.XII.18.3).
25. Аристотель упоминает данный закон среди «уловок» в пользу демоса (σοφίζονται πρὸς τὸν δη|μον), что подразумевает уступки со стороны правящей элиты в пользу демократического большинства. Однако следует учитывать, что Стагирит делал подобные обобщающие политологические заключения, опираясь прежде всего на современные ему политические реалии. И вполне возможно, что основной целью принятия данного закона было просто достижение социальной справедливости в регулируемой им сфере.
26. *Cordano F.* Leggi e legislatori calcidesi. P.97.
27. См. *Высокий М.Ф.* Халкидское законодательство в греческих полисах фракийского побережья // Thracians and circumpontic world. Proceedings of the IX International Congress of Thracology. Vol.III. Chisinau, 2004. С.5.
28. Сравнение законов Харонда, как лучшего законодателя Италии и Сицилии, и Солона, как лучшего законодателя Афин, и в целом Эллады, стало общим местом уже к концу V в., — см. Plat. Resp. X. 599e.
29. *Строгецкий В.М.* Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда. С.72–73.
30. *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. С.370.

31. *Arena R*. Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia.III. Iscrizioni delle colonie euboiche. Pisa, 1994. № 84. Там же историография.
32. *Vallet*. Rhégion et Zancle. P. 318; *Строгецкий В.М*. Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда. С.73.
33. *Строгецкий В.М*. Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда. С.73
34. Ibid. С.74
35. *Высокий М.Ф*. История Сицилии в архаическую эпоху. С.299.
36. Ibid. С.38. См. также: *Vallet*. Rhégion et Zancle. P.315–316; *Cordano F*. Leggi e legislatori calcidesi. P.94; *Dunbabin*. The Western Greeks. P.74; *Строгецкий В.М*. Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда. С.75; *Шишова И.А*. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. С.73.
37. Видимо, в Афинах законы Харонда были столь хорошо известны и так часто упоминались, что Стефан Византийский в своем словаре называет Харонда из Катаны известным законодателем афинян (s.v. Κατάνη· ἀπὸ δὲ τῆς Κατάνης Χαρώνδας ὁ διάσημος τῶν ᾽Αθήνησι νομοθετῶν).
38. *Высокий М.Ф*. Халкидское законодательство в греческих полисах фракийского побережья. С. 5–8.

M.F. Vysokij

ANCIENT GREEK LEGISLATION ON SICILY: CHARONDAS LAWS

The determining stage in the development of a legal system of the Greek society on Sicily is to be the legislation done by Charondas from Catana. Life time and activity of the legislator should be dated to the end of 7th–6th cc. B.C. The tradition of Charondas had been under Pythagorean influence, this fact was reflected in corresponding maxims within either works by representatives of Pythagorean school or general works by Hellenistic historians. The corner stone of the tradition had come to be the version about Charondas being a student of Pythagoras. It is possible to single out some sections of the code from the fragments by Charondas remained at present: the article proposes their reconstruction.

© 2007 г.

В. А. Квашнин

«ЯЧМЕННЫЕ ДЕНЬГИ» ДЛЯ РИМСКОЙ АРМИИ: ВДОВЫ И СИРОТЫ НА СЛУЖБЕ У ОБЩИНЫ

В яркой, насыщенной драматическими событиями истории Второй Пунической войны имеется ряд сюжетов, обсуждение которых редко выходит за пределы узкого круга специалистов. Как дает почувствовать римская историческая традиция, Ганнибалова война была, пожалуй, самым суровым испытанием прочности и жизнеспособности римской гражданской общины. Марк Порций Катон Старший, принимавший участие в этой войне с первых ее лет, и полвека спустя вспоминал те времена, *«когда Ганнибал терзал и мучил землю Италии»*[1]. Сокрушительные поражения первых лет войны, массовые людские потери, переход на сторону врага союзных общин Италии показывают всю сложность проблем, вставших перед римской civitas в эти годы. В то же время тяжелое положение Рима было вызвано не только военными поражениями и потерями. С самого начала войны, как показывают источники, одной из серьезнейших проблем, вставших перед римским обществом, была хроническая нехватка денег и материальных ресурсов,

необходимых для содержания и снабжения армии, строительства флота, финансирования крупных военных проектов (таких, к примеру, как африканская экспедиция Публия Корнелия Сципиона Старшего). Мотив отсутствия денег для ведения войны постоянно возникает в речах римских магистратов и сенаторов, передаваемых Ливием[2].

Пути выхода из этой ситуации были самые разные: принятие законов о роскоши, набор рабов в армию, денежные займы у населения[3]. На столь странный для нас путь решения проблемы римские власти толкала невозможность прямого принудительного изъятия средств для ведения войны у населения, что было связано с особым характером римской государственности. Частично, проблемы, связанные с ведением войны, решались за счет трибута — особого налога, собираемого с граждан. Однако даже двойное налогообложение населения Рима, как показывают источники, не могло покрыть всех расходов на войну (Liv.23.31.1-2). Все это заставляло римские власти искать иные способы пополнения государственной казны.

В 214 г. до н.э. консулами Марком Клавдием Марцеллом и Квинтом Фабием Максимом был обнародован весьма необычный эдикт. Его содержание Ливий передает следующим образом: «*Так как моряков не хватало, то консулы по распоряжению сената издали указ: тот, кто при цензорах Луции Эмилии и Гае Фламинии имел имущество (сам или его отец) на сумму от пятидесяти до ста тысяч ассов, выставляет одного моряка и дает шестимесячное его жалованье: тот, у кого от ста тысяч да трехсот тысяч, — трех моряков и дает годовое их жалованье; тот, у кого от трехсот тысяч и до миллиона, — пятерых моряков; у кого больше миллиона — семерых; каждый сенатор выставляет восьмерых моряков и дает годовое их жалованье. Повинуясь этому указу, хозяева моряков вооружили их и снабдили месячным запасом продовольствия; впервые римский флот был снаряжен на частные средства*»[4]. Поводом к изданию эдикта, судя по всему, послужила масштабная кораблестроительная программа, предусматривавшая строительство ста новых военных кораблей, которые должны были усилить римскую морскую группировку у берегов Калабрии. Ливий пишет: *«Консулам велено было ...построить флот, дабы вместе с кораблями, стоявшими у берегов Калабрии, получить флот в сто пятьдесят военных кораблей. Закончив набор и спустив на воду сто новых судов, Квинт Фабий провел выборы цензоров: выбраны были Марк Атилий Регул и Публий Фурий Фил»*[5]. Расходы на перевооружение флота, вызванные приходом к власти антиримской партии в Сиракузах и сложной ситуацией на юге Италии, привели к очередному финансовому кризису в Риме. Как показывает наш источник, сразу же по завершении строительства нового флота возникает проблема с обеспечением его моряками. В приведенном отрывке из Ливия о статусе лиц, отправляемых на службу во флот, прямо не говорится. Это позволило некоторым исследователям, опираясь на сообщение Полибия, видеть в этих моряках римских граждан VI имущественного разряда — пролетариев (6.19.2-3)[6]. В отечественной литературе высказывалось и противоположное мнение, согласно которому под nauta, упоминаемыми в тексте, следует понимать гребцов, набиравшихся из числа рабов[7]. Со своей стороны заметим, что сообщение Полибия носит слишком общий характер, чтобы на основе его делать какие-то конкретные выводы. В ситуации, возникшей в 214 г. до н.э., довольно странно выглядят действия римских властей, набирающих легионы из рабов, а граждан заставляющих служить во флоте. Как отмечает Полибий, если обстоятельства к тому вынуждали, пролетарии были обязаны совершить двадцать годичных походов в пехоте. Кроме того, анализ текста сочинения Ливия определенно показывает, что речь в эдикте шла именно о рабах[8]. То, что на их хозяев возложили обязанность выплатить военное годовое жалованье (stipendium), показывает, что, как и в случае с рабами, купленными для службы в пехоте, они в награду получали свободу (Liv.24.16.8-9). С другой стороны, действия авторов эдикта, привязавших снабжение моряков к их бывшим хозяевам, явно отталкивались от привычной для них структуры римской фамилии.

В сообщении Ливия о деятельности консулов 214 г. до н.э. обращает на себя внимание наличие в рамках одного текста трех эпизодов, по-видимому, тесно связанных друг

с другом: окончание строительства флота — выборы цензоров — издание консульского эдикта. Можно было бы списать это на простое совпадение, но настораживает то, что деятельность цензоров выглядит прямым продолжением фискальной политики консулов 214 г. до н.э[9]. Рассказ о цензуре этого года Ливий предваряет привычным замечанием о том, что казна была пустой, причем повторяет его дважды в течение своего рассказа (24.18.2, 10). Сходство действий высших магистратов 214 г. до н.э. объясняется тем, что они решали одну и ту же задачу — поиск средств пополнения государственной казны. Ввиду отсутствия иных источников финансирования войны она была решена путем возложения экстраординарных повинностей на римских граждан. Из рассказа Ливия видно, что цензоры после вступления в должность приступили к осуществлению целого комплекса мер по наполнению казны (24.18.2-15). Действия цензоров были заведомо непопулярны, отражая всю сложность породивших их проблем. Э. Бэдиан совершенно справедливо характеризует эти годы как «время беспрецедентной фискальной строгости»[10].

В довольно длинном перечне мер, предпринятых цензорами для пополнения эрария, интерес вызывают их действия по отношению к вдовам и сиротам. Ливий в переводе М. Е. Сергеенко описывает это следующим образом: *«Люди стремились помочь опустевшей казне, стали вносить в нее сначала сиротские, а потом вдовьи деньги. Они считали, что вернее всего сохранят их, доверив государству; поэтому если что-то приготовляли или покупали для сирот и вдов, то квестор это записывал»*[11]. Не совсем ясно, о чем пишет Ливий, поскольку его сообщение содержит две части, плохо стыкующиеся друг с другом. Сначала он пишет об опекунах сирот и вдов, которые внесли деньги на хранение в эрарий. По контексту можно понять, что речь идет о своеобразной форме займа, когда государство получало возможность использовать эти деньги, гарантировав их возвращение через определенный промежуток времени, скорее всего, после окончания войны. Во второй части сообщения говорится о том, что квестор фиксировал траты, сделанные, по всей видимости, теми же опекунами, хотя деньги, судя по тексту, должны были уже находиться в эрарии. Неувязки в тексте перевода заставляют предположить, что где-то была допущена ошибка. Скорее всего, она связана со значением слова perscribebatur. Оно было переведено в наиболее часто встречающемся значении «тщательно записывать, письменно фиксировать, протоколировать». Однако, одно из значений глагола perscribo, встречающееся в сочинениях Цицерона и Тертуллиана, «выплачивать»[12]. Именно в этом значении perscribebatur понимается в английском переводе Ливия Р. Конан Робертса[13]. Таким образом, разбираемый пассаж Ливия можно перевести следующим образом: *«Народ, стремясь помочь опустевшей казне, стал вносить в нее сначала деньги сирот, а потом и вдов, поскольку люди считали, что в безопасности и неприкосновенности они сохранят их, доверив государству; поэтому, если что-то покупали или приготовляли для сирот и вдов, то квестор это оплачивал».*

На первый взгляд не очень понятно, какая связь существует между вдовами и сиротами. Однако, упоминание денег, связанных с такими категориями населения, как вдовы и сироты, в контексте войны заставляет думать, что речь идет о т.н. «ячменном» налоге — aes hordearium (hordiarium)[14]. Латинские правовые источники дают достаточно ясное определение этого налога[15]. В переводе Ф. Дыдынского aes hordiarium — деньги на содержание коня или лошадиный корм[16]. Более широкий и точный перевод дает И. Х. Дворецкий: «aes hordearium/«ячменный» налог — годичный налог, который взимался с незамужних женщин в фонд содержания конского состава римской армии; также деньги, которые получал каждый всадник на содержание лошади»[17]. Точное время и причины введения этого налога сообщаются источниками противоречиво. Ливий приписывает его введение Сервию Туллию, причем за счет только вдов (1.43.8-9). Цицерон косвенно (в контексте создания римской конницы и бытования подобного обычая в Коринфе) относит введение налога на вдов и сирот ко времени Тарквиния Прииска (De rep.2.36). Относительно использования этого налога в период Республики мы имеем всего два свидетельства, принадлежащие Плутарху. Согласно первому, при Публии Валерии Попликоле, учредившем казначейство в храме Сатурна, в списки лиц, обложенных

податью, не попали сироты и вдовы (Publ.12). Второе свидетельство относится ко времени цензорства 403 г. до н.э. Марка Фурия Камилла, который обложил налогом сирот, ранее не плативших податей (Cam.2). После этого налогообложение вдов и сирот упоминается лишь в 214 г. до н.э., что, как кажется, указывает на то, что, возникнув в ранний период римской истории, этот налог в дальнейшем в течение долгого времени не применялся[18]. В то же время использование aes hordearium в конце III в. до н.э. позволяет предположить, что в период Республики существовал (или был создан для такой цели) специальный цензорский список для вдов и сирот[19]. Несмотря на нерешенность вопроса о римских переписях населения, и в частности, того, учитывались ли при переписи женщины, очевидно, что такой список продолжал существовать еще в I в. н.э[20]. Как сообщает Аппиан, в 42 г. триумвиры обложили податью на военные нужды 1.400 наиболее состоятельных римских женщин (B.C.4.32). Следовательно, список вдов продолжал составляться и после того, как «ячменный налог» перестал использоваться.

Вопрос о причинах введения в раннем Рим налогообложения вдов и опекунов сирот неоднократно обсуждался в литературе[21]. Не вызывает сомнений связь между появлением «ячменного налога» и проблемой финансирования армии. Как отмечает Л. Пеппе, во всех римских источниках, за исключением Цицерона, aes hordearium тесно связан с военной тематикой, в частности, с введением военной подати (tributum) и военного жалованья (stipendium)[22]. Рассматривая события 214 г. до н.э., следует предположить, что фискальные действия властей в этот период времени были связаны с особым правовым положением указанной категории лиц. Обратим внимание на термины, которые использует Ливий: pupillus (здесь — сирота) и vidua (вдова)[23]. Термин vidua является полисемантичным, означая как вдову, так и в более широком контексте женщину, не имеющую мужа[24]. Яволен приводит следующее определение Лабеона: *«Вдовы (vidiam) не только те, кто когда-либо состоял в браке, но и те [женщины], которые не имели мужа»*[25]. Подобные примеры можно встретить не только в латинских юридических, но и в литературных памятниках. К примеру, Плавт в своих комедиях использует слово vidua в значении незамужней или покинутой женщины. Интересно, что у него встречается практически зеркальное отражение термина vidua в виде словосочетания vir viduus — холостой, неженатый мужчина. Кроме того, Плавта использует такие выражения как puella vidua (незамужняя девушка) и даже domus viduus (одинокий, пустой дом)[26]. Это указывает на то, что используемый Ливием термин vidua применительно к ситуации 204 г. до н.э. мог означать не просто вдову, но и незамужнюю женщину, являвшуюся лицом своего права (sui iuris), обладавшую определенным имуществом, но не выплачивавшую военный налог — трибут[27].

Спектр употребления термина pupillus в юридических текстах также достаточно широк. Под pupillus понимались не только несовершеннолетние[28], но и лица, не находящиеся под отцовской властью, но имеющие опекуна (ситуация, описываемая римскими юристами как tutelas pupillorum gerere)[29]. Более того, этот термин мог обозначать и совершеннолетнее лицо, находящееся под опекой или попечительством[30]. Таким образом, термин pupillus применялся не только к несовершеннолетним (в данном случае сиротам), но и к любым лицам, находившимся под опекой, что позволяет понять объединение двух столь внешне непохожих категорий, как вдовы и сироты[31].

Следует также обратить внимание на то, что в латинском языке близким к pupillus являются слова puppilla — девочка-сирота (от pupa — девочка) и pupillus — мальчик-сирота[32]. Это создавало возможность того, что даже совершеннолетнее лицо, находящееся под опекой (pupillus), могло быть уподоблено по своему положению несовершеннолетнему лицу — сироте (puppilla)[33]. Семантическая взаимопересекаемость терминов pupilli и puppillae, как и нечеткость их употребления, на практике приводила к тому, что дочери, потерявшие своих отцов, даже будучи «лицами своего права», но, находясь под опекой, могли быть с точки зрения права отнесены к сиротам. Точно так же женщины, никогда не состоявшие в браке, могли быть юридически уподоблены вдовам[34]. Следовательно, высока вероятность того, что многие «вдовы» и «сироты», упоминаемые Ли-

вием, никогда не состояли в браке и были вполне совершеннолетними лицами. Это показывает, что характеристика, данная в нашем источнике этой категории лиц, отражала не социальное, а их юридическое положение. Остается выяснить, для чего понадобилась отмеченная перверсия юридического статуса одной из групп гражданского коллектива.

Скорее всего, ответ кроется в имущественных отношениях, связанных с данной категорией лиц. В результате огромных потерь, понесенных римской общиной в ходе Ганнибаловой войны, произошла не только значительная убыль взрослых мужчин, но и появилось большое количество лиц, становившихся со смертью их домовладыки «лицами своего права». Это были вдовы, состоявшие ранее в браке, сопровождавшемся переходом под власть мужа (cum manu mariti), а также как совершеннолетние, так и несовершеннолетние дочери (говоря иначе, «настоящие» сироты и лица, уподобленные им). Своим следствием это имело то, что имущество погибших на войне граждан переходило к лицам, не обложенным трибутом[35]. Судя по всему, в начале Ганнибаловой войны aes hordearium не взимался[36]. В поисках новых источников пополнения казны, цензоры использовали, возможно, давно уже не применявшийся, но формально не отмененный «ячменный» налог, подобным образом расширяя базу налогоплательщиков и одновременно перекрывая возможность вывода имущества погибших домовладык из-под фискально-цензового контроля. Кроме того, цензоры воспользовались возможностью с помощью aes hordearium обложить налогом и незамужних женщин, являвшихся «лицами своего права», и обладавших какой-то собственностью, причислив их к вдовам. Это позволяет нам ответить и на вопрос, почему Ливий, описывая цензуру 214 г. до н.э., не употребляет термин aes hordearium применительно к фискальным действиям в отношении вдов и сирот. Одной из причин могло быть редкое использование «ячменного налога» в римской практике. Сам Ливий не употребляет в своем сочинении этот термин, что возможно свидетельствует о его слабом знакомстве с данным видом налогообложения. В его сообщении перемещение денег вдов и сирот в казну больше напоминает заем, чем «классический» aes hordearium, воссоздаваемый юридическими источниками. Необходимость задействовать средства, ускользающие из рук цензоров, заставляла их как-то обосновать свои претензии на имущество, находившееся под формальным контролем опекунов «вдов» и «сирот». При помощи архаичного «ячменного налога» они попадали под сеть фискального контроля, но в реальности деньги все же могли быть собраны на определенных условиях. Все это, как и выявленная многозначность терминологии, обусловило многочисленные неясности рассказа Ливия, в котором смешалось внесение aes hordearium и передача денег вдов и сирот на хранение в казну их опекунами.

Внести окончательную ясность позволяет следующее наблюдение. Сообщение о деньгах вдов и сирот Ливий помещает в самом конце своего рассказа о цензуре 214 г. до н.э. Можно заметить, что этот рассказ по своей структуре распадается на две части[37]. Вторая часть начинается с повторного упоминания о том, что казна была пуста. Содержание ее должно было показать читателю благородный порыв римского народа, в трудную минуту пришедшего на помощь государству. Поэтому сообщение о деньгах вдов и сирот следует воспринимать, прежде всего, в контексте этой идеи. В этой связи обратим внимание на следующее предложение, завершающее рассказ Ливия о цензуре: *«так же щедры оказались и воины: ни один центурион, ни один всадник не брал жалованья; бравших корили и называли наемниками»*[38]. Все это заставляет думать, что Ливий в художественных целях мог несколько «исправить» имевшиеся в его распоряжении сведения, подвергнув их литературно-риторической обработке. Даже при незначительной корректировке сведений источников в повествовании Ливия происходит выразительное смещение акцентов: не цензоры из-за отчаянной нужды государства в деньгах обложили налогом вдов и сирот, а те сами принесли свои средства в казну, чтобы помочь государству. Именно стремление Ливия придать характер добровольности налогообложению вдов и сирот породило те проблемы, с которыми сталкивается при изучении цензуры 214 г. до н.э. современный исследователь[39].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ORF 177: Cumque Hannibal terram Italiam laceraret atque vexaret…
2. Liv.22.26.6-8; 22.32.6-9; 22.61.2; 23.21.1-6; 23.31.1-2; 26.35.2; 23.48.11; 24.18.2; 26.35.5; 28.41.11.
3. См.: *Ляпустин Б. С.* Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Н.-Новгород, 1991. С. 50-62; *Квашнин В. А.* Законы о роскоши начала Ганнибаловой войны и политические группировки в Риме // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1998. С. 76-85; *он же*. «Неизвестные» законы о роскоши эпохи Ганнибаловой войны // Антиковедение и медиевистика. Вып. 4. Ярославль, 2002. С. 27-34.
4. Liv.24.11.7-9: Cum deessent nautae, consules ex senatus consulto edixerunt ut, qui L. Aemilio C. Flaminio censoribus milibus aeris quinquaginta ipse aut pater eius census fuisset usque ad centum milia aut cui postea tanta res esset facta, nautam unum cum sex mensum stipendio daret; qui supra centum milia usque ad trecenta milia, tres nautas cum stipendio annuo; qui supra trecenta milia usque ad deciens aeris, quinque nautas; qui supra deciens, septem; senatores octo nautas cum annuo stipendio darent. ex hoc edicto dati nautae, armati instructique ab dominis, cum triginta dierum coctis cibariis naues conscenderunt. tum primum est factum ut classis Romana sociis naualibus priuata impensa paratis compleretur.
5. Liv.24.11.5-6: Eas primo quoque tempore consules scribere iussi et classem parare, ut cum eis nauibus quae pro Calabriae litoribus in statione essent, centum quinquaginta longarum classis nauium eo anno expleretur. dilectu habito et centum nauibus nouis deductis Q. Fabius comitia censoribus creandis habuit; creati M. Atilius Regulus et P. Furius Philus.
6. См. напр.: *Нечай Ф. М.* Рим и италики. Минск, 1963. С. 132.
7. *Ливий Т.* История Рима от основания города. Т. 2. М., 1991. С.475. Прим. 52.
8. Liv.24.11.9; 26.35.5; 34.6.13.
9. Следует обратить внимание на то, что консулы пользовались данными цензa, проведенного еще в 220 г. до н.э. Луцием Эмилием Папом и Гаем Фламинием. Формально в 216 г. до н.э. диктатором с цензорскими полномочиями (dictator senatus legendi causa) был избран Марк Фабий Бутеон. Однако в его задачу входило только составление нового списка сената, в связи с чем консулы были вынуждены пользоваться данными 220 г. до н.э (Liv.23.23.5-8). Ко времени издания эдикта новые цензоры были выбраны, но свидетельств о проведении нового ценза нет. Неясно, был ли он вообще проведен в 214 г. до н.э. Ливий о составлении новых цензовых списков нигде прямо не говорит. Цифровых данных о цензе этого года также нет. В литературе отмечалось, что ценз 214 г. до н.э. не был завершен обрядом люстра (lustrum), без которого ценз считался недействительным, причиной чего могла стать смерть одного из цензоров, Публия Фурия Фила (*Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 49-51). Возможно, однако, что проведение нового ценза сознательно затягивалось, поскольку с фискальной точки зрения довоенный ценз, на основе которого взимался ежегодный трибут, больше отвечал потребностям постоянно пустой римской казны.
10. *Badian E*. Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Dunebin, 1972. P. 16.
11. Liv.24.18.13-14: Cum haec inclinatio animorum plebis ad sustinendam inopiam aerarii fieret, pecuniae quoque pupillares primo, deinde uiduarum coeptae conferri, nusquam eas tutius sanctiusque deponere credentibus qui deferebant quam in publica fide; inde si quid emptum paratumque pupillis ac uiduis foret, a quaestore perscribebatur.
12. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. Изд.2-е. М., 1976. s.v. per-scribo. С. 755.
13. Liv.24.18.14: Whatever was bought or provided for the minors and widows was paid for by a bill of exchange on the quaestor (*Livius Titus*. The History of Rome.Vol. III / Ed. Ern. Rhys. Transl. R. Canon Roberts. London-New York, 1912).
14. *Peppe L*. Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in eta republicana. Milano, 1984. P. 140.

15. Fest. s.v. Hordiarium aes (P.91 L): hordiarium aes, quod pro hordeo equiti Romano debater (hordiarium aes, которые взыскивались на ячмень римским всадникам); Gai.4.27: Item propter eam pecuniam licebat pignus capere, ex qua equus emendus erat; quae pecunia dicebatur aes equestre. Item propter eam pecuniam, ex qua hordeum equis erat comparandum; quae pecunia dicebatur aes hordiarium (Дозволялось также брать залог в обеспечение.тех денег, на которые можно было купить лошадь. Эти деньги назывались aes equestre. Точно так же позволялось задерживать вещи в обеспечение тех денег, на которые должно было купить ячмень лошадям. Эти деньги назывались aes hordiarium).
16. Институции Гая. Текст и перевод. Издание Ф. Дыдынского. Варшава, 1892. С.391.
17. *Дворецкий И. Х.* Ук. соч. С. 479.
18. Возможно, редкое использование «ячменного налога» и обусловило неясность рассказа Ливия, смешавшего внесение aes hordearium и передачу денег вдов и сирот на хранение в казну их опекунами.
19. *Peppe L.* Op. cit. P. 140, 142. Это в свою очередь выводит нас на вопрос о том, платили ли римские женщины трибут. См.: *Toynbee A. J.* Hannibal's Legacy. Vol. I. Oxford, 1963. P. 460 ff; *Nicolet C.* Tributum. Recherches sur la fiscalité directe sous la république romaine. Bonn, 1976. P. 29.
20. *Brunt P. A.* Italian Manpower. 225 B. C.- A. D. 14, Oxford, 1971. P. 5, 7, 27, 113 f.
21. *Hill H.* Aes equestre, aes hordearium and triplex stipendium // CPh. 1943. 38. P. 132 ff; *Nicolet C.* L`orde equestre a 1'epoque Republicaine (321–43 av.J.C.) T. 1. P., 1956. P. 36 ff; idem. Tributum... P. 33 ff; *Gabba E.* Esercito et fiscalita a Roma in eta republicana // Armees et fiscalité dans le monde antique. P., 1977. P. 24 ff; *Matchetti P.* Histoire économique et monetaire de la deuxième guerre punique. P, 1978. P. 198 ff; *Peppe L.* Op. cit. P. 138 ff.
22. *Peppe L.* Op. cit. P. 141.
23. Liv.24.18.13-14: ...pecuniae quoque pupillares primo, deinde uiduarum coeptae conferri.
24. *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права (По изданию 1896 г.). М., 1997. С. 554; *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 326.
25. D.50.16.242.3 (Iavol., l. 2 ex post. Lab.): «Vidiam» non solum eam, quae aliquando nupta fuisset, sed eam quoque mulierem, quae virum non habuisset...
26. *Дворецкий И. Х.* Ук. соч. s.v. vidua, I viduus. С. 1078.
27. См.: *Klingenberg G.* Die Frau im römischen Abgaben- und Fiskalrecht // RIDA. 1983. 30. S. 143-144; *Peppe L.* Op. cit. P. 140.
28. D.4.1.13.1; 15.1.7.7.3; 45.1.141.2; Cod. 6.1.1.18.4; 6.27.30.1.4.
29. D.2.1.1.9pr.; 2.8.5.1.8.4; 3.1.10.pr.; 3.14.1.37.pr.; Gai.2.80-84,181-182; 3.91, 107; 4.172.
30. Ср.: D.23.1.20; 27.9.2.1.1.2.
31. Ср.: Gai.3.91; 3.107-108.
32. *Дворецкий И. Х.* Ук. соч. s.v. pupilla, pupillus. С. 836.
33. *Peppe L.* Op. cit. P. 69. Nt. 146.
34. *Peppe L.* Op. cit. P. 49.
35. *Pomeroy S. B.* Relationship of the Married Women to Her Blood Relatives in Rome // Ancient Society. 1976. 4. P. 222; *Peppe L.* Op. cit. P. 49. Nt. 99.
36. *Gabba E.* Esercito et fiscalita... P. 26.
37. Содержание 18-й главы 24 книги Ливия явно распадается на две части: в первой (18.1-9) рассказывается о репрессивных действиях цензоров, во второй (18.10-15), по контрасту, сообщается о добровольном отказе от получения денег военнослужащими, публиканами, хозяевами выкупленных государством рабов. Отправной точкой, вокруг которой строится сюжет повествования, является сообщение о дефиците римской казны. Рефрен пустой казны, таким образом, не только разделяет части текста, но и объединяет их в единое целое.
38. Liv.24.18.14-15: Manauit ea priuatorum benignitas ex urbe etiam in castra, ut non eques, non centurio stipendium acciperet, mercennari-umque increpantes uocarent qui accepisset.
39. Сомнения в добровольном характере многочисленных займов периода Ганнибаловой

войны неоднократно высказывались в литературе. См.: *Nicolet C.* L'orde equestre… P. 42; ibid. Tributum… P. 34; *Matchetti P.* Op. cit. P. 347.

V.A. Kvashnin

«BARLEY MONEY» FOR ROMAN ARMY

Article is devoted to the fiscal policy carried out in the Roman republic within the Hannibal War. The events of 214 BC are at the center of attention and, in particular, the problem of aes hordearium application, and also those social groups which were subjected to «the barley tax». The analysis of the fiscal policy considered in a context of the Roman Law and its standards, allows to see a number of specific features of public and legal culture in Republican Rome.

© 2007 г.

В. А. Квашнин

БОРЬБА С РОСКОШЬЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНЗОРОВ 184 г. до н.э.

Цензура 184 г. до н.э., несомненно, является одним из самых ярких событий политической истории первой половины II в. до н.э. К этому событию римской истории неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи[1]. В то же время такой аспект деятельности цензоров 184 г. до н.э., как борьба с роскошью, не получил удовлетворительного освещения в научной литературе. В рамках данной работы была сделана попытка ликвидировать данный пробел, реконструировав максимально полно деятельность цензоров в данном направлении, а также определив ее место и значение в рамках цензуры 184 г. до н.э.

Наиболее подробно цензура 184 г. до н.э. освещена в сочинениях Ливия и Плутарха. Оба автора отмечают, что цензуре предшествовала необычная предвыборная кампания. Свои кандидатуры выставили патриции Луций Валерий Флакк, Публий Корнелий Сципион Назика, Луций Корнелий Сципион Азиатский, Гней Манлий Вольсон, Луций Фурий Пурпуреон и плебеи Марк Порций Катон, Марк Фульвий Нобилиор, Тиберий Семпроний Лонг, Марк Семпроний Тудитан (Liv.39.40.2-3). Как отмечает Ливий, борьба за цензуру была ожесточенной, на что указывает, прежде всего, число соискателей — девять человек. Среди кандидатов присутствовало четыре триумфатора (Марк Порций Катон, Луций Сципион Азиатский, Марк Фульвий Нобилиор, Гней Манлий Вольсон), а трое уже участвовали в выборах 189 г. до н.э. (Луций Валерий Флакк, Марк Порций Катон, Публий Сципион Назика). Определенные шансы на успех имели все соискатели, имевшие громкие военные победы либо знатное происхождение. Вместе с тем, как пишет Ливий, *«всех кандидатов из самых знатных патрицианских и плебейских родов далеко опережал Марк Порций»* (39.40.3). Несмотря на то, что его соперники были людьми с более «свежей» военной славой (со времени консулата Катона и его испанского триумфа прошло 10 лет), он имел явное преимущество благодаря своему участию в судебных процессах 187 и 184 гг. до н.э. Можно заметить, что большая часть кандидатов (Луций Корнелий Сципион, Публий Корнелий Сципион Назика, Гней Манлий Вольсон, Луций Фурий Пурпуреон) также в той или иной степени принимала участие в тех событиях. Кроме того, следует учесть, что со Сципионом Африканским, прямо или косвенно, были связаны четверо кандидатов: его брат Луций, двоюродный брат Публий Назика,

Гней Манлий Вольсон, принадлежавший к его окружению, и Тиберий Семпроний Лонг, коллега Публия по консулату 194 г. до н.э. Можно предположить, что цензура 184 г. до н.э. должна была стать завершающим этапом борьбы против группы Сципиона Африканского, что и объясняет ожесточенный характер предвыборной кампании. В связи с этим весьма правдоподобными выглядят сведения античных авторов о том, что соперники Катона вступили в сговор, образовав союз, своего рода предвыборную коалицию, направленную против него (Liv.39.41.1).

В традиции отчетливо указывается на основной мотив образования такой коалиции. Как пишет Ливий, соперники Катона *«опасались суровости его цензуры, которая задела бы интересы многих»* (39.41.2). Плутарх сообщает о том, что избрания Катона цензором боялись те, *«кто был повинен в грязных поступках и в отступлении от отеческих нравов»* (Cat.Mai.16)[2]. Источники ясно указывают на политические цели создания этого предвыборного союза, поскольку сложившаяся ситуация заставила объединиться людей, так или иначе участвовавших в судебных процессах 80-х гг. II в. до н.э. Последствия избрания Катона цензором должны были хорошо осознаваться лицами, замешанными в этих процессах. Вместе с тем, Катон представлял угрозу и для кандидатов, не фигурировавших в деле Сципионов. Еще в 187 г. до н.э. он выступил с речью против Марка Фульвия Нобилиора, вместе с которым, видимо, служил в Греции[3]. Сохранившийся фрагмент речи (ORF 148) указывает на то, что Катон вместе с Марком Эмилием Лепидом и плебейским трибуном Марком Абурием пытался сорвать триумф Нобилиора (Liv.39.4.1-4). В 199 г. до н.э. Катон был легатом Тиберия Семпрония Лонга, против которого он уже во время предвыборной кампании выступил с речью[4]. То, что Катон был хорошо осведомлен о различных аспектах деятельности обоих полководцев, также должно было подтолкнуть их к объединению против него. Таким образом, поскольку пара *«Катон–Флакк»* была очевидной, практически все кандидаты имели свои причины для объединения в коалицию, целью которой было не допустить победу Марка Порция на выборах.

В сложившейся ситуации Катон избрал наиболее выгодную для себя тактику ведения агитации. Использовав недавние события, связанные с ниспровержением одного из самых влиятельных, родовитых и богатых римских политиков — Публия Корнелия Сципиона Африканского, Катон сознательно делает акцент на своей роли в судебных процессах. Ливий пишет: *«Марк Порций, не скрывая своих намерений, громогласно обвинял своих противников в том, что они боятся независимой и строгой цензуры, и призывал избирателей отдать голоса ему и Луцию Валерию Флакку, говоря, что только с таким коллегой он сможет успешно искоренить теперешние пороки и вернуть старинную чистоту нравов бороться за чистоту нравов»* (39.41.3-4). Плутарх сообщает, что *«Катон, не обнаруживая ни малейшей уступчивости, но открыто, с ораторской трибуны обличая погрязших в пороке, кричал, что Городу потребно великое очищение, и настоятельно убеждал римлян, если они в здравом уме, выбрать врача не самого осторожного, но самого решительного, то есть его самого, а из патрициев — Валерия Флакка. Лишь при его помощи он надеялся не на шутку расправиться с изнеженностью и роскошью, отсекая этим гидрам голову и прижигая раны огнем»* (Cat.Mai.16). При внешнем сходстве обоих сообщений следует отметить, что у Ливия в основе выступлений Катона лежат обвинения в адрес конкретных политических противников, и именно в этом контексте, видимо, следует понимать его призыв к борьбе за чистоту нравов. У Плутарха на первый план выходит борьба Катона с пороками вообще (и, в частности, с роскошью), в которых погрязла вся римская община.

Хотя информация Ливия более аутентична, версия Плутарха часто используется для реконструкции предвыборной кампании Катона[5]. Так, С. Л. Утченко указывает, что вся деятельность Катона на посту цензора «была направлена на реализацию определенной политической программы — программы борьбы против «гнусных новшеств» (nova flagitia)»[6]. Признавая в целом справедливость такой оценки деятельности Катона, все же следует оговориться, что нельзя с уверенностью говорить о том, что на выборах 184 г.

до н.э. он выступил с уже готовой разработанной программой борьбы против «новых гнусностей», сосредоточив на ней внимание избирателей. Безусловным доказательством существования такой программы была бы речь Катона в качестве кандидата на должность (oratio in toga candida). Ливий, однако, не использует oratio Катона, и вряд ли был с ним знаком[7]. В то же время характер деятельности Катона в должности цензора показывает, что в основных своих чертах его «концепция» уже сложилась к 184 г. до н.э. По-видимому, «теоретическая» часть политической программы Катона, где важное место отводилось борьбе с «новыми гнусностями», складывалась постепенно, в наиболее законченном виде присутствуя в поздней катоновской *«Carmen de moribus»* (Поэме о нравах).

По-видимому, первым публичным действием новых цензоров стало оглашение списка сената (senatus lectio) — процедура, тесно связанная с такой цензорской функцией, как надзор за нравами (cura morum)[8]. Как отмечает Л. П. Кучеренко, «особую эффективность исполнению этой обязанности придавало то обстоятельство, что цензоры проявляли заинтересованность в отношении каждого конкретного гражданина; кроме того, свои порицания они выносили публично, и уже одно это производило должный эффект, так как могло помешать политической карьере»[9]. Приступив к формированию списка сенаторов, Катон, как сообщает Плутарх, вписал принцепсом сената своего коллегу Луция Валерия Флакка взамен покинувшего Рим Публия Корнелия Сципиона Африканского[10]. В литературе высказывалось мнение, что, вписав Луция Валерия, Катон обошел старейшего цензория Тита Квинкция Фламинина, что должно было серьезно осложнить в дальнейшем отношения между двумя политиками[11]. Однако в целом эта акция должна была принести Катону больше, поскольку он подобным образом не только уплачивал долг благодарности своему покровителю и другу, но и получал возможность через контролируемого им принцепса, мнение которого звучало первым при голосовании в курии, влиять на принимаемые сенатом решения. Следующим шагом цензоров стало исключение из состава курии семерых сенаторов (39.42.5). Столь же строго Катон провел ревизию всаднического сословия (recognitio equitum). Так, из числа всадников был исключен Луций Корнелий Сципион Азиатский, брат Сципиона Африканского.

Не меньшее значение имело и проведение ценза. *«Проводя налоговую перепись, они также проявили суровость ко всем сословиям»*, — сообщает Ливий (39.44.1). Судя по Авлу Геллию, в эрарии были переведены нерадивые домовладыки, чье хозяйство пришло в упадок. Он пишет: *«Если кто-нибудь позволял своему полю зарастать сорняками и не заботиться о нем, не пахал и не пропалывал, если кто-нибудь держал в запустении свой сад и виноградник, то это дело не оставалось безнаказанным, оно касалось цензоров и цензоры записывали такого человека в эрарии»* (4.12.1). О самой процедуре проведения ценза мы можем судить по принятому в эпоху Цезаря закону (lex Julia Municipales), отразившему традиционную формулу ценза[12]. Сохранившиеся фрагменты закона показывают, что глава цивильной фамилии был обязан лично явиться для прохождения ценза и под присягой сообщить сведения о себе, своих домочадцах, движимом и недвижимом имуществе[13]. Цензоры, как правило, сами принимали сведения об имуществе, которые заносились в особые описи имущества граждан, на основании которых и формировались имущественные цензовые классы.

Как можно видеть, в руках цензоров находился контроль над состоянием фамильной собственности и расходами семейной казны. Функция финансового контроля цензоров дополнялась имевшимися в их распоряжении средствами борьбы с такими нежелательными для жизни общины явлениями как роскошь, расточительство и бесхозяйственность, через введение налогов на имущество. Полибий пишет о том, что Катон открыто порочил тех граждан, которые ввели в Риме иноземную роскошь (31.24.1). Корнелий Непот указывает, что Катон *«внес в свой эдикт многие новые постановления, обуздывающие роскошь, которая начала уже проникать в общество»* (Cat.2.2). Ливий сообщает о том, что *«женские украшения, наряды и повозки стоимостью свыше пятнадцати тысяч ассов, а также рабов моложе двадцати лет, купленных за двенадцать и более*

тысяч ассов, цензоры приказали при составлении описи оценивать в десятикратном размере, с тем, чтобы эти предметы роскоши обложить налогом в три асса на тысячу» (39.44.2-3). Плутарх также пишет о Катоне, что *«больше всего врагов ему доставила борьба с роскошью; покончить с нею открыто не представлялось возможным, поскольку слишком многие были уже заражены и развращены ею, и потому он... настоял на том, чтобы одежда, повозки, женские украшения и домашняя утварь, стоившие более полутора тысяч денариев, оценивались в десять раз выше своей настоящей стоимости, имея в виду, что с больших сумм будут взыскиваться и большие подати»* (Cat.Mai.18).

Судя по информации источников, речь идет о введении цензорами чрезвычайного налога на предметы роскоши (к которым были отнесены женские украшения, одежда, повозки, домашняя утварь и молодые рабы) на основе десятикратной оценки их реальной стоимости. Верхней границей стоимости вещей, при превышении которой начинал действовать новый налог, было 15.000 ассов для женских предметов роскоши и 12.000 ассов для молодых рабов. Для того чтобы хотя бы приблизительно представить себе масштаб цен эпохи Катона, воспользуемся немногочисленными указаниями источников. Так, известно, что сам Катон не покупал одежду дороже 1.000 ассов (Plut.Cat.Mai.4). В то же время женская одежда могла стоить 4.000 ассов (=4 мины) и более (P1aut. Menaech. 205). Если, однако, как полагают некоторые исследователи, у Ливия и Плутарха речь идет о совокупном имуществе женщины в семье, то цифра в 15.000 ассов выглядит весьма скромной, а катоновский налог — чрезвычайно жестким[14]. Новое налогообложение в этом случае должно было лечь тяжким грузом на финансы значительной части римских фамилий. В той же мере это относится к рабам. Катон называет цену рабочего раба — 1.500 драхм (=15.000 ассов)[15]. Что касается дорогих рабов, не предназначенных для использования в сфере материального производства, то их цена доходила до 1 таланта (=60.000 ассов) и выше[16], что в условиях нового налогообложения приводило к увеличению их реальной стоимости еще в несколько раз (только с одного раба стоимостью в 1 талант налог составлял около 180 денариев)[17]. Оценивая действия Катона, исследователи видят в них борьбу за сохранение в жизни римской общины коллективистских начал, обеспечивавших экономическое равенство граждан и тем самым укреплявших civitas изнутри. Так, Е. М. Штаерман рассматривает их как попытку «противодействовать растущей экономической дифференциации, разлагавшей экономическое равенство граждан, а также возрастанию непроизводительных расходов»[18]. Последний момент отмечает и Б. С. Ляпустин: «Запрещение тратиться на женские украшения останавливало не только непроизводительные расходы на роскошь, но и утечку денег из фамилии»[19].

Помимо налога на предметы роскоши цензоры ввели налог на имущество («прогрессивный», по определению С. Л. Утченко)[20]. Плутарх пишет: *«Кроме того, он увеличил сбор до трех ассов с каждой тысячи, чтобы римляне, тяготясь уплатой налога, и видя, как люди скромные и неприхотливые платят с такого же имущества меньшие налоги, сами расстались с роскошью»* (Cat.Mai.18). Таким образом, цензорский налог на имущество составлял от 0,1 % до 0,3 % для небольших состояний и до 3 % с богатых фамилий. Из текста видно, что Плутарх четко отделяет налог на предметы роскоши от налога на имущество, которые сливаются в один налог у Ливия (39.44.3). Между тем, второй налог по своей природе никак не связан с мерами против роскоши, являясь разновидностью трибута[21]. В источниках существуют упоминания о том, что трибут мог взиматься по цензу. Возможным объяснением слияния двух цензорских налогов в традиции может служить то обстоятельство, что решение о наложении обычного трибута принималось сенатом, тогда как налоги на роскошь относились к компетенции цензоров, которые в своем эдикте должны были, хотя бы формально, налог на имущество отнести к regimen morum. Оценить, насколько введенный цензорами налог отличался от размеров обычного трибута, не представляется возможным, поскольку, как показал еще А. Г. Гемп, распространенное в литературе представление о том, что он взимался в размере 1, 2 и 3 ассов с тысячи, никак источниками не подтверждается[22]. Даже Т. Франк, придерживав-

шийся традиционной точки зрения, вынужден был заметить, что «все эти расчеты — предположительны»[23]. С определенностью можно говорить о том, что налог взимался в определенном проценте с суммы, в которую было оценено имущество.

В результате действий цензоров в эрарий были направлены огромные средства. По подсчетам Т. Франка, если обычный доход казны с пошлин составлял примерно 2.000.000 денариев, то новый налог и штрафные деньги должны были принести казне в 184–183 гг. до н.э. еще около 1.000.000 денариев[24]. Эти данные позволяют предположить, что помимо борьбы с роскошью, Катон, вводя новые налоги, преследовал и иные, чисто практические цели. Обеспечив поступление в эрарий значительных сумм, он мог рассчитывать на то, что предложенные им в сенате строительные проекты не только встретят понимание, но и будут обеспечены необходимыми для их реализации средствами. Задачей первостепенной важности в это время была организация чистки, ремонта и расширения водосборных каналов и городской канализации (C1oaca Maxima), от состояния которых в условиях нездорового климата Лация напрямую зависела жизнь и здоровье жителей Рима[25]. Изношенность и невозможность дальнейшей эксплуатации Cloaca Maxima стала очевидной уже к середине 90-х гг. II в. до н.э.[26] *«На специально выделенные сенатом деньги цензоры сдали подряд на строительные работы — облицовку камнем водосборных бассейнов, очистку старых канализационных стоков и постройку новых, в частности, на Авентине»*, — пишет Ливий (39.44.5)[27].

Наряду с совместной работой каждый из цензоров взял на себя дополнительные обязанности. Ливий сообщает, что *«действуя от своего имени, Флакк соорудил плотину у Нептуновых вод и вымостил дорогу, ведущую к Формиям»* (39.44.6). Катон *«для государства купил Мениев и Тициев атрии вблизи тюрьмы, и четыре лавки, на месте которых воздвиг базилику, получившую имя Порциевой»* (39.44.7). Бурная строительная программа цензоров потребовала привлечения огромных средств. Только ремонт и перестройка городской канализации, по сообщению Дионисия Галикарнасского (3.67.5), ссылающегося на Гая Ацилия, обошлась казне в 1.000 талантов (=ок. 6.000.000 денариев). Хотя данная сумма выглядит сильно преувеличенной (ежегодный доход эрария не превышал 2 — 2,5 млн. денариев), она все же свидетельствует о том, что затраты на приведение в порядок водосборной и канализационной систем Рима были очень велики. По подсчетам Т. Франка, расходы цензоров 184 г. до н.э. минимум в три раза превышали расходы следующих цензур[28]. Как отмечает М. Финли, Катон, будучи цензором, потратил почти в два раза больше денег на усовершенствование городской канализационной системы Рима, чем собиралось по всей Италии в виде военных налогов в конце предшествовавшего столетия[29]. Данное обстоятельство позволяет объяснить жесткую позицию, занятую Катоном по отношению к публиканам. Ливий отмечает, что цензоры *«государственные сборы сдали на откуп за необычно высокую сумму, а подряд на строительные работы для государства оплатили, наоборот, по самым низким расценкам»* (39.44.7). Цель, которую преследовал Катон, очевидна: уменьшение расходов казны путем сдачи строительных подрядов по максимально низкой цене и увеличение доходной части эрария за счет назначения предельно высоких цен за откупа. На подобный путь его толкала, прежде всего, острая потребность в средствах для реализации своих строительных проектов[30]. На действия Катона в отношении публиканов несомненно повлияло и то, что их роль в социальной, и, особенно, экономической жизни Рима значительно возросла в годы Второй Пунической войны. Только военные поставки позволили откупщикам за годы войны сосредоточить в своих руках огромные средства. Публиканы почти полностью контролировали армейские поставки, испанские оловянные и серебряные рудники, добычу смолы и соли. Достаточно серьезным было их влияние и в провинциях[31]. Катон, столкнувшийся с откупщиками еще во время своей претуры в Сардинии, возможно, помимо чисто практических целей пытался одновременно устранить недостаток контроля со стороны общины за их деятельностью в экономической сфере. Для этого в 184 г. до н.э. он навязал им такие условия, при которых они могли бы извлекать минимум прибыли, идущей не на благо Рима, а на личное потребление. Де-

монстративно жесткая и суровая позиция Катона, по всей видимости, отражала его обеспокоенность тем, что публиканы получали все большие возможности для усиления своего влияния в общине. То, что действия Катона нанесли ощутимый удар, показывает последовавшая незамедлительно реакция. Ливий сообщает, что *«сенат, уступая мольбам откупщиков, распорядился расторгнуть эти сделки и назначить новые торги»* (39.44.8). То, что публиканы смогли склонить на свою сторону сенат (или, по крайней мере, его значительную часть), явно указывает на то, что с откупщиками была связана деловыми интересами прямо либо через клиентелу значительная часть сенаторов, чья коммерческая деятельность была запрещена lex Claudia 218 г. до н.э. Это заставляло их заниматься предпринимательской деятельностью через третьих лиц, в том числе и откупщиков, внешне оформляя такие отношения, как патронат или гостеприимство. Главой оппозиции Катону в сенате стал Тит Квинкций Фламинин. Как пишет Плутарх, *«Тит был настолько задет несчастьем брата, что примкнул к тем, кто издавна ненавидел Катона, и, склонив сенат на свою сторону, расторг и отменил все заключенные Катоном арендные договоры и сделки по откупам»* (Plut. Flam.19=Cat.Mai.19). Опираясь на Фламинина и его сторонников, публиканы побудили одного или нескольких плебейских трибунов привлечь Катона к суду народа и взыскать с него штраф в два таланта (Plut.Cat.Mai.19). Однако, судя по источникам, процесс не состоялся. В итоге цензоры своим эдиктом перезаключили арендные договоры на новых условиях. Как сообщает Ливий, специальным указом они отстранили тех, кто хотел уклониться от уже заключенных договоров, и провели новые торги на тех же условиях и даже дешевле (39.44.8).

Анализ деятельности цензоров в 184–183 гг. до н.э. показывает, что цензоры преследовали определенные цели, выходившие за рамки обычной практики римской цензуры. Меры, предпринятые ими, были результатом распространения в римском обществе такого явления, как роскошь, все более отчетливо проявлявшего себя в 80-х гг. II в. до н.э. Появление в Риме первых признаков роскоши источники объясняют последствиями войн в эллинистическом Риме. С «азиатскими» триумфами Луция Корнелия Сципиона и Гнея Манлия Вольсона начала 80-х гг. II до н.э. Ливий связывает проникновение в Рим не только отдельных предметов роскоши, но и определенной модели поведения римского гражданина в быту (39.6.6-9). В то же время распространению роскоши способствовала и отмена в 195 г. до н.э. закона Оппия, принятого еще в 215 г. до н.э. Цензорские меры Катона , бывшего в 195 г. до н.э. противником отмены lex Oppia, рассматриваются многими исследователями как своеобразный реванш или даже «политическую вендетту»[32]. Однако вряд ли содержание цензуры 184 г. до н.э. может быть сведено к личным мотивам римского политика, мстившего за поражение девятилетней давности. Не случайно само время начала борьбы с роскошью, когда тяготы и лишения Ганнибаловой войны начинают уступать место все более заметным проявлениям роста благосостояния граждан, особенно в среде знати. Отмена lex Oppia в свете этого выглядит пробным толчком, открывавшим дорогу процессу неконтролируемого роста богатства и роскоши внутри римских фамилий. Однако развитие этого процесса вступало в противоречие как с уже сложившейся к этому времени системой ценностей, так и общественной практикой, оформленной в виде mos maiorum. По мере роста комфорта и благосостояния граждан, источники которого, как правило, были далеки от традиционного земледелия, возрастало и сопротивление новым явлениям, в полной мере проявившим себя в жизни civitas уже в 80-е гг. II в. до н.э. Одной из форм борьбы с отмеченными тенденциям стало издание новой серии законов о роскоши, принимавшихся с небольшими интервалами на всем протяжении II в. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Fraccaro P.* Ricerche storiche e letterarie sulla censura del 184/183 // Studi storici per l' anticitMa classica. 1911. № 3. P. 1-137 (=Opuscula. 1. Pavia, 1956. P. 417-508); *Della Corte F*. Catone Censore, la vita e la fortuna. Torino, 1949; *Marmorale E.* Cato Maior. Bari, 1949; Scullard H. Roman Politics, 220-150 B.C. Oxford, 1951; *Kienast D.* Cato der Censor: Seine Personlichkeit und seine Zeit. Darmstadt, 1979; *Astin A. E.* Cato the Cencor. Oxford, 1978; *Утченко С. Л*. Политические учения древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977; *Трухина Н. Н*. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). М., 1986.
2. Здесь и далее перевод С. П. Маркиша.
3. *Fraccaro P.* Catoniana // Studi storici per 1'anticitá classica. 1910. № 3. P. 272-279; *Malcovati H*. Commentarii // Oratorum romanorum fragmenta liberae rei publicae /Rec. H. Malcovati. Ed. 2. Torino, 1955. P. 57. Впрочем, по мнению Д. Кинаста, серьезных оснований для вражды Катона и Нобилиора не было (*Kienast D.* Op. cit. S. 65).
4. *Malcovati H*. Op. cit. P. 81-82; *Бобровникова Т. А*. Сципион Африканский: Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. Кн. 2. Воронеж, 1996. С. 222. Прим. 40.
5. *Трухина Н. Н*. Ук. соч. С. 101; *Бобровникова Т. А*. Ук. соч. С. 224. Прим. 42.
6. *Утченко С. Л*. Политические учения... С. 76.
7. По мнению Д. Кинаста, речь может идти только о коротком выступлении при заявлении о выдвижении на должность цензора, о чем Ливий либо его анналистические источники нашли соответствующие упоминания в цензорских речах Катона (*Kienast D*. Op. cit. S. 148. Anm. 62).
8. См.: *Baltrusch E.* Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserreich. München, 1988; *Astin A*. Regimen morum // JRS. 1988. 78. P. 14-34.
9. *Кучеренко Л. П*. Цензоры в социально — политической жизни ранней Римской республики // Политические структуры и общественная жизнь древнего Рима. Ярославль, 1993. С. 32.
10. Plut.Cat.Mai.17. Ср.: *Трухина Н. Н.* Ук. соч. С. 168. Прим. 17.
11. *Kienast D.* Op. cit. S. 74, 149. Anm. 72.
12. *Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 10-11.
13. Lex Julia Municipales. Fr.146-147: ...nomina praenomina, patres aut patronos, tribus, cognomina et quot annos quisque eorum habit, et rationem pecuniae (...родовое и личное имя, отец или патрон, триба, фамильное имя и кому сколько лет [в фамилии], а также какое имеется имущество).
14. *Kienast D*. Op. cit . S. 17.
15. Расчеты соотношения греческих и римских монетных номиналов, связанные с цензурой Катона, даются по Д. Кинасту (*Kienast D.* Op. cit. S.68-87).
16. Polyb.31.25.5; Diod.37.3.5.
17. *Kienast D*. Op. cit. S. 77.
18. *Штаерман Е. М*. Эволюция идеи свободы в древнем Риме // ВДИ. 1972. № 2. С. 4-5. Прим. 8.
19. *Ляпустин Б. С.* Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Сб. статей. Н.-Новгород, 1991. С. 56. В этой связи обращает на себя внимание сходство положений Оппиева закона 215 г. до н.э. и цензорского эдикта Катона, в обоих случаях направленных против растраты фамильных ресурсов на приобретение предметов женской роскоши.
20. *Утченко С. Л*. Политические учения... С. 77.
21. *Kienast D*. Op. cit. S. 76-77.
22. *Гемп А. Г*. Прямой налог в Римской республике // Сборник трудов Архангельского педагогического института. Архангельск, 1958. Вып. 2. С. 68, 76, 80.
23. См.: CAH. 1928. Vol. VIII. P. 345.

24. *Frank T*. An Economic Servey of Ancient Rome. Baltimore, 1933. P. 151.
25. *Кнабе Г. С*. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 30.
26. *Kienast D*. Op. cit. S. 77.
27. О качестве произведенных работ говорит тот факт, что новые ремонтные работы в системе городской канализации были проведены только в 33 г. н.э.
28. *Frank T*. Op. cit. P. 153.
29. *Finley M. I*. Empire in Greco-Roman World // G&R. 2nd ser. 1978. Vol. 25. № 1. P. 9. Как пишет М. Финли, ссылаясь на расчеты У. Харриса, при сравнении этих трат со строительством дорог или акведуков, этот показатель равен уже не двум, а пятидесяти или даже более того для каждой отдельной главной магистрали Италии или каждого отдельного акведука (*Harris W. H*. On War and Greed in the Second Century B. C. // AHR. 1971. 76. P. 1374-1375).
30. По мнению Б. С. Ляпустина, деньги, полученные с откупщиков, пошли на постройку Порциевой базилики (*Ляпустин Б. С.* Экономическое развитие... С. 57).
31. *Frank T*. Op. cit. P. 346; *Kienast D*. Op. cit. S. 72-74.
32. *Kienast D.* Op. cit. S. 76; *Herrmann C.* Le role judiciaire et politique des femmes sous la république romaine. Bruxelles, 1964. P. 67; *Peppe L.* Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in eta republicana. Milano, 1984. P. 47.

V.A.Kvashnin

STRUGGLE OF 184 BC. CENSORS AGAINST LUXURY

The article is devoted to the problem of struggle against luxury in ancient Rome, censorship viewed in a context of 184 A.D. All actions of censors anyhow concerning the struggle against various displays of luxury have been systematized and analysed within the present entry. Censorial measures conducted by M. Porcius Cato and L.Valerius Flaccus allow to make a number of the important observations about social and economic development of the Roman civil community at the end of 3rd — the first quarter of 2nd cc. BC.

© 2007 г.

С.М. Крыкин

СПАРТАК: ВЕРСИИ О ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ (НАУЧНЫЙ ПОДХОД ВРАЗРЕЗ С ЛИТЕРАТУРНО-ЛЕГЕНДАРНЫМ)

Более полувека назад немецкий антиковед К. Циглер[1] предложил конъектуру фразы из жизнеописания М. Лициния Красса у Плутарха (Crass. 8. 3) по поводу происхождения Спартака: ανηρ Θραξ του Μαιδικου γένος («муж фракиец родом из медов») вместо Νομαδικου γένος («родом из номадов») и таким образом один из самых прославленных героев древности как бы обрел свою малую родину на западе Фракии в среднем течении Стримона. Локализация племени медов давно уже не выглядит сомнительной,[2] поэтому болгары решились установить памятник Спартаку на крайнем юго-западе страны в городке Сандански, на месте которого предположительно располагался упомянутый у Страбона (Geogr. 7. 36) древний город Гареск.[3] И хотя источниковая база событий, хрестоматийно именуемых как «восстание Спартака», практически не изменилась со времен А. В. Мишулина,[4] имеется простор для дискуссий. В 1977 г. международное научное сообщество отметило 2050-летие восстания симпозиумом, на котором обстоятельно рассматривались исторический фон и многие нюансы описания состава и дейст-

вий восставших. Спустя четыре года был опубликован сборник статей,[5] где среди прочего начали проявляться сомнения относительно правильности причисления Спартака к племени медов.

В отечественной историографии подходы к исследованию темы «восстания Спартака» чаще всего шаблонно шли от упомянутой разработки А. В. Мишулина о репетиции «революции рабов»,[6] однако имела место и почти эпатажная попытка рассматривать движение Спартака как продолжение гражданской Союзнической войны[7] вопреки давним утверждениям о предоставлении якобы всем италикам гражданских прав еще в 86–84 гг. до н.э. усилиями цензоров Марция Филиппа и Марка Перпенны[8] и позднейшим наблюдениям о слабой якобы представленности свободной бедноты в армии Спартака.[9] Загадочность стратегии и тактики, а также почти невероятных успехов войск под началом Спартака казанский исследователь В.В. Халдеев[10] попытался объяснить искусным применением конницы в горной войне, причем к тому же отменно ориентируясь в италийских горах.[11] Вне всяких сомнений значительная часть италийского населения поддержала повстанцев.[12]

Горы–война–конница–фракийцы. Формируется схема, в которой должны обоснованно работать все эти компоненты, убедительно характеризуя и личность самого Спартака. Научно-популярное изложение событий восстания Спартака доныне[13] сосредотачивается на реалиях рабской войны в Италии, между тем в понимании римлян эта война была даже не «рабской», а «гладиаторской» — эту разницу пытался выявить Анней Флор (I, 34; II, 8[14]). Е. Колендо, рассматривая вопрос, как Спартак стал рабом,[15] сопоставляет сведения Аннея Флора и Аппиана о догладиаторском статусе Спартака у римлян. Он приходит к выводу, что фракиец (фракийское происхождение Спартака бесспорно, хотя наблюдалось странное поползновение относительно его имени, считая его гладиаторским нарицательным, то есть прозвищем) какое-то время являлся наемником на римской службе (стипенидарием), после чего стал дезертиром и разбойником,[16] иными словами взбунтовался.[17] Цезарь (Bel. civ. III. 4, 6) упоминает Bessos partim mercennarios («бессов — отчасти наемников»), хотя тут же оговаривает — отчасти набранных по приказу Помпея или же вследствие его личных связей.

Вообще, самые ранние упоминания у римлян о фракийских наемниках наблюдаются при описании хода Югуртинской войны в конце II в. до н.э. — о них пишут Аппиан и Саллюстий, причем последний (Bel. Jug. 38. 6) конкретизирует две турмы фракийцев в Нумидии (cum duabus turmis Thracum), т. е. конницу. Позднее фракийцы принимали деятельное участие в гражданских войнах римлян, обычно в связи с появлением римских войск на Балканах. Об этом писали Цезарь (Bel. civ. III. 4[18]; III. 36[19]; III. 95[20]) и во мно-

гих пассажах Аппиан, причем в порядке вещей речь шла о конных отрядах во главе с представителями одрисской племенной верхушки. Случалось, что фракийские царевичи воевали в противоборствовавших армиях (Раскос и Раскуполис),[21] после чего сторонник победителей выручал соплеменников. Уже после симпозиума в Благоевграде А. Фол[22] высказался в пользу признания Спартака также выходцем из числа родственников одрисских фракийских царей[23], но недоступность для меня его публикации[24] делает невозможным пока ознакомление с его аргументами помимо указания на обладание одрисским царским именем. Посмертная публикация Ж. Велковой[25] вполне убедительно раскрывает широту распространения ЛИ Спар(а)докос, — токос, — такос среди фракийской племенной верхушки и военных фракийского происхождения главным образом в эллинистическую эпоху. Это «царское» имя использовали не только Одрисы, но и цари Боспора.[26] Вообще многие фракийские солдаты в эллинистических армиях (материалы из птолемеевского Египта наиболее богаты[27]) носили «царские» имена — похоже, что это была особая фракийская традиция. Сомнительно, однако, чтобы римляне осмелились определить в гладиаторы лицо царского происхождения, разве что для выполнения каких-то особенных функций. Привилегированное положение Спартака в гладиаторской школе в Капуе позволяло ему, по версии Плутарха, иметь рядом жену, тоже из Фракии и, кроме того, даже жрицу Диониса.[28] Характеристика Спартака у Плутарха (Crassus. 8) впечатляет своей внутренней симпатией: «человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени». Являлся ли Спартак каким-то особым гладиатором,[29] с командными функциями, либо лицом типа начальника-инструктора?[30]

Почти в каждой стране на месте былой Римской империи и территорий под ее контролем выявлены следы и признаки проведения столь любимых римлянами гладиаторских игр (ludi gladiatorii). Имеются такие и на оккупированной римскими войсками родине Спартака где-то во Фракии, наибольшую часть которой сейчас населяют болгары. Неизменно вспоминая о вероятном великом прародителе, болгарские исследователи проявляют пристальный интерес к гладиаторам и гладиаторским играм в древней истории своего отечества.[31] Л. Вагалински выделяет основные каналы пополнения рядов гладиаторов: осужденные преступники (за грабеж, убийство, поджог, святотатство и бунт),[32] военнопленные, рабы и, как ни странно это для неискушенных в истории, добровольцы. А могли римские военные или воины на римской службе оказаться на арене в качестве гладиаторов? При одном из «солдатских императоров» Клавдии (268–269 гг.) в результате битвы при Нише наконец-то были остановлены готы, приходившие ранее несколько раз из Северного Причерноморья. Однако победа была омрачена гибелью до двух тысяч отвлекшихся на грабеж добычи римлян. Император выяснил, что в грабеже приняло участие большинство его воинов, и отправил нарушителей воинской дисциплины (вероятно, инициаторов) в Рим на общественные игры (mittit ludo publico deputandos — Scriptores Historiae Augustae. 11, 8).[33] Конечно, все собранные сведения относятся к имперскому периоду истории Рима, однако традиции явно закладывались гораздо раньше.

Мало кто знает, что римские гладиаторы были призваны не только развлекать публику, но могли применяться и даже большими массами в иных целях. Иногда складывается впечатление, что римляне использовали гладиаторов как военно-политическую силу в качестве вспомогательных отрядов — примеров тому немало. Так, в описании гражданских войн у Аппиана находим: например, Децим Брут применил при убийстве Цезаря отряд гладиаторов (II. 120–122; III. 206), затем в Мутине (III. 49) помимо трех легионов он собрал множество гладиаторов. Еще позднее против триумвиров использовал гладиаторов Агенобарб (V. 26), Луций с их помощью изгнал из Рима Лепида (V. 30), после чего они отличились в бою с легионариями Цезаря Октавиана под стенами Перузии (V.33). В 35 г. до н.э. Секст Помпей с армией из трех легионов и двухсот всадников атаковал с моря и суши город Кизик, но был отражен — «там находился небольшой отряд

Антония, составлявший стражу при гладиаторской школе» (V. 137). Эпизод с Кизиком интересен и тем, что позднее Иосиф Флавий (Bel. Jud. XX. 2) добавляет любопытнейший факт: иудейский царь Ирод был почтен Октавианом за посланную вовремя военную помощь наместнику Сирии Квинту Дидию для отражения шедших из Кизика в Египет гладиаторов, стремившихся выручить Антония после поражения при Акции. В якобы цезаревой «Африканской войне» имеется эпизод (fr. 76) с упоминанием, что в городе Тиздре Цезарю оказал сопротивление Консидий во главе гарнизона и целой когорты собственных гладиаторов. В имперскую эпоху гладиаторы редко появляются в поле зрения историков, однако Геродиан (VII. 11) сообщает, что в 238 г. сенатор Галликан, «…отперев гладиаторские казармы, вывел гладиаторов, вооруженных их собственным оружием», и атаковал ими лагерь преторианцев, однако те неожиданной вылазкой сумели уничтожить гладиаторов.

Комментируя ход гражданской войны со своим участием, любопытнейшую информацию доносит Г. Юлий Цезарь (I. 14): «Только уже в Капуе бежавшие ободрились и собрались с духом. Здесь они решили произвести набор колонистов, выведенных в Капую по Юлиеву закону; Лентул приказал даже вывести на форум гладиаторов, которых Цезарь держал там в фехтовальной школе; обнадежив их обещанием свободы, он дал им лошадей и приказал следовать за собой; но так как эту меру все единодушно порицали, то он распределил их по домам римских граждан кампанского округа для надзора». Позднее Целий отправил Милона поднять восстание против Цезаря (III. 21): «так как у Милона со времени его больших гладиаторских игр оставались еще гладиаторы, то Целий заключил с ним союз и послал вперед в Фурийскую область, чтобы вызвать восстание пастухов. А когда сам Целий прибыл в Касилин, и в то же время в Капуе были арестованы его военные знамена и оружие, а в Неаполе был замечен отряд гладиаторов, имевший целью предать город, — то, по обнаружении своих замыслов, он не был допущен в Капую и боясь опасности (так как корпорация римских граждан взялась за оружие и постановила считать его врагом отечества), отказался от своего намерения и переменил маршрут».[34] Далее Милон отправился осаждать в Фурийской области город Косу (III. 22).

Спартак погиб в 71 г. до н.э. и армия его была рассеяна, однако несколько лет спустя, согласно повествованию Саллюстия (Cat. 30), в сенат приходят сообщения о начинающихся в Капуе и Апулии восстаниях рабов.[35] В Капую был послан претор Квинт Помпей Руф и «постановили, чтобы отряды гладиаторов были распределены в Капую и в другие муниципии в соответствии с их потребностями» (uti gladiatoriae familiae Capuam et cetera municipia distribuerentur pro cuiusque opibus).[36] В итоге уже после гибели Катилины отец будущего основателя римской империи Гай Октавий после претуры получил по жребию в управление провинцию Македония и, по дороге туда, по особому заданию сената, «уничтожил остатки захвативших Фурийскую область беглых рабов из войск Спартака и Катилины» (Suet. Vita Div. Aug. 4). Почему эта информация Светония практически не комментируется, остается непонятным.[37]

Кое-где в источниках имеется склонность сопоставлять Спартака с мятежными командирами служивших Риму варварских вспомогательных отрядов. Так, Корнелий Тацит описывает приключившееся при Тиберии восстание в Нумидии под началом бывшего офицера вспомогательных войск Такфарината (Ann. II.52; III. 20–21, 32, 73–74; IV. 13, 23–26), причем сравнивает этого вождя повстанцев со Спартаком, также называя его «дезертир и варвар» и сравнивая попытку добиться по договору мира и земель с затеей Спартака начать с римлянами мирные переговоры. Римляне помнили, что еще в 140 г. до н.э. вождь восставших против них на юго-западе Испании Вириат добился было победы и мира. Вириат и Такфаринат все же действовали вдали от Италии и Рима, потому намек на попытку Спартака вести мирные переговоры на территории врагов достоин особого внимания.

В «Анналах» Тацита содержатся и еще любопытные факты: вскоре после гибели Такфарината бывший преторианец Тит Куртизий пытался поднять рабское восстание близ Брундизия (IV. 27); в правление Клавдия в Нижней Германии ранее служивший

римлянам Ганнаск попытался взбунтовать хавков (XI. 18–19); в 64 г. до н.э. гладиаторы попытались вырваться из Пренесте — это им не удалось, лишь пробудив память о Спартаке (XV. 46). В своей «Истории» Тацит обращает большое внимание на произошедшее в 69–70 гг. восстание вспомогательных когорт батавов под руководством Юлия Клавдия Цивилиса (Hist. I. 59 etc.). Армиям Рима всегда не хватало конных войск, что часто вынуждало привлекать отряды варварских всадников. Дезертирство или измена таких союзников, особенно после проникновения римских войск на их родину, не являлись, таким образом, столь уж редким явлением.

Римляне со времени организации провинции Македония многие десятки лет вели борьбу с фракийскими племенами,[38] причем не только с пограничными. Пожалуй, только одрисские цари со времени восстания Лжефилиппа-Андриска старались не портить отношения с хозяевами Македонии вопреки антипатиям большинства фракийцев, что особенно проявилось в годы Митридатовых войн. Жена Спартака, если верить Плутарху, имела прямое отношение к оракулу Диониса в Родопах. Оракул обслуживался жрецами из племенного союза бессов (Hdt. VII. 111), часть которого периодически попадала под власть Одрисов, что пробуждало соперничество и вражду.[39] Горные бессы прославились как наемники,[40] но сильной конницей не обладали. Из числа всех фракийцев мощной конницей обладали только одрисы и геты — это наглядно проявилось в самом масштабном военном предприятии Одрисов — походе Ситалка в 429 г. до н.э. на Македонию (Thuc. II. 95–101). Поэтому бесская версия происхождения Спартака едва ли приемлема.

Фракийское происхождение вождя гладиаторской войны никто не оспаривает, при этом его образ у нас рассматривается в причудливом сочетании романтической фантазии Р. Джованьоли и установочных характеристик римских нарративных традиций, вспомнить хотя бы дважды издававшийся у нас исторический роман В.А. Лескова. К сожалению, претендующие на научность представления о Фракии здесь отсутствуют. Неведомые для нашего читателя произведения болгарских писателей в описании фракийского исторического фона намного качественнее,[41] особенно если за дело брались такие корифеи фракологии как Хр. Данов.[42]

Между тем проблема качества информации нарративных источников все более жестко касается темы изложения событий восстания Спартака. Так, по наблюдениям германского историка Г. Перля у Саллюстия и прочих осветителей событий в Италии в I в. до н.э. не было ясной определенности в разграничении этнических контингентов галлов и германцев.[43] Между прочим, побежденные Г. Марием кимвры и тевтоны воспринимались современниками событий скорее как галлы. Если в связи с ними принять во внимание заключение группы германских ученых о выделении между кельтскими и германскими племенами возле Рейна неких иных по этнокультурной определенности народов, лишь позднее оказавшихся в зонах активизации германцев, то резонно ставится вопрос вообще о невозможности для германцев быть компактно представленными в Италии до времени эпохальных походов Цезаря.[44] В событиях восстания гладиаторов не фигурирует ни одно германское имя, нет ни единой этнографической детали, свойственной германцам.

Имена Спартак и Фракия остались у античных авторов органично связанными. По иронии судьбы первым варварским (и «солдатским») императором в Риме оказался уроженец Фракии. У писателей (или писателя[45]) «Истории Августов» приводится биография императора Максимина (235–238) по прозвищу Фракиец, который происходил «из села во Фракии по соседству с варварами. Причем сам варварского происхождения по отцу и матери, из которых один был из Готии, а мать — из аланов» (SHA. Maxim. I. 5–6: hic de vico Thracie vicino barbaris, barbaro etiam patre et matre genitus, quorum alter e Gothia, alter ex Alanis genitus perhibetur). Эту информацию воспроизводит Иордан (Get. 83), тогда как Геродиан (VI. 8. 1) повествует о воине из прежних пастухов, родом от фракийцев и «смешанных варваров». Гигант-кавалерист в начале своей карьеры едва овладел латынью и как-то обратился к императору Септимию Северу «почти по-фракий-

ски» (SHA. Maxim. II. 5: prope Thraecica [linqua]). При Макрине (217–218) обиженный Максимин ушел с военной службы, купил имения во Фракии в своем родном селе, постоянно торговал с готами (cum Gothis — IV. 4) и почти как свой любим был гетами (IV. 5: a Getis amatus est), имел дружественные контакты с аланами на берегу (очевидно, Дуная). Любопытно, что в давно исполненных переводах «Истории Августов» в болгарском билингвическом издании[46] предложено, что будущий император и торговал с готами и был ими любим, тогда как в русском наоборот там и здесь фигурируют геты.[47] Начавшуюся путаницу в разграничении готов и гетов несложно заметить еще в двух пассажах «Истории Августов» (SHA. Ant. Car. X. 6; Ant. Geta. VI. 6). Присутствие готов в Нижнем Подунавье впервые было четко засвидетельствовано в 214 г.,[48] хотя имеются некоторые косвенные свидетельства их возможного появления немного раньше.[49] В.П. Буданова замечает, однако, что даже в IV–VI вв. Балканская Готия определялась в задунайской Дакии и никогда границами на берег Дуная не выходила, между тем аланы начали появляться на дунайском берегу с середины I в. н.э. «История Августов» (Scriptores Historiae Augustae) качественным источником не признается, больше доверия внушает Геродиан, а у него воспроизводится слух (Herod. VII. 1. 2), будто некогда Максимин был пастухом во фракийских горах, и таким образом малую родину императора следовало бы искать в римской Мезии в придунайской части Болгарии. А мезы и Мезия связаны с еще одной важной деталью в биографии Спартака.

Мезы являлись особым фракийским племенным союзом на придунайском северо-западе нынешней Болгарии, заметным в позднеэллинистическую эпоху — одна точка зрения,[50] согласно другой,[51] это были геты. В 29 г. до н.э. внук победителя Спартака и триумвира М. Лициний Красс совершил победоносный поход в Подунавье (Dio Cass. I. 23, 2–27), причем перед решающей битвой, по сообщению Аннея Флора (II. 26), мезы совершили военный обряд с закланием коня перед строем.[52] По сложившемуся у болгарских ученых мнению, битва состоялась у фракийского селища возле нынешнего села Арчар Видинского округа в Болгарии, где позднее римляне построили крупный город Рациарию. Вблизи возвышаются западные отроги Стара планины, рядом Дунай — похоже, где-то здесь от потомков фракийцев-трибаллов, либо от гетов или мезов родился император Максимин, которого поддерживали паннонцы и фракийские варвары (Herod. VIII.6. 1), сам он был фракиец и варвар (SHA. Maxim. IX. 5: Thrax et barbarus erat), почему и управлял на манер Спартака и Афиниона (IX. 6: prorsus ut Spartaci aut Athenionis exemplo imperaret).

Похоже, что никаким готом Максимин не являлся, однако смешение этнонимов гетов и готов в источниках случайным отнюдь не являлось. Так, готско-византийский историк Иордан намеренно объявил германцев-готов потомками северных фракийцев-гетов, назвав свой важнейший труд «Гетика». В его же менее известном произведении «Романа» (Rom. fr. 284) погибший в середине III в. в битве при Абритте император Траян Деций оказался побежден якобы не готами, а гетами. Старший современник Иордана Марцеллин Комит являлся природным греком и секретарем Юстиниана, так и в его «Хрониконе» под 505, 514, 517 и 530 гг. все «готское» и «готы» оказались подмененными «гетским» и «гетами». Аналогично готы-геты мешаются и у Прокопия Кесарийского. Возможно, таким образом в биографиях «Истории Августов» зафиксировался пласт не IV, а VI столетия. Именно в конце IV в. готы хозяйничали в Мезии и Фракии, потому неосознанная путаница не представляется правдоподобной.

Как уже многократно справедливо отмечалось, вожди рабских восстаний исполняли и жреческие функции. Фреска, открытая в Помпеях в 1927 г., представляет нападение местного уроженца Феликса сзади на Спартака — оба на конях. Таким образом, описанное Плутархом заклание коня перед последней битвой явилось на самом деле описанием культового обряда на манер виденного римлянами перед сражением с мезами.[53] Если и номадское происхождение Спартака у Плутарха не является вымыслом, то допустима еще одна версия происхождения вождя гладиаторской войны — гетская, исходя из всего набора подобранных фактов.

Версия о происхождении Спартака из племени гетов еще никем и никогда не высказывалась. Как известно, геты населяли территорию позднелатенской Дакии (на землях нынешних Румынии и Молдовы), однако и, кроме того, соседили с южными фракийцами на северо-востоке теперешней Болгарии.[54] С VI в. до н.э. с ними вступили во взаимодействие скифы, и состоялось грандиозное взаимопроникновение тех и других на уровне этнокультурной интерференции.[55]

Рассматривая призрачную гипотезу о гетском происхождении Спартака, следует помнить еще одно отмеченное как отдельный документ у А. В. Миш улина[56] свидетельство греческого эрудита III в. Атенея (Deipn. VI, 272–273): «…Гладиатор Спартак, убежав во время войн с Митридатом из италийского города Капуи и подняв большое количество рабов — он и сам был раб, фракиец родом, — опустошал всю Италию в течение немалого времени, так как ежедневно к нему стекалось множество рабов. И если бы Спартак не погиб в открытом бою против Лициния Красса, он не причинил бы, пожалуй, затруднений своим землякам, как это было в Сицилии с Эвном». То, что среди гладиаторов в немалом количестве содержались фракийцы и галлы, отмечает Плутарх (Crass, 8). Но с кем из фракийцев могли иметь римляне боевые контакты незадолго до восстания и на кого потом мог полагаться Спартак, руководя своей армией?

К гетскому племенному союзу относились кробизы, теризы, агафирсы, миргеты и тирагеты. Свидетельства Геродота (IV, 93) и Фукидида (II, 96, 1) предположили наличие элементов ранней государственности у гетов, их общность сплачивалась характерным культом Залмоксиса (Hdt. IV, 14; 95, 1–5; 96, 1–2). По поводу похода персидского царя Дария I на скифов «отец истории» отметил, что эти «самые храбрые и справедливые среди фракийцев» единственные среди соседних племен осмелились оказать сопротивление. После неудачи и отступления геты были вынуждены предоставить Дарию контингент конных стрелков. В конце VI или в самом начале V в. до н.э. гетские земли между горами Хемус (ныне Стара планина в Болгарии) и дельтой Истроса (ныне Дунай) оказались в границах ранней Одрисской державы при ее первом известном нам властителе Тересе. В 429 г. до н.э. гетские конные стрелки составили значительную часть конницы огромной сборной рати под началом одрисского царя Ситалка в недельном походе в Македонию и на Халкидику (Thuc. II , 98, 2). В 150-тысячной армии[57] конница якобы составила треть и состояла из самих одрисов и гетов. Гетские воины участвовали в 411 г. до н.э. в наступательных акциях одрисского владетеля Севта I. При осаде Кардии фракийцы сумели нанести поражение афинянам, при этом, по данным Полиена (VII, 38), отличились две тысячи легковооруженных гетов. В 70-е — 60-е годы IV в. до н.э. геты оформили собственные политические центры, которые, как явствует из материалов царских гробниц при селах Аджигьол и Борово, поддерживали политические и дипломатические отношения с одрисским царем Котисом I. В 339 г. до н.э. царь скифов Атей сначала воевал с неизвестным нам гетским владетелем в дельте Истроса и только потом был разбит армией Филиппа II Македонского. Филипп привлек в качестве союзника гетского царя Котелу. По утверждению Атенея (XIII, 557d), это соглашение было скреплено династическим браком Филиппа и гетской принцессы Меды. В 335 г. до н.э. Александр III Великий совершает переправу на дунайский остров Певку и затем отбрасывает на левом берегу реки отряд гетов. Арриан (Anab. I, 3, 5) привел численность гетского войска — 10 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы. Лидер болгарских фракологов А. Фол, воспринимая эти цифры как предельные мобилизационные возможности гетского племенного союза, предположил численность придунайских гетов всего порядка 55–60 тысяч человек.[58]

Где-то между 331 и 325 гг. до н.э. македонский стратег Фракии Зопирион попытался покорить гетов и скифов, однако погиб после неудачной осады Ольвии. В 313 г. до н.э. геты помогают союзу западнопонтийских греческих колоний во главе с Каллатисом сопротивляться экспансии эллинистического властителя Лисимаха. На рубеже IV–III вв. до н.э. геты сумели настолько консолидироваться, что под руководством Дромихета сумели победить и пленить вторгшегося к ним Лисимаха — в этом единодушны Диодор

(XXI, 11–12), Страбон (VII, 3, 8; VII, 3, 14), Полиен (VII, 25) и Павсаний (I, 9, 5–6). В первой половине III в. до н.э. придунайские геты сохраняли собственную независимую государственность — свидетельством тому является исследованная знаменитая гробница при с. Свештари. Тогда же, по Филарху (Athen. XII, 536d), значительными богатствами отличался правитель кробизов Исант. Около 200 г. до н.э. западнопонтийская колония Истрия регулирует свои отношения с гетским правителем Залмодекиком, та же Истрия использует помощь одного гетского царька Ремакса против другого — Золтеса. Позднее знаменитый объединитель гетов Буребиста захватил несколько греческих колоний на западном и северном берегах Черного моря, пытался помочь Помпею в борьбе того с Цезарем, который замышлял позднее с ним сразиться. Заговоры и убийства обоих прославленных воителей помешали осуществлению этих планов, причем объединенная, было, гетская территория разделилась на четыре части. Однако Буребиста правил уже после Спартаковской войны — в 60-е — 50-е годы I в. до н.э. Согласно сообщению Диона Кассия (LI, 22, 8), по причине взаимной вражды геты оказались совсем бессильны. В 29–28 гг. до н.э. поход М. Лициния Красса (внука триумвира) с юга к Дунаю нанес мощный удар разрозненным гетам (а также мезам, у которых он наблюдал ритуал заклания коня перед строем воинов). Добруджанские геты признали приход римлян и вступили в имперскую военно-политическую систему в 45 г. н.э.

В 1899 г. на территории Ольвийского городища была обнаружена погребальная стела, под которой упокоился Διζάζελμις Σεύθου ἡγεμών Διζύρων. Интерпретаций вскоре после находки последовало несколько: вождь целого гетского клана, начальник римского вспомогательного отряда (нумера) из Фракии или командир фракийского отряда, присланного по одобрению римлян с территории Боспора,[59] но спустя десятилетия Ю. Г. Виноградов идентифицировал усопшего в Ольвии как вождя фракийского племени, союзного Митридату VI Евпатору в период борьбы его с римлянами.[60] В середине 20-х годов I в. н.э. Корнелий Тацит (Ann. IV, 46) обозначил выступление фракийцев-горцев в Родопах против римских властей — при попустительстве последних из Одрисов был нарушен исконный для тех мест обычай, согласно которому на службу уходили целые племенные формирования во главе со своими вождями.[61] Римляне восстание подавили, при этом перед трагической для повстанцев развязкой они знали, что их противники избрали себе трех военачальников, не акцентируя при этом внимание на их знатности, а по умению и заслугам.

Что касается гетской гипотезы происхождения Спартака (фракийца-номада, по указанию у Плутарха, но без конъектуры К. Циглера), то из жителей Фракии лишь геты образом жизни напоминали подвижных скотоводов. Римляне воевали с номадом из Фракии, но тогда Спартак мог к ним попасть изначально только в качестве наемника, пусть даже командира варварского конного отряда. Ясно, что боевого соприкосновения гетов и римлян до времени глубинного рейда внука победителя Спартака, похоже, не наблюдалось, во всяком случае, перед временем восстания. Ни одрисы, ни бессы никем из античных авторов номадами не признавались. Длительное время контактировавшие с ними афиняне не смогли бы этого не заметить. Таковы соображения насчет возможной племенной принадлежности великого фракийца, сама этимология имени которого весьма близка имени (или псевдониму) одного из самых загадочных деятелей культуры — Шекспира. Наконец, необходимо хотя бы кратко обрисовать историко-географический фон той страны, откуда прибыл в древнюю Италию благороднейший (мнение самих античных авторов, хотя по логике событий Спартак являлся их врагом) вождь восставших.

Исторический портрет древней Фракии в необозримом море публикаций по фракологии удавался очень немногим специалистам. Рационально сбалансированной выглядит работа, переведенная затем на западноевропейские языки — докторская монография Хр. Данова.[62] Производит впечатление мозаичное собрание материалов по фракийцам с отражением качества источниковой базы — будто бы популярная книга Г. Михайлова.[63] У плодовитейшего по количеству публикаций лидера не только болгарских, но и прочих фракологов вообще А. Фола ряд фундаментальных работ впечатляет своей широтой.[64]

Наконец, А. Фол и М. Тачева подготовили уже дважды изданные научно-учебные пособия по фракологии — университетский курс.[65] Общую картину существенно дополняют краткая энциклопедия «Фракийская древность»[66] и коллективный труд «Этнология фракийцев».[67] Лишь еще одна монография, советская к тому же,[68] в какой-то степени конкурирует с болгарскими по широте и исчерпанности проработанной источниковой базы. Скромную лепту вносит и автор этих строк, анализируя специфику возникновения государственности у южных фракийцев и их хозяйственно-экономической деятельности.[69]

Южные фракийцы жили в селах чаще всего в маленьких полуземлянках или хижинах опорно-столбовой конструкции из переплетенных прутьев, обмазанных глиной. Где хватало камня, из него клали стены насухо или на грязи. Полы обычно были из трамбованной глины. К хижинам примыкали хозяйственные постройки, длинные ограждения предусматривали нахождение в них многочисленного скота. Один из старейших болгарских фракологов Ив. Венедиков пытался определить уровень развития земледелия у фракийцев,[70] однако не слишком убедительно. На фракийских полях преобладали неприхотливые пленчатые пшеницы (полбы), в отличие от более нежных голозерных не предназначенные для компактного хранения и вывоза. Экономика южных фракийцев не была рыночной, а архаической натуральной («домашний способ производства», по М. Саллинзу). Ксенофонт наблюдал на периферийной окраине Одрисского царства обычнейшее полюдье, причем в самой примитивной его форме — «кормление».

Фукидид (II, 97, 3) предполагал ежегодные доходы преемника Ситалка — Севта I в 400 талантов драгоценными металлами помимо «подарков», Диодор (XII, 50–51) доходы царя Одрисов исчислял в 1000 талантов. Ксенофонт с 6 тысячами наемников служил именно будущему царю Севту II еще как парадинасту, то есть второму лицу в Одрисском царстве. Севту не хватило двух тысяч одрисских воинов для подчинения взбунтовавшихся финов, прежде приносивших полюдье его отцу. Севт обещал грекам жалование всего в месяц 30 талантов (Xen. Anab. VII, 2, 36), однако в итоге сумел собрать лишь 1 талант, 600 быков, 4 тыс. овец и 120 рабов, провалив тем самым соглашение. Он дважды предлагал Ксенофонту сократить численность наемного эллинского контингента до одной тысячи человек (Xen. Anab. VII, 6, 43 и 7, 50–51), чтобы свести месячные расходы на них до 5 талантов и годовые до 60. Красноречиво показана очень низкая товарность экономики южнофракийского Одрисского царства, по сравнению с развитыми античными полисами. Раннеэллинистические фракийцы соорудили два города внешне по образцу греческих — Севтополь и Кабиле. Но это — «царские» города (полностью раскопанный Севтополь вмещал не более сорока семей знати), далекие от истинной полисной организации и многолюдства гражданского коллектива. Найденный в центре Фракии (близ нынешнего болгарского города Пазарджик) греческий полис Пистирос[71] являлся эмпорием, то есть торговой колонией. Одрисские цари научились изымать средства с располагавшихся по окраинам их владений греческих полисов, и это было крайне важным для них делом, поскольку собственная экстенсивная экономика свободных фракийских общин ввиду сравнительно низкой товарности не позволяла им собрать значительные доходы. Стандарты эллинской цивилизации были для них недостижимы.[72]

Уже упоминавшийся выдающийся болгарский историк Г. Михайлов в августе 1968 г. на симпозиуме в Фессалонике допустил довольно категоричное заключение о реалиях первой половины I тысячелетия до н.э.: «Фракия, как и Македония, являлась страной довольно примитивной культуры и могла изменить понемногу свой облик под влиянием греческих колоний…».[73]

Эллинизированный фракиец Спартак был вынужден ради достатка и материального благополучия пытаться продавать свое воинское умение и талант, но оказался перед лицом жестоких римских нравов и взбунтовался. Его фракийский мир был обречен в ожидании вторжения хорошо организованного и прекрасно оснащенного врага. Именно в I в. до н.э. римляне начали серию вторжений на фракийские земли, и позднее произошло то, что должно было тогда осуществиться. Болгарский археолог старой школы К. Жуглев заметил в одной из своих публикаций: «В этой столетней борьбе между фракийца-

ми, римлянами, греками, гетами, сарматами и др. наступил ряд *экономических перемен,* и создалась новая политическая ситуация. Все это отразилось на торговом обмене как внутри страны, так и со внешним миром… Такой организованной военной и административной властью и некоторыми реформами был обеспечен порядок и *относительное спокойствие* во всей стране, крайне необходимые для развития экономики. Наступили особо благоприятные условия для восстановления и дальнейшего развития Мезии и Фракии. Отныне различные племена были подчинены префектам и стратегам, которые, обладая своей военной и административной властью в префектурах и стратегиях, зорко следили за всяким движением среди местного населения. Эта организация делала почти невозможным перемещение племен и создавала принудительный порядок и спокойствие в Мезии и Фракии. Вся страна была прочно охвачена римским провинциальным устройством, которое системно подавляло свободолюбивый дух фракийского населения и постепенно его направило к *производительному* труду.»[74]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ziegler K.* Die Herkunft des Spartacus // Hermes. 83. 1955. S. 248–250.
2. *Фол А., Спиридонов Т.* Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н.е. София, 1983. С. 38–40 и сл.
3. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Vol. IV. Serdicae, 1966. P. 243–245; *Idem.* Deux inscriptiones de la province romaine de Macédoine // Ancient Macédonian studies in honor of Charles F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 263.
4. *Мишулин А.В.* Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в 74–71 гг. до н.э. М., 1936. К собранным им 65 сведениям разных объема и времени следует добавлять знаменитую фреску из Помпей, открытую в 1927 г. Так что прямых данных (большинство фрагментов лишь косвенно касаются некоторых деталей и подробностей восстания Спартака) известно в общем-то немного, что почти не позволяет без разгула фантазии оставаться в рамках научного мышления и пытаться внести нечто принципиально новое, достаточно обоснованное и достойное признания.
5. Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. Sofia, 1981.
6. *Миловидов В.Ф.* Восстание рабов в Италии под предводительством Спартака (74–71 гг. до н.э.). Автореф. канд. дисс… М., 1955; *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 144–148; *Его же.* Цицерон и его время. М., 1972. С. 97–104; *Его же*. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 53 –54; *Малеванный А.М., Чиглинцев Е.А., Шофман А.С.* Классовая борьба в древнем мире. Казань, 1987. С. 79–85; *Чернышев Ю.Г.* «Кто был ничем, тот станет всем» (к вопросу об идеологии восстаний рабов во II–I вв. до н.э.) // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 155–161.
7. *Заборовский Я. Ю*. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 143–189. Заключения украинского историка, похоже, приняты во внимание болгарским фракологом В. Ивановым (см. Тракийска древност: кратка енциклопедия. София, 1993. С. 266–267: Спартак), объяснившим массовое участие италийской бедноты в движении Спартака ответной реакцией на репрессивные меры римлян после Союзнической войны.
8. *Кириллов Р.Н.* Партия популяров в Риме в 80-х гг. I в. до н.э. Автореф. канд. дисс… М., 1951. С. 13.
9. *Метушевская О.С.* Аграрный вопрос в социально-политической борьбе Рима 70 — нач. 50 гг. I в. до н.э. (от Суллы до первого консульства Цезаря). Автореф. канд. дисс… М., 1982. С. 9–10.
10. *Халдеев В.В.* Проблемы стратегии восстания Спартака // Terra Antiqua balcanica. Vol.II. София, 1985. С. 177–185.
11. Интереснейший фрагмент оставил заставший в юности Спартаковскую войну Саллюстий (Hist. III, fr. 102): будто повстанцы, «зная хорошо местность и привычные плести

из прутьев деревенскую посуду, они, испытывая недостаток в щитах, воспользовавшись своим умением, каждый стал вооружаться круглым щитом небольшого размера, какой бывает у всадников». См.: *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание… С. 255, док. № 22.

12. А. В. Мишулин (Спартаковское восстание… С. 255, док. № 22) акцентировал внимание на фрагменте 99 из третьей книги Саллюстия: «Один [из вождей], по имени Публипор, остановился в Луканской области, зная эти места». Имя вождя напоминает композитные фракийские имена, во всяком случае, по его второму компоненту, но ни один маститый фраколог-лингвист не пытается интерпретировать его как фракийское — см.: *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Ed. 2. Wien, 1980; *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Ed. 2. Wien, 1976; *Георгиев Вл. И.* Траките и техният език. София, 1977; *Дуриданов Ив.* Езикът на траките. София, 1976. Таким образом, имя следует вероятнее всего считать местным, италийским, более ориентируясь на его первый компонент. Значит, в командном составе восставших присутствовали и местные уроженцы, что говорит о многом.
13. *Günther R.* Der Aufstand des Spartacus. Berlin, 1987; *Хефлинг Г.* Римляне, рабы, гладиаторы. Спартак у ворот Рима. М., 1992. Ч. 3.
14. «…рабские войны и, что еще позорнее, — гладиаторские» и «Право же, можно перенести позор войны с рабами. Ведь, обездоленные фортуною во всем, они могут считаться людьми, хотя и второго сорта, воспринявшими блага нашей свободы. Но я не знаю, каким именем обозначить войну, которая велась под предводительством Спартака, так как вместе со свободными сражались рабы, а верховодили гладиаторы. Одни — люди низкого положения, другие — самого подлого, они приумножили своими бесчинствами наши бедствия». Следует заметить, что Анней Флор имел определенную гражданскую позицию: «Прежде, как мы и начали, вспомним справедливые и священные войны с внешними народами, чтобы стало очевидно величие растущей день ото дня империи; потом вернемся к преступлениям граждан, к постыдным и нечестивым сражениям». Характер разных ведшихся римлянами войн рассматривался Аннеем Флором с точки зрения его классификации, но именно гладиаторская вызывала у него сомнения по причине особенностей биографии ее инициатора — Спартака. — См.: *Немировский А. И.* Три малых римских историка // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица. М., 1995. Приложения. С. 278–279 и сл.
15. *Kolendo J.* Comment Spartacus devient-il esclave? // Spartacus…P. 71–77.
16. По утверждению Аннея Флора (II, 8), Спартак был «фракийский воин-пленник, ставший дезертиром, затем разбойником, а затем благодаря физической силе — гладиатором». Интересно, что в переложении текста у А. В. Мишулина (Спартаковское восстание. М., 1936. С. 249) это подается так: «Спартак, этот солдат из фракийских наемников, ставший из солдата дезертиром, из дезертира разбойником, а затем за почитание его физической силы гладиатором».
17. По версии Аппиана (Bel. civ. I, 116), Спартак якобы некогда «воевал с римлянами, попал в плен и, проданный в рабство, попал в гладиаторы». Это — перевод в книге: *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание. М., 1936. С. 239. Между тем, в издании перевода под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера (Аппиан. Гражданские войны. М.6. Российская политическая энциклопедия, Селена, 1994. С. 77) значится: «Он раньше воевал на стороне римлян, попал в плен и был продан в гладиаторы» — пассаж получился невразумительный. К прежнему, более сбалансированному по контексту переводу, склонились питерские издатели Аппиана (Аппиан. Римские войны. СПб.: Алетейя. С. 91).
18. Помпею порядка 500 бойцов прислал фракийский царь Котис во главе со своим сыном Садалой. Двести всадников прибыли из Македонии под началом вождя с фракийским именем Расциполис (Раскуполис?).
19. Лагерь Кассия был атакован конницей царя Котиса, обыкновенно размещавшейся на фессалийской границе.

20. Лагерь Помпея особо храбро защищали фракийцы и другие вспомогательные отряды из варваров.
21. Аппиан (Bel. civ. IV, 87): когда войска Октавиана и Антония через Македонию прошли через Филиппы на юг горной Фракии и заняли ущелья племен корпилов и сапеев (территория позднего Одрисского царства под властью сапейской династии), преградив дорогу армии Брута и Кассия, которая переправилась из Абидоса в Сест. Царские сыновья Раскуполис и Раскос, управлявшие тогда страной, решили присоединиться: первый к Кассию, второй — к Антонию, при этом каждый с 3 тысячами всадников. Далее он (Bel. civ. IV, 104) сообщает, что оба брата сумели отличиться, каждый перед своими союзниками. После битвы при Филиппах с наступлением развязки (Bel. civ. IV, 136) Раскос привел с гор войско и выпросил прощение для брата, после чего всем стал ясен их хитрый замысел — беспроигрышная альтернатива.
22. Недавно этот замечательный ученый и государственный деятель ушел из жизни, оставив под контролем своих учеников фракологию — специальное научное направление в древней балканистике, привлекшее внимание помимо собственно балканских историков и множество специалистов по истории древних народов из многих стран мира. Фракология числится как направление с 1972 года и продолжает будить живой интерес новыми открытиями и их обсуждением. Надеюсь, эта статья послужит скромной данью уважения памяти А. Фола со стороны балканиста, лично немного с ним знакомого и неизменно активно изучавшего его научное наследие.
23. *Тачева М.* История за българските земи в древността. Ч. II. София, 1987. С. 78–79.
24. *Фол А.* Втори висш семинар. Древност и съвремие. София, 1985. Предговор.
25. *Velkova Z.* Der Name Spartacus // Spartacus…S. 195–197.
26. См.: *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 101–104; *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья: II Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 179–183.
27. *Velkov V., Fol A.* Les Thraces en Egypte greco-romaine. Sofia, 1977 (Studia thracica 4); Bingen J. Les Thraces en Egypte ptolemaique // Pulpudeva 4. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace. Sofia, 1983. P. 72–79.
28. Городище Перперикон в полутора десятках километров к северо-востоку от Кырджали — здесь известный болгарский археолог Николай Овчаров локализует знаменитый оракул Диониса в Родопах, ведя раскопки в этом месте с 2000 г. Несколько столетий святилище поддерживали и контролировали жрецы-бессы, возглавив постепенно созданный ими союз племен. Одрисским царям не удавалось и так и не удалось взять под свою опеку этот важнейший центр духовной культуры не только фракийцев, но и всего балканского региона. Указание статуса супруги Спартака намекает на высокое положение командира взбунтовавшихся гладиаторов среди родовой фракийской элиты, не ниже племенного вождя.
29. А. В. Мишулин (Спартаковское восстание. С. 254, док. № 254) отыскал странное указание, восходящее через римского филолога IV в. Флавия Харизия (Ars gram. I, 173, 2, 3) к фрагменту утраченного трактата «О городском хозяйстве» современника гладиаторской войны М. Теренция Варрона: «Когда Спартак был несправедливо брошен в гладиаторы…» См.: Антична литература: енциклопедичен справочник. София, 1988. С. 199, 43; Античные писатели. Словарь. СПб, 1999. С. 86–88, 388.
30. У позднеантичного писателя Павла Орозия (Hist. advers.V, 23–24) представлена попытка объяснить случаи организации погребальных гладиаторских боев (вообще-то древний этрусский обычай, перенятый и трансформированный на свой лад римлянами) силами римских пленных не только эмоциональными пожеланиями Спартака и Крикса, но и исходя из их опыта в качестве учителей гладиаторов.
31. См., например: *Вагалински Л.* За социалната принадлежност за гладиаторите в Тракия // Археология. София, 1991. Кн. 1. С. 28– 32; *Его же.* Ново скулптурно свидетельство за гладиаторските игри във Филипопол // Археология. София, 1991. С. 36–38.

32. *Вагалински Л.* За социалната принадлежност… С. 28, 31 прим. 2: попавшие по суду не со смертным приговором, а временно, якобы три года сражались на арене и затем еще два служили в качестве вспомогательного персонала.
33. См.: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992. С. 262 или: Извори за българската история. Т. II. София, 1958. С. 67.
34. См.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. Пер. и вступ. статьи М. М. Покровского. М., 1991. Кн. II.
35. Автор перевода текста и комментатор отечественного издания Саллюстия В.О. Горенштейн (см. *Гай Саллюстий Крисп*. Сочинения. М., 1981. С. 176. Прим. 141) почему-то видит здесь интерполяцию о событиях 74 г. до н.э. — начале восстания Спартака.
36. Ср.: *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 150: слухи о рабских восстаниях в Капуе и Апулии породили ложную панику, но почему-то «гладиаторские группы на всякий случай были вывезены из Рима и распределены по муниципиям»(?).
37. Так, А. В. Мишулин (Спартаковское восстание. М., 1936. С. 253, док. № 17) приводит упомянутый пассаж из Светония в переводе Кончаловского по поводу миссии Гая Октавия, отца будущего основателя Римской империи: «После претуры он по жребию получил в качестве провинции Македонию. Направляясь туда, он, действуя в силу чрезвычайного поручения сената, уничтожил остаток банд Спартака и Катилины — беглых рабов, захвативших область Фурий… Ребенком Август получил прозвище Фурийского в память происхождения предков, либо же потому, что его отец вскоре после его рождения уничтожил в области Фурий шайку беглых рабов».
38. *Walbank F. W.* Prelude to Spartacus: the Romans in Southern Thrace, 150–70 B.C. // Spartacus… P. 14–27.
39. О бессах см.: *Фол А., Спиридонов Т.* Историческа география на тракийските племена…С. 20 и сл.; Тракийска древност: кратка енциклопедия. София, 1993. С. 38–39.
40. Светоний в биографии Августа (Vita Aug. 3, 2) описывает последние достижения отца основателя империи Гая Октавия: после уничтожения остатков отрядов Спартака и Катилины под Фуриями он добрался, наконец, до назначенной им Македонии и затем разбил в сражении бессов и фракийцев. Так вот, добротный русский перевод источника (*Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати Цезарей. Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1988. С. 379, прим. 3) содержит краткий, при этом крайне неудачный комментарий: «Бессы — разбойничье фракийское племя». Между тем именно бессы являлись служителями популярного гораздо дальше Родоп культа Диониса — этноним является расширительным по имени происходившего из племени сатров жреческого рода. Болгарские археологи, согласно их утверждениям, научились распознавать богато украшенную бесскую керамику, попадающуюся при раскопках ряда родопских святилищ — см.: *Домарадски М.* и кол. Паметници на тракийската култура по горното течение на река Места (Разкопки и проучвания. Т. XXVI). София, 1999. С. 35
41. См., например: *Цонев Пл.* Орфей и Спартак. София. 1986. Ч. II. Тракиецът Спартак; *Харманджиев Т.* Спартак — фракиец из племени медов. София. 1990.
42. *Даскалова М., Данов Хр.* Спартак. София, 1977.
43. *Perl G.* Sallusts Angaben über die Donau und die angrenzenden Germanen (zu hist. fr. 3, 79, 80. 96D. 104; 4, 40) // Thracia 7. София. 1985. S. 207–212. И таким образом информация из уцелевших фрагментов третьей книги «Истории» Саллюстия («Крикс и его соплеменники — галлы и германцы — рвались вперед…») подвергается сомнению. Замечу, при этом, что как раз Саллюстий был зрелым современником эпохального вторжения войск Г. Юлия Цезаря подлинно в Германию.
44. См.: *Щукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994. С. 20 — ср.: *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 19.
45. См.: *Егунов А.Н.* Атрибуция и атетеза в классической филологии // Древний мир и мы. СПб., 1997. С. 121; Антична литература: енциклопедичен справочник. София, 1988. С. 137–138.

46. См.: Извори за българската история. Т. II. София, 1958.
47. Властелины Рима. М., 1992. С. 183.
48. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 11.
49. *Чаплыгина Н.А.* Население Днестровско-карпатских земель и Рим в I — нач. III. н.э. Кишинев, 1990. С. 37; *Лавров В.В.* Переселение готов в Причерноморье // ВДИ. 1999. № 3. С. 179–180.
50. *Фол А.* Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София. 1975. С. 25–25.
51. *Тачева М.* История на българските земи в древността. Ч.II. София, 1987. С. 75–78; Ее же. Още едно становище по античната дискусия за европейските мизи (срещу Страбон. VII. 3, 2) // Thracia antiqua 9. София. 1980. С.31–49.
52. «Тотчас же перед строем мезийцы заклали коня» — см.: Малые римские историки. Веллей Патеркул, Анней Флор, Луций Ампелий. Изд. подгот. А. И. Немировским. М., 1996. С. 185.
53. *Kamienik R.* Zwei Episoden aus der Geschichte des Spartacusaufstandes // Spartacus… S. 40–43.
54. См.: История на Добруджа. Т. 1. София, 1984. Ч. II (с. 72–123); Тракийска древност: кратка енциклопедия. София, 1993. С. 70–71.
55. См.: *Moscalu E.* Ceramica traco-getică. Bucuresti, 1983 и особо: *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
56. *Мишулин А. В.* Ук. соч. С. 253, док. № 17.
57. Такая цифра даже у сравнительно осторожного в своих утверждениях Фукидида вызывает недоумение. Впрочем, он сам знал о явном демографическом перевесе над фракийцами скифов — по военной силе и численности войск (Thuc. II, 97, 5). И если Геродот привел чудовищно невероятные цифры о численности войск царя персов и даже контингент якобы собранных вдоль побережья Эгеиды в помощь пришельцам македонян и фракийцев определил до 300 тыс. человек (Hdt. VII, 185), тем не менее он признавал их совершенно неодолимыми в войне как абсолютных скотоводов (Hdt. IV, 46, 2). Фракийцев «отец истории» (V, 3, 1) считал из известных ему вторым после индийцев по численности народом. Между тем украинский археолог Н. А. Гаврилюк (Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С. 17–24), исходя из экологических ресурсов причерноморских степей, рассчитала максимумы численности скифского населения и их войск — соответственно 678 и 136 тысяч человек. Для номадов традиционно определяют как воина каждого пятого — см., например: *Крадин Н. Н.* Империя хунну. Изд. 2-е. М., 2002. С. 71–72 — китайские хронисты выявили эту закономерность по статистическим наблюдениям по хунну. Таким образом, было ясно, что даже перечисленные Геродотом среди скотоводческих народов фракийцы отличались от классических номадов — «царских» скифов и их (балканцев) мобилизационные возможности явно должны были уступать степнякам. Между тем А. Фол (Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970. С. 121–126, 64), руководствуясь опытом маститых предшественников К. Белоха и Г. Кацарова считать каждого четвертого древнего жителя потенциальным бойцом, исчислял население будущей римской провинции Фракия в 600–700 тыс. человек, а придунайской Мезии еще в 150–200 тыс. чел. — в итоге от 800 тыс. до 1 млн. фракийцев. У А. Фола численность жителей Фракии конкретно соотносится с сомнительной цифрой Фукидида для участников похода Ситалка против Македонии (Thuc. II, 96–101). Противоречие с источниками налицо, тем более известны наблюдения этнографов о быте степных номадов, что те способны были в случае необходимости оставлять скот под присмотром не более чем 5% представителей своего населения (см.: Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Ч. 2. М., 1991. С. 304). Армия Ситалка, собранная к тому же далеко не ото всех фракийцев, должна была существенно уступать предельному показателю скифов.
58. *Фол А.* Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970. С. 150.
59. См. подробно: *Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 56–57, 121, 245.

60. *Vinogradov J. G.* Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Terra antiqua balcanica. II. Acta centri historiae. Trinovi, 1987. S. 67–68.
61. См.: *Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. С. 247, 257.
62. *Данов Хр*. Древна Тракия. София, 1969.
63. *Михайлов Г.* Траките. София, 1972.
64. *Фол А.* Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970; Политическа история на траките. София, 1972; Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975; Политика и култура в древна Тракия. София, 1990.
65. *Фол А.* История на българските земи в древността. Ч. 1. София, 1981; Изд. 2. София, 1997; *Тачева М.* История на българските земи в древността. Ч. 2. София, 1987; Изд. 2. София, 1997.
66. Тракийска древност: кратка енциклопедия. София, 1993.
67. *Георгиева Р., Спиридонов Т., Рехо М.* Етнология на траките. София, 1999.
68. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971.
69. *Крыкин С. М*. Проблемы возникновения государственности у южных фракийцев // ПИФК. Вып. XII. М.-Магнитогорск, 2002. С. 101–114; *Он же*. Основы хозяйственно-экономической деятельности южных фракийцев // Там же. С. 115–121; *Он же*. Протогород, протогосудаство, протоцивилизация? // ПИФК. Вып. XVI/1. М.-Магнитогорск, 2006. С. 225–243.
70. См.: Развитие на земеделието по българските земи. София, 1981.
71. *Домарадски М.* Трако-гръцки търговски отношения (Емпорион Пистирос. Т. I). Пазарджик, 1995.
72. Етнология на траките. София, 1999. С. 11 (конец предисловия составительницы издания — Ив. Георгиевой).
73. *Mihailov G.* La Thrace et la Macédoine jusqu'à l'invasion des Celtes // Αρχαια Μακεδονια, Θεσσαλονικη, 1970. P. 76.
74. *Жуглев К.* Икономическото положение в Тракия и Мизия и търговските им отношения с Италия през I–II в. от н. е. // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Кн. III. Т. LIX. 1965. София, 1966. С. 199, 211–212.

C. M. Krykin

SPARTACUS: VERSIONS OF ORIGIN (SCIENTIFIC METHOD AGAINST LITERARY-LEGENDARY APPROACH)

The set of articles and books, as a rule, is devoted to Spartacus, he is perceived not as a historical hero but as a literary and art image. There is the monument built in his honour as the national hero in small town Sandanski, in Bulgaria. Everything seems to be clear and there is nothing to add and the more so, to change without application of imagination. The profound scientific analysis allows to offer some new perusals and interpretations of the separate passages made by some antique authors and look at "gladiatorial" war events shameful for Rome and Spartacus from absolutely different point of view. The military leader — aristocrat used to be both the hired and the disgraced. In just few weeks he managed to create the efficient force from the people dissatisfied with the results of Allied war. That force numerically exceeded the mobilization of South-Thracian tribes as a whole. The commander of Thracian horsemen continued the line of the offended Italics. So, as a result of his defeat many of them got the status of Rome citizens. Whether he came from the royal Odris clan or from the breeding top of the glorified horseclast-geths — to prove it is next too impossible. However, in historical memory of the Romans the name of Spartacus and Thrace always stood side by side (in case with emperor Maxininus Thracius) as well as similar actions of the allied military leaders of auxiliary armies caused memories about Spartacus.

© 2007 г.

А. В. Короленков

PERCUSSOR SERTORII: ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ МАРКА ПЕРПЕРНЫ ВЕЙЕНТОНА

gentis clarioris quam animi.

(Vell. Pat. II. 30. 1

Марк Перперна принадлежит к числу исторических персонажей, чья характеристика, и притом отрицательная, практически не вызывает у исследователей особых разногласий[1]. Удивляться не приходится — его главным «деянием» стало вероломное убийство Сертория, в сравнении с которым он явно проигрывает со всех точек зрения, начиная от бездарного командования войсками и кончая малодушным поведением в плену у Помпея. Всего этого вполне достаточно, чтобы заклеймить Перперну. Дело это несложное, но и бесперспективное, поскольку остаётся без ответа вопрос: если Перперна являл собой лишь скопище пороков, не обладая к тому же никакими талантами[2], почему же тогда он надолго пережил многих соратников-марианцев, занимая при этом среди них далеко не самое последнее место? Удачное стечение обстоятельств? Несомненно. Но только ли оно? Не будем спешить с ответом, дать который — с поправкой на скудость источников — можно лишь после целостного анализа деятельности Перперны. Насколько мне известно, таковой, в сущности, не проводился. Единственная биография означенного персонажа — небольшая статья Ф. Мюнцера в «Реальной энциклопедии»[3], где в качестве вывода лишь повторяется фраза Плутарха о Перперне как о человеке, не способном ни повелевать, ни подчиняться (Sert. 27.2)[4]. В других работах о нём рассматривались лишь отдельные аспекты: у Ф. О. Спанна — обстоятельства его прибытия в Испанию[5], у И. Г. Гурина — о периоде после гибели Сертория, когда Перперна сменил его на посту главнокомандующего[6]. Предлагаемая работа призвана хотя бы отчасти восполнить эту лакуну в историографии.

Марк Перперна[7] происходил из фамилии, чей номен свидетельствовал о её этрусском происхождении[8]. Его когномен — Вентон — приводится у Плутарха (Sert. 15.2), однако в других источниках он не встречается, зато в одной из надписей упоминается Г. Перперна Вейентон (CIL. VI. 37 800). По-видимому, так звучал и когномен героя этой статьи. Его дедом, как предполагается, был консул 130 г.[9], участвовавший в подавлении восстаний рабов на Сицилии и Аристоника в Пергаме, а отцом — консул 92 г., о чьих военных заслугах сведений нет. Занимая высшую магистратуру, он помог сыну своей сестры Луцию Марцию Филиппу выиграть консульские выборы на 91 г., вместе с которым и стал цензором при марианском режиме, в 86 г. Цицерон отмечал благосклонность обоих цензоров по отношению к союзникам (Verr. II. 1. 143)[10]. После высадки Суллы в 83 г. в Италии Перперна-старший, судя по всему, перешёл на сторону последнего[11] — как и его коллега по цензуре Марций Филипп (Liv. Per. 86). Он умер в 49 г., вскоре после начала гражданской войны между Цезарем и Помпеем, явив пример редкого долголетия: «М. Перперна, как недавно и Л. Волузий Сатурнин, — пишет Плиний Старший, — пережил всех, чьё мнение спрашивал, будучи консулом. Когда Перперна скончался, в живых оставалось лишь семь человек из числа тех, кого он как цензор внёс в списки [сенаторов]. Прожил он 98 лет» (NH. VII. 156; Val. Max. VIII. 13. 4; Dio Cass. XLI. 14. 5).

Аппиан упоминает о том, что в 90 г., во время Союзнической войны, италийские повстанцы нанесли тяжёлое поражение войску некоего Гая Перперны, который был в результате отстранён от командования консулом Рутилием Лупом, а остатки его сил влились в армию Мария (BC. I. 40. 179; 41. 183). Возможно, это был брат консула 92 г. и, соответственно, дядя нашего героя, претор 92 г., в 90 г. — легат Рутилия[12]. После такого тяжёлого поражения о консулате ему пришлось забыть[13].

Что касается нашего Перперны, то он не был единственным ребёнком в семье, поскольку Аппиан (BC. I. 113. 533) сообщает о его племяннике (ἀδελφιδοῦς), а Макробий — о сестре-весталке (Sat. III. 13. 11)[14], которая, естественно, не могла быть матерью этого племянника. О первых годах жизни Перперны данных не сохранилось. В годы гражданской войны 88–82 гг. он оказался в марианском лагере. Удивляться не приходится — он относился к «молодой» аристократии, ибо имел в роду только двух консулов[15], и вряд ли мог безусловно рассчитывать, что повторит блестящую карьеру отца. Последний, кстати, тоже долгое время поддерживал марианцев, вероятно, встречая прохладное отношение к себе со стороны старой знати.

О cursus honorum Перперны сохранилось несколько свидетельств. Веллей Патеркул (II. 30. 1) и Валерий Максим (VI. 2. 8) пишут о нём как о бывшем преторе (πραετοριυσ); можно не сомневаться, что Перперна занимал и должность квестора[16].

О годе его претуры трудно сказать что-то определённое. Диодор, повествуя о событиях 82 г., называет Перперну «стратегом Сицилии» (XXXVIII. 14). Учитывая, что этим термином греческие авторы обычно обозначали претора[17], многие учёные решили, что именно в 82 г. он и занимал эту должность[18]. Однако, по мнению Э. Бэдиана, сообщение Диодора не даёт бесспорных оснований для такой датировки[19]. С этим трудно не согласиться — мы имеем дело лишь с эксцерптом, да и под стратегом мог иметься в виду просто наместник. Логично предположить, что Перперна был претором в 83 г., после чего и отправился управлять крупнейшим островом Средиземноморья[20], но мы не знаем, сразу ли по отбытии магистратуры он появился там — о Сертории, например, говорится, что он уехал в Испанию, которая была ему уже *давно* (ἐκ πολλοῦ) назначена в качестве провинции (App. BC. I. 86. 392). Не исключено нечто подобное и в отношении Перперны.

Так или иначе, в 82 г. Перперна был правителем Сицилии, преемником на этом посту Гая Норбана[21]. Это, в сущности, первые сведения о нём в источниках. Диодор пишет: «В то время, как Марий из-за недостатка необходимого был покинут воинами, лишь стратег Сицилии Марк Перпенна, хотя Сулла и присылал к нему [для переговоров] и предлагал перейти на его сторону, до такой степени не поддавался увещеваниям, что не только сохранял верность Марию, но даже надменно заявлял, что переправится с Сицилии со всеми силами и вызволит Мария из Пренесте» (XXXVIII. 14). Более краток Плутарх: «Спустя некоторое время пришла весть о том, что Перпенна укрепляется на Сицилии, стараясь превратить остров в опорный пункт (ὁρμητήριον) для остатков... приверженцев Мария... Против них был послан Помпей с большим войском. Перпенна немедленно (εὐθύς) уступил ему остров» (Pomp. 10. 1–2. Пер. Г. А. Стратановского).

Рассмотрим эти сообщения. Э. Бэдиан предполагает, что Перперна отправился на Сицилию ещё в начале войны (проверить это трудно) и сравнивает его с Серторием, отбывшим той порой в Ближнюю Испанию. Оба имели связи в своих провинциях: дед первого подавлял на Сицилии восстание рабов, а второй воевал на Пиренейском п-ове в 90-х годах[22]. Однако если о деятельности Сертория в качестве наместника Hispania Citerior довольно подробно рассказывают Плутарх и Эксуперанций, то о Перперне таких сведений нет, и приходится ограничиваться гипотезами. По мнению Дж. Лича, тяжёлое положение с продовольствием в Риме было во многом связано с тем, что житница Вечного города, Сицилия, находилась в тот момент под контролем Перперны[23]. Более верным, однако, представляется мнение М. Ловано о том, что голод был результатом сулланской блокады или поставок зерна прежде всего в армию[24]. Однако вопрос об отношениях последнего с жителями острова ввиду отсутствия информации в источниках, насколько мне известно, в историографии практически не ставился, если не считать замечания о вероятных связях Перперны благодаря его деду с сицилийцами. Но на основании косвенных данных можно высказать и другие предположения. Плутарх рассказывает (Pomp. 10.11), что Помпей хотел покарать Гимеру, державшую сторону врага (μετὰ τῶν πολεμίων), т.е. марианцев. Промарианскую позицию занимала, видимо, и Мессена, коль скоро Помпей не пожелал обойтись с нею милостиво (φιλανθρώπως

πάσαις ἐχρῆτο πλὴν Μαμερτίνων τῶν ἐν Μεσσήνῃ — 10.2). По его словам, Помпей карал лишь наиболее знатных и явных врагов Суллы (ἐν δόξῃ μάλιστα τῶν Σύλλα πολεμίων — 10.10), остальных же щадил, причём ясно, что их было не так уж и мало, и в их число входили и сицилийцы. Об этом свидетельствует упоминание чуть ниже сторонника марианцев Стенния из Гимеры (10. 11–13). Вряд ли factio Mariana имела бы столь значительную поддержку на острове, если бы его наместник вёл себя слишком уж неподобающим образом. Обращает на себя внимание, что Цицерон в своих весьма пространных «Верринах» нигде не упоминает о злоупотреблениях Перперны (хотя бы для того, чтобы представить их как менее вопиющие по сравнению с верресовыми). Молчит и явно враждебный Перперне Плутарх. Правда, по его словам, Помпей, высадившись на Сицилии, πόλεις ἀνελάμβανε τετρυχωμένας (10.2), что Г. А. Стратановский переводит как «начал восстанавливать разрушенные города»[25]. Но из Плутарха следует, что боёв на острове не было, откуда же взяться разрушениям? Глагол ἀναλαμβάνω имеет также значение «вновь занимать», а τρύχω — «изнурять, мучить», так что можно говорить просто о занятии армией Помпея городов, чьи жители претерпели какие-то неприятности[26], но какие — неизвестно, если речь вообще не идет о преувеличениях сулланской (или помпеянской) пропаганды.

Как же понимать отказ Перперны перейти на сторону Суллы и его угрозу переправиться в Италию, вместо чего последовала сдача острова без сопротивления? Прежде всего надо учитывать характер изложения Диодора, который, желая демонстрировать примеры умеренного и милосердного поведения, в то же время весьма благосклонен к Сулле[27] — последний предлагает наместнику Сицилии договориться, а тот надменно (μετ᾽ ἀνατάσεως) отказывается и разражается пустыми угрозами, а сам, как, мы знаем из Плутарха и как, очевидно, сообщал далее и Диодор, позорно бежит с острова перед наступающим Помпеем. В то же время нельзя не отметить и другое: Перперна был, по словам историка, единственным (movnox), кто не оставил попавшего в тяжёлое положение Мария-младшего. Возможно, что симпатии автора к Сулле и, соответственно, неприязнь к его врагам наложились здесь на благоприятный для Перперны рассказ, восходящий к местной традиции. Собственно, кроме замечания о надменности ответа наместника Сулле, ничего предосудительного о Перперне в данном пассаже не сказано. То, что он не пошёл на помощь Марию, как собирался, могло объясняться в источнике Диодора обстоятельствами, от наместника Сицилии не зависящими, и лишь сам Диодор расценил его угрозу высадиться в Италии как надменность и пустозвонство. Что же касается бегства из вверенной провинции, которое, очевидно, контрастирует с заявлениями о походе на Пренесте, то для местного населения оно было благом, ибо избавило его от бедствий войны[28]. Сторонники Суллы, разумеется, изображали дело иначе. Вспомним для сравнения события 49 г., когда Катон Младший, управлявший Сицилией, оставил её, чтобы не подвергать цветущую провинцию разорению, сопутствующему боевым действиям (Plut. Cato Minor. 53.4; App. BC. II. 40; Dio Cass. XLI. 41. 1). Это не помешало Цезарю изобразить его уход с острова как бегство — ex provincia fugit (Caes. BC. I. 30. 5).

Ф. Мюнцер указывает, что своим поведением Перперна продемонстрировал, как позднее в Испании, высокомерие, трусость и нежелание подчиняться консулу Гнею Папирию Карбону, который высадился в это время на Сицилии, оказался предоставлен самому себе, попал в руки Помпея и был казнён (Liv. Per. 89)[29]. Бесспорно, с точки зрения военной дисциплины бегство Перперны без санкции сверху оправданий не находит. Но вряд ли его сопротивление что-то дало бы. Карбон, по-видимому, высадился уже после бегства наместника, который вряд ли продержался бы до его прибытия. Как известно, попытка Сертория защитить провинцию довольно быстро закончилась провалом (Plut. Sert. 7. 1–4)[30].

Тем не менее Перперна был внесён в проскрипции (praetorius e proscriptis — Vell. Pat. II. 30. 1), но избежал гибели. Ф. Мюнцер объяснял это тем, что наместник Сицилии получил от Помпея обещание личной безопасности в обмен на сдачу Сицилии без боя (см. намёк на это: Plut. Pomp. 20.3)[31]. Он удалился в изгнание, как то сделал другой про-

скрипт, консул 83 г. Луций Корнелий Сципион, уехавший в Массилию (Cic. Sest. 7). Точка зрения Мюнцера вполне приемлема, но требует некоторых дополнений. Перперна не относился к числу опасных противников нового режима, хотя в своё время и отказался в весьма нелюбезной форме пойти на соглашение. В марианском терроре он, очевидно, не участвовал, да и в ходе кампаний 83–82 гг. его хватило лишь на то, чтобы благоразумно сдать свою провинцию Помпею. Кроме того, не стоило портить отношений и с отцом Перперны, одним из немногих римлян, побывавших в должности цензора (мог вмешаться и коллега последнего по цензуре Луций Филипп). Сложнее объяснить, почему наместник Сицилии положился на слово Помпея. Даже если он знал об особом покровительстве, которое оказывал диктатор последнему[32], всё равно риск был налицо, особенно если учесть дерзкий ответ Перперны Сулле. Тем не менее он пошёл на этот риск — лучшего выхода, в сущности, не было — и не ошибся.

Местопребыванием изгнанника, по мнению Ф. Мюнцера, стала Лигурия, в связи с которой он упомянут у Орозия: Lepidus et Scipio in Italia... Perpenna in Liguria... excitantes (V. 24. 16). Правда, тут же немецкий учёный оговаривается, что Лигурия могла быть и базой Перперны во время лепиданского мятежа (см. ниже)[33]. Одно другого в принципе не исключает, но бесспорным можно считать лишь второе.

Следующая веха в жизни Перперны — tumultus Lepidi . По мнению Т. Моммзена, экс-наместник Сицилии появился в Риме незадолго до этого события[34], но данное мнение не имеет опоры в источниках. Мы знаем лишь, что Перперна по смерти Лепида[35] возглавил остатки его армии на Сардинии, куда она эвакуировалась после поражения в Италии. Оттуда он переправился вместе в Испанию (App. BC. I. 107. 504; 108. 508; 113. 527; Exup. 7.42Z). Не вполне ясно, как трактовать упоминавшееся выше сообщение Орозия о войне, которую вёл Перперна в Лигурии. Одни учёные считали, что Перперна высадился в Лигурии после неудач на Сардинии[36], другие же склонны были относить лигурийскую кампанию последнего ко времени tumultus Lepidi[37]. Ф. О. Спанн решительно высказался в пользу первой версии. По его мнению, Перперна не сразу отправился в Испанию, а сначала высадился в Лигурии и, возможно, предложил Серторию совместно вторгнуться в Италию, но перед лицом наступавшего Помпея отбыл на Пиренейский п-ов[38].

Аргументы американского исследователя таковы. Расстояние от Сардинии до восточной Испании по прямой — примерно 300 миль, причем ветры должны были бы рассеять большинство кораблей, а остальные снести в Лионский залив, логичнее было бы двигаться по берегу, в каковом случае наиболее логичной выглядела бы высадка в Лигурии с промежуточной остановкой на Корсике. Сообщение Эксуперанция в 7.42Z (Perperna ex Sardinia in Hispania transvectus est), заставившее А. Шультена предполагать плавание через открытое море,[39] всерьёз принимать не следует, поскольку здесь этого автора интересует в первую очередь Серторий, а не Перперна[40], а потому о последнем пишется максимально кратко. На попытку вторжения в Италию содержится намёк в письме Саллюстия сенату (Sall. Hist. II. 98. 4), где полководец похваляется тем, что отбросил до Испании врагов, уже непосредственно угрожавших Италии (hostisque iam in cervicibus Italiae agentis ab Alpibus in Hispaniam submovi). Этими врагами были именно Перперна и его армия, на что указывает слово iam, т.е. враг, по выражению Спанна, «was in the process of invading Italy»[41]. Вряд ли речь может идти об альпийских племенах[42], с которыми сражался Помпей осенью 77 г., ибо скорее в Испанию могли быть отброшены войска Перперны, чем насельники Альп. Что же до Перперны, то в Лигурии он мог воспользоваться тем проходом в Альпах, который через эту страну связывал Италию с южной Галлией и был частью маршрута, обычного для римских войск при продвижении в Испанию.

К. Ф. Конрад, признавая достоинства гипотезы Спанна интересными, в то же время указывает на следующее. «Если Перперна и его войска были вытеснены со своих позиций в Лигурии Помпеем, они должны были знать, что тот продвигается в Испанию, едва ли не на ступая им на пятки; но Плутарх (Sert. 15.5) утверждает, что Перперна намеревался воевать с Метеллом на свой страх и риск и был принуждён своими войсками пой-

ти на соединение с Серторием, лишь когда они узнали о переходе Помпея через Пиренеи — новость явно была для них неожиданной». Кроме того, непонятно, почему Помпей должен был идти неудобным путем вдоль лигурийского побережья, пересекая прибрежные Альпы, а не плыть до Массалии. Наконец, непоименованными в письме Помпея сенату врагами могли быть именно галлы, что можно заключить из речей Цицерона «За Фонтея» и «О законе Манилия»[43].

На это можно возразить следующее. Не исключено, что Помпей нанёс поражение Перперне при попытке проникнуть в Трансальпийскую Галлию, после чего тот предпочел покинуть Лигурию, не зная, что Помпею нужно ещё уладить дела в Галлии. Да и среди лигуров его авторитет наверняка упал бы после неудачи. Неожиданность перехода Помпея через Пиренеи является скорее плодом субъективного восприятия Конрада. Вопрос о пути вдоль лигурийского побережья не имеет значения — в реконструкции Спанна он играет второстепенную роль. Что же до галлов, то Конрад так и не объяснил, как быть со словами Помпея «in Hispaniam submovi» — не галлов же отбросил он в Испанию. Поэтому гипотеза Спанна в целом представляется вполне убедительной[44].

Прибыв в Испанию (по общему мнению, во 2-й пол. 77 г.)[45], Перперна начал самостоятельные боевые действия против войск сената. Однако вскоре пришла весть о том, что через Пиренеи переходят войска Помпея. Воины потребовали от Перперны, чтобы он вёл их на соединение с Серторием. В противном случае они угрожали «без него перейти к мужу, способному спасти себя и других»[46]. Перперне пришлось уступить и присоединиться к Серторию (Plut. Sert. 15. 3–5)[47]. П. Тревес полагает, что в изложении Плутарха картина искажена. «В действительности, Перперна колебался, рассчитывая в соответствии со своим статусом сенатора и консульского легата, что Серторий уступит ему командование. Его отказ [от этих претензий] был обусловлен лишь элементарным учётом ситуации и позиции иберов, которые, весьма вероятно, отказывались выполнять приказы незнакомого им римского магистрата»[48]. Эта гиперкритическая реконструкция не встретила поддержки[49]. Нет оснований огульно отрицать требования войска[50], явившего пример характерного для постмарианской армии своеволия[51]. Другое дело, что Перперна вполне мог поставить вопрос о своём главенстве[52], когда ему пришлось прибыть в Ближнюю Испанию[53]. Вряд ли он рассчитывал на успех, но требуя большего, он мог добиться хотя бы частичного результата.

Ещё более умозрительна трактовка И. Кёнига, который обращает особое внимание на самостоятельность действий бывших сторонников Лепида. «Серторий как hostis был вне государства (stand als *hostis* auberhalb des Staates), и каждый, кто сотрудничал с ним, немедленно превращался в государственного изменника и лишался политически обоснованного права на сопротивление. Причина того, что поначалу новая группировка действовала обособленно, не в персональных разногласиях (по крайней мере, не только в них) или в споре о dignatio, т.е. о том, кто должен возглавить оппозиционную группировку, но скорее в государственно-правовых вопросах»[54]. Однако эта точка зрения не подкрепляется никакими данными источников. Перперна сам был проскриптом, а потому стесняться сотрудничества с Серторием ему не приходилось. Вряд ли более выигрышным статусом обладали другие лепиданцы — весьма вероятно, что сенат также объявил их hostis.

Широко известен эпизод из биографии Сертория, когда он, узнав о смерти матери, семь дней не выходил из палатки и отказывался от командования, пока, наконец, соратники (συστράτηγοι, ὁμότιμοι) не уговорили его вернуться к делам (Plut. Sert. 22. 9–12). Обычно это событие относят к 80 г., когда группа лузитанских общин предложила ему стать их вождём[55]. Однако вряд ли в 80 г. рядом с Серторием находились люди, которых можно было бы называть ὁμότιμοι — не только сенаторы, но и «равнопочтенные». Да и какой смысл было отказываться от власти, достигнутой после стольких трудов? Скорее впору говорить о ловко разыгранном спектакле отказа от власти, цель которого — поставить крест на всяких попытках эту власть ограничить (вспомним отъезд Ивана Грозного в Александровскую слободу). Такая попытка вполне могла исходить от

Перперны, бывшего претора, к тому же куда более знатного человека, в чьём окружении имелось немало ὁμότιμοι. Вероятно, от их притязаний на власть и приходилось защищаться Серторию столь своеобразными средствами. Очевидно, простые воины поддержали его, и Перперна пошёл на уступки[56]. Но то же вынужден был сделать и Серторий. По-видимому, именно тогда[57] возник серторианский сенат[58]. Уже давно отмечено, что созданием сената Серторий хотел в какой-то степени удовлетворить честолюбие своих соратников[59]. Однако вряд ли речь может идти о тех, кто прибыл с Серторием в Испанию в 80 г. — эти люди подчинялись ему и так. А вот сын и внук консуляров Перперна и его окружение, судя по дальнейшим событиям, были настроены иначе (см.: Plut. Sert. 25. 1–4). Поэтому можно говорить о том, что речь шла о попытке ограничить власть Сертория[60]. Правда, источники не дают оснований считать, что эта попытка оказалась успешной[61], но в силу их скудости многое просто могло не дойти до нас. Не вызывает сомнений, что вождю восстания приходилось считаться с мнением новых союзников. Перперна был единственным человеком в войске повстанцев помимо самого Сертория, обладавшим империем (разумеется, в глазах соратников)[62]. С ним прибыли Л. Корнелий Цинна, Г. Геренний, возможно, Тарквиций Приск, Маний Антоний, Луций Фабий. Хотя с принадлежностью многих из них к окружению Перперны нет ясности[63], можно принять предположение о том, что с прибытием последнего в повстанческом руководстве сложилось две соперничающих группировки, Сертория и Перперны[64].

Свою роль, очевидно, сыграла и внушительность приведённых преемником Лепида сил. Точная их численность неизвестна, ибо Плутарх пишет лишь о количестве когорт — 53 (Sert. 15.5)[65]. Исходя из данных Ливия (XCI, см. ниже), можно не сомневаться, что речь шла как минимум о 20 тыс. чел.[66], причём их основную часть явно составляли италийцы[67]. Для Сертория это было особенно ценно, если учесть его стремление держать испанцев в подчинении (Plut. Sert. 22.6) и комплектовать армию из римлян, италийцев и романизованных провинциалов[68].

Следующие упоминания о Перперне встречаются у Ливия и Фронтина. Во фрагменте XCI книги Ливия рассказывается, что Серторий поручил Перперне во главе армии из 20 тысяч пехотинцев и 1500 всадников двигаться в земли илеркаонов «для охраны их области со стороны побережья». Последнего проинструктировали, «какими дорогами лучше идти, чтобы защитить союзные города, которые может захватить Помпей, и чтобы напасть на его войско из засады». По прибытии туда «Перперна был поставлен начальствовать над прибрежной областью, чтобы иметь возможность оборонять ту её часть, которая до сих пор не пострадала от врага, и, если представится случай, напасть [на неприятелей] в тот момент, когда они проявят беспечность». В этом ему должен был помогать один из прибывших с ним из Италии военачальников — Гай Геренний.

Что же касается Фронтина, то он сообщает, как Помпей ловким маневрированием ввёл его в заблуждение и сумел переправиться через Ибер (I. 4. 8).

Оба этих фрагмента не имеют точной датировки. Что касается первого из них, то описанные в нём события относят как к 76, так и к 75 гг. Мне представляется предпочтительным второй вариант[69]. Что же касается Фронтина, то в старой немецкой литературе этот эпизод датировался 76 г.[70], однако Ф. О. Спанн оспорил это мнение, ибо во фрагменте XCI книги Ливия говорится о том, что Перперна должен был защищать те земли илеркаонов, которые ещё не пострадали от врага (ea quae integra adhuc ab hoste sint). Это означает, что Помпей уже до этого момента переправился через Ибер. Его точку зрения принял И. Г. Гурин[71]. Однако илеркаоны жили по *обе* стороны Ибера, в связи с чем аргумент Спанна трудно признать убедительным, не говоря уже о том, что фрагмент Ливия повествует скорее о событиях начала 75 г., а не 76 г. Однако это позволяет утверждать лишь то, что Помпей переправился через Ибер не раньше 76 г., но речь, вполне возможно, шла и о 75 г. — ведь в 76 г. Помпей дошёл лишь до Лаврона, который находился не между Сагунтом и Валенцией, как обычно считается, а к северу от Ибера[72], а потому Помпей и не форсировал эту реку. Правда, все эти соображения носят гипотетический характер.

Так или иначе, Перперна не справился со своей задачей. Помпей вторгся в восточные районы Испании и наголову разгромил армию Перперны и Геренния при Валенции, разрушив город; повстанцы, если верить Плутарху, потеряли убитыми более 10 тысяч человек; среди которых оказался и Геренний (Plut. Pomp. 18.5; Sall. Hist. II. 98. 6; Cic. Pro Balbo. 5)[73]. Серторий, находившийся в это время на севере Испании (если описанные в XCI книге Ливия события относятся к 75 г.), немедленно прибыл в восточную Испанию. Перперна с остатками своей армии, очевидно, присоединился к нему[74]. Серторий дал сражение Помпею при Сукроне и разбил его. По Аппиану, в сражении принял участие и Перперна, чей лагерь в конце сражения разграбили воины Метелла Пия (App. BC. I. 110. 515). Согласно же Плутарху, лагерь инсургентов разграбили солдаты Афрания, а не Метелла, находившегося не менее чем в одном переходе от Сукрона (Sert. 19.9). Очевидно, известный своей небрежностью Аппиан перепутал имена сенатских полководцев[75], хотя при этом сообщил ценную информацию, указав на участие Перперны в сражении. В принципе не исключено, что он перепутал с кем-нибудь и Перперну, но это кажется маловероятным: в отношении неучастия Метелла есть чёткие указания Плутарха (Sert. 19.4; Pomp. 19. 1–2) , тогда как подобные сведения о Перперне отсутствуют. Да и трудно предположить, что последний не соединился с Серторием — расстояние от Валенции до Сукрона невелико, действовать самостоятельно после разгрома от войск Помпея Перперна вряд ли решился бы. Однако некоторые учёные, принимая данные Аппиана, полагают, что Серторий выставил заслон против Метелла во главе с Перперной, о поражении которого и упоминает александриец[76]. Однако эта гипотеза вызывает сомнения[77]: Аппиан совершенно определённо описывает одну и ту же битву, в которой участвовали Серторий и Перперна с одной стороны, и Помпей и Метелл — с другой, тогда как упомянутая гипотеза предполагает два разных сражения.

Несмотря на победу при Сукроне, повстанцам пришлось отступить в Ближнюю Кельтиберию — возможно, она оказалась под ударом войск Метелла Пия, только что уничтожившего войско Гиртулея. Здесь, близ Сегонтии, состоялось крупнейшее сражение Серторианской войны. Согласно Аппиану, Серторий возглавил ту часть армии, которая сражалась с Помпеем, а бой с Метеллом поручил Перперне. Серторий добился успеха — его воины перебили 6000 врагов, потеряв сами вдвое меньше. Из армии Перперны погибло 5000 человек, о потерях Метелла не сообщается, но в целом Аппиан явно намекает на поражение Перперны (BC. I. 110. 515)[78] . Затем развернулось сражение между Серторием и Метеллом. Повстанцы начали одолевать, Метелл был ранен, но затем его воины оттеснили врага и нанесли ему поражение (Plut. Sert. 21. 2–3)[79]. На следующий день Серторий попытался отрезать лагерь Метелла рвом, но ему помешал Помпей (App. BC. I. 110. 516). Инсургентам пришлось отступить в горную крепость Клунию (Plut. Sert. 21.4; Liv. Per. 92).

Вновь Перперна не добился успеха. Однако возникает вопрос, до сих пор не привлекавший внимания учёных: почему Серторий выбрал для себя менее опытного Помпея, а против Метелла, одного из лучших римских полководцев того времени, выставил разбитого наголову под Валенцией Перперну? В источниках на сей счёт ничего не говорится, однако позволительно высказать некоторые предположения на основании косвенных данных. Ставить Перперну против Помпея, не так давно победившего его, было бы психологически неудачным шагом — жажда реванша могла сыграть с гордым нобилем дурную шутку. Правда, Метелл был ещё более опасным противником, но его неудача не помешала Серторию после боя с Помпеем сразиться с Метеллом как ни в чём не бывало — очевидно, исход битвы на участке армии Перперны не слишком повлиял на общее положение. Любопытно, что Аппиан умалчивает о потерях Метелла, хотя урон, понесённый Помпеем, указывает — возможно, соотношение выглядело не очень выигрышно для Метелла[80]. Не исключено, что речь шла о ничейном исходе, а не о поражении, как принято считать в историографии[81]. Это, правда, не является бесспорным доказательством умелого руководства боем со стороны Перперны — возможно, ему благоприятствовали объективные обстоятельства (рельеф местности, численный перевес, компетентность

легатов и т.п.). Кроме того, на него могла быть возложена ограниченная задача — только сдерживать противника, что требует от полководца меньше способностей и навыков, чем сложное маневрирование. Так или иначе, но под Сегонтией Перперна показал себя, видимо, лучше, чем при Валенции и Сукроне. Другое дело, что это во многом могло стать результатом более грамотного его использования со стороны Сертория.

Во второй половине 75 г. был подписан договор между повстанцами и Митридатом Евпатором[82]. Плутарх рассказывает, что царь потребовал передать ему в обмен на деньги и корабли Вифинию, Каппадокию и римскую провинцию Азия[83]. При обсуждении вопроса в серторианском «сенате» начались разногласия — многие его члены предлагали принять условия царя, но Серторий отказался уступить понтийцам римские владения, хотя и согласился отдать остальное (Plut. Sert. 23. 4–7). И. Кёниг усматривает в случившемся конфликт между Серторием и группировкой Перперны[84]. Однако у Плутарха не сказано, что возражали руководителю восстания именно Перперна и его люди. Правда, он говорит обо «всех» «сенаторах» (τῶν ἄλλων δέχεσται τὰς προκλήσεις), но это может быть риторическим преувеличением, свойственным Плутарху.

В следующем, 74 г., Перперна провёл самостоятельную операцию — поход на северо-запад Пиренейского п-ова: у Саллюстия сообщается о взятии города Калы (Cales) в Галлекии и некоем топониме, «которому дали название забвения» (cui nomen oblivionis condiderunt)[85]. Правда, упомянутые Калы могли также находиться во Фракии и Македонии, однако пребывание Перперны в Галлекии косвенно подтверждается надписью с его именем (CIL. II. 1709 — очевидно, упомянутый в надписи Перперна был потомком местного жителя, получившего гражданство из его рук), а также кладами в Кастро-де-Ромарис и Пойо, в которых найдено немало монет 74 г.[86]

Предполагается, что поход Перперны был вызван общей военной обстановкой и намерением втянуть запад Испании в «орбиту восстания»[87]. Однако это не более чем гипотезы. Нет сведений и о результатах экспедиции; Овладение Калами ещё не означало успеха кампании[88]. Впрочем, вряд ли здесь серторианцам противостояли серьёзные силы — речь шла, по-видимому, о «разведке боем» и грабительском походе одновременно, в связи с чем Ф. Гарсиа Мора справедливо вспоминает кампанию Д. Юния Брута[89]. Можно предполагать, что успех был достигнут, но столь же эфемерный, сколь и у Брута. Однако и такая победа могла лишний раз позволить Перперне составить преувеличенное представление о собственных полководческих дарованиях.

В 73 г.[90] Перперна совершил свое самое знаменитое «деяние» — организовал заговор, закончившийся убийством Сертория[91] . В источниках представлены две версии случившегося, восходящие к про- и антисерторианской традиции в античной литературе. Плутарх изображает дело так, будто после побед Сертория Перперна, прежде боявшийся сенатских полководцев, почувствовал себя в безопасности и решил взять власть в свои руки, считая власть Сертория тиранической, созданный им сенат — насмешкой, а его самого — безродным выскочкой, перед которым сам он имел преимущество в силу знатности происхождения. Его поддержали многие повстанческие командиры из числа римлян. Желая дискредитировать руководителя восстания в глазах испанцев, заговорщики начали провоцировать выступления туземцев непомерными податями и жестокими наказаниями, Разъярённый мятежами Серторий приказал частью казнить, частью продать в рабство детей местных аристократов, воспитывавшихся в Оске. Когда о заговоре стало известно посторонним лицам, которые в любой момент могли проинформировать главнокомандующего, Перперна устроил пир, во время которого Серторий был убит (Plut. Sert. 25–26).

Иначе представляют дело Диодор и Аппиан. Первый пишет, что Серторий притеснял союзников, подвергая казни одних и заключению других; не платил жалованья войскам, хотя награбил много золота и серебра; вёл дела без консультаций с советниками; не приглашал их на пиры и т.д., чем в конце концов вызвал всеобщую ненависть. Перперна и Тарквиций, возмущённые такой тиранией, организовали заговор и убили его во время пира (Diod. XXXVII. 22a). Согласно Аппиану, Серторий, «чей разум помутился по воле

божества» (βλάπτοντος ἤδη θεοῦ), забросил дела и стал проводить время в попойках и любовных утехах, в результате чего начал терпеть поражения. Это сделало его гневливым, подозрительным и крутым на расправу (καὶ γενέντο ὀργήν τε ἄκρος δι' ὑπονοίας ποικίλας καὶ ὠμότατος ες κόλασιν καὶ ὑπόπτες ες ἅπαντας). Перперна, опасаясь за свою жизнь, организовал заговор вместе с десятью другими лицами. Заговор был раскрыт, а его участники казнены[92], но его руководитель спасся. Однако он не пал духом, составил новый комплот и, напоив Сертория и его охрану допьяна во время пира, всех перебил (App. BC. I. 113).

Каждый из этих рассказов полон несуразностей и противоречий. Плутарх вопреки очевидности пишет, будто положение повстанцев было настолько благоприятным, что перестал опасаться полководцев сената. Он изображает расправу над заложниками в Оске как результат козней Перперны и его сообщников, хотя вряд ли эта мера была связана с действиями конспираторов, явившись скорее наказанием за восстания местного населения в связи с военными тяготами ещё до возникновения заговора (что, конечно, не исключает злоупотреблений со стороны Перперны и других римских офицеров, обусловленных, однако, не желанием дискредитировать Сертория, а обычным корыстолюбием)[93]. Что же касается Диодора, то перед нами просто антисерторианский памфлет, усугубленный эксцерптивным характером текста — очевидно, Серторий не платил жалованья войску не из жадности, а из-за нехватки средств[94]. Притеснения же союзников были связаны прежде всего с военными тяготами, а не злой волей Сертория. Аппиан объясняет поражения Сертория его нерадением о делах, однако не уточняет, о каких поражениях речь, и не указывает, чем же тогда объяснить прежние неудачи, которые он к тому же старается не упоминать. Сомнительно также, что на пиру присутствовала стража Сертория.

В то же время, как уже давно отмечалось в литературе, эти версии, в сущности, не так уж противоречат друг другу[95]. Плутарх не умалчивает о тираническом характере власти Сертория, но влагает соответствующее замечание в уста Перперны, который, по его мысли, конечно, клевещет. Рассказывает херонейский писатель и о притеснениях союзников, но всё объясняет «вредительством» заговорщиков. О том, что руководитель восстания не слишком считался с «сенатом» (и тем давал повод для обвинений в тирании), свидетельствует приведённый самим же Плутархом рассказ об обсуждении условий Митридата.

Таким образом, информация у названных писателей во многом совпадает, расходятся лишь трактовки. Какие же выводы можно сделать?

В условиях, когда успех стал явно склоняться на сторону войск сената, Серторий вполне мог стать более раздражительным и авторитарным. К тому же он лишился лучшего помощника, Луция Гиртулея, и Перперна наверняка попытался воспользоваться этим для удовлетворения своих амбиций. Неудивительно, что в 74 г. Серторий отправил его в поход в отдалённую Галлекию. Однако по возвращении Перперны проблема, очевидно, возникла вновь. К тому же вождь восстания лишился главного козыря — по необходимости перейдя к партизанской тактике, он больше не одерживал побед в «правильных» сражениях, которые только и имели вес в глазах римлян, что, бесспорно, подрывало его авторитет среди римских соратников[96]. Всё это, надо думать, подогревало честолюбие Перперны, который к тому же вряд ли забыл, как Серторий перетянул на свою сторону его армию.

Существовали ли между ними какие-либо принципиальные разногласия? Высказывалось мнение, что Перперна собирался договориться с военачальниками сената, заплатив за это головой своего предводителя[97]. Однако маловероятно, что повстанцы ещё надеялись в 74–73 гг. на соглашение, коль скоро таковое было отвергнуто раньше[98], в более благоприятных условиях. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой Серторий стремился к компромиссу (как известно, он готов был сложить оружие и уйти в частную жизнь — Plut. Sert. 22. 7–9), тогда как Перперна и его сторонники стояли за продолжение борьбы[99]. По мнению Ф. О. Спанна, Перперна и его окружение

были недовольны партизанской тактикой Сертория — недаром, взяв власть, они дали бой армии Помпея[100]. Это возможно, однако следует учитывать, что в плутарховой биографии Помпея (20. 2–3) и «Стратегемах» Фронтина (II. 5. 32) речь идет о подстроенной Помпеем Перперне засаде, которая не потребовалась бы, если бы последний готов был дать генеральное сражение (подробнее см. ниже). Высказывалось также предположение, что римские соратники Сертория из числа римлян были недовольны усилением влияния испанцев в повстанческом лагере — главнокомандующий набрал охрану из кельтиберов, испанцы позволяли себе издеваться над инсургентами из числа римлян и италийцев (App. BC. I. 113. 520–522)[101]. В пользу этой версии говорят некоторые косвенные признаки. У Плутарха (Sert. 25.3) Перперна жалуется, что Серторий обрушивает на соратников-римлян «брань, приказы и повинности, словно на каких-то иберов и лузитан» (ὕβρεις δὲ καὶ προστάγματα καὶ πόνους οὐκ ἐλάττονας Ἰβήρων καὶ Λυσιτανῶν ὑπομένοντες). Если учесть, что в это время влияние испанцев в повстанческом лагере значительно укрепилось[102], то подобное заявление можно понимать в том смысле, что приказы и повинности — удел туземцев[103] . Сам Перперна и его люди, по словам того же Плутарха, не раз притесняли местных жителей. Вероятно, на фоне увеличения роли испанцев в движении возмущало заговорщиков и то, что главнокомандующий набрал себе охрану из кельтиберов[104]. Но самое главное — это жалобы на тиранический характер власти Сертория, отголоски которых мы встречаем у Диодора и Плутарха. Однако нежелание полководца советоваться с соратниками-римлянами, очевидно, было вызвано не деспотизмом Сертория, а усилением влияния испанцев, с вождями которых ему теперь и приходилось решать важнейшие вопросы[105]. В то же время он не отказался явиться на пир, устроенный Перперной, что плохо вяжется с образом подозрительного и недоверчивого тирана у Диодора и Аппиана[106]. Да и во время пира, если бы Серторий почуял что-то неладное, то позвал бы испанскую охрану[107]. Но ему, видимо, ничего подобное и в голову не пришло. Это, правда, вызывает некоторое удивление, если учесть сведения Аппиана о первом заговоре, участники которого, за исключением оставшегося не разоблачённым Перперны, были казнены (BC. I. 113. 527–528). Однако мы не знаем, в чём обвинялись заговорщики — вполне возможно, речь шла о связях с военачальниками сената, а в таковых Серторий Перперну, по-видимому, не подозревал, ибо последний, как и сам главнокомандующий, не имел шансов на соглашение с сенатом. Аппиан же (или его источник) счёл Перперну главой первого заговора в силу нехитрой аналогии с последующими событиями.

Итак, Серторий был убит[108]. Это злодеяние вызвало бурю среди инсургентов, которые в массе своей относились к нему совершенно иначе, чем заговорщики. К тому же его умертвили на пиру, где он присутствовал в качестве гостя, чье убийство считалось святотатством[109]. Возмущение усилилось, когда в результате оглашения завещания Сертория стало известно, что именно Перперну он назначил своим преемником[110]. Однако новый главнокомандующий проявил завидную гибкость, удержав разъярённое войско от восстания взятками, обещаниями и угрозами. Когда волнения пошли на спад, он велел казнить нескольких недовольных из числа эмигрантской верхушки, в том числе собственного племянника (App. BC. I. 114). По-видимому, решающую роль в успехе Перперны сыграло то, что у его противников не оказалось подходящего лидера. Как поведут себя теперь полководцы сената, очевидно, известно не было — а вдруг они не захотят щадить воинов Сертория, когда сам он им больше не опасен? Поэтому Аппиан, отмечающий факты дезертирства из армии Сертория в 74 г., умалчивает о таковых при описании волнений после его гибели — надо полагать, никаких серьёзных изменений по сравнению с прошлыми месяцами не произошло. Цицерон определённо указывает, что массовый переход повстанцев на сторону военачальников сената начался лишь после смерти Перперны (Verr. II. 5. 153). Таким образом, последний сумел на некоторое время взять ситуацию в римско-италийском войске под контроль.

Не так удачно складывались отношения с туземными племенами. При подготовке убийства Сертория заговорщики явно не учли их позиции — факт, казалось бы, неверо-

ятный, но неплохо отражающий психологию Перперны и его сообщников. Позиция же многих местных общин была достаточно проста — их связывала с движением только личность Сертория, и они не считали себя обязанными продолжать борьбу после его гибели[111]. Неудивительно, что теперь они стали переходить на сторону войск сената (Plut. Sert. 27.1). Перперну такой оборот дела явно застал врасплох. Ему пришлось ездить по испанским городам и селениям и уговаривать их сохранить лояльность. Если в отношениях с римско-италийскими контингентами, как мы видели, он использовал и пряник, и кнут, то теперь о втором пришлось забыть: Перперна освобождал узников и заложников, взятых ещё Серторием (App. BC. I. 114. 532–533)[112], возможно, даровал наиболее «нужным» людям права гражданства[113], но о применении насильственных мер сведений нет. Кроме того, он не мог оказывать на остававшиеся верными общины того же влияния, что и Серторий, поскольку не обладал его авторитетом. К тому же, освобождая заложников-испанцев, он лишал себя одного из рычагов воздействия на местное население[114].

Таким образом, Плутарх явно преувеличивал, когда писал, что Перперна обладал теми же силами и средствами, что и Серторий, но не имел способностей разума «для столь же успешного их применения» (Pomp. 20.2). Не только военных талантов, но и сил у него было явно меньше, чем у предшественника; Орозий прямо пишет, что за Перперной последовала лишь часть войска (V. 23. 13)[115].

Высказывалось мнение, что в этих условиях новый предводитель инсургентов предпочёл уйти в Галлекию (а не в 74 или 73 гг.)[116], где и продержался ещё от одного до полутора лет[117]. Однако в этом случае разгром Перперны скорее стал бы делом рук Метелла, в чью юрисдикцию входила Дальняя Испания, тогда как победа выпала на долю Помпея. Да и бегство многих повстанцев в Мавретанию (Plut. Sert. 27.6) и на Сицилию (Cic. Verr. II. 5. 151–153) вряд ли стало бы возможно, если бы остатки их войска потерпели поражение в таком глухом краю, как Галлекия. Наконец, источники ясно дают понять, что Перперна ненадолго пережил Сертория (App. BC. I. 115. 534; Amm. Marc. XXVI. 9. 9), и времени для похода на Галлекию у него не оставалось.

В источниках указывается лишь продолжительность последней кампании Перперны, но не продолжительность его властвования. Однако она не могла быть долгой: новому главнокомандующему нужно было скорее доказать свою «пригодность» на поле боя, пока армия сохраняла управляемость. Поэтому можно согласиться с Ф. О. Спанном, который считает, что Перперна руководил движением не более двух месяцев[118].

Что же касается боевых действий, то на десятый день после начала похода (App. loc. cit) повстанческая армия была разгромлена. Плутарх в биографии Сертория пишет, будто первым напал Перперна (27.3), тогда как в жизнеописании Помпея рассказывает о том, как последний заманил инсургентов в засаду, выслав им навстречу десять когорт (20.2). О засаде пишет и Фронтин — правда, не называя имени Перперны (Strat. II. 5. 32), но по общепринятому мнению, речь идёт именно об описываемых событиях. Эта версия представляется более предпочтительной, поскольку изложение в биографии Сертория носит слишком общий характер.

Войско повстанцев потерпело поражение, а его предводитель спрятался в кустах, «боясь, — по ядовитому замечанию Аппиана, — своих воинов больше, чем вражеских». Неприятельские всадники выволокли его оттуда и потащили к Помпею. Перперна — видимо, вымаливая тем самым помилование — кричал, что выдаст сенатскому полководцу тайную переписку, которую вёл Серторий с римскими политиками. Однако Помпей немедленно казнил пленника[119], а письма велел сжечь не читая, чем снискал похвалу современников и потомков (Plut. Sert. 27. 3–5; Pomp. 20; App. BC. I. 115. 535–537)[120].

Так закончилась жизнь Марка Перперны Вейентона. Каков же итог? Моральная оценка этого персонажа не вызывает сомнений. Иначе обстоит дело с политической деятельностью. Конечно, к выдающимся героям той эпохи его отнести нельзя. Но и полным ничтожеством он не был. Перперна проявил достаточно гибкости, чтобы снискать поддержку многих общин Сицилии, не пошёл на соглашение с Суллой, сумел в относитель-

ном порядке привести остатки лепиданской армии в Испанию, да и организация заговора против Сертория, а также удержание контроля над его войском требовали определённых способностей. Однако дарования Перперны оказались гораздо меньше тех, которые необходимы были в сложившихся условиях. К этому прибавилось и непомерное самомнение, помешавшее ему адекватно оценить ситуацию, что и привело к трагическому финалу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данная статья представляет собой переработанный и значительно расширенный вариант более ранней публикации: *Короленков А.В.* Марк Перперна Вейентон // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000. С. 145–161. Единственное известное мне исключение составляет точка зрения П. Тревеса. По его мнению, наши сведения о Перперне «безнадёжно искажены просерторианской тенденцией Саллюстия» (*Treves P.* Sertorio // Athenaeum. N.S. Vol. 10. 1932. P. 145).
2. Правда, А. Шультен называл Перперну «злым гением» Сертория (*Schulten A.* Sertorius. Leipzig, 1926. S. 11), но эта риторическая фигура мало что проясняет.
3. *Münzer F.* Perperna (6) // RE. Hbd. 37. 1937. Sp. 897–901.
4. Примерно то же Плутарх говорит об Антигене и Тевтаме в биографии напарника Сертория, Эвмена Кардийского (13.4). Примечательно, что именно люди Тевтама выдали Эвмена Антигону Одноглазому, что делает параллель полной — возможно, она была преднамеренной.
5. *Spann Ph.O.* M. Perperna and Pompey's Spanish Expedition // Hispania Antiqua. T. 7. 1977. P. 47–62.
6. *Гурин И.Г.* Марк Перперна и конец Серторианской войны // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. IV. Самара, 1999. С. 16–25. Правда, более подробно рассматривается деятельность Перперны в монографии того же автора о Серторианской войне (*Гурин И.Г.* Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период Гражданских войн. Самара, 2001. С. 100 слл.), но там она представлена, естественно, лишь в качестве серий эпизодов в общем повествовании.
7. У греческих и многих латинских авторов встречается форма номена «Перпенна», однако более распространён вариант «Перперна», встречающийся в самом раннем источнике — речах Цицерона (Verr. II. I. 143) и в надписях (CIL. II. 1709; 4301; 4302; 4393; 6130; VI. 38 700). См. также: *Drumann W.* Geschichte Roms in seinem Uebergang von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. IV. Königsberg, 1838. S. 358. Anm. 6.
8. Thesaurus linguae etruscae. Roma, 1978. P. 278.
9. Здесь и далее — до н.э.
10. *Münzer F.* Perperna (5) // RE. Hbd. 37. 1937. Sp. 896.
11. *Hinard F.* Proscriptions de la Rome républicaine. P., 1985. P. 121.
12. *Münzer F.* Perperna (2) // RE. Hbd. 37. Sp. 893.
13. Н. Розенстейн считает, что Гай Перперна не стал консулом не из-за поражения, а в силу объективных политических причин — у марианцев были другие кандидаты на консульство, а Сулла не мог забыть близости Перперна к марианцам (*Rosenstein N.* Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic. Berkeley etc., 1990. P. 23–24). Напомним, однако, что Марк Перперна стал цензором, а Луций Сципион — консулом, хотя не входил в марианскую верхушку, но зато имел в активе успехи в Иллирии (App. Ill. 5. 13–14).
14. *Münzer F.* Perperna (5). Sp. 897.
15. См.: *Трухина Н.Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 55.
16. Что касается принадлежности Перперны к partes Marianae, то её остаётся связывать с позицией его отца.

17. *Rosenberg G.* Praetor // RE. Hbd. 44. 1954. Sp. 1582.
18. *Münzer F*. Perperna (6). Sp. 897; *Broughton T.R.S*. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. Atlanta, 1984. P. 67.
19. *Badian E*. Foreign Clientelae. 264–70 B.C. Oxford, 1964. P. 269. N. 3; *Hinard F.* Op. cit. P. 392.
20. *Konrad C.F.* Plutarch's Sertorius. A Historical Commentary. Chapel Hill; London, 1994. P. 146.
21. *Badian E*. Studies in Greek and Roman History. N. Y., 1964. P. 86.
22. *Badian E*. Foreign Clientelae. P. 269.
23. *Leach J*. Pompey the Great. L., 1978. P. 28.
24. *Lovano M*. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002. P. 126. В предыдущем варианте статьи я разделял точку зрения Дж. Лича (*Короленков А.В*. Ук. соч. С. 146).
25. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1994. С. 66.
26. Б. Перрин вообще оставляет без перевода слово tetrucwmevnax: he (Pompey) recovered the cities there (Plutarch's Lives. Vol. V. Cambr. (Mass.) — L., 1967. P. 137).
27. *Dowling M.B*. The Clemency of Sulla // Historia. Vol. 49.3. 2000. P. 319–323.
28. Важность этого признавала и противная сторона, ставя это, правда, в заслугу исключительно Помпею, что нашло отражение у Цицерона: [Pompeius Siciliam] non terrore belli sed consili celeritate explicavit (De imp. Cn. Pomp. 30).
29. *Münzer F*. Perperna (6). Sp. 898.
30. При этом у Сертория были неплохие отношения с местным населением — и не предположительно, как в случае с Перперной, а вполне определённо (Plut. Sert. 6. 7–9; Exup. 7.51Z). Очевидно, оно просто не хотело сражаться против гораздо более сильного врага (*Короленков А.В*. Квинт Серторий: политическая биография. СПб., 2003. С. 113).
31. *Münzer F.* Perperna (6). Sp. 898.
32. Как известно, Сулла в обход всех обычаев даровал Помпею триумф и женил его на своей падчерице Эмилии (Plut. Pomp. 9. 2–4; 14; Sulla. 33.4).
33. *Münzer F.* Perperna (6). Sp. 898. Косвенным подтверждением того, что Перперна пребывал в изгнании в Лигурии и там же поднял восстание в поддержку Лепида, может быть то, что последней из управлявшихся Лепидом провинций была Трансальпийская Галлия, рядом с которой находится Лигурия (*Konrad C.F.* Op. cit. P. 147).
34. *Моммзен Т*. История Рима. Т. III. М., 1995. С. 20.
35. Будучи, вероятно, его легатом (*Broughton T.R.S*. Op. cit. Vol. II. P. 91). Нельзя не упомянуть о поведении Перперны во время похорон Лепида: «М. Лепид, человек знатного рода, который… умер, движимый страстью, был выкинут из костра силою огня. Из-за жара не имелось возможности положить [тело обратно], и его сожгли голым, обложив хворостом» (Plin. NH. VII. 122). Как видим, Перперна не проявил особого уважения к покойному предводителю.
36. *Моммзен Т*. Ук. соч. Т. III. 23; *Maurenbrecher B*. Prolegomena // Sallustii Crispi historiarum reliquiae. Fasc. I. Lipsiae, 1891. P. 24; *Bieckowski P.R. von*. Kritische Untersuchungen über Chronologie und Geschichte des Sertorianischen Krieges // Wiener Studien. Bd. XIII. 1891. S. 158.
37. *Münzer F*. Perperna (6). Sp. 898; *Stahl G*. De bello Sertoriano. Diss. Erlangen, 1907. P. 52–53; *Schulten A*. Op. cit. S. 79.
38. *Spann Ph.O*. Op. cit. P. 47–62.
39. *Schulten A*. Op. cit. S. 79.
40. Перперна для Эксуперанция является второстепенным персонажем не только в гл. 7, но и во всем его бревиарии — как, впрочем, и его победитель Помпей (*Beschorner A*. Das Opusculum des Iulius Exuperantius // Hermes. Bd. 127.2. 1999. S. 250). Для сравнения можно указать, что Эксуперанций отмечает недолгое пребывание Сертория в Нарбонской Галлии (8.50Z), не имевшее никакого значения для дальнейших событий.
41. *Spann Ph.O*. Op. cit. P. 51.

42. *Van Ooteghem J*. Pompée le Grand, bâtisseur d'Empire. Bruxelles, 1954. P. 105 + n. 5.
43. *Konrad C.F*. Op. cit. P. 146–147.
44. Гипотезу Спанна о «визите» Перперны в Лигурию после пребывания на Сардинии разделяют и некоторые другие учёные (*Гурин И.Г*. Серторианская война... С. 101–102; *Leach J*. Op. cit. P. 43–44).
45. См. обзор датировок: *García Morá F*. Un episodio de la Hispania Repubblicana: la guerra de Sertorio. Granada, 1991. P. 170.
46. По Плутарху, Перперна сражался против Метелла (Sert. 15.2), или, по замечанию Р. Гриспо, против его легатов (*Grispo R*. Dalla Mellaria a Calagurra. Un contributo per l'interpretazione della guerra Sertoriana // NRS. Vol. 36. 1952. P. 203). Однако, как отмечает И. Г. Гурин, Метелл до прибытия Помпея выступает в биографии Сертория как олицетворение власти сулланцев в Испании, т.е. Перперна мог высадиться и в Ближней Испании (*Гурин И.Г*. Серторианская война... С. 102–103). Описанные события как будто бы подтверждают это предположение — к чему было бы воинам Перперны так бояться Помпея, если бы они находились на юге Испании — ведь на пути у последнего стояли бы войска Сертория в ближней провинции.
47. Аппиан пишет, что сенат отправил Помпея в Испанию лишь после соединения войск Сертория и Перперны, после чего в Риме испугались их совместного вторжения в Италию (BC. I. 108. 508). Ф. О. Спанн остроумно объясняет это тем, что Триарий по отбытии Перперны с Сардинии послал сенату письмо, где сообщал об отплытии последнего в Испанию на соединение с Серторием. Опасение похода римских инсургентов и испанских «орд» на Рим способствовало назначению Помпея командующим (*Spann Ph.O*. Op. cit. P. 49).
48. *Treves P*. Sertorio // Athenaeum. N.S. Vol. 10. 1932. P. 145.
49. См. возражения К. Ф. Конрада: *Konrad C.F*. Op. cit. P. 148.
50. Очевидно, не обошлось без агитации со стороны агентов Сертория (*Garcna Morá F*. Op. cit. P. 170).
51. *Harmand J*. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 av. n. e. P., 1967. P. 420.
52. По предположению Ф. О. Спанна, Перперна считал себя проконсулом Дальней Испании (*Spann Ph.O*. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987. P. 86). См., однако, прим. 46.
53. Мысль о претензиях Перперны на верховную власть уже в 77 г. высказывал ещё В. Ине (*Ihne W*. Römische Geschichte. Bd. VI. Leipzig, 1886. S. 27).
54. *König I. Q*. Sertorius. Ein Kapitel des frühen römischen Bürgerkriegs // Klio. Bd. 82.2. 2000. S. 452.
55. *Schulten A*. Op. cit. S. 54. Anm. 271; *Pareti L*. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 662; *Spann Ph.O*. Quintus Sertorius… P. 54–55; *Konrad C.F*. Op. cit. P. 189; *König I*. Op. cit. S. 449.
56. *Гурин И.Г*. Серторианская война... С. 110.
57. А не в 78 г. (*Berve H*. Sertorius // Hermes. Bd. 64.2. 1929. S. 222), т.е. ещё до прибытия Перперны.
58. *Schulten A*. Op. cit. S. 80; *Gabba E*. Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 298; *Spann Ph.O*. Quintus Sertorius... P. 86–87.
59. *Drumann W*. Op. cit. Bd. IV. S. 359; *Berve H*. Op. cit. S. 222–223. З. М. Кунина пишет, что Серторий по возвращении в Рим хотел возродить демократическую республику (?!), для чего и создал сенат в Испании, «благодаря которому как бы разделял власть с другими политическими эмигрантами» (*Кунина З.М*. Серторианская война в Испании. Канд. дисс. Днепропетровск, 1947. С. 111). Однако республика в Риме не была демократической, не говоря уже о том, что сенат — орган аристократический, а не демократический.
60. *Гурин И.Г*. Серторий во главе серторианского движения // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. III. Самара, 1998. С. 21; *Короленков А.В*. Квинт Серторий и гражданские войны в Риме. Автореф. канд. дисс. М., 1998. С. 9.

61. См.: *Короленков А.В*. Квинт Серторий. С. 166–167.
62. *Гурин И.Г*. Марк Перперна... С. 16; *Konrad C.F.* Op. cit. P. 216 (у И. Г. Гурина ошибочно дана ссылка на с. 214 работы К. Ф. Конрада).
63. См.: *Короленков А.В* . Квинт Серторий. С. 255–267; *Spann Ph.O*. Quintus Sertorius... P. 171; *García Morá F*. Op. cit. P. 127–130.
64. *Gabba E*. Le origini della guerra socialee la vita politica romana dopo l'89 A.C. // Athenaeum. N.S. Vol. 32. 1954. P. 311–312.
65. Некоторые учёные считают эту цифру преувеличенной (*Grispo R*. Op. cit. P. 203. N. 2 со ссылками на литературу). Но ведь когорты могли иметь неполный состав. Ф. Мюнцер ошибочно пишет о 58 когортах (*Münzer F*. Perperna (6). Sp. 898) — очевидно, опечатка. У Р. Гриспо они по недосмотру названы манипулами (*Grispo R*. Op. cit. P. 203).
66. *Schulten A*. Op. cit. S. 79; *Gabba E*. Commento. P. 298; *Konrad C.F*. Op. cit. P. 149. О дискуссии по данному поводу см. *Короленков А.В*. Квинт Серторий. С. 150–151.
67. *Гурин И.Г*. Туземные части серторианской армии // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 6. Гипотезы о значительном пополнении армии Перперны за счет лигурийцев или испанцев вызвали обоснованные возражения (см.: *Spann Ph.O*. M. Perperna... P. 49. N. 6; *Konrad C.F*. Op. cit. P. 149).
68. См.: *Гурин И.Г*. Серторианская война... С. 134–144.
69. Подробную аргументацию см.: *Maurenbrecher B*. Op. cit. P. 25; *Короленков А.В*. Квинт Серторий. С. 280–281.
70. *Bieckowski P.R. von*. Op. cit. S. 213; *Schulten A*. Op. cit. S. 100. Anm. 485.
71. *Spann Ph.O*. Quintus Sertorius... P. 199. N. 12; *Гурин И.Г*. Серторианская война... С. 148.
72. *Konrad C.F*. Op. cit. P. 157–159; *Короленков А.В*. Квинт Серторий. С. 292–294.
73. П.Р. Беньковский считал, что сражение при Валенции произошло после битвы при Лавроне — Перперна и Геренний преследовали Помпея и были разбиты (*Bieckowski P.R. von*. Op. cit. S. 217). Однако уже Б. Мауренбрехер показал несостоятельность этой реконструкции (*Maurenbrecher B*. Commentarii // Sallustii Crispi historiarum reliquiae. Fasc. II. Lipsiae, 1893. P. 83), и она не нашла сторонников (см. также: *Stahl G*. Op. cit. P. 73).
74. *Pareti L*. Op. cit. Vol. III. P. 674; *Gabba E*. Commento. P. 304; *Leach J*. Op. cit. P. 49; *Spann Ph.O*. Quintus Sertorius… P. 111. П. А. Л. Гринхол, судя по всему, относит присоединение Перперны к Серторию к кануну битвы при Сегонтии (*Greenhalgh P.A.L*. Pompey: The Roman Alexander. L., 1980. P. 49), что неверно, поскольку Перперна участвовал в битве при Сукроне (см. ниже).
75. *Schulten A*. Op. cit. S. 114. Anm. 541; *van Ooteghem J*. Op. cit. P. 116. N. 4; *Gabba E*. Commento. P. 304.
76. *Bieckowski P.R. von*. Op. cit. S. 218; *Grispo R*. Op. cit. P. 208.
77. *Schulten A*. Op. cit. S. 114. Anm. 541.
78. Правда, Ливий пишет о бегстве войск Сертория и Перперны (Q. Metellus Sertorium et Perpernam cum duobus exercitibus proelio fudit — per. 92), но это явное преувеличение — Серторий сохранил ядро армии, что при бегстве маловероятно. Другое дело, что в победной реляции отступление врага Метелл мог назвать бегством. Вполне возможно, что в отношении Перперны допущена такая же «неточность».
79. Реконструкция битвы дана по: *Konrad C.F*. Op. cit. P. 174.
80. Тем более удивительно, что Ж. ван Утехем считает потери армии Перперны доказательством её поражения (*van Ooteghem J.* Op. cit. P. 118).
81. *Münzer F*. Perperna (6). Sp. 899; *Schulten A*. Op. cit. S. 116; *Pareti L*. Op. cit. Vol. III. P. 675; *Leach J*. Op. cit. P. 50; *Konrad C.F*. Op. citt. P. 174. В. Шталь ограничивается констатацией данных Аппиана (*Stahl G*. Op. cit. P. 76). По мнению И. Г. Гурина, как минимум часть армии Перперны была приведена в расстройство (*Гурин И.Г*. Серторианская война... С. 194), что не равнозначно поражению.
82. О датировке см.: *Короленков А.В*. Квинт Серторий. С. 287–288.
83. Аппиан пишет также о Пафлагонии и Галатии (Mithr. 68. 288).
84. *König I.* Op. cit. S. 455.

85. Обзор мнений о датировке похода Перперны и локализации Кал см.: *Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 245–246. Автор — небезосновательно, на мой взгляд, — склоняется к тому, что экспедиция имела место в начале 74 г. Мнение о том, что поход состоялся после смерти Сертория, будет рассмотрено ниже.
86. *García Morá F.* Op. cit. P. 323–325.
87. *Schulten A.* Op. cit. S. 128–129; García Morá F. Op. cit. P. 325.
88. См. также: *Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 246–247.
89. *García Morá F.* Op. cit. P. 325.
90. В 73 г. (*Bennett W.H.* The Death of Sertorius and the Coin // Historia. Bd. 10. 1961. P. 459–472; дополнительные аргументы в пользу этой датировки см. *Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 231–245).
91. В заговоре также приняли участие Антоний, Тарквиций Приск, Октавий Грецин, Ауфидий, Фабий Hispaniensis и Маллий (Манлий), а также, видимо, писцы Меценат и Веррий (Sall. Hist. III. 81; 83; Liv. Per. 96; Diod. XXXVII. 22a; Plut. Sert. 26).
92. Кроме того, о казнях некоторых серторианцев на рубеже 75–74 гг. по ложному обвинению в измене сообщает эпитоматор Ливия (per. 92).
93. См. *Короленков А.В* . Особенности восприятия времени в Плутарховой биографии Сертория // Studia historica. Вып. IV. М., 2004. С. 114–115 (с библиографией).
94. «Этот пассаж — либо отражение временных чрезвычайных трудностей, либо (что вероятнее) риторическое преувеличение тяжёлого положения серторианцев» (*Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 213).
95. *Münzer F.* Perperna (6). Sp. 899.
96. *Моммзен Т.* Ук. соч. Т. III. С. 28; *Гурин И.Г* . Серторианская война... С. 268.
97. *Schulten A.* Op. cit. S. 134; *Кунина З.М.* Ук. соч. С. 154.
98. По-видимому, не позднее 76 г. (*Spann Ph.O.* Quintus Sertorius. P. 97–99; *Konrad C.F.* Op. cit. P. 188).
99. *Ihne W.* Op. cit. Bd. VI. S. 38. Anm. 1; *König I.* Op. cit. S. 455–456. И. Кёниг даже считает, что именно Перперна, а не Серторий вёл переписку с Римом (см. Plut. Sert. 27. 3–5; Pomp. 20.7; App. BC. I. 115. 536–537).
100. *Spann Ph. O.* Quintus Sertorius. P. 118, 134–135.
101. *Schulten A.* Op. cit. S. 133; *Greenhalgh P.A.L.* Op. cit. P. 55.
102. Прежде всего в силу того, что повстанцы были оттеснены во внутренние, почти не романизированные районы Испании (*Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 263–268).
103. *Короленков А.В.* Заговор против Сертория // Зеркало истории. Вып. 2. М., 1995. С. 13.
104. И. Г. Гурин, признавая «знаковый» характер набора охраны из кельтиберов, считает этот факт в принципе обычным для того времени (*Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 270). Однако единственным предшественником Сертория в этом отношении был Марий, набравший себе телохранителей из рабов-чужеземцев, бардиеев (Plut. Mar. 43. 4–5), что вызвало возмущение его сограждан, особенно учитывая поведение его «гвардейцев».
105. См. *Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 271–273.
106. *Spann Ph.O.* Quintus Sertorius… P. 133, 209. N. 61; *Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 273.
107. *Konrad C.F.* Op. cit. P. 212.
108. У Страбона (III. 4. 10) и Веллея Патеркула (II. 30. 1) сообщается, что трагедия произошла в Оске. Но Ф. Гарсиа Мора считает, что это ошибочное логическое заключение, восходящее к Посейдонию, в действительности же Серторий погиб в землях лузитан или веттонов (*García Morá F.* Op. cit. P. 347). Однако подобные соображения представляются слишком умозрительными.
109. *Колосовская Ю.К.* Гостеприимство как право народов Древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в древнем мире. М., 1999. С. 55. Впрочем, это был не первый случай такого рода — в 82 г. Публий Альбинован умертвил во время пира своих товарищей Гая Антипатра и Флавия Фимбрию, что бы заслужить благоволение Суллы (App. BC. I. 91.

421). Однако в этом качестве потомкам запомнилось именно убийство Сертория, которым пытались извинить предательское умерщвление в 374 г. н. э. армянского царя Пары во время застолья (Amm. Marc. XXX. 1. 19–23).

110. Л. Парети допускает, что завещание было подделано Перперной, но сам же признаёт, что тот должен был стать преемником Сертория хотя бы в силу занимаемого им положения (*Pareti L*. Op. cit. Vol. III. P. 684. N. 6). Это, как представляется, делает гипотезу итальянского учёного излишней.
111. *Циркин Ю.Б.* Движение Сертория // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 161.
112. Дж. Гаджеро не исключает, что среди освобождённых были уцелевшие ученики оскской школы (*Gaggero G*. Sertorio e gli Iberi // Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti. Genova, 1977. P. 145. N. 1).
113. Все надписи с его nomen, который носили, очевидно, те, кому он даровал гражданство, найдены, за исключением упоминавшейся CIL. II. 1709, в Тарраконе (CIL. II. 4301–4302, 4393, 6130; *Gaggero*. Op. cit. P. 150. N. 2). Соответствующие пожалования могли быть сделаны Перперной как в начале его пребывания в Иберии, так и в 73 г. — в обоих случаях он находился в Ближней Испании и остро нуждался в поддержке местных общин.
114. *Гурин И.Г.* Серторианская война... С. 275.
115. *Гурин И.Г.* Марк Перперна… С. 18–19.
116. *Bieckowski P.R. von*. Op. cit. S. 228.
117. *Bennett W.H*. Op. cit. P. 466; *Leach J*. Op. cit. P. 52.
118. *Spann Ph.O*. Quintus Sertorius... P. 134.
119. Аппиан пишет, будто Помпей велел казнить Перперну не приводя к нему (BC. I . 115. 537), что, однако, опровергается данными Валерия Максима (VI. 2. 8; *Münzer F*. Perperna (6). Sp. 900).
120. Традиция приписывает аналогичные поступки Цезарю, который будто бы сжёг переписку Помпея после Фарсала (Dio Cass. XLI. 63. 3; Plin. NH. VII. 94; Sen. De ira. II. 23. 4) и Метелла Сципиона после Тапса (Dio Cass. XLIII. 13. 2), а также Марку Аврелию, предавшему пламени корреспонденцию Авидия Кассия после его гибели (Dio Cass. LXXII. 29. 1; Amm. Marc. XXI. 16. 11). Данные о Цезаре вызывают сомнение, поскольку относятся к достаточно поздней традиции, тогда как в корпусе его сочинений ничего подобного не сообщается.

A.V.Korolenkov

PERCUSSOR SERTORII: STUDIES ON POLITICAL BIOGRAPHY OF MARCUS PERPERNA VENTO

The article submits Marcus Perperna's historiographic characteristic and a complete analysis of his activity. Marcus Perperna's moral estimation is beyond any doubts. Nevertheless, Perperna got the support from many communities on Sicily, he did not come to terms with Sulla, managed to bring the remains of the lepidan army to Spain and retain control over Sertorian army. These facts allow denying the idea of univocacy as to the estimation of Perperna's deeds, as a military leader and a politician.

© 2007 г.

Р. В. Лапырёнок

ПУБЛИЙ КЛОДИЙ И ОПТИМАТЫ

1. DISCIDIUM OPTIMATIUM

18 января 52 г. в небольшой харчевне в окрестностях Бовилл после столкновения с людьми из свиты Тита Анния Милона погиб Публий Клодий Пульхр[1]. Данное событие получило большой резонанс в римском обществе. Похороны Клодия, состоявшиеся днём позже, послужили поводом для массовых беспорядков, в результате которых была сожжена Гостилиева курия. Апогеем этого политического кризиса, завершившегося в итоге предоставлением Гнею Помпею Магну консульства *sine collega*, стал процесс над Аннием Милоном. Описание его хода сохранилось в нескольких источниках, в том числе и в аннотации к речи Цицерона в защиту последнего, авторство которой принадлежит Асконию Педиану. Согласно античной традиции, данная речь не имела большого успеха, так как в итоге подсудимый был вынужден отправиться в добровольное изгнание[2]. Наши источники говорят о том, что вследствие волнения, охватившего Цицерона во время выступления[3], он не смог сконцентрироваться на построении защиты должным образом. В большой степени неудача была обусловлена также спецификой сложившейся в результате кризиса политической ситуации. Клодий обладал значительным влиянием в среде городского плебса. Его родственники и соратники были уверены в вынесении Милону обвинительного приговора, вследствие чего другое решение могло вызвать продолжение столкновений, что, видимо, не входило в планы сената.

Вышеуказанные события подвели итог в истории противостояния оптиматов и Клодия, начавшегося вскоре после избрания последнего народным трибуном. Борьба амбициозного демагога против сената и триумвиров являлась наиболее содержательной частью в системе римских политических противоречий 50-х годов. Клодий, получив первоначально «благословение» от Цезаря, Помпея и Красса на проведение некоторых антисенатских мер, впоследствии отмежевался от своих могущественных покровителей и стал проводить уже самостоятельную политику, лавируя между двумя главными внутриримскими силами. Его влияние в среде плебса было настолько велико[4], что его противникам, которых он, как и союзников, менял довольно часто (в соответствии со своими политическими интересами)[5], приходилось постоянно изобретать самые невероятные тактические уловки, которые могли хоть сколько-нибудь повернуть настроение толпы в их пользу. Обуздать экстраординарную энергию трибуна они смогли лишь с помощью создания ему противовеса в лице другого видного народного трибуна эпохи поздней Республики – Тита Анния Милона. В данной работе основной задачей является освещение наиболее значимых событий из истории противостояния Клодия с оптиматами, которые оказали непосредственное влияние на политическое развитие Рима в преддверии гражданской войны 49–44 гг.[6]

Образование первого триумвирата, которое Цицерон воспринимал как *optimatium discidium*[7], ознаменовало собой появление организованной оппозиции сенатской олигархии. Для достижения своих целей триумвиры избрали единственно в данном случае верную и уже проверенную временем тактику законодательной деятельности через посредство народного собрания. Для её воплощения в конкретных политических реалиях им необходимо было иметь большой перевес во влиянии на комиции по отношению к сенату. Учитывая скорый отъезд Цезаря в Галлию, указанная проблема не могла быть решена за счёт возможностей триумвиров, так как из числа остававшихся в Риме ни Помпей, ни Красс не пользовались особенным расположением плебса. Именно тогда, видимо, и возник вопрос относительно выбора для этих целей кандидатуры Клодия[8].

Сведения источников не позволяют, к сожалению, понять причины, согласно которым этот выбор пал именно на него. Контакты Клодия с Помпеем в 60-х годах могли бы во многом прояснить ситуацию с данной проблемой. Из того, что нам известно о раннем периоде в карьере Клодия, наибольший интерес представляет история с мятежом фим-

брианцев в армии Л. Лициния Лукулла, в котором он, по сообщению Плутарха, принимал непосредственное участие[9]. Последующая политическая кампания, закончившаяся Манилиевым законом, могла бы свидетельствовать о наличии между Клодием и Помпеем определённого рода контактов[10].

В качестве причины мятежа Клодия иногда приводится его неудовлетворённость действиями Лукулла, который, являясь мужем сестры последнего, недостаточно внимательно относился к финансовым амбициям своего свойственника во время восточного похода. Данная гипотеза в принципе может в некоторой степени разъяснить проблему возникновения конфликта между ними. Природная склонность Клодия к мятежам, которой античные авторы объясняют его поведение, представляется в данном случае менее приемлемым вариантом[11]. Возможно, что данные события были спровоцированы личной враждой, возникшей вследствие позиции Лукулла. Нельзя также однозначно исключать и возможность существования у Клодия планов относительно Помпея[12]. Желая заручиться благоволением со стороны столь влиятельного политика, он мог пойти на конфликт со своим свойственником в надежде на будущие политические гонорары.

Сведений о наличии какого-либо соглашения между ними в распоряжении у науки нет. Такой вариант развития событий представляется, впрочем, слишком заманчивым, чтобы соответствовать действительности. В наших источниках мы не находим прямых указаний на то, что между «делом фимбрианцев» и амбициями Помпея относительно восточного командования существовала прямая связь. С другой стороны, поведение Цезаря во время судебного процесса 61 г., когда Клодий обвинялся в осквернении таинств в честь Доброй богини, не может не показаться странным[13]. Его отказ свидетельствовать против обвиняемого вряд ли следует трактовать лишь как проявление доброй воли. Вполне возможно, что это было связано с особым отношением Помпея к Клодию, проявившему в своё время большое рвение в деле дискредитации Лукулла[14]. Цезарь, который всегда демонстративно поддерживал начинания Помпея, не стал свидетельствовать против сателлита последнего, так как не желал портить отношения с самым могущественным и влиятельным политиком того времени.

Из сообщений источников нам также известно, что деньги на подкуп судей обвиняемый получил от М. Лициния Красса[15]. Это свидетельствует в пользу наличия определённого рода отношений между последним и Клодием ещё до консульства Цезаря. Вполне возможно, что они восходят ко времени заговора Катилины, когда будущий враг Цицерона состоял в отряде римских всадников, обеспечивших безопасность «отца отечества»[16]. Таким образом, если о существовании контактов Клодия с Помпеем мы можем рассуждать только гипотетически, то Крассу обвиняемый по делу о святотатстве был обязан спасением. Этот фактор, возможно, в наибольшей степени способствовал выбору кандидатуры Клодия. Последний находился в силу вышеуказанного в зависимости от одного из триумвиров, вследствие чего ему и пришлось «отрабатывать» деньги, потраченные на его спасение. Именно эта зависимость (кроме денег Красса ему необходимо было принимать также во внимание и «лжесвидетельство» Цезаря, которое, в общем, и спасло всё дело), видимо, и предопределила участие Клодия в мероприятиях «трёхголового чудовища».

Ситуация же, связанная с переходом Клодия из патрициев в плебеи, ещё более заставляет нас убедиться в наличии тесных контактов между последним и триумвирами, а особенно в период после возвращения Цезаря из провинции[17]. Как известно, именно Цезарь содействовал проведению закона в куриатных комициях, позволившего осуществить данное мероприятие. Согласно сведениям источников, на этот поступок его подвигли стенания Цицерона в ходе одного судебного процесса по поводу комплекса законодательных мер, предложенного Цезарем в первые месяцы консульства[18]. Клодий был усыновлён неким плебеем по имени Фонтей, получив после этого возможность выставить свою кандидатуру на выборах народных трибунов, состоявшихся в июле 59 г.[19]

Подобное развитие событий представляется довольно логичным, хотя данные наших источников могут свидетельствовать в пользу этого лишь *косвенно*. Клодий, являвший-

ся выходцем из влиятельного рода Клавдиев, обладал в соответствии со своим благородным происхождением большими связями в среде высшей римской элиты – нобилитета[20]. В силу же того, что Помпей вследствие успехов 80–70-х годов находился тогда на положении одного из общественных лидеров, их контакты нельзя исключать. Очевидным является факт наличия определённых связей между Клодием и другими участниками триумвирата в 60-е годы, из числа которых наиболее активное участие к его судьбе проявил в своё время М. Лициний Красс[21].

Именно это участие, видимо, и заставило Клодия пойти на конфликт с сенатом в 58 г. С другой стороны, сотрудничество с триумвирами гарантировало ему вполне определённые политические выгоды, в том числе и славу борца против олигархии, а вместе с ней и симпатии оппозиционно настроенной (и довольно разношёрстной по социальному составу) части римского электората. Сам Клодий ещё до периода трибуната пользовался любовью со стороны плебса. Цицерон (Cic. Att. I. 14. 5) свидетельствует о наличии «шаек Клодия» уже в период разбирательств по делу о святотатстве, т.е. в 62–61 гг. Нам неизвестен их социальный состав, так как оратор не уточняет происхождения приверженцев Клодия. Это могли быть, впрочем, и его друзья из среды «золотой» римской молодёжи, молодые нобили со своей свитой, состоявшей по обыкновению из вольноотпущенников и рабов.

Этот факт, конечно, также должен был оказать влияние на выбор кандидатуры Клодия. Триумвиры видели в нём очень перспективного политика и принимали во внимание его связи в гражданском коллективе, которыми его обеспечило благородное происхождение. Подобный союз, таким образом, был выгоден обеим сторонам, т. е. как Клодию, так и триумвирам.

10 декабря 59 г. Клодий вступил в должность народного трибуна и опубликовал четыре законопроекта, которые ознаменовали начало знаменательного этапа в его политической карьере[22]. Точке зрения, которая видит в авторах или же в соавторах этих законов триумвиров, как кажется, нет достойной альтернативы. В пользу этого достаточно красноречиво свидетельствует общий ход развития событий в период консулата Цезаря и по его окончании[23]. Текст закона об обнунциации (Cic. Sest. 15. 33. 26. 56; in Vat. 7. 18; har. resp. 27. 58; Dio Cass. XXXVIII. 13. 3)[24] был, видимо, «навеян» событиями осени 59 г., когда из-за противодействия М. Кальпурния Бибула дата выборов высших магистратов постоянно переносилась на более позднее время под предлогом неблагоприятных знамений. В результате принятия данного закона сенат лишался действенного оружия в борьбе с оппозицией. Теперь неблагоприятные знамения не могли отсрочить мероприятия, задуманные тем или иным римским политиком.

Наиболее популярной его акцией являлось издание закона о бесплатной раздаче хлеба для неимущих граждан (Cic. Sest. 25. 55; dom. 10. 25; Dio Cass. XXXVIII. 13. 1)[25]. Если ранее за пять модиев зерна последние(из числа позднереспубликанских трибунов Г. Гракх назначил в 123 г. цену в 6 1/3 асса (*lex Sempronia frumentaria*: Cic. off. 21. 72; Idem: Sest. 48. 103 и Tusc. disp. III. 20. 48; Vell. II. 6. 3; Diod. XXXV; Plut. C. Gracch. 5; App. B.C. I. 21; Oros. V. 12), а Л. Аппулей Сатурнин в 5/6 асса) должны были платить, то сейчас они получали от государства его в том же количестве, но уже совершенно бесплатно. Эта мера не могла не оказать благотворного влияния на отношения Клодия с римским плебсом[26]. Они, можно сказать, получили со времени принятия данного закона материальную основу. Его «благонамеренность» была засвидетельствована теперь вполне конкретными действиями.

Значительные последствия для государственной системы Рима имел его закон, фактически запрещавший цензорам проводить «чистку» списка граждан (Cic. Sest. 25. 55; prov. cons. 19. 46; Dio Cass. XXXVIII. 13. 2)[27]. Они теряли теперь право по собственному усмотрению накладывать взыскание на лиц, репутация которых по каким-то причинам не вызывала доверия у представителей этой коллегии. Наибольший же резонанс в обществе получило восстановление квартальных коллегий, что явилось важным шагом по пути политической организации плебса (Cic. in Pis. 4. 9; dom. 129; Sest. 17. 34. 25. 55;

Att. III. 15. 4; Dio Cass. XXXVIII. 13. 2)[28]. Сенат, как известно, немногим ранее запретил их[29], но Клодий и триумвиры решили возобновить деятельность этих коллегий, так как данное мероприятие обещало в будущем значительные «дивиденды». Именно на основе квартальных коллегий Клодий создаёт впоследствии свою «армию», которая долгое время внушала ужас всем его политическим противникам и недоброжелателям[30]. Оппозиция намеревалась активно использовать потенции плебса в своей борьбе с сенатом[31].

Со времён братьев Гракхов и Сатурнина общественные низы представляли собой весьма влиятельную политическую силу. После реформ в области организации народного собрания, которое фактически только в эпоху борьбы сената и гракханцев становится *законодательным* органом, произошли большие изменения в государственной системе Рима[32]. Народное собрание начинает оказывать более активное влияние на политическое развитие *civitas*. Римский плебс в связи с этим стал постепенно приобщаться к общественной жизни государства уже в несколько иной роли[33]. Этими новыми возможностями поспешили воспользоваться амбициозные римские политики, которые часто стали действовать через посредство народного собрания в обход сената, если последний пытался воспрепятствовать проведению каких-либо законодательных инициатив[34]. Плебс они ублажали с помощью «хлебных» законов, получая в обмен на это его расположение.

Подобной тактикой решили воспользоваться через посредство Клодия и триумвиры. Успех её был очевиден: влияние трибуна в среде городского плебса[35] после утверждения *lex frumentaria* значительно возросло. Победа, одержанная оппозицией 3 января 58 г., подвигла Клодия и его покровителей на проведение решительного наступления на политические позиции олигархии. Избранные на 58 г. консулы[36] получили в соответствии с *lex Clodia de provinciis consularibus* (Cic. dom. 9. 24. 21. 55. 23. 60. 26. 70. 47. 124; Sest. 10. 24. 19. 44. 24. 53. 25. 55; red. 7. 18; har. resp. 27. 58; Pis. 16. 37. 24. 57; prov. cons. 2. 3. 4. 7; Att. III. 1) наместничество в Македонии и Киликии. К последней благодаря ещё одному закону Клодия присоединялся Кипр (*lex Clodia de rege Ptolemaeo et de insula Cypro publicanda* (Cic. dom. 20. 52-53. 25. 65; Sest. 26. 56-57. 62; har. resp. 58; Vell. II. 45. 4; Liv. Per. 104; Plut. Cat. Min. 34. 3))[37]. Воспользовавшись переходом имущества кипрских царей в ведение римской казны как поводом, он попытался избавиться от одного из виднейших представителей консервативной группировки в сенате М. Порция Катона, которого по его воле направили для осуществления этого мероприятия, а точнее, «выпроводили» из Рима. «Венцом» же первого этапа в его карьере государственного деятеля и политика[38] явилось «дело Цицерона».

Недовольство сената мерами и методами Клодия[39] не заставило его, впрочем, отказаться от своих планов. Для осуществления последних он, пользуясь поддержкой триумвиров, активно использует самые различные средства, из которых немаловажное значение им придавалось политическому шантажу. С целью устрашения противников сразу по вступлении в должность народного трибуна Клодий настойчиво анонсирует законопроект *de capite civis Romani*[40]. Его направленность ни у кого тогда не вызывала никаких сомнений. Речь в данном законопроекте шла о запрете налагать на римских граждан наказание в виде смертной казни без судебного разбирательства. Все отчётливо представляли, что в качестве «мишени» для Клодия в данном случае выступал «отец отечества» М. Туллий Цицерон[41].

Дело пяти казнённых 5 декабря 63 г. катилинариев получало теперь неожиданное продолжение[42]. Нарушение закона, на которое пришлось пойти консулу Цицерону и сенату для предотвращения опасности восстания в Риме, заключалось в невыполнении процессуальной процедуры при рассмотрении дел, где подсудимыми являлись представители гражданского коллектива. Катилинарии были лишены права провокации, что с точки зрения римских законов считалось недопустимым. Действия Цицерона и сената совершенно справедливо расценивались как противозаконные. Чрезвычайность ситуации, в общем, не являлась в достаточной мере оправданием для подобного решения.

В условиях *consensus bonorum omnium*, когда олигархический режим и оппозиция

объединились для борьбы с общим врагом, данное постановление не вызывало никаких сомнений и споров. Разрушение же согласия между сенатом и его политическими оппонентами[43], на которое так сетовал Цицерон в речи об ответе гаруспиков, в корне изменило ситуацию. Триумвиры и Клодий получили в данном случае возможность использовать эпизод с казнью катилинариев для политического шантажа одного из лидеров сената[44]. Над Цицероном нависла угроза суда с вполне предсказуемыми последствиями[45]. Несмотря на то, что ответственность за казнь соратников Катилины лежала фактически на всех представителях сената, наказание ожидало самого красноречивого из их числа, исполнявшего обязанности консула и проводившего расследование по этому делу, который в итоге и убедил принять постановление о смертном приговоре для мятежников[46].

Личная вражда между Клодием и Цицероном, возникшая в период процесса о святотатстве, всегда указывается античными авторами как одна из главных причин, подвигнувших народного трибуна начать преследование экс-консула[47]. Некоторые наши источники говорят также о том, что Цезарь способствовал переходу Клодия из патрициев в плебеи в целях последующей нейтрализации Цицерона, принимая, главным образом, во внимание факт их личной вражды. Именно по этой причине его кандидатура представлялась для триумвиров наиболее выгодной. Данное обстоятельство, конечно, нельзя признать малозначимым, хотя следует отметить, что месть в данном случае вне всяких сомнений не являлась основным мотивом, определявшим действия народного трибуна. Перманентная враждебность Клодия по отношению к «отцу отечества» вообще ставится под сомнение одной из фраз Цицерона (Cic. Att. II. 12. 2), в которой последний отзывается о нём довольно лестно. Всё то, что произошло весной 58 г., отнюдь не напоминает акт мести, но скорее тщательно спланированную политическую демонстрацию с целью устрашения противников «трёхголового чудовища». Расправа над Цицероном должна была бы заставить сенатскую олигархию почувствовать неуверенность в своих силах и проявлять сговорчивость в вопросах, представлявших интерес для триумвиров.

Сам Цицерон, осознавая юридическую уязвимость своих позиций, предпринял попытки заручиться поддержкой покровителей Клодия, чтобы избежать судебного преследования, которое грозило ему жестоким наказанием[48]. Добиться благосклонности со стороны триумвиров ему не удалось, а это ощутимо снижало шансы на успешное разрешение этого дела в преддверии обнародования Клодием законопроекта *de capite civis Romani*[49]. Консулы 58 г. Л. Кальпурний Пизон и А. Габиний (ставленники Помпея, Красса и Цезаря) не проявили участия к судьбе Цицерона, так как с последним их отнюдь не связывали дружеские отношения[50]. Оказавшись в роли «козла отпущения», не получив необходимой помощи от своих коллег-сенаторов, он был вынужден отправиться в добровольное изгнание. Помпей, Красс и Цезарь праздновали очередную победу над сенатом. 20 марта 58 г. законопроект *de capite civis Romani* был представлен на рассмотрение римского народа. В скором времени Клодий дополнил его другим, в котором речь шла уже совершенно конкретно о «деле Цицерона». Его люди разрушили дом Цицерона, а сам народный трибун пообещал воздвигнуть на этом месте храм Свободы. Клодий продемонстрировал тем самым свою решимость в отношении политических противников, что должно было охладить пыл его оппонентов.

Это событие произвело нужный эффект на политических оппонентов триумвиров. После этого успеха оппозиции олигархический режим лишился одного из наиболее влиятельных защитников своих интересов, что не могло не сказаться на *senatus auctoritas*. Кроме собственно политического эффекта эта мера должна была оказать и, по всей видимости, оказала значительное психологическое воздействие на правящую элиту, так как расправа над Цицероном поставила под сомнение законодательную состоятельность и правомочность сената, чьё решение могло спровоцировать судебное преследование в отношении одного из своих лидеров.

Изгнание Цицерона завершило первый этап в карьере Клодия-политика. С этого момента его потенциальные возможности значительно увеличиваются. Законы, изданные в

начальный период трибуната, укрепили позиции Клодия в обществе, что не могло не отразиться на его отношениях с триумвирами. Популярность в среде плебса позволила ему претендовать теперь на самостоятельность при проведении политических мероприятий. Он умело использовал раздоры, которые внесли раскол в ряды оптиматов, и с этого времени в римском обществе появляется новая сила, способная в значительной степени определять его развитие.

2. CONCORDIA ORDINUM RESTITUTA

После успешного осуществления мер, направленных против лидеров сената, Клодий меняет свои политические ориентиры. Наиболее активные из числа приверженцев олигархического режима (Катон и Цицерон) были нейтрализованы. Цезарь отправился в провинцию, а у Помпея, видимо, после разрешения ситуации с его восточными распоряжениями вообще не было каких-либо определённых внутриримских планов. Успехи 59 и начала 58 гг., которые обуславливались активными действиями оппозиции, предопределили изменение политической ситуации к лету 58 г. Основные цели триумвиров были достигнуты, и после изгнания Цицерона они уже не предпринимают значимых мероприятий. Программа действий, подготовленная для Клодия его покровителями, считалась выполненной, а изменение обстановки в обществе позволило ему действовать уже самостоятельно. Воля триумвиров, влияние которых в обществе в значительной степени обеспечило успех его законодательных инициатив, теперь не является для него определяющим фактором при проведении политических акций.

Его независимость от лидеров оппозиции, подкреплённая приобретённым авторитетом в комициях, а также вооружёнными отрядами из сторонников, клиентов и рабов, должна была стать залогом будущих достижений на государственном поприще, так как Клодий не намеревался мириться с уготовленной ему ролью марионетки. Первой крупной «демонстрацией силы» с его стороны явилось «дело Тиграна», которое послужило поводом для разрыва отношений с Помпеем. Сын Тиграна II, находившийся под охраной претора Л. Флавия, одного из людей Помпея[51], с помощью Клодия сумел сбежать из-под стражи[52]. Участие в этом трибуна вызвало вполне прогнозируемую реакцию со стороны триумвира, спровоцировав возникновение конфликта между ними. Прежние заслуги теперь не имели никакого значения, так как данное мероприятие в некоторой степени ставило под сомнение восточные распоряжения Помпея. Его недовольство, впрочем, нисколько не смутило Клодия, который тем самым открыто бросал вызов триумвирам.

Трибун не ограничился этим, подготовив ещё более эффектное и эффективное в плане устрашения предприятие. 11 августа 58 г. его люди совершили покушение на Помпея. Вне всяких сомнений, эта акция не имела своей целью собственно устранение последнего. Она была призвана произвести значительное психологическое воздействие на одного из лидеров оппозиции. Клодий намеревался (как он уже это делал ранее по отношению к политическим противникам триумвиров) совершить акт устрашения, который должен был убедить его бывших покровителей в том, что, «отработав» деньги, полученные им в 61 г., в дальнейшем трибун не собирается участвовать в их политических интригах в сомнительной роли марионетки[53]. Его цель была достигнута, так как источники сообщают, что, опасаясь за свою жизнь, Помпей некоторое время после покушения воздерживался от посещений заседаний сената и практически не покидал своего дома[54].

Теперь приоритеты Клодия определялись собственными интересами и планами. Это триумвиры сумели ощутить уже в самое ближайшее время, когда он стал выступать не только против Помпея, но и против отсутствовавшего тогда в Риме Цезаря[55]. Данный факт явился свидетельством коренного поворота в его отношениях с оппозицией. Он претендовал на роль самостоятельного лидера, так как его политические позиции, в общем, позволяли ему быть независимым как от сенатской олигархии, так и от триумвиров.

Появление третьей стороны в противоборстве сторонников политики сената и оппозиционных сил, влияние которой внушало бы вполне определённые опасения и тем и другим, не входило в планы оптиматов. Намерения триумвиров сводились к использованию Клодия в целях проведения через народное собрание нужных законов и устрашения политических противников. После успешного выполнения возложенных на народного трибуна задач у них, видимо, не было каких-либо определённых планов в отношении него. Они предоставили ему свободу действий, чем Клодий не преминул воспользоваться. Учитывая тот факт, что сенат ещё не успел оправиться после поражений 59–58 гг., вследствие чего не представлял на данный момент какой-либо угрозы, он направляет внимание на своих всесильных покровителей. Направленность его действий и мотивация стали вскоре ясны для триумвиров (его потенциальные возможности в качестве лидера римской толпы им были вне всяких сомнений хорошо известны), и тогда же они, видимо, смогли осознать масштабы своих заблуждений относительно Клодия.

Акции последнего, которые должны были заставить Помпея и его коллег по триумвирату почувствовать в полной мере и на собственном примере его политическую состоятельность, привели к пересмотру их отношения к нему. Клодий становился опасным конкурентом не только для сената, но для своих вчерашних покровителей. Его отряды контролировали Форум, вследствие чего проведение каких-либо государственных мероприятий без участия народного трибуна представлялось крайне затруднительным. Это должны были учитывать и сенат и оппозиция. Данное обстоятельство заставило пересмотреть свои политические приоритеты обе враждовавшие стороны. Опасения в отношении Клодия привели их вновь, как это было уже в 63 г., к согласию. Противоречия, которые внесли раскол в блок оптиматов в 61–60 гг., им пришлось на время забыть, так как необходимость противодействия третьей стороне сделала их на определённый срок неактуальными.

В источниках, к сожалению, мы не находим сведений относительно прямых политических консультаций, предшествовавших собственно решению объединить усилия против Клодия. Такие консультации, которые носили неофициальный характер, велись в конце лета – осенью 58 г. и в течение 57 г.[56] Срок магистратуры Клодия закончился, но это, впрочем, отнюдь не помешало Клодию и далее активно «участвовать», пользуясь поддержкой городского плебса, а также опираясь на созданные им отряды, в работе комиций[57]. Его активность и нескрываемое желание продолжать деятельность на государственном поприще, участвуя в выборах должностных лиц, внушали тревогу политическим оппонентам. Им пришлось взять под контроль выборы народных трибунов на следующий год, чтобы каким-то образом воспрепятствовать мероприятиям Клодия[58].

Значительное внимание при этом уделялось «делу Цицерона». Цицерон через посредство своих доверенных лиц постоянно вёл переговоры, как с триумвирами, так и с другими влиятельными деятелями сената[59]. Ещё 1 июня 58 г. народный трибун Л. Нинний Квадрат представил законопроект о возвращении его из изгнания (Cic. red. in sen. 3). Эта акция, впрочем, не увенчалась успехом, так как коллега последнего по должности П. Элий Лигур наложил вето на данный законопроект. Следующая попытка была предпринята 29 октября 58 г., когда восемь народных трибунов внесли повторное предложение вернуть Цицерона из изгнания[60]. И на этот раз противникам Клодия не удалось осуществить задуманное вследствие интерцессии того же самого Элия Лигура. Показательным в данном случае явилось внесение законопроекта таким числом магистратов, что говорило о превалировании сочувствующих Цицерону над его недоброжелателями, а также, видимо, и о некотором смягчении позиции триумвиров.

Колебания триумвиров относительно возвращения Цицерона долгое время не позволяли прийти к консенсусу по данному вопросу[61]. Причём их мнения здесь, видимо, были различными. Если позиция Помпея представлялась внушающей надежду, в пользу чего косвенно может свидетельствовать высказывание Цицерона в речи *de domo sua*[62], что консул А. Габиний перестал активно сотрудничать с Клодием, то его «цезарианский» коллега Л. Кальпурний Пизон всё ещё продолжал сохранять с ним определённого

рода контакты. Цезарь, решая проблемы провинций, которые он получил в управление, также не оставался в стороне от событий, происходивших в Риме. Его обиды[63] на Цицерона всё ещё сохраняли свою актуальность вследствие несговорчивости последнего. Красноречие и авторитет «отца отечества» в обществе могли принести многочисленные выгоды политическим оппонентам триумвирата. Красс в этом вопросе занимал, по всей видимости, менее жёсткую позицию, чем Цезарь. Он никогда особенно не демонстрировал свою неприязнь по отношению к Цицерону, хотя эта неприязнь являлась общеизвестной и взаимной.

Переговоры шли с переменным успехом, что обусловливалось, главным образом, недоверием вчерашних политических противников друг к другу. Триумвиры принимали во внимание недовольство сенатской олигархии законами 59 и 58 гг. Помпей, в частности, испытывал определённую тревогу по поводу «сохранности» своих восточных распоряжений. Позиция сената по его возвращении с Востока в значительной степени повлияла тогда на решение объединиться с Крассом и Цезарем. Упорство олигархии в 59 г. удалось сломить лишь с помощью *popularis actio*, что не могло не отразиться на его взаимоотношениях с правящими кругами. Последнее обстоятельство должно было в наибольшей степени внушать тревогу представителям оппозиции, так как их политические оппоненты могли в любое время оспорить легитимность их мероприятий. Угроза новых демонстраций силы со стороны Клодия, впрочем, являлась достаточным раздражителем для обеих сторон, заставив их в итоге объединить усилия с целью её нейтрализации.

Цицерон, как кажется, сделал верные выводы относительно истории со своим изгнанием. Сенат, на который он возлагал большие надежды в борьбе с Клодием, не смог оказать ему поддержку, вследствие чего его позиция по отношению к триумвирам становится заметно мягче. В период изгнания Цицерон осознаёт, что без участия «трёхголового чудовища» его возвращение в Рим не представляется возможным. Для триумвиров же его возвращение, учитывая факт личной вражды с Клодием, представляло теперь возможность урезонить мятежного трибуна.

Всё вышеизложенное явилось причиной начала полномасштабной кампании по осуществлению данного мероприятия. 1 января 57 г. к исполнению консульских обязанностей приступают П. Корнелий Лентул Спинтер и Кв. Цецилий Метелл Непот, избрание которых стало следствием компромисса, достигнутого триумвирами и правящей элитой, так как первый из них считался приверженцем политики сената, а второй – триумвиров. Тогда же они предложили законопроект о возвращении Цицерона из изгнания. Окончательного решения принято не было. Данный вопрос должен был быть передан на рассмотрение народного собрания. Но 28 января 57 г., когда народный трибун Кв. Фабриций собирался внести предложение по этому поводу, Клодий и его отряды устроили столкновения с людьми Т. Анния Милона и П. Сестия. Враги Цицерона саботировали работу комиций, вследствие чего его возвращение было отложено на некоторое время. Подготовка этого события, впрочем, велась довольно интенсивно. В итоге работа, осуществлявшаяся при непосредственном участии Помпея, принесла свои плоды. 4 августа 57 г. согласно *lex Cornelia Caecilia* меры, предпринятые Цицероном в 63 г. по отношению к Катилине и его сторонникам, были признаны легитимными, в результате чего его возвращение стало возможным.

5 сентября он произнёс речь в сенате, а 7 сентября выступил перед народом. Воодушевление, охватившее Цицерона вследствие событий лета-осени 57 г., а также единая позиция сената и триумвиров в его деле заставили оратора вспомнить свой тезис о согласии сословий. В речах на процессе Сестия и об ответах гаруспиков Цицерон развивает его, указывая на деятельность Клодия как на причину, обусловившую восстановление согласия между оптиматами, т.е. между сенатом и триумвирами. Это согласие, конечно, являлось эфемерным, но красноречие величайшего оратора древности должно было убедить его современников, а также их потомков в справедливости данного тезиса.

Возвращение Цицерона стало большим успехом антиклодианской коалиции. Каждая

из принимавшей в ней участие сторон пошла на некоторые уступки в отношении своих политических противников. Сенат стал на некоторое время более сговорчивым в вопросах, представлявших интерес для триумвиров. Помпей получил в свои руки хлебное снабжение Рима. Цезарь, видимо, получил определённые гарантии насчёт своих консульских мероприятий. Его позиции в провинции были сильны, а проявлением расположения к нему сената стало назначение 15-дневных молебствий по поводу победы над нервиями[64].

Временное примирение сената и оппозиции с целью борьбы против Клодия, который стал представлять для обеих сторон реальную политическую угрозу ещё в ходе своего трибуната, не могло, впрочем, продлиться долго. Уже в следующем году их противоречия вновь обостряются. Клодий же, продемонстрировав свои возможности как самостоятельного политика, в дальнейшем продолжает пользоваться разногласиями оппозиции и правящих кругов, активно участвуя в общественной жизни в качестве третьей силы.

Деятельность Клодия возродила коалицию оптиматов, образовавшуюся, согласно Цицерону, в период борьбы против Катилины. Историческое значение данного события определяется, прежде всего, тем, что оно на некоторое время отсрочило гражданскую войну, так как главные политические силы того времени должны были считаться с Клодием и его сторонниками. Гибель последнего развязала руки сенатской олигархии в планах по проведению новой «модернизации» государственного строя (законы Гн. Помпея в период консульства *sine collega*), а оппозиции предоставила шанс избавиться от господства нобилитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наиболее подробное описание происшествия на Аппиевой дороге 18 января 52 г. мы находим у Цицерона и Аскония Педиана (в его комментарии к речи за Т. Анния Милона (Asc. Mil. 4–8)); см. также: Liv. Per. CVII; Vell. II. 47: Quo tempore, Publius Clodius a Milone, candidato consulatus, exemplo inutiliter facto sed salutari reipublicae, circa Bovillas, contracta ex occursu rixa, iugulatus est; Suet. Div. Iul. 26; App. BC. II. 21; Dio Cass. XL. 48: ὁ γοῦν Μίλων ὑπατείαν αἰτῶν τὸν Κλωδίον ἐν τῇ Ἀππίᾳ ὁδῷ συντυχόντα οἱ τὸ μὲν πρῶτον ἁπλῶς πως ἔτρωσεν, ἔπειτα δὲ φοβηθεὶς μὴ ἐπεξέλθῃ τῷ γεγονότι κατέσφαξεν.
2. У Диона Кассия (XL. 54) мы находим занимательную историю, связанную с перепиской Цицерона и Милона.
3. Это волнение было обусловлено присутствием воинов Помпея, которые являлись сдерживающим фактором для сторонников Клодия и Т. Анния Милона, не прекращавших столкновения и в период процесса. см. Asc. Mil. 1: Quod iudicium cum ageretur, exercitum in foro et in omnibus templis quae circum forum sunt collocatum a Cn. Pompeio fuisse; Dio Cass. XL. 54: ὁ γάρ ῥήτωρ ἐκεῖνος τόν τε Πομπήιον καὶ τοὺς στρατιώτας ἐν τῷ δικαστηρίῳ παρὰ τὸ καθεστηκὸς ἰδὼν ἐξεπλάγη καὶ κατέδεισεν…
4. Об этом наиболее красноречиво свидетельствуют события 19–20 января 52 г.
5. *Loposzko T., Kowalski H.* Catilina und Clodius – Analogien und Differenzen // Klio. 1990. Bd. 72. S. 201.
6. О влиянии движения Клодия на последующую трансформацию государственного строя Рима: ibid. S. 210.
7. Об этом подробнее во второй главе (моей дисс.).
8. Вопрос о самостоятельности Клодия как политика обычно не решается однозначно. Различаются определённые периоды в его деятельности: в первые месяцы трибуната он характеризуется как ставленник триумвиров, тогда как впоследствии его действия рассматриваются как самостоятельные. На протяжении всей своей карьеры он умело маневрировал между различными политическими силами, используя их возможности в

своих целях (*Loposzko T., Kowalski H.* Op. cit. S. 201, 205; *Rink B.* Diskussionsbemerkungen zu dem Aufsatz «Catilina und Clodius – Analogien und Differenze» von *T. Loposzko* und *H. Kowalski //* Klio. 1990. Bd. 72. S. 213); см.: *Lintott A.W.* The Violence in the Republican Rome. Oxford, 1968. P. 196; немаловажное значение имели также личные дарования Клодия, из которых наибольшую пользу ему принесли ораторские способности: *Loposzko T., Kowalski H.* Op. cit. S. 201.

9. У Плутарха рассказ об указанных событиях мы встречаем в жизнеописании Лукулла: Plut. Luc. 34.2; см. также: Cic. har. resp. 42; Sall. Hist. V. 12; Dio Cass. XXXVI. 14. 4.
10. Аргументацию Е. В. Смыкова (*Смыков Е.В.* Луций Лициний Лукулл: полководец и общественное мнение // АМА. 1999. Вып. 10. С. 58–59) нельзя признать вполне убедительной, так как в приведённом им фрагменте из переписки Цицерона (Cic. Att. I. 14. 2) мы не находим указания на то, что выступление Помпея в сенате следует воспринимать именно как речь *против* Клодия. Здесь можно согласиться с высказыванием Р. Сайма (*Syme R.* The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 33), охарактеризовавшего данную речь как многословную, но бессодержательную. Помпей, хотя и не сказал фактически ничего существенного, по словам Цицерона (Att. I. 14. 2), посчитал, что этими своими словами он в достаточной мере выразил отношение к делу Клодия. Его осторожность была, в общем, вполне прогнозируемой. Далеко не очевидно также, что процедура назначения судей, предложенная сенатом и одобренная тогда Помпеем, была менее выгодна для обвиняемого, чем традиционная, т.е. в соответствии со жребием. Немаловажную роль во всём этом деле сыграл, видимо, народный трибун Кв. Фуфий Кален (см. *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. Т. I. СПб., 1997. С. 187), который оказывал *посильное* содействие обвиняемому (опять же «след Помпея»). В конечном счёте, несмотря на очевидность преступления, Клодий был оправдан большинством голосов (31 против 25). Цицерон же пишет в данном случае лишь об одобрении решения сената. Специфика политической ситуации, сложившейся после возвращения полководца с Востока, но отнюдь не истинное отношение к Клодию, предопределила его поведение в ходе разбирательств по делу о святотатстве. Помпей выступил тогда не *против* Клодия, а *за* свои восточные мероприятия. Ссора с сенатом по этому вопросу могла нанести ощутимый вред планам относительно утверждения его восточных распоряжений. Поэтому он и занял в данном деле на первый взгляд довольно нейтральную позицию, действуя в пользу Клодия, видимо, через посредство Кв. Фуфия Калена. Враждебности в их взаимоотношениях мы не отмечаем (согласно имеющимся в нашем распоряжении сведениям источников) вплоть до событий лета 58 г. Но им предшествовали законы Клодия, которые не являлись для триумвиров (т.е., в частности, и для Помпея) крайне невыгодными.
11. Г. Ферреро не сомневается в том, что «брожение» в войске Лукулла было напрямую связано с агитацией Помпея, а Клодий являлся одним из тех, кто её непосредственно проводил на месте (*Ферреро Г.* Ук. соч. Т. I. С. 133, 134).
12. Cic. dom. 66: Cn. Pompeium, quem omnium iudicio longe principem esse civitatis videbat.
13. Cic. Att. I. 13. 3; Plut. Caes. 10. 8; Suet. Div. Iul. 74. 2; в источниках мы не находим единого мнения по поводу времени и места произнесения Цезарем его знаменитой фразы относительно причины развода с Помпеей (‘quoniam,’ inquit, ‘meos tam suspicione quam crimine iudico carere oportere. – Suet. Div. Iul. 74.2); см. по этой проблеме: *Gelzer M.* Caesar. Der Politiker und Staatsmann. Bd I–II. Stuttgart; Berlin, 1921. S. 54). Этот вопрос, впрочем, не представляется в данном случае крайне важным, хотя точка зрения М. Гельцера (ibidem) выглядит более предпочтительной. Клодий на празднике в честь Доброй богини: *Benner H.* Die Politik des P. Clodius Pulcher. Stuttgart, 1987. S. 38; *Cadoux T.J.* Catiline and the Vestal Virgins // Historia. 2005. Bd. 54.2. S. 176; *Ферреро Г.* Ук. соч. Т. I. С. 186.
14. Сам Клодий никогда особенно не скрывал (если верить сообщению Цицерона) того, что все свои законодательные мероприятия (это относится, конечно, к начальному периоду его трибуната) он проводил в соответствии с волей Помпея. Cic. dom. 66: …in eum ipsum se convertit quo auctore, quo adiutore in contionibus ea quae gerebat omnia quaeque

gesserat se et fecisse et facere dicebat: Cn. Pompeium… В данном случае словам Цицерона мы, в общем, можем доверять, так как в нашем распоряжении имеются весомые доказательства его правдивости, представленные изданными Клодием законами. Последний мог, впрочем, говорить об участии Помпея в подготовке его мероприятий также и в целях их «рекламы».

15. *Gelzer M.* Caesar. S. 54; см. также известный диалог между судьями и Кв. Лутацием Катулом (Cic. Att. I. 16. 5): quorum Catulus cum vidisset quendam, ‘quid vos’ inquit ‘praesidium a nobis postulabatis? an ne nummi vobis eriperentur timebatis?
16. *GelzermM.* Caesar... S. 53; ещё ранее (65 г.) Клодий выступал в качестве обвинителя против Л. Сергия Катилины. Эта его попытка заработать политический авторитет и громко заявить о себе в римском обществе закончилась неудачно (ibidem).
17. Cic. Att. I. 19. 5: is (народный трибун Геренний. – *Р.Л.*) ad plebem P. Clodium traducit idemque fert ut universus populus in campo Martio suffragium de re Clodi ferat. Как известно, первая попытка перевести Клодия из патрициев в плебеи была предпринята ещё до 59 г. Она датируется годом консульства Метелла Целера, т.е. 60 г. Об этом мы знаем из переписки и речей Цицерона – политического оппонента и личного врага Клодия. См. также: Cic. har. resp. 45: quod anno ante frater Metellus et concors etiam tum senatus, principe Cn. Pompeio dicente, excluserat acerrimeque una voce ac mente restiterat. См.: *Wiseman T.P.* Caesar, Pompey and Rome // CAH. 1994. Vol. 9 (2). P. 372 (his (Клодия. – *Р.Л.*) long-obstructed ‘transition’ to the plebs); подробнее о Клодии в год консульства Цезаря: *Rowland R.J.Jr.* Crassus, Clodius and Curio in the year 59 B.C. // Historia. 1966. Bd. 15. S. 217–223.
18. Suet. Div. Iul. 20: Cicerone in iudicio quodam deplorante temporum statum Publium Clodium inimicum eius, frustra iam pridem a patribus ad plebem transire nitentem, eodem die horaque nona transduxit. Цезарь, а также его коллеги по триумвирату, встретив ожесточённое сопротивление сената, решили, видимо, в корне изменить тактику ведения борьбы, хотя, в общем, трудно представить, что они не были готовы к подобному развитию событий. Позиция Цицерона, являвшегося тогда одним из наиболее видных сенаторов, считалась важной, но определяющим фактором стало отторжение законопроекта той частью высшего сословия, с которой попросту нельзя было договориться ни при каких условиях.
19. При активном содействии не только Цезаря, но и Помпея (*Benner H.* Op. cit. S. 42).
20. См. убийственную характеристику Клодия у Ферреро (*Ферреро Г.* Ук. соч. Т. I. С. 186): «Один из тех дегенератов, которые иногда встречаются в знатных фамилиях в последней степени их падения».
21. Эпизод из раннего периода в карьере Клодия, связанный с «делом весталок» 73 г., заставляет нас, впрочем, усомниться в наличии у него особой благожелательности по отношению к Крассу (*Cadoux T.J.* Op. cit. S. 173–179).
22. Вообще же в период своего трибуната Клодий предложил не менее 12 законопроектов: *Loposzko T., Kowalski H.* Op. cit. S. 204; *Will W.* Der römische Mob: soziale Konflikte in der späten Republik. Darmstadt, 1991. S. 70; *idem*: Julius Caesar: eine Bilanz. Stuttgart, 1992 . S. 115–119. Утверждены же они были consilio plebis. В задачи данного исследования не входит анализ всех законодательных актов, представленных им в различные периоды политической карьеры. Для нас наиболее важным видится изучение развития его отношений с теми, кого Цицерон характеризовал как *optimates*.
23. См. *Wiseman T.P.* Caesar… P. 378: Clodius’legislation… was technically dependent on the validity of Caesar’s acts as consul in 59. С этим утверждением Т. П. Уайзмена трудно не согласиться.
24. Lex Clodia de iure et tempore legum rogandum; см. *Rotondi G.* Leges publicae populi Romani. Darmstadt, 1990. S. 397.
25. Подобная демагогическая практика не могла встретить большого одобрения в среде римской элиты, так как Рим в период поздней Республики постоянно испытывал трудности с хлебным снабжением. Поэтому законы Г. Гракха и Л. Аппулея Сатурнина, предшествовавшие мероприятию Клодия, подвергались в своё время критике и встреча-

ли противодействие со стороны сената. В данной связи можно вспомнить также события времени квестуры Цицерона на Сицилии. См. аргументацию позиции последнего по вопросу «клодиева» снабжения в следующем месте: Cic. dom. 10. 25; средства на проведение этого мероприятия он отыскал немного позднее, получив их в ответ на определённого рода благодеяние: *Wiseman T.P.* Caesar… P. 379.

26. *Benner H.* Op. cit. S. 48.
27. Данный закон также следует отнести к числу мер, направленных на «обезоруживание» сената. История с Г. Саллюстием Криспом, который в силу своей близости к Цезарю был удостоен цензорами «чести» быть исключённым из числа сенаторов в преддверии гражданской войны, является красноречивым свидетельством в пользу важности этого «оружия» в ходе политической борьбы. Впоследствии действие этого закона было приостановлено («fu abrogato» – *Rotondi G.* Op. cit. S. 398) в 52 г. соответствии с *lex Caecilia*, после чего и стало возможным исключение Саллюстия из сената.
28. См. Cic. Sest. 55: ut conlegia non modo illa vetera contra senatus consultum restituerentur, sed [ab] uno gladiatore innumerabilia alia nova conscriberentur; здесь Цицерон говорит о том, что Клодий не только восстановил распущенные по постановлению сената квартальные коллегии, но и создал новые. Таким образом, речь в данном случае шла не просто о возобновлении деятельности древних коллегий, а, видимо, ещё и об определённых изменениях в их структуре и организации работы.
29. На основании постановления сената в 64 г.; см. *Rotondi G.* Leges... S. 393.
30. *Benner H.* Op. cit. S. 65–71; *Wiseman T.P.* Caesar… P. 378; *Машкин Н. А*. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 28–35; *Утченко С.Л.* Юлий Цезарь. М., 1976. С. 109–112; К. Э. Скэффер (*Schaffer Ch.* A. Catiline and Clodius: a social scientific approach to two practitioners of civil violence in the Late Roman Republic. Ann Arbor, 1979. P. 125) считает, что именно в политической организованности движения Клодия заключается успешность мероприятий, проводимых им в 50-е годы.
31. Согласно мнению Т. Лопошко и Х. Ковальского, главной же целью Клодия при осуществлении данного мероприятия являлось создание политического противовеса всесилию сената: *Loposzko T., Kowalski H.* Op. cit. S. 208.
32. Изменение политических методов оппозиции: *David J.M.* Conformisme et transgression: à propos du tribunat de la plebè à fin et de la République romaine // Klio. 1993. Bd. 75. S. 227.
33. *Benner H.* Op. cit. S. 30: «Somit war die plebs urbana in der späten Republik ein wichtiger politischer Machtfaktor»; о политической роли и ориентации городского плебса в период поздней Республики: *Boren H.C.* The urban side of the Gracchan economic crisis // The American Historical Review. 1958. Vol. 63. P. 891; *Brunt P.A.* The Fall of the Roman Republic. Oxford, 1988. P. 250 f.; *Pina Polo F.* Procedures and Functions of Civil and Military contiones in Rome // Klio. 1995. Bd. 77. S. 203–216; *Thommen L.* Les lieux de la plebè et de ses tribuns dans la Rome républicaine // Ibid. S. 358–370.
34. Народный трибунат стал в период поздней Республики главным оружием оппозиции (обозначаемой обычно в литературе как *populares*), которая, используя различные политические методы (*Doblhofer G.* Die Popularen der Jahre 111–90 v. Chr. Wien; Köln, 1990. S. 108–122; *Martin J.* Die Popularen in der Geschichte der Späten Republik. Freiburg i. Br., 1965. S. 220 f.; *Münzer F.* Die Entstehung des römischen Principats. Ein Beispiel des Wandels von Staatsformen. Münster, 1929. S. 8; порой самые экстремальные: *Bonneford-Coudry M.* Le Sénat de la République romaine. Roma, 1989. P. 561), боролась с его помощью против правящей олигархии; *Drummond A.* Rullus and the Sullan Possessores // Klio. 2000. Bd. 82. Hft.1. S. 126 f.; значение народного трибуната как политического института: *David J.M.* Op. cit. S. 219 f.
35. «Электорат» Клодия обозначается обычно как «multitudo»: *Loposzko T.* Trybunat Publiusza Klodiusza. Warszawa, 1974. S. 23–24.
36. Л. Кальпурний Пизон и А. Габиний, чья политическая ориентация не вызывала и не вызывает никаких сомнений.
37. *Rotondi G.* Op. cit. S. 397.

38. Этот этап заложил основы для дальнейшего успешного развития политической карьеры Клодия. Используя на обоюдовыгодных условиях возможности триумвиров, он укрепил свой авторитет в среде городского плебса, действуя впоследствии уже исключительно исходя из собственных интересов. Об этапах в политической карьере Клодия: *Lintott A.W.* The violence…P. 196.
39. О методах Клодия: *Benner H.* Op. cit. S. 40–41; *Loposzko T.*, *Kowalski H.* Op. cit. S. 208.
40. *Rotondi G.* Op. cit. S. 394
41. Г. Ферреро оценивает значение и политическую направленность этой меры следующим образом: «Это значило открыто поставить вопрос, законно ли было осуждение сенатом соучастников Катилины, и открыто угрожать партии, продолжавшей злоупотреблять доносами и процессами, относящимися к заговору Катилины» (*Ферреро Г.* Ук. соч. Т. I. С. 183); Vell. II. 45. 1: qui civem Romanum non damnatum interemisset, ei aqua et igni interdiceretur. quibus verbis etsi non nominabatur Cicero, tamen solus petebatur; в периохах Тита Ливия (Liv. Per. CIII) законы *de capite civis Romani* и *de exilio Ciceronis*: M. Cicero lege a P. Clodio tribuno plebis lata, quod indemnatos cives necavisset, in exsilium missus est.
42. Вопрос о противозаконности расправы над катилинариями поднимался задолго до трибуната Клодия. В 62 г. народный трибун Метелл Непот при содействии Цезаря и других представителей оппозиции представил закон, который призывал вернуть Помпея с армией в Италию для предотвращения впредь незаконных казней римских граждан. М. Порций Катон наложил вето на этот закон и после столкновений со сторонниками Метелла Непота и Цезаря, проходивших с переменным успехом, в итоге взял верх, вынудив своего коллегу покинуть Рим.
43. Т.е. образование первого триумвирата.
44. Сомнительно, что Клодий решился бы на данное мероприятие самостоятельно. Поддержка триумвиров была для него крайне необходимой. Утверждение Т. П. Уайзмена (*Wiseman T.P.* Caesar… P. 376) относительно того, что Клодий являлся на тот момент (т.е. ещё до вступления в должность народного трибуна) достаточно могущественным для осуществления задуманного («But Clodius himself was dangerously powerful») представляется не вполне убедительным, так как тогда он не обладал в достаточной мере расположением плебса, который стал его опорой лишь после законов, принятых 3 января 58 г.
45. В случае если бы вина Цицерона была доказана, его ожидал смертный приговор, которым в его консульство покарали катилинариев.
46. Доклад консула (3 декабря), а также неопровержимые доказательства существования заговора, полученные в ночь со 2 на 3 декабря 63 г. после захвата Тита Вольтурция с письмами для аллоброгов (Sall. Cat. 44–46), предопределили вынесение сенатом решения о смертном приговоре. На заседании 5 декабря Децим Юний Силан озвучил мнение большинства сенаторов, высказавшись за казнь заговорщиков. Выступление Цезаря (Sall. Cat. LI), который фактически первым, причём именно в ходе обсуждений 5 декабря, указал на юридическую уязвимость подобного постановления, не смогло повлиять на волю сената. Катон развеял сомнения сенаторов пламенной речью, и решение было вынесено.
47. Виновницей разлада между ними, как сообщают источники, являлась жена Цицерона Теренция, славившаяся своей сварливостью и ревновавшая мужа к одной из сестёр Клодия. Именно её ненависть к этой семье заставила оратора дать свидетельские показания, поставившие под сомнение правдивость обвиняемого. Заявление Клодия о том, что в злополучный день его вообще не было в городе, Цицерон опроверг, сообщив об их встрече, якобы имевшей место за несколько часов до происшествия в доме Цезаря. См. по этому вопросу: Plut. Cic. 29; немаловажную роль в возникновении вражды между ними сыграла позиция Клодия в «деле весталок» 73 г. (*Cadoux T.J.* Op. cit. S. 173–179). Обвинение тогда было предъявлено сестре Теренции – Фабии. Клодий пытался поставить под сомнение справедливость приговора, оправдавшего весталок (Plut. Cato min. 19.5).

48. Подобные попытки он предпринимал много раз, понимая, что в одиночку с этой проблемой ему будет нелегко справиться. Помпей несколько раз демонстрировал свою заинтересованность в неприкосновенности Цицерона (Cic. Q. Fr. I. 2.16). Эти обещания, впрочем, в действительности представляли ценность только для последнего, тогда как Помпей вряд ли рассматривал их серьёзно. См. также: Vell. II. 45. 2.
49. Это событие произошло на следующий день после того, как Цицерон отправился в добровольное изгнание (или, вернее сказать, бежал из города), т.е. 20 марта 58 г.
50. На их враждебность по отношению к нему Цицерон указывает много раз в своих политических речах и письмах.
51. См. законопроект 60 г., который предоставлял землю ветеранам Помпея (*Rotondi G.* Op. cit. S. 386).
52. Cic. dom. 66: Qui ex eius custodia per insidias regis amici filium hostem captivum surripuisset, et ea iniuria virum fortissimum lacessisset…; Cic. har. resp. 47.
53. См. комментарий Цицерона к действиям Клодия в отношении Помпея и его оценку влияния народного трибуна в обществе (Cic. dom. 67): ex quo (в первой части фразы приводятся совершённые Клодием «злодеяния») iudicare potestis quanta vis illa fuerit oriens et congregate, cum haec Cn. Pompeium terruerit iam distracta et exstincta.
54. Cic. dom. 67: Cn. Pompeium foro curiaque privarit domique continuerit; Cic. har. resp. 58: Cn. Pompeium ferro domum compulit.
55. Об этом говорит Цицерон в речи о своём доме (Cic. dom. 40).
56. Об этом свидетельствуют письма Цицерона (Cic. Att. III. 15. 3–5; 18. 1; Att. III. 22. 2; 23. 1. 5; fam. XIV. 1. 2; 2. 2)
57. Об их составе: *Benner H.* Op. cit. S. 63–83.
58. Это позволило оппонентам Клодия создать в следующем году (57 г.) своего рода противовес его отрядам. Трибуны 57 г. Анний Милон и Сестий сформировали собственные, состоявшие из клиентов и рабов, которые должны были в случае возникновения попыток давления на народное собрание дать отпор клодианцам.
59. Особенно активно, видимо, с Помпеем, который после событий лета 58 г. был более, чем какой-либо другой политик заинтересован в «укрощении» Клодия.
60. Т.е. уже после покушения на Помпея, который стал осенью более сговорчивым как раз в силу событий августа 58 г.; см. Cic. Att. III. 23. 4.
61. Об этом свидетельствует тот факт, что 29 октября 58 г. П. Элию Лигуру оказали поддержку консулы Л. Кальпурний Пизон и А. Габиний.
62. Cic. dom. XXV. 66: «Вначале Клодий рассчитывал на помощь консулов; впоследствии Габиний расторг этот союз, но Пизон всё-таки остался верен ему» (пер. В. О. Горенштейна).
63. Отказ Цицерона участвовать в работе аграрной комиссии, созданной в соответствии с *lex Iulia* (Vell. II. 45. 2: hoc sibi contraxisse videbatur Cicero, quod inter vigintiviros dividendo agro Campano esse noluisset), а также его неприятие методов триумвиров в законодательной деятельности и тех мер, что были приняты в консульство Цезаря, предопределили натянутость в их отношениях. «Отец отечества» вызвал его раздражение ещё и невниманием к предложению последовать в провинцию в качестве легата Цезаря. Когда «мирные» способы нейтрализации Цицерона не удалось реализовать, триумвиры отправили его в изгнание уже при помощи совсем других методов.
64. Caes. BG. II. 35: ob easque res ex litteris Caesaris dies quindecim supplicatio decreta est, quod ante id tempus accidit nulli.

R.V. Lapyrenok

PUBLIUS CLODIUS AND OPTIMATS

The article covers the most significant events from the history of a confrontation between Clodius and optimats who had direct influence on a political development of Rome before the

Civil war of 49-44 BC. At the first stage of Clodius' career as a politician, his popularity among plebs environment allowed him to claim for some independence when carrying out his political actions. After his break with Pompejus and Caesar, Clodius started playing a role of an self-dependent leader; his political positions allowed him to be independent both from the senatorial oligarchy and triumvirs. Clodius' activity revived a coalition of optimats, so the confrontation arose and deferred the civil war.

© 2007 г.

Н.С. Широкова

ЭКСПЕДИЦИИ ЦЕЗАРЯ В БРИТАНИЮ

Первое появление римлян в Британии произошло во время военных экспедиций Цезаря, предпринятых им в 55 и 54 гг. до н.э. Естественно, что исследователи римской Британии, обрисовав географическое положение острова, череду археологических культур, сменявших друг друга на территории страны в период бронзового и железного веков и череду кельтских миграций на остров в это время, обращаются к походам Цезаря, скрупулезно, шаг за шагом, следя за его действиями в Британии.[1] Особенно тщательно это делает Т.Р.Холмс, добрая половина основательной монографии которого посвящена походам Цезаря в Британию.[2]

Хотя первая экспедиция Цезаря датируется 55 г. до н.э., по мнению исследователей, он планировал высадиться в Британии за год до этого, еще в 56 г., но так как его планы в этом отношении не смогли осуществиться, то он их и не афишировал.[3] И Ш.Фрер, и Т.Р.Холмс полагают, что подавление Цезарем в 56 г. восстания венетов, живших на территории Бретани, было «необходимой прелюдией» для вторжения на Британские острова, так как Цезарь мог безопасно посадить свое войско на корабли для переправы в Британию только в том случае, если бы он господствовал над Ла-Маншем.[4] Однако Ла-Манш в это время был в руках венетов, обладавших мощным флотом, состоявшим из больших кораблей, построенных, как полагают, по образцу судов карфагенского торгового флота, так как венеты унаследовали коммерческие дороги и связи карфагенских купцов в Атлантике и в водах Британских морей. Благодаря своему флоту, венеты закрыли порты не только их собственной территории в Западной Бретани, но и всего западного побережья Северной Галлии, разрешая пользоваться этими портами только тем, кто платил им дань. По мнению Ш.Фрера,[5] одним из мотивов восстания венетов было опасение, что вторжение Цезаря на Британские острова прервет их торговлю с Британией. Таким образом, в 56 г. мысль о походе на Британские острова как бы носилась в воздухе, хотя Цезарь и не упоминал об этом в своих комментариях. В конце 56 г. Цезарь поспешил покорить племена моринов и менапиев, которые контролировали побережья Ла-Манша в районе Па-де-Кале. Именно из области моринов, по утверждению Цезаря (Caes. B.G., IY, 21), можно было кратчайшим путем переправиться в Британию.

В 55 г. после отражения широкомасштабного вторжения на территорию Галлии из-за Рейна двух германских племен узипетов и тенктеров Цезарь мог наконец обратиться к британским делам. По словам Страбона (Strabo, IV–V, 2), в качестве пункта отправления им был выбран порт Итий в области моринов (совр. Булонь). Очень кстати в лагерь Цезаря явились послы от значительной части племен моринов с извинениями за то, что в прошлом году они вели войну против римского народа (Caes. B.G., IY, 22). Цезарь принял их извинения и приказал им выдать большое число заложников, которые были приведены в его лагерь. Теперь он мог быть спокоен за свой тыл. Однако все-таки Цезарь приказал легатам Кв. Титурию Сабину и Л.Аурункулею Котте отвести часть войска в область менапиев и в те округа моринов, которые не прислали к нему послов, а легату

П.Сульпицию Руфу — занять гавань, разместив в ней достаточно большой отряд (Caes. B.G., IY, 22).

Подготовка к походу была основательной. Еще во время войны с венетами по приказу Цезаря был построен хорошо оснащенный флот: он «приказал строить военные корабли… организовать комплект гребцов и набирать матросов и кормчих» (Caes. B.G., III, 9). К началу первой экспедиции в Британию Цезарем были собраны 80 кораблей, на которых должны были быть переправлены два легиона пехоты, 18 большегрузных судов для перевоза конницы и военные корабли, которые Цезарь распределил между квестором, легатами и префектами (Caes. B.G., IY, 22).

Цезарь отплыл в Британию 25 или 26 августа 55 г. до н.э.[6] На следующий день в девять часов утра[7] первые корабли его флота вошли в гавань Дувра. Там он увидел огромные скалы, которые были усеяны множеством вооруженных британцев. «Естественные особенности этого пункта, — отметил Цезарь, — таковы, что горы очень близко подходят к морю и суживают его; таким образом, с этих высот возможен обстрел всего берега» (Caes. B.G., IY, 23). Осознав невозможность высадиться в этом месте, Цезарь около трех часов простоял на якоре, ожидая, пока подойдут медленнее двигавшиеся грузовые транспорты и используя это время, чтобы проинструктировать своих офицеров относительно предстоящих военных действий.

Когда прибыла оставшаяся часть флота, Цезарь двинулся на север, и высадка была произведена в той части побережья, где берег был «открытым и плоским» (Caes. B.G., IY, 23). Однако британцы следовали за римским флотом вдоль берега и были во-время на месте, чтобы помешать римским войскам высадиться на сушу. Из-за полого спускавшегося к воде пляжа римские войска были вынуждены прыгать в глубокую воду, поскольку большие римские корабли могли держаться на якоре только в глубоких местах, и тяжело вооруженные легионеры оказались в невыгодном положении по сравнению с местными жителями, которые стояли на берегу, или, если заходили в воду, то только на небольшую глубину. И, как говорит Цезарь, «при отличном знакомстве с местностью и полной свободой движения храбро стреляли в наших и налетали на своих хорошо обученных конях» (Caes. B.G., IY, 24).

Однако Цезарь умело использовал более легкие, чем грузовые, военные корабли, оснащенные метательными машинами, в состав экипажей которых входили пращники и лучники, так что римляне с этих кораблей осыпали врагов камнями из пращей, стрелами, метательными снарядами. Цезарь приказал также посадить солдат на шлюпки военных кораблей и посылал эти подкрепления туда, где складывалась особенно опасная ситуация. К тому же орлоносец Десятого легиона храбро прыгнул с корабля в воду и пошел с орлом на врагов. «Солдаты, — говорит Цезарь, — также последовали этому примеру и двинулись на врага» (Caes. B.G., IY, 25). В конце концов римляне захватили прочную точку опоры на прибрежном пляже и, перейдя в атаку, обратили британцев в бегство.

Однако римляне начали ощущать нехватку кавалерии, поскольку восемнадцать большегрузных судов, на которые была посажена конница, задержанные встречным ветром в восьми милях от порта Итиса — главного сборного пункта римлян для переправы в Британию, пропустили прилив и на следующий день были отнесены обратно к континенту неблагоприятными ветрами. Только четыре дня спустя показались приближавшиеся к британскому побережью транспорты с конницей. Но прежде, чем они смогли пристать к британскому берегу, внезапно разразившийся шторм разметал их в разные стороны, и они с большими трудностями возвратились на континент. Шторм совпал с полнолунием и чрезвычайно высоким приливом. Военные корабли римлян, на которых они отправились в Британию, вытащенные на берег, заливало волнами. Транспортные суда, стоявшие на якоре, не выдерживали натиска шторма и, или разбивались, или, лишившись оснастки, становились непригодными для использования. Таким образом, римляне потеряли значительную часть судов, на которых можно было вернуться обратно. Британцы, вожди которых после окончившегося неудачей сражения и бегства со всех сторон схо-

дились в лагерь Цезаря и отдавались под его покровительство, увидев затруднительное положение римлян, тотчас отложились и начали готовиться к новой войне.

Как всегда, в трудные моменты Цезарь действовал быстро и эффективно. Были организованы отряды, которые собирали урожай и свозили собранное с полей в римский лагерь. Остальные солдаты, работая весьма энергично, починили большую часть поврежденным штормом кораблей. В это время Седьмой легион, чья очередь была собирать урожай, попал в засаду, устроенную войском британцев, состоявшим в основном из боевых колесниц и конницы. Часовые, несшие караульную службу в римском лагере, заметили необычно большое облако пыли, поднявшееся в том направлении, в котором выступил легион. Заподозрив неладное, Цезарь двинулся на выручку и отогнал врагов, но опять сказалось отсутствие конницы: невозможно было довести до конца преследование разбитого врага. Тем не менее от британских вождей явились послы с предложением выдачи заложников, которые были взяты Цезарем и отправлены на материк. Сам он в ту же ночь, посадив все свое войско на корабли, вернулся в Галлию.

Таким образом, первая экспедиция Цезаря в Британию не дала слишком больших результатов. Нехватка кавалерии и большой ущерб, нанесенный его флоту штормом на море, явились причиной того, что Цезарь был прикован к побережью в районе Кента и не смог продвинуться вглубь страны, и если бы вожди британцев руководили военными действиями с большей решительностью, то Цезарь мог бы оказаться в очень опасном положении. В то же время определенный успех был налицо. Римлянам казался привлекательным тот факт, что впервые был пересечен океанский пролив и варвары Британии сдавались на милость победителя. В связи с этим римский сенат определил Цезарю беспрецедентное, длившееся двадцать дней, благодарственное молебствие (supplicatio) (Caes. B.G., IY, 38). Сам Цезарь во время первой экспедиции успел изучить характер британского сопротивления, впервые увидел боевые колесницы в сражении и понял, как можно справиться с ними. Кроме того, он выяснил, что вторгнувшаяся в Британию армия может захватить там достаточное для ее нужд количество хлеба, и нашел наиболее благоприятное место высадки на берег для экспедиции следующего года.

В 54 г. приготовления к экспедиции в Британию носили гораздо более масштабный характер, чем в предыдущем. В течение зимы были построены шестьсот транспортных судов особой конструкции и двадцать восемь военных кораблей. Включая суда, оставшиеся от экспедиции прошлого года, и некоторое количество каперов, флот, на котором Цезарь собирался переправиться в Британию в 54 г., насчитывал более восьмисот кораблей. Новые транспорты были ниже, чем обычные суда, чтобы их было легче загружать и легче вытаскивать на берег, а также шире нормы, чтобы могли нести больше груза; к тому же, снабжены веслами и парусами. Цезарь собрал в Булони большую армию: пять из его восьми легионов и две тысячи всадников должны были отправиться в Британию, Лабиен же с тремя легионами и двумя тысячами всадников был оставлен в Галлии, чтобы обеспечивать спокойствие страны.

Экспедиция отправилась после захода солнца шестого июля, и на следующее утро римляне увидели Британию слева. Дело в том, что в полночь ветер упал, и флот был отнесен течением далеко в сторону. Затем течение повернуло обратно, Цезарь приказал спустить весла на воду и усиленно грести, чтобы достичь той части острова, которая была известна ему по прошлому году как самая удобная для высадки (Caes. B.G., Y, 8). Ш.Фрер полагает, что римский флот причалил к берегу несколько севернее Дувра, между Дил Каслом и Сендвичем.[8] Побережье было пустынно, так как британцы, увидев на горизонте огромное количество римских кораблей, удалились с берега на высоты, расположенные внутри страны. Римляне высадились на берег в полдень и построили лагерь.

Когда Цезарь узнал от пленных, где расположена позиция, занятая британцами, он решился на смелый шаг, выступив против них той же ночью и решившись оставить корабли на якоре (поскольку берег был открытым и полого поднимающимся), а не вытаскивать их на сушу, тратя на это драгоценное время. Лагерь и флот были оставлены под прикрытием десяти когорт и трехсот всадников под командованием К.Атрия.

Ранним утром войско Цезаря подошло к реке Большой Стур и с легкостью отогнало британцев от переправы. Основной брод через реку лежал на будущем месте расположения Кентербри.[9] Никаких поселений здесь еще не существовало, но на холмах над рекой, в Бигбери, в полутора милях от брода, находилось высотное укрепление, расположенное в лесах и хорошо защищенное, как говорит Цезарь, «природой и человеческим искусством» (Caes. B.G., V, 9), в котором укрылись британцы, потерпевшие поражение на переправе через Стур.

Подходы к земляным укреплениям были блокированы поваленными деревьями, и британцы небольшими группами выскакивали из-за опушки леса и, осыпая римских солдат градом стрел, не давали им проникнуть внутрь форта. Однако, по словам Цезаря, солдаты Седьмого легиона, выстроившись в боевой порядок по принципу «черепахи» (то есть поднятыми над головой щитами образовав защитный навес) и подведя насыпь[10] (aggere) к укреплению британцев, заняли его и выбили неприятеля из леса (Caes. B.G., V, 9).

Захватом укрепления британцев в Бигбери закончилось сражение этого дня. Цезарь отложил преследование врага, так как нужно было еще укрепить лагерь. По мнению Ш.Фрера, лагерь Цезаря должен был располагаться в местечке Харблдаун, занимая приблизительно 150 акров земли.[11] На следующий день Цезарь разделил свое войско на три колонны, смешав пехоту и конницу, и начал преследовать врага.

В это время прибыли всадники, посланные Кв.Атрием, с известием, что шторм, разыгравшийся предыдущей ночью, нанес большой ущерб римскому флоту: почти все корабли были выброшены на берег. Отозвав войско, Цезарь приказал отступать к побережью, а сам отправился вперед, чтобы оценить ущерб. Прибыв к флоту, он увидел, что сорок кораблей уничтожено, но остальные еще можно починить. Это была длительная задержка: пришлось вытаскивать все корабли на берег и строить общее укрепление, которое бы защитило и флот, и лагерь, тратя на это драгоценное время. Работая днем и ночью, солдаты все сделали за десять дней. Цезарь написал также Лабиену, чтобы он прислал мастеров с континента и чтобы, кроме того, в Галлии было построено как можно больше кораблей, которые надлежало переправить в Британию.

Десятидневная задержка Цезаря очень помогла британцам. Оставив свои разногласия (между соседними британскими племенами шли бесконечные войны), они избрали Кассивеллавна верховным главнокомандующим всеми британскими войсками. Кассивеллавн, которого Ш.Фрер называет «первой британской исторической личностью»,[12] правил племенами, жившими за Темзой. Вероятно, это были катувеллавны, которые позднее широко распространились по территории к северу от Темзы, включая земли Хертфордшира, Букингемшира, Кембриджшира. Во времена Цезаря район расселения катувеллавнов не был ни таким обширным, ни таким четко очерченным, но Кассивеллавн несомненно был у них выдающимся военным вождем. Большая союзная армия, собранная под его командованием, ожидала Цезаря возле переправы через Стур.

Явившийся туда Цезарь успел построить свое войско в правильный боевой порядок. Несмотря на то, что всадники и колесницы британцев атаковали римскую конницу еще на подходе и вступили с ней в яростную схватку, их атака была отбита римлянами по всем направлениям, британцы отступили и укрылись на лесистых высотах поблизости от реки. Далее Цезарь рассказывает, что, когда ничего не подозревавшие римляне были заняты постройкой и укреплением лагеря, неприятели неожиданно выскочили из леса, напали на караульные посты, стоявшие перед лагерем, и завязали ожесточенное сражение (Caes. B.G., V, 15). Цезарь послал на помощь часовым две когорты, построившиеся на некотором расстоянии одна от другой. Британцы же, бросившись в этой интервал, прорвались сквозь строй когорт и отступили без потерь.

Рассказывая об этом сражении, Цезарь останавливается на особенностях военной тактики британцев и дает развернутое описание тех опасностей, которые она представляла для римлян. Таким образом, Комментарии Цезаря являются важным источником по военному делу британских кельтов. Впервые Цезарь обратился к этим сюжетам еще в 33

главе IV книги Записок о галльской войне в рассказе о первой экспедиции в Британию.

Тогда Цезарь впервые увидел, как кельты сражаются на боевых колесницах. Такого опыта в Галлии у Цезаря не было, и сначала его солдатам трудно было приспособиться к сражениям такого типа. Другие античные авторы свидетельствуют о наличии боевых колесниц у кельтов, живших в разных регионах античного мира. В эпоху гораздо более раннюю, чем время Цезаря, кельты (галлы), жившие в Северной Италии, имели не только всадников, но и воинов, сражавшихся с колесниц. В битве при Сентине в 295 г. до н.э., согласно Титу Ливию, участвовала тысяча таких кельтских колесниц (Liv., X, 28, 30). В битве при Теламоне в 225 г. сражались двадцать тысяч кельтских воинов или верхом на лошади, или на боевых колесницах (Polib., II, 23). В битве при Кластидии в 222 г. галльский царь Вирдомар, взойдя на колесницу, метал копья в своих противников (Properc., IV, 10, 39–44). В Галлии в 121 г. царь арвернов Битуит сражался на серебряной колеснице при слиянии Изера и Роны (Flor., III, 2). Диодор Сицилийский, копируя более раннего автора, без сомнения, Посидония, говорит, что во время боя галлы пользовались боевыми колесницами, запряженными парой лошадей. На каждой колеснице находились возница и воин. Воины руководили атаками колесниц, направленными против всадников. Они метали копья, затем, спустившись с колесницы, сражались с мечом в руке (Diod., V, 29).

Когда Цезарь прибыл в Галлию, в галльских армиях, кажется, уже не было колесниц. Однако они сохранялись в Британии. Страбон (IV, 5, 2), Тацит (Agric., 12), Дион Кассий (LXXVI, 12) говорят о боевых колесницах британцев, в особенности, жителей Каледонии. Британские колесницы были способны продвигаться по любой местности; их тащили маленькие лошадки, быстрые и выносливые. Спорным является вопрос, были ли кельтские колесницы снабжены косами. Лукиан (Stratagem, II, 3, 18), рассказывая о битве, выигранной Антиохом Сотером у галатов в 272 г. до н.э., сообщает, что по фронту галатской армии стояли, готовые броситься вперед, восемьдесят колесниц, вооруженных косами, и вдвое больше обычных колесниц. Однако Ж.Доттен отмечает, что источником Лукиана, кажется, была эпическая поэма Симонида из Магнезии, и все детали, которые он приводит о числе и вооружении галлов, не имеют никакой исторической ценности.[13] Таково же мнение Ш.Фрера, который считает сообщения некоторых классических авторов о том, что боевые колесницы кельтов имели оси, оканчивающиеся косами, ошибочными (поскольку ничего подобного не засвидетельствовано ни Цезарем, ни археологическим материалом), полагая, что они путали кельтские колесницы с персидскими.[14]

Цезарь, впервые встретивший боевые колесницы британцев во время своей первой экспедиции, в 33 главе IV книги своих Комментариев подробно описал, видимо, поразившую его тактику сражения кельтов с применением боевых колесниц. Она состояла в том, что кельты быстро гнали колесницы по всему полю битвы во всех направлениях, бросая дротики и порождая смятение и панику в рядах врага стремительным движением лошадей и стуком колес. Если колесницам удавалось пробраться в промежутки между эскадронами неприятельской конницы, то находившиеся на них кельтские воины соскакивали и сражались пешими, а возницы отводили колесницы и ставили их таким образом, чтобы быть под рукой и придти на помощь при необходимости срочного отступления. Таким образом, воины, сражавшиеся с колесниц, соединяли мобильность и скорость конницы с устойчивостью пехоты. «И благодаря ежедневному опыту и упражнению, — писал Цезарь, — британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгивать в колесницу» (Caes. B.G., IV, 33). Такая тактика сражения произвела на Цезаря очень большое впечатление, в чем он признается в начале следующей главы: «Все эти маневры и необычайный способ сражения привели наших в большое замешательство» (Caes. B.G., IV, 34).

Второй раз Цезарь был поражен военной тактикой британцев, использовавших конницу и боевые колесницы, во время второй экспедиции, когда, как указывалось выше,

британцы напали на караульные посты римлян, строивших и укреплявших лагерь. По поводу смелого прорыва британцев через строй римских когорт Цезарь замечает: «Так как невиданные боевые приемы врага привели наших в полное замешательство, то неприятели с чрезвычайной отвагой прорвались сквозь них и отступили без потерь» (Caes. B.G., V, 15).

Далее Цезарь подробно анализирует «боевые приемы врага» и те опасности, которые они таили для римских солдат. Британцы сражались не в тесном строю, а небольшими группами, которые были отделены друг от друга широкими интервалами. Когда какую-либо группу начинали сильно теснить легионеры, составлявшие ее солдаты, убегали, а римляне, обремененные своим тяжелым вооружением, не могли их эффективно преследовать. К тому же, легионеры и их командиры, приученные сражаться, двигаясь компактной массой, не решались нарушить строй и не могли приспособиться к неожиданной для них тактике противника. Римская конница могла догнать колесницы британцев. Однако римские всадники, слишком удалившись от поддерживавших их легионов, оказывались беспомощными перед британскими воинами, которые соскакивали с колесниц и начинали сражаться в пешем строю при поддержке своей конницы. Правильная тактика сражения с боевыми колесницами британцев, как вскоре стало ясно Цезарю, состояла в том, чтобы конница и пехота держались вместе и действовали в согласии друг с другом. После этого британские колесницы особых беспокойств больше римлянам не доставляли.

Новая тактика римлян принесла свои плоды уже на следующий день после сражения британцев с передовыми постами римлян у переправы через Стур. Как и в прошлом году, британцы попытались атаковать римский отряд, посланный на заготовку фуража. По словам Цезаря, «они вдруг со всех сторон налетели на фуражиров и не побоялись даже приблизиться к легионам, стоявшим в боевом порядке» (Caes. B.G., V, 17). Однако на этот раз в римской колонне, которой командовал Г.Требоний, были не только три легиона, но и вся конница. Римляне отбросили неприятелей и преследовали их до тех пор, пока всадники, опираясь на поддержку следовавших за ними легионов, не разгромили их окончательно, не дав «им возможности собраться, остановиться и соскочить с колесниц». Цезарь отмечает, что после этого случая британцы больше уже ни разу не вводили в сражение с ними слишком больших сил; к тому же, отряды союзников, со всех сторон собравшиеся к Кассивеллавну, рассеялись, и он остался один.

В связи с этим Цезарь направился во владения Кассивеллавна, который остался его единственным противником, и подошел к Темзе, являвшейся южной границей царства этого британского вождя. По словам Цезаря, реку можно было перейти вброд только в одном месте, и это было сделано с большими трудностями. Британцы укрепили противоположный берег реки острыми кольями, и такие же колья были вбиты под водой, защищая переправу. Однако римские солдаты форсировали переход стремительно и быстро, идя по шею в воде. Британцы, стоявшие в боевом порядке на противоположном берегу, не выдержали совместной атаки пехоты и конницы римлян и отступили (Caes. B.G., V, 18).

Исследователей занимает вопрос, где был расположен брод, по которому Цезарь переправился через Темзу. По мнению Т.Р.Холмса, он пересек Темзу в Брентфорде или недалеко от него.[15] Ш.Фрер же замечает, что стремление антикваров поместить знаменитый брод в такие места, как Брентфорд или Уолтон, связаны с тем, что там были найдены остатки кольев. Однако эти места расположены слишком далеко вверх по течению, чтобы видеть в них возможные места переправы через Темзу армии Цезаря. Наличие же кольев, может быть, легче объяснить тем, что здесь могли находиться свайные жилища ли запруды для ловли рыбы. Сам Ш.Фрер склоняется к мысли, что Цезарь нашел брод и через Темзу в районе Лондона. Он замечает, что в 43 г. н.э. армия Клавдия переправилась через Темзу именно здесь, и Ш.Фреру кажется странным, чтобы Цезарь пропустил эту удобную переправу. Поскольку сам Цезарь говорит, что после того, как он пересек реку, он оказался на территории тринованов (Эссекс), то скорее всего переправа находилась в районе Лондона.[16]

Далее Цезарь описывает тактику партизанской войны, которая была разумно выбрана Кассивеллавном для борьбы с армией римлян. Распустив пехоту, он оставил себе только около четырех тысяч боевых колесниц. В области к северу от Темзы, густо покрытой лесами, где находились главные владения Кассивеллавна, он и его люди прекрасно знали все дороги и потайные тропы. Держась в стороне от дороги, в трудно доступных лесистых местах, Кассивеллавн с его отрядом боевых колесниц следовал параллельно путям продвижения римлян, затем обгонял их, сгонял скот и население в леса, оставляя пустынную местность, по которой приходилось двигаться римской армии. Когда римская конница отваживалась слишком углубляться в лес, Кассивеллавн выпускал боевые колесницы, которые, двигаясь тайными дорогами и тропинками, настигали конницу римлян и ввязывались с ней в опасные сражения. Цезарь, уже имевший опыт военных столкновений с боевыми колесницами британцев, держал конницу в непосредственной связи с колонной легионов. В связи с этим, поскольку пехота не отдалялась от конницы, Цезарь не мог использовать в большом масштабе встречную тактику нанесения ущерба врагу опустошением окружающей местности.

Однако, по образному выражению Ш.Фрера, у Цезаря «была еще одна карта в рукаве».[17] Молодой вождь триновантов Мандубракий, когда его отец был убит Кассивеллавном, ускользнул к Цезарю в Галлию. И теперь тринованты отправили послов к Цезарю, предлагая перейти на его сторону и прося, чтобы он позволил молодому принцу наследовать царскую власть его отца. Они послали Цезарю заложников и запасы зерна, он принял триновантов под свое покровительство: и теперь римские войска более не опустошали их территории, и Кассивеллавн опасался на них нападать. Тогда примеру триновантов последовали и другие британские племена — ценимагны, сегонтиаки, анкалиты, биброки и кассы.

От своих новых союзников Цезарь узнал, что недалеко находится оппидум Кассивеллавна, «защищенный лесами и болотами, и что в нем собрано довольно большое количество людей и скота» (Caes. B.G., V, 21). Далее Цезарь поясняет, что представляет собой британский оппидум: «Городом (oppidum) британцы называют всякое место в труднопроходимом лесу, защищенное валом и рвом; туда они обыкновенно спасаются от неприятельских набегов» (Caes. B.G., V, 21 — пер. М.М.Покровского).[18]

По мнению Т.Р.Холмса, оппидум Кассивеллавна находился по соседству с Сент Эльбенс, на том месте, где позднее расположился Веруламий — столица сына и преемника Кассивеллавна.[19] Ш.Фрер идентифицирует его с местечком Уитемпстед.[20] В том и в другом случае речь идет о местностях, расположенных на западном берегу реки Ли, которая образовывала границу царства триновантов.

Цезарь со своими легионами подошел к крепости, которая оказалась отлично защищена «природой и человеческим искусством» (Caes. B.G., V, 21). Рассказ Цезаря дает представление о том, что на последнем этапе этой военной кампании в полной мере проявились стратегическое искусство Кассивеллавна и его умение руководить военными действиям. Когда Цезарь был уже у ворот крепости, Кассивеллавн послал приказ четырем царям, правившим в Кенте, атаковать римский лагерь на морском побережье, защищавший стоянку римского флота. Этот приказ Кассивеллавна, хотя положение его было чрезвычайно ненадежно и будущее сулило самые мрачные перспективы, был исполнен. Если бы атака удалась, то в очень опасном положении оказался бы уже Цезарь. Однако гарнизон римского лагеря легко отбил атаку британцев, и, узнав об этом, Кассивеллавн сдался Цезарю.

Проведя переговоры с Кассивеллавном при посредничестве атребата Коммия, которого Цезарь считал чрезвычайно преданным человеком, он потребовал от британцев выдачи заложников и определил размеры дани, которую они должны были ежегодно выплачивать Риму, а также запретил наносить какой-либо ущерб триновантам и Мандубракию (Caes. B.G., V, 22).

Когда заложники были выданы без промедления, Цезарь с войском и пленниками отправился обратно на побережье. О переправе римского войска в Галлию известно из

текста Цезаря и переписки Цицерона. На побережье все корабли, которые было возможно починить, были уже готовы к плаванию. Однако, так как у Цезаря было много пленных и несколько кораблей потонуло во время бури, он решил перевезти войска на материк в два приема. С первым конвоем отправился курьер, который вез письма, адресованные Цицерону от Цезаря и младшего брата Цицерона Квинта. По этому поводу Цицерон писал своему другу Аттику: «26 сентября я получил письма от моего брата Квинта и Цезаря, отправленные ими 29 августа с британского побережья, лежащего напротив Галлии. Они, завершив дела в Британии, получив заложников, наложив дань на британские племена, хотя и не взяв никакой добычи, собрались переправить армию обратно из Британии в Галлию» (Cic., Att., IV, 18, 25).

Цезарь ожидал, что, когда транспортные суда, высадив первую партию отправленных на них солдат на галльском берегу, вернутся, то их будут сопровождать еще шестьдесят кораблей, построенных Лабиеном. Однако к месту назначения вернулось только небольшое число тех и других кораблей, остальные были отброшены назад бурей. День за днем Цезарь ожидал их со все возрастающей тревогой, потому что вскоре могли налететь сильные штормовые ветры, обычно сопутствующие осеннему равноденствию. В конце концов он решил не ждать больше и, теснее посадив солдат на немногие имеющиеся в наличии корабли, благодаря тому, что море еще было совершенно спокойным, снявшись с якоря вечером («в начале второй стражи»), на рассвете благополучно достиг галльского берега со всей своей эскадрой (Caes. B.G., V, 23).

Экспедиции Цезаря в Британию не имели своим результатом завоевание острова, которое оставалось делом будущего. Это было понятно и современникам Цезаря, и людям последующих поколений. Лучше всего результат британских походов Цезаря резюмировал Тацит, который писал: «Первым римлянином, вступившим с войском на землю Британии, был божественный Юлий, и хотя, выиграв сражение, он устрашил ее обитателей и захватил побережье, все же в нем следует видеть не столько завоевателя этой страны, сколько того, кто указал на нее потомкам» (Tac. Agric., 13).

Многие современные исследователи, следуя за античными авторами — за Страбоном, писавшим, что Цезарь в Британии не совершил ничего великого и даже не проник далеко в глубь страны (Strabo, IV, V, 3), за Светонием, называвшим экспедицию в Британию одной из трех неудач жизни Цезаря (Suet., Caes., 25), и другими, — считают, что британские экспедиции Цезаря были неуспешными.[21] М.С.Садовская полагает, что нет оснований говорить о политическом успехе экспедиций Цезаря, поскольку добыча, привезенная Цезарем из Британии, была невелика и мало пополнила его казну, так как одна только транспортировка войск, ремонт и строительство кораблей стоили очень дорого.[22] Однако не известно, насколько справедливо сводить политические результаты британских походов Цезаря к таким чисто утилитарным моментам. Во всяком случае, такой подход к проблеме чрезвычайно суживает ее.

Между тем походы Цезаря в Британию были связаны с важнейшими аспектами римской истории и античной цивилизации в целом не только экономического и социально-политического, но и философского характера.

Как справедливо было замечено многими исследователями, важнейшим фактором существования и развития римской республики и самого процесса перехода от республики к империи был военный фактор — внешняя агрессия Рима, шедшая по всем направлениям античной ойкумены.[23] Если на Востоке в результате походов Суллы и Помпея были сделаны большие территориальные приобретения, то Крайний Запад (Британские острова, отделенные от материка Ла-Маншем), еще оставались недоступными римскому оружию. Однако мысль о завоевании Британии, которая виделась современникам Цезаря сказочным островом, западным Эльдорадо, носилась в воздухе. Цицерону казалось, что сведения о Британии, которые ему будет поставлять в письмах его младший брат Квинт, бывший участником походов Цезаря, позволят ему сочинить героическую поэму о прекрасном острове и о его завоевании в результате военных подвигов Цезаря и его войска.

«Ты только дай мне Британию, — писал он брату Квинту, — которую я разрисую твоими красками, но своей кистью» (Cic., Q., fr., II, 13, 2). Однако реальные сведения о Британии, полученные в результате экспедиций Цезаря, чрезвычайно разочаровали Цицерона. В июне 54 г. он писал своему другу Аттику, что в Риме с тревогой ожидают исхода войны в Британии, «так как известно, что подступы к острову укреплены поражающими воображение глыбами скал. Известно также, что там нет ни крупинки серебра и никакой надежды на добычу, разве только на рабов; но ты, я думаю, не ждешь, что кто-нибудь из них окажется обученным науке или музыке» (Cic., Att., IV, 16). Так в размышлениях о еще неведомом и, может быть, чудесном острове даже у философа, эрудита и утонченного эстета Цицерона на первом месте стоит чисто меркантильный интерес.

В этом нет ничего удивительного. Реакция Цицерона вполне естественна. М.Кэри и Е.Уормингтон, специалисты по античной географии, отмечали, что мотивы античных путешественников по большей части имели материальный характер. Они не ставили перед собой другой цели, кроме стремления приобрести богатство. К этой цели их влекли равным образом правдоподобные сообщения о больших состояниях, приобретенных путешественниками в чужих странах, и рассказы о сказочных Эльдорадо, ожидающих своих первооткрывателей далеко от известных дорог.[24] И тем более интересна была в этом плане Британия, лежавшая буквально «под боком» и отделенная от европейского материка только узким проливом.

Цезарь, первый римлянин, ступивший на землю острова, явился первооткрывателем Британии, и в качестве такового он прекрасно понимал необходимость познакомиться самому и познакомить читателей «Записок о Галльской войне» — своих соотечественников с новой, еще неизвестной страной. Перед началом первой экспедиции в Британию, в 55 г. до н.э., Цезарь писал, что «он … считал полезным для себя хотя бы только вступить на этот остров, познакомиться с его населением и добыть сведения о его местностях, гаванях и удобных для высадки пунктах» (Caes. B.G., IV, 20).

Так же, как и в Галлии, во время пребывания в Британии, несмотря на напряженно складывавшуюся ситуацию и проводимые им военные операции, Цезарь собирал материалы о географическом положении, природе, населении острова, на основании использования которых написан этно-географический очерк о Британии, помещенный в V книге его сочинения. Как и в случае с галльской этнографией Цезаря, пытаются определить его источники для этого раздела, посвященного Британии, тем более, что он сам дает указание, что такие источники (помимо его личных наблюдений) у него были. Цезарь рассказывает, что на некоторых небольших островках, расположенных рядом с Британией, наблюдается удивительное, с его точки зрения, явление: «многие писатели сообщают, что там во время зимнего солнцеворота тридцать суток продолжается ночь» (Caes. B.G., V, 13).

Считается, что галльский этнографический материал Цезаря, помимо его личных наблюдений, имеет более ранние греческие источники — в особенности, это текст Посидония, известного философа-стоика, а также этнографа и историка II–I вв. до н.э., на том основании, что тексты о человеческих жертвоприношениях у кельтов Цезаря, а также Диодора и Страбона (о которых достоверно известно, что их источником был Посидоний) практически идентичны. Все три автора относятся к одной группе источников, которую называют посидониевской традицией.[25]

В этой традиции самым реалистическим, исполненным метких наблюдений текстом по этнографии британских кельтов, является рассказ Диодора о месторождении олова в Корнуолле и о работе шахтеров, его добывающих. Диодор пишет следующее: «На британском мысе, который называется Белерион, местные жители… добывают олово, искусно обрабатывая содержащую его руду. Это месторождение скалисто, но содержит земляные участки, в которых прорывают галереи. В них плавят руду и получают чистое олово. Измельчив олово и придав ему форму астрагалов (игральных косточек), перевозят на соседний остров, названный Иктис. Они ждут, чтобы прилив, удаляясь, высушил пролив, и транспортируют олово, доверху нагрузив повозки» (Diod., V, 22, 2).

Уже давно было замечено, что это свидетельство человека, который побывал в Корнуолле и собственными глазами видел месторождение и добычу олова, о которых писал.[26] Поскольку галльская этнография Диодора восходит к Посидонию, то была сделана попытка объявить его источником и приведенного выше текста и вообще всех этно-географических очерков о кельтской Британии, принадлежавших авторам посидониевской традиции, в том числе и Цезарю.[27] Однако путешествия Посидония в Британию являются плодом фантазии современных исследователей, поскольку нет ни одного свидетельства о том, что он когда-нибудь пересекал Ла-Манш.

Гораздо более вероятным источником текста Диодора и других этно-географических описаний кельтской Британии, сделанных авторами так называемой посидониевской группы, в том числе и Цезарем, является сочинение великого массалиотского путешественника и исследователя IV в. до н.э. Пифея, совершившего один из величайших периплов древности. Как известно, выйдя их Массалии (совр. Марсель), пройдя через Геракловы столбы (пр. Гибралтар), затем двигаясь вдоль европейских побережий, он вышел в Северное море, дошел до Балтики, а затем вернулся в Гадес (совр. Кадикс). В ходе своего беспримерного плавания Пифей обследовал Британские острова. Он действительно побывал на мысе Белерион (совр. Лендс-Энд), затем, начиная с него, он сделал полный круг вдоль британского побережья, возвратившись в свою отправную точку.

К тому же, явление длинных зимних ночей, характерное для северных стран, о котором сообщает Цезарь, было в круге интересов Пифея. Г.Брош, пятнадцать лет посвятивший изучению путешествия Пифея, писал, что «он всю свою жизнь был одержим космической тайной Севера».[28] Еще до начала путешествия Пифей определил положение северного полюса. Затем, совершая свой перипл, он от северного берега Шотландии прошел до острова Туле, который, по представлениям древних, являлся самым северным пределом обитаемого мира.

В своем этно-географическом очерке о Британии Цезарь пишет о населении острова (о его происхождении, занятиях и обычаях), о климате, флоре и фауне, о географическом расположении острова, о его размерах. По его свидетельству, племена, населявшие внутреннюю часть Британии, были местного происхождения, а жители приморских областей — выходцами из Белгики (северо-восточного района Галлии). Цезарь отмечает, что они носят названия тех племен, от которых происходят. Более цивилизованными Цезарю казались жители приморских районов (особенно Кантия — совр. Кент); по его мнению, их образ жизни немногим отличался от образа жизни галлов. «Население здесь, — писал Цезарь, — чрезвычайно густо, дворы находятся очень близко друг от друга и большей частью похожи на галльские; скота очень много» (Caes. B.G., V, 12). Он отмечал, что климат в Британии мягче, чем в Галлии, так как холода не так сильны, а флора и фауна напоминают галльские.

При чтении свидетельства Цезаря создается впечатление, что оно написано не только по греческим источникам, но в нем большую роль играют личные впечатления Цезаря, внимательного и острого наблюдателя. Так, по поводу растительного мира Британии Цезарь замечает: «Лес растет всякий, как в Галлии, кроме бука и ели» (Caes. B.G., V, 12). Кроме того, говоря о явлении длинных зимних ночей, на островах, расположенных рядом с Британией, которое ему известно по письменным источникам, Цезарь добавляет: «Но мы в своих расспросах таких сведений не получали и только на основании точных измерений посредством водяных часов видели, что ночь там короче, чем на материке» (Caes. B.G., V, 13).

Может быть, самой примечательной частью цезаревского описания Британии являются приведенные им географические характеристики острова. Цезарь сообщает, что остров имеет форму треугольника, южная сторона которого, расположенная напротив Галлии, насчитывает в длину около пятисот миль. Западная сторона, обращенная к Испании, — семьсот миль в длину. Цезарь отмечает, что в этом же направлении расположена Иберния (Ирландия), которая вдвое меньше Британии. Наконец третья сторона обращена на север и простирается на восемьсот миль в длину. Самым удивительным в

этом сообщении Цезаря является приблизительная точность в подсчетах размеров острова. Цезарь признается, что эти сведения были извлечены им из письменных источников. Однако, каковы бы ни были эти источники, они не восходили ни прямо, ни косвенно к сочинениям Пифея, который более чем в два раза преувеличил размеры Британии (Diod., V, 21, 3).[29] В то же время, следуя за Пифеем, Цезарь правильно определил местоположение Ирландии.[30]

Таким образом, все сказанное выше об этно-географическом описании Британии, помещенном в V книге «Записок о Галльской войне», дает представление о том, что Цезарь тщательно собирал сведения о новой, еще неизвестной стране, используя и свои собственные наблюдения, и информацию, полученную из письменных источников (из сочинения Пифея и др.), чтобы самому познакомиться с Британией и познакомить с ней своих соотечественников. Мотивы этого были прежде всего, конечно, военные (вновь открытый остров нужно было завоевать) и политические (завоевав, превратить его в римскую провинцию).

Кроме этих конкретных причин, интерес к Британии Цезаря, хорошо знавшего греческую и римскую литературу, был связан с развивавшемся в античном мире со времен кризиса греческого полиса социально-философским теоретизированием, целью которого было найти выход из кризисного состояния, противопоставив характерным для него упадку и разложению другие общества со счастливой и прекрасной жизнью. В основе этого теоретизирования лежало представление о блаженных первобытных временах, о царстве Кроноса, которое отождествлялось со счастливым «золотым веком».

Греческие социальные утопии, рисовавшие идеальные картины «золотого века», смыкались с идеями стоической философии и развивались под сильным влиянием морализирующей тенденции стоицизма, «желавшей, — по выражению М.И.Ростовцева, — противопоставить развращенному культурному человечеству тип идеальных людей, живших согласно законам природы».[31]

В III в. до н.э. в связи с процессами религиозного синкретизма и «эллинизацией» римской религии происходит отождествление греческого Кроноса с римским Сатурном и царства при Кроносе с Сатурновым царством. В Риме, как и в Греции, в эпоху кризиса наблюдаются сходные тенденции, когда общественные идеалы переносятся на более ранние, не запятнанные пороками догосударственные эпохи, связанные с мифом о «Сатурновом царстве».

Авторы античных социальных утопий делали попытки найти «золотой век» Кроноса-Сатурна в современном им мире: или у варварских народов, у так называемых «благородных дикарей», еще не достигших уровня цивилизации, характерного для греков и римлян, или где-то на крайних оконечностях ойкумены. Для этого второго направления поисков «золотого века», лежащего в области античной географии, характерны так называемые островные утопии.

В ранней античной мифологической традиции «острова Блаженных» были тесно связаны с преданиями о местопребывании героев, о расположенных на крайнем Западе берегах, куда переселялись души умерших. Постепенно, по мере того, как греки осваивали Средиземноморье, идеальные острова отодвигались все дальше, до крайних пределов ойкумены.

Так, в античной традиции появилась целая группа свидетельств об «островах на Севере мира», в которых переплетались мотивы античных мифов, античных социальных утопий, кельтских легенд, сакральной и реальной географии. «Острова на Севере мира» — условное обозначение, под которым в реальной географии имелись в виду северные побережья Галлии, Британские острова и северное островное окружение Британии.[32] В то же время, куда-то в эти места устремлялись, по кельтским верованиям, души умерших (Claud. In Ruff., I, 123–128).

Все «острова на Севере мира», принадлежащие как сакральной, так и реальной географии, носят священный характер. Фест Авиен в Ora Maritima называет Ирландию священным островом, посвященным Сатурну (Avien. Ora Maritima, 108–112). Плутарх гово-

рит о сакральности всего островного окружения Британии: «Среди островов, которые окружают Британию, многие пустынны, рассеяны там и сям, и некоторые называются по именам демонов и героев» (Plut., De defectu oraculorum, 18). Сакральные «острова на Севере мира», принадлежащие магической географии, являются инициирующими центрами: живущие там мудрецы-философы передают свои знания посвященным. Самый же большой из этих сакральных «островов на Севере мира» — это Британия.

То, что Цезарь интересовался Британией в таком плане, известно из его очерка о галльской этнографии, помещенного в VI книге его сочинения. Там он называет Британию сакральным инициатическим центром друидического знания, высшего знания древних кельтов. По словам Цезаря, считается, что друидизм зародился в Британии и оттуда был перенесен в Галлию, и те, кто хотят тщательнее изучить его принципы, отправляются в Британию (Caes. B.G., VI, 12).

Главный же результат походов Цезаря заключался в том, что им был сделан первый шаг на пути романизации Британии. Р.Холмс по этому поводу заметил, что Цезарь «направил ход британской истории по новому руслу».[33] М.С.Садовская отрицательно относится к этому мнению Р.Холмса, получившему широкое распространение в английской литературе, считая, что римское влияние на Британию в течение ста лет после смерти Цезаря было незначительным.[34]

Однако романизация, как известно, представляла собой сложный процесс, для осуществления которого использовались различные «инструменты». Первым из них был военный — завоевание страны. Затем шло налаживание сильных экономических связей с Римом, подразумевавших включение провинциальной экономики в общеримскую, распространение римского гражданства, насаждение римских политических институтов, выведение в провинцию римских военных колоний.[35] Последним из этих «инструментов» была культурная романизация: распространение латинского языка, строительство городов в соответствии с нормами античного урбанизма, устройство загородных вилл, украшенных великолепными стенными росписями, роскошными мозаиками, скульптурой, выполненной по канонам античной пластики, и т.д.

Как мы видели, Цезарем был подготовлен и прекрасно налажен первый из этих «инструментов» — военный. Он основательно познакомился сам и познакомил римлян с природой и географией острова, нашел удобные гавани для высадки флота, выяснил особенности тактики ведения боя, применявшейся британцами, и предложил выработанные им военные приемы, с помощью которых им можно было противостоять.

В то же время, как отмечают исследователи, культурная романизация представляла некий синтез римской и местной культур. И поскольку у кельтов существовала оригинальная и сильная культура, то в данном случае местный элемент был особенно значим.[36] Цезарь сделал первый шаг и в этом направлении, познакомив своих читателей с нравами и обычаями кельтов Британии, — т.е. он подготовил почву для будущего общения римлян с местной этнической средой. Таким образом, Цезарем были сделаны первые важные шаги по освоению Британии, будущим поколениям предстояло сделать остальные.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Holmes T.R.* Ancient Britain and the Invasions of Julius Caesar. Oxford, 1907; *Frere Sh*. Britannia. London, 1967; *Wacher J.* Roman Britain. London, 1980.
2. *Holmes T.R*. Op. cit. P. 300–372; 517–735.
3. *Frere Sh*. Britannia. P. 28.
4. *Frere Sh.* Op. cit.; *Holmes T.R*. Op. cit. P. 303.
5. Ibid. P. 28.
6. *Holmes T.R*. Op. cit. P. 634–635.
7. *Frere Sh.* Britannia. P. 31.
8. Ibid. P. 33.

9. *Holmes T.R*. Op. cit. P. 337.
10. По мнению Т.Р.Холмса, римляне соорудили эту насыпь, засыпав землей и вязанками хвороста ров, шедший вокруг укрепления британцев. Эту работу могли проделать люди, шедшие между рядами легионеров, образовавших «черепаху», под прикрытием их поднятых щитов (*Holmes T.R.* Op. cit.).
11. *Frere Sh.* Britannia. P. 34.
12. Ibid. P. 35.
13. *Dottin G*. Manuel pour servir à l'étude de l'Antiquité Celtique. Paris, 1908. P. 199.
14. *Frere Sh.* Op. cit. P. 35.
15. *Holmes T.R*. Op. cit. P. 344.
16. *Frere Sh.* Op. cit. P. 37.
17. Ibid.
18. Хотя М.М.Покровский переводит термин Цезаря oppidum словом «город», из текста Цезаря ясно, что кельтские oppida в Британии поселениями городского типа (подобными тем, которые находились в Ронском коридоре в Галлии) не являлись; они не использовались как постоянные места жительства, служа временными убежищами (refugium) в моменты внешней опасности. Это же доказывает археологический материал, происходящий с британских островов *(Широкова Н.С.* Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989. С. 146.)
19. *Holmes T.R*. Op. cit. P. 347.
20. *Frere Sh*. Op. cit. P. 37.
21. *Holmes T.R*. Op. cit. P. 355.
22. *Садовская М.С.* Походы Цезаря в Британию // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 95.
23. *Чеканова Н.В*. Римская диктатура последнего века республики. СПб, 2005. С. 21.
24. *Cary M., Warmington E.-H*. Les explorateurs de l'antiquité. Paris, 1932. P. 10.
25. *Широкова Н.С.* Древние кельты... С. 11–12.
26. *Müllenhoff K*. Deutsche Altertumskunde. I. Berlin, 1890. P. 471–472.
27. *Rhys J.* Celtic Britain. London, 1904. P. 45–46.
28. *Broche G.* Pythéas le Massaliote. Paris, 1935. P. 147.
29. *Широкова Н.С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000. С. 28.
30. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 352.
31. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. М., 1925. С. 90.
32. *Le Roux F., Guyonvarch Ch*. Les Druides. Rennes, 1986. P. 305–315.
33. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 356.
34. *Садовская М.С*. Ук. соч. С. 98.
35. *Циркин Ю.Б*. Древняя Испания. М., 2000. С. 168–169.
36. *Шкунаев С. В.* Культура Галлии и романизация // Культура древнего Рима. Т.II. М., 1985. С. 258; *Frere Sh.* Britannia. P. 1.

N.S. Shirokova

THE CAESAR'S EXPEDITIONS IN BRITAIN

The article deals with Caesar's military expeditions in Britain of 55 and 54 B.C. Some classical authors (Strabo, Suetonius and others) thought Caesar's invasions of Britain to be unsuccessful because the island was not conquered by him. Many modern researchers have the same opinion. Meanwhile in the course of these expeditions Caesar accomplished a great spade-work for the conquest of Britain in the future. Caesar was the first Roman who stepped on the land of Britain, therefore he thoroughly studied nature and geography of the island, discovered convenient harbours for landing of the fleet, founded out peculiarities of Britons' military tactics, invented his own military methods in order to resist the enemy.

Besides Caesar's acquaintance with Britain had a theoretical importance. Familiar with classical social Utopias, in particular with so-called island Utopias, Caesar viewed Britain as the biggest of sacred islands in «the North of the World» and as the initiation's centre of Druids whose secret knowledge was the highest one of the Celtic world.

© 2007 г.

И. Г. Гурин

АСПЕКТЫ РОМАНИЗАЦИИ ИСПАНИИ РАННЕИМПЕРСКОГО ВРЕМЕНИ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В последние годы в отечественном антиковедении наблюдается оживление интереса к истории римской Испании. Причём постепенно происходит определенная специализация, сосредоточение на более узких проблемах. При этом особый интерес как и в мировом антиковедении вызывают различные аспекты романизации народов Пиренейского полуострова.

Наиболее значительная работа по истории древней Испании — монография Ю.Б. Циркина, в котором в основном романизации полуострова в данную эпоху посвящена целая глава[1]. Данная книга — первый в отечественном антиковедении обобщающий труд по истории древней Испании. Он представляет собой крайне редкое в исторической науке удачное сочетание элементов учебного пособия и научной монографии.

Изложение начинается с общей характеристики положения в ранней римской империи и краткой информации о покорении Римом Астурии и Кантабрии и, таким образом, завершении завоевания Испании.

Отмечается, что Август в основном продолжил политику Цезаря — распространение гражданства, колонизация, распространение прав муниципия на туземные общины. Это объясняется тем, что перед ними стояли сходные задачи. Анализ территориального распространения этих прав доказывает, что целью Августа было не закрепление завоёванных территорий, а укрепление своего влияния в уже умиротворенной части Испании (с. 201–202).

Отмечается и некоторое отличие политики Августа от политики Цезаря — колонизация Августа носила исключительно ветеранский характер, в то время как Цезарь переселял в провинции не только ветеранов, но и пролетариев. Другое отличие — большая консервативность политики Августа, выразившаяся в уменьшении дарования прав муниципия. Цезарем были предоставлены права муниципия девятнадцати общинам, Августом за весь длительный период его правления — только девяти. Отмечается, что около 13 г. до н.э. прекратилась массовая итало-римская колонизация Испании и произошла реорганизация провинций, выразившаяся в выделении из Испании Дальней провинции Лузитании и в передаче Испании Ближней, за которой постепенно закрепляется название Тарраконская Испания, северо-запада полуострова и некоторых горнорудных районов южной Испании.

Причина изменения политики Рима на полуострове усматривается в ситуации в Италии и только в Италии. Положение в остальной империи практически не учитывается. Правда следует отметить, что это традиционный подход: рассматривать Испанию и Италию, а не Испанию и остальную империю. Поэтому следует отметить, что в некоторых разделах своего труда, в том числе и в этой главе, Ю. Б. Циркин отходит от данного подхода и история Испании представляется на более значительном историческом фоне.

Ближайшие преемники Августа в целом продолжали его политику. Утверждается,

что хотя Испания уже намного меньше интересует правительство, полностью игнорировать её императоры не могли.

Особо отмечается роль Испании в гражданской войне 68–69 гг., после чего автор переходит к реформе Веспасиана, приведшей к значительным изменениям в муниципальной организации Испании — дарованию всему перегринскому населению полуострова прав латинских граждан. Проблема рассматривается на фоне широкой панорамы, рисующей положение не только на Пиренейском полуострове, но и в Риме и Италии. Автор пишет, что приход к власти Веспасиана и его преобразования завершили целую эпоху, начатую ещё Союзнической войной. В итоге Рим из полиса, стоящего во главе огромной державы, превратился в столицу территориального государства. Провинции при этом становились составной частью средиземноморского государства. Однако именно испанские провинции получили в эпоху Флавиев особенно значительные привилегии, и краткий очерк истории гражданской войны позволяет перейти к выяснению причин, по которым именно им были дарованы подобные привилегии. Это объясняется поддержкой испанским населением в гражданской войне Гальбы и той значительной ролью, которую сыграл в победе Веспасиана сформированный в Испании легион (VII Gemina).

Данные обстоятельства трактуются как не более чем толчок к принятию окончательного решения. Главную роль сыграли значимость Испании в общеимперской экономике и стремление включить испанскую элиту в правящий слой империи. Но подобные выгоды могла предоставить императору, например, Галлия. Так что при выборе страны для проведения такой реформы указанные выше соображения могли сыграть свою роль. Под таким углом зрения надо рассматривать предоставление латинского права всем испанцам, до этого не бывшим ни римскими, ни латинскими гражданами. Таким образом, получается, что император просто решил дать кому-нибудь такие права, провести реформу ради реформы и необходимо было лишь найти страну, пригодную в качестве полигона для новшества. Думается, что главной причиной была всё же давняя и глубокая романизация Испании, сильно отличавшая её от всех остальных владений Рима.

Ю. Б. Циркин соглашается с теми исследователями, которые датируют данную реформу не 70–71, или 73 гг., а 74 г., и выдвигает ряд аргументов для подтверждения данной точки зрения[2].

Эдикт Веспасиана лишь констатировал сам факт предоставления всему населению латинского гражданства, а сама реформа состояла из серии длительных преобразований, включая в себя реорганизацию территорий новых муниципиев, становление системы их органов власти, проведение ценза, и полностью была завершена лишь при его сыновьях.

Подчёркивается, что после преобразований Флавиев ситуация в Испании кардинально изменилась. Если раньше здесь существовали римские, латинские, союзные, свободные и податные общины, то теперь остались две первые категории. Все жители страны стали либо римскими, либо латинскими гражданами, что давало возможность местной верхушке войти в состав правящей элиты империи.

Далее отмечается, что, хотя вышеуказанные реформы завершили романизацию Испании с юридической точки зрения, как и в конце республики на полуострове можно выделить три зоны: полностью (или почти) романизированную, романизирующуюся и неромaнизированную. Только границы зон кардинально изменились.

Романизированная зона теперь занимает всю Бетику и восточную часть Тарраконской Испании, традиционно вовлеченных в экономическую систему Средиземноморья. Теперь они стали одной из житниц империи, чему способствовало продвижение античного уклада в испанские провинции.

Колонии создавались римлянами либо на пустом месте, либо на месте более ранних поселений. Муниципии были туземными, греческими, финикийскими городами, преобразованными по римскому образцу. Создание муниципия на месте податной или союзной общины вело к распространению римского имущественного права и отражаемых им отношений.

Большое внимание уделяется характеристике испанского пага. Он обладал следую-

щими чертами: располагался на городской территории, имел общую землю, в его пределах существовали частные имения, но он осуществлял определённый контроль над операциями с недвижимостью. Паг по отношению к внешнему миру выступал как некое целое, обладал известной юридической самостоятельностью, имел свое особое божество — гения пага. Членами пага были как италийцы, так и туземцы.

В итоге делается вывод о сходстве испанского пага с италийским пагом и малоазиатской общиной, расположенной на городских землях.

Паг образовывался двумя путями: либо италийские иммигранты образовывали этот тип сельского поселения, либо небольшое туземное поселение при получении римского или латинского гражданства становилось не муниципием, а пагом и приписывалось к какому-нибудь городу.

Далее подробно рассматриваются различные типы поместий, существовавших в это время в Испании и выделяются три их вида. Первый — товарное хозяйство, производящее на экспорт шерсть, вино, оливковое масло. Второй — имения, предназначенные для отдыха, третий — хозяйства почти или совсем не связанные с рынком.

Отмечается, что эти же виды сельских имений были развиты в Италии в последние два века республики и в самом начале империи.

Основной ячейкой античного общества был город. Города римского типа стали возникать на юге и востоке Испании ещё во времена республики. А при Августе происходит настоящий урбанистический взрыв. По образцу Рима создаются новые города и перестраиваются старые. Урбанизация шла рука об руку с романизацией. Возникновение города римского типа было обусловлено романизацией, но и само оно влияло на углубление этого процесса и ускорение его темпов.

В городах возникали новые отношения между людьми. Здесь собирались люди из разных частей Испании и других мест империи. Часть из них становилась полноправными гражданами. Большинство из них получало все экономические права, а также наделялось активным (но не пассивным) избирательным правом.

В городах южной и восточной Испании были представлены различные категории населения: граждане, поселенцы и другие категории населения, не имеющего гражданских прав. Коллектив граждан составлял народ данного города. Среди граждан выделяются ordo и plebs. Но нет никаких следов родовой или племенной принадлежности ни в городских надписях, ни в городских законах.

В каждом городе римского или латинского права существовал гражданский коллектив, обладавший суверенитетом в рамках колонии или муниципия. Этот суверенитет выражался, прежде всего, в существовании комиций (народного собрания), в том числе избирательных. Но реально власть в городе принадлежала сословию декурионов. Судя по сохранившимся текстам законов, городские курии и магистраты полностью осуществляли самоуправление колонией или муниципием. Они собирали подати, ведали самыми разнообразными городскими делами.

В итоге делается вывод о том, что испано-римский город обладал теми чертами, которые в принципе соответствуют городу античного типа, полису. Из текста, правда, непонятно, как наличие системы народов отдельных полисов соотносится с наличием уже сложившегося единого средиземноморского государства. Город выступал и как идеологический центр. Через различные зрелища и через почитание римских и отождествлённых с ними местных божеств местное население приобщалось к римским ценностям. На юге и востоке Испании во времена империи уже почти нет следов местной религии.

Как и в остальных провинциях, особенно большое значение имел культ императора. В Испании он возник, видимо, спонтанно, основываясь на издавна существовавшем здесь почитании и даже обожествлении вождей, в том числе иностранных. Развитие связей с остальной империей и постепенное вхождение в общеимперскую экономическую систему и бурная урбанизация способствовали стандартизации образа жизни. Зона, где процесс романизации был ещё далеко не завершён, охватывала большую часть Испании. Но при этом не сообщается, какую именно. По дальнейшему упоминанию в тексте Лу-

зитании, внутренних районов Тарраконской провинции к югу от Карпетанских гор (Центральная Кордильера), северной части внутренних районов этой же провинции становится ясно, что в виду имелись именно они. Почти все свободные жители здесь после реформы Веспасиана юридически тоже были латинскими гражданами. Городов тут было намного меньше, чем в романизированной зоне, и среди них очень мало колоний.

Таким образом, в обширной зоне Центральной, Западной и Северо-западной Испании существовали различные секторы социально-политической жизни. Широко был распространён античный, основной ячейкой которого был город полисного типа. Однако здесь этот сектор имел особенности. Колоний здесь было крайне мало, к тому же большинство из них были «почетными», возникшими как дарование этих прав уже существующим городам, а не в результате действительного выведения колоний.

Наряду с колониями и муниципиями широкое распространение получили квазимуниципальные организации, возникавшие обычно на туземной основе. Наряду с рабством, которое здесь засвидетельствовано скуднее, чем на юге и востоке, применялись колонат и клиентела в крупных имениях, которые были здесь значительно более обширными, чем в романизированной Испании.

Гораздо большее значение здесь также имели немуниципальные структуры, в которых отсутствовал гражданский коллектив: военные лагеря, сенаторские имения, рудничные округа. В результате не италийской эмиграции, но самостоятельного развития местного населения здесь возникли паги. А также в значительной степени сохранился родовой строй. Хотя в этой зоне сосуществовали римский и туземный миры, их взаимные контакты были очень ограничены. Они развивались как бы параллельно. Туземный мир постепенно трансформировался, приближался к римскому миру, но полного слияния не произошло.

В малодоступных горах севера существовала полностью нероманизированная зона, в которой римский мир был представлен только политически. Там родовой строй переживал пору расцвета, и его разложение пришлось уже на эпоху Средневековья. Размеры этой зоны, вероятно, были невелики, но её нельзя игнорировать.

Ю. Б. Циркин рассматривает период Ранней империи как завершение периода романизации, которой положило начало римское завоевание. К концу II в. Испания была совершено иной, чем к началу римского завоевания. Тогда за пределами финикийско-карфагенских и греческих колоний классовое общество и государство существовали лишь на юге, представляя собой осколки распавшейся Тартессиды, а вне их лишь немногочисленные «номовые» государства, как Сагунт или Кастулон. На остальной территории страны господствовал родовой строй. Он находился на разной стадии своего развития, и в ряде случаев местное общество уже стояло накануне перехода в иную, классово-государственную стадию своего существования.

К концу II в. родовые отношения сохранились нетронутыми только в ограниченной зоне северных гор, а в других местах центра, запада и северо-запада они значительно трансформировались и начинали исчезать. Ещё существовавший в отдельных местах родовой уклад в экономической, социальной, политической и культурной жизни значительной роли уже не играл.

Распространяется античный уклад полисного типа, который господствовал в южной и восточной Испании и был значительно представлен на остальной территории страны. Старые «народы» исчезли и основными административными единицами стали городские и квазигородские структуры.

Наряду с этими структурами — исчезающим родовым и наступающим античным — в Испании были представлены также римский уклад неполисного типа и территориально-общинный в селе, расположенном на муниципальной территории. Подобная картина была характерна и для других регионов Римской империи и определяла социально-политическую структуру этого государства.

К сожалению, автором не всегда принимается во внимание давний и высокий уровень романизации некоторых регионов страны, стремительно набиравший обороты

практически сразу после утверждения римлян в Испании. А ведь именно высокий уровень романизации был предварительным условием дарования Римом муниципальных прав. Из текста же может создаться иное представление: сначала распространение гражданских прав — и только затем следовала романизация. На самом деле дарованию права муниципия должна была предшествовать романизация данной общины.

Стихийный процесс преобразования туземных городов в римские начался вскоре после утверждения Рима на полуострове. Влияние римской архитектуры в туземных городах становится очень заметным уже со II в. до н.э.,[3] и, наконец, в Испании появляются типично римские города, но главным образом в приморских районах[4]. Римский образ жизни начинает утверждаться и в городских, и в сельских поселениях[5].

Новые отношения между людьми, восприятие многих элементов римского образа жизни в результате появления смешанных поселений, причём не только в городах, но и за их пределами, стали возникать и активно развиваться уже в эпоху Республики[6]. Социальные отношения, характерные для античного производства начали активно развиваться уже вскоре после завоевания Испании римлянами. Например, виллы античного типа засвидетельствованы с конца II в. до н.э.[7]

В республиканскую эпоху романизация достигла значительных успехов не только на юге, востоке и северо-востоке Испании. Со II в. до н.э. шёл процесс романизации Месеты[8] и даже весьма эффективный[9]. По крайней мере, на территории современного Кастильского плоскогорья римское гражданство среди верхушки общества стало широко распространяться ещё со II в. до н.э.[10] Хотя, разумеется, степень усвоения латинского языка, римской культуры, римского образа жизни в эпоху Поздней республики не стоит чрезмерно преувеличивать[11]

В 2001 г. вышла в свет статья Н. К. Спиченко, посвящённая понятию creatio в муниципальном законе Ирни, общины в провинции Бетика[12].

Lex Irnitana — крупный эпиграфический памятник юридического характера, освещающий нормы, которые должны были действовать в муниципии латинского права второй половины I в. н.э. на территории Бетики. Его появление связано с предоставлением в 73–74 гг. латинского права «всей Испании» императором Веспасианом, что подтверждается богатым эпиграфическим материалом, свидетельствующим о превращении ряда перегринских общин в муниципии латинского права, именующие себя municipia Flavia.

Подробно анализируется понятие creatio. Указывается, что на современные языки данный термин переводится по-разному, то же можно сказать и о его трактовке. Далее приводится оригинальный текст надписи муниципального закона Ирни с упоминанием creatio и указываются переводы данного юридического термина на английский, французский, испанский, итальянский, немецкий, а затем и на русский языки, после чего делается вполне обоснованный вывод о том, что переводчики трактуют данный термин неоднозначно, иногда стремясь избегать определённых формулировок. В тех случаях, когда таковые всё же даются, данный термин переводится как «назначение» или «избрание». К сожалению, при этом в статье анализируются только новейшие (начиная с середины 80-х гг. XX в.) зарубежные работы. Только позднее в тексте упоминается мнение Т. Моммзена и Е. М. Штаерман. При этом без какого-либо объяснения данной позиции автора.

Далее Н. К. Спиченко переходит к выяснению значения глагола «creare» и указывает, что он в юридической лексике имеет два значения — «избирать» и «назначать». В качестве аргумента приводится лишь единственная ссылка — на латино-русский юридический словарь XIX в.[13] И снова без какого-либо пояснения авторской позиции. Хотя и в первом, и во втором случае представляется необходимым привлечение дополнительного материала.

Затем автор обращается к самой процедуре и механизму голосования в провинциальном муниципии. При этом особо указывается, что «схема голосования в провинциальном муниципии латинского права являлась прямым продолжением республиканской традиции голосования», которая, в свою очередь развивалась в течение длительного

времени. Таким образом, схема голосования в провинциальном муниципии латинского права была развитием прежней системы голосования и как-то изменилась по сравнению с ней. Первоначально процедура голосования была устной, т.е. каждый человек опрашивался официальным лицом в присутствии куратора трибы, и ответ каждого вносили в специальный реестр.

Такая избирательная система позволяла оказывать давление на избирателей со стороны знати. Поэтому её совершенствование было направлено в Римской республике на постепенное освобождение процедуры выборов из-под контроля знати, т.е. на обеспечение свободного и тайного голосования. Что и было осуществлено серией реформ 30-х гг. II в. до н.э., в результате которых в различных видах римских собраний стали использоваться тайные бюллетени, порядок их заполнения, подачи, вскрытия и подсчета бюллетеней. А также изменена организация самих выборов. В таком виде римская система голосования при избрании магистратов и была перенесена на местные выборы в муниципиях и колониях.

Затем автор обращается к муниципальному закону Малаки (lex Malacitana), по которому в основном и известна система голосования при выборах в местные органы власти в муниципиях и колониях. Приводится раздел закона, в котором употребляются интересующие автора термины.

Далее приводятся точки зрения Т. Моммзена на значение данных терминов, сформулированная им на основе изучения государственного права латинских муниципиев Малаки и Сальпенсы, а также Ф. Жака, исследовавшего право Малаки.

Первый считал, что creatio следует понимать как формальное утверждение консулом победившей кандидатуры, проведенное через комиции. Второй указывает, что первоначально creatio, в узком значении, являлось церемонией, в ходе которой после обнародования результатов выборов предоставлялись полномочия магистратам. В уставе же Малаки речь идет о совокупности выборных действий и «creatus» можно перевести словом «избранный». Отмечается также, что только в отдельных рубриках законов Малаки и Ирни наряду с термином «creare» употребляется термин «facere». В остальных случаях «creare» встречается без синонимичных ему терминов. В законах Малаки и Ирни исследуемый термин означает некое завершение избирательного процесса в целом. В нём заложено обозначение как прошедшей и состоявшейся процедуры выборов, так и сама процедура введения избранного магистрата в ту или иную должность.

Затем автор переходит к анализу данного термина в законе уже не муниципия, но римской колонии — Урсо. Прекрасно понимая различие между колонией и муниципием, автор тем не менее считает возможным использовать его, ибо существует законодательная преемственность данных документов и территориальная близость колонии к тем городам, откуда исходят найденные муниципальные законы эпохи Флавиев. Кроме того, колониальный закон Урсо *мог* оказать существенное влияние на развитие соседних туземных общин по образцу и подобию римской гражданской общины.

Однако при этом ничего не сообщается о том, действительно ли он оказал влияние, и если оказал, то какое именно. К тому же приведённый текст показывает, как признаёт и автор, что в законе Урсо специальная терминология, исследуемая в статье, существенно отличается от муниципальных законов. В частности, употребляется ряд других глаголов, передающих смысл избрания магистратов. Это обстоятельство, по мнению автора, показывает, как проходило становление соответствующей терминологии.

В итоге делается следующий вывод: вероятно, суть термина creatio заключена в его многозначности, где наличествует два смысла, для современного понимания взаимоисключающие — «избрание» и «назначение». Он включает в себя весь процесс избрания магистрата на должность, в том числе принесение присяги и формальное объявление председателем комиций о новоизбранном магистрате. При этом допускается возможность того, что этот термин можно понимать как «инвеститура путём выборов» или «учреждение посредством выборов».

Наличие цитат из законов Ирни, Урсо и Малаки даёт возможность читателю самому

сформулировать свое мнение и проверить аргументы автора статьи, а также его предшественников в изучении данного вопроса. Так, из приводимых в статье фактов следует, что то значение исследуемого термина, которое автор постоянно трактует как «назначение», скорее следует понимать как «вступление в должность».

К данной работе примыкает и другая статья того же автора[14]. В ней уточняется положение городского вольноотпущенника в эпоху империи на основе данных того же муниципального закона Ирни. Поэтому речь, в сущности, идёт не о положении вольноотпущенников в различных категориях городских общин, но о ситуации в наиболее привилегированных общинах империи, подобных Ирни, в связи с чем возникает проблема определения статуса этого и подобных ему городов Испании.

Отмечается, что положение общественных вольноотпущенников представлялось специалистам равным положению полноправных вольноотпущенников из рабов частных лиц, становившихся при манумиссии посредством виндикты римскими гражданами. Отдельные возражения против столь категоричного утверждения традиционно не принимались во внимание.

Открытие закона Ирни позволило по-иному взглянуть на эту проблему и параллельно обратиться к проблеме статуса муниципия и его граждан. А именно: какие всё же права давала реформа Флавиев 70–80-х гг. испанским общинам и каков вообще был статус граждан муниципия.

Подробно, с привлечением обширной специальной литературы анализируется процедура освобождения и статус раба. В статье приводятся оригинальные части данного закона. Помимо анализа закона Ирни, исследуются также другие юридические источники по данному вопросу.

Затрагивая проблему латинского гражданства, автор указывает, что в науке существует две точки зрения на её решение. Первая: ius Latii в эпоху ранней империи — это самостоятельное гражданство, альтернативное римскому. Вторая: это коллективное право, предоставляемое перегринской общине, суть которого заключалась только в достижении римского гражданства путём исполнения в ней годичной магистратуры и, таким образом, было лишь способом облегчения доступа к римскому гражданству провинциальной верхушке. Автор решительно возражает против ранее широко распространённого представления о том, что граждане муниципия были латинскими гражданами, и выражает полное согласие с иной точкой зрения: муниципий всегда и везде был общиной римских граждан.

Соответственно Ирни и другие муниципии Испании, чьи законы дошли до нас — это общины римских граждан. Предоставление всем общинам Испании прав латинского гражданства не означало предоставления им прав муниципия[15]. Получается, что муниципальные статусы испанских общин, законы которых исследуются в рассматриваемых работах, не были автоматически получены в результате реформы Веспасиана.

Общим итогом статьи являются следующие выводы. Собственник общественного раба — только сама община муниципия, а не её граждане по отдельности. Поэтому характер собственности диктовал и особенности положения, в том числе и особенности процедуры освобождения: такой раб не мог быть отпущен на волю посредством виндикты. После освобождения он сохранял особенность своего статуса. Для членов своего муниципия такой вольноотпущенник был муниципалом, новым гражданином. Для муниципия, его прежнего господина, а ныне патрона, он — отпущенник, который обязан своему прежнему господину различными повинностями.

К проблеме романизации Пиренейского полуострова в эпоху ранней империи обратился и один из наиболее известных и плодовитых отечественных специалистов по истории римского права Л. Л. Кофанов. Его статья посвящена налогам за аренду государственной земли и о характере наказания за их неуплату[16].

В связи с представлением о необходимости жертвоприношений «государственным богам» (sic!) за пользование государственной землёй, неисполнение обязательств по государственным контрактам требовало искупительных жертвоприношений в качестве на-

казания за неисполнение клятвы, сопровождавшей все публичные контракты. Этим жертвоприношениям и посвящена статья. Проблему предполагается исследовать на основе уставов испанских муниципиев, которые часто объединяются общим названием lex Flavia municipalis. Они датируются 81–84 гг.

Л. Л. Кофанов считает важным отметить, что «именно принятие римского основного закона, написанного на латыни, давало местному населению Испании серьёзные привилегии, особенно в вопросе налогообложения, что, в частности, и обеспечивало распространённость права» (надо полагать, римского. — *И.Г.*) (с. 291). Получается, что употребление латыни в данных законах объясняется не уровнем романизации этих общин, не тем, что для их жителей употребление этого языка было естественным, но лишь тем, что официальное искусственное употребление латыни поощрялось римскими властями.

Сначала Л. Л. Кофанов даёт краткий обзор проблемы на основе источников по римскому праву с древнейших времён до III в. н.э. (с. 290–296), отмечая, что все аспекты процедуры публичных контрактов с государством и наказания за их неисполнение имели подчёркнуто сакральный характер, и затем переходит к исследованию собственно заявленной проблемы, для решения которой рассматриваются законы римской колонии Урсо, муниципия Малаки и отчасти муниципия Ирни. Анализируя приводимый оригинальный текст[17], привлекая данные других источников, автор констатирует сходство между правовыми нормами этих общин, а также между этими законами и законами Рима.

Л. Л. Кофанов делает вывод о том, что тексты найденных в Испании муниципальных законов являются уникальным источником не только для изучения муниципального права, но и отдельных римских правовых институтов. Эти тексты, написанные на хорошей юридической латыни, свидетельствуют о глубоком проникновении собственно римского права в населённую преимущественно варварами провинцию, о распространении римских правовых институтов через муниципальные законы, по крайней мере, в римской Испании, следовательно, и среди неримского, варварского населения, активно пополнявшего ряды римских граждан.

В статье утверждается, что римская практика создания в провинциях муниципиев, предоставлявшая местному населению права римского гражданства при условии добровольного копирования римских правовых норм в основном муниципальном законодательстве, дала блестящие результаты с точки зрения распространения римского права, а вместе с ним и римского владычества, так как граждане муниципиев становились не только носителями латинского языка, но и наиболее последовательными проводниками римского империя. Таким образом, дарование права муниципия предшествовало укреплению или даже установлению римского владычества. И для предоставления общине римского гражданства достаточно было добровольного копирования римских правовых норм в основном законодательстве данной общины.

Л. Л. Кофанов отмечает, что даже в I в. до н.э. судопроизводство в публично-правовой области было отнюдь не свободно от влияния религии, и пишет об «удивительной консервативности этой сферы публичного права» (с. 297), не указывая, оспаривает ли кто-либо сей естественный факт и никак не поясняя, что же в нём удивительного.

Справедливо указывая, что вся система судопроизводства в законах указанных общин строилась по римской модели, автор тем не менее утверждает, что эти законы писались «не для римских граждан, а для муниципалов, недавних варваров» (!) (с. 296). Суждение чрезвычайно смелое. Кем же, как не римскими гражданами, были тогда жители муниципия[18]? Если у Л. Л. Кофанова есть какие-либо соображения на сей счёт, следовало бы это как-то аргументировать, тем более в статье, посвящённой римскому праву. Более того, если принять указанный тезис, получается, что и жители римской колонии Урсо (Colonia Genetiva Iulia, к анализу закона которой автор к тому же приступает сразу после этого пассажа) не были римскими гражданами. Доказательства этого вновь отсутствуют.

Л. Л. Кофанов не пишет о разнице статуса колонии и муниципия. А ведь первые об-

ладали бóльшим статусом, чем вторые[19]. Если для автора в статье по заявленной теме это несущественно, то данный аспект следовало бы оговорить.

Давний и высокий уровень романизации южной Испании — факт хрестоматийный. Именно на юге Испании появились первые римские и латинские поселения за пределами Италии и Цизальпийской Галлии[20], с первых лет завоевания Испании началась значительная эмиграция в эти регионы римлян и италийцев, их рабов и вольноотпущенников[21], уже в эпоху Республики в этих районах широко распространился латинский язык, и латинизация южной Испании уже во II в. до н.э. шла ускоренными темпами[22]. Не учитывается раннее дарование, в том числе уже и в республиканскую эпоху, римского и латинского гражданства[23], в том числе целым общинам[24].

В итоге южная Испания, как и восточная, была романизирована раньше, чем какая-либо другая часть римской державы за исключением Италии[25]. Достаточно обратить внимание хотя бы на широко известное сообщение Страбона об утрате населением Южной Испании языка предков и усвоении ими латинского языка, о том, что они уже фактически превратились в римлян (Strabo. III. 2. 15). И уж тем более уровень романизации был высок в 70–80-е гг. I в. н.э. Поэтому странным выглядит определение Л. Л. Кофановым жителей южной Испании, тем более граждан муниципия и колонии римских граждан, как недавних варваров. Незнание автором всех этих фактов, очевидно, объясняется тем, что он игнорирует литературу по романизации Испании — ни одна из работ по этой теме в рассматриваемой статье не используется. Хотя статья посвящена Испании, в ней нет ни одной конкретной ссылки на испанские работы[26].

Удивляют и некоторые странности юридической терминологии, применяемой Л. Л. Кофановым в данной работе. В частности, арендная плата (vectigalia) переводится им как «вектигальный налог» (с. 293, прим. 11)[27], что представляет собой очевидную тавтологию[28].

Таким образом, следует отметить, что в последнее время изучение истории Испании раннеимперского периода происходит преимущественно через призму проблем римского права. Данный подход, видимо, связан с общим оживлением интереса в нашем обществе к правовым проблемам и его можно только приветствовать.

Однако явным недостатком указанных работ (кроме книги Ю. Б. Циркина) является использование почти исключительно юридической литературы, а также то обстоятельство, что проблемы рассматриваются вне исторического контекста.

Особое внимание к юридическим источникам выглядит, безусловно, оправданным. Не только из-за характера данных исследований, но и потому, что они и сами по себе обобщают материал. Однако использование других видов источников, как и специальной исторической научной литературы, безусловно, способствовало бы лучшему раскрытию авторами темы их исследований и позволило бы избежать явных неточностей и ошибок.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Циркин Ю.Б.* Древняя Испания. М., 2000. С. 200–256.
2. Не со всеми из них можно согласиться. Так, разбирая само сообщение об этом акте в «Естественной истории» Плиния и отмечая явную «чужеродность» данного пассажа на фоне остального текста, посвященного Испании, автор дает достаточно странное объяснение этому факту. Плиний в течение длительного срока (74–77 гг.) мог узнать об этом акте лишь по возвращении в Рим после пребывания в разных провинциях, после чего и вставил эту важную информацию в свой труд (с. 218–219). Думается, что это слишком смелое предположение. Трудно допустить то, что даже столь крупные государственные деятели на территории провинций не были информированы о важнейших государственных актах своего государства.
3. *Keay S.* Processes in the Development of Coastal Communites of Hispania Citerior in the Republican Period // The Early Roman Empire in the West. Oxford, 1990. P. 129–132;

Richardson J. Hispaniae. Spain and the Development of the Roman Imperialism, 218–82 B.C. Cambridge, 1986. P. 172–173; *idem*. The Romans in Spain. Oxford, 1996. P. 89–92; *Aquilue X.* Empuries Republicane // Hispania Romana. Milano, 1997. P. 44–48; *Ramallo S.* Templi i santueri nella Hispania Repubblicana // Hispania Romana. Milano, 1997. P. 254; *Asensio Esteban J.A*. La ciudad en el mundo prerromano en Aragon // Caesaraugusta. V. 70. Zaragoza, 1995. P. 409; *Martin Bueno M.A*. Bilbilis. Zaragoza, 1975. P. 310.

4. *Gonzalez Roman G. y Diaz M.A*. El Bellum Hispaniense y la romanización del Sur de la Peninsula // Hispania antiqua. Valladolid, 1981/1985–1986. T. 11–12. P. 18–19, 28; *Alföldy G*. Römische Städtewesen auf der neukastilischen Hochebene. Heidelberg, 1987. S. 25; *Keay S*. La Romanización en la Sur y el Levante de España hasta la Epoca de Augusta //La Romanización en Occidente. Madrid, 1996. P. 162.
5. *Keay S*. Processes... P. 130; *idem*. La Romanizacion... P. 162–164; *Miro J*. La producción de anforas romanas en Catalunya (I a. C. — I d. C.). Oxford, 1988. P. 249.
6. *Olmos R*. Forme e Practiche dell'Ellinizzazione nell 'Iberia d'Eta Ellinistica // Hispania Romana. Milano, 1997. P. 21; *Knapp R*. Roman Korduba. Berkley, 1983. P. 13–14; *Keay S*. La Romanización... P. 160–162; *Richardson J*. Op. cit. P. 172–173; *Diaz M*. Emigración, colonización y municipalización en la Hispania republicana. Granada, 1988. P. 119 etc.; *Keay S*. Processes... P. 124–136; *Olesti Vila O*. Origen de la villae romanas en Cataluna // AEA. Madrid, 1997. V. 70. P. 84–85; *Miro J*. Op. cit. P. 249–255; *Asensio Esteban J.A*. Primeras Manifestaciones del Urbanismo Romano-republicano en el valle del Ebro // Zephirus. Salamanca, 1994. V. 47. P. 219–255; *idem*. La ciudad... P. 403; *Blázquez J.M*. El Impacto de la Conquista de Hispania en Roma // Klio. B.41. Wiesbaden, 1963. P. 184.
7. *Miro J*. Op. cit. P. 35–111, 252, 46; 395. *Placido D*. Formas de Depedencia en Espaca // La Romanización Occidente. Madrid, 1996. P. 204–205; *Keay S*. Processes... P. 136; *Richardson J*. Op. cit. P. 172–173; *González Roman C*. Imperialismo y romanización en la provincia Hispania Ulterior. Granada, 1981. P. 133, 140, 210–211; 213–214.
8. *Hernandez F*. Excavaciones en el castros de la Villasviejas del Tamuya, en Botija (Caceres) // 11. Congresso National de Arqueologia. Zaragoza, 1970. P. 431–436; *Optiz Romero P*., *Rodriguez Diasz A*. Problematica general en Torro a los Recintos-Torre de la Serena. Badajos // 19. Congresso National de Arqueologia. Zaragoza, 1989. P. 1141–1148; *Prados Torreira L., Santos Velasco J.A., Perea Caveda A*. Indegenismo y romanización de la Carpetania: bases para su estudio // Toledo y Carpetania en la Edad Antigua. Toledo, 1990. P. 61–63.
9. *Mar R*. L'Urbanistica Romana nella peninsola Iberica // Hispania Romana. Milano, 1997. P. 145.
10. *Alföldy G*. Römische Städtewesen... S. 102.
11. *Alonzo-Nucez J*. Aspecte de Latinisierung der Iberische Halbinsel // Latomus. T. 52. 1993. S. 58–64; *Birks P., Rodger A., Richardson J*. Further Aspect of the Tabula Contrebiensis // JRS. 1984. V. 74. P. 54; *Curchin L*. Roman Spain: conquest and assimilation. L.; N. Y., 1991. P. 180–190.
12. *Спиченко Н.К*. Creatio и проблема его интерпретации в lex municipalis Irnitana // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 142–149.
13. *Дыдынский Ф*. Латино-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1896.
14. *Спиченко Н.К*. Правовое положение городского вольноотпущенника в эпоху римской империи // ВДИ. 2006. №3. С. 23–39.
15. Ещё более чётко Н. К. Спиченко заявила об этом в своей диссертации: эти два процесса проходили независимо друг от друга. Municipium — это юридическая категория, jus Latii — это политическое решение Рима в отношении перегринов (*Спиченко Н.К*. Граждане муниципиев Флавиев по данным lex municipalis Irnitana. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2006. С. 7).
16. *Кофанов Л.Л*. Восприятие сущностных элементов римского права в Испании I в. н.э. на материале lex Coloniae Genetivae Juliae, LXV и Lex Municipii Malacitani, LXIII: к проблеме эволюции legis actio sacramento in rem // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 290–303.
17. Отметим непоследовательность Л. Л. Кофанова в цитировании латинских текстов: ан-

тичные авторы цитируются с параллельным переводом, а муниципальные законы — без такового, хотя объём выдержек из них подчас достигает нескольких десятков строк (см. с. 296, прим. 21 и далее). Иначе делает Н. К. Спиченко, давая латинский текст муниципальных законов с переводом.

18. Даже если граждане муниципия были латинскими гражданами, то их всё равно неправомерно называть недавними варварами.
19. *Vittinghoff F*. Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1951. S. 41; *Шультен А*. Колонизация в Риме // Очерки экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С. 230.
20. *Hübner E*. Carteia // RE. 1899. Bd. III. Sp. 1617–1620; *González Roman G*., *Diaz M*. Op. cit. P. 24; *Hübner E, Schulten A*. Italica // RE. Bd. 18. 1916. Sp. 2283–2284.
21. *González Roman C*. Op. cit. P. 84–86, 196, 202; *Remesal-Rodriguez J*. Olproduktion und Olhandel in der Baetica // Münsterische Beiträge. 1983. B. 2. H. 2. S. 98; *Miro J*. Op. cit. P. 229–248; *Gabba E*. Esercito e societa nella tarda repubblica romana. Firenze, 1973. P. 295; *Циркин Ю.Б*. Римский Эмпорион. С. 121–122; *он же*. Римская колонизация в Испании // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 123–126, 129.
22. Cic. Arch. 10. 26; *Clavel M., Leveque P*. Vielles et Structures Urbanios dans l'Occident Romain. P., 1971. P. 30; *García y Bellido A*. Die Latinisierung Hispaniens // ANRW. Bd. I, 1. B.; N. Y., 1972. S. 470–486; *Keay S*. La Romanización... P. 162–164.
23. *González Roman G. y Diaz M.A*. Op. cit. P. 28–29; *González Roman C*. Op. cit. P. 194–202, 210; *Almagro-Gorbea M*. Un scenario bellico // Hispania Romana. Milano, 1997. P. 55; *Bosch-Gimpera P*. Op. cit. P. 515; *Richardson J*. Op. cit. P. 162–163.
24. *Vittinghoff F*. Op. cit. S. 72–73; *Castillo C*. Hispanos y Romanos en Corduba // Hispania antiqua. T. 4. Valladolid, 1974. P. 191 etc.; *Knapp R*. Op. cit. P. 9, 14; *Schulten A*. Valentia // RE. 2. R. Bd. 14. 1948. Sp. 2148; *Konrad C.F*. Segovia and Segontia // Historia. 1994. Bd. 43.4. P. 451; *Malavolta M*. La Carriera di L. Afranio (cos. 60 a.C.) // Miscillanea Greca e Roma. 1977. V. 5. P. 301–303; *Salmon E.T*. Roman Colonization under the Republic. L., 1969. P. 164; *Keay S*. Processes... P. 130, 242. *Galsterer H*. Untersuchungen zum römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. B., 1971. S. 11–12; *Циркин Ю.Б*. Древняя Испания. С. 175; *он же*. Римский Эмпорион. Путь к муниципию // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 121.
25. *Galsterer H*. Op. cit. S. 7.
26. Ссылка в прим. 1 на изданный в Испании «Словарь римского права» сопровождается ремаркой «см. подробнее» и потому носит чисто «декоративный» характер.
27. При этом ссылка на Гигина, из которого дан соответствующий перевод, дана без всяких уточнений, хотя помимо юриста Гигина был ещё и мифограф Гигин.
28. О низком уровне переводов Л. Л. Кофановым римских юридических текстов в литературе уже указывалось (*Князький И.О*. О пользе русского перевода Дтгест, или О научной добросовестности // Studia historica. Вып. V. М., 2005. С. 195–200).

I.G. Gurin

ASPECTS OF ROMANIZATION OF SPAIN: DURING EARLY EMPIRE IN NEWEST NATIVE LITERATURE

This is the review of a modern Russian historiography upon the problem — Romanization of Spain. The work marks, that recently the studying of the Spanish history of an early imperial period has mainly been done through a prism of the Roman law. The basic shortcoming of some researches is the use of only juridical literature, besides, problems are considered out of any historical context.

© 2007 г.

А.Д. Пантелеев

МУЧЕНИЧЕСТВО И САМОУБИЙСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА ЯЗЫЧНИКАМИ

Жители античного мира всегда испытывали живой интерес к странным вещам: таковы были диковинные животные вроде жирафов, морские бои, устраивавшиеся в Риме, или великаны, о которых с восторгом пишет Солин (I, 87 sqq.). Такое же внимание привлекали и зрелища, связанные со смертью, в том числе и добровольной. Толпы собирались для того, чтобы увидеть, как сожгут себя индийский брахман (Dio Cass. LIV, 9, 10) или киник Протей-Перегрин, о котором пишет Лукиан в «О смерти Перегрина». Поведение христиан могло показаться не менее любопытным, чем все эти удивительные вещи. А.Д. Нок справедливо отмечает, что единственным типом христианина, известным толпе, был тип мученика — ведь у христиан не было ни праздничных процессий, ни больших храмов, а священники не имели никаких видимых отличительных признаков[1]. Именно благодаря мученичеству многие узнавали о существовании религии Христа.

Тертуллиан рассказывает о безмерном удивлении проконсула Аррия Антонина, когда к нему явились христиане, желавшие прославить себя мученичеством. Магистрат воскликнул: «Несчастные! Если вы так добиваетесь смерти, разве нет у вас веревок и обрывов?» (Ad Scap., 5). В «Мученичестве Поликарпа» мы читаем: «Мужественнейший Германик… славно сразился со зверями, ибо когда проконсул, желая уговорить его, сказал: «Пожалей о своем возрасте», — то он натравил на себя зверя, желая скорее удалиться от неправедной и беззаконной их жизни» (Eus. HE, IV, 15, 5). Игнатий Антиохийский пишет: «Ибо ни я уже не буду иметь такого удобного случая достигнуть Бога, ни вы — ознаменовать себя лучшим делом, если будете молчать. Если вы будете молчать обо мне, я буду Божиим, если же окажете любовь плоти моей, то я должен буду снова вступить на поприще. Не делайте для меня ничего более, как чтобы я был заклан Богу теперь, когда жертвенник уже готов» (Rom., 2). Подобные примеры можно многократно умножить[2]; верующие рвутся умереть во имя Христа, и эта жажда смерти вводит в соблазн не только языческих наблюдателей, но и христианских современников: как следует относится к этому явлению? Где проходит грань между исповеданием веры и самоубийством? Этот вопрос очень непрост.

Эмиль Дюркгейм в конце XIX столетия дал свое знаменитое определение самоубийства: «Слово «самоубийство» относится к любой смерти, которая является *прямым* или *косвенным* следствием *позитивного* или *негативного* действия, осуществленного самим человеком, знающим, что его выполнение приведет к такому результату»[3]. Это определение слишком широко: так, самоубийством оказывается выбор преступником способа смертной казни, хотя здесь в принципе нет возможности выбора между жизнью и смертью. Точно так же определение Дюркгейма применимо и к героизму на войне, например подвигам Матросова или Гастелло, и к религиозному мученичеству. Но очевидно, что ни то, ни другое действие не являются самоубийством, так как человеком, который их совершает, движет не желание покончить с собой, а совсем другие мотивы. Сам Дюркгейм вполне сознавал ограниченность своего определения, связанную с отказом от рассмотрения идеи *намерения*. Он пишет: «В общеупотребительном смысле «самоубийство» — это отчаянный поступок человека, который больше не заботится о продолжении жизни», но Дюркгейм считает, что любая попытка классифицировать поступки в соответствии с мотивацией затруднена тем, что мотив действия зачастую сложно установить даже самому человеку, анализирующему свое поведение.

Сложность, указанная Дюркгеймом, действительно существует. Климент Александрийский на рубеже II–III в. писал: «Есть и другого рода люди, не имеющие ничего общего с нами, кроме имени, которые преднамеренно бегут навстречу палачу и отдают себя на смерть… Относительно этих самоубийц мы провозглашаем: смерть их не есть мученичество, хотя их и казнят по приговору властей» (Strom. IV, 17, 1). Таким образом,

если они действительно желали умереть, то они не являются мучениками. Если следовать мотивационному подходу, то мы будем должны пересмотреть наше отношение к некоторым мученикам (как, например, к Игнатию Антиохийскому, который запрещает римской общине хлопотать за себя) и к некоторым самоубийцам. Сами римляне, похоже, не видели разницы между республиканцами, которые умирали в силу непреодолимых обстоятельств или которым приказывали вскрыть вены, и более очевидными случаями самоубийства: Марк Аврелий упоминает вместе Катона, Тразею Пета и Гельвидия Приска (Med., I, 14)[4].

Нам сложно определить всеобщий критерий, согласно которому тот или иной поступок мог бы идентифицироваться как «самоубийство». Более того, современникам — и язычникам, и иудеям, и даже некоторым христианам — поведение мучеников казалось странным и необъяснимым, «для эллинов соблазн, для иудеев безумие». Суицид был хорошо известен в древнем мире и иудеям, и язычникам. В рамках этой статьи мы постараемся проанализировать, какие параллели между христианским мученичеством и самоубийством могли возникать у современников и какое значение они имели для восприятия новой религии языческим обществом и для самих христиан.

Какое значение могла иметь предшествующая христианской традиции мученичества традиция иудейская? Среди ученых до сих пор ведутся споры о происхождении феномена христианского мученичества: является ли оно развитием античной линии, самым ярким представителем которой является Сократ, или же в его начале следует поставить мученичество и исповедание Бога иудеями (например, во время реформ Антиоха Эпифана и Маккавейских войн)? В пользу иудейской традиции высказались В. Френд и Д. Боярин, в пользу античной — Г. Бауэрсок[5]. Любопытно, что античные авторы без какого бы то ни было интереса говорят о готовности иудеев расстаться с жизнью из-за своих убеждений. Так, Дион Кассий сообщает об этом лишь при описании ожесточенного сопротивления иудеев при осаде Иерусалима Титом (LXVI, 6). К тем же событиям относится и схожий пассаж у Тацита (Hist., V, 3). Любопытные сведения об отношении язычников к иудейскому мученичеству мы находим в Мидраш Танхуме: «<Язычники>, бывшие свидетелями <казни мучеников>, говорят: «Они <т.е. мученики> преисполнены порока, руки их замараны преступлениями, и за это они подвергнуты казни и умирают из-за своей греховности»»[6].

Иудейская традиция считает мученичество верным путем к бессмертию в будущей жизни (напр., 2 Макк. 7:9; только что приведенная цитата из Мидраш Танхума заканчивается следующим образом: «Но не ведают язычники, что мученики получат свой удел в вечной жизни»). Самоубийство, наоборот, признается самым гнусным грехом: человек должен жить до тех пор, пока его не освободит Господь. В Ветхом Завете мы находим несколько случаев самоубийства: Самсон, Саул и его оруженосец, Ахитофел; с другой стороны, можно найти и примеры тех, кто хотел покончить с собой, но был удержан от этого божественным вмешательством: Илия, Иона, Иов, Иеремия. Три случая самоубийства описано в более поздних книгах Маккавеев. Изменения, произошедшие в жизни иудеев в эллинистический и римский период, заставили составителей Талмуда пересмотреть свое отношение к суициду. Он признается допустимым, но лишь в том случае, когда человека принуждают к прелюбодеянию, убийству или идолопоклонству. Можно отметить рассказ о 400 мальчиках и девочках, которых везли в Рим для занятий проституцией. Они утопились в море, но перед этим ими был испрошен совет у раввина (Gittin, 57).

Две важные речи о самоубийстве содержатся в «Иудейской войне» Иосифа Флавия. Первая принадлежит самому Иосифу, он произносит ее в Иотапате, стремясь удержать своих товарищей от массового самоуничтожения (Bell., III, 8). Вторая произносится Элеазаром, предводителем сикариев в Масаде, с противоположной целью (Bell., VII, 8). Иосиф говорит: «Зачем мы так кровожадны к самим себе? Почему мы хотим разорвать тесную связь между телом и душой?.. Самоубийство противоречит природе всего живущего, это — преступление перед Богом, нашим творцом… От Него мы получили наше

бытие — Ему мы и должны предоставить его прекращение». Перед Иосифом стоит сложная задача: он должен оправдать собственный переход на сторону римлян так, чтобы сохранить лицо и в глазах соплеменников, и победителей. Поэтому он изображает себя одновременно хорошим иудеем, ссылаясь на Бога и на Закон, и хорошим римлянином. Во всей «Войне» он описывает силу, доблесть и честность римлян, а в этой речи у Иосифа проскальзывают и платонические нотки; он выступает против самоубийства, рассматривая его как преступление и против Бога, и против Рима[7]. Полная противоположность этой речи — речь Елеазара в Масаде. «От самого раннего пробуждения, — говорит он, — нам внушалось, что унаследованным от отцов божественным учением, что не смерть, а жизнь — несчастье для людей. Ибо смерть дарует душам свободу и открывает им вход в родное светлое место, где их не могут постигнуть никакие страдания». Если Иосиф — образец «хорошего» иудея, лояльного Риму, то Елеазар — заклятый враг римлян, а кроме того, и «плохой» иудей. Это выражается в том, что он откровенно искажает Закон и ссылается не на иудейскую или античную традицию, а на варваров-индийцев[8]. Все эти примеры могли иметь определенное значение для становления христианского взгляда на эту проблему.

В античности феномен самоубийства был хорошо знаком: мы встречаем это явление во многих мифах. Только в небольшом сборнике Гигина можно найти список из 15 убивших себя мужчин и 25 женщин (Hyg. Fab., 242-243). В греческих полисах часто запрещали совершать погребение самоубийц, а иногда правая рука такого человека хоронилась отдельно от тела. Это — отголосок древних суеверий, свидетельство того, что рука, убившая человека, — нечто чуждое по отношению к целому (Aesch. C. Ctes., 244, 8; Plato, Leg. IX, 12; Dio Chrys. Orat., IV, 14 et al.). Однако, было известно и самоубийство с одобрения государства; о таком обычае в Афинах сообщает Либаний — там самоубийцы получали от государства цикуту, так было на Кеосе и в Массилии (Val. Max., II, 6, 7-8). В любом случае, самоубийство, совершенное без разрешения властей — преступление.

В древнейшем римском своде права — фрагментах «Законов XII Таблиц» — мы не находим упоминаний о самоубийстве, однако Плиний Старший говорит об отказе погребать самоубийц и даже о том, что их тела распинались на крестах (Plin. NH, XXXVI, 24)[9]. По словам Сервия, повесившийся лишался права на погребение. Однако римское право признавало причины, по которым суицид считался «дозволенным»: это «невыносимость жизни», «нетерпимая боль или страдание», «лунатизм» или «страх бесчестия» (Dig. 48,21,3,6). Если же человек хотел покончить с собой по каким-то другим причинам, не входившим в список «уважительных», то это жестоко каралось. Так, императором Адрианом был принят закон, по которому солдат, попытавшийся совершить самоубийство с целью избавления от службы, приговаривался к смертной казни, а в случае, если причиной этого был какой-то дисциплинарный проступок, его завещание признавалось недействительным.

В античной философии проблема самоубийства рассматривалась различными школами. Наверное, важнейший текст, затрагивающий эту тему, — платоновский диалог «Федон», где Сократ и Кебет беседуют о природе души и Сократ, ссылаясь на пифагорейца Филолая, резко высказывается против всякого самоубийства как дела, неугодного богам (61d sqq.)[10]. Интересно, что этот диалог вошел в историю как причина самоубийства некоего Клеомброта, которому Каллимах посвятил свою эпиграмму:

Солнцу сказавши «прости», Клеомброт амбракиец внезапно
Кинулся вниз со стены прямо в Аид. Он не знал
Горя такого, что смерти желать бы его заставляло:
Только Платона прочел он диалог о душе.

(AP, VII, 471; пер. Л. Блуменау)[11]

Позже, в «Законах», Платон согласится с тем, что при некоторых обстоятельствах оно вполне приемлемо (873 c-d). Аристотель в «Никомаховой Этике» признает возмож-

ность самоубийства во имя друзей или родины, но никак не для избавления от личных проблем — нищеты, болезни, судебного обвинения и т.п. (N.E., 1169a19 sqq.; 1116a12; 1166b10 sqq.; 1138a4 sqq.). Киники с их учением о личной добродетели и свободе прямо заявляли, что в жизни человеку нужны только две вещи: или разум, или веревка. Кто-то из недоброжелателей спросил больного Диогена Синопского: «Отчего тебе не оставить жизнь, чтобы избавится от страданий?», на что философ ответил: «Люди, которые знают, что надо делать и говорить, должны жить. Тебе, поскольку ты не имеешь понятия об этом, самое подходящее дело — умереть, я же, знающий, что надлежит говорить и делать, должен жить» (Ael. V.H., X, 11; cf. D. L., VI, 24)[12].

Эпикурейцы к самоубийству относились скорее отрицательно, что вполне объяснимо их гедонистской этикой[13]. Впрочем, тема суицида ими специально не рассматривалась, обращение к ней происходит лишь эпизодически. Эпикур писал: «Что может быть нелепее, чем желать смерти после того, как всю жизнь тебе не давал покоя страх смерти?», и в другом месте: «Только люди бывают так неразумны и даже безумны, что некоторых заставляет умереть страх смерти» (Sen. Epist., 24, 23-24). Жизнь дается человеку лишь однажды, и не стоит самостоятельно прерывать ее: «Даже ослепнув, мудрец не лишит себя жизни» (D. L., X, 125). Однако киренаики, точно так же проповедовавшие гедонизм, считали, что самоубийство дозволено; один из них, Гегесий, имел даже прозвище «Учитель смерти» (D. L., II, 86). Цицерон рассказывает, что он так много и так красноречиво выступал на эту тему, что в Египте началась целая эпидемия самоубийств, а Птолемей даже запретил ему учить (Cic. Tusc. disp., I, 83).

Особого внимания заслуживает учение стоиков: «Сократ научит тебя умереть, когда будет необходимо, Зенон — раньше, чем будет необходимо», — писал Сенека (Epist., 104, 21)[14]. С точки зрения стоика, если правильно осознана причина и верно выбран момент, человек вправе покинуть этот мир, совершить εὔλογος ἐξαγωγή. И жизнь, и смерть суть вещи «безразличные», не имеющие отношения к истинному человеческому «я». В каких случаях мудрец решает умереть? Когда обстоятельства мешают ему жить согласно с природой, когда этого требуют его обязательства по отношению к родине или близким, когда продолжение жизни требует нарушения морального закона.

С большим вниманием вопрос о жизни и смерти обсуждался Сенекой[15]. Он постоянно обращается к самоубийству и упорно называет его «путем к свободе». По всей видимости, замечает Дж. Рист, жизнь при дворе Калигулы или Нерона была такова, что свободу там сохранить было трудно — будь то свобода философа или римского аристократа. Сенека соединяет самоубийство и свободу гораздо чаще и определеннее, чем кто-либо из известных нам стоиков: «Безумец, что ты стонешь? Чего ты ждешь? Чтобы за тебя отомстил какой-нибудь враг, перебив сперва все твое племя? Или чтобы какой-нибудь могучий владыка прилетел за тридевять земель к тебе на помощь? Оглянись: куда ни взглянешь, всюду конец твоим несчастьям. Видишь вон тот обрыв? С него спускаются к свободе. Видишь это море, эту речку, этот колодец? Там на дне сидит свобода. Видишь это дерево? Ничего, что оно полузасохшее, больное, невысокое: с каждого сука свисает свобода. Посмотри на свою глотку, шею, сердце: все это дороги, по которым можно убежать из рабства... Ты спрашиваешь, какой еще путь ведет к свободе? Да любая жила в твоем теле!» (De ira, III,15).

Сенека, правда, допускает, что порой человек накладывает на себя руки по причинам иррациональным: тоска, скука, отвращение к жизни, жажда смерти (*libido moriendi*) (Epist., 24, 24). Это недостойно мудреца и не может быть оправдано. Однако эта осторожная оговорка тонет во множестве пламенных гимнов самоубийству, которые есть почти в каждом сочинении Сенеки. Он вообще высоко ценил мученичество и, вероятно, рассматривал самоубийство как одну из его форм. Он превозносит тех, кто погиб от руки тирана, как Юлий Кан (De tranq. anim., 14, 4-10), или тех, кто смотрел в лицо мукам и угрозе смерти, как Луцилий (Nat. quaest., IV, praef. 15-17). Но самоубийство выше всего, ибо Сенека очень высоко ценит свободу. «Рациональное» самоубийство преодолевает страх смерти и тем самым освобождает от него. Сознательное, произвольное само-

убийство в эпоху Сенеки — «стоическая форма мученичества *par excellence*»[16]. В общем, схожей позиции придерживаются и Эпиктет, и Марк Аврелий.

Во многом под влиянием стоицизма в определенных кругах римского общества даже складывается культ самоубийства[17]. Марциал в своей эпиграмме говорит:

То, что Катон завещал безупречный, великий Тразея
Ты соблюдаешь, но жизнью не жертвуешь ты
И не бежишь на мечи обнаженные с голою грудью
Так поступая, ты прав, я убежден, Децион
Тот не по мне, кто легко добывает кровью известность
Тот, кто без смерти достиг славы, — вот это по мне

(Mart., I, 8; пер. Ф.А. Петровского).

Более того, похоже, что знаменитый юрист Ульпиан имеет в виду именно стоиков, когда, перечисляя мотивы самоубийства — осознание своего преступления, отвращение к жизни, тяжелая болезнь — причисляет к ним и «позерство, как некоторые философы» — «*iactatio ut quidam philosophi*» (Dig. 28,3,6,7).

Подводя итог, можно отметить, что римляне хорошо знакомы со смертью из-за своих политических или философских взглядов, причем стоицизм предоставляет определенный фундамент для «оправдания» суицида. Самые известные самоубийства приходятся на середину I в. н.э. — это Сенека, Петроний Арбитр, Тразея Пет, но не менее знамениты были и республиканцы, сражавшиеся за Республику — Катон Младший, Брут и другие. Кроме того, в то время были знакомы и религиозные самоубийства; так, можно вспомнить уже упоминавшиеся самосожжения брахмана в Афинах при Августе или Перегрина.

М. Гриффин выделяет общие черты самых знаменитых римских самоубийств начала императорской эпохи:

- «Театральность» обстановки — длительность процедуры (смерти Сенеки или Петрония Арбитра) и присутствие зрителей; более того, Сенека произносит свою последнюю речь, зная, что она будет опубликована: «И так как даже в последние минуты его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано» (Tac. Ann., XV, 63);
- «Социальный характер» — присутствуют друзья, ведется дискуссия, они пытаются отговорить самоубийцу от задуманного;
- Невозмутимость жертвы — нарочитое отсутствие страха перед лицом смерти доказывается использованием рациональных аргументов, заботой о других (Сенека хочет пересмотреть завещание в пользу друзей, Петроний отказывается от философских разговоров, но пирует и награждает и наказывает своих рабов, Тразея Пет прямо перед смертью в окружении «многих знатных мужчин и женщин» обсуждает с философом Деметрием «вопрос о природе души и раздельном существовании духовного и телесного» (Tac. Ann., XVI, 34));
- «Философские декорации» — так, Сенека подражает последним мгновениям жизни Сократа: философ, видя, что «смерть медлит своим приходом», просит дать ему заранее припасенный яд, «которым умерщвляются осужденные уголовным судом афиняне», а после этого он обрызгивает стоящих вокруг «со словами, что он совершает этой влагой возлияние Юпитеру Освободителю» (Tac. Ann., XV, 64)[18].

Без труда можно заметить, что к христианским мученичествам можно отнести как минимум три первые характеристики (театральность обстановки, социальный характер и невозмутимость жертвы). Естественно, можно возразить, что не от самих христиан зависело то, *как* они будут умирать, и сложно сравнивать театральность смерти Сенеки и христианского мученика[19]. Но при этом необходимо учитывать, что Сенека *не мог* спастись ни при каких обстоятельствах, в то время, как вся судебная процедура направлена

на то, чтобы спасти жизнь христианину и он, решившись на исповедание веры, уже знает, что его ждет.

Таким образом, христиане, так рьяно стремящиеся умереть, вполне могли быть «опознаны» образованными язычниками как люди, которые сознательно стремятся уйти из жизни, отказываясь совершить элементарную с точки зрения стороннего наблюдателя процедуру (похулить Христа, совершить жертвоприношение богам и поклясться Фортуной Цезаря (Plin. Epist., X, 96; Mart. Polyc.)). Как еще можно воспринимать описываемые автором «Мученичества Перпетуи» последние мгновения ее жизни: «Она взяла дрожащую руку гладиатора и подвела ее к своему горлу… Возможно, столь великая женщина не могла бы быть убита… если бы она сама этого не захотела» (Mart. Perp., 21, 9-10)[20]? Но эта проблема осознавалась и христианскими теологами.

Одна из сложностей состоит в том, что в Новом Завете и сочинениях первых поколений христианских писателей мы нигде не находим прямого осуждения или запрещения самоубийства: в евангелиях оно упоминается лишь однажды — это повесившийся Иуда (Мф. 27:3-5). Более того, Тертуллиан и Августин иногда очень близко подходят к тому, чтобы воспринимать распятие Иисуса едва ли не как добровольную смерть. Некоторые фразы Павла тоже могут быть истолкованы в этом смысле: чего только стоят слова из Послания к Филиппийцам о том, что «для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (1:21). Мы уже обращались к Посланию к Римлянам св. Игнатия, где он просит ничего не делать для его спасения. Все это создавало большой соблазн для фанатично настроенных верующих первых веков и требовало специального обсуждения.

Вопрос о соотношении самоубийства и мученичества рассматривался Тертуллианом в «Апологетике» и небольшом трактате «К мученикам», написанных в 197 г.[21] Он приводит в качестве параллелей массу примеров из языческого прошлого и настоящего: Лукреция, Гераклит, Эмпедокл, Регул, Клеопатра и все тот же Протей-Перегрин — его пример спустя 30 лет был все еще на слуху (Ad mart., 4). В целом, все рассуждение Тертуллиана сводится к тому, что если эти люди заплатили столь высокую цену за ложные ценности, то кто откажется заплатить столько же за ценность истинную (Ad mart., 4)? «Мы желаем страдать, — говорит карфагенский пресвитер, — точно так же, как воин желает сражаться» (Apol., 20). В поражении заключается победа христианина, истинный мир можно обрести только в тюрьме среди мучеников — парадоксы вполне в духе Тертуллиана. Г. Бауэрсок полагает, что позиция Тертуллиана — это позиция римлянина старой закалки; он следует пути, которым шли Цицерон и Сенека, он превращает Дидону и Лукрецию, покончивших с собой, в образец для подражания христианам (De exhort. cast., 13)[22].

Но существовала и другая тенденция, опиравшаяся не на стоицизм, а на платоническую традицию, негативно относящуюся к самоубийству. Этой линии придерживается Климент Александрийский. В четвертой книге «Стромат» Климент детально рассматривает вопрос о мученичестве. Он обращается к самому слову «мученичество» (μαρτυρία) и показывает, что «мученичество заключается в исповедании Бога. А если это так, то и каждая душа, проводящая свою жизнь согласно с познанием о Боге и исполняющая его заповеди, есть уже исповедница, делом и словом» (Strom., IV, 15, 3). Этой позиции придерживались и сторонники гностических течений, используя ее как основу для возможности «ложно» отрекаться во время гонений. Климент, зная об этом, говорит: «Некоторые же из еретиков, не постигнув сказанного Господом, питают нечестивую и трусливую привязанность к этой жизни и утверждают, что истинным исповедничеством является знание единого истинного Бога (что и мы также признаем), а поэтому нечестиво называют самоубийцей всякого христианина, своей смертью прославившего Бога. Они подтверждают свое мнение софизмами, которые внушены трусостью» (Strom., IV, 16, 3). В дальнейшем он раскрывает учение об истинном исповедании Бога в себе; человек не должен отрекаться от Христа, иначе и тот он него отречется на Страшном Суде, но и не должен сам добровольно предаваться в руки римских властей[23]. Еще раз, истинное исповедание заключается в душе человека.

Итак, среди христиан в то время не имелось единого мнения о соотношении мученичества и самоубийства. Внутри христианства сосуществовали различные течения со своей догматикой, но и внутри церкви боролись две традиции, одна из которых опиралась на стоицизм, а вторая — на платонизм. Мы не будем вдаваться в их дальнейшее подробное рассмотрение: этот вопрос требует особого обсуждения, но положительное отношение к добровольному мученичеству и добровольной смерти сначала вытесняется на периферию церковной жизни, а потом и объявляется незаконным. Спустя полстолетия Киприан Карфагенский напишет: «Никто из вас да не производит тревоги между братьями и никто да не выдает себя добровольно перед язычниками» (Epist., 66). Интересна в этом отношении эволюция предания об Агатонике (см выше, сноска 2). В ранней, греческой версии мученичества она стояла у костра, на котором сжигали Карпа. Внезапно она воскликнула: «Это блюдо приготовлено для меня! Я должна разделить трапезу и отведать это славное блюдо!» Кто-то из толпы напомнил ей о сыне, но она ответила, что у него есть Бог. После этого она сорвала одежды и, ликуя, бросилась в огонь. Латинские «Деяния Карпа» датируются более поздним временем, когда уже установился запрет на самоубийство. По их версии, Агатоника была арестована и приведена на костер[24].

В 303 г., во время Великого гонения, жительница Антиохии Пелагия заметила, что ее дом окружен врагами и никто не может придти к ним на помощь. Тогда она схватила свою маленькую сестру и бросилась в реку. Этот эпизод стал позже камнем преткновения для Амвросия Медиоланского, который смог преодолеть свои сомнения, только представив поступок сестер как крещение в водах Оронта (De virg., III, 33–36). Еще один замечательный пример преодоления этой традиции — рассказ об апостоле Петре в «Псевдо-Клементинах». Петр спросил встретившуюся ему нищенку, почему она не трудится. Она ответила, что у нее болят руки, и добавила, что готова «прыгнуть в пропасть или в море». Петр припугнул ее, сказав, что за самоубийство наказывают на том свете (Ps.-Clem., 12, 13). Окончательно споры о возможности суицида закрываются в христианской традиции решениями Арльского (452 г.) и Второго Орлеанского соборов (533 г.).

Каким образом римское общество могло воспринимать поведение мучеников? Для первых наблюдателей, чьи мнения дошли до нас — Тацита, Светония, Плиния Младшего — христианство — не более чем «безмерное уродливое суеверие» (*superstitio praua et immodica*) (Plin. Epist., X, 96). Когда Плиний сталкивается с исповедниками, то без промедления казнит их: «Я не сомневался, что в чем бы они ни признались, но их следовало наказать за непреклонную закоснелость и упрямство». Так видят христиан Лукиан и Марк Аврелий: «Ведь эти несчастные уверили себя, что они станут бессмертными и будут вечно жить; вследствие этого они и презирают смерть, а многие даже ищут ее сами» (De mort. Peregr., 15); «И чтобы готовность эта (умереть) шла от собственного суждения, а не из голой воинственности, как у христиан, — нет, обдуманно, строго, убедительно и для других, без театральности» (Med. XI, 3).

Христиане начала I в. — в основном, люди малообразованные и темные, но с течением времени ситуация постепенно меняется, христианство усваивает язык греческой философии и к таким персонажам, как Юстин Философ или сенатор Аполлоний, уже сложно относиться так, как Плиний. Образованный римлянин, не имеющий предубеждения против христиан, возможно, мог увидеть в их поведении какие-то знакомые черты, которые находили параллели в классической традиции. Это жрец Диониса из «Вакханок» Еврипида: он не может уступить царю, получив свое поручение лично от бога, и он знает, что бог освободит его, когда захочет. Это и Сократ, который заявляет: «Даже если бы вы сказали мне: «На этот раз, Сократ, мы не согласимся с Анитом и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть», — так вот, говорю я, если бы вы отпустили меня на этом условии, то я бы вам сказал: «Желать вам всякого добра — я желаю, мужи афиняне, и люблю вас, а слушаться буду скорее бога, чем вас, и пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать»» (Plat. Apol., 29C). Об этих и других возможных параллелях говорит А.Д. Нок[25], но и на менее обра-

зованные слои римского общества зрелище христианских мучеников производило сильное впечатление.

Многие исследователи относят культуру классического античного мира к «культурам стыда», где над человеком не висит чувство врожденной греховности (как в христианстве), но главная определяющая черта таких культур — боязнь «потерять лицо», опозориться. Человек в любом случае умрет, но лучше умереть, сделав что-нибудь замечательное, умереть достойно. Перспектива быть забытыми ужасала их, а уклонение от того, что человек должен был сделать — еще больше. Люди, стремившиеся любой ценой сохранить жизнь, пользовались в античности дурной славой. Сенека говорит о Телесфоре Родосском, придворном Лисимаха: «Только о женской слабости говорят слова того родосца, который, когда его по приказу тирана бросили в яму и кормили, как зверя, отвечал на совет отказаться от пищи: «Пока человек жив, он на все должен надеяться». Даже если это правда, не за всякую цену можно покупать жизнь» (Epist., 70, 6-7; De ira, III, 17). «Быть и дальше таким, каким ты был до сих пор, и в такой жизни мотаться и мараться — это в пору разве что бесчувственному и жизнелюбцу вроде тех полурастерзанных борцов, которые изранены зверьми, изгрызены, а все-таки просят, чтобы их оставили до завтра и в таком же виде бросили в те же когти и в ту же пасть», — писал Марк Аврелий (Med., X, 8, 2). Тацит замечает о сдавшемся римлянам Марободе, что он так в плену и умер, «немало омрачив свою славу чрезмерной привязанностью к жизни» (Ann., II, 63, 5).

Отважное исповедание своих взглядов во многом способствовало возникновению более позитивного взгляда на христианство. В I–II вв. н.э. большое значение уделяется «практической добродетели»: часто о философах судили не по учениям, а по их поступкам, и христиане на этом фоне выглядели далеко не худшим образом. Их мученичество было похоже на лучшие языческие образцы; в смерти, принятой добровольно, всегда есть некоторое обаяние, и язычники подпадали под его силу. Так христианство начало оправдываться в глазах простых жителей империи, но не меньшее значение это имело и для некоторых интеллектуалов. Самый яркий пример — знаменитый врач Гален, который прямо сопоставляет философов и христиан: «Люди, называемые христианами, имеют основой своей веры притчи (и чудеса), и тем не менее, некоторые идут тем же путем (как и те, кто философствует), так как их презрение к смерти (и к тому, что за ней следует) очевидно для нас каждый день, и точно так же мы видим их сдержанность в личной жизни. Ибо в их число входят не только мужчины, но и женщины, которые всю жизнь воздерживаются от сношений с противоположным полом; и среди них есть люди, которые своим воздержанием, самоконтролем в вопросах еды и питья и преданностью справедливости достигли высот не ниже, чем те, что достигнуты истинными философами»[26]. Христианство начало свое оправдание «практической добродетелью», дело осталось за «легализацией» в глазах интеллектуальной элиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Nock A.D.* Conversion: the Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo. Oxford, 1933. P. 193.
2. Во время допроса мученика Пиония Сабина улыбнулась, когда Пионий сказал, что намного хуже гореть после смерти, чем быть сожженным живым. Судья удивился ее реакции и спросил: «Ты еще смеешься?», на что она ответила: «Если Бог так желает, да. Мы христиане, а те, кто верит в Христа, будут не колеблясь смеяться в вечной жизни» (Mart. Pioni, 7,5). Когда Памфил был прибит к столбу, он выглядел счастливым и смеялся; на вопрос, почему он так себя ведет, мученик ответил: «Я вижу славу моего Господа, и радуюсь, что освободился» (Mart. Carpi et al., 4). Лаврентий в стихах Пруденция, будучи подвешенным над жаровней, заявляет: «Эта часть моего тела готовилась уже долго. Переверни его и посмотри, что сделал твой бог огня». Когда префект переворачивает его, Лаврентий советует ему поужинать с аппетитом и решить, как лучше тело

мученика: сырое или поджаренное? Мученица Агатоника срывает с себя одежду и сама бросается в огонь (Mart. Carpi et al., 44).

3. *Durkheim E.* Le suicide. 3eme ed. Paris, 1930. P. 5.
4. Катон Младший покончил с собой в Утике, не желая сдаваться Цезарю (46 г. до н.э.). Тразея Пет — сенатор, находившийся в оппозиции к Нерону; в 66 г. был приговорен к смертной казни. Гельвидий Приск — зять Тразеи, при Нероне изгнан из Рима и казнен Веспасианом.
5. *Frend W.H.C.* Martyrdom and Persecution in the Early Church: A Study of a Conflict from the Maccabees to Donatus. New York, 1967; *Bowersock G.W.* Martyrdom and Rome. Cambridge, 1995; *Boyarin D.* Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism // JECS. Vol. 4. 1998. P. 577-627.
6. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме / Введ. и комм. М. Штерна. Т. II. Ч. 1. М., 2000. С. 40.
7. Надо отметить, впрочем, что реальная позиция Иосифа по отношению к Риму была намного сложнее. См. об этом: *Mason S.* Josephus, Daniel and the Flavian House // Josephus and the History of the Greco-Roman Period. Leiden, 1994. P. 161-191; *Spilsbury P*. Flavius Josephus on the Rise and Fall of the Roman Empire // Journal of Theological Studies. Vol. 54. 2003. P. 1-24.
8. Любопытно, что в талмудической литературе события в Масаде не упоминаются вообще ни разу.
9. В «Дигестах» есть прямое запрещение погребать тела самоубийц: «Не следует погребать повесившихся и наложивших на себя руки не вследствие невыносимости жизни, но вследствие злой воли» (Dig. 3,2,11,3).
10. Другой пифагореец, Эвксифей, говорил: «Даны людским душам тело и здешняя жизнь в наказание и что бог постановил: если они не останутся здесь до тех пор, пока он сам не освободит их, то будут ввергнуты в еще худшие напасти. Потому-то все опасаются господской угрозы и боятся самовольно уйти из жизни, и лишь смерть в старости приемлют с радостью, веря, что освобождение души происходит по господской воле» (Athen. Deipn., IV, 46, 157cd).
11. О Клеомброте сообщают многие античные авторы. Подробнее об этом сюжете см.: *Williams G.D.* Cleombrotus of Ambracia: Interpretations of a Suicide from Callimachus to Agathias // CQ. Vol. 45. 1995. P. 154-169.
12. Подробнее о взглядах киников на самоубийство см.: *Rist J.M.* Stoic Philosophy. Cambridge, 1969. P. 237-238.
13. Но, например, Тит Помпоний Аттик, которого Цицерон называет эпикурейцем (Ad Att., IV, 6, 1; Leg., I, 21;54; III, 1; Fin., 5, 3), решил добровольно уйти из жизни, не изменив своего решения, даже когда болезнь отступила (Nep. Att., 21-22).
14. Подробнее об этом см.: *Benz E.* Das Todesproblem in der Stoischen Philosophie // Tubinger Beitrage zur Altertumswissenscaft. Bd. 68. 1929. S. 48 ss.
15. *Rist J.M.* Seneca and Stoic Orthodoxy // ANRW. II. 36.3. 1989. S. 1993-2012.
16. *Nock A.D.* Conversion. P. 197; *Griffin M.* Seneca. A Philosopher in Politics. Oxford, 1976. P. 387.
17. *Griffin M.* Philosophy, Cato, and Roman Suicide I // Greece and Rome. Vol. 33. 1986. P. 67.
18. Idem. P. 65-66.
19. Отметим, что определенная свобода выбора способа смерти у мучеников иногда была. В «Мученичестве Перпетуи» осужденным дается возможность выбрать, от когтей и зубов какого животного они примут смерть. Сатур, например, был готов к борьбе со всеми, кроме медведя, так как для него не было ничего омерзительней.
20. *Fortasse tanta femina non aliter non potuisset occidi, quae ab immundo spiritu timebatur, nisi ipsa voluisset*.
21. Датировка произведений Тертуллиана дается по: *Barnes T.D.* Tertullian. A Historical and Literary Study. Oxford, 1971. P. 30-59.
22. *Bowersock G.W.* Martyrdom and Rome. P. 63.

23. Еретики, отрекающиеся от Христа во время гонений, не являются выдумкой ересиологов. В «Свидетельстве истины» мы читаем: «Глупцы — думающие в своем сердце, что если они исповедуют «Мы христиане» только словом, а не на деле; отдающие себя незнанию, физической смерти, не знающие, куда они идут, не знающие, кто Христос, думающие, что они будут жить, в то время как они заблуждаются, — следуют за начальствами и за властями; они же и попадают в руки последних из-за незнания, которое в них. Ибо если бы только слова, которые свидетельствуют, спасали, тогда весь мир уповал бы на это и был бы спасен. Но именно таким образом навели на себя заблуждение. Они не знают, что уничтожают себя. Если бы Отец хотел человеческой жертвы, он оказался бы тщеславным» (NHC, 9, 3). Впрочем, существовала и другая точка зрения: «Никто из тех, кто боится смерти, не спасется, ибо Царство принадлежит тем, кто отдает себя на смерть», — говорится в «Апокрифе Иакова» (NHC, I, 2). Причины легкости отступничества и демонстрации лояльности традиционной римской религии лежали в теологии и христологии гностиков: они не верили, что божественная, духовная часть Христа страдала на кресте, и это делало мученичество бессмысленным самоубийством. Василид, например, вовсе утверждал, что «Он Сам (Христос — А.П.) не страдал, но некто Симон Киринейский, который был принужден нести за Него крест; он был преображен Им так, что его считали Иисусом, и по невежеству и ошибке был распят; а сам Иисус принял образ Симона, стоял там и смеялся над ними» (Iren. Adv. haer., I, 24, 4). Подробнее об этом см.: *Pagels E.H.* Gnostic and Orthodox Views of Christ's Passion: Paradigms for the Christian's response to persecution? // The Rediscovery of Gnosticism. Vol. I. Leiden, 1981. P. 262-288.
24. *Хоф, ван А.* Женские самоубийства в античном мире: между вымыслом и фактами // ВДИ. 1991. № 2. С. 29.
25. *Nock A.D.* Conversion. P. 193-201.
26. Фрагменты Галена приводятся в: *Walzer R.* Galen on Jews and Christians. London, 1949.

A.D. Panteleev

MARTYRDOM AND SUICIDE: PERCEPTION OF EARLY CHRISTIANITY BY PAGANS

The topics of the present article are the phenomenon of martyrdom, suicide in early Christianity and the specificity of its perception in antique society. The author notes, that the Christians aspiring to die could «be identified» by the educated pagans as people who deliberately long for death. At that time there was no unanimous opinion about the ratio of martyrdom and suicide among Christians. Inside Christianity various currents coexisted with their own dogmatic, also two traditions struggled inside the church, one of which was based on stoicism, and the second — on philosophy by Plato. It is also marked, that in 1st — 2nd cc. A.D. the great value was given to «practical virtue»: philosophers were often judged not from their doctrines, but from their deeds. So, Christians looked far from being the worse image against this background, their martyrdom was similar to the best pagan samples; there is always some charm in the death accepted voluntarily and pagans fell under this power.

© 2007 г.

Э.Д. Фролов

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ АНТИКОВЕДЕНИИ: РИМСКАЯ АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ В ТРАКТОВКЕ И.М.ГРЕВСА

Первоначально развивавшаяся как побочное ответвление немецкого антиковедения, русская наука об античности с середины XIX в. стала вровень с другими европейскими школами, а к исходу этого столетия и началу следующего числила в своем активе целый ряд перворазрядных, европейского уровня ученых и немало значительных свершений.[1] Показательным при этом было богатство научных направлений, служившее залогом всестороннего охвата и постижения древней цивилизации и вместе с тем создававшее условия для творческой реализации ученых самого различного характера, самых разных способностей, склонностей и ценностных установок.

В самом деле, в предреволюционном русском антиковедении отчетливо выделяются такие (если называть только главные) направления, как ставшие уже традиционными историко-филологическое и культурно-историческое и новые или, вернее, тогда именно заново оформившиеся — социально-политическое и социально-экономическое. Каждое было представлено фигурами без всяких сомнений самого высокого уровня: в историко-филологическом направлении тон задавали представители Петербургской историко-филологической школы, эпиграфисты, знатоки древностей и истории Ф.Ф.Соколов и его ученики В.В.Латышев и С.А.Жебелев, в культурно-историческом лидировал выдающийся знаток античной литературы и религии, блистательный ученый и публицист, тоже профессор Петербургского университета Ф.Ф.Зелинский, в социально-политическом — исследователь афинской демократии, харьковский профессор В.П.Бузескул, а в социально-экономическом — признанный позднее (наряду с Т.Моммзеном и Эд. Мейером) корифеем мирового антиковедения М.И.Ростовцев.

Обращаясь к социально-экономическому направлению, которому суждено было стать наиболее актуальным в новейшее время, заметим, что его развитие не было делом рук одного лишь М.И.Ростовцева. Свою роль здесь сыграли и другие ученые, хотя и не такие великие, как Ростовцев, но тоже весьма значительные, — И.М.Гревс, Р.Ю.Виппер, М.М.Хвостов. Из них особый интерес вызывает коллега Ростовцева по Петербургскому университету Гревс. Оба они — и Гревс, и Ростовцев — начинали с изучения экономической истории античности (именно — Рима) и, таким образом, оба стояли у истоков нового научного направления. Но сколь различны были их характеры, их жизненные судьбы и научные свершения!

Контраст между ними бросается в глаза: мягкий, лирически-настроенный Гревс совершенно не походил на страстного, бурного, а временами и яростного Ростовцева. Их научное развитие определялось различными импульсами: у Гревса, который был учеником В.Г.Васильевского и почитателем Фюстель де Куланжа и Карла Бюхера, определяющим было воздействие новой историко-социологической литературы, у Ростовцева — знакомство с новооткрытыми надписями и папирусами. В трактовке явлений экономической жизни античного мира они руководствовались совершенно противоположными установками: первый — примитивизирующей классическую древность ойкосной теорией Родбертуса-Бюхера, второй — модернизаторским подходом в духе Эд. Мейера.

Наконец, обсолютно несхожими были их судьбы и в науке, и в жизни: Гревс подвержен был душевным срывам и творческим колебаниям, следствием чего явился ранний его переход от изучения поздней античности к собственно медиевистике, Ростовцев последовательно, с редкой целеустремленностью реализовал свою программу постижения социально-экономической жизни древнего мира. Первый терпеливо сносил невзгоды, обрушившиеся на русскую интеллигенцию после Октябрьской революции, второй наотрез отказался примириться с новыми порядками и, эмигрировав, нашел на Западе новые возможности для своей творческой активности.

И все же, при всем том, у них были и общие черты, позволяющие сближать их и рассматривать как выдающихся представителей одного духовного круга. Такими чертами были принадлежность к передовой, западнически-ориентированной русской интеллигенции, высокая общая и научная культура, приверженность к традициям Петербургской научной школы и, наконец, выступление в роли зачинателей в одном и том же научном направлении. Ниже мы специально остановимся на научном творчестве И.М.Гревса как антиковеда и постараемся оценить его вклад в разработку социально-экономической истории античного мира.

Иван Михайлович Гревс (1860–1941), происходил из старинного, хотя и не слишком знатного и не очень богатого дворянского рода.[2] С детских лет его тянуло к словесности: он увлекался чтением русских классиков и исторических книг. В те же годы зародился интерес и окрепли симпатии (в особенности под влиянием Франко-прусской войны 1870–1871 гг.) к Франции. Росту гуманитарного интереса содействовало обучение в классической гимназии, по окончании которой Гревс в 1879 г. поступил на Историко-филологический факультет Петербургского университета. В течение года он колебался в выборе специализации, одно время подумывал о новой истории Франции, но на втором курсе *под влиянием профессора В.Г.Васильевского* окончательно останавливает свой выбор на истории средних веков. Скоро он погружается в изучение *истоков европейского феодализма*, и это приводит его к специальным занятиям историей переходного времени между античностью и средневековьем.

В 1883 г. Гревс окончил университет, получив золотую медаль за выпускное (кандидатское) сочинение «Римско-византийское государство в VI в. по новеллам Юстиниана и другим законодательным сборникам христианских императоров». Ввиду проявленных больших способностей к ученой деятельности он был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию.

После сдачи магистерских экзаменов перед Гревсом открывается перспектива работы в университете, но прежде, летом 1889 г., он совершает первое свое заграничное путешествие. Его маршрут пролегает через Германию, Францию, Швейцарию, Австрию. Особенно сильны были его впечатления от любимых с детства Франции и Парижа, где он завел первые знакомства в западном ученом мире и окунулся в атмосферу всеобщего почитания великого мэтра — только что скончавшегося *Фюстель де Куланжа*. С трудами этого замечательного ученого, так много сделавшего в разработке фундаментальных проблем античной и средневековой истории (в частности, античной гражданской общины и генезиса феодализма), Гревс был знаком и ранее, теперь же он становится пылким почитателем Фюстель де Куланжа.[3]

По возвращении из заграницы, с января 1890 г. Гревс начал чтение лекций в Петербургском университете в качестве приват-доцента. Темой его первого лекционного курса была история государства и общества в период падения Римской империи. С 1892 г. Гревс начал читать лекции также и на Высших женских (Бестужевских) курсах.

Между тем подвигалась работа и над диссертацией. Стремясь проследить истоки феодальных отношений в Западной Европе, Гревс, под влиянием В.Г.Васильевского и по примеру нового своего кумира, Фюстель де Куланжа, углубился в изучение социально-экономической истории Римской империи «как почвы, на которой вырос средневековый строй».[4] Прототипом средневековых баронов он полагал римскую знать времени Империи, а так как основой мощи и значения последней были их поместья, то темой диссертационного исследования стала история крупного землевладения в Риме — как частного, так и императорского.

В 90-е годы Гревс дважды побывал в длительных заграничных командировках (1890–1891 и 1894–1895), во время которых он усиленно работал в библиотеках Парижа и Рима, занимаясь сбором и изучением материалов для своей диссертации. В эти годы укрепляются его личные *связи с французской школой*: он завязывает знакомство с учениками Фюстель де Куланжа, выдающимися продолжателями его дела Полем Гиро и Камиллом Жюллианом, с другими крупными учеными, в частности, с известным иссле-

дователем римской социальной и духовной жизни Гастоном Буассье и специалистом по латинской эпиграфике Рене Канья. Такая преимущественная ориентация на французскую науку была необычной для русских специалистов по классической древности, как правило шедших в русле немецких традиций (исключением был разве что сам основоположник Петербургской исторической школы М.С.Куторга, высоко ставивший заслуги французской романтической историографии). Это признавал и сам И.М.Гревс, писавший позднее: «Среди всеобщих историков в России я — один из немногих — являюсь последователем французской, а не немецкой школы. И это связано с французскими симпатиями, выросшими у меня из самого детства (отзвуки Франко-прусской войны), а потом из увлечения мною книгами Фюстель де Куланжа по истории древней Франции, которые стали появляться во время моего студенчества, и из впечатлений моего первого путешествия в Париж».[5]

С середины 90-х годов Гревсом публикуются в виде обширных журнальных статей отдельные фрагменты широко задуманного исследования по истории римского землевладения во времена Империи.[6] Часть этих этюдов, посвященных развитию крупного частного землевладения, объединенных и изданных в качестве первого тома *«Очерков из истории римского землевладения (преимущественно во время Империи)»* (СПб., 1899), была представлена и защищена им в качестве магистерской диссертации (1900 г.). Второй том, где центральной темой должна была стать история императорского землевладения, автор намерен был в недалеком будущем представить в качестве следующей, докторской диссертации.

Магистерская диссертация И.М.Гревса — обширное, обстоятельное ученое сочинение. Оно открывается *предисловием*, где автор формулирует тему своего исследования. Он признается, что интерес к изучению социальной истории поздней античности ради, как далее неоднократно будет подчеркиваться, более глубокого понимания генезиса средневекового строя был внушен ему впервые его университетским наставником В.Г.Васильевским. Первоначальным его намерением было составить «полную историю аристократических классов в Римской империи» (с.XI–XII), но, по зрелому размышлению, он свел свою задачу «к разработке истории крупной земельной собственности в Риме, субъектом которой именно являлась и до конца оставалась знать»(с.XIII).

За этим следует обширное *введение*, где дается обзор исследований в области социально-экономической истории Рима и справедливо указывается на их недостаточность, на отсутствие, в частности, исчерпывающей разработки аграрных отношений в Римской империи. В представленном здесь обширном историографическом обзоре выделяется ряд пассажей, имеющих принципиальное значение. Это, в частности, указание на первостепенное *значение трудов Фюстель де Куланжа* (с.22 слл.), который развил «концепцию о непрерывности исторического развития» и обосновал «тезис о глубине и продолжительности влияния форм и институтов общественного строя, которые сложились в римском мире, на дальнейшую эволюцию европейских государств». Изучение переходного времени от античности к средневековью привело французского ученого «к коренному обновлению вопроса о происхождении феодализма», а именно — «феодальное землевладение великолепно показано естественно развивающимся в тесном преемстве с аграрными формами и отношениями, вышедшими из римской империи». Как видно из труда Гревса, это положение Фюстель де Куланжа целиком было им воспринято и положено в основу собственного исследования.

Другой интересный пассаж касается воздействия на занятия экономической историей древности со стороны *новейшей политэкономии* (с.35 слл). Автор определенно признает, что «политико-экономические трактаты Карла Маркса и его крупных последователей, а затем вообще пышный современный расцвет экономической литературы, научной и публицистической, различных школ и партий, играли тут выдающуюся роль». Вместе с тем он обращает внимание на «замечающееся теперь крайнее увлечение историко-экономическими разысканиями или этюдами». Он подчеркивает односторонность гипотезы «экономического монизма» и в этой связи подвергает резкой критике недавно

появившуюся книгу Н.Бельтова (Г.В.Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (СПб., 1895). Он упрекает ее автора в недостаточном знании и произвольной трактовке историософских вопросов, а также в «грубых приемах полемики с противниками» (что, как мы теперь хорошо знаем, было характерной чертой марксистской публицистики), которые «вызывают протест в каждом писателе, дорожащем хорошими литературными нравами».

Гревс предвидит неизбежный крах материалистического монизма при столкновении его с подлинной исторической наукой: «Вряд ли может такая односторонняя доктрина устоять против глубокого и беспристрастного исследования прошлого». Признавая склонность современного человека к идее монизма, историк не исключает возможности его торжества в будущем, но тогда скорее в виде *идеалистического*, а не нынешнего, *материалистического* монизма. «Но в настоящее время, — заключает он, — во всяком случае историк принужден так или иначе допускать множественность действующих в истории и создающих процесс ее основных факторов». Для нас все эти рассуждения крайне интересны как первый пример реакции историка-классика на распространяющуюся в ученом мире доктрину марксизма, причем поучительно именно критическое восприятие этого социолого-философского учения, учет как сильных его сторон, так — и еще больше — опасных крайностей.

Еще один важный пассаж касается *развития самой науки древней истории* (с.41 слл.). Автор указывает на отрицательные последствия укоренившегося в антиковедении, в особенности под немецким влиянием, монопольного положения классической филологии. При этом античная история оказывалась всего лишь вспомогательной дисциплиной, «учением о древностях» (Altertumswissenschaft), призванным служить познанию и уразумению текстов древних авторов. Такая система препятствовала самостоятельному развитию истории и совершенно исключала возможность изучения явлений экономической жизни.

Эти суждения Гревса — знамение времени. Они шли в русле все более крепнувшего среди специалистов-антиковедов как на Западе (пример — Эд. Мейер), так и в России (В.П.Бузескул) убеждения в необходимости комплексного изучения античности — и филологами, и историками. Это вело к самоопределению науки античной истории, которая могла занять теперь свое равноправное место: в изучении античности — наряду с классической филологией, а в более обширном комплексе всеобщей истории — наряду с историей средних веков и историей нового времени.

Завершалось введение несколькими общими *методологическими положениями* (с.51 слл.). Выразительно определяется не только предмет, но и задача предпринятого исследования: изучение римского землевладения важно «не только для познания истории римского мира, но и для уразумения связи между социальным строем древности и образованием государства и общества народов новой Европы», а более конкретно — для решения вопроса «об участии римских начал в эмбриогении средневекового строя».

Поясняется конкретный метод исследования — посредством отдельных самостоятельных этюдов, сосредоточенных на толковании какого-либо важного источника или на изучении какой-либо значимой (в данном плане) личности. Таких этюдов намечается четыре: 1) воссоздание общей картины римского землевладения при утверждении Империи по произведениям Горация; 2) история состояния крупного собственника — Т.Помпония Аттика; 3) общий очерк образования больших поместий в республиканское время и их распространения ко времени утверждения Империи; 4) организация латифундии на примере хозяйства Плиния Младшего. Два первых, уже опубликованные в виде журнальных статей, отобраны для издаваемого первого тома, третий, часть которого также была опубликована, и четвертый должны войти в следующий том.

Завершается введение еще одним важным указанием на общую историко-философскую установку автора: его намерением является изучение как избранного социально-экономического процесса, так и современного ему нравственного и умственного состояния людей, равно как и их взаимодействия, — иными словами, обеспечение в исто-

рическом исследовании единства социологического и антропологического подходов.

Основное содержание диссертации, состоящее из двух названных выше очерков о римском землевладении по Горацию и о состоянии Аттика, отличается полнотой привлечения и доскональностью анализа относящихся к теме материалов. В первом очерке обрисована общая картина земельных отношений в Риме к началу Империи. Автор приходит к выводу, что заглавной чертой здесь было торжество земельного магнатства, а оборотной стороной — упадок некогда многочисленного и сильного крестьянства. Что же касается того типа средних землевладельцев, который представлен самим Горацием, то слой этот был социально незначимым, поскольку составляющие его владетели, как правило, являлись клиентами все тех же влиятельных магнатов (так, Гораций был клиентом Мецената). Во втором очерке на примере Т.Помпония Аттика показана трансформация земельной аристократии в Риме, а именно — как на фоне разложения и гибели значительной части старой республиканской знати явилась к жизни новая ее поросль, более гибкая, сумевшая приспособиться и поладить с новым монархическим режимом, а позднее и подчинить его себе.

Завершается работа обширным теоретическим *заключением*. Здесь разъясняется своеобразие избранного автором научного *метода*, сутью которого является сочетание частных историко-филологических экскурсов, или, как он их теперь называет, индивидуальных этюдов, с общей социологической *теорией*, каковой для него служит концепция экономического развития *Европы*, предложенная немецкими политэкономами И.-К.Родбертусом и К.Бюхером.

В особенности К.Бюхер попытался представить весь ход экономического развития, в зависимости от уровня товарно-денежных отношений, как последовательную смену трех главных типов хозяйства. Первый тип представлен домашним, или ойкосным (от греческого οἶκος — «дом»), хозяйством, по сути дела замкнутым на себя и не нуждающимся в обмене. Этот тип господствовал в древности и в раннем средневековье (примерно до конца I тыс. н.э.). Второй тип — городское хозяйство, для которого характерен прямой обмен между производителями и потребителями, в особенности же — обмен между городом и примыкающей к нему сельской округой. Этот тип господствовал в пору развитого средневековья и до начала нового времени (примерно XI–XV вв.). Третий тип — народное хозяйство, когда развивается производство товаров для рынка, а самый рынок охватывает области новых больших государств и даже выходит за их пределы. Этот тип развивается с образованием обширных национальных государств, т.е. примерно с XVI–XVII вв.

Гревс принимает эту схему, и его не смущает видимое стремительное развитие товарно-денежных отношений в античном мире. По его мнению, первоначальные успехи товарных (он говорит — «капиталистических», что в данном случае одно и то же) форм хозяйства в Риме носили поверхностный характер и длились относительно недолго. Торговля в древнем мире не отличалась размахом, там не сложилось самостоятельных значимых классов торговцев и ремесленников, а широкое использование труда рабов, особенно в крупных поместьях, оставалось преградой для развития товарного ремесленного и фермерского хозяйства. Напротив, при всех метаморфозах, которым оказалось подвержено крупное землевладение (в частности, в связи со сменою социального типа его носителей при переходе от Республики к Империи), оно до конца античности оставалось первенствующим, а вместе с ним таким оставался и тот тип хозяйства, который оно представляло, именно — замкнутое ойкосное хозяйство. Пережив социальную смуту на грани старой и новой эры, вновь окрепнув и подчинив своему влиянию императорскую власть, земельное магнатство добилось большего: своим самодовлеющим способом хозяйствования оно разрушило постепенно связи, соединявшие воедино античный мир, и после падения Империи стало абсолютно господствующим слоем — феодальной знатью средневековья.

Мы так подробно остановились на обзоре труда И.М.Гревса, потому что он и в самом деле, по нашему мнению, представляет замечательное явление в истории русской

науки всеобщей истории. Нам импонирует и самый метод индивидуальных этюдов, положенный в основу исследования, и фактическое богатство и скрупулезное изучение привлеченных материалов, и, наконец, проявленный автором интерес к новейшим социологическим теориям и попытка с их помощью дать общее истолкование социально-экономического развития позднеантичного, римского мира. Последнее — отрадное явление, свидетельствующее о том, что после длительного периода чисто источниковедческих и фактологических исследований (мы имеем в виду Ф.Ф.Соколова и его школу) русское антиковедение вновь обратилось к общему осмыслению исторического процесса.

Сказанное отнюдь не означает, что все одинаково устраивает нас в труде И.М.Гревса. Небезупречен стиль изложения: построение разделов — несколько рыхлое, фразы страдают многословием, встречаются неуместные в трудах такого рода лирические излияния (ср. конец предисловия, со стр. XXI, и окончание заключения. С. 618–620). Но главное — достаточно спорны центральные теоретические положения. Заимствованные у Фюстель де Куланжа убеждение в эволюционности перехода от античности к средневековью и выведение истоков средневекового феодализма из недр Римской империи наталкиваются на очевидный разрыв в исторической жизни Европы в связи с великим переселением народов и варварским завоеванием, разрушившим до известной степени не только традиции античной городской жизни, но, что бы там ни говорили куланжисты, и укоренившуюся систему аграрных отношений. Достаточно напомнить в этой связи о смене этно-социального типа знати (к примеру, в Галлии — явление новой, *франкской* знати), о новой, в принципе, иерархии социальных отношений, о традициях общинного быта у массы варваров, расселившихся на землях рухнувшей Империи.

Еще больше сомнений вызывает принятие Гревсом схемы экономического развития, предложенной К.Бюхером, и соответственное истолкование экономического строя античности и, в частности, Римской империи как, по сути дела, замкнутого ойкосного хозяйства. «Между тем, — замечает в этой связи совершенно справедливо В.П.Бузескул, — теория Бюхера, включающего всю древность в период замкнутого, домашнего, «ойкосного» хозяйства, вызывает сильные возражения: она слишком прямолинейна; не считается с фактами, которые ей противоречат».[7] Симпатии Гревса к теории Бюхера, возможно, имплицитно восходят к усвоенному от того же Фюстель де Куланжа представлению об античности как цивилизации sui generis, радикально отличавшейся от общества новой Европы. Но здесь, на наш взгляд, более прав Эд. Мейер, который подчеркивал существенное сходство античного и новоевропейского циклов развития по многим параметрам — и в духовной культуре, и в трактовке правовых норм, и, наконец, в развитии товарно-денежных отношений. Спор между сторонниками Бюхера и теми, кто пошел за Эд. Мейером, продолжается и по сию пору. Здесь, конечно, не место входить в его историю и детали, но наше предпочтение мы скрывать не будем: оно всецело на стороне противников Бюхера — Эд. Мейера и его последователя в России М.И.Ростовцева.[8]

Как бы то ни было, диссертация И.М.Гревса стала замечательным явлением в научной жизни Петербурга и России. Она по достоинству, высоко (хотя и не без некоторых естественных в таких случаях оговорок) была оценена его официальными оппонентами Ф.Ф.Соколовым и Ф.Ф.Зелинским, чье авторитетное мнение подвело черту под публичным обсуждением нового труда.[9]

Успешная защита диссертации открыла Гревсу путь к профессуре: в университете, где он еще раньше занял место умершего В.Г.Васильевского (1899 г.), он был избран профессором по кафедре истории средних веков (1903 г.). Параллельно продолжалась его деятельность и на Высших женских курсах, где он также был профессором и даже — в течение многих лет — деканом Историко-филологического факультета.

Казалось, ученая карьера И.М.Гревса вполне определилась, однако очень скоро произошел досадный творческий срыв. В 1902 г. в журнале «Klio» немецкий исследователь Отто Гиршфельд опубликовал статью об императорском землевладении в Риме,[10] в которой в какой-то степени предвосхитил содержание задуманного Гревсом второго тома

«Очерков из истории римского землевладения». Огорчение Гревса было столь велико, что он отказался от мысли продолжать далее свое исследование.[11]

Порвав с античностью, он обратился к средневековью, сначала раннему, затем классическому, занимался различными темами — феодализмом во Франции, итальянскими городскими коммунами, культурой предренессанса (Данте), но, как представляется, нигде уже не добивался таких существенных результатов, как это было в области аграрной истории Рима.

Неудовлетворенность собственной научной работой толкала Гревса к погружению в педагогическую деятельность, к которой, впрочем, он всегда испытывал большое влечение. В университете он много занимался организацией специального медиевистического кабинета, приспособленного для самостоятельной научной работы студентов; с большой тщательностью разрабатывал и вел как в университете, так и на Бестужевских курсах специальные исторические семинары (или, как тогда говорили, семинарии); наконец, разрабатывал маршруты и проводил для своих учеников исторические экскурсии по городам Италии с тем, чтобы воочию познакомить их с памятниками западного средневековья. После Октябрьской революции, когда путешествия на Запад стали невозможны, он увлекся отечественным краеведением и специально — петербургским, став здесь основоположником оригинальной историко-культурной экскурсионной школы.

Все эти занятия, ценные сами по себе, отвлекали Гревса от большой научно-исследовательской работы. От антиковедения он, во всяком случае, надолго отошел, и только в конце жизни вновь пробудился в нем интерес к сюжетам, которые так захватывали его в молодые годы. В 1936 г. он получил предложение от Института истории АН СССР подготовить переиздание своих «Очерков из истории римского землевладения». С охотою вернулся он к теме своего большого диссертационного исследования и занялся его переработкой и расширением. Как когда-то и было задумано, труд должен был состоять из двух томов. «В первый том, — свидетельствует Б.С.Каганович, — кроме переработанных и сокращенных очерков о Горации, Аттике и Петронии вошли новые статьи «Марк Порций Катон Старший и начало крупной земельной собственности в римской Италии» и «Сенека-философ и судьба его земельного состояния».[12] Второй том был весь написан заново и включал работы «Плиний Младший как землевладелец и как общественный тип», «Развитие императорского землевладения в римском мире и его социально-политическая роль» и «Римская Галлия в IV и V вв. (судьбы аграрного и социального строя на Западе и распадение Римской империи)». Последние два очерка также не отступают от типа «экономических биографий»; первый из них содержит историю состояния Августа и его семьи, второй трактует о галльских магнатах-литераторах Авзонии, Паулине Ноланском и Аполлинарии Сидонии».[13] Е.Ч.Скржинская и Б.С.Каганович свидетельствуют, что Гревс практически довел свой труд до конца,[14] однако опубликованным оказался лишь небольшой этюд из истории императорского землевладения времени раннего Принципата (часть второго очерка из состава 2-го тома).[15]

В связи с этим сюжетом о судьбе фундаментального труда И.М.Гревса по истории римского землевладения необходимо коснуться двух вопросов, разъяснение которых в наличествующих историографических работах нельзя признать удовлетворительным. Первый вопрос — о подготовке Гревсом новой более полной версии своего труда, с включением второго тома. Е.Ч.Скржинская положительно свидетельствует, что эта задача была Гревсом выполнена: «Прямым продолжением магистерской диссертации должна была быть следующая, *уже почти тогда готовая* работа по вопросу развития императорской земельной собственности от начала империи до ее падения».[16] И ниже: «К концу жизни И.М. опять вел интенсивную научную работу. Он вернулся к теме своей молодости <…>. Переработав и расширив «Очерки римского землевладения», он *подготовил их к печати* в виде капитального двухтомного труда. Он включил в него и обширный вопрос об императорской земельной собственности, которым он так увлеченно занимался и который так неожиданно принес ему столько горечи. Зато под старость он с новой знергией, удивительной в человеке, вступившем в девятый десяток лет жиз-

ни, принялся за давно задуманное сочинение и *успел закончить* его».[17] То же утверждает и Б.С.Каганович: «Работа над новым вариантом «Очерков» (они составили теперь два тома) продолжалась пять лет и *была почти доведена Гревсом до конца*». Далее идет обзор содержания, который мы уже цитировали, и из которого повторим знаменательную фразу: «Второй том был весь написан заново».[18]

Однако на самом деле не существует никаких прямых доказательств того, что Гревс довел работу по подготовке нового, полного издания своих «Очерков», до конца. В его рукописном наследии (оно хранится в Петербургском филиале архива РАН, фонд 726) имеется переработанный, сильно расширенный первый том (к очеркам о Горации и Аттике добавлены новые главы о Катоне, Сенеке, Петронии и Колумелле), но второго тома нет, и о предполагаемом составе его можно судить только по общему, помещенному в начале первого тома, введению. Нам представляется, что Гревс просто не успел завершить работу над подготовкой нового издания «Очерков». Очевидно, большая часть времени ушла у него на написание дополнительных разделов для первого тома, а для второго тома им был составлен только этюд о Ливии, опубликованный в год его смерти.[19]

Второй вопрос — о возможной поддержке идей, развитых И.М.Гревсом в его «Очерках», такими видными представителями западной историографии, как Джузеппе Сальвиоли и Макс Вебер. Утверждение о такой поддержке было высказано самим Гревсом. Это утверждение в нейтральной форме было приведено Б.С.Кагановичем, который высказал догадку о возможном посреднике, через которого в частности М.Вебер мог ознакомиться с книгой Гревса. Таким посредником мог быть теоретик права Б.А.Кистяковский, хороший знакомый как Гревса, так и Вебера. При этом, однако, Каганович указал на принципиальное отличие концепции Вебера и идей Бюхера, в русле которых выступал Гревс.[20] За Кагановичем, со ссылкой на него, но в более простой, утвердительной форме версию о поддержке взглядов Гревса названными западными учеными повторили не так давно Г.М.Бонгард-Левин и Е.В.Ляпустина.[21]

Спрашивается, однако, насколько эта версия обоснована?[22] Поскольку ее источником является сам Гревс, процитируем его заявления. Их два. Первое по времени (его дополнительно привлекли Бонгард-Левин и Ляпустина) — из рукописной заметки Гревса «К истории моей научной жизни» (датировано 1923 г.): «Я считаю, что истолкование бюхеровской системы в определении своеобразия античного (и особенно римского) хозяйства — главная моя научная заслуга в историографии: я придаю ей известное значение, особенно после того, как Макс Вебер (Agrargeschichte — в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften») и Сальвиоли (Le capitalisme dans le monde antique) признали мою теорию — именно после ознакомления с моею книгою (что мне доподлинно известно) — и распространили ее на западе, хоть и ссылались на меня далеко не достаточно (ну, да Бог простит! не в этом дело)».[23]

Второе заявление содержится во «Введении» к новому полному изданию «Очерков», т.е. в начале сохранившегося нового варианта первого тома, хранящегося в архиве Гревса (датируется у Кагановича 1938 годом): «Большое удовлетворение почувствовал я <…>, когда получилась поддержка высказанным моим взглядам в трудах двух видных иностранных ученых: имею в виду известного итальянского историка-юриста Джузеппе Сальвиоли <следует ссылка на работу Сальвиоли «Капитализм в древнем мире»> и особенно замечательного историка-экономиста и социолога Макса Вебера <ссылка на его «Аграрную историю древнего мира»>. Они оба строят эволюцию римского хозяйства, отдавая себе точный отчет в индивидуальных особенностях, избегая модернизации в окраске, причем ясно видят и признают одним из основных мотивов своеобразия античной экономии именно стойкость и одновременно подвижность ойкосной системы. Такое совпадение со мною хотя бы отчасти (как у М.Вебера) для меня субъективно важно или приятно еще потому, что оба автора были знакомы с моими работами и приняли во внимание их результаты». Далее следует примечание: «Первый из названных ученых напечатал благожелательную рецензию на мой труд (цитированную выше)[24] и ссылается на мою книгу в названном выше сочинении, но не в той мере, в какой заимствует из нее

факты и руководящие точки зрения; второму книга моя была также передана <далее зачеркнуто: через другое лицо>; я радуюсь и частичными совпадениями с ним».[25]

Из этих заявлений Гревса следует, что он послал экземпляры своей книги Сальвиоли и Веберу, — факт, который косвенно подтверждается сохранившимся в архиве Гревса письмом Сальвиоли от 16 ноября 1900 г., в котором итальянский ученый просит русского коллегу прислать ему том «Очерков».[26] Но следует ли отсюда, что названные западные ученые действительно ознакомились с трудом Гревса, что они поддержали главные его положения и, мало того, заимствовали их без должных ссылок на автора? В этом позволительно усомниться хотя бы потому,что в трудах Сальвиоли и Вебера нет ссылок на Гревса,[27] да и сам он не может указать примеры таких ссылок, ограничиваясь приведением общих заголовков этих трудов. Применительно к Веберу сомнения усиливаются еще и потому, что взгляды немецкого ученого, и в частности его учение об идеально-исторических типах, разительно отличались от построений Бюхера и идей следовавшего за этим последним Гревса.

Нам представляется, что утверждения Гревса об использовании его трудов и заимствовании его идей Сальвиоли и Вебером — плод воображения, а не реальный факт. Причина здесь лежит в сфере эмоций. Гревс был сильно разочарован, когда О.Гиршфельд предвосхитил его изыскания. Поэтому он оставил работу над избранной темой (что и было причиной, почему второй том «Очерков» так и не был написан); более того, он оставил занятия античностью и обратился к медиевистике. Но, как очень сентиментальный и ранимый человек, он мог сохранить чувство обиды и позднее, в 1923 и 1938 гг., все с тем же чувством обиды вспоминать о посылке своих книг заграницу и воображать, как они были использованы западными коллегами. Каганович, а за ним Бонгард-Левин и Ляпустина неосторожно положились на утверждения старого ученого и тем самым содействовали рождению нового историографического мифа.

Иначе обстоит дело с другим вопросом — о возможном влиянии Вебера на Гревса, на что указывает Каганович.[28] Действительно, в «Очерках» Гревса встречается много ссылок на Вебера, а в библиографическом приложении приводятся три его работы. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясным, что Гревс выбирал у Вебера только такие пассажи, которые содержали мысли, близкие взглядам Бюхера и его собственным, но о концептуальном влиянии Вебера на Гревса говорить не приходится.

Такова судьба главного труда Гревса в области античной истории. Однако, как бы там ни было, этим трудом не исчерпывались антиковедные занятия Гревса. Посмертно была издана другая его книга — прекрасно написанная *научно-популярная монография о Тациите*.[29] Гревс испытывал давнишний интерес и симпатию к творчеству великого римского историка.[30] В своей книге он представил жизнь и литературную деятельность Тацита на широком историческом и культурном фоне, а в конце дал взвешенную оценку его трудам, свободную от крайностей как модной в новое время критики, обвиняющей римского историка в непонимании исторического процесса и положительного значения Империи, так и обветшалой прямолинейной апологии. Еще один персонаж римской истории, чрезвычайно привлекавший Гревса, — *Августин*. Жизнь и деятельность этого великого христианского философа, возросшего на античной почве, но возвещавшего истины нового времени, были темой исторического семинара, который Гревс вел на протяжении ряда лет (1912–1915 гг.). Свидетельством этого интереса к Августину осталась большая энциклопедическая статья, которая и по объему, и по содержанию, и по тональности далеко выходит за рамки своего жанра.[31]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для истории русского антиковедения на рубеже XIX–XX вв. см.: *Бузескул В.П.* 1) Введение в историю Греции, изд.3-е, Пг., 1915. С. 314–318, 385–387, 454–468, 536–545; 2) Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в., ч.II, Л., 1931. С. 129–221; *Путнынь Э.К.* Изучение истории древней Греции в 1890–1917 гг. // Очерки

истории исторической науки в СССР, т.III, М., 1963. С. 376–396; *Машкин Н.А.* Изучение истории древнего Рима в 1890–1917 гг. // Там же. С. 396–411; *Кузищин В.И.* Русская историография античности в 1890–1917 гг. // Историография античной истории. М., 1980. С. 171–183; *Swoboda K.* Die klassische Altertumswissenschaft im vorrevolutinaren Russland // Klio, Bd.XXXVII, 1959. S. 247 ff., 255 ff., 265 ff.

2. О Гревсе, помимо краткого, но содержательного пассажа в книге В.П.Бузескула (Всеобщая история..., ч. II. С. 210–212), есть специальные статьи его учениц О.А.Добиаш-Рождественской (в «Новом энциклопедическом словаре», т.XIV, 1913) и Е.Ч.Скржинской. Последняя, опираясь не только на свои личные впечатления, но и на собственноручные записи ученого — фрагменты его воспоминаний и обстоятельное введение, составленное им в конце жизни для нового издания его большого диссертационного труда, — написала великолепную, обстоятельную биографию своего учителя (см.: *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс [биографический очерк] // *Гревс И.М.* Тацит. М.-Л., 1946. С. 223–248 [цитируемые здесь рукописные материалы Гревса обозначаются соответственно как «Записи» и «Введение»]). — В последние годы изучением жизни и деятельности Гревса много занимался Б.С.Каганович, из работ которого для нас особенно важна следующая: Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М.Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / Под ред. В.И.Рутенбурга и И.П.Медведева. Л., 1990. С. 198–216. В этой статье центральной действительно является характеристика труда Гревса о римском землевладении, но вместе с тем дается общий очерк его ученой деятельности, причем широко используются архивные материалы. Совсем недавно опубликована еще одна специальная работа, в которой много места уделено труду Гревса о римском землевладении: *Бонгард-Левин Г.М., Ляпустина Е.В.* Вячеслав Иванов и диссертация И.М.Гревса по истории римского землевладения // ВДИ, 2003, № 4. С. 178–209. — Еще одним этапом в изучении жизни и творчества Гревса явились работы О.Б.Вахромеевой: 1) Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие И.М.Гревса (1860–1941). СПб., 2004 (собрание материалов); 2) Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М.Гревса. СПб., 2005 (общий очерк).
3. Свидетельством раннего увлечения Гревса творчеством знаменитого французского историка стал его историографический этюд «Новое исследование о колонате», посвященный исследованию Фюстель де Куланжа (ЖМНП, 1886, ноябрь. С. 118–165, и декабрь. С. 307–354). Позднее он был инициатором перевода и издания в России трудов Фюстель де Куланжа: капитальной 6-томной «Истории общественного строя древней Франции» (СПб., 1901–1916), где, кстати, первые два тома посвящены римской Галлии, и уже упомянутой монографии «Римский колонат» (СПб., 1908). Первое издание открывается большой, проникновенно написанной статьей Гревса о французском ученом (Т.I. С. VII–XXVII), и еще одну статью о Фюстель де Куланже он опубликовал в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (полутом 72, 1902. С. 936–944).
4. *Гревс И.М.* Введение // *Скржинская Е.М.* Ук. соч. С. 235).
5. *Гревс И.М.* Записи // *Скржинская Е.Ч.* Ук. соч. С. 233.
6. *Гревс И.М.* 1) Римское землевладение в момент утверждения Империи по сочинениям Горация // ЖМНП, 1895, январь, отд.II. С. 89–187; 2) Т.Помпоний Аттик (друг Цицерона) как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от Республики к Империи // ЖМНП, 1896, февраль, отд.II. С. 297–340; июль. С. 1–66; сентябрь. С. 76–140; 3) Большое сельское поместье в древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I века Империи // ЖМНП, 1897, сентябрь, отд.II. С. 1–55; октябрь. С. 277–324.
7. *Бузескул В.П.* Всеобщая история... Ч. II. С. 211.
8. Подробнее по этому поводу см.: *Фролов Э.Д.* Прибыль и предприниматели в Античной Греции // Торговля и торговец в античном мире. Доклады Круглого стола Российской Ассоциации антиковедов. М., 1997. С. 3–28.
9. На книгу Гревса были опубликованы рецензии Ф.Ф.Зелинского (ЖМНП, 1900, июль,

отд.II. С. 156–173), Н.И.Кареева (Русское богатство, 1900, № 11. С. 1–27; № 12. С. 1–20) и М.И.Ростовцева (Мир божий, 1900, № 4. С. 95–99). См. также: *Зелинский Ф.Ф.* Из экономической истории древнего Рима // Вестник Европы, 1900, август. С. 586–624 (по поводу только что изданных книг И.М.Гревса и М.И.Ростовцева).

10. *Hirschfeld O.* Der Grundbesitz der romischen Kaiser // Klio, Bd.II, 1902, H.1. S. 45–72; H.3. S. 284–315.
11. В те годы последовала только еще одна публикация по общему плану: *Гревс И.М.* Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира (данные Петрония по аграрной истории I века Империи) // ЖМНП, 1905, сентябрь, отд.II. С. 42–93.
12. Кроме того, в переработанный вариант 1-го тома был включен еще один, пятый по счету, очерк о Петронии и Колумелле.
13. *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков»... С. 211.
14. *Скржинская Е.Ч.* И.М.Гревс. С. 248; *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков»... С. 211.
15. *Гревс И.М.* Эпизод из истории развития земельной собственности римских императоров и ее социальной роли. Земельное состояние Ливии, второй жены Августа // Уч. зап. ЛГУ, серия историч. наук, вып.12, 1941. С. 27–45.
16. *Скржинская Е.Ч.* И.М.Гревс. С. 237.
17. Там же. С. 248.
18. *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков»…. С. 211.
19. Ср. более верное замечание О.Б.Вахромеевой: «Второй том исследования, заключавший в себе материал о развитии императорской земельной собственности <…>, не был завершен». Правда, на следующей странице автор допускает неточности: «Во второй половине 1930-х гг. <…> И.М.Гревс написал, тщательно переработав и дополнив, двухтомное сочинение о римском императорском землевладении, но оно не было опубликовано. Свет увидел только отдельный сюжет (о Ливии. — Э.Ф.) <…>. Рукопись последнего двухтомного сочинения не сохранилась» (*Вахромеева О.Б.* Духовное елинение. К изучению творческой биографии И.М.Гревса.СПб., 2005. С. 62–63).
20. *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков»…. С. 204–205 и прим. 52–55.
21. *Бонгард-Левин Г.М., Ляпустина Е.В.* Вячеслав Иванов и диссертация И.М.Гревса по истории римского землевладения // ВДИ, 2003, № 4. С. 206 и прим. 162–163.
22. Сомнения в возможности положительного ответа на этот вопрос заронил в нас видный немецкий историк, гамбургский профессор Юрген Дейнингер. Участвуя в подготовке нового издания трудов М.Вебера, он обратил внимание на статьи Кагановича, Бонгард-Левина и Ляпустиной и в письмах к нам выразил свои сомнения.
23. ПФА РАН, фонд 726, опись 1, дело 1, л.35.
24. Мы не нашли следов этой рецензии.
25. ПФА РАН, фонд 726, опись 1, дело 92, л.15 об.
26. ПФА РАН, фонд 726, опись 2, дело 224.
27. По поводу Вебера это подтверждает и Ю.Дейнингер.
28. *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков»…. С. 205, прим. 55.
29. *Гревс И.М.* Тацит. М.-Л., 1946.
30. См. его более ранние статьи о Таците в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона (полутом 64, 1901. С. 692–697) и Товарищества Гранат (т.41, ч. 4. С. 109–114).
31. *Гревс И.М.* Августин // Новый энциклопедический словарь, т.I, 1911. С. 127–150. Для оценки ср.: *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков»... С. 210.

E.D. Frolov

HISTORY OF SOCIO-ECONOMICAL SCHOOL IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: ROMAN AGRARIAN HISTORY IN WORK BY I.M. GREWS

The article deals with the theme of scientific legacy of the eminent Russian historian, professor of St.-Petersburg University I.M.Grews (1860–1941), and of its possible influence on the contemporary and posterior scientific thought. The problem is very intricate and disputable. The author argues, firstly, that the second volume of the Grews' work «Essays on the history of Roman landownership» has never been written, and secondly, that this work remained practically unknown to western scholars and therefore couldn't produce any influence on them. So, the notorious principle «Rossica non leguntur» remained valid in this case too.

© 2007 г.

В. Н. Илюшечкин

СТИХОТВОРНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ ЧУДОТВОРЦУ ИЗ ТИАНЫ*

В 1978 г. Г. Дагроном и Ж. Марсийе-Жобером была опубликована хранящаяся в Новом музее г. Адана на юге Турции греческая надпись, высеченная, как считают издатели, на фасадной балке архитрава, предположительно перекрывавшего некогда парадный вход, который вел, возможно, к общественному зданию или святилищу.[1] Судя по приложенной к публикации фотографии, в левой части обломка камня имеется небольшой скол, но сама надпись сохранилась почти без повреждений. На основании выявленных особенностей написания греческих букв – например, греческой ρ, напоминающей пастушеский посох, похожей на лиру ω[2], или витиевато высеченной ξ и т. д. – авторы публикации приходят к выводу, что надпись, представляющую собой текст стихотворной эпиграммы в честь Аполлония Тианского, философа-пифагорейца и чудотворца I в., следует датировать III–IV вв. Вместе с тем, издатели умалчивают об условиях находки эпиграфического документа и практически оставляют в стороне архитектурный анализ памятника. Не вызывает сомнения исключительная важность этого эпиграфического свидетельства, содержащего уникальную в своем роде информацию о реальной исторической личности I в. Аполлонии Тианском, сохранившиеся сведения о котором в античной литературной традиции весьма противоречивы и запутаны. Аполлоний из Тианы был одним из активных участников религиозно-философской и общественно-политической жизни Римской империи в I в., а после смерти предположительно в 97 г. его имя со временем стало обретать популярность и даже использоваться в пропагандистских целях. Ниже приводится полный текст посвятительной надписи с восстановлениями издателей и ее русский перевод:

[οὗτο]e' Απ[ο]λλωνο[μὲν ἐπώνυμος, ἐκ Τυά[νων δ]έ
λάμψας ἀνθρώπων ἔσβεσεν ἀμπλακίας.
[καὶ τὸ βρέ]φος Τυάνων, τὸ δ ἐτήτυμον οὐρανὸς αὐτὸν
[πέμψεν ὅ]πως θνητῶν ἐξελάσ(ε)ιε πόνους.

---

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Сакральная жизнь в центре и на периферии античного мира (код проекта 04-01-00417а).

«Сей, названный по имени Аполлона, из Тианы
Воссияв, избавил людей от прегрешений.
Хотя он и дитя Тианы, но поистине небо его послало,
Чтобы он устранил страдания смертных»

Опубликование редкого и важного для античной культуры римского времени эпиграфического памятника, непосредственно связанного с исторической фигурой религиозного реформатора I в., вызвало живейший интерес со стороны целого ряда исследователей, которые поспешили дополнить или оспорить восстановления издателей, как впрочем, и аргументацию Г. Дагрона – Ж. Марсийе-Жобера и – каждый по своему – предприняли попытку интерпретировать содержание надписи на основании предлагаемых ими конъектур[3]. Цель настоящей статьи – внимательно рассмотреть все варианты, и, приняв одни восстановления, но отказавшись от других, проанализировать содержание посвятительной надписи в тесной связи со сведениями античной литературной традиции об Аполлонии Тианском, попутно выявляя степень достоверности и вымысла в сохранившихся свидетельствах об этой неоднозначной фигуре I в. Одновременно с этим, автор статьи задается вопросом, почему фигура религиозного реформатора из каппадокийской Тианы, подвергшаяся забвению на протяжении столетия, неожиданно стала привлекать всеобщее внимание в нач. III в. Ведь судя по дошедшим до нас редким и весьма противоречивым свидетельствам, ранее III в. ни сам Аполлоний как историческое лицо, ни даже его сочинения в неопифагорейском духе – если допустить, что они были – мало кого интересовали[4]. В качестве одиозной и по-своему «сакрализованной» личности, выражавшей общие настроения и идеи для самой разной в социально-культурном отношении публики, Аполлоний стал восприниматься лишь ко времени правления Септимия Севера, когда по указанию жены императора, сириянки Юлии Домны, Филострат приступил к работе над биографией философа и чудотворца, или «языческим житием», по определению Ж. Ревилля[5]. По всей видимости, имя Аполлония спустя столетие после его смерти начинают все активнее использовать в разворачивающейся полемике между приверженцами языческих культов и христианской веры[6]. Современник Филострата, Кассий Дион передает, что в период пребывания в Каппадокии (в 215 г.) Каракалла и его мать Юлия Домна почтили своим посещением святилище Аполлония в Тиане (Cass. Dio. 77. 18, 4). Надо думать, что город выделил средства на сооружение этого храма задолго до прибытия Каракаллы – упоминая в своей повести о рождении Аполлония, Филострат пишет, что это счастливое событие произошло «близ того места, где теперь (т.е. в нач. III в.) стоит посвященный ему [sc. Аполлонию] храм» (Phil. VA. I, 5). Филострат сообщает также, что религиозный культ Аполлония издавна сложился в Тиане: по словам автора повести, местные жители в один голос утверждают, что Аполлоний является сыном Зевса Клятвоблюстителя (Phil. VA. I. 5-6); именно последним обстоятельством можно объяснить, во-первых, растущую популярность святилища в честь Аполлония, а во-вторых, обеспечение деятельности храмовой общины в Тиане государственными средствами, выделяемыми из императорской казны (ср. Phil. VA. VIII, 31).

Евнапий, противник ранних христиан, как свидетельствует Филострат в «Жизнеописании софистов», полагал, что написанная Филостратом биография философа и чудотворца I в. должна была бы называться не «Жизнеописание Аполлония Тианского», а «Явление божества народу» (Phil. VS. 2, 1, 4)[7]. Вместе с тем, тот же Евнапий подчеркивает человеческую, а отнюдь не божественную природу Аполлония, уподобляя, например, своего учителя, неоплатоника Хрисанфия, таким авторитетам, как Пифагор, Архит Тарентский и тем, кто чтил и преклонялся (προσκυνήσαντες) перед авторитетом Аполлония Тианского – «вполне телесным и смертным» (Phil. VS. 23, 1, 8)[8] .

Такие раннехристианские апологеты, как Ориген (c. Celsum. VI. 41) и Арнобий (adv. nationes I, 52) упоминают имя Аполлония в негативном аспекте: оба причисляют Аполлония из Тианы к магам и шарлатанам (гоэтам), а вовсе не к философам; при этом Ориген ссылается на биографию Аполлония, принадлежащую перу Мойрагена и не дошедшую до нас[9]. Начало активной полемики между язычниками и христианами приходится

на первую треть IV в. – период гонений на христиан при Диоклетиане. Фигуры Аполлония Тианского и Иисуса Христа впервые противопоставляются друг другу в не дошедшем до нас произведении наместника римской провинции Вифиния Иерокла «Правдолюб» (Φιλαλήθης), направленного против христиан: о содержании труда Иерокла можно судить лишь по отдельным цитатам из сочинений Лактанция «Божественные наставления» (Lact. Div. Instit. V. 2, 3; 3, 14) и Евсевия Памфила («Против похвального слова, написанного Филостратом в честь Аполлония, по поводу сделанного Иероклом сопоставления между Аполлонием и Иисусом Христом»)[10]. Если доверять словам Евсевия Памфила, то Иерокл в своем сочинении отмечал – несмотря на то, что Аполлоний как чудотворец на голову выше Христа, поклонники и почитатели тианца видят в нем далеко не бога, а лишь приобщенного божеству человека (οὐ θεόν, ἀλλὰ θεοῖς κεχαρισμένον ἄνδρα)[11] . Как можно предполагать с достаточной степенью уверенности, Иерокл опирался на свидетельства Порфирия (сохранились отрывки его сочинения под названием «Против христиан»), который включал Аполлония Тианского – наряду с библейским Моисеем и Апулеем, автором «Апологии», «Метаморфоз» и «Флорид» – в число известных всем чудотворцев. Тем не менее, факт остается фактом – посмертная слава Аполлония Тианского превзошла все мыслимые Иероклом разумные ограничения: многочисленные свидетельства античных авторов подтверждают, что к III–V вв. наметилась четкая тенденция становления и роста культа Аполлония, которому стали воздавать соответствующие божеские почести (ср. Lact. Div. Inst. V. 3, 14).

После того, как биографическая повесть Филострата, посвященная Аполлонию Тианскому, была переложена или переведена с греческого на латинский язык Никомахом Флавианом, она получила широкое распространение и в западных провинциях Римской империи[12]. В «Жизнеописаниях Августов», датируемых обычно концом IV в., содержится два пассажа, в деталях отражающих состояние и характер почитания религиозного культа Аполлония в столице империи и в ее восточных пределах. Из свидетельств «Жизнеописаний Августов» (при всем сложном и противоречивом характере дошедшего до нас латинского текста этого источника) известно, что в помещении для ларов (lararium) Александра Севера, где у него стояли изображения обожествленных императоров – наряду с «сакральными» изображениями Авраама, Орфея и Иисуса Христа – находилось и изображение Аполлония (SHA. 18. 29. 2–3)[13]. На исходе III в. император Аврелиан, двигаясь с войском на Пальмиру, попутно захватил Тиану, но не разрушил, как обещал, город, поскольку накануне перед ним якобы предстал давно умерший Аполлоний, изображение которого Аврелиану приходилось «видеть во многих храмах» (SHA. 26. 24. 3–5)[14]. Пораженный Аврелиан обещал Аполлонию изображение, статуи и храм. По словам автора «Жизнеописаний Августов», «Аполлоний Тианский, прославленный молвою и пользующийся авторитетом мудрец, древний философ и истинный друг богов, который и сам должен быть предметом поклонения, подобно божеству» (SHA. 26. 24. 3, пер. С. Н. Кондратьева)[15]. Здесь же говорится, что если «кто хочет узнать об этом, пусть прочтет греческие книги, которые написаны о его [scil. Аполлония] жизни» – quae qui velit nosse, Graecos legat libros, qui de eius vita conscripti sunt (SHA. 26. 24. 8)16.

Что же это за греческие книги? Вполне возможно, что в данном случае имеется в виду не только биографическая повесть Флавия Филострата (закончена после 217 г.), но и более ранние произведения Максима из киликийских Эг, Мойрагена и сирийца Дамида из Ниневии, посвященные Аполлонию Тианскому и ставшие основными источниками для произведения Филострата[17]. Совсем не исключено, что именно с этими произведениями, хранящимися в Ульпиевой библиотеке, ознакомился анонимный автор (или один из авторов) «Жизнеописаний Августов» (SHA. 26. 24. 8)[18].

Приведенные выше литературные свидетельства античных авторов в самых общих чертах обрисовывают культурно-исторический контекст, обусловленный реалиями Римской империи, а также частично и религиозную проблематику, в большей или меньшей степени тесно связанную с содержанием опубликованной посвятительной надписи на греческом языке в честь Аполлония Тианского и, напомним, предположительно дати-

руемой издателями рубежом III–IV вв. Особо отметим также, что первоначальное местоположение камня точно не определено, поэтому volens nolens сами публикаторы надписи, как и большинство авторов последующих публикаций на эту тему, сходятся в том, что камень с надписью происходит из одного из греческих городов на побережье Киликии, а именно из киликийских Эг[19]. Согласно повести Аполлония, именно с киликийскими Эгами связан юношеский период жизни Филострата: «мне посчастливилось, кроме того, – пишет автор «Жизнеописания Аполлония Тианского», – прочитать сочинение Максима Эгийского, подробно описывающего пребывание Аполлония в Эгах…» (Phil. VA. I, 3, пер. Е. Г. Рабинович)[20]. Основываясь на свидетельствах Максима, уроженца киликийских Эг, произведение которого не дошло до нас, Филострат описывает в своей биографической повести период пребывания Аполлония в Эгах (Phil. VA. I, 3, 7–13)[21].

Однако, справедливости ради, следует отметить, что нельзя полностью исключать и расположенный на побережье Киликии (неподалеку от совр. г. Адана) древний Тарс как изначально возможное местонахождение камня с надписью; кроме того, с Тарсом также был связан значительный период биографии Аполлония Тианского[22]. Итак, обратимся непосредственно к тексту надписи.

1 стк. Надпись начинается со слова οὗτος («сей, или этот [человек]»), которое свидетельствует о том, что камень с надписью мог представлять собой не только обломок архитектурной детали, но и – что заслуживает особого внимания – быть частью постамента статуи (Аполлония?), на подножии которой нередко вырезались аналогичные надписи[23]. Имя ʼΑπολλωνίος («Аполлоний») вполне укладывается в стихотворный размер, однако анонимный автор посвящения предпочитает использовать форму перифразы – ʼΑπόλλωνος ἐπώνυμος («по имени Аполлона-бога»), что без сомнения свидетельствует либо о его опыте стихотворца, либо, по меньшей мере, о высоком уровне образования и начитанности. Попытка Кр. Джонса подвергнуть ревизии чтение эпиграммы ее издателями небезынтересна, однако приняв его далеко не бесспорные конъектуры, мы с необходимостью вынуждены будем радикально пересмотреть назначение надписи и согласиться с тем, что перед нами не посвятительная надпись, а якобы стихотворная эпитафия; однако это весьма маловероятно, несмотря на приводимые Джонсом параллели[24].

Восстановление ἐκ Τυά[νων δ]έ («из Тианы») указывает скорее на название самого каппадокийского города, нежели на его жителей (Τυανῶν «из тианийцев»), что в последнем случае давало бы форму Τυα[νῶν] или с продлением, т.е. Τυα[νεῶν] – привычное написание на монетах, чеканенных в Тиане и датируемых нач. III в.; для подобного допущения, судя по фотографии надписи, остается еще место на камне[25].

2 стк. λάμψας – от λάμπω «блестеть, сиять, светить». Использование относящегося к Аполлонию аористного причастия λάμψας обусловлено тем, что при упоминании исключительных и выдающихся личностей (причем, не только в стихах) античные авторы, как правило, прибегали к образности и метафорике света[26]. В качестве параллели для λάμψας надписи П. Робиано предлагает словосочетание φάος ἀνθρώποισιν «сияющий свет для людей» (Lucian. Alex. 18), которое в контексте прозаического сочинения «Александр, или Лже-пророк» Лукиана (II в.) обладает переносным значением «вещие слова»; стало быть, согласно П. Робиано, λάμψας надписи можно рассматривать, как и в тексте Лукиана, в качестве равнозначной метафоры небесного света (=божественного света)[27].

Лексема ἐσβεσεν (*букв.* «погасил») – аорист 3 лица ед. числа от глагола σβέννυναι «тушить, гасить» следует понимать в переносном значении «избавил, обуздал»[28]. Аналогичным образом, существительное ἀμπλακίας (Acc . Plur.), переводимое, как правило, «заблуждение, ошибка», в данном случае воспринимается в значении, близком раннехристианскому контексту, а именно как «порок». С некоторой долей вероятности можно допустить, что автор греческой надписи здесь следует устной или письменной традиции, лежащей в основе одного из литературных источников повести Филострата. Перелагая сочинение Максима Эгийского, Филострат пишет о пребывании Аполлония в

Эгах: «Аполлонию удалось вразумить брата и направить его на путь истинный, отвратив от многих пороков» ἐς πειθὼ ἤγαγε καὶ μετερρύθμισε τῶν ἁμαρτημάτων πολλῶν ὀντων (Phil. VA I, 13, пер. У. Г. Рабинович).

3 стк. Компонент τόδ' («но») трудно представить в начале стиха и поэтому в editio princeps Дагрона и Марсийе-Жобера предлагается в начале строки читать либо [ἐι γε βρέ]φος Τυάνων, либо [καὶ τὸ βρέφο]ς Τυάνων, что с незначительными изменениями находит поддержку у Р. Меркельбаха – [ἦν δὲ βρέφο]ς Τυάνων[29]. Иными словами, здесь допускается употребление в метафорическом смысле τὸ βρέφος в значении «дитя», а именно «дитя из Тианы», т. е. Аполлоний. Компонент τόδ', особенно в сочетании с наречием ἐτήτυμον (sc. τὸ δ' ἐτήτυμον), грамматически выражает противопоставление.

4 стк. На наш взгляд, издатели чрезвычайно удачно восстанавливают ὅ]πως в качестве союза придаточного цели, рассматривая οὐρανὸς в качестве субъекта, а αὐτόν в качестве объекта действия при глаголе πέμψεν – т.е. небо послало его [Аполлония], чтобы он «устранил» (ἐξελάσιε) людские страдания (πόνους). Отсюда следует однозначный вывод об исключительно земной подвижнической деятельности религиозного реформатора I в. Правда, публикация надписи вызвала к жизни и иную точку зрения, в основе которой неприятие вышеприведенного членения текста стихотворной эпиграммы. Так, Е. Боуи в 4 стк. надписи предлагает восстановление δέξαθ' (от δέχομαι «принимать»), т. е. небо приняло Аполлония, чтобы он мог отводить страдания от людей. Стало быть, следуя логике Боуи, первое двустишие (1–2 стк.), в котором говорится о земной жизни Аполлония, противопоставляется второму (3–4 стк.), в котором речь заходит о посмертной, или небесной жизни богочеловека[30]. Казалось бы, конъектуры Боуи имеют право на существование, но тогда – вот незадача – ὅπως попросту повисает в воздухе!

Однако за предлагаемыми исследователями конъектурами проступает радикально противоположное понимание характера эпиграфического памятника: если одни видят в стихотворной надписи посвящение, то другие (и Боуи среди них) – эпитафию. Таким образом, актуализируется вопрос о месте захоронения Аполлония Тианского, которое, согласно литературным свидетельствам, находилось либо в Эфесе, либо в Линде, либо на о-ве Крит[31]. Боуи (а вслед за ним и Джонс) настойчиво стремятся показать, что греческая надпись, представляющая собой якобы эпитафию Аполлонию Тианскому, косвенно указывает на местонахождение могилы философа-неопифагорейца. Этой концепции подчинена и вся доказательная база обоих исследователей. И недаром они с энтузиазмом поддерживают малоубедительное восстановление глагола δέχομαι («принимать»), высокая частотность использования которого зафиксирована в греческих стихотворных эпитафиях периода Римской империи[32].

Этой же цели служит и восстановление Боуи в стк. 3 [γαῖα τάφο]ς, чему, впрочем, не противоречит и восстановление Джонса в стк. 3 [σῶμα τάφο]ς. Однако никак нельзя согласиться с предлагаемой Боуи конъектурой Τυάνων («могила тианцев»?) вместо очевидного и удобочитаемого восстановления издателей надписи – Τυανῶν[33]. Видимо, чувствуя уязвимость собственных восстановлений, Боуи и Джонс (в отличие от остальных интерпретаторов надписи) громоздят дополнительные гипотезы и фантастические допущения, например, что *1)* анонимный автор надписи мог не знать о версиях Филострата относительно местонахождения могилы Аполлония[34], *2)* возможно, автор надписи ошибается и могилы Аполлония никогда не было в Тиане – заключение, вытекающее из противоречивых построений Боуи и Джонса, *3)* сведения Филострата относительно Крита и свидетельство автора надписи якобы дополняют друг друга, поскольку могила Аполлония могла быть перенесена в Тиану (?!). Эти сомнительные предположения Боуи и Джонса, опирающиеся исключительно на их собственные чтения, наглядно демонстрируют ошибочность подхода, при котором предвзятая концепция доминирует над очевидностью смысла. Позволим себе небольшое отступление, которое, на наш взгляд, косвенным образом проясняет запутанную Боуи и Джонсом ситуацию с надписью в честь Аполлония. Известно, что жители Смирны удостоили софиста и ритора Антония Поле-

мона высших почестей за то, что благодаря своей близости к Адриану, в составе свиты которого он в 123 г. совершил поездку в восточные земли империи, Полемон добился для Смирны привилегий и покровительства императора (о чем упоминается в дошедшей до нас арабской версии его сочинения по физиогномике на греческом языке)[35]. В Смирне был сооружен «небольшой храм», в котором находилась культовая статуя (ἄγαλμα) Полемона – и, возможно, с посвятительной надписью на постаменте, аналогичной надписи в честь Аполлония Тианского! По словам Филострата в «Жизнеописаниях софистов», некоторые из древних авторов утверждали, что там же, в Смирне, находится и захоронение Полемона, но в действительности Полемон был похоронен в Лаодикее (Phil. VS. I, 25, p. 543).

Таким образом, вполне вероятно, что надпись в честь Аполлония также происходит из святилища в Эгах или в Тарсе, наподобие «небольшого храма» Полемона в Смирне, и, не исключено, что в этом святилище тоже находилась статуя Аполлония, на постаменте которой было вырезано стихотворное посвящение. Ведь именно в первые века н.э. в провинциальных городах Римской империи было принято не только поклоняться культу императора, но и чтить особо выдающихся граждан, покровителей и благодетелей муниципиев. Правда, становление религиозного культа Аполлония пришлось, скорее всего, на период после его смерти, а не при жизни[36].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Dagron G., Mercillet-Jaubert J.* Inscriptions de Cilicie et d'Isaurie // Türk Tarih Kurumu Belleten 42 (1978). P. 402–405. *Robert J., Robert L.* Bulletin Epigraphique 592 // REG. 92. 1979. P. 524–525.
2. Как отмечают издатели, схожим образом высечена «омега» на греческой надписи IV в. из Фессалоник (IG X 2. I 551).
3. *Bowie E.* Apollonius of Tyana: Tradition and Reality // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. II, 16, 2.. Tübingen, 1978. S. 1659–1699 (см. особенно p. 1687–1688); *Jones C. P.* An Epigram on Apollonius of Tyana // JHS. 100. 1980. P. 190–194; *Richardson N. J., Burian J.* The Epigramm on Apollonius of Tyana // GRBS. 22. 1981. P. 283–285; *Merkelbach L.* Das Epigramm auf Apolllonios von Tyana // ZPE. 41. 1981. S. 270; *idem* // ZPE. 45. 1982. S. 265–266; *Peek W.* Epigramm auf Apollonios von Tyana // Philologus. 125. 1981. S. 297–298; *Penella R. J.* // AJPh. 102. 1981. P. 423–424; *Marcovich M.* // ZPE. 45. 1982. S. 263–265; *Hansen O.* A note on the Epigramm on Apollonius of Tyana // Eranos. Acta philologica suecana. V. 81, fasc. 2. 1983. P. 143; *Ebert J.* Nochmals zum Epigramm auf Apollonios von Tyana // ZPE. 50. 1983. S. 285–286; *Robiano P.* L'Épigramme sur Apollonios de Tyane et Alexandre, le faux prophète // Epigraphica Anatolica. 33. 2001. P. 81–83.
4. Специальный анализ пифагорейских установок Аполлония из Тианы в связи с его общественно-политическими воззрениями см.: *Ревилль Ж.* Религия в Риме при Северах. М., 1896; *Calderini A.* Teoria e pratica politica nella «Vita di Apollonio di Tiana» // Rendiconti Istituto Lombardo. Classe di lettere. 74. 1940–1941. P. 213 ff.; *Bowersock G.* Greek Sophists in the Roman Empire. Oxf., 1969; *Flintermann J.-J.* Politiek, Paideia and Pythagorisme. Groningen, 1993; *Anderson G.* Philostrats. Oxf., 1999.
5. Поскольку Филострат не посвятил романизированную биографию Аполлония императрице, в науке принято считать, что он завершил «Жизнь Аполлония Тианского» после 217 г. (дата смерти Юлии Домны). Подробнее см. *Рабинович Е. Г.* «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С. 217–245 (см. там же историографический обзор о повести Филострата). Подробнее о времени создания «Жизни Аполлония Тианского» см. также: *Hägg T.* The Novel in Antiquity. Oxf., 1983. P. 115–117; *Grimal P.* Essai sur la formation du genre romanesque dans l'Antiquité // Le Monde du Roman Grec. Paris, 1992. P. 13–20; *Flinterman J.-J.* Op. cit. P. 241–256, 308.

6. См., например, *de Labriolle P.* La réaction païenne. Paris, 1934. P. 311–314; *Petzke G.* Die Traditionen über Apollonius von Tyana und das Neue Testament. Leiden, 1970. P. 5–10.
7. Собственно, схожую оценку личности Аполлония (богочеловек) можно усмотреть при желании в одном из эпизодов биографической повести Филострата: воочию явившееся просителю в храме Асклепия божество настоятельно советует тому встретиться с Аполлонием и попросить у него совета (Phil. VA. I, 19).
8. Добавим к этому, что в одном из позднегреческих папирусных фрагментов говорится, что оракул в ответ на вопрос, кого из людей можно приравнять к божествам, называет имена Моисея, Гермеса Трисмегиста и «мудрого мужа мазакенов, вскормленного славной землей Тианы». Малоазийский народ мазакенов обычно локализуют в Каппадокии (ср. Strabo. XII. 1, 8–9 C 539). См. подробнее: *Robert L.* De Cilicie à Messine et a Plymouth, avec deux inscriptions grecques errantes // Journal des Savants. 3. Juillet-septembre. 1973. P. 161–211[= *idem*. Opera minora selecta. T. VII. Paris, 1990. P. 225–275].
9. Одним из своих источников для «Жизнеописания Аполлония Тианского» Филострат называет сочинение Мойрагена (не сохранилось), которого он обвиняет в предвзятости и необъективности. Подробнее см.: *Pippin Anne N.* Moiragenes and Damis in Philostratus' Life of Apollonius [Diss.] Univ. of California, 1953.
10. См., например, *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Т. II. СПб., 1907; М., 1994. С. 167–169. Русский перевод сочинения Евсевия Памфила, принадлежащий А. В. Вдовиченко и сопровождаемый подробным комментарием, см.: Раннехристианские апологеты II–IV вв. М., 2000. С. 150–156.
11. Eus. Adv. Hierocl. 2 // Philostratus. The Life of Apollonius of Tyana. The Epistles of Apollonius and the Treatise of Eusebius. Vol. II. Cambr. (Mass.) – Harvard Univ. Press, 1960 (The Loeb Classical Library). P. 488 (=Migne PG XXII 800b). Подробнее о трактате Евсевия Памфила см. *Labriolle.* Op. cit. P. 316–314; *Barnes T. D.* // Harvard Studies of Classical Philology. Vol. 80. 1976. P. 239–252.
12. Sid. Ep. VIII, 3, 1. Подробнее о латинском переводе Никомаха Флавиана см. *Coursell P.* Late Latin Writers and their Greek Sourrces. Cambr.(Mass.), 1969; *Marti H.* Übersetzer der Augustinzeit. Interpretation von Selbstzeugnissen. München, 1974; *Schwartz J.* // Bonn. Hist-Aug. Colloquium 1975–1976. Bonn, 1978. S. 191-193.
13. «…он совершал утром священнодействие в своем помещении для ларов, где у него стояли изображения и обожествленных государей, только самых лучших, избранных, и некоторых особенно праведных людей, среди которых был и Аполлоний, а также, как рассказывает историк его времени, – Христос, Авраам, Орфей и другие подобные им, а равно и изображения предков» (пер. С. Н. Кондратьева).См. также *Schwartz*. Op. cit. S. 187–190.
14. Ср. об изображении Аполлония в храме в Тиане, о чем, ссылаясь на Дамида Ассирийского – основной источник «Жизнеописания Аполлония Тианского» – упоминает в своей повести Филострат: «Право, есть некая прелесть и в морщинах, а у Аполлония в особенности, как это явствует из картин (εἰκόνες – изображений) в Тианском храме…» (Phil. VA. VIII, 29, пер. Е. Г. Рабинович).
15. Ср. с оценкой Иерокла, зафиксированной в сочинении Евсевия Памфила и приведенной выше (Philostratus. The Life…Vol. II. The Loeb Classical Library. P. 488).
16. «Нельзя умолчать об обстоятельстве, которое имеет отношение к славе высокочтимого мужа. Передают, что Аврелиан действительно сказал и действительно думал о разрушении города Тианы. Однако в то время, когда он удалялся в свою палатку, перед ним внезапно предстал в том виде, в каком его обычно можно видеть, Аполлоний Тианский, прославленный молвою и пользующийся великим авторитетом мудрец, древний философ и истинный друг богов, который и сам должен быть предметом поклонения, подобно божеству. Он сказал по латыни, чтобы его мог понять уроженец Паннонии, следующие слова: «Аврелиан, если ты хочешь победить, то тебе не следует помышлять об убийстве моих сограждан, Аврелиан, если ты хочешь быть

императором, воздержись от пролития крови безвинных. Аврелиан, будь милостив, если хочешь жить». Аврелиан был знаком с обликом высокочтимого философа и видел его изображения во многих храмах. Словом, пораженный Аврелиан сразу обещал ему изображение, статуи и храм и изменил к лучшему свой образ мыслей. Обо всем этом я узнал от почтенных людей и прочитал в книгах Ульпиевой библиотеки; принимая во внимание величие Аполлония, я еще больше поверил этому. Действительно, был ли среди людей человек более безупречный, более чтимый, более значительный и более божественный? Умершим он возвращал жизнь [ср. Philost. VA. IV, 45]; он сделал и сказал многое такое, чего не в силах сделать и сказать люди. Кто хочет узнать об этом, пусть прочтет греческие книги, в которых описана его жизнь. Я сам, если хватит моей жизни и поможет милость этого мужа, опишу хотя бы вкратце деяния столь великого мужа…» (пер. С. Н. Кондратьева).

17. Вопрос об основных источниках биографического романа Филострата продолжает оставаться дискуссионным вплоть до последнего времени. Так, некоторые из исследователей, подверженные вирусу гиперкритицизма, склонны считать, что «Записки» сирийца Дамида из Ниневии, спутника и ученика Аполлония Тианского, выдумка Филострата. По мнению этих гиперкритиков, Филострат мог ссылаться на несуществующий источник в соответствии с литературными нравами «второй софистики» с целью придать авторитетность своему произведению (работы Ed. Meyer, E. H. Haight, J. Phillimore и др.). Филострат отмечает, что ознакомился с четырьмя книгами Мойрагена об Аполлонии, однако отзывается о них отрицательно: из слов Оригена, младшего современника Филострата, который тоже читал произведения Мойрагена, становится ясно, что Мойраген изобразил Аполлония далеко не в лучшем свете. Кроме того, Филострат указывает на сочинение Максима Эгийского, которое он использовал при работе над романизированной биографией Аполлония Тианского. Перечисленные Филостратом источники не сохранились, что, естественно, препятствует окончательному решению проблемы и порождает всевозможные догадки и гипотезы. Подробнее см.: *Bowersock G. W*. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxf., 1969. P. 7–11; *Илюшечкин В. Н.* Отражение социальной психологии низов в античных романах // Культура Древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 79–107.
18. Помимо греческих книг, в Ульпиевой библиотеке мог храниться и латинский перевод повести Филострата, принадлежащий Никомаху, см. *Syme R.* Ammianus and Historia Augusta. Oxf., 1968. P. 138.
19. Данный вывод находит подтверждение и том обстоятельстве, что большинство камней с надписями римского времени, хранящихся в музее г. Адана, обнаружено в ходе археологических работ либо вблизи, либо на территории киликийских Эг. См. *Dagron G., Mercillet-Jaubert J.* Inscriptions de Cilicie et d'Isaurie // Türk Tarih Kurumu Belleten. 42. 1978. P. 404; *Bowie E. L.* Op. cit. P. 1688.
20. Ср. «Этот рассказ и многие другие, ему подобные, записаны Максимом Эгийским» (Phil. VA. I, 12, пер. Е. Г. Рабинович). По словам Филострата, Максим из киликийских Эг «удостоился войти в число императорских письмоводителей» (Phil. VA. I, 12, пер. Е. Г. Рабинович), т.е. отвечал за переписку, находясь на службе у императора Тиберия. Об утерянном сочинении Максима Эгийского как об одном из источников исторического «романа» Филострата см. *Bowie E. L.* Op. cit. P. 1684–1685.
21. Ср., например, «с согласия отца [Аполлоний] переселился вместе с учителем [финикиянином Евфидемом] в соседние [с Тарсом] Эги: там и жизнь спокойная, способствующая философским занятиям, там и рвения к наукам больше, там и храм Асклепия, в котором сам Асклепий является людям. В Эгах в ту пору учительствовали платоники, перипатетики и последователи Хрисиппа [стоики]; доводилось Аполлонию слушать также эпикурейцев, ибо и этим учением он не пренебрегал, но несказанно восхищался умом, лишь внимая пифагорейцам» (Phil. VA. I, 7, пер. Е. Г. Рабинович). Подробнее о святилище Асклепия в Эгах и пребывании в этом городе Аполлония Тианского см. в статье Л. Робера, посвященной греческим надписям из Асклепейона в Эгах, датируемых римским временем (*Robert L.* De Cilicie à Messine et à Plymouth, avec deux inscriptions

grècques errantes // Journal des Savants. 3. Juillet-septembre. 1973. P. 161-211 (см. особенно p. 184-204).

22. Ср. «Когда ему [sc. Аполлонию] минуло четырнадцать лет, отец послал его в Тарс к финикиянину Евфидему. Этот Евфидем, хороший ритор, начал было образовывать отрока, однако тот, хотя и почитал учителя, но находил, что городские нравы легкомысленны и мешают ученью, ибо в Тарсе, как нигде, все жители привержены к роскоши, насмешливы, дерзки и о нарядах заботятся больше, чем афиняне о мудрости…» (Phil. VA. I, 7, пер. Е. Г. Рабинович). См. также о ходатайстве Аполлония перед римским императором Титом Флавием за привилегированный статус киликийского Тарса: «в былую пору жители Тарса не терпели Аполлония за его язвительные попреки, коим по беспечной своей изнеженности и возразить-то толком не умели, однако после описываемых ниже происшествий они прониклись к нему столь великой приязнью, что почитали его градодержцем и домоустроителем (букв. «покровителем и защитником города») (Phil. VA. VI, 34; ср. VI, 43, пер. Е. Г. Рабинович)
23. См. L'epigramme grècque. Vandouevres-Geneve, 1969. P. 206–207; *Dagron G., Mercillet-Jaubert J.* Inscriptions de Cilicie et d'Isaurie // Türk Tarih Kurumu Belleten. 42. 1978. P. 404; *Bowie E. L.* Op. cit. P. 1688.
24. Джонс, в частности, отмечает, что в ряде стихотворных эпитафий римского времени употребляется имя божества, которое заменяет имя человека в тех случаях (как и нашем – «по имени Аполлона-бога»), когда имя человека семантически связано с именем божества. Так, продолжает Джонс, сохранилась эпитафия атлету или, возможно, гладиатору, найденная в материковой Греции (в Фессалониках) со словами Αμμωνος κε-ραοῖο φερώνυμον᾽Αμμώνιον (IG. X. 2. I 541 Edson), из чего становится ясно, что покойника звали «Аммоний» в честь египетского божества Амона. Следующая параллель представляет собой стихотворную надпись из карийской Стратоникеи, которая гласит, что имя адресата – Эпафродит – происходит от Пафии, т.е. Пафийской богини=Афродиты (Παφίη). Третья надпись, которую приводит Джонс, происходит из Антинополя на Ниле и содержит имя Палладий, восходящее к эпиклезе Афины Паллады (Παλλάς). Подробнее см.: *Jones C. P.* An Epigram on Apollonius of Tyana // JHS. 100. 1980. P. 192.
25. Ср. *Ruge G.* Tyana // RE. XIV. 1943. Sp. 1640.
26. Ср., например, из Пролога III книги «О природе вещей» Лукреция, адресованного Эпикуру: «Ты, из потемок таких дерзнувший впервые воздвигнуть / Столь ослепительный свет, озаряющий жизни богатства…» – e tenebris tantis tam clarum extollere lumen /qui primus potuisti, inlustrans commoda vitae… (Lucr. De rerum nat. III, 1–2, пер. Ф. А. Петровского). Или новозаветный текст из Евангелия от Матфея: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы…» – οὕτω λαμψάτω τὸ φῶς ὑμῶν ἐμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων, ὅπως... (Math. V, 16).
27. *Robiano P.* L'Épigramme sur Apollonios de Tyane et Alexandre, le faux prophète // Epigraphica Anatolica. 33. 2001. P. 81–83.
28. Ср. параллели в текстах раннехристианских авторов, у которых нередко используемый ими глагол κατασβεννύναι (лат. *extinguere*) «исцелять, излечивать» сближается по значению с нашим глаголом (*Jones C. P*. Op. cit. P. 195).
29. *Merkelbach L.* Das Epigramm auf Apollonios von Tyana // ZPE. 41. 1981. S. 270; *idem.* // ZPE. 45. 1982. S. 265–266.
30. *Bowie E.* Op. cit. P. 1687–1688. Добавим, что в стремлении выявить «риторическое построение» надписи, Боуи уделяет особенное внимание синтаксическому параллелизму Τυάνων в стк. 1 и стк. 3, двух существительных в генетиве множ. числа, двух глаголов и двух дополнений в аккузативе множ. числа во 2 и в 4 стк.
31. Так, например, Филострат, не ссылаясь, заметим, как в подавляющем большинстве случаев, на «Записки» Дамида Ассирийского, – основной источник биографической повести об Аполлонии Тианском – особо подчеркивает, что «иные утверждают» и помещают при этом место захоронения религиозного реформатора на о-ве Крит, связывая его с храмом Артемиды Диктинны (Phil. VA. VIII, 30).

32. *Lattimore R.* Themes in Greek and Latin Epitaphs. Urbana, 1942. P. 28, 34, 313. В работе приводятся многочисленные примеры эпитафий и показано, что δέχομαι используется в эпитафиях римского времени в качестве terminus technicus для обозначения приобщения душ смертных миру богов или полубогов. Из содержания эпитафий, как отмечает Латтимор, следует не только, что после смерти души усопших оказываются на небесах, но и то, что посмертное существование души – в отличие от тела – связано с «истинной» жизнью. Автор книги приходит к выводу, что материал греческих эпитафий римского времени свидетельствует о четком противопоставлении места захоронения тела и местопребывания души. Однако в стихотворной надписи в честь Аполлония Тианского никоим образом не демонстрируется противопоставление между «телом» и «душой» (и даже между «самим» [sc. Аполлонием] и «душой»), которое очень хотели бы усмотреть Боуи и Джонс.
33. Боуи истолковывает стк. 3 греческой надписи как «земля Тианы и его [sc. Аполлония] могила», опираясь на известную максиму из «Истории» Фукидида: «гробница доблестных – вся земля» (Thuc. II. 43, 3). В свою очередь, Джонс, настаивая на чтении σῶμα («тело»), которое в качестве объекта зависит от глагола δέχομαι («принимать»), опирается, естественно, на материал греческих эпитафий.
34. В заключительном разделе своей повести Филострат перечисляет традиционные версии о кончине Аполлония (Phil. VA. VIII, 29–31) и от себя добавляет: «могилы Аполлония – ни подлинной, ни мнимой – мне видеть не довелось, хотя и обошел я множество стран, повсюду слыша предания о святости его» (Phil. VA. VIII, 31, пер. Е. Г. Рабинович).
35. Ср. *Илюшечкин В. Н.* Античная физиогномика // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 455.
36. По словам Филострата, Аполлоний при жизни уклонялся от оказываемых ему почестей, «опасаясь завистников» (Phil. VA. IV, 31). В Эфесе Аполлоний изгнал чуму, за что впоследствии ему поклонялись как Гераклу-Целителю, или «Отвратителю бед» (Lact. Div. Inst. V. 3, 14–15).

V. N. Ilyushechkin

THE POETIC INSCRIPTION IN HONOR OF THE THAUMATURGOS FROM TYANA

The article examines the Greek poetic inscription in honor of the philosopher and thaumaturgos of 1st c. A.D. Apollonius of Tyana and represents it through the prism of the historical and literary tradition.

© 2007 г.

Н. В. Парфенова

БОРЬБА С ЯЗЫЧЕСТВОМ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ 395 г. (ПО ДАННЫМ КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ).

После победы Феодосия в битве при Фригиде (394 г.) политике религиозной терпимости «с заметным уклоном в пользу язычества»[1], которой придерживался император Евгений, пришел конец. Сыновья Феодосия пожинали плоды отцовской победы и продолжали его религиозную политику. За повторением старого закона, упраздняющего языческие праздники (CTh. II.8.22, 3 июля 395 г.), последовали меры против еретиков и строгий запрет традиционных культов. Год спустя был издан закон, подтверждающий

окончательную отмену всех привилегий жрецов, гиерофантов и других служителей культа (не без тонкого упоминания о том, что все языческое жречество находится под запретом)[2]. Тогда же были возобновлены старые эдикты, направленные против христиан, принимающих участие в языческих церемониях[3].

Все антиязыческие законы, изданные при Феодосии, были ужесточены настолько, насколько это было возможно на Западе в то время[4]. 7 августа 399 г. императоры официально провозглашают политику нетерпимости по отношению ко всем инакомыслящим. Подтверждая уже существующее религиозное законодательство, они требуют более сурового преследования еретиков и язычников (nunc acrius exsequendum), а нерадивым чиновникам, не исполняющим этот закон, угрожает смертная казнь (CTh. XVI.10.13).

Но, несмотря на сильный удар, нанесенный престижу язычества, оно не умерло немедленно, вместе с потоком массовых обращений в христианство. Оппоненты древней религии, утверждая обратное, выдавали желаемое за действительное. Среди многочисленного населения сельской местности, где церковь и государство активно боролись с проязыческими настроениями, запрещали местных богов, религиозные церемонии и использование храмов по назначению, этот процесс занял время, равное жизни не одного поколения[5]. Под влиянием Иоанна Хрисостома в 399 г. был издан закон о разрушении храмов в сельской местности, чтобы искоренить там язычество (CTh. XVI.10.16). Это тем более примечательно, что зачастую наиболее важные храмы превращались в церкви или светские общественные здания[6].

Однако правительству Римской империи пришлось тщетно грозить приверженцам древней религии неотвратимым и страшным возмездием еще как минимум полвека. Законы, запрещающие жертвоприношения, и указы о разрушении или превращении в церкви языческих храмов повторяются снова и снова. Поначалу «принесение жертв демонам» наказывалось изгнанием или конфискацией имущества (CTh. XVI.10.23, 8 июня 423 г.)[7], но очень скоро эти оказавшиеся недостаточно эффективными меры заменила смертная казнь (законы 435, 438 и 452 г.). В одном случае утверждалось, что служба идолам вызвала голод. Даже владелец земли, на которой проводились какие-либо языческие церемонии, жестоко наказывался; в этом случае присутствует ссылка на закон 392 г[8].

В 404 г. императором Гонорием были отменены гладиаторские бои, которые являлись неотъемлемой частью языческих празднеств. В последний раз они были проведены в честь победы римлян в битве при Полленции[9].

В 407 г. появляется еще один закон для западной части империи, запрещающий добровольные пожертвования в пользу храмов. Отныне они переходили в собственность государства и использовались либо в качестве церквей, либо как общественные здания. Статуи богов предписывалось удалить, алтари разрушить. Вновь повторялся запрет языческих застолий, введенный еще Феодосием. За исполнением этого должны были следить епископы, а небрежное исполнение своих обязанностей чиновниками, смотревшими сквозь пальцы на подобные правонарушения, влекло за собой суровое наказание (CTh. XVI.10.19, 15 ноября 407 г.).

Эдикт 408 г., запрещающий врагам ортодоксальной религии нести службу во дворце, нанес по язычеству гораздо более сильный удар, чем все предыдущие, которым потребовалось много времени, прежде чем они стали реально действовать (CTh. XVI.5.42)[10]. Отныне для высокопоставленного чиновника стало опасно быть язычником или считаться таковым. Уже через восемь лет запрет распространился на солдат, правительственных чиновников и судей. 7 декабря 416 г. язычникам было запрещено служить в армии, в судебных органах и занимать административные должности (CTh. XVI. 10.21)[11].

Причиной для столь поздней даты отстранения язычников от государственной службы, вероятно, было то, что только к этому времени христианам удалось добиться доминирующего положения при императорском дворе, как свидетельствуют эпиграфические и литературные источники[12]. В отличие от язычников, еретики были отстранены от государственной службы уже в 395 г., за 13 лет до всеобщего отстранения врагов ортодок-

сальной религии в 408 г. и на 20 лет раньше закона, относящегося непосредственно к язычникам (CTh. XVI.5.25). Императорское внимание было направлено прежде всего на еретиков при дворе, на религиозную идеологию возрастающего числа тех христиан, которые были близки к императору[13].

Одновременно с преследованием древней религии христиане насаждают среди населения собственные традиции. Одной из них было почитание воскресенья. В 392 г. императоры запретили устраивать по воскресеньям игры в цирке, а семь лет спустя этот запрет был распространен на все виды зрелищ. С 27 августа 399 г. (CTh. II.8.23.) по воскресеньям запрещались дозволенные публичные игры и представления в театре[14], а 2 октября 399 г. (CTh. XV.6.2.) из разрешенных публичных игр были исключены майские празднества в Риме (Maiuma).

Но этот эдикт, как и многие другие, похоже, не имел должного действия. Так, синод, собравшийся в 401 г. в Карфагене, представил, в частности, требование о том, чтобы в воскресные дни прекратили устраивать зрелища[15]. Даже в 425 г. появляется декрет, запрещающий общественные зрелища по воскресеньям, в Рождество Христово, в некоторые другие праздники, и указывающий упорствующим на то, что существует время для молитв и время для развлечений (CTh. XV.5.5 от 1 февраля 425 г.).

Другой закон этого времени констатирует полное исчезновение оппозиционной религии (CTh. XVI. 10. 22, 9 апреля 423 г.), что демонстрирует самонадеянность правительства и недооценку им язычества. Подобный вид самообмана был характерен также и для отцов церкви, когда они радовались якобы полной и окончательной победе христианства. По мнению Й. Геффкена, этот факт свидетельствует о все еще непрочном положении новой религии[16].

После 410 г. центр языческого сопротивления перемещается на Восток, где политеизм был распространен во всех слоях общества. В Афинах, в Афродизиях (Кария), в Египте языческие обряды совершались вплоть до конца V в. В других местах на восточной границе, таких, как Ливан или Карры, политеизм был обычным явлением даже после VI в[17].

Несмотря на суровое законодательство, язычество продолжало существовать, главным образом, в среде старой римской аристократии и в крестьянской среде. Как отмечает З.В. Удальцова, «случаи тайного поклонения языческим богам были нередки и в самом ближайшем окружении Юстиниана». По ее мнению, борьба против язычников «отражала не столько социальные противоречия, сколько столкновения различных группировок внутри господствующего класса, прежде всего старой римской аристократии и новой светской и духовной знати, добившейся установления своего политического и идейного влияния в стране»[18].

Таким образом, когда Феодосий II в 423 г. утверждал, что язычников в государстве больше не осталось (CTh. XVI.10.22), он явно лукавил: это была лишь официальная версия, предназначенная для широкой общественности. С этого времени по отношению к язычеству практикуется так называемая «идеология молчания»[19]. В конечном счете, именно она оказалась гораздо более эффективной, чем самые грозные антиязыческие законы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Williams S., Frill G.* Theodosius: the Empire at Bay. New Haven; London, 1994. P. 135.
2. CTh. XVI. 10.14: privilegia si qua concessa sunt antiquo iure sacerdotibus ministris praefectis hierofantis sacrorum sive quolibet alio nomine nuncupantur, penitus aboleantur nec gratulentur se privilegio esse munitos, quorum professio per legem cognoscitur esse damnata.
3. CTh. XVI. 7.6, закон от 23 марта 396 г.; ср.: CTh. XVI. 7. 1-4.
4. Исследованию религиозного и, в частности, антиязыческого законодательства Поздней Римской империи посвящен целый ряд работ, из которых можно выделить следующие: *Gaudemet J.* La formation du droit séculier et du droit de l'église aux IVe et Ve siècles. P., 1979 (о месте христианских законов в Кодексе Феодосия см. P. 48-71, 210-215);

Joannou P.-P. La législation imperiale et la christianisation de l'Empire Romain (311–476). Roma, 1972; *Turpin W*. The Law Codes and Late Roman Law // Revue internationale des Droits de l'Antiquté. 1985. Vol. 32. P. 343-345. Попытка определить роль, которую законодательство сыграло в обращении Римской империи в христианство, предпринята М.Р. Зальцманом: *Salzman M.R.* The Evidence for the Conversion of the Roman Empire to Christianity in Book 16 of the Theodosian Code // Historia. 1993. Bd. 42. H. 3. P. 362-378. Императорские законы IV века, направленные против еретиков, язычников и иудеев, достаточно подробно анализируется в диссертации Карла Лео Нетлихса: *Noetlichs K.L.* Die gesetzgeberischen Massnahmen der christlichen Kaiser des vierten Jahrhunderts gegen Häretiker, Heiden und Juden. Köln, 1971.

5. По версии Орозия, высказанной в его «Истории против язычников» в 416 г. и широко распространенной впоследствии, политеисты (*pagani*) отождествлялись с сельскими жителями (от латинского) в противоположность городскому населению, поскольку язычники часто укрывались от преследований в деревнях (*pagus* в переводе с латинского означает «сельская местность, село, деревня» и образовывали там очаги сопротивления религиозным нововведениям. Жители такого пага назывались *pagani* и составляли маленькую общину с общественной собственностью и общими святынями. См.: *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. Москва, 2001. Т.3. С. 8). Другое значение этого слова — гражданское население в противоположность военным. Христиане использовали этот термин для обозначения всех иноверцев, за исключением еретиков и иудеев (См.: *Kornemann E.* Paganus // RE. 1942. Bd. 18.1. Sp. 2295-2297). В Кодексе Феодосия термин *pagani* впервые появляется применительно к закону 370 г. (CTh. XVI.2.18.).
6. Массовое разрушение языческих храмов, хоть и неофициальное, но, по мнению А.Х.М.Джонса, проводимое с молчаливого согласия правительства, началось еще при Феодосии I (*Джонс А.Х. М*. Гибель античного мира. Ростов, 1997. С. 102) В числе первых святынь, пострадавших от рук христианских фанатиков, оказался знаменитый Серапеум в Александрии (см.: *Eunap*. Vitae. 472; *Sozom.* HE. VII.15; *Rufin*. HE. XI.22; *Socr*. HE. V.16). О законах, предписывающих разрушение храмов, и о попытках приверженцев древней религии защитить свои святилища см.: *Fowden. G*. Politheist religion and Philosophy // CAH². 2001. Vol. XIII. P. 553-558. Видимо, ортодоксы слишком активно взялись за исполнение императорского закона и начали уничтожать все святилища древних богов без разбора, именно поэтому в августе 399 г. появляется еще два закона, подтверждающие запрет всех языческих празднеств и церемоний, но предписывающие охранять здания храмов и памятники искусства от уничтожения. Нарушители несли административное наказание в виде солидного штрафа в размере двух фунтов золота (CTh. XVI.10.18; 10.15).
7. Paganos qui supersunt, si aliquando in execrandiss daemonum sacrificiis fuerint comprehensi, quamvis capitali poena subdi debuerint, bonorum proscriptio ac exilium cohercebit.
8. CTh. XVI.10.25. от 14 ноября 435 г.; CTh. Nov. III.8 от 31января 438 г. (со ссылкой на голод); CJ. I.11.7 от 4 ноября 451 г.; CJ. I.11.8 (точная дата неизвестна, предположительно 472 г. См.: *Geffcken J.* The Last Days of Greco-Roman Paganism. Amsterdam, 1978. P. 263).
9. CTh. XV.12.1. *Theodoret.* HE. V.26. Феодорит рассказывает в этой связи душещипательную историю о монахе Телемахе, который бросился разнимать гладиаторов, чтобы прекратить бессмысленную бойню, и был забит камнями возмущенными зрителями, лишившимися развлечения в результате его вмешательства. Это печальное событие якобы послужило причиной отмены гладиаторских боев Гонорием. См. также: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи. М., 1997. Т. 3. С. 414. Прим. 57–58. Э. Гиббон совершенно справедливо сомневается в правдоподобности этой истории, указывая на то, что «не было построено ни одной церкви, не было воздвигнуто ни одного алтаря в честь единственного монаха, умершего мученической смертью из человеколюбия».
10. П. Шувен считает его более эффективным, чем все антиязыческие меры, предприни-

маемые императорами до этого времени (*Chuvin P.* Chronique des derniers païens. P., 1991. P. 95). Еще в 404 г. появился закон, согласно которому офицеры, принимающие участие в сходках, где ведутся споры по поводу религии, наказывались отрешением от должности и конфискацией имущества (CTh. XVI. 4.4). Ср. с законом 388 г., согласно которому запрещались публичные споры по поводу веры (CTh. XVI. 4.2).

11. Qui profano pagani ritus errore seu crimine polluuntur, hoc est gentiles, nec ad militiam admittantur nec administratoris vel iudicis honore decorentur. Й. Геффкен считает эту меру непродуманной, так как закон не учел авторитета некоторых чиновников-язычников в Риме (*Geffcken J.* Op. cit. P. 224). Известно, что в 417–418 гг. должность префекта Рима занимал язычник Волюзиан (*Chastagnol A*. La préfecture urbain à Rome sous le Bas-Empire. P., 1960. P. 447). См. также: *Salvian.* De gubernatore Dei. VI.2.12.

    Zosim. V. 46.3f. Ср. *Seeck O*. Geschichte des Untergangs der Antiken Welt. Stuttgart, 1921. Bd. V. S. 400. Закон был инициирован *magister officiorum* Олимпием, который имел большое влияние при дворе и был активным членом так называемой антиварварской «партии». Олимпий, в частности, являлся одним из организаторов заговора против Стилихона (см.: Philost. HE. XII.1; Ensslin W. Olimpios // RE. 1939. Hbd. 35. Sp. 246 f). По мнению М. Р. Зальцмана, закон был направлен прежде всего против христианских еретических сект (*Salzman M. R*. The Evidence... P. 368), хотя, по-видимому, его использовали и против язычников. Так, Зосим (V. 46. 3 f.) сообщает о его применении против германца Генерида, блестящего военачальника, занимавшего должность *magister militum* Италии и Иллирика, варвара по происхождению. Генерид эффективно защищал империю от внешних врагов, но оставался убежденным язычником, твердо сохранявшим приверженность древним традициям и культу богов. Некоторые исследователи считают, что этот закон был нацелен непосредственно на Генерида. Так, П. Шувен полагает, что правительство боялось усиления влияния Генерида, который мог использовать свой авторитет для захвата единоличной власти, как это было некогда с Арбогастом (*Chuvin P.* Op. cit. P. 95). Однако теплое отношение к военачальнику императора Гонория, заявившего, что закон имеет силу для всех, кроме Генерида, заставляет усомниться в справедливости этой версии. Она может быть принята лишь отчасти: Олимпий действительно мог стремиться избавиться от талантливого военачальника, но император придерживался иного мнения.

    По сообщению Зосима, Генерид отказывался вернуться к исполнению своих обязанностей до тех пор, пока император не отменил свой закон и не обеспечил полную свободу вероисповедания всем военным и гражданским служащим. Однако эта свобода, если она в действительности имела место, могла продолжаться недолго, по мнению О. Зеека, максимум год. См.: *Seeck O*. Geschichte des Untergangs der Antiken Welt. Stuttgart, 1921. Bd. III. S. 364.

12. См. специальное исследование М.Р. Зальцмана на эту тему: *Salzman M. R.* How the West was Won: The Christianization of the Roman Aristocracy in the West in the Years after Constantine // Studies in Latin Literature and Roman History /ed. C. Deroux. Coll. Latomus. 1992. №. 217. P. 451-479. Ср.: *Буассье Г.* Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на западе в IV в. М., 1892. С. 411.

13. *Salzman M. R.* The Evidence…P. 369. 3 марта 402 г. все общественные и частные места культа еретиков должны были быть конфискованы, а их собрания запрещались. Неприменение этого закона на практике влекло за собой штраф для должностного лица, равный колоссальной сумме в 100 фунтов золота (CTh. XVI.5.30).

    21 февраля 410 г. (CTh. XVI. 5.48) монтанисты, присциллиане и другие еретики лишаются всех должностей в армии. 25 августа 410 г. собрания еретиков в Африке запрещаются под страхом смерти (CTh. XVI. 5. 56). Но в то же время всем еретикам гарантируется прощение, если они вернутся в лоно ортодоксальной церкви (CTh.XVI. 5.41, 15 ноября 407 г.). Еретиками (*haeretici*) считались все те, кто «издавна отчуждены от церкви», те, «которые после того преданы анафеме», а также все, «которые показывают вид, будто исповедуют истинную веру, однако отделились от наших законно поставленных

епископов и составляют свои собрания» (Деяния Вселенских соборов. СПб., 1996. Т. 1. С. 118). К концу IV в. в Римской империи насчитывалось более ста пятидесяти различных христианских течений (см.: *Уколова В. И.* Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С. 9).

14. Еще при Константине седьмой день недели был объявлен выходным. Для язычников этот день был посвящен солнцу, а христиане связывали его с Христом. Начиная с IV в., день рождения Solis Invicti, отмечавшийся традиционно 25 декабря, стал праздником рождества Христова. См.: *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1988. С. 175.
15. См. *Geffcken J.* Op. cit. P. 224; *Schultze V.* Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums. Jena, 1892. Bd. II. S. 319 ff. 4 февраля 405 г. общественные зрелища были запрещены за семь дней до пасхи, первые семь дней пасхи, в рождество и в праздник богоявления (CTh. II.8.24.). 1 апреля 409 г. императоры были вынуждены издать повторный закон, запрещающий игры по воскресеньям (*CTh*. II.8.25.).
16. То, что dies natalis Рима все еще праздновали в V в. (*Wissowa. G.* Religion und Kultus der Römer. München, 1912. P. 201) — один из фактов, подтверждающих это.
17. *Fowden G*. The Pagan Holy Man in Late Antique Society // JHS. 1982. Vol. 102. P. 33–59; *Smith R*. Late Roman Philosopher Portraits from Aphrodisias // JRS. 1990. Vol. 80. P. 153–155; *Chuvin P.* Op. cit. P. 106-111 (о Египте), 112–113, 139–140 (Ливан и Карры).
18. *Удальцова З. В.* Церковная политика Юстиниана. Народно-еретические движения в империи // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 275.
19. *Brown P*. Power and Persuation in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison, 1992. P. 128.

N.V. Parfyonova

STRUGGLE WITH PAGANISM IN ROMAN EMPIRE AFTER A.D. 395 (ACCORDING TO THE CODEX THEODOSIANUS)

After Theodosius's victory in the fight at Phrigidus (A.D. 394) the policy of tolerance with the pro-pagan bias, carried by the emperor Eugenius, came to its end. Theodosius' sons continued the religious policy of their father. The legislation against pagans and heretics had been toughened, though these laws actually were not always executed. Despite this, the ancient religion which lost its former importance and ceased to play its leading part in the state, continued to exist, mainly amidst peasants and the old Roman aristocracy, in 5th and even in 6th cc. A.D.

© 2007 г.

Е.А. Чиглинцев

РЕЦЕПЦИЯ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: АНТИЧНЫЙ ОБРАЗ В ИНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Интерес к античности, так или иначе присутствующий в общественном сознании и культуре нового и новейшего времени, порождает особое внимание к ряду исторических персонажей древности, чьи судьбы и образы как-то сопрягаются с иными социокультурными условиями XIX–XX вв., а их интерпретация позволяет включить Спартака и Цезаря, Мецената и Александра, Калигулу и Клеопатру в современную европейскую культурную традицию.

Последняя египетская царица эллинистического времени Клеопатра VII стала составной частью массового общественного сознания еще со времен античности. Самую известную легенду о любвеобильности Клеопатры оставил Аврелий Виктор (Sext. Aurel. LXXXVI.2), но начало пропагандистской линии о Клеопатре как чудовище («fatale monstrum» — Horat. Od. 1.37.21) положил еще Октавиан, который использовал ее образ, опираясь на расовые и гендерные предрассудки, для предания забвению своего побежденного политического противника Антония[1].

В эпоху Возрождения для образа Клеопатры также характерны были метаморфозы от беспредельного распутства до образца верности в любви[2].

Омассовление культуры на рубеже XIX-XX вв. порождает стремление втиснуть реальный исторический персонаж в некоторую серию, выстроить ряд. И тогда Клеопатра занимает место в ряду великих куртизанок всех времен и народов. Характерен пример русского издания книги француза Анри Уссея[3], появившегося в конце XIX века[4]. Если французское издание снабжено сносками на античные источники, как то — Аппиан, Плутарх, Светоний, Веллей Патеркул, то в русском издании хоть какие-то признаки научности полностью выхолощены, да и заглавие книги, данное, судя по всему, издателем, говорит само за себя[5].

В XX веке исторический персонаж становится игрушкой для политиков, интеллектуалов, художников. Они активно интерпретируют имеющиеся данные или свободно домысливают то, что необходимо для реализации политических или художественных замыслов. И тогда Клеопатра привлекает внимание и социалистов, и сторонников психоанализа, и последовательниц феминистских взглядов. Как пишут авторы статьи о мифологии образа Клеопатры, в XX веке, для современного человека, «она и женщина-вамп (кому, как не ей?..), и первая декадентка, и символ тираноборчества: ведь страсти и наслаждения не хуже армий могут стать способом борьбы против имперского владычества»[6]. Утверждая вполне прописную истину о том, что Клеопатра стоит в одном ряду с самыми знаменитыми политиками своего времени, авторы считают, что она должна стать «примером величия, красоты, мудрости и силы духа»[7], а иными словами — идеалом современной женщины (sic!). Для них Клеопатра ассоциируется с этакой успешной бизнес-вумен, «умело совмещающей управление государством с воспитанием четырех детей, которой при этом хватает времени на личную жизнь и на поддержание собственной привлекательности», словом, Клеопатра — «символ женской удачливости и успеха»[8].

В ситуации постмодерна — Клеопатра идеальный исторический персонаж для наделения теми смыслами, которые авторы пытаются донести до публики[9]. Это объясняется и ограниченностью достоверных данных, дошедших до нас от античности, и тем, что даже эти ограниченные данные уже в римской имперской традиции подавались весьма тенденциозно. Ну а появившаяся в XX веке возможность идентифицировать внешность египетской царицы по изображениям на монетах и скульптурным портретам[10] привела к результату, столь противоречащему устойчивым представлениям о последней египетской царице, что он стал претендовать на сенсационность, не столько в научных кругах, сколько в массовом сознании, что не преминула использовать массовая пресса во всем мире.

Очень сложный баланс между интересом массовой публики к клишированному образу Клеопатры и желанием оставить этот образ в рамках академического театрального искусства попытался сохранить Б.Шоу. В самый канун XX века, 1898 г., он пишет пьесу «Цезарь и Клеопатра», рисуя нам в чем-то традиционный, а в чем-то, как это и должно быть у великого писателя, непривычный образ Клеопатры.

Обращение Б.Шоу к образу Клеопатры также определено вполне конкретными социокультурными условиями и личным социальным опытом автора. Известно, что в центре представлений о социальном прогрессе у Шоу лежит идея сверхчеловека и его роли. Не нужно путать здесь из-за терминологического заимствования представления о сверхчеловеке Шоу и теоретические построения Ницше. Шоу считает, что для прогресса ци-

вилизации нужны истинные герои, избранные. И вот эта избранность сверхчеловека приводит к реализации творческой эволюции в мире[11]. «Сверхчеловек, в понимании Шоу, — это гуманист…»[12], стремящийся к общему благу. Для реализации этого стремления вполне подходит и диктатор, если он соответствует высоким требованиям[13]. Такие взгляды вполне соответствуют фабианскому социализму, пропагандирующему медленное, постепенное реформирование капитализма в социализм, сторонником которого был Шоу[14]. Сюда следует добавить и весьма сложное отношение Шоу к женщинам. Всем известны его весьма острые и нелицеприятные афоризмы о женщинах. Это связано, на мой взгляд, с его личным опытом, когда он из-за собственной нищеты лишь в сорокадвухлетнем возрасте женился на богатой ирландке Шарлотте Пейн-Таушенд, которая потом долгие годы опекала его и помогала в литературном труде. У них были близкие взгляды на жизнь (она тоже входила в фабианское общество), но была ли между ними любовь? Широкую огласку получило увлечение пятидесятишестилетнего Шоу известной актрисой Стеллой Патрик-Кэмбл, исполнительницей роли Элизы Дулиттл в «Пигмалионе»[15]. Их переписка, полная колкостей и острот[16] со стороны Шоу, стала основой известной пьесы Джерома Килти «Милый лжец», и также выдает весьма критическое восприятие женщин, характерное для великого драматурга. Но это личный опыт. При этом глобальное философское восприятие роли женщины-матери, которая была тем орудием «Жизненной силы», что создавала тех самых сверхчеловеков-творцов, оставалось очень положительным[17].

Для Б.Шоу главным героем, несмотря на название пьесы «Цезарь и Клеопатра», выступает в ней все-таки именно Цезарь. Ему отводится функция презентации всех идейных и образных доминант драмы. В связи с этим Клеопатра оказывается несколько на периферии действия, выступая этаким реципиентом основных идей, провозглашаемых Цезарем, адресатом его действий и оценок. «Герои совершенно по-разному относятся к жизни, к власти, к людям. Без сомнения, Клеопатра не друг, а, скорее, враг Цезаря, т.к. это яркая защитница старого мира»[18]. Такой подход делает тем более интересным анализ создаваемого Б.Шоу образа египетской царицы.

Прежде всего, Шоу явно омолаживает свой персонаж, делая Клеопатру 16-летней девчонкой, о которой с некоторым пренебрежением говорит один из ветеранов египтян Бельзенор: «Это вы в Мемфисе считаете ее царицей; а мы-то здесь знаем…». И далее: «пусть жрецы и няньки опять выставляют ее царицей и нашептывают ей, чту она должна приказать»[19]. Но тут же в характеристику юной царицы вплетается две важнейших составляющих, которые предвосхищают дальнейшее развитие событий. Тот же Бельзенор предостерегает своих соплеменников от неподобающих действий в отношении Клеопатры, поскольку она — «дочь Нила. И земля отцов наших не будет давать зерна, если Нил не поднимет свои воды и не напитает ее»[20]. А некий Перс добавляет к этому сакрализованному образу следующий аспект: «Клеопатра еще не женщина, и мудрости нет у нее. Но она уже смущает разум мужчин»[21]. В первом действии пьесы Шоу продолжает рисовать нам образ маленькой девочки, что особенно хорошо удается, поскольку декорацией служит фигура огромного сфинкса, между громадными лапами которого виднеется спящая Клеопатра. И первая реакция на это Цезаря: «Дитя у него на груди! Божественное дитя!»[22]. И сама Клеопатра ведет себя именно как маленькая девочка. Ремарки Шоу очень красноречивы: она говорит с Цезарем «дрогнувшим, жалобным голосом», «хихикая, доверчиво прижимается к нему» и далее в том же духе — «совершенно серьезно», «испуганно», «возбужденно», «оробев», «съеживается и закрывает лицо руками»[23]. И первый урок подобающего, по его мнению, поведения дает Клеопатре именно Цезарь: она должна вести себя перед лицом опасности «как мужественная женщина и великая царица»[24]. Есть такое расхожее выражение, что короля играет свита. Нечто подобное мы наблюдаем в дальнейшем поведении Цезаря. Он поставил перед собой цель сделать из Клеопатры настоящую женщину и настоящую царицу[25]. И ведет себя по отношению к ней именно так: и в том, как он осаживает ее няньку («главную няню царицы» Фтататиту), и как подчеркивает, что царицу должны узнавать «по ее гордости, му-

жеству, ее величию и красоте»[26]. Но интересны результаты этого обучения, которые начинают проявляться довольно быстро, а Шоу «иронически» воспроизводит нам этот стремительный процесс превращения девочки-Клеопатры в царицу[27]:

«**Цезарь**. (*любуясь Клеопатрой, возлагает ей корону на голову*). Ну как? Сладко ли быть царицей, Клеопатра?

Клеопатра. Не сладко»[28].

Клеопатра оказывается очень умелой ученицей. И те черты детского поведения, которые сначала вызывали умиление у Цезаря, вскоре начинают вызывать недоумение и настороженность. Прежде всего, это проявляется в сцене с Птолемеем, которого Клеопатра буквально сгоняет с трона, а Цезарь опять же по-наставнически защищает и поучает мальчика: «Иди, Птолемей. Никогда не отказывайся от трона, когда тебе его предлагают»[29]. Бурная реакция Клеопатры и последующие ее реплики показывают начавшуюся эволюцию этой маленькой девочки: «Ты слишком чувствителен, Цезарь. Но ты умный, и если ты будешь делать все, как я тебе говорю, ты скоро научишься править»[30]. И Шоу в ремарке отмечает, что Клеопатра слушает Цезаря «с жадным вниманием, наполовину искренним, наполовину притворным, желая показать, какая она стала умная»[31]. Но обмен ролями между ученицей и учителем уже начался.[32]

Что входит в представления юной Клеопатры о способах царствовать, чему она готова научить пятидесятилетнего Цезаря? Осмелев от поддержки Цезаря, она пытается поколотить свою няню, а когда Цезарь препятствует этому, с криком: «Я хочу побить кого-нибудь» бросается на раба. Эта экзекуция заканчивается восторженным восклицанием: «Вот теперь я настоящая царица! Настоящая царица — царица Клеопатра!» и словами признательности Цезарю за то, что он сделал ее царицей[33]. И это только самое невинное проявление деспотических наклонностей юной царицы. Чуть позже она предлагает Цезарю отрубить головы его соратникам за несколько насмешливое отношение к ней[34]. А еще позже она руками той же Фтататиты лишит жизни опекуна юного Птолемея Потина, которого Цезарь помиловал и отпустил[35]. И когда Цезарь осудил это убийство, она произносит экспрессивный монолог: «Он был убит по повелению царицы Египта. Я не Юлий Цезарь — мечтатель, который позволяет всякому рабу оскорблять себя. …Он оскорбил меня — меня, царицу! — в лицо. Цезарь не захотел отомстить за меня. Он снял с него вину и отпустил его на свободу. Разве я не вправе была отомстить за себя?»[36]

А Цезарь все никак не может понять, что перед ним уже другой человек. И к новой Клеопатре, вылепленной им же, слова его: «ты, которая теперь цепляешься за мой меч ради спасения своей маленькой жизни, ты осмеливаешься тайком нанести ему удар в спину»[37] уже никакого отношения не имеют. Изменения эти замечают все: и Фтататита[38], которая теперь покорно выполняет любые приказания своей подопечной и в конечном итоге становится жертвой этих желаний[39], и придворные дамы-ровесницы, одна из которых позволяет себе заявить, что при Цезаре Клеопатра становится «такой ужасно скучной, серьезной, ученой и философичной. А в *нашем* возрасте это хуже, чем быть святошей»[40], и сама Клеопатра, которая говорит Потину: «Когда я была безрассудной, я делала то, что мне было приятно… Теперь… я делаю то, что должна делать, мне некогда думать о себе. Это не счастье, но это величие. Если Цезарь уедет, я полагаю, что сумею управлять египтянами, ибо то, что Цезарь для меня, то я для окружающих меня глупцов». И чуть дальше с циничностью, на которую способны только большие политики: «Потин, все мы — рабы Цезаря, все в Египте, хотим мы этого или нет. И та, чьей мудрости открыто это, будет властительницей Египта, когда уйдет Цезарь»[41].

А Цезарь, даже прощаясь с Клеопатрой, восклицает: «Ты все такое же дитя, Клеопатра! Или я так и не сделал тебя женщиной?»[42]. Шоу на протяжении всей пьесы опровергает это сомнение своего героя. Проснувшееся женское начало в Клеопатре он отмечает в массе своих ремарок, в поступках и словах самой Клеопатры, в репликах других действующих лиц. Например, Аполлодор, в присутствии и Цезаря, и Клеопатры, констатирует, что «Клеопатра изо дня в день становится все более и более женственно-прекрас-

ной»[43]. Или резкое замечание Руфия: «Ах, клянусь Юпитером, она подзадоривает его (Цезаря — *Е.Ч.*), эта гнусная маленькая египетская крыса!»[44]. Принимая любовь как главное проявление своего женского начала, Клеопатра говорит о своей неудавшейся (потому что он бог) попытке заставить Цезаря ревновать, а о другом своем возлюбленном, Марке Антонии, размышляет как о человеке, который умеет любить и ненавидеть и которого она может заставить страдать[45]. Пытаясь развлечь Цезаря, она устраивает ему изысканный обед, который, правда, не вызывает у него восторга, что сильно обижает Клеопатру, но она пересиливает себя и продолжает оживленную болтовню, ведя себя, по ремаркам Шоу, «умильно», «восхищенно», «томно»[46]. В момент убийства Потина, чувствуя подозрения Цезаря в ее причастности к этому преступлению, она неоднократно декларирует свою любовь к римскому полководцу, льет перед ним слезы и при этом «украдкой поднимает на него глаза, чтобы узнать, какое впечатление производят не него ее слезы; видя, что это его не трогает, она притворяется, будто делает над собой усилие и мужественно овладевает собой»[47].

Ремарка Шоу весьма красноречиво свидетельствует о его восприятии Клеопатры-женщины. А когда Цезарь, захваченный предстоящим боем, вообще забывает о Клеопатре, из уст Руфия звучит и однозначная оценка всего происходящего: «Игра кончена, Клеопатра, и ты проиграла ее. Женщина всегда проигрывает»[48]. Эти слова больно задевают и Клеопатру-царицу, и Клеопатру-женщину. На прощание она говорит Цезарю: «Но ты поступил со мной дурно. И я тебе этого не прощу»[49]. И мы вместе с Б.Шоу понимаем, что орудием мести будет Марк Антоний, которого Цезарь обещает прислать в Александрию. Это будет месть Риму, а значит и Цезарю, который этот Рим символизирует.

Итак, Клеопатра у Шоу только начинает путь к тем клишированным в массовом сознании образам, которые кочуют из одного произведения в другое, ибо события пьесы заканчиваются до встречи Антония и Клеопатры[50]. В большинстве же случаев именно сюжет взаимоотношений Антония и Клеопатры ставится в центр внимания, особенно в массовой культуре[51]. И тут уж образ Клеопатры расцвечивается всеми возможными красками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Хьюз Хэллет Л.* Клеопатра: правда, легенда, ложь. М., 2000. С. 47-91.
2. Там же. С. 4, 144, 165 и др.
3. *Houssaye H.* Aspasie. Cléopatre. Théodora. P., 1890. P. 47-218. Вывод звучит весьма однозначно: «Нет, Клеопатра не была великой царицей и не будь она в связи с Антонием, ее бы… забыли… Если слава ее бессмертна, то только потому, что ей пришлось быть героиней одного из самых трагических любовных романов древнего мира» (P. 218).
4. *Гуссе Генри.* Знаменитые куртизанки древних веков (Аспазия, Клеопатра и Теодора). СПб., 1891. См. также последующие издания: *Гуссе Г.* Клеопатра / Пер. А.Захарова. СПб., 1911; *Хоуссей Генри*. Клеопатра. М., 1993.
5. На подобную же ситуацию в Англии обратил внимание великий Бернард Шоу. В своем предисловии к сборнику собственных пьес с красноречивым заголовком «Пьесы для пуритан» (1900 г.), куда включена была и историческая драма «Цезарь и Клеопатра», Шоу раздраженно высказывается против прославления в угоду пресыщенной буржуазии знаменитых куртизанок, которые незаслуженно стали героинями полотен модных художников и театральных постановок. Ряд, который приводит Б.Шоу, включает помимо Клеопатры еще и Маргариту Валуа, и Екатерину II, и леди Гамильтон.
6. *Косолобова Е., Леппик Г.* Клеопатра: Последняя царица Египта // Новый Акрополь. 2001. № 2. С. 10.
7. Там же. С. 13.
8. Там же. С. 10.
9. См. об этом подробнее специальную статью: *Чиглинцев Е.А.* Биографии эллинистиче-

ских правителей в серии «Жизнь замечательных людей» // Antiquitas Aeterna. Вып. I. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань–Нижний Новгород–Саратов, 2005. С. 304–313, где постмодернистский подход к образу Клеопатры рассмотрен на примере известной книги французской писательницы Ирэн Фрэн (*Фрэн И*. Клеопатра, или Неподражаемая. М., 2001).

10. См.: *Деревенский Б*. Античные изображения Клеопатры // Чудовище судьбы: жизнь и смерть Клеопатры. СПб., 1996. С. 578-587. Ср.: *Томашевич О*. Пояснения к иллюстрациям вместо послесловия // *Фрэн И*. Клеопатра... С. 467-478.
11. См.: *Хвостенко Е.В.* Вопросы социального прогресса в творчестве Бернарда Шоу /Автореф. дисс… канд. ист. наук. Волгоград, 2002. С. 22-23.
12. *Гражданская З.* Бернард Шоу // *Шоу Б.* Пьесы. М., 1985. С. 11.
13. См.: *Хвостенко Е.В*. Ук. соч. С. 23.
14. Нельзя не остановиться на происхождении термина «фабианство» и его идейном наполнении. Фабианство идет от имени Квинта Фабия Максима Веррукоса, военачальника и последнего республиканского диктатора в Риме во времена 2-й Пунической войны. «Прозвище Максим, ставшее именем, [он] унаследовал, хоть это и не нравилось Полибию (III, 87, 6), от одного из своих предков, Фабия Руллиана, который заслужил его в годы войны против самнитов» (*Лансель С*. Ганнибал. М., 2002. С. 162). Тот же Серж Лансель характеризует Фабия как человека мудрого и осторожного (см. там же). Его стратегия в корне отличалась от принятой в античности. Тит Ливий писал: «Фабия считали скорее осторожным, чем смелым» (XXX, 26, 9). Он повел войну на изматывание противника, при этом «диктатору пришлось проявить выдержку, достойную античного героя» (*Лансель С*. Ук. соч. С. 164). За что ему и дали прозвище «Кунктатор», т.е. «Медлитель», по поводу чего Тит Ливий многозначительно замечает: «можно спорить, был ли он медлителен по характеру своему, или того требовало тогдашнее положение на войне. Несомненно одно: «спас государство один человек промедленьем», как говорит Энний» (XXX, 26, 9). В плане анализа взглядов Шоу важнее привести более полную цитату из Энния, которую дважды — в диалоге «О дружбе» (IV, 10) и в трактате «Об обязанностях» (I, XXIV, 84) — повторяет Цицерон:

    Нам один человек промедлением спас государство.
    Он людскую молву отметал ради блага отчизны.
    День ото дня все ярче теперь да блестит его слава!
    (Перевод В.О.Горенштейна)

15. См.: *Гражданская З*. Ук. соч. С. 10; 12.
16. Это вообще был стиль мышления Б.Шоу. «Острый диалог-дискуссия, развивающийся в парадоксах и “неожиданных ходах”… это органически присущая способу мышления Шоу форма…» (*Смирнов П.М.* Защищая права художника: Бернард Шоу об отношениях Искусства и Власти // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1999. № 1. С. 109).
17. См.: *Гражданская З.* Ук. соч. С. 11.
18. *Черникова И.К*. Характер Цезаря в «истории» Шоу «Цезарь и Клеопатра» // Проблема характера в зарубежной литературе конца XIX и начала XX века / Науч. тр. Свердл. пед. ин-та. Т. 218. Свердловск, 1974. С. 69.
19. *Шоу Б.* Цезарь и Клеопатра. Историческая пьеса // *Шоу Б*. Пьесы. М., 1985. С. 94.
20. Там же.
21. Там же. С. 95.
22. Там же. С. 98-99.
23. Там же. С. 100-102.
24. Там же. С. 103.
25. Как скажет ему позже евнух Потин: «Цезарь, ты открыл Клеопатре искусство, с помощью которого римляне управляют миром» (Там же. С. 160).
26. Там же. С. 104-106; 107.
27. См.: *Черникова И.К*. Характер Цезаря… С. 74.

28. *Шоу Б.* Цезарь и Клеопатра... С. 107.
29. Там же. С. 113-114.
30. Там же. С. 121.
31. Там же.
32. См.: *Черникова И.К.* Характер Цезаря… С. 75.
33. См.: *Шоу Б.* Цезарь и Клеопатра. С. 105-106.
34. Там же. С. 145-146.
35. Там же. С. 161.
36. Там же. С. 169.
37. Там же. С. 170.
38. Она говорит Клеопатре: «Вот и ты теперь такая же, как все. Тебе хочется быть тем, что эти римляне именуют передовой женщиной». Там же. С. 153. А Потин в беседе с Фтататитой подчеркивает, что Клеопатра стала теперь женщиной с римским сердцем. Там же. С. 155.
39. Ее закалывает Руфий в наказание за убийство Потина. Там же. С. 173-174.
40. Там же. С. 151.
41. Там же. С. 153.
42. Там же. С. 179.
43. Там же. С. 161.
44. Там же. С. 171.
45. Там же. С. 154.
46. Там же. С. 162-165.
47. Там же. С. 167-168.
48. Там же. С. 173.
49. Там же. С. 179.
50. Так же поступает из известных мне авторов только Ноэль Герсон в своем романе. См.: *Герсон Н.* Клеопатра. Роман / Пер. с англ. М., 1999.
51. Не могу расценивать иначе, чем как пример влияния массовой культуры на историографию, и публикации типа: *Беликов А.П.* Марк Антоний и Клеопатра: горячая любовь или холодный расчет? // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Т. II. Екатеринбург, 2003. С. 143-154.

E.A.Chiglintzev

RECEPTION AS INTERPRETATION: ANTIQUE IMAGE IN DIFFERENT SOCIO-CULTURAL CONDITIONS

The article investigates the transformation of the antique image in public consciousness and culture of new and the newest time (on the example of Cleopatra). The last Egyptian Queen Cleopatra VII became a component of mass public consciousness since antiquity times. In Renaissance the image of Cleopatra was full of metamorphosises going from the boundless licentiousness up to the sample of fidelity in love. Mass culture on the boundary of the 19th–20th cc. generated the aspiration to squeeze the real historical character in some series, to build a sort of line. And then Cleopatra takes place among great courtesans of all times and peoples. In the 20th c. Cleopatra draws attention of socialists, and followers of psychoanalysis and feminism.

© 2007 г.

А.Б. Кисельников

МОРСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Различные природные и климатические условия, особенности сырьевой базы мест обитания племен и народов на определенном этапе развития начали способствовать образованию специализированных производств продуктов и товаров[1]. Это создавало благоприятные условия для возникновения торговых отношений, в которых все большее значение стали приобретать морские коммуникации. Со временем морская торговля стала приносить несравнимо большую прибыль, чем труд земледельца или ремесленника, что ярчайшим образом демонстрирует история Эллады. Именно поэтому, награждаемый нелестными эпитетами своих современников[2], предприимчивый «труженик моря», умело сочетавший ремесло купца и пирата, все дальше и дальше проникал к границам ойкумены. Жажда наживы всегда была сильнее страха перед морем.

...злополучный Клеоник, на Тасос богатый стремился
Раньше с товаром прибыть.... И когда заходили Плеяды[3]*,*
Вслед за Плеядами ты канул в морскую волну

(Theocr. Epigrammata. IX / Пер. М. Грабарь-Пассек)

Правда, история знает и другие примеры, когда человек выбирал нелегкий труд моряка, что называется, из-за любви к профессии, даже рискуя при этом[4]. Но в каком бы обличии ни представали перед нами мореплаватели древности, их всех объединяло одно очень важное обстоятельство, — ежедневный риск. По выражению Плутарха, море — это стихия, которая всегда была враждебной природе человека (Plut. Quaest conv., 729 B). Вверяя своенравному океану свои жизни, моряки рассчитывали на помощь богов (*Apoll Rod*. Argonautica., I. 352–353. etc.). Но боги непостоянны в дружбе, а их любовь переменчива как море. Поэтому мореплаватели никогда не забывали о том, что, попав в беду, им придется рассчитывать только на мастерство и опыт кормчего, который должен был знать свой корабль, выбрать правильный путь, ориентироваться в отношении приливов, направлений ветров, силы течений.

Но не менее важным было и то, как точно капитан мог рассчитать вес груза и распорядиться им. Большинство древних торговых судов несло на борту смешанный груз, отличавшийся по весу и объему. Его правильное расположение и крепление являлось одним из главных условий безопасности. В противном случае, даже незначительное волнение моря могло вызвать сильную качку, подвижку груза, потерю остойчивости судна и крушение. Кроме того, товар нужно было доставить неиспорченным, чтобы риск, в конце концов, не оказался напрасным. Капитанам, перевозившим грузы тысячи лет назад, приходилось постигать основы коммерческой эксплуатации судна, имея в своем распоряжении лишь нехитрый балласт в виде камней. Просмоленный корпус кораблей, хотя и стал в V–IV вв. до н.э. покрываться свинцовыми пластинами[5], требовал регулярной просушки и практически всегда имел течь, что также отражалось на сохранности груза. Правила, которыми руководствовались древние мореплаватели при погрузке судов, если они и были отражены в каких-либо документах или сочинениях, до нас не дошли. Единственные и далеко не бесспорные расчеты грузовместимости торговых кораблей в зерне и амфорах содержатся только у Герона Александрийского (*Heron Mech.* Stereometrica. 1.53; 2.50–52) и относятся к рубежу тысячелетий. Они дают представление о тоннаже отдельных транспортных судов в римское время, но кроме статистических данных никакой информации по организации перевозок не несут. Поэтому основную источниковую базу по данному вопросу составляют материалы подводных археологических исследований.

Для более полной реконструкции античной практики погрузки и транспортировки грузов необходим тщательный анализ всех деталей древних кораблекрушений. Не мо-

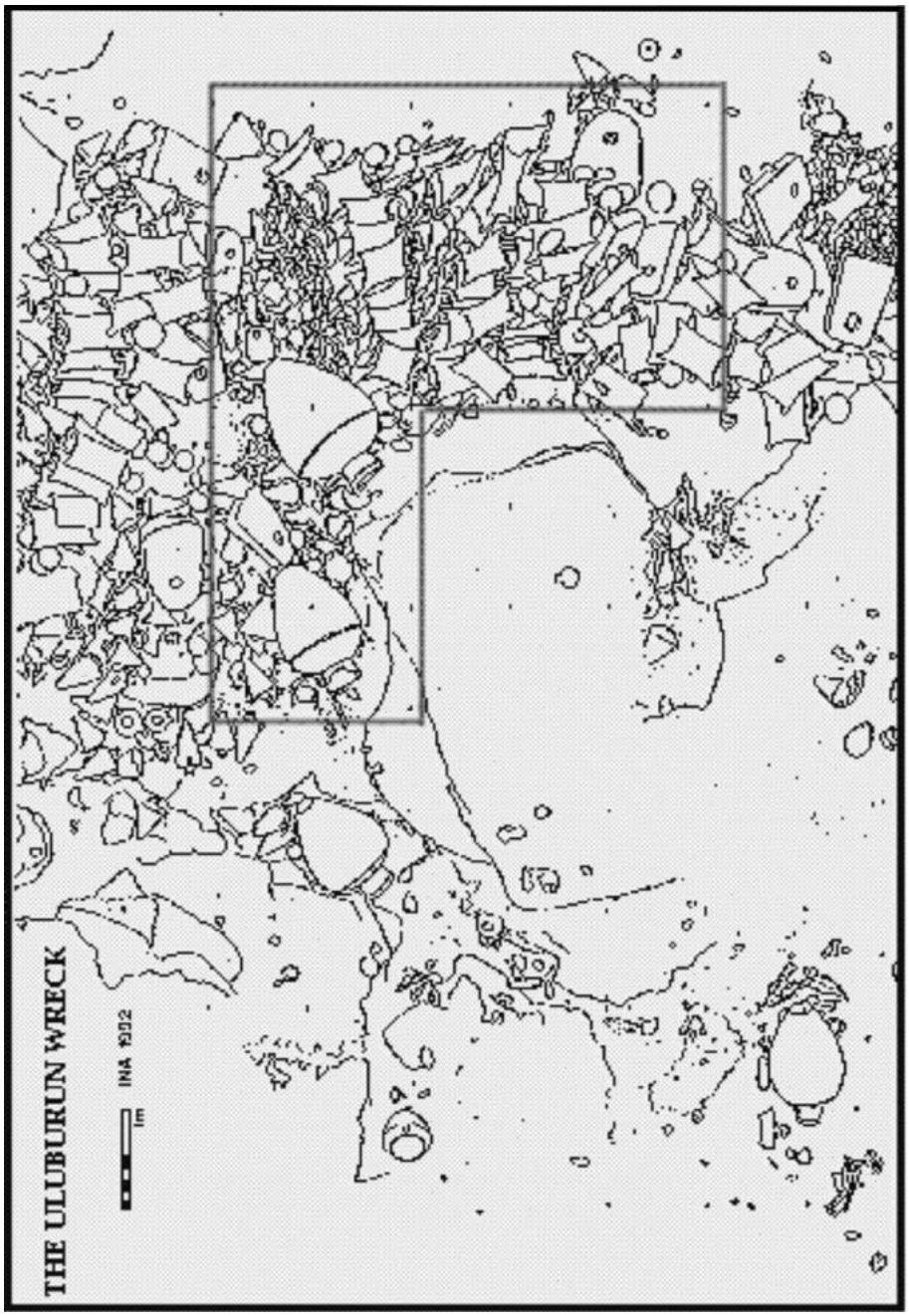


Рис. 1. Участок крушения «Улу Бурун», на котором благодаря выступу скалы сохранилось значительное количество артефактов. (*Cemal M. Pulak, Mr. and Mrs. Ray H.* 1994 Excavation at Uluburun: The Final Campaign. Fig. 4 http://ina.tamu.edu/QUARTER/ulub.htm).

жет быть исключена и «обратная» ретроспектива. От «позднего» — к «раннему». Такой подход, при отсутствии письменных источников, связан и с тем, что количество кораблекрушений, позволяющих воссоздать первоначальную картину расположения груза на судне, невелико. Виной тому как характер крушения (от момента аварии до полного затопления), так и природно-географические особенности района (рельеф дна, характер грунта, химический состав воды, сила подводных течений и т.п.), в которых находилось судно вплоть до его обнаружения.

Например, в результате пробоины и интенсивного поступления воды в корпус корабля при спокойном состоянии моря тонущее судно могло лечь на грунт без заметного смещения грузов, находившихся на его борту. Если же авария происходила в условиях сильного шторма, корабль мог перевернуться, и в этом случае груз рассеивался на большой площади, поскольку опрокинутое деревянное судно, какое-то время оставалось на плаву и дрейфовало. Кроме того, мы знаем случаи, когда в надежде спасти жизнь, моряки сами выбрасывали за борт часть перевозимых товаров (*Demosth*. Contra Lacritum. XXXV. 11; *Digesta*. 14. II. 1, 2.). Иногда случалось, что корпус корабля разламывался от сильного удара о подводные скалы, а образовавшийся от столкновения пролом способствовал освобождению и стремительному погружению большей части груза[6]. Смешиваясь в ходе падения, он формировал на донной поверхности единую, но бессистемную группу керамического материала.

В случае с финикийским кораблекрушением XII в. до н.э. у мыса Улу Бурун наблюдалось «сползание» тонувшего судна по крутому (до 45°) донному склону с поврежденным в результате аварии корпусом. Это привело к частичной потере груза и судовых запасов[7]. Остановил падение судна выступ скалы (рис. 1), а углубление в его основании, после уничтожения правого борта корабля течением и микроорганизмами, стало своеобразным дренажем, который позволил сохраниться большей части груза в данном месте. Подобное обстоятельство сделало возможным достаточно подробно исследовать содержимое трюма корабля. Материалы из кораблекрушений эпохи поздней бронзы у мыса Улу Бурун[8] и мыса Гелидония[9] позволяют говорить о том, что уже в это время существовала отработанная практика погрузки судна с учетом весовых и объемных характеристик груза. Наиболее показательно выглядит в этом отношении расположение груза на «Улу Бурун» (рис. 2).

Его основную часть составляли слитки меди и керамические сосуды (табл. № 1). Кроме того, на борту находилось 24 каменных якоря общим весом до 3,5 тонн и около тонны балластных камней. С помощью компьютерных программ «Rhinoceros» и «PHASER» была сделана реконструкция корпуса, а также проведены расчеты плавучести и остойчивости судна с учетом изменений гидростатических условий[10]. Дальнейшие испытания показали, что судно, линейные характеристики которого 15x5x2 м (длина корпуса — ширина корпуса — высота борта), могло принять груз весом до 20 тонн. А при создании нагрузки на одном из бортов весом до полутонны сохраняло ровное положение и не имело крена.

Таблица 1

ГРУЗ С КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ «УЛУ БУРУН», ОБЛАДАВШИЙ НАИБОЛЬШЕЙ ЕДИНИЦЕЙ ВЕСА

Вид груза	Кол-во шт.	Размеры единицы груза	Вес единицы груза	Общий вес
Медные слитки «ox-hide ingots»[11]	354	средняя длина: 70–80 см.	средний вес: 17–26 кг.	10 тонн
Медные слитки «bun ingots»[12]	152	средний диаметр:40 см	средний вес: 6–7 кг	1 тонна
Слитки олова «ox-hide ingots»	110	средняя длина: 62, 5 см	средний вес: 9 кг	1 тонна
Слитки стекла	175	—	—	300 кг

Вид груза	Кол-во шт.	Размеры единицы груза	Вес единицы груза	Общий вес
Ханаанские амфоры	150		емкость ок. 6,7 литра	2 тонны (при заполнении водой)
Пифосы	9	130 см. в высоту		3,5 тонны (при заполнении водой)

В первую очередь нужно отметить, что для улучшения мореходных качеств судна принимался тот или иной вид балласта. Чаще всего (как в случае с «Улу Бурун») для этих целей применялся камень[13]. Аналогичные примеры мы встречаем и на участках более поздних крушений: у Ашкелона[14] (VIII в. до н.э.), на судне, обнаруженном в двухстах милях от Кипра[15] (конец III — начало II века до н.э.) (рис. 3), в крушении «Махди» (I века до н.э.)[16], у о-ва Эмбис[17] (первая половина II в. н.э.) и других. Иногда в качестве балласта использовались тяжелые каменные жернова, одновременно служившие предметом торговли: «Кирения» на Кипре[18] (рис. 4), «Эль-Сек»[19] (Испания). Вес балласта мог быть различным и зависел от веса принимаемого груза. При загрузке судна нужно было знать вес и погрузочный объем каждой партии товара (если речь идет о перевозке смешанных грузов). От верного расчета и распределения общего веса балласта и груза в трюме корабля зависела остойчивость, — способность судна, выведенного из положения равновесия, снова возвращаться к нему. Рассмотрим на простейшей схеме зависимость остойчивости от *центра тяжести* (центр массы судна), *поддерживающей силы,* и *метацентрической высоты* (точка, от положения которой зависит равновесие плавающего тела) (рис. 5). Из рисунка видно, что чем ниже располагается центр тяжести, тем больше увеличивается метацентрическая высота, следовательно, уменьшается угол крена и увеличивается восстанавливающий момент при качке. Для снижения точки центра тяжести самый тяжелый груз должен располагаться в нижней части судна, а остальной размещаться равномерно в зависимости от веса. Такой порядок расположения хорошо прослеживается в крушении «Кирении». После прибытия судна на Кос с Самоса, где была взята незначительная партия вина, очевидно, прежний балласт был убран. Вместо него принято двадцать девять каменных жерновов, а сверху в четыре ряда (уже на Родосе) погружено и закреплено порядка четырехсот Родосских амфор. Груз миндаля, перевозившийся, по мнению археологов, в мешках поверх керамической тары, мог одновременно служить и сепарацией.

Обладающий наибольшим весом и массой груз, по возможности, должен всегда размещаться в центре судна. Для наглядности, корабль, стоящий под погрузкой, можно сравнить с «весами», где нос и корма представляют собой две «чаши» этих весов. Следовательно, груз необходимо располагать таким образом, чтобы сохранить «равновесие чаш», то есть избежать дифферента на нос или корму. Мы не можем с уверенностью утверждать, что мореплавателям античности были известны такие понятия, как метацентрическая высота и центр величины, но что такое центр тяжести и равновесие физического тела, древние хорошо себе представляли. Исследования крушения «Улу Бурун» показали, что в нижней части судна, поверх балластных камней, располагались слитки меди, которые были аккуратно сложены в четыре ряда и переложены слоем хвороста, с целью минимизировать возможную подвижку (рис. 6). Аналогичный способ транспортировки и расположения груза металла отмечен также на месте крушения «Гелидонии» (рис. 7). На «Улу Бурун» девять тяжелых пифосов, служившие контейнерами для перевозки киприотской керамики, плодов граната и, возможно, оливкового масла, располагались по центру судна над рядами металлических слитков. На том же участке концентрировался груз стекла. Ханаанские амфоры были распределены по всему судну. Подобное распределение груза мы можем наблюдать и на месте крушения римского судна «Арле IV» (I век н.э.)[20]. Оно было обнаружено примерно в 40 милях (74 км) от мыса Рон (на юго-запад от Марселя). Предположительно, торговый корабль совершал рейс из Испании и шел с грузом соленой рыбы, масла и вина. При осмотре места крушения было отмечено, что наиболее крупные амфоры, содержащие рыбу, расположены в центральной

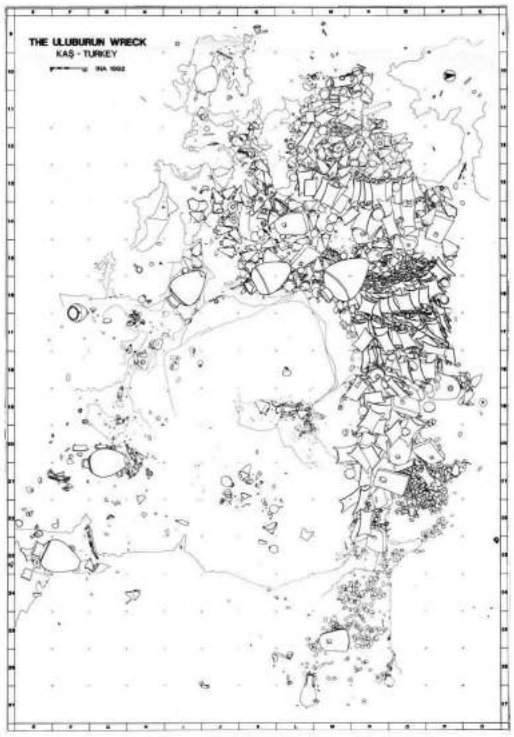


Рис. 2. Расположение груза на месте крушения у мыса Улу Бурун. (*Cheryl Haldane.* Direct Evidence for Organic Cargoes in the Late Bronze Age. // World Archaeology. 1993. Vol. 24, № 3. P. 350. Fig. 1).

Рис. 3. Балластные камни затонувшего античного судна, обнаруженного во время поиска израильской подводной лодки «Дакар»
(http://www.nauticos.com/ancientwreck/conceptpaper-wrecksite.htm. Fig. 5)

части судна, далее последовательно от центра судна к носу и корме, — более мелкие амфоры, — с маслом и вином. Размещать в оконечностях транспортного судна тяжелые грузы было нежелательно. При плавании в штормовых условиях для уменьшения качки, которая могла привести к опрокидыванию судна, и во избежание попадания воды внутрь корпуса, корабль ставили лагом[21] к волне. Но даже в тех случаях, когда после удавшегося маневра плавание проходило в благоприятном режиме, качка в носу и корме превышала качку в центральной части корабля. Характерно, что каменные якоря, обнаруженные на местах некоторых крушений («Улу Бурун», «Танит» и «Элисса»[22] и некоторых других), были расположены недалеко от центра судна в районе мачты. На «Элиссе», например, по два тяжелых якоря располагались с правого и левого борта непосредственно в «midpoint» судна. Однако чрезмерное увеличение метацентрической высоты могло привести к избыточной остойчивости. В таком случае, корпус судна очень быстро возвращается в положение равновесия, что вызывает стремительную (частую) качку[23]. Принимая во внимание сообщения источников, что во время шторма часть груза нередко приходилось выбрасывать[24] (см. выше), то можно предположить, что действия экипажа в таких случаях были направлены не только на облегчение корабля, но и на *увеличение допустимой амплитуды качки судна и снижения ее частоты*

В этой связи хотелось бы обратить внимание на случай, когда в качестве балласта на торговое судно принимался песок[25]. Примером может служить крушение римского судна близ порта Мадраг де Жьен (Франция). Большой торговый корабль имел грузоподъемность 350–400 тонн и теоретически мог вместить до 7 тысяч амфор[26]. Но погружено было порядка 600. Все они были произведены в области Террачине и относятся к типу Дрессель 1 В (рис. 8). Остальной груз составляли корзины со столовой посудой, размещенные поверх трех уровней амфорных рядов.

Действительно, песок идеально подходит для установки остродонных амфор[27]. Но если принять во внимание физические свойства сыпучих грузов, то становится ясно, что в условиях качки они наиболее подвержены смещению. С одной стороны, это грозит перемещением центра тяжести на недопустимое от центра судна расстояние в сторону одного из бортов, с другой, изменением веса песка (хорошо известно, что при намокании песок становится тяжелее). При подобном изменении положения центра тяжести восстанавливающий момент резко уменьшается, крен увеличивается до опасного и вероятность затопления судна резко возрастает.

Чем же могло быть вызвано решение капитана использовать вместо привычного камня песок? Очевидно, судно было зафрахтовано для перевозки вина или другого амфорного груза не на один, а на несколько рейсов. Хорошо известно, что из Галлии в Рим кроме металла и рабов доставлялось вино. Постановка нижнего ряда амфор с использованием хвороста дело не простое, требовавшее времени. Перед очередной погрузкой его приходилось перекладывать заново. С песком, в силу его сыпучести, такой операции не требовалось, а вес помещенного в трюм песка вполне мог соответствовать весу необходимого балласта. Уменьшить смещение балластного песка должны были сами погруженные в него амфоры[28]. Кроме того, маршрут судна проходил в довольно благоприятном для мореплавания районе (Сардиния и Корсика на Западе, Апеннинский п-ов на Востоке создают относительно закрытый водный бассейн). Рейс занимал не более трех дней с попутным ветром, а с неблагоприятными ветрами не более 5–6 суток[29].

Перечисленные обстоятельства приводят нас к выводу о возможном применении песка в качестве балласта только в случаях, если судно совершало короткие частые переходы с однородным грузом в районах, где при усилении ветра и штормовой погоде можно было использовать прикрытие берега. Но с одной важной оговоркой. В любом случае, такой способ погрузки с точки зрения безопасности не являлся правильным. Во-первых, для того, чтобы при транспортировке сохранить и не повредить амфоры, устанавливать их вплотную друг к другу было нельзя. Исследования двух верхних рядов амфор этого крушения показали, что керамические сосуды, во избежание трения при перевозке, тщательно переложили хворостом (иногда в качестве такой перегородки ис-

Рис. 4. Мельничные жернова, принятые в качестве балласта на борт «Кирении». (*Twede Diana*. Commercial Amphoras: The Earliest Consumer Packages? //Journal of Macromarketing. June 2002. Vol. 22. № 1., P. 102. Fig. 4).

пользовались семена растений[30]). Во-вторых, несмотря на возможность более тесного расположения данного типа римских амфор в трюме корабля (по сравнению с греческими), их нижняя часть тулова все же имела коническую форму. Соответственно, в песке должно было оставаться некоторое пространство между рядами. А это, в свою очередь, создавало условия для пересыпки балласта во время качки в нижней части первого ряда. При длительной и интенсивной качке судно с таким балластом в течение определенного времени неминуемо должно было получить крен, что привело бы, несомненно, к потере остойчивости. Кроме того, это делает невозможным использование водоотливного насоса, который в этот период получает достаточно широкое распространение на торговых судах. По этой причине данный случай, на наш взгляд, можно считать нехарактерным.

Остродонные амфоры в период античности, безусловно, являлись самым массовым грузом, который перевозился на торговых судах. В отечественной и зарубежной историографии не раз отмечалось, что этот вид тары производился специально для морской транспортировки вина, масла и других товаров[31]. По мнению специалистов, широкое распространение амфорного материала на значительных территориях Европы, Малой Азии, Ближнего Востока, Африки, а также частые находки керамических сосудов на местах кораблекрушений, могут служить тому надежным подтверждением. Что же каса-

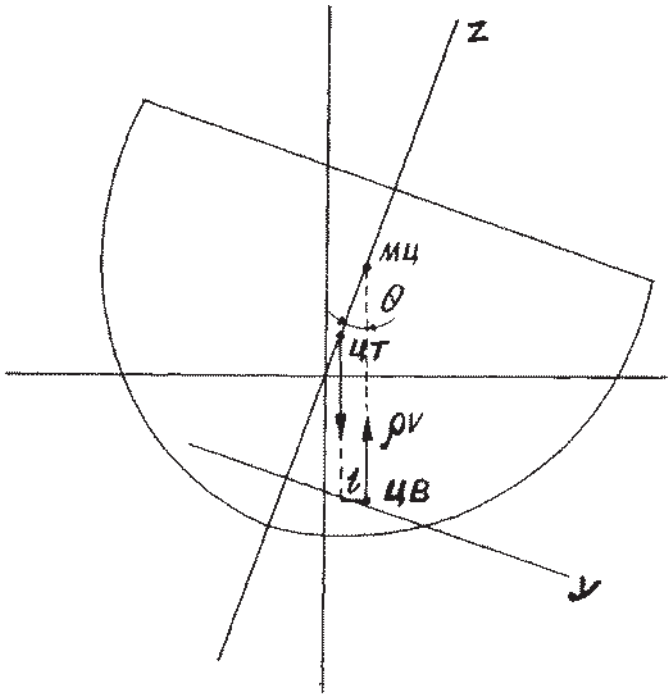


Рис. 5. Схема, на которой показана зависимость остойчивости от *центра тяжести* (центра массы судна), *поддерживающей силы, приложенной к центру величины,* и *метацентрической высоты.*

МЦ — *метацентрическая высота*;
θ — *угол крена*;
ρV — *поддерживающая сила, приложенная к центру величины (ЦВ) погруженной части корпуса*;
ЦТ — *центр тяжести*;
ЦВ — *центр величины (центр массы погруженного объема тела (подводной части корпуса судна), является точкой приложения всех гидростатических сил, выталкивающих тело на поверхность)*;
ι — *плечо статической остойчивости.*

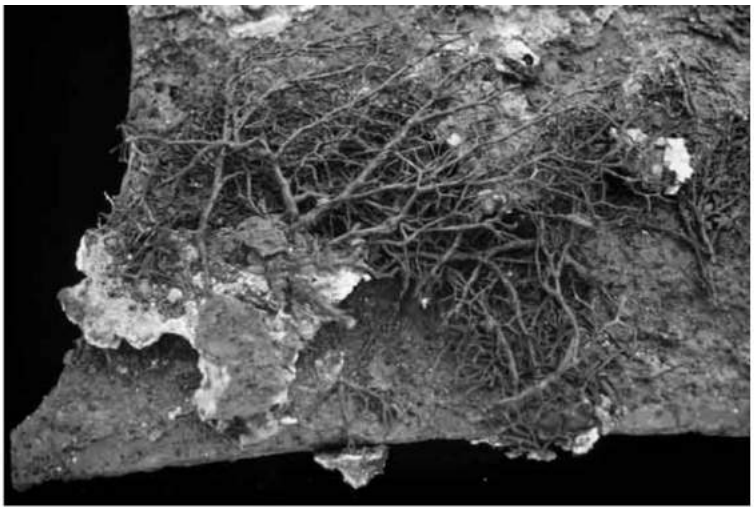


Рис. 6. Сохранившийся хворост с кораблекрушения «Улу Бурун» (Bronze Age Shipwreck Excavation at Uluburun. http://ina.tamu.edu/ub main.htm. Photo: INA *KW-5705*).

Рис. 7. Реконструкция укладки слитков на «Гелидонии». (*G. F. Bass.* The Cape Gelidonya Wreck: Preliminary Report //AJA. Jul.1961. Vol. 65, № 3., Plate 86., Fig. 12).

Рис. 8. Амфора типа Дрессель 1 А.

ется морфологических особенностей амфор, например, «технически совершенной» яйцевидной формы тулова и острой ножки, то они, как указывает ряд исследователей, прямо свидетельствуют об удобстве расположения и транспортировки амфор на борту судна. Но, как верно заметила К. Г. Келер, «удобство этого вида тары было обусловлено решением нескольких практических проблем, о которых нам известно гораздо меньше, чем непосредственно о самих сосудах»[32]. В частности, в научной литературе можно встретить высказывания о том, что коническое тулово, острое основание и ручки облегчали переноску и розлив содержимого амфоры, а специально зауженная нижняя часть служила местом, где должен был собираться винный осадок и т.п.[33]

В недавней работе Дианы Твайд, «Коммерческие Амфоры: Самые ранние упаковки для потребителя?»[34], была предпринята попытка дать общий анализ амфорной таре с точки зрения ее коммерческой пригодности. «Идея транспортной амфоры», пишет автор, нашла свое отражение в форме конической остродонной Ханаанской амфоры в период поздней бронзы (около XV в. до н.э.) (рис. 9). «Затем эта «идея» была воспринята по всему Средиземноморью»[35]. Далее в статье рассматриваются все функциональные особенности и преимущества конических и биконических амфор. Примечательно, что в работе ничего не говорится о финикийских амфорах VIII в. до н.э. типа «торпеды» (рис. 10 А). Между тем, форма именно этих керамических сосудов наиболее предпочтительна с точки зрения расположения и крепления в трюме корабля (рис. 10 В). С. Гева и М. Вегас совершенно справедливо называют их «специальными морскими контейнерами»[36]. Подобные амфоры получают распространение на территории Леванта и финикийских североафриканских колоний в IX и VIII веках до н.э.

Если мы обратимся к этому периоду истории Финикии, то станет очевидной причина появления амфор данного типа. В Западном Средиземноморье возникает целая сеть новых колоний, основанных преимущественно выходцами из Тира (Карфаген, Утика, Мотия). Финикийским мореплавателям приходилось пересекать значительные расстояния, пребывая в открытом море много дней подряд. В отличие от межостровного плавания, где в случае шторма можно найти убежище, в открытом море этого сделать невозможно. Отсюда следует, что суда должны были быть загружены с таким расчетом, чтобы при сильном волнении подвижка груза оказалась бы минимальной. Кроме того, имелись и экономические причины. Ввиду дальности перехода и временных затрат на судно грузилось как можно больше товара, в данном случае вина, масла, ароматических смол. И здесь преимущества подобной тары очевидны. Сигарообразная форма тулова амфор позволяла максимально использовать все полезное трюмное пространство. Небольшие ручки, совсем неудобные для переноски сосудов по суше, служили своего рода рымом[37] для сцепки амфор веревками и давали возможность располагать их достаточно близко друг к другу. Амфоры-торпеды не приходилось группировать по типам и крепить отдельными небольшими партиями, как позднее было с греческими амфорами, многообразие форм и стандартов которых затрудняло погрузку. Вплоть до конца II в. до н.э. практически в каждом крупном центре-экспортере Эллады существовали свои формы амфор, отличные от форм керамической тары других полисов[38]. На протяжении столетий амфора являлась не только тарой, но и своеобразной маркой винной продукции производителя. Она служила мерой емкости при торговых сделках. Когда речь шла о загрузке судна, как правило, называлось число погруженных амфор того или иного центра и ничего не говорилось о медимнах или метретах вина (*Demosth*. Contra Lacritum. XXXV. 10).

Погрузка амфор на судно, скорее всего, должна была происходить следующим образом. Во избежание дифферента и крена (напомним, что судно — это своеобразные «весы») первые ряды амфор устанавливали вдоль бортов, начиная с носа и кормы в проложенный заранее хворост. Затем ряды последовательно размещали к середине судна. Крепление и установка финикийских амфор требовала лишь аккуратности и тщательности прокладки сепарации с целью добиться вертикального положения и изоляции рядов с последующей их сцепкой посредством веревок. С греческими амфорами приходилось

Рис. 9. Ханаанская амфора. Одна из 149 амфор, обнаруженных на борту «Улу Бурун». (Bronze Age Shipwreck Excavation at Uluburun. http://ina.tamu.edu/ub main.htm. Photo: INA *KW-4139*).

Рис. 10. А. Финикийские амфоры «торпеды». (*Robert D. Ballard, Lawrence E. Stager, Daniel Master* //AJA. April. 2002. Vol. 106. № 2. P.158,159. Fig. 7).

Рис. 10. В. Расположение пунийских амфор на борту судна с кораблекрушения «Skerki Bank D». (http://members.bib-arch.org/nph-proxy.pl/000000A/http.)

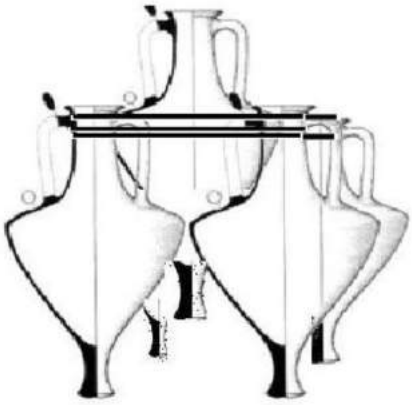


Рис. 11. Таким образом должна была выглядеть, на наш взгляд, сцепка конических и биконических амфор (тип взят произвольный).

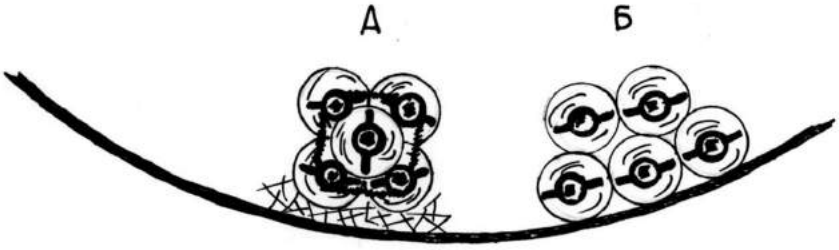


Рис. 12 А, В. Расположение и крепеж амфор на борту судна.

тратить время на дополнительную сцепку отдельных групп, добиваясь формирования своеобразной устойчивой конструкции (вроде тумбы на 4-х — 9-ти ножках) (рис. 11, 12 А). «Сложная курватура корпуса сосудов»[39] не столько создавала «многочисленные точки сцепления»[40], сколько делала весьма затруднительным построение в трюме «неподвижной конструкции»[41]. Просто прислонить керамические сосуды к борту, а второй, третий ряд, скажем, амфор Родоса, Хиоса или Пепарета, к первому, ограничившись сепарацией и «порядовым» сцеплением, было нельзя. Во-первых, требовалось установить амфоры строго в вертикальном положении, чтобы основная нагрузка, создаваемая верхними рядами сосудов, равномерно распределялась по всей поверхности тулова и действовала на ножку. В случае неровной постановки максимальное давление будет испытывать плечо амфоры (ее самое слабое место). Во-вторых, коническая амфора с острым дном, на твердой поверхности неустойчива (даже с учетом тщательной прокладки из хвороста) и каждая из амфор последующего ряда будет стремиться занять промежуточное положение между амфорами предыдущего. Это, в свою очередь, приведет к образованию межамфорного пространства, которое не даст необходимой надежной сцепки между верхними и нижними амфорами (рис. 12 Б). Соответственно, нужно было крепить остродонные конические амфоры вначале по группам, а уж затем делать сцепку по всем рядам. Для того, чтобы максимально заполнить полезное грузовое пространство и надежно закрепить, по крайней мере, два нижних ряда амфор, используя вышеуказанный способ, желательно было вначале грузить однородную или близкую по своим метрическим характеристикам тару. Только равные по диаметру и высоте керамические сосуды могли создать необходимое межамфорное пространство для устойчивого положения верхнего ряда (рис. 13).

Если амфоры с различными метрическими и весовыми характеристиками составляли несколько партий, их размещение и крепеж на борту судна заметно усложнялись. С учетом требований, предъявляемых к остойчивости, приходилось рассчитывать удельный вес и погрузочный объем каждой партии в отдельности. Кроме того, нужно было расположить груз таким образом, чтобы избежать образования нежелательных пустот между рядами амфорных групп.

Обратившись к амфорному грузу, обнаруженному в ряде кораблекрушений, можно заметить некоторые характерные особенности, связанные с его перевозкой.

I — подавляющее большинство перевозившихся на судне амфор принадлежало к одному типу, а груз, представленный другими производственными центрами, не имел сколько-нибудь важного значения с точки зрения расположения («Тектас Бурун» — 200 амфор псевдосамосского типа[42]; «Кирении» — 400 родосских амфор[43]; «Капистелло» — в основном один тип греко-италийских амфор (крушение сильно разграблено)[44], «Гран Конглуэ»[45] — Дрессель 1 А; «Мадраг-де Жьен» и «Драмонт А»[46] — Дрессель 1 В (рис. 14).

II — крупные партии двух — трех типов составляли в зависимости от количества и веса:

a) поочередно верхние и нижние ряды («Серке Лиман» — 600 амфор Книда, обладающие одними морфологическими признаками, но представляющие две отличные по весу группы[47]; «Алоннесос»[48] (V век до н. э) и «Портичелло» (IV век до н. э)[49] — амфоры Менды и Пепарета (сильно разграблено).

b) отдельные группы занимали место в центре судна и от центра к носу и корме («Улу Бурун», крушение эллинистического времени, обнаруженное в двухстах милях от Кипра[50] (амфоры Родоса и Коса), «Титан»[51] — Дрессель 10, 12; «Арле IV» и т.д.)

III — более трех, относительно равных по количеству тары, партий груза, принадлежавших к различным производственным центрам. Такие случаи редки. Размещение и крепеж здесь представлял наибольшие затруднения. Примером может служить крушение «Эль Сек»[52] (150 амфор условного типа «Солоха I», свыше 90 — греко-италийских, 54 — коринфских двух типов «А» и «В» и некоторые другие).

С момента активного включения в средиземноморскую торговлю Рима принципи-

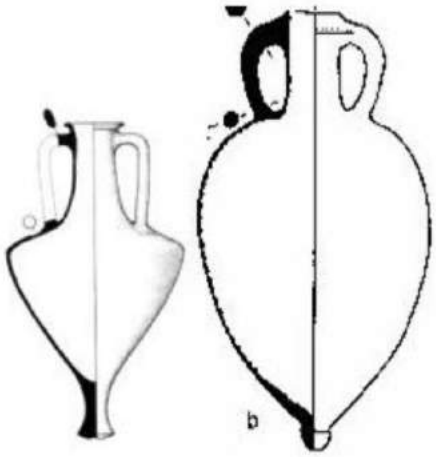


Рис. 13. Амфоры двух типов. На рисунке видно, что диаметр и высота этих керамических сосудов не позволяет выполнить надежную сцепку рядов.

Рис. 14. Амфоры типа Дрессель 1 В на месте крушения римского судна «Мадраг де Жьен». (http://www.culture.gouv.fr/fr/arcnat/entremont/en/gaulois_pres.htm).

Рис. 15. Амфора типа Дрессель 2 с места крушения «Skerki Bank F». (http://www.whoi.edu/cms/files/bfoley/2005/6/imperial_wreck_3303.pdf. . Fig. 2).

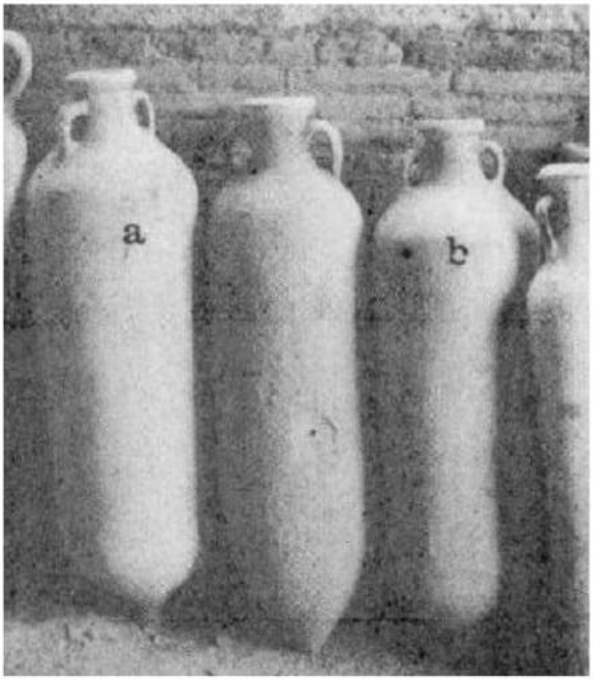


Рис. 16. Позднеримские амфоры. (*Twede Diana*. Commercial Amphoras: The Earliest Consumer Packages? //Journal of Macromarketing. June 2002. Vol. 22. № 1. P. 102. Fig. 9.)

ально меняется морфология керамической тары, общим местом отныне становится унификация тарных сосудов по римским образцам[53], что приводит к известной стандартизации. Со слов Элизабет Уилл, римские амфоры «стали в большей степени отражать содержимое, чем производственный центр»[54]. Тулово керамических сосудов, использовавшихся для транспортировки вина и масла, принимает более «вытянутую» и узкую форму. Наиболее показательны в этом отношении типы амфор Дрессель 1 А, Дрессель 1 В, Дрессель 2 (крушение I в. до н.э. на банке Скерке между Сицилией и Сардинией («Skerki Bank F»)[55] (рис. 15).

Амфоры, обнаруженные на судне, затонувшем близ Гран Конглуэ, свидетельствуют о том, что, стремясь завоевать рынок, Сестии (фабриканты, чей штамп стоял на сосудах), разработали технологию массового производства керамической тары. Амфоры (высота — 1 м, емкость 26 л) имели высокое горло, длинные вертикальные ручки и узкое основание, были удобны для транспортировки и вмещали большое количество вина. Такая форма позволяла достаточно плотно располагать амфоры в трюме корабля и эффективно использовать грузовое пространство. Интересно, что большинство исследователей, так или иначе освещавших вопрос транспортировки амфор на античных грузовых судах и высказывавшихся в этой связи об их достоинствах, ссылаются именно на крушение у Гран Конглуэ. Возрастающие потребности Римской империи в бесперебойном снабжении провинций и многочисленных военных гарнизонов, разбросанных по всему Средиземноморью, требовали не только большего числа керамической тары, но и придание ей формы, максимально приспособленной для морских перевозок. В связи с расширением товарного рынка увеличился объем и количество грузов, перевозившихся морским путем. Экономические и культурные изменения, происходившие в первые века новой эры в pax Romana, не могли не повлечь за собой превращение амфоры из оригинального и индивидуального продукта керамического производства в невыразительную, но удобную и практичную тару. Наверное, не случайно к IV веку н.э. относится появление больших керамических сосудов (рис. 16), которые близки по своей форме финикийским «торпедам»[56].

В данной статье мы затронули лишь некоторые общие моменты, касающиеся практики морских грузовых перевозок в античный период. Бесспорно, существовали определенные правила при погрузке и транспортировке и иных видов грузов. Например, сыпучего (зерна), или «живого груза» (пассажиров, лошадей), перевозившегося на специальных судах[57]. Однако их реконструкция возможна лишь путем умозаключений, основанных на отрывочных сведениях античных авторов, мозаиках, а также более поздних источников. Увидеть сохранившимся подобный груз античного корабля и восстановить картину его расположения — задача пока неразрешимая. За рамками настоящей работы остались такие малоизученные и спорные вопросы, как маркировки отдельных амфор и металлических слитков, которая возможно, наносилась с целью обозначения конкретных партий груза и служила указанием порядка размещения на борту. Например, слитки с крушений «Улу Бурун» и «Гелидония» имели маркировку в виде явно выраженных символов отдельных частей корабля («мачты», «рулевого весла», «центра судна», «кормы»). Эти вопросы станут предметом дальнейших исследований, посвященных организации морских перевозок и эксплуатации античных торговых судов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Массон В. М.* Развитие обмена и торговли в древних обществах // КСИА. 1973. Вып. 138. С. 4.
2. Например, у греков: τρώκτης (грызун) (*Hom.* Od., XIV. 289; XV. 415).
3. Плеяды заходят с восходом солнца в ноябре. Для античных судов плавание по морю в это время года становилось опасным, и навигация, как правило, прекращалась.
4. Против одного юноши из Лакедемона на родине было выдвинуто обвинение в том, что он преступил обычаи и увлекся мореходством (*Philostr.* Vita Apoll.Tyan. IV. 32).

5. *Eiseman C.J., Ridgway B.S.* The Porticello Shipwreck. Texas A&M Press. 1987. P. 15; *Katzev M. L.* Resurrecting the Oldest Known Greek Ship // National Geographic Magazine, 1970. № 6. P 854.
6. *Pulak C., Townsend R.* The Hellenistic Shipwreck at Serce Limani, Turkey //AJA. 1987. Vol. 91. № 1. P. 34.
7. Предметы с кораблекрушения были обнаружены на площади свыше 60 кв. м.
8. Bronze Age Shipwreck Excavation at Uluburun //http://ina.tamu.edu/ub main.htm; *Bachhuber Christoph.* Aegean Interest on the Uluburun Ship // AJA. Vol. 110. №. 3. P. 345–363; *Haldane Cheryl.* Direct Evidence for Organic Cargoes in the Late Bronze Age // World Archaeology. 1993. Vol. 24. № 3. P. 348–360.
9. *Bass G. F.* The Cape Gelidonya Wreck // AJA. 1961. Vol. 65. № 3. P. 267–276; *Bass G. F.* Cape Geledonia. A bronze Age Shipwreck // TransaetOf the Amer. Philosopf. 1967. Soc. 57. 8; *Дж. Басс.* Подводная археология. М., 2003.
10. Lading of the Late Bronze Age ship at Uluburun //http://txspace.tamu.edu/dspace-oai/request?
11. Медные слитки, выполненные в форме вытянутой воловьей кожи.
12. Металлические слитки плоско-выпуклой формы.
13. *Петрунь В.Ф.* К методике изучения петрографии строительного камня античных городов // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 146; *Нойкирхен Г.* Мореплавание вчера и сегодня. Л., 1977. С. 52; *Snodgrass A*. Heavy freight in Archaic Greece // Trade in the Ancient Economy. London, 1983. P. 17.
14. *Robert D. Ballard, Lawrence E. Stager.* Op. cit. P. 159.
15. Судно было обнаружено сотрудниками корпорации «Nauticos» во время поисков израильской подводной лодки «Дакар» //http://www.nauticos.com/ancientwreck/conceptpaper-wrecksite.htm.
16. http://cma.soton.ac.uk/HistShip/shlect37.htm.
17. http://www.culture.gouv.fr/culture/archeosm/en/fr-medit-antiq.htm.
18. *Katzev M. L.* Resurrecting the Oldest Known Greek Ship //National Geographic Magazine. 1970. № 6. P. 857; *Steffy J. Richard.* The Kyrenia Ship: An Interim Report on Its Hull Construction // AJA. 1985. Vol. 89. № 1. P. 72.
19. *Pulak C., Townsend R.* Op. cit. P. 42.
20. http://www.culture.gouv.fr/culture/archeosm/en/fr-medit-antiq.htm.
21. Ставить лагом — поставить судно носом к волне под некоторым углом.
22. *Robert D. Ballard, Lawrence E. Stager.* Op. cit. P. 163.
23. Такой режим плавания нельзя было использовать крупным судам, так как увеличение размеров и водоизмещения еще не могло быть обеспечено пропорциональным ростом прочности корпуса.
24. Зачастую античные торговые корабли грузились сверх меры: *Demosth*. Contra Form. XXXIV. 10.
25. *Черниа Андре*. Из глубины веков // Курьер Юнеско. 1987. №12. С. 11. В вулканический песок были зарыты две амфоры, обнаруженные в районе кормы. Амфоры в центральной части судна исследованы не были. Поэтому трудно утверждать, являлся ли песок балластом или использовался в качестве противопожарного средства. В это время пища для экипажа на ряде судов готовилась на борту, в районе кормы.
26. Там же. С. 11; http://www.culture.gouv.fr/culture/archeosm/en/fr-medit-antiq.htm.
27. Если предположить, что песок принимался в мешках, то теряется смысл рассматривать его как наиболее подходящую основу для размещения нижнего ряда амфор.
28. Именно это обстоятельство легло в основу нашего предположения о том, что судно совершало или должно было совершить несколько рейсов с подобным грузом.
29. Расстояние в 240 морских миль по маршруту Пиза — Массалия, корабль, при дующих с Лигурийского побережья северных и северо-западных ветрах, проходил за четверо суток (*Polib*. Hist. 3. 41. 4.).
30. *Haldane Cheryl.* Op. cit. P. 349.

31. *Граков Б. Н.* Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI–V вв. до н.э. // ИГАИМК. 1935. Вып. 108; *Зеест. И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. Вып. 83. С. 13; *Garlan Y.* Greek Amphorae and Trade // Trade in the ancient Economy. London, 1983. P. 27; *Koehler C. G.* Transportation Greek amphoras // BCH. 1986. Suupl. XIII. P. 49.
32. *Koehler C. G.* Op. cit. P. 49.
33. *Koehler C. G.* Op. cit. P. 59; *Twede Diana*. Op. cit. P. 101, 103.
34. *Twede Diana*. Commercial Amphoras: The Earliest Consumer Packages? // Journal of Macromarketing. 2002. Vol. 22. № 1. P. 98.
35. *Twede Diana*. Op. cit. P. 98.
36. *Vegas. M.* Eine archaische Keramikfüllung aus einem Haus am Kardo XIII in Karthago // Römische Mitteilungen 1999. №. 106. P. 395–438; *Geva. S.* Archaeological Evidence for the Trade between Israel and Tyre // BASOR. 1982. №. 248. P. 69–72; *Robert D. Ballard, Lawrence E*. Op. cit. P. 159.
37. Металлическое кольцо, которое в зависимости от места крепления служит для удобства транспортировки грузов, такелажных работ, швартовки и т.д.
38. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов. 1999. С. 6.
39. *Зеест И. Б.* Ук. соч. С. 13.
40. Там же. С. 13.
41. Там же. С. 13.
42. *Carlson D. N.* The Classical Greek Shipwreck at Tektax Burnu, Turkey // AJA. 2003. Vol. 107. № 4. P. 581.
43. *Katzev M. L.* Op. cit. P. 847; Курьер Юнеско. №12. 1987. С. 14; http://bornova.ege.edu.tr/~ncyprus/shipwreck.html
44. http://ina.tamu.edu/lipari/lipari.htm
45. Даген Джеймс. Капитан Кусто. Л., 1966. С. 31–47; http://www.culture.gouv.fr/culture/archeosm/en/fr-medit-antiq.htm
46. http://www.athenapub.com/srapamph.htm
47. *Монахов С.Ю.* Ук. соч. С. 470–474.
48. http://www.culture.gr/2/21/214/21408e/e21408ea.html; *Carlson D. N.* Op. cit. P. 581.
49. *Eiseman C.J., Ridgway B. S.* The Porticello Shipwreck // Texas A&M Press. 1987; *Eiseman C.J.* The Porticello Wreck: A 5th Century B.C. http://ina.tamu.edu/porticello/porticello.htm; *Монахов С.Ю.* Ук. соч. С. 243–245.
50. http://www.nauticos.com/ancientwreck/conceptpaper-wrecksite.htm.
51. http://www.culture.gouv.fr/culture/archeosm/en/fr-medit-antiq.htm.
52. *Монахов С.Ю.* Ук. соч. С. 372–379.
53. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 8.
54. *Lyding Elizabeth*. The Roman amphora // Archaeology Odyssey. 2000. Vol. 3. № 1. P. 28.
55. *Ballard R.D., McCann A.M., Yoerger L D.* The Discovery of Ancient History in the Deep Sea Using Advanced Deep Submergence Technology // Deep-Sea Research. 2000. Vol. I. № 47. P. 1604; http://web.mit.edu/deeparch/www/publications/papers/BallardEtAl2000.pdf; http://www.who.edu/cms/files/bfoley/2005/6/imperial_wreck_3303.pdf
56. *Twede Diana*. Op. cit. P. 99.
57. *Кисельников А. Б.* К вопросу о классификации греческих и римских торговых судов V в. до н.э. — II в. н.э. // АМА. 2006. Вып. 12.

A.B. Kiselnikov

SEA TRANSPORTATIONS OF CARGOES DURING ANTIQUITY

Extremely important role in development of trade relations of the ancient world was played by the sea trade. In this connection, special interest causes a question connected with the reconstruction of a process on the organization of transportations for various kinds of cargoes. As the statistical data on sea transportations have not reached us, the finds from the sunken ships, to some extent, help to fill the blank place concerning the problem. It is known, that the majority of ancient trade ships carried the mixed general cargo, distinguished in forms, weights, volumes and sizes. During antiquity, the most mass cargos were amphora of various types and standards. Their correct arrangement and fixture in view of metric, weight and volumetric characteristics served as main conditions on safety of the cargo and navigation.

In this work we have touched only the most general principles which should be obeyed on loading and transportation of the mixed cargo and we also have considered some potential ways of accommodation and fastening of a ceramic container on board a vessel.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

© 2007 г.

Э.В. Рунг

АФИНЫ И ПЕРСИДСКИЙ САТРАП ОРОНТ

Надпись, помещенная во второе издание «Inscriptiones graecae» под № 207, известна научному миру более ста пятидесяти лет, с того времени как К. Питтакис первым скопировал документ, обозначающийся сейчас как fr. a, и издал его факсимиле в 1835 году в книге «Древние Афины»[1]. К настоящему времени оригинальная греческая стела, виденная Питтакисом, уже утеряна и исследователи широко пользуются сделанной им копией. Дальнейшие находки прибавили дополнительный материал: были обнаружены фрагменты надписи (b+c+d) того же самого документа[2]. Из литературы, помимо многочисленных эпиграфических комментариев к надписи, следует назвать специальные работы, посвященные взаимоотношениям Афин и Оронта (М. Озборна, Р. Мойзи, Р. Девелина, М. Уолбэнка), для которых надпись служила основным источником[3].

Не вызывает особых сомнений, что надпись представляет собой афинскую псефизму, принятую в честь некоего Оронта, имя которого присутствует во всех существующих фрагментах. Документ начинается традиционной преамбулой: «Народ решил: в пританию Пандиониды, секретарем был Диэвкс, сын Демарха Фреаррие, Филей председательствовал, Поликрат, сын Полиевкта сказал…» (fr. a, 1–2). Вслед за прембулой, из текста fr. a следует, что Оронт находился в тесных дипломатических отношениях с Афинами, засвидетельствованных традиционной формулой: «о том объявляют послы афинян и (послы) от Оронта приходившие … (περὶ ὧν ἀπαγγέλουσιν οἱ]πρέσβεις οἵ τε Ἀθηναί<ω>ν καὶ οἱ παρὰ <Ὀ>ρόντου ἥκοντες κτλ)» (fr. a, 3); она предваряет наделение почестями Оронта на основании информации этих послов. Дальнейшие прочитываемые строки текста связаны с похвалой Оронта афинянами и награждением его различными почестями, среди которых, если признать верным прочтение К. Питтакиса, присутствует наделение его и его потомков гражданскими правами в Афинах — <καὶ> εἶναι Ὀρόντην Ἀθηναῖον (fr. a, 6)[4]. Из того же самого отрывка надписи следует, что Оронт ко времени принятия псефизмы управлял какой-то областью, обозначенной как «владение Оронта» — ἡ Ὀρόντου αρχή (fr. a, 12, 14). В стрк. 11 фрагмента Питтакис прочитывает указание на архонта Никомаха, при котором была принята псефизма (fr. a, 11). Документ также содержит информацию о каких-то соглашениях (τὰ σύμβολα), заключенных афинянами и их союзниками с Оронтом (fr. a, 13; b, 6). Фрагменты b+c+d надписи позволяют сделать некоторые наблюдения в отношении исторической ситуации, сложившейся во время принятия афинянами декрета в честь Оронта. В частности, в документе упоминается о серебре, которое необходимо было взять из военной казны для приобретения хлеба (εἶναι εἰς τὴ[ν πα]ράληψιν τοῦ σίτου ἐκ τῶν στρατιωτικῶν) (fr. b, 11). По-видимому, зерно должно было быть доставлено в лагерь афинского войска Хареса, Харидема и Фокиона (τῶι στρατοπέδωι τῶι μετ]ὰ Χάρητος καὶ

Χαριδήμου καὶ Φωκίωνο[ς) (fr. b, 12). Для закупки зерна вероятно предназначались и деньги, поступившие из денежных сборов на Лесбосе (χρ]ήματα τῶν συντάξεων τῶν ἐν Λέσβωι) (fr. b, 13). Следует особо отметить, что псефизма в честь Оронта, по-видимому, была принята в ситуации военного времени, поскольку особо упоминается некая война (πόλεμο[) (fr. b, 19). В ней помимо закупки зерна идет речь и о приобретении денежных средств для выплаты жалования воинам (καὶ γένηται μισθὸς τοῖς στρατιώταις) (fr. b, 16). Часть денежных средств афинские стратеги вероятно должны были доставить к Оронту (καὶ τὰ χρήματα ὡς 'Ορόντην καὶ πλοῖα παρα <...>) (fr. c, 22), с тем, чтобы взять у него корабли, очевидно, нагруженные хлебом. Кроме уже названных трех афинских стратегов в надписи упоминается еще один — Проксен, который фигурирует в числе послов (возможно, к Оронту, следуя логике афинского декрета) (Πρόξενον τ[ὸν] στρατηγὸν μετὰ τῶν πρέσβεων) (fr. c, 23). Таким образом, можно согласиться с предположением Р. Мойзи, что афиняне получили зерно у Оронта, и переговоры вокруг покупки этого зерна составляют основное содержание frg. b+c+d[5]. Заботу об охране торгового каравана, как следует из документа, афинский народ поручил своим стратегам Харесу, Харидему и Фокиону.

Однако, все же, на наш взгляд, не представляется правомерным рассматривать документ только в качестве «торгового соглашения» с Оронтом (как это общепринято в литературе). Предваряя дальнейший анализ, следует указать на то, что несмотря на большое место в декрете, по-видимому, отведенное вопросу приобретения зерна у Оронта, существуют основания полагать, что основым содержанием документа были военно-политические взаимоотношения Афин и Оронта. В частности, весьма симптоматично упоминание о войне, военной казне, военном лагере, четырех афинских стратегах, жаловании для воинов. В тексте фрагментов несколько раз встречается слово «союзники» (σύμμαχοι), причем лишь несколько слов прочно ассоциированы со словом «афиняне», а кроме того во фрагменте b фигурирует фраза φίλοι καὶ σύμμαχοι (fr. b, 4). Это предварительные замечания по существу самого афинского декрета в честь Оронта.

В исследовательской литературе общепринято мнение, что афинская псефизма повествует о персидском сатрапе Оронте, сама надпись относится к середине IV в. до н.э., а под упоминаемым в документе «владением Оронта» понимается область Мизия. Из известных нам персидских сатрапов IV века до н.э. всего лишь два носили имя Оронта. Первым, безусловно, является неоднократно упоминаемый у античных авторов персидский военачальник, участвовавший во многих значительных военно-политических событиях Ахеменидской державы, зять царя Артаксеркса II — Оронт, сын Артасира, женатый на царской дочери Родогуне. Этот Оронт впервые появляется в «Анабасисе» Ксенофонта как сатрап Армении во время мятежа Кира Младшего в 401 г. до н.э. (Xen. Anab. II. 4.8, 5.40; III. 4.13, 5.17; IV. 3.4), затем после десятилетнего перерыва он фигурирует у Диодора уже в качестве одного из высших персидских командиров в Кипрской войне 390–380 гг. до н.э. (Diod. XV. 2.2, 8.3, 9.1ff, 10–11), а затем применительно к 362 г. до н.э. как сатрап Мизии и руководитель мятежников в период Великого восстания сатрапов 362/1 г. до н.э. (Diod. XV. 91.1). После поражения восстания сатрапов, об Оронте мы больше ничего не слышим. Пергамская хроника относит смерть Оронта ко времени после его восстания (OGIS. 264a), но ее хронологические указания неопределенны[6]. О другом Оронте существуют краткие упоминания у Арриана в его описании похода Александра, где тот назван сатрапом Армении в 331 г. до н.э. (Arr. An. 3.8.5), а также у Диодора применительно к 316 г. до н.э. (Diod. XIX. 23.3)[7]. В посвятительных надписях Антиоха I Эпифана из Коммагены родословная армянских царей Коммагены возводится к Дарию I, сыну Гистаспа, Ксерксу и Оронту, сыну Артасира, а одна надпись считает предком коммагенских царей отца Оронта Артасира (OGIS. 388–393). Эти данные позволяют допустить, что даже после перемещения на запад, Оронт не потерял своих контактов с «отеческой» сатрапией Арменией, а упомянутого Аррианом Оронта можно считать родственником известного сатрапа (возможно его сыном). Потомки Оронта, сына Артасира, управляли Арменией по крайней мере до 200 г. до н.э., когда, по словам Стра-

бона, страна была разделена на две части под управлением полководцев Антиоха III Великого, Артаксия и Зариадрия (Strabo. XI. 14. 15 p.531). Последний правитель из этого персидского рода, так же по имени Оронт, по словам географа, был потомком перса Гидарна, сподвижника Дария I и одного из семи персов, убивших мага Гаумату (См.: Herod. III.70; VI.133; DB. 2.19, 22–23; 4.84).

Несомненно, что область, называемая в документе «владением Оронта», была ничем иным, как какой-то приморской сатрапией, связанной политическими и торговыми контактами с греческим миром. Дело в том, что допущение, что афиняне наградили почестями Оронта, занимавшего должность сатрапа Армении, исследователями правомерно отвергается[8]. Общепринято мнение, что то была область Мизия, которой, согласно Диодору, управлял Оронт (I), сын Артасира, в 362 г. до н.э. (Diod. XV. 91.1). О присутствии Оронта в Мизии сообщает также уже упоминавшаяся Пергамская хроника в связи с захватом этим сатрапом города Пергама во время его мятежа против царя Артаксекса II (OGIS. 264a). В нашем случае не является особо принципиальной дискуссия, ведущаяся среди исследователей по вопросу о том, владел ли Оронт Мизией на правах сатрапа или гипарха[9]. Более важно определить, какой из Оронтов мог получить почести от Афин, и находилась ли Мизия во власти кого-то из Оронтидов в год принятия декрета. Начнем, пожалуй, с проблемы датировки самого декрета. Этот вопрос вызывает значительное затруднение у исследователей, обусловленное еще и тем, что теперь утерян тот фрагмент, где содержалась датировка документа афинским архонтом. Еще К. Питтакис прочитал следующую фразу, определеннно указывающую на имя архонта: ENI KAMMAXOU. То, что прочитал еще Питтакис в стрк. 11 фрагмента, является ни чем иным, как искаженным именем некоего архонта. Казалось бы, вопрос этот можно было считать почти решенным после того, как еще Питтакис в одной из строк документа восстановил искаженное имя архонта Никомаха (fr. a, 11), приняв таким образом дату псефизмы 341/0 г. до н.э. Однако, спустя двадцать лет после опубликования надписи К. Питтакисом, французский исследователь А. Рангабэ внес несколько важных эмендаций в текст афинского декрета. В частности, он изменил прочтение имени архонта Никомаха, как это предполагал Питтакис, на имя Каллимаха, датировав таким образом афинский декрет более ранним 349/8 г. до н.э.[10] Но А. Рангабэ во время публикации надписи в 1855 г. уже не видел утерянный к тому времени оригинальный текст декрета. Более того, как то отметил М. Озборн, он никак не объяснял причины своих изменений, и потому на сегодняшний день невозможно узнать мотивации ученого[11]. Теме не менее, большинство современных исследователей принимают 349/8 г. до н.э., предложенный А. Рангабэ, а не 341/0 г. до н.э., проистекающий из копии декрета Питтакиса, в качестве отправной точки для датирования афинской псефизмы в честь Оронта[12]. В 1971 г. М. Озборн, признавая такой подход более удобным для историков, сам следует методу Рангабэ в том, что, обращаясь к исследованию исторического контекста появления декрета, в итоге склоняется к еще более удобной, но так же произвольной дате, внеся исправление в имени архонта на Никофема. Таким образом, исследователь датирует декрет 361/0 г. до н.э. и связывает его появление с позицией Афин в период Великого восстания сатрапов[13]. Эту точку зрения подверг критике Р. Мойзи в 1987 г., возвратившись к ставшей традиционной дате декрета — 349/8 г. до н.э.[14] Против этого мнения высказывался Р .Девелин, который предпочитал вернуться к первоначальной датировке документа К. Питтакиса в пользу 341/0 г. до н.э., хотя в своей небольшой статье и не касался исторического контекста появления псефизмы в честь Оронта[15].

Со своей стороны, отметим, что датировка декрета К. Питтакисом, которая, насколько известно, относительно редко принимается в литературе, разумеется, заслуживает внимания и не только ввиду того, что ее записал первый издатель утерерянного теперь фрагмента надписи. В частности, М. Озборн отвергает датировку надписи архонтом Никомахом на том основании,что «существуют значительные, может быть, даже непреодолимые трудности в отнесении документа к 341/340г. до н.э»[16]. Основные аргументы против 341/0 г. до н.э. исследователь сводит к следующему. В первую очередь,

М. Озборн считает невероятным, что Оронт, сын Артасира, впервые появившись на исторической сцене в 401 г. до н.э., дожил до конца 340-х гг. до н.э. И хотя М. Озборн полагает, что Оронт имел сына, также называемого Оронтом и управлявшего, как известно, Арменией в 331 г., все же он считает неправдоподобным, что «афиняне должны были заключить «торговое соглашение» с Арменией в это время»[17]. Таким образом, историк не видит иной кандидатуры на получение афинских почестей, кроме Оронта, сына Артасира. С этими соображениями М. Озборна не согласился Р. Мойзи. В частности, аргументируя принимаемую им дату, исследователь отметил, что не исключена вероятность, что Оронт дожил до 349/8 г. до н.э. и сохранил Мизию после восстания сатрапов. В отношении сына или внука Оронта, Мойзи указывает на возможность, что Оронт (II) сменил Оронта (I) в должности сатрапа Мизии и только позднее был перемещен в «отеческую» сатрапию Армения[18]. Другой аргумент М. Озборна, направленный против датировки Питтакиса, еще более слабый, чем предыдущий. Исследователь полагает, что Оронт не мог возглавлять Мизию в 340 г. до н.э., поскольку в этом году область находилась под руководством Росака, называемого Диодором сатрапом Ионии и Лидии (историк считал Мизию частью Лидийской сатрапии) [19]. В 1987 г. к этому аргументу присоединился и Р. Мойзи[20]. Однако Н. Секунда справедливо заметил, что Мизия входила в состав сатрапии Геллеспонтской Фригии, а не Лидии. Следовательно, вопрос о том, кто возглавлял Мизию в 341/0 г. до н.э., больше не связан ни с личностью Росака, ни с сатрапией Иония и Лидия вообще. К этим возражениям М. Озборна против даты 341/0 г. до н.э. Р. Мойзи прибавил еще свое собственное. В частности, он отметил отсутствие сведений о том, что упоминаемый в надписи Харидем был стратегом в год архонта Никомаха[21]. Однако этот *argumentum ex silentio* не может быть решающим, поскольку ничего не говорит против того, что Харидем не был стратегом в 341/0 г. до н.э. Мы же знаем точно, что оба других названных в декрете известных афинских деятеля Харес и Фокион исполняли должность стратегов в 340 г. до н.э., когда Филипп II начал военные действия против Перинфа осенью того года (Plut. Phoc. 14). Итак, фактически нет убедительных возражений против датирования декрета архонтом Никомахом. Все аргументы, построенные на поиске эпиграфических свидетельств, носят чисто вспомогательный характер.

Интересно, однако, узнать, какие же аргументы предлагают исследователи в отношении других датировок. Одним из наиболее важных доказательств в пользу 361/0 г. до н.э. М. Озборн считает сведения об афинских стратегах, названных в надписи. Он указывает, что Харес, Фокион и даже Харидем могли исполнять должность стратега в тот год. И если в отношении Хареса и Фокиона исследователь ограничивается простой констатацией возможности для них быть стратегами, то в отношении Харидема он предпринимает попытку доказать реальность его стратегии в 361/0 г. до н.э.[22] Главный же свой довод в пользу датировки декрета архонтом Никофемом М. Озборн видит в изучении основных вех жизни Оронта и связей Афин и Персии в период Великого восстания сатрапов[23]. Против этого мнения также выступил Р. Мойзи, который справедливо отметил, что из четырех афинских стратегов в надписи достоверно известно, что только Харес реально был стратегом в 361 г. до н.э., однако в тот год он воевал на Керкире (Diod. XV. 95. 3). Сам Р. Мойзи, подвергнув критике ряд положений М. Озборна, высказывает аргументы в пользу 349/8 г. до н.э. Наиболее важным доказательством в пользу своей точки зрения исследователь считает то обстоятельство, что все три известных нам по надписи афинских стратега действовали в 349/8 г. до н.э.[24] Правда, Р. Мойзи не смущает то обстоятельство, что эти стратеги действовали в разных концах Эгеиды и принимали участие в различных военных кампаниях: Харес и Харидем возглавляли афинские войска, шедшие на помощь Олинфу, осаждаемому Филиппом II (Philoch. FGrHist. 328 Fr. 49–51), а Фокион весной 348 г. до н.э. воевал на Эвбее (Plut. Phoc. 12–13). Между тем, при такой реконструкции остается неясным, какие общие внешнеполитические интересы связывали Хареса и Харидема с Фокионом, и всех троих с Оронтом. Р. Мойзи пытается дать ответы на эти вопросы. Он полагает, что «война», упомянутая в декрете

— это война Филиппа II против Олинфа, афиняне пытались получить зерно от Оронта для своих войск на Халкидике и Эвбее, тогда как Оронт в свою очередь желал помочь остановить Филиппа до того, как он стал бы угрожать его собственной территории[25]. Это, в принципе, правдоподобная реконструкция событий, но есть несколько замечаний. Прежде всего, из сохранившихся строк декрета складывается впечатление, что афиняне взаимодействовали с Оронтом по более важному поводу, чем только получение зерна. Между тем, Харес, Харидем и Фокион, как представляется по тексту надписи, действуют сообща. Упоминание в надписи Лесбоса (fr. b, 13) предполагает, что афинский флот действовал у берегов северо-западной Малой Азии, недалеко от Мизии. Наконец, кажется невероятным, что Олинфская война Филиппа II могла сильно сблизить Афины и Оронта.

Однако вопрос об исторической ситуации, сложившейся во время принятия декрета в честь Оронта, решается достаточно просто, если связать появление документа с войной Филиппа II против Перинфа осенью 340 г. до н.э. Как известно, Филипп начал осаду города, который был связан политически и экономически как с Афинами, так и находился в сфере персидских интересов. И поэтому, не вызывает удивления, что, по свидетельству Плутарха, афиняне отправили на Геллеспонт сначала Хареса, а затем и Фокиона (Plut. Phoc. 14). В свою очередь, Диодор рассказывает о персидской поддержке перинфян: «… персидский царь, из опасения могущества Филиппа, приказал сатрапам приморских областей оказать помощь перинфянам всеми силами. Сатрапы, сговорившись между собой, послали в Перинф множество наемников, деньги в изобилии, достаточное количество хлеба, метательные орудия и все остальное для ведения войны» (Diod. XVI. 75. 1–3). С этим сообщением согласуется речь Демосфена в ответ на письмо Филиппа II афинянам от 340 г. до н.э.: «Кроме того… сатрапы, правящие в Азии, недавно помешали ему (Филиппу — Э.Р.) взять осадой Перинф, послав туда наемные войска, а сейчас (οἱ κατὰ τὴν Ἀσίαν σατράπαι καθεστῶτες εἰναγχος μὲν ξένος εἰσπέμψαντες ἐκώλυσαν ἐκπολιορκηθῆναι Πέρινθον), когда у них установились враждебные отношения с ним и стала близкой опасность в том случае, если будет подчинен Византий, не только сами охотно помогут в войне, но и царя персидского побудят, как хорега, снабжать нас деньгами, а ведь он обладает таким богатством, какого нет у всех остальных вместе, и такой силой для вмешательства в здешние дела, что еще и прежде, когда мы вели войну с лакедемонянами, он давал превосходство над противниками той из двух сторон, к которой сам присоединялся, и теперь, если встанет на нашу сторону, легко победит на войне силу Филиппа» (Dem. XI. 5–6). С персидской стороны против Филиппа сражались фереец Аристомед (Theop. FgrHist. 115. Fr. 222) и Аполлодор, командир наемников Арсита — сатрапа Геллеспонтской Фригии (Paus. I. 29. 20)[26]. То была та политическая ситуация, которая более всего подходила для появления афинской псефизмы в честь Оронта, одного из малоазийских сатрапов. Существует и другое обстоятельство, еще более определенно позволяющее датировать документ 340 г. до н.э. Это — упоминание Филохора и Феопомпа о большом торговом караване, направлявшемся в Афины на 180-230 судах в год архонта Феофраста (340/339 гг. до н.э.), сопровождать которые поручено было Харесу. Эти корабли, следовавшие из Понта, были перехвачены Филиппом в районе Гиерона, тогда, когда Харес находился в Азии и присутствовал на совещании персидских сатрапов (ἐς τὸν σύλλογο[ν] τῶν βασιλικῶν στρατηγῶν) (Philoch. FgrHist. 328. F. 162). Представляется вероятным, что афиняне в 341/0 г. до н.э. закупали зерно не только в Понте, но и у Оронта, особенно для снабжения афинской армии и флота перед лицом планируемых военных действий против Филиппа II. Здесь следует обратить внимание, что именно в год архонта Никомаха афиняне по предложению Демосфена денонсировали условия Филократова мира 346 г. до н.э. ((Philoch. FgrHist. 328. F. 161–162). Точно идентифицировать Оронта, героя афинской надписи, вряд ли возможно. Однако не представляется убедительным предположение, что речь может идти об Оронте (I), сыне Артасира. Скорее всего, речь идет о сыне Оронта, получившего после смерти отца в управление Мизию. Можно быть почти уверенным, что после неудачи

восстания Оронт, сын Артасира, сохранил в своей власти Мизию, поскольку вовремя перешел на сторону персидского царя и даже оказывал ему услуги в борьбе с другими мятежниками (Diod. XV. 91. 1). Оронт (II) мог быть среди тех сатрапов, которые были обеспокоены действиями Филиппа II в районе Пропонтиды, и мог оказать не только помощь Перинфу, как это сделал Арсит, но и пойти на сотрудничество с Афинами. Таким образом, данные интерпретации афинской псефизмы в честь Оронта могут представлять собой еще одно свидетельство в пользу координации усилий Афин и Персии перед лицом угрозы со стороны Филиппа II.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Pittakys K.S.* L'Ancienne Athènes. Athènes, 1835. P. 500–501.
2. Перевод фрагментов надписи на русский язык с комментариями см.: *Рунг Э.В.* Дипломатические отношения греков и Персии в 370–343 гг. до н.э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 136–139.
3. *Osborn M.J.* Athènes and Orontes // ABSA. 1971. Vol. 66. P. 297–321; *Moysey R.A.* IG II^2 207 and the Great Satraps Revolt // ZPE. 1987. Bd. 69. S. 93–100; *Develin R.* Once More About IG II^2 207 // ZPE. 1988. Bd. 73. S.75–81; *Walbank M.B.* IG. II^2 207 Again // ZPE. 1988. Bd.73.S.83–85.
4. Предоставление афинских гражданских прав персу в IV в. до н.э. не должен уже вызывать удивление. Самую близкую параллель данному случаю обнаруживает предоставление афинянами гражданства сатрапу Ариобарзану и его троим сыновьям в 360-е гг. до н.э. (Dem., XXIII, 141, 202;)
5. *Moysey R.* Op. cit. S. 95.
6. В нашу задачу не входит подробное изучение жизни Оронта, сына Артасира. Подобное исследование можно найти в работах: *Osborn M.* Orontes // Historia. 1973. Bd. 22. Ht. 4. S. 515–551; *Troxell H.* Orontes, satrap of Mysia // SNR. 1981. Vol. 60. P. 27–37.
7. См.: *Berve H.* Orontes (7) // RE. 1941. Bd. 20. Sp. 1166.
8. См. *Osborn M.* Athènes and Orontes. P. 311, 315, n. Помпей Трог помещает Оронта в Армению во время Великого восстания сатрапов (Trogus, Prol. X). Поэтому некоторые исследователи пытались доказать ошибочность сведений Диодора об Оронте как сатрапе Мизии (см. еще: *Krumbholz.* De Asii Minoris Satrapis Persicis. Leipzig, 1883). Этой точки зрения придерживается также С. Хорнблауэр (*Hornblower S.* Mausolus. Oxford, 1982. P. 176–179).
9. Точки зрения, что Мизия была гипархией в составе одной из малоазийских сатрапий, принимается рядом современных исследователей (*Olmstead A.T.* The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948. P. 415; *Weiskopf M.* The So-Called "Great Satraps Revolt 366–360 BC. Stuttgart, 1989. P. 73; *Ruzicka S.* Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. Norman; L., 1992. P. 67). Однако, М. Озборн убедительно показал, что Оронт в 360-е гг. до н.э. возглавлял сатрапию Мизия. Основной его аргумент заключается в утверждении, что мятежные сатрапы едва ли поставили бы своим предводителем не другого малоазийского сатрапа, а гипарха (*Osborn M.J.* Athènes and Orontes. P. 315, n. 117; *idem*. Orontes. S. 538; *idem*. The Satrapy of Mysia // GB. 1975. Bd. 3. S. 290–301). В новейшей статье Н. Секунды принимается точка зрения, что Мизия была сатрапией (*Sekunda N.V.* Itabelis and the Satrapy of Mysia // AJAH. 1998. Vol. 14. № 1. P. 99–100). Дискуссионным также является вопрос, когда Оронт получил в управление Мизию.
10. *Rangabé A.R.* Antiquité Helleniques. Athènes, 1855. 2.74.
11. *Osborn M.J.* Athènes and Orontes. P. 298–299.
12. *Parke H.W.* Athènes and Euboea, 349–8 BC // JHS. 1929. Vol.49. Pt.2. P. 246ff; *Cawkwell G.L.* The Defence of Olynthus // CQ. 1962. NS. Vol. 12. № 1. P.122f; *Moysey R.* Op. cit. P.93.
13. *Osborn M.J.* Athènes and Orontes. P. 319, 321.

14. *Moysey R.* Op. cit. P. 98–99.
15. *Develin R.* Op. cit. P. 75–81.
16. *Osborn M.J.* Athènes and Orontes. P. 301–302.
17. Op. cit. P. 310–311.
18. *Moysey R.* Op. cit. P. 97–98.
19. *Osborn M.J.* Athènes and Orontes. P. 310, 316; *idem*. Orontes. P. 538.
20. *Moysey R.* Op. cit. P. 96.
21. Idem.
22. *Osborn M.J.* Athènes and Orontes. P. 317–318.
23. Ibidem.
24. *Moysey R.* Op. cit. P. 98.
25. Idem.
26. Об осаде Филиппом II Перинфа написано во всех многочисленных работах, посвященных македонской тематике и политике Филиппа. Из более новых следует указать на статью Дж. Баклера, в которой особое внимание уделено позиции Персии в конфлике Филиппа II и Афин по поводу Перинфа. См.: *Buckler J.* Philip II, the Greeks and the King 346–336 BC // ICS. 1994. Vol.19. № 2. P. 108–109.

E.V. Rung

ATHÈNES AND PERSIAN SATRAP ORONTES

The article is devoted to interpretation of IG. II2. 207 which reflects the Athenian relations with the Persian satrap Orontes. Different scholarly approaches as to the dating of this decree are considered in this article. The author of the article came to conclusion that IG. II2. 207 may be dated to 341/0 BC and its formation is connected with the Athenian-Persian contacts against Philip II of Macedon.

© 2007 г.

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов

СУДЬБЫ САТРАПОВ ВОСТОКА. ЭПОХА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО*

Задачей данной работы является попытка обрисовать судьбы сатрапов, которые управляли различными областями среднеазиатского региона в период завоеваний Александра Македонского и во время борьбы диадохов. Эту проблему нужно рассматривать как часть более общей проблемы взаимоотношений Александра и его непосредственных преемников с населением завоеванной им страны, в первую очередь с иранцами – проблемы, которая очень сильно волновала и волнует исследователей.

Не касаясь работ более раннего времени, отметим кратко только основные направления в исследовании этой проблемы в XX веке. В первой половине века выдающийся английский историк В.В. Тарн поразил ученый мир концепцией, в которой Александр Македонский выступал в роли «первого интернационалиста» и поборника «братства народов»[1]. Как это ни странно, эта точка зрения нашла значительный отклик в литературе[2]. Однако вскоре она была подвергнута весьма резкой критике. Многие авторы, соглашаясь с тем, что в политике Александра Македонского действительно присутствовала идея «смешения народов», находившая свое выражение в назначении персов

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по гранту № 05-01-011169.

на высокие административные посты, включении иранцев в македонскую армию, наконец, в знаменитой свадьбе в Сузах, когда множество его приближенных взяли в жены азиатских девушек, тем не менее видели в этой политике только рациональные мотивы, лишенные всякой «идеальной» подоплеки[3].

Наконец, сравнительно недавно появились исследования, в которых вообще практически полностью отвергалось наличие в политике Александра идеи «смешения народов» и реальных практических действий, продиктованных ею[4]. Однако почти сразу же некоторые исследователи стали утверждать, что Э. Босворт в своей критике устоявшихся концепций зашел слишком далеко и, тем самым, исказил реальную политику македонского царя[5].

Тем самым, у нас есть основания полагать, что все попытки найти какие-либо однозначные решения проблемы, зашли в тупик. В силу этого, нам представляется, что необходим несколько иной исследовательский подход: не пытаться решить проблему в целом, а разделить ее на несколько взаимосвязанных, но отдельных проблем, то есть попытаться решить ее по частям: по отдельным периодам, по отдельным регионам и отдельным категориям населения. Только проведя такие частные исследования и получив достаточно надежные выводы, можно будет сделать попытку представить политику Александра по отношению к завоеванным народам и, в частности, к иранцам в целом.

Такой отдельной частной проблемой, обсуждаемой в данной работе, является судьба правителей среднеазиатских сатрапий в период гибели власти Ахеменидов и завоевания Александра Македонского. Среднеазиатский регион в применении к данному периоду включает следующие области: Гиркания, Парфия, Маргиана, Арея, Бактрия, Согдиана, Паропамисады. Кроме того, с ними были тесно связаны также еще три историко-культурные области: Мидия, примыкающая к нему с запада, и Драангиана и Арахосия, расположенные на южных границах региона. В эллинистическую эпоху все они достаточно часто составляли определенное политико-административное единство, определявшееся термином «верхние сатрапии». Они представляли и в историко-культурном отношении аналогичное единство, достаточно отчетливо отличающееся от граничащих с ним регионов. Все эти области населяли земледельческие ираноязычные народы. С юго-востока с ними соседствовали индийцы, с запада – семиты Вавилонии, наконец, культурно они достаточно сильно отличались от своих соседей с юга, правда, также ираноязычных обитателей Персиды, Сузианы, Гедрозии и Кармании. Точно так же они отличались и от своих северных соседей, основная часть которых (саки, массагеты, даи (дахи) и т.д.) – кочевники.

Таким образом, и культурно и политически этот регион представлял собой определенное единство. Он отличался от соседних регионов, и события, происходившие там, как правило, задевали в той или иной степени все области этого региона. Поэтому нам представляется, что политические события времени походов Александра Македонского на Восток должны быть рассмотрены в данной работе в рамках единого подхода.

Вторая задача нашей работы состоит в анализе генезиса эллинизма в среднеазиатском регионе, что представляет собой также достаточно важную проблему, которая тоже еще не нашла достаточно убедительного решения.

Естественно, что наша задача состоит в том, чтобы исследовать судьбы как сатрапов, назначенных еще в период власти Дария III , так и тех, кто получил свои посты уже при Александре, поскольку очень часто это одни и те же лица.

Тем хронологическим репером, с которого необходимо начинать наше исследование, является битва при Гавгамелах[6]. Тогда впервые основную часть персидской армии составили контингенты, приведенные сюда правителями восточной части империи. До этого момента, кажется, они сколько-нибудь серьезного участия в военных действиях не принимали. Наиболее подробный список этих сатрапов с их отрядами содержится в труде Арриана[7]. Он, видимо, был основан на серьезной документальной базе, поскольку, как известно, в числе прочих трофеев, в распоряжении штаба Александра оказалась и диспозиция персидской армии[8]. Среди руководителей армии Дария III, естественно, на-

ходились сатрапы, поскольку, в соответствии с ахеменидской практикой, именно они должны были командовать теми контингентами, которые они привели в царскую армию из своих областей.

Арриан упоминает следующих сатрапов Востока: на первом месте среди них упоминается Бесс, сатрап бактрийской земли (ὁ τῆς Βακτρίων χώρας σατράπης), который командовал бактрийцами, согдианами и индами, «соседями бактрийцев»; затем следует Барсаент, сатрап арахотов (’Αραχωτῶν σατράπης), который привел, помимо арахотов, также «так называемых горных индов»; Сатибарзан, являвшийся сатрапом жителей Арии (’Αρείων σατράπης), предводительствовал отрядами из своей области; Фратоферн (в данном месте не говорится о том, что он занимал пост сатрапа) командовал парфянами, гирканами и тапурами (Παρθυαίους, ‘Υρκανίους, Ταπείρους); наконец, мидянами (Μήδων) (с которыми вместе были также кадусии, албаны и сакесины) руководил Атропат, сатрапский ранг которого также в данном месте не упоминается (Arr. III, 8, 3-4).

Тому факту, что несколько из перечисленных руководителей воинских контингентов не названы сатрапами, видимо, не нужно придавать серьезного значения, поскольку в дальнейшем изложении все они (в том или ином контексте) определяются как сатрапы.

Не предвосхищая сейчас решение вопроса, обратим внимание на то, что из трех персидских правителей, которые четко определены как сатрапы (Бесс, Барсаент и Сатибарзан), два последних обозначены через посредство названия этноса: сатрап арахотов и сатрап ареев, в то время как первый обозначен через посредство географического термина: «сатрап бактрийской земли». К этому можно добавить также то, что все остальные предводители войск определяются таким же образом, как Барсаент и Сатибарзан. Таким образом, Бесс является определенным исключением. Можно предполагать, что «бактрийская земля», сатрапом которой он являлся, была более полиэтнична, чем все остальные восточные сатрапии, а также, видимо, обладала большими размерами. Она, по всей видимости, охватывала также Маргиану[9], Согдиану[10] и территорию «индов, соседей бактрийцев».

Сатрапы, назначенные Дарием.

Бесс[11]. Как мы только что указывали, впервые Бесс упомянут в списке руководителей войск Дария перед битвой при Гавгамелах (см. также Curt. Ruf. IV, 6, 2). Затем о нем говорится как о префекте (πραεφεχτυσ) бактрийской страны и руководителе бактрийских отрядов в период отступления из Экбатан (Curt. Ruf. V, 8, 4)[12]. Следующие сообщения о Бессе появляются в рассказх Арриана и Курция Руфа позднее – уже в связи с описанием заговора против Дария[13]. Курций Руф упоминает о Бессе и Набарзане, заключивших союз и решивших захватить Дария (Curt. Ruf. V, 9, 2). Этот автор достаточно подробно рассказывает о попытках Набарзана и Бесса уговорить Дария добровольно отречься от власти и об отказе последнего (Curt. Ruf. V, 9, 3-10), о расколе в армии (между персами и бактрийцами)[14], предложении руководителя греков-наемников взять на себя защиту царя (Curt. Ruf. V, 9, 14-17) и т.д. В конце концов царь Дарий был арестован группой заговорщиков во главе с Набарзаном (Curt. Ruf. V, 10, 10-15; 11, 1-12; 12, 1-20).

В рассказе Арриана, далеко не столь драматичном и лишенном подробностей, говорится только о том, что несколько перебежчиков (Багистан, знатный вавилонянин, и Антибел, один из сыновей Мазея) сообщили Александру, что Бесс совместно с Набарзаном, «хилиархом всадников, бежавших вместе с Дарием» (χιλιάρχης τῶν ξὺν Δαρείῳ φευγόντων ἱππέων), и Барсаентом, сатрапом арахотов и драгнов, арестовал Дария (Arr. III , 21, 1). Курций Руф также дает информацию о перебежчиках и их рассказе (Curt. Ruf. V, 13, 3). У Плутарха эти события отражены всего в нескольких словах, он говорит о захвате Дария Бессом (Plut. Alex. 42).

В ходе преследования Александр узнает, что от Дария «власть перешла к Бессу» (Βήσσῳ δὲ ’αντὶ Δαρείου εἶναι τὸ κράτος). Провозгласили «гегемоном» Бесса бактрийские всадники и прочие варвары, бежавшие с Дарием (καὶ ἡγεμόνα ὠνομάσθαι Βῆσσον πρός τε τῶν Βακτρίων ἱππέων καὶ τῶν ”αλλων ὅσοι

βάρβαροι ξυνέφευγον Δαρείῳ). Далее добавляется: «Кроме Артабаза, Артабазовых сыновей и наемников эллинов». (Arr. III, 21, 4). Необходимо обратить внимание на то, что это был первый этап официального признания власти Бесса – он был объявлен гегемоном. Видимо, за этим греческим словом скрывается какой-то персидский термин, но мы не решаемся делать предположения по этому поводу. На этом этапе не шла речь о провозглашении его царем.

Тогда же была получена информация и о планах заговорщиков. Эти планы предусматривали две возможности развития событий: 1) если Александр продолжит преследование, то они выдадут Дария македонскому царю и получат за это вознаграждение; 2) если же Александр повернет назад, то они «соберут самое большое войско, какое только смогут, и сообща закрепят за собой власть» (τοὺς δὲ στρατιάν τε ξυλλέγειν ὅσην πλείστην δύναιντο και διασώζειν ἐς τὸ κοινὸν τὴν ἀρχήν – Arr. III, 21, 5). Несколько иными словами, но примерно то же самое пишет и Курций Руф (Curt. Ruf. V, 10, 4-6)[15].

Второй пункт этого плана, с нашей точки зрения, очень важен. Он показывает, что, несмотря на провозглашение Бесса гегемоном, власть его была отнюдь не полной. Другие сатрапы и, возможно, представители верхушки персов, которые находились при остатках армии, не хотели единовластного правления и рассчитывали на участие в управлении еще не завоеванной Александром части державы Ахеменидов[16]. В раннеэллинистическое время мы сталкиваемся с похожей ситуацией – созданием союза сатрапов этого региона (см. ниже).

Нам хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в списке заговорщиков у Арриана представлен следующий порядок: Набарзан, Бесс, Барсаент. Вряд ли этот список является случайным. У Курция Руфа также на первое место выведен Набарзан. Но в рассказе о собственно моменте убийства упоминается Бесс и «остальные враги», не названные в тексте. Но из следующей ремарки становится ясным, что вдохновителем заговора все-таки был Бесс[17].

Не ясно, почему заговорщики изменили свой план. Поскольку Александр не прекратил преследования, они, в соответствии со своим планом, должны были сдать арестованного царя завоевателю. Они, однако, предпочли убить его. Согласно свидетельству Арриана, «Бесс и его единомышленники старались увезти с собой в повозке Дария, но когда Александр уже совсем настигал их, Сатибарзан и Барсаент, нанеся Дарию множество ран, бросили его и сами бежали с 600 всадников. Дарий немного спустя умер от ран…» (Βῆσσος δὲ καὶ οἱ ξὺν αὐτῷ τέως μὲν ἐφ᾽ ἁρμαμάξης Δαρεῖον μετὰ σφῶν ἐκόμιζον. ὡς δὲ ὁμοῦ ἤδη Ἀλέξανδρος, Δαρεῖον μὲν Σατιβαρζάνης καὶ Βαρσαέντης κατατρώσαντες αὐτοῦ ἀπέλιπον, αὐτοὶ δὲ ἔφυγον ξὺν ἱππεῦσιν ἑξακοσίος. Δαρεῖος δὲ ἀποθνήσκει ὀλίγον ὕστερον ἐκ τῶν τραυμάτων… – Arr. III, 21, 10). Очень красочный рассказа Курция Руфа, наполненный драматическими подробностями, в своих основных чертах совпадает с тем, что писал Арриан (Curt. Ruf . V, 12, 15-17). В рассказе Диодора объединены два эпизода: захват Дария Бессом и его убийство: «Во время этого отступления он [Дарий] был захвачен Бессом, сатрапом Бактрии, и изменнически убит» (Diod. XVII, 73).

В информации Арриана особое внимание привлекает тот факт, что конкретными убийцами Дария являются Сатибарзан и Барсаент, Бесс же, как кажется, прямого участия в убийстве не принимал. Но, по Курцию Руфу, Бесс также прямо участвовал в убийстве.

Следующая информация о Бессе появляется в описании событий, происшедших, когда Александр двинулся через Парфию в направлении Бактрии. Александру «какие-то персы» принесли сведения о деятельности Бесса: он «одел высокую тиару и персидскую столу, называет себя не Бессом, а Артаксерксом, и говорит, что он царь Азии» (Βῆσσον τήν τε τιάραν ὀρθὴν ἔχειν καὶ τὴν Περσικὴν στολὴν φοροῦντα Ἀρταξέξην τε καλεῖσθαι ἀντὶ Βήσσου καὶ βασιλέα τῆς Ἀσίας). Эти персы также сообщили, что вокруг него объединились «персы, бежавшие в Бактрию, много бактрийцев», а так-

же он ожидает «прихода союзников-скифов» (Arr. III, 25, 3). Информация Курция Руфа, хотя и несколько более краткая, в целом совпадает с тем, что написал Арриан (Curt. Ruf. VI, 6, 13).

Некоторую дополнительную информацию о поведении Бесса сообщает Диодор: «Бесс после смерти Дария, ускользнув от Александра вместе с Набарзаном, Барсаентом и многими другими, добрался до Бактрии, сатрапом которой его назначил Дарий. Народ поэтому его знал (γνώριμος διὰ τὴν ᾽αρχὴν), и он стал призывать его к защите своей свободы (τῆς ᾽ελευθερίας ᾽αντέχεσθαι). Он указывал, что сама земля их во многом будет им помощницей: она недоступна, и населения в ней достаточно, чтобы приобрести независимость (εἰς κατάκτησαν τῆς αὐτονομίας). Он заявил, что будет предводителем на войне; уговорил народ и объявил себя царем (τὸ πλῆθος πείσας ἀνέδειξεν ἑαυτὸν βασιλέα); набирал солдат, заготовлял много вооружения и ревностно занимался тем, что насущно требовалось в данный момент» (Diod. XVII, 74, 1-2). Позднее Диодор еще раз говорит о том, что Бесс провозгласил себя царем (Diod. XVII, 83, 7).

Сопоставление этих сведений показывает, что Бесс решился провозгласить себя царем только тогда, когда оказался на территории своей сатрапии. Определенное значение имела поддержка его со стороны местного населения, точнее – местной знати. Несмотря на то, что Бесс провозгласил себя царем Азии, то есть прямым преемником Дария, программа восстановления власти над всей территорией государства не ставилась, задача Бесса, как он объяснял своим подданным, состояла в отстаивании независимости Бактрии.

Непосредственный поход против Бактрии и Бесса Александру пришлось отложить, так как ему нужно было справиться с ситуацией в Арее, Драангиане и Арахосии. Только после завершения этого этапа похода он смог двинуться в Бактрию (Arr. III, 28, 1-3). Арриан описывает силы Бесса и его действия при приближении Александра. В распоряжении Бесса было некоторое количество персов (видимо, остатки армии Дария), около 7000 бактрийцев и некоторое количество даев («народ, живущий за Танаисом».). Аналогичная информация содержится и у Курция Руфа (Curt. Ruf. VII, 4, 1-19). Бесс постарался опустошить южную Бактрию (территория от Гиндукуша до Аму-Дарьи), чтобы затруднить движение македонской армии (Arr. III , 28, 8). Затем он, узнав о том, что эти его мероприятия не помогают, ушел далее на север, переправившись через Окс (Аму-Дарью). Чтобы помешать Александру, он сжег все корабли, имевшиеся на этой реке (Arr. III, 28, 9). Дальнейшее движение его было дальше на север – «в согдийскую землю, в Навтаки». Результатом этого был уход от него бактрийских всадников, разошедшихся по домам. Согласно Арриану, с Бессом остались только Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса (Arr. III, 28, 10). Примерно та же самая информация содержится и в труде Курция Руфа (Curt. Ruf. VII, 4, 20-21).

В дальнейшем жизнь Бесса определялась усилившимися разногласиями в его лагере (Curt. Ruf. VII, 5, 19-20). Представители Спитамена и Датаферна сообщили Александру (войска которого приблизились к расположению лагеря Бесса), что последний уже захвачен заговорщиками и они готовы сдать его (Arr. III, 29, 6; Curt. Ruf. VII, 5, 21-26). Александр отправил для пленения Бесса отряд под командованием Птолемея, сына Лага (Arr. III, 29, 7). Затем Бесс был захвачен, хотя Спитамен и постыдился лично передать его македонянам (Arr. III, 30, 1-2). Такова была версия Птолемея. Аристобул же указывает на то, что сами Спитамен и Датаферн сдали Бесса Птолемею (Arr. III, 30, 5). Последняя версия кажется нам более справедливой. По приказу Александра Македонского Бесс был приведен к нему голым и в ошейнике (Arr. III, 30, 3). Македонский царь принародно обвинил его в аресте, а затем убийстве Дария, который был не только царем, но и родственником Бесса. Ответ последнего, согласно Арриану, состоял в том, что таково было решение всей свиты Дария. Они рассчитывали таким образом получить благодарность Александра. По приказу Александра Бесса подвергли бичеванию и отправили в Бактры на казнь, кроме того было также приказано широко объявить о тех обвинениях, которые Александр предъявил Бессу (Arr. III, 30, 5). Чуть-чуть иная информация содер-

жится у Диодора: он также говорит о разногласиях в лагере Бесса, но относит их ко времени провозглашения Бесса царем. Он упоминает о жертвах богам, о пире и о его ссоре с одним из его друзей – Гобареном. Бесс готов был убить последнего. Только уговоры друзей смягчили его гнев. Гобарен бежит к Александру. Пример Гобарена оказался соблазнительным, и «главные военачальники», соблазнившись дарами, обещанными Александром, схватили Бесса и отвезли его к Александру (Diod. XVII, 83, 7-8). Таким образом, Диодор подтверждает версию Аристобула. Близкие подробности имеются и у Курция Руфа.

Последний раз Бесс появляется в сцене суда в Зариаспах. Александр Македонский собрал совет, обвинил перед ним Бесса в измене, приказал отрубить ему нос и кончики ушей и в таком виде отправить на казнь в Экбатаны, чтобы толпы персов и мидян видели ее (Arr. IV, 7, 3). Курций Руф также сообщает о том, что Бесса отправили на казнь в Экбатаны (Curt. Ruf. VII, 10, 10).

О казни Бесса подробно говорит Плутарх: «он [Александр] казнил его лютой смертью: два стройных дерева согнули вершиной к вершине; убийцу [т.е. Бесса] привязали к обоим, затем деревья отпустили; они стремительно выпрямились, разорвав тело пополам (Plut. Alex . 43). У Диодора несколько иной вариант гибели Бесса: Александр «Бесса передал на казнь брату Дария и другим его родственникам. Они всячески издевались над ним и увечили его: разрубали тело на маленькие куски и стреляли кусками из пращей» (Diod. XVII, 83, 9).

Таким образом, мы видим одну из моделей поведения среднеазиатского сатрапа в период завоеваний Александра Македонского. Впервые сталкивается с греками и македонянами он в битве при Гавгамелах, остается с Дарием в Экбатанах в то время, когда македонская армия совершает поход в Сузиану и Персиду. Во время отступления из Экбатан он организует заговор против царя. Видимо, он занимает в нем ведущее место, как родственник царя, правитель самой большой и могущественной сатрапии, которая должна была стать основой сопротивления против Александра. Вполне возможно, что Бесс мог иметь какие-то полномочия, позволявшие ему в какой-то степени влиять на остальные восточные сатрапии. Не совсем ясны методы действий заговорщиков, поскольку они действовали по-иному, нежели планировали. Вполне возможно, что сам Бесс лично не участвовал в убийстве Дария.

Первоначально Бесс был провозглашен гегемоном, – видимо, военным руководителем объединенных сил восточных сатрапий. На этом этапе речь шла, кажется, о союзе сатрапов, которые должны были сообща отстаивать независимость этого огромного региона от Александра.

Царем же Бесс провозгласил себя, только оказавшись на территории Бактрии. Тогда он принял тронное имя Артаксеркс. Попытки организовать сопротивление оказались малоуспешными, среди сторонников Бесса усилились разногласия, и как только он покинул Бактрию, он был сдан Александру своими соратниками.

В связи с этим необходимо сделать одно замечание. В литературе, особенно западной, при описании событий времени похода Александра Македонского, очень часто присутствует специально не оговариваемое, но постоянно подразумеваемое уравнение «перс» = «иранец». Однако эта мысль вряд ли справедлива. Персы являлись господствующим этносом, даже мидийцы не были уравнены в правах с ними. Еще ниже было положение других ираноязычных этносов. В таких условиях рассчитывать на то, что бактрийцы, согдийцы, арахоты или парфяне будут стремиться к воссозданию власти представителя династии Ахеменидов было бы чересчур самонадеянно. Союз между Бессом и представителями местной знати, такими, как Спитамен, мог быть только временным и не очень прочным.

Жестокая казнь Бесса была рассчитана, главным образом, на мидийцев и персов. Александр выступал мстителем за законного царя, убитого заговорщиками, что, как он думал, усиливало его легитимность[18].

Сатибарзан[19]. Сатрапом Ареи, приведшим свои контингенты к Гавгамелам, являлся Сатибарзан (Σατιβαρζάνης δὲ ὁ Ἀρείων σατράπης – Arr. III, 8, 4). В дальнейшем он упоминается в источниках только в связи с заговором против Дария. По свидетельству Арриана, именно он вместе с Барсаентом нанес роковые раны Дарию (Arr. III, 21, 10). Позднее Сатибарзан сдается Александру. Арриан довольно подробно описывает этот эпизод: «он [Александр] пошел к парфиям (ἐπὶ Παρθυαίους), а оттуда к границам Арии и в Сузию, город Арея (ἐπὶ τὰ τῆς Ἀρείας ὅρια καὶ Σουσίαν, πόλιν τῆς Ἀρείας), куда явился к нему Сатибарзан, сатрап ариев» (Arr. III, 25, 1). Далее Арриан пишет, что Александр оставил ему сатрапию (τούτῳ μὲν δὴ τὴν σατραπείον ἀποδοὺς). Факт сохранения за Сатибарзаном поста сатрапа подтверждает и Курций Руф (Curt. Ruf. VI, 6, 13).

Однако Александр оставил в сатрапии отряд (числом в 40 человек) всадников[20]. Официальная причина этого состояла в том, чтобы этот отряд обеспечивал безопасность местного населения от проходящих через его территорию македонских войск (Arr. III, 25, 2). Думается, однако, что это подразделение, которое было размещено по отдельным селениям, должно было в первую очередь наблюдать за ситуацией во вновь завоеванной провинции. В этом убеждает нас как небольшое число воинов, так и то, что во главе их был поставлен достаточно высокопоставленный македонец – Анаксипп, один из «друзей». Для того, чтобы наблюдать за ситуацией, этого отряда было достаточно, и во главе его должен был находиться человек, достаточно высокопоставленный и опытный.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Сатибарзан – один из убийц Дария – никак не был за это наказан. Наоборот, за ним сохранили его сатрапию. Видимо, главное отличие его от Бесса состояло в том, что он в этот момент не поддержал претензий Бесса на царскую власть и сам на нее не претендовал. Характерно, что информация о провозглашении Бесса царем представлена Аррианом сразу же за рассказом о судьбе Сатибарзана. Взаимосвязь двух событий очевидна.

Дальнейшие события в Арее также переданы Аррианом достаточно подробно. Сатибарзан убил Анаксиппа и его воинов, вооружил население своей сатрапии и собрал войска в Артакаоне, где находился царский дворец (ἵνα τὸ βασίλειον ἦν τῶν Ἀρείων). Он хотел со своими войсками идти на соединение с Бессом, чтобы сражаться с македонянами (Arr. III, 25, 5). О восстании Сатибарзана сообщает и Курций Руф, указывая, что информацию об этом Александр получил от ближайших сатрапов (Curt. Ruf. VI, 6, 20). Александр, готовившийся в это время к походу в Бактрию, остановил войска, собрал отряд, способный к быстрым маневренным действиям, и отправился с ним в Арею. Когда эти силы неожиданно быстро оказались у Артакаоны, Сатибарзан бежал с небольшим числом всадников-ареев (ξὺν ὀλίγοις ἱππιεῦσι τῶν Ἀρείων ἔφυγε). Большая же часть его войска (τῶν πολλῶν στρατιωτῶν) его покинула. Курций Руф пишет о бегстве Сатибарзана с отрядом из 2000 всадников и о том, что остальные повстанцы укрылись на горе. Там, по его сведениям, было до 13000 воинов (Curt. Ruf. VI, 6, 22-25). Далее он сообщает об осаде и мучительной гибели осажденных (Curt . Ruf. VI, 6, 27-32). Затем он рассказывает о сдаче Артакаоны (Curt. Ruf. VI, 6, 33-34).

Александр провел строгое следствие по поводу восстания, одних из участников он казнил, других продал в рабство. Он также назначил нового сатрапа (Arr. III, 25, 7). Имя его Арриан не называет, точно так же поступает и Курций Руф (Curt. Ruf. VII, 3, 1). Несколько (но не значительно) иную информацию сообщает Диодор. Он сообщает, что после убийства оставленных в Арее македонских воинов Сатибарзан «сговорился» с Бессом. Город, вокруг которого происходят основные события, Диодор называет Хартаканы. Сатибарзан побоялся сражаться с македонянами и с отрядом в 2000 всадников бежал к Бессу, приказав остальным войскам уйти на некую гору, удобную для обороны. Тем не менее повстанцы были разгромлены войсками Александра, а в течение следующих 30 дней армия Александра захватила все города этой сатрапии (Diod. XVII, 78).

Последний раз в наших источниках Сатибарзан появляется в связи с новым восстанием в Арее, которое произошло несколько позднее. По свидетельству Арриана, жители

этой области опять восстали, когда в нее вернулся Сатибарзан с 2000 всадников, которых он получил от Бесса (Arr. III, 28, 2). Для подавления восстания Александр послал значительные силы, во главе которых находился перс Артабаз, двое его «друзей» (Эригий и Каран), а кроме того, сатрап Парфии Фратаферн. Курций Руф также говорит о появлении в Арее Сатибарзана, «перешедшего на сторону Бесса» (qui ad Bessum defecerat) с отрядом конницы. Правда, в списке посланных против Сатибарзана лиц у него имеется некоторое расхождение со списком Арриана. Список Курция выглядит следующим образом: Коран, Эригий, Артабаз и Андроник (Curt. Ruf. VII, 3, 2). В решительном сражении сам Сатибарзан и Эригий погибают. Это поражение привело к прекращению сопротивления в Арее (Arr. III, 28, 3). Информация Диодора несколько более красочна, но в ней одновременно отсутствуют некоторые важные детали, которые содержатся в тексте Арриана. Он, в частности, сообщает о том, что Сатибарзан прибыл с «большим конным войском». Цифры Диодор не называет. Кроме того, Диодор отмечает, что Сатибарзан «убедил тамошнее население отпасть от Александра». Руководителями македонского отряда, посланного на подавление восстания, Диодор называет Эригия и Стасанора. Характерно, что ни Фратоферна, ни Артабаза Диодор не упоминает (Diod. XVII, 81, 3). Само подавление восстания передано очень красочно. Диодор говорит о том, что в Арее македонян встретили значительные силы повстанцев. Он очень положительно характеризует Сатибарзана, как «опытного военачальника и мужественного человека». Далее рассказывается о неоднократных стычках и, наконец, о разразившемся генеральном сражении. Поскольку ни одна из сторон не могла добиться успеха, Сатибарзан, «сняв с себя шлем», вызвал на поединок любого из стратегов македонян. Ответил ему Эригий. В поединке Эригий победил, и устрашенные варвары сдались, рассчитывая на то, что они сохранят свои жизни. Таким образом, в отличие от версии Арриана, македонян здесь победил, а не погиб. Та же самая информация, даже еще немного более красочная, содержится и у Курция Руфа (Curt. Ruf. VII, 4, 32-38).

Таким образом, Сатибарзан оказывал серьезное сопротивление Александру. Не совсем ясно, была ли его сдача Александру уловкой, рассчитанной на обман царя, или диктовалась действительным желанием прекратить войну и сохранить за собой власть в сатрапии при новом верховном владыке. Позволим себе предположить, что действия Сатибарзана определялись желанием сохранить власть. Видимо, определенную роль сыграло и провозглашение Бесса себя царем. В данной ситуации Сатибарзан предпочел подчиняться Александру, а не Бессу.

Однако тот факт, что Александр оставил «наблюдателей», которые должны были контролировать его действия, показали ему, что его власть – очень условна. Потерпев поражение в первой своей попытке сохранить независимость, Сатибарзан предпочел ориентироваться на Бесса, став его «вассалом». В тех условиях, когда силы Бесса еще не были сломлены, сатрап Ареи по всей видимости предпочел ориентироваться на последнего, рассчитывая, что Бесс не сможет его контролировать так, как Александр. Обратим также внимание на то обстоятельство, что поддержка жителей Ареи Сатибарзану была обеспечена только на территории страны. Наконец, подчеркнем то, о чем писали выше – Сатибарзан не обвинялся в убийстве Дария.

Барсаент[21]. Этот сатрап также впервые упоминается Аррианом в связи с битвой при Гавгамелах: Барсаент, сатрап Арахосии, который привел и арахотов, и так называемых горных индов (Arr. III, 8, 4). Позднее, он упоминается как один из участников заговора против Дария. В данном случае он определяется как сатрап арахотов и дрангов (Βαρσαέντης ὁ Ἀραχωτῶν καὶ Δραγγῶν σατράπης). По всей видимости, дранги равнозначны горным индам. Барсаент был одним из тех, кто принимал участие в аресте Дария (Arr. III, 21, 1). Несколько позднее о нем сообщается, что он (вместе с Сатибарзаном) нанес Дарию множество ран, от чего последний скончался (Arr. III, 21, 10). Диодор говорит о Барсаенте только один раз – сообщая о том, что Барсаент вместе с Бессом и Набарзаном после убийства Дария добрался до Бактрии (Diod. XVII, 74, 1). По-видимому, данное сообщение не совсем верно. Судя по более развернутой информации Арриа-

на, Барсаент после убийства Дария отправился в собственную сатрапию. Последнее сообщение о Барсаенте в труде Арриана связано с походом Александра (после первого отпадения Ареи) в страну зарангов (Ζαραγγαίων χώραν), что явно значит «страну драгов». Александр достиг того места, «где находился дворец их царей» (τὰ βασίλεια τῶν Ζαραγγαίων). Барсаент, «управлявший тогда этой страной» (Βαρσαέντης δέ, ὃς τότε κατεῖχε τὴν χώραν), который был одним из убийц Дария, бежал к индам, жившим за рекой Инд. Однако это не принесло ему спасения. Инды поймали его и отослали Александру. Последний же казнил его за измену Дарию (Arr. III, 25, 8). Курций Руф уделяет гораздо меньше внимания Барсаенту. Он ничего не говорит о нем в связи с заговором против Дария и даже в рассказе о покорении арахозиев не называет его имени (Curt. Ruf. VII, 3, 4).

Необходимо указать на то, что Барсаент практически не оказал сопротивления Александру. Если сопоставить отношение Александра к Барсаенту и Сатибарзану, то при равной вине обоих, первый был казнен за предательство Дария, а второго за это даже не упрекали. Разница, видимо, объясняется тем, что первый сдался Александру (искренне или притворно – в данном случае это не важно), а второй – нет. Сдача Александру практически снимала вину в цареубийстве.

Фратаферн[22]. Другую модель поведения демонстрирует сатрап Парфии Фратоферн. Впервые он появляется в источниках в рассказе Арриана о подготовке Дария к сражению при Гавгамелах. Согласно свидетельству этого автора, «парфян, гирканов и тапуров – это все конники – привел Фратаферн» (Arr. III, 8, 4). Судя по контексту, Фратаферн был сатрапом этих территорий, поскольку, как правило, соответствующие контингенты находились под командой своих сатрапов. Этот вывод подтверждается в рассказе о последующих событиях. Следующий раз он упоминается тем же автором в рассказе о пребывании Александра в Гиркании (в 330 г. до н.э.): «здесь к нему явились и сдались Набарзан, Дариев хилиарх, Фратаферн, сатрап Гиркании и Парфии, и другие виднейшие персы из свиты Дария» (Arr. III, 23, 4). Информацию Арриана подтверждает и Курций Руф. Он говорит о сдаче Фратаферна именно в это время и в этом же месте, но не уточняет того поста, который он занимал при Дарии (Curt. Ruf. VI, 4, 23).

Кажется, первоначально Фратаферн не получил никакого административного назначения, поскольку, по свидетельству Арриана, «сатрапом парфиев и гирканов он [Александр] назначил парфия Амминапа, одного из тех, кто вместе с Мазаком сдал ему Египет. Тлеполема, сына Пифофана, одного из «друзей», он поставил наблюдать за тем, что делается в Парфии и Гиркании» (Arr. III, 22, 1)[23]. Правда, Курций Руф дает несколько иную информацию. Он пишет о том, что сатрапом Гиркании был назначен Манап (Curt. Ruf. VI, 4, 23). Видимо, однако, речь идет об одном и том же персонаже, поскольку имена достаточно схожи (Амминап и Манап).

Вскоре Фратаферн возвращает себе свой предыдущий пост (в начале 329 г. до н.э.). Считается, что это назначение было связано с необходимостью противостоять агитации сторонников Бесса, назначившего своего сатрапа Бразана в Парфию (Arr. IV, 7, 1)[24]. Фратаферн, обладавший значительным влиянием и огромными связями в той области, которой он ранее управлял, подходил для этой цели больше, чем Атминап[25]. Успешность действий Фратаферна доказывается тем, что вскоре он вместе с несколькими военачальниками Александра участвует в подавлении восстания в Арии (Arr. III, 28, 2; IV, 18, 1-3; Curt. Ruf. VIII, 3, 17). Видимо, после этого он (упоминаемый как парфянский сатрап) прибыл ко двору Александра во время пребывания его в Зариаспах) (Arr. IV, 7, 1)[26]. Несколько позднее тот же самый Фратаферн как сатрап парфиев упоминается в связи с поручением, данным ему Александром, – привести сатрапа мардов и тапуров Автофрадата, который не являлся, несмотря на приказы царя (Arr. IV, 18, 1-2). У Курция Руфа имеется схожая информация. Он сообщает, что Фратаферн был назначен на место Фрадата, который управлял Гирканией, мардами и тапурами. Фрадат был наказан за обиды, которые он наносил «подчиненным по своей алчности и высокомерию» (Curt. VIII, 3, 16)[27]. Предполагается, что именно в это время Фратаферн в награду за свою верность получил в

управление, помимо Парфии, Гирканию, мардов и тапуров. Это связывается с тем обстоятельством, что в начале войны в Средней Азии Александр предпочитал малые сатрапии, которыми было легче управлять в условиях войны и вражеской агитации. После того, как прямая и непосредственная угроза миновала, он вернулся к ахеменидской системе больших сатрапий, которые вручались сатрапам, доказавшим свою верность[28].

Еще раз Фратаферн (как сатрап Парфии и Гиркании) приходил к Александру, когда тот находился в Индии. Он привел тогда оставленных у него фракийцев (Arr. V, 20, 7). Во время возвращения Александра из Индии (во время пребывания в Кармании) к нему прибыл сын Фратаферна, сатрапа Парфии и Гиркании, Фарисман, доставивший продовольствие македонской армии, как сообщает об этом Арриан (Arr. VI, 27, 3)[29]. Более красочную картину рисует Курций Руф. По его мнению, голод в армии Александра – результат действий самого царя. Поэтому «царь, мучимый горем и стыдом, поскольку он был причиной стольких страданий, отправил людей к сатрапу парфиев Фратаферну, чтобы он доставил ему на верблюдах сухого провианта; и других начальников ближайших провинций он оповестил о своем бедствии. И те не замедлили прийти на помощь. Таким образом, спасенное войско было, наконец, приведено в пределы Кедрозии» (Curt. Ruf. IX, 10, 17).

Доверием Александра пользовались и дети Фратаферна. Во время армейской реформы, когда в состав армии были введены персы, в число воинов агемы были включены Сисин и Фрадасман, сыновья сатрапа Парфии и Гиркании (Arr. VII, 6, 4).

Таким образом, несомненно, что большую часть царствования Александра Парфия и Гиркания находились под управлением Фратаферна, который выполнял ряд очень ответственных поручений царя и пользовался его доверием[30]. Это доверие распространялось и на его сыновей.

Атропат[31]. Согласно свидетельствам Арриана, мидянами в битве при Гавгамелах командовал Атропат (Μήδων δὲ ἡγεῖτο Ἀτροπάτης), что с несомненностью свидетельствует о том, что он был сатрапом этой области. Вместе с мидянами в его войсках сражались кадусии, албаны и сакесины (Arr. III, 8, 4). Следующий раз Атропат упоминается Аррианом значительно позднее, когда Александр уже находился в глубине Средней Азии. Арриан сообщает, что македонский царь послал Атропата занять должность сатрапа Мидии, так как ранее назначенный им на эту должность Оксидат, по его мнению, против него злоумышлял (Arr. III, 18, 3). Исходя из этого, мы можем предполагать, что Атропат ранее изъявил свою покорность Александру и некоторое время находился как бы в «резерве». Ситуация с Атропатом несколько напоминает в этом отношении ситуацию с Фратаферном, который также не сразу был назначен на свой прежний пост.

Следующий раз в тексте Арриана Атропат появляется еще через несколько лет, когда Александр уже возвращался из Индии. Когда Александр находился в Пасаргадах, к нему прибыл Атропат, сатрап Мидии: «он привел с собой мидянина Бариакса, захваченного потому, что он надел прямую кидару и объявил себя царем персов и мидян. Схвачены были с ним и другие участники восстания и заговора. Александр велел всех казнить» (Arr. VI, 29, 3). Особенно важно то обстоятельство, что македонские военачальники, находившиеся в это же время в Экбатанах, Александром были наказаны за неэффективность в их деятельности[32].

Несколько позднее, уже во время пребывания в Сузах, Атропат получил приказ вернуться в свою сатрапию (Arr. VII, 4, 1). Важная роль, играемая Атропатом, явственно проявилась во время торжественной церемонии массового бракосочетания, имевшей место в Сузах. Дочь Атропата стала женой Пердикки – будущего преемника Александра (Arr. VII, 4, 5). Еще раз Атропат появляется в описании анекдотического случая во время пребывания Александра в Мидии – предоставления Александру Атропатом отряда «амазонок» (Arr. VII, 13, 2-6). Арриан достаточно скептически относился к этим амазонкам, указывая на то, что ни у Аристобула, ни у Птолемея ничего подобного не сообщается. Он склонен рационалистически объяснять этот эпизод: «если Атропат показал Александру женщин-наездниц, то, думаю, показал он ему каких-то варварок, умевших

ездить верхом и одетых в одежду, которая считалась одеждой амазонок» (Arr. VII, 13, 6). Поразительно, но, кажется, Атропат не был упомянут Курцием Руфом ни разу.

Таким образом, мы видим, что, хотя Атропат не сразу занял при Александре тот пост, который он занимал при Ахеменидах, тем не менее, все остальное время он преданно служил царю. Он подавлял местные антимакедонские восстания, пользовался высоким престижем у царя.

Автофрадат (Фрадат) [33]. Хотя, как правило, сатрапы в битве при Гавгамелах командовали отрядами из своих сатрапий, бывали и исключения. Фратаферн, как мы указывали выше, был сатрапом Парфии и Гиркании, но в тексте Арриана упоминается, что вместе с его отрядами были также и тапуры. Видимо, в описании битвы при Гавгамелах у Курция Руфа (IV, 12, 9) он присутствует как Фрадат (Phradates), предводительствующий отрядом каспиев[34].

Свидетельство Арриана о том, что во время пребывания Александра в Гиркании к нему прибыл Автофрадат, сатрап тапуров, показывает, что эта страна имела своего сатрапа[35]. Александр «Автофрадату отдал его сатрапию» (Arr. III, 23, 7). Чуть-чуть иная информация у Курция Руфа. Последний сообщает о том, что Кратер с Эригием «привели с собой Фрадата, главу племени тапуров (praefectum Tapurorum gentis Phradatem); его Александр также принял на милость, и это служило для многих примером милосердия царя» (Curt. Ruf. VI, 4, 24). Несколько ниже Курций Руф пишет, что эта сатрапия была возвращена Фрадату (Curt. Ruf. VI, 4, 25). После завоевания мардов Александр и это племя передал под власть Фрадату (Curt. Ruf. VI, 5, 21)[36].

Однако несколько позднее этот сатрап лишился своего поста. Во время пребывания в Наутаке Александр поручил Фратаферну привести к нему сатрапа мардов и тапуров Автофрадата, который не являлся, несмотря на приказы царя (Arr. IV, 18, 1-2). У Курция Руфа имеется схожая информация. Он сообщает, что Фратаферн был назначен на место Фрадата, который управлял Гирканией, мардами и тапурами. Фрадат был наказан за обиды, которые он наносил «подчиненным по своей алчности и высокомерию» (Curt. VIII, 3, 16). Думается, что информация Арриана более точна. Сатрапия Фрадата, вероятнее всего, стала частью сатрапии Фратаферна. У Курция Руфа имеется информация о казни Фрадата «по подозрению в притязаниях на царскую власть» (Curt. Ruf. X, 1, 38). Правда, неясно, имеется здесь в виду один и тот же человек, или нет[37].

Сатрапы, назначенные Александром.

Источники, описывающие восточную часть похода, упоминают несколько сатрапов, которые были назначены самим Александром. К сожалению, ни об одном из них нет сколько-нибудь подробной информации, их судьбы могут быть обрисованы только очень эскизно.

Оксидат[38]. Оксидат был назначен Александром сатрапом Мидии сразу же после завоевания этой страны. Арриан объясняет причину, по которой он получил свой пост: его «Дарий взял и посадил в Сузах в тюрьму: это обстоятельство внушило Александру доверие к Оксидату (Arr. III, 29, 4). Та же информация содержится и в тексте Курция Руфа: «Оксидат был персидским вельможей (Oxidates erat nobilis Perses), но содержался в оковах, так как Дарий хотел его казнить. Александр, освободив его, назначил его сатрапом в Мидию» (Curt. Ruf. VI, 2, 11). Позднее, однако, он лишил Оксидата поста, поскольку «Оксидат, по его мнению, против него злоумышлял» (Arr. IV, 18, 3). На его место был назначен Атропат.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что, если строго следовать свидетельствам Арриана, то доказательств нелояльности Оксидата не было, были одни подозрения. Предполагать, что Оксидат что-то замышлял против македонской армии, довольно трудно, так как в столице Мидии находились очень значительные вооруженные силы, включая даже часть фаланги, и весьма важные представители царя, включая Пармениона и Гарпала. Вполне вероятным кажется, что Оксидат был лишен поста за «недостаточный энтузиазм» в борьбе с эмиссарами Бесса[39]

Арсак[40]. Согласно свидетельству Арриана, он был назначен сатрапом Ареи после подавления второго выступления Сатибарзана (в котором тот погиб): «сатрапом ариев он назначил Арсака перса» (Arr. III, 25, 7)[41]. Однако уже вскоре он был смещен. По свидетельству того же Арриана, во время пребывания македонской армии в южной Бактрии, еще до переправы через Окс, Александр «отправил к ариям Стасанора из Сол, одного из «друзей», приказав ему арестовать Арсака, сатрапа ариев» и «занять его место». Причиной этого было то, что Александру «казалось, что Арсак злоумышляет против него» (Arr. III, 29, 5). Дальнейшая информация также сообщена Аррианом. В период пребывания Александра в Зариаспах, Стасанор прибыл к нему, приведя закованного в цепи Арсака (Arr. IV, 7, 21). Дальнейшая его судьба не известна. Курций Руф сообщает, что Арсак был послан в Мидию, чтобы заменить там Оксидата (Curt. Ruf. VIII, 3, 17), что кажется явной ошибкой.

Иногда утверждается, что причиной смещения Арсака была его малая эффективность в борьбе с Сатибарзаном[42], однако, это мнение не точно, так как Арсак был назначен на свой пост только после подавления второго выступления.

В этой информации нас привлекают два момента: 1) твердой уверенности в неверности Арсака не было, были только подозрения, однако, этого вполне хватило для смещения ранее назначенного сатрапа; 2) заменил Арсака не иранец, а грек.

Амминап (Манап)[43]. По свидетельству Арриана, «сатрапом парфиев и гирканов он [Александр] назначил парфия Амминапа (’Αμμινάπην), одного из тех, кто вместе с Мазаком сдал ему Египет. Тлеполема, сына Пифофана, одного из «друзей», он поставил наблюдать за тем, что делается в Парфии и Гиркании» (Arr. III, 22, 1). Правда, Курций Руф дает несколько иную информацию. Он пишет о том, что сатрапом Гиркании был назначен Манап. Для нас важна та информация, которая касается причин назначения его на этот пост: «он был изгнанником при царе Охе и пришел тогда к Филиппу (Curt. Ruf. VI, 4, 23).

Видимо, однако, речь идет об одном и том же персонаже, поскольку имена достаточно схожи (Амминап и Манап). Однако уже вскоре он был сменен прежним, назначенным еще при Ахеменидах, сатрапом Фратаферном (см. выше). Дальнейшая судьба Амминапа не известна.

Обращают на себя следующие моменты: основанием для назначения Амминапа явилось то, что он ранее уже продемонстрировал свою покорность Александру, участвуя в сдаче Египта. Это была своего рода «рекомендация». Кроме того, наличие «наблюдателя» за деятельностью сатрапа, выделенного из состава «друзей» царя.

Можно думать, что отставка Амминапа была вызвана не какими-либо его прегрешениями, а необходимостью противостоять деятельности Барзана, посланного в Парфию в должности сатрапа Бессом (Arr. IV, 7, 1)[44]. Для этой цели больше подходил Фратоферн (см. выше).

Оксиарт[45]. Особое место среди сатрапов, назначенных Александром в завоеванных областях, занимал Оксиарт. Впервые в источниках он упоминается в связи с деятельностью Бесса. Когда последний отступил в Наутаку, «за ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса» (Arr. III, 28, 10). Следующее упоминание об Оксиарте связано с проблемами осады Согдийской Скалы. Это место стало пунктом, где собралось значительное число согдийцев. Здесь же находились жена и дочери Оксиарта, о котором говорится как о бактрийце, который «отпал от Александра» и который здесь «спрятал» своих родственников, поскольку это место считалось неприступным (Arr. IV, 18, 4). Как известно, несмотря на кажущуюся неприступность, Скала была взята. В числе прочих среди пленных оказались и жена Оксиарта и его дети (Arr. IV, 19, 4). Далее следует романтическая история о влюбленности Александра в дочь Оксиарта Роксану и о его желании на ней жениться (Arr. IV, 19, 5).

Слухи об этом широко распространились: «Оксиарт, услышав, что его дети в плену, и услышав, что Александр увлечен Роксаной, ободрился и явился к Александру. Его приняли с почетом, как и естественно при такой встрече» (Arr. IV, 20, 4). В несколько

более позднее время Оксиарт серьезно помог Александру, убедив сдаться Хориена, который занимал Скалу Хориена. По словам Арриана, он объяснил ему выгоду сдачи: Александру невозможно противиться силой и, в то же время, он «верный друг». «Оксиарт стал превозносить верность и справедливость царя» (Arr. IV, 21, 7). Хориен сдался и, в результате, сохранил свое положение. Александр «поручил ему ведать этой крепостью и оставил его князем (ὕπαρχον) в тех местах, куда назначил его и раньше» (Arr. IV, 21, 9). Точно так же он выступал советником Александра при осаде укреплений, где находился Сисимифр, как сообщает Плутарх (Plut. Alex. 58) и Курций Руф, который, правда, называет его Оксартом (Curt. Ruf. VIII, 2, 27-30).

Курций Руф различает Оксиарта и Оксарта, что является явной ошибкой и в силу этого ставит в обратную перспективу цепь событий[46]. У него свадьба дочери Оксиарта Роксаны происходит после того, как Оксиарт помог Александру Сисимифра. В описании брака Александра и Роксаны Курций Руф (Curt. Ruf. VIII, 4, 21-30) называет Оксиарта «знатным сатрапом» (Oxyartes, satrapes nobilis), что неправильно, поскольку Оксиарт в этот момент сатрапом не являлся. Курций Руф вообще был склонен называть всех бактрийских и согдийских мелких владетелей, которых Арриан определял как «гипархов», сатрапами, что совершенно неверно[47].

Позднее Арриан сообщает, что Оксиарт, о котором подчеркнуто сообщается, что он бактриец и отец Роксаны, жены Александра, прибыл к Александру во время его пребывания в Индии. В это время Александр «прибавил к его сатрапии еще парапамисадов», отняв ее у Тириеспа (Arr. VI, 15, 3). Важность этого сообщения состоит в том, что ранее, кажется, Арриан не сообщал о назначении Оксиарта сатрапом. Можно полагать, что Оксиарт был наследственным владетелем небольшого района в Бактрии. После свадьбы его дочери он был возведен в сатрапское достоинство, а позднее к его небольшой территории были добавлены Парапамисады.

Во время армейской реформы в состав агемы был включен и сын Оксиарта, брат Роксаны (Arr. VII, 6, 4), что свидетельствует о продолжающемся доверии Александра к своему тестю.

Родственные отношения между Александром и Оксиартом, естественно, ставили последнего на особое место среди всех остальных восточных сатрапов[48].

Проекс[49]. При движении к Бактрии Александр Македонский перевалил горы Кавказа (Гиндукуша). В этом регионе он основал город Александрию. Сатрапом же здесь он назначил перса Проекса. Кроме того, он оставил здесь «надзирателем» Нилоксена, сына Сатира, одного из «друзей», с отрядом войск (Arr. III, 28, 4). К сожалению, никаких дальнейших сведений об этом сатрапе мы не имеем. На основании описания географической ситуации ясно, что здесь имеется в виду будущая сатрапия Парапамисады[50].

Тириесп[51]. Тириесп был назначен сатрапом земли парапамисадов и всей области до реки Кофен во время начала индийского похода (Arr. IV, 22, 5). Позднее он (вместе с Филиппом) участвовал в подавлении восстания ассакенов (Arr. V, 20, 7). Позднее он был отстранен от должности, так как его «сатрапия была в беспорядке», как об этом донесли Александру (Arr. VI, 15, 3). Сатрапия была добавлена к сатрапии Оксиарта.

Артабаз[52]. Артабаз, кажется, единственный среди персов, которые сыграли важную роль в происходивших в данном регионе событиях, жизнь которого нам известна (хотя и в небольшой мере) в более ранний период (до начала похода Александра). Его род на протяжении длительного времени был связан с Геллеспонтской Фригией и в известной мере был эллинизован[53]. Известные военные деятели родосцы Ментор и Мемнон были родственниками Артабаза благодаря браку (последовательному) с его дочерью Барсиной. После восстания Артабаза против царя Оха он вместе с Мемноном в 359/8 г. до н.э. находился в изгнании (побывал он и в Македонии) (см. Diod. XVI, 51, 3). После того как Ментор, оставшийся на службе царю, отличился при покорении восставшего Египта в 343 г. до н.э., и Артабаз и Мемнон были прощены и вернулись в Персию. Артабаз занял высокое положение при дворе. Мемнон сыграл выдающуюся роль в организации сопротивления македонянам в бассейне Эгейского моря.

Впервые Артабаз появляется в поле зрения наших источников (уже в период похода Александра) в связи с заговором в персидском лагере против Дария. Курций Руф упоминает его многократно, как друга Филиппа, отца Александра (hospitatem fuisse Philippi) и как старейшего из друзей персидского царя (vetustissimus amicorum), человека до конца верного Дарию (Curt. Ruf. V, 9, 1; V, 9, 12; V, 9, 17; V, 10, 10-11; V, 12, 7-8).

В то время, как несколько высокопоставленных персов арестовали царя, Артабаз, его сыновья и наемники-эллины отказались действовать вместе с заговорщиками, но помешать им не могли. Они ушли: в горы, по Арриану (Arr. III, 21, 4), или в Парфию, по Курцию Руфу (Curt. Ruf. V, 12, 18).

Несколько позднее Артабаз и его сыновья (Коф, Ариобарзан и Арсам) сдались Александру. Согласно свидетельству Арриана, Александр Артабаза и его сыновей принял с почестями, принимая во внимание их знатность и верность Дарию (Arr. III, 23, 7). Свидетельство Курция Руфа несколько более подробно: «Артабаз, бывший, как мы уже сказали, очень преданным Дарию, встретил его [Александра] со своими детьми, родными Дария и небольшим отрядом греческих солдат. Царь дал прибывшему правую руку, ибо он был гостем Филиппа во время своего изгнания и царствования Оха, но верность своему царю, которую он сохранял до конца, была для него важнее уз гостеприимства» (Curt . Ruf. VI, 5, 1-2). Артабаз за себя и своих детей дал клятву служить Александру (Curt. Ruf. VI, 5, 3-5).

Сразу же Артабаз начал выполнять ответственные поручения македонского царя. Он, в частности, был отправлен на переговоры к грекам-наемникам (Arr. III, 23, 9). Позднее его, по свидетельству Курция Руфа, отправили в Арею для противодействия Сатибарзану (Curt. Ruf. VII, 3, 2).

Несколько позднее, еще до переправы через Окс, Артабаз был назначен бактрийским сатрапом (330 г. до н.э.), при этом Арриан подчеркивает, что Артабаз был персом (Arr. III, 29, 1). Это же подтверждает и Курций Руф (Curt. Ruf. VII, 5, 1)[54]. Не очень много известно об участии Артабаза в боевых действиях на территории его сатрапии, но Арриан сообщает, что он также выполнял дипломатические поручения Александра. Он, в частности, был отправлен к скифам, в связи с информацией, что к ним бежал Спитамен (Arr. IV, 16, 3). Несколько позднее (328 г. до н.э.) Артабаз покинул свой пост. Сделал он это по собственной воле, указывая на свою старость (Arr. IV, 17, 3). Несколько иными словами, но идентично по смыслу, об этом говорит и Курций Руф (Curt. Ruf. VIII, 1, 19). Сейчас принято считать, что просьба об отставке была чисто дипломатическим маневром, поскольку Артабаз не был столь стар, как это утверждает Курций Руф. Бактрия была еще далеко не замирена, здесь находились достаточно многочисленные македонские воинские части, греки-наемники и т.д. В таких условиях необходим был руководитель из македонян высшего ранга[55].

На его место был назначен Аминта, сын Николая (Arr. IV, 17, 3). Но Курций Руф называет имя Клита (Curt. Ruf. VIII, 1, 19). Считается, что Клит не успел реально вступить в должность, поэтому большого противоречия здесь нет.

Тот факт, что эта отставка не означала немилости, подтверждается тем, что дочери Артабаза получили своих мужей из состава ближайшего окружения Александра во время массовой свадьбы в Сузах. Одна из них (Артакама) стала женой Птолемея, а вторая (Артонида) – Эвмена (Arr. VII, 4, 6). Точно так же в состав агемы был зачислен сын Артабаза Кофет (Arr. VII, 6, 5)[56].

Арсам[57]. Арсам, перс, кажется, только один раз упоминается в источниках. В контексте сообщения о наказании сатрапов, уличенных в алчности и высокомерии, Курций Руф говорит и том, что на место правителя дрангов Арсама был отправлен Стасанор (Curt. Ruf. VIII, 3, 17). Исходя из этого сообщения, мы можем предполагать, что в руках Стасанора оказались огромные территории.

Менон[58]. Во время движения в сторону Бактрии Александр оказался на территории Арахосии, которая, кажется, ранее была объединена с Драангианой. Правителем этой сатрапии был назначен Менон (Arr. III, 28, 1; Curt. Ruf. VII, 3, 5). Важна информация

Курция Руфа, что ему были оставлены значительные силы: 4000 пехотинцев и 600 всадников. Мы, кажется, ничего больше не знаем о нем. Возможно, что именно этот Менон упомянут Курцием Руфом, как внезапно умерший. Его преемником назван Сибиртий (Curt. Ruf. IX, 10, 20).

Клит. После отставки Артабаза на пост сатрапа Бактрии и Согдианы был назначен Клит (Curt. Ruf. VIII, 1, 19). Показательна реакция Клита на это назначение: «Ты мне назначаешь Согдиану, которая столько раз восставала и не только еще не покорена, но и не может быть покоренной. Меня посылают к диким, от природы не обузданным зверям» (Curt. Ruf. VIII, 1, 35). Однако Клит не успел вступить в управление сатрапией, так как был убит на пиру самим Александром (Curt. Ruf. VIII, 1, 50-52).

Аминта. После убийства Клита сатрапом Бактрии и Согдианы был назначен Аминта (Curt. Ruf. VIII, 2, 14)[59]. Считается, что он принадлежал к одному из богатейших македонских родов и сам занимал важное место при дворе Александра.

Стасанор. Он был греком с Кипра и был одним из «друзей» Александра. Согласно свидетельству Курция Руфа, Стасанор был назначен правителем Ареи вместо Арсама (Curt. Ruf. VIII, 3, 17). Согласно свидетельству Арриана (Arr. IV, 18, 3), он получил в управление также Драангиану[60].

Попробуем подвести некоторые итоги. Если рассмотреть развитие ситуации по отдельным провинциям, то картина будет выглядеть следующим образом:

Бактрия и Согдиана: при Дарии пост сатрапа занимает Бесс, он пытается бороться против Александра, провозглашается царем, был выдан и казнен, Александр назначил сатрапом Артабаза, который несколько позднее просил об отставке, ссылаясь на старость, затем на этот пост получает назначение Клит, но вступить в должность он не смог, будучи убит Александром. Наследником Клита становится Аминта.

Арея: пост при Дарии занимает Сатибарзан, он сдается Александру и сохраняет свой пост, затем восстает против власти македонян, после его гибели назначается новый сатрап Арсак, который, однако, не очень долго исполнял эту должность, по подозрению в нелояльности он был снят и заменен Стасанором.

Арахосия и Драангиана: при Дарии пост сатрапа занимает Барсаент, который бежит из своей сатрапии при приближении войск Александра, был выдан и казнен. Затем, кажется, сатрапии лишились единого руководства. Драангиана была объединена с Ареей под властью Стасанора, а Арохосией стал управлять Менон. Его правление не было успешным и Арахосия перешла под юрисдикцию Сибиртия.

Парфия и Гиркания: при Дарии пост сатрапа занимает Фратаферн, который сдается Александру, но пост сатрапа занимает Амминап (в 330 г. до н.э.), затем пост снова переходит к Фратаферну (тот же самый год), Александр, кажется, расширяет границы сатрапии, передавая под контроль земли тапуров и мардов, которыми ранее управлял Фрадат (Автофрадат), сохранял свою власть над провинцией до конца жизни Александра.

Тапуры и Марды: кажется, что этой областью при Дарии управлял Фрадат (Автофрадат), который сдался Александру, последний вернул ему его должность, однако позднее по подозрениям в нелояльности был снят, сатрапия была присоединена к сатрапии Фратаферна.

Мидия: при Дарии пост сатрапа занимал Атропат, который сдался Александру, но пост сатрапа занял Оксидат, позднее он был лишен его по подозрению, что он злоумышляет против Александра, и к руководству сатрапии был возвращен Атропат, который занимал этот пост до конца царствования Александра.

Парапамисады: сатрапия, созданная Александром; ее сатрапом был назначен Проекс, никаких сведений о нем не сохранилось. Позднее была передана Тириеспу, но поскольку его управление не было удачным, то сатрапию передали Оксиарту, который оставался на посту до смерти Александра.

Какие же выводы могут быть сделаны на основании приведенных материалов? Отметим, прежде всего, что позиции сатрапов восточных провинций перед лицом македонских войск были единодушными только до битвы при Гавгамелах. Они все привели

свои войска по приказу Дария и сражались в этой битве. Но после поражения персидских войск, взятия македонянами Вавилона, Суз, Персеполя, Пасаргад и начавшегося движения их в Мидию сатрапы не могли уже надеяться на успешное продолжение сопротивления и их лояльность правящей династии, естественно, уменьшилась. В таких условиях информация о замыслах Бесса против царя еще до появления Александра в Мидии кажется вполне правдоподобной. Насколько мы можем судить по данным наших источников, сатрапы были уверены в лояльности лично к ним населения (в частности, представителей местной знати) вверенных им сатрапий. Кажется, наибольшей уверенностью в этом отношении обладал Бесс. Поведение бактрийской конницы в период осуществления планов заговорщиков, по всей видимости, это отношение подтверждало. Кроме того, Бесс и, в меньшей степени, другие сатрапы были убеждены в мощи тех ресурсов, которыми обладали восточные провинции Ахеменидского царства. Это могло подталкивать их к продолжению сопротивления, но уже без Дария, который доказал, с их точки зрения, что он полностью не способен организовать сопротивление.

С другой стороны, известия о благожелательном отношении Александра к сдавшимся ему представителям ахеменидской администрации могли подтолкнуть мысли сатрапов в соответствующем направлении. Они не могли быть полностью уверены в успешности дальнейшего сопротивления. Именно этими факторами определялась двойственность позиции сатрапов: и готовность самим сдаться и сдать плененного ими царя Александру и, в то же время, мысли о возможности дальнейшей борьбы. В соответствии с этим мы видим и различную реакцию сатрапов. Некоторые из них безоговорочно сдаются Александру, как Атропат и Фратаферн, другие предпочитают сражаться, как Бесс, некоторые сначала сдаются, а затем поднимают восстания, как Сатибарзан, наконец, некоторые просто бегут, как Барсаент.

Нам трудно (вследствие недостатка источников) определить, какие именно факторы обеспечивали определенную степень лояльности местного населения (точнее – его господствующих слоев) по отношению к своим ахеменидским сатрапам, которые все, как показывают источники, были персами. Однако пример Сатибарзана с его двукратным появлением в своей сатрапии, а также Бесса, убеждает в том, что лояльность была реально существующим фактом. С другой стороны, эта лояльность не была безграничной. Стоило Бессу покинуть пределы Бактрии, как бактрийские всадники сразу же разошлись по домам. Необходимо указать, что в программе, которую выдвигал Бесс, имелось коренное внутреннее противоречие: с одной стороны он провозглашал себя царем Азии, то есть претендовал на восстановление власти Ахеменидов (к роду которых он принадлежал), с другой же, говорил о независимости Бактрии, то есть выступал как настоящий сепаратист. Видимо, это противоречие хорошо сознавалось в его лагере. Вряд ли бактрийская знать стремилась проливать кровь ради воссоздания царства наследников Кира. Когда Бесс ушел из Бактрии, этот слой, который представлял собой основу его вооруженных сил, вполне мог решить, что недавно провозглашенный царь отказывается сражаться за свободу Бактрии, что и заставило их покинуть его.

Хотя сатрапы первоначально планировали вести борьбу против Александра совместно, план этот оказался неосуществимым. Результатом этого решения, как мы видели, было создание своего рода союза сатрапов этого региона, во главе которого (в качестве гегемона) был поставлен Бесс[61]. Характерно, что ни о каком провозглашении Бесса царем на этом этапе не было и речи. Из истории восточных регионов в последующее время мы видим, что время от времени подобные союзы возникали, хотя они и были недолговечны. По-видимому, это был первый пример подобного союза. Однако практически организовать совместные действия не удалось. Кроме посылки отрядов конницы на помощь Сатибарзану в Арею, других примеров взаимопомощи сатрапов мы не знаем. По всей видимости, планы всех сатрапов ограничивались стремлением сохранить власть в собственной провинции. Характерно, что Бесс провозгласил себя царем только тогда, когда он оказался в пределах Бактрии. Однако этот акт вряд ли увеличил его популярность[62]. Как только он покинул пределы собственно Бактрии, он был захвачен и сдан Александру.

Александр Македонский, насколько мы можем судить, старался обеспечить стабильность в завоеванных им сатрапиях. Необходимо обратить внимание на то, что первоначально сатрапами назначались почти исключительно персы. Имеются два исключения: Амминап, парфий, назначенный сатрапом Парфии и Гиркании, и знатный бактриец Оксиарт. Что касается Амминапа, то он пробыл сатрапом очень недолго (кажется, менее года). Что же касается Оксиарта, то здесь имелись особые обстоятельства, и это именно то исключение, которое подтверждает правило. Александр и на Востоке проводил политику сотрудничества именно с персидской знатью, местный нобилитет (парфяне, бактрийцы, согдийцы, арахоты и др.) его интересовали гораздо меньше. Тем не менее, Александр всякий раз оставлял при этих сатрапах своих «епископов» с определенными вооруженными силами, которые должны были наблюдать за их поведением. В некоторых сатрапиях, таких, например, как Мидия, где оставались весьма значительные силы и высокопоставленные представители македонской власти, границы власти сатрапа, видимо, были достаточно узкими, в других же, таких, например, как Парфия и Гиркания – более широкими. В дальнейшем некоторые наиболее доверенные сатрапы из персов (такие, как Фратаферн), кажется, обходились без подобных надзирателей.

Первоначально Александр старался найти среди персидской знати тех, кто, как ему казалось, более подходит для занятия постов сатрапов. Главным основанием для выбора был настоящий или прошлый конфликт с царской властью. Так, Амминап был назначен сатрапом, поскольку он был одним из тех представителей персидской администрации, которые сдали Александру Египет. Однако от этого достаточно примитивного принципа пришлось отказаться, и Александр старался использовать старых сатрапов. Мы уже отмечали наличие определенной степени лояльности местной знати и восточных сатрапов. По-видимому, Александр также начал учитывать это явление. В результате, на сцене появились Фратаферн, Атропат и Сатибарзан. В отношении двух первых выбор Александра оказался удачным, и они верно служили новому режиму, в то время как Сатибарзан надежд македонского царя не оправдал.

В последующие годы Александр, однако, все чаще на сатрапские должности стал назначать македонян и греков. Причины недовольства деятельностью сатрапов были двоякими: плохое управление и отсутствие лояльности по отношению к Александру. Кроме того, случай с Артабазом показывает, что иногда причины были и иными. Наличие больших контингентов македонских войск и греков-поселенцев не могло не вызвать у последних негативной реакции на административную власть персов. В подобных условиях, естественно, удобнее было назначить на этот пост македонянина. В конце его царствования Бактрией и Согдианой управлял македонянин Аминта, Ареей, Драангианой – грек Стасанор, а Арахосией – Сибиртий. Из персов сохранили свои посты только Фратаферн и Атропат. Наконец, тесть Александра бактриец Оксиарт управлял Парапамисадами.

Отметим, что Александр неоднократно менял границы сатрапий и зоны ответственности отдельных сатрапов. Первоначально была заметна тенденция к разукрупнению сатрапии. Это было особенно заметно в период разгара военных действий в Бактрии и Согдиане. Эта политика имела, с нашей точки зрения, два основания: военное и политическое. Первое определялось тем, что сатрапам и руководителям македонских войск, оставленных в этих сатрапиях, было легче руководить военными действиями на небольших театрах военных действий. Политическое же состояло в том, что не было полной уверенности в лояльности сатрапов. Измена правителя небольшой области имела менее катастрофические последствия, чем измена правителя большой.

В дальнейшем Александр тем сатрапам, которые заслужили его доверие, добавлял территории. Создается впечатление, что расширение границ сатрапий служило своего рода наградой сатрапам за верность и умелое руководство.

Кроме перераспределения уже существующих с ахеменидского времени сатрапий в исключительных случаях происходило и создание новых. Примером этого может быть Парапамисады. После брака Александра с Роксаной был повышен статус ее отца. Он по-

лучил ранг сатрапа. Его небольшое владение, которым он управлял еще в ахеменидское время (небольшая часть Бактрии), стало называться сатрапией. Позднее к его владениям была добавлена сатрапия Парапамисады, которая была создана ранее, в момент выхода македонских войск к южным границам Бактрии. Однако подобное решение было вызвано исключительными обстоятельствами – особым статусом Оксиарта как тестя македонского царя.

Важным нам представляется еще одно обстоятельство. Античные авторы, как известно, называли поименно следующих участников заговора и убийства Дария: Бесс, Набарзан, Сатибарзан, Барсаент. Казнены за измену последнему ахеменидскому царю по приказу Александра Македонского были только Бесс и Барсаент[63]. О наказании (или даже обвинениях со стороны Александра) двух других в источниках не говорится ни слова. В чем же причины такой разницы? Нам кажется, что самое главное отличие состоит в том, что и Набарзан[64] и Сатибарзан сдались Александру. Бесс же и Барсаент этого не сделали. При этом Барсаент просто бежал, а Бесс сопротивлялся и, более того, даже провозгласил себя царем. Хотя Сатибарзан позднее восстал против Александра и с ним велась война, он тем не менее не обвинялся в убийстве Дария. Сам факт сдачи Александру как бы аннулировал это преступление. Тот, кто сдавался Александру, тем самым искупал свою вину цареубийства. Следовательно, с точки зрения Александра, вина Бесса и Барсаента состояла в том, что они не сдались Александру. Наказание же за измену Дария – не более чем пропагандистский прием.

Таким образом, можно считать, что, в основном, Александр сохранял старую систему управления, модифицируя ее в соответствии с конкретными обстоятельствами. Однако чем далее, тем сильнее стали проявляться тенденции к модификации, созданию нового качественного состояния административной системы. Исходя из этого, мы не можем принять достаточно распространенное в последние годы утверждение, что «Александр был последним Ахеменидом»[65].

Может быть, он и старался им быть, но реалии ситуации заставляли его изменять политику. Не говоря о других новых моментах в его политике, укажем, что замена значительной части сатрапов-персов македонянами и греками свидетельствует о том, что он должен был привносить новые, достаточно важные элементы, в свою политику.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. *Tarn W.W.* Alexander the Great and the Unity of Mankind // Proceedings of the British Academy. Vol. 19. 1933. P. 123-166; *Tarn W.W.* Alexander the Great. Vol. II. Cambridge, 1948. P. 748-822.
2. *Robinson Ch.A*. Alexander the Great and the Barbarians // Classical Studies presented to E. Capps. Priceton, 1936. P. 298-305; *Kolbe W.* Die Weltreichsidee Alexanders des Grosse // Freiburger Wissenschaftliche Gesellscaft. H. 25, 1936; *Haarhoff T.J.* The Stranger at the Gate. Aspects of Isolationism and Cooperation in Greece and Rome with Reference to Modern Tensions between Races and Nations. Oxford, 1938; *Robinson Ch.A.* Alexander the Great. The Meeting of the East and West in World Governement and Brotherhood. N.-Y., 1947.
3. См., например, *Badian E.* Alexander the Great and the Unity of Mankind //Historia. Bd. VII, 1958. P. 424-444; *idem*. Studies in Greek and Roman History. Oxford, 1964; *Baldry H.C*. The Unity of Mankind in Greek Thought. Cambridge, 1965.
4. *Bosworth A.B.* Alexander and the Iranians // JHS, 100. 1980. P. 1-21.
5. *Hamilton J.R.* Alexander's Iranian Policy // Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirth zum 60. Geburtstag am 9. 12. 86. Herausgegeben von W. Will unter Mitarbeit von J. Heinrichs. Amsterdam. 1987. P. 457-466.
6. Отметим, что, согласно мнению современных исследователей, именно с этого момента начался новый этап в административной политике Александра Македонского. См.

Bosworth A.B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1995. P. 235.

7. Об этом списке см. *Briant P.* Histoire de l'Empire perse de Cyrus à Alexandre. Paris, 1996. P. 716-717, 765. См. также *Marsden E.W.* The Campaign of Gaugamela. Liverpool, 1964; *Hammond N.G.L.* Alexander the Great: King, Commander and Statesman. Park Ridge (N.J.), 1980. P. 140-146.
8. Свидетельство Аристобула. См. *Шахермайр Ф*. Александр Македонский. М., 1984. С. 164; *Bosworth A.B*. Conquest… P. 80.
9. Маргиана, по всей видимости, стала частью бактрийской сатрапии еще при Дарии I, сразу же после подавления здесь восстания. См. *Кошеленко Г.А., Бадер А.Н., Гаибов В.А.* Маргиана в ахеменидской официальной письменной традиции // ПИФК. Вып. 2. Москва-Магнитогорск, 1995. С. 137-149.
10. Исследователи обращают внимание на тот факт, что ни разу в источниках не упоминается сатрап Согдианы как отдельного политического и административного образования. См. *Briant P.* Histoire… P. 776-777.
11. *Berve H*. Die Alexanderreich auf prosopographisher Grundlage. B. I. München, 1926. №212.
12. Для Курция Руфа характерна определенная беззаботность в использовании терминов, определяющих статус персидских официальных лиц.
13. Курций Руф упоминает о том, что уже ранее Бесс был подозреваем в претензиях на царскую власть (Curt. Ruf. IV, 6, 2-4). Иногда это утверждение древнего автора оспаривается, считается, что оно является объяснением post eventum (*Bosworth A.B*. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Commentary on Books I-III. Oxford, 1980. P. 288). Однако это утверждение небесспорно. Совершенно не исключено, что подобные мысли присутствовали в голове Бесса в латентной форме, в практическую плоскость они перешли в период после поражения при Гавгамелах и захвата Александром Вавилона, Суз и Персеполя.
14. См. *Bosworth A.B.* Conquest… P. 95.
15. Об этом см. *Шахермайр Ф*. Александр… С. 181.
16. Заслуживает внимания заключительная часть этой информации: «в данную минуту всем распоряжается Бесс, и, как родственник Дария, и как сатрап страны, в которой сейчас все произошло». Неясно, что она означает, поскольку в это время и Александр и Бесс находились еще на территории Парфии, а не Бактрии. Возможны два ответа на этот вопрос. Либо в данном месте мы имеем дело с простой ошибкой Арриана или его источника, либо Бесс обладал полномочиями более широкими, нежели полномочия сатрапа Бактрии, например, он являлся правителем всех «верхних сатрапий». П. Бриан (*Briant P.* Histoire… P. 766) отвергает возможность второго решения, указывая, что для ахеменидского времени мы не располагаем ни одним свидетельством, указывающим на существование чего-либо похожего на административное образование типа селевкидских «верхних сатрапий». Однако, как мы видим, подобное свидетельство имеется, хотя оно достаточно невнятное.
17. См. *Briant P*. Histoire… P. 886.
18. *Шахермайр Ф*. Александр… С. 181.
19. См. *Bosworth A.B.* A Historical Commentary… I. P. 344-345; *Dobbins K.W.* Alexander's Eastern Satrapies // Persica. XI. 1984. P. 77-78.
20. К. Доббинс пишет о 40000 (*Dobbins K.W*. Alexander's… P. 77), но это явная описка.
21. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, №205; *Bosworth A.B*. A Historical Commentary… I. P. 358-359.
22. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 55, 814; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary… I. P. 350-351; *Dobbins K.W.* Alexander's… P. 74-77; *Кошеленко Г.А*. Третья версия происхождения Аршакидов? // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. Спб., 2004. С. 217-228.
23. *Шахермайр Ф*. ошибочно полагает, что Фратаферн сразу после сдачи получил свой прежний пост. См. *Шахермайр Ф*. Александр… С. 186.

24. Некоторые исследователи отождествляют этого Бразана с Набарзаном, бывшим хилиархом Дария III (*Gunderson L.L.* Quintus Curtius Rufus // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage. Ed. By W.L. Adams and E.N. Borza. Washington, 1982. P. 187-188), что совершенно не подтверждается источниками.
25. *Bosworth A.B*. Conquest… P. 105, 326.
26. См. *Шахермайр Ф*. Александр… С. 186.
27. См. *Шахермайр Ф*. Александр… С. 210, 289.
28. *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Commentary on Books IV & V. Oxford, 1995. P. 121-122.
29. Об этом же событии, правда без упоминания имени сатрапа Парфии, сообщает и Диодор (Diod. XVII, 105, 7-8).
30. См. *Шахермайр Ф*. Александр… С. 289-291; *Fox R.L.* Alexander the Great. L., 1974. P. 410; *Bosworth A. B.* Conquest… P. 236; *Dobbins K.W.* Alexander's… P. 74-77.
31. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 150.
32. *Bosworth A. B*. Conquest… P. 236.
33. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 189. Хотя Арриан не упоминает участия Автофрадата в битве при Гавгамелах, вполне вероятно, что он там присутствовал, будучи подчинен Фратоферну, как предполагает Х. Берве. Эта идея кажется приемлемой и Босворту. См. *Bosworth A.B*. A Historical Commentary… I. P. 289.
34. *Atkinson J.E*. A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4. Amsterdam-Uithoorn, 1980. P. 406.
35. Существует два термина для обозначения этого народа: τάπουροι – более обычное и τόπειροι – заимствованное, кажется, Аррианом у Аристобула.
36. См. *Bosworth A. B.* Conquest… P. 98.
37. *Bosworth A.B*. A Historical Commentary... II. P. 122.
38. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 588; *Bosworth A.B*. A Historical Commentary… I. P. 345-346.
39. *Bosworth A. B*. Conquest… P. 236.
40. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 146; *Bosworth A.B*. A Historical Commentary… I. P. 357-358.
41. Шахермайр Ф. ошибочно считает, что Арсак был назначен сатрапом после подавления первого выступления Сатибарзана. См. *Шахермайр Ф*. Александр… С. 192.
42. *Bosworth A.B*. A Historical Commentary… I. P. 374-375.
43. *Berve H*. Die Alexanderreich… B. II, № 55; *Dobbins K.W.* Alexander's… P. 74.
44. *Bosworth A. B*. Conquest… P. 236.
45. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 587; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary… II. P. 127-128; *Dobbins K.W.* Alexander's… P. 82-83.
46. *Dobbins K.W*. Alexander's… P. 83.
47. *Briant P.* Histoire… P. 768.
48. Фокс утверждает, что Александр женился на Роксане, следуя местному обычаю, согласно которому сатрап Бактрии обязательно сочетался узами брака с какой-либо из представительниц местной знати (*Fox R.L.* Alexander the Great… P. 298). Неизвестно, на каких основаниях делается это заключение.
49. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 658; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary… II. P. 145; *Dobbins K.W*. Alexander's… P. 82.
50. *Dobbins K.W*. Alexander's… P. 82.
51. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 758; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary… II. P. 145-146; *Dobbins K.W.* Alexander's… P. 82.
52. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 152; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary… I. P. 113; *Dobbins K.W*. Alexander's… P. 83-84.
53. *Bosworth A. B*. Conquest… P. 95, 237.
54. Неясно, на основании чего Ф. Шахермайр утверждает, что это назначение «было воспринято местной знатью как дружественный жест и вызвало чувство благодарности к

царю» (*Шахермайр Ф.* Александр… С. 204). Никаких оснований в источниках для подобного утверждения не имеется.

55. *Bosworth A.B.* A Historical Commentary... II. P. 118; *Bosworth A. B.* Conquest… P. 237.
56. Существует очень романтическая, но весьма малодостоверная версия отставки Артабаза. Р.Л. Фокс полагал, что ситуация, приведшая к этому, развивалась уже достаточно давно. Барсина, дочь Артабаза, уже несколько лет являлась любовницей Александра. Когда же Александр решил сделать своей официальной супругой Рокасану, Артабазу это не понравилось, и он выразил свой протест тем, что попросился в отставку с поста сатрапа Бактрии. См. *Fox R.L.* Alexander… P. 318.
57. *Bosworth A.B.* A Historical Commentary... I. P. 367; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary... II. P. 123; *Dobbins K.W.* Alexander's… P. 78.
58. *Bosworth A. B.* Conquest… P. 105, 237; *Шахермайр Ф.* Александр… С. 192; *Dobbins K.W.* Alexander's… P. 80.
59. *Berve H.* Die Alexanderreich… B. II, № 427; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary... II. P. 118.
60. *Bosworth A.B.* A Historical Commentary... II. P. 123.
61. Очень странным выглядит утверждение Ф. Шахермайра (*Шахермайр Ф.* Александр… С. 180) о том, что восточные сатрапы планировали «создать государство Восточного Ирана без персов и без Дария». Автор забывает, что все эти сатрапы были персами.
62. *Briant P.* Histoire… P. 886.
63. Странным представляется утверждение Ф. Холта (*Holt F.L.* Alexander the Great and Bactria. Leiden *and al.*, 1988. P. 50), что за убийство Дария Александр наказал только Бесса. Неясно, почему Ф. Холт забыл Барсаента.
64. Факту сдачи Набарзана Александру придает особое значение А. Босворт. См. *Bosworth A. B.* Conquest… P. 98.
65. *Briant P.* Histoire… P. 1077; *Holt F.L.* Alexander… P. 47-49.

G.A.Koshelenko, V.A.Gaibov

SATRAPS OF EAST: FATES AND LOTS. ALEXANDER THE GREAT EPOCH

The article represents an attempt to depict destiny of satraps who ruled over various areas of the Central Asian region during Alexander the Great gains and Diadochs' struggle. This problem is a part of a more general problem concerning mutual relations between Alexander, his direct successors and the population of the conquered country, first of all with the Iranians. Having done their analysis over the data on destinies of satraps, authors come to a conclusion, that Alexander kept the old control system and modified it according to concrete circumstances. Tendencies to updating were gradually amplifying. So, in the long run it all came to a new qualitative state of a management system in which the Macedonians and Greeks replaced satraps — Persians.

© 2007 г.

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ ИРАНЕ В ПЕРИОД АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО*

Как нам представляется, проблема общественных отношений в центральноазиатском регионе в период завоеваний Александра Македонского не была никогда объектом специального исследования. Эта проблема всегда рассматривалась в гораздо более широких хронологических рамках. Нам кажется, что методика исследования должна быть несколько иной, чем обычно. Эпоха Александра в истории этого региона, как никакая другая, освещена письменными источниками – трудами авторов, писавших об этом походе. Исходя из этого, мы считаем, что необходима следующая процедура исследования: 1) попытаться проанализировать данные этих источников, 2) затем постараться сопоставить результаты этого анализа с данными археологии и только после этого проецировать результаты в последующее время, сопоставляя с результатами анализов источников, характеризующих следующий период.

Для решения поставленной задачи основной материал дает рассказ Арриана, несколько меньшее значение имеют сообщения Курция Руфа, некоторая, хотя, в общем малозначащая, информация содержится в других источниках.

Как известно, исследуемый нами регион входил в состав Ахеменидской империи и, как таковой, управлялся сатрапами. Сатрап представлял собой высшую гражданскую и военную власть на подведомственной ему территории. На этой территории, как свидетельствуют источники, находились поселения различных типов.

Естественно, что в системе расселения, существовавшей в то время, основное место принадлежало сельским населенным пунктам. Важнейшим среди них является «деревня», для которой у Арриана используется термин κώμη, а у Курция Руфы – vicus.

Деревни упоминаются Аррианом в Мидии в описании преследования Александром Дария: Александр прибыл в деревню (ἔς τινα κώμην – Arr. III, 21, 6), где еще накануне был Дарий. В Парфии также упоминаются ближайшие деревни (proximo vico), в которые персидские воины отправляются за провиантом (Curt. Ruf. V , 12, 6). Здесь же упоминается та деревня, в которой Бесс захватил Дария (in vico – Curt. Ruf. V, 13, 6). Видимо, она же упомянута и Юстином, как то место, где был арестован Дарий (in vico Parthorum Thara – Iust. XI, 15, 1). В Гиркании македоняне, по словам Диодора, оказались в «счастливых деревнях», которые назывались таковыми по праву, так как они, как и вся Гиркания, превосходили все остальные территории своим плодородием (Diod. XVII, 75, 3-4).

В описании событий в Арее Арриан говорит о жителях страны, которые из-за восстания покинули свои деревни (Arr . III, 25, 7). При переходе Александра через Гиндукуш и отступлении Бесса 800 бактрийских всадников отказались следовать за ним и разошлись по своим деревням (in suos quisque vicos – Curt. Ruf. VII, 4, 20). В описании военных действий в Бактрии упоминаются деревни, которые опустошаются массагетами и бактрийцами-повстанцами (proximos vicos vastaverunt – Curt. Ruf. VIII, 1, 3). С другой стороны, и Александр Македонский уничтожает ближайшие к Мараканде деревни (proximos vicos depopulatur atque urit – Curt. Ruf. VII, 6, 10). В описании Ксениппы Курций Руф отмечает большое число деревень и их густую сеть (regio habitaturque pluribus ac frequentibus vicis), что объясняется плодородием почвы (Curt. Ruf. VIII, 2, 14). Рассказывая о трудностях македонской армии в Парапамисадах зимой, Диодор сообщает, что солдаты только по дыму находили деревни (τούτῳ δὲ τῷ τρόπῳ τῶν κωμῶν ἁλισκομένων), но зато они были вознаграждаемы обилием припасов, обнаруженных там (Diod. XVII, 82, 8).

Особое значение имеет описание деревни, расположенной, кажется, в Северной Бактрии, в которой был пленен Бесс. С одной стороны, автор четко определяет тип этого

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по гранту № 05-01-011169.

поселения – это деревня, к которой движется Птолемей (πρὸς κώμην – Arr. III, 30, 1-2). С другой стороны, этот населенный пункт окружен стеной с воротами (ἦν γάρ τι καὶ τεῖχος περιβεβλημένοι καὶ πύλαι κατ᾽ αὐτ44ό – Arr. III, 30, 2).

Может быть, то же самое значение имеет и термин ἔρυμα, использованный Арианом при описании событий после вторичного занятия македонянами Мараканды. Александр тогда «опустошил страну» и «перебил варваров». Варвары, по переводу М.Е. Сергеенко, скрывались в своих «крепостцах», по переводу же Г. Вирта и О. фон Хинюбера – “in die festen Plätze”[1]. Таким образом, полной уверенности в том, что здесь имеются в виду такие же укрепленные деревни, как в той части текста, где говорилось о пленении Бесса, нет. Вполне возможно, что здесь имелись в виду какие-то специальные укрепленные убежища, отличные от обычных деревень. Известным подтверждением этому служит еще один эпизод, сообщаемый Арианом: «множество согдийцев собрались по укреплениям (ὅτι πολλοὺς τῶν Σογδιανῶν ἐς τὰ ἐρύματα ξυμπεφευγέναι) и отказались повиноваться сатрапу» (Arr. IV, 15, 7). Естественно, что контекст этого сообщения таков, что автор имеет в виду какие-то специальные места сбора населения, а не их обычные деревни. Часто утверждается, что укрепленные деревни служили для защиты населения от кочевников[2], однако, думается, что функции их были более широкими.

Еще один тип населенного пункта, кажется, может быть установлен на основании анализа источников. Для определения этого типа используется латинский термин oppidum и греческий φρούριον.

При описании движения Александра по следам Дария Курций Руф сообщает, что армия Александра вышла на границу Паретакены и Мидии и достигла пункта, название которого Табаса и тип которого определяется термином oppidum (Curt. Ruf. V, 13, 2). Очень часто этот термин переводят как «город», что, однако, не может считаться правильным, хотя бы потому, что, как мы увидим позднее, для города Курций Руф обычно использует термин urbs. Следовательно, автор имел в виду населенный пункт иного типа и наиболее естественным здесь будет термин «крепость». Еще раз этот термин появляется в рассказе о деятельности Александра в Гиркании, когда он достигает крепости Арвы (ad oppidum Arvas pervenit – Curt. Ruf. VI, 4, 23). У Арриана данный тип населенного пункта появляется в описании прорыва отряда Спитамена в Бактрию, когда он достигает некоей крепости (πρός τι φρούριον τῶν κατά τήν Βακτριανήν – Arr. IV, 16, 4).

Очень важное место в описаниях событий, происходивших в исследуемом нами регионе в период похода Александра Македонского, занимают города. Арриан использует для них термин πόλις, Курций Руф – urbs.

В Мидии наши источники упоминают только один город – Экбатаны, относительно которых Курций Руф дает такое уточнение – он является столицей Мидии (caput Mediae – Curt. Ruf. V, 8, 1). В дальнейшем изложении Курций Руф мимоходом упоминает царский дворец (regia), имевшийся здесь (Curt. VI, 2, 9). Из нескольких упоминаний этого города у Арриана можно извлечь только один дополнительный штрих – в Экбатанах имелась цитадель, куда должны быть положены на хранение денежные средства (εἰς τὴν ἄκραν τὴν ἐν ᾽Εκβατάνοις – Arr. III, 19, 7), а также то, что здесь был оставлен значительный гарнизон (Arr. III, 19, 7).

В Парфии упоминается только один город – Гекатомпил (πόλεως τῆς ὀνομαζομένης ῾Εκατονταπύλος), через который Александр проходит из Мидии, направляясь в Гирканию (Diod. XVII, 75, 1). Курций Руф называет его «славным» (υρβσ ερατ εα τεμπεστατε χλαρα Ηεχατομπψλοσ – Curt. Ruf. VI, 2, 14).

В Гиркании Арриан упоминает, в частности, город «гирканов Задракарты», куда направляется Александр (εἰς Ζαδράκαρτα πόλιν ῾Υρκανίων – Arr. III, 23, 6). Несколько позднее в связи с другим прибытием сюда македонского царя Арриан дает более расширенную характеристику этого города, описывая как самый большой город Гиркании (ἐπὶ Ζαδράκαρτα τὴν μεγίστην πόλιν τῆς῾Υρκανίας), в котором к тому же располагается гирканский царский дворец (ἵνα καὶ τὰ βασίλεια τοῖς ῾Υρκανίοις ἦν –

Arr. III, 25, 1). По всей видимости, именно этот город Курций Руф называет «городом Гиркании» (ad urbem Hircaniae), где находился дворец Дария (regia Darei) (Curt. Ruf. VI , 5, 22). Плутарх, сообщая о том, что жители Гиркании сдали Александру свои города (τὰς πόλεις – Plut. Alex. 44), подтверждает, что помимо Задракарты в Гиркании имелся еще целый ряд городов. Практически теми же словами оперирует и Диодор, который сообщает, что Александр вторгся в Гирканию и «завладел всеми городами этой страны» (πάσας τὰς ἐν αὐτῇ πόλεις ἐχειρώσατο – Diod. XVII, 75, 3).

Следующий упоминаемый Аррианом город – Сусия, о котором сказано, что это город Арии (Arr. III, 25, 1). Далее следует информация о другом городе Арии – Артакоане, где у ариев был царский дворец (Ἀρτακόανα πόλιν, ἵνα τὸ βασίλειον ἦν τῶν Ἀρείων – Arr. III, 25, 5). У Курция Руфа этот город (urbs) называется Артакакна (Curt. Ruf. VI, 6, 33-35). Еще один вариант названия (Хартакана) дает Диодор, называющий его «самым знаменитым в тех местах» (Χορτάκανα, πόλιν ἐπιφανεστάτην τῶν ἐν τούτοις τοῖς τόποις – Diod. XVII, 78, 1). Затем Диодор сообщает о том, что Александр овладел всеми городами в этой сатрапии (τὴν σατραπείαν ταύτην πόλεις – Diod. XVII, 78, 4).

В соседней области Драангиане (у Арриана – Зарангиана) Арриан не фиксирует наличия городов, отмечая только царский дворец жителей этой страны (ἵνα τὰ βασίλεια τῶν Ζαραγγαίων – Arr. III, 25, 8). Примерно такая же ситуация и в описании Диодора, где говорится, что Александр прибыл к царскому дворцу Драангианы (εἰς τὰ βασίλεια τῆς Δραγγινῆς – Diod. XVII, 78, 4).

В Бактрии, куда прибывает Александр, Арриан первоначально фиксирует три населенных пункта, первым упоминается Драпсак, статус которого не уточняется, а также Аорн и Бактры, о которых говорится, как о крупнейших городах бактрийской земли (αἳ δὴ μέγισταί εἰσι πόλεις ἐν τῇ Βακτρίων χώρα – Arr. III, 29, 1). Вдобавок сообщается, что в Аорне имелась цитадель, в которой Александр оставил свой гарнизон (καὶ φυλακὴν ἐν ἄκρα τῆς Ἀόρνου – там же). В данном месте не сообщается, была ли цитадель у города Бактр. Курций Руф называет город Бактры столицей «этой страны» (ipsa Bactra regionis eius caput – Curt. Ruf. VII, 4, 31). В более позднем изложении у Арриана упоминается еще один бактрийский город – Зариаспа, о котором говорится, что он является крупнейшим городом [имеется в виду – Бактрианы] (Ζαρίασπα, τὴν μεγίστην πόλιν – Arr . IV, 1, 5). В дальнейшем указывается, что в нем имеется гарнизон, оставленный Александром, в состав которого входили конники, являвшиеся наемниками (Arr. IV, 16, 5-6).

Сходную картину мы видим и в Согдиане. Мараканда, которая определяется как столица земли согдиан (ἐστι βασίλεια τῆς Σογδιανῶν χώρας – Arr. III, 30, 6), упоминается у Арриана многократно[3]. В этом изложении также неоднократно упоминается цитадель Мараканды – в ней располагался македонский гарнизон (Arr. IV, 3, 6; IV, 5, 2; IV, 6, 3). Курций Руф уточняет, что город (urbem Maracanda) имеет стены протяженностью 70 стадий, а цитадель (αρξ) окружена второй стеной, в цитадели Александром был оставлен гарнизон (πραεσιδιο) (Curt. Ruf. VII, 6, 10, см. также VII, 6, 24; VII, 6, 24; VII, 9, 20;). Естественно, Мараканда не была единственным городом Согдианы. Арриан, в частности, сообщает о том, что после подавления всех восстаний Александр велел Гефестиону вновь заселить города Согдианы (ἐκπέμπει τὰς ἐν τῇ Σογδιανῇ πόλεις συνοικίζειν – Arr. IV, 16, 3).

В районе, соседнем с рекой Танаис (Сыр-Дарья)[4]: «варвары, живущие по соседству с рекой, захватили и перебили гарнизоны македонских солдат, стоявших по городам» (οἱ πρόσχωροι τῷ ποταμῷ βάρβαροι τούς τε τὰ φρούρια ἐν ταίς πόλεσι σφῶν ἔχοντας στρατιώτας τῶν Μακεδόνων ξυλλαβόντες ἀπέκτειναν) (Arr. IV, 1, 4). Для нас особо важно то, что здесь в едином контексте соединяются два понятия «варвар» и «город». Многократно упоминаются эти «города» в рассказе о подавлении восстания в этом регионе (Arr. IV, 2 passim). Отдельно упоминаются также один из семи восставших городов на берегах Танаиса – Газа (Arr. IV, 2, 1) и крупнейший из городов

этого региона Кирополь (Arr. IV, 2, 2). Точно так же описывается ситуация и Курцием Руфом. Он упоминает Кирополь и другие города (Curt. Ruf. VII, 6, 16). Интересно, что в отношении одного города указано, что он был населен «сильным племенем мемакенов» (memaceni, valida gens) (Curt. Ruf. VII, 6, 17). Кирополь и город мемакенов упоминаются и при дальнейшем описании событий – вплоть до момента их полного разрушения (Curt. Ruf. VII , 6, 19-23).

Из контекста изложения событий, а также из прямых указаний ясно, что города служили убежищами для окрестного населения (см. например, ἐς γὰρ ἑπτὰ πόλεις ξυμπεφευγέναι ἐλέγοντο οἱ ἐκ τῆς χώρας βάρβαροι – Arr. IV, 2, 1). Эти города, кажется, всегда имели укрепления. После сообщения об истреблении македонских гарнизонов в пританаисских городах говорится об усилении укреплений населением этих городов (Arr. IV, 1, 4). Контекст повествования о подавлении восстания в этом регионе не оставляет сомнений в том, что все города имели собственные укрепления (Arr. IV, 2 passim; IV, 3, 1-6). Упоминаются также и особенности укреплений в ряде городов. Так, стены Газы были невысокими и сбитыми из глины (τῷ τείχει γηΐνῳ τε καὶ οὐχ ὑψηλῷ – Arr. IV, 2, 3), стены же Кирополя были обнесены более высокой стеной, «как и полагалось созданию Кира» (Arr. IV, 3, 1). Естественно, в городских стенах находились ворота (Arr. IV, 3, 3), внутри города помимо домов находилась площадь (во всяком случае, в Кирополе) (Arr. IV, 3, 3). В Кирополе имелась и городская цитадель – туда бежали уцелевшие защитники города (καταφεύγουσιν ἐς τὴν ἄκραν – Arr. IV, 3, 4). Необходимо указать, что очень часто в литературе эти города почему-то называются то деревнями[5], то крепостями[6], даже фортами[7], хотя для этого нет никаких оснований в письменных источниках.

Только Курций Руф упоминает город Маргианы, к которому прибывает Александр (ad urbem Margianam – Curt. Ruf. VII, 10, 13), однако никаких сомнений в достоверности этого сообщения нет[8].

Исходя из только что приведенных материалов, мы можем утверждать, что исследуемые нами общества имели достаточно сложную систему расселения, которая, что и естественно, отражала соответствующую систему общественных отношений.

Существует, как мы старались показать, значительная вариативность сельских поселений: простая деревня (кома), деревня, снабженная укреплениями, наконец, специальное «убежище», также, по всей видимости, укрепленное. При этом наблюдается определенная иерархия сельских поселений, во всяком случае, кажется, убежища представляют собой более высокий уровень по сравнению с простой деревней. Процветание сельского населения напрямую зависит от плодородия почвы, которая принадлежит этим деревням.

Специальным типом населенного пункта является крепость, которая представляла собой инструмент контроля центральной власти над территорией и, особенно, над путями сообщений.

Не менее сложна и картина городской жизни. Исходя из изложенного выше, мы достаточно уверенно можем утверждать, что в данном регионе урбанистические структуры имели уже достаточно длительную историю, и они приобрели достаточно сложные формы. К сожалению, только для одной области данного региона имеются некоторые количественные показатели. Мы имеем в виду Уструшану. Здесь на сравнительно небольшой площади располагалось семь городов. Доказательством большой плотности городов является описание их осад и взятий македонской армией в течение нескольких дней. Пожары, свидетельствующие о взятии и разграблении города, видели жители соседних городов, как это детально описывает Арриан. Цифра семь дана Аррианом (Arr. III, 2, 1), но она подтверждается и Юстином (Iust. XII, 5, 13). Нет оснований для того, чтобы сомневаться в достоверности этих данных. Можно полагать, что и в остальных областях ситуация была похожей. Насколько мы можем судить, все города имели свои фортификационные системы. Соответственно, мощь этих укреплений зависела от величины города и его важности. Города, как кажется, помимо того, что они служили центрами опреде-

ленной территории, выполняли для нее роль убежища для местного населения в случае опасности.

Источниками отмечается несколько типов городских центров. Помимо просто городов называются также города, которые определяются как «крупнейшие города» той или иной земли (хоры). У всех городов этого типа, как кажется, помимо собственно городских укреплений, имелись еще и цитадели. Именно в них Александр помещал свои гарнизоны, когда считал это необходимым. Наконец, имелись относительно немногочисленные города, которые являлись столицами сатрапий (или в крайнем случае – больших подразделений сатрапий), роль которых выражалась в том, что в них располагалась βασίλειον (или βασιλεία), латинский термин, использовавшийся для этого явления, – regia. Басилейя представляла сатрапскую резиденцию, место, откуда осуществлялось управление территорией сатрапом, выступавшим в качестве прямого представителя царя[9].

Естественно, что столь сложная система расселения могла возникнуть только в рамках достаточно развитого общества со сложной социальной и политической структурой. Поскольку к моменту похода Александра данные области уже более 200 лет находились в составе государства Ахеменидов, то соответственно высшая власть в них принадлежала персам-сатрапам, о которых мы писали в предыдущем параграфе. Однако число персов было, по всей видимости, достаточно ограниченным. В соответствии с основными принципами ахеменидской политической практики, более низкие ступени властной вертикали часто принадлежали представителям местных элит. Персидская власть не стремилась к перестройке социальных и политических структур на местах, ограничиваясь общим надзором и контролем над ситуацией.

Впервые представители местной элиты появляются в сообщениях историков Александра в связи с описанием похода в страну мардов. Во время этого предприятия марды захватили знаменитого коня Александра Букефала. Царь в ответ на это пообещал уничтожить всю страну. Испугавшись угроз (тем более, что их начали уже приводить в исполнение), марды вернули коня и прислали делегацию из 50 человек с изъявлением покорности. Согласно Диодору, «Александр взял заложниками наиболее видных людей» (τοὺς μὲν ἀξιολογωτάτους τῶν ἀνδρῶν – Diod. XVII, 76, 8). Бесспорно, что здесь имеются в виду люди, выделяющиеся именно своим общественным положением.

В сообщении Арриана впервые представители местных элит появляются в описании событий, происходивших в Бактрии. Арриан рассказывает о том, что к восставшим согдийцам присоединились и некоторые бактрийцы. Одной из причин этого был «приказ Александра собраться всем начальникам этой страны (τοὺς ὑπάρχους τῆς χώρας) в Зариаспах, самом большом городе; по их мысли, собрание это созывалось с целями недобрыми» (Arr. IV, 1, 5). Термин ὕπαρχος, который использует здесь Арриан, М.Е. Сергеенко, как мы видим, переводит термином «начальник», в переводе же Г. Вирта и О. Фон Хинюбера используется термин «die Magnaten»[10]. В словаре Лидделл-Скотта этот термин имеет следующие значения: subordinate commander, lieutenant, subordinate governor. В литературе этих людей очень часто называют также магнатами[11], но чаще всего – баронами[12], иногда используются и иные столь же неопределенные термины[13]. С другой стороны, иногда исследователи «преуменьшают» статус бактрийско-согдийской знати[14]. Использование подобной терминологии без четкого выявления того, что за ней скрывается, может только дезориентировать.

Для понимания того, какое реальное содержание скрывается за этим термином в данной конкретной ситуации, необходимо исследовать те ситуации, в которых он применяется данным автором. Наиболее показательным в этом отношении является эпизод с осадой и взятием «скалы» («петры») Хориена[15]. Арриан сообщает, что множество варваров собрались в Паретакене на неприступной скале, которая носит название скалы Хориена. Там укрылся «сам Хориен и немало других князей». Термин «князья» – это перевод М.Е. Сергеенко[16], в переводе же Г. Вирта и О. Фон Хинюбера используется уже знакомый нам термин «die Magnaten». Собственно же текст Арриана выглядит следующим

образом: ὁ Χοριήνης .... καὶ ἄλλοι τῶν ὑπάρχῶν οὐκ ὀλίγοι (Arr. IV, 21, 1). Когда Арриан описывает судьбу Хориена после сдачи Александру, он также использует этот же термин: Александр «поручил ему ведать этим местечком и оставил его гипархом в тех местах, куда назначил его и раньше» (αὐτὸ τὸ χωρίων ἐκεῖνο ἐπιτρέπει Χοριήνῃ και ὕπαρχον εἶναι ὅσωπερ καὶ πρόσθεν ἔδωκει – Arr. IV, 21, 9).

Во избежание терминологической путаницы мы в дальнейшем будем пользоваться этим термином без перевода, который, как мы видим, может быть дезориентирующим.

Для нас в данной связи наиболее важным является то, что Хориен упоминается как гипарх (наряду с рядом других), пытающийся защититься от Александра, опираясь на естественную твердыню – скалу. Это сразу ставит эту информацию в связь с его же рассказом о защите и взятии Согдийской скалы (Arr. IV, 18, 4 – 19, 6), а также с сообщениями Курция Руфа о скале согдийца Аримаза (Curt. Ruf. VII, 11, 1– 28), и о скале Сисимифра (Curt. Ruf. VIII, 2, 19 – 4, 19), что дополняется кратким упоминанием об этом же у Плутарха (Plut. Alex. 58). В рассказе Курция Руфа также действуют выдающиеся представители местного населения, однако у него они, как правило, определяются, как сатрапы. Однако этому терминологическому различию, как нам кажется, не следует придавать особого значения, поскольку Курций Руф вообще отличается небрежностью в использовании терминов, определяющих статус. Так, Бесс у него – не сатрап Бактрии, а префект (Curt. Ruf. V, 8, 4; V, 9, 8)[17], командир греческих наемников, сопровождающих Дария в его трагическом отступлении из Экбатан, носит титул dux graecorum (Curt. Ruf. V, 9, 15) и т.д.

Рассказы Арриана и Курция Руфа позволяют нам создать достаточно отчетливый образ среднеазиатского гипарха этого времени. Прежде всего, это человек, который обладает и руководит достаточно многочисленными отрядами воинов. Так Арриан, в частности, говорит о «множестве согдийцев» (πολλοὺς μὲν τῶν Σογδιανῶν), собравшихся на Согдийской скале (Arr. IV, 18, 4). Судя по контексту, они были вооружены – несколько позднее он упоминает о «варварской страже» (Arr. IV, 19, 3). По свидетельству Курция Руфа, на скале согдийца Аримаза находилось 30000 воинов (Curt. Ruf. VII, 11, 1 – XXX milibus armatorum). Сисимифр, по его же словам, вооружает своих соотечественников (Curt. Ruf. VIII, 2, 20 – is armatis popularibus fauces regionis).

Второе обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, – это возможность этих гипархов мобилизовать значительные ресурсы, помимо оружия, о котором только что упоминалось. Авторы, описывающие события времени походов Александра, обращают на это особое внимание. Например, на Согдийской скале было собрано продовольствие (σιτία) «с расчетом на длительную осаду» (Arr. IV, 18, 5). На скале Хориена также имелись огромные запасы продовольствия. Хориен пообещал доставить для войска Александра еды из расчета на два месяца. И действительно, он сделал это, подсчитав количество людей по палаткам: было передано соответствующее количество хлеба и вина из запасов, хранившихся на скале (σῖτόν τε καὶ οἶνον τῶν ἐν τῇ πέτρα ἀποθέτων – Arr. IV, 21, 10)[18]. После этого Хориен сообщил Александру, что он отдал македонянам менее одной десятой части заготовленного на случай осады продовольствия (Arr. IV, 21, 10). Согласно Курцию Руфу, на скале согдийца Аримаза имелось такое количество продовольствия, которого хватило бы на два года для 30000 воинов, находившихся там (Curt. Ruf. VII, 11, 1). Позднее Сисимифр посылает Александру значительное количество продовольствия: «много вьючных животных и две тысячи верблюдов, а также мелкий и крупный рогатый скот» (Curt. Ruf. VIII, 4, 19). Все это было распределено среди солдат.

Границы их владений, которые обеспечивали и обилие продовольственных ресурсов и вооруженных людей, были, видимо, достаточно четко определены. Когда Александр Македонский принял сдачу Сисимифра, он «возвратил его власть (imperium … restituit) и даже обещал дать ему большую область (spe maioris etiam provinciae facta)» (Curt. Ruf. VIII, 2, 32).

Еще одна особенность в характеристике этих гипархов заслуживает особого внима-

ния. Мы имеем в виду постоянное упоминание в связи с ними их «знатности». Особенно ярко эта идея представлена в рассказе об Оксиарте и женитьбе Александра на его дочери. Александр прибывает в область, во главе которой стоит Оксиарт, знатный сатрап (Inde pervenit in regionem, cui Oxyartes, satrapes nobilis, praeerat – Curt. Ruf. VII, 4, 21). Очень показателен пассаж, посвященный Роксане: она не знатна, если сравнивать ее знатность с царской (Curt. Ruf. VIII, 4, 25). Таким образом, знатность может быть стратифицирована: знатность царя и знатность дочери сатрапа (точнее – гипарха) не равноценны. Источники говорят нам, что существует еще один уровень знатности – ниже уровня Оксарта и его дочери. В описании того пира, на котором Александр впервые увидел Роксану упоминаются еще 30 знатных девушек (XXX nobiles virgines), вместе с которыми она появилась на пиру (Curt. Ruf. VIII, 4, 23). Поскольку упоминается, что Оксиарт «приказал ввести» (introduci … iussit), ясно, что Оксиарт имеет право распоряжаться и теми, кто определяется как «знатный». Этот вывод подтверждается и другими свидетельствами источников. При сдаче скалы Аримаза последний посылает к Александру «тридцать вождей» (XXX principes), которые должны были сдать скалу (Curt. Ruf. VII, 11, 26). Чуть ниже Курций Руф говорит об Аримазе, который спускается со скалы «вместе с близкими и знатнейшими мужами своего племени» (cum propinquis nobilissimisque gentis suae), которые после этого подверглись жестокому наказанию: их сначала бичевали, а затем распяли у подножья скалы (Curt. Ruf. VII, 11, 28). В рассказе Арриана о сдаче Александру Хориена описывается следующая сцена (мы пользуемся переводом М.Е. Сергеенко): «Хориен послушался его [Оксиарта] и сам пришел к Александру в сопровождении нескольких родственников и друзей» (ὁ Χοριήνης αὐτός τε ἧκε παρ’’Αλέξανδρον καὶ τῶν οἰκείων τινὲς καὶ ἑταίρων αὐτοῦ – Arr. IV, 21, 8). Нам представляется, что перевод данного места должен быть несколько иным. Прежде всего, τῶν οἰκείων необходимо, видимо, перевести как «домашние», при этом этот термин должен охватывать не только родственников, но и слуг и домашних рабов. Что же касается второго термина – ἑταίρων, то вероятнее всего, по аналогии с гетайрами Александра в них надо видеть ближайших «соратников» Хориена, его самое близкое окружение в боевых действиях и его советников, членов его рода. Они, по всей видимости, равнозначны principes и propinquis nobilissimisque gentis suae Аримаза в описании Курция Руфа.

Таким образом, верхний слой знати (гипархи) представлял собой людей, которые контролировали значительные территории, которые имели достаточно определенные границы. Они могли использовать население (или часть его), проживавшее на этой территории, как свою вооруженную силу. Точно так же они могли использовать и произведенные не здесь продукты. Можно полагать, что данная территория являлась территорией определенного племенного объединения. Власть гипархов, видимо, была достаточно велика, поскольку для ее обозначения Курций Руф использовал термин imperium[19]. Очень показательно, что термин гипарх Арриан употреблял для определения статуса Таксила и других владетелей соседних с ним областей в Индии (Arr. IV, 22, 7), в то время как Курций Руф обозначал их статус термином reguli (Curt. Ruf. VIII, 10, 1). Интересно, что и статус известного деятеля александровскго времени Мазея Арриан точно также определял, используя этот же термин (Arr. IV, 18, 3). Таким образом, ориентируясь и на общепринятое значение слова, мы можем считать, что гипарх (в словаре Арриана) означает правителя достаточно большой области, но не обладающего суверенитетом, подчиняющегося представителям верховной власти: в период Ахеменидов – сатрапу. С другой стороны, гипарх – руководитель племенной группы. В результате этого, именно на нем «сходятся» две структуры: политическая и племенная[20].

Как руководитель племени он, естественно, обладает знатностью, что, видимо, означает, что и его предки занимали этот пост до него. В рамках своей ответственности он опирается на слой племенной знати, о которой мы говорили выше. Их число определяется в источниках только раз – когда говорится о 30 principes[21].

Нам кажется, что исследователи иногда смешивают эти два социальных слоя. Так, Э.Б. Босворт считает, что свидетельство Курция Руфа (Curt. Ruf. VII, 6, 14) о 7000 конниках является указанием на число гипархов Бактрии и Согдианы, которые приняли участие в восстании[22]. Очень трудно представить себе 7000 укрепленных замков, о которых в данном контексте говорит этот автор, на территории этих двух сатрапий. Скорее всего, под всадниками в данном случае понимается самый низший слой знати, как это было в Парфии[23].

Наконец, на самом низу социальной лестницы присутствуют рядовые члены племени. В этом обществе существовали и рабы, но эта проблема требует отдельного рассмотрения.

Можно предположить, что данная структура общества находила свое отражение в системе расселения. Рядовые члены племен обитали в рядовых деревнях. Деревни, имеющие укрепления, видимо являлись резиденциями principes. Наконец, города – резиденциями гипархов[24]. Скалы служили убежищами в случае опасности, но не местами обычного обитания[25]. В них население собиралось только в крайних случаях. Можно полагать, что отнюдь не все племенные группы обладали такого рода убежищами, они существовали только в горных районах. На равнинах роль убежищ должны были выполнять города. Крупнейшие города, в которых находились «басилейи», являлись центрами сатрапий. Естественно, что они занимали особое место в каждом из регионов.

Насколько мы можем судить, данная структура местного общества сложилась в эпоху Ахеменидов, и Александр Македонский отнюдь не стремился ее сломать. Могли меняться лица, уменьшаться или увеличиваться размеры территории отдельных владений (некоторые даже вообще могли исчезать) но сама принципиальная модель оставалась неизменной.

Было только одно, но существенное новшество, которое появилось с Александром на Востоке. Мы имеем в виду греческие города, которые он здесь создавал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Arrian Der Alexanderzug*, Indische Geschichte. Griechisch und Deutsch von G. Wirth und O. von Hinüber. Berlin, 1985. S. 297.
2. *Fox R.L.* Alexander the Great. London, 1974. P. 298.
3. П. Фор называет Мараканду крепостью (*Фор П.* Александр Македонский. М., 2001. С. 83), вопреки ясному указанию источников.
4. Арриан явно отличает этот регион от собственно Согдианы. В более позднее время здесь находилась особая, хотя и очень тесно связанная с Согдианой, область Уструшана.
5. См., например, *Fox R.L.* Alexander… P. 302-303.
6. *Bosworth A.B*. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988. P. 110; *Фор П.* Александр… P. 83; *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984. С. 206.
7. См. *Грин П.* Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М., 220-221.
8. См. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Александр Македонский в Маргиане // ВДИ, 2000, № 1. С. 3-15.
9. См., например, *Xenoph.* Cyr. I, 1, 5; *Xenoph.* Anab. I, 2, 9; Athen. XIII, 578; *Diod*. XIX, 22, 1; *Strab*. XI, 13, 1. *Briant P.* Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. Paris, 1996. P. 219, 258, 577, 726, 757.
10. *Arrian Der Alexanderzug*… S. 279.
11. *Bosworth A.B.* Conquest… P. 116; *Hirth G.* Alexander der Grosse in Selbstzeugissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1975. S. 40-41; *Шахермайр Ф.* Александр… С. 186.
12. См., например, *Fox R.L.* Alexander… P. 302, 315-316; *Bosworth A.B.* Conquest… P. 238.
13. Например, П. Бриан называет их «petits princes locaux» (*Briant P.* Alexandre le Grand. Paris, 1974. P. 56-57). Эту терминологию полностью поддерживает Ф.Л. Холт. См.

Holt F.L. Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia (Mnemosyne. Supplement 104). Leiden-New York-København-Köln, 1988. P. 59. Иногда их прямо называют «феодальными владыками». См. *Hirth G.* Alexander… S. 43.

14. Так, например, М.А. Леви определяет их как “capi triballi”. См. *Levi M.A.* Alessandro Magno. Milano, 1977. P. 378.
15. О «петрах» см. *Ртвеладзе Э.В.* Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002. С. 94-116.
16. Иногда этим термином пользуется и Шахермайр – например, в применении к Оксиарту. См. *Шахермайр Ф.* Александр… С. 212.
17. Впрочем и македонского наместника Аттина Курций Руф также называет префектом (Curt. Ruf. VIII, 1, 3).
18. В переводе М.Е. Сергеенко добавлено еще «и солонины», но в греческом тексте это слово отсутствует.
19. Нам представляется, что совершенно неправильно использовать, как это делает П.Фор (*Фор П.* Александр… P. 86), термин «царек» для определения статуса этих владетелей.
20. Ср. мнение Р.Л. Фокса: «Персы управляли через местных баронов, которые в безопасности жили в замках и окруженных скалами крепостях, обслуживаемых отрядами своих приверженцев» (*Fox R.L.* Alexander… P. 298).
21. Ср. описание этой социальной группы Ф. Шахермайром (*Шахермайр Ф.* Александр… С. 205): «Управление каждой местностью, согласно обычаю, поручалось кому-нибудь из знати. Тут играли роль и принадлежность к одному из знатных семейств, прямое наследование, богатство, отвага, честность (разумеется, в сугубо сословном смысле), воинские доблести и дарования – все это имело значение и по-разному сочеталось в этих людях. Только серого чиновничества не было в этом, быть может, слишком пестром, но и ослепительном местном нобилитете. К тому же здешние правители оставались всегда лишь первыми среди равных, так что окружающая их более мелкая знать была заинтересована в их процветании». Вся эта яркая характеристика только частично основана на данных источников. Реальная картина могла отличаться от этого «идеального» прототипа. Достаточно вспомнить краткое сообщение Плутарха о начале осады «петры» Сисимифра: «Рассказывают, что во время осады отвесной недоступной скалы, на которой находилась крепость Сисимифра, солдаты совершенно пали духом. Александр спросил Оксиарта, что за человек Сисимифр. Тот ответил, что трус из трусов. «По твоим словам выходит, что крепость мы можем взять: ее основание не крепкое. Он и взял ее у перепуганного Сисимифра» (Plut. Alex. 58). Описание этих же событий у Курция Руфа подтверждает справедливость оценки Сисимифра, сделанной Оксиартом.
22. *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian’s History of Alexander. Vol. II. Commentary on Books IV-V. Oxford, 1995. P. 18-19.
23. См. *Košelenko G.A.* Les cavaliers parthes. Aspects de la structure sociale de la Parthie //Dialogues d’histoire ancienne. 6. 1980. P. 177-199.
24. В этой связи напомним сообщение Курция Руфа об одном из согдийских городов, что он был населен «сильным племенем мемакенов» (memaceni, valida gens) (Curt. Ruf. VII, 6, 17).
25. Их нельзя называть «замками», в которых обитали «рыцари», как это делает Ф. Шахермайр. См. *Шахермайр Ф.* Александр… С. 186.

G.A.Koshelenko, V.A.Gaibov

PUBLIC RELATIONS IN EASTERN IRAN DURING ALEXANDER THE GREAT EPOCH

The present work studies the problem of public relations in Central Asia region during Alexander the Great gains, which has never been an object of a special research. The work presents the results of the analysis done over the data of some sources (first of all by Arrhian

and Curtius Rufus), and the comparison of this analysis to the data of archeology and then to the data of sources from subsequent periods. So, the assumption is made, that a social structure of a society was reflected in a system of settling. Rank-and-file members of tribes lived in ordinary villages. Villages with fortifications were residences that are principes. Cities were residences of gipparchs. The largest cities in which were «basileii» were the centers of satrapijs. Such a structure of a local society developed during Achemenid epoch and remained constant at Alexander's. The most essential innovation was the appearance of the Greek cities.

© 2007 г.

М. М. Холод

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ И ГРЕЧЕСКИЕ ПОЛИСЫ МАЛОЙ АЗИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

Весна 334 г. до н.э. положила начало длившимся почти десять лет азиатским походам Александра Великого. В результате древневосточный мир, объединенный в Персидском царстве, пал под натиском македонской армии, а на месте империи Ахеменидов была создана новая мировая держава, бóльшая по своей территории, чем ее предшественница.

Круто изменившая судьбы тогдашнего мира восточная кампания Александра оставила весьма заметный след и в судьбе греческих полисов Малой Азии. Эти полисы, находившиеся ранее под контролем Персии — под прямым, как общины малоазийского побережья, или под косвенным, как общины прилегающих к нему островов (по крайней мере, накануне похода), — после одержанных македонским царем и его полководцами побед над персами оказались всецело включенными в сферу политического влияния своего освободителя. С этих пор для греческих городов Малой Азии открывается новая эпоха — эпоха, в которой жизнь данных общин оказывается в значительной степени обусловленной их отношениями вначале с монархической властью Александра, а затем его преемников.

Цель настоящего очерка состоит в том, чтобы дать общий обзор изучения проблемы отношений Александра и греческих городов Малой Азии в современной научной литературе, проблемы, имеющей важное значение для понимания того места, которое занимали полисы греков в структуре грандиозного здания — мировой державы, — возведенного великим царем-завоевателем, а следовательно, и для понимания характера этой державы в целом. Как представляется, сделать подобный обзор в рамках отдельной работы будет достаточно полезно, поскольку ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в историографии в связи с исследованием указанной проблемы, нельзя назвать простой: несмотря на то, что, пожалуй, найдется немного в истории Александра тем, о которых бы писали столь обильно, наметившиеся значительные разногласия в разрешении соответствующего вопроса, не говоря уже о бесчисленных спорах вокруг его отдельных аспектов, так и остаются до сих пор отличительной характеристикой качества разработки такового. При этом появление подобного очерка видится отнюдь не лишним, и невзирая на тот факт, что состояние изучения проблемы отношений Александра и полисов малоазийских греков уже так или иначе обрисовывалось в ряде исследований: действительно, даже самые содержательные из такого рода историографических обзоров — Я. Зейберта[1] и наиболее подробный — Л. П. Маринович[2], на наш взгляд, требуют (во всяком случае, не исключают) известной корректировки и добавлений, в том числе за счет учета трудов, либо вообще не попавших в поле зрения названных авторов (в частности, из-за времени выхода тех в свет), либо оказавшихся освещенными ими, как ка-

жется, незаслуженно кратко. Вместе с тем нужно оговориться, что настоящий очерк вовсе не претендует на то, чтобы считаться полностью исчерпывающим: ввиду его довольно узких рамок представляется целесообразным основное внимание сосредоточить здесь на специальных исследованиях, посвященных интересующей нас проблеме в целом, оставив в стороне работы, рассматривающие ее различные аспекты, т. е. работы, значение которых для изучения данного вопроса является, по-существу, второстепенным. В свою очередь, хотелось бы подчеркнуть, что поскольку предлагаемый очерк носит историографический характер, мы намерены в нем максимальным образом воздерживаться от сколько-нибудь пространного выражения собственной точки зрения, ограничившись лишь отдельными критическими замечаниями там, где они будут, как нам думается, явно необходимы.

Переходя к основному изложению, укажем, что интерес к проблеме отношений Александра и греческих полисов Малой Азии возник у ученых сравнительно давно. При всем том вплоть до середины 30-х гг. XX в. в научной литературе доминировало во многом восходящее к И.-Г. Дройзену мнение, согласно которому данные полисы, освобожденные македонским царем от персидского господства, обрели тот же самый статус, каким именно пользовались государства собственно Эллады, став тем самым, как и последние, в принципе свободными общинами. (Правда, определенная степень их зависимости от власти македонского царя все-таки допускалась — не только к концу правления Александра, когда им были сделаны откровенные шаги к ограничению свободы греческих полисов вообще, как балканских, так и малоазийских[3], но и уже с самого начала похода[4].) Среди ученых того времени не было по большому счету только согласия по вопросу организации этих освобожденных городов, т. е. включил ли Александр полисы Малой Азии и прибрежных островов в Коринфскую лигу или нет (впрочем, некоторое численное преимущество все-таки тогда наблюдалось за сторонниками положительного ответа на данный вопрос)[5].

Сам И.-Г. Дройзен писал, что македонский царь возвратил «свет и воздух» малоазийским грекам. Их города «не только получили свою прежнюю общинную свободу, но и сделались снова свободными государствами, какими они были до Анталкидова мира»[6]. Но в отличие от многих последующих исследователей И.-Г. Дройзен считал, что малоазийские эллинские полисы как материка, так и островов (кроме Тенедоса) не вошли в Коринфскую лигу, поскольку «в интересах Александра было наиболее выгодно создать из этих освобожденных греческих городов противовес против союза тех, которые были по большей части принуждены присоединиться к Македонии силой оружия». Полисы эллинов Малой Азии, с точки зрения И.-Г. Дройзена, стали «свободными политиями» «в царстве своего освободителя», обязавшего их признать себя «неограниченным стратегом» в войне против Персии[7].

В своем роде поворотным пунктом в изучении занимающей нас проблемы стал, насколько нам известно, первый специально посвященный ей труд — статья Э. Бикермана «Александр Великий и города Азии», увидевшая свет в 1934 г.[8]

Э. Бикерман полагает, что сохранившаяся до нас традиция вполне достаточна для исследования отношений Александра и малоазийских греков. Однако, согласно автору, данная проблема была неверно поставлена в предшествующей исторической литературе, так как обсуждалась всегда прежде всего с точки зрения политической, в то время как рассматривать ее надо также (и особенно) с точки зрения общественного права. Для этого вполне достаточно признать два «простых постулата»: Александр вел войну против Персии; он принимал законы войны своего времени[9].

К моменту организации Филиппом II Коринфской лиги, продолжает Э. Бикерман, международные отношения в Греции регулировались решениями Царского мира, согласно которым положение европейских и островных эллинов в правовом аспекте фундаментальным образом отличалось от положения азиатских греков. Если первые были свободны, то другие — подчинены персидскому царю. Эта разница, в должной мере не оцененная современными учеными, учитывалась Александром. Перейдя границы, уста-

новленные пактом Анталкида, он не собирался освобождать эллинов Азии (что хотели сделать греки в кампаниях 479 и 396 г. до н.э.), но стремился ее завоевать[10].

Чтобы решить вопрос статуса городов Азии при Александре, по мнению Э. Бикермана, необходимо обратиться к древнему обычаю ведения войны[11]. В соответствии с этим обычаем, вторжение на вражескую территорию обеспечивало то, что она становилась владением победителя, а ее жители — подданными нового владыки. Город, оказавший сопротивление, после захвата подвергался разграблению, а иногда и полному уничтожению, население же его нередко обращалось в рабство. Покорность, напротив, гарантировала пощаду. Подобными правовыми нормами и руководствовался Александр. Он не различал побежденных эллинов и варваров, но тех, кто покорился ему, и тех, кто оказал ему сопротивление. Его принцип не национальный, это — империалистический принцип: *parcere subjectis et debellare superbos*[12]. Александр не заключал никаких договоров с побежденными (в источниках нет упоминаний ни о συμμαχία, ни о συνθῆκαι), а лишь вступал подчас в военные соглашения, в которых устанавливались условия сдачи того или иного города.

В общем, согласно Э. Бикерману, способ подчинения определял статус побежденных. Александр обыкновенно требовал безусловной капитуляции, которая по военному обычаю гарантировала сохранение прежнего статуса. Однако в отдельных случаях городам даровались некоторые привилегии. К их числу, полагает исследователь, и относятся свидетельства античных писателей о предоставлении Александром азиатским городам, эллинским и варварским, свободы и автономии. При этом по отношению к грекам азиатского материка Александр вел себя не как гегемон Коринфской лиги, куда, по мнению автора, они не вошли, в отличие от полисов островов Восточной Эгеиды[13], но как их хозяин — «властитель Азии»[14].

Касаясь далее проблемы свободы малоазийских греческих городов при Александре, Э. Бикерман заявляет, что современная теория на этот счет основывается на двойном недоразумении. С одной стороны, «свобода» воспринимается как синоним демократии, в чем сообщения Диодора (XVII, 24, 1), Арриана (I, 18, 2) и надписей из Приены времени Александра (IvP, № 2–4) не оставляют никакого сомнения. С другой стороны, недоразумение происходит из смешения юридического и фактического положения. Многие греческие города Малой Азии (так же как и варварские) были «свободными» при Александре. Это понятие свободы включало в себя автономию, освобождение от юрисдикции сатрапов, от выплаты дани, освобождение от царского гарнизона, демократическое правление. То есть права данных городов были теми же, что и права, признанные за членами Коринфской лиги. Но это сходство в фактическом положении скрывает фундаментальное различие в положении юридическом. Свобода греков, входивших в Коринфскую лигу, была первичной. Ее Александр не мог ни дать, ни отобрать. «Свобода» же греков Азии была вторичной, она ведет свое происхождение из права завоевания и не имеет никакой другой причины, кроме личного желания Александра. Она покоится на произволе царя и имеет основанием только односторонний акт (она — проявление милости царя, его дар), а значит, остается отменяемой[15].

В 1938 г. вышла книга В. Эренберга «Александр и греки» (перевод на английский язык неопубликованного немецкого оригинала), одна из ее частей которой называется «Александр и освобожденные греческие города»[16].

Для В. Эренберга тема отношений македонского царя и эллинских полисов Малой Азии представляет интерес в первую очередь потому, что, как он заявляет, этот вопрос является частью более широкой проблемы — проблемы отношений монархии и полиса в эллинистических государствах. По мнению В. Эренберга, основы наблюдающейся в эпоху эллинизма субординации полиса царской власти были заложены именно при Александре. Последний, постепенно усиливая собственные позиции в отношении греческих городов Малой Азии и Восточной Эгеиды, в итоге поставил их в положение своих подчиненных, причем в конце жизни Александра угроза подчинения нависла даже над государствами балканских греков[17].

Полагая, что наше представление о позиции греческих городов в империи Александра в значительной мере зависит от выяснения вопроса, были ли города, находившиеся под персидским господством, т. е. города собственно Малой Азии, допущены в Коринфскую лигу, В. Эренберг находит нужным прежде всего остановиться на этом вопросе. Подробно исследуя подобный вопрос и решая его отрицательно[18], В. Эренберг в основном разделяет взгляды Э. Бикермана на характер и природу свободы малоазийских греческих городов при Александре (с точки зрения автора, Э. Бикерман сделал в данной связи «важное открытие»). В. Эренберг отмечает, что автономию и свободу, которыми, без сомнения, пользовалось большинство эллинских полисов Малой Азии, необходимо считать односторонним даром и благодеянием македонского царя, персонально дарованными им, в каждом случае отдельно, привилегиями. Эти привилегии не исключали права Александра вмешиваться в политическую и экономическую жизнь полисов, когда бы и как бы он ни пожелал[19].

По сути дела, развивая далее теорию Э. Бикермана, В. Эренберг распространяет его понимание свободы греческих полисов Малой Азии и на полисы островов Восточной Эгеиды. Ученый приходит к выводу, что положение островных греков после окончательного установления над ними македонского контроля в 332 г. до н.э. стало сходным с положением эллинов азиатского материка[20]. Города и тех и других оказались в зависимости от Александра не как гегемона и не как стратега Коринфской лиги, а как царя, «нового властителя Азии». Захватив эти города и подтвердив их автономию, таким образом сохранив за каждым характер полиса, Александр, согласно В. Эренбергу, хотя и обращался с ними не точно так, как с общинами азиатов (и здесь, по его словам, Э. Бикерман ошибается, заявляя обратное), все же по праву завоевания подчинил себе, сделал частью своей империи[21]. И в эллинистический период, по мнению автора, полисы, входя в состав монархических территориальных государств, были также подчинены царской власти — подобным образом, заключает В. Эренберг, оказались соединены вместе господство и автономия, несовместимые друг с другом по самой своей природе[22].

В 1940 г. была выпущена в свет статья Т. Леншау «Александр Великий и Хиос»[23]. Несмотря на то, что в центре внимания автора данной статьи находится более частный сюжет — отношения македонского царя и Хиоса, немецкий исследователь коснулся здесь и интересующей нас проблемы в целом.

Полемизируя с В. Эренбергом, Т. Леншау доказывает, что Хиос и остальные вновь освобожденные македонянами полисы островов Восточной Эгеиды (Тенедос и общины на Лесбосе) оказались опять включенными в Коринфскую лигу. При этом, полагает автор, не может идти и речи о произволе Александра по отношению к их правам. С точки зрения Т. Леншау, македонский царь действовал в отношении Хиоса, а также других островных полисов исключительно как глава Коринфской лиги. Он не превышал своих полномочий гегемона и, оперируя только в законных рамках, не наносил никакого ущерба свободе и автономии этих полисов[24].

Что же касается греческих городов собственно Малой Азии, то в данном случае Т. Леншау поддержал идею Э. Бикермана и В. Эренберга о непричастности этих городов к Коринфской лиге[25]. Но в то же самое время Т. Леншау выступил против одного из главных утверждений этих ученых, а именно против того, что Александр по праву завоевания подчинил малоазийские полисы греков своей власти, что их свобода была ничем иным, как односторонним даром македонского царя. Критикуя данное утверждение, исследователь приходит к выводу, что греческие города Малой Азии после ликвидации над ними персидского господства противостояли Александру как свободные общины, связанные с ним при этом договорами о симмахии. Подобные договоры, отмечает автор, македонский царь, впрочем, заключал не с отдельными полисами, а с их объединениями — древними союзами (κοινά) малоазийских греков, некогда образованными ими для сохранения своей национальной особенности в Малой Азии и теперь, согласно Т. Леншау, вновь восстановленными Александром[26]. И хотя, по мнению ученого, Александр осуществлял некоторый надзор над этими союзами через своего специального представите-

ля в них, тем не менее он совершенно не вмешивался в дела самих греческих городов. Их автономия, с точки зрения Т. Леншау, была нисколько не стеснена македонским царем, она всецело осуществлялась ими при Александре[27].

Таким образом, Т. Леншау в главных своих выводах, по сути дела, вернулся к тому взгляду на занимающую нас проблему, который господствовал в научной литературе до появления статьи Э. Бикермана.

Однако наиболее яростного защитника этот прежде традиционный взгляд нашел в лице У. У. Тарна, двухтомный труд которого «Александр Великий» был издан в 1948–1950 гг. Если в первом томе, освещающем событийную сторону восточного похода, теме отношений македонского царя и малоазийских эллинских полисов автор уделяет всего лишь несколько страниц, то во втором томе подобная тема уже подробно исследуется в отдельном очерке «Александр и греческие города Малой Азии»[28].

У. Тарн категорически не соглашается с теорией, выдвинутой Э. Бикерманом, и поэтому предлагает еще раз остановиться на соответствующей проблеме[29].

По мнению У. Тарна, Э. Бикерман ошибается, говоря, что ко времени похода Александра греческие города Азии, в отличие от городов собственно Греции, были *de jure* несвободны. Полисы эллинов Малой Азии, находясь под властью персов, могли потерять свою свободу юридически только одним путем — отказаться от нее. Согласно греческой концепции свободы, свободный полис — это суверенное государство, которое само решает свои внутренние и внешние дела. Персидское правление *de facto* препятствовало осуществлению этих прав, но не повредило их *de jure*. Когда Александр устранил это препятствие, изгнав гарнизон, и восстановил свободу, все права стали снова осуществляться полисом. Но возвращение свободы городу с точки зрения юридической не обязательно должно было обозначать, что тем самым полис получал возможность пользоваться всеми правами, например, воевать с соседями, что очень часто означало для греческих городов внешнюю политику. В ряде случаев в Элладе еще до образования Коринфской лиги города, безусловно, свободные, являющиеся членами Пелопоннесского или Беотийского союзов, на практике были лишены возможности проводить свою собственную внешнюю политику и следовали в этом за Спартой и Фивами. Входившие в Коринфскую лигу полисы подчиняли свою внешнюю политику номинально союзу, а на деле — Филиппу. Точно так же было и в отношении греческих городов Малой Азии. Хотя Александр вернул им (среди других прав) право внешней политики, его огромная власть делала невозможным осуществление данного права на практике. Однако это было не «мертвое», но «дремлющее» юридическое право, проявляющееся, в частности, в связях города с царем через посольства, пограничных конфликтах, тяжбах с другими полисами и т. д. Иными словами, как полагает У. Тарн, нет нужды сомневаться в том, что греческие полисы Малой Азии стали при Александре такими же свободными государствами, какими были до персидского господства. Э. Бикерман не прав, утверждая, что македонский царь предоставил этим городам свободу в качестве дара, и что она была проявлением милости с его стороны — очевидно, что Александр лишь восстановил, оживил их исконную свободу[30].

Вместе с тем, заявляет У. Тарн, следует согласиться с Э. Бикерманом в том, что юридически отношения между Александром и греческими полисами Малой Азии были никак не урегулированы. В 334–333 гг. до н.э., считает английский ученый, македонский царь об этом и не думал, поскольку тогда все его мысли были заняты проблемами военного характера: скорейшей встречей с Дарием, а также действиями персидского флота в тылу. Александр прекрасно понимал, что обе эти проблемы могут быть с успехом решены, если только греческие города Малой Азии станут свободными, т. е. если демократы, его друзья, придут в них к власти. Провозгласив свободу и демократию, македонский царь таким образом немедленно привлек значительную часть малоазийских эллинов на свою сторону. При этом многие греческие города Малой Азии сами освобождались от олигархов и персидских гарнизонов, хотя в некоторых случаях Александр устанавливал демократов у власти силой. Но, по мнению У. Тарна, из этого вовсе не следует, что он

относился к малоазийским эллинским полисам как «властитель Азии». «Властителем Азии» Александр стал позднее, после смерти Дария, в период же с 334 по 333 г. до н.э. македонский царь выступает лишь в качестве главы Коринфской лиги. И если он применял в отношении греческих городов Малой Азии силу, то поступал так только из полномочий гегемона и в целях военного успеха кампании[31]. С точки зрения У. Тарна, тезис Э. Бикермана о том, что Александр обращался с освобожденными от власти персов эллинскими городами как с покоренными азиатами, не верен — в отличие от последних, малоазийские полисы греков, каждый в отдельности, получили независимость и стали свободными союзниками македонского царя, хотя и вне Коринфской лиги[32].

Интересующая нас проблема нашла свое отражение и в появившейся в 1966 г. статье Э. Бэдиана «Александр Великий и греки Азии»[33].

Касаясь кратко в начале статьи историографии вопроса, автор отмечает, что именно Э Бикерман первым показал слабость «наивного традиционного взгляда» на отношение Александра к греческим полисам Малой Азии, и эта его теория, по мнению Э. Бэдиана, сразу получила всеобщее признание. Впрочем, продолжает американский ученый, У. Тарн, следуя созданному им мифу об Александре как о гуманном строителе империи и царе-философе, попытался оспорить положения Э. Бикермана и вернулся, по-существу, к традиционному взгляду. Однако, согласно Э. Бэдиану, трудно понять, как ученый, столь прекрасно знающий источники, мог убедить себя в свободе малоазийских греческих городов при Александре. Спор, который вел У. Тарн, был прежде всего о легальном статусе. Но вообще бессмысленно, полагает Э. Бэдиан, говорить об этом и выявлять тонкие различия между положением *de jure* и *de facto* там, где все управлялось волей одного человека. Ведь это в значительной степени было присуще даже отношениям, прикрываемым блестящим фасадом Коринфской лиги, но с царскими командующими в качестве наблюдателей в городах и возможностью вмешательства царя в дела полисов по любому поводу. Поэтому, с точки зрения Э. Бэдиана, кажется более полезным сосредоточить свое внимание на исследовании действий Александра, нежели концентрироваться на бесцельных для существа дела правовых теориях[34].

Э. Бэдиан считает, что изучение заявленной им темы следует начать с Филиппа, который основал Коринфскую лигу, запланировал азиатскую кампанию и начал проводить ее в исполнение. Всегда признавая в теории, современные историки часто игнорируют на практике, сколь многим Александр был обязан своему отцу. Вместе с тем политика, продемонстрированная в отношении греческих городов в кампании 335 г. до н.э. в Малой Азии, описанная Диодором, несмотря на то, что относится уже ко времени Александра, является в чистом виде политикой Филиппа, так как Александр был слишком занят в Европе, чтобы что-либо менять в Азии[35].

Александр, возложив на себя унаследованную от отца роль главы «крестового» похода и еще больше, чем Филипп, подчеркивая панэллинский характер войны, был неизбежно ввергнут в политику освобождения малоазийских греческих городов, с которой он, по мнению Э. Бэдиана, однако, не спешил. Вплоть до того, как македоняне вступили в Эфес, Александр не пытался провести разграничение между свободой варваров и эллинов. И только в Эфесе, когда к нему пришли посольства из Магнесии и Тралл, Александр, чья политика до сих пор была нерешительной и уклончивой в отношении греков Малой Азии, полностью осознал, чего требовала ситуация: демократия и автономия были теперь подняты до уровня основных принципов политики, а подати отменены. Э. Бэдиан считает, что, как и в большинстве своих акций, Александр выступал по отношению к малоазийским полисам греков осторожным прагматиком, переменчивым в достижении своих политических целей. Он никогда не принимал никаких связывающих его обязательств до тех пор, пока это не становилось необходимым. Однако, видя путь, который должен был привести его к удаче, Александр не медлил с решением — таковой была основная черта его характера, в этом состоял главный секрет его успехов[36].

Что же касается свободы греческих городов, избавленных македонским царем от персидского господства, то, согласно Э. Бэдиану, ее подлинный характер ясно виден из

вмешательства Александра в дела Хиоса и Приены. Но наилучшим примером в данной связи является пример Аспенда. Официальные меры, предпринятые Александром для наказания этого города, свидетельствуют о том, что греческие полисы Малой Азии освобождались от гарнизона, контроля со стороны сатрапов и выплаты налогов. Они платили синтаксис и получали гарнизон только на то время, на которое Александр считал это необходимым. В остальном же малоазийские эллинские города были свободны, при условии, впрочем, подчинения Александру. Так что, заявляет Э. Бэдиан, теория Э. Бикермана, хотя технически ошибочная и во многих деталях неточная, как показал У. Тарн, в сущности верна, и «словесная дымовая завеса» последнего не в состоянии скрыть очевидные факты. Свобода греческих полисов Малой Азии была сходна со свободой правительств государств-сателлитов СССР эпохи Сталина или со свободой Виктора Эммануила III при Муссолини. Иными словами, их свобода была ничтожной, независимо от того, входили ли эти полисы в Коринфскую лигу (как все же считает и пытается доказать сам Э. Бэдиан[37]) или нет — малоазийские греческие города «целиком находились под произвольной и непреодолимой властью Александра»[38].

После статьи Э. Бэдиана в зарубежной научной литературе довольно долго не появлялось работ, специально посвященных проблеме отношений Александра и греческих полисов Малой Азии. В определенном смысле как об исключении здесь можно говорить лишь о книге Э. Дж. Хейссерера, где в историческом контексте исследуется эпиграфический материал времени царствования Александра (в рамках темы «Александр и греки»), в том числе, и даже в большей степени, связанный с интересующим нас вопросом[39], а также о сравнительно кратком очерке А. Б. Босуорта «Греки Малой Азии», вошедшем в состав его труда об Александре Великом[40].

Э. Дж. Хейссерер поддержал точку зрения, согласно которой малоазийские греческие полисы (и материка, и островов) были присоединены к Коринфской лиге. Вместе с тем, придавая, как и Э. Бэдиан, большое значение преемственности в политике Филиппа и Александра в отношении греков Малой Азии, Э. Дж. Хейссерер находит нужным развить этот тезис и в итоге приходит к заключению, что первым, кто включил их города в массовом порядке в Коринфскую лигу, был не Александр, а Филипп, начавший этот процесс еще в 336 г. до н.э., во время наступательных операций, которые вел в регионе македонский экспедиционный корпус. Что же до Александра, то он, считает ученый, просто вернул в 334 г. до н.э. малоазийские греческие полисы в Коринфскую лигу, ликвидировав восстановленную в них в 335 г. до н.э. персами власть. По словам Э. Дж. Хейссерера, греки Малой Азии не могли не приветствовать то, что их городам, окончательно присоединенным к Коринфской лиге Александром, были теперь предоставлены, в соответствии с соглашениями, на которых она базировалась, свобода и автономия, а также избавление от выплаты фороса. И все же от этого присоединения выиграл прежде всего македонский царь, получивший в результате возможность не только требовать от греческих полисов Малой Азии выплаты синтаксиса, который должны были вносить на нужды войны против Персии все члены Коринфской лиги, но и утверждать в них у руля правления своих сторонников — местные демократические партии. Более того, пишет Э. Дж. Хейссерер, как ясно свидетельствуют эпиграфические документы, Александр вообще проявлял склонность к тому, чтобы вмешиваться во внутренние дела эллинских общин, и малоазийские полисы в этом плане, конечно, не были исключением. Правда, в первое время, пока македонский царь был заинтересован в военной и финансовой помощи своих греческих союзников, он вел себя подчеркнуто корректно в отношении имеющихся у него договоров с ними. Если Александр тогда вмешивался во внутренние дела греков, то стремился убедить их в том, что в данном случае он не выходит за законные рамки, а поступает в согласии с возложенными на него полномочиями гегемона Коринфской лиги и стратега-автократора панэллинской кампании против Персии. Решительная перемена в отношениях Александра с греческими городами Малой Азии (и греками в целом), по мнению Э. Дж. Хейссерера, произошла после битвы при Гавгамелах, когда необходимость в эллинских контингентах и синтаксисе у македонского царя отпа-

ла. Отказавшись от этих последних в 330 г. до н.э., Александр мог уже больше не считаться с Коринфской лигой и с теми соглашениями, которые лежали в ее основе. И хотя Коринфская лига продолжала существовать дальше, в итоге к концу правления македонского царя она потеряла всякое значение: теперь Александр действовал в отношении эллинских полисов, и в том числе малоазийских, в односторонней манере, просто посылая им указы, в которых диктовал свою волю[41].

А. Б. Босуорт указывает, что положение греческих городов собственно Малой Азии в империи Александра (именно этим городам и посвящен его очерк) было особенным. Их освобождение было провозглашено в качестве одной из целей панэллинской войны против Персии, и потому македонский царь не мог позволить себе обращаться с ними точно так же, как с варварами. Но вместе с тем полисы малоазийских греков, находясь в зоне боевых операций, имели важную стратегическую ценность и их нельзя было полностью предоставлять самим себе, поскольку существовала угроза того, что они примкнут, вольно или невольно, к персам. В связи с этим Александр был вынужден действовать в отношении данных полисов так, чтобы, заручившись симпатиями местного населения, обеспечить на будущее для себя его поддержку. С другой стороны, греческие города Малой Азии подпадали под действие законов войны того времени: если они сопротивлялись македонянам или давали убежище персидским гарнизонам, пусть даже и не по собственному желанию, в отношении их Александр был способен применять карательные меры, когда его войска брали города штурмом. Конечно, на практике, отмечает А. Б. Босуорт, обещание малоазийским грекам освобождения могло значить очень мало: раз персы были изгнаны, все подчиненные им народы оказывались, по определению, освобождены. Тем не менее македонский царь был готов предоставлять греческим городам Малой Азии свободу, но только такую, которая была совместима с его собственной верховной властью. Ввиду того, что данные города находились на завоеванной территории, и Александр не отказывался от своих прав победы, все достигнутые тогда македонским царем урегулирования с полисами малоазийских греков были им навязаны. Это он утверждал в них правительства, решал вопросы финансовых выплат и предоставлял автономию, которую, поскольку та являлась его персональным даром, был всегда в состоянии отменить. Ни о каком двустороннем договоре о союзе или даже дружбе не шло здесь и речи. Александр диктовал условия, которые были ему угодны, как деспот и победитель, и подобного рода процесс был полностью односторонним. При этом, полагает А. Б. Босуорт, свои отношения с греческими полисами Малой Азии македонский царь устраивал всякий раз с учетом военной ситуации, так, чтобы приобрести для себя союзников, наказать отступников, добыть деньги на нужды кампании, и его позиция в данной связи менялась вместе с переменами в войне. Однако в целом, кроме установления демократии, что являлось вынужденной реакцией на поддерживавшие персов местные олигархии, никакого определенного порядка в том, как обращался Александр с этими полисами, не существовало: был только ряд милостей, которые македонский царь предоставлял или в которых отказывал малоазийским грекам по собственному усмотрению. И хотя, согласно А. Б. Босуорту, большинство эллинов Малой Азии все же было склонно видеть свое освобождение подлинным, на самом деле положение, в котором оказались населенные ими города, было далеко от этого: никакое провозглашение автономии не гарантировало их от принуждения или физического вмешательства, если это было в интересах македонского царя или его сатрапов. Итак, заключает автор, малоазийские греки являлись пусть и привилегированными, но подданными в державе Александра. Что же касается островных полисов Восточной Эгеиды, то А. Б. Босуорт, считая, что они, в отличие от полисов собственно Малой Азии[42], вошли в Коринфскую лигу, описывает их отношения с македонским царем в контексте общей эволюции его отношений с этим политическим объединением. При этом в «автократическом», по словам А. Б. Босуорта, вмешательстве Александра во внутренние дела островных полисов в 332 г. до н.э. (прежде всего Эреса и Хиоса), происходившем без участия синедриона Коринфской лиги, исследователь находит явный пример нарушения македонским царем тех принципов, на которых она базировалась[43].

Как видно, выраженный в сочинениях Э. Дж. Хейссерера и А. Б. Босуорта общий взгляд на рассматриваемую нами проблему трудно назвать оригинальным, поскольку в данной связи каждый из авторов, по-существу, исходит из схем, уже предложенных их предшественниками (первый следует близко схеме, нашедшей оформление еще у У. Вилькена и Г. Берве[44], второй — Э. Бикермана). Однако значение этих работ все-таки достаточно велико: в них ученые не только по-новому, нестандартно оценивают многие частные вопросы, имеющие отношение к интересующей нас теме, но и уточняют целый ряд ее отдельных аспектов. Правда, в то же время нельзя не признать, что некоторые идеи данных исследователей, особенно Э. Дж. Хейссерера, не всегда должным образом обоснованы, а иногда кажутся и вовсе умозрительными[45].

Насколько нам известно, последней в ряду зарубежных работ, специально посвященных проблеме отношений Александра и полисов Малой Азии, является статья польского историка К. Навотки «Свобода греческих городов в Малой Азии в эпоху Александра Великого», вышедшая в свет в 2003 г.[46]

В начале статьи К. Навотка подчеркивает, что он намерен ограничить свое исследование исключительно греческими городами, располагавшимися на побережье Малой Азии, чье правовое и политическое положение существенно отличалось от того, в котором находились полисы континентальной Греции и островов[47].

По словам К. Навотки, очевидно, что долгая дискуссия, в которой вопрос свободы малоазийских полисов при Александре обсуждался главным образом с точки зрения поступков, мотивов и даже личности македонского царя, не принесла решительных результатов. Поэтому он предлагает изменить перспективу, подойдя к подобному вопросу с точки зрения перемен, которые произошли в данных полисах в правление Александра. При этом, указывает К. Навотка, попытаться определить, соответствовали ли они критериям, предъявляемым эллинами того времени к свободному полису, лучше всего посредством анализа их публичных документов, особенно декретов, которые считаются наиболее важными и явно наиболее информативными греческими надписями[48].

Тщательно изучив в обозначенной связи достаточно обширный массив такого рода надписей, происходящих из Малой Азии, К. Навотка отмечает, что они определенно свидетельствуют о том, что в 334 г. до н.э. в полисах Ионии, Эолиды и в «старых» греческих городах Карии начали происходить фундаментальные изменения. Немногие демократии, которые пережили персидское правление, стали по своей сути более радикальными, а в остальных полисах на место олигархий пришли демократические режимы как радикального, так и умеренного толка. Вместе с тем, согласно автору, чрезвычайно обильная законотворческая деятельность и признаки активных народных собраний в названных полисах показывают, что не только наименование, но и сама природа данных государств была тогда демократической. В свою очередь, по мнению К. Навотки, есть основания полагать, что греческие города Ионии, Эолиды и прибрежной Карии в ту пору всецело распоряжались собственной сельской округой и финансами, в общем были освобождены от прежних податей и лишь в течение ограниченного времени (видимо, не более четырех лет) должны были делать денежные взносы на панэллинскую кампанию против Персии, получая в отдельных случаях возможность заменять их воинскими контингентами (однако, пишет исследователь, едва ли стоит думать, что подобного рода обязанности греческих общин Малой Азии были связаны с их членством в Коринфской лиге, поскольку нет ничего, что бы говорило в пользу их принадлежности к данной политической организации[49]). Кроме того, продолжает К. Навотка, эти полисы, в отличие от городов внутренней Карии, по всей вероятности, не подлежали контролю со стороны македонских сатрапов. Не находит ученый и особенной ущербности в том, что при Александре малоазийские греческие полисы не имели абсолютной свободы в ведении собственных внешнеполитических дел: на его взгляд, их внешняя политика была типичной для основной массы эллинских общин этого периода, которые были также ограничены в ее осуществлении, причем подобное ограничение считалось тогда вполне совместимым с автономией полиса. Что же касается случаев македонского вмешательства

во внутреннюю жизнь греческих городов Малой Азии, о чем сообщают древние авторы, то, по словам К. Навотки, такие случаи были редки. В общем, заключает он, как указывает подавляющее большинство наших источников, данные города в 334 г. до н.э. стали по греческим стандартам той эпохи свободными, во что, насколько можно судить, верили и сами малоазийские эллины. При этом, добавляет историк, надо признать, что ригоризм современных академических споров относительно возвращения или дара свободы и способности или неспособности монарха ее отменить, равно как и попытки описать точную степень зависимости полисов Малой Азии при Александре были чужды грекам IV в. до н.э. Для них, и в том числе для малоазийских греков, наибольший интерес представляли практические аспекты свободы, из которых особенно важной была демократия, часто и отождествлявшаяся тогда со свободой[50].

Говоря далее о мотивах, которыми руководствовался Александр в своем отношении к полисам Ионии, Эолиды и части Карии, К. Навотка соглашается с У. Тарном в том, что в 334 г. до н.э. на решения македонского царя прежде всего оказывала влияние его война с Дарием, по сравнению с которым он, несмотря на победу при Гранике, еще находился в более слабой позиции, а потому нуждался в любой поддержке, которую был способен получить. Эгейское побережье Малой Азии было усеяно греческими городами, многие из которых являлись прекрасными крепостями и могли или стать базами для персидского флота, или, выступая на македонской стороне, изолировать этот флот от внутренних районов полуострова. Конечно, благодаря новой осадной технике Александр был в состоянии взять каждый из данных полисов штурмом, однако из-за дефицита времени и денег ему было отнюдь невыгодно брать и удерживать все исключительно военной силой. Словом, пишет К. Навотка, именно стратегические соображения толкали Александра к тому, чтобы предложить малоазийским греческим городам условия, которые были способны привлечь их на его сторону в кампании против Персии. При этом, с точки зрения ученого, поведение македонского царя в данном регионе весьма походило на то, которое было продемонстрировано им в других областях, входивших в состав Персидской державы, в частности, в собственно Карии, Египте и Вавилонии, где он также стремился добиться для себя расположения местного населения. Как бы там ни было, заявляет К. Навотка, но в связи с малоазийскими греками Александр, безусловно, преуспел в подобном своем стремлении: в источниках нет сведений о каком-либо их недовольстве македонским царем в период его правления, наоборот, в коллективной памяти греков Малой Азии он будет долго жить как их освободитель и благодетель, почитавшийся ими даже как божество[51].

Итак, очевидно, что К. Навотка если и не вернулся в своей общей трактовке проблемы свободы малоазийских греческих городов при Александре к взгляду У. Тарна, то, во всяком случае, в некоторых суждениях занял достаточно близкую с ним позицию. Кроме того, нельзя не отметить, что предложенный польским историком особый подход к решению этой проблемы позволил ему взглянуть на нее под несколько иным, чем обычно, углом зрения, приведя его в итоге к целому ряду оригинальных и вместе с тем весьма интересных выводов, впрочем, как представляется, далеко не всегда бесспорных[52].

В отечественной историографии отношения Александра Македонского и эллинских полисов Малой Азии были впервые специально рассмотрены в 1947 г. в статье А. Б. Рановича, которая несколько позднее целиком вошла в его книгу «Эллинизм и его историческая роль»[53].

Для А. Б. Рановича исследование политики македонского царя по отношению к греческим городам Малой Азии необходимо, чтобы понять характер «возникавшего уже в начале завоевательных походов Александра нового типа государственного строя»[54].

А. Б. Ранович отмечает, что наши источники единодушно говорят об освобождении Александром эллинских полисов. Это освобождение способствовало тому, что война становилась популярной. Александру, располагавшему в начале похода небольшими военными силами и малыми материальными средствами, было необходимо обеспечить свой тыл, заручившись симпатиями и реальной поддержкой освобожденных им городов.

Восстановление македонским царем демократии в греческих городах Малой Азии также диктовалось прежде всего военными соображениями, поскольку тираны и олигархи были сторонниками персов. Но вне зависимости от соображений военного плана Александр должен был при этом считаться и с тем обстоятельством, что поход был предпринят от имени Коринфской лиги для освобождения эллинов Азии, находившихся под персидской властью[55].

Сообщив, что политика Александра по отношению к городам Малой Азии была «недавно подвергнута сомнению», А. Б. Ранович уделяет значительное место критике соответствующей теории Э. Бикермана (и отчасти критике солидаризирующихся с этой теорией взглядов В. Эренберга). Критикуя концепцию Э. Бикермана за чисто формальный подход к вопросу (А. Б. Ранович характеризует ее как «образец буржуазного формализма, оперирующего отвлеченно-юридическими категориями»), отечественный исследователь заявляет, что политику Александра не следует рассматривать «с точки зрения формально-юридических норм нынешнего международного права». По убеждению А. Б. Рановича, политика македонского царя должна рассматриваться прежде всего «с точки зрения задач, которые ставил перед собой Александр»[56].

Выясняя далее содержание понятия свободы, которую провозглашал македонский царь, автор подчеркивает, что «именно политика Александра, направленная к созданию единой мировой монархии, должна была изменить содержание понятия ἐλευθερία, которая в своем прежнем значении несовместима с суверенитетом монарха, с включением всей завоеванной территории вместе с Элладой в единое государство… “Свобода” была не свободой классического полиса с его автаркией и ограниченностью, а свободой в смысле противопоставления восточной деспотии, в смысле включения в качестве автономной единицы в систему нового типа государства, до тех пор неизвестного. Только о такой свободе и может идти речь, когда Александр говорил об освобождении городов»[57]. При этом, согласно А. Б. Рановичу, освобождение малоазийских городов не означало предоставления им независимости или даже включения их в Коринфскую лигу[58]. В целом вся политика Александра по отношению к ним «велась в направлении, объективно диктуемом условиями экономической и общественной жизни того времени». Политика по отношению к Элладе и эллинским полисам «была одним из элементов, из которых создавался новый период в истории человечества — эллинизм»[59].

Таким образом, выводы А. Б. Рановича относительно положения греческих городов Малой Азии, а также характера их свободы (но не ее природы) при Александре, по сути дела, близки к выводам Э. Бикермана[60]: хотя отечественный ученый и критикует последнего за формально-юридический подход к проблеме, он, как и Э. Бикерман, приходит к мнению о полной зависимости малоазийских полисов от власти македонского царя.

В сравнительно недавно опубликованной монографии другого отечественного историка Л. П. Маринович «Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса)» интересующей нас теме посвящена отдельная глава — «Греческие города Малой Азии и Александр»[61].

Л. П. Маринович полагает, что вопрос об отношении Александра к эллинским полисам Малой Азии и прилегающих к ней островов нельзя рассматривать только как ряд мероприятий и указов царя — это вопрос о взаимоотношениях городов и Александра[62].

Обратившись вначале к выяснению отношения малоазийских полисов к греко-македонским силам, автор приходит к выводу, что в городах шла ожесточенная борьба олигархов и демократов, которая переплеталась с военными действиями, и если олигархи были настроены антимакедонски, то демократы выступали на стороне Александра. Данные обстоятельства, считает исследовательница, имели большое значение для политики Александра по отношению к греческим городам Малой Азии, позиция же македонского царя и его мероприятия, проводимые в городах, в свою очередь, влияли на отношение малоазийских греков к нему. Когда Александр шел по Малой Азии, позиция полисов по отношению к македонянам должна была им учитываться[63].

По мнению Л. П. Маринович, имеющиеся факты показывают, что Александр посту-

пал с отдельными малоазийскими полисами по-разному, в зависимости от ситуации. При этом, отмечает автор, надо учитывать, что македонский царь был прежде всего победителем, которому принадлежало все по праву завоевания. Он диктовал условия полисам, и если можно говорить о каких-либо его соглашениях, то они всегда были односторонними. Но, с другой стороны, продолжает Л. П. Маринович, шла война, и врага нужно было победить, а греческие города поставить под свой контроль, к тому же Александру были необходимы союзники и прочные, спокойные тылы. Так что, пока македонское войско двигалось по территории, населенной греками, панэллинские лозунги и панэллинские жесты, к которым прибегал Александр, не только диктовались решениями Коринфской лиги, они были ему полезны и нужны. «Все это, — пишет исследовательница, — не могло не влиять на общий характер политики Александра, тем самым, очевидно, все-таки есть основания говорить о самой политике как определенном направлении, а не видеть в его действиях лишь сумму поступков, фактов, отличных друг от друга и связанных только тем, что они относятся к Александру и полисам»[64].

Уделив далее пристальное внимание свидетельствам источников, позволяющим судить об отношении македонского царя к греческим городам Малой Азии, и при этом неоднократно подчеркивая эфемерность свобод, предоставленных им Александром[65], автор заключает, что для данных полисов «в ряде отношений смена персидского контроля македонским означала смену господина, но в одном отношении это изменение было существенным — при Александре всюду восстанавливалась демократия. Возрождение демократического строя, хотя и в условиях македонской власти, отвечало интересам массы гражданства и послужило, видимо, в конечном счете причиной того, что греки Азии оказались в стороне от Ламийской войны»[66]. Что же касается вопроса о членстве эллинских полисов собственно Малой Азии в Коринфской лиге, то здесь Л. П. Маринович находит более правильным присоединиться к позиции, занятой на данный счет А. Б. Босуортом[67], который указывает: «Пока не появятся новые свидетельства источников, будет лучшим видеть эти греческие города автономными единицами на подчиненной территории, зависимыми от длительности царского расположения и не подлежащими санкциям или гарантиям лиги “общего мира” (т. е. Коринфской лиги. — *М. Х.*)»[68].

Признавая несомненные достоинства данного исследования Л. П. Маринович, все же хотелось бы заметить, что, помимо целого ряда допущенных в нем неточностей, а также наличия некоторых, на наш взгляд, спорных суждений, оно, как представляется, обладает и существенным недостатком: за постоянным перечислением точек зрения по тем или иным сюжетам нередко теряется мнение самого автора (иногда оно вообще не высказывается), отсюда и явная расплывчатость отдельных положений очерка, во многом их неопределенность.

Таковы работы (известные нам), которые специально написаны по теме отношений Александра и малоазийских греков.

Само собой разумеется, что в огромной по объему литературе (как зарубежной, так и отечественной), появившейся с конца 30-х гг. XX в., где затрагивается история восточных походов македонского царя, данная тема с той или иной степенью подробности нашла свое отражение и в трудах общего характера, а кроме того, в ряде специальных исследований, непосредственно ей не посвященных. Однако авторы этих сочинений, одни — увлекаясь главным образом коллизиями азиатской кампании и яркой личностью Александра, другие — изучая смежные темы, не внесли, по сути дела, ничего нового в ее общую трактовку. В основном они придерживаются в подобном вопросе линии, заложенной Э. Бикерманом и несколько скорректированной его последователями, а именно признают, при этом, как правило, без каких-либо попыток самостоятельного анализа (либо при его минимуме), подчиненность греческих городов побережья Малой Азии Александру и значительную от него зависимость (или также подчиненность ему) полисов прилегающих островов. По большому счету единственное, в чем расходятся здесь данные авторы, не считая частностей, — это в степени принятия соответствующего взгляда[69]. Вместе с тем по-прежнему нет, как, собственно, никогда и не было, единоду-

шия у современных ученых по поводу того, входили ли малоазийские греческие города в Коринфскую лигу или же оставались вне ее (правда, стоит заметить, что отрицание их членства в этой организации встречается в научной литературе последнего времени все же гораздо чаще).

В заключение очерка еще раз подчеркнем, что наша цель здесь состояла в том, чтобы дать общий обзор состояния разработки в современной историографии проблемы отношений Александра и греческих полисов Малой Азии. Из предложенного обзора видно, что подобная проблема занимала исследователей весьма остро, став предметом обсуждения во многих исторических трудах, как специальных, так и общих. Несмотря на это, однако, она, как представляется, не исчерпала себя: при известных успехах, достигнутых на сегодняшний день в ее изучении, все же ясно, что ни одна из имеющихся ее общих трактовок не может быть признана в полной мере бесспорной; кроме того, некоторые ее аспекты, безусловно, требуют определенных дополнений и уточнений, а дискуссионный характер ряда положений определенно побуждает вновь обратиться к событиям и явлениям в свете данной темы. Одним словом, хочется надеяться, что в ближайшее время появятся новые оригинальные труды, в которых этой проблеме будет уделено самое пристальное внимание и которые, возможно, продвинут ее решение существенно вперед.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Seibert J.* Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972. S. 85–90.
2. Окончательный вариант: *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 155–166.
3. Наиболее четко данная мысль была выражена У. Вилькеном и Г. Берве, которыми особо подчеркивалось постепенное усиление автократической тенденции в отношении Александра к греческим городам: с их точки зрения, после битвы при Гавгамелах македонский царь стал проявлять все меньше склонности к тому, чтобы считаться с соглашениями, на которых базировалась Коринфская лига, в конце концов, предельно ясно продемонстрировав это в последние годы своей жизни. Что же касается полисов греков Малой Азии, то для У. Вилькена и Г. Берве было очевидно, что отношение к ним Александра развивалось в общем русле изменений, которые претерпела его позиция в связи с Коринфской лигой, поскольку эти полисы, как доказывали оба историка, также являлись ее членами. См.: *Wilcken U.* Alexander der Grosse und der korinthische Bund // SB, Berlin. 1922. Bd. 16. S. 97 ff. (важнейшая из его работ в данном случае); *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I. München, 1926. S. 231 ff.
4. Подобного взгляда — надо сказать, достаточно редкого для той поры — придерживались, к примеру, П. Жуге и Ю. Керст (см. ниже, прим. 5).
5. *Дройзен И.-Г.* История эллинизма / Пер. с франц. изд. М. Шелгунова. Т. I. СПб., 1997 (М., 1890). С. 111 сл. (франц. изд.: Paris, 1883); из последующих трудов см., в частности: *Niese B*. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Gotha, 1893. S. 162; *Пёльман Р., фон.* Очерк греческой истории и источниковедения /Пер с 4-го нем. изд. С. А. Князькова под ред. С. А. Жебелёва (СПб., 1910). Новое изд. под ред. М. М. Холода, С. М. Жестоканова. СПб., 1999. С. 343 сл. (нем. изд.: Berlin, 1909); *Meyer Ed.* Alexander der Grosse und die absolute Monarchie // Kleine Schriften. Halle, 1910. S. 294; *Жебелёв С. А.* Александр Великий (Берлин; Пг.; М., 1922) // Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада / Сост. Е. В. Косолобова. М., 2000. С. 115, 130; *Wilcken U.* 1) Op. cit. S. 105 ff.; 2) Alexander der Grosse. Leipzig, 1931. S. 82 f., 229; 3) Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte. 3. Aufl. München; Berlin, 1931. S. 175; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. IV. Abt. 1. Berlin; Leipzig, 1925. S. 14 f.; *Meyer Ern.* Die Grenzen der Hellenistischen Staaten in Kleinasien. Leipzig; Zürich, 1925. S. 8; *Birth Th.* Alexander der Grosse und das Weltgriechentum bis zum Erscheinen Jesu. 2. Aufl. Leipzig, 1925. S. 103;

Berve H. Op. cit. S. 250 f.; *Jouget P.* L'impérialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. Paris, 1926. P. 100 ss.; *Tarn W. W.* Alexander: The Conquest of Persia // CAH. 1-st ed. Vol. VI. 1927. P. 371; *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. 3. Aufl. Bd. I. Leipzig; Berlin, 1927. S. 344 f., 349, 502 (ср.: *Kaerst J.* Der korinthische Bund // RhM. 1897. Bd. 52. S. 544); *Radet G.* Alexandre le Grand. Paris, 1931. P. 46 ss.; *Wright F. A.* Alexander the Great. London, 1934. P. 83 ff.; *Ковалёв С. И.* Александр Македонский (Л., 1937). Киев, 1990. С. 35 (ср.: *Ковалёв С. И.* Монархия Александра Македонского // ВДИ. 1949. № 4. С. 31 сл. — довольно неопределенно). В этой связи уместно указать, что во многом особую для того времени позицию по данной проблеме занимал А. Баумбах (*Baumbach A*. Kleinasien unter Alexander dem Grossen. [Diss.] Jena, 1911. — к сожалению, эта работа оказалась нам не доступна). По словам Л. П. Маринович, которая кратко передает основные выводы соответвующей части его диссертации (S. 83 ff.), А. Баумбах полагал, что «Александр был волен как предоставлять полисам (т. е. греческим полисам Малой Азии. — *М. Х.*) привилегии, так и отнять их, в любое время он мог вносить изменения в их положение. Он вернул малоазийским грекам "как муниципальную, так и политическую самостоятельность", но освобожденные полисы не были с ним в свободных союзнических отношениях, а находились в зависимости от своего освободителя. С отдельными городами Александр заключал договоры и, формально признавая их свободу и автономию, требовал над ними контроля» (*Маринович Л. П.* Ук. соч. С. 155 сл.; более лаконично: *Seibert J.* Op. cit. S. 86).

На наш взгляд, в рамках настоящего очерка не место подробно останавливаться на истории изучения в научной литературе вопроса о членстве греков Малой Азии в Коринфской лиге. Отметим только, что продолжающаяся уже более столетия дискуссия по этому вопросу так и не принесла определенных результатов. Обзоры мнений: *Seibert J.* Op. cit. S. 85–90; *Маринович Л. П.* Ук. соч. С. 191–198; к тому же см. точки зрения на данный счет исследователей, чьи труды рассмотрены нами ниже.

6. *Дройзен И.-Г.* Ук. соч. Т. I. С. 111.
7. Там же. С. 112.
8. *Bickermann E.* Alexandre le Grand et les villes d'Asie // REG. 1934. T. 47. P. 346–374.
9. *Bickermann E.* Op. cit. P. 351–353.
10. *Bickermann E.* Op. cit. P. 354.
11. Ниже выводы автора ср.: *Бикерман Э.* Государство Селевкидов / Пер. с франц. Л. М. Глускиной. М., 1985. С. 124 слл. (франц. изд.: Paris, 1938).
12. *Bickermann E.* Op. cit. P. 356–362.
13. *Bickermann E*. Op. cit. P. 355.
14. *Bickermann E*. Op. cit. P. 362–364.
15. *Bickermann E.* Op. cit. P. 369–374. — По поводу выводов Э. Бикермана в целом Я. Зейберт отмечает, что они в главных чертах восходят к выводам, уже сделанным до него А. Баумбахом, на которого, однако, Э. Бикерман не ссылается (*Seibert J.* Op. cit. S. 266, Anm. 19–20); относительно этого ср.: *Маринович Л. П.* Ук. соч. С. 233, прим. 2, где несколько корректируется подобное замечание Я. Зейберта.
16. *Ehrenberg V.* Alexander and the Greeks /Engl. trans. by R. F. von Velsen. Oxford, 1938. P. 1–51.
17. *Ehrenberg V*. Op. cit. P. 1 f.
18. *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 2 ff.; особенно: P. 2–11.
19. *Ehrenberg V*. Op. cit. P. 13–16.
20. *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 16–32.
21. *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 33–35.
22. *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 51.
23. *Lenschau Th*. Alexander der Grosse und Chios // Klio. 1940. Bd. 33. S. 201–224.
24. *Lenschau Th.* Op. cit. S. 214–215.
25. *Lenschau Th.* Op. cit. S. 215–218.
26. Надо, однако, иметь в виду в данной связи, что вопрос о том, был ли Александр причас-

тен к восстановлению союзов (κοινά) малоазийских греков, и если да, то каких именно, является чрезвычайно спорным и решается в современной историографии по-разному. Обзор суждений по этому поводу см.: *Seibert J.* Op. cit. S. 90–92.

27. *Lenschau Th*. Op. cit. S. 218–224.
28. *Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambridge, 1948–1950. Vol. I. P. 31–36; Vol. II. P. 199–232.
29. *Tarn W. W.* Op. cit. Vol. II. P. 199 f. Стоит указать, что свое негативное отношение к подобной теории, хотя и в варианте, предложенном В. Эренбергом, У. Тарн уже четко выразил ранее; правда, тогда он ограничился на данный счет лишь общими замечаниями (*Tarn W. W*. [Rec.:] *Ehrenberg V*. Alexander and the Greeks. Oxford, 1938 // CR. 1938. Vol. 52. P. 234 f.).
30. *Tarn W. W.* Op. cit. Vol. II. P. 203–212; ср.: Vol. I. P. 32.
31. *Tarn W. W.* Op. cit. Vol. II. P. 208, 213 f.
32. *Tarn W. W*. Op. cit. Vol. II. P. 216 ff.; ср.: Vol. I. P. 31 ff. — Отметим, что Э. Бикерман не замедлил отреагировать на высказанную У. Тарном критику его теории. В своей рецензии на книгу У. Тарна он указывает, что, несмотря на опровержение его аргументов, из выдвинутых им трех предположений: a) греческие города Малой Азии не вошли в Коринфскую лигу; b) Александр не заключал никаких договоров с этими городами; c) они оставались частью его персидских владений как завоеванная территория, — английским ученым фактически были приняты два первых тезиса. «Так как, — пишет не без оттенка иронии Э. Бикерман, — я никогда не был самонадеян настолько, чтобы считать, что я всегда прав, я очень рад, что подобный авторитет, как Тарн, согласен с моими гипотезами на две трети». Что же касается идеи У. Тарна, согласно которой греческие города Малой Азии оставались полностью независимыми при Александре, формально не став таким образом частью его империи, то эту идею, диаметрально противоположную третьему из названных тезисов, Э. Бикерман находит совершенно неподкрепленной данными наших источников. При этом он заявляет: «Я также удивлен, как Тарн не смог увидеть того, что если не было никаких договоров с этими городами, то, значит, они оставались формально под суверенитетом Александра в качестве части прежней персидской территории» (*Bickerman E*. [Rec.:] *Tarn W. W*. Alexander the Great. Vol. I–II. Cambridge, 1948–1950 // CPh. 1950. Vol. 45. P. 41 f.).
33. *Badian E*. Alexander the Great and the Greeks of Asia // Ancient Society and Institutions. Studies Presented to Victor Ehrenberg on his 75-th Birthday. New York, 1967 (Oxford, 1966). P. 37–69. См. также: *Badian E.* The Administration of the Empire // G&R. 1965. Vol. 12. P. 166 ff. (здесь, правда, находящаяся в центре нашего внимания проблема рассматривается автором довольно кратко).
34. *Badian E*. Alexander the Great… P. 37–39.
35. *Badian E.* Op. cit. P. 39 f.
36. *Badian E.* Op. cit. P. 43–46.
37. *Badian E*. Op. cit. P. 50 ff.
38. *Badian E.* Op. cit. P. 49 f.
39. *Heisserer A. J.* Alexander the Great and the Greeks: The Epigraphic Evidence. Norman (Oklahoma), 1980.
40. *Bosworth A. B*. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988. P. 250–258. Несколько усеченный вариант данного очерка: *Bosworth A. B*. Alexander the Great. Pt. 2: Greece and the Conquered Territories // CAH. 2-nd ed. Vol. VI. 1994. P. 868 ff. В еще более кратком виде взгляд ученого на проблему см.: *Bosworth A. B*. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford, 1980. P. 134 ff.
41. *Heisserer A. J.* Op. cit. Passim; особенно: P. 167 f., 230 ff.
42. *Bosworth A. B.* Conquest… P. 255 f.
43. *Bosworth A. B.* Op. cit. P. 192 ff.; аналогично: *Bosworth A. B.* 1) A Historical Commentary… Vol. I. P. 178 ff.; 2) Alexander the Great. P. 849 f.
44. См. выше, прим. 3.

45. Не случайно многие выводы Э. Дж. Хейссерера, прежде всего те, что связаны с попытками ученого нетрадиционно датировать ряд надписей, в том числе и по занимающей нас проблеме, были оспорены (правда, на наш взгляд, не всегда оправданно) в большинстве появившихся позднее исследований, включая рецензии на его книгу. Наиболее развернутую критику данных выводов Э. Дж. Хейссерера см.: *Rosen K.* [Rec.:] *Heisserer A. J.* Alexander the Great and the Greeks: The Epigraphic Evidence. Norman, 1980 // Gnomon. 1982. Bd. 54. S. 353 ff.; другие рецензии: *Hornblower S.* [Rec.:] *Heisserer A. J.* Alexander the Great… // JHS. 1982. Vol. 102. P. 271 f.; Frazer P. M. [Rec.:] *Heisserer A. J.* Alexander the Great… // CR. 1982. Vol. 32. P. 241 ff.; *Oost S. I.* [Rec.:] *Heisserer A. J.* Alexander the Great… // CPh. 1982. Vol. 77. P. 169 f.; вместе с тем положительный отзыв о книге в целом см.: *Borza E. N.* [Rec.:] *Heisserer A. J.* Alexander the Great… // The American Historical Review. 1981. Vol. 86. P. 1074 f. Впрочем, суждения Э. Дж. Хейссерера были критически встречены не всеми учеными: некоторые из них нашли нужным принять его выводы, в том числе и по вопросу датировки рассматриваемых им надписей. Из более новой литературы см. в этой связи: *Rhodes P. J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions, 404–323 B. C. Oxford, 2003, особенно комментарий к надписям № 83–84 (P. 406 ff.). Что же касается указанного очерка А. Б. Босуорта, то следует подчеркнуть, что отдельные его положения также неоднократно становились предметом критики со стороны современных исследователей, хотя и не столь часто, как построения Э. Дж. Хейссерера.
46. *Nawotka K*. Freedom of Greek Cities in Asia Minor in the Age of Alexander the Great // Klio. 2003. Bd. 85. S. 15–41; сходная трактовка проблемы: *Nawotka K.* Aleksander Wielki. Wroclaw, 2004. S. 181 nn. — Из более ранних трудов, где разрабатывалась подобная проблема, в нашем очерке оказалась не упомянута статья Г. Тибилетти «Александр и освобождение городов Малой Азии», с которой нам, к сожалению, не удалось ознакомиться: *Tibiletti G*. Alessandro e la liberazione delle cittá d'Asia Minore // Athenaeum. 1954. T. 32. P. 3–22. Впрочем, со слов Э. Бэдиана и К. Навотки можно понять, что Г. Тибилетти в этой своей статье в общем придерживается позиции Э. Бикермана–В. Эренберга и, в частности, подчеркивает, что слово «свобода» применительно к греческим полисам Малой Азии использовалось Александром в значительной степени как пропагандистский лозунг (*Badian E.* Op. cit. P. 62, n. 8; *Nawotka K.* Op. cit. S. 17 f.; к тому же см.: *Seibert J.* Op. cit. S. 89).
47. *Nawotka K*. Op. cit. S. 15 f.
48. *Nawotka K*. Op. cit. S. 17 f.
49. *Nawotka K*. Op. cit. S. 28.
50. *Nawotka K*. Op. cit. S. 19–33.
51. *Nawotka K*. Op. cit. S. 33–37.
52. Так, нашу критику одной из идей К. Навотки — о привлечении Александром отдельных греческих полисов Малой Азии к несению военной службы во время его борьбы с Персией — см.: *Холод М. М*. Надписи из Приены и Александр Великий: к проблеме датировки двух эпиграфических текстов // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 20, прим. 32.
53. *Ранович А. Б.* 1) Александр Македонский и греческие города Малой Азии // ВДИ. 1947. № 4. С. 55–64; 2) Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950. С. 49–58.
54. *Ранович А. Б*. Эллинизм… С. 49.
55. Там же. С. 49 сл.
56. Там же. С. 50 сл., 54.
57. Там же. С. 53. Кажется вполне резонным, однако, сделанное в связи с данным утверждением А. Б. Рановича замечание Г. А. Кошеленко, что «вряд ли Александр и греки того времени явно сознавали, что на их глазах создается государственность нового типа и на этом основании готовы были сознательно подчиняться важно шествующей исторической необходимости» (*Кошеленко Г. А*. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 216). Упрекает А. Б. Рановича за наделение им Александра чертами оп-

ределенного «провиденциализма» также и Л. П. Маринович (*Маринович Л. П.* Ук. соч. С. 163).

58. *Ранович А. Б.* Ук. соч. С. 54.
59. *Ранович А. Б.* Ук. соч. С. 58.
60. На это совершенно справедливо указывают Г. А. Кошеленко и Л. П. Маринович (*Кошеленко Г. А.* Ук. соч. С. 216; *Маринович Л. П.* Ук. соч. С. 163). На подобную близость выводов в свое время обратил внимние и сам Э. Бикерман (*Bickerman E.* [Rec.:] *Tarn W. W.* Alexander the Great. P. 42).
61. *Маринович Л. П.* Ук. соч. С. 155–198. Заметим, что в основу данной главы были положены более ранние статьи автора, в которых разрабатывалась соответствующая тема: *Маринович Л. П.* 1) Александр Македонский и полисы Малой Азии (К постановке проблемы) // ВДИ. 1980. № 2. С. 29–51; 2) Входили ли малоазийские полисы в Коринфский союз (К состоянию разработки вопроса) // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М., 1986. С. 48–53.
62. *Маринович Л. П.* Ук. соч. С. 169.
63. Там же. С. 176.
64. Там же. С. 177 сл.
65. Там же. С. 176 сл., 178–191.
66. Там же. С. 214.
67. Там же. С. 197.
68. *Bosworth A. B.* Conquest… P. 256. Вместе с тем остается неясным, к какому именно суждению склоняется Л. П. Маринович в вопросе о причастности к Коринфской лиге полисов островов Восточной Эгеиды.
69. В зарубежной историографии, к примеру, см.: *Glotz G., Cohen R.* Histoire grecque. 3-ème éd. T. IV. Paris, 1986 (Paris, 1939). P. 76 ss.; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol. I. P. 153; Vol. III. P. 1347, n. 25; *Préaux Cl.* Les villes hellénistiques principalement en Orient, leurs institutions administratives et judiciaires // Recueil de la Société Jean Bodin. T. VI. Bruxelles, 1954. P. 75 ss.; *Brunt P. A.* The Aims of Alexander // G&R. 1965. Vol. 12. P. 205 f.; *Шахермайр Ф.* Александр Македонский / Пер. с нем. М. И. Ботвинника, Б. Функа. М., 1984. С. 107 слл. (нем. изд.: Wien, 1972); *Lane Fox R.* Alexander the Great. London, 1973. P. 129 ff.; *Hamilton J. R.* Alexander the Great. London, 1973. P. 59 ff.; *Briant P.* Alexandre le Grand. Paris, 1974. P. 33 s., 73 ss. (также: *Бриан П.* Александр Великий. Из Греции на Восток /Пер. с франц. А. Китайцевой. М., 2003. С. 45 сл.); *Goukowsky P.* Alexandre et la conquête de l'Orient (336–323) // Will Ed., *Mossé Cl., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. T. II. Paris, 1975. P. 258 ss.; Will Ed. Le monde hellénistique // Ibid. P. 453 s.; *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 5. Aufl. München, 1977. S. 339 f.; *Hammond N. G. L.* 1) From the Death of Philip to the Battle of Ipsus // H*ammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Vol. III. Oxford, 1988. P. 71 ff.; 2) The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxford, 1989. P. 215 ff.; 3) Alexander the Great: King, Commander and Statesman. 3-rd ed. Bristol, 1994. P. 78, 253 f. (менее определенно: *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. 3-rd ed. Oxford, 1986. P. 606 ff.); *Hornblower S.* The Greek World, 479–323 B. C. London; New York, 1991. P. 269 ff.; *Oliva P.* Hellenistische Herrscher und die Freiheit der Griechen // Eirene. 1993. T. 29. S. 45; *Sartre M.* L'Asie Mineure et l'Anatolie d' Alexandre à Dioclétien (IV-e s. av. J.-C. /III-e s. ap. J.-C.). Paris, 1995. P. 15 ss.; *Ruzicka S.* The Eastern Greek World // The Greek World in the Fourth Century: From the Fall of the Athenian Empire to the Successors of Alexander /Ed. by L. A. Tritle. London; New York, 1997. P. 125 ff.; *Le Rider G.* Alexandre le Grand: monnaie, finances et politique. Paris, 2003. P. 139 ss.; *Faraguna M.* Alexander and the Greeks // Brill's Companion to Alexander the Great /Ed. by J. Roisman. Leiden; Boston, 2003. P. 109 ff.; *Cartledge P.* Alexander the Great: The Hunt for a New Past. Woodstock; New York, 2004. P. 117 ff.; см., впрочем: *Laistner M. L. W.* A History of Greek World from 479 to 323 B. C. London, 1947. P. 322 f., где еще высказана прежняя точка зрения на проблему (без при-

ведения, однако, соответствующей аргументации); кроме того, взгляд, весьма близкий к приведенному выше взгляду У. Тарна, отстаивается в работе: *Magie D*. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Princeton, 1950. Vol. I. P. 56 f.; Vol. II. P. 822 ff.; ср.: *Jones A. H. M*. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 102, 315, n. 8, 316, n. 14. В отечественной историографии см.: *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 54 слл.; *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 123 сл.; *Шифман И. Ш.* Александр Македонский. Л., 1988. С. 55 сл. (эти отечественные авторы следуют в данном случае главным образом за соответствующими выводами А. Б. Рановича); идею о практически ничем не ограниченной власти Александра по отношению к греческим городам Малой Азии принимает и А. И. Доватур (правда, вне тесной зависимости от построений А. Б. Рановича): *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 54, 340; также: *Кошеленко Г. А*. Ук. соч. С. 216 сл.; *Фролов Э. Д*. Панэллинизм в политике IV в. до н.э. // Античная Греция. Ч. II. М., 1983. С. 203 [= *Фролов Э. Д.* Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 530].

M. M. Kholod

ALEXANDER THE GREAT AND GREEK SETTLEMENTS OF MINOR ASIA: HISTORY OF QUESTION

The author of the present entry gives a general review of studying in modern scientific literature the problem of relations between Alexander the Great and the Greek cities of Asia Minor coast and the adjoining islands. It is marked, that the given problem used to be rather a disputable issue among the researchers for a long time and in many historical works, since I.G.Drojzena's times. Thus it is underlined, that the first work specially devoted to this matter by E.Bikerman caused a special impulse of disputes around the problem

Further the author shows the subsequent development of corresponding discussion, considering in detail the views of such historians, as V. Ehrenberg, Th. Lenschau, W. W. Tarn, E. Badian, A. J. Heisserer, A. B. Bosworth and K. Nawotka. Considerable attention is also given to studying of the present problem in Russian historiography, so in this connection A.B. Ranovich and L.P.Marinovich's works are singled out for analysis either.

© 2007 г.

Д.В. Колосов

НАСЛЕДНИК АЛЕКСАНДРА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА ЭВМЕНА КАРДИЙСКОГО)

“Если бы участь этого человека соответствовала его доблести, он мог бы добиться большей славы и больших почестей, но не большего величия, ибо мера великого человека — добродетель, а не успех” — так написал Непот об одном из замечательнейших деятелей эпохи диадохов — Эвмене Кардийском (Nep. Eum. I).

Яркая жизнь и трагическая судьба поставили Эвмена в ряд наиболее выдающихся деятелей античности, зарекомендовавшего себя ловким политиком, выдающимся полководцем и просто порядочным человеком. Эта небольшая работа посвящена Эвмену-полководцу, уникальному тактику и стратегу, сумевшему в течение 6 лет в самых неблагоприятных для себя условиях вести борьбу за сохранение наследия Александра Великого.

Плутарх и Непот в биографиях Эвмена свидетельствуют, что тот служил еще Филиппу (Plut. Eum. I; Nep. Eum. I), был в неприязненных отношениях с Гефестионом, ревновавшим к Александру любого из “друзей”, в каком видел соперника (Plut. Eum. II). В ближний круг царя Эвмен не входил, но влиянием пользовался немалым: даже враги признавали недюжинный ум архиграмматика, не исключено, являвшегося, особенно после гибели Пармениона — своего рода начальником штаба.

Эвмен достаточно поздно проявил себя на военном поприще. Первые упоминания о нем, как о военачальнике, относятся ко времени индийского похода, когда Александр поручил начальнику канцелярии командование отрядом против индийцев (Curt. IX, 1, 19). В сочинениях об Александре Эвмен упоминается лишь единожды — в связи с приведенным выше эпизодом.

После смерти Александра Эвмен выступил посредником в разрешении конфликта между партиями Мелеагра и Пердикки, в благодарность за что — вероятно по инициативе последнего — получил в управление Пафлагонию, Каппадокию, земли по Понту на восток от Трапезунта (Plut. Eum. III), сатрапию обширную и богатую, будто бы в признание заслуг Эвмена, но с немалою подковыркой, ведь свое владение Эвмену предстояло отвоевать у прежнего сатрапа — Ариарафа.

В этих условиях Эвмен должен был проявить немалую ловкость, заручившись союзниками. Памятуя о неприязни к нему большинства диадохов, Эвмен предпочел держать сторону царствующего дома, поддержав регента Пердикку. С его помощью Эвмен утвердился в Каппадокии, где быстро проявил выдающиеся административные способности, не только утвердив за собой указанную область, но и создав мощную армию.

Отряды, оказавшиеся в его распоряжении по воле Пердикки, высокой боеспособностью не отличались. Конница была немногочисленна, пехота относилась к чиновнику-греку с великодержавным высокомерием. С таким войском нечего было и думать, чтобы противостоять армиям диадохов, демонстрирующим оппозиционность центральной власти. Требовалось не просто увеличить и укрепить вооруженные силы, но придать им качественно иной характер. В свое время Александр пытался создать антитагму — новую армию из восточных народностей как противовес фрондирующим соотечественникам (Diod. XVII, 108, 3)[1]. Эвмен пошел по тому же пути, решив противопоставить фаланге, *“имевшей высокое мнение о себе и дерзкой”* (Plut. Eum., IV) мощную конницу из варваров (Polyaen. IV, 2-3)[2]. Эвмен завлекал каппадокийцев, освобождая их от податей, давая потенциальным кавалеристам лошадей и оружие, поощряя воинов наградами. В предельно короткий срок был сформирован мощный корпус до 6300 всадников (Plut. Eum. IV)[3].

Этот стратегический ход блестяще оправдал себя в первом же сражении — против мятежного сатрапа Армении Неоптолема. Хотя македонская фаланга Неоптолема разбила пехоту Эвмена, но кавалеристы последнего начисто разгромили конницу Неоптолема, захватили обоз, после чего педзэтайры, спасая имущество, — что в ближайшем будущем случится еще раз, но уже фатальным несчастием для Эвмена, — сложили оружие и перешли на службу к Эвмену (Plut. Eum. V-VI). Как подчеркивает Дройзен, это событие было тем более значимым, что азиатские воины, — пусть и вооруженные и обученные по македонскому образцу,– впервые разбили македонскую фалангу[4].

По-видимому, потери Эвмена были ничтожны, потому что всего через 10 дней он без колебаний принял вызов, брошенный Кратером, вторгшимся в Каппадокию. После присоединения остатков бежавших после поражения всадников Неоптолема Кратер имел под началом 20 тысяч пехотинцев и 2 тысячи всадников, преимущественно македонян. Эвмен мог противопоставить приятелю, неожиданно сделавшемуся врагом, примерно такую же по численности фалангу, но значительно превосходящую конницу, численностью не менее 5 тысяч всадников.

Памятуя о той громадной популярности, какой пользовался Кратер — герой и патриот — среди македонян, Эвмен прежде всего позаботился о том, чтобы его пехота, составленная по преимуществу из македонян, не узнала, с кем ей придется иметь дело,

объявив, что сражаться предстоит вновь с битым Неоптолемом. Ставку Эвмен сделал вновь на конницу, учтя именно этот фактор при выборе поля для битвы (Diod. XVIII, 3).

Покуда его пехота должна была пятиться, отступая под натиском педзэтайров Кратера, эскадроны из варваров, для каких имя Кратера ровным счетом ничего не значило, сминали неприятельскую конницу и обрушивались на неповоротливую фалангу.

События развивались в полном соответствии с тактическим замыслом Эвмена. Кратер, уверенный, что до сражения не дойдет, что неприятельская армия, узнав его, сложит оружие, вынужден был сражаться не с македонянами, а с каппадокийцами и, как выяснилось — не на жизнь, а на смерть. Эвмен же, продемонстрировав не только дар полководца, но и личное мужество, какого от грека, похоже, не ожидали, сразил Неоптолема (Plut. Eum. VII; Nep. IV). Битва была выиграна, миру внезапно явился блестящий полководец.

После смерти регента Пердикки Эвмен, повинный в смерти Кратера, — *"ведь он, пришелец и чужеземец, сразил первого и самого славного из македонян руками и оружием самих македонян"* (Plut. Eum. VIII), — был объявлен диадохами вне закона. Покончить с дерзким кардийцем поручили Антигону. Противостояние Эвмена и Антигона — самая яркая в военном отношении страница истории диадохов. В течение 3 лет противники имели целый ряд столкновений, среди которых можно выделить три значительные битвы: при Оркиниях, Паретакене и Габиене. В ходе этой кампании в полной мере выявилось полководческое дарование Эвмена как стратега и тактика.

При Оркиниях (зима 321-320 гг. до н.э.) Эвмен имел абсолютное численное превосходство и, значит, столь же абсолютные шансы на успех. Но тут вмешалась пресловутое *tertium aliquid*, что вечно врывалась в судьбу Эвмена. Пожалуй, только два человека во всей истории древности — Эвмен и Серторий — были столь преследуемы завистью и изменами: недаром Плутарх свел их биографии в пару. Всегда свысока относившиеся к безродному греку македонские аристократы после гибели Кратера Эвмена возненавидели, питая неприязнь к чужеземцу еще и завистью. При Оркиниях Эвмена предали дважды: сначала некий Пердикка, уведший свой полк, а потом, уже во время сражения, подкупленный Антигоном Аполлонид, перебежавший с конным отрядом к неприятелю (Plut. Eum. IX).

Ход сражения был скомкан, армия Эвмена оказалась разгромлена. Но, даже будучи побежден, Эвмен ухитрился оспорить победу Антигона, обманув того смелым маневром и вернувшись на поле сражения для погребения мертвых, чем несомненно, произвел на противника должное впечатление.

Далее, вынужденный отступить перед превосходящим врагом, Эвмен выдержал осаду в горной крепости Нора (320-319 гг. до н.э.), вошедшую в анналы военной истории как образец обороны против превосходящего врага с полным сохранением военного потенциала (Plut. Eum. X-XII; Nep. V; Strabo. XII, 2, 6; Front. IV, 7, 34).

Назначенный вскоре по воле нового регента, Полисперхонта, стратегом Азии, Эвмен получил неограниченные права в этой части света — воевать против сепаратистов-диадохов, распоряжаться финансовыми и военными ресурсами, находившимися покуда в распоряжении центральной власти. Под его начало перешли знаменитые аргираспиды (argyraspides), *"своего рода атлеты на войне"* (Plut. Eum. XVI) — ветераны армии Александра, выделенные перед походом в Индию за доблесть из общей массы войска вручением серебряных щитов (Curt. VIII, 5,4).

Отношения Эвмена с аргираспидами — вне пределов данной небольшой работы. Отметим лишь, что кардиец сумел, — хотя это казалось почти невозможным, — привязать их к себе. В этот момент Эвмен располагал значительными силами, более 40 тысяч человек (Diod. XVIII, 59, 1-3; 60, 1-3; 61; Plut. Eum. XIII; Polyaen, IV, 3, 2), но его возможности нивелировались ренегатством подчиненных стратегов: Певкеста, Антигона и др., — их высокомерие Эвмен пытался смирить через введение культа Александра, — и непостоянством войска. Но даже в таких условиях Эвмен проявил себя гениальным полководцем — "*лучший из школы великого Александра"*. По оценке Дройзена, *"ни один из ге-*

нералов Александра не владел в такой степени искусством стратегических движений и даром комбинаций при ведении войны больших размеров"[5].

Кампании Эвмена показательны. Умелыми маневрами он буквально измотал превосходящую армию Антигона в Сузиане, нанеся чувствительное поражение при Копрате (Plut. Eum. XIV; Diod. XIX, 19). При этом потери у самого Эвмена были ничтожны, что укрепило за ним славу побеждать, щадя жизни солдат. Он обманными маневрами не допустил Антигона в плодородную область Габиена, вынудив противника бесплодно преследовать. Когда же армии столкнулись при Паретакене[6], успех был скорее на стороне Эвмена[7]. Зимой Антигон попытался напасть на стратегов Эвмена, беспечно ставших лагерями поодаль один от другого в плодородной Габиене, но и сейчас Эвмен оказался на высоте и здесь, ложными огнями имитировав соединение отрядов и заставив Антигона отступить (Plut. Eum. XV; Nep. Eum. IX).

Развязка наступила на следующий (316 до н.э.) год, и течение событий уже не зависело от Эвмена. На равнине Габиены (граница между Мидией и Персидой)[8] встретились два, пожалуй, талантливейших наследника Александра. Как и в предыдущей, при Паретакене, битве соотношение сил было примерно равно. Эвмен имел бóльшую и лучшую в военном отношении пехоту (36 700 против 22 000), больше слонов (114 против 65), но уступал в коннице (6 050 против 9 000), что, как уже сам не раз убеждался, в маневренном сражении на неограниченном пространстве могло оказаться фатальным. В сражении при Паретакене Эвмен попытался прикрыть традиционно уязвимый левый фланг, поставив его вплотную к крутым высотам[9], и активно действовать справа и в центре.

Сейчас же он — уверенный ли в своем войске? — хотя бы надеяться на обеспеченность левого фланга не мог, почему сделал ставку единственно на удар аргираспидов и назначив коннице сдерживать натиск превосходящих кавалерийских крыльев Антигона. Этим объясняется явно оборонительное построение на флангах, когда против правого сильнейшего крыла Антигона Эвмен поставил большую часть конницы с лучшей легкой пехотой,[10] а вдобавок прикрыл это наиболее уязвимое направление 60 лучшими слонами. Ударный корпус Антигона должен был намертво завязнуть здесь, от удара слева прикрывала легкая конница и слоны. В центре на этот раз слонов было совсем немного, причем резонно предположить, что поставлены они здесь были больше с расчетом дезориентировать неприятеля, скрыть направление главного удара, с началом сражения незамедлительно уйти на фланги. Именно здесь, сковав активной защитой фланги противника, Эвмен намеревался нанести главный удар, полагаясь на аргираспидов, атаке которых слоны могли стать помехой.

Показательно тактическое мастерство Эвмена, умело обеспечившего условия для удара в центре. Эвмен избрал комбинированный оборонительно-наступательный план битвы: пассивно сопротивляясь на флангах и решительно, с расчетом опрокинуть и разрезать неприятельский строй надвое, атакуя в центре. При Паретакене замысел был совершенно иным: тогда Эвмен не верил в возможности своей пехоты, слишком непостоянной в отношении к своему полководцу, и стремился затянуть сражение с тем, чтобы определиться с тактическими задачами, когда наступательный пыл противника поутихнет, и тогда, в зависимости от обстановки, либо атаковать на одном или нескольких — в зависимости от ситуации — участке/участках фронта, либо правильно, не нарушая строя, отступить, понеся при этом как можно меньшие потери. Именно с этой целью по всей линии фронта были равномерно распределены слоны, призванные ограничить маневр превосходящей конницы Антигона.

Теперь же, заверенный аргираспидами в яростном настрое сражаться не на жизнь, а на смерть, Эвмен сделал ставку на удар фаланги в центре, где он имел преимущество: количественное и, прежде всего, качественное.

Оценивая ситуацию, можно с уверенностью утверждать, что большие шансы на успех были на стороне Эвмена; он, даже несмотря на относительно меньшую мобильность своей армии, претендовал на инициативу и первым открыл сражение. Увы, при всех достоинствах своей армии, при всем своем неоспоримом полководческом даровании Эв-

мен не мог рассчитывать на исполнительность и преданность вечно фрондирующих против кардийца стратегов, т.е. он не имел под рукой надежных генералов — conditio sine qua non успеха в сражении. Певкест, не принимая боя, вместе со своим отрядом и, можно предположить, соседними вышел из боя, уведя около 1500 всадников. Ценой потерь и неимоверных усилий Эвмену удалось сковать превосходящие силы конницы Антигона на время, достаточное, чтобы его фаланга достигла фаланги Антигона. Потом Эвмен вынужден был с остатками конницы левого фланга отступить на другое крыло, перестроившись для продолжения гиппомахии.

Тем временем аргираспиды сделали свое дело, перебив совершенно (будто бы) без потерь 5 000 неприятельских пехотинцев (Diod. XIX, 43, 1; Justin. Epit. XIV, 3, 5). Исход боя был нерешен: вернее, он складывался в пользу Эвмена, какой при незначительных потерях имел готовую к продолжению битвы фалангу, сохранив при том не менее половины конницы. Но к тому времени всадники Антигона, — он учел урок при Паретакене, когда аргираспиды Эвмена, уже вырвавшие победу, отказались от нее ради спасения имущества, — завладели неприятельским лагерем — детьми, женами, имуществом солдат (Plut. Eum. XVI). А аргираспиды, благодаря щедрости Александра были богатейшими солдатами своего — возможно, и не только своего — времени. Страх оказаться на старости лет без семьи и мошны перевесил представления о чести. Гвардейцы схватили Эвмена и выдали его Антигону. Тот вернул аргираспидам имущество[11], а пленника, поколебавшись, приказал уморить голодом (Diod. XIX, 44, Plut. Eum., XVII).

Как ни парадоксально звучит, секретарь Эвмен, большую часть своей жизни посвятивший канцелярской работе, не просто оказался талантливейшим учеником Александра, но и во многом, особенно в разнообразии тактических приемов, превзошел своего учителя.

Александр комбинированно использовал различные рода и виды войск: тяжелую и легкую кавалерию, педзэтайров, гипасписто в, гимнетов, впоследствии азиатских стрелков, но при этом придерживался исключительно правофланговой тактики. Эвмен же, подобной универсальной армией не располагая, вынужден был удивлять противника непредсказуемостью и многообразием маневров.

Чтобы не быть голословными, кратко проанализируем пять основных сражений, данных Эвменом (исключая битву при Копрате, где часть войск Антигона была разгромлена не в прямом бою, а неожиданным нападением превосходящих сил противника).

Сражение против Неоптолема Эвмен выиграл без тактических изысков, используя преимущество в коннице. Удар лоб в лоб решил исход битвы в пользу Эвмена. В этом сражении впервые проявил себя “фактор обоза”, когда неприятельское войско капитулировало и перешло на сторону победителя при условии возврата имущества[12].

В битве с Кратером Эвмен меняет рисунок сражения, делая упор на фланги, что было продиктовано не только чисто тактическими, но и тактико-ментальными соображениями: против Кратера Эвмен поставил каппадокийцев, не слыхавших об этом популярнейшем среди македонян полководце.

При Оркиниях Эвмен был побежден посредством измены, потому равного сражения не получилось, но Эвмен ярко продемонстрировал свою быстроту и решимость, вернувшись на поле битвы и захоронив погибших.

Сражение при Паретакене было проведено с учетом безусловного превосходства неприятеля в коннице. Потому Эвменом был избран комбинированный вариант, предполагавший как оборонительные, так и наступательные действия. Если Александр всегда нападал, Эвмен, в силу известных обстоятельств, был вынужден порой обороняться. Используя ландшафт и прикрытие слонами, кардиец максимально обезопасил свой левый фланг, что позволило ему создать известный перевес на правом, добиться там успеха и обеспечить условия для удара фаланги. Исход сражения остался нерешенным единственно из-за несогласованности действий фаланги и левого фланга, позволившей Антигону нанести контрудар.

При Габиене Эвмен вновь прибег к комбинированной тактике, сделав ставку на сдерживающую гиппомахию на флангах и на удар в центре. Можно предположить, что не вмешайся в события ренегат Певкеста, Эвмену удалось бы добиться успеха и на этот раз. Хотя, если рассматривать результаты сражения, чисто в военном отношении он не проиграл, но, увы, реальная жизнь далека от шахматной партии, в жизни события вершат не фигуры, а люди. Как раз люди-то и предали того, кто был обречен стать жертвой предательства, чье *"несчастье заключалось в том, что он желал или мог бороться только в интересах престола, и не желал и не мог искать любви, земель и власти для себя лично; он служил погибшему делу"*[13].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *"Между бунтарским поведением (тактикой) македонян и институтом антитагмы существовала тесная связь"* (*Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань, 1976. С. 197).
2. Заметим, что Эвмен не смешивал туземную и македонскую конницу — см. *Briant P.* D'Alexander le Grand aux diadoques //REA. T. LXXIV. 1972. 74. P. 59.
3. О роли конницы в эпоху диадохов см. *Нефедкин А.К.* Конница эпохи эллинизма. Автореф. док. дисс. СПб., 2006.
4. *Дройзен И.* История эллинизма. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 86.
5. Там же. С. 209.
6. Битве при Паретакене, какую подробно описывает Диодор (*Diod*. XIX, 27-31), мы посвятили отдельную работу (*Колосов Д.В.* Загадочная битва при Паретакене (в печати)). Наиболее подробный разбор указанной битвы в научной литературе — см. *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Т. 1. СПб. С. 177.
7. *Шофман А.С.* Ук. соч. С. 84.
8. *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 357.
9. *Дройзен И.* Ук. соч. Т. 2. С. 213.
10. Там же. С. 228.
11. Но воистину верна вечная истина sintunicuique sua praemia: Антигон приказал уничтожить капитулировавших аргираспидов, *"чтобы никто из них не вернулся в Македонию и не увидел Греческого моря"* (Plut. Eum. XVIII).
12. *Дройзен И.* Ук. соч. Т. 2. С. 86.
13. Там же. С. 233.

D.V. Kolosov

ALEXANDER'S SUCCESSOR (SOME ASPECTS OF EUMENES OF CARDIA'S ART OF WAR)

Eumenes of Cardia is an outstanding figure of antiquity who had showed himself as a crafty politician, gifted commander and just a decent person. As a military leader Eumenes particularly distinguished himself in the battles of Cappadocia, Paretakene and Habiene. His maneuvers on the battlefield and on the march can be regarded as a model of strategic art. Not declining the phalanx, Eumenes was the first military commander of antiquity to propose a massive use of horse- and elephant-mounted troops: the former for a primary attack, the latter for deterrence. By contrast to Alexander, he combined left and right flanks for the attack brunt.

© 2007 г.

Н.В. Журавлева

СЕЛЕВК НИКАТОР. СОЗДАНИЕ ДИНАСТИИ

К рубежу IV–III вв. до н.э. основная задача, стоящая перед наследниками Александра — захват власти — была выполнена[1]. Бывшая «великая» империя оказалась разделенной на несколько частей, каждая из которых в дальнейшем шла по своему пути развития. Несмотря на то, что все эллинистические державы имели многие общие черты, существовали и принципиальные различия между ними, обусловленные в первую очередь историческим и культурным развитием тех областей, которые оказались под властью той или иной эллинистической династии.

После битвы при Ипсе обширные азиатские территории оказалась в руках Селевка Никатора, перед которым, как перед первым представителем новой династии, стояла нелегкая задача — удержать завоеванную власть и обосновать ее справедливость. В связи с этим появляются многочисленные легенды, рассказывающие о пророчествах, совпадениях, снах, приметах и т.п., связанных с предсказанием будущей власти (App. Syr. 56; Arr. Anab. VII. 22; Diod. XVII.116; Pl. Alex. 76; Arr. Anab. VII. 26.2; Curt. X.5; Diod. XVIII. 1. 4; Diod. XIX. 90.4; Plut. Dem. XXIX).

Не вызывает сомнений, что для основной части греко-македонского населения новых государственных образований, также как и для самих диадохов, образцом для подражания и идеалом как в военных, так и в других свершениях, был Александр. Следовательно, наиболее выигрышным вариантом для каждого из его последователей было связать так или иначе свою власть с правлением Александра — доказать, что либо сам он предвидел переход царствования в руки того или иного правителя, либо найти или создать параллели в политике, военных захватах, практике обожествления.

В первую очередь Селевку необходимо было создать новую династию. Одним из первых и решающих шагов его деятельности в этом направлении стало принятие царского титула. Несмотря на то, что в среде, например, вавилонского населения, он, будучи официально сатрапом этих земель, именовался царем с 311 г. до н.э., греко-македонское население державы не могло так быстро согласиться на подобное нововведение, и потребовалось некоторое время и события, чтобы можно было начать пользоваться этим титулом среди греко-македонцев.

Первыми из диадохов, получившими царский титул, стали Антигон и Деметрий, которых жители Афин удостоили такой почести за восстановление демократического правления: «Афиняне были первыми, кто провозгласил Деметрия и Антигона царями, хотя до этого оба всячески отвергали это звание — оно считалось единственным из царских преимуществ, по-прежнему остающимся за потомками Филиппа и Александра и недосягаемым, недоступным для прочих. Афиняне были единственными, кто нарек их богами-спасителями» (Plut. Dem. X)[2]. Плутах не скрывает своего отрицательного отношения к этому почину афинян, считая, что подобное преклонение перед Антигоном и Деметрием (помимо присуждения царского титула, последние удостоились многих излишне раболепных почестей) лишь повредило последним (Plut. Dem. X–XI).

Некоторое время спустя, после блестяще одержанной победы в битве при Кипре этот титул признается не только жителями Афин, но и всем народом (Plut.Dem. XVIII; App. Syr. 54; Diod. XX. 53.2). Другие диадохи не могли не последовать этому примеру: «...Тогда Египет поднес царский титул Птолемею (...βασιλέα τον Πτολεμαῖον ἀνηγόπευσαν.), чтобы никто не подумал, будто побежденные лишились мужества и впали в отчаяние — а дух соперничества заставил последовать этому примеру и остальных преемников Александра. Стал носить диадему Лисимах (και γαρ Λυσίμαχος ἤρξατο φορεῖν διάδημα...), надевал ее теперь при встречах с греками Селевк, который, ведя дела с варварами, и прежде именовал себя царским титулом (βασιλευς ἐχρημάτιζε)» (Plut. Dem. XVIII). Рассказ Аппиана почти полностью совпадает с версией Плутарха: «И Птолемея его собственное войско провозгласило царем (ἀνεῖπε …

βασιλέα), чтобы, вследствие поражения, он ни в чем не был унижен сравнительно со своими победителями. Так удалось им обоим одновременно добиться одного и то же; за ними тотчас последовали и другие, и все из сатрапов стали царями (βασιλεῖς ... ἐγίγνοντο). Вот как и Селевк стал править (ἐβασίλευσε) Вавилонией» (App. Syr. 54–55) и с пересказом Диодора «Птолемей, не упав духом вследствие своего поражения, также принял диадему и всегда (с тех пор) подписывался царем. Вслед за ними (Антигоном и Птолемеем) и другие династы ревностно стали провозглашать себя царями (ἀνηγόρευον ἑαυτους βασιλεῖς): Селевк, который недавно присоединил к своим владениям восточные сатрапии...» (Diod. XX. 53. 2)[3].

Нельзя не обратить внимания на тот факт (он отмечен и всеми античными авторами), что царский титул присуждается фактически одновременно всем диадохам. Действия Антигона и Деметрия послужили своеобразным «толчком» для подобных же действий со стороны их соперников. При этом основание для присуждения этого титула не так уж и важно — им может являться как поражение, так и победа. На наш взгляд, именно последний факт является наилучшим доказательством того, что греко-македонское общество было полностью готово к этим переменам — необходим был лишь формальный мотив и прецедент.

Однако помимо принятия царского титула, необходимо было проводить такую политику, которая удовлетворяла бы разнообразные слои населения, оказавшиеся под властью новой династии. Весьма показательна в этом плане политика Селевка по отношению к Вавилонии. В противоположность Антигону, который никогда не признавался вавилонянами законным преемником власти вследствие своей политики по отношению к данному региону (Diod. XVIII, 73, 3–4; XIX. 12.3, 13.2; XIX. 19), Селевк сумел добиться уважения со стороны местного населения, что позволило ему впоследствии легко захватить этот город (App. Syr. 54; Plut. Dem. VII)[4]. Показательным является и то, что, как уже отмечалось, здесь его стали именовать царем гораздо раньше, чем в среде греческого населения.

Многие античные авторы отзываются о Селевке как о человеке и правителе, который проявляет огромное внимание к культурам, историческим и религиозным ценностям разных народов: «Что из тех, кто принял власть после Александра, Селевк был самым крупным человеком, что он обладал наиболее царственным образом мыслей и правил обширнейшей после Александра страной — это, по-моему, не подлежит сомнению» (Arr. Anab. VII. 22); «Селевк, я убежден, из всех царей был человеком самым справедливым и по отношению к религии наиболее благочестивым; во-первых, этот Селевк отослал назад в Бранхиды милетцам медное изображение Аполлона, которое было увезено Ксерксом в мидийские Экбатаны, а во-вторых, основав Селевкию на Тигре, переселив туда соседних с нею вавилонян, он оставил нетронутыми стены Вавилона, оставил невредимым храм Бэха и разрешил жить вокруг него халдеям» (Paus. 1.16).

Несомненно, особенности политики Селевка, его внимание к различным народам, проживающим на территории его державы, отличие этой политики от политики других диадохов объясняется особенностями самого государства. На наш взгляд, в любом государственном образовании, подобном державе Селевкидов, не могла проводиться какая-либо другая политика — она была бы изначально обречена на неудачу. И заслуга Селевка именно в том, что он сумел понять особенности этой державы, продумать необходимую политическую доктрину, внедрить ее в жизнь и убедить своих последователей в необходимости ей следовать.

Одним из первых шагов в укреплении власти стало принятие новой Селевкидской эры. Отсчет годов стал проводиться в соответствии с правлением Селевка. Надо отметить, что здесь не было создано ничего принципиально нового с точки зрения восточного государства[5], и самим появлением Селевкидской эры мы обязаны Антиоху I, который продолжил отсчет лет, начатый его отцом, а не стал придерживаться древневосточной практики, когда с правлением нового монарха летоисчисление начиналось заново. На территории Вавилонии, которая первой оказалась в руках Селевка, и раньше было при-

нято датировать документы по годам правления того или иного монарха, и жители этой области стали первыми, кто начал отсчет времени по годам правления Селевка. Правление Селевка I Никатора, в соответствии с вавилонскими хрониками, началось осенью 311 г., немного спустя после взятия Вавилона, хотя официальной династией, правящей здесь, до 307/8 г. до н.э. считались все еще Антигониды. Несмотря на это, вавилонские документы уже датируются в это время по Селевку I, рассматривая именно 311 г. до н.э. началом его правления (самый ранний опубликованный текст 1/3/8 — Апрель, 16, 304 — CT IV (29 d)[6]. Необходимо отметить, что отсчет годов в македонском и вавилонском календарях не совпадает. Так, в вавилонском календаре начало Селевкидской эры приходится на 1 день месяца Нисан (3 апреля) 311 г. до н.э., а в македонском — на первый день месяца Диос (7 октября) 312 г. до н.э.

Как мы видим, вавилоняне, которые и раньше были под властью персидских царей, восприняли сам факт завоевания и подчинения чужеземной династии как должное, и рассматривали и Селевка I, и последующих царей династии в качестве преемников властелинов Востока.[7] Во многих Вавилонских документах Селевкиды имеют все те титулы, которыми обладали монархи более ранних периодов — «царь», «великий царь», «законный царь», «царь Вавилона», «царь всех стран», «царь мира»[8].

Управление таким обширным и разноликим государством как держава

Селевкидов было едва ли под силу одному человеку. Это явилось одной из причин внедрения в практику государства обычая назначать еще при жизни правящего монарха одного из сыновей (обычно старшего)[9] наследником с правом управления восточными сатрапиями. Такая практика была необходима с нескольких точек зрения, но, вероятно, основной причиной являлось желание царей избежать борьбы за трон в случае смерти правителя[10].

Первым царем, ставшим соправителем своего еще пребывающего в полном здравии отца, стал Антиох I, назначенный царем-соправителем верхних сатрапий. Опуская предшествующую этому событию романтическую историю, которая формально послужила причиной решения Селевка, остановимся на описаниях самого события, которые достаточно подробно дошли до нас в передаче Плутарха и Аппиана (App. Syr. 61; Plut.Dem.XXXVIII).

За исключением единственного различия (в передаче Аппиана воля царя объявлена на собрании войска (τὴν στρατιὰν συναγαγών), в передаче Плутарха — на народном собрании (ἐκκλησίαν ἀθροίσαντα πάνδημον)) эти версии совпадают[11]. В контексте нашей работы принципиальными являются несколько моментов. Во-первых, Селевком заложена традиция отдавать старшему сыну в управление верхние сатрапии — здесь мнения обоих авторов полностью совпадают. Сам Селевк мотивирует это решение тем, что ему самому, в связи с возрастом, слишком сложно управлять столь большим государством, но, несомненно, реальная причина была иной — воспоминания о том, сколь длительная и ожесточенная борьба развернулась за наследство Александра, были к 292 г. до н.э. еще слишком свежи в памяти, и Селевк, как основатель династии, хотел обезопасить свою еще молодую державу от повторения подобных событий. Несомненно, свою роль сыграла и величина царства — находясь в западных областях, трудно было следить за положением дел на Востоке, а доверить управление этими областями было надежнее сыну, который формально уже назывался царем, чем какому-либо другому управляющему.

Интересная версия была выдвинута В. Тарном[12]. По его мнению, в 293 г. до н.э. видимо, имело место нашествие номадов в Бактрию, которое повлекло за собой разрушение многих городов, которые, согласно античным источникам (Strabo. XI. 10. 2; Plin., NH, VI. 27) были восстановлены позже в правление Антиоха I и названы по его имени: Александрия в Маргиане, позднее Антиохия (Мерв)), Александрия Эсхата (Крайняя), позднее Антиохия в Скифии, Антиохия Тармита. Подобное положение дел на Востоке также могло повлиять на решение Селевка «откомандировать» туда сына, вверив ему все царские полномочия. Это предположение можно принять лишь с определенными

оговорками[13], но на наш взгляд оно заслуживает внимания.

Несомненно, речь, с который выступил Селевк перед своими поданными имела и еще один концептуальный момент. И Аппиан, и Плутарх отмечают слова Селевка о том, что «решение царя принимаются ради общего блага, а потому должны почитаться прекрасными и справедливым» (καλὰ καὶ δίκαια τὰ δοκοῦντα βασιλεῖ μετὰ τοῦ συμφέρομτοσ ἡγεῖσθαι) (Plut. Dem. XXXVIII) и что «всегда справедливо то, что постановлено царем» (ἀεὶ δίκαιον εἶναι τὸ πρὸσ βασιλέωσ ὁπιζόμενον) (App. Syr. 61). Насколько нам известно, это первый случай в монархической практике, когда царь столь ясно выражается о том, как должно относиться к его решениям и поступкам. Этими словами Селевка была заложена монархическая идеология, которой придерживались впоследствие не только представители династии Селевкидов, но и другие эллинистические монархи.

По свидетельствам Вавилонской хроники у Антиоха уже был некий опыт управления. До 292 г. до н.э. он действовал в качестве коронованного принца в Вавилонии[14]. Передача власти над восточными сатрапиями, естественно, не означала отказа Селевка I или следующих представителей династии Селевкидов от власти. В официальных документах, как греческих (RC, 9; RC. 36; OGIS, 214), так и восточных, упоминаются оба царя, легенды на монетах также включают два имени.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ

Следующий пункт пропаганды Селевка — это обоснование законности и предопределенности власти. Сюда мы можем отнести легенды, оракулы и предопределения двух типов — доказывающие преемственность власти от Александра и содержащие различные предзнаменования будущей власти над Азией.

К первой группе (связь с Александром) в первую очередь следует отнести легенду о спасенном венке, пересказ которой сохранился у нескольких авторов. Несмотря на то, что не все источники, описывающие события, упоминают Селевка, нам представляется необходимым для дальнейшего сопоставления привести все варианты этой легенды. Вот как выглядит она в изложении Арриана: «Существует такой рассказ: большинство могил ассирийских царей выстроено среди озер и болот. Александр во время плавания по озерам сам правил триерой; сильным ветром у него с головы снесло шапку с диадемой: шапка, как более тяжелая, упала в воду, а диадему ветер подхватил, и она застряла в тростниках, выросших на могиле какого-то древнего царя. Это он сам истолковал как знамение будущего, тем более, что какой-то моряк, поплыв за диадемой, снял ее с тростника, но, чтобы не замочить ее, держал, плывя, не в руках, а надел себе на голову. По словам многих, писавших об Александре, Александр подарил ему талант за усердие и велел отрубить голову, так как прорицатели тут же объявили: «нельзя оставить на свете голову, на которой была царская диадема». По словам же Аристобула, талант моряк получил, но и был высечен за то, что надел диадему. Он же говорит, что диадему Александру доставил какой-то финикийский моряк; некоторые же называют Селевка. Это предвещало Александру смерть, а Селевку — великое царство. Что из тех, кто принял власть после Александра, Селевк был самым крупным человеком, что он обладал наиболее царственным образом мыслей и правил обширнейшей после Александра страной — это, по-моему, не подлежит сомнению» (Arr. Anab. VII. 22).

Аппиан также подробно описывает эту историю: «Некоторые думают, что еще при жизни Александра и на его глазах Селевку было другое подобное предзнаменование будущей власти. Когда Александр возвращался в Вавилон из Индии и в самой Вавилонии плыл по болотам, выясняя, может ли Евфрат орошать ассирийскую землю, поднялся сильный ветер и сорвал с его головы диадему; она унеслась и повисла на тростниках на могиле какого-то древнего царя. Это было знамением близкой кончины царя; какой-то моряк, бросившись вплавь, положил эту диадему себе на голову и, не замочив ее, доставил Александру. И тотчас же от царя за усердие получил в подарок талант серебра. Ко-

гда же гадатели настойчиво требовали, чтобы он был казнен, то одни историки говорят, что Александр послушался их, другие же, что он возражал против этого. Но некоторые ничего не упоминают из этого, а говорят, что вовсе не моряк, но Селевк поплыл за диадемой Александра и что Селевк положил ее себе на голову, чтобы ее не замочить. Как ни как, оба знамения, в конце концов, исполнились над обоими: Александр окончил свою жизнь в Вавилоне, а из преемников Александра — Селевк воцарился над наибольшей частью его земель» (App. Syr. 56)

Значительно более лаконичен Диодор: «Когда он плыл по какому-то узкому рукаву, совершенно закрытому нависшими над ним деревьями, веткой сорвало с него диадему. Она упала в озеро; один из гребцов подплыл к ней и, желая доставить ее в полной сохранности, надел себе на голову»[15] (Diod. XVII. 116).

Как мы видим, версии Аппиана и Арриана совпадают почти полностью, причем и в одной, и в другой упомянут как моряк, так и Селевк, тогда как Диодор ограничивается лишь рассказом, где действующим лицом является гребец. Поскольку в этой части все три версии совпадают в большинстве деталей: некая водная артерия (озеро, река, болото), сорванная ветром или веткой диадема, моряк (гребец), поплывший за ней и одевший ее себе на голову, — можно предположить, что такие события действительно имели место[16].

Все остальные подробности, несомненно, являются более поздними вставками и могут расцениваться как пропаганда власти Селевка. По мнению С. К. Эдди[17], даже если Селевк и присутствовал при этих событиях, офицер его ранга вряд ли в действительности стал бы прыгать в воду ради спасения части царского костюма — скорее он приказал бы сделать это простому солдату. Упоминание могилы ассирийского (древнего) царя также является поздней вставкой — могилы ассирийских царей находились не в Вавилонии, а в Ассирии[18].

Итак, переработанная легенда содержит сразу несколько идей, «работающих» на Селевка. Во-первых, действие происходит в Вавилонии — с одной стороны, это действительно то место, где умер Александр, с другой — именно с этого региона началась экспансия власти Селевка, и именно здесь он проводит особую политику, отличающуюся от политики по отношению к другим подчиненным ему областям. Во-вторых, события расцениваются как предзнаменование перехода власти от Александра к Селевку. И в третьих, оба источника в заключение своих пассажей еще раз акцентируют внимание на том, что именно Селевк, будучи «самым крупным человеком после Александра и обладая наиболее царственным образом мысли» (Σέλευκον γαρ μέγιστον τῶν μετα᾽Αλέξανδρον διαδεξαμένων την ἀρχην βασιλέα γενέσθαι τήν τε γνώμην βασιλικώτατον...) (Arr. Anab. VII. 22) «воцарился над наибольшей частью его земель» (Σέλευκός τῆς᾽Αλεξάνδρου γῆς, ὅτι πλείστης μάλιστα τόνδε τῶν᾽Αλεξάνδρου διαδόξων, βασιλεῦσαι).(App. Syr. 56).

Эти дополнения должны были быть сделаны в то время, когда Селевк уже правил в Вавилонии и, вероятно, обладал царским титулом — т.е. после 312 г. до н.э. Источником этой версии мог стать Иероним из Кардии (в этом случае ее можно датировать временем близким битве при Ипсе)[19], сам Селевк или жители Вавилона, которые таким образом хотели угодить новому правителю[20].

Другая легенда, связывающая Александра и Селевка — это предание о ночи, проведенной несколькими македонянами, среди которых присутствовал и Селевк, накануне смерти Александра в храме Сераписа. Согласно легенде, основная цель этого действия — узнать, не нужно ли перенести Александра для выздоровления в храм. Божество на вопрос отвечает отказом.

Достаточно подробный рассказ об этом сохранился у Арриана (Arr. Anab. VII. 26.2) и краткое упоминание — у Плутарха (Plut. Alex. 76). Плутарх сообщает: «В тот же день Пифон и Селевк отправились в храм Сераписа, чтобы спросить, не перенести ли туда Александра. Бог повелел оставить его на месте" (εἰ κομίσωσιν ἐκεῖ τὸν ᾽Αλέξανδρον. ὁ δὲ Θεὸς κατὰ χώραν ἐᾶν ἀνεῖλε) (Plut. Alex. 76).

Арриан пишет: «В дворцовых дневниках говорится, что Пифон, Аттал, Демофонт и Певкест, а затем Клеомен, Менид и Селевк легли спать в храме Сераписа, чтобы узнать у бога, не будет ли полезнее и лучше перенести Александра в храм и умолять бога об излечении. Раздался голос, исходивший от бога: не надо приносить Александра; ему будет лучше, если он останется на месте. «Друзья» так и объявили; Александр же умер, словно смерть и была для него лучшим уделом. Почти то же самое написано у Аристобула и Птолемея. Записали они следующее: «друзья» спросили у Александра, кому он оставляет царство? Он ответил: Наилучшему (τώ κρατίστῳ). Другие рассказывают, что к этому слову он добавил еще: «Вижу, что будет великое состязание над моей могилой» (Arr. Anab. VII. 26. 2–3).

Последняя часть рассказа Арриана, без упоминания имен и храма Сераписа, присутствует у Курция Руфа: «Когда его спросили, кому он оставляет царство, он ответил: тому, кто окажется наилучшим; впрочем, он предвидит, что для этого состязания готовятся в его честь большие похоронные игры» (Curt. X.5). Слова Диодора почти полностью совпадают с версией Курфия Руфа (Diod. XVIII. 1. 4).

Среди исследователей жизни Александра существуют различные мнения относительно подлинности всей истории[21], поскольку в ней присутствуют некоторые исторические нестыковки. Весьма вероятно то, что какие-то приближенные к Александру люди действительно побывали в неком храме, чтобы получить пророчество относительно его здоровья. Но, во-первых, едва ли может идти речь о посещении храма Сераписа ни в Вавилоне, ни в каком-либо другом месте , так как, по мнению большинства ученых, в то время культ этого бога еще не существовал[22]. П. Грин выдвигает предположение, что в действительности речь может идти о храме Бела Мардука[23], что представляется вполне вероятным. Люди, перечисленные у Арриана, также не могли все встретиться в этот момент в Вавилоне, так как минимум один из них (Клеомен) находился в это время в другом месте (в Египте)[24]. Таким образом, эту историю также можно считать одной из граней пропаганды Селевка[25].

Следует также обратить особое внимание на слова, которые повторяются всеми авторами, сообщающими о событии. Александр оставляет свое царство наилучшему (τώ κρατίστῳ), предвидя долгую борьбу за свое наследство. Изо всех названных лиц именно Селевку в этой борьбе удалось добиться максимальных успехов. Следовательно, сам Александр, не называя прямо наследника, передает свою власть в его руки. Если рассматривать пассаж с этой точки зрения, напрашивается закономерный вывод — он был составлен, или, скорее, дополнен, именно в угоду Селевку, причем в тот период, когда его могущество уже не вызывало сомнения — скорее всего, после битвы при Ипсе.

Диодор, описывая поход Селевка на Вавилон после битвы при Газе, упоминает еще одно пророчество относительно будущей власти, полученное от Александра. Воодушевленный победой, Селевк, получив от Птолемея 800 пеших и 200 конных воинов, решил отправиться в Вавилонию, уверенный, «что вавилоняне, ввиду благодеяний, которые он им оказывал, с готовностью присоединятся к нему» (Diod. XIX. 90. 1).[26] Несмотря на энтузиазм самого Селевка, его войско было напугано столь малым числом перед лицом врага, имеющим большую армию, ресурсы и союзников. Селевк же, видя их испуг, напомнил, что люди, сражавшиеся с Александром, когда оказывались в трудных ситуациях, полагались не только на свои силы, но и на умение и опыт. Он также добавил, что они должны верить оракулам, предсказавшим ему власть. «Когда он в Бранхидах обратился к оракулу, бог назвал его царем Селевком и Александр, явившийся ему во сне, дал явный знак будущей власти, которую ему суждено получить со временем» (Diod. XIX. 90. 1–4).

И, наконец, последнее свидетельство благосклонности Александра к будущему Селевка имеется у Плутарха. Описывая, как Деметрий и Антигон проводят последние часы перед битвой при Ипсе, Плутарх отмечает что «обоих тревожили и угнетали дурные знамения». Так, Деметрий видел во сне полностью вооруженного Александра и последний спрашивал, какой клич они с отцом дают в предстоящей битве. Кличем являлись

слова «Зевс и Победа». Этот ответ не понравился Александру и он пообещал Деметрию, что примет сторону их врагов, так как последние «принимают его к себе». Такой сон не мог не повлиять на состояние Антигона и Деметрия. Дурное предсказание начало сбываться, по словам Плутарха, еще до начала битвы. Когда войско уже было готово для боя, «Антигон, выходя из палатки, споткнулся, упал ничком и сильно разбился». Правильно оценив данное предзнаменование, последний принялся молить богов о том, чтобы они даровали им с сыном либо победу, либо быструю и безболезненную смерть. (Plut. Dem. XXIX).

Два последних пророчества, описывающие разные хронологические и исторические моменты, весьма сходны по идеям, заложенным в них. Александр находится на стороне Селевка и предсказывает ему власть в будущем; боги в целом благосклонны к Селевку, так как называют его царем и предвещают победу. Александр уходит от противника Селевка, этим заранее отказывая ему в победе, а боги предсказывают поражение. Тем не менее, в этих пророчествах есть и некоторые различия. Так, рассказ Плутарха, помимо благоприятных пророчеств относительно будущего Селевка, содержит еще и предсказания, неблагоприятные для Антигона — падение и травма непосредственно перед боем, внезапная смерть во время сражения. Ничего подобного нет в словах Диодора — видимо, ко времени появления первого пророчества речь еще не могла идти о смерти Антигона. Таким, образом, нам представляется возможным согласиться с Р. Хэдли в том, что первое предсказание появилось раньше второго, которое можно датировать временем, близким битве при Ипсе[27].

Пропаганда идеи перехода власти над Азией от Александра к Селевку не ограничивалась, естественно, лишь созданием легенд. Прекрасно подходили для этой цели также монеты и скульптурные изображения. Одним из средств пропаганды преемственности власти от Александра можно считать тот факт, что на протяжении всего своего правления Селевк не чеканит монеты со своим портретом[28], предпочитая либо обходится совсем без него, либо помещать на монетах изображение Александра. Первоначально в распоряжении Селевка был всего лишь один монетный двор — в Вавилоне, но к 306–305 гг. до н.э. их было уже 4: в Сузах, Экбатанах и в новой столице — Селевкии на Тигре появились новые монетные дворы. До этого времени во всех этих городах Селевк, как и многие другие диадохи, продолжал чеканить монеты, повторяющие чекан Александра с легендой ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ (ESM. Nr. 283–285). После 305 года, когда он принял царский титул, появляются монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (ESM, Nr. 298–299 (Сузы); 480–481 (Экбатаны) и новые монетные типы[29]. Два изображения этого царя — Александр со скальпом пантеры (ESM, Nr. 413–427; 300–302; 304–306; 310) и Александр со скальпом слона (ESM — Nr. 291–294–297; 459–460) — связаны с индийским походом Селевка, повторяющем во многом маршрут Александра (App. Syr. 55; Strab. 15.2; Just. Epit. 15.4.11–21; Plut. Alex. 62.4)[30]. Селевк не случайно пропагандирует именно этот поход — вслед за Александром он стал единственным, кто прошел действительно всю Азию, и, следовательно, по праву может считаться преемником Александра в качестве ее властителя.

Другой аспект связи с Александром — это рога, присутствующие на монетах некоторых Селевкидских царей и на скульптурных изображениях представителей этой династии. Рога есть и на изображениях самого Селевка, правда, эти они датируются более поздним временем. Легенда, объясняющая наличие рогов, воспроизводится Аппианом: «Телом он (Селевк) был крепок и велик; рассказывают, что при одном жертвоприношении Александром дикого быка, как-то вырвавшегося из пут, он один задержал и голыми руками поверг на землю; в воспоминание этого на его статуях всегда изображаются рога» (App. Syr. 57). Монеты с изображением Селевка с рогами чеканились при Антиохе I, Селевке II и Деметрии I, кроме того, изображение быка или его головы на реверсе некоторых селевкидских монетах также может быть связано с данной легендой.

В правление самого Селевка рога появляются на монетах с портретом Александра — он изображается в шлеме с выступающими вперед рогами, кроме того, как уже отмеча-

лось, встречаются изображения рогатого коня (ESM, 113 Nr. 300–302, Nr. 413–427; Nr. 481, 482.). Здесь рога изображены, видимо, по другой причине — это несомненные символы Диониса, который считался завоевателем Азии (Arr. Anab. V. 2–4; Strabo, XV, 1–7)[31]. По мнению Р. Фляйшера, это изображение также следует рассматривать как связующее звено между иконографией Александра и Селевкидов[32]. Можно предположить, что сама легенда о спасении Александра от быка появилась именно с целью обосновать появление рогов на монетах Селевкидов, для которых связь с Дионисом не прослеживается.

Говоря об изображениях этого монарха, необходимо отметить, что до нас не дошло прижизненных портретов царя. Часто встречаются на монетах Селевка изображения Афины, Геракла, Зевса. Говоря о возможных причинах присутствия изображений этих божеств на монетах, нам представляется необходимым согласиться с Грейнджером в том, что вряд ли можно рассматривать их появление в рамках некой особой пропаганды — это были основные божества греко-македонского пантеона и не поместить эти изображения на монетах было бы более странным, чем иметь их. В этом плане нельзя говорить об отличии пропаганды Селевка от других диадохов[33].

Монеты с изображением этого монарха появляются лишь в период правления его сына Антиоха I. В это время они чеканились в Каррах (WSM, Nr. 784–788) (на реверсе — изображение рогатой лошади), в Дура-Европосе (WSM, 878, 879) (на реверсе — изображение рогатой лошади или якоря), в Сардах (WSM, Nr. 1363–1367) (на реверсе — Аполлон, сидящий на омфале). В самом начале правления Антиоха I изображение Зевса, встречающееся на многих монетах, чеканенных в период правления Селевка, заменяется Аполлоном, как родоначальником династии[34].

По мнению Р. Хэдли, вся монетная пропаганда в период до битвы при Ипсе была рассчитана лишь на население, проживавшее на территории державы. Мы можем говорить об этом, поскольку новые мотивы, связанные именно с Селевкидами, чеканились лишь на бронзовых монетах, которые циркулировали, в отличие от серебряных и золотых, лишь на внутреннем рынке. Выпускались эти монеты в Сузах, Экбатанах и Селевкии-на-Тигре, где было расквартировано много бывших солдат Антигона, которые могли представляли вполне реальную опасность в случае военных действий с самим Антигоном (Diod. XIX. 44; 46; 48; 91; 92). В связи с этим закономерно будет предположить, что именно на эту группу населения и была нацелена пропаганда Селевка в период до битвы при Ипсе[35].

После битвы при Ипсе Селевк чеканит ряд монет с изображением Александра и легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ. На их оборотной стороне даны изображения, увековечивающие победу в этой битве (Ника, держащая венок над военным трофеем — шлем, кираса и щит), на лицевой стороне — голова молодого воина (Александр) вправо в шлеме покрытом скальпом пантеры с рогом. Другая шкура пантеры переброшена через плечо. Подобные изображения появляются на тетрадрахмах, драхмах, полудрахмах и оболах, которые чеканились лишь на двух монетных дворах — в Персеполе и в Сузах[36].

Существенно также и то, что после битвы при Ипсе монеты с изображениями Александра, Аполлона и другие, которые мы можем расценивать как прославляющие новую власть, впервые чеканятся на тетрадрахмах и статерах, соответственно можно говорить о том, что направление пропаганды Селевка меняется, а именно выходит за пределы страны[37].

Следующая группа легенд, доказывающих законность и предопределенность власти Селевка — это легенды, касающиеся его роли как властителя Азии. Сюда можно отнести несколько пророчеств, дошедших до нас в передаче Диодора (Diod. XIX. 55; XIX. 90.4) и Аппиана (App. Syr. 56). Поскольку пророчества этих двух авторов совершенно не перекликаются между собой, будет целесообразным обратиться к каждому из них в отдельности.

Аппиан, описывая все пророчества Селевку, связанные с его будущим воцарением, начинает свой перечень с его прибытия в Азию. «Рассказывают о нем, что, когда он был

при царе Александре солдатом и пошел за ним против персов, было ему вещание в храме Аполлона Дидимейского на вопрос о его возвращении в Македонию: «Мысль о Европе ты брось: тебе Азия много счастливей!» (“μὴ σπεῦδ᾽ Εὐρώπήδ᾽, ᾽Ασίη τοι πολλὸν ἀμείών.”). И в Македонии у него на одном очаге, хотя к нему никто не прикасался, загорелся большой огонь». (App. Syr. 56).

Здесь же появляется легенда, объясняющая связь изображения якоря с династией Селевкидов[38]. В данном пророчестве обращают на себя внимание сразу несколько деталей. Во-первых, мы снова сталкиваемся с упоминанием Александра. Несмотря на то, что в самом тексте Аппиана имя Александра в данном пассаже не названо, а упоминается лишь царь, которого Селевк сопровождает в Персию (στπατιώτῃ τοῦ βασιλέωσ ἔτι ὄντι καὶ ἐπὶ Πέρσασ ἑπομένῳ) нельзя не согласиться с переводом С.П.Кондратьева в том, что речь не может идти о каком-либо царе, кроме Александра. К сожалению, нам известно очень немного о роли Селевка в первые годы похода[39], поэтому нельзя достоверно определить, мог ли он в действительности посетить это святилище.

Само упоминание именно этого святилища, включенное в текст, несомненно, не случайно. Как известно, одной из граней идеологической политики Селевкидов была связь династии с Аполлоном. Святилище Аполлона в Дидимах было самым крупным на территории Малой Азии и Селевкиды традиционно оказывали особое внимание этому культовому центру (см. например: RC, 22). Активное использование связи с этим божеством в пропагандистских целях относится к концу правления Селевка I и к правлению его сына Антиоха, соответственно, и сама легенда могла появиться не раньше этого времени.

Следующий момент, обращающий на себя внимание — это дрова, загоревшиеся на родном очаге в Македонии (“καὶ ἐν Μακεδονίᾳ τὴν ἑστίαν αὐτῷ τὴν πατρῷαν, οὐδενὸς ἅψαντος, ἐκλάμψαι πῦρ μέγα...”). Из текста Аппиана остается неясно, с чем автор связывает их упоминание — с предыдущим рассказом о пророчестве в храме или со следующим, касающимся сна Лаодики и кольца с изображением якоря, так как все три предложения соединены в тексте источника союзом καὶ. Некоторую ясность может внести текст Павсания, касающийся, видимо, того же пророчества. Описывая статую Селевка, стоящую в Афинах, этот автор также отмечает, что ему «и раньше были даны ясные знамения будущего счастья. Когда Селевк, собираясь двинуться из Македонии с Александром, приносил в Пелле жертву Зевсу, то дрова, лежавшие на жертвеннике, сами собой двинулись к статуе бога и загорелись без огня» (Paus. I. 16. 1). Как мы видим, Павсаний однозначно связывает появление огня с предзнаменованием будущих побед.

С другой стороны, огонь появляется также в легендах, связанных с рождением Александра: «Накануне той брачной ночи, когда невесту с женихом закрыли в брачном покое, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево, и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли» (Plut. Alex. II). Сюда же можно отнести предание о том, что «Алесандр был рожден в тот самый день, когда был сожжен храм Артемиды Эфесской» (Plut. Alex. 2). Таким образом, упоминание огня также связывает пропаганду Селевка с пропагандой Александра.

В пророчестве Аппиана особое внимание уделяется изображению якоря. Якорь в связи с Селевком упоминается не только Аппианом. Юстин, также через сон матери Селевка Лаодики, напрямую связывает изображение якоря с Аполлоном и соответственно, с происхождением Селевка (Justin, 15. 4). У Аппиана же якорь является символом будущей власти, и речь при этом идет не о всей Азии, как в предыдущем пассаже, а лишь о том месте, где упадет перстень. Принципиальным моментом становится то, что этот перстень падает на Евфрате, а его изображение связывается с отправлением в Вавилонию. Несмотря на то, что неясно, о каком походе в Вавилонию идет речь, важно само упоминание этой области. Власть над Вавилонией Селевк получил намного раньше, чем стал властителем Азии и именно здесь начиная уже 311 года до н.э. стал пользоваться

царским титулом. Исходя из этих соображений, можно предположить, что заключительные пассажи Аппиан, передаваемые Аппианом, были созданы по времени раньше (после 312 г. до н.э.), чем пророчество относительно Азии, и имели целью пропагандировать власть именно над этим регионом.

Пророчество, содержащееся у Диодора, сильно отличается от предыдущих — здесь не упоминается ни Аполлон, ни якорь, ни огонь. Автор описывает события 316 г. до н.э. — приезд Антигона в Вавилон (Diod. XIX. 55)[40].

В этом рассказе, как и в других, налицо несколько принципиальных пунктов. В очередной раз проводится параллель между Селевком и Александром — для обоих предсказание, сделанное халдейскими астрологами, сбывается. Упоминается Антигон, победа над ним, и при этом факт господства Селевка над Азией находится в прямой связи с победой над Антигоном и с тем, что он сам в битве с Селевком потеряет жизнь. Учитывая последний факт, можно предположить, что это пророчество появилось, скорее всего, после битвы при Ипсе (победа Селевка, смерть Антигона) и было, видимо, заимствовано у Иеронима из Кардии.

Достаточно показательным является также и то обстоятельство, что пророчество сделано халдейскими астрологами. Несомненно, вавилонские жрецы были больше заинтересованы в том, чтобы страной правил Селевк, но отнюдь не Антигон, который, в отличии от первого, никогда не отличался лояльной политикой в отношении этого региона (Diod, XVIII, 73, 3–4, XIX, 12.3, 13.2; Plut. Dem. VII). Такая трактовка могла появиться и в угоду самим вавилонянам, как подчеркивание их постоянной преданности Селевку, и самому Селевку, который мог хотеть еще раз оказать доброжелательность к этой древней области и показать, что сами жители предсказали ему правление.

Как известно, на протяжении всей истории государства Селевкидов, представители династии удостаивались божественных почестей. Обожествление селевкидских царей начинается с Селевка I Никатора, который был обожествлен уже после смерти своим сыном царем Антиохом I.

Для того, чтобы заявить о своем божественном происхождении, Селевкиды должны были связать себя родственными узами с каким-либо олимпийским божеством. Представители этой династии были не одиноки в своем стремлении доказать свое происхождение от какого-либо представителя Олимпа. Антигоны в Македонии претендовали на связь с Филиппом и Александром, а через них и с Гераклом, чья палица регулярно изображалась на монетах, представители династии Птолемеев отождествляли себя с Дионисом[41]. Появляются и легенды, заявляющие о том, что божественным «отцом» династии Селевкидов можно считать одного из наиболее почитаемых в греческом пантеоне богов Аполлона.

Юстин пишет: «Прежде чем началась война между Птолемеем и его союзниками против Антигона, внезапно покинув Азию, явился Селевк, новый враг Антигона. Он был замечателен и по своему происхождению, и по знаменитой доблести, так как мать его Лаодика, которая была в браке с Антиохом, знаменитым среди военачальников Филиппа, увидела во сне, что она возлежит с Аполлоном» (Justin, 15. 4). Божество подарило ей кольцо с изображением якоря с наказом отдать его сыну, которого она родит от этой связи. На следующий день подобное кольцо оказалось на ее ложе, а Селевк с рождения имел на бедре фигурку якоря. Позже Лаодика, желая напомнить Селевку о его божественном происхождении, отдала перстень сыну, причем сделано это было именно тогда, когда он отправлялся в Персию с Александром[42]. Обращает на себя внимание тот факт, что изложенные события некоторым образом перекликаются с легендой, касающейся матери Александра Македонского и обстоятельств появления на свет последнего[43]. Есть несколько весьма сходных пунктов в этих двух легендах. Божество является обеим женщинам во сне, и они обе открывают тайну рождения сыновьям лишь перед походом в Персию. Предание об Александре, несомненно, было использовано и переработано с изменением некоторых деталей — в легенде о Селевке появляется Аполлон и изображение якоря.

Поскольку Селевкиды в своей пропагандисткой политике всячески старались подчеркнуть любую связь с Александром и отметить преемственность от этого царя, наличие таких параллелей далеко не случайно, и имело целью еще раз подчеркнуть эту связь. По мнению Дж. Грейнджера происхождение одной легенды от другой не вызывает сомнений, более того, он считает, что легенда о происхождении Селевка от Аполлона была создана им самим с целью доказать законную преемственность власти от Александра[44].

Связь с Александром не была, тем не менее, основной идеей, заложенной в данной легенде. Не вызывает сомнений, что основная цель появления подобного предания — доказать божественное происхождение всех представителей династии Селевкидов. Данный шаг был сделан не только в подражание Александру. На территории государства Селевкидов, где и раньше в культурах многих народов имели место традиции, близкие обожествлению правящих династов, введение такой практики было необходимым. Кроме того, греко-македонское общество также к началу III века до н.э. оказалось вполне подготовленным к появлению института обожествленных монархов.

После битвы при Ипсе одновременно с чеканом монет с изображением Александра (о которых шла речь выше) Селевк начинает чеканить монеты с головой Аполлона в лавровом венке на лицевой стороне и другими символами этого бога (треножник, лук, колчан). Из этих изображений для нас особенно важен треножник, так как он связан с прорицаниями. По мнению Р. Хэдли, Селевк помещает здесь изображение Аполлона не в роли божественного основателя династии (эта роль приписывается ему позднее), а как напоминание об оракуле, который был дан Селевку в храме Аполлона в Дидимах.

В связи с этим особое значение приобретает изображение якоря, которое присутствует в некоторых легендах, связанных с Селевком. При сравнении версий Юстина (Justin, 15. 4) и Аппиана (App. Syr. 56), на которой мы останавливались выше, нельзя не обратить внимание на некоторые расхождения — якорь упомянут в обеих версиях, но при этом его связь с Аполлоном прослеживается только у Юстина. Как мы уже отмечали, пассаж Аппиана о пророчествах Селевку в связи с изображением якоря можно отнести к достаточно раннему времени — после 312 г. до н.э., когда в Вавилонии он именовался царем и мог считать подобное пророчество исполненным. С другой стороны, изображение якоря, которое может трактоваться как связь с Аполлоном[45], на монетах Селевка появляется раньше, чем все остальные символы этого бога (голова Аполлла в лавровом венке, лук, колчан, треножник) — якорь на оборотной стороне присутствует на монетах Селевка портретом Александра, выпущенных в Сузах после 305 г. до н.э. (ESM, 291, 294–7; 45–46). Таким образом, изображение якоря нельзя изначально связать с Аполлоном, скорее, его надо трактовать как знак власти, причем, видимо, не над всей Азией, а лишь над Вавилонией.

Это предположение подтверждает также и исследование Р. Хэдли. По его мнению, легенда Юстина, где в качестве отца Селевка называется Аполлон, появилась достаточно поздно — во всяком случае, не в правление Селевка Никатора, поскольку он называет столицу своего государства по имени своего родного отца — Антиоха[46]. Легенда, переданная Юстином, была составлена, вероятно, из двух составляющих — переработанной легенды об Александре и легенды о значении якоря в связи с правлением в Вавилонии. Таким образом, стало возможно увязать происхождение Селевка от Аполлона и использование якоря, который уже стал привычным символом иконографии династии.

Связь с Аполлоном пропагандируется и другими способами — особое внимание начинают уделять главному святилищу Аполлона, расположенному в Дидимах, где Селевк получил пророчество относительно своего царствования в Азии (App. Syr. 56). Он начал перестраивать храм в Дидимах и вернул в святилище бронзовую статую Аполлона (Paus. I. 16.3). Впоследствии многие продолжатели династии оказывают этому крупнейшему в Малой Азии святилищу Аполлона особое внимание.[47] Другое весьма крупное святилище этого бога организуется в Дафне и оно также на протяжении всей истории этой державы находится под особым покровительством правящего дома. В самом нача-

ле правления Антиоха изображение Зевса на монетах заменяется Аполлоном, и появляется портрет самого правителя[48].

Существует еще один интересный аспект связи, хотя и не прямой, представителей этой династии с Аполлоном. Нам известно одно единственное свидетельство, причем достаточно позднее, о том, что одну из сестер Селевка звали Дидимеей (происхождение имени — от святилища Аполлона в Дидимах) (Malala, 203). Данный факт, учитывая его отсутствие в более ранних документах, также можно расценивать как одну из граней селевкидской пропаганды и попыткой еще раз подтвердить свою связь с почитаемым божеством[49].

Аполлон в качестве родоначальника был явно выбран неслучайно. Легенда, связанная с Аполлоном, появляется, скорее всего, во время правления одного из первых Селевкидов. В данный период одним из важнейших регионов державы Селевкидов была Малая Азия — здесь находится наибольшее количество греческих городов, самая активная переписка ведется именно со старыми центрами Малой Азии. В регионе, несомненно, процент греческого населения был самым высоким из всех областей, находящихся под властью Селевкидов. И именно здесь Аполлон традиционно был одним из самых почитаемых божеств — таким образом нельзя исключать вероятности того, что выбор пал именно на него в угоду проживавшему здесь греческому населению.

Существует и еще одна возможная причина. Издавна Аполлон был покровителем всех переселенцев, а ведь именно Селевкиды проводили самую активную колонизационную политику. Заступничество Аполлона, с одной стороны, повышало вероятность успеха этой политики, а, с другой, поднимало авторитет династии в глазах всего населения основанных городов и колоний. Население греческих полисов достаточно легко и быстро признало факт происхождения правящей династии от Аполлона. Уже в декрете Илиона в честь Антиоха I по поводу его восшествия на престол Аполлон назван божественным прародителем династии (OGIS, 219; Austin, 139) и в дальнейшем представители греческих полисов неоднократно вспоминают о божественном происхождении своих монархов.

Итак, основная задача, стоявшая перед Селевком I Никатором — создание династии — была выполнена. Селевкиды пользовались царским титулом как среди греческого населения, так и среди местного, отсчет лет велся в соответствии с традициями с начала правления Селевка Никатора и уже при его жизни был назначен соправитель, который впоследствии станет царем Антиохом I.

Одновременно с этим процессом идет и другой — обоснование справедливости правления. В первую очередь появляются легенды, описывающие предзнаменования того, что Селевк станет владеть Вавилонией. Не менее часто, чем упоминание Вавилонии, можно встретить в легендах и разнообразные ссылки на Александра Македонского — как прямые, так и косвенные. Некоторые изменения в пропаганде Селевка происходят после битвы при Ипсе, когда под его властью оказалась почти вся Азия. Видимо, именно к этому времени следует отнести легенды о пророчествах относительно власти над Азией, и, несомненно, все те пророчества, которые описывают исход битвы при Ипсе.

Связь династии с Аполлоном стала еще одним важным пунктом в идеологии первых представителей династии. Несмотря на то, что мы не можем говорить о появлении царского культа уже в период правления Селевка Никатора, первые шаги в этом направлении были сделаны именно им. Помимо монет с символами Аполлона, появляются легенды, доказывающие связь династии с этим божеством — именно Аполлон предсказывает Селевку будущую власть над Азией. Позже, на основе преданий о рождении Александра, создаются легенды, доказывающие происхождение Селевка Никатора от этого божества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Billows R.A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. LA. 1990; *Burstein S.M.* The Hellenistic Age from the Battle of Ipsos to the Death of Kleopatra VIII, Cambridge, 1985; *Cohen G.M.* The Diadochoi and the New Monarchies. Athenaeum, 52 (1974) 177–79; *Seyrig H.* Seleucus I et la Fondation de la`Monarchie Syrienne // Syria. 47. 1970; *Green P*. Alexander to Actium. LA. 1990. P. 3–36; *Bengstone H.* Die Diadochen: Die Nachfolger Alexanders (323–281 v.Chr). Munich, 1987; *Errington R.M.* Diodorus Siculus and the Chronology of the early Diadochoi, 320–311 BC. // Hermes. 105. 1977. P. 478–504; *Errington R.M.* From Babylon to Triparadeisos, 323–320 BC. // JHS. 90 1970. P. 49–77; *Heuss A.* Antigonos Monophthalmos and die griechischen Stadte // Hermes. 73. 1938. S. 133–94; *Simpson R.H.* The Historical Circumstances of the Peace of 311 // JHS. 74. 1954. P. 25–31; *Simpson R.H.* Ptolemaeus' Invasion of Greece in 313 // Mnemosyne. 8. 1955. P. 34–37.
2. См. для сравнения о реакции жителей Афин и Спарты на вопрос о признании Александра богом: *Walbank F.W.* Konige als Gotter. Uberlegungen zum Herrscherkult von Alexander bis Augustus // Chiron. Band 17.1987. S. 365–382.
3. ὁ δὲ Πτολεμαῖος οὐδὲν τῇ ψυχῇ ταπεινωθεὶς διὰ τὴν ἧτταν καὶ αὐτὸς ὁμοίως ἀνέλασε τὸ διάδημα καὶ πρὸς ἅπαντας ἀνέγραφεν ἑαυτὸν βασιλέα. παραπλησίως δὲ τούτοις καὶ οἱ λοιποὶ δυνάσται ζηλοτυπήσαντες ἀνηγόρευον ἑαυτους βασιλεῖς, Σέλευκος μέν προσφάτως τὰς ἄνω σατραπείας προσκεκτημένος...)
4. «Деметрий, надеясь найти Месопотамию беззащитной, внезапно переправился через Евфрат и напал на Вавилонию. Он захватил одну из цитаделей — всего их было 2 — выбив оттуда караульный отряд Селевка и разместив семь тысяч своих воинов, и затем, приказав войску грабить страну и уносить с собой все, что удастся, снова отошел к морю. Этим походом Деметрий лишь укрепил власть Селевка, ибо, разоряя Вавилонию, словно чужую землю, он как бы отрекался от нее» (Plut. Dem. VII).
5. С другой стороны, среди держав диадохов этот опыт явился уникальным (*Sherwin-White S.M., Kuhrt A.* From Samarkand to Sardis. L. 1993. P. 22).
6. *Parker R.A., Dubberstein W.* Babylonian Chronology 626 BC — AD 75. Место издания — нет 1956. P. 18; *Austin M.M.* The Hellenistic World… P. 237.
7. *Бикерман Э.* Ук. соч. С. 7.
8. См. подробнее: *Журавлева Н.В.* Селевкиды и Вавилония // Древний Восток и Античный Мир, 3, М. 2000.
9. О соправителях — наследниках Селевкидских царей см. подробнее: *Бикерман Э.* Ук. соч. С. 23.
10. По поводу происхождения данного обычая существует несколько точек зрения — так, некоторые авторы считают эту практику персидской (*Avi-Yohan M.* Hellenism and the East. Contacts and Interrelations from Alexander to the Roman Conquest. Jerusalem. 1978. P. 75), тогда как другие придерживаются мнения, что традиция была инновацией — у Ахеменидских царей, за редким исключением, не существовало подобной практики (*Sherwin-White S.* From Samarkand... P. 25).
11. Более подробно о разнице версии Аппиана и Плутарха см.: *Breebaart A.B.* King Seleucus I, Antiochus and Stratonice //Mnemosyne. 20. 1967. P. 154–163.
12. *Tarn W.W.* Two notes on Seleucid history. //JHS. 1940. P.60.
13. См. подробнее: *Grainger J.* Seleucus… P.156.
14. *Sherwin-White S.* From Samarkand... P. 24.
15. Diod. XVII.116 "ἔπειτα διά τινοσ αὐλῶνος στενοῦ καὶ συμπεπυκασμένου δένδρεσι διαπλέοντος καὶ τῶν μὲν ὑπερκειμένων, τοῦ δὲ διαδήματος ὑπὸ τούτων ἀρθέντος καὶ πάλιν εὶσ τὴν λίμνην πεσόντος εἶσ τῶν ἐρετῶν προσνηξάμενος καὶ βουλόμενος ἀσφαλῶς σῶσαι τὸ διάδημα προσέθετο τῇ κεφαλῇ καὶ προσενήξατο τῷ πλοιῷ.
16. *Grainger J.* Seleucus ... P. 13.

17. *Eddy S.K.* The King is Dead. 334–31 BC. Lincoln. Nebraska. 1961. P. 108.
18. *Grainger J.* Seleucus... P. 13.
19. *Hadley R.A.* Hieronymos of Cardia and Early Seleucid Mythology //Historia. XVIII. 1969. P. 142–152.
20. *Grainger J.* Seleucus... P. 13.
21. Н. Хэммонд (*Hammond N.* Alexander the Great. New Jersey. 1980. P. 247; 323) — не оспаривает подлинность этой истории, включая наличие храма Сераписа в Вавилоне. Дж. Гамильтон считает, что описанные события происходили в храме Мардука (*Hamilton J.R.* Alexander the Great. London. 1973. P. 153). А.Босворт исключает наличие храма в Вавилонии и сомневается в надежности всей истории (*Bosworth A.B.* Conquest and Empire. Camb. 1988. P. 172).
22. Подробнее различные аргументы о культе Сераписе, времени его появления и т.п. см: *Fraser P.* Ptolemaic Alexandria. Oxford. 1972. P. 246–67. Мнение автора о том, что учреждение культа Сераписа нельзя приписывать Александру, достаточно аргументировано и нам представляется вполне возможным с ним согласиться. См. также: *Welles C.B.* The discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria // Historia. 1962. Heft 11. P. 271–98. Для нас важен тот факт, что культ Сераписа появляется только в Птолемеевском Египте, в правление Сотера или Филадельфа.
23. *Green P.* Alexander the Great. L. 1970. P. 259.
24. *Grainger J.* Seleucus... P. 60; 218–219
25. Подробнее о датировке этой версии и аргументы в пользу такой датировки см. *Grainger J.* Seleucus. P. 60; 218–219. См. также: *Hadley*. Hieronymos.... , который датирует этот пассаж временем близким к битве при Ипсе.
26. Уверенность Селевка была не напрасной — жители Вавилона действительно его поддержали (Diod. XIX. 91.1).
27. О причинах такой датировки см.: *Hadley R.* Hieronymos… P. 42.
28. Все монеты с изображением Селевка Никатора являются посмертными: *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. Band I. Herrscherbildnisse. Mainz am Rhein. 1991. S.5–9
29. *Hadley R.A.* Royal propaganda of Seleucus I and Lysimachus // JHS. 94. 1974. P. 52
30. Подробнее см.: *Stewart A.* Faces of Power. LA. 1993. P. 312–313.
31. *Hadley R.A.* Royal propaganda... P. 56.
32. *Fleicher R.* Studien... S. 5–9.
33. *Grainger* Инициалы Seleucus Nicator... P. 166.
34. *Sherwin-White S.* From Samarkand... P. 28.
35. *Hadley R.A.* Royal propaganda... P. 54.
36. Op.cit. P. 55; *Fleicher R.* Studien... S.????....
37. *Hadley R.A.* Royal propaganda... P. 61–62.
38. “Его мать видела сон, чтобы тот перстень, который она найдет, она дала носить Селевку и что он будет царствовать — там, где этот перстень упадет с его пальца». По словам Аппиана, позже Лаодика действительно нашла перстень с изображением якоря, отдала его Селевку и последний потерял эту печать именно на Евфрате. Более того, Аппиан приводит и еще одно событие, связывающее Селевкидов с изображением якоря. Уже позже, отбывая в Вавилонию, Селевк случайно задел некий камень и, когда он был выкопан, все увидели якорь. Подобное изображение могло быть растолковано прорицателями как знак, требующий остановки, и смутить отъезжающих. Тем не менее, Птолемей сумел вернуть присутствующим уверенность в своих действиях, объяснив, что изображение якоря можно толковать еще и как знамение безопасности. Все это приводится Аппианом как объяснение того, почему цари из династии Селевкидов часто использовали изображение якоря «Поэтому то у Селевка, когда он стал царем, на печати был знак якоря» (App. Syr. 56)
39. О свидетельствах, дошедших до нас см.: *Grainger J.* Seleucus... гл. 1.
40. «...через двадцать два дня он (Антигон) прибыл в Вавилон и Селевк, сатрап всей страны, встретил его дарами, достойными царя и устроил пир для всей армии». После этого

Антигон потребовал у Селевка отчета о деньгах, но Селевк, отказавшись предоставить ему такой отчет, спасается бегством. Сначала Антигон обрадовался этому событию, но «...после этого к нему пришли халдейские астрологи и предсказали, что если он выпустит Селевка из своих рук, случится так, что вся Азия станет ему подвластной и сам Антигон в битве против него потеряет жизнь». Несмотря на то, что Антигон и раньше сталкивался с различными пророчествами, на этом раз он был серьезно напуган из-за того, что предсказание было сделано теми же самыми, кто предсказал смерть Александру, когда он приехал в Вавилон, и у которых был многолетний опыт определения судьбы по звездам. «И так же как было с предсказанием об Александре, случилось так, что предсказание относительно Селевка сбылось в соответствие с тем, что утверждали эти люди» (Diod. XIX. 55. 7–9).

41. *Walbank F.W.* Konige als Gotter... S. 369.
42. Эта легенда в изложении Аппиана несколько отличается от передачи Юстина: Аполлон в качестве отца Селевка не упоминается, в ней присутствует лишь якорь.
43. Plut. Alex. II «Однажды увидели змея, который лежал, вытянувшись вдоль тела спящей Олимпиады…» Plut. Alex. III «Говорят также, что Филипп потерял тот глаз, которым он, подглядывая сквозь щели в двери, увидел бога, спящего в образе змея с его женой. Как сообщает Эратосфен, Олимпиада, провожая Александра в поход, ему одному открыла тайну его рождения и настоятельно просила его не уронить величия своего происхождения».
44. *Grainger J.D.* Seleucos Nikator... P. 3.
45. Newell, ESM, 44, 112.
46. *Hadley R.A.*. Royal propaganda... P. 58.
47. См. например: RC, 22.
48. *Sherwin-White S.* From Samarkand... P. 28.
49. *Grainger J.D.* Seleucos Nikator... P. 3.

N.V. Zhuravleva

SELEUCOS NICATOR. CREATION OF THE DYNASTY

The article is devoted to creating of the Seleucid kingdom in the end of the 4th — the beginning of the 4th the century BC during the reign of Seleucos Nicator. This process was developing in various directions. On one hand, the first king of this state Seleucos Nicator created the dynasty. So, a new calendar starting from the first years of Seleucos' rule as well as a new Seleucid era was used first in Babylon and then throughout the kingdom. Seleucos Nicator introduced the original custom to have a regent while the previous king was still on the throne, which was followed later by other kings of the dynasty. His eldest son Antiochos became the first one who ruled over the eastern satrapies of the kingdom.

On the other hand Seleucos Nicator had to prove his right and ability to be the king of these vast lands. Many legends and prophecies "working for" this idea were created during his reign. There are ones testifying the right of Seleucos to rule as a successor of Alexander the Great. The other ones predicted the victory of Seleucos in his fight with Antigonos for Babylon and his right to be the king of Asia.

As many Hellenistic ruling dynasties the Seleucid one was connected with one of Olympic gods. The ideas that Apollo was godfather of Seleucos Nicator appeared also in the end of his reign became very popular and were widely developed by later kings of the Seleucid kingdom.

© 2007 г.

A.O. Zakharov

CONSTRUCTING THE INSULAR POLITIES OF SOUTHEAST ASIA IN THE 5th–7th CC. A.D.

The history of Southeast Asia (further — SEA) has drawn attention of scholars for a long time but even now some its aspects remain not quite known. Existing theories of statehood allow to re-study the earliest chronologically political formations of SEA. This paper is devoted to the analysis of the political organization of the Southeast Asian island world from the 5th to the 7th century. It would be desirable to evaluate whether it is possible to speak about 'the state' in the history of SEA on the basis of the available data, namely some inscriptions from Borneo, Sumatra and Java. If the answer is negative, how can we characterize the societies which left these inscriptions?

First of all, it is necessary to answer what is 'the state'. As numerous definitions of the state exist now, I shall analyze only the most influential theories.

Among them the interpretation of the state by F. Engels occupies a special place due to its influence on the Soviet and Russian historiographic traditions. Engels holds that the state is 'the organization of the possessing class for its protection against the non-possessing class'. It is characterized by the existence of territorial division, public power separated from people, taxes, and also professional army (apparatus of coercion). "It [the state] is a product of society at a certain stage of development; it is the admission that this society has become entangled in an insoluble contradiction with itself, that it has split into irreconcilable antagonisms which it is powerless to dispel. But in order that these antagonisms, classes with conflicting economic interests, might not consume themselves and society in fruitless struggle, it become necessary to have a power seemingly standing above the society that would alleviate the conflict, and keep it within the bounds of 'order'; and this power, arisen out of society, but placing itself above it, and alienating itself more and more from it, is the state"[1].

This approach implies a contradictory juxtaposition of two various premises in one and the same definition. On the one hand, the state is the organization of the possessing class for its protection against the non-possessing class, therefore it includes only one part of a society; on the other hand, it is a power, *which is above the society*. Another consequence of Engels's concept of the state is the thesis that it is a product of the society. In the Soviet historiographic tradition it was interpreted as the postulating that the state arose under certain circumstances and must collapse in future.

However, another interpretation is possible according to which the state exists only if there are people, making it. The state then is a human product, and not a thing, given in the same sense in what physical objects are given. It does not imply that the state is appeared out of the blue awing by an intellectual effort of an individual. In relation to the latter it acts as an element of the world, constructed during primary socialization through conceptualization of diverse relations, into which the individual is included, by means of language protocols, already constructed and consequently playing the role of pre-constructions in relation to this individual. At the same time, the relevant phenomena continue their existence only as a result of the activity of individuals who internalized these pre-constructions. And since the mastering of the data proceeds differently in various conditions and in view of varying abilities of the concrete people, the social order is characterized by ongoing changes. They also require conceptualization and internalization that leads to constant transformations of all the components of the human world[2]. The statement that the state is an institution (organization) can be interpreted by means of the constructionist paradigm of P. Berger and T. Luckmann. According to them, institutionalization occurs whenever there is a reciprocal typification of habitual actions by different actors. In other words, any such typification is an institution[3]. In view of their statement that 'social order is a human product or, more precisely, an ongoing human production', we can conclude that the state is constituted by human activities. These activities are understood as widely as possible, including intellectual procedures, by means of which all

habitual actions are conceptualized and the relevant mental images are formed. One may say that the state does not exist without its idea.

Besides the contradiction noted above, Engels's conception has other drawbacks. One of them is the impossibility to prove that classes arose earlier than the state. It is a serious restriction of Engels's definition but it does not imply its general falsity as, for example, the classical capitalism is described successfully by this model. But the aspiration to eliminate this restriction and/or desire to offer one's own scheme together with some ethnographic and (partly) archaeological data have led some scholars to other interpretations of the state.

A. Johnson and T. Earle hold that the state in contrast of the chiefdom is a regionally organized society whose population number in the hundreds of thousands or millions and often are economically and ethnically diverse[4]. It arises due to such factors as technological changes, exchange and trade, and war. On the contrary, some scholars think war was the basic factor in the state-formation[5]. Johnson's and Earle's interpretation of the state can hardly be verified with respect to ethnical characteristic of some concrete polities. Such presumed attributes of the state as the regional organization and considerable population do not enable to regard Sumerian polities as the states within the framework of this concept. Yet I.M. Diakonoff supposes that they were the states[6].

H.T. Wright offered another conception of the state: 'In contrast to a developed chiefdom, a state can be recognized as a cultural development with a centralized decision-making process which is both externally specialized with regard to the local processes which it regulates, and internally specialized in that the central process is divisible into separate activities which can be performed in different places at different times'[7]. The chiefdom can be recognized as a cultural development whose central decision-making activity is differentiated from decision-making regarding local production and local social process while ultimately regulating it. This central activity is not itself internally differentiated. It is thus externally but not internally specialized[8]. Ch. Spenser assumes that the main attribute of these societies is the existence of the chief both on the regional and on the community level. The title of the chief exists independently of the person who has it, and is transmitted from generation to generation[9]. Since internal specialization is absent in such polities, the central power in the chiefdom does not have constant areas or blocs of government. Therefore the chief cannot really delegate his power to the subordinate: any delegating of power turns into complete resignation. So the usurpation of the chief power is one of the main risks for the chief. Hence there is the limit of territory for this political form — with the radius of half a day way from the centre[10].

Wright's interpretation of the state may be formulated simpler: internal specialization is differentiated administration, or system of government, in which separate functions of government are allotted to certain positions/posts. The aggregate of these positions forms the staff of officials. Wright's theory is constructionist and abstract in some respect but its empirical application may be considered as destructive for our historical representations as, for example, the medieval European societies and ancient Indian polities are characterized by the absence of formal distinguishing of governmental functions[11].

One of the most popular concepts of the state (more exactly, 'the early state') belongs to H. Claessen and P. Skalnik. They define it as 'a centralized sociopolitical organization for the regulation of social relations in the complex, stratified society divided into at least two basic strata, or emergent social classes — viz. the rulers and the ruled — whose relations are characterized by political dominance of the former and tributary relations of the latter, legitimized by a common ideology of which reciprocity is the basic principle'[12]. Claessen holds that its main features are a fixed territory, a minimum population of a few thousand persons, production system providing a regular and reasonably stable surplus to maintain aristocracy, an ideology legitimizing the political and social hierarchy, and some sort of sacral position of the ruler[13]. The idea about two strata in the archaic state was first formulated by E. Service[14]. In his recent article Claessen corrected his initial definition by adding requirement of the three-level: national, regional, local — sociopolitical organization and

replacing tributary relations with the obligation to pay taxes[15]. The scholar makes an important remark in constructionist spirit, referring to the fragment of the monograph of Engels quoted above: 'The state, being a product of social relations must not be reified, personified or sacralized. It is a specific kind of social organization, expressing a specific type of social order in a society. It gives expression to the existing social, economical and political relations in that society and to ideas pertaining to power, authority, force, justice, and property'[16]. Claessen's and Skalnik's initial definition was used by J. Wisseman Christie and R. Hagesteijn for the study of Southeast Asian island and continental societies respectively[17]. The main drawback of this definition is its similarity to Service's description of the chiefdom (see below) while the second variant appears to be very close to Engels's approach, only without the emphasis on exploitation and without the institutionalized coercion.

Yet another concept of the Oriental state was offered by L.S. Vasiliev. E. E. Service and K. Wittfogel influenced him in a great degree[18]. The basic idea of the Russian historian is that the Orient and the West are two different *ways* of social development. They form the dichotomy of two various structures, one of which — Oriental — is based on 'power-property', centralized redistribution and the leading role of the state. The second structure is based on private property and corresponding institutions such as democratic management, civil society and the system of public psychology focused on blossoming of creative opportunities of an individual[19]. "The early state is the multistage hierarchical structure based on clan and out-clan connections, familiar with specialization of production and administrative activity … the early state 'grows' into the developed one gradually — although this process is not universal. The basic difference of the developed political state structure from the early one consists of the occurrence of two new institutions — system of coercion and the institutionalized law, and as well as… the further development of private-ownership relations"[20]. Chiefdom which precedes the state is characterized by the absence of multistage structure, and the latter contains at least three levels: national, regional and local[21]. 'The state not only carried out the functions of the ruling class (state-class) on behalf of social tops involved in power, but also was the leading element of the basic structure of the society'; 'It absolutely dominated over the society, having subordinated it to itself'[22]. What Vasiliev regards as 'the basic structure of the society' is not clear. If it is the basis in its Marxist sense, i.e. dialectic unity of productive forces and relevant relations of production, it is necessary to prove that there are such productive forces to which exclusively the state of Vasiliev's conception corresponds. There is also a curious imposing of some spatial images and *eo ipso* some concepts of the state upon each other in the cited statement. On the one hand, it is *the basic element,* i.e. the basis on which everything rests, and it is thought being below or under all; on the other hand it 'dominates *over* the society'. Probably, to develop Vasiliev's constructions, it is more expedient to replace the term 'basis' with 'a structure-forming component or framework'. The society about which Vasiliev speaks in the second of the quoted statements is the civil one. Really we can see a juxtaposition of the two meanings of the term 'society' since the phrase 'the state … was the leading element of the basic structure of a society' refers to the well-known Marxist concept of a society as 'the sum of interrelations, the relations within which these individuals stand'[23]. Thus, the 'language games' of historians and their spatial logic are evident here. The hypothesis about the state-class in the Ancient East seems to be incorrect in view of the 'Codex of Hammurabi' (§ 35–39) and some other legal texts[24].

It is necessary to characterize briefly some theories of chiefdom[25]. Service supposes that chiefdoms have centralized direction, hereditary hierarchical status arrangements with an aristocratic ethos, but no formal, legal apparatus of forceful repression; the organization seems to be universally theocratic, and the form of submission to authority that of a religious congregation to a priest-chief[26]. Claessen and Skalnik offered somewhat different attributes of this political form. First, though the centralized management exists, the leaders have no constantly legitimized power; second, there are no opportunities for prevention of the disintegration of structure: there are two levels — elite and members of communities. Third,

there is a division into the rulers and the ruled, but it is not absolute and it is often based on a degree of genealogical affinity to the leader. Fourth, institutions for alienation of surplus products are undeveloped and applied sporadically; tribute and gifts are not the main sources of the leader's existence. Last, all components of chiefdom should have a common ideology[27].

Can we now offer more complex and universal definition of the state? I believe this project has a shortage as this set of the state's definitions considered above, comes from the diversity of the human world and the different social positions from which the scholars try to conceptualize the manifold of social phenomena. Thus, these definitions of the state reflect some different ideological implications. But if one chooses only one definition of the state, s/he soon discover some polities which are called 'the states' but do not satisfy this accepted theoretical model. I've already written that Wright's definition of the state calls for to exclude from the list of the historically known states medieval European polities. From its part, Engels' theory compels to describe Sumer and ancient Egypt as these political formations, probably, did not have class structure in the Marxist sense of the world. How, therefore, can I analyze early medieval polities of SEA?

I offer to use diverse definitions of the state as working hypotheses. Consequently, the discrepancy between them and the empirical basis does not imply their general fallaciousness. My research does not pretend to prove which of these definitions is true. I think it is more important to study how theoretic constructions can be applied to the empirical basis.

Now let me pass to SEA. The inscriptions in Sanskrit and Old Malay serve as the main sources for my research. For a long time the societies of SEA in the early Medieval (5th–7th centuries) were considered as the states[28]. Thus, Coedès' monograph is even entitled 'The Indianized states of Southeast Asia'. I shall investigate only three cases: the societies of Borneo and West Java of the 5th century and Çrīvijaya.

A compact group of the seven inscriptions of king Mūlavarman written on Sanskrit and dated palaeographically to the 5th century A.D., was found in the area of Kutei in the lower reaches of the river Mahakam on East Borneo[29]. The inscription A published by J.Ph. Vogel contains the family tree of Mūlavarman including his grandfather Kuṇḍuṅga, called 'king' or 'Indra / first among men' (*narendra* < *nara* + *indra*), and his father Açvavarman carrying a title *vaмça-kartar* ('a founder of a dynasty')[30]. It is curious that 'the founder of a dynasty' was not Kuṇḍuṅga though he had three sons, from whom Açvavarman was 'the most famous'. It is not quite clear what caused such a phenomenon. Anyway, only Mūlavarman is called 'rājan' — king *par excellence*, and, probably, therefore his father was designed by this title.

Some scholars think the actions of Mūlavarman represent the potlatch ceremony — a reciprocal exchange of gifts, because they are called 'gift' *(dāna)*[31]. Various gifts are mentioned in five of seven known texts. Vasiliev emphasizes the important role of such institution as the reciprocal exchange for the state-formation[32]. The leader must be generous, and, distributing available property among members of her/his group, s/he receives greater prestige than her/his rivals. As the reciprocal exchange goes back to the primitive society, so the title of grandfather of Mūlavarman, Kuṇḍuṅga, may be interpreted as an indication that for him, probably, the hereditary authority still was not characteristic.

Wisseman Christie discusses in detail the problem of potlatch ceremony. She writes: 'The most striking difference between the inscriptions of Pūrṇavarman in Java and Mūlavarman in Kutei is the fact that Mūlavarman's claims are so much less plausible'[33]. The gift in twenty thousand cows, mentioned in the inscription B[34], in the area strongly covered by woods, whose inhabitants used buffaloes, pigs and even chickens as ceremonial gifts and sacrifices during a greater part of history, is absolutely improbable, no less than the statement about melted butter. The final conclusion of Wisseman Christie is that 'this combination of hyperbole and general implausibility probably indicates that the list of gifts was more symbolic than real'[35]. But even if Mūlavarman exaggerated the sizes of gifts, obvious attention to this form of human interaction testifies that it played an important role in the East Borneo society of 5th century A.D. Wisseman Christie believes the society Mūlavarman may not be characterized as a state if one follows Claessen's definition.

To apply Engels's conception one must find in the inscriptions the elements testifying to exploitation, social groups, taxes and other criteria of the Marxist scheme. The inscription C published by Chhabra[36], contains the lines (1–2): 'çro-Mūlavarmma rājendra[ḥ] sama(re) jitya pārtthi[vān] karadām nṛpatīṁç=cakre yathā rājā Yudhiṣṭhiraḥ', that is translated as 'Illustrious Mūlavarman, greatest of kings, having conquered kings (pārthivān) in a battlefield, made kings / masters / lords (nppaton) his tributaries (karadān), as king Yudhiṣṭhira'. The form *jitya* seems to be an obvious mistake and it must be corrected by the gerund *jitvā*[37]. The term *pārthiva* means in Sanskrit 'an inhabitant of the earth; a lord of the earth, king, prince, warrior, sovereign; an earthen vessel'[38]. The word *nipati* denotes "'a lord of men', king, prince, sovereign"[39]. These two words probably may be viewed as synonyms. Kulke writes: "The use of the title *pārthiva* in this connection seems to be very significant. Of course, it is often translated as 'prince' or even 'king'. But more than most other conventional royal titles, *pārthiva* has the original meaning of a landholder (*pārthiva* = earthly, coming from earth). *Pārthiva* thus designates exactly the local landlord whom we know from Java as *raka*"[40]. This interpretation is rather interesting yet leaning on etymology alone remains problematic in respect to the historical analysis. If *pārthiva* were landholders, one has to conclude that the society of Borneo knew private property. But the role of gifts (*dāna*) in it seems to exclude such a possibility. The term *kara* means 'royal revenue, toll, tax, tribute, duty' and *karada* denotes 'paying taxes, subject to tax, tributary'[41].

The information about 'kings' (*pārthiva*) who were the tributaries of Mūlavarman, can be an argument in favour of the existence of exploitation. But if *pārthiva* were 'kings', it cannot be regarded as a proof of the classes' existence in the East Borneo society: Marxist classes belong to one and the same society, not to the different ones. As Mūlavarman recognized these 'kings', the integration of the conquered societies into his own social system seems to be very problematic.

Social stratification existed in the realm of Mūlavarman as he had a hereditary status of the ruler: in one of his inscriptions his father Açvavarman bore the title *vaṃça-kartar* ('a founder of a dynasty'). Moreover, the word *vipra,* met in four inscriptions, seem to designate a group connected with a religious activity because it means 'a sage, seer, singer, poet, learned theologian, wise; *brāhmaṇa*; priest, domestic priest; the Asvattha tree'[42] or 'a priest, domestic priest; the singer, the poet; the scientist'[43]. But this stratification in Mūlavarman's realm probably was not highly developed since his inscriptions do not mention any officials. As stated above, the term *kara* may mean 'tax' and 'tribute' at the same time; thus, it does not imply taxation. No evidence of the institutionalized coercion is testified by the inscriptions of Mūlavarman. The public power is attested only by the royal title of Mūlavarman himself. Thus, the analyzed material does not give factual support to Engels's concept of the state.

Service's concept of chiefdom (see above) is more consistent with the available data. The hereditary character of Mūlavarman's power is proved by his father's title 'a founder of a dynasty'. The fact that he called himself king, made donations to priests and subordinated to himself other local rulers is beyond doubt and can be interpreted as an evidence of the existence of inequality and centralized management (without the latter it is impossible to be at war). As the inscriptions tell nothing about the administrative personnel separated from the person of the king, one of the attributes of chiefdom according to the Service's scheme remains doubtful. I have already cited arguments in favour of the existence of social differentiation. Wars undertaken by Mūlavarman, confirm, on their part, the success of his policy. At the same time, the absence of his successors who would leave inscriptions makes this last premise rather hypothetic.

The first two of five attributes of the chiefdom offered by Claessen and Skalnik (see above) seem to be inextricably interwoven and probably call for the retrospective analysis, i.e. consideration of situation before and after the emergence of such political entity. No other inscriptions of the 1st millenium A.D. from territory of Borneo are known. Some scholars explain it by referring to the limited opportunities for conducting irrigated agriculture[44]. In any

case, the early political structure broke up. The third attribute of Claessen's and Skalnik's theory cannot be verified on the available materials. Only one of the seven inscriptions mentions the subjugation of other 'kings' by Mūlavarman, therefore, tribute was not the main source of the king's income. As to the uniform ideology, it was formed or began to be formed since Mūlavarman's records mention only the king and no gods or deities; it is quite probable that the king was considered as an owner of a specific force/power similar to Polynesian *Mana*.

In 1986 H. Kulke used the concept of chiefdom to characterize the Borneo society. He investigated the terminology of Mūlavarman's inscriptions: "[Mūlavarman] defeated other landlords *(pārthiva)* and made them 'tribute givers' *(kara-dā)*. The use of the title *pārthiva* in this connection seems to be very significant. Of course, it is often translated as 'prince' or even 'king'. But more than most other conventional royal titles, *pārthiva* has the original meaning of a landholder (*pārthiva* = earthly, coming from earth). *Pārthiva* thus designates exactly the local landlord whom we know from Java as *raka*. Mūlavarman obviously had defeated several of them in his neighbourhood, but he confirmed them in their legitimate local rights on the condition that they 'give' *(dā)* tribute *(kara)*"[45]. The latter statement raises some doubts since it remains unknown how regular this tribute was and whether the submission of the *pārthiva* to Mūlavarman lasted long. As we have no data on Borneo of the 1st millenium A.D. except the inscriptions of Mūlavarman, these relations between him and various *pārthiva* were probably short-lived.

At the same time, Kulke's theory is more complex as it changed in some respect. In the beginning he offered the concept of 'Early Kingdom': "The early State which emerged from this struggle between several 'nuclear areas' and their 'men of prowess' will be called the Early Kingdom. Its leader usually acquired a new title, e.g. *Rājā* or even *Mahārāja*. But, despite the various royal paraphernalia which surrounded these new *Rājās* and their courts, they remained basically *primī inter pares* among the local leaders throughout this period. The structural weakness of this political system was the precarious position of *Rājā*. His tributary chiefs outside his own nuclear area were often of the same stock and had therefore, at least theoretically, the same chances to become a *Rājā* once they were able to prove their own 'prowess'. Political system of these 'early kingdoms' was characterized by a 'multiplicity' of local political centers and shifting loyalties of their leaders, particularly at the periphery of their system"[46]. Keeping in mind these theoretical premises, Kulke in 1991 already believed the inscriptions of Mūlavarman show the transition from chiefdom to the early kingdom[47]. He also thought brāhmaṇas are mentioned in these sources under their own name but it seems to be problematic (see above). Another circumstance is more important: the description of 'the early kingdom' which Kulke considered as the state, *de facto* coincides with Service's definition of the chiefdom. As a result, the polity of Mūlavarman can be interpreted either as a state (Kulke) or as chiefdom (Wisseman Christie).

As for other interpretations of the state, it is difficult to prove the existence of the three-level (national, regional, local) sociopolitical organization which is an attribute of this political form in the second definition of Claessen and Vasiliev's theory. Since Mūlavarman's records mention no officials, Wright's interpretation of the state is hardly applicable to these empirical data. Johnson's and Earle's approach does not enable to describe the political organization of early Borneo as its population was too scanty. Thus, according to the definitions of the state elaborated by Engels, Johnson and Earle, and Wright, the polity of Mūlavarman was not a state.

Let me pass to the Sanskrit epigraphy from West Java dated palaeographically to the 5th century A.D. as well as the inscriptions from Borneo. The inscriptions mention the king of Tārumanagara (<**taRum* 'indigo') named Pūrṇavarman and were found in the province of Batavia (modern Djakarta)[48]. Three of them (Ci-Arutön, Jambu and Kebon Kopi) bear the image of footprints: in two cases of Pūrṇavarman himself and in one (Kebon Kopi) of his elephant. The inscription from Tugu speaks about the digging of the canal ('river') and does not contain any images, which would be compared with the footprints from the other records. The fifth inscription found in 1949 in the bed of the river Cidanghyang refers to the footprints

of the king[49], as well as the texts from Ci-Arutön and Jambu (unfortunately, it has remained inaccessible to me). Two more inscriptions are not readable[50].

From the point of view of political organization, the remarks on the polity of Mūlavarman can be safely applied to that ruled by Pūrṇavarman. First, the analyzed texts do not mention any officials or dignitaries. It turns out to be a common feature of this group of inscriptions and the ones of Mūlavarman from East Borneo. But the records of Pūrṇavarman differ from later epigraphy of Sumatra and Java (e.g., from the well-known Telaga Batu-II inscription dated to the 7th century and being a major source on the history of Çrīvijaya[51]), where officials are mentioned. Kulke also makes distinction between Borneo and Western Java of the 5th century. One can find only one term — *pura* — in the inscriptions of Mūlavarman, while the records of Pūrṇavarman contain three terms: *nagara*, *purī* and *çibira*. The Sanskrit term *pura/purī*, as well as *nagara*, has the first meaning 'town, city', but possesses also the secondary meanings: 'castle, fortress, stronghold'[52]. A predecessor of Pūrṇavarman, Pinabahu is called 'the overlord of kings' (*rājādhirāja*). The term *çibira* means 'camp'. Kulke translates it as 'cantonment' and defines it as'*kraton*' — a residence of the ruler, and *purī* as 'famous city'. But the most important observation of Kulke is the following: 'Only the term *nagara* occurs in connection with Tвruma and the polities of its defeated enemies' *(arinagara)*; thus, 'Pūrṇavarman, in spite of his conquest, remains *primus inter pares*, ruling over his own *nagara* as his enemies (*ari*) did in their own *nagara*'[53]. Kulke also notices that such usage of the term *nagara* "may be understood as an indication that the spatial concept of the state in the 5th century Java was primarily 'city'-centered"[54]. He holds that Pūrṇavarman's society was a state, following his concept of 'the early kingdom'.

The hereditary clan hierarchy of leaders in the society of Pūrṇavarman is testified by the mention of 'senior relative (*guru*) Pinabahu' in the Tugu inscription. The reference to 'the camp of the grandfather of a royal wise man' also seems to be confirmative. Since Pūrṇavarman is called 'king', one can speak about social inequality. Brāhmaṇas are mentioned under their own name. The Tugu inscription is rather important for our study, therefore I shall give it completely:

[1] Purā rājādhirājena guruṇā pīnabāhunā
Khātā khyātām purī[ṁ] prāpya candrabhāgārṇṇavam yayau ||
Pravarddhamānadvāviṁçadvatsaraḥ ērīguṇaujasā
Narendradhvajabhūtena [3] ērīmatā pūrṇṇavarmmaṇā ||
Prārabhya phālguṇe māsi khātā kṛṣṇāṣṭamītithau
Caitraçuklatrayodaçyām dinais siddhaikaviṁçakai[ḥ]
[4] Āyatā ṣatsahasreṇa dhanuṣā[m] sa çatena ca
Dvāviṁçena nadī ramyā gomatī nirmalodakā ||
Pitāmahasya rājarṣerbbidāryya çibirāvanim
[5] Brāhmaḳairggosahasreṇā prayāti kṛtadakṣiṇaḥ ||

Translation of H.B. Sarkar (with corrections): 'Formerly, the Candrabhвga dug by the overlord of kings, the senior relative Pinabahu, having reached the glorified town (a fortress?) (*purī*), has come to the ocean. In the twenty-second year of his augmenting [reign] by the illustrious Pūrṇavarman, who became the foremost of the rulers of men (*narendra*) on account of the lustre of auspicious qualities, was dug the charming river Gomati, of pure water, in length six-thousand one hundred and twenty-two *dhanus*, having begun in on the eight day of the dark half if the month *Phālguṇa* and completed it in twenty-one days, on the thirteenth day of the bright half of (the month) *Caitra*. It proceeds, dividing the ground with the fortified camp of the grandfather of a royal wise man with the brāhmaṇas with the gift of a thousand cows'[55].

According to Noorduyn and Verstappen, the water works were undertaken for the control over the river in order to prevent flooding. These works consisted in changing the direction of the river course from northern to northeast[56]. Noorduyn and Verstappen did not discuss the question of manpower resources. It is worth noting that such action did not necessarily demand the bureaucratic staff since simple cooperation of some communities could take place.

On the ground of a geomorphologic analysis, Noorduyn and Verstappen concluded that the royal settlement was situated between Tugu and the modern port Tanjung Priok[57]. Could Pūrṇavarman undertake the irrigation works? It seems to be unlikely since the *ladang* (dry agriculture) system dominated on West Java up to the 19th century[58]. K. Hall notices: 'Western Java's dry agriculture population was more mobile and was capable of escaping the grasp of oppressive court elite…'[59]. It explains the absence of other inscriptions in this area, which would be dated from the time after Pūrṇavarman, up to 10th century A.D.[60] The change of the river course may be considered as a result of the decision-making for resolving a problem, important for all the society/societies involved, because the deficiency in water (as well as its abundance) prevents the successful economic development. Inaccessibility of harbour to overseas merchants also does not give an opportunity for trade development.

At the same time, the Javanese inscriptions of the 5th century do not contain any information about the territorial division and taxes. It gives no possibility to apply to this empirical data the concepts of the state offered by Engels, Vasiliev, Johnson and Earle. As one cannot be sure that there were officials in the polity of Pūrṇavarman it does not seem advisable to characterize it by means of Wright's interpretation of the state. However, some scholars believe the polity of Tвruma is mentioned under the name of To-lo-ma in the Chinese chronicles. In 666–669 A.D. it sent several missions to China[61]. Though this circumstance can be interpreted as a sign of stability of the political structure, I think these missions to China indicate only that there were leaders who thought it was necessary to send them. Chinese chronicles tell nothing about the status of these rulers. These embassies also could be sporadic individual acts. Moreover, the external (diplomatic) connections do not necessarily imply that their participants are the states in their political organization. It is well attested by the history of nomads. Kradin wrote: "Similarity of the steppe empires to the state is clearly revealed only in their relations with the external world. [It includes] (the military-hierarchical structure of nomadic societies for the withdrawal of the prestigious products and the goods from their neighbours as well as for the restraint of external pressure; the international sovereignty, specific ceremonial in the foreign policy relations)"[62]. Therefore, one may define Pūrṇavarman's society as chiefdom according to the conception of Service. But Kulke thinks that this polity was 'an early kingdom', i.e. the state of his conception.

Now I would like to inquire in brief into the political organization of Çrīvijaya. Its inscriptions from Sumatra written in Old Malay and in an unknown, probably Proto-Malagasy language, are dated to the end of 7th century A.D. The well-known Sanskrit Ligor inscription dated to 775 A.D. also mentions the ruler of Çrīvijaya[63]. For a long time Çrīvijaya was often described as a 'state', 'empire' and 'kingdom'[64]. A closer inspection of the Çrīvijayan political structure is, however, highly desirable.

One of the most important fragments of the famous Telaga Batu-II inscription (further — TB-2) is the list of participants in the oath ceremony which included the drinking of ritual water (*minum sumpah*). 'Kāmu vañak=māmu rājaputra proṣṭāra bhūpati senapati nāyaka pratyaya hājipratyaya daṇḍanāyaka … mūrddhaka tuhā an vatak=vuruḥ addhyākṣī nījavarṇa vāṣīkaraṇa kumārāmātya cātabhaṭa adhikaraṇa karmma … kāyastha sthāpaka puhāvaṁ vaṇiyāga pratisāra dā ..kāmu marsī hāji hulun=hāji vañak=māmu uraṁ nivinuh sumpaḥ' (lines 3–5)[65]. De Casparis offered the following translation: '[3] All of you, as many as you are, — sons of kings, … chiefs, army commanders, *nāyaka*, *pratyaya*, confidants (?) of the king, judges, [4] chiefs of …(?), surveyors of groups of workmen, surveyors of low-castes, cutlers, *kumārāmātya*, *cātabhaṭa*, *adhikaraṇa*, … clerks, sculptors, naval captains, merchants, commanders, … and you — , [5] washermen of king and slaves of the king, — all of you will be killed by the curse of (this) imprecation'.

The terms *yuvarāja, pratiyuvarāja* and *rājakumāra* designate categories of princes: the crown prince, the second crown prince and other princes respectively[66]. De Casparis admits that the meaning of the first word in the list, i.e. *rājaputra* 'children of kings', is fairly diffuse and varies depending on place and time. However, he believes it refers either to the children of king born by concubines or to vassal princes[67]. The second word of the list *proṣṭāra* is not clear.

The ambivalence of the term *bhūpati* in Sanskrit does not enable to define its exact meaning in the narrow context of the TB-2. It could mean 'a vassal', although the term 'chief' was used in translation[68]. Concerning the following five terms: *senapati, nāyaka, pratyaya, hājipratyaya, daṇḍanāyaka* — the historian emphasized that neither the former, nor the latter cause any difficulties in interpretation, denoting an army commander and a judge respectively. De Casparis kept the *nāyaka* and the *pratyaya* in his translation but assumed that they could be the lowest officials, for instance, taxation officers and/or lower district officers[69]. The word *hāji-pratyaya* consisting of the Indonesian and Sanskrit roots is tentatively translated as 'the confidants of the king'. The variant 'royal sheriffs' was given in the introduction to this inscription.

De Casparis believes the term *mūrdhaka* denotes a leader of a certain group of people, and translates this word as 'a chief of'[70]. But this interpretation is very doubtful. First, there is a lacuna in the inscription before this word. Second, it means '*kṣatriya'* in Sanskrit[71]. *Tuhā an vatak=vuruh* and *adhyākṣī nocavarṇa* mean 'surveyors of groups of workmen' and 'surveyors of low castes'; *vāṣīkarana* is 'a cutler'[72]. The terms *kumārāmātya, cātabhaṭa, adhikaraṇa* were not translated by De Casparis. Following M. De and K.P. Jayasval, the scholar holds that *kumārāmātya* means 'a minister of not royal blood, but on account of merits considered by royal decree as an equal of a prince'[73]. The translation of *amātya* 'a minister' seems to be unconvincing. It is more likely 'an associate, a companion'[74]. The other terms of the TB-2 list do not cause special difficulties. 'We meet there with clerks *(kāyastha)*, architects *(sthāpaka)*, shippers *(puhāvam)*, merchants *(vaṇiyāga)*, commanders *(pratisāra)*, royal washermen (*marso hāji* if our translation is correct) and royal slaves *(hulun=hāji)*'[75]. At the same time, in the translation of the TB-2 *sthāpaka* 'architects' are turned to 'sculptors', and *puhāvam* 'shippers' are converted into 'naval captains'[76].

Thus, the existence of the administrative personnel in Çrīvijaya is well attested. But there is a question of the structure of the polity and the position of administration in it. All the available data can be summarized as follows. First, the TB-2 inscription contains the curse to all those who breach the oath. K. Hall compares this source with the other Old Malay texts (the inscriptions from Kota Kapur 686 A.D. from the island of Bangka, Karang Brahi and Palas Pasemah from Sumatra). He rightly points out that, despite the uniform content — the punishment for high treason — in the majority of inscriptions the rebels should be punished by deity, while in the TB-2 inscription by the king himself[77]. 'The distinction suggested by these inscriptions, is that near the center of the Çrīvijaya king's domain his power was direct, yet in the state's hinterland the king was forced to emphasize the more theoretical and mythical aspects of his kingship because his power would seem to have been less direct'[78].

Second, there is no evidence that all peoples who recognized the power of the monarch of Çrīvijaya were under direct administrative control. My arguments are follows. The ruler of Çrīvijaya is often called in the texts not only *hāji* 'king' or *dapunta hiyang (hiyang* is 'god') but also *dātu* (a traditional Malayan title 'a chief'). The TB-2 inscription and other texts of the 7th century mention people denoted as *dātu,* and subjugated to the *dātu* of Çrīvijaya who seems to be, therefore, *primus inter pares*. Moreover, it seems unlikely that the officials from the centre of Çrīvijaya (its *kadātuan*) could carry out a strict control over the areas subjected to other *dātus*. The inscription of Kota Kapur from the island of Bangka mentions only the *dātu* of Çrīvijaya and other *dātus* but no officials[79]. The Çrīvijayan 'king of kings' is also called *bhūpati* in the Ligor inscription[80]. The term *bhūpati* in the TB-2 inscription refers to a non-royal dignitary and is translated by De Casparis as 'a chief'. Probably, in the 8th century the monarch of Çrīvijaya remained the first among equals. In any case, the inscriptions of this polity refer to the only means of its protection from the internal enemy — the curse to the perjurers. Hence, the administrative personnel do not imply the integration of all territories under the power of uniform government.

One of the most intriguing aspects of the history of Çrīvijaya is how its inhabitants conceptualized their own political organization. De Casparis writes: "An interesting expression not yet known from the other Çrīvijaya inscriptions is *huluntuhānku*, apparently meaning 'my empire' (lines 7, 11, 12, 14, 17 and 23); the literary meaning seems to be: 'my

slaves *(hulun)* and lords *(tuhān)*', implying classification of the subjects into two large groups, either slaves and free man or, more probably, the common people and the ruling class, the former comprising also the population of the conquered territories"[81]. On the same page De Casparis translates the term *kadātuan* as '*kraton*'. But on page 18 he notices that *kadātuan* means 'empire' as a whole which is divided into the great number of *maṇḍalas*, and the meaning of the Old Javanese term *«kěraton»* (royal residence) cannot be applied to *kadātuan*. According to the scholar, the relation between the *dātu* and *kadātuan* is not direct: the first ruled a *maṇḍala*. But Coedès holds that the king appointed *dātu* everyone from whom should rule *kadātuan* [82]. As De Casparis translates two different Old Malay words by the only term 'empire' his theory seems to contain an inner contradiction. It should be emphasized, however, that the term *huluntuhānku* 'my slaves and lords' refers to private connections (bonds) between the ruler and his subjects, instead of territorial or other formal connections. Besides, Van Naerssen considers *kraton* and *kadātuan* as synonyms meaning the place of the ruler[83].

O.W. Wolters tried to elaborate the theory of *maṇḍala* and to describe Çrīvijaya by means of this concept[84]. But the only case of the usage of this word in the TB-2 inscription gives no such possibility. The phrase *sakalamaṇḍalāca kadātuanku* 'you, who protect all the provinces of my *kadātuan*' refers to the territories small in size[85]. Also the term *maṇḍala* never occurred together with the name *Çrīvijaya*. Therefore to define the polity of Çrīvijaya as a whole (and even its *kadātuan* only) by means of the term *maṇḍala* seems to be unconvincing.

H. Kulke thinks the unity of the Çrīvijayan *kadātuan* and the areas subjected to other *dātus* was designated by the Sanskrit term *bhūmi* 'a land, earth; kingdom, country'[86]. But a drawback of his theory is that the term *Çrīvijaya* never occurs together with the term *bhūmi*. But we find the expressions '*kadātuan Çrīvijaya*' in the inscriptions from Kedukan Bukit, Kota Kapur, Palas Pasemah and Bungkuk and '*vanua Çrīvijaya*' in the texts from Kota Kapur and Karang Brahi[87]. *Vanua* means 'a community, inhabitant land and country'[88]. In any case, it is obvious that the authors of these records did not need the special way to designate the unity of *kadātuan* and the dependent lands.

Applying the selected concepts of the state to the epigraphy from Sumatra, the administrative staff in the *kadātuan* of Çrīvijaya and social stratification implies that one may define the *kadātuan* as a state according to its concept of Wright. The mention of slaves of the king (*hulunhāji*) would even testify to a class differentiation in the Marxist sense of the word though it seems to be unconvincing as the term *huluntuhānku* 'my slaves and lords' covers, probably, all those who were subjected to the king of Çrīvijaya. The fragmental inscription which was found near Palembang at a place called Telaga Batu (Telaga Batu-1) contains a curious expression *netā maddāsasenāyāḥ* 'commander of an army of my slaves'[89]. This fact probably testifies that the term *hulun* must not be interpreted as having connotation of social group in the Marxist sense of the word. Concerning a territorial division in Çrīvijaya, i.e. one of the necessary features of Engels's concept of the state, the inscriptions contain the Sanskrit term *deça* which designated separate regions and is interpreted by S. Kullanda as an indication of territorial division[90]. But this latter thesis raises some doubts. The only case of usage of this Sanskrit term in the TB-2 does not imply the existence of territorial division in Çrīvijaya: '…if (such) (making crazy. — *A.Z.*) actions (of other persons) are known to you in your region (deça)…'[91]. The Sanskrit term *deça* means 'place, land, earth, country, state, kingdom, area, and region'[92]. Thus, the meaning of *deça* in the TB-2 inscription is not quite clear. We can translate this passage as '…if such actions are known to you in your country', or 'your land', or even 'your kingdom'. The list of persons who took the oath to the ruler of Çrīvijaya does not mention *deçādhyakṣa* (see above). Hence, the term *deça* itself does not point to the existence of territorial division.

The finance of Çrīvijaya is practically unknown. The Chinese text of Chau Ju-kua dated to the 13th century contains a negative mention: 'Local people … pay neither a rent payment-*ch'iu*, nor the land tax-*fu*' (translation of M. Ulianov)[93]. It is difficult to say whether this information can be extrapolated for earlier time. K Hall holds that the king was connected with taxes referring to the idiom *daṇḍaku daṇḍa* of the TB-2 inscription. De Casparis

interpreted it as 'are fined by me with fine', but omitted it in his translation of the inscription[94]. The scholar, however, pointed out that it differs greatly from the main intention of the graver sentences which 'almost always death, pronounced against most of the criminals'. It also should be emphasized that only the TB-2 inscription contains this quite strange idiom. In any case, fine is not tax.

As the TB-2 inscription mentions 'an army (*vala*) which will undertake a punitive expedition'[95], one would conclude that Çrīvijaya was a state, according to Engels' definition. But what was this army and what were the principles of its organization? Such knowledge is contained only in some Chinese chronicles. Certainly, these sources are dated to later times but one may rely on them in this respect since all medieval maritime Malay societies enjoyed homogeneous economy based on trade and piracy. Chau Ju-kua writes: 'The people either lived scattered about outside the city, or on the water on rafts of boards covered over with reeds, and these are exempt from taxation. They are skilled at fighting on land or water. When they are about to make war on another state they assemble and send forth such a force at the occasion demands. They (then) appoint chiefs and leaders, and all provide their own military equipment and the necessary provisions. In facing the enemy and craving death they have not their equal among nations'[96]. Chou-k'ü-feп, whose monograph is dated to 1178, refers to the same people's custom to appoint chiefs and leaders[97]. Hence the Çrīvijaya's monarch did not have the monopoly on armed forces: the people were an army in one and the same time. Thus, Çrīvijaya cannot be described as a state according to its definition of Engels.

The weakness of links between the *kadātuan* of Çrīvijaya and the polities of other *dātus* (because the monarch of Çrīvijaya was only *primus inter pares*, see above) gives no possibility to suppose that Çrīvijaya had three levels of administrative control. Hence, it cannot be described as a state according to the theories of Johnson and Earle and Vasiliev. As for Claessen's theory of early state[98], it also raises some doubts. Certainly, some attributes of this political form may be attested in Çrīvijaya but such important attribute as tributary relations or obligation to pay taxes (see above) is not testified. Moreover, the only available evidence (Chao Ju-kua) is negative. According to Claessen and Skalnik, another attribute of the early state is the production system providing a regular and reasonably stable surplus. A carefully elaborated complex of irrigation canals and tanks near the hill Bukit Seguntang is well-known. These constructions are dated to the second half of the 1st Millennium A.D.[99] But it is not quite clear whether a surplus was regular and reasonably stable. At least, the archaeological map of Sumatra demonstrates the absence of monumental temple construction in comparison with Java, and it probably implies that the manpower which was in disposal of the Çrīvijayan ruler was limited in considerable degree. It conforms to our thesis that the *dātu* of Çrīvijaya was only *primus inter pares*.

The concept of 'empire' which was often applied to Çrīvijaya was criticized by the Soviet scholars Kozlova, Sedov, and Tiurin[100]. They wrote: "Unlike 'irrigation societies' where the tendency to formation of the uniform apparatus of official management covered all the territory of the state … in *nagaras* such an apparatus existed only in the center. … in the case when the growth of *nagara* took place (Fu-nan of the 3rd century, Çrīvijaya of the 7th–10th centuries), it became not an empire covering extensive spaces and aspiring to create the centralized management personnel, but a thalassocracy, dominating on the major sea routs owing to its fleet and contenting with sometimes pure formal dependence of the majority of its possessions. … apparently, Malayan possessions of Çrīvijaya also enjoyed significant independence, for example, the *nagara* Langkasuka, which arose in the 1st–2nd centuries A.D. and then became a part of Çrīvijaya, is again mentioned as an independent state down to the 13th century"[101]. Recently Kulke and Manguin also rejected the thesis about the empire of Çrīvijaya[102].

Thus, the *kadātuan* of Çrīvijaya was a state according to its definition offered by Wright and was not such according to the theories of Engels, Johnson and Earle, Vasiliev, and Claessen and Skalnik. Some of the existing concepts of the state were accepted as working hypotheses and were compared to the empirical data. The societies of SEA of the 5th — 7th

centuries are well described by some of them and, on the contrary, cannot be characterized by others. The scholar depending on what approach s/he assumes can represent differently the genesis of statehood in this region (as sequence of political forms in SEA will be reconstructed in completely different ways). My research did not pretend to prove which of the definitions of the state is true. *De facto*, I only tried to show the plurality of probable approaches and the ways of their functioning in historiographic process. I believe this manifold of diverse theories gives us a possibility of deeper understanding of social phenomena.

NOTES

1. *Engels F.* The Origin of the Family, Private Property, and the State: In the Light of the Researches of Lewis H. Morgan. Moscow: Progress Publishers, 1972. P. 166.
2. For more detail see: *Berger P., & T. Luckmann.* The Social Construction of Reality: a Treatise in the Sociology of Knowledge. Harmondsworth: Penguin Books, 1966.
3. *Berger P. & T. Luckmann.* Op. cit. P. 72.
4. *Johnson A.W., & T. Earle.* The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. Stanford (California): Stanford University Press, 1987. P. 246.
5. *Marcus J., & K. Flannery.* Zapotec Civilization: How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley. London: Thames & Hudson, 1996. P. 157.
6. Istoriya drevnego Vostoka. Zarojdenie drevneishih klassovyh obstchestv i pervye shagi rabovladel'cheskoy tsivilisazii (History of the ancient Orient. The Origin of the most ancient class societies and the first steps of slave-owning system civilization), T. 1. Mesopotamia, ed. by I.M. Diakonoff. Moscow: 'Nauka' Publishing House, 1983. P. 139.
7. *Wright H.T.* Recent Research on the Origin of the State // Annual Review of Anthropology. Vol. 6. 1977. P. 383.
8. Ibid. P. 381.
9. *Spenser Ch.* Politicheskaya ekonomiya stanovleniya pervichnogo gosudarstva (Political economy of the pristine state origin) // Al'ternativnye puti k tsivilizatii (Alternative pathways to civilization). Moscow: Logos, 2000. P. 139.
10. *Wright H.T.* Op. cit. P. 381.
11. *Bloch M.* La Société Féodale. P.: Editions Albin Michel, 1968; *Leliukhin D.N.* Kontseptsia ideal'nogo tsarstva v 'Arthashastre' Kautilyi i problema struktury drevneindiyskogo gosudarstva (the conception of ideal kingdom in the 'Arthaçāstra' of Kauṭilīya and the problem of structure of the ancient Indian state) // Gosudarstvo v istorii obstchestva (k probleme kriteriev gosudarstvennosti) (The State in history of society (to the problem of the criteria of the statehood)). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Institute for Oriental Studies, 2001. P. 9–148.
12. The Early State /ed. by H.J.M. Claessen, & P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978. P. 640.
13. *Claessen H.J.M.* How Unique was Śrivijaya? // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. Deel 151. 3e aufl. 1995. P. 444–445.
14. *Service E.* Origins of the State and Civilization. N.Y.: Norton, 1975. P. XIII.
15. *Claessen H.J.M.* Was the State Inevitable? // The Early State, its Alternatives and Analogues /ed. by L.E. Grinin, R.L. Carneiro, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin, A.V. Korotayev. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House, 2004. P. 74.
16. The Early State… P. 4; *Claessen H.J.M.* Was the State Inevitable… P. 73.
17. *Wisseman Christie J.* State Formation in Early Maritime Southeast Asia. A Consideration of the Theories and the Data // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. Deel 151. 2e Aufl. 1995. P. 237; *Hagesteijn R.R.* Circles of Kings. Political Dynamics in Early Continental Southeast Asia: Proefschrift ter Verkrijging van de Graad van Doctor in de Sociale Wetenschappen aan de Rijksuniversiteit. s'Gravenhage, 1985. P. 107.
18. *Service E.* Primitive Social Organization. N.Y.: Random House, 1962; *Service E.* Origins of the State and Civilization…; *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957.

19. *Vasiliev L.S.* Istoriya Vostoka (History of the Orient). T. 1. Moscow: 'Vysshaya shkola' Publishing House, 1993.
20. *Vasiliev L.S.* Op. cit. P. 75–76.
21. Ibid. P. 71.
22. Ibid. P. 223.
23. *Marx K.* Grundrisse. Foundations of the Critique of Political Economy, translated with a Foreword by M. Nicolaus. N.Y.: Vintage Books (a Division of Random House), 1973. P. 265.
24. See, for example: *Driver G.R., & J.C. Miles.* The Babylonian Laws. Oxford: Oxford University Press, 1955–1956; Yale Oriental Series. Babylonian Texts. Vol. VIII. *Faust D.E.* Contracts from Larsa Dated in the Reign of Rim-Sin. New Haven: Yale University press; London: Oxford University press, 1941.
25. For more detail see: *Earle T.* Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. 1987. P. 279–308; *Kradin N.N.* Vojdestvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya' (Chiefdom: Current state of research problems) // Rannie formy politicheskoy organizatsii (ot pervobytnosti k gosudarstvennosti) (The Early Forms of Political Organization: from the Primitiveness to the Statehood). Moscow: 'Vostochnaya Literatura' Publishing House, 1995. P. 11–61.
26. *Service E.* Origins of the State and Civilization… P. 16.
27. The Study of the State / ed. by H.J.M. Claessen, & P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1981. P. 491.
28. *Coedès G.* The Indianized States of Southeast Asia, ed. by W.F. Vella, translated by S. Brown Cowing. Honolulu, Hawaii: East-West Center Press, 1968; *Krom N.J.* Hindoe-Javaansche Geschiedenis. 2nd ed. s'-Gravenhage: Nijhoff, 1931; Hall D.G.E. A History of South-East Asia. 2nd ed. London: Macmillan, 1964; *Slamet-Velsink I.E.* Emerging Hierarchies: Processes of Stratification and Early State Formation in the Indonesian Archipelago: Prehistory and the Ethnographic Present. [Ph.D. thesis, Leiden University], 1986.
29. *Vogel J.Ph.* The Yûpa Inscriptions of king Mūlavarman, from Koetei (East Borneo) // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. Deel 74. 1918. P. 167–232; *Chhabra B.Ch.* Expansion of Indo-Aryan Culture During the Pallava Rule (as evidenced by inscriptions). Delhi: Munshi Ram Manohar Lal, 1965. P. 85–92.
30. *Vogel J.Ph*. The Yūpa inscriptions… P. 212–213; *Chhabra B.Ch.* Expansion of Indo-Aryan Culture… Pl. 8.
31. *Naerssen F.H. van, & R.C. de Jongh.* The Economic and Administrative History of Early Indonesia. Leiden–Köln: Brill, 1977. P. 18–21; *Casparis J.C. de, & I.W. Mabbet*t. Religion and Popular Beliefs of Southeast Asia before c. 1500 // The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. I. From Early Times to c. 1500 /ed. by N. Tarling. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 305.
32. *Vasiliev L.S.* Op. cit. P. 50f.
33. *Wisseman Christie J.* State Formation… P. 261.
34. *Vogel J.Ph.* The Yūpa inscriptions… P. 214.
35. *Wisseman Christie J.* Op. cit. P. 261–262.
36. *Chhabra B.Ch*. Op. cit. P. 90–92, pl. 13.
37. Ibid. P. 91.
38. *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English Dictionary etymologically and philologically arranged with the special reference to cognate Indo-European languages. Oxford: Clarendon press (1st ed. — 1899), 1951. P. 621, col. 3.
39. Ibid. P. 567, col. 3.
40. *Kulke H.* The Early and Imperial Kingdoms in Southeast Asian History // Southeast Asia in the 9th to 14th Centuries /ed. by D.G. Marr and A.C. Millner. Singapore: ISEAS and Australian National University, 1986. P. 6.
41. *Monier-Williams M.* Op. cit. P. 254, col. 3.
42. Ibid. P. 972–973.
43. *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. T. VI. 1886. St. Petersburg:

Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. S. 103. The problem of *vipra* was artificially complicated by some scholars. The inscriptions of Mūlavarman do not mention *brāhmaṇas* under their own name. Chatterje interpreted the term *vipra* as a designation of *brāhmaṇas*. See: *Chatterji B.R.* History of Indonesia. Early and Medieval. 3rd ed. Meerut: Meenakshi Prakashan, 1967. P. 116, 122–124. But Vogel and Chhabra used the concept 'priest'. See: *Vogel J.Ph.* The Yūpa inscriptions… P. 214–215; *Chhabra B.Ch.* Op. cit. P. 89–92. Chatterji translated the term *vipra* as '*brāhmaṇa*' following his general idea of the transference of civilization to Borneo from India by representatives of the first *varṇa*. The term *dvijā* 'twice-born' from the 12th line of the inscription A [*Vogel*, 1918, p. 213, n. 9] favours Chatterji's hypothesis as it is sometimes applied to brāhmaṇas. But the meaning 'priest' seems to reflect the role of the potlatch ceremony participants more adequately.

44. *Kullanda S.V.* Genesis gosudarstvennosti u narodov Zapadnoy Indonesii. Shrividjaya' (Genesis of statehood of peoples of Western Indonesia. Çrīvijaya) // Istoriya Vostoka (History of the Orient), T. II. Vostok v srednie veka (The Orient in the Middle Ages). Moscow: 'Vostochnaya Literatura' Publishing House, 1995. P. 216; Ng, Ronald C.Y. The Geographical Habitat of Historical Settlement in Mainland Southeast Asia // Early South East Asia. Essays in Archaeology, History and Historical Geography /ed. by R.B. Smith, & W. Watson. New York–Kuala Lumpur: Oxford University press, 1979.
45. Kulke H. The Early and Imperial Kingdoms… P. 6.
46. Ibid. P. 7.
47. *Kulke H.* Epigraphical References to the "City" and the "State" an Early Indonesia // Indonesia. Deel 52. 1991. P. 4f.
48. *Vogel J.Ph.* The Earliest Sanskrit Inscriptions of Java. Batavia: Publicaties van den Oudheidkundigen Dienst in Nederlandsch-Indiл, 1925. P. 15–35; *Chhabra B.Ch.* Op. cit. P. 93–97, pl. 14–18; *Sarkar H.B.* Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus Inscriptionum Javanicarum) (up to 928 A.D.). Vol. I. Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay, 1971.
49. *Wisseman Christie J.* Op. cit. P. 257–258; *Van Naerssen F.* & R.C. de Jongh. Op. cit. P. 23, n. 50.
50. *Sarkar H.B.* Op. cit. P. 1.
51. *Casparis J.C. de*, 1956, Prasasti Indonesia. Selected Inscriptions from the 7th to the 9th century A.D. Vol. II. Bandung: Masa Baru, 1956. P. 15–46.
52. *Monier-Williams M.* Op. cit. P. 635, col. 2–3; Bцhtlingk O. Op. cit. T. IV, 1883. S. 97: Burg, eine befestige Stadt, Stadt.
53. *Kulke H.* Epigraphical References to the "City" and the "State"… P. 6–7.
54. Ibid. P. 7.
55. *Sarkar H.B.* Op. cit. P. 6.
56. *Noorduyn J.,* & H.Th. Verstappen. Pūrnavarman's River-works near Tugu // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. Deel 128. 1972. Aufl. 2/3. P. 298–307.
57. Ibid. P. 305–306.
58. *Van Naerssen F.,* & R.C. de Jongh. Op. cit. P. 28; *Kanō, Hiroyoshi.* Land Tenure System and the Desa Community in Nineteenth-Century Java. Tokyo: Institute of Developing Economies. (Special Paper, № 5), 1977.
59. *Hall K.* Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia. Honolulu: Hawaii University Press,1985. P. 105.
60. *Van Naerssen F.*, & R.C. de Jongh. Op. cit. P. 25.
61. *Coedès G.*The Indianized States… P. 53–54.
62. *Kradin N.N.* Kochevniki, mir-imperii i social'naya evolutsiya (Nomads, world-empires, and social evolution) // Al'ternativnye puti k tsivilizatii (Alternative pathways to civilization). Moscow: Logos, 2000. P. 329.
63. *De Casparis J.C.* Op. cit. P. 1–46; *Coedès G.* Le Royaume de Çrīvijaya // Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extreme Orient. T. 18–6. 1918. P. 1–36; *Coedès G.* Les Inscriptions malaises de Çrīvijaya // Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extreme Orient. T. 30. 1930. P. 29–80.
64. *Coedès G.* Le Royaume de Çrīvijaya...; *Coedès G.* The Indianized States...; *Ferrand G.*

L'Empire Sumatranais de Çrīvijaya // Journal Asiatique. 11 sér. T. 20. 1922. P. 1–104, 161–246; *Nilakanta Sastri K.A.* History of Śro Vijaya (Sir William Meyer Lectures, 1946–1947). Madras: University of Madras, 1949; *Majumdar R.C.* Hindu Colonies in the Far East. 2nd ed. Calcutta: Firma K.L. Mudhopadhyay, 1963; *Chatterji B.R*. Op. cit.

65. *De Casparis J.C*. Op. cit. P. 32.
66. Ibid. P. 17–18.
67. Ibid. P. 19.
68. Ibid. P. 19, 37, n. 4.
69. Ibid. P. 19, 37, n. 5, 6.
70. Ibid. P. 19–20, 37.
71. *Böhtlingk O.* Op. cit. T. V, 1884. S. 95.
72. *De Casparis J.C*. Op. cit. P. 20, 32, n. 6, 37, n. 8.
73. Ibid. 1956, p. 20.
74. *Leliukhin D.N.* Op. cit. P. 23–24.
75. *De Casparis J.C.* Op. cit. P. 20
76. Ibid. P. 37.
77. This thesis of K. Hall, probably, has a serious drawback as the monarch of Çrīvijaya bore the title *dapunta hiyang* where *hiyang* meant 'a god', and, therefore, the ruler was considered as a god or, at least, a person of divine origin. But K. Hall's reflection corresponds to my hypothesis about the status of the Çrīvijayan ruler (see below).
78. *Hall K.* State and Statecraft in Early Srivijaya // Explorations in Early Southeast Asian History: The Origins of Southeast Asian Statecraft /ed. by K. Hall & J.K. Whitmore. Ann Arbor: University of Michigan, Center for South and Southeast Asian Studies, 1976. P. 69.
79. *Sriwijaya.* History, Religion & Language of an Early Malay Polity. Collected Studies by G. Coedès and L.-Ch. Damais. Kuala Lumpur: Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society, 1992. P. 54–56.
80. *Nilakanta Sastri K.A.* Op. cit. P. 120, çloka 6.
81. *De Casparis J.C*. Op. cit. P. 26.
82. *Coedus G.* Les Inscriptions malaises de Çrīvijaya... P. 54.
83. *Van Naerssen F.,* & R.C. de Jongh. Op. cit. P. 17, 27.
84. *Wolters O.W.* History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives. Singapore: Institute for Southeast Asian Studies, 1982. P. 17, 22f.
85. *De Casparis J.C*. Op. cit. P. 35.
86. *Kulke H.* Epigraphical References to the "City" and the "State"… P. 10.
87. *Nilakanta Sastri K.A.* Op. cit. P. 113–116; *Sriwijaya*... P. VII.
88. *Kullanda S.V.* Genesis gosudarstvennosti… P. 217; *Kullanda S.V.* Istoriya drevney Yavy (History of Ancient Java). Moscow: Nauka Publishing House, 1992. P. 80–81.
89. *De Casparis J.C.* Op. cit. P. 6–7.
90. *Kullanda S.V*. Genesis gosudarstvennosti... P. 217.
91. *De Casparis J.C.* Op. cit. P. 34, 42.
92. *Böthlingk O.* Op. cit. T. III. 1882. S. 120.
93. *Chao Ju-kua.* 'Chu Fang Chi' (1225) (a report on the state of Çrīvijaya), introduction, translation from Chinese into Russian and commentary by M.Yu. Ulianov // Vostok (Oriens). 1996. №6. P. 143.
94. *De Casparis J.C*. Op. cit. P. 27, 42; *Hall K.* State and Statecraft in Early Srivijaya… P. 80.
95. *De Casparis J.C.* Op. cit. P. 46, 45.
96. *Hirth F.,* & W.W. Rockhill. Chau Ju-kua, His work on the Chinese and Arab trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chi. Saint-Petersburg, 1911. P. 60f.; *Nilakanta Sastri K.A*. Op. cit. P. 88–89.
97. *Ferrand G.* L'Empire Sumatranais de Çrīvijaya... P. 16.
98. *Claessen H.J.M.* How Unique was Śrivijaya?
99. *McKinnon E.E.* Early Polities in Southern Sumatra: Some Preliminary Observations Based on Archaeological Evidence // Indonesia. Deel 40. 1985. P. 1–36.

100. *Kozlova M.G., Sedov L.A., & Tiurin V.A.* Tipy panneklassovyh obstchestv Yugo-Vostochnoy Asii' (Types of the early class societies of Southeast Asia), in: Problemy istorii dokapitalisticheskih obstchestv (Problems of history of the pre-capitalist societies). Book 1. Moscow: Nauka Publishing House, 1968. P. 516–545.
101. Ibid. P. 528.
102. *Kulke H.* Epigraphical References to the "City" and the "State"… P. 10; Manguin P.-Y. City-States and City-State Cultures in pre-15th-Century Southeast Asia // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre /ed. by M.H. Hansen. Copenhagen: C.A. Reitzels Forlag, 2000. P. 410–412.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И БОСПОР

© 2007 г.

А.Р. Панов

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ДИНАМИИ

Образ боспорской царицы Динамии, несмотря на ограниченность источников по истории Боспора конца I в. до н.э., привлекает большое внимание исследователей, и со времен выхода статей М.И. Ростовцева, посвященных царице[1], появилось немало других работ той же направленности[2]. Оставляя в стороне ряд дискуссионных вопросов, связанных с правлением Динамии — прежде всего, проблему хронологии ее царствования[3], — можно попытаться обрисовать внешнеполитическую ориентацию царицы, используя имеющиеся в нашем распоряжении данные.

К концу I в. до н.э. Боспорское царство прочно входило в сферу римских интересов, и в политике каждого правителя Боспора в той или иной мере проявлялась его проримская либо антиримская позиция. В отношении Динамии достаточно распространенным является взгляд, что она придерживалась антиримской ориентации, причем такая точка зрения высказывается как сторонниками, так и противниками идеи второго правления Динамии. В советской историографии популярен был образ Динамии как руководительницы движения племен на азиатской стороне Боспора против Полемона и стоявших за ним римлян[4]. В современных исследованиях высказывается идея, что противодействие Динамии римским планам в отношении Боспора проявилось в борьбе ее против Скрибония, направленного Августом для захвата власти на Боспоре[5]. С другой стороны, отношение Динамии к римлянам оценивалось и как сервилизм, беспрекословное повиновение предначертаниям Рима[6]. В силу этого имеет смысл рассмотреть источники, на основании которых можно определить, насколько антиримской или проримской была ориентация Динамии.

Из античных авторов Динамию упоминает лишь Дион Кассий — по его сообщению, Скрибоний после смерти Асандра взял в жены его супругу по имени Динамия, «которой муж передал власть и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата», а после победы Полемона «Динамия вышла за него замуж — несомненно, потому, что так решил Август» (Dio Cass., LIV, 24). Стоит отметить, что Динамия выполнила решение римского императора, выйдя замуж за Полемона, и Дион Кассий не говорит об участии Динамии в военных действиях боспорцев против Полемона, а тем более против Скрибония.

Страбон о Динамии не пишет вообще, но на основании этого рискованно делать вывод, что Страбон считал проримские симпатии царицы простой декларацией и потому умышленно упускал ее имя, останавливаясь подробно на деятельности верного римским интересам Полемона[7]. История Боспора I в. до н.э. освещена в «Географии» Страбона весьма отрывочно, и отсутствие упоминаний о Динамии может объясняться тем, что ее правление не вызывало каких-либо ассоциативных связей, которые могли быть включены Страбоном в его произведение.

Нумизматические данные представлены двумя статерами, отчеканенными от имени Динамии в 21/20 и 17/16 гг. до н.э., а также медными монетами с монограммами ВАЕ и ВАМ, выпуск которых может быть датирован временем правления Динамии. Чеканка Динамии, действительно, была самобытным явлением на фоне монетных выпусков двух ее мужей: Асандра и Полемона. После Асандра царица вернулась к использованию понтийской эры и поместила на статерах свое изображение с надписью ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΔΥΝΑΜΕΩΣ, а также фамильный герб в виде звезды и полумесяца[8]. Однозначной расшифровки монограмм ВАЕ и ВАМ пока не существует, и прочтение их как «царь Митридат» и «царь Евпатор» не является убедительным. Эти медные монеты отличаются богатством типов, среди которых преобладают изображения греческих и египетских богов и их атрибутов[9].

Трактовка монетной символики данных монет неоднозначна. С одной стороны, в монетной стилистике видят сознательную пропаганду Динамией промитридатовских и, следовательно, антиримских идей. Так, помещение родового знака связывается с тем, что Динамия подчеркивала свое происхождение и делала это в пику римлянам[10]. Изображения на медных монетах некоторые исследователи также считают митридатовскими реминисценциями: высказывается мнение, что Динамия для упрочения своего положения подчеркивала происхождение от Митридата, помещая его эмблему и изображения божеств, либо непосредственно относящихся к Митридату (Дионис, Гелиос), либо отражавших его многогранные религиозные воззрения[11].

Однако источником новых монетных типов могло быть и римское монетное дело. Так, звезда и полумесяц были на римских монетах, в т.ч. 20 г. до н.э. — и Динамия могла использовать эти знаки из почтения к Августу, а не как герб Ахеменидов[12]. Отмечается типологическая близость монет ВАЕ и ВАМ и римских денариев с именем монетария Петрония Турпилиона (18 или 14 г. до н.э.)[13]. Неоднократно выделялось также большое сходство изображений (орел, змея, рог изобилия, кадуцей, лев и звезда, атрибуты Геракла и т.д.) на медных боспорских монетах и монетах других зависимых от Рима государств, в частности, Мавретании, Фракии, Понта, Каппадокии[14].

В целом, нет ничего удивительного, что Динамия помещала на своих монетах изображения, указывающие на ее происхождение от Митридата, но размещение митридатовской символики не было столь явным вызовом Риму, как может показаться с первого взгляда. Динамия, будучи внучкой Митридата, имела законное право гордиться своим происхождением (что подтверждается эпиграфическими данными), и погоня за ее рукой со стороны Асандра, Скрибония и Полемона как раз таки была вызвана их желанием легитимизировать свое положение путем брака с представительницей понтийско-боспорской династии. Примеры других цариц этой эпохи показывают, что они могли проявлять известную самостоятельность в монетном деле (прежде всего в том, что помещали свое изображение с развернутой легендой), оставаясь при этом вполне лояльными по отношению к Риму. Так, боспорская правительница Гипепирия, наследовавшая на короткое время власть своего умершего супруга Аспурга, чеканила монеты, отмеченные гораздо меньшим римским влиянием, чем Аспург: в отличие о мужа она решилась поместить на меди собственный портрет с развернутым именем и титулом; однако, когда затем развернулся конфликт ее старшего сына Митридата с Римом, ее симпатии оказались целиком на стороне Котиса, переметнувшегося к римлянам[15].

Наиболее информативным источником по правлению Динамии являются эпиграфические данные. Период царствования Динамии хорошо представлен в материалах надписей — уже известно восемь боспорских надписей с упоминанием Динамии. Ценность данного вида источника особенно велика в контексте обсуждаемого вопроса, так как титулатура очень четко определяла статус того или иного правителя. С I в. до н.э. на Боспоре начинается использование в титулатуре звания друга римлян, которое на практике в то время скорее понималось как римский клиент; посвящения членам императорской семьи также недвусмысленно указывают на проримские симпатии дедикантов. Конечно, отчасти подобные проявления сервилизма были декларативными, но и недооценивать

их не следует — официальное выражение статуса монарха имело большое значение в античном обществе, и включение или исключение каких-либо элементов из титулатуры имело ту или иную политическую подоплеку.

Одна из надписей датируется периодом царствования Асандра — в ней Динамия предстает вместе с супругом и названа царицей (КБН, 30). В официальных надписях, относящихся ко времени ее единоличного правления, Динамия также указывает свой титул «царица» и появившееся звание «друг римлян». Дошли три ее посвящения Августу и Ливии, в которых царица не скупится на эпитеты императорской чете. Августа она именует императором, цезарем, богом, сыном бога, своим спасителем и благодетелем (КБН, 38), императором, цезарем, сыном бога, всей земли и всего моря правителем, своим спасителем и благодетелем (КБН, 1046), Ливию же называет своей благодетельницей (КБН, 978). В надписях, поставленных в честь царицы агриппейцами и танаитами Динамия именуется соответственно другом римлян, дочерью великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса, спасительницей и благодетельницей (КБН, 979) и царицей, происходящей от царя Фарнака, другом римлян[16]. Наварх Панталеонт чествует царицу как друга римлян, дочь великого царя Фарнака, сына царя Митридата Евпатора Диониса (КБН, 31). Кроме того, сохранилась надпись, сделанная Динамией в честь Матиана[17], а также с упоминанием посла царицы в Херсонесе (IOSPE, I^2, 354).

В оценке проявленных Динамией по отношению к Риму чувств, есть, впрочем, разногласия. Так, Б. Функ, анализируя титулатуру боспорских правителей, пытается принизить степень проримской ориентации Динамии. На его взгляд, в случае с Динамией мы встречаемся с «лояльным к Риму заявлением царствующей особы без акцента на эту ориентацию»[18]. Такое утверждение вряд ли согласуется с действительным положением. Динамия не использовала только эпитет filokaisar, потому что не имела его, но в остальном трудно найти пример более яркого проявления покорности воле Рима. Так же сложно согласиться с выводом автора, что на фоне пышной титулатуры императора скромно оформленная клаузула — царица Динамия — звучала «гордо, пожалуй, даже вызывающе»[19]. Термин basilissa передает только официальное положение Динамии, и ничего более, — использование царского титула, утвержденного римским правительством, при всем желании нельзя считать вызовом Риму. Наконец, в перечислении имен и титулов предков Динамии (КБН 31, 979) Б. Функ видит то, что царица сознательно подчеркнула свое законное происхождение и упомянула своих, еще не забытых римлянами отца и деда, чтобы выразить свою пробоспорскую ориентацию[20]. Можно только отметить, что оба эти посвящения сделаны в честь Динамии, и упоминание генеалогии было вызвано скорее желанием авторов надписей польстить царице, чем стремлением акцентировать внимание на традиционно антиримской политике Митридата Евпатора и Фарнака. Ведь в надписях от своего имени царица не сочла уместным указать своих великих предков, но зато в полной мере выразила преклонение перед императором. К тому же, авторы посвящений не решились пропустить принадлежавшее Динамии звание «друг римлян».

Поэтому более обоснованным кажется говорить если не о сервилизме Динамии, то о ярком выражении преданности Римской империи и императору лично. Обнаружение посвящений в честь Августа и Ливии в разных городах Боспора — Пантикапее, Фанагории и Гермонассе — говорит о широком размахе устроенной Динамией демонстрации своих чувств по отношению к императорской чете. Не исключено, что и переименования главных городов Боспорского царства - Пантикапея и Фанагории в Кесарию и Агриппию имело место в период правления Динамии[21].

Изображение боспорской царицы как источник по истории Боспора этого периода мало что способно дать для выяснения внешнеполитических пристрастий Динамии, тем более, что сейчас существуют серьезные сомнения в верности его прежней атрибутации[22].

Наконец, общая картина развития событий на Боспоре во второй половине I в. до н.э. может быть привлечена при рассмотрении поставленной проблемы. В течение своей жизни Динамия трижды выходила замуж, и всякий раз новый супруг оказывался винов-

ником смерти прежнего ее попечителя. Так, первый ее муж Асандр поднял восстание против царя Фарнака, приходившегося Динамии отцом, и Фарнак пал в ходе этой борьбы. После длительного совместного правления с Асандром Динамия по доброй воле или по принуждению стала жить со Скрибонием, организовавшим выступление против Асандра. Третий супруг Динамии Полемон также в какой-то мере был причастен к смерти Скрибония, поскольку именно его притязания на боспорский престол заставили боспорцев избавиться от Скрибония. Очевидно, что инициаторами всех трех браков выступали потенциальные претенденты на руку Динамии, которым скорее была нужна не сама Динамия, а возможность благодаря браку с ней обеспечить законность своего пребывания на троне Боспорского царства. Вероятнее всего, Динамия в этих ситуациях не имела свободы выбора и каждый раз оказывалась жертвой обстоятельств.

Судя по сообщению Страбона, Полемон недолго прожил с Динамией, и не позднее, чем в 12-11 гг. до н.э., женился на Пифодориде, а в 8 г. до н.э. он был убит аспургианами (Strabo, XI, 11, 11). Сложно сказать, как в это время сложилась судьба Динамии — умерла она или последовал развод ее с Полемоном. Решающих аргументов в пользу той или иной гипотезы пока не существует, и вопрос остается открытым. Тем не менее, даже если имел место развод, это не доказывает, что Динамия подняла вооруженную борьбу против бывшего супруга. Не исключено, что развод был произведен по инициативе римлян, и что Динамия отправилась в столицу империи, где пребывала вплоть до смерти Полемона[23]. Логическая цепочка восстановления событий — что лидером аспургиан был Аспург, а вместе с ним его мать Динамия — является чисто гипотетической. Помимо того, что не доказано участие Аспурга в движении против Полемона, весьма спорным может считаться и предполагаемое присоединение Динамии к этой борьбе. В качестве примера можно вновь сослаться на Гипепирию, которая не поддержала антиримское выступление своего сына.

Таким образом, имеющиеся данные не позволяют говорить об участии Динамии в каких-либо антиримских мероприятиях — в своей пропаганде царица официально придерживалась лояльной к Римской империи позиции, и не зафиксировано каких-либо попыток посягнуть на римские интересы в Северном Причерноморье. Поэтому до находок новых источников, позволивших бы уточнить историю Боспорского царства этого периода, более верным представляется оценивать общий политический настрой Динамии как проримский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Т. XXV. М., 1916. С. 1-24; *Rostovtzeff M.* Queen Dynamis of Bosporus // JRS. Vol. XXXIX. 1919. P. 88-109.
2. Из специальных исследований можно указать следующие статьи: *Фролова Н.А.* О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 49-61; *Латышева В.А.* О роли Динамии в период правлении на Боспоре Полемона // ВХУ. № 214. Харьков, 1981. С. 101-107; *Сапрыкин С.Ю.* Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 181-203; *Парфенов В.Н.* Динамия, царица Боспора. Несколько штрихов к политическому портрету // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 126-136; *Сопова Н.К.* Динамия — правительница Боспора // Люди и политика. Брянск, 1999. С. 5-15.
3. Обзор точек зрения см. в работе Н.К. Соповой: *Сопова Н.К.* Ук. соч. С. 5-15.
4. *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (Краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. I. М.; Л., 1955. С. 128; *Шелов Д.Б.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 107; *Горемыкина В.И.* Из истории Боспора Киммерийского I в. до н.э. и начала I в. н.э. // УЗ Могилевского государственного педагогического института. Вып. II. Минск, 1956. С. 134; *Сокольский Н.И.* Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. Вып.

100. М., 1965. С. 89; *Марченко И.* Город Пантикапей. Симферополь, 1974. С. 62; *Латышева В.А.* Ук. соч. С. 104; *Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 82; *Алексеева Е.М.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ, 1988. № 2. 69.

5. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 111.
6. *Дьяков В.Н.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3-4. С. 75; *Болтунова А.И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1. С. 89.
7. *Грацианская Л.И.* Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976. С. 18.
8. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Таб. 10. № 253-254.
9. Там же. Таб. 10. № 256-258, 270-275; Таб. 11. № 276-283, 2286-287, 294-296.
10. *Кузьмина А.Г.* Взаимоотношения Римского государства с Ольвией, Херсонесом и Боспорским царством в I в. до н.э. — II в. н.э. Дис. ... уч. ст. к.и.н. М., 1966. С. 155; *Болтунова А.А.* К надписи IOSPE, II, 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 173.
11. *Брабич В.М.* Египетские мотивы в монетной чеканке Боспорского царства конца I в. до н.э. — начала I в. н.э. // НЭ. Т. II. М., 1960. С. 45; *Сапрыкин С.Ю.* Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. 1983. № 1. С. 76.
12. *Бертье-Делагард А.О.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. Т. XXIX. Одесса, 1911. С. 142.
13. *Фролова Н.А.* Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. — начала I в. н.э. // НЭ. Т. XV. М., 1989. С. 4.
14. *Бертье-Делагард А.* О монетах властителей… С. 152; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 173; *Карышковский П.О.* Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque (рец.) // СА, 1958, № 1. С. 283-284.
15. Подробнее см.: *Абрамзон М.Г.* Медный чекан Гипепирии и некоторые проблемы политической истории Боспора // ПИФК. Вып. IV. Ч. 1. Магнитогорск, 1997. С. 176-183.
16. *Арсеньева Т.М., Беттгер Б., Виноградов Ю.Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3. С. 63.
17. *Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике. С. 19.
18. *Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 82.
19. Там же. С. 83.
20. *Funck B.* Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaisers Augustus // Das Altertum. 1986. Bd. 32. Heft 1. S. 33-34.
21. *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 157; *Левченко Н.В.* Эпизод правления Савромата I// Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М., 1999. С. 249; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 317; *Фролова Н.А.* О времени правления Динамии. С. 58. Правда, вопрос о датировке, инициаторе и даже объекте переименований остается дискуссионным.
22. Бюст атрибутируется как изображение Динамии (*Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст… С. 8; *Сопова Н.К.* Ук. соч. С. 8), так и Гипепирии (*Молчанов А.А.* Искусство портрета на античном Боспоре (по нумизматическим данным) // Вестник МГУ. Серия IX «История». 1971. № 4. С. 101; *Parlaska K.* Das sog. portrat der konigin Dynamis in der Eremitage // Проблемы античной истории и культуры. Т. II. Ереван, 1979. С. 178; *Соколов Г.И.* Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 431).
23. *Rose C.B.* “Princes” and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. Vol. 94. № 3. 1990. P. 461; *Parfenov V.N.* Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar. Zur militarishen und politischen Geschichte des Bosporanisches Reiches nach Asandros // Historia. 1996. Bd. XLV. 1. S. 99-100; *Горончаровский В.А.* Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000. С. 55.

A.R. Panov

TO THE QUESTION ON DYNAMIS' POLITICAL ORIENTATION

The image of Bosporan Queen Dynamis' draws great attention of researchers despite the limitation of sources on Bosporan history of the end 1st c. A.D. Since the publication of M.I. Rostovtsev's articles devoted to Bosporan Queen there appeared many works concerning the same problem. Leaving apart a number of debatable questions connected with Dynamis' reign — first of all, the problem on chronology of her reign, — it is possible to make an attempt to depict Dynamis' foreign policy orientation, using the available data.

© 2007 г.

В.Н. Парфенов

ЗАГАДКА СКРИБОНИЯ

В последнее время переломному периоду истории Боспорского царства – последним десятилетиям I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. – уделено значительное внимание отечественных исследователей[1]. В отношении причин и сущности зачастую неясных в подробностях, но крупных по своему масштабу и последствиям событий на северо-восточной окраине античного мира разногласия возникают как из-за нехватки или полного отсутствия источников нарративных, так и возможности различной интерпретации источников эпиграфических и нумизматических, не говоря уже об археологических.

В интересующем нас случае всем специалистам, какой бы точки зрения они ни придерживались, приходится в своих гипотезах исходить из лаконичного сообщения Диона Кассия (LIV.24.4–6), который упоминает, что в консульство М. Лициния Красса и Гн. Корнелия Лентула (14 г. до н. э.) «в Боспоре Киммерийском произошел государственный переворот. Ибо некий Скрибоний, утверждая, что он внук Митридата, получивший от Августа царскую власть после кончины Асандра, женился на его супруге, именуемой Динамией, которой муж передал власть и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата, и таким вот образом заполучил Боспор. Узнав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царствовавшего над пограничной с Каппадокией частью Понта. Но тот уже не застал Скрибония в живых, так как боспорцы, услышав о таком намерении, до этого убили его. Когда же они выступили против Полемона, боясь, чтобы ему не была дана царская власть над ними, он дал сражение и победил их. Однако он не принудил их к подчинению, пока Агриппа не прибыл в Синопу, чтобы тоже идти на них войной. Тогда они сложили оружие и сдались Полемону. А та женщина, Динамия, вышла за него замуж — несомненно, потому, что так решил Август».

Не вдаваясь в дискуссию по всем проблемам, которые ставит перед исследователем этот текст, зададимся вопросом: кто же был этот, по выражению Диона Кассия, «некий Скрибоний» (Σκριβώνιος τις), деятельность которого, судя по всему, и стала началом конца независимости Боспорского царства?

Недавно опубликованная работа Дэвида Браунда, автора единственного специального исследования о Скрибонии (если не считать лаконичной статьи Штайна в энциклопедии Паули-Виссова), начинается с интригующей фразы: «Проведя десятилетия на боспорском троне, Асандр в конце концов был устранен человеком, о котором мы не знаем почти ничего»[2]. «Загадочным узурпатором по имени Скрибоний» именует ту же личность Эрих Грюн в новом издании «Кембриджской древней истории»[3]. Таким образом, западная наука начала XXI века в данном случае констатирует невозможность определенного решения «проблемы Скрибония». В отечественной историографии последних

лет на ней наиболее подробно останавливается С.Ю.Сапрыкин, работы которого хорошо известны и на Западе[4]. Поэтому имеет смысл выяснить, насколько обоснованно его мнение в отношении эфемерного владыки Боспора[5].

Для начала попытаемся принять точку зрения этого исследователя и представить себе Скрибония вольноотпущенником (разведенной жены Августа) по социальному положению и римским куратором (или корректором) при дворе боспорского царя по должности[6]. Естественно, и статус, и должность его всем, в том числе и Динамии, должны были быть прекрасно известны. Затем вдруг третьеразрядный римский чиновник поднимает мятеж против законного боспорского царя Асандра, «друга римлян» (КБН. 30), каким-то образом умудряется набрать себе войско и начать полномасштабные боевые действия. Асандр, несмотря на свой более чем преклонный возраст, показывает пример доблести в конном и пешем бою против узурпатора, но это делу не помогает.

Перед этим или уже в процессе мятежа между Скрибонием и Динамией неизбежно должна была произойти своего рода «сцена у фонтана», во время которой претендент открыл царице, что является внуком Митридата, то есть ее кузеном. Дочь Фарнака, которая в течение долгих десятилетий своего брака с Асандром тихо ненавидела мужа (он же – виновник гибели ее отца), падает в объятия Скрибония. *Happy end* (правда, временный) после этого был обеспечен: боспорское войско переходит под знамена потомков великого Митридата, престарелый Асандр вынужден покончить с собой, о чем имеется свидетельство Псевдо-Лукиана (Macrob. 17).

Проблема отношения узурпатора Скрибония к разведенной жене Августа тоже легко поддается решению в том же ключе. Единственным известным нам по имени отпущенником Скрибонии был Скрибоний Афродисий, бывший раб и ученик небезызвестного Орбилия, которого бывшая жена Августа выкупила у хозяина и отпустила на свободу: *Scribonius Afrodisius Orbilii servus atque discipulus, mox a Scribonia Libonis filia quae prior Augusti uxor fuerat redemptus et manumissus… (Suet. De gram*. 19)[7]. Хотя автор статьи об Афродисии в энциклопедии Паули – Виссова чрезмерно скептичен, полагая, что больше об этом человеке сведений не имеется[8], нас это смущать не должно. Следуя методу С.Ю. Сапрыкина, можно смело предположить, что данному Скрибонию («созвучие имен» решает все!) однажды надоело вколачивать розгами грамматику в юных оболтусов и комментировать чужие сочинения. Тогда он, по понятной причине не доложившись патронессе, которая теплых чувств к бывшему мужу явно не испытывала, явился к Августу, получил от него «ответственное спецзадание» и отправился на Боспор. О дальнейшем см. выше.

Разумеется, такой вариант допустим в исторической беллетристике, но не в научном исследовании. Полагаю, что гипотеза о Скрибонии-вольноотпущеннике отжила свое и серьезной критики не выдерживает[9]. Д. Браунд с полным основанием отмечает, что, если бы Скрибоний являлся бывшим рабом, то непонятно, как он занял выдающееся положение на Боспоре и почему источники умолчали о столь экзотическом происхождении супруга царицы Динамии[10]. Кроме того, уместно заметить, что, когда у античных авторов речь идет о римских вольноотпущенниках, их всегда называют не родовым именем патрона, а прежним, превратившимся после получения свободы и гражданских прав в *cognomen*: Менодор, Менекрат, Нарцисс, Паллант, Феликс и т. д. В данном случае ни Лукиан, ни Дион Кассий этому принципу не следуют.

Наконец, позволю себе высказать еще одно соображение, которое касается набора Скрибонием собственного войска. Можно ли допустить, чтобы свободнорожденные воины согласились подчиняться вольноотпущеннику? Прецедент, конечно, имел место: в командном составе вооруженных сил Секста Помпея, в особенности на флоте, отпущенники играли видную роль. Однако это имело место в экстремальной обстановке гражданских войн конца Республики и всего лишь у одного из нескольких военно-политических лидеров, боровшихся за единоличную власть в Риме. Но даже для него это было таким же вынужденным шагом, как и прием беглых рабов в свое войско и флот. Что же касается обстановки, с позволения сказать, нормальной, то можно привести такого рода пример.

В 43 г., более полувека спустя после рассматриваемых здесь событий на Боспоре, по приказу Клавдия началось завоевание Британии. Командовать экспедицией был назначен Авл Плавций, до того бывший легатом Паннонии. Легионы не хотели переправляться на неведомый остров, находившийся, по их представлениям, за пределами обитаемого мира. Возникшая ситуация была чревата открытым мятежом, но напряженная обстановка неожиданно разрядилась, когда эмиссар Клавдия, могущественный вольноотпущенник Нарцисс, взобрался на лагерный трибунал, где стоял полководец (ἀναβῆναί τε ἐπὶ τὸ τοῦ Πλαυτίου βῆμα), и попытался обратиться с речью к солдатам. Те не дали ему говорить, хором прокричав: «Ио, Сатурналиа!» (συμβοήσαντες ἐξαίφνης τοῦτο δὴ τὸ θρυλούμενον "ἰὼ σατουρνάλια"). Этим они без обиняков дали понять, что, с их точки зрения, только на Сатурналиях рабам позволено играть роль господ. Выразив таким образом собственное отношение к посланцу императора, войска последовали за своим военачальником (Dio Cass. LX.19.2–3).

Таким образом, при любой попытке определить социальный статус Скрибония следует исходить из того, что вольноотпущенником этот человек быть не мог.

Из античных авторов о Скрибонии упоминает, кроме Диона Кассия, Псевдо-Лукиан. По замечанию В.П. Яйленко, трактат «О долгожителях», сохранившийся в составе сочинений Лукиана, заслуживает доверия в большей степени, чем Дион Кассий, так как хронологически он достаточно близок к описываемым событиям[11]. В силу важности касающейся нашей темы информации приведем ее целиком: Ἄσανδρος δὲ ὁ ὑπὸ τοῦ θεοῦ Σεβαστοῦ ἀντὶ ἐθνάρχου βασιλεὺς ἀναγορευθεὶς Βοσπόρου περὶ ἔτη ὢν ἐνενήκοντα ἱππομαχῶν καὶ πεζομαχῶν οὐδενὸς ἥττων ἐφάνη. ὡς δὲ ἑώρα τοῦ ἑαυτοῦ ὑπὸ τὴν μάχην Σκριβονίῳ προστιθεμένους ἀποσχόμενος σιτίων ἐτελεύτησεν βιοὺς ἔτη τρία καὶ ἐνενήκοντα (Lucian. *Macrob.* 17).

Нетрудно видеть, что здесь присутствуют два самостоятельных смысловых блока. Первый из них констатирует, что Асандр никому не уступал ни в конном, ни в пешем бою (своего рода «джентльменский набор» эллинистического царя) даже в девяностолетнем возрасте. Во втором отмечено, что он, увидев, как во время битвы его войска переходят к Скрибонию, покончил с собой в возрасте девяноста трех лет, отказавшись от пищи.

Чтобы связать два этих блока воедино и выстроить на этом, достаточно шатком, основании целую картину трехлетней войны между Асандром и Скрибонием, как это делает С. Ю. Сапрыкин[12], надо иметь очень богатую фантазию. Чувствуя слабость своей аргументации, автор пытается подкрепить ее нумизматическим материалом. Он отмечает, что «в 22 г. до н.э. Асандр не отчеканил свой очередной золотой 24-го года правления, не получив, вероятно, на это санкции Августа и сената. Хотя на следующий год это право все же было за ним подтверждено – он выпустил золотой от ЕК=25-го года правления = 21 г. до н.э. Приблизительно в эти годы на Боспоре появился некий Скрибоний…»[13].

Дальнейшие рассуждения С. Ю. Сапрыкина на эту тему тоже основаны на наличии или отсутствии золотых монет Асандра и, соответственно, на выпуске от имени Динамии статеров 21/20 и 17/16 гг. до н.э. С его точки зрения, как видно из приведенной выше цитаты, боспорский царь должен был ежегодно испрашивать у Рима разрешения чеканить золотую монету, а император и сенат могли дать на это санкцию, а могли раскапризничаться и не дать. Кроме того, трогательна вера исследователя в то, что хотя бы одна золотая монета Асандра за каждый год чеканки (вероятно, обязательный экземпляр) непременно сохранилась. Во-первых, как справедливо отметил Д. Браунд, неизвестно, чеканилась ли в это время на Боспоре золотая монета ежегодно; скорее всего, это было не так[14]. Во-вторых, даже неспециалистам в области нумизматики прекрасно известно, что подавляющее большинство монет закончило свое существование там же, где и начало — в тигле плавильщика. Почему эту участь не могли разделить монеты Асандра, Динамии и, быть может, Скрибония, непонятно. Соответственно, чистым домыслом является идея о том, что Скрибоний появился на Боспоре в конце 20-х гг. до н.э.[15]

Попытки определить происхождение Скрибония и суть его политики на Боспоре предпринимались неоднократно, но они, за неимением источниковой базы, естественно, носят сугубо гипотетический характер. На мой взгляд, наиболее аргументированной в настоящее время является точка зрения, согласно которой Скрибоний (или его отец) получил свое имя и римское гражданство не от Скрибонии, разведенной жены Августа, а от ее брата, одного из виднейших приверженцев Секста Помпея, а затем Марка Антония, консула 34 г. до н.э. Луция Скрибония Либона[16]. По мнению Д. Браунда, это должно было произойти в середине 30-х гг. до н.э., когда Секст Помпей безуспешно пытался утвердиться в Вифинии[17].

Позволю себе заметить, что предположение о получении Скрибонием римского гражданства и родового имени от Л. Скрибония Либона было высказано мной раньше, чем Д. Браундом[18]. В подтверждение этой гипотезы можно указать на то, что в годы второго триумвирата получение провинциалами римских гражданских прав от Антония и его виднейших приверженцев было обычной практикой[19]. С британским коллегой можно согласиться в том, что 35 г. до н. э. является наиболее вероятным *terminus post quem* при определении даты получения будущим узурпатором римского гражданства. Однако это могло произойти и, скорее всего, произошло несколько позже, в период интенсивной подготовки Антония к войне с Октавианом и массового набора провинциалов в легионы, с одновременным предоставлением им римских гражданских прав[20].

Новоявленный Скрибоний (его прежнее имя, очевидно, навсегда останется неизвестным) был, однако, отнюдь не рядовым легионером. М.И. Ростовцев соглашается с Г. Дессау в том, что «Скрибоний, представлявшийся внуком Митридата, был действительно провинциалом, может быть, царского происхождения (*maybe of royal descent*), который принял римское имя. Едва ли вероятно, чтобы Динамия взяла в мужья совершенно постороннего человека, римлянина без какого-либо права на трон»[21]. Когда после битвы при Акции зависимые от Рима цари и династы Востока приняли сторону победителя, новые граждане, среди которых был и «наш» Скрибоний, должны были последовать их примеру и в дальнейшем служить Августу, хотя бы за отсутствием альтернативы, верой и правдой.

Обстоятельства, заставившие Скрибония отправиться на Боспор, не выяснены. С точки зрения целого ряда исследователей, начиная с М.И. Ростовцева, он мог быть агентом римлян[22], и это наиболее вероятно. Однако причина столь активного вмешательства Рима в дела на Боспоре именно в это время, как и утраты интереса к ним позднее, в известных мне работах не указывается. По моему предположению, это могло быть связано как с военным противостоянием Рима и сарматов, так и с началом реализации Августом обширной программы завоеваний, итогом которой должно было стать покорение всего известного римлянам обитаемого мира[23]. Именно необходимость установления прямого стратегического контроля Рима над северо-восточной периферией античного мира, а вовсе не мифическая опасность возрождения «митридатизма», будто бы исходившая от Асандра и Динамии[24], вызвала цепную реакцию событий, которые в конечном счете, уже при изменившихся обстоятельствах, привели к власти династию-долгожительницу, основанную Аспургом.

Политический статус Скрибония после победы над Асандром и женитьбы на Динамии определяется в науке по-разному. М. Грант полагал, что он являлся «вице-королем при местной царице»[25]. В.П. Яйленко вообще отрицает официальный статус Скрибония[26]. С. Ю. Сапрыкин считает, что «Август и Агриппа склоняли Скрибония объявить себя царем Боспора»[27], но сделал ли он этот шаг, из рассуждений автора неясно.

В действительности здесь едва ли имеется повод для дискуссии. Мне придется вновь сослаться на собственное мнение, высказанное несколько лет назад: если в активе Скрибония была военная победа над Асандром (а этого факта никто не оспаривает), то, согласно сложившейся в эллинистическом мире практике, он имел право провозгласить себя царем и наверняка реализовал это право[28]. Д. Браунд придерживается аналогичной

точки зрения[29]. А в том, что здесь мы имеем дело именно с таким «классически правильным» случаем[30], сомнений нет.

Какое время Скрибоний находился у власти и какую политику он проводил, остается только догадываться. Если бы его поведение было откровенно проримским, то едва ли Агриппа отреагировал бы на него столь энергично. Похоже, что дело обстояло по-иному: либо движимый инстинктом политического самосохранения (нельзя было прямо проявить себя в качестве римской марионетки), либо по заданию своих римских хозяев, но в любом случае новоявленный царь должен был демонстрировать перед подданными и, конечно же, перед женой самостоятельность во внутренней и внешней политике.

Поэтому, может быть, не столь уж неправы те исследователи, которые полагали, что политика «молодоженов» была антиримской. Так, Р. Ханслик, имея в виду Динамию после заключения брака со Скрибонием, указывает, будто «велика была опасность того, что честолюбивая женщина возьмется за осуществление целей своего деда Митридата»[31]. Ему вторит Д. Кинаст, по мнению которого, Скрибоний «начал проводить антиримскую политику в духе Митридата»[32]. Близкой точки зрения придерживается С.Ю.Сапрыкин: «Перемену в отношении Рима к своему бывшему ставленнику можно объяснить переусердствованием его в промитридатовской демагогии…»[33]. Вопрос, насколько искренен был в данном случае Скрибоний, можно оставить открытым, ясно лишь, что на его личной судьбе это сказалось роковым образом.

В заключение имеет смысл остановиться на выяснении вопроса, кто же были те «боспорцы» (οἱ Βοσπόριοι), которые, узнав о римской реакции на воцарение Скрибония, убили его (Dio Cass. LIV.24.5)? С точки зрения М.И. Ростовцева, здесь подразумевается греческое население Боспорского царства, или даже более определенно – жители Пантикапея[34]. С.Ю. Сапрыкин расширяет круг убийц Скрибония почти до бесконечности, считая их «горожанами, жителями хоры и варварами окраинных земель»[35]. Подобная точка зрения напоминает «новые домыслы» князя Сибирского, некогда с яркостью очевидца описавшего прибытие в Пантикапей «сурового Агриппы», навстречу которому «шла трепетная царица, во вдовьем облачении, и за нею на втором плане виднелись два гроба и две бледные тени – умертвившего себя голодом Асандра и умерщвленного разъяренной толпой Скрибония»[36].

В действительности дело должно было обстоять гораздо прозаичнее: устранение Скрибония подготовила и осуществила боспорская политическая элита, интересы которой непосредственно задевал новый военный конфликт, неизбежный, как выяснилось, в случае сохранения за ним трона. Поднимать на мятеж толпу пантикапейцев, да еще с привлечением «второго эшелона» в лице жителей других городов, обитателей хоры и варварских племен, не было никакой необходимости, более того, это было бы не самым умным шагом перед лицом грозной внешней опасности: ситуация могла выйти из-под контроля. Поэтому боспорские «политтехнологи» предпочли более грамотный и экономный вариант – дворцовый переворот, вновь оставивший Динамию вдовой. Информацию о гибели Скрибония заинтересованная сторона, т.е. организаторы заговора против него, несомненно, постаралась как можно быстрее довести до сведения Агриппы. Однако реакция последнего явилась для них полной неожиданностью: вместо того, чтобы отменить военные приготовления, римлянин форсировал их. Таким образом, гибель Скрибония не повлияла на дальнейшее развитие событий, в результате которых Боспорское царство было поставлено под жесткий римский контроль. В конечном счете, только провал амбициозных завоевательных планов Августа предотвратил превращение Боспора в римскую провинцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Назовем только наиболее крупные работы: *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 128–215; *Сапры-*

кин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002; *Панов А.Р.* Рим и Боспор: противостояние или сотрудничество? (Боспоро-римские взаимоотношения в I в. до н. э. — первой половине I в. н. э.). Нижний Новгород, 2003.

2. *Braund D.* King Scribonius // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. Ч. 1. С. 81. См. также: *id.:* Polemo, Pythodoris and Strabo. Friends of Rome in the Black Sea Region // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat. In Zusammenarbeit mit *H. Heinen* und *M. Tröster*. Hg. v. *A. Coşkun*. Göttingen, 2005. S. 254.
3. *Gruen E.S.* The Expansion of the Empire under Augustus // CAH². 2001. Vol. 10. P. 151. Ср.: *Stein.* Dynamis // RE. 2. R. Hbd.3. Sp. 1879 («авантюрист по имени Скрибоний»); *Hanslik. M.* Vipsanius Agrippa // RE. 1961. 2. R. Hbd. 17. Sp. 1261 («узурпатор по имени Скрибоний»).
4. “Das Thema der römisch-bosporanischen Beziehungen hat auch im postsowjetischen Rußland nichts von seiner Aktualität eingebüßt, sondern finden, wie vor allem die Arbeiten Sergej Saprykins zeigen, verstärktes Interesse” (*Heinen H.* Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, 2006. S. 32).
5. С.Ю. Сапрыкин в своей реконструкции событий на Боспоре, ссылаясь на Диона Кассия, указывает, что Скрибоний «*стремился* овладеть Боспором» (Ук. соч. С. 93 сл. (курсив мой. — В.П.). Однако в греческом оригинале слово «стремился» отсутствует. Наш источник недвусмысленно свидетельствует о том, что Скрибонию удалось установить свою власть на Боспоре: τὸν Βόσπορον διὰ χειρὸς ἐποιείτο.
6. «Наиболее вероятной мы считаем версию, согласно которой это мог быть римский вольноотпущенник, очевидно, Скрибонии, первой жены Октавиана, учитывая прежде всего созвучие их имен». Далее С.Ю. Сапрыкин полагает, что сообщение Диона Кассия относительно Скрибония «позволяет в очень осторожной форме предположить, что он мог быть римским куратором или корректором при дворе боспорского царя, посланным Августом или Агриппой для усиления контроля за вассальной династией» (*Сапрыкин С.Ю.* Ук. соч. С. 91. Ср. *его же*: Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С. 199). Предположение о том, что Скрибоний был вольноотпущенником – отнюдь не последнее слово в науке: оно было высказано еще В. Гардтхаузеном и поддержано Н.А. Машкиным. Подробнее см.: *Парфенов В.Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 109 сл.
7. Надпись из Регия с упоминанием Луция Скрибония, на которую ссылается С.Ю. Сапрыкин в обоснование своего мнения, слишком плохо сохранилась, чтобы на ее основе строить далеко идущие выводы. Ср.: *Linderski J.* Julia in Regium // ZPE. 1988. Bd. 72. S. 195; *Сапрыкин С.Ю.* Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 39; *его же:* Боспорское царство… С. 91; *Панов А.Р.* Ук. соч. С. 42.
8. *“Weiteres ist über ihn nicht bekannt”* (*Wessner.* Scribonius Afrodisius // RE. 1921. 2. R. Hbd. 3. Sp. 860 f.).
9. Аргументированную критику этой гипотезы дает А.Р. Панов (Ук. соч. С. 42 сл.).
10. *Braund D.* Op. cit. P. 86.
11. *Яйленко В.П.* Династическая история… С. 136 сл.
12. «Значит, войну со Скрибонием Асандр *мог вести* в течение трех лет, а поскольку он умер, отказавшись принимать пищу, то совершенно невероятно, чтобы он голодал столько времени. Следовательно, он *вел* борьбу со Скрибонием в 90 лет и в 93 года» (*Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство… С. 93 сл. Курсив мой – В.П.).
13. Там же. С. 90.
14. *Braund D.* King Scribonius. P. 83. Хорошо известно, что лицевая сторона двух имеющихся на сегодняшний день статеров Динамии 21/20 и 17/16 гг. до н. э. бита одним и тем же штемпелем. Это было бы совершенно невозможно, если бы монета чеканилась регулярно: штемпель аверса за четыре года давно износился бы и был бы заменен, причем не один раз.

15. По мнению Штайна, все эти события должны были занять около двух лет и лишь завершились в 14 г. до н.э., под которым помещает информацию о них Дион Кассий (*Stein.* Scribonius // RE. 1921. 2. R. Hbd.3. Sp. 860).
16. Л. Скрибоний Либон был весьма влиятельным политическим деятелем Рима времени Второй гражданской войны. Достаточно указать, что его сестра была замужем за Октавианом, а дочь — за Секстом Помпеем. Проскрибированный в 43 г. до н.э., он спасся бегством на Сицилию к Сексту Помпею. Был посредником при заключении Путеольского мира (App. *B.c.* V.69.290–292, 298). В дальнейшем оставался на стороне Секста Помпея вплоть до момента, когда его положение в Малой Азии стало абсолютно безнадежным. Тогда, невзирая на близкое родство (ὁ κηδεστὴς αὐτοῦ Πομπηίου), Либон в числе остальных аристократов из свиты Помпея перешел на сторону Антония (App. B.c. V.139.579). Ф. Мюнцер отмечает, что «Либон был виднейшим представителем *gens Scribonia* в конце Республики, но биография его может быть представлена лишь фрагментарно» (*Münzer.* L.Scribonius Libo // RE. 1921. 2. R. Hbd. 3. Sp. 885). Д. Браунд (Op. cit. P. 85) полагает, что он еще был жив во времена Августа.
17. *Braund D.* King Scribonius. P. 85 f.
18. *Парфенов В.Н.* Рим и Боспор во втором десятилетии до н.э. // Среда. Личность. Общество. Доклады конференции. М., 1992. С. 214. См. также: *его же.* Император… С. 108–111. А.Р. Панов признает такую возможность, но занимает по этому вопросу более осторожную позицию. См.: *Панов А.Р.* Ук. соч. С. 44.
19. См.: *Cuntz O.* Legionare des Antonius und Augustus aus dem Orient // JÖAI. 1929. Bd. 25. S. 70–81 (сводка документального материала); *Fink R.O.* Roman military records on papyrus. Cleveland, 1971. P. 165. № 36.
20. См. к этому: *Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 115, 129.
21. *Rostovtzeff M*. Queen Dynamis of Bosporus // JHS. 1919. Vol. 39. P. 99.
22. *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. 2-е изд. М., 2003. С. 104; С. *Каллистов Д.П.* Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1940. № 2. С. 76; *Яйленко В.П.* Династическая история… С. 136, 195. Прим. 17 (со ссылкой на мнение В.Д. Блаватского); *Сапрыкин С.Ю.* Ук. соч. С. 90 слл.; *Горончаровский В.А.* Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб., 2003. 154 сл. А.Р. Панов, напротив, считает, что римляне здесь ни при чем: «Он действовал на свой страх и риск и не имел поставленной Римом задачи дестабилизировать ситуацию на Боспоре. Его энергичность и использование митридатовских лозунгов, еще не утративших популярность на Боспоре, сами по себе были достаточным основанием для успеха» (*Панов А.Р.* Ук. соч. С. 44). Однако автор даже не ставит перед собой вопроса, кто же финансировал предприятие данного «героя-одиночки», ведь всякая война, в том числе и та, которую Скрибоний вел против Асандра — дело весьма дорогостоящее. На мой взгляд, любая энергичность и самые привлекательные лозунги оказались бы бессильны без мощной финансовой поддержки со стороны Рима действий претендента на боспорский трон. См.: *Парфенов В. Н.* Император… С. 110. Прим. 3.
23. *Парфенов В.Н.* Император… С. 98, 108.
24. *Сапрыкин С.Ю.* Ук. соч. С. 90 слл.
25. *Grant M.* Herod the Great. L., 1971. P. 178.
26. «Скрибоний не имел царского титула — он был у Динамии, которая и выпускала монету от своего имени. Скрибоний был при ней тем же, кем, к примеру, А. Разумовский при Елизавете или Г. Орлов при Екатерине II» (*Яйленко В.П.* Ук. соч. С. 196. Прим. 22).
27. *Сапрыкин С.Ю.* Ук. соч. С. 95. Ниже автор, ссылаясь все на тот же многострадальный пассаж Диона Кассия, который в умелых руках, похоже, способен служить ключом к любой загадке, указывает: «Вплоть до 14 г. до н. э., когда в Пантикапей прибыл Полемон, Скрибоний не оставлял попыток завладеть престолом и стать единодержавным правителем… Август не посмел тотчас провозгласить Скрибония царем и, соответственно, убрать Динамию, хотя, быть может, очень этого желал. Он оставил за ним право

добиваться царского титула самому путем демагогического использования популярных еще митридатовских лозунгов и имени понтийского царя» (С. 109). К сожалению, С.Ю. Сапрыкин оставляет без объяснения интересное понятие «митридатовские лозунги» и не объясняет причины столь несмелого поведения Августа. Если судить по контексту высказывания, то могущественный повелитель Рима, которого сама Динамия почтительно именовала «правителем всей земли и всего моря» (КБН. 1046), просто-напросто боялся дочери Фарнака, может быть, сознавая свою безродность в сравнении с внучкой великого Митридата. Далее исследователь присоединяется к мнению В. Гардтхаузена, согласно которому Скрибоний так и не получил царского титула, заставляет Августа признать свое фиаско в борьбе с Динамией и отказаться «от поддержки Скрибония, который в конце концов сам пал жертвой собственных интриг» (С. 112).

28. *Парфенов В.Н.* Ук. соч. С. 111.
29. *Braund D.* Op. cit. P. 85. Это, впрочем, видно и по названию его статьи.
30. Ср.: *Габелко О.Л., Завойкин А.А.* Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. Ч. 1. С. 74 сл.
31. *Hanslik R. M.* Vipsanius Agrippa // RE. 1961. 2. R. Hbd. 17. Sp. 1261.
32. *Kienast D.* Augustus: Prinzeps und Monarch. 2. Aufl. Darmstadt, 1992. S. 281.
33. *Сапрыкин С.Ю*. Ук. соч. С. 112.
34. *Ростовцев М.И. Эллинство*... С. 104; *Rostovtzeff M*. Op. cit. P. 99, esp. note 17: the Greeks from Panticapaeum.
35. *Сапрыкин С.Ю*. Ук. соч. С. 115.
36. *Сибирский А.* Гипотеза о происхождении Асандра и новые домыслы о некоторых событиях его правления // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 74 (цит. по: *Яйленко В.П.* Династическая история… С. 197. Прим. 23).

V.N.Parfyonov

SCRIBONIUS' MYSTERY

Mysterious usurper Scribonius seized power in Bosporan Kingdom and married the king Asander's widow Dynamis, the Mithradates Eupator's granddaughter. The marriage should have caused a political crisis on Bosporus and arrange in a way the annexation of this state by Rome. Those events were closely connected with Augustan turn to «global» policy that has been aimed at gaining the world supremacy. During his short-term administration a new Bosporan king Scribonius, probably, simulated the anti-Roman policy to provoke the Roman military intervention. But when such a danger came to be real, Scribonius was killed, most likely, as a result of the plot amidst Bosporan aristocracy. His death did not affect the further succession of events; as a result the Bosporan Kingdom had been put under the rigid Roman control. Only the failure of Augustan aggressive plans prevented Bosporus from being transformed into the Roman province.

© 2007 г.

Н.В. Завойкина

ЧАСТНЫЕ СООБЩЕСТВА ТАНАИСА* (104–244 гг. н.э.)

В настоящее время коллекция документов частных союзов[1] Танаиса представлена 26 опубликованными посвятительными надписями разной степени сохранности, и они изучены лучше, чем аналогичные документы из других боспорских городов. Связано это с тем, что именно с надписей частных союзов Танаиса началось исследование боспорских микросообществ в конце XIX в. С тех пор они неизменно привлекают внимание исследователей[2]. Критический анализ мнений по означенной теме проводился не раз и в результате ряд ошибочных представлений был устранен[3]. Повторять сказанное нет необходимости, поэтому кратко изложим только выводы предшественников, которые приняты в науке и служат в ряде случаев основой для исследования.

Во II – первой половине III в. в Танаисе действовало одновременно несколько частных сообществ. Все союзы Танаиса рассматривались как религиозные ассоциации. Они обозначаются в надписях преимущественно как σύνοδος, их возглавляет жрец (ἱερεύς). В надписях, где не встречено упоминание этих наименований, о религиозном характере сообществ свидетельствует само их название – усыновленные (божеством) братья, почитающие Бога высочайшего (εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον).

Танаисские союзы, в надписях которых сохранилось упоминание божества, были посвящены Θέος ὕψιστος (ἐπήκοος). Исключение представляет посвятительная надпись «справляющих день Танаиса» в 104 г. – ἄγοντες θ (?) ἡμέραν Τανάιδος (КБН, 1259).

С. А. Жебелев одним из первых попытался понять значение отглагольного прилагательного εἰσποιητοὶ. Это слово встречается как terminus techniques в правовой лексике. Исей часто его употребляет в значении «приемный, усыновленный» (III, 46, 50; VI, 36; IX, 2)[4]. По аналогии с этим значением исследователь предложил перевод εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ как «приемные братья» или «братья-приемыши». Данный перевод принят в науке. Исходя из своей трактовки, он решает вопрос, кто противопоставлялся в качестве «приемных» братьев в танаисских союзах «законным» братьям[5]. До работы С. А. Жебелева было принято мнение В. В. Латышева, которое поддерживал и Ф. Поланд, что εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ – члены коллегий, недавно вступившие в ее состав[6]. С. А. Жебелев предполагал, что в состав «братств» входили граждане Танаиса, чьи отцы не были членами других частных союзов[7]. Надо заметить, что гипотеза С. А. Жебелева построена на эпизодических просопографических наблюдениях В. В. Латышева. Из должностных лиц этих союзов приемных братьев в надписях упоминаются только πρεσβύτεροι – старшие или старейшины. Отсутствие названий других должностей показывает, что в этом типе сообществ, скорее всего, существовала только одна должность πρεσβύτερος.

Можно заключить, что исследователей привлекала, главным образом, интерпретация формулы самоназвания этих сообществ[8]. Несмотря на то, что С. А. Жебелев и Д. Б. Шелов высказали ряд важных наблюдений об организации и членстве в братствах граждан Танаиса вне поля зрения исследователей остался, пожалуй, главный вопрос о причинах создания союзов приемных братьев, кардинально отличающихся от структуры синодов Танаиса. Он выходит на первое место при изучении хронологии документов частных союзов Танаиса. Остается также не совсем ясно, кто входил в частные союзы Танаиса в качестве εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ.

Ю. Б. Устинова предложила более подробную классификацию внутригородских союзов Танаиса, в отличие от Б.Д. Шелова[9]. Она выделила по формуле самоназвания четыре типа союзов:

* Работа выполнена в рамках проекта «Сакральная жизнь в центре и на периферии античного мира», грант РГНФ № 04-01-00417а.

1. ἡ σύνοδος ἡ περὶ θεὸν ὕψιστον καὶ ἱερέα ...καὶ ...
2. ἡ σύνοδος ἡ περὶ ἱερέα ...καὶ ...
3. εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον περὶ πρεσβύτερος
4. θίᾶσος ἀδελφῶν τῶν περὶ ἱερέα

Данную классификацию следует признать правильной. Однако Ю.Б. Устинова относит синоды почитателей Бога Высочайшего из Танаиса к иранским возрастным союзам (Mannerbunde), в которых названия должностных лиц являются своего рода греческим аналогом иранских[10]. Она не признает в синодах Танаиса греческого начала. Такого рода заключение она делает в рамках развиваемой ею гипотезы о синкретическом происхождении Бога Высочайшего. Предложение Ю. Б. Устиновой рассматривать пантикапейские синоды, в которых встречается аналогичный танаисским синодам почитателей Бога высочайшего список членов правления (включая гимнасиарха и неанискарха), как близкие к иранским возрастным союзам и почитающим Бога высочайшего, кажется не слишком адекватным. Не выдерживают критики ее слишком обобщенные выводы, что в Фанагории и Гермонассе почиталась только Афродита, в Горгиппии – Посейдон[11]. Думается, что методический подход, используемый Ю.Б.Устиновой, а именно опора на список правления частных союзов для выяснения предполагаемого их божества-покровителя, неверный. Список должностных лиц, главным образом, свидетельствует о социально-бытовых функциях сообществ. Так, на Боспоре известны не только союзы во главе со жрецами, но и во главе с синагогами, что осталось ею не замечено. Следует заметить, что в выводах Ю.Б. Устиновой о боспорских фиасах встречается как незнание некоторых важных для темы работ, так наблюдаются и неточности[12]. Надо сказать, что в ее работе преобладает религиоведческий аспект, в силу чего Ю.Б. Устинова не придает большого значения их исторической интерпретации. В частности, совокупность всех доступных источников показывает, что сарматы-танаиты появились в Танаисе после разгрома середины II в.н.э.,[13] а должность гимнасиарха и неанискарха известна из надписи 155 г., в которой отсутствуют «новые», в определении Д. Б. Шелова, сарматские имена[14]. Учитывая сказанное, принять гипотезу Устиновой о танаисских союзах Бога высочайшего как эллинизированных иранских возрастных сообществах не представляется возможным.

По мнению Д.Б. Шелова, отсутствие прямых данных не позволяет судить о цели создания танаисских сообществ и принципе объединения в них жителей Танаиса. Он не исключает того, что танаисцы распределялись по нескольким союзам на основании территориального принципа в зависимости от района города, в котором они проживали, либо по какому-то другому признаку, связанному с повседневной жизнью[15]. Д. Б. Шелов первым высказал мысль, что наличие разработанной иерархии должностных лиц в союзах и, особенно, таких, как неанискарх и гимнасиарх, заставляет думать, что союзы «создавались все же не на очень короткий срок, не для какой-нибудь разовой акции»[16]. На правомерность это заключения указывают сходные датировки некоторых постановлений. Так, два частных сообщества в Танаисе поставили посвящения Богу высочайшему в 225 г., но в разные месяцы. Список членов правления и список фиасотов не совпадает.

В состав частных микросообществ города входили свободные жители, главным образом, граждане Танаиса. Только незначительная часть фиасотов была представлена выходцами из городской элиты. Именно городская аристократия поставляла кандидатов на замещение в религиозных союзах руководящих должностей, основную массу членов составляли рядовые свободные горожане. Этот вывод несомненно важный, но необходимо уточнить, что городская элита поставляла кандидатов только на высшие звания в правлении союзов – жрец, синагог, филагат, или отец синода.

Число взрослых мужчин, способных носить оружие и участвовать в политической жизни, составляло 250–300 человек, как уже указывалось[17]. Д. Б. Шелов сделал серьезное открытие – почти все свободные взрослые мужчины, жившие в Танаисе во второй четверти III в., входили в состав религиозных синодов, благодаря чему их имена и сохранились. Надо добавить, что эти данные подтверждаются надписями и первой полови-

ны II в. из Танаиса и документами фиасов позднего времени – 209 г., 220 г., 244 г.[18] Таким образом, все свободные взрослые мужчины – граждане Танаиса в течение, по крайней мере, II – первой половины III вв., входили в состав танаисских сообществ. Однако подобная ситуация порождает вопрос о причинах этого явления в социальной жизни города, который пока недостаточно исследовался.

Суммируя сказанное, можно сказать, что основное направление исследования должно сводиться к анализу частных вопросов деятельности внутригородских ассоциаций Танаиса. Основным здесь является классификация частных сообществ Танаиса по формуле самоназвания и списку должностей членов правления. Поскольку гипотеза Ю.Б. Устиновой, в частности, ее объяснение упоминаний званий гимнасиарха и нианискарха среди членов правления союзов, вызывает ряд возражений и не учитывает хронологию документов частных союзов Танаиса в целом, то необходимо еще раз обратиться к вопросу о причинах упоминаний означенных званий в списках правления союзов. Ревизия также вызвана тем, что остался не учтенным вывод Д. Б. Шелова, что практически все граждане Танаиса входили в состав частных сообществ. Просопографический анализ позволит выявить принципы объединения граждан в союзах и понять, насколько правомерна гипотеза С. А. Жебелева о членстве в εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον. Решение означенных вопросов позволит конкретизировать сущность частных сообществ Танаиса. Поиск ближайших аналогий поможет определить, какие из известных частных ассоциаций в античном мире засвидетельствованы в Танаисе.

Структура исследования определяется хронологией надписей, поскольку с ее помощью открываются не замеченные прежде особенности в содержании отдельных документов. Хронологические периоды бытования надписей частных союзов Танаиса совпадают с этапами периодизацией истории этого города по данным археологии в первые века н.э.[19]

ОРГАНИЗАЦИЯ И РАЗНОВИДНОСТИ ЧАСТНЫХ СООБЩЕСТВ ГРАЖДАН ТАНАИСА

1. Частные союзы первой половины II в. н. э.

Надписями первой половины II в. засвидетельствовано несколько религиозных союзов. В число членов этих союзов входило, как показывает анализ, больше половины граждан города[20]. Две группы союзов можно условно выделить на основании отличий в списках членов правления религиозных сообществ.

1.1. Религиозные ассоциации

1 группа объединяет сообщества, президиум которых состоит из четырех должностных лиц – *жреца, синагога, филагата и парафилагата.*

Союз справляющих 9 (?) день Танаиса поставил в 104 г. своему патрону, царю Савромату, посвятительную надпись с именами членов союза (КБН, 1259). В надписи КБН, 1259 отсутствует название союза, поэтому не известно, фиас или синод поставил это посвящение в 104 г. Данные эпиграфики предоставляют нам следующую картину. В надписи КБН, 1284 союз назван θίησ [ος]᾽αδελφ[ῶν τῶν], а рядовые члены обозначены как ὁι λοιποὶ συνοδεῖται. Однако это не единичный случай в лапидарии Танаиса. Известны обратные примеры. Так, в надписях разных синодов (КБН, 1260, 1277, 1278, 1279, 1280, 1282, 1287) рядовые члены обозначены ὁι λοιποὶ θιασῶται. Объяснение этому подсказывают сопоставления с эпитафиями частных союзов Пантикапея[21]. В надписи почитателей Диониса из Мегар упоминается название этого сообщества: ἡ σύνοδοστῶν θιασωτῶν Διονύσου[22], которая по характеру использования терминов «синод» и «фиас» перекликается с боспорскими надписями. Прослеживается определенная закономерность. Интересующие нас понятия использовались как взаимозаменяемые или равнозначные в первые века н.э.[23] В том случае, если сообщество обо-

значено как фиас, по крайней мере, в боспорской эпиграфике, его члены именуют себя синодейтами и наоборот, если сообщество обозначено как синод, его члены именуются как фиасоты. Таким образом, имеются основания полагать, что союз надписи КБН, 1259, скорее всего, носил название фиас (θίασος). Подозревать в фиасе надписи КБН, 1259 и фиасе братьев КБН, 1284 профессиональные коллегии, вслед за С. Ю. Сапрыкиным, нет необходимости[24], хотя бы по той причине, что любая профессиональная коллегия всегда указывала сферу своих занятий в надписи[25].

В верхней части стелы с надписью КБН, 1259 сохранился рельеф, изображающий всадника на спокойно стоящем коне перед алтарем с горящим огнем, за алтарем – дерево. Д. Б. Шелов, как и А. И. Болтунова, придерживался мнения, высказанного А. Салачем, что на рельефе изображен Бог высочайший и, следовательно, этот союз почитал того же безымённого бога[26]. Этой же версии придерживается и Ю.Б. Устинова. И. В. Толочко обнаружила на этом рельефе изображение букрании, что само по себе очень ценно[27]. Исследовательница уверенно исходит из интерпретации рельефа как изображения Бога высочайшего. Она стремится выявить связь между культом Бога высочайшего и религиозной природой букраний. И. В. Толочко не знакома с изображением букрании на статуе, вероятно, наместника Горгиппии Неокла[28]. Х. Хайнен высказал предположение, что гривна с букранией (торквис, по Хайнену) является знаком принадлежности к боспорской знати и высокого служебного положения Неокла[29]. Такое понимание букрании ставит под сомнение изображение на рельефе стелы с надписью КБН 1259 как Бога высочайшего[30].

Ю. Г. Виноградов полагал, что на рельефе в облике божества изображен боспорский царь Савромат I, который санкционировал восстановление оборонительных сооружений Танаиса (стены и башни города)[31]. Иными путями и на другом материале к аналогичному заключению пришли специалисты по античной Парфии Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов[32]. Результатом усилий этих трех ученых можно считать то, что стало, на мой взгляд, очевидным – на рельефе надписи 104 г. изображен царь Савромат I, а не Бог высочайший.

Список правления рассматриваемого сообщества позволяет заключить, что по сути оно было религиозной ассоциацией почитателей царя Савромата, справляющих праздник ежегодно в определенный день, когда Савромат I санкционировал возрождение Танаиса как политического и экономического центра Боспорского царства на Нижнем Дону. В надписи сохранилось упоминание *«…справляющие 9-й (?) день Танаиса»*, надпись датируется 104 г. н.э. Соответственно, первый день Танаиса и великое деяние царя приходится на 96 г.н.э., третий год правления Савромата в качестве признанного Римом царя Боспора[33].

Синоды. **Синод надписи КБН, 1260** в 155 г. поставил по обету Богу высочайшему, внемлющему стелу с посвятительной надписью[34]. Из руководителей союза бесспорно восстанавливаются по остаткам лексем звания *«жрец»* и *«синагог»* (стк. 9–10). Далее список должностных лиц союза утрачен. Лакуна в 11–12 стк. могла содержать, как показывают аналогии, только название двух других магистратур синода – филагата и парафилагата, на что и указывал В. В. Латышев (IPE. II, N 438). Близкую аналогию находим в списке руководителей надписи КБН, 1262. Замечание (КБН. С. 751), что восстановление в 11–12 стк. [φιλάγαθ]ο[ν], предложенное Латышевым, сомнительно, поскольку перед *омикрон* видны остатки буквы с косой гастой, которые не могут принадлежать *тхете*, ставит вопрос о правомерности реконструкции 11–12 стк. синодальных званий. Изучение надписей частных союзов боспорских городов показывает, что после звания *«синагог»* упоминается обычно *«филагат»* в списках президиумов этих объединений в Пантикапее, Горгиппии. Учитывая максимальную длину строк текста до перечня рядовых фиасотов в 33 буквы, следует полагать, что остатки слова в 11 стр. принадлежат имени филагата, а не названию самой должности:

10–11 стр. [καὶ συναγ]ωγο[ν ---------- καὶ]
[φιλάγαθον-]ο[----------]

Поэтому чтение Латышева нужно признать правильным, но с небольшой поправкой. Президиум синода КБН 1260 состоял из четырех должностных лиц – *жреца, синагога, филагата, парафилагата*.

Синод надписи КБН, 1262. Надпись датируется первой половиной II в.[35] Сохранившаяся часть документа представляет собой стандартный текст посвятительной надписи синодов Танаиса. Утраченная часть содержала указание, какому божеству посвящена надпись, и эпонимную формулу. В 1-й стк. надписи сохранилось окончание слова – αρχην. В комментарии к надписи сказано: «Судя по тому, что должность поименована в надписи раньше жреца, который обычно упоминается в надписях синодов первым или сразу после «бога высочайшего»; ... – αρχην является окончанием названия какой-то гражданской должности, может быть эллинарха» (КБН. С. 755). Однако издатели Корпуса не настаивали на этом предположении. Упоминание главы гражданской общины полиса в надписях частных союзов было нередким явлением. Таким образом, восстанавливаем в 1-й стк. [ʼελλεν]άρχην. После этой должности должно было стоять имя и отчество главы гражданской общины Танаиса, далее следовал список членов правления синода, состоявший из четырех званий.

В итоге в трех надписях частных союзов Танаиса отмечен идентичный состав правления из четырех званий – *жрец, синагог, филагат, парафилагат* (КБН, 1259, 1260, 1262). Тождественный список правления трех внутригородских союзов свидетельствует о достаточно близких функциях этих трех организаций. Суть их состояла в совместном почитании правящего царя, культа Бога Высочайшего и определенном времяпровождении, состоявшем обычно из совершения религиозных обрядов (жертвоприношение, мольба) и трапезы. Эти ассоциации выдвигали определенные этические требования к своим членам. Самые близкие аналоги этим союзам Танаиса обнаруживаются в религиозных товариществах греческих городов провинции Азии[36]. Поэтому боспорские союзы с составом правления, идентичным трем танаисским, рассматриваются мной как религиозные товарищества.

1.2. «Возрастные союзы»

2-я группа союзов объединяет четыре синода, имеющие список правления из *жреца, синагога, филагата, парафилагата, гимнасиарха, неанискарха, секретаря*. Эти сообщества преимущественно обозначены термином σύνοδος. Наличие гимнасиарха и неанискарха среди членов правления является, на мой взгляд, особенностью, позволяющей определить тип союза[37]. На данный факт обратила внимание Ю.Б. Устинова, но ее интерпретация этих званий, как, впрочем, и понимание частных союзов Танаиса как эллинизированных иранских возрастных союзов, организованных по греческому образцу, представляется, как уже отмечалось, не совсем верными. Ее сомнения в существовании палестры и гимнасия в Танаисе, сходных с подобными сооружениями в развитых античных центрах, можно признать правильными. В классическом виде гимнасий и палестра, видимо, не могли существовать в Танаисе, учитывая незначительные размеры города и плотность его застройки.

Синод надписи КБН, 1260а. Некий, сын Патия поставил надпись, фрагментарной сохранности, Богу высочайшему в благодарность за прием его в члены синода и вырезал на нем имена всех членов корпорации (КБН, 1260а), в правление царя Тиберия Евпатора (154–170 гг.)[38]. Мотивировочная часть утрачена практически полностью. В 14-й стк. предположительно восстанавливается звание главы гражданской общины Танаиса в первой половине II в. ʽελλ[ηνάρχην]. Перед ним окончание слова на -ωνος, которое принадлежит, скорее всего, отчеству эллинарха. В боспорских надписях административные должности ставились обычно после имени и отчества[39]. Восстанавливаем отчество эллинарха как [Ροδ]ώνος на основании того, что это имя хорошо засвидетельствовано среди имен элиты танаиссцев: Юлий Родон πρὶν ἐπὶ βασιλέως (КБН, 1239, 193 г.), Родон сын Харитона, эллинарх (КБН, 1237, 193 г.), Родон сын Фадзинама, эллинарх (КБН,

1242, 188 г.) Принимая это восстановление, становится очевидным, что в 13 стк. при сохранении чтения ʻως ʻυπ[ογέγραπται] личное имя эллинарха могло содержать не менее 5 букв. Лакуна в конце 14-й стк. – начале 15-й стк. перед [Δη]μητρίου должна была содержать, если следовать порядку расположения званий членов правления синодов, упоминание должности ʻιερεύς и начало личного имени жреца. Лакуна после имени нианискарха, вероятно, содержала название должности секретаря и его имя и отчество – γραμματέα τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος.

Традиционная формула ʻη σύνοδος ʻη περὶ могла быть пропущена в тексте.

Предлагаемое чтение 13–15 стк. надписи КБН, 1260а:

- - - - - -ʹαχατ ʻως ʼυπ[ογέγραπται ὁ δεῖνος]
[Ροδ]ώνος ʻελλεν[αρχην καὶ ʻιρεαν - - - -]
- - -Δη]μητρίου, ὅυναγωγον - - - - - - - - -]

Синод надписи КБН, 1263. Палеография надписи относится к первой половине II в. Начальная часть документа не сохранилась, поэтому не известно, какому божеству сделано посвящение. Учитывая широкое почитание различными частными сообществами в Танаисе культа Бога высочайшего, вероятно предположение, что союз надписи КБН, 1263 также почитал этого безымянного бога. В данной надписи впервые упоминается среди членов правления танаисских синодов почетное звание покровителя союза отец синода (πὰτερ συνόδου).

К этой же группе следует добавить посвящение **синода надписи КБН, 1264**. В 9–15 стк. надписи могло располагаться только по одному личному имени фиасота, а не по два, как полагают в «Корпусе боспорских надписей». Предполагаемые лакуны перед личными именами не могли содержать полного имени по двум причинам. Лакуна в начале каждой строки содержит не более 8 букв, что не позволяет восстанавливать имя и отчество, пусть даже очень короткие. В противном случае следует восстанавливать имена без отчеств, то есть имена неполноправных жителей города (рабов и отпущенников). Однако их участие в общественной жизни Танаиса не засвидетельствовано, в отличие от Пантикапея. Не исключено, что в каждой строке имя и отчество были идентичными и это позволило резчику вместо полного отчества вырезать B′. Но такая ситуация применительно ко всем именам представляется маловероятной. Таким образом, в 9–15 стк. надписи КБН, 1264 было вырезано по одному полному имени с отступом от края плиты на 7–8 букв и рядовых членов союза было всего 10 человек. Эта надпись интересна так же тем, что единственный раз в боспорской эпиграфике упоминается солдат Валерий (Οὐλέριος στρατιώτης) (16 стк.). Это имя вырезано на нижней профилированной рамке, после некоторого отступа от предшествующей строки, что создает впечатление случайного попадания этого имени в список фиасотов. Обращает внимание отсутствие патронимика у Валерия, вместо него указан род его деятельности. Бросается в глаза его римское имя на фоне греческих и смешанных греко-варварских имен остальных фиасотов. Следует ли относить Валерия к числу членов синода или же его имя было вырезано позднее? Среди фиасотов синода надписи начала III в. (КБН, 1277) встречается имя ʼΑσκλεπιάδης Οὐλερίου. Ограниченный состав гражданской общины и редкость для ономастики Танаиса имени Валерий позволяет считать Асклепиада сыном Валерия надписи КБН, 1264. Хронологические данные также не противоречат этому предположению. Обстоятельство, что сын Валерия имеет полное имя и является членом религиозного возрастного союза, косвенно указывает на вероятное членство Валерия в гражданской общине Танаиса, что подводит нас к выводу о его членстве в синоде надписи КБН, 1264.

В итоге в первой половине II (до 155 г. включительно) засвидетельствовано семь частных союзов, имеющих два различных состава правления. Данное обстоятельство позволяет говорить о двух разновидностях частных союзов Танаиса в указанный период. ***Первая группа*** объединяет три религиозных сообщества, которые своей целью ставили совместное почитание и совместное времяпровождение своих членов, в частности, на

праздниках после жертвоприношений за совместными трапезами. На этот факт указывает должность синагога в правлениях союзов. ***Вторая группа*** союзов отличается от первой расширенным за счет, прежде всего, званий *«гимнасиарх»* и *«неанискарх»* списком членов правления (КБН, 1259, 1260, 1262). Это, вероятно, свидетельствует, что членов некоторых синодов объединяло не только совместное почитание Бога Высочайшего (Внемлющего) и совместные трапезы, но также и совместные занятия (упражнения) в разных возрастных группах.

Следует отметить, что обнаруживается существенное отличие в социальном составе между возрастными союзами Боспора и греческих городов Малой Азии[40]. В возрастные союзы Боспора (известны помимо Танаиса, в Пантикапее) могли входить только граждане, тогда как в аналогичные организации в городах Малой Азии входили выходцы из разных социальных групп (в том числе, отпущенники)[41]. В основе возрастных союзов Танаиса, на наш взгляд, лежит греческое начало, а не иранское, как полагает Ю. Б. Устинова (ср. упоминание этих же званий в синодах Пантикапея). Упоминание званий гимнасиарха и неанискарха позволяет предположить, что возрастные союзы Танаиса включали граждан двух возрастных категорий – «юноши» и «мужчины». В двух надписях синодов КБН, 1260а и КБН, 1262 выявлено упоминание должности эллинарха. Возможны два объяснения присутствия эллинарха в посвятительных надписях двух различных синодов. В одном случае, эллинарх мог возглавлять в разное время союзы надписей КБН, 1260а и КБН, 1262. Не исключено, что в означенных надписях могли упоминаться разные люди, занимавшие в разное время, но в пределах первой половины II в. пост главы гражданской общины. В другом случае, эллинарх мог возглавлять списки синодов в связи с какими-то особыми событиями в деятельности означенных синодов.

2. Частные союзы Танаиса первой половины III в. н. э.

Пока не опубликовано надписей частных союзов Танаиса второй половины II в. удовлетворительной сохранности, поэтому этот период в деятельности танаисских сообществ остается не исследованным. Религиозные ассоциации, обозначаемые в надписях как синоды, в первой половине III в. до сих пор не известны. Им на смену приходят религиозные ассоциации другого типа – союз приемных или усыновленных (божеством) братьев и фиас братьев. Надписями первой половины III в. засвидетельствованы из ранее известных только возрастные союзы. Первая известная надпись союза усыновленных братьев относится к первой четверти III в.

2.1. «Возрастные союзы»

Синоды. Две разновидности возрастных союзов встречаются в Танаисе на основании различий в формуле их самоназваний в посвятительных надписях. Первая группа союзов обозначается просто ἡ σύνοδος (КБН, 1277, 1288, 1287). Вторая именуется более подробно ἡ σύνοδος ἡ περὶ θέον ὕψιστον (КБН, 1278, 1279, 1280, 1282). В некоторых случаях основной список правления расширяется за счет включения в него почетных званий *отец синода*, который носил обычно покровитель частного союза (КБН, 1277) или *друг синода* (КБН, 1277), или звания *секретарь* (КБН 1287, 1288).

Впервые *синод во главе с Богом Высочайшим* упоминается надписью 220 г. (КБН, 1278). До этого документами засвидетельствованы только союзы, обозначающие себя просто ἡ σύνοδος. Организаторы частных союзов под название «синод во главе с Богом Высочайшим», видимо, стремились подобным образом отделить себя от сообществ, именовавшихся просто синоды почитателей Бога Высочайшего. Трудно определить, чем конкретно была вызвана к жизни выявленная особенность. Организация рассматриваемых союзов, а их известно по надписям семь, практически совпадает. Совпадает также культовый характер обеих организаций, имя бога-покровителя и, что интересно, количество членов союзов, которое колеблется в пределах 46–56 человек. С одной стороны,

возможное объяснение этому явлению в общественной жизни Танаиса подсказывают несовпадающие имена членов правления синодов.

Синоды почитателей Бога Высочайшего. В надписи начала III в. (КБН, 1277) список правления состоит из *жреца, отца синода, синагога, филагата, парафилагата, неанискарха, гимнасиарха, друга синода*. В данном списке обращает внимание то, что воспитатель юношей в гимнасии – *неанискарх* назван прежде старшего в иерархии частных союзов *гимнасиарха*.

В надписи 244 г. (КБН, 1287) президиум синода состоит из *жреца, синагога, филагата, парафилагата, гимнасиарха, неанискарха*. В этой надписи упоминается имя рядового фиасота Дада, сына Папа, который известен из надписи 220 г. (КБН, 1278, 12 стк.), поставленной синодом во главе с Богом Высочайшим на 24 года раньше.

К группе надписей синодов следует, по всей вероятности, отнести частный союз, поставивший надпись КБН, 1288, посвящение по обету Богу Высочайшему. По данным палеографии, надпись относится к первой половине III в. В эпонимной формуле имя боспорского царя оказалось утраченным, но учитывая размеры лакуны во 2-й стк., восстанавливают имя Котиса III (227–233 гг.). Надпись содержит аналогичный с синодами список должностных лиц правления. Было справедливо отмечено, что в 4-й строке надписи нет места для обычной вводной формулы ἡ σύνοδος ἡ περὶ. Схожую ситуацию обнаруживает посвящение синода КБН, 1260а. Формула оказалась пропущенной, но список должностных лиц перечислен в винительном падеже, как если бы эта формула была. Часть имен членов правления этого союза была восстановлена В. В. Латышевым на основании аналогий со списком членов правления синода надписи 244 г. (КБН, 1287). Хотя в комментариях к надписи КБН, 1288 издатели Корпуса отмечают: «...после произведенного Болтуновой нового изучения и переиздания этой надписи выяснилось, что эта надпись имеет в тексте точную дату – 244 г. и, следовательно, принадлежит к несколько более позднему времени, чем это предполагал Латышев. Поэтому предложенные им и включенные в наш текст дополнения имен в 4-й, 6-й и 7-й строках нельзя считать бесспорными» (КБН. С. 781). На наш взгляд, реконструкцию В. В. Латышева нужно признать правильной. Совпадения отчеств жреца и синагога (имена их не сохранились) надписи КБН, 1288 и надписи КБН, 1287 (Пап, сын Хреста), как собственно совпадение имени гимнасиарха надписи КБН, 1288 с именем парафилагата в надписи КБН, 1287, не может быть случайным, если учитывать число членов гражданского коллектива Танаиса в 250–350 человек. Напротив, упоминание Фадзинама, сына Каллистиона в звании гимнасиарха синода надписи КБН, 1288 свидетельствует, что она поставлена раньше надписи КБН, 1287, в которой этот персонаж занимает уже более высокий пост парафилагата (помощника филагата). Соответственно, сомнения в правильности чтения Латышева следует снять, как не имеющие оснований.

Синод надписи КБН, 1288, датирующийся 227–233 гг., возглавляет *жрец* [Пап] сын Хреста, его покровителем выступает *отец синода* некто сын Атамадза, *синагогом* является [Нимферот] сын Оходиака, *филагатом* – [Фион, сын Фадинама], *парафилагатом* – Фо----сын----носа, *неанискархом* Макарий, сын Макария (?), *гимнасиархом* – Фадинам, сын Каллистиона.

В итоге перед нами два разновременных однотипных документа, сообщающих о деятельности одного частного союза (КБН, 1287 и КБН, 1288). Надпись КБН, 1288 поставлена раньше надписи КБН, 1287 не меньше, чем на 11 лет, соответственно хронологические рамки деятельности частного союза во главе с Папам, сыном Хреста укладываются в границы от 227 г. до 244 г. Однако обнаруживается одно различие в списках членов правления союза, упомянутых в этих надписях. В надписи КБН, 1288 (227–233 гг.) воспитатель юношей нианискарх упомянут прежде тренера взрослых мужчин гимнасиарха, что нарушает иерархию должностных лиц частных союзов боспорских городов. Напротив, в надписи 244 г. эта особенность отсутствует и сначала назван гимнасиарх, а затем нианискарх. Признать отмеченную особенность ошибкой резчика не позволяет повторение такого же расположения означенных званий еще в двух надписях (см. ниже). Упо-

минание неанискарха прежде гимнасиарха в надписи КБН, 1288, датированной 227–234 гг., указывает, по нашему мнению, что члены данного сообщества относились к возрастной группе ναοὶ – юноши. Спустя десять или более лет этот же синод, имеется в виду состав правления союза, ставит надпись своему покровителю Богу Высочайшему в 244 г., но в списке правления гимнасиарх стоит перед неанискархом. Данный факт наводит на вероятное предположение, что возраст рядовых фиасотов вышел за пределы возрастной границы «юноши». Рассмотренный пример демонстрирует то, что синоды, где упоминается в составах правлений звания «*гимнасиарх*» и «*неанискарх*», относятся к группе возрастных союзов. Союзы, где звание «*неанискарх*» упоминается прежде «*гимнасиарха*», следует, по всей видимости, рассматривать как возрастные союзы юношей. Союзы, где звание «*гимнасиарх*» стоит в списках перед «*неанискархом*», нужно понимать как союзы взрослых мужчин[42].

Обращает внимание, что при практически идентичном составе правления союза упоминаются различные списки имен фиасотов, относящихся к разным возрастным группам, в надписи КБН, 1288 и надписи КБН, 1287.

Синоды почитателей во главе с Богом Высочайшим. В надписи 220 г. (КБН, 1278) синод имеет список правления из *жреца* Хофразма, сына Форгобака, *синагога* Радомофурта, сына Трифона, *филагата* Деметрия, сына Гераклида, *парафилагата* Эвиема сына Родона, *гимнасиарха* Фиагарома, сына Антисфена, *неанискарха* Харитона, сына Макария. Судя по списку правления, этот синод относится к возрастным союзам «мужчин».

Надписи КБН, 1279 и КБН, 1280 представляют собой уникальный случай в истории, поскольку они поставлены обе в 225 г. в месяце Перитии одноименными союзами – ἡ σύνοδος ἡ περὶ θεον ὕψιστον.

В надписи КБН, 1279 частный союз возглавлял *жрец* Хофразм, сын Форгобака, *синагогом* был Эвпрен, сын Симфора, *филагатом* – Антимах, сын Пасиона, *парафилагатом* – Симфорон, сын Деметрия, *гимнасиархом* – Балоид, сын Деметрия, *неанискархом* – Саванон, сын Хофразма.

Хофразм, сын Форгобака в 220 г. возглавлял в качестве жреца синод, поставивший посвятительную надпись КБН, 1278, пять лет спустя мы встречаем его уже во главе правления другого союза (КБН, 1279). Кроме того, судя по отчеству, его сын Саванон состоял неанискархом в этом же союзе. Родные братья Симфорон и Балоид, сыновья Деметрия, занимали в союзе надписи КБН, 1279 два руководящих поста – парафилагата и гимнасиарха. Традиция вырезать на стеле имена родных братьев одно за другим или же в одной строке хорошо прослеживается в надписях Горгиппии (КБН, 1134, 1179). В. В. Латышев полагал, что надпись 225 г. (КБН, 1279) и надпись 220 г. (КБН, 1278) поставлены одним и тем же синодом, поскольку в обеих документах в качестве жреца выступает Хофразм, сын Форгобака. Однако исследователь затруднялся объяснить, почему из 56 человек, которые в 220 г. были членами синода, пять лет спустя записаны только двое – Антимах, сын Пасиона (КБН, 1279 5–6 стк.) и Госак, сын Аспана (КБН, 1279, 4 стк.). Остальные имена являются новыми. Судя по расположению звания гимнасиарха, оба союза (КБН, 1278 и КБН, 1279) состояли из взрослых мужчин примерно одной возрастной категории.

Объяснить отмеченную особенность можно исходя из интерпретации этих союзов как возрастных. В период с 220 г. по 225 г. в синодах, возглавляемых Хофразмом, сыном Форгобака, вероятно, произошла смена рядового состава по причине старения (выхода за возрастные рамки категории взрослых мужчин) или смерти. По всей видимости, поэтому состав синода 225 г. отличается от состава синода 220 г.

В надписи КБН, 1280 частный союз возглавлял *жрец* Каллисфен, сын Паппа, *синагогом* был Психарион, сын Фидана, *филагатом* – Асклепид, сын Валерия, *парафилагатом* – Харакстон, сын Омрасмака, *неанискархом* – Фанн, сын Фанна, *гимнасиархом* – Гераклид, сын Гераклида.

В данном списке членов правления синода присутствует та же особенность, что и в

надписях КБН, 1277, 1288. Воспитатель юношей в гимнасии – *неанискарх* назван прежде старшего в иерархии союзов *гимнасиарха*. В третий раз встречаемся с синодом, в состав которого в качестве рядовых фиасотов входили юноши. Имя Асандр, сын Фавмаста встречается также в надписи 220 г. (КБН, 1278).

Приходим к выводу, что в 225 г. синод надписи КБН, 1279 представляет собой возрастной союз зрелых мужчин, а синод надписи КБН, 1280 – возрастной союз *«юноши»*.

В надписи 228 г. (КБН 1282) синод Бога Высочайшего возглавляет *жрец* Деметрий, сын Аполлония, *отцом синода* является Ниблоборон, сын Димомоксарфа, *синагогом* – Гераклид, сын Гераклида, по прозвищу ὁ καὶ Αὔναμος, *филагатом* – Эвсхемон, сын Менофила, *парафилагатом* – Никострат, сын Арата, *гимнасиархом* – Фадзинам, сын Фадзинама, *неанискархом* – Афенодор, сын Фадинама[43].

Деметрий, сын Аполлония известен также из надписи КБН 1277 (210–211 гг.). В синоде, поставившем эту надпись, он занимал пост нианискарха. Спустя 13–14 лет он возглавил, видимо, им же организованный культовый союз. Гераклид, сын Гераклида тремя годами раньше, в 225 г., исполнял обязанности гимнасиарха в синоде во главе с Богом Высочайшим (КБН 1280). Два брата Фадзинам и Афенодор, сыновья Фадзинама, исполняют обязанности гимнасиарха и нианискарха в синоде надписи 228 г.

Союзы приемных братьев*, почитающих Бога Высочайшего (εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον). К настоящему времени известно четыре надписи союзов усыновленных братьев (КБН, 1281, 1283, 1285, 1286). Самая ранняя надпись КБН, 1281 датируется годами правления Рескупорида II (211–227 гг.). В верхней части плиты сохранилось изображение левого орла, часть венка и хвост правого орла. В этой надписи, в отличие от трех других, список братьев не возглавляет староста (πρεσβὺτερος). Напрашивается предположение, что звание старосты союза – как главы общины братьев – появилось несколько позднее, чем была поставлена надпись КБН, 1281. В 12 стк. упоминается Φαζ[ίν]αμος Κα[λλιστὶωνος]. Отчество члена братства восстановлено В. В. Латышевым предположительно на основании надписей КБН, 1287, 6 стк. и КБН, 1288, 9–10 стк. Версия В. В. Латышева скорее всего правильная, если вспомнить вывод Д. Б. Шелова об ограниченном составе гражданской общины Танаиса. В этом случае, имеем свидетельство членства одного персонажа в двух разных союзах. В правление Рескупорида II (211–227 гг.) Фадзинам, сын Каллистиона входил в состав братства, почитающего Бога высочайшего (КБН, 1281). В правление Котиса III (227–233 гг.) этот же человек состоит в возрастном союзе *«юношей»,* в котором занимает пост гимнасиарха. В 244 г. он является гимнасиархом того же возрастного союза, судя по составу правления, но состоящего из граждан третьей возрастной категории «взрослые мужчины» (КБН, 1287). В 14 стк. надписи КБН, 1281 принято чтение Ψυχαρί[ων] Τ[ρύφωνος], предложенное В. В. Латышевым на основании надписи КБН, 1279, 19 стк. Учитывая сказанное, вероятным является предположение, что Психарион, сын Трифона в 211–224 гг. состоял в братстве, а в 225 г. он упоминается уже среди членов возрастного союза «зрелых мужчин». Обнаруживаем ситуацию, когда два танаиссца состояли сперва в союзе приемных братьев, затем входили в состав возрастных союзов.

1-го числа в месяце Горгипее 228 г. второй из известных союзов усыновленных братьев, отличный по списку имен от союза надписи КБН, 1281, ставит по обету надпись Богу Высочайшему (КБН, 1283). Надпись сохранилась практически полностью и можно определить, что в союз братьев входило 23 человека. Это сообщество возглавлял старейшина, имя которого сохранилось частично (8 стк.). После имени старейшины, стоящем в винительном падеже, следует еще четыре имени в том же падеже. Похожую ситуацию встречаем в надписи братства КБН, 1286. Данное обстоятельство навело Ф. Поланда на мысль, что во главе союзов усыновленных братьев иногда могли стоять и несколько пресбютеров[44]. Этот вывод принял также С. А. Жебелев[45]. На основании немногочисленных данных четырех надписей версия Поланда остается до сих пор в облас-

* Перевод даем в общепринятой интерпретации.

ти малодоказанных гипотез. Союз возглавляет старейшина, имя которого содержало 4–5 букв, если учитывать расположение йоты, и выглядит как Μ ---- Β΄. В надписи КБН, 1279 встречаем имя рядового фиасота Μεγὶς Β΄, которое хорошо подходит для реконструкции имени старейшины. Таким образом, союз приемных братьев надписи КБН, 1283 мог возглавлять старейшина Μ[εγὶς] Β΄. Еще четыре имени «братьев» из 23 известных обнаруживают аналогии в надписях возрастных союзов: Аристон, сын Менестрата известен в надписи 225 г. возрастного союза «мужчины» (КБН, 1279, 19–20 стк.); Доласак, сын Симфора упоминается в этой же надписи (25 стк.); Эвтюхес, сын Антимаха упоминается так же в надписи 225 г. КБН, 1279 (12 стк.); Содзомен, сын Стирана известен в надписи 228 г. возрастного союза «юношей» (КБН, 1282, 32 стк.). В итоге, пять человек засвидетельствованы в качестве фиасотов в возрастном союзе «мужчины» (4 персонажа) и возрастном союзе «юноши» (1 персонаж). На основании упоминания Содзонема, сына Стирана – фиасота возрастного союза, поставившего надпись 1-го числа месяца Лоя 228 г., тогда как надпись КБН, 1283 датируется позднее 1-го числа месяца Горгипея, можно заключить, что первоначально означенные фигуранты являлись членами возрастных союзов, а затем, по неизвестным пока причинам, перешли в состав религиозного сообщества «союз приемных братьев».

Плита с надписью третьего союза приемных братьев КБН, 1285 содержит в верхней части изображение двух орлов, между ними посередине плиты венок. Нижняя часть надписи с именами рядовых «братьев» утрачена. Этот союз возглавлял старейшина, но имя его не сохранилось. Из остальных членов сообщества сохранилось девять имен «братьев». Надпись датируется 20-и и 30-и годами III вв. и может относиться как к правлению Рескупорида II, так и Рескупорида III. В. В. Латышев отмечал, что упоминаемые в надписи имена встречаются в надписях КБН, 1250, 1280, 1282. Имя Гераклид, сын Атта (КБН, 1285, стк.11) встречается в надписи синода КБН, 1277 (22 стк.), поставленное в начале III в. при царе Савромате II, как имя рядового фиастота.[46] Имя Φορήρα[νος Εὐίου?] восстанавливается предположительно на основании упоминания идентичного имени в надписи возрастного союза 225 г. (КБН, 1280, 8–9 стк.). Имя ᾿Αρδινζιανος Χρυσίππου встречается также в надписи возрастного союза 225 г. (КБН, 1280, 17 стк.). В этой же надписи упоминаются имена еще двух братьев – Психариона, сына Фидана и Мения, сына Герма. Психарион, сын Фидана в надписи 225 г. занимает пост синагога союза (КБН 1280, 5–6 стк.), Мений, сын Герма является рядовым фиасотом (22 стк.). Имя᾿Ομψά[λακος Φα]ζινάμου засвидетельствовано также надписью возрастного союза 228 г., где носитель этого имени выступает в качестве рядового фиасота (КБН, 1282, 13 стк.). Афенодор, сын Фадзинама (Φαζιν]άμου]) упоминается также в надписи союза приемных братьев (КБН, 1281, 18 стк.), поставленной в 211–227 гг. В эпиграфике Танаиса встречается два варианта написания имени Фадинам. Первый вариант через дзету – Φαζινάμος, второй через дельту – Φαδινάμος. В надписи возрастного союза 228 г. упоминается на посту нианискарха ᾿Αθηνοδωρος Φαδινάμου. Есть основания отождествлять этого Афенодора с братом союза приемных братьев надписей КБН, 1281, 1282. В итоге, семь их девяти имен надписи КБН, 1285 засвидетельствованы в качестве имен членов возрастных союзов, поставивших посвятительные надписи между 200–228 гг.

Проведенные параллели показывают, что надпись КБН, 1285 затруднительно датировать 30-ми годами III в., поскольку 6 имен из 9 сохранившихся упоминаются в надписях синодов 225 г. и 228 г. Предположение о датировке надписи КБН, 1285 в пределах 211–225 гг. выглядит, на наш взгляд, более вероятным. Таким образом, нужно признать правоту В. В. Латышева, что в эпонимной формуле этой надписи упоминается царь Рескупорид, сын Савромата II. В результате, до членства в союзе приемных братьев надписи КБН, 1285, по крайней мере, семь человек состояли в различных возрастных союзах.

Последняя известная на сегодняшний день четвертая надпись союза приемных братьев КБН, 1286 представляет собой средний фрагмент посвящения. После традиционной для такого рода документов формулы, содержащей название союза и указание τὸν τελαμῶνα᾿ενγράψαντες ῾εαυτῶν τὰ ᾿ονόματα περὶ ... Надпись датируется

20–30 гг. III в. Имя Евсхемон, сын Менофила засвидетельствовано дважды в надписях возрастных союзов (209 г., КБН, 1276; 228 г., КБН, 1282). В возрастном союзе 209 г. он – рядовой фиасот, в 228 г. он исполняет обязанности филагата. Имя Фарнаксарф, сын Таврея также встречается среди рядовых фиасотов надписи 228 г. (КБН, 1282, 12 стк.). Имя Стратоник, сын Мокка также упоминается в надписи 228 г. среди имен рядовых фиасотов (КБН, 1282, 20–21 стк.). Имя Героксен, сын Басилейда встречается еще раз в надписи возрастного союза 220 г. (КБН, 1278, 11 стк.). В итоге, наблюдается ситуация, схожая с обнаруженной в других документах союза приемных братьев. Из шести сохранившихся имен членов союза четыре имени встречаются в документах возрастных союзов в 209 г, 220 г. и 228 г. Какая из надписей поставлена раньше? Казалось бы, упоминание в надписи 228 г. в качестве филагата Эвсхемона, сына Менофила свидетельствует в пользу того, что эта надпись поставлена позднее надписи КБН, 1286, поскольку в ней Менофил вообще не имеет никаких званий. Обращает внимание, что в союзе усыновленных братьев надписи КБН, 1286 этот персонаж упоминается сразу после старейшины союза, его имя стоит вторым в списке. Имена Фарнаксарфа, Стратоника и Героксена упомянуты в числе первых четырех членов братства, тогда как в синодах Бога Высочайшего в 220 г и 228 г их имена стоят во второй половине списка среди имен рядовых фиасотов. Отмеченное обстоятельство наводит на мысль, что три названных персонажа занимали в союзе усыновленных братьев надписи КБН, 1286 более высокое положение, чем в синодах, поэтому их имена и названы в числе первых «братьев». Напрашивается вывод, что по каким-то причинам четыре фиасота выходили из состава возрастных союзов, и эта акция не была единовременной, а в период между 220–228 гг. входили в союз усыновленных братьев надписи КБН, 1286.

Фиас братьев. В надписи частного союза 230 г. (КБН, 1284) сохранилось его название – θιησ[ος] ᾽αδελφ[ῶν τῶν], засвидетельствованное впервые. Из членов правления сохранились звания *жрец, филагат и парафилагат*. На месте лакуны в 8–9 стк. располагалось отчество жреца и следующая после него должность синагога, его имя и отчество. На данный вывод наводит анализ списка правления частных сообществ Танаиса. Обращает внимание весьма незначительный состав членов этого фиаса. Вместе с членами правления, а их должно быть четыре человека, он включал всего девять фиасотов. Состав правления, тождественный фиасу братьев, сохранился в надписях религиозных товариществ Танаиса первой половины II в. Этот факт позволяет определить фиас братьев как религиозное товарищество. Членов таких ассоциаций объединяло совместное почитание культа божества – покровителя союза и как следствие этого – регулярные собрания за отправлением религиозных ритуалов и трапезами.

***

Изучение надписей частных сообществ Танаиса выявило, что во II – первой половине III вв. в городе действовало несколько разновидностей этих объединений граждан. В первой половине II в., видимо, до разгрома Танаиса, по всей видимости, носителями позднесарматской культуры[47], надписями засвидетельствованы религиозные ассоциации и возрастные союзы двух категорий – союзы «юношей» и союзы «мужчин». Упоминания заслуживает надпись фиаса справляющих день Танаиса 104 г. (КБН, 1259). Значительна вероятность того, что празднование дня Танаиса было не единственной целью, которая объединяла членов фиаса. К такому заключению подводят выводы ряда исследователей об изображении на рельефе стелы с надписью КБН, 1259 царя Савромата I, который санкционировал возрождение Танаиса как торгового и экономического центра Боспорского царства в регионе Нижнего Дона. Вероятно, что этот фиас мог выступать как частное сообщество почитателей правящего царя Савромата. Такое объяснение позволяет понять, почему позднее не известно ни одной надписи этого сообщества.

В первой половине III в. сохраняются возрастные союзы, но их состав оказывается сильно «разбавлен» иранским (сарматским?) этническим элементом. Религиозные това-

рищества представлены в это время только фиасом братьев. Хотя эта частная ассоциация отличается по названию от аналогичных организаций первой половины II в. – синодов, но она имеет идентичный с ними состав правления. Это позволяет считать, что функции фиаса братьев и синодов были, скорее всего, сходными. В первой половине III в. действуют ранее не известные религиозные сообщества – союзы приемных братьев, почитающих Бога Высочайшего. Вопрос, воспринимался ли одинаково или по-разному культ Бога Высочайшего его почитателями в синодах и в союзах братьев, выходит за границы нашего исследования. Впрочем, как и вопрос о причинах почитания культа, имеющего явные иудейские корни, греко-иранским населением Танаиса.

В итоге, в Танаисе II – первой половины III вв. надписями засвидетельствовано, по нашему мнению, всего две разновидности частных сообществ – религиозные ассоциации и «возрастные союзы», каждый из которых имеет свои, условно говоря, разновидности. Граждане могли переходить из одного союза в другой – из религиозного союза в возрастной и наоборот. В городе единовременно могло действовать несколько различных религиозных товариществ и возрастных сообществ. Соответственно, частные союзы в Танаисе создавались не на очень короткий срок. Время их деятельности было продиктовано причинами как политического (фиас справляющих день Танаиса), так и социально-религиозного характера. Обращает внимание то, что единственным божеством для танаисцев, стержнем объединения всех граждан, было почитание Бога Высочайшего, монотеистический культ которого свидетельствует о разрыве с религиозной эллинской традицией почти всего гражданского населения города.

Ответить на вопрос, как расценивать упоминание одних и тех же танаисцев в надписях различных по сути внутригородских союзов Танаиса, но посвященных одному и тому же божеству, помог просопографический анализ. На примере 18 имен граждан (см. Таблица 1) удалось установить, что члены возрастных союзов, как мужчины, так и юноши, могли переходить в союзы приемных братьев и наоборот, «братья» могли переходить в возрастные союзы. Какой-либо определенной схемы перехода граждан из одного сообщества в другое в данном случае не прослеживается. В ряде случаев общая датировка надписей по правлению боспорского монарха не позволяет сделать конкретные выводы. Тем не менее, пока не встречено одновременного участия определенного гражданина в этих различных, по сути, организациях. Гипотеза С. А. Жебелева, поддержанная И. А. Левинской, о членстве в союзах приемных братьев только граждан, чьи отцы не входили в синоды, нельзя считать правомерной. Просопографический анализ обнаружил, что один и тот же гражданин мог быть в разное время как членом синода, так и членом братства. Членство отца в возрастном союзе, на наш взгляд, не играет никакой роли в участии граждан города в союзах приемных братьев. В целом, напрашивается предположение об определенной необходимости, возможно, регламентированной полисной жизнью, членства гражданина Танаиса в каком-либо из действующих возрастных сообществ. Тогда как участие в религиозных союзах приемных братьев для граждан Танаиса было, вероятно, частным волеизъявлением.

Следует отметить, что самая ранняя надпись «братьев» датируется 20-ми годами III в. Отличия в структуре возрастных союзов и «братств» достаточно представительные. Иерархическая организация возрастных союзов дает основания полагать, что в этих небольших коллективах (не более 56 человек) существовали различия в положении руководителей и простых членов. Не исключено, что в положении старших и младших членов одного сообщества также были какие-то различия. Организация союзов приемных братьев очень проста. Известно только одно звание руководителя – старейшина (или старший). Можно предположить, что внутри этих союзов существовали, как это можно заключить из названия самих сообществ, отношения равных. Подобные отношения религиозных братств внутри одного религиозного течения явление не редкое. Думается, что выявленные отличия в сути каждой из организаций играли немалую роль в выборе граждан Танаиса.

Таблица 1

ИМЕНА ГРАЖДАН ТАНАИСА, ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННЫЕ В СИНОДАХ ПОЧИТАТЕЛЕЙ БОГА ВЫСОЧАЙШЕГО И В СОЮЗАХ ПРИЕМНЫХ БРАТЬЕВ

Личные имена членов союзов приемных братьев	Надписи союзов приемных братьев	Дата надписей союзов приемных братьев	Надписи возрастных союзов	Дата надписей возрастных союзов	Предполагаемое время перехода
Фадзинам сын Каллилстиона	КБН 1281	211–227 гг.	КБН 1288 КБН 1287	227–233 гг. 244 г.	Перешел после участия в «братстве» в возрастной союз
Психарион сын Трифона	КБН 1281	211–227 гг.	КБН 1279	225 г.	Не исключено, что до участия в «братстве» был членом возрастного союза. Хотя, может, и наоборот.
Мегис сын Мегиса	КБН 1283	1-го Горгипея 228 г.	КБН 1279	225 г.	До участия в «братстве» все четверо принимали участие в деятельности одного возрастного союза
Аристон сын Менестрата	КБН 1283	1-го Горгипея 228 г.	КБН 1279	225 г.	
Досалак сын Антимаха	КБН 1283	1-го Горгипея 228 г	КБН 1279	225 г.	
Эвтюхес сын Антимаха	КБН 1283	1-го Горгипея 228 г.	КБН 1279	225 г.	
Содзомен сын Стирана	КБН 1283	1-го Горгипея 228 г.	КБН 1282	1-го Лоя 228 г.	До участия в «братстве» состоял в «возрастном союзе»
Гераклид сын Атта	КБН 1285	20–30 гг. III в.	КБН 1277	200–211	До участия в «братстве» состоял в «возрастном союзе»
Форeранос сын Эвия	КБН 1285	20–30 гг. III в.	КБН 1280	225 г.	
Ардинксарос сын Хрисиппа	КБН 1285	20–30 гг. III в.	КБН 1280	225 г.	
Психарион сын Фидана	КБН 1285	20–30 гг. III в.	КБН 1280	225 г.	
Мений сын Герма	КБН 1285	20–30 гг. III в.	КБН 1280	225 г.	
Омпсалак сын Фидана	КБН 1285	20–30 гг. III в.	КБН 1282	228 г.	
Афенодор сын Фадзинама	КБН 1285 КБН 1281	20–30 гг. III в. 211–227 гг.	КБН 1282	228 г.	
Евсхемон сын Менофила	КБН 1286	20–30 гг. III в.	КБН 1276 КБН 1282	209 г. 228 г.	
Фарнаксарф сын Таврея	КБН 1286	20–30 гг. III в.	КБН 1282	228 г.	
Стратоник сын Мокка	КБН 1286	20–30 гг. III в.	КБН 1282	228 г.	
Героксен сын Басилейда	КБН 1286	20–30 гг. III в.	КБН 1278	228 г.	

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Определение “частные союзы” или “сообщества” и т.п. используются в достаточной мере условно.
2. *Смирнова Н. В*. Частные микросообщества Боспора: полтора века исторического поиска // ПИФК. Вып. X. Магнитогорск, 2001. С. 253–257.

3. *Книпович Т. Н.* Танаис. М., 1949; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 272–278; *Ustinova Yu.* The Thiasoi of Theos Hypsistos in Tanais // History of Religion. 1991. P. 150–180; *Смирнова Н. В.* Частные микросообщества Боспора... С. 253–257.
4. *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 301.
5. Д. Б. Шелов, основываясь на сведениях того же автора, предложил понимать εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον как «усыновленные (божеством) братья, почитающие Бога Высочайшего». *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон... С. 274.
6. *Жебелев С.А.* Ук. соч. С. 299.
7. Там же. С. 300–302.
8. Там же. С. 129–145.
9. Д. Б. Шелов выделял два типа религиозных союзов Бога Высочайшего в Танаисе. (*Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон... С. 275). Члены союзов первого типа именовали себя членами фиаса θιασῶται или членами синода (συνοδεῖται). В своих надписях они подробно перечисляли членов правления – *жрец, синагог, филагат, парафилагат, гимнасиарх, неанискарх, секретарь*. Члены второго типа союзов называли себя εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον «приемные братья», по переводу С. А. Жебелева, или «усыновленные (божеством) братья», в переводе Д. Б. Шелова. *Ustinova Yu.* The Thiasoi... P. 151.
10. *Ustinova Yu. B.* The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Koln, 1999. P. 280–282.
11. *Ustinova Yu. B.* Op. cit. 1999. P. 198–199. Ю. Б. Устинова строит эти предположения, главным образом, на основании практического сходства в списках правления частных союзов в этих городах. Хотя в Горгиппии известно помимо Посейдона еще два божества-покровителя фиасов, предположительно, Афродита и Шаушка (?).
12. Помимо работ Ю.В. Калашника (1970, 1972) и Д.Б. Шелова (1974), очень не однозначной и спорной интерпретацией надписей КБН, 967, 1016 // *Ustinova Yu. B.* Op. cit. P. 198. Ю.Б. Устинова не знакома с публикациями археологического материла и аналитическими работами по истории Танаиса после 1991–1992 гг. Надписи КБН, 1260, 1260а Устинова датирует до 150-х гг. н.э., но не объясняет, почему она предпочитает эту дату (P. 194). Однако на этом основании она строит серьезные выводы о хронологическом и структурном соответствии надписей КБН 1259, 1260, 1260а. Следствием этого предположения явился и другой вывод Устиновой – совпадение списков правления синодов в этих трех документах, два из которых упоминают Бога Высочайшего, позволяют ей рассматривать рельеф на стеле с надписью КБН, 1259 как изображение Бога Высочайшего. Можно указать и неправильные даты надписей – КБН, 988 почему-то в книге датируется I в.н.э. без каких-либо объяснений, а не IV в.; посвящение фиаса навклеров имеет дату 2-я половина II в., а не годы правления Савромата II, 174–211 гг. (*Ustinova Yu. B.* Op. cit. P. 198, 199). Почему-то вкралась в интерпретацию этой надписи еще одна неточность – фиас навклеров в числе других должностных лиц возглавляет и казначей священных сумм (*Ustinova Yu. B.* Op. cit. P. 199). Хотя в 13–14 стк. надписи хорошо читается множественное число φροντιστάς – фронтисты, один из которых Фарнак, сын Нумения исполнял обязанности казначея.
13. *Завойкина. Н.В.* Ταναεῖται в истории Боспорского государства // ДБ. 2004. Т. 7. С. 163–199.
14. Там же. С. 165–173.
15. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон... С. 276–278.
16. Там же. С. 278.
17. Эта цифра была проверена Д.Б. Шеловым путем подсчета граждан, упоминаемых надписями в определенный период, с 225 г. по 230 г. (КБН, 1279, 1280, 1282, 1283, 1284). Она незначительно отличается от числа взрослых мужчин – граждан Танаиса, полученных путем статистических подсчетов. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон... С. 277 сл.
18. *Завойкина. Н.В.* Ταναεῖται в истории ... С. 165–168.

19. Там же. С. 163–165.
20. Там же. С. 165–169. Таблица 1, № 3–142.
21. *Завойкина Н. В.* Частные союзы Пантикапея в I–III вв. н.э. // ДБ. 2003. Т.6. С. 121–130.
22. *Poland F.* Geschichte des Vereinswesen. Leipzig, 1909. S. 160.
23. *Сапрыкин С. Ю.* Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. 1986. № 1. С. 67–69.
24. Там же. С. 67 сл.
25. Ср. IG, VII, 2850 – ἡ σύνοδος τῶν κυνηγῶν IG, II/III, 1326 – σύνοδος τῶν τεχνιτῶν.
26. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон... С. 273.
27. *Толочко И. В.* Два мраморных рельефа из Танаиса // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 287–93.
28. *Кобылина М. М.* Скульптура античных государств Северного Причерноморья. М., 1972. Табл. XXI, XXII.
29. *Xeinen H.* Rome et le Bospore: notes épigraphiques // Cahier Glats. 1996. VII. S. 94–95.
30. Сторонники еще одной версии предлагают рассматривать изображение на рельефе как образ героя-эпонима Танаиса и, таким образом, выдвигается гипотеза о существовании аналогичного культа в этом городе [Диатроптов. 2001. С. 43–48, указана литература вопроса].
31. *Арсеньева Т. М., Бетгер Б., Виноградов Ю. Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 4. С. 68–71, прим. 27.
32. *Кошеленко Г. А., Гаибов В. А.* Всадник у алтаря: от Танаиса до Мерва // ДБ. 2005. Т. 8. С. 259–266.
33. *Сапрыкин С. Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в.н.э. // ВДИ. 2005. №2. С. 56 сл.
34. Восстановление в 8 стк. [ἡ σύνοδος] надо признать наиболее вероятным, поскольку союзы почитателей Бога Высочайшего преимущественно обозначены в надписях Танаиса как синоды, но они имеют некоторые отличия в составе правления.
35. О новой датировке надписи КБН 1262 см.: *Завойкина. Н.В.* Ταναεῖται в истории Боспорского государства // ДБ. 2004. Т. 7. С. 167.
36. *Свенцицкая И. С.* Роль частных союзов в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 53–55.
37. Исследователи и раньше обращали на этот факт внимание [Minns. 1915; Новосадский. 1928; *Ustinova Yu.* The Thiasoi of Theos Hypsistos in Tanais... 1991. Думается, нет необходимости повторять уже сказанное, поскольку подробно вопрос о критериях выделения группы возрастных союзов рассмотрен в моей статье «Частные союзы Пантикапея» [*Завойкина*. 2003. С. 120–137]. В выделении группы «возрастных союзов» в Танаисе опираемся на материалы Пантикапея.
38. *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора в первые века нашей эры. М., 1997. Ч. 1. С. 145–147.
39. *Смирнова Н. В.* Частные микросообщества Боспора... С. 351–365.
40. *Свенцицкая И. С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 36–50.
41. ср. *Свенцицкая И. С.* С. 49–51.
42. *Свенцицкая И. С.* Роль частных союзов... С. 52–54.
43. Отчество Афинодора Фадинам (Φαδινάμος) написано через *дельту,* тогда как отчество Фадзинама через *дзету* (Φαζινάμος). Очевидно, что одно и то же иранское имя передано в греческой транскрипции двумя способами через *дзету* и *дельту.*
44. *Poland F.* Geschichte des Vereinswesen. Leipzig, 1909. S. 373.
45. *Жебелев С.А.* Ук. соч. С. 302.
46. В этой же надписи упомянут Атт, сын Гераклида, носящий звание «друг синода» (φιλὸς τοῦ συνόδου), который является, по всей вероятности, отцом Гераклида. Еще раз Атт, сын Гераклида упоминается в качестве эпимелета в надписи 192 г. (КБН, 1243). Напомню, что на предположение о родстве означенных двух персонажей наводит как общность используемых имен, так и ограниченный состав гражданской общины жителей

Танаиса в 250–350 человек, который сводит практически к нулю степень повторяемости личных имен и отчеств у различных людей.

47. *Завойкина Н.В.* Ταναεῖται в истории Боспорского государства // ДБ. 2004. Т. 7. С. 163–165.

N.V. Zavoykina

PRIVATE ASSOCIATIONS IN TANAIS

There are many private associations mentioning in Tanais's inscriptions, dated 104–244 A.D. Tanais's citizen took part mainly into them. In Russian scientific works the private associations of the Bosporan cities are regarded principally as some religious associations, but lists of their officials headed them have some differences make change the point of view. Two varieties of the private associations testify the inscriptions – religious associations and age clubs which of them, it seems, divided into their sorts. The citizen could crossed from the clubs to the associations and vice versa. At a time several varieties of the religious associations and the age clubs could existed in Tanais and they accordingly established not a very short term. The time of their actions depends on a series of causes as political reasons (thiasos celebrating of Tanais's day) as some social and religions one. It pays attention all synodoses in Tanais worshiped only one deity who was the Supreme God. This monotheistic cult attests to a breach of nearly all citizen in Tanais with Greek religion.

© 2007 г.

Ю.В. Миляева

МЕСТО И РОЛЬ КРИЗИСА ВТОРОЙ — ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ III в. н.э. В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Вряд ли хоть кто-то из историков не согласиться с тем, что самым интересным периодом в жизни того или иного общества, государства, направлении духовной культуры, а также какой-либо организационной структуры является не только время их расцвета, но и кризиса, упадка. Именно тогда с наибольшей полнотой проявляются присущие разным явлениям материального (и нематериального) мира самые характерные черты, признаки и особенности, в том числе и субъективного плана (антропогенные факторы, человеческие качества руководителей, способности элиты и особенности национального менталитета в целом).

Не исключение в этом отношении и Боспорское государство. В его истории были времена тяжелейших испытаний, драматических событий, сложнейших и важнейших перемен в экономической, социальной, политической и идеологической сферах жизни. Наша задача — определить место и роль одного из глубочайших кризисов античной эпохи, а именно кризиса второй — третьей четвертей III в. н.э. в социально-экономической и политической истории Боспора Киммерийского. Процессы, происходившие в этот период, были взаимосвязаны, и помимо прочего, как-то влияли на духовную культуру боспорян. Преодоление этого кризиса сопровождалось более или менее существенными переменами во всех сферах жизни этого государства, причем направление этих перемен в значительной степени определялось изменениями в области социально-политических отношений и внешними обстоятельствами. Поэтому изучение особенностей

развития Боспорского царства в III в. н.э. важно не только для понимания закономерностей его эволюции в это непростое столетие, но и для выяснения истоков тех процессов, которые происходили в последующие века.

Итак, общепринято, что в III в. н.э. античный (да и не только) мир в Северном Причерноморье погружается в пучину жесточайшего кризиса. Будучи далеко не первым в местной истории, он превосходил все предшествующие кризисные эпохи не только территориальным масштабом, но и глубиной проникновения во все сферы общественного бытия (государственных систем, духовной жизни и психологии масс). Причём, это была целая эпоха, особый, весьма протяжённый во времени период, а не только цепь в той или иной степени негативных и даже временами трагических событий.

Необходимо отметить, что среди специалистов, в частности, боспороведов, уже довольно давно сложилась определенная хронологическая картина, вероятно, более или менее отвечающая историческим реалиям рассматриваемого времени. В целом, все сошлись во мнении, что, начиная примерно с рубежа первой — второй трети III в. н.э. (или немного ранее) жизнь Боспорского государства отличается явной нестабильностью. Это и изменение внешнеполитического положения (вследствие существенных перемен в сопредельном варварском мире: возросшая «энергия» варварских народов, зажимавших в кольцо Римскую империю); существенные сдвиги в структуре хозяйственных отраслей (прежде всего, в области сельского хозяйства) и противостояние различных социальных слоев в связи с распадом прежней экономической системы; внутриполитические коллизии, т.е. борьба в среде правящей элиты вокруг «векторов силы» во внешнеполитической ориентации; сложности, точнее — неблагоприятная торговая конъюнктура в Восточном Средиземноморье; вероятно, крупные военные неудачи и поражения, приобретшие хронический характер. Несомненно, весьма существенную общую отрицательную роль сыграл и природный фактор: очередная смена экологического оптимума менее благоприятным климатом, повышение сейсмической активности, изменение уровня мирового океана и т.п. (По каждому из этих «направлений» можно было бы привести соответствующие точки зрения и ссылки на литературу, однако мы ограничимся лишь их упоминанием.) Иными словами это был системный кризис. Быть может, уместно говорить о нескольких его этапах и завершении в основном к рубежу третьей — четвертой четвертей III в. н.э. Впрочем, существуют и другие точки зрения (вторая треть III в. н.э., последняя четверть III в. н.э., середина третьей четверти III в. н.э. или даже позднее).

Напомним, что почти столь же общепринято считать, что в истории Боспора предшествующего времени имело место, по крайней мере, еще два тоже достаточно глубоких кризисных периода. Но, в отличие от них, кризис III в. н.э. фактически означал почти катастрофу, поставившую боспорское античное государство на грань гибели.

Говоря вообще о соотношении внутренних и внешних причин боспорских кризисов, коснемся следующих моментов его долгой истории. Вряд ли в свете новейших археологических данных, можно полагать, что именно политические катаклизмы в связи с приходом к власти Археанактидов и кратковременное вторжение скифов в первой — второй четверти V в. до н.э. обусловили появление союза эллинских городов на берегах пролива — предтечи Боспорского государства[1]. Не совсем ясно обстоит дело и в плане внутренних причин. Таким образом, говорить о каком-либо частном или, тем более, системном кризисе на Боспоре в это время не уместно. То же самое касается ситуации, связанной с приходом к власти несколько позднее тиранического режима новой правящей династии Спартокидов. Вероятно, ее отчасти можно считать политическим кризисом, спровоцированным афинским вмешательством[2]. Стоит напомнить, что к концу правления Сатира I Боспор столкнулся со схожим частным (военно-политическим) кризисом, однако, как известно, относительно быстро с ним справился[3]. Конфликт же со скифами, имевший место в правление Перисада I, еще один даже более показательный пример быстротечного и локального военно-дипломатического осложнения. Дальнейшее ухудшение боспорско-скифских отношений следует относить ко времени, наступившему

уже после междоусобной войны сыновей Перисада, в которой скифы выступали на стороне законного наследника — боспорского царя Сатира против узурпатора, опиравшегося на население азиатской части царства[4] (Diod., XX, 22, 4; 24, 1). Это был совершенно идеальный политический или династический кризис. Впрочем, начавшись в этом качестве, он достиг масштабов гражданско-государственного и, возможно, межэтнического. Серьёзных, лучше сказать, определяющих отрицательных последствий все эти «микрокризисы» не имели, хотя археологически, на местном материале они, как теперь выясняется, находят подтверждения. И неудивительно: общий вектор исторического развития (внутриэкономический, демографический и политико-административный потенциал) Боспора, как Северо-понтийского греко-варварского феномена, еще достаточно длительное время имел положительное значение.

Пропустив, по общему мнению, эпоху первого системного кризиса (вторая треть — середина III в. до н.э.), отметим явно драматическую ситуацию с передачей власти Митридату VI[5] и, безусловно, последовавший за этим политический (и также, вероятно, межэтнический) кризис. Период правления понтийского царя не был свободным от различного рода военных и экономических потрясений[6]. Вероятно, к концу его царствования сложились предпосылки для нового системного кризиса (военный, экономический, межэтнический). Примечательно, что с только что перечисленными его составляющими удивительным образом совпал и экологический — сильнейшее землетрясение 63 г. до н.э. и, возможно, процесс изменения водного режима в проливе и Черноморье в целом. Выход из надвигавшейся катастрофы был найден помимо прочего в области чисто человеческого фактора: смерти Митридата (App. Mith., 111; Vell. Pat., II, 40, 1).

Имевшие место на Боспоре в последовавшие примерно полвека исторические коллизии (военные столкновения царей Фарнака и Асандра, смена претендентов на престол, вмешательство Рима)[7] (App. Mith., 120; Strabo, XIII, 4, 3) создавали, и достаточно часто, кризисные ситуации, которые все же в принципе не выходили за рамки военно-политических. К тому же типу, несомненно, следует отнести и династический кризис на Боспоре в середине следующего века, приведший к прямому римскому вмешательству. Естественно, военные действия сопровождались соответствующими разрушениями, потерями и т.п., но вряд ли они привели к заметным негативным процессам в экономике, культуре, военном деле и т.д. Римский контроль, опека и авторитет (протекторат), надо думать, помогали Боспору почти на протяжении двух веков преодолевать кризисные явления в денежном обращении, династических делах, греко-варварских взаимоотношениях. Это всё больше подтверждается как новейшими археологическими открытиями, так и общеисторическими изысканиями.

Не совсем ясны причины и характер тех отрицательных явлений, которые как будто бы время от времени затрагивали систему обороны Боспора, в частности охрану его сельской территории. Есть мнение, что эти кризисные события имели место еще в конце I — начале II вв. н.э.[8] (КБН, 32, 33). Однако письменная традиция здесь вовсе отсутствует, а археологическая — требует детальной проработки. Поэтому пока уместно говорить о кризисе этого времени, как о вероятном.

Поскольку различные аспекты и «составляющие» первого всеобщего кризисного периода (III в. до н.э.) с разной степенью детализации исследовались уже достаточно давно и основательно[9], коснемся несколько подробнее характеристики второй аналогичной эпохи.

Как уже писалось, несколько десятилетий III в. н.э. для всего античного мира были временем самых тяжелых испытаний. Более того, ситуация на Боспоре представляется во всех отношениях одной из самых драматических. Политическая обстановка, ход некоторых военных мероприятий, состояние экономики, денежного обращения, отчасти культуры, этнические перемены — все это в той или иной степени (и с разным успехом) также уже неоднократно рассматривалось прежде. Бесспорный интерес представляет состояние военной теории (военной доктрины), т.е. стратегии и тактики армии данного государства накануне и непосредственно в период этого кризиса.

Напомним, довольно долго весь этот временной отрезок рассматривался почти как конец собственно античного («римского») этапа местной истории и начало заключительного — позднеантичного, или ранневизантийского. Теперь столь категоричные оценки заметно смягчились. И хотя некоторые события этого времени нам как будто бы и известны, но их последовательность, достоверность и тем более детали, скорее всего, еще очень долго будут оставаться предметом споров. В немалой степени это объясняется спецификой дошедших до нас письменных источников: их краткостью и фрагментарностью, асинхронностью описываемым событиям, характером самих «ученых» трудов и рядом иных причин. Эпиграфические же документы тех же десятилетий по причинам «негативности эпохи» крайне малочисленны и малоинформативны. Немногим лучше обстоит дело с археологическими свидетельствами. Хотя разнообразные материалы и наблюдения, относящиеся именно к этому периоду, накоплены и уже весьма обширны, их датировка, а, следовательно, интерпретация в кругах специалистов вызывают споры и неоднозначные оценки.

Не получал убедительного разрешения, впрочем, и не ставившийся вопрос о причинах того военного краха, который и повлек за собой череду всех прочих негативных событий (военный разгром, вражеская оккупация; прекращение функционирования прежних государственных институтов, династической традиции, автономного выпуска монет; нарушение внешних и внутренних финансово-экономических связей и территориальная дезинтеграция; психологические и демографические потрясения; этнические конфликты; упадок общей культуры; природные катаклизмы и т.п.).

Нет сомнений, что всему этому предшествовала определенная событийная ситуация, вернее накопление целого ряда факторов, переломить отрицательное действие которых на Боспоре в силу ряда причин не смогли. Боспор, как одно из немногих так называемых периферийных государств античного мира, неизбежно был вовлечен в общий «водоворот» событий и процессов, известных как военно-политический кризис Римской империи.

Не стоит забывать, что к этому моменту уже довольно продолжительное время Боспор зависел от Рима (и в политическом, и в финансовом, и в военном, и в немалой степени в экономическом отношении), оставаясь все же вне официальных границ Империи и сохраняя многие специфические черты своей политической и военной организации, а также культуры. Естественно, в истории Боспора и Рима, точнее, в истории общего кризиса, помимо его синхронности, можно без труда выявить ряд схожих моментов. И, наверное, на первое место здесь стоит поставить внешнеполитические (военные) перемены, на которые не было быстро дано адекватного ответа.

В самом деле, вплоть до второй трети (четверти?) III в. н.э. и Риму и Боспору на всех своих рубежах в целом приходилось иметь дело с традиционными противниками. Причем, традиционными как по наименованию и этническому составу, так и по их социально-экономическому укладу и военной организации. Именно с учетом этого сформировалась и неплохо функционировала на протяжении почти трех веков вся оборонительная система границ, организации войск и соответственно финансовая и хозяйственная структуры. В этом же плане следует рассматривать и господствовавшую военную доктрину. Основы римской имперской военной организации были заложены, как известно, первым императором эпохи принципата — Августом. Основополагающей считалась идея активной (стратегической) обороны на наиболее приемлемых в тактическом отношении рубежах с посильно активным вмешательством, чаще всего в форме реакций на те или иные события на сопредельных территориях. Разумеется, это вовсе не значило, что доктрина проводилась в жизнь последовательно, сознательно и без отклонений. (Так, завоевательные войны и новые территориальные приращения к Империи вплоть до эпохи Траяна были в немалой степени вызваны той самой объективной необходимостью улучшения пограничной ситуации путем выхода к самым удобным и стратегически выгодным географическим рубежам). Кроме того, весьма существенным моментом римской военной истории I–III вв. н.э. оставалась (причем, со временем все более часто

реализуемая) «перспектива» гражданской войны. И соответствующий «сюжет» постоянно давал о себе знать в системе комплектования, элементах воинского менталитета и правового статуса, тактических «разработках» высшего и низшего звена офицерского корпуса. В организационном плане такая доктрина опиралась на особую территориально-инженерную систему дислокации войск, получившую наименование «Римского лимеса».

И хотя обо всем этом относительно Боспора I в. до н.э. — III в. н.э. мы знаем несравненно меньше, кое-что здесь все же можно сказать. Вероятно, основным, но не главным по своему значению и ударной силе армейским контингентом являлись военные поселенцы, размещенные, точнее, расселенные в нескольких десятках разнотипных (но не разнообразных) и неодинаковых по площади сельских поселениях, расположенных на территории так называемой царской хоры. Эти земли находились в основном на периферии государства и, следовательно, охрана границ в немалой степени возлагалась на эти полувоенные формирования. Наиболее состоятельные слои боспорского общества, вероятно, в соответствии с прежними восточно-эллинистическими традициями, служили основой самой боеспособной части армии: ее тяжелой кавалерии. Должно отметить, что и первые и вторые — по своей этнокультурной характеристике, скорее всего, не были однородными. Но это вовсе не означало их неприверженности общегосударственным, в данном случае, общебоспорским интересам. Столь же несомненно, что доля и влияния варварских инноваций здесь со временем возрастала. Более того, не исключено, что боеспособность и тех и других понижалась. В особенности это касалось упомянутых военных поселенцев, для которых, судя по некрополям и находкам на поселениях, военное дело к III в. н.э., возможно, и вовсе перестало быть обязанностью. Вероятно, существовали и иные воинские подразделения, например, тяжелая регулярная пехота, обученная и вооруженная по римскому образцу. Возможно, были какие-то «союзные» отряды, время от времени нанимавшиеся (или нанимаемые) на службу, и другие контингенты[10]. Оборона, по крайней мере, западных рубежей, в немалой степени напоминала Британский или Нижнедунайский лимес. На востоке — картина менее ясна. Может быть, она отчасти соответствовала Африканскому варианту Имперского лимеса (отсутствие сплошной линии полевых укреплений с опорой на систему дорог, крепостей и локальных «линейных» сооружений). Кое-какие данные о боспорском вооружении и фортификации этого времени отчасти помогают составить представление о тактической стороне военного дела. Здесь ощущаются скорее позднеэллинистические, сарматские и позднескифские традиции, чем собственно римский опыт.

Военно-дипломатическая история Боспора в предкризисный период отчетливо делится на два этапа. Первый — можно считать вполне успешным и даже впечатляющим. Судя по тому, что нам сообщают надписи и отчасти археологические свидетельства, при царе Савромате II (последняя четверть II — первое десятилетие III вв. н.э.) на западе, вероятно, завершилось многовековое противостояние боспорян и так называемых поздних скифов. Почти вся Таврика оказалась под властью или под контролем Боспора[11]. По-видимому, относительно спокойно было на востоке. Правда, война со скифами, вероятно, потребовала на каком-то этапе усилий и в области фортификации. Во всяком случае, мы, кажется, имеем пример строительства целого городка в глубине дальней хоры. (Речь идет о так называемом Савроматии, быть может, городе — ставке[12] (КБН, № 970)). Были достигнуты и иные успехи, в том числе и на Черном море. Отметим, что при этом оказались разгромленными или ослабленными традиционные, старые противники. Но, быть может, именно это обстоятельство сыграло в дальнейшем (и очень скоро) самую пагубную роль, ибо были практически уничтожены те «буферные» силы, которые теоретически могли бы противостоять новой военной угрозе.

Второй период — несколько последующих десятилетий, примерно со второй четверти III в. н.э., а, скорее всего, и ранее, условно можно назвать «военной тревогой». Видимо, начавшееся передвижение варварских племен к Северному побережью Понта уже затронуло сопредельные с Боспором народы. Нарастание военной опасности заставило

прилагать дополнительные усилия в области обороны. Так, мы достоверно знаем о нескольких весьма показательных строительно-фортификационных работах, причем в первую очередь, на ряде пограничных пунктов и в городах. Наиболее яркий пример в этой связи — строительные надписи Танаиса и новейшие — Фанагории. Отчетливо заметны аналогичные меры и практически на всех поселениях Европейской хоры государства[13]. Наша соответствующая информация об Азиатском Боспоре менее определенна. Судя по всему, реакция военного руководства Боспора была вполне в духе прежних традиций и опыта.

Однако первая волна варварского нашествия по каким-то неведомым нам причинам обрушилась на крайние Юго-Восточные районы государства. Около 239 г., как считается, была разгромлена Горгиппия — один из крупнейших боспорских городов. К этому же примерно времени относится и сокрытие большинства монетных кладов III в. н.э. в Азиатской части государства[14]. Факт взятия и разрушения сильно укрепленного и немалого по местным понятиям античного города (Горгиппии), подчеркнем, надежно зафиксированный впервые, по крайней мере, за два с половиной столетия его истории, весьма показателен. Через относительно непродолжительное время (по одним данным: между 244 и 247 гг.[15], по другим — в 251 или 254 г. н.э.[16]) та же участь постигла город — крепость Танаис. Совершенно очевидно, что за всем этим стоят оставшиеся неизвестными нам военные поражения и беспомощность противостоять некоему, неведомому прежде противнику с иной, незнакомой тактикой военных действий. Тем не менее, эту первую волну варварского нашествия боспорянам все же в целом удалось остановить. Последовавшая в 50–70 гг. все того же века полная неразбериха в «высших эшелонах боспорской власти», (частая смена правителей и главной «политической ориентации»), следы общего упадка, более или менее заметные в ряде отраслей хозяйства (временное прекращение монетного чекана) и, наконец, разгром около 267 г. н.э. большей части сельских поселений и крепостей в Восточном Крыму и последовавшее за этим участие боспорского флота в антиримском походе варваров в Закавказье и Малую Азию[17], свидетельствуют, что военная система Боспора пребывала в самом плачевном состоянии.

Впрочем, нам неизвестны не только все детали, но даже последовательность событий так называемого второго этапа этого военно-политического кризиса. Ясно лишь, что здесь имели место почти одновременно действие несколько негативных факторов самого разного рода: следующая волна варварского (алано-германского) нашествия, резкое ослабление связей с Римской империей, династический кризис и, не исключено, череда катастрофических землетрясений.

Мы совершенно не знаем конкретики военной истории этого периода, но, несомненно, все прежние стратегические «построения» оказались несостоятельными. Удары противника приходились там и тогда, где и когда их менее всего ожидали; его тактические приемы и, видимо, вооружение и манера ведения боевых действий, а равно цели и задачи военных операций сильно отличались от того, к чему были привычны командиры, рядовые и «генералы» боспорской армии. Вся прежняя военная организация и тем более стратегия оказались устаревшими. Временный разрыв с Римом (после 249 г. н.э. Боспор перестал получать денежные субсидии) довершил этот крах. Перестроиться, приспособиться в данной области к новым вызовам и реалиям в течение какого-то времени просто не успели или не смогли. Кризис к концу 60-х годов достиг своего апогея. Для его преодоления (как и повсеместно в Римской империи) потребовалось несколько десятилетий. Армия и вся военная теория и практика Боспора, а, вероятно, и организация государственной власти, сельской территории, пограничья и хозяйственных связей, в конце III в. н.э. и особенно в последовавшие два — три века были уже совсем иными, впрочем, как и в Римской, а затем Восточно-Римской империи. Какими? Скорее всего, - более простыми, мобильными и менее затратными, более дипломатически обеспеченными, и по своим традициям скорее варварскими, чем античными. (Последнее обстоятельство, однако, не следует преувеличивать; традиционность ещё долго определяла не только сознание, в том числе и военную мысль, но и повседневную практику. Вспомним хотя

бы запоздалые «рекомендации» Вегеция и отчасти Аммиана Марцеллина, о которых так и хочется сказать словами из монолога известного героя А.С. Грибоедова: «… сужденья черпают из забытых газет…».) Не исключено, что это помогло Боспору, как и Риму, в целом, справиться с гуннской угрозой. Деталей этих перемен, как уже отмечалось, мы почти не знаем. Известно только, что следующий, и на сей раз окончательно смертельный военный удар Боспор получил много лет спустя, в третьей четверти VI в. н.э., и вновь от совершенно нового противника, на сей раз тюркских племен. Но это было уже скорее поражение Византийской администрации.

Возвращаясь назад, к эпохе первого и второго системных кризисов Боспора, важно отметить следующее. За это время были сделаны, по крайней мере, две серьезные попытки решения разного рода кризисных проблем за счет расширения территориальной и экономической базы античного способа хозяйствования и культуры. Иными словами, посредством в той или иной степени глубокой «интеграции» в некие более широкие и сильные государственные структуры античного типа (Понтийское царство, Римская республика и Империя). (С соответствующим преодолением полисного, а впоследствии — государственного «сепаратизма» и демократических «иллюзий» и утверждением более властных организационных структур при расширении торгово-экономических и военных связей с Империей.)

Впоследствии (уже после событий III в. н.э.), вероятно, выделяем некий (реальный или мифический) военно-политический и финансовый (?) около начала 40-х годов IV в. н.э.) кризис в связи с Боспоро-Херсонесской войной, а также гуннская «военная тревога» последней трети этого же века. Затем, это события того же плана, во второй половине V в. н.э., связанные со столкновением разных групп варваров (готы и гунны), а позднее — мятежом Грота и утверждением прямого византийского контроля над Боспором во времена правления Юстиниана I[18]. Заключительный этап Боспорской истории, т.е. обстоятельства тюркского разгрома, нам просто малоизвестны.

Естественно, любую, в том числе и Боспорскую историю, вовсе нельзя рассматривать только как цепь катаклизмов разного масштаба. Были эпохи подъема, благополучия или просто относительно спокойного существования. Но в силу уже упомянутых причин, именно кризисы, особенно одновременно затрагивавшие разные стороны жизни местного общества, стали одними из основных исторических вех. И здесь события большей части III в. н.э., безусловно, явились во многом судьбоносными, переломными, как бы отделяя одну историческую эпоху («условно» римскую) от другой (позднеантичной или даже раннесредневековой).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 394–419; *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г. М., 1985. С. 63–78; *Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 111–112; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 24–41; *Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 98–128; *Завойкин А.А.* Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. 2004. Т. 14. С. 58–61.
2. *Долгоруков В.С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА, 1990. Вып. 197. С. 36.
3. *Корпусова В.М.* Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 1972. Вып. 6. С. 42–46; *Петрова Э.Б.* Греки и «варвары» античной Феодосии и ее округа в VI–II вв.

до н.э. // МАИЭТ, 1996. Т. 5. С. 149–151; *Гаврилов А.В.* Феодосия и ее округа в античную эпоху // ПИФК. 2003. Т. 13. С. 78–87; *Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.

4. *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора... С. 149–151; *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 297; *Копылов В.П., Васильев А.Д.* Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV — начало III вв. до н.э.) // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991. С. 29; *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ДБ. 1997. Вып. 5. С. 13; *Завойкин А.А.* Краткий очерк... С. 67.
5. *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 72–78; *Виноградов Ю.Г.* Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 38; *Доманский Я.В., Фролов Э.Д.* Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху // Античные полисы и местное население в Причерноморье. Севастополь, 1995. С. 93–94; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 140–147, 186; *Зубарь В.М.* Херсонес во второй половине II — середине I вв. до н.э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I вв. до н.э. К., 2005. С. 256.
6. *Шелов Д.Б.* Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 572; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 179–183.
7. *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 134; *Карышковский П.О., Фролова А.Н.* К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 95.
8. *Фролова Н.А.* Начальные эмиссии меди Савромата I (92–123 гг.) // КСИА, 1978. Вып. 156. С. 24–25; *Сапрыкин С.Ю.* Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С.200–203; *Требелева Г.В.* Оборона территории Азиатского Боспора в первые века нашей эры: историческое моделирование на основе ГИС — технологий // Автореф. … канд. ист. наук. М., 2005. С. 13–21; *Требелева Г.В.* Организация обороны Тамани во II — середине III вв. н.э.: историческое моделирование на основе ГИС — технологий // ПИФК. Москва–Магнитогорск, 2006. Вып. XVI/1. С. 88–98.
9. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 73; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 99–100; *Гаврилов А.В.* О сельскохозяйственной территории Боспора в IV — первой половине III вв. до н.э. // Тезисы докл. Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. Ч. 3. С. 200–201; *Гаврилов А.В.* Исследование античного поселения у с. Новопокровка и археологические разведки в Кировском районе // Археологические исследования в Крыму. 1994. Симферополь, 1997. С. 69–73; *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор... С. 301; *Масленніков А.А.* Еволюція орагнізації європейського Боспору // Археологія. 1992. № 2. С. 82; *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 107–149; *Зинько В.Н.* Об этносоциальной стратификации сельского населения европейской части Боспора IV–III вв. до н.э. // МАИЭТ, 1991. Т. 2. С. 42; *Зинько В.Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ, М., 1996. С. 16–17; *Винокуров Н.И.* Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998. С. 32; *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 283–284; *Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 198–199; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. Вып. XII. Симферополь Керчь, 2006. С. 95–130.
10. *Горончаровский В.А.* Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб. М., 2003. С. 17–52.

11. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К., 1994. С. 110–112; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. К., 1998. С. 107–116; *Зубарь В.М.* О некоторых особенностях денежного обращения Боспора в первые века н.э. // Античный мир. Белгород, 1999. С. 92–97; *Зубарь В.М.* По поводу датировки надписи из Преслава с упоминанием Боспорской войны // БИ, 2003. Вып. 3. С. 198–203. С. 198–203; *Зубарь В.М.* Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II — третьей четверти III вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э. Харьков, 2004. С. 168–171; *Сапрыкин С.Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н.э. // ВДИ, 2005. № 2. С. 74; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский... С. 154.
12. *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 159–160, 254–255.
13. Там же. С. 107–119.
14. *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 12, 40; *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы 1954–1964 гг. // Горгиппия 1982. Вып. 2. С. 117–149; *Кругликова И.Т., Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1967 // Горгиппия 1980. Вып. 1. С. 104; *Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия 1982. Вып.2. С. 2–116; *Алексеева Е.М.* Горгиппия в системе Боспорского царства в первые века н.э. // ВДИ. 1988. № 2. С. 83; *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 75–76, 115; *Алексеева Е.М.* Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. — III в. н.э.) // ДБ. 2003. Т. 6. С. 23–26; *Трейстер М.Ю.* Фибулы из Горгиппии // Горгиппия 1982. Вып. 2. С. 150–162; *Анисимов А.И.* О продвижении готского союза племен в Северо-Восточное Приазовье в середине III в. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. Тезисы докл. Новочеркасск, 1989. С. 130; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский... С. 159; *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М., 2002; *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов В.А., Смекалова Т.Н., Иванина О.А.* Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Т. I. Киев, 2006. С. 66–130.
15. *Кругликова И.Т.* Боспор III–IV вв. в свете археологических исследований // КСИА, 1965. Вып. 103. С. 6; *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 40; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 300–302; *Блаватский В.Д.* Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. М., 1985. С. 245; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский... С. 161.
16. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 171, №№ 723, 724; *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. К., 1999. С. 166; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 2. С. 52–66.
17. *Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 208; *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 40, 178–188, 220; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 136–137; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский... С. 214.
18. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: Хронография Феофана, Бревиарий Никифора. М., 1980. С. 50–79; *Сазанов А.В.* Боспор у ранньовізантійський час // Археолоія. 1991. № 2. С. 18–20; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 95; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский... С. 229.

Yu. V. Milyaeva

PLACE AND ROLE OF CRISIS IN THE SECOND — THE THIRD QUARTER OF THE 3th C. A.D. IN SOCIAL, ECONOMIC AND POLITICAL HISTORY OF BOSPORUS KIMMERIAN

The work identifies a place and a role of the crisis in the second — the third quarters of 3th c. A.D. in social, economic and political history of Bosporus Kimmerian. It is marked, that the processes happened during that period, have been interconnected, besides, they influenced spiritual culture of the Bosporus. The overcoming of the crisis was accompanied more or less with some essential changes in all spheres of life in Bosporus, and the direction of those changes was defined to a large extend by changes in the field of sociopolitical relations and external circumstances.

© 2007 г.

Е. В. Четвертаков

К ВОПРОСУ О СКИФСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ БОСПОРСКИХ ИМЕН I–III вв. н.э.

Данная статья посвящена проблеме скифского происхождения некоторых боспорских имен I–III вв.н.э. В основе нашего метода определения скифской принадлежности имен лежит представление о фонетическом отличии скифского языка от сарматских диалектов. Впервые использование такого метода в изучении имен Северного Причерноморья ввел М. Фасмера[1], который начал дифференцировать скифские и сарматские элементы в исследуемом ономастическом материале. Позже Л. Згуста[2] разделил имена Северного Причерноморья на 2 группы: имена с более архаичной фонетикой, которые он связывал со скифами, и имена с более поздней фонетикой, которые он относил к сарматам.

Критерием отнесения того или иного слова к скифскому языку является переход др.иран.*d в фонему l, присутствие которого скифологами было замечено достаточно давно в соответствие скифского Παραλάται (Геродот 4, 6) авестийскому paraδāta (этимология эта общепризнанна и предложена была еще в середине XIX в.[3]). Этот критерий часто игнорировался лингвистами, т.к. в большинстве восточноиранских языков (в том числе и в осетинском, который традиционно связывают со скифо-сарматскими наречиями) такого перехода не наблюдается, поэтому и в скифском языке ожидалось отражение иран. *d через этап спиранта d. Однако в части восточноиранских языков, относящихся к единому ареалу (бактрийском, пашту, мунджанском, йигда), неустойчивость *d привела к появлению перехода *d в фонему l под воздействием общего для этих языков субстрата[4].

Имеющиеся данные источников позволяют говорить о присутствии не позже V в. до н.э. в приграничных с Индией областях носителей иранских диалектов, в которых имел место переход иран.*d в l.[5]. Эти диалекты с большой вероятностью принадлежали племенам саков амюргиев, к потомкам которых относят паштунцев и мунджанцев. О саках из приграничных с Индией областей нам сообщают древнеперсидские надписи времен Дария и Ксеркса (Darius. Susa. E. 24. № 15; Darius. Naks-i Rustam. A. 25. № 14; Xerxes. Persepolis. H. 26. № 26), в которых они названы Saka haumavarga[6]. Кроме того, о саках амюргиях свидетельствует Геродот (VII, 64), который считает это племя говорящим на скифском языке. Таким образом, переход иран.*d в l закономерен для скифских

диалектов, фонетически близких к бактрийскому и мунджанскому, в отличие от сарматских диалектов, близких к фонетике осетинского языка, в которых такого перехода не существовало[7].

Э. А. Грантовский первым начал доказывать существование в Скифии особого диалекта скифов царских, где иран.*d переходил в l, он же первый стал этимологизировать скифские имена с учетом этого перехода[8] (см. его этимологию имен Πάλακος и Σκυλης, племенных названий σκολοτοι и παραλαται). Позже К. Т. Витчак сформулировал тезис о том, что еще со времени Геродота (1-я пол. V в. до н.э.) переход иран. *d в фонему l является отличительным признаком скифского языка[9], подкрепляя это анализом бесспорно скифских имен и названий[10].

На основании этого фонетического соответствия между скифским и иными иранскими языками мы проанализировали до сих пор необъясненные скифские имена, пересмотрев некоторые общепринятые нормы их этимологии.

До этого обилие скифских имен, содержащих l, представляло определенную загадку, если же считать, что скифское l происходит из иранского *d, становится возможным дать непротиворечивые этимологии ряда скифских имен. Так, к примеру, имя скифского царя Савлия (Σαύλιος; Геродот 4, 76) следует возводить к иран. *saudya- («чистый»)[11], а имя царя Палака (Πάλακος) к авест. padaka и т.п.

В этой связи наше внимание привлекло имя Παιρίσαλος, которое появляется на Боспоре не ранее II вв. до н.э. (КБН 266) и получает широкое распространение в I–II вв. н.э. (КБН 347, 481, 482, 509, 698, 903, 946, 1022, 1314). Мнение о фракийском происхождении этого имени[12] не является безупречным в силу того, что первый компонент имени — Παιρι — безоговорочно признан иранским еще во второй половине XIX в.[13] (по этой причине некоторые лингвисты считают антропоним иранским[14]), а само имя отсутствует собственно во Фракии. В последнее время имя нередко признается малоазийским, но с иранской этимологией[15]. С нашей же точки зрения, это скорее скифская форма боспорского царского имени Παιρισάδης, которая возникла в результате так называемой гиперкоррекции[16], т.е. когда на месте боспорского d появляется фонема l, характерная для скифского языка. Примеров этого фонетического явления на Боспоре достаточно. Упомянем необычное сочетание двух гласных в словах ΄Ασόανδρος надписи Хрисалиска[17] и Βοόποροσ надписи Менестрата (КБН 40). Очевидно, что данное фонетическое явление было характерно для говора варварского населения азиатской части Боспора, которыми могли быть, с большой вероятностью, ираноязычные аспургиане. Аналогичным образом присутствие суффикса -οχ в имени ΄Ασάνδροχος (КБН 40) является результатом гиперкоррекции ираноязычными варварами греческого имени ΄Ασάνδρος[18]. Тем более, что носителем этого имени был царь ираноязычного племени аспургиан, сам давший своему сыну иранское имя Аспург[19].

Бытование на Боспоре рубежа веков скифских имен не удивительно, т. к. большой процент иранских имен в городах европейского Боспора в I в. до н.э. — I в. н.э. был вызван присутствием и влиянием скифов[20]. Во II в. н.э., к примеру, на Боспоре зафиксировано имя Σκίλουρος (КБН 763), являющиеся безусловно скифским, ибо первым известным носителем этого имени являлся скифский царь, известный по достаточно широкому кругу письменных, нумизматических и эпиграфических источников[21] и вступивший на престол в 50-е гг. II в. до н.э., к тому же само имя Σκίλουρος образовано посредством того же фонетического перехода иран.*d в фонему l от иранской основы skidura («победоносный»)[22]. Правление этого царя было ознаменовано военно-политическим сближением Скифского и Боспорского царств, подтверждением чего стал брак между царицей Сенамотис, дочери Скилура, и знатным боспорянином Гераклидом[23]. Этот брак положил начало целой традиции заключения брачных союзов между скифами царской династии Неаполя Скифского и представителями греческих полисов, что показательно отразилось в эллинском облике женских погребений в Мавзолее Неаполя Скифского[24].

Появление же в антропонимике Боспора I–II вв. н.э. имен скифского происхождения связано с процессом «боспоризации» политической и культурной жизни Скифского цар-

ства в это время[25]. Так, в I в. н.э. прекращает функционировать Мавзолей Неаполя Скифского, но появляются склепы, вырубленные в скале, с настенной живописью, традиция которых приходит с Боспора[26]. Не позднее 23 г. н.э. при боспорском царе Аспурге происходит оккупация большей части Скифского царства, которая сопровождалась сменой скифской династии правителями, тесно связанными с Боспором[27]. Через два десятилетия после этого в Неаполь Скифский попадает серебряная тарелка боспорской царицы Гипепирии, свидетельствующая о связях города с представителями боспорского царствующего дома[28].

Определенную роль в присутствии скифских имен в боспорской антропонимики сыграло непосредственное соприкосновение Боспора со скифами. Важно и то, что скифы со времени правления боспорского царя Аспурга стали, видимо, постепенно инкорпорироваться в государственную структуру Боспора, ввиду своего временного подчинения из– за военных неудач, но степень этой подчиненности неумолимо росла вплоть до конца II в. н.э[29]. Тем не менее, скифы обитали в Крыму до конца II в. н.э., сохраняя свою этническую идентичность, будучи ближайшими соседями Боспорского царства[30].

Интерес представляет варварский контекст, в котором имя Παιρίσαλος довольно часто фиксируется. Имеются в виду варварские патронимы этого имени в боспорских эпитафиях, такие как Ταρουλᾶς (КБН 482, I в. н.э) и Σαβίων (КБН 509, I в. н.э.). Имя Ταρουλᾶς считается фракийским[31], но на Боспор оно могло попасть, скорее всего, из Вифинии, т.к. в самой Фракии не считалось туземным[32]. Нет сомнений во фракийском происхождении и патронима Σαβίων, ибо во Фракии встречаются похожие антропонимы[33].

Во II в. н.э. на Боспоре известен носитель имени Παιρίσαλος, который занимал должность переводчика, что само по себе с большой долей вероятности указывает на его варварское происхождение. К тому же сын этого Перисала носит также варварское имя Ῥευσίναλος. Имя последнего образовано от этникона ρευξιναλοι, который впервые встречается в качестве названия племени в декрете херсонесцев в честь Диофанта (IPE, I^2, 352), выступая здесь в качестве союзников скифов. В эпиграфике I–II вв. н.э. образование имен от названий племен, непосредственно соседствующих с Боспором, становится распространенным явлением, достаточно вспомнить имена Ἀλανικός (КБН 1142), Ζάιος (КБН 88), Ζαρμάτας (широко распространено на Боспоре) и т.п. Само имя Ῥευσίναλος, безусловно, иранское. Этникон, от которого оно образовалось, является метатезой от ρευκαλαμοι (иран. rauka («светлый») + alan) и в то же время параллельной скифской формой к наименованию ρωξολανοι (роксоланы)[34].

Варварский контекст, в котором имя Παιρίσαλος зафиксировано, а также скифское происхождение этого имени, позволяют предположить, что с I до н.э. на Боспоре среди варварского населения входит в употребление скифская форма царского имени Перисад, которое получает широкое распространение особенно в I–II вв. н.э.

К именам скифского происхождения (по аналогии с именем Παιρίσαλος) можно отнести также имя Τανύσαλος (КБН 708, II в. н.э.), которое считалось малоазийским, но с иранской этимологией[35]. По нашему же мнению, это скифская форма иранского имени Τανυσάδης, существование которого, правда, мы можем предположить лишь гипотетически.

Имя Ὀμψάλακος, получившее распространение в I–III вв. н.э. на Танаисе (КБН 454, 1260, 1262, 1264, 1282, 1285), в Пантикапее (КБН 61, 454, 478, 479), в Феодосии (КБН 454, 947) имеет также скифское происхождение. Исследователи, игнорировавшие наличие в скифских именах фонемы l на месте древнеиранской фонемы d в результате соответствующего перехода, не причисляли это имя к иранским[36], однако этимология этого имени древнеиранская, т.к. компоненты имени аналогичны лексическим основам авестийского языка: имя состоит из авестийской приставки ham[37], выполняющей функцию соответствия, общеиранского суффикса –ak и авестийской основы spada («войско»). Древнегреческая буква Ш в имени обозначает фонему *ps, которая образовывалась из-за неустойчивости первых двух согласных звуков авестийской основы spada. Имя

Ὀμψάλακος образовано по правилам именно скифской фонетики, так как первоначальная основа spada в результате упомянутого фонетического перехода присутствует в имени в виде скифской основы spala.

Что касается имени Ὀμψάλακος, то мы должны иметь в виду, что это имя имеется в надписях разных городов Северного Причерноморья. А это позволяет сделать вывод о принадлежности его к той этнической среде, которая имела определяющее воздействие в это время на все города Северного Причерноморья, а именно — скифской.

Итак, в данной статье мы привели в качестве примеров лишь несколько имен, опираясь при этом на один критерий в определении их скифской фонетики. Безусловно скифских имен I–III вв. н.э. на Боспоре намного больше, а факт их широкого распространения не вызывает сомнений. Использование же в будущем других критериев обнаружения скифских антропонимов на Боспоре, по нашему мнению, перспективно и не должно остаться без внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Vasmer M.* Untersuchungen uber die alteste Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig, 1923. S. 1–79.
2. *Згуста Л.* Личные имена в греческих городах Северного Причерноморья // Зарубежное востоковедение. Вып.1. Сообщение чехословацких ориенталистов. М., 1960. С. 87–107.
3. См.: *Mullenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Bd. III. Berlin, 1892. S. 112; *Vasmer M.* Untersuchungen uber die alteste Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig, 1923. S. 15; *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., Л., 1949. С. 161, 175; Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Т. 1. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 285, 298; *Humbach H.* Scythe-Sarmatica // Die Welt der Slaven. 1960. Jg. V, hf. 3–4. S. 322; *Оранский И. М.* Введение. Иранские языки в историческом освещении // Основы иранского языкознания. Т. 1. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 85, 120; *Szemerenyi O.* Four Old Iranian ethnic names: Scythian-Scudra-Sogdian-Saka. Wien, 1980. S. 22.
4. *Henning W. B.* The Bactrian inscription // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. V. 23. № 1. 1960. P. 54; *Morgenstierne G.* Notes on Bactrian phonology // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. V. 33. № 1. 1970. P. 125; *Стеблин-Каменский И. М.* Бактрийский язык// Основы иранского языкознания. Среднеперсидские языки. М., 1981. С. 339; *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986. С. 213.
5. *Грантовский Э. А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. С. 106–107.
6. О саках в древнеперсидских надписях: *Kent R. G.* Old Persian texts. IV. The lists of provinces // Journal of Near Eastern studies. V. 2. № 4.
7. См.: *Миллер В.* Язык осетин. М.; Л., 1962. С. 56–57.
8. *Грантовский Э. А.* Индо-иранские касты у скифов. М., 1960. С. 20, прим. 28; *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 89, прим. 15.
9. *Витчак К. Т.* Скифский язык: опыт описания // ВЯ. 1992. № 5. С. 52.
10. 1) скиф. Σκολοτοι (Геродот 4, 6), а также имя Укхлзт (Геродот 4, 78–80) от иран. *sku**d**a-ta (ср. Szemerenyi O. Four Old Iranian ethnic names: Scythian-Scudra-Sogdian-Saka. Wien, 1980. S. 17–23); 2). скиф. ma**l**uwyam «напиток на меду» (μελυγιου у Гесихия) от иран. ma**d**u (мед) + суф.-wya-; 3). скиф. mag**l**u «лебедь» (maglu у Гесихия) от иран. mag**d**u; 4). имя Κολαξαις от иран. *sku**d**a-ksay.
11. *Кулланда С. В.* Еще раз о скифском языке // Oriental et Classica. Труды Института восточных культур и античности. 2005. Вып. VI. Аспекты компаративистики. 1. С. 221.
12. Эта точка зрения получила широкое распространение ввиду того, что второй компонент имени — σαλος считается фракийским: *Tomaschek W.* Die alten Thraker // Sitzungsberichte der Osterreichischen. Wien. Bd. 2. 1894. S.18; *Vasmer M.* Unter suchungen uber die alteste Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig, 1923. S. 47; *Дечев Д.*

Характеристика на тракийский язык. София, 1952. С. 118; *Zgusta L*. Die personennamen griechisher stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praga, 1955. № 567; *Russu I. I*. Limba traco-dacilor. Bucuresti, 1959. S. 75; *Гиндин А. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 63.

13. *Williams Jackson A. V.* Avesta pairi-aetreus, nereus, streus // The American Journal of Philology. V. 10. № 3. 1889. P. 347.
14. *Justi F.* Iranische namenbuch. Leipzig, 1895; *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Gottingen, 1986. S. 215; *Detschew D.* Die thrakischen sprachreste. Wien, 1957.
15. *Тохтасьев С. Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 190, № 11; *Крыкин С. М*. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 80.
16. Примеры этого явления в различных языках: *Trask L.* Some issues in relative chronology // Time depth in historical linguistics. 2000. № 1.
17. См.: *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 40; *Сокольский Н. И*. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1976. Вып. 143. С.26.
18. *Сапрыкин С. Ю*. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 67.
19. *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 117; *Панов А. Р*. Рим и Боспор: противостояние или сотрудничество? Н. Новгород, 2003. С. 83.
20. *Масленников А. А*. Население Боспорского государства. М., 1990. С. 104.
21. Об этом скифском царе II в. упоминает Страбон (География. VII, 4, 3; 4, 7). Известна также надпись с упоминанием Скилура из Неаполя Скифского (IPE, I², 668) (о ней: *Соломоник Э. И.* Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Нумизматика и эпиграфика. 1962. № 3. С. 33; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России. СПб., 2002. С. 538–539), а также вотивная надпись его дочери из Пантикапея (см.: *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1). Монеты царя Скилура введены в научный оборот с начала XIX в. (см. *Стемпковский И. А*. О греческих древностях Боспора Киммерийского и Ольвии // Вестник Европы. 1823. Октябрь. № 19. С. 204).
22. Предположение Л. Згусты (*Zgusta L*. Die personennamen griechisher stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praga, 1955. № 575) о фракийской природе этого имени, скорее всего, является ошибочным.
23. *Виноградов Ю. Г*. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–86.
24. *Шульц П. Н*. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. С. 43.
25. Термин «боспоризация» в отношении культуры Неаполя Скифского предложил Д.С. Раевский (*Раевский Д. С.* К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. — II в. н.э.) // ВДИ. 1973. № 2. С. 14).
26. *Пуздровский А. Е.* О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 119–121.
27. *Раевский Д. С.* К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. — II в. н.э.) // ВДИ. 1973. № 2. С. 14.
28. *Яценко И. В.* Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 110.
29. О взаимоотношениях скифов с Боспорским царством в этот период: *Граков Б. Н.* Термин Укэибй и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 87–88; *Соломоник Э. И.* О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Ч. 1. С. 128; *Гайдукевич В. Ф.* Илурат // МИА. 1958. № 85. С. 144–145.

30. *Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 54.
31. *Tomaschek W.* Die alten Thraker // Sitzungsberichte der Osterreichischen. Wien. Bd. 2. 1894. S. 37; *Vasmer M.* Unter suchungen uber die alteste Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig, 1923. S. 53; *Zgusta L.* Die personennamen griechisher stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praga, 1955. № 577; *Russu I.* I. Limba traco-dacilor. Bucureşti, 1959. S. 79; *Георгиев В.* Траките и техният език. София, 1977. С. 41.
32. *Крыкин С. М.* Ук. соч. С. 111.
33. *Zgusta L.* Die personennamen griechisher stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praga, 1964. № 1349-1,-2.
34. *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 299.
35. *Крыкин С. М.* Ук. соч. С. 109. Иранская этимология усматривается в близости компонента tanu авестийскому tanu-id (см. *Абаев В. И.* Ук. соч. С. 305).
36. *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 2. С. 86–89; *Абаев В. И.* Ук. соч. С. 311–315.
37. Такая приставка есть у многих танаисских имен: Αμάραστος, Ὁμρασμακος и т.д.

E.V. Chetvertakov

TO THE QUESTION OF SCYTHIAN ORIGIN OF SOME BOSPORAN NAMES (1st–3rd CC. A.D.)

The paper is devoted to studying the problem of Scythian origin of some Bosporan names of 1st–3rd cc. A.D. The author indicates the phonetic differences between Scythian and Sarmatian languages and proposes the criteria for etymology of hypothetically Scythian names basing on phonetic transformation Iranian *d into Scythian *l. The author comes to conclusion that Bosporan names Παιρίσαλος, Σκίλουρος, Τανύσαλος, Ὁμψάλακος have a Scythian origin and explains the reasons of their wide spreading in the 1st–3rd cc. A.D.

© 2007 г.

В.Г. Зубарев, С. В. Ярцев

К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ ПРИАЗОВСКИХ ГЕРМАНЦЕВ В КРЫМУ*

Этническая история Крыма в позднеантичный и ранневизантийский периоды является одной из самых сложных и значимых проблем в историографии региона. Определенная скудость и противоречивость имеющихся в нашем распоряжении письменных источников делает особенно важными данные археологических изысканий в процессе исторической реконструкции. Широкомасштабные разведки и раскопки, проводимые в последние годы на Керченском полуострове (А.А. Масленников, А.Л. Ермолин, С. Л. Смекалов), в окрестностях Феодосии и Старого Крыма (А.В. Гаврилов) позволяют по-новому интерпретировать некоторые свидетельства античных и византийских авторов. В первую очередь, это касается так называемых морских варваров, с которыми мы связываем разгром некоторых прибрежных городов и первые факты проникновения германцев на территорию Крыма.[1]

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого РГНФ.

Процесс переселения варваров мог сопровождаться и переселением старого сельскохозяйственного населения в другие места для освобождения земли в стратегических, по своему местоположению, пограничных районах с целью поселения туда федератов. Это как нельзя лучше учитывало характерные особенности Приазовских варваров. Последние на этом этапе стремились получить землю и постоянное жалование из казны за военную службу. В противном случае, будет очень сложно объяснить появление на Керченском полуострове готов-тетракситов-трапезитов Прокопия, живших здесь, по его словам, с древнейших времен.

Представление о тетракситах, как о потомках Приазовских варваров, переселившихся в Крым, уже высказывалось в научной литературе.[2] По мнению исследователей, начало расселения некоторых отрядов Приазовских варваров [в опасных местах новых границ – около Феодосии и потом на горе Опук] Боспором относится к периоду боспоро-херсонесских войн.[3] Не возражая в целом в отношении локализации готов на пространстве между Феодосией и Узунларским валом, мы в то же время не разделяем уверенности сторонников этой точки зрения в реальности боспоро-херсонесских войн. На наш взгляд, в этом случае Херсонские хроники Константина Багрянородного следует рассматривать как некую реминисценцию миграционных процессов в Таврике.[4]

Прокопий Кесарийский сообщает нам в своей работе «Война с готами» о том, что «по ту сторону Меотийского болота и его впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу, и живут с древнейших времен так называемые готы-тетракситы…значительно в стороне от них осели готы-везеготы, вандалы и все остальные племена готов» (Procop. Bell. Got., VIII. 5. 5). То, что речь идет о Керченском полуострове, видно из предыдущего параграфа, из которого следует, что до перехода через Меотиду утигуры и кутригуры не имели «общения с людьми, которые обитали по ту сторону Болота и его устья» (Procop. Bell. Got., VIII. 5. 4). Далее, описывая возвращение гуннов-утигуров через Крымский полуостров и Керченский пролив, Прокопий пишет: «Недалеко от Меотийского Болота они (гунны-утигуры) встретили так называемых готов-тетракситов. И сначала готы, устроив преграду из своих щитов против наступающих на них готов (гуннов), решились отражать их нападение, полагаясь на свою силу и на крепость своих позиций; они ведь были самыми сильными из всех тамошних варваров. Кроме того, начало устья Меотийского Болота, где в то время обосновались готы-тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая их почти со всех сторон, и поэтому дает для наступающих против них один, и при этом не очень широкий путь» (Procop. Bell. Got., VIII. 5. 18–20). Битву решили мирные переговоры. После чего готы переселились вместе с утигурами на Тамань, став их союзниками, причем эти готы были христианами и даже присылали Юстиниану I четырех послов, прося дать им кого–либо в епископы (Procop. Bell. Got., VIII. 4. 9–13).

Вопрос о времени переселения морских варваров на Керченский полуостров достаточно сложен и вряд ли может быть решен однозначно. Из приведенного выше отрывка ясно, что готы обитали на полуострове до гуннского нашествия. Скорее всего их расселение напрямую связано с обеспечением безопасности античных центров Таврики, стремившихся по примеру Рима окружить себя лояльными федератами. Слабые следы бурных миграционных процессов на полуострове, отразившиеся в 53 главе труда Константина Багрянородного, показывают самое начало этих новых, во многом вызванных велением времени, явлений.

Еще большую сложность вызывает определение конкретных мест, куда переселялись морские варвары, одна из групп которых стала теперь боспорскими готами-тетракситами. Е.В.Веймарн и вслед за ним И.С.Пиоро, следуя точному указанию текста, помещали их на Северо-Восточной части Керченского полуострова.[5] А.А.Васильев, на основании гораздо чаще встречающего в текстах названия «готы-трапезиты», вместо «тетракситы», и наименования понтийского города Трапезунт, неясно локализованного у Иордана и Равеннского Анонима, предлагает версию о существовании еще одного, только Северо-Причерноморского города Трапезунт, с местонахождением на г. Чатырдаг — «Трапезус» Страбона.[6] Однако было высказано и мнение, что такое необычное

название боспорских готов, как трапезиты, образовано от греческого числительного «четыре».[7] Возможно, имелось в виду сокращенное слово «четвероногие», в смысле быстроты военных набегов.[8] Все это хорошо согласуется с нашей характеристикой Приазовских германцев, как морских пиратов — элуров Иордана,[9] в которых мы категорически отказываемся видеть западные племена герулов, как считают В.К.Голенко, В.Ю.Юрочкин, О.А.Синько, А.В.Джанов.[10]

Иордан явно сопоставляет элуров Аблавия с западными германскими племенами герулов, и такое отождествление уже давно вызывает сомнение.[11] Учитывая полиэтничность морских варваров, последние никак не могли идентифицировать себя с каким-нибудь одним, устоявшимся к этому времени варварским племенным именем. Вскоре у такого объединения должно было появиться свое новое наименование или даже несколько, что и нашло отражение в сообщении Иордана (Iord. Get., 117–118).

Решая проблему готов-трапезитов, оригинальную гипотезу выдвигает И.С.Пиоро. Он предлагает увидеть в имени трапезитов прозвище варваров, полученное ими за успешное нападение на Трапезунт. Кроме того, из-за многих присоединившихся к варварам местных жителей Трапезунта и захваченных там пленных, переселившихся на Боспор, название «трапезиты» могло означать «жителей Трапезунда» или «выходцев из Трапезунда».[12] Версия о переселении части пленных, захваченных варварами в Малой Азии, на территорию Боспорского царства была поддержана А.А.Маслениковым[13] и вполне разделяется нами.[14] А.Е.Катюшин, на основании упоминания в письменных источниках Гермонассы под названием Трапезунта (получается, что её и знал Иордан), предлагает версию о появлении имени готов-трапезитов только лишь с момента расселения их на Азиатском Боспоре.[15] А.А.Масленников предлагает видеть место локализации готов-тетракситов в районе Узунларского вала, где они и пытались задержать возвращающихся из Европы гуннов-утигуров.[16]

Эта версия в довольно осторожной форме поддержана М.Б. Щукиным, который, впрочем, считает, что противников готы встретили на Перекопском перешейке, а сама загадка «готов-тетракситов-трапезитов остается и останется, в конечном итоге, неразгаданной».[17]

В последнее время активно разрабатывается гипотеза о местонахождении главной военной базы германцев, состоявших на службе у боспорских правителей, на горе Опук. Узунларский вал при этом рассматривается в качестве западной границы Боспорского царства. Именно этот рубеж должны были прикрывать расселившиеся здесь Приазовские варвары, ставшие теперь федератами Боспора.[18] К сожалению, главный аргумент в пользу этой версии – камень с германскими рунами, найденный в районе Опука — оказался в конечном счёте подделкой. Это осложняет попытки делать какие-либо выводы о присутствии германских федератов в южной части Керченского полуострова. Иное дело северный участок вала. Накопленный к настоящему времени археологический материал и имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники позволяют достаточно уверенно рассматривать данный район в качестве возможного места дислокации федератов.

На севере имелся проход шириной 500–600 м. между берегом Казантипского залива и обрывом, где заканчивается Узунларский вал. Этот неукрепленный проход вполне мог быть оставлен для прохождения союзных племен или своих войск, и его возможно было оборонять малыми силами.[19] А.Л. Ермолин подметил также характерную особенность рельефа Керченского полуострова. Северные области последнего, являясь менее пересеченной местностью, более располагали к прохождению кочевничьих орд.[20] Отсюда становится очевидным, что именно северный участок Узунларского вала был наиболее важным звеном в оборонительной системе западных рубежей Боспора. Более того, линия обороны Узунларского вала Боспорского царства всегда особо была укреплена именно с флангов, как с юга, так и севера.[21] В связи с этим особый интерес вызывает Белинское городище (город Тафр ?), вместе с другими более мелкими укреплениями прикрывающее северный фланг Узунларского вала. По мнению А.Л. Ермолина, именно

здесь должны были расселиться готы-тетракситы,[22] хотя справедливей будет говорить о смешанном населении в таких пограничных районах.

К сожалению, данные археологии пока не дают убедительных доказательств такого вывода. Устойчивость и преемственность большинства форм и типов лепной посуды говорят о том, что состав жителей Белинского городища, несмотря на все перипетии истории, менялся мало.[23] Анализ керамического материала, полученный в результате раскопок Белинского городища, свидетельствует об отсутствии сколь-либо значительной инфильтрации новых этнических массивов в местную среду сельского населения. Хотя некоторые сомнения по поводу редких находок орнаментированных сосудов с лощеной поверхностью (т.н. черняховского типа?) остаются.[24] С одной стороны, это может свидетельствовать против готской гипотезы, но с другой — может подтверждать мнение о Приазовских германцах как о профессиональном мужском воинском объединении, имеющем, поначалу, весьма далекое отношение к занятию хозяйством и растерявшем к IV в. наиболее яркие черты своих былых материально-культурных отличий.

Северный участок Узунларского вала был чрезвычайно важным элементом в оборонительной системе Боспора, защищающей земледельческие районы со стороны степного Крыма. Тщательный анализ античной письменной традиции и локализация населенных пунктов в северо-западном, юго-западном и восточном Крыму позволили предположить, что район степного Крыма был известен античным авторам римского времени под названием местности «Тафрос».[25] Ее границы довольно четко определяются по сведениям Страбона, Плиния, Помпония Мелы и Птолемея. Страбону топоним «Тафрос» неизвестен. Он оперирует понятием «перешеек», однако сообщает о строительстве так называемой стены Асандра, отгородившей земледельческий район (Strabo. VII, 4, 6). Только после этого у античных авторов появляется топоним «Тафрос». Плиний и Помпоний Мела указывают на западную границу этой местности (Plin., NH, IV, 87; Mela, II, 4), Птолемей — на восточную (Ptol. III, 6, 5).

Определенным подтверждением наличия границы со степью служат остатки древних валов к западу от Узунларского перешейка, выявленные как с помощью аэрофотосъемки, так и с помощью археологических разведок.[26] Степень их изученности пока недостаточна для определения времени их функционирования, однако вполне можно предположить наличие единой системы, защищающей земледельческий район от степняков. В этом случае предложенная Ермолиным реконструкция одного из участков данной системы вполне уместна. Именно на северном участке западной границы Боспора находился проход из местности Тафрос на Тамань (или обратно), контроль над которым давал возможность регулировать вообще весь поток кочевых племен.[27]

До первой трети IV н.э. именно Белинское городище являлось ключевым звеном в этом районе. Однако и в дальнейшем, по крайней мере, до второй четверти V н.э., оно оставалось здесь едва ли не самым крупным поселением, хотя оборонительная стена, изначально его окружавшая, к этому времени уже не функционировала.

Дополнительным доводом в пользу расселения здесь готов-тетракситов служит конфигурация современного Казантипского залива, вполне отвечающего описанию Прокопия Кесарийского: «залив в виде полумесяца» (Procop. Bell. Got., VIII, 5, 4). Эта гипотеза, довольно активно поддерживаемая современными исследователями,[28] вызывает возражение лишь в контексте указания Прокопия на близость данного залива к началу устья Меотиды.[29] Однако автор «Войны с готами» был историком, а не географом. От него было трудно ожидать точности в стремлении показать читателям район побережья Меотиды, где обитали готы-тетракситы. Тем более, что в античной географической традиции этот район сильно искажался, например, у Страбона (помещения Гераклия вблизи Мирмекия) или у Птолемея.[30] Прокопий указывает на устье Меотийского Болота, как на наиболее известный здесь географический объект, в относительной близости от которого и жили готы.

При защите границ Боспорского государства, до возвращения гуннов, огромная роль отводилась фланговым участкам обороны Узунларского вала, где располагались сильно

укрепленные крепости. Они же, как уже говорилось, и защищали особые прибрежные земледельческие районы от враждебных степей.

Скорее всего, именно уход готов — главных защитников данного участка границы, делал проживание жителей Белинского городища с расположившимися по соседству гуннами крайне опасным. Их уход в любое безопасное место (не обязательно вместе с готами на Тамань) был неизбежен. Любопытна в этой связи версия, высказанная М.Б. Щукиным. Исследователь обратил внимание на имеющуюся у Прокопия хронологическую привязку: «В это время вандалы уже поднялись со своих мест и утвердились в Ливии, а визиготы поселились в Испании» (Procop. Bell. Got. VIII, 5). Эта привязка даёт возможность предположить, что разделение на «утигуров» и «кутригуров» произошло раньше, чем это принято считать, а именно в 434 г. н.э., когда умер единый правитель гуннской державы Руя,[31] что полностью согласуется с данными археологии по Белинскому городищу.

Второй район переселения Приазовских варваров связан с Херсонесом. Так же, как и в отношении готского присутствия на Боспоре, здесь нет единой точки зрения. Большинство специалистов считают предгорные ингумационные могильники памятниками, принадлежащими сарматам и аланам. Германцам они оставляют небольшую часть погребений, совершенных по обряду кремаций. Такой позиции придерживаются, например, И.С.Пиоро,[32] А.И.Айбабин,[33] И.Н.Храпунов.[34] Однако в этом случае получается, что на территории будущей Дори-Готии в VI веке по большей части проживали не германцы, а сарматы и аланы. Даже если допустить, что Прокопий аланов тоже причислял к готам,[35] другие источники настойчиво говорят о сохранении значительного германского населения в Крыму.

Как же тогда аланская культура смогла преобразиться в культуру готов? Ведь именно к этим древностям восходят могильники жителей горного Крыма V–IX вв. культуры Суук-Су.[36] Для решения проблемы предлагаются два пути. Во-первых, через миграцию северо-кавказских алан в Крым,[37] во-вторых, через возможное переселение в IV в. в центральный и юго-западный Крым Приазовских германцев.[38] Последняя гипотеза кажется нам более предпочтительной, учитывая то обстоятельство, что какие-либо источники, где упомянуты аланы в Крыму ранее XIII в., отсутствуют. Скорее можно согласиться с М.Б. Щукиным, что погребенные в Крымских могильниках были выходцами откуда-то из ираноязычного сарматского мира.[39] В.Ю.Юрочкин предлагает выделять археологическую группу «Озерное-Инкерман», особые склепы которой дают нам воинские погребения с яркими чертами германской и аланской материальных культур, что отчасти действительно может подтверждать информацию Херсонесских хроник Константина.[40]

Однако, по нашему мнению, в историческом процессе Северного Причерноморья и в Крыму недооценивается фактор христианства, причем уже на самом раннем этапе проникновения в варварскую среду (вместе с пленными христианами). Попутно отметим существование проблемы более позднего фиксирования христианского погребального обряда в Крыму, решение которой наметили В.М.Зубарь и С. Б.Сорочан.[41]

Изначально распространению христианских идей среди Приазовских германцев могло способствовать враждебное отношение к новой религии официального Рима — главного врага германцев. Тем более сознание морских варваров в это время было открыто новым духовным учениям, что явилось следствием разрыва с родовыми традициями в результате кровопролитных сражений. Возможному распространению христианских проповедей на соседние сармато-аланские племена (особенно среди свободных женщин) вполне могло способствовать то обстоятельство, что христианство возвышало очень низкий статус женщины и поэтому находило сильнейший отклик, в том числе и там, где сохранялись устойчивые культурные традиции в какой-то степени равноправных с мужчинами, независимых незамужних женщин. Возможно, в связи с этим, новая религия, не позволявшая сильно понизить статус сармато-аланских женщин при переходе их в германскую среду, в некотором роде способствовала развитию взаимоотношений между соседними народами.

Данному процессу содействовала и аланская традиция (как в Крыму, так и в Приазовье) захоронения в склепах по обряду трупоположения,[42] как того и требовала новая религия. Поэтому, вполне возможно, что какая-то часть Приазовских германцев перешла на данный обряд погребения еще в Приазовье. В дальнейшем именно эта группа, расселившаяся по договору с Херсонесом и Боспором в Крыму и разбавленная, в какой-то мере, сармато-аланским женским элементом, заняла господствующее положение в среде местных варваров.

Итак, прообразом Крымских склепов особой конструкции для варваров IV в. можно считать Нижнедонские, хотя все они, и тем более ранние, восходят, разумеется, к Кавказским аланским прототипам. Особо необходимо отметить, постепенный переход женского сармато-аланского костюма в германскую среду.[43] Пришедшие германцы Приазовья, расселившись на новых местах, среди живших здесь варваров, растворили в своей среде сармато-алан и попавших сюда ранее других германцев. Таким образом, причина прекращения функционирования Крымских могильников с кремацией ортодоксальных германцев напрямую связана с переселением и с последующим установлением своей гегемонии на новых местах варваров из Приазовья. Дальнейший ход исторического процесса способствовал консолидации осевших здесь варваров в единый готский массив земледельческого населения страны Дори, тяготевшего политически и экономически к империи.

Проблема локализации страны Дори имеет обширную историю и вряд ли может считаться решенной. Почти одновременно с Прокопием, понтийский «oppidum Dori» упоминается известным грамматиком кон. V — нач. VI в. Присцианом для иллюстрации правописания греческих названий на латинском языке.[44] Позднее «Дори» фигурирует в перечне древних городов «Босфоританской страны», составленном Равеннским Анонимом в конце VII в., причем Дори поставлено рядом с Херсоном. И.С.Пиоро отмечает, что у Иордана (Iord. Get. 32), который здесь является источником для Равеннского Анонима, в данном месте Дори нет, хотя тот же Аноним указывает на область готов (Getho Githorum), за которой упоминаются Сугдея, Фанагория и Меотидское озеро (!).[45]

Самый простой путь для решения проблемы локализации готской области в Таврике — это принятие того, что Дори получила свое название по наименованию ее политического центра.[46] Во всяком случае, название главной крепости Крымской Готии — Дорос, которая начинает упоминаться в византийских источниках с VII в., действительно перекликается с названием области Дори. Данный город, судя по ряду средневековых источников, безусловно, примыкал к Херсону.[47] О.И.Домбровский и Э.И.Соломоник предложили локализовать страну Дори на Южном берегу Крыма.[48] Однако стены на перевалах первой гряды Крымских гор, которые они, вслед за академиком П.И.Кеппеном, отождествили с византийскими сооружениями, оказались нетипичными для византийской военной архитектуры. Л.В.Фирсов, развеевший миф о южнобережной локализации страны Дори, обратил также внимание, что данные стены на главной гряде были созданы для предотвращения нападений с юга, с побережья.[49] В.А.Сидоренко, раскопав у подножия Мангупа мощную оборонительную стену, перегораживающую 150 метровую балку на подходах к Мангупу, предложил локализовать страну Дори в окрестностях Инкермана в долине реки Черной.[50] Вслед за В.Г.Васильевским, нередко страну Дори локализуют на Южном берегу, одновременно в горах от Чатыр-Дага до Мангупа и Эски-Кермена.[51] Однако узкая полоска Южного берега от Фороса до Гурзуфа действительно вряд ли подходит под описание страны Дори. Она не могла бы прокормить семьи трех тысяч воинов,[52] а ведь это порядка от 20–30 до 60 тысяч человек.[53]

Прокопий отмечает, что Юстиниан не строил здесь крепостей (Procop. Aed. III. VII. 16). Более того, надпись из Партенит 1427 г. говорит о архиепископе города Феодоро и всей Готии Иоанне, известном по «Житию Иоанна Готского» как епископ Готии, главным городом которой, по ряду источников, являлся Дорос.[54] Другими словами, город Феодоро, находившийся на Мангупе, суть раннесредневековый Дорос — религиозный и политический центр Готии.[55] Тем не менее, обращает на себя внимание то обстоятель-

ство, что Дорос появляется в источниках тогда, когда название собственно страны Дори уже исчезает из последних. Причем одновременно с Доросом, бесспорно расположенном на Мангупе, появляется и новое название страны готов — Готия, а позднее Климаты.[56] Это может означать, что страна Дори и Дорос с Готией, локализуемые в Юго-Западном Крыму, не одно и то же. А.И.Айбабин предлагает считать, что вначале (до конца V в.) возник оппидум Дори и только потом здесь строится крепость.[57]

В вопросе локализации страны Дори мы исходим из того, что это понятие гораздо шире, чем собственно конкретный пункт Дорос. При этом нет необходимости отрывать Дорос от «хоры Дори» Прокопия, как это пытались сделать некоторые исследователи.[58] Прокопий, возвеличивая Юстиниана в своем трактате «О постройках», рассказывал о конкретных действиях по возрождению императорской власти в Крыму. Восстановление обороноспособности городов и постройка «длинных стен» явились этапами единого плана империи по защите здесь своих владений. Скорее всего, этот план не предусматривал ничего нового, чего еще не было на территории Таврики. Другими словами, императорская власть просто восстанавливала старую оборонительную систему, состоящую, в первую очередь, из городов-крепостей (усиленных новыми форпостами), системы валов и укрепленных пунктов, защищающих земледельческие районы с оседлым союзным населением от враждебных степей. В этом случае «длинные стены» Прокопия — это полностью или частично восстановленная оборонительная система, защищающая земледельческие районы со стороны местности «Тафрос» в более раннее время. Тогда в широком смысле страна Дори — это земледельческие районы Крыма, где, с одной стороны, был восстановлен контроль империи, а с другой — установилась гегемония германцев-воинов над прочим сельским общинным населением.

В этой связи несомненный интерес представляет текст ранневизантийского трактата из собрания ГИМ, в котором упоминается епархия «Таврического Херсонеса с Кафой и Сюмболоном» как единая территориальная римская провинция, отдельная от епархий Боспора Киммерийского, Азиатской и Европейской Сарматий и Меотиды.[59] Несмотря на предпринятые попытки изменить датировку этого документа с IV века на более позднее время,[60] упоминание Херсонеса (Юго-Западного Крыма) в едином территориальном районе с Кафой говорит о многом. Мы считаем, что именно в этих границах нужно принимать в широком смысле страну Дори, описанную Прокопием. Тогда «длинные стены» Прокопия — это система укреплений из стен, валов и укрепленных пунктов, которая должна была начинаться от хоры Херсонеса и, отсекая предгорные районы Юго-Западного и Центрального Крыма, выходить через Старый Крым к Парпачскому хребту, надежно защищая земледельческие районы от степной страны Тафрос.

Такое широкое толкование страны Дори вполне соответствует описанию Прокопия Кесарийского. В то же время ряд его замечаний относительно непосредственного расселения готов позволяет несколько сузить район их компактного проживания. Во-первых, готы живут «на побережье» (Procop. Aed. III, VII, 13), во-вторых, «в этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любят они жить в полях» (Procop. Aed. III, VII, 16), в-третьих, «их местность легко доступна для нападения врагов» (Procop. Aed. III, VII, 17). Согласимся, что подобное описание не очень подходит к юго-западному Крыму и районам традиционной локализации страны Дори. Между тем, территория между Ак-Монайским перешейком и Узунларским валом к югу от Парпачского хребта вполне соответствует описанию. В этом случае «длинные стены» Юстиниана – это система валов, ограничивающих именно этот район, возможно, включая и так называемый «поперечный» вал на Парпачском хребте к западу от села Ячменное.[61] Предлагаемая локализация вполне согласуется с расселением готов-тетракситов. Часть Приазовских германцев осела к северу от Парпачского хребта и ушла вместе с гуннами, вторая часть осела к югу от него, оказавшись впоследствии под контролем Херсонеса. Широко расселяясь на рубеже поздней античности в Крыму, Приазовские германцы, в силу географического положения мест расселения, вполне могли образовывать локаль-

ные группы, одна из которых и стала объектом внимания византийского автора.

Таким образом, анализ античной и византийской письменной традиции в сочетании с данными археологии позволяет выделить, по крайней мере, три района компактного расселения Приазовских германцев: археологическая группа «Озерное — Инкерман»; готы-тетракситы-трапезиты в северной части Узунларского вала по побережью Казантипского залива; страна Дори к югу от Парпачского хребта, между Ак-Монайским перешейком и Узунларским озером.

Каждая из этих локальных групп имела свои особенности, однако общим для них был смешанный характер культуры, сочетавшей в себе как германские, так и сарматские (аланские) корни. Последнее обстоятельство объясняется формированием данных групп из полиэтнических по природе морских варваров Приазовья, главным занятием которых было военное дело, а также наличием в их среде сармато-аланских женщин.

Появившись на земле Крыма первоначально как враги, готы осели здесь в качестве федератов, обеспечивая защиту античных центров. Часть из них (готы-тетракситы) во второй четверти V в н.э. присоединилась к гуннам и покинула полуостров. Остальные, расселившись на новых местах и установив здесь свою гегемонию, дали начало процессу консолидации осевших здесь варваров в единый готский массив.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зубарев В.Г., Токарева И.Н., Ярцев С. В.* К вопросу о времени и характере появления готских морских дружин в Черноморском регионе // Гуманитарная наука в Центральном регионе России: Материалы VII региональной науч.практ.конф. Дополнительный том. Тула; 2005. С. 134–150.
2. *Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В.* Рунический камень с г.Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 89–90.
3. Там же. С. 87. *Юрочкин В.Ю.* Тайна «Тайн» // Древний мир. Киев; 2001. №2. С. 46.
4. *Зубарев В.Г.* К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V веков н.э. // Боспорские чтения. Керчь; 2005. Вып. VI. С. 126–127.
5. *Веймарн Е.В.* Одне з важливих питань ранньосередньовічноп історіп Криму // Середні віки на Украпні. Киев; 1971. Вып. 1. С. 64; *Пиоро И.С.* Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). Киев; 1990. С. 52–53.
6. *Васильев А.А.* Готы в Крыму: В 2 ч. Ч.1 // ИРАИМК, 1921. Вып. 1. С. 338–344.; *Пиоро И.С.* Ук. соч. С. 54.; *Катюшин А.Е.* Ещё раз об этнониме «трапезиты» // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 453–454.
7. *Катюшин А.Е.* Ук. соч. С. 453.
8. *Карташев А.В.* Собрание сочинений. В 2 т. Т.1. Очерки по истории Русской церкви. М.; 1993. С. 55, прим.2.
9. *Зубарев В.Г., Токарева И.Н., Ярцев С. В.* Ук. соч. С. 134–150.
10. *Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В.* Ук. соч. С. 80–84.
11. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.; 2001. С. 160, прим.156.
12. *Пиоро И.С.* Ук. соч. С. 55.
13. *Масленников А.А.* Сельский «теменос» в Восточном Крыму // ВДИ. 1997. №4. С. 46–47.
14. *Зубарев В.Г.* Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // ДБ.; 2003. Вып. 6. С. 142.
15. *Катюшин А.Е.* Ук. соч. С. 454–455.
16. *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.; 2003. С. 214.
17. *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.; 2005. С. 456.

18. *Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В.* Ук. соч. С. 89.
19. *Ермолин А.Л.* Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а также путь их движения через Керченский полуостров в 3-й четверти V в.н.э.) // БФ. 2005. С. 352.
20. Там же. С. 350.
21. *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.; 2005. С. 282.
22. *Ермолин А.Л.* Ук. соч. С. 353.
23. *Зубарев В.Г., Масленников А.А., Крайнева А.А.* Лепная керамика с городища у села Белинское как источник по этно-исторической характеристике местного населения // Боспорские чтения. Керчь; 2004. Вып. V. С. 160–161.
24. *Крайнева А.А.* Традиции инновации в лепной керамике Европейского Боспора в эпоху кризиса III в. н.э. (по материалам сельских поселений) // Боспорские чтения. Керчь; 2005. Вып. VI. С. 144–145.
25. *Зубарев В.Г.* Историческая география…С.235–238.
26. *Масленников А.А.* Древние земляные…С. 26–27.; *Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь; 2004. С. 41–50.; *Смекалов С. Л.* Древние антропогенные структуры Восточного Крыма (геоинформационный и историко-картографический аспекты). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тула; 2005. С. 17–18.
27. *Ермолин А.Л.* Ук. соч. С. 352.
28. *Масленников А.А.* Древние земляные…С.214.; *Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В.* Ук. соч. С. 89; *Ермолин А.Л.* Ук. соч. С. 350–352.
29. *Катюшин А.Е.* Ук. соч. С. 456.
30. *Зубарев В.Г.* Историческая география…С.67.
31. *Щукин М.Б.* Ук. соч. С. 453–454.
32. *Пиоро И.С.* Ук. соч.
33. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь; 1999.
34. *Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004.
35. *Хайрединова Э.А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V — первой пол. VI вв. // МАИЭТ. 2002. С. 85.
36. *Колтухов С. Г., Юрочкин В.Ю.* От Скифии к Готии. Симферополь; 2004. С. 178–179.
37. *Храпунов И.Н.* Ук. соч. С. 149.
38. *Юрочкин В.Ю.* Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // ХС. 1999. С. 265.
39. *Щукин М.Б.* Ук.соч. С. 423.
40. *Юрочкин В.Ю.* Черняховская керамика…С.265.
41. *Зубарь В.М., Сорочан С. Б.* У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: Эпоха и вера. Киев; 2005. С. 75.
42. *Храпунов И.Н.* Ук. соч. С. 149.
43. *Хайрединова Э.А.* Ук. соч. С. 53–118.
44. *Пиоро И.С.* Ук. соч. С. 62.; *Айбабин А.И.* Ук.соч. С. 119.
45. *Пиоро И.С.* Ук. соч. С. 63.
46. Там же. С. 62.
47. Там же. С. 62–65.
48. *Соломоник Э.И., Домбровский О.И.* О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев; 1968. С. 35–36.
49. *Фирсов Л.В.* О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Вып. 40. С. 112–113.
50. *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 114–117.
51. *Васильевский В.Г.* Труды. Т.II. Вып. 1. СПб.; 1909; *Айбабин А.И.* Ук. соч. С. 107.
52. *Айбабин А.И.* Ук. соч. С. 107.
53. *Фирсов Л.В.* Ук.соч. С. 109.
54. *Пиоро И.С.* Ук. соч. С. 65.
55. Там же. С. 66.

56. Там же. С. 62–65.
57. *Айбабин А.И.* Ук. соч. С. 119.
58. *Пиоро И.С.* Ук. соч. С. 65.
59. *Шангин М.А.* Новый географический текст // ВДИ. 1938. №4. С. 252–255.
60. *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 560, прим. 47.
61. *Масленников А.А.* Древние земляные…С.28.

V.G. Zubarev, S.V. Yartsev

TO THE QUESTION OF THE PRIAZOV GERMAN'S SETTLING IN CRIMEA

The article deals with the problems of the Crimea ethnical history in the late antique and early Byzantine periods. Using the analysis of the antique and Byzantine written sources and the archeological data the authors point out three areas of the isolated compact settling of the Priazov Germans. They are: the archeological group «Ozernoye–Inkerman»; Goths-tetraxits-trapezits who lived in the northern part of the Uzunlar rampart and along the shore of the Kazantip Gulf; Dory country situated to the south of the Parpach mountain range, between Ac-Monay Isthmus and Usunlar Lake.

Each of those local groups had its peculiarities. The common feature was the mixed culture: the combination of the German and Sarmato-Alanian traditions and customs. It is caused by the fact that those groups came from the Priazov polyethnical sea barbarians and the presence of the sarmato-alan women among them as well.

The Goths settling in Crimea was perfomed on the federal principles, which provided the defence to the antique centres. A part of them (Goths-tetraxits) joint Huns and left the Peninsula in the second quarter of the 5th c. A.D. The rest of them settled in new places and set their power in, having begun the process of consolidation of the settled barbarians into the single Goth population of the Crimea.

© 2007 г.

Д.В. Журавлев

СИРО-ПАЛЕСТИНСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ И ИХ ИМИТАЦИИ РИМСКОГО И ВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА ИЗ ХЕРСОНЕСА*

Несмотря на то, что Северное Причерноморье расположено на значительном расстоянии от Сирии и Палестины, торговые и культурные контакты между этими двумя регионами существовали на протяжении всей античной и средневековой эпохи[1].

Для позднеэллинистического и раннеримского времени мы должны отметить в первую очередь находки краснолаковой Восточной сигиллаты А, которая, по всей видимости, производилась в Антиохии-на-Оронте[2]. В результате последних исследований установлено ее присутствие и в большинстве городов Северного Причерноморья[3], и в Восточном Причерноморье[4]. Значительным количеством представлены стеклянные сосуды сиро-палестинского производства, причем от раннеклассического до византийского времени[5]. В ряде городов Северного Причерноморья, и в первую очередь, в Херсонесе, были найдены и осветительные приборы сиро-палестинского производства.

Специальному изучению сирийских светильников римского времени была посвящена статья В.И.Кадеева и С.Б.Сорочана, основные положения которой остаются в силе до сих пор[6]. За исключением указанной статьи, в отечественной историографии прослеживается некоторая путаница относительно этой группы осветительных приборов, поэтому неподготовленному читателю трудно понять, действительно ли импорт ламп из Сирии и Палестины имел место. Кроме того, в Северном Причерноморье обнаружен целый ряд светильников, по форме напоминающих сирийские, но изготовленных из местной глины, что говорит об их локальном производстве.

Римские светильники сирийского производства

Эта группа светильников на херсонесских материалах была выделена В.И.Кадеевым и С.Б.Сорочаном. К ней относятся круглые светильники, изготовленные из светло-желтой глины. Эти светильники могут иметь растительный декор на щитке (рис. 1), орнамент в виде ов (рис. 2, *3*) или быть вообще без изображения. Рожки этих светильников имеют различную форму, иногда оформлены волютами, ручка отсутствует. Интересный светильник (рис. 2, *2*), впервые изданный В.И.Кадеевым и С.Б.Сорочаном имеет интересно оформленный щиток, который «выполнен в виде пяти вложенных друг в друга пологих конусов»[7]. О.Вальдгауер относил такие светильники к египетской продукции[8], но наличие близких аналогий в Сирии и характер глины не оставляют сомнений в его сирийском происхождении.

Некоторые из этих светильников имеют клейма, например Θεοδωρ/ο/υ в три строки (рис. 1). Эти экземпляры необычайно близки светильникам из Антиохии[9]. Всего на территории Херсонеса найдено более 10 экземпляров светильников, относящихся к продукции мастерской Феодора. В.И. Кадеев и С.Б. Сорочан выделяют два варианта этих светильников. Один из них представлен экземплярами с округлым небольшим рожком, украшенным псевдоволютами и двумя врезными концентрическими кружочками. На щитке изображение венка из виноградной лозы с гроздьями из плодов. Различный диаметр этих светильников (6,6–7,5 см) позволяет говорить об использовании нескольких форм[10]. Второй вариант этих светильников представлен экземплярами с сердцевидным

* Статья подготовлена в рамках моего пребывания в Берлине в 2006 г. по стипендии Германского научно-исследовательского сообщества (DFG). Благодарю также Французский Институт на Ближнем Востоке (IFPO) и лично Ж.Ф.Саль, Д.Франже за возможность не только посетить Иорданию, но и изучить коллекции *de visu*. Моя благодарность также Л.Хршановски (Женева) за ряд советов. Доклад был прочитан в рамках круглого стола «Светильники Bilad esh Sham» (Амман-Петра, 2005). Считаю своим приятным долгом выразить благодарность сотрудникам фондов Национального заповедника «Херсонес Таврический» и в первую очередь Г.И.Жестковой за возможность работать в материалами в музее. Все рисунки к статье выполнены художниками А.Трифоновой и И.Гусаковой, фотографии – Д.В.Журавлевым.

Рис. 1. Сирийский светильник из мастерской Феодора. НЗ «Херсонес Таврический».

рожком, гладким щитком. Некоторые светильники украшены овами вокруг щитка (рис. 2, *3*), а некоторые светильники орнаментированы двумя венками между двумя ветками лавра.[11]

Эти светильники можно датировать в пределах III–IV вв.н.э. Хронология этих светильников, рассмотренная В.И.Кадеевым и С.Б.Сорочаном, основана на датировке погребальных комплексов[12]. Диаметр светильников колеблется между 6,6 и 7,5 см. Как уже отмечено выше, глина светло-желтая, или желто-коричневая, обычно с включениями слюды. Отдельные светильники имеют на своей поверхности следы бурого лака, на остальных он стерт.[13] Другие светильники, изготовленные из той же глины, не имеют штампов, но, судя по всему, также являются сирийским импортом и имеют очень близкие параллели на территории Ближнего Востока.[14] Обычно эти светильники имеют плоское дно и очень скромную орнаментацию, часто ограничивающуюся лишь овами вокруг отверстия для заливания масла[15].

Несколько херсонесских светильников IV в.н.э., которые можно отнести к Waagé Group VI,[16] декорированы рельефными листьями и гроздьями винограда (рис. 2, *1*). Ручка этих экземпляров изготовлена в одной форме со светильником. На плечах светильника орнамент в виде схематически изображенной лозы с гроздями винограда. Отверстие для наливания масла широкое и окружено рельефной бороздкой. В.И.Кадеев и С.Б.Сорочан считали, что это последние образцы сирийской позднеантичной продукции, поступавшие в Херсонес.[17]

«Рубчатые» светильники: понтийская имитация палестинского оригинала?

Несмотря на то, что эта группа светильников (рис. 3) хорошо изучена и многократно описана в литературе, среди исследователей до сих пор нет единого мнения на их происхождение. Эти светильники получили широкое распространение в городах Северного Причерноморья в III–IV вв.,[18] а в Херсонесе они найдены в очень большом количестве. Классификация «рубчатых» светильников была предложена С.Б.Сорочаном и до сего времени остается неизменной.[19] Согласно этой классификации, светильники типа I (так

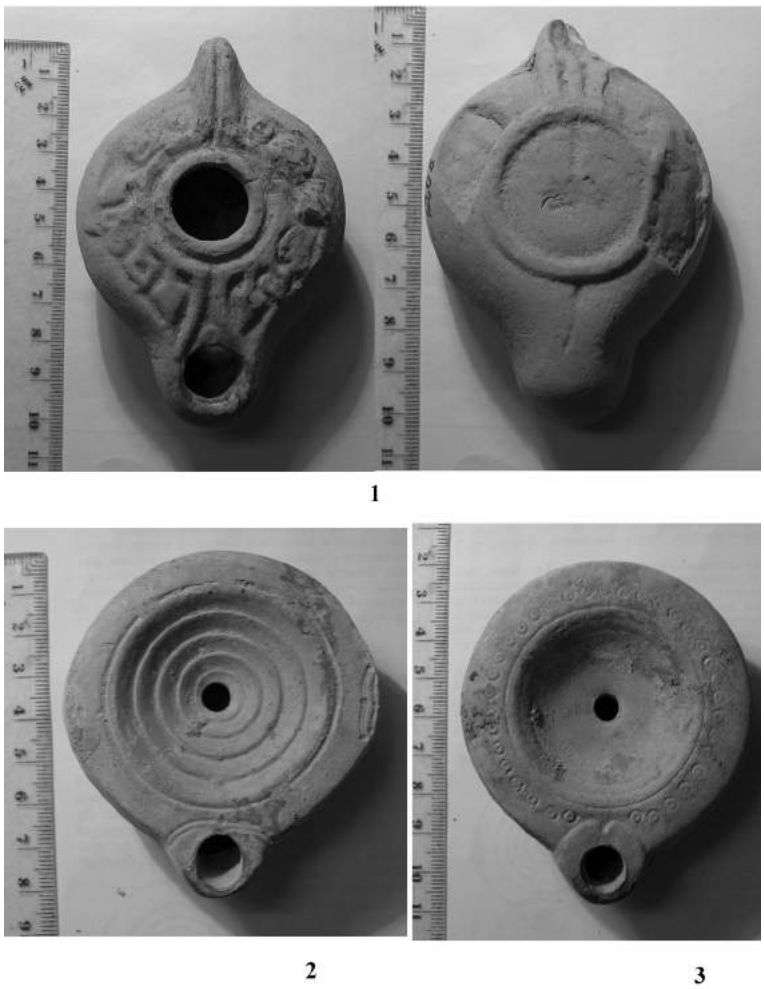


Рис. 2. Сирийские светильники. НЗ «Херсонес Таврический»

называемые «грушевидные») характеризуются округлым туловом и вытянутым рожком, тогда как светильники типа II (названные «круглыми» или «яйцевидными»), напротив, имеют вытянутое тулово и короткий рожок[20]. Широкое распространение этих светильников в Причерноморье позволяет с высокой вероятностью предполагать их понтийское производство.

Как известно, «рубчатые» светильники появляются во второй четверти III в.н.э., и продолжают пользоваться популярностью вплоть до конца IV в.н.э.[21] Эта группа светильников неоднородна: многие экземпляры сделаны из различной глины. Тем не менее, можно отметить, что большинство этих светильников изготовлены из светло-коричневой глины с включениями слюды, и покрыты красным или коричневым лаком. В качестве уникальных можно отметить два экземпляра из Танаиса — один из них имеет клеймо *planta pedis* на донце, а второй украшен рельефным крестом[22], который имеет параллели с некоторыми видами декора на ближневосточных лампах[23]. Несколько светильников из Херсонеса также украшены отпечатком креста[24].

Небольшая группа светильников украшена рельефными буквами ΧΡΥ на щитке, и COY на донышке (рис. 4*)*. Находки этих светильников за пределами Херсонеса пока не-

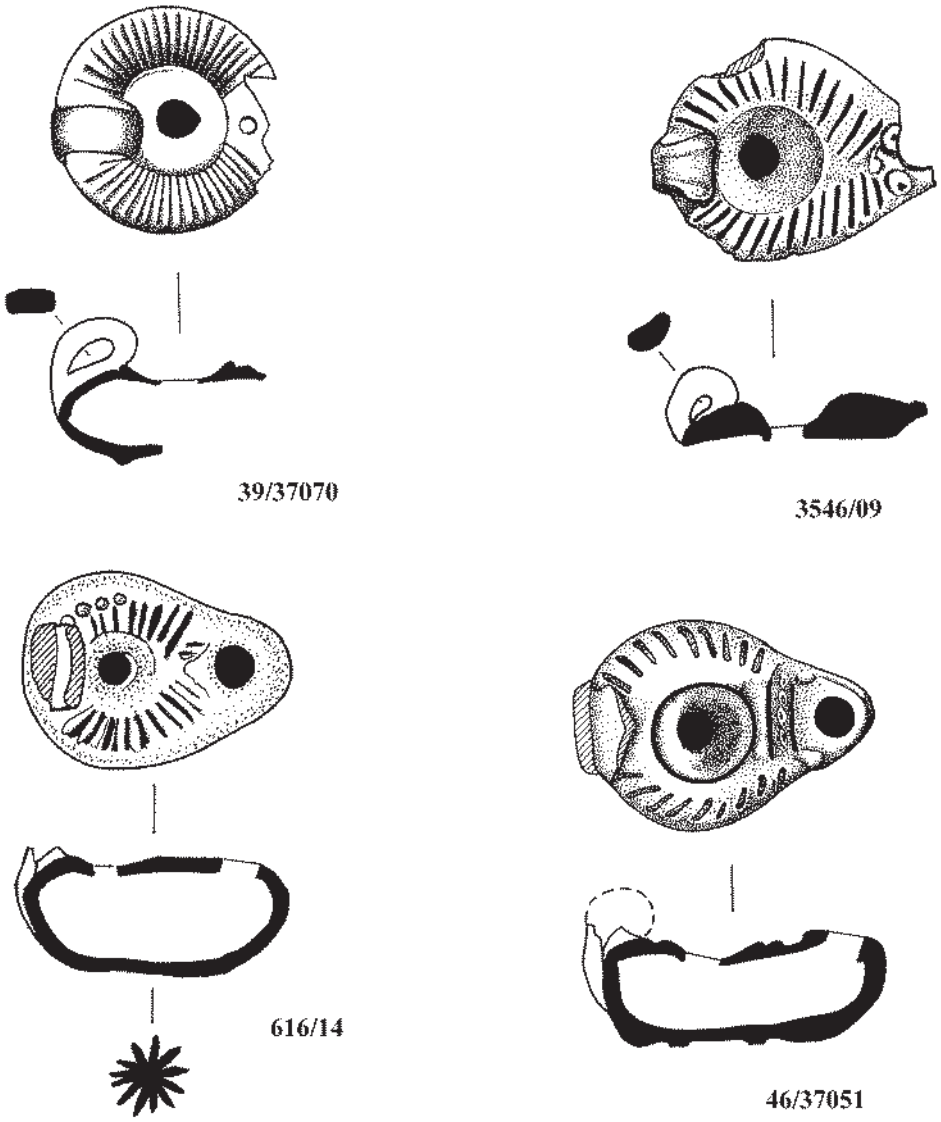


Рис. 3. «Рубчатые» светильники. НЗ «Херсонес Таврический»

известны, что может косвенно свидетельствовать в пользу их локального происхождения. Согласно теории А.Н.Щеглова, эти буквы обозначали имя мастера Χρυσοσ, т.е. «Золотой»[25].

С этой теорией не согласилась В.Н.Залесская, справедливо отметив, что имя мастера никогда не встречается на щитках светильников. Она предположила, что эти светильники очень близки палестинским экземплярам с греческой надписью Φῶς Χρ[ισο]ῦ φαίνει πᾶσι «свет Христа сияет для всех»[26]. В таком случае, по ее мнению, буквы CRU могут быть аббревиатурой этой фразы, а COY может быть сокращенным именем мастера[27].

На мой взгляд, палестинские светильниками не могли быть прототипами для «рубчатых» экземпляров. Во-первых, они не настолько уж и близки. Во-вторых, как мне кажется, что решение этого вопроса не в последнюю очередь зависит от хронологии. Все па-

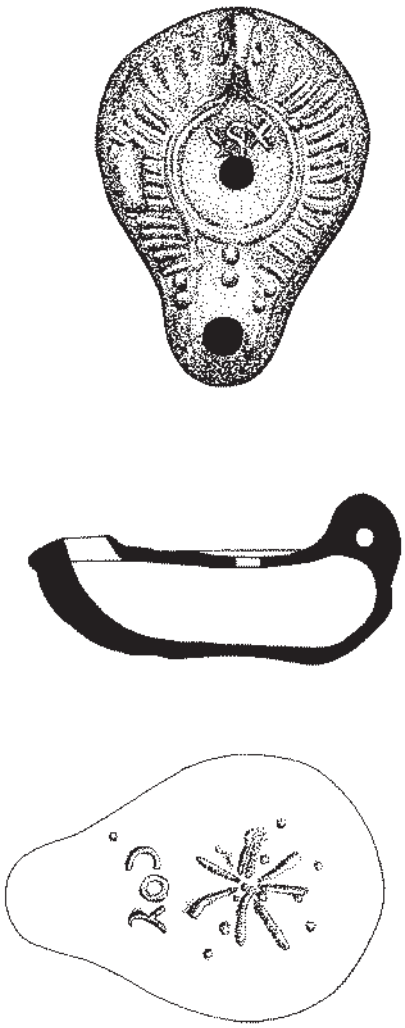


Рис. 4. «Рубчатый» светильник с рельефными буквами CRU COU. ГИМ.

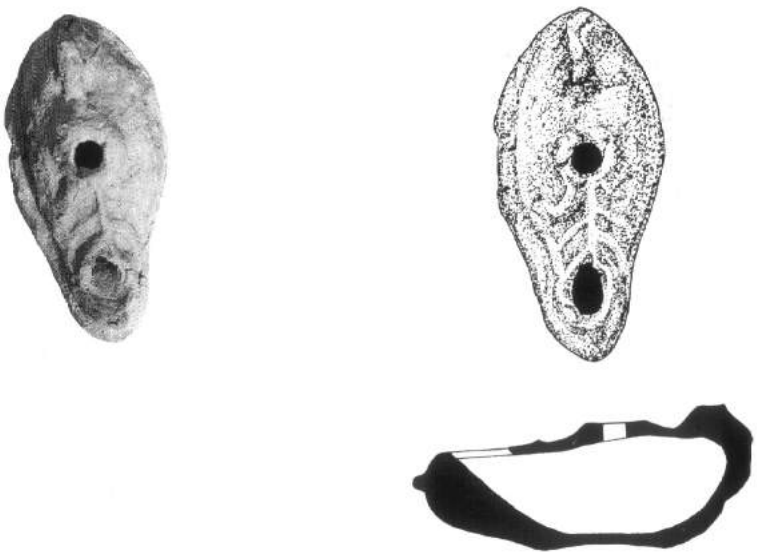


Рис. 5. Светильник с изображением пальмовой ветви или меноры. ГИМ.

лестинские светильники, которые сколько-нибудь похожи на херсонесские, датируются V–VI вв. н.э.,[28] а наибольшее распространение «рубчатых» ламп в Северном Причерноморье датируется III–IV вв.н.э. «Рубчатый» же орнамент известен на светильниках многих центров производства начиная с эллинистического времени. В-третьих, аббревиатура имени Христа как ХРУ не засвидетельствована в керамической эпиграфике этого периода. Таким образом, вопрос с рельефными буквами (клеймом?) ХРУ СОУ на светильниках по-прежнему остается открытым.

Иудейская символика на понтийских светильниках?

Начиная с IV в.н.э. на светильниках в Средиземноморье появляется изображение семисвечника-меноры[29]. Не исключено, что примитивные изображения «пальмовой ветви» на щитках некоторых херсонесских ламп также могут являться реминисценцией этого мотива. Возможно, они являлись копиями палестинских светильников, которые действительно близки херсонесским как по форме, так и иконографии изображений[30]. Так, например, в коллекции Государственного Исторического музея есть светильник овальной формы, украшенный рельефным изображением, напоминающим пальмовую ветвь или семисвечник (рис. 5). Нельзя исключить, что это стилизованное изображение меноры.[31] Некоторые светильники с близкой иконографией происходят из хорошо датированных погребальных комплексов, и могут быть отнесены к концу III — середине IV вв.[32]

Еще один мотив, известный на светильниках позднеантичного времени, также может быть предположительно связан с иудейской иконографией. Рядом авторов этот сюжет трактовался и как языческий, и как христианский[33]. Впрочем, интерпретация этого сюжета как изображения египетского магического знака жизни[34] основана на недоразумении, т.к. светильник рассматривался в положении «ручка к низу». Соответственно, изображение оказалось перевернутым на 180°. Сюжет изображения на щитке (рис. 6) представляет две колонны с опирающейся на них полукруглой аркой, а под ними — перевернутый треугольник, заполненный точками. Согласно мнению В.С.Залесской, здесь представлено стилизованное изображение купола усыпальницы святого мученика

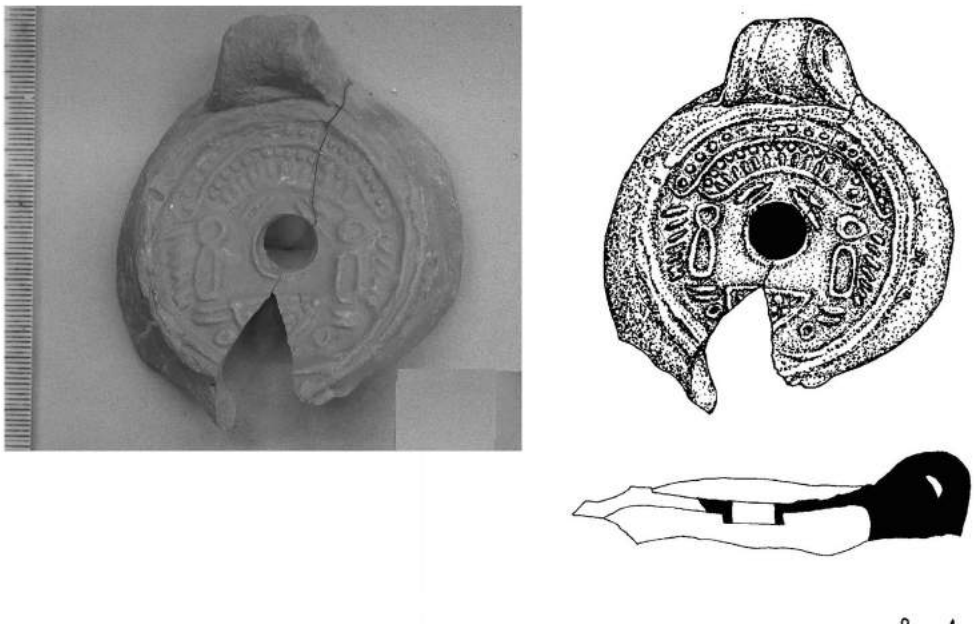


Рис. 6. Светильник с изображением арки. ГИМ.

(т.е. христианский мартирий) в сочетании с крещальней, что может символизировать второе рождение, получаемое неофитом через таинство Крещения[35].

Специальное исследование этой группы светильников из Херсонеса было предпринято Д.С.Коробковым.[36] Согласно мнению М.И.Золотарева и Д.С.Коробкова под аркой различается не алтарная часть храма, а особая ниша в его стене, куда традиционно помещались почитаемые святыни и реликвии[37]. В пользу этого свидетельствует изображение так называемой «раковины» («акротерия», «многолепестковой розетки») представляющее плоскостную версию полукупола (конхи), каким обычно завершалась подобная ниша (эдикула). Ниже конхи (но все еще внутри арочного проема) на некоторых светильниках этого типа можно видеть сетку из перекрещенных линий — таким способом передается изображение запертых дверей. Согласно мнению Э.Лапп, «hier die Türen des Thoraschreines gemeint sind, denn solche Gitter-Verschlüsse sind in diesem Kontext mehrfach belegt»[38] и, соответственно, вся конструкция может быть интерпретирована как символическое изображение синагоги, передаваемое через ее «святая святых» — скинию Завета.[39] В иудейском искусстве известно достаточно много близких изображений.[40]

Подобные светильники происходят также из Александрии[41] и Милета[42]. С.Скорпан, публикуя подобный светильник с территории Добруджи, также интерпретирует эту конструкцию как эдикулу[43]. Значительное количество аналогичных светильников происходит из раскопок в Сарачане (Стамбул), которые были опубликованы Дж.Хейсом. Он интерпретировал это изображение как «diadem head» с орнаментом в виде колонн по сторонам.[44] Подобные светильники были выделены им в специальный тип 8, и датированы согласно археологическому контексту второй половиной VI в. н.э. Два идентичных светильника хранятся в Британском музее. Д.Бейли датировал их VI в. н.э. и предположил их египетское происхождение.[45]

В некоторых случаях светильники с достоверно иудейской символикой могут помочь в локализации зданий, которые можно связывать с синагогами античного времени. Так, например, Дж.Лунд, базируясь на находках в Карфагене 12 светильников с изображением меноры, высказал предположение о возможной локализации на этом месте в IV–VI вв. н.э. синагоги.[46] Весьма вероятно, что светильники с иудейской символикой

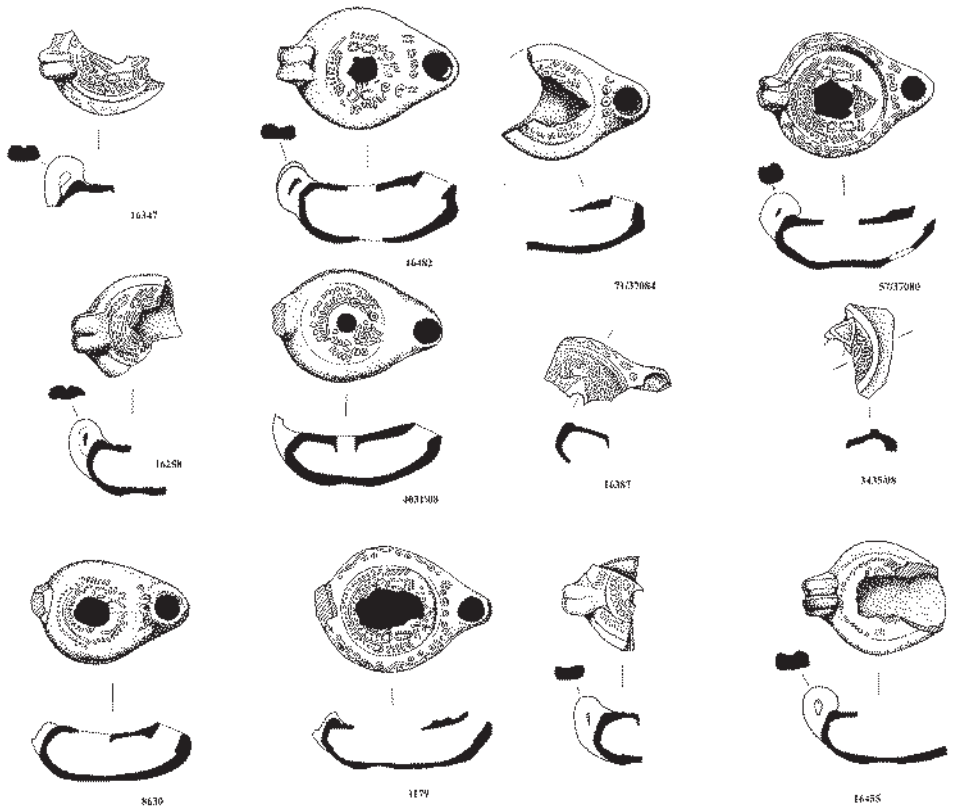


Рис. 7. Светильники с изображением арки. НЗ «Херсонес Таврический».

могли являться частью хозяйства храма, хотя вряд ли они использовались для освещения собственно синагог (эта роль принадлежала менорам). Скорее всего, они могли освещать различные вспомогательные здания (школы, больницы и т.п.).

В Херсонесе найдено довольно много подобных светильников, причем в разных местах городища (рис. 7). Часть из них может быть связана с комплексом Базилики 1935 г., где еще в середине XX в. были открыты остатки синагоги. Здесь были найдены иудейские надписи, а также часть мраморного рельефа с изображением меноры[47].

Разумеется, это лишь один из возможных вариантов реконструкции иконографии этих светильников. Было бы слишком смело на этом основании говорить о значительном распространении иудаизма в Херсонесе. Впрочем, их находка в районе исследованной археологически синагоги говорит об использовании этого мотива иудеями. Подобные же светильники, происходящие из других комплексов с территории городища, могли использоваться в равной степени как и иудейским, так и неиудейским населением города.

Учитывая значительное количество подобных светильников в Причерноморье, а также характеристики глины и лакового покрытия, можно предположить, что центром их производства мог выступить один из причерноморских городов.

Позднеримские светильники и их имитации

Один светильник из Херсонеса, обнаруженный К.К.Косцюшко-Валюжиничем и хра-

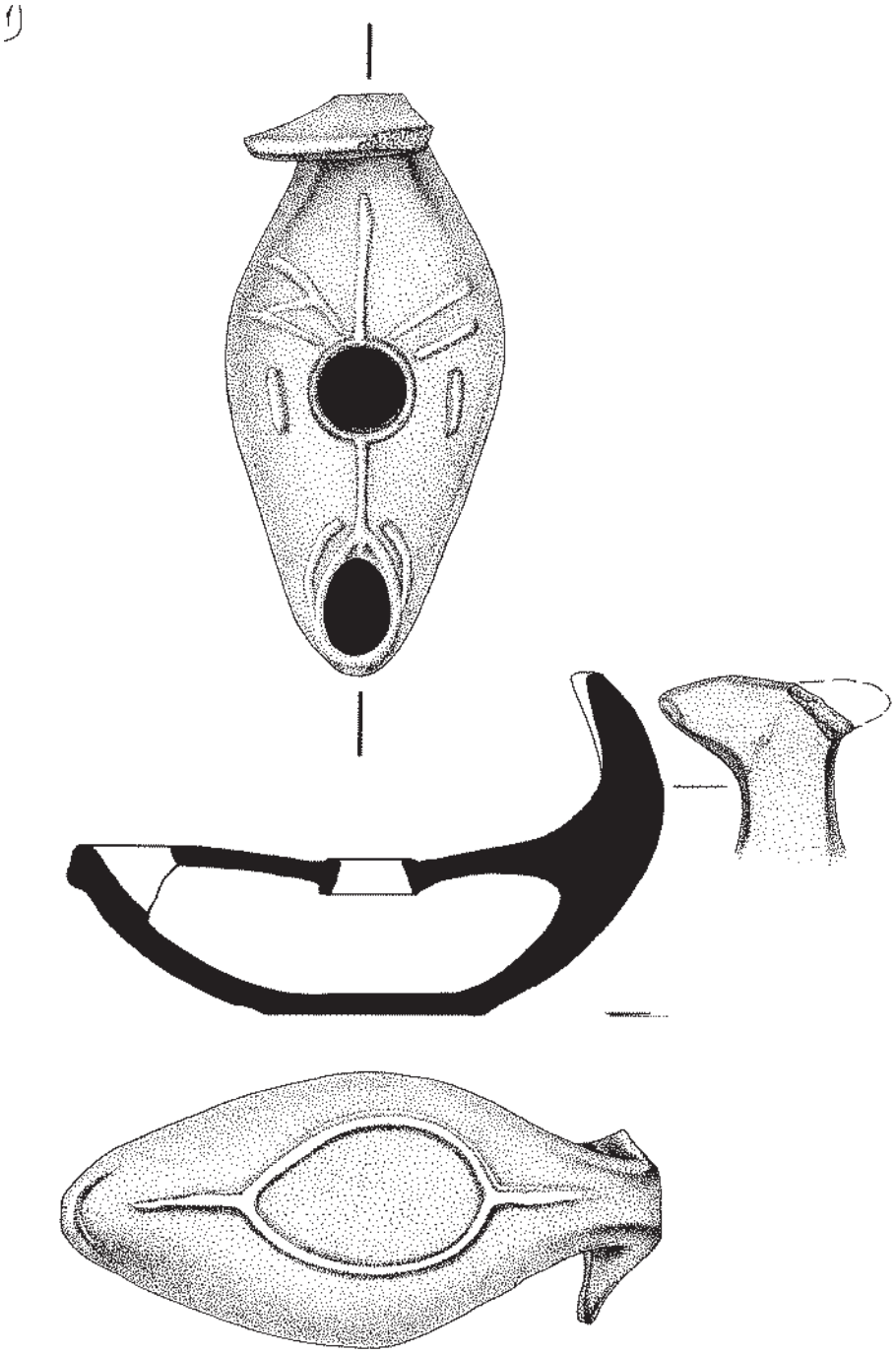


Рис. 8. Светильник джерашского (?) типа. ГИМ.

нящийся в ГИМ, уникален для Северного Причерноморья (рис. 8). Светильник имеет биконическую форму, отверстия для фитиля и налива масла украшены рельефными линиями. Ручка светильника вертикальная, высоко поднята, а ее окончание выполнено в форме рыбьего хвоста. Длина светильника 12 см., высота — 3, 1 (с ручкой — 6,9) см. Полные аналогии этому светильники мне неизвестны, но в качестве ближайшей параллели могут быть приведены светильники т.н. джерашского типа, известные повсеместно на территории Палестины[48]. Эти осветительные приборы были изготовлены в городе Джераш (в настоящее время территория Иордании) и датируются V-VI вв. н.э. Та же дата может быть предложена и для херсонесского светильника.

Наиболее интересной имитацией палестинских светильников позднеантичного времени могут быть овальные светильники с массивной ручкой, орнаментированные по плечам рельефными волнистыми линиями (рис. 9; 10, *5*). К.К.Косцюшко-Валюжинич писал о них: «13 лампочек, сверху и снизу украшенных полушариями, звездочками, рубчиками и треугольниками (иногда эти характерные украшения принимают вид каких-то загадочных письмен».[49]

Все эти светильники были оттиснуты в двух односторонних формах. В Херсонесе их было обнаружено несколько десятков, причем все они имеют отличия в деталях орнамента, и, следовательно, были изготовлены в разных формах[50]. Большинство этих светильников толстостенны, массивны и имеют очень низкое качество обжига. Глина, из которой они изготовлены, была очень плохо очищена от мелких камней и других примесей. Лак, или, скорее, ангоб, покрывающий эти светильники, как было отмечено В.М.Зубарем и С.Б.Сорочаном, «нисколько не скрывал дефекты черепка и скорее применялся по традиции, чем с какой-либо практической целью».[51] Согласно визуальным характеристикам глины эти светильники могут быть признаны местной продукцией. Мастерская, изготавливавшая эти светильники, работала в Херсонесе в конце III–IV вв. Большое количество подобных светильников было обнаружено в районе некрополя около Загородного храма, в могилах IV в.н.э. Важно отметить близость декора всех этих

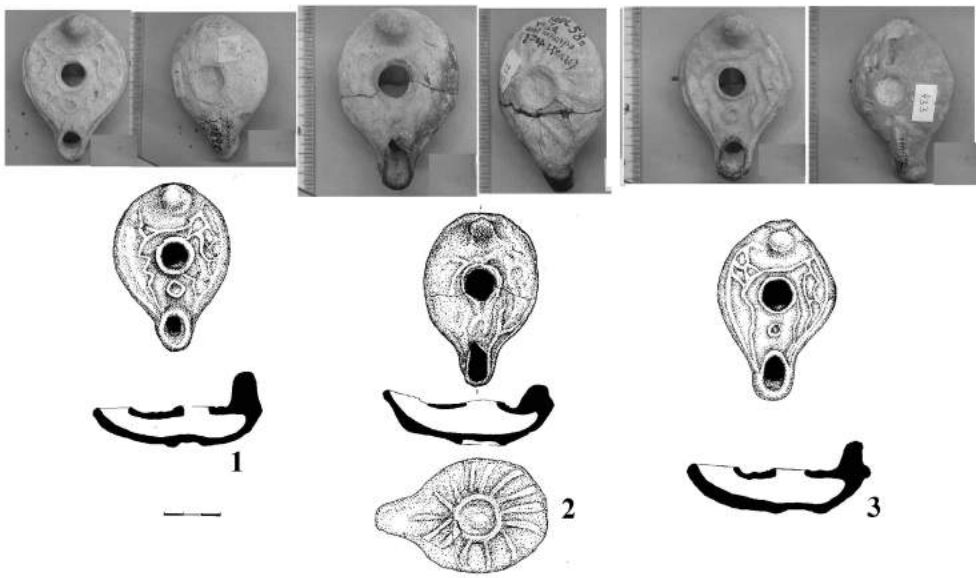


Рис. 9. Овальные светильники, орнаментированные рельефными волнистыми линиями. ГИМ.

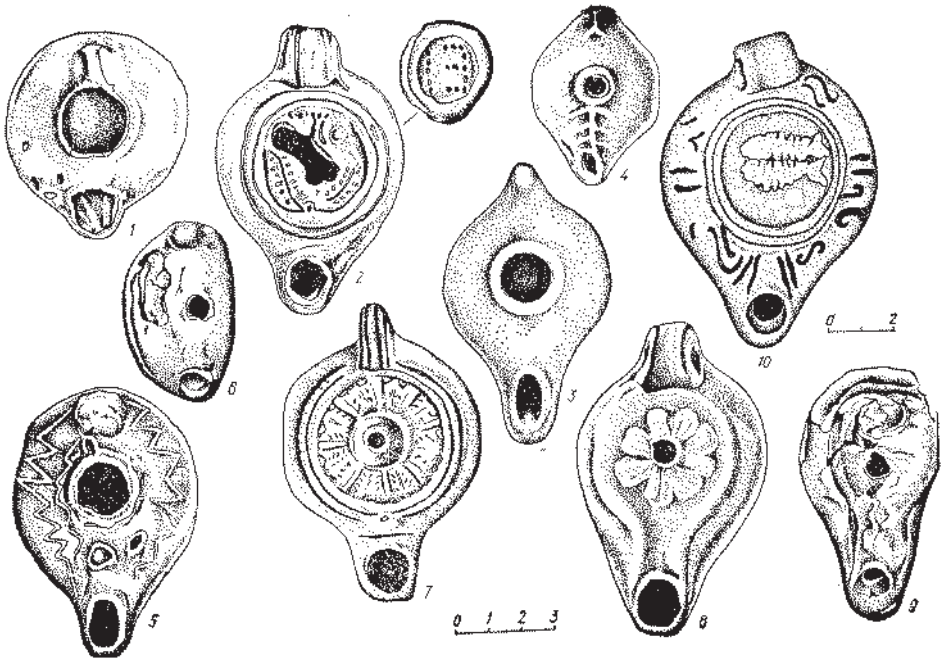


Рис. 10. Комплекс светильников из склепа № 1 (1982 г.). По В.М.Зубарю, С.Б.Сорочану.

светильников, что предполагает наличие для них одного прототипа. Мне представляется, что этим прототипом могли служить сиро-палестинские светильники римского времени[52]. Нельзя исключить, что этот декор имитировал надписи на плечах изготовленных в форме светильников, например, из Пальмиры[53]. Кроме того, известно несколько экземпляров с близкой орнаментацией, но все они были изготовлены в Сирии в VI в.н.э. и даже позднее.[54]

Не исключено, что широко распространенные в Херсонесе в III–IV вв.н.э. светильники овальной или яйцевидной формы местного (?) производства также восходят к палестинским прототипам. Херсонесские экземпляры отличает грубость изготовления, часто неправильная форма, небрежно проколотые отверстия для масла и фитиля[55].

Исламские светильники

Находок светильников исламского времени в Херсонесе, да и в Северном Причерноморье в целом, известно не так много. Сознательно опуская характеристику большой группы поливных осветительных приборов, которые заслуживают специального исследования[56], отмечу светильник из собрания ГИМ с геометрическим рельефным орнаментом (рис. 11). Ручка светильника оформлена в виде выступа. Этот светильник происходит не из регулярных раскопок, но имеет паспорт «Северное Причерноморье, вероятно, Херсонес». Некоторые из подобных светильников имеют арабские надписи, или же орнамент, этим надписям подражающий. Светильники близкого облика были очень популярны в период правления династии Омейядов в VII–VIII вв. н.э.[57]

В собрании Государственного Эрмитажа хранится светильник из собрания Е.Запорожского с паспортом «из греческих колоний на южном берегу Крыма», относящийся к VIII в. н.э. Этот палестинский светильник украшен орнаментом, подражающим арабскому письму[58].

Рис. 11. Светильник эпохи Омейядов. ГИМ.

Не исключено, что арабские светильники сиро-палестинского производства пока просто не выделены среди массового материала, и ожидают своего исследователя в музейных фондах,[59] ведь количество сирийского импорта как византийского, так и арабского периода в Херсоне достаточно велико[60], прослеживается и влияние сирийских прототипов на местное производство[61]. Впрочем, дороговизна оливкового масла после экспансии Арабского халифата на бывшие византийские владения привела к смене типов осветительных приборов и распространению восковых свечей[62]. Возможно, именно этим объясняется и малочисленность светильников исламского производства в Херсонесе. Для этого периода широкой популярностью пользуются свечники и многоярусные глиняные светильники-люстроны[63].

Подводя итоги, необходимо отметить достаточную редкость сиро-палестинских светильников как в Херсонесе, так и в Северном Причерноморье в целом. Помимо оригинальных ближневосточных ламп мы можем выделить группу осветительных приборов, возможно являвшихся имитациями сиро-палестинских импортных образцов. В настоящее время у нас нет никакой информации о находках сиро-палестинских светильников на территории Боспорского царства, а также из Северо-Западного Причерноморья, но не исключено, что этот импорт присутствует и здесь. Впечатляет тот факт, что наиболее близкие аналогии боспорским многорожковым светильникам из Пантикапея[64] и из святилища Береговой 4[65], происходят из Петры (Иордания) и датируются тем же I в. до н.э. Не исключено, что подобное сходство не является случайным.

Нет сомнений, что уже в недалеком будущем, после публикаций коллекций светильников из крупнейших музеев России и Украины, будет выявлено значительное большее количество экземпляров из Сирии, Палестины, Египта,[66] что позволит по-новому взглянуть на динамику торговых связей Северного Причерноморья с этим регионом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. — V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989. Рис. 24. С. 51, 65 и др.
2. *Hayes J.W.* Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale, Roma, 1985. P. 9-48.
3. *Zhuravlev D.* Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survay) // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 2002. Vol. 8. No 3-4. P. 243. Fig. 2.
4. *Matiashvili M.* The red-gloss pottery from Vani in Kolchis // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology. Colloquia Pontica. Leiden-Boston, 2004. P. 121-130.
5. *Сорокина Н.П.* Сирийский стеклянный сосуд из собрания ОГАМ // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 г. Одесса, 1965. С. 185-189. *Она же.* Антиохийский расписной сосуд из Танаиса // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 93-95; *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Ук. соч. С. 28-29. Рис. 14, 2-4, С. 37, 42, 46, 51, 65 и др.; *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. Симферополь, 2001. С. 161.
6. *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Египетские и сирийские светильники первых веков нашей эры из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. 1985. № 268. С. 98.
7. Там же. Рис. 2.
8. *Вальдгауер О.* Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб., 1914. С. 55. № 421.
9. *Waagé F.O.* Lamps // Antioch on-the-Orontes. III. The excavations of 1937–1939. Princeton, 1941. P. 65. Fig. 88, 5.
10. *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Египетские и сирийские светильники… С. 98. Рис. 3б.
11. Там же. С. 98-99
12. Там же. С. 99.
13. Определить место производства неклейменных светильников, имеющих к тому же минимальный декор, затруднительно без специальных археометрических исследований.
14. *Waagé F.O.* Lamps // Antioch on-the-Orontes. I. The excavations of 1932. Princeton, 1934. Pl. IX, 1459; *Waagé F.O.* Lamps, in Antioch on-the-Orontes. III. The excavations of 1937–1939. Type 44, No. 116; Type 46, No. 127; Type 48, No. 134; *Baur P.V.C.* The Lamps. The Excavations at Dura-Europos. Final Report IV. Part III. New Haven, 1947. Pl. VII, 293-294 etc.
15. См. специальное исследование подобных светильников: *Rosenthal-Heginbottom R.* Römische Bildlampen aus Östlichen Werkstätten. Studien zur spätantiken und früchristlichen Kunst. Wiesbaden, 1981; особенно Abb. IX. Ср. также: *Bailey D.* A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps. London, 1988. 280, Q 2303-2310.
16. *Waagé F.O.* Lamps // Antioch on-the-Orontes. I. The excavations of 1932, pp. 65-66, Pl. X, 814.
17. *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Египетские и сирийские светильники… С. 99.
18. См. например: *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // ДБ. 8. М., 2005. Рис. 16, 1-2.
19. *Сорочан С.Б.* Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія. 1982. №38. 43-50
20. *Сорочан С.Б.* Ук. соч. Рис. 1.
21. *Chrzanovski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum -Moscow. Studia archaeologica 96. Roma, 1998. P. 133-135.
22. *Арсеньева Т.М.* Светильники Танаиса. М., 1988. Табл. XXV, 2.
23. *Parker S.Th.* The Pottery // Parker S.Th. (Ed.). The Roman Frontier in Central Jordan. Interim Report on the Limes Arabicus Project, 1980-1985. Part II // BAR International Series 340 (II).

Oxford, 1987. P. 525. Fig. 123, 239; *Da Costa K.* Byzantine and Early Islamic Lamps: Typology and Distribution // *Villeneuve E., Watson P.M.* (Eds) La ceramiques Byzantine et proto-Islamique en Syrie-Jordanie (IVe — VIIIe siècles apr.J.-C.). Actes du colloque tenu a Amman les 3, 4, 5 décembre 1994. Beyrouth, 2001. Fig.2, *6.*

24. *Сорочан С.Б.* Ук. соч. С. 45, сноска 25.
25. *Щеглов А.Н.* Светильники с клеймом XPYCOY // Сообщения Херсонесского музея. II. Симферополь, 1961. С. 45-51; *Сорочан С.Б.* Ук. соч. С. 49.
26. *Залесская В.Н.* Два раннесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА. 1988. № 4. С. 236. См. также: *Она же*. Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке. Каталог выставки в ГЭ. СПб., 1998. С. 24-25. № 4; 6.
27. *Залесская В.Н.* Два раннесредневековых глиняных светильника… С. 236.
28. *Parker*. Op. cit. P. 525. Fig. 123, 232, 235, 236, 237; *Hadad S.* The Oil Lamps from the Hebrew University Excavations at Beth Shean. Jerusalem, 2002. Type 15. No. 49; Type 20. No. 225-230.
29. В основном они имеют северо-африканское происхождение, и датируются IV–VI вв.н.э. Находки подобных светильников в Херсонесе мне неизвестны.
30. *Modrzewska-Marciniak I.* Lampes d'Anab Safina (Syrie). L'étude typologique et chronologique // Archeologia (Warszawa), 1978. XXVIII. Pl. XLII, 1-2; *Kennedy C.* The development of the lamps in Palestine // Berytus, 1963. Vol. XIV (1961-1963). Pl. XXVI, 658, 659, 668, 679, 680 (декор).
31. *Chrzanovski L., Zhuravlev D.* Op. cit. P. 151; См. также: *Modrzewska-Marciniak I.* Op. cit. P. 24-27; *Hachlili R.* The Menorah, the Ancient Seven-armed Candelabrum. Origin, Form and Significance. Suppl. to the Journal for the Study of Judaism. Leiden-Boston-Köln, 2001. Pl. 58-59.
32. См. например: *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II–IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 119. Рис. 7, 4.
33. З*алесская В.Н.*. Два раннесредневековых глиняных светильника... С. 234.
34. *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М. 1978. С. 120; *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Египетские и сирийские светильники… С. 96.
35. *Залесская В.Н*. Два раннесредневековых глиняных светильника… С. 234; *Она же*. Христиане на Востоке. С. 27.
36. *Коробков Д.Ю.* Вновь об иудейских сюжетах античных светильников // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь–Cracow, 2001. С.149-157.
37. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю.* К пониманию сюжета нескольких позднеантичных светильников // Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект (тезисы докладов международной конференции). Севастополь, 1997. С. 34.
38. *Lapp E.* Zwei spätantike Jüdische Tonlampen aus Klein Asien // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1991. Jahr. 34. 158.
39. *Коробков Д.Ю.* Ук. соч. С.152-153; см. также: *Sassman V.* Sacral and Religious Life in the Holy Land in the Roman and Byzantine Periods as illustrated on Oil Lamps // Lichnological News. Geneva, 2003. P. 228 (с подробной библиографией).
40. *Hachlili R.* The Niche and the Ark in Ancient Synagogues // Bulletine of the American School of Oriental Research. 1976. No. 223. P. 43-53.
41. *Bernhard M.* Lampki starozytne. Warsawa, 1955. P. 187-188, rys. 56.
42. *Menzel H.* Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz, 1956. S. 99. Abb. 72, *3*.
43. *Scorpan C.* Descoperiri arheologice diverse de la Sacidava // Pontica. T. XI. Constanta, 1978. P. 159. Pl. III, *12.*
44. *Hayes J.W.* The Pottery // Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2, Princeton, 1992. P. 82.

45. *Bailey D.* Op. cit. Pl. 122. Q3309, Q3310. P. 415.
46. *Lund J.A.* Synagogue at Carthage? Menorah-Lamps from the Danish Excavation // Journal of Roman Archeology. 1995. N 8. P. 258–259.
47. *Оверман А., Макленнан Р., Золотарев М.И.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. 1997. № 1. С. 57-63.
48. *Kennedy*. Op. cit. 1963, 88-89, pl. XXVIII, 645, 758; *Guidoni G.* Le Lucerne del Museo di Bosra (Siria). I dal tardoantico all'islam // Felix Ravenna. 1990. 66-67, fig. 11-12; dated to 7th — first half of the 8th century; *Guidoni.* L'evolutione delle Lucerne siro-palestinesi. Fig. 6, *5*; Da Costa. Op. cit. Fig. 4, *2*; *Hadad*. Op. cit. P. 68-71. Type 29. No. 299-312.
49. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. Вып. 20. СПб., 1906. С. 29.
50. *Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. Рис. 5, в левом нижнем углу. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II–IV вв.н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. Рис. 7, *5*.
51. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Ук. соч. С. 119.
52. *Waagé O.F.* Lamps // Antioch on-the-Orontes. I. The excavations of 1932. Pl. XI, *251*; *Baur*. Op. cit. Pl. XIII, *408*.
53. *Saito*. Artifacts unearthed from Tombs C and A // Tombs A and C Southeast Necropolis Palmyra Syria. Surveyed in 1990–92. Nara, 1994. Group A, fig. 68, 1-9. Близкие по форме светильники я неоднократно видел в музеях Дамаска, Апамеи и Пальмиры.
54. См. например: *Waagé.* Lamps, in Antioch on-the-Orontes. III. The excavations of 1937–1939. Type 56. No. 175-176; *Guidoni G.* L'evolutione delle Lucerne siro-palestinesi dal tardoantico all'islam // Ravenna, Constantinopoli, Vicino Oriente. XLI Corso di cultura sull'arte Ravennate. Ravenna, 12-16 settembre 1994. 1995. Fig. 6, *6*.
55. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Ук. соч. С. 119. Рис. 7, *6*; *Chrzanovski L., Zhuravlev D.* Op. cit. P.150, No. 90.
56. См. например: *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Керамические подсвечники и светильники XV–XVIII веков из Каффы // Херсонесский сборник. Вып. IX. Севастополь. С. 195-208.
57. *Hadad*. Op. cit. P. 82-90, Type 36.
58. *Залесская В.Н.* Христиане на Востоке. С. 28, № 12.
59. Так, например, из далекого Гнездова в Смоленской области происходит иранский бронзовый светильник IX–X вв., украшенный бирюзой: Путь из варяг в греки и из грек… Каталог выставки ГИМ. М. 1996. С. 33, 58. Кат. № 346.
60. *Голофаст Л.А.* Ук. соч. 161; *Коваль В.Ю.* Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Симферополь, 2005. С. 217, 218, 220; *Залесская В.С.* Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией // Восточное Средиземноморье и Кавказ. Л., 1988. Сирийские кресты-энколпионы получили широкое распространение не только в Херсоне, но и в Древней Руси. См. например: *Асташова Н.И., Сарачева Т.Г.* Коллекция сирийских энколпионов в археологическом собрании ГИМ // Sacrum et Profanum. II. Севастополь-Краков, 2007. С. 19-26.
61. См. например: *Протасов Н.Д.* Сирийские реминисценции в памятниках художественной промышленности Херсонеса // РАНИОН. Труды секции археологии. 1928. Вып. II.
62. *Сорочан С.Б.* Светильник и свеча в ранней Византии, или две эпохи осветительных приборов // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999. С. 107-108; См. также: *Sorochan S.* Light for life and death in early Byzantine Empire // Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman World // BAR International Series 1019. P. 111-119.
63. *Sorochan S.B.* Op. cit. Fig. 1; *Chrzanovski L., Zhuravlev D.* Op. cit. P. 177, No. 111 (с библиографией). В дальнейшем такие люстроны становятся прототипами некоторых типов древнерусских светильников: *Сергеева М.С.* Керамічні світильники Киева // Археологія. 1995. № 3. С. 123-130.

64. *Журавлев Д.В.* Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // ДБ. 4. М., 2001. С. 131-149; *Он же*. О керамическом производстве Боспора в позднеэллинистическое время // Antiqvitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. 2005. № 1. С. 243-245; *Zhuravlev D., Zhuravleva N.* Bosporan late Hellenistic multi-nozzled lamps: a preliminary report // Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman world // BAR Int. Ser. 1019. Oxford, 2002. P. 1-12.
65. *Журавлев Д.В., Завойкин А.А.* Светильники из святилища элевсинских богинь «Береговой 4» // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Т. I. СПб., 2004. С. 191-199; *Они же*. Светильники из святилища Береговой 4 // ДБ. 11. (в печати; *Они же*. Свет и светильники в элевсинских таинствах (по материалам святилища «Береговой 4») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. VIII Боспорские чтения. Керчь, 2007. С. 106-113; *Zavoikin A., Zhuravlev D.* Lamps from the sanctuary of Eleusin goddesses in Kimmerian Bosporus // Lychnological Acts 1. Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon-Geneva, 29.IX — 4.X.2003). Montagnac (Monographies Instrumentum. Vol. 30), 2005. P. 309-312.
66. Недавняя публикация ампулы св. Мина — сосуда пилигрима для святой воды, найденной еще в 1898 г. К.К.Косцюшко-Валюжиничем, служит тому косвенным подтверждением (*Яшаева Т.Ю.* Ампула св.Мины и карта херсонесских пилигримов // Sacrum et Profanum. I. Севастополь, 2005. С. 203, рис. 5). Подобная же ампула известна и из Керчи (*Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Керамика и изделия из глины // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в ГИМ. М., 2002. С. 36, № 72). Публикация этих находок проливает свет на новые аспекты религиозной жизни, в частности, паломничество херсонеситов.

D. Zhuravlev

SYRO-PALESTINIAN CLAY LAMPS AND THEIR IMITATIONS OF ROMAN AND BYZANTINE PERIODS FROM CHERSONESOS

Among the huge number of different types of lamps there were also found a few lamps of Syrian or Palestinian origin. An interesting group of round examples without handle could be named. Some of them stamped Θεοδωρ/ο/υ in 3 lines, and are very similar to ones from Antiochia. There more than 10 similar examples in the city, and they could be dated to 3rd — and 4th century. A few lamps of Waagé Group VI decorated by relief leaves and bunches of grapes were also found in Chersonesos.

There is very interesting group of local lamps, so-called Rubèatye (or Sunburst) lamps. Some scholars proposed the Palestinian influence on it's design. It is one of the most popular types of Pontic lamps in the 3rd — 4th centuries A.D. There is a small group of the same shape among them, having relief letters XPY on the discus, and COY on the bottom. These lamps were spread only in Chersonesos, where they probably were produced. V. Zalesskaja proposed that lamps with this inscription are very closed to Palestinian one with the Greek inscription Φῶς Χρ[ισο]ῦ φαίνει πᾶσι "light of Christ shines for all". But the situation is more complicated and Palestinian lamps never were the prototype for Sunburst ones. First of all the parallels with the oriental lamps are not so closed, as Zalesskaja said. There is another very important moment, which links in the field of chronology. All the Palestinian lamps, which are similar to Chersonesos' Rubиatye lamps, dated to the 5th and 6th century and not earlier. That is why a question about the stamp XPY COY is still open for discussion.

Since the 4th century A.D. clay lamps with relief image of seven or nine branched menorah appeared in ancient cities. Primitive images of "palm branch" on some lamps from Chersonesos might have been reminiscence of this motif. A possible hypothesis would be to see this lamp as a copy of some Palestinian lamps, which shape and decoration are very similar.

Besides images of menorah there is another expressive motif on clay lamps of the 4th –5th century AD that probably can be related with Jewish iconograph. Relief composition decorating the discus of these large enough lamps consists of two columns, standing on them semicircular arch and overturned triangle filled up with relief points. A group of lamps with similar decoration from Chersonesos was preliminary studied by D. Korobkov. According to his point of view we may see under the arch not an altar but a special niche in its wall where revered relics were traditionally situated. This supposition was affirmed by the image of the so-called "shell" ("acroterium" or "rosette"), which can be considered as a plane version of semi-cupola (*conch)* situated over the niche (*aedicule*). The whole construction may be interpreted as a symbolic image of a synagogue with its most holy place — the tabernacle of the Testament. There are many similar images in Jewish art. This is obviously just one of the possible interpretations of iconography of these lamps, but the fact that some of this lamps were found in the area of a synagogue testifies to Jewish symbolic.

Among the lamps, which should be connected with Palestinian ones, I can present a group of oval-shape lamps with massive handle, ornamented with relief curved lines. Dozens of them are found in Chersonesos, they are made in several moulds and have some differences in details. These lamps have low quality of firing, are rough and massive. This workshop must have been working in Chersonesos in the late 3rd and 4th century AD. I have to note a similarity of decorations of all these lamps, which can probably prove the existence of one prototype. It seems to me, that this type being undoubtedly the local one was based on Syrian and Palestine lamps of Roman time. Probably this decoration imitated moulded inscriptions, known, for example, in Palmira.

One lamp from Chersonesos, stored in the State Historical Museum is unique for the Northern Pontic area. It is original biconical lamp with lines in relief on the shoulder and 'fish-tiled' vertical handle. It has no real parallels, but there are some lamps among Jerash-type, which could be interpreted as a far parallel for our lamp. They are dated to 5th and 6th century.

Lamps of Islamic period were not widespread in the Black Sea coast. Among the rare finds there is a nice slipper lamp with geometric relief ornaments and small raised cone-handle. It does not come from the regular excavations, but according to documentation it was exactly found in the Northern Pontic area, probably in Chersonesos. This type of lamps developed in the Umayyad period in the 7th and 8th centuries AD.

Going to conclusions it is possible to note the rarity of Syro- Palestinian lamps in the Black Sea region. It is not a total absence, but all the finds are very rare or even unique. Nevertheless we can speak about the existence of some derivates of Near Eastern lamps spread in the Northern Pontic area in the Roman and Late Roman period. Unfortunately for the moment we have no evidence about the finds of oriental lamps in the other Northern Pontic sites, like Pantikapaion and Olbia. In the future hopefully we will determine much more imports and similarities between Black Sea and Near Eastern lamps.

КАВКАЗ

© 2007 г.

Ю.В. Горлов

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ*

В условиях развития современной экологической обстановки на планете палеоэкологические проблемы в последнее время вновь становятся актуальными и привлекают к себе внимание специалистов. Несмотря на существенный прогресс в области изучения эволюции палеоэкологической ситуации на берегах Боспора Киммерийского, многие вопросы остаются неразрешенными. Это касается как реконструкции положения древней береговой линии на отдельных участках побережья, эволюции ландшафтно-климатических условий, так и идентификации палеотопонимов с известными археологическими памятниками и локализации палеогидронимов.

Необходимость палеоэкологических исследований не вызывает сомнений, тем не менее, следует признать, что существующие варианты палеореконструкции побережья Керченского пролива в эпоху позднего голоцена и социально-экономической адаптации древнегреческих переселенцев, в частности, остаются пока еще недостаточно разработанными. Нельзя сказать, что это направление не является предметом исследований, однако внимание, как правило, привлекают географическое местоположение колонии, естественные ресурсы окружающей территории и т.п. В большинстве случаев экстраполируется современная географическая ситуация с некоторыми очевидными изменениями, вызванными известными колебаниями относительного уровня моря, береговой абразией и т.д. Принимаются во внимание и изменения ландшафтно-климатических условий, но полученные результаты часто противоречат друг другу. Эта ситуация отражает как неполноценность имеющейся информации, так и разнообразие природной обстановки в отдельных районах, которое определялось сложным взаимодействием многих факторов: особенностями воздушных потоков, рельефа, морского побережья, тектоники и т.д.

Кроме того, присутствует еще одна сторона проблемы. Наряду с эпической традицией о Боспоре Киммерийском, сохраненной античной письменной традицией, в отечественной историографии существуют «палеогеографические мифы». Несмотря на полученные в последние годы геохронологические, малакофаунистические и археологические материалы, среди наших коллег продолжают господствовать идеи о существовании в античную эпоху на месте современного Таманского полуострова архипелага дельто-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Палеоэкологические аспекты в этнокультурогенезе и палеоэкономике Боспора Киммерийского в VI–IV тыс. до — I Президиума тыс. н.э.» в программы фундаментальных исследований РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

вых островов и многочисленных палеопроток Кубани, а также об исключительном плодородии почв региона.

Особый интерес продолжает вызывать «фанагорийская» регрессия. Причина подобного положения заключается в отсутствии достаточного количества полноценных источников. Оставляет желать лучшего сохранность древних береговых линий этого периода, которые оказались размытыми во время последней трансгрессии или захороненными под толщей более молодых прибрежно-морских отложений. Небольшие остатки этой эпохи сохранились в условиях относительно закрытых заливов и лиманов. Сложившееся положение привело к использованию различных косвенных, преимущественно, литологических индикаторов положения уровня моря, однако они допускают значительные погрешности. В этой ситуации особая роль отводится археологическим источникам.

Следы затопления прослеживаются на многих античных городищах Причерноморья. По оценкам специалистов, под водой оказались значительные части, не менее трети их площади. Глубина их погружения составляет 4–6 м.[1] При оценке амплитуды регрессии, исходя из имеющихся данных, необходимо учитывать то, что жилые и хозяйственные постройки должны были возводиться не ниже, чем 1–1,5 м над уровнем моря, чтобы избежать штормового воздействия. Глубина колодцев вблизи берега едва ли достигала уровня моря, хотя в ряде случаев это актуально, прежде всего, для Таманского полуострова, где проявления гидровулканизма могли поставлять пресную воду с большей глубины. Основания пристаней должны были находиться на глубинах не менее 1,5–2 м, чтобы обеспечить швартовку морских судов, поверхность и пристаней и молов — выступать над уровнем моря. С учетом этих соображений зафиксированное положение этих сооружений на 4 м ниже современного уровня моря может свидетельствовать о большой амплитуде регрессии. Например, по данным К.К.Шилика, в районе Ольвии морские прибрежные илы на глубине 8 м от современного уровня моря несут следы перерождения в почву и содержат обломки керамики.[2] Но, по мнению П.А.Каплина и А.О.Селиванова, илы, как и другие подобные рыхлые и водонасыщенные осадки, могли испытать позднейшее уплотнение.[3] Таким образом, наиболее реальным в литературе считается предположение П.В.Федорова о величине регрессии в 5–6 м.[4]

Сочетание экстатических и тектонических процессов поставило под сомнение существующие оценки величины «фанагорийской» регрессии, сделанные на основе изучения археологических памятников Северного Причерноморья. Если на берегах Керченского пролива имели место молодые тектонические движения, то для Ольвии, расположенной на тектонически стабильном склоне Украинского щита, оценки амплитуды регрессии в 5–6 м представляются достаточно обоснованными. Начало «фанагорийской» регрессии остается пока неизвестным. Одним из немногих указаний может служить радиоуглеродная дата 3240±60 лет назад (1600–1435 гг до н.э.), полученная на основе изучения морских новочерноморских отложений под культурным слоем Ольвии на отметке, близкой к современному уровню моря.[5]

На смену «фанагорийской» регрессии пришла «нимфейская» трансгрессия, следы которой были выделены П.В.Федоровым на побережье недалеко от Нимфея.[6] На морской террасе высотой до 2–2,5 м. были обнаружены морские пески мощностью около 1 м, перекрывающие наземные суглинки с археологическими остатками. П.В. Федоров полагал, что начало этой трансгрессии имело место в V в. н.э., хотя данные с румынского побережья позволяют говорить о более поздней дате — рубеже I–II тыс. н.э.

Следует отметить, что имеющиеся оценки амплитуды «фанагорийской» регрессии относятся, главным образом, к слоям V–II вв. до н.э. К.К Шилик. приводит свидетельство Диона Хризостома о том, что подъем уровня моря в районе Ольвии начал ощущаться уже в I в.н.э.[7] Судя по материалам из Патрея, подъем уровня моря начался не позднее I в.н.э., достигнув максимума к середине I тыс. н.э. По мнению П.В.Федорова, уровень моря в период «нимфейской» трансгрессии мог достигать +1,5–2 м, но, скорее, не превышал +1 м, а в VI–XV вв,[8] возможно, имела место Корсунская регрессия до — 2–3 м, после которой относительный уровень моря приблизился к современному.

Средняя амплитуда в районах черноморского побережья, не испытавших значительных тектонических перемещений, составляет около 5 м, тогда как в Средиземноморье она не превышала 0,5–1.2 м.[9] Эта разница может объясняться следующим образом. Градиент плотностей между более плотными и солеными эгейскими и более пресными и легкими черноморскими водами приводит к функционированию в системе проливов Босфор-Мраморное море-Дарданеллы двух слоев разнонаправленных течений: придонного в Черное море и более поверхностного — в Эгейское. В настоящее время уровень Черного моря несколько выше Эгейского, поверхностное течение имеет большую скорость и несет почти вдвое больше воды, чем придонное.[10] Подобные соотношения с некоторыми вариациями существовали в течение всего голоцена. Уровень Черного моря был выше, чем Эгейского. Но перепада высот в первые десятки метров, предполагаемые некоторыми учеными, существовать не могло. Простейшие расчеты показали, что в таком случае за счет усиленного поверхностного стока из Черного моря разница уровней в течение десятилетий должна понизиться до первых метров, при которых мог осуществляться близкий к современному положительный баланс водообмена между Черным и Эгейским морями.[11] Интенсивность нижнего противотечения могла варьироваться.

Согласно кислородно-изотопным данным, в эпоху «фанагорийской» регрессии имело место некоторое опреснение.[12] Следовательно, даже при пониженном уровне Черного моря во время регрессии он оставался выше средиземноморского, и баланс системы был положительным благодаря сокращению придонного притока соленых вод. Сейсмотектонические и сеймогравитационные деформации на юге Босфора могли создавать затруднения для судоходства. Возможно, что этими обстоятельствами объясняется появление мифологического сюжета о блуждающих в проливе Кианейских скалах.

По мнению ряда исследователей, существенную роль в формировании современного облика Таманского полуострова сыграл грязевой вулканизм.[13] Речь, главным образом, идет о «заиливании» дельтовых палеопроток Кубани, некогда впадавших в Таманский залив. Однако проведенные нами геоархеологические исследования, во-первых, показали, что полуостров имеет не дельтовое, а вулканическое происхождение, а во-вторых, в голоценовых отложениях Таманского залива отсутствуют следы как собственно кубанского аллювия, так и влияние опресняющего воздействия речных вод на видовой состав морских моллюсков, что свидетельствует о том, что ни один из рукавов Кубани не впадал в Таманский залив в эпоху голоцена. Кроме того, результаты бурения на предполагаемых маршрутах палеопроток Кубани, якобы впадавших в Таманский залив, показали, что там присутствует однородная толща покровных суглинков без каких-либо следов перерывов, связанных с существованием аллювиальных или субаквальных условий осадконакопления.[14] Особенности водно-грязевого вулканизма на Таманском полуострове в настоящее время проявляются в виде родников вокруг грязевых сопок или в существовании независимо от них небольших озер и заболоченных участков. Гидровулканы издавна использовались как источники водоснабжения, здесь рылись колодцы или сооружались водоносные скважины. Как правило, грязевые сопки, водно-грязевые курганы на Таманском полуострове вытянуты вдоль новейших поднятий, ориентированных широтно. Влияние грязевого вулканизма на социальную адаптацию древнегреческих переселенцев несомненно. Неслучайным является отмечаемое всеми исследователями расположение святилищ, связанных с древними культами, на вершинах грязевых сопок или рядом с ними (Горелая, Майская, Ахтанизовская, урочище у «Синей балки»).

Другим природным фактором, существенно повлиявшим на освоение человеком района Таманского полуострова, была эволюция Кубанской дельты. Общепринятой считается точка зрения, в соответствии с которой система современных черноморских и азовских лиманов в значительной мере наследует дельту Кубани, разделявшуюся в прошлом на несколько рукавов. В трансгрессивные фазы развития черноморского бассейна дельта в большей или меньшей степени затапливалась морем. Сегодня площадь дельтовой равнины Кубани составляет около 6 тыс. кв. км. Она состоит из двух частей: приазовской, более обширной, расположенной в юго-восточной части Азовского побере-

жья, и причерноморской, меньшей по площади, которая находится в юго-восточной части Таманского полуострова. Оба района в структурном отношении приурочены к погруженным участкам Западно-Кубанского и Керченско-Таманского прогиба. Современный облик дельты Кубани сложился в ходе голоценовой трансгрессии. Азовская дельта сформировалась во второй половине голоцена в связи с северной миграцией части дельтовых проток.[15]

Как показали результаты предыдущих палеоэкологических исследований на Таманском полуострове, наиболее активному антропогенному воздействию его природная геосистема подверглась в античный период. А начало этого процесса относится к эпохе бронзы. Общие закономерности развития ландшафтно-климатических условий были прослежены в палиноспектрах отложений дельты Кубани и черноморского побережья полуострова. Однако полученные результаты не позволили определить степень и особенности антропогенного воздействия на среду обитания, которое проявляется, как правило, в характере и масштабах естественных ресурсов. Последние можно получить лишь при палинологическом изучении культурного слоя. Споро-пыльцевые спектры археологических памятников и естественных разрезов имеют существенные различия и значительно дополняют друг друга. На формирование споро-пыльцевого спектра археологического памятника наряду с зональной растительностью оказывает влияние локальная и сорная растительность, связанная с деятельностью человека. В связи с этим палинологически были изучены слои Фанагорийского городища, однако полученные результаты незначительны и носят пока предварительный характер. Для воссоздания полноценной картины развития природной среды Таманского полуострова в древности необходимо продолжение палинологического изучения культурных напластований, которые позволят проследить изменения ландшафтно-климатических условий в регионе, а также эволюцию хозяйственного освоения региона и адаптацию древнегреческих переселенцев к незнакомым для них природно-климатическим условиям.[16]

Переоценка влияния экологической обстановки на общество или, наоборот, его недооценка, поскольку оно проявляется порой не столь очевидно и внезапно, как природные катастрофы, такие, как землетрясения, наводнения, извержения вулканов, которые, как правило, имеют серьезные социально-экономические последствия. Современные природные катастрофы и хорошо известные из письменной традиции, обычно классифицируются по масштабам последствий, по генезису (погодно-климатические, эндогенно-геологические, экзогенно-геологические), по длительности развития (скрытые, явные и условно-мгновенные), по повторяемости и т.п. Скрытые процессы, как правило, развиваются медленно и становятся заметными через значительные отрезки времени. Речь идет об оледенении, изменении относительного уровня моря, опустынивании, заболачивании, облесении, эрозии, абразии, плавных тектонических движениях и т.д. Для их проявления необходимы критические моменты, например, наложение сезонной засухи на развивающуюся аридизацию. Эпоха, которую затрагивают наши исследования, относится ко второй половине голоцена, его среднему и позднему этапам. Средний голоцен включает в себя атлантический (VI — середина III тыс. до н.э.) и суббореальный (середина III — сер. I тыс. до н.э.) периоды. Поздний голоцен относится к субатлантическому периоду, начало которого датируют серединой I тыс. до н.э. Существуют и другие варианты хронологии голоцена. Смены климатических периодов в целом связывают с влиянием таких астрономических факторов, как динамика интенсивности солнечной радиации или изменение угла наклона оси вращения планеты к плоскости эклиптики. Имеют место эндогенные тектонические процессы, которые увеличивают теплоотдачу Земли и контрастность климатической зональности, влияя на испарение, направление и влагонасыщенность воздушных потоков. При глобальной регрессии и высоком стоянии материков имеет место возрастание роли эрозии и выветривания, которое потребляет CO_2, снижая тем самым парниковый эффект и температуру поверхности в глобальном масштабе. В этих условиях эксплозивные субаэральные вулканические извержения оказывают дополнительное влияние на погоду, а в эпохи их усиления — на климат, что связано с вы-

бросом в атмосферу CO_2 и пепла. Речь идет о глобальных похолоданиях. В условиях регрессии и контрастной климатической зональности возрастает объем биомассы, которая, в свою очередь, содействует снижению CO_2 в атмосфере.[17]

Развитие климата в эпоху голоцена объясняют эволюцией последнего крупного оледенения Земли и его последствий в виде изменений атмосферной циркуляции, относительного уровня моря, морских течений и характера растительности. Для Восточной Европы в целом голоцен начался с потепления, максимум которого пришелся на середину VII тыс. до н.э. Атлантический оптимум наступил в IV–III тыс. до н.э., когда температуры были близки к современным. Начало суббореального периода ознаменовалось заметным похолоданием и иссушением климата, а в середине II тыс. до н.э. вновь наступило потепление. На фоне субатлантического периода выделяется средневековый климатический оптимум — «время викингов» (около 1000 г.) и малый ледниковый период XVI–XIX вв. с максимумом в XVII в.

При оценке изменений древней береговой линии по положению античных сооружений следует учитывать интенсивные оползневые процессы. Они могут создать неверное представление об амплитуде тектонического погружения или эвстатического подъема уровня моря. На Азовском побережье Таманского полуострова следов «фанагорийской» регрессии не обнаружено. Вероятно, побережье на этом участке испытало позднеголоценовое тектоническое поднятие на 3–4 м относительно побережий Таманского залива и Керченского пролива. Уровень моря в античную эпоху, по крайней мере, в районе ст. Голубицкой, мог даже чуть превышать современный. Этот участок побережья, вероятно, испытал позднеголоценовое тектоническое поднятие на 3–4 м относительно побережья Таманского залива и Керченского пролива. В качестве подтверждения такого вздымания рассматривается останец аккумулятивной террасы высотой до 4,0 м у северного подножья г. Тиздарь. Он сложен слоистым песком, аналогичным современному пляжу, и перекрыт оползнем сарматских глин. Вероятно, он представляет собой пляжные отложения времени максимума новочерноморской голоценовой трансгрессии. Севернее в Азовском море древние береговые валы, условно сопоставляемые с новочерноморской эпохой, обнаружены на глубинах 5–9 м. Естественно, что для различных регионов климатические изменения не были одинаковыми, а имеющиеся результаты их изучения часто противоречат друг другу. Эта ситуация отражает как неполноценность имеющейся информации, так и разнообразие природной обстановки в отдельных районах, которая определялась сложным взаимодействием многих факторов: особенностями воздушных потоков, рельефа местности, морского побережья, тектоники и т.д. Одними из самых серьезных палеоэкологических факторов в развитии древних цивилизаций называют изменения относительного уровня моря и сопровождавшие их береговую абразию и аккумулятивные процессы. Изменения относительного уровня моря в голоцене могли быть обусловлены различными причинами. Две основных — эволюция климата и тектонические движения. Наиболее очевидная климатическая причина — концентрация воды в ледниках при оледенениях и поступление в океан талых вод при дегляциации. Для голоцена решающее значение имел процесс таянья ледников, от режима которого зависела скорость подъема относительного уровня моря. Среди тектонических факторов изменения уровня моря наибольшее значение имеют вертикальные движения на побережье и изменения среднего гипсометрического уровня поверхности континентальной и океанической литосферы из-за смены их термодинамических параметров. Эти явления могли существенно изменять локальный уровень моря, часто со значительным ущербом для обитателей побережья.[17]

Наличие в голоценовом разрезе дельтовых отложений морской фауны свидетельствует о неоднократных морских ингрессиях глубиной до нескольких десятков километров в пределы современной дельтовой равнины. Признаками береговых линий, соответствующих максимумам этих ингрессий, являются остатки песчано-ракушечных валов, сохранившихся в отложениях и рельефе дельтовой равнин.[18]

Таким образом, освоение Северо-Восточного Причерноморья человеком в античную эпоху развивалось в тесной зависимости от воздействия ряда сочетающихся природных факторов: «фанагорийской» регрессии, во время которой было основано большинство прибрежных поселений; нимфейской трансгрессии, при которой значительная часть этих поселений оказалась затоплена; вертикальных тектонических движений, накладывавшихся на общие колебания уровня моря и локально изменявших их влияние на положение береговой линии. Среди них наиболее важное влияние на экономику принадлежит, главным образом, климатическим процессам и связанным с ними колебаниям относительного уровня моря. Они не только изменяли облик региона, структуру его экономики, но и были одной из главных причин миграционных процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Блаватский В.Д.* Подводные археологические исследования на северных берегах Понта в 1957–1962 гг. // Античная археология и история. М., 1985; *Каплин П.А, Селиванов А.О.* Изменения уровня морей в России и развитие берегов: Прошлое, настоящее и будущее. М., 1999; *Никонов*, 1998; *Федоров П.В.* Плейстоцен Понто-Каспия. М., 1978; *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Столярова Е.В*. К оценке изменений уровня моря в античный по археологическим данным // ДБ. Т. 7. М., 2005.
2. *Шилик К.К.* Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977. С. 158–163.
3. *Каплин, Селиванов.* Ук. соч.
4. *Федоров П.В.* Плейстоцен...
5. *Шилик К.К.* Ук.соч.; *Gore R.* Wrath of the Gods // National Geographic. 2000. Vol. 198. No. 1.
6. *Федоров.* Ук.соч.
7. *Шилик К.К*. Ук.соч.
8. *Федоров.* Ук.соч.
9. *Каплин, Селиванов.* Ук.соч.
10. *Свиточ А.А., Селиванов А.О., Янина Т.А.* Палеогеографические события плейстоцена Понто-Каспия и Средиземноморья (материалы по реконструкции и корреляции). М., 1998.
11. *Каплин, Селиванов.* Ук.соч.
12. *Свиточ* и др. Ук.соч.
13. *Трифонов В.Г., Караханян А.С.* Геодинамика и история цивилизаций. М., 2004. С. 463 сл.
14. *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К.* К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 2002. Т. XII. С. 254.
15. *Горлов Ю.В.* Проблемы палеогеографической реконструкции азовского побережья Таманского полуострова в античную эпоху // ПИФК. 2006. Т. XVI/I.
16. *Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Поротов А.В.* Палеоэкологический фактор в социально-экономическом развитии Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Спб., 2005.
17. *Трифонов В.Г., Караханян А.С.* Ук соч. С. 12–16.
18. *Селиванов А.О.* Природа, история, культура. Экологические аспекты культуры народов мира. М., 2000.

Yu.V. Gorlov

PALEOECOLOGICAL ASPECTS IN HISTORY OF THE BLACK SEA NORTH-EAST REGION DURING THE ANTIQUE EPOCH:

The work is devoted to paleoecological aspects in the history of the Black Sea North-east region during the antique epoch. The question is the adaptation of the ancient Greek immigrants on Bosporus Kimmerian and the influence of some basic natural-climatic factors on this process. These factors are ecstatic vibrations relatively to the sea level, tectonic processes, mud vulcanizing, landscape-climatic changes.

© 2007 г.

О. В. Маан

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ (АБЖУЙСКОЙ) АБХАЗИИ

С ранних этапов человеческой деятельности территория Абжуйской Абхазии являлась одним из наиболее заселённых и обжитых районов. Здесь обнаружены стоянки первобытного человека эпохи палеолита в пунктах Елыр, Моква, Тхина, г. Очамчира. Наибольшее же количество предметов эпохи палеолита было выявлено по Кодору, в низовьях же реки, начиная от поселения Наа[1] (в районе населённых пунктов Атара (арм.), Наа (арм.), выявлены скопления кремневых верхнепалеолитических отщепов, обсидиановая пластина, отдельные леваллуасские и мустьерские орудия[2]. Причём, на правом берегу реки, у поселения Адзыдакуара (бывш. Анастасьевка, Ганахлеба), а также в сс. Гуада, Гуп, Отап и г. Гал найдены археологические остатки даже более ранней ашельской культуры[3]. Для верхнепалеолитических памятников ашельского периода Абхазии, как известно, характерно обилие грубых массивных отщепов при незначительности ручных рубил, представленных, однако, типичными экземплярами.

В XI–VII вв. до н.э. в Абхазии широко была распространена знаменитая колхидская бронзовая культура. Она представлена в Абжуйской Абхазии, в основном, многочисленными кладами бронзовых предметов — топоры, слитки, наконечники копий, медные топорики и др. — в населённых пунктах Адзюбжа, Араду, Атара-Абхазская, Атара-Армянская[4], Джгиарда, р.Джикумыр, Куачара, Лабра, Моква, Маркула, Очамчира, Тамыш[5], Члоу[6]. Наибольшее количество предметов медно-бронзового века найдено по Кодору и в районе г.Очамчира. Самыми известными из них являются памятники Очамчирской культуры, выявленные Л. Н. Соловьёвым в 1935 г.[7] Исследователи по-разному датируют эти памятники: одни третьим тысячелетием, другие — первой половиной второго тысячелетия до н.э.[8] Находки из Очамчирского поселения свидетельствуют о том, что его обитатели уже занимались земледелием, морским рыболовством, скотоводством. Это подтверждается наличием на селище зернотёрок, каменных пестов, кремневых зубчатых вкладышей серпов, мотыг, топоров, грузил, многочисленных костей домашних животных — коров, коз, свиней, овец.

Находки грузил также говорят о наличии среди древних очамчирцев умения изготовлять разнообразные льняные ткани. В отличие от предшествующих эпох, носители Очамчирской культуры умели изготовлять металлические орудия[9].

Одним из богатейших историко-археологических районов Абхазии являются верховья реки Галидзга. По мнению учёных, древние люди обитали здесь, по крайней мере, с мустьерской эпохи. В этом районе обильно представлены материалы бронзовой эпохи. Доказательством сказанному служит наличие бронзовых топоров колхидско-кобанского

типа; могильник начала первых веков I тыс. до н.э. и связанный с ним целый ряд находок (шейные гривны, браслеты, бусы, вотивные предметы и т.п.)[10]. Носители местной бронзовой культуры занимались скотоводством, металлургией бронзы и железа. Они были одними из первых горских племён, установивших торговые связи с греческими центрами Кавказского Причерноморья, из которых, надо полагать, и поступали греческие товары (керамика, украшения и т.п.)[11].

К числу ярких памятников исследуемой территории эпохи бронзы относится Тамышское поселение. Оно расположено в западной части с. Тамыш, на левом берегу реки Тоумыш, у её впадения в море. Поселение было открыто в 1946 году археологом В. В. Бжания, который установил существование там одного культурного слоя с двумя горизонтами: второй половины II и начала I тыс. до н.э. Поселение занимает площадь не менее 20 га.

На поселении выявлены остатки жилищ с полами, вымощенными мелкой морской галькой; производственные помещения и мастерские, где обнаружены формы для отливки наконечников стрел, тигли для плавки бронзы и др. Большую часть находок составляют обломки глиняных сосудов-пифосов, горшков, мисок, бокалов и др. Каменные изделия включают зернотёрки, мотыги, грузила, кремневые наконечники дротиков; металлические — бронзовые наконечники копий, стрелы, фибулы, браслеты, железные серповидные ножи. Материалы, обнаруженные на Тамышском поселении, сопоставляются с известными материалами жилых холмов Колхиды и датируются IX–VIII вв. до н.э.

Исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать, что основными занятиями древнего населения Тамышского поселения являлись земледелие, рыболовство, изготовление бронзовых и железных изделий. К числу главных занятий этого поселения следует отнести и скотоводство[12].

Расцвет колхидской культуры VII–VI вв. до н.э. совпадает с массовым распространением железных предметов в Западном Закавказье[13]. В эпоху раннего железного века, в основном в первой половине I тыс. до н.э., по всему Восточному побережью Чёрного моря имели распространение т.н. «селища с текстильной керамикой», аналогичные которым были открыты в 30-е годы XX столетия Л. Н. Соловьёвым в этом же ареале — между реками Гумиста и Галидзга[14]. Археолог Г. К. Шамба, например, исходя из осмотра местности в районе Скурчи в 1998 году, утверждает наличие здесь крупного селища с «текстильной керамикой»[15].

О назначении «селищ с текстильной керамикой» в литературе высказаны различные мнения. Ряд исследователей вслед за Л. Н. Соловьевым связывают их с добычей соли[16], выпарка которой из морской воды, развившаяся в промысел, началась, как предполагают, в раннебронзовый период. Так, население Абжуйской Абхазии выпаривало соль по следующей технологии: морская вода запускалась в небольшие бассейны, вырытые за береговым валом, и после естественного испарения воды рассол выпаривали на огне, а затем уже досушивали соль дома на широких досках[17].

Ряд же других исследователей связывают «селища с текстильной керамикой» с получением железорудного сырья путем промывки магнетитового песка[18]. Еще Псевдо-Аристотель писал о промывке выносимого реками песка, который в результате морских прибоев распределяется вдоль пляжей и отлагается более или менее насыщенными рудой слоями. Как полагают некоторые исследователи, первое «земное» железо было выплавлено из магнетитового песка[19]. Есть и такие, кто считает «селища с текстильной керамикой» местом для исполнения религиозных обрядов[20]. В последнее время высказаны компромиссные мнения, согласно которым на этих поселениях занимались всеми тремя отмеченными выше сферами деятельности[21].

Занимались ли в действительности на этих селищах добычей сырья для выплавки железа или нет, покажут будущие исследования, но месторождения железа (магнетит, красный и бурый железняк) известны по Кодору и по Галидзге, как и по Бзыби. Здесь и там, на прибрежье и в предгорье, обнаружены следы плавки железных руд и железного

шлака[22]. Железоплавильное производство развивалось обычно вблизи железорудных месторождений[23]. На интересующей нас территории этому благоприятствовало наличие наилучшего топлива (дубовый уголь) для плавки железа[24]. В Абжуйской Абхазии и в настоящее время существуют, например, топонимы — «арацва блырта» («место сжигания угля»); «арацва ахьтажу» («место свалки угля»)[25]. Эти названия, по мнению О. Х. Бгажба (устное сообщение), напрямую могут быть связаны с железоплавильным производством. Для получения угля (сжигания древесины) рыли круглую или четырехугольную яму нужного объема, на дне которой разводили огонь и, по мере сжигания древесины, подкладывали подготовленные заранее дрова. «Угольные ямы» делались открытые или закрытые со сводчатым перекрытием[26].

Появление с VIII века до н.э. на всей территории Колхиды приморских солеварен (наряду с поселениями открытого типа) указывает, по мнению исследователей, на рост производительных сил, демографические сдвиги (густозаселённость) и экономический прогресс[27]. Древние поселения, локализовавшиеся по Кодору, вследствие указанных причин носили некоторые черты городского типа, правда, проживавшее здесь местное население находилось еще на уровне общинно-родового строя. Выявленные археологами материалы: античный четырехугольный верхний жернов ручной мельницы[28], множество зернотёрок[29], клады бронзовых топоров и других орудий[30], а также обилие рыболовных грузил, говорят о занятиях населения земледелием и рыболовством. Об уровне культуры населения свидетельствуют такие находки, как подвеска — шар (украшение для волос)[31], тонкий браслет, орнаментированный мелкими полосками; браслет с пятью вздутиями со сквозными отверстиями; две подвески с изображением быка и барана[32] и др.

В 1962 году группа ученых АБНИИ в составе: М. М.Трапш, Х. С. Бгажба, Б. П. Джанашиа, а также агроном-плодовод Э. М. Акшба произвели осмотр местности Ашьашла (старожилы так называли район бухты Скурча). М. М. Трапш выявил наличие здесь укрепленного поселения. Им была сделана полевая запись следующего содержания: Городище на возвышенном плато, округлой четырехугольной формы с крутыми искусственными откосами со всех сторон. Городище занимает господствующее положение в том районе, находится между магистральным шоссе и морем, северо-восточнее оз. Скурча. На городище найдены: обломки посуды (пифос, горшки, кувшины и т.д.): один метательный камень шарообразной формы, большая кремневая бусина с голубыми и синими полосками (двухстороннее сверление цилиндрическое (пополам?), куски раствора (глина, песок, гравий) от стен здания, керамические шлаки; обмазка глиняная[33].

Причерноморская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Центром археологических исследований АН ГССР во время раскопок в том же районе пос. Балан в 1978-1979 гг. выявили обломки чернолакового сосуда, несомкнутое золотое колечко. В могильниках поселения обнаружили довольно богатый инвентарь: серебряную тарелку, синопскую и колхидскую амфоры (сохранились их стенки), бронзовый сосуд (сохранились ручки), импортные амфориски, чернолаковую ихтию (рыбное блюдо), золотые предметы — две бляхи в виде пальметок с рельефной розеткой у основания и с ушками для привешивания с обратной стороны, круглопроволочный браслет с прогибом на спинке, крупнопроволочная серьга с поперечными насечками на концах, две конусовидные полые подвески с шестью ушками для подвешивания у основания и 29 бляшек в виде розеток с ушками на обратной стороне. Особый интерес представляет уникальнейшая бронзовая конская маска, рядом с последней обнаружено пять серебряных блях, скорее всего от конской сбруи. Там же найдено множество железного оружия.

Судя по обряду погребения и составу инвентаря, могильники относятся к III в. до н.э. Захоронение явно принадлежало эллинизированным представителям местной знати[34].

Здесь же обнаружено три богатых погребения, в которых находились кувшины и миски из местной глины, обломки раннеэллинистического чернолакового лекифа (сосуд для масла, используемый в похоронном церемониале), золотое колечко, серебряная гривна, стеклянные бусы; рядовые захоронения, в которых инвентарь состоял в основ-

ном из глиняных кувшинов, мисок, железного копья и топора раннеэллинистического типа[35].

Отдельные находки специфической керамики и железных изделий населения Юго-Восточной Абхазии (топоры, мотыги и др., относящиеся ко II–VII вв.н.э.) указывают, по мнению Ю.Н. Воронова, на возможность существования в сс. Адзюбжа, Джгиарда, Кутол, Тамыш, г. Очамчира, сс. Царча, Гумуриш (Гумрышь) Гальского района и ряде других пунктов Юго-Восточной Абхазии могильников цебельдинской культуры[36]. Причем если ряд исследователей (М. М. Трапш, Г.К. Шамба, М. М. Гунба) считают отдельные комплексы погребении Цебельды родовыми могильниками (предполагая тем самым наличие на территории Абхазии классового общества), то Ю.Н.Воронов полагает, что они являются их семейными кладбищами. Различие версий указывает на актуальность и необходимость проведения на рассматриваемой территории целенаправленных археологических раскопок.

На рассматриваемое время — первое тысячелетие (точнее в VII–VI вв. до н.э.) — приходится, как известно, начало греческой колонизации Черноморского побережья. Греческие поселения, по общепринятому мнению, никогда не возникали в безлюдных, незаселенных местах, но лишь там, где открывались возможности использования природных ресурсов для развития сельского хозяйства и различных ремесел, «а главное, — по утверждению В. Гайдукевича, — где имелось наличие человеческих контингентов, которых можно было бы заставить работать в качестве рабов и зависимых полусвободных производителей»[37]. Не во всем можно согласиться с приведенной точкой зрения. Ранее было принято упрощать взаимоотношения колонистов (т.е. поселенцев) и аборигенов, превращая первых в колонизаторов (в современном смысле слова), обращавших местное население в рабочую силу. У античных авторов нет указаний на конфликты между греками и жителями древней Абхазии, безусловно, некоторые вооруженные столкновения неизбежны при любом соседстве. Нет также указаний и на создание каких-либо предприятий, требовавших привлечения местной рабочей силы. Греки занимались торговлей и ремесленничеством, привозили свои товары и перерабатывали скупаемое сырье. Однако развитие ремесел в греческих центрах все же требовало какой-то определенной рабочей силы, очевидно, поставляемой местным населением из числа похищенных представителей соседних народов.

Колонистами-выходцами из различных городов древней Греции (главным образом из крупного малоазийского торгового центра Милета) на территории Абхазии были основаны города-государства (полисы) — Питиунт (совр. Пицунда), Диоскурия (совр. Сухум) и Гюэнос (близ Очамчирского порта); последний является одним из наиболее мощных и ярких памятников античного времени Восточного Причерноморья.[38]

Исследования показали, что античное поселение Гюэнос возникло во второй половине VI в. до н.э. Основными занятиями поселенцев являлись земледелие и животноводство, а также они занимались ремесленничеством, охотой, рыболовством[39]. В жизни Гюэноса наблюдались периоды запустения, однако всякий раз город вновь возрождался на том же месте[40]. На территории Гюэноса выявлены конские захоронения с уздечками скифского облика (вторая половина V — первая половина IV в. до н.э.). В конце IV–III вв. Гюэнос вновь переживает расцвет.

В III–VII веках на развалинах греческого города Гюэнос находилось небольшое поселение предков абхазов, связанное с существовавшей здесь стоянкой римско-византийских кораблей.

Существование на территории Абхазии античных городов-государств сыграло значительную роль в социально-экономическом и культурном развитии местного населения. Однако античную колонизацию нельзя рассматривать лишь как одностороннее приобщение местного населения к более высоким формам хозяйствования и культуры. Это был, как известно, двухсторонний процесс, обусловленный определённым уровнем хозяйственного и общественного развития, достигнутого как греками, так и местным населением. Это прекрасно иллюстрируется материалами из Гюэноса, например, наряду с

многочисленной привозной посудой в быту греков широко использовались и местные изделия. Многие обычаи и нравы аборигенов также проникали в среду населения Гюэноса. А контакты между аборигенами и колонистами должны были проводить к смешению населения — к смешанным бракам[41].

Основным же поводом устремлений древнейших греков к берегам Колхиды ещё в VIII в. до н.э., несомненно, служило золото, о добыче которого с помощью овечьих шкур рассказывал в начале н.э. греческий географ Страбон.

Следы месторождения золота действительно отмечены в верхнем течении Кодора[42] — у юго-восточного меридионального отрога Кавказского хребта (Абхазо-Сванетского), являющегося водоразделом бассейна рек Кодора и Ингура. Не случайно Кодор древние греки назвали «Хрисоррой», что и значит «золотая»[43].

С древности и вплоть до первой четверти XIX века в этих местах был невольничий и обычный рынок. По материалам А.В. Фадеева, «этот рынок был расположен на восток от Кодорского мыса на берегу небольшой бухты, соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту. В те времена…естественные данные маленькой…но достаточно вместительной для парусных фелюг и галер, хорошо защищенной Скурчинской бухты были весьма благоприятны для стоянки торговых судов»[44].

Представляет большой интерес найденная в этом районе (в пос. Балан) уникальная бронзовая маска коня[45], очевидно, имевшая ритуально-парадное назначение. Она изготовлена из тонкого металлического листа. Очень точно передает рельефное изображение лошадиной морды: глаза, гриву и т.д. Безусловно, что такую роскошь мог позволить себе только воин-всадник и, притом, военачальник. Такая находка также свидетельствует, что в этом районе в древности могло проживать богатое и многочисленное племя. Многие исследователи район устья Кодора связывали с античным городом Диоскуриадою[46].

На карте Птолемея (II века н.э.) Диоскурия (Dioskurias) помещена юго-восточнее Коракса — Кодора[47], а еще юго-восточнее Гюэнос (Gyaneus). Дюбуа де Монпере писал, что на берегах речки Мармал (Искурия, Цхузамели) находятся руины, скрытые великолепными лесами (он пишет «мы видим»)[48]. А. Д. Нордман, со своей стороны, свидетельствует: «На мысе Оскурия видны следы развалин древнего города Диоскуриас или Севастополя»[49]. Там же Дюбуа де Монпере указывает и на несколько абхазских селений[50]. Еще ранее, в 1817 г. Роттье видел на берегах реки Мармар руины города и рядом с ним абхазское селение Искурия[51]. Правда, французский путешественник Де ла Мотре, ожидая встретить здесь множество руин, увидел «только несколько колонн красивого глянца в двух мечетях и изуродованную голову статуи, найденную одним из жителей в своем винограднике». Там же у жителей он купил несколько монет (речь идет о монетах понтийского царя Митридата VI Евпатора — 132–63 гг. до н.э.), одна из которых была происхождением из Диоскурии[52].

В свое время старожил Сухума краевед В. И. Чернявский писал, что «у устья р. Кодор (Corax или Hipp древних)[53] верст 25 к югу от Сухума, на наносном мысе, видны развалины древнего римского городка»[54]. М. Селезнев также писал, что «если с Драндского мыса следовать 9 верст по песку и голышу, то затем, вступив в лес, можно увидеть остатки развалин», которые он видел в 1837 году[55]. Здесь же он добавляет, что, возможно, их уже не существует.

Высадившийся на этой земле Шарден в 1672 году не увидел здесь ничего, кроме нескольких хижин. В этом нет ничего удивительного, так как в мае 1637 года в районе Кодорского мыса турки высадили большой военно-морской десант и подвергли опустошению весь прилегающий район[56].

Об остатках каких-то построек и глиняных черепков на Скурче писал и К. Д. Мачавариани[57].

Археолог Б. А. Куфтин полагал, что единственным основанием в пользу расположения Диоскурии к югу от Кодора «является созвучие в названиях города Диоскурии и

реки Скурчи (к северу от Кодора) и Скурчинской бухты, а также… абхазского селения Искурия в устье реки Мармар… или Цхузамели. Но одно это сходство являлось бы слишком недостаточным даже в том случае, если бы удалось доказать, что название Скурча не есть туземное слово, а отголосок греческой Диоскурии, так как перенос и повторение названия не является чем-нибудь необычным»[58].

В 80-е годы XIX века археологом В. Сизовым был произведен специальный осмотр местности, указанной Дюбуа де Монпере, на берегу бухты Скурча. Но его разыскания следов древней жизни «не были удачными: только в середине бухты на берегу был замечен земляной вал в несколько сажень длиной»[59]. Вал этот, по мнению Сизова, мог служить только защитой для легких судов во время бури, что весьма сомнительно, поскольку их можно было просто вытаскивать на сушу.

С 1973 года в спасательную службу ОСВОДА Абхазии поступали сообщения рыбаков о том, что неоднократно при соответствующей погоде они видели прямо с лодки на дне залива очертания каких-то сооружений.

В июне 1980 года в Скурчинском заливе, в районе с. Кындыг была проведена подводная разведка для определения расположения руин и их очертаний.

21 июня и 4 сентября 1980 г. в бухте Скурча аквалангистами были обнаружены плотные нагромождения булыжника. По утверждению искусствоведа А. К. Кация, это были руины каменных стен на известковой кладке[60]. Техника кладки (известковый раствор с различными примесями) относится к позднеантичному (или генуэзскому) времени. Если это даже и так, то вряд ли римляне (или генуэзцы) создавали бы свои опорные пункты на пустом месте.

Развалины какого-то поселения обнаружены и в лесах Скурчи.[61] Согласно абхазской легенде, которую приводит Д. И. Гулиа, на этом месте в далеком прошлом располагался большой город[62]. В свою очередь и Ш. Д. Инал-Ипа приводит предание, согласно которому в местности Ашьашла в древности стоял город[63].

25 сентября 2001 года научная экспедиция АбИГИ в составе В.В. Бжания (руководитель экспедиции), Д.С. Бжания, З.Г. Хондзия, С.М. Сакания и автора этих строк в местности Ашьашла осмотрела и определила координаты городища, указанного М.М. Трапш. Экспедицией были уточнены местоположения могильников и поселений эпохи развитой бронзы, намечены объекты для последующих археологических исследований. Здесь же, в северо-восточной части одного из поселений, на поверхности распаханного поля, экспедиция выявила археологические находки: восемь каменных грузил, несколько обломков гранитных зернотерок, каменное пряслице.

В 2003 г. совместная археологическая экспедиция АБИГИ, Института археологии РАН, Географического факультета МГУ, Магнитогорского госуниверситета и Управления охраны историко-культурного наследия Абхазии продолжила исследования по теме «Историческая и палеогеографическая реконструкция Кавказского побережья Чёрного моря в античную эпоху». Основные работы экспедиции были сосредоточены на территории Сухумской бухты и междуречья Кодор–Москва. Экспедиция, в частности, приступила к составлению «археологической базы данных» в сс. Москва, Тамыш, Атара, Адзюбжа. Одновременно в с. Адзюбжа изучался жилой холм (городище), описанный М.М. Трапш. Здесь были открыты культурные слои эпохи поздней бронзы — раннего железа. В результате шифровки юго-восточной части холма были выявлены обломки бытовой и текстильной керамики VIII–VII вв. до н.э.[64].

К сожалению, множество различных бронзовых и железных предметов, в том числе древние монеты, находимые крестьянами в различных пунктах Абжуа во время полевых работ, во многих случаях дети, не понимая их ценности, обращали в игрушки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Воронов Ю.Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми. 1969. С. 16: *Он же*. Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги. Тбилиси, 1984. С.18–20.

2. *Воронов Ю.Н.* Археологическая карта… Там же.
3. *Соловьев Л.Н.* Палеолитические стоянки долины р.Кодор в связи с историей Кодорской долины // Выездная сессия Груз. филиала АН СССР в г. Сухуми 26–29 сент.1940 г. Тбилиси, 1940. С. 35; *Замятнин С.Н.* Очерки по палеолиту. М.-Л. 1961. С.71; *Цвинария И.И.* Раскопки в с. Псырцха Гудаутского района и разведки в с. Гуп Очамчирского района // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. Тбилиси, 1987. С. 13–14.
4. *Воронов Ю.Н.* Археологическая карта... С. 39.
5. *Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Джопуа А.И.* Раскопки Тамышского поселения // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. Тбилиси, 1987. С. 9–12.
6. *Джопуа А.И.* Клад бронзовых топоров из с.Члоу // Археологические открытия в Абхазии 1985 г. Тбилиси, 1990. С. 17–18.
7. *Соловьев Л.Н.* Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии // Материалы по истории Абхазии. 1. Сухуми, 1939.
8. История Абхазии. Сухум, 1991. С. 26.
9. *Соловьев Л.Н.* Ук. соч. С. 29–38 и др.; *Шамба Г.К., Бжания Д.С.* Археологические работы Абхазского института // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. Сухум, 2004. С. 171–172.
10. *Шамба Г.К., Шамба С.М.* Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух)… Тбилиси, 1990. С. 52.
11. Там же… С. 42, 53. О культуре местных племён в начале I тыс. н.э. можно судить по отдельным дошедшим до нас керамическим сосудам с чашечкообразными венчиками типа Цебельдинских (*Воронов Ю.Н.* Археологическая карта Абхазии… С. 65).
12. *Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Сангулия Г.А., Джопуа А.И.* Работы в селе Тамыш // Археологические открытия в Абхазии 1986–1987 гг. Тбилиси, 1990. С. 11.
13. *Бгажба О.Х.* История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. — середина II тыс. н.э.). Автореф. докт.дисс. М. 1994. С.7.
14. *Соловьев Л.Н.* Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира // ТАГМ. Вып.1. Сухуми. 1947. С. 24 и сл.; *Он же*. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии // СА. Т.14. М. 1950. С.265–286. О «текстильной керамике» см. также: *Анчабадзе З.В.* История и культура древней Абхазии. М. 1964. С. 96, 98.
15. *Маан О. В.* Находка в Адзюбже // Газ. «Республика Абхазия». 7–8 октября 1998 г.
16. *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси, 1950. С.174; *Трапш М.М.* Археологические раскопки в окрестностях Сухуми // Труды АИЯЛИ. Т.29. Сухуми, 1958. С.187 и сл; *Шамба Г.К., Квициния В.К.* Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми // ТАГМ. Вып. 5. Сухуми, 1980. С.120; *Шамба Г.К.* Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум, 2000. С. 12–13, 16–17, 18–19, 26, 33–34; *Бгажба О.Х.* История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье… С.12.
17. *Соловьев Л.Н.* Следы древнего соляного промысла… С.45.
18. *Рамишвили А.Т.* О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья // СА. №4. М. 1975. С. 36; *Хоштария Н.В.* Археологические исследования в Уреки // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Вып.1. Тбилиси, 1955. С.25.
19. *Хахутайшвили Д.А.* Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987. С. 61–62.
20. *Кахидзе А.Ю.* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети-Пичвнари). Тбилиси, 1971. С. 32–33; *Цвинария И.И.* Поселение Гуандра. Тбилиси, 1978. С. 32–38. Следует в этой связи указать на то обстоятельство, что в античную эпоху, с переходом местного населения на потребление более дешевой соли, завозившейся греческими купцами, фактически прекращается функционирование прибрежных солеварен коренного населения. Именно на период угасания приморских солеварен, т.е. к VI в. до н.э. как раз и падает период интенсивного развития местной черной металлургии (*Бгажба О.Х.* История железообрабатывающего производства… С. 12–13). Все это также должно говорить в пользу солеварения. Несмотря на прекращение в VI в. до н.э. существовании

прибрежных солеварен коренного населения, очевидно, и в средние века, как и в первой половине XIX века, когда связь с другими странами становилась затруднительной, добыча соли из морской воды возобновлялась.

21. *Хахутайшвили Д.А.* Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1986. С. 99–101; *Апакидзе Д. Б.* Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Тбилиси, 1991. С.50.
22. *Абрамишвили Р.М.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1962. С. 17–18; *Бгажба О.Х.* По следам кузнеца Айнара. Сухуми, 1982. С. 8–9.
23. *Бгажба О.Х.* Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. Тбилиси, 1983. С. 11–12; *Шамба Г.К.* Абхазия в I тысячелетии до нашей эры… С.9.
24. Ученик и преемник Аристотеля, древнегреческий ученый-ботаник Феофраст (370–285 гг. до н.э.), в своем фундаментальном «Исследовании о растениях» писал: «Самые лучшие угли получаются из самых плотных пород, например… дуба и земляничного дерева. Угли из этих деревьев очень тверды: потому они горят очень долго и дают жару больше всех других углей. Поэтому ими пользуются в серебряных рудниках для первой переплавки руды… (см.: *Черных Е.Н.* Металл-Человек-Время. М., 1972. С. 146).
25. *Кварчиа В.Е.* Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР. Ч. 1. Сухуми, 1988. С. 25 (на абх.яз.).
26. См.: *Хахутайшвили Д. А.* Производство железа в древней Колхиде… С. 189–192.
27. *Апакидзе Д. Б.* Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы… С. 63.
28. *Хотелашвили М.К.* Античная ручная мельница из Скурчи // Жур. Дзеглис мегобари (Друг памятников). №15. Тбилиси, 1968. С. 51–54 (на груз. яз.).
29. *Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квирквелия Г.Т.* Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 496; *Бжания Д.С., Вардания Г.И., Джопуа А.И., Сангулия Г.А.* Раскопки в селе Тамыш // Археологические открытия в Абхазии 1985 г. Тбилиси, 1990. С. 14.
30. *Хотелашвили М.К.* Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974. С.27; *Маан О.В.* Находки в селе Адзюбжа // Газ. «Республика Абхазия», 24–25 апреля 1996 г.
31. История памятника: из раскопок в с. Адзюбжа. 1962 г. Фаянс ярко-синий. Дм. 4. Датировка — 1 тыс. до н.э. (Древнеегипетские памятники из музеев СССР. Каталог выставки. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина). М., 1991. С.79.
32. *Воронов Ю.Н.* Археологическая карта… С. 64; *Иващенко М.М.* Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935. С.52.
33. *Трапш М.М.* Полевая запись. 7 марта 1962 г. Пос. Балан. Хранится в Отделе древней истории и археологии Абхазского Государственного музея.
34. *Барамидзе М.В., Бжания В.В., Квирквелия Г.Т.* Раскопки в Адзюбжа… С. 496.
35. *Барамидзе М.В., Чигошвили Т.В., Квирквелия Г.Т., Хубутия Г.П., Чумбуридзе В.Г., Гамкрелидзе Г.А.* Основные итоги археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1981 году // Краткие сообщения. Тбилиси, 1984. С. 29.
36. *Воронов Ю.Н.* Тайна Цебельдинской долины. М. 1975. С.45. Особое место занимает погребальный комплекс, обнаруженный в с. Тагелон (правобережье реки Ингур) в Гальском районе, включавший богатый набор золотых, серебряных, бронзовых и железных изделий, которые принадлежали представителю местной романизированной знати (*Амиранашвили А.И.* Новая находка в низовьях реки Ингура. Тифлис, 1935. С. 71; *Воронов Ю.Н.* Древняя Апсилия. Сухум, 1998. С. 281).
37. Цит.: *Анчабадзе З.В.* История и культура древней Абхазии… С. 146.
38. *Шамба С.М.* Гюэнос-1. Тбилиси, 1988. С. 5.
39. Там же. С. 64.
40. История Абхазии… С. 45.

41. *Шамба С.М.* Гюэнос-1… С. 64–65.
42. *Воронов Ю.Н.* Тайна Цебельдинской долины… С. 70.
43. *Соловьев Л.Н.* Диоскурия-Севастополис-Цхум // ТАГМ. Вып. 1. Сухуми, 1947. С.109.
44. *Фадеев А.В.* Краткий очерк истории Абхазии. Ч.1. Сухум, 1934. С.129.
45. См.: *Kvirkvelia G.* On the Early Hellenistic buriails of North-Western Colchis // Archaologischer Anzeiger. Heft 1. 1995. P. 75–82; Item. Hoplite Armour in Colchis // Phasis (Tbilisi State University, Institute of Classical Philology, Byzantology and Modern Greek Studies). №2–3. 2000. P. 232–241.
46. Мысль о местоположении г. Диоскурии на берегу бухты Скурча первым высказал Иерусалимский патриарх Досифей-Натара (а не Дюбуа, как пишут многие), а затем Шарден (1662 г.), Де-ла-Мотре (1712 г.), Броневский (1810 г.), Дюбуа (1838 г.) и др.
47. См. карту в кн.: *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе Т. 1. СПб. 1890. В послесловии к первому тому «Известий» В. В. Латышева читаем: «При составлении своей карты я искал только дать возможность читателям ориентироваться во взаимных отношениях и сообщениях Птолемеем географических и этнографических названий, не стремясь к полной точности воспроизведения его представления о сарматах (*Латышев В.В.* Известия… С. 946). Это дает нам возможность считать карту не дающей достоверных сведений о расположении интересующих нас географических объектов.
48. *Дюбуа де Монпере, Фредерик*. Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. Сухуми, 1937. С. 150.
49. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП. №11. Спб., 1838. С. 427. Карла Серена пишет о «развалинах» древнегреческого города и об «обломках более позднего происхождения» (*Карла Серена*. Путешествие по Самурзакану и Абхазии. 1881 г. Рукопись. Архив Абхазского Государственного музея. Ф.З.Д.146.С. 370. Перевод с французского Р.Г. Крючкова).
50. *Дюбуа де Монпере, Фредерик*. Путешествие… С. 150.
51. Там же. С. 156.
52. Там же. Ряд исследователей (М.М.Иващенко, Ю.Н.Воронов и др.) полагали, что Де ла Мотре видел указанные предметы в совр. Сухуме. Простая логика вещей в данном случае подсказывает, что если Де ла Мотре видел эти предметы на берегу Сухумской бухты, то тогда вряд ли Дюбуа для обоснования своей точки зрения о нахождении Диоскурии у Кодорского мыса стал бы вообще «хвалить» своего оппонента, видевшего вышеуказанные мечети с колоннами и диоскурийскую монету.
53. На основе критического разбора сведений Флавия Арриана о Восточном Причерноморье, а также мнении К. Мюллера, Ф. Дюбуа де Монпере, Ф. Бруна и др., В. В. Латышев и М. П. Инадзе отождествляют р. Гипп Фл. Арриана с рекой Кодор (*Латышев В.В*. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947–1949. XIX–XXX. С. 396–397. Цит. по: *Воронов Ю.Н.* Древняя Апсилия… С.102; *Инадзе М.П.* К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1953. С. 16). Л.А. Ельницкий, посвятивший специальную статью вопросам локализации географических названий, упоминаемых Фл. Аррианом, также отождествляет Гипп с рекой Кодор (*Ельницкий Л. А.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1938. № 2(3). С. 314–315).
54. *Чернявский В.И.* Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. Протоколы подготовительного Комитета V археологического съезда в Тифлисе. М., 1879. С.19.
55. *Селезнев М.* Руководство к познанию Кавказа. Кн. II. Спб., 1847. С.174.
56. *Хотелашвили М.К.* Село Дранда. Рукопись. 1982 г. С.11.
57. *Мачавариани К.Д.* Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум., 1913. С. 226.
58. *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. 1. Тбилиси, 1949. С. 126. В связи с вышеизложенным, небезынтересно отметить, что в низовьях Кодора существуют две одноименные местности и речки под названием Скурча (Искурия). Соединенные названия

этих географических точек на левом и правом берегах Кодора, т.е. две «Скурии», «Скурчи» переводятся как «Диоскурия» — «ди» в греческом «двойной» — в значении приставки (см.: Иллюстрированный словарь научных терминов и иностранных слов. М., 1908. С. 250).
59. *Куфтин Б.А.* Материалы по археологии Колхиды. 1... С. 128.
60. *Кация А. К.* Скурчинский залив. Дневник. Рукопись. 1980 г. В обследовании объекта в заливе Скурча помимо А. К. Кация, приняли участие Ш.Д. Инал-Ипа, зам. директора АбНИИ; Г.К. Шамба, зав. отделом археологии АбНИИ; научные сотрудники Института — Л.А. Шервашидзе, И.И. Шамба, В.В. Бжания, О.Х. Бгажба.
61. *Хотелашвили М.К.* Античная ручная мельница из Скурчи… С. 54; «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» / Под общ. ред. П.П. Семенова (Вице-председателя Императорского Русского Географического Общества). Т. IX. Кавказ. СПб.-М., 1883. С. 120.
62. *Гулиа Д.И.* Собрание сочинений. Т. 6. Сухуми, 1986. С.315.
63. *Инал-Ипа Ш.Д.* О топонимике Очамчирского района. Рукопись. 1949 г. С.19.
64. *Горлов Ю.В., Бжания Д.С.* Работы совместной экспедиции Абхазского института АНА и Института археологии РАН // XLVIII итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. Сухум, 2004. С. 24.

O.V.Maan

MONUMENTS OF MATERIAL CULTURE IN SOUTHEAST (ABZHUJSKAYA) ABKHAZIA

The article deal with basic monuments of material culture in Southeast, i.e. Abzhuiskaya Abkhazia from the Paleolithic epoch to the beginning of the Early Iron Age period. The article presents historical and cultural characteristics of the brightest monuments of the Stone Age, settlements, burial grounds, treasures of Colchis bronze culture, features of colonies with the "textile ceramics". The author examines Greek city Gjuenos, its role in social, economic and cultural development of the local population. Materials about cultural layers of the late bronze epoch - the early Iron Age found in the aria of Kodor-Mokva are also submitted.

ПЛЕМЕННОЙ МИР

© 2007 г.

А.К. Абдыканова

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА МАНГЫШЛАК (ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН)

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в связи с появлением новых данных по палеолиту сопредельных территорий актуальность изучения эволюции палеолитических индустрий Казахстана резко возросла. Территория республики Казахстан является интереснейшим археологическим районом, для которого характерно большое количество палеолитических памятников открытого типа. Преобладание аридных условий на протяжении всего плейстоцена препятствовало процессу активного осадконакопления, в результате чего подавляющая часть палеолитических памятников в регионе не имеет стратифицированных культурных слоев, артефакты на данных объектах залегают на поверхности. Тем не менее, степень исследованности носит неравномерный характер, наиболее изученными в силу определенных условий являются, как правило, лишь отдельные физико-географические районы. На территории Казахстана одним из таких регионов, позволяющих выполнять общие палеореконструкции, традиционно считается восточное побережье Каспийского моря. Детальное изучение палеолитических местонахождений плато Мангышлак (Западный Казахстан) дает возможность приступить к решению комплекса проблем, связанных с расселением древних популяций на территории аридной зоны Центральной Азии.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

История изучения каменного века Казахстана начинается на рубеже XIX–XX-го вв. В частности, в Музее антропологии и этнографии РАН РФ в Санкт-Петербурге в коллекции артефактов из Средней Азии хранятся кремневые ножевидные пластины, выкопанные из земли в форте Александровском, которые в 1864 г. были привезены А. Гебелем. Самая длинная пластина достигает 19,4 см. В 1916 г. В.Н. Андрусов обнаружил на Мангышлаке несколько ножевидных пластин и большой кремневый наконечник.[1]

Позднее, в основном, палеолитические памятники полуострова Мангышлак стали известны благодаря исследованиям Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР, с 1960 по 1969 гг. А.Г. Медоевым обнаружены палеолитические местонахождения в северо-западных районах Мангышлака, на побережье залива Сарыташ, на полуострове Тюбкараган и в долинах рек Шахбагата и Кумакапе. Геологический возраст самых древних находок А.Г. Медоев связывает с позднеплиоценовой (акчагыльской) морской абразивной террасой. Вопрос о древности находок остается открытым, по всей

видимости, в акчагыльское и апшеронское время береговая линия Каспийского моря в районе Мангышлака проходила западнее современной, что исключает образование абразионных выступов.[2] Помимо этого, в 1985-87 гг. у залива Сарыташ обнаружен комплекс местонахождений Онежек I-VII, представленный сборами познепалеолитического времени Ж.К. Таймагамбетова.[3]

В результате исследовательских работ Российско-Казахстанской археологической экспедиции 1998-99 гг. в районе Мангышлака были обнаружены 23 местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала, представляющих собой мастерские на выходах сырья. Палеолитические местонахождения были зафиксированы в районе впадины, отделяющей плато Мангышлак от плато Устюрт. С востока впадина ограничена высокими, иногда до более 200 м, обрывистыми уступами плато Устюрт. Западнее, в сторону плато Мангышлак, наблюдается плавное понижение рельефа, за исключением уступа Куланды. Большая часть территории впадины представляет собой сочетание различного рода останцев, увалов, котловин и соленых озер. Рельеф впадины на протяжении длительного промежутка времени формировался под значительным влиянием трансгрессий и регрессий Каспийского моря. Каменные артефакты встречаются повсеместно, характеризуются различной сохранностью поверхности – сильнодефлированной до недефлированной. Наиболее крупные археологические комплексы приурочены к озерам и пониженным участкам рельефа. Исследователи объясняют данное явление тем, что в определенные периоды плейстоцена озера и замкнутые котловины были заполнены пресной водой. Отмечается также, что «…подавляющее количество сильнодефлированных изделий отмечается в наиболее низких участках рельефа местности, а на более высоких участках доминируют слабодефлированные и недефлированные артефакты».[4]

В качестве сырья, пригодного для изготовления каменных артефактов, использовались обнаженные пласты кремнистых пород с субгоризонтальным характером залегания верхнемеловых отложений датского яруса.[5] При районировании территории Казахстана по видам сырья, данный регион отнесён к зоне кремнистых пород.[6] Кремнистые породы находятся на абсолютных отметках в пределах 40-100 м, процесс их обнажения в тех или иных местах впадины происходил в разные периоды времени и был вызван различными природными факторами, в том числе и воздействием водных потоков. Обнаженные пласты кремнистых пород на более высоких участках рельефа подверглись интенсивному температурному растрескиванию (десквамации) и характеризуются повышенной трещиноватостью. Сколы десквамации с сечением в виде плоско-выпуклой линзы нередко использовались древним человеком в качестве заготовок для орудий.[7]

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Общее количество каменных артефактов составляет 1550 экз. Коллекция представлена выборочными подъемными материалами, поэтому полученные статистические данные могут рассматриваться в работе лишь в качестве дополнения к общему технико-типологическому анализу каменной индустрии. В зависимости от степени сохранности поверхности археологические материалы разделены на следующие четыре группы: сильнодефлированная, среднедефлированная, слабодефлированная и недефлированная. В пользу тесной взаимосвязи между степенью сохранности поверхности артефактов и их относительным возрастом свидетельствуют сходные природно-климатические условия, под воздействием которых находились артефакты в течение длительного промежутка времени, а также наличие общей сырьевой базы в виде обнаженных выходов кремня.

В силу территориальной, морфологической и технико-типологической близости индустрий палеолитических местонахождений Мангышлак и Узень, предлагаемые в данном исследовании выводы по вышеприведенному описанию археологического материала даются единым блоком.

Комплекс сильнодефлированных изделий

Общее количество сильнодефлированных артефактов в коллекции составляет 63 экз.

Нуклевидные изделия (19 экз.) представлены материалом со следами апробации (5 экз.), леваллуасскими нуклеусами (2 экз.) и нуклевидными обломками (12 экз.). Нуклеусы характеризуются одним крупным снятием, захватывающим почти всю фронтальную плоскость изделия. Сильная степень дефляции поверхности нуклевидных изделий и многочисленные следы сколов десквамации затрудняют идентификацию большинства нуклевидных изделий (при интенсивной дефляции поверхности артефакта сложно отличить негативы преднамеренных сколов от десквамационных). Анализ нуклевидных изделий указывает на преобладание крупных форм, служащих для получения массивных сколов крупных и средних размеров.

Индустрия сколов (42 экз.) представлена первичным отщепом (1 экз.), отщепами (23 экз.), обломками (17 экз.). Все категории характеризуются крупными размерами. У отщепов все определимые площадки гладкие (6 экз.).

Орудия составляют 10 экз., представлены отбойником (1 экз.), скреблами (2 экз.), выемчатыми изделиями (3 экз.), зубчато-выемчатыми орудиями (2 экз.), орудием с «носиком» (1 экз.), отщепами с ретушью (2 экз.) и обломком с ретушью (рис. 1).

Преобразование исходных заготовок в орудия осуществлялось при помощи ретуши, выемчатого снятия. В некоторых случаях из-за сильной степени дефляции довольно сложно определить характер вторичной обработки. Ретушная отделка характеризуется как крутая и полукрутая, однорядная и чешуйчатая, крупнофасеточная. Выемчатыми снятиями оформлялись выемчатые и зубчато-выемчатые орудия.

В целом можно отметить, что техника расщепления камня главным образом направлена на получение отщепов крупных и средних размеров. Отмечено присутствие в комплексе изделий со столь сильнодефлированной поверхностью, что они с трудом поддаются диагностике.

Комплекс среднедефлированных изделий

Коллекция артефактов средней степени дефляции насчитывает 99 экз. Нуклевидные изделия (5 экз.) представлены фрагментированным одноплощадочным монофронтальным нуклеусом (1 экз.) продольной ориентации скалывания и нуклевидными обломками (4 экз.).

Индустрия сколов насчитывает 93 экз. Представлена первичным отщепом (1 экз.), отщепами (49 экз.), (1 экз.), техническим сколом поперечной подправки нуклеуса (1 экз.), пластиной (1 экз.), обломками (36 экз.).

Орудия (47 экз.), в основном изготовлены на сколах, обломках крупного и среднего размера, а также на сколах десквамации, представлены скреблами (6 экз.), выемчатыми (7 экз.), шиповидными (2 экз.), орудиями с «носиком» (2 экз.), ножом с ретушированным лезвием (1 экз.), отщепами с ретушью (24 экз.), обломки с ретушью (4 экз.), пластина с ретушью (1 экз.) (рис. 2).

В качестве основного приема оформления орудий использовалась ретушь: крутая, полукрутая, крупно- и среднефасеточная, чешуйчатая, как правило односторонняя, реже двухсторонняя и попеременная. Характерно, что рабочие края крупных изделий подготавливались при помощи крутых и полукрутых снятий различного размера.

Каменную индустрию среднедефлированного комплекса можно характеризовать, как направленную на получение заготовок в виде отщепов. Орудийный набор представлен среднепалеолитическими типами.

Комплекс слабодефлированных изделий

Каменная индустрия слабодефлированных артефактов составляет 247 экз. Нуклевидные формы (41 экз.) представлены материалами со следами апробации (11 экз.), простыми площадочными ядрищами продольной (2 экз.) и поперечной (3 экз.), а также про-

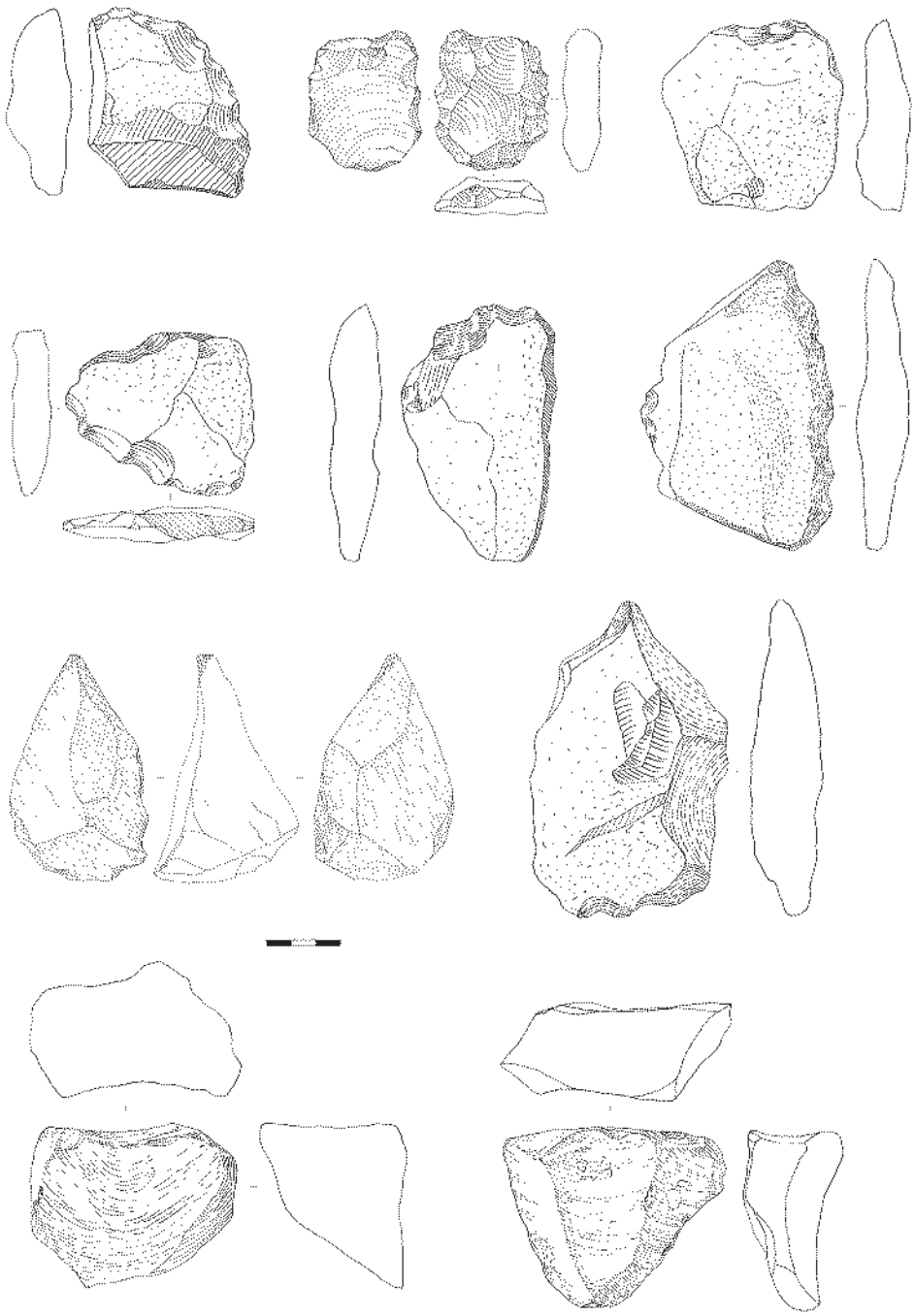


Рис. 1. Комплекс сильнодефлированных изделий.

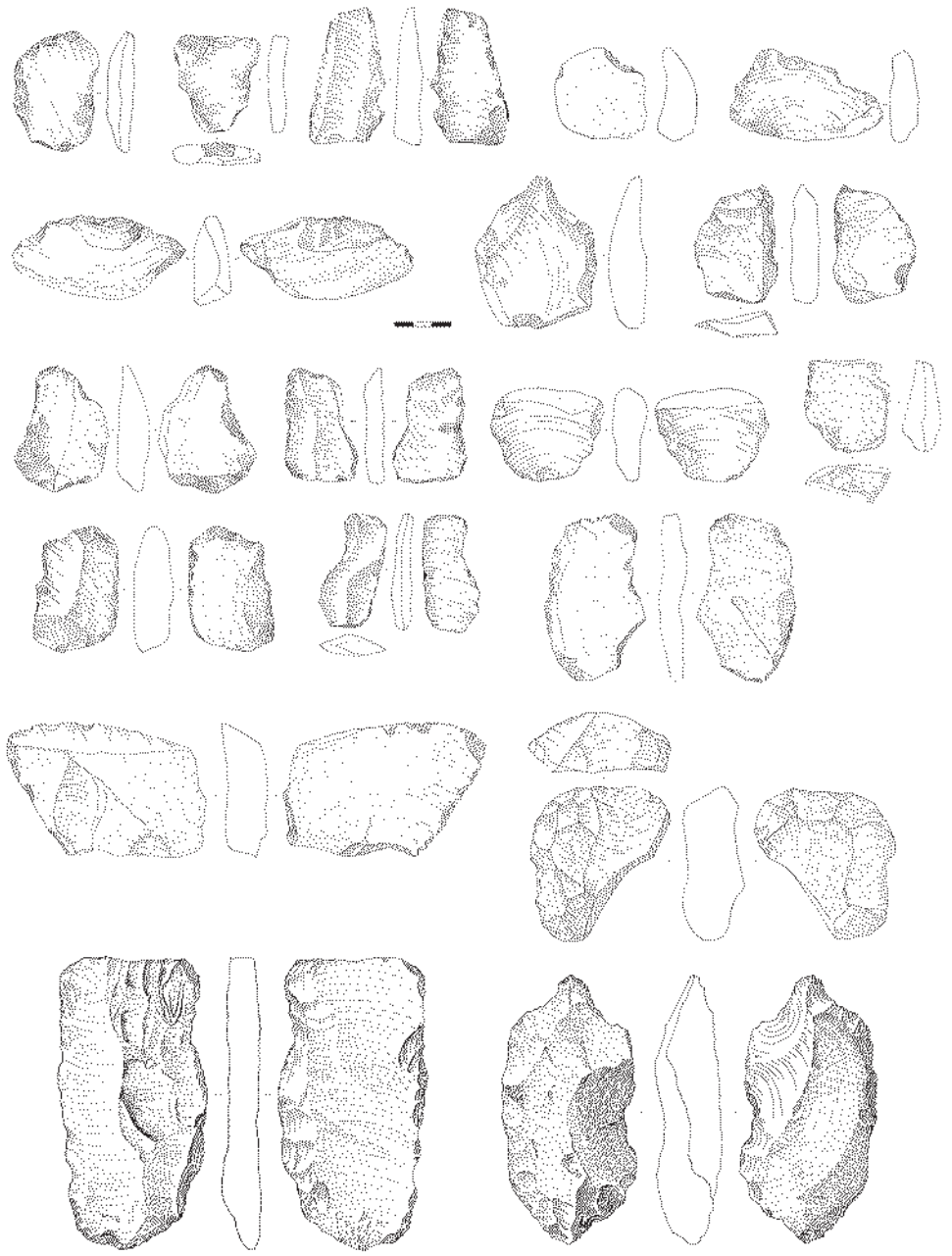


Рис. 2. Комплекс среднедефлированных изделий.

дольно-поперечной ориентации скалывания (1 экз.), торцовым нуклеусом (1 экз.) и нуклевидными обломками (23 экз.).

В индустрии сколов (188 экз.) представлены первичные отщепы (5 экз.), отщепы (138 экз.), технические сколы (3 экз.), пластины (4 экз.), обломки (84 экз.).

Орудийный набор насчитывает 78 экз., представлен отбойником (1 экз.), бифасиальными изделиями (8 экз.), скреблами (7 экз.), скребками (2 экз.), выемчатыми (11 экз.), шиповидными (2 экз.), клювовидными (2 экз.), комбинированными (3 экз.), рубящими (2 экз.), односторонне оформленным орудием (1 экз.), орудием с «носиком» (1 экз.), пластинами с ретушью (3 экз.), отщепами с ретушью (26 экз.), обломками с ретушью (7 экз.), сколами десквамации с ретушью (2 экз.) (рис. 3).

Основными приемами вторичной обработки является оббивка, ретушь и выемчатое снятие. Появляется характерная скребковая притупливающая рабочий край изделия ретушная обработка и бифасиальная.

В целом, индустрия направлена на получение заготовок в виде отщепов, пластинчатых отщепов и пластин. Появляются верхнепалеолитические типы орудий.

Комплекс недефлированных изделий

Коллекция недефлированных артефактов насчитывает 1142 экз. Нуклевидные изделия (223 экз.) подразделяются на материалы со следами апробации (25 экз.), преформы (15 экз.), нуклеусы (101 экз.), колотую гальку (9 экз.) и нуклевидные обломки (73 экз.).

Индустрия сколов (879 экз.) представлена первичными отщепами (19 экз.), отщепами (519 экз.), пластинами (58 экз.), техническими сколами (62 экз.), обломками (114 экз.).

Орудийные формы группы недефлированных артефактов насчитывают 520 экз., включают в себя бифасиальные изделия (35 экз.), скребла (78 экз.), скребки (23 экз.), зубчатое орудие (1 экз.), зубчато-выемчатые (2 экз.), выемчатые (51 экз.), шиповидные (9 экз.), клювовидные (3 экз.), рубящие (5 экз.), односторонне оформленное изделие (1 экз.), клиновидное орудие (1 экз.), перфоратор (1 экз.), резец (1 экз.), комбинированные орудия (7 экз.), оригинальное орудие (1 экз.), отщепы с ретушью (271 экз.), пластины с ретушью (14 экз.), обломки с ретушью (14 экз.) и скол десквамации с ретушью (1 экз.) (рис. 4).

Вторичная обработка заготовок осуществлялась оббивкой, ретушированием, выемкой и резцовым сколом. Основным приемом вторичной обработки изделий является ретушь. Техника резцового скола фиксируется в единичном случае. В приемах вторичной обработки заготовок особо отмечается ретушная отделка, характерная для скребковых орудий, используемая при оформлении вогнутых рабочих краев, изделия были отнесены к категории отщепов с ретушью.

В целом, индустрия недефлированного комплекса характеризуется простой параллельной и призматической техникой расщепления, направленной на получение заготовок в виде отщепов и пластин. Орудия в основном верхнепалеолитического типа.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И КОРРЕЛЯЦИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ МАНГЫШЛАКА С КОМПЛЕКСАМИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Сложно однозначно датировать сильнодефлированный комплекс местонахождений плато Мангышлак, скорее всего, его можно рассматривать в рамках раннего палеолита.

По А.Г. Медоеву, культура леваллуа-ашель, выделенная на Мангышлаке, хронологически соответствует раннему палеолиту. Столь раннее появление леваллуасской технологии в сочетании с ашельскими типами орудий (рубила, колуны, кливеры) типично для раннепалеолитических комплексов Мангышлака.[8]

Палеолитические комплексы Мугоджарских гор в Северо-Западном Казахстане иллюстрируют позднеашельскую линию развития. Первичное расщепление сильнодефли-

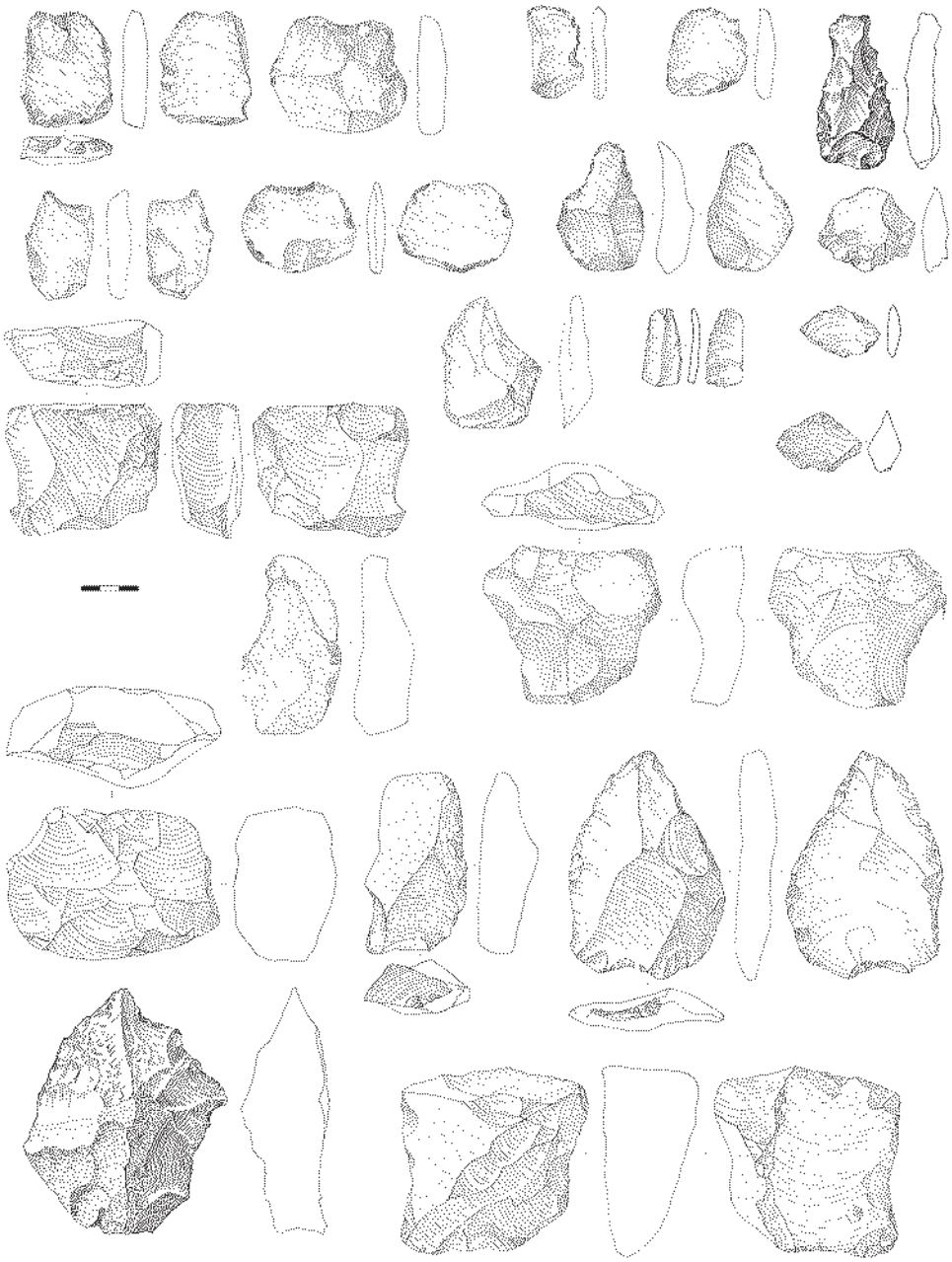


Рис. 3. Комплекс слабодефлированных изделий.

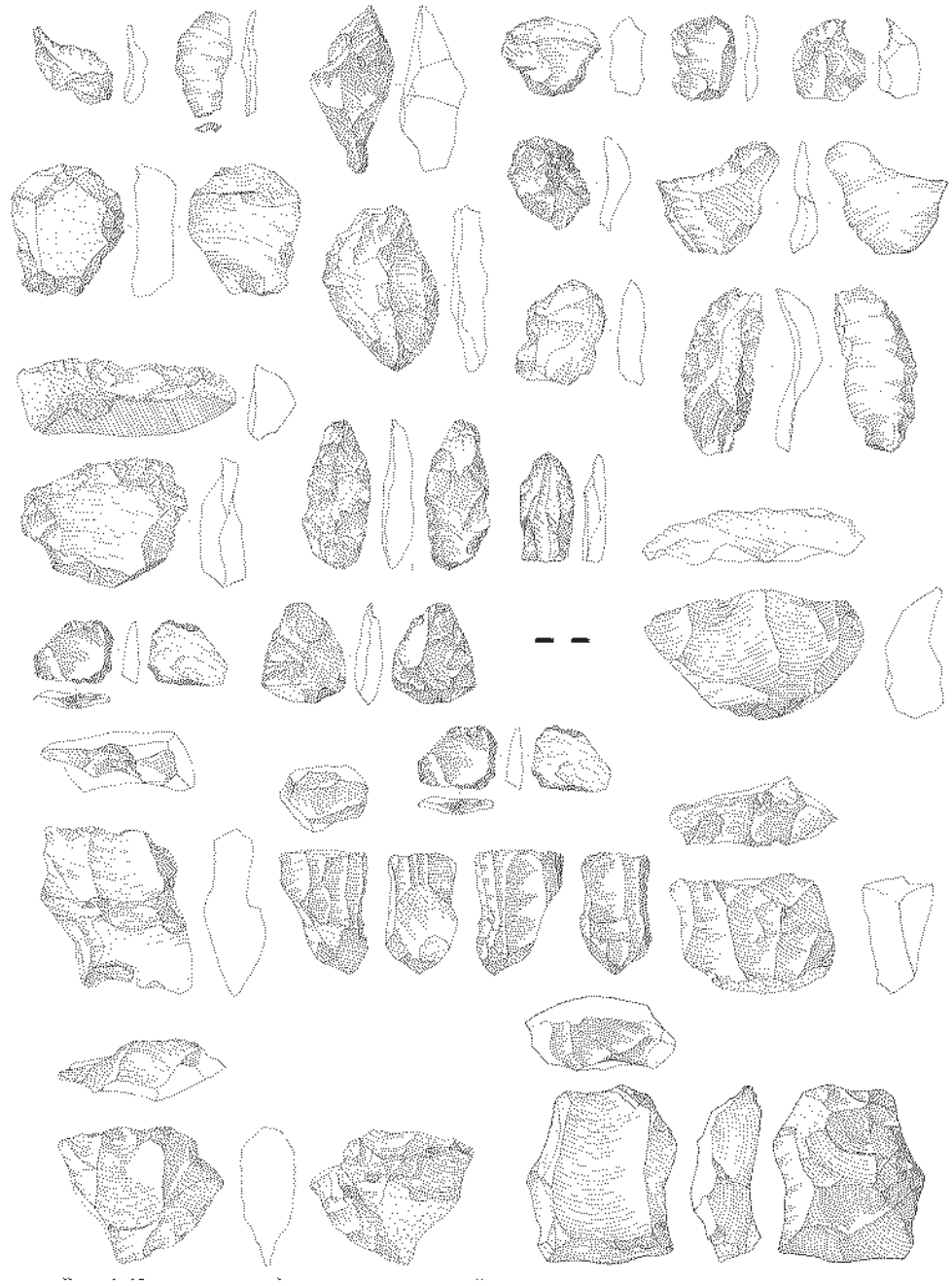


Рис. 4. Комплекс недефлированных изделий.

рованной серии (Мугоджары-4) представлено нуклеусами леваллуасского, параллельного, субпараллельного, ортогонального и радиального принципов скалывания. Сколы-заготовки в виде отщепов, преимущественно крупных и средних размеров, коротких и укороченных пропорций. Орудия в основном представлены различными видами скребел на крупных массивных сколах и плитках, орудия с «носиком», с «шипом», скребками, зубчато-выемчатыми формами. Бифасиально оформленные изделия, рассматриваются, как правило, в качестве рубил ашельского облика, характеризуются крупными размерами, изготовлены на основе плиток.[9] Сильнодефлированный комплекс Мангышлака также включает в себя нуклеусы с леваллуасской морфологией, скребла, зубчато-выемчатые формы.

Каменная индустрия местонахождений восточного побережья залива Бутакова (северное побережье Аральского моря) характеризуется преобладанием одноплощадочных монофронтальных, леваллуасских и радиальных нуклеусов в первичном расщеплении. Отщепы крупных и средних размеров. Орудийный набор составляют скребла, орудия с «шипом», зубчато-выемчатые формы, отмечается большое количество бифасиально оформленных изделий ашельского облика.[10]

В Юго-Западном Копетдаге (Западная Туркмения) палеолитические находки Приатречья, в долинах рек Сумбар и Чембырь представлены в основном сборами ашельского облика (чопперы, нуклеусы, сколы, выемчатые и зубчатые орудия). Коллекции в районе Кемаль-Узбойской впадины (Кызыл-Бурун, Алам-Куль I и др.) включает в себя различные варианты скребел на фрагментах плитчатых желваков, плоских плитчатых обломках и сколах десквамации, клювовидные, зубчатые и зубчато-выемчатые формы.[11]

Среднедефлированный комплекс Мангышлака, вероятнее всего, следует относить к среднему палеолиту. Мустьерская эпоха на территории западного Казахстана представлена палеолитическими комплексами Шахбагата (леваллуа-ашель II, в качестве эквивалента собственно мустье) с характерными уплощенными бифасиально оформленными наконечниками копий и ножами с искусственным обушком, и относительно небольшая коллекция с Онежек V.

На территории Северного Прибалхашья, на примере местонахождений Семизбугу и других стоянок, А.Г. Медоевым выделяется мустье ашельской традиции фации леваллуа. Мустьерские комплексы, представленные мустье ашельской традиции фации леваллуа, соответствуют среднему мустье, а мустье ашельской традиции фации не леваллуа – позднему. Коллекции Семизбугу 2, 4, 10А большей частью представлены в рамках первого.[12]

За пределами региона, в Горном Алтае мустьерские памятники подразделяются на два варианта: мустье типичное (слои 20-22 пещеры Денисова, пещера им. Окладникова, открытое местонахождение Тюмечин I) и мустье карабомовского типа (Кара-Бом, Усть-Каракол-1, Ануй-3, пещера Усть-Канская). Индустрии первого типа характеризуются использованием незначительной доли леваллуасской техники расщепления, орудийный набор характеризуется большой вариабельностью скребел, что сближает их с среднедефлированным комплексом Мангышлака. Ко второму варианту относятся комплексы с хорошо выраженным индексом леваллуа, преобладанием мустьерской и зубчато-выемчатой групп изделий, присутствием значительной доли верхнепалеолитических изделий.[13]

Слабодефлированный комплекс рассматривается в рамках переходного периода от среднего к верхнему палеолиту. Ближайшие аналогии материалам слабодефлированного комплекса Мангышлака можно проследить на памятниках Северного Прибалхашья (местонахождения Семизбугу, стоянки в долинах рек Кызыл-Кайнар и Туранги, у пос. Саяк). Палеолитические комплексы Семизбугу 2, 4 иллюстрируют преобладание в первичном расщеплении призматических, торцовых нуклеусов. Леваллуасская и клектонская техники скалывания нуклеусов уже не играют значительной роли в первичном расщеплении камня. Каменный инвентарь в общих чертах типологически сходен с слабодефлированными комплексами Мангышлака.

Ведущее место в первичном расщеплении верхнего слоя стоянки им. Ч. Валиханова также принадлежит призматическим нуклеусам. В орудийном наборе доминируют скребки на пластинках и отщепах, наряду с грубо обработанными скребками присутствуют также миниатюрные скребки с полукруглым, тщательно оформленным рабочим лезвием.[14] Примечательно, что в слое наряду с позднепалеолитическими формами сосуществуют мустьерские типы орудий, свидетельствующие о переходном этапе в рамках одной палеолитической стоянки. Слабодефлированные комплексы Кызылтау на территории Южного Казахстана также характеризуются появлением торцовых и призматических нуклеусов наряду с одноплощадочными монофронтальными нуклеусами. Орудийный набор представлен выразительным количеством отщепов с ретушью, в меньшей степени скребками с «носиком», выемчатыми формами и орудиями с «шипом».[15]

В Средней Азии выделяются два варианта перехода эпохи мустье к позднему палеолиту: ближневосточный (Оби-Рахмат, Шугноу) и азиатский на основе галечной техники (Самаркандская стоянка). Комплекс слабодефлированных изделий больше тяготеет к среднепалеолитическим материалам Кульбулака, отмечен наличием нуклеусов параллельного принципа скалывания в разных вариантах, укороченностью, нередко массивностью сколов, редкостью качественных заготовок, несмотря на наличие в мангышлакской коллекции пластин.[16]

Необходимо отметить, что в мустьерских индустриях в пределах Кемаль-Узбойского солончака (Западная Туркмения) немаловажную роль играет наличие бифасиальных форм, что сближает их с каменными индустриями Мангышлака и Сары-Арки.

На Алтае комплексы усть-каракольского варианта верхнепалеолитических индустрий на начальном этапе (Усть-Каракол, Ануй-3, Денисова пещера и т. д.) по сравнению с карабомовским (Кара-Бом, Кара-Тенеш), имеют ряд общих черт со слабодефлированным комплексом. Помимо леваллуасских и простых площадочных нуклеусов в индустрии встречаются призматические и торцовые, а в орудийном наборе присутствуют орудия верхнепалеолитического облика и бифасиальные изделия.

На территории Монголии фиксируется два технических варианта развития переходных индустрий. К примеру, для индустрии палеолитического комплекса в пещере Цаган-Агуй характерно устойчивое развитие приемов параллельного расщепления, направленных на утилизацию леваллуасских, протопризматических и торцовых нуклеусов. Типологическую основу инвентаря составляют массивные скребла, зубчато-выемчатые и шиловидные изделия. Во многом близкий технологический характер имеет коллекция среднедефлированных артефактов местонахождения Хойт-Цэнкэр-Гол-2 в Монгольском Алтае.[17] Общие аналогии среди материалов слабодефлированного комплекса прослеживаются именно в рамках данного технического варианта, в основном из-за слабой выраженности леваллуасских элементов.

Недефлированный комплекс Мангышлака соотносится с верхним палеолитом вплоть до финала. Исследователи отмечают малочисленность верхнепалеолитических памятников на территории Казахстана: Шахбагата и Онежек на Мангышлаке, Кудайколь и Шульбинка в Прииртышье, стоянки им. Ч. Ч. Валиханова (верхний слой), Ащисай в горах Каратау и, возможно, Майбулак в Жетысу, недефлированные комплексы Семизбугу. Отмечается, что для индустрий позднего палеолита региона характерны наличие нуклеусов и их заготовок для снятия ножевидных пластин, пластин с симметричными гранями и малое количество орудий. Серия местонахождений Онежек I-VII, из них Онежек I датируется верхним палеолитом (комплекс стоянок), расположена у залива Сарыташ, на поверхности морской террасы и на бортах оврагов у подножия горы Онежек. В коллекции преобладают сколы и нуклеусы, выделены призматические нуклеусы и скребки, изделий со следами вторичной обработки мало, имеются бифасы. Для индустрии стоянки Ащисай характерны пластинчатая техника расщепления (заготовки в виде тонких симметричных ножевидных пластин), преобладание призматических одно- и двухплощадочных нуклеусов. Орудия представлены концевыми скребками, проколками на остроконечных ножевидных пластинках.[18]

Исследования на территории Прикаспийской низменности выявили, что определенная часть собранных коллекций (местонахождения у оз. Шалкар и в окрестностях с. Родники) датируется не только эпохой позднего палеолита, но и в связи с различной сохранностью поверхности каменных артефактов, гораздо более ранним периодом. Общий облик немногочисленного каменного инвентаря, в составе которого присутствуют преформы, призматические нуклеусы, заготовки бифасиальных изделий, скребла и ножи с неоформленными обушками, тяготеет «…к памятникам, выявленным в Мугоджарах и Северном Приаралье».[19]

Наибольшее сходство комплекса прослеживается с недефлированной серией Саяка, которая также представлена простыми площадочными, призматическими и торцовыми ядрищами, за исключением клиновидных форм, которые не прослеживаются в недефлированном комплексе. В то же время в индустрии сколов недефлированного комплекса Мангышлака в отличие от Саяка сохраняется преобладание крупных заготовок.[20]

Определенные общие черты фиксируются с недефлированным комплексом местонахождений Кызылтау, предположительно датируемым верхнепалеолитическими рамками. В первичном расщеплении наблюдаются аналогичные приемы утилизации нуклеусов, представленных простыми формами продольной и поперечной ориентировки скалывания, присутствуют также нуклеусы призматической и торцовой техники скалывания. Среди орудий доминируют скребла, в меньшей степени представлены выемчатые формы, орудия с «шипом», скребки.

Многослойная стоянка на территории Юго-Восточного Казахстана в Жетысу, каменная индустрия многослойной стоянки Майбулак представлены тремя культурными горизонтами. Коллекция включает в себя преформы, пренуклеусы, нуклеусы леваллуасского и параллельного принципа скалывания, группа сколов представлена отщепами, пластинчатыми отщепами, пластинами; орудий немного, представлены скребки (концевые, боковые, высокой формы, с рабочим лезвием по периметру), скребла, выемчатые изделия, комбинированные орудия. В целом памятник исследователи относят к типу долговременных стоянок-мастерских и предварительно датируют поздним палеолитом.[21]

Среди памятников позднего палеолита в Средней Азии некоторое сходство наблюдается с верхнепалеолитической индустрией I-III слоев стоянки Кульбулак, которая характеризуется серией призматических нуклеусов, преимущественно для снятия мелких пластинчатых снятий и микропластин, при этом в коллекции преобладают сколы-заготовки в виде отщепов. Орудийный набор состоит как из грубых скребков, так и «миниатюрных скребочков» с тщательно обработанным рабочим краем, также представлены зубчато-выемчатые орудийные формы.

Заключительный этап верхнего палеолита Алтая наиболее полно представлен археологическими материалами пещерных комплексов (Денисова пещера, слой 9 центрального зала и 5-6 слои предвходовой площадки, Каминная, слои 10б-14б; Страшная, слои 3/1а, б). Прежде всего, отмечается определенное сходство в категории первичного расщепления нуклеусов, в котором помимо радиального и леваллуасского принципа расщепления, представлены торцовые и призматические формы, возрастает количество пластинчатых заготовок, хотя каменная индустрия остается отщеповой. Среди орудий наряду с появлением изделий верхнепалеолитического облика, присутствуют бифасиальные формы. Характерным признаком усть-каракольского технического варианта развития являются орудия со следами двухсторонней обработки, в первую очередь представленные выразительными листовидными бифасами из коллекции артефактов местонахождения Тюмечин-4.[22]

В индустрии недефлированных комплексов Кремневой долины в Монголии присутствуют бифасиально оформленные изделия, одноплощадочные монофронтальные нуклеусы, в меньшей степени торцовые несмотря на то, что нуклеусы леваллуасской морфологии и призматические формы практически отсутствуют. Среди орудий также ведущими орудийными формами являются скребла и скребки .[23]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благоприятные палеогеографические и палеоклиматические условия, особенно в определенные периоды, наличие источников пресной воды, обилие и высокое качество исходного сырья для производства каменных изделий, разнообразие флоры и фауны на протяжении всего плейстоцена, обнаруженные в регионе почти повсеместно, палеолитические комплексы с поверхностным залеганием артефактов в совокупности способствовали успешному расселению древних популяций. Коллекция каменных артефактов полуострова Мангышлак иллюстрирует все периоды палеолитической эпохи, начиная с раннего периода до финала позднего.

Анализ археологического материала позволяет выдвинуть положение о наличии четырех (от сильнодефлированной до недефлированной) хронологически неоднородных комплексов, отличающихся не только по степени сохранности поверхности артефактов, но и различиями в приемах первичного расщеплении и типологического облика каменных индустрий. В пользу тесной взаимосвязи между степенью сохранности и их относительным возрастом свидетельствуют сходные природно-климатические условия, под воздействием которых находились артефакты в течение длительного промежутка времени. Отсутствие четкой стратифицированной привязки значительно затрудняет культурно-хронологическую привязку разновременных комплексов Мангышлака, тем не менее, на основе технико-типологического анализа коллекции и корреляции с археологическими материалами палеолитических памятников сопредельных территорий, позволяет отнести их к определенным этапам палеолитической эпохи.

При сравнении следует учитывать количественную разницу артефактов в коллекции каждого представленного комплекса относительно друг друга. Отмечается тенденция к увеличению общего количества артефактов по восходящей линии. Возможно, данное явление есть результат индивидуальной выборки, неизбежной при сборе подъемных материалов (менее дефлированные артефакты лучше распознаваемы и диагностируемы для исследователя в полевых условиях). С другой стороны, не исключена вероятность, что причиной количественно низких показателей присутствия сильно- и среднедефлированных артефактов стала реутилизация и переоформление артефактов, в большинстве случаев слабо диагностируемых, в более позднее время.

Сильнодефлированный комплекс коллекции наиболее приемлемо датировать эпохой раннего и, возможно, началом среднего палеолита. В целом, несмотря на малочисленность изделий, можно отметить, что техника расщепления камня главным образом направлена на получение отщепов. Примечательны нуклеусы, у которых произведенное крупное снятие охватывает практически всю плоскость скалывания, что может рассматриваться как проявление леваллуасских традиций в технологии расщепления. Все представленные сколы исключительно крупных размеров. Доля орудий незначительна, изготовлена на заготовках – крупных сколах и обломках. Сильнодефлированные заготовки нередко использовались вторично (подвергались переоформлению в более позднее время).

Среднедефлированную серию артефактов, несмотря на малочисленность выразительных нуклевидных изделий, опираясь на некоторые особенности характеристики сколов, можно отнести к отщеповой индустрии. Значительно преобладают крупные сколы, но при этом намечается тенденция к небольшому уменьшению размеров по сравнению с более ранним комплексом. В целом, индустрия характеризуется как непластинчатая, основанная на параллельном принципе скалывания. Среди остаточных ударных площадок преобладают гладкие, появляются, правда, в единичных экземплярах, фасетированная и линейная. Орудийный набор представлен среднепалеолитическими типами. Вероятнее всего, комплекс следует рассматривать в рамках среднего палеолита.

Индустрию слабодефлированного комплекса можно отнести к переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту. По сравнению с предыдущим комплексом отмечается изменение в сторону более качественного технологического уровня. Фиксируется бо-

лее тщательное оформление нуклеусов, появляются их новые типы, в частности торцовые и призматические формы, уменьшаются размеры заготовок, шире представлены орудия. Скребла и выемчатые изделия по-прежнему доминируют, наряду с ними появляются скребки, клювовидные орудия. Скребла характеризуются типологическим разнообразием по сравнению с более ранним периодом. В орудийном наборе появляются двухсторонние формы (бифасиальные изделия), в равной степени представлены целые изделия средней стадии оформления и фрагментированные изделия, первоначально имеющие законченный облик, примечательна доля верхнепалеолитических типов орудий. В целом, техника первичного расщепления представлена параллельным и субпараллельным принципами скалывания, индустрия направлена на получение заготовок в виде отщепов, пластинчатых отщепов и пластин. Среди сколов доминируют отщепы, в основном крупных размеров. Пластинчатые заготовки крупных и средних размеров.

Недефлированный комплекс датируется верхним палеолитом. Каменная индустрия характеризуется ортогональной, параллельной и призматической техникой расщепления, направленная на получение заготовок в виде отщепов и пластин. Проявляются приемы отжимной техники расщепления. Наряду с отщепами в качестве заготовок для орудий используются пластины, удельный вес которых увеличивается по сравнению со слабо- и среднедефлированными сериями, хотя основными заготовками для орудийных форм продолжают оставаться отщепы. Отмечается тенденция к уменьшению заготовок, сколы имеют более правильный стандартизированный облик. Среди определимых ударных площадок преобладают гладкие, увеличивается количество фасетированных и линейных, появляются точечные и двухгранные. Наличие в индустрии относительно большого количества преформ и нуклевидных форм можно объяснить более многочисленными сборами по сравнению с ранними комплексами. Увеличивается доля орудий верхнепалеолитического типа. Заметно возрастает доля скребков, фиксируется их типологическое разнообразие в отличие от слабодефлированной коллекции. Вторичная обработка орудийных форм производится более тщательно, чаще встречаются случаи бифасиальной, параллельной и субпараллельной ретуши. В достаточном количестве представлены бифасиальные изделия, в основном, средней стадии оформления. Материал в целом сохраняет основные элементы индустрии предшествующего этапа.

Наличие в непосредственной близости от местонахождений сырьевой базы в виде обнаженных выходов кремня позволяет отнести палеолитические комплексы к мастерским. Общий технико-типологический анализ коллекции позволяет выявить единую линию развития каменной индустрии Мангышлака, генетически связанную с одновременными индустриями сопредельных территорий.

Оценивая в целом результаты исследований, проведенных на плато Мангышлак, следует отметить, что они ясно свидетельствуют о процессе заселения древним человеком территории восточного побережья Каспийского моря на протяжении всего плейстоцена. На основе аналогий с палеолитическими памятниками сопредельных территорий можно предположить, что развитие более поздних комплексов происходило на автохтонной основе, с течением времени переходящей на более качественный уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Окладников А.П.* Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова (отчет о полевых исследованиях в 1947 г.) // Труды ЮТАКЭ. 1951. Вып. 2. С. 73-104. *Любин В.П.* Палеолит Туркмении // СА. 1984. №1. С. 26-45.
2. *Леонтьев О.К., Халилов А.И.* Природные условия формирования берегов Каспийского моря. Баку, 1965. 218 с.
3. *Таймагамбетов Ж.К.* Палеолит Казахстана (основные проблемы). Автореф. дис. … докт. ист. наук. Новосибирск, 1993. 52 с.
4. *Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К, Петрин В.Т, Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т.* Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак

в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 42-45.
5. *Медоев А.Г.* Геохронология палеолита Казахстана (к XI конгрессу ИНКВА). Алма-Ата, 1982. 64 с.
6. *Аубекеров Б.Ж.* Континентальные четвертичные отложения Казахстана: Автореф… дис. докт. Алма-Ата, 1992. 35 с.
7. *Любин В.П.* Палеолит Туркмении (История, исследования, новые материалы, ближайшие задачи) // СА. 1984. № 1. С. 26-45.
8. *Медоев А.Г.* Геохронология палеолита Казахстана (к XI конгрессу ИНКВА). Алма-Ата, 1982. – 64 с. *Медоев А.Г.* Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 139-153.
9. *Деревянко А.П.* Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия) // *Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. ...*
10. *Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т.* Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Том V. С. 46-49.
11. *Любин В.П.* Палеолит Туркмении... С. 26-45.
12. *Артюхова О.А.* Мустье Центрального и Южного Казахстана // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Алма-Ата, 1992. – 24 с.
13. *Деревянко А.П., Шуньков М.В.* Основные этапы развития палеолитических традиций на Алтае // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведенения. Новосибирск, 2005. С. 68-77.
14. *Таймагамбетов Ж.К.* Палеолитическая стоянка им. Ч. Ч. Валиханова. - Алма-Ата, 1990. – 128с.
15. *Цыбанков А.А.* Палеолитические комплексы Кызылтау (Южный Казахстан). Автореф. … дис. к. ист. н. Новосибирск, 2004. – 26 с.
16. *Касымов М.Р.* Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане (предварительные итоги исследований) // Палеолит и неолит. 1972. Т. 7. С. 111-119. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 185). *Вишняцкий Л.Б.* Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб., 1996. – 213 с.
17. *Деревянко А.П.* Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая // А.П. Деревянко., Д. Дорж, Р.С. Васильевский, В.Е. Ларичев, В.Т. Петрин, Е.В. Девяткин, Е.М. Малаева. Новосибирск, 1990. – 646 с.
18. *Таймагамбетов Ж.К.* Палеолит Казахстана...
19. *Артюхова О.А., Бексеитов Г.Т.* Новые памятники каменного века Западно-Казахстанской области (по материалам полевых исследований 2001 г.) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 16-31.
20. *Славинский В.С.* Палеолит Северного Прибалхашья (по материалам местонахождений Саяка). Автореф. … дис. к. ист. н. Новосибирск, 2004. – 26 с.
21. *Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В.* Первая многослойная палеолитическая стоянка Майбулак в Жетысу. // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. Новосибирск, 2005. С. 188-190.
22. *Деревянко А.П., Шуньков М.В.* Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. Дискуссия. Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 256-279.
23. *Деревянко А. П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д.* Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай) Новосибирск, 2002. – 288 с.

A.K. Abdykanova

PALEOLITHIC SITES OF MANGYSHLAK PENINSULA (THE WESTERN KAZAKHSTAN)

This is a sequel of works devoted to studying of the Stone Age in Kazakhstan, based on results of the joint Russian-Kazakhstan archeological expedition. The work presents new materials of archeological researches about some unique Paleolithic sites of Mangyshlak peninsula (the Western Kazakhstan) in conditions of the arid zone. Results of investigation for the given territory are examined on a basis of the original research technique for archeological objects with the superficial bedding of artifacts. Then, the author singles out chronologically non-uniform complexes gives the technicho-typological analysis of the industry, its basis and traces the line of its development. A scheme of the periodization for Paleolithic sites of Mangyshlak is offered either.

© 2007 г.

Д.Л. Бродянский

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Человек изначально — продукт природы. Чтобы ни писали и ни думали сторонники «разумного начала» в происхождении человека, то есть создания человека богом или мифическими пришельцами из космоса, мы — продукт земной природы, часть ее животного мира. От всех других живых существ на Земле нас отличает гоминидная триада (по В.П. Алексееву): прямохождение; руки, свободные от функций передвижения, с кистью, приспособленной к тонкому манипулированию; крупный, сложный, высокоразвитый мозг. Палеоантропология накопила значительный фонд источников, документирующих 5-6 миллионный путь австралопитековых, на котором природа методом проб и ошибок отбирала приматов, приспособившихся жить на открытых пространствах, охотиться и защищаться с помощью орудий, научившихся не бояться огня и использовать его. Генетика подтвердила высокую степень близости генотипа людей и шимпанзе.

Осознание своей глубинной связи с природой люди отобразили в мифах, древнем искусстве, в очеловечивании окружающего их мира. Антпропоморфизм первобытного сознания прекрасно выразил Дерсу Узала: «Его все равно люди, только рубашка другой. Обман понимай, сердись понимай, кругом понимай! Все равно люди»[1].

Автор, изучая искусство людей, населявших Приморье в мезолите, неолите, палеометалле, учёл более 500 произведений искусства: мобильных петроглифов, фигурок, рельефов на керамических сосудах. Возраст изделий — от 16 до 2-х тысяч лет назад[2]. Эта скромная коллекция изучена в сравнениях с неолитическим искусством Нижнего Амура[3], дзёмонскими догу Японии — 15 тысяч находок[4], наскальными рисунками Пангудэ на юге Кореи[5]. Объектами внимания древних художников на Дальнем Востоке были люди, животные, реже — растения. Пейзаж, в отличие от художников дальневосточного средневековья и нового времени, древних, кажется, не интересовал.

В древнем искусстве Дальнего Востока центральное место занимают антропоморфные, но отнюдь не портретные образы: личины Сакачи — Аляна и Шереметьевского[6], дзёмонские догу[7], парциальные личины на камне[8], спиральные на керамике[9], реалистические на камне и керамике[10], в неолите Приморья. Большинство личин бесполы, но в ряде случаев можно выделить мужские[11] и женские образы[12]. В скульптуре преобладают женские фигурки[13], мужские символы — фаллосы заменяют мужские фигурки.

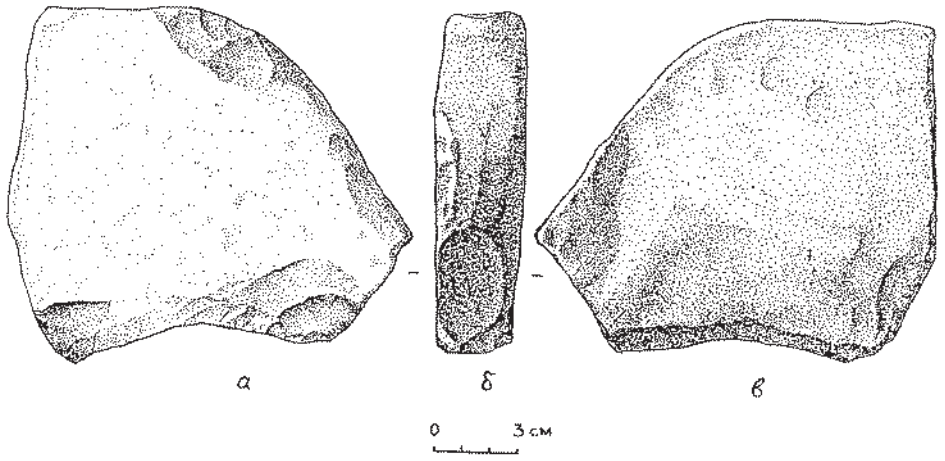
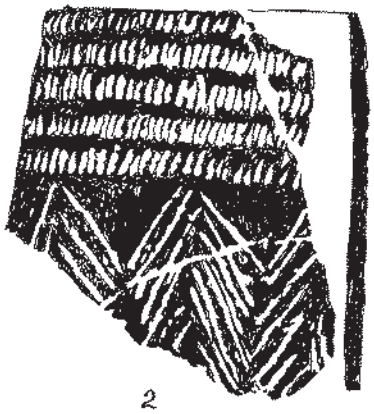


Рис. 1. Тигр из Гладкой IV (туфопесчаник)

На Нижнем Амуре найдена серия женских фигурок с прической — фаллосом[14] и серия фигурок, соединяющих лося и фаллос. Древнейшая каменная фигурка — фаллос в Японии найдена на палеолитической стоянке Ивато[15], снабжена личиной на головке — с искривленным ртом. Этот образ — личина с искривленным ртом — многократно повторяется, в том числе в композициях, иллюстрирующих миф о солярных супругах, это образ бога ветра — мужа (брата) женщины — Солнца в японском варианте — Аматэрасу и Сусаноо. В Приморье это композиция из Синего Гая А[16]. В Бойсмана II есть петроглифы с персонажем с искривленным ртом[17], один из них[18] найден в ритуальном комплексе западнее и выше группового погребения семи человек в могиле №3 второго бойсманского могильника. В комплекс, кроме камня — петроглифа, входили кострище, необработанный камень, рог и нога оленя, створка гребешка и обломки сосуда. Связка олень-птица и гребешок-корабль несколько раз повторяется в бойсманских ритуальных комплексах.

Шесть раз в Бойсмана II найдено изображение человека в капюшоне, в трех случаях это женщина в одном из ракурсов полиэйконической фигурки: женщина — кабан — тюлень (ларга)[19], женщина — кабан — акула[20], женщина — тюлень — самец горбуши. Эти своеобразные трансформеры иллюстрируют берингийский миф о Хозяйке моря, предстающей перед людьми в виде косатки (тюленя, акулы) и выходящей на берег в виде волка (кабана, горбуши). Возможно, тот же персонаж — Хозяйка моря — представлен двумя барельефами на обломках зайсановских неолитических сосудов, найденных Г.И. Андреевым в 1961 г. в Валентине — Перешейке[21], где фигура женщины в капюшоне соединена с изображениями всплывающего осьминога и кальмара.

В маргаритовском (поздненеолитическом) комплексе Киевки найдена керамическая фигурка, в разных ракурсах которой предстают женщина, лосиха, сова[22]. Если перевернуть петроглиф с изображениями Ворона и рассеченного волка[23], видишь 2 ямки — глаза под капюшоном. На Лузановой Сопке 6, в зайсановском слое найдена ретушированная фигурка совы — женщины и, возможно, лосихи[24]. Такое же соединение женщины — совы в фигурке из Рудной Пристани, из слоя кондонской (руднинской) культуры[25]. Двухсторонний петроглиф — галька из Бойсмана II[26] соединяет в себе целый мир: две антропоморфных личины, на одной из них глаза соединены с изображением змеи, на торцовой стороне гальки кит, тюлень, белуха, гравированы изображения краба, тигра, оленя, собаки, гагары…



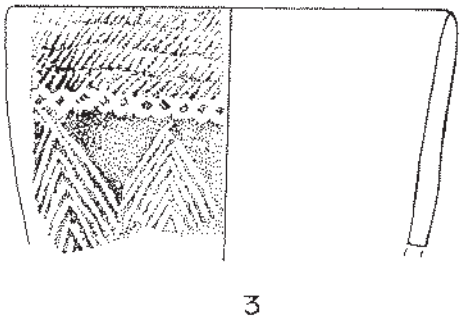


Рис. 2. 1 — Отпечаток листа и зерен риса на дне сосуда культуры яёй (Япония); 2,3 — сосуды из Амсадона (Корея) с рисунками веток сосны.

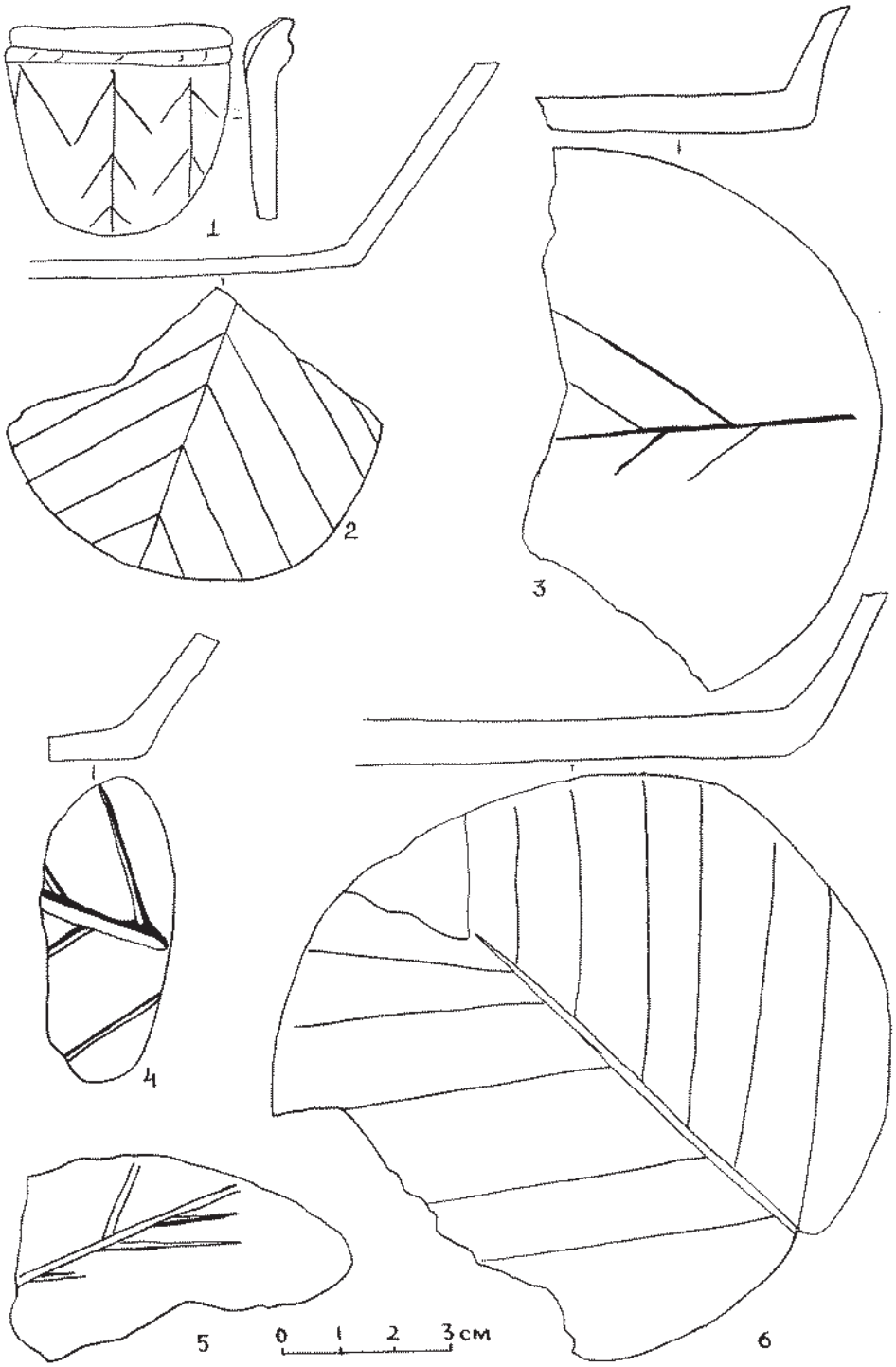


Рис. 3. Рисунки (отпечатки) листа на донцах сосудов: 1,5- Синий Гай А, нижний слой, зайсановская культура; 2,3 — Олений А, янковская культура.

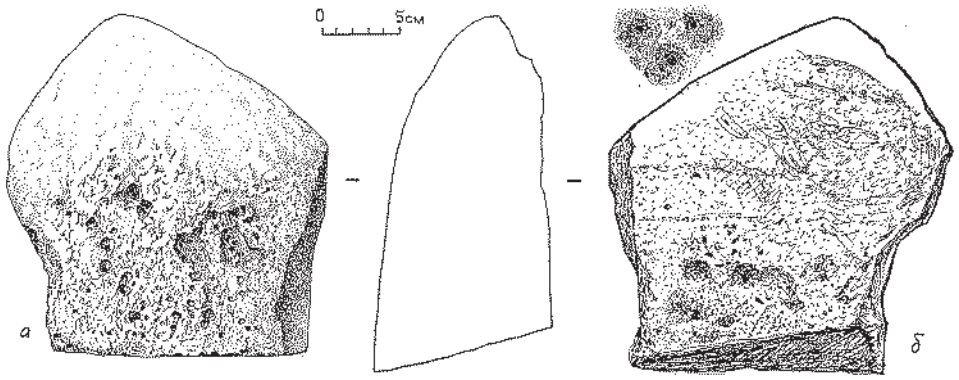


Рис. 4. Бойсмана III, янковское жилище №2: стела из туфа, на плоскости «а» созвездия Большая Медведица (перевернуто), Рака, Волопаса (со звездой Арктур), Лебедь.

Петроглиф, по-видимому, воссоздает космограмму бойсманцев — людей моря и тайги. Личины, возможно, это Солнце и Луна, объединяют представителей водной и лесной фауны, а гагара соединяет эти стихии с воздухом.

Ассоциируя себя с природой, древние художники передают ее животное многообразие: 17 видов птиц: лебеди, утки, гуси, гагары, цапли, колпица, ибис, орлан, соколы, выпь, удод[27], совы, вороны, куропатки, бакланы, кулик, рябчик, неопределенные, в т.ч. фантастические птицы с мощным прямым клювом. Столько же видов млекопитающих: медведи, тигры (рис.1), леопард, кот, рысь, кабаны, олени, лоси, косуля, волки, собаки, лисы, еж, мыши, летучая мышь, заяц, среди дзёмонских фигурок животных есть обезьяна[28]. Из пресмыкающихся чаще всего изображались змеи, в т.ч. узорчатый полоз, есть фигурки черепах: дальневосточной кожистой черепахи-амиды и морских черепах. Из рыб чаще всего изображали лососей, в т.ч. есть изображение горбуши, найдены фигурки саргана, стихея Григорьева, камбалы, собаки — рыбы, из речных — осетр и сом. В двух случаях внутри сома помещены изображения животных[29] — очевидная аналогия гигантскому сому-пуймуру из нанайского мифа. Земноводные представлены дзёмонской фигуркой лягушки[30], насекомые — фигурки гусеницы и личинки из Бойсмана II, моллюски — фигурка туррителлы из Бойсмана II и барельефы кальмара и осьминога из Валентина- Перешейка.

В Бойсмана II самая многочисленная группа — изображения морских животных, кроме упомянутых фигурок рыб, это киты, тюлени: ларга, сивучи, котик, акула, дельфины, белуха, скат, среди древнейших устиновских фигурок есть изображения нерпы и лахтака — морского зайца, в Чёртовых Воротах — кит-нарвал, на скалах Пангудэ — рисунки акул, косаток, дельфинов, из китов — кашалот, финвал, японский южный кит, гренладский и серый киты, показана охота на кита, есть черепаха — трионикс[31]. В искусстве бойсманцев и их южных соседей четко выражена морская ориентация экономики, а зарождается она еще в устиновском мезолите при явно более холоднолюбивой фауне.

Всего анималистическое искусство древних на Дальнем Востоке запечатлело порядка 70 видов животных, и этот список увеличивается почти с каждым полевым сезоном. Древние прекрасно знали окружающую их природу. Удивительным штрихом этого знания я бы назвал находку в зайсановском неолитическом жилище в Оленьем А изображения эмбриона из базальта, напоминающее свернувшегося дракона[32].

Растительный мир отражен в искусстве древних много скромнее, выделяются две группы. Первая — естественные отпечатки на сланцевых плитках, найденных А.А. Крупянко в устиновском слое Суворово VI, в т.ч. отпечаток листа папоротника[33].

Вторая, более многочисленная группа, - дендритовые отпечатки и рисунки на сосудах ряда неолитических культур и культур палеометалла. Это отпечатки и рисунки веток сосны на стенках и рисунки или отпечатки листьев дуба, клена на дне сосудов (культуры дзёмон, зайсановская, гунсан, Осанни — верхний слой, янковская, лидовская, урильская, яёй). В яёй найден сосуд, на дне которого отпечатался лист с насыпанными на нем зернами риса[34] (рис. 2;1). Автор видит в этих дендритовых рисунках на сосудах следы ритуала, аналогичного церемонии Дайдзёсай во время совместной трапезы японского императора с богиней солнца Аматэрасу: на листьях дуба подается рис нового урожая, зал украшается зелеными ветками[35]. Не удивительно, что вторая группа дендритовых рисунков встречается в культурах с зафиксированным земледелием[36] (рис. 2; 3); следует упомянуть еще керамическую фигурку, изображающую гриб[37].

Глубина познания древнейшими природы отражена в их календарях[38] и рисунках созвездий[39]. Календари бойсманцев точно отражают длительность лунного и солнечного года, известен високосный год. На янковских и бойсманских камнях — стелах есть созвездия Персей, Овен, Рака, Большая Медведица, Плеяды, Лебедь, Волопаса со звездой Арктур (рис. 4).

Тысячи лет назад люди, населявшие побережье Японского моря, Уссурийский край, Приамурье, относились к природе как воспетый В.К. Арсеньевым Дерсу, соединяли себя с ней в своем художественном творчестве, очеловечивали зверей и птиц, знали звездное небо, ориентировались в ритмах времени. Природа кормила людей, люди берегли природу. Нам бы поучиться у них.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю. Владивосток, 1986. С. 24.
2. *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья (каменный век — палеометалл). Владивосток, 2002. 220с; *Бродянский Д.Л.* Ключи от мифов в ископаемом искусстве Приморья // Вестник Центра корееведческих исследований Дальневост. гос. ун-та. Владивосток, 2004. №2 (7). С. 271-302.
3. *Медведев В.Е.* Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3. С. 56-69; *Медведев В.Е.* Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С.77-94; *Окладников А.П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971. 336с.
4. Памятники древней истории. Т.1. Древнейшие охотники. Палеолит. Токио: 1973. 166 с. (на яп. яз.); Jomonesque Japan. Niigata: Niigata Prefectural Museum of History. 2000. 92 p. (на яп. яз.); Музей Мацудо. Токио, 1995. 112 p. (на яп. яз.); *Kobaoyashi T.* Yomon Reflections. Roma, 2004. 240 p.
5. *Раков В.А.* Наскальные изображения гигантских морских животных в неолите на юге Корейского полуострова // Мир древних образов на Дальнем Востоке / Тихоокеанская археология. Вып. 10. Владивосток, 1998. С. 60-79.
6. *Окладников А.П.* Петроглифы Нижнего Амура…
7. Памятники древней истории. Т. 3…
8. *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья… рис. 6-9, 11, 13-18, 20-23.
9. Там же. Рис. 60, 61, 2.
10. Там же. Рис. 10, 19, 57.
11. Там же. Рис. 10, 19, 57; *Окладников А.П.* Петроглифы… Рис. 10, 62, 69.
12. *Бродянский Д.Л.* Искусство… Рис.60; *Окладников А.П.* Петроглифы… Рис. 10; 55, 1; 63.
13. *Медведев В.Е.* Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита… Рис. 1; 3, 1; 6, 2.
14. Там же. Рис. 1; 3,1; 6,1-3; 7.
15. Памятники древней истории. Т.1. Древнейшие охотники. Палеолит. Токио, 1973. Фото 12 (на англ. яз.).

16. *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья… Рис. 57-59.
17. Там же. Рис. 19.
18. Там же. Рис. 20.
19. Там же. Рис. 30,1.
20. Там же. Рис. 30,2.
21. Там же. Рис. С. 86, рис. 71.
22. Там же. Рис. 89; *Бродянский Д.Л.* Антропоморфные персонажи в неолитическом искусстве Приморья // ПИФК. 2004. Вып. XIV. Рис.7.
23. *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья… Рис. 21.
24. *Бродянский Д.Л.* Антропоморфные персонажи… Рис. 5,4.
25. *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья… Рис. 73, 5.
26. *Бродянский Д.Л.* Ключи от мифов…Рис. 20.
27. *Клюев Н.Я., Яншина О.В., Кононенко Н.А.* Поселение Шекляево-7 — новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. 2003. 4. Рис. 9, 10.
28. Памятники древней истории. Т.3… Фото 10.
29. *Бродянский Д.Л.* Ключи от мифов… Рис. 8, 15.
30. Памятники древней истории. Т. 3… Фото 14.
31. *Раков В.А.* Наскальные изображения…
32. *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья… Рис. 61.
33. Там же. С. 15, рис.4,2.
34. Памятники древней истории. Т.4. Начало рисосеяния. Период яёй. 1 Токио, 1975. Фото 47 (на яп. яз.).
35. *Ермакова Л.М.* Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. М., 1995. С. 67-73.
36. *Бродянский Д.Л.* Листья дуба, ветки сосны — ритуальные рисунки на дальневосточной керамике // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Зап.-Сиб. археолого-этнографической конференции. К 100-летию В.М. Чернецова. Томск, 2005. С. 292-293.
37. *Гарковик А.В.* Предметы мелкой пластики как отражение некоторых сторон духовной жизни древних обществ // Мир древних образов на Дальнем Востоке./ Тихоокеанская археология. Вып.10. Владивосток, 1998. Рис. 1,5.
38. *Бродянский Д.Л.* Мужские и женские календари в бойсманской неолитической культуре // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 299-316.
39. *Бродянский Д.Л., Лукашенко В.А.* Созвездия на камнях: пласт астроархеологических источников в неолите и палеометалле Приморья // Вестник ДВО РАН 2004; 1. С. 106-109; *они же.* Янковские звездочеты // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до нач. XX века). Благовещенск, 2004. С. 50-52.

D.P. Brodyansky

NATURE AND MAN IN ANCIENT ART OF FAR EAST

More than 500 ancient artifacts from sites of Mesolithic, Neolithic and Paleometal periods at the Pre-sea area were under analysis. The comparison done between these artifacts and the ancient art of Pre-amur area, Japan, Korea showed that the man and the environment occupy the central place in the system of images. Among the images of anthropomorphic picture there is women-Sun and her Wind-husband. Among wild animals there is a picture of Raven the main hero of Bering-fairy-tale and a picture of Sea-Owner. There are lots of pictures with fish, whales, dolphins, bears, tigers and other. Drawings of foliage and pine branch on ceramic vessels are connected with the agricultural cult of fertility.

© 2007 г.

Д.Л. Бродянский, В.А. Раков

РЕСУРСЫ МОРЯ В КУЛЬТУРАХ ЛЮДЕЙ КАМЕННОГО ВЕКА: РОЖДЕНИЕ АКВАКУЛЬТУРЫ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ МОРЯ В ПАЛЕОЛИТЕ

Первые люди на Земле 1,6 млн. лет назад, вполне вероятно, собирали на пляжах и мелководьях моллюсков, водоросли, охотились на черепах, искали их кладки яиц, ловили в устьях рек идущую на нерест рыбу (эти промыслы возможны без специальных орудий). Море было источником необходимой человеку соли, а галечные пляжи — каменного сырья для изготовления древнейших орудий.

В среднем ашеле, 400–200 тыс. лет назад, появляются прямые свидетельства использования людьми пищевых ресурсов моря: кости рыб в Терра-Амата, на берегу Средиземного моря, тысячи костей черноморского лосося в нижнем слое пещеры Кударо 1 на Кавказе (рыбу ловили, когда она поднималась по реке на нерест). А древнейшие раковинные кучи на южном побережье Африки: Маус Кейв 1, 1а на реке Класис, в Мапуто, в Мозамбике датируются временем 130 тыс. лет назад; возраст Си Харвест и Ходжест Пунт с мустьерской каменной индустрией — 70–60 тыс. лет, и есть еще близкие к ним Дьюфонтен, Сворткли́п, Келдерс [Volman, 1978]. На юго-восточном побережье Африки, в Нельсон-бэй обнаружена шестиметровая толща раковин: морское ушко, блюдечко, отложились 12 тыс. лет назад [Придо, 1979, с. 44]. Верхнепалеолитические раковинные кучи есть во Вьетнаме (культура шонви, 33–11 тыс. лет) [Нгуен Ван Ши, 1982, с. 11], в Юго-Восточной Азии широко распространены мезолитические раковинные кучи культуры хоабинь [Мак Дыонг, 1978, с. 128].

Масса раковин отложилась в раковинных кучах на восточном побережье Нового Южного Уэльса в Австралии [Кист, 1980, с. 32] и на о-ве Тасмания [Кабо, 1975, с. 62–70], там же кости рыб. Интересно, что позже тасманийцы утратили навыки использования водной фауны. Во всех приведенных примерах люди добывали различные виды двустворчатых и брюхоногих моллюсков: морских, пресноводных, наземных [Кларк, 1977, с. 154], но среди них нет устриц. К тому же уровню использования малакофауны (назовем его собирательским) можно отнести и некоторые этнографические объекты: раковинные кучи индейцев Патагонии и Огненной Земли [Кусто, Паккале, 1984, с. 22, 162–163, 173–177, 195], хотя здесь изредка встречаются устрицы [Там же, с. 19, 46].

С появлением искусства в верхнем палеолите изображения водных животных становятся многочисленными: рыб — более 120 рисунков, гравировок, фигурок [Абрамова, 1980, с. 91–92; Дэвлет, 2004, с. 131; Руссо, 2003, с. 44, 48, 58]. Фигурки лососевых рыб найдены в комплексах устиновской культуры в Приморье: Фирсанова Сопка, Устиновка 1, 3, Суворово 6, изображение сома — в Баркасной Сопке в Приамурье (рис. 1).

В Фонтаро (Франция) найдена гравировка клюющей рыбы, в Аранку — изображение кашалота, в Лас-Калдас — кита [Руссо, 2003, с. 17]. Есть более десяти палеолитических рисунков тюленей: в пещере Коске, в Монтгандье [Там же, с. 46], фигурка в Устиновке 3. К гидробионтам относятся сотни находок раковин и изделий из них: бусы, браслеты, пряжки, нагрудники, сетки для волос, чашечки для разведения краски. В Мас д'Азиль найдена створка гребешка с гравированной на ней головой быка [Там же, с. 21], в Костенках в одном из погребений — 150 раковин, в Коске — рисунок медузы [Дэвлет, 2004, с. 123], в Рок Сен-Сирк, в Марсуле и Фонтарно найдены изображения черепах [Руссо, 2003, с. 61], в Нижней Ложери — фигурка амфибии [Там же, с. 13]. Очевидно, что в древнем каменном веке люди приобрели разнообразные и значительные знания водных биоресурсов, навыки сбора и добычи гидробионтов и их использования. Ряд фактов (заселение Австралии, доставка обсидиана с острова, отдаленного проливом шириной 30 км, добыча глубоководных видов) свидетельствуют о первых опытах мореплавания в палеолите.

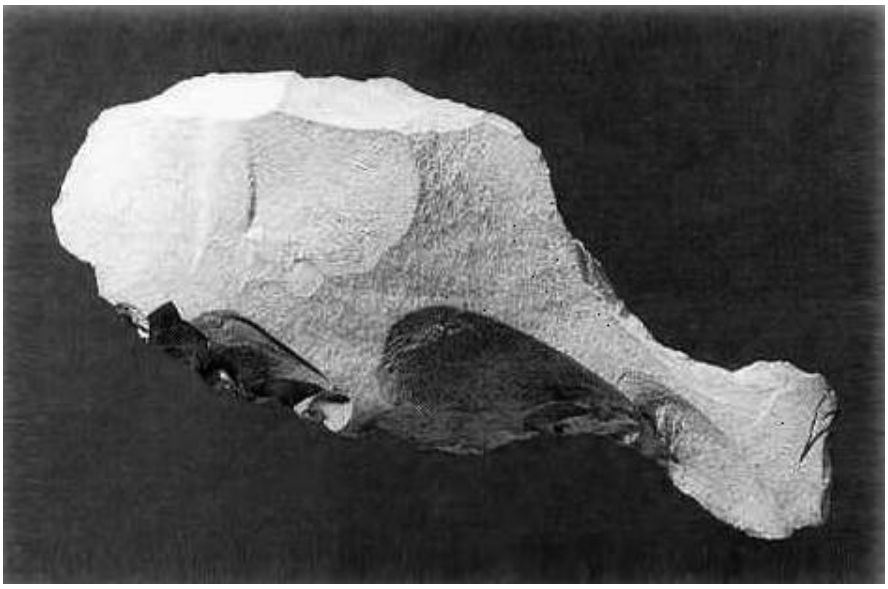


Рис. 1. Изображение рыбы из Устиновки 3 [Бродянский и др., 1998, с. 9, рис. 2,7].

ВТОРАЯ СТРАТЕГИЯ

К рубежу плейстоцена-голоцена охота на мамонтовую фауну, из-за исчезновения или резкого сокращения численности крупных животных во многих районах, перестала быть ведущей отраслью экономики. Люди вынуждены менять стратегию выживания, образуются два основных типа экономики: сельское хозяйство с земледелием, нередко дополняемым аквакультурой и рыболовством, и хозяйство, ориентированное на добычу и потребление гидробионтов: рыболовство, охота на морских и озерных млекопитающих, интенсивная эксплуатация пищевых ресурсов моря: устричников, скоплений морских ежей, птичьих базаров (рис. 2).

Рис. 2. Ларга (фото Елены Хромовой).

Эксплуатация гидробионтов приобретает интенсивный и специализированный характер в зонах древнего орошаемого земледелия [Крамер, 1965, с. 156-164; Мелларт, 1982, с. 27; 42], на их периферии (с явными признаками аквакультуры) [Тоси, 1985], в районах выраженной морской адаптации экономики на атлантическом побережье Европы [Звелебил, 1986; Монгайт, 1973, с. 173–191, 266–293; Прайс, Петерсон, 1987], на побережье Тихого океана от Аляски [Archaeology…, 1985] до Японского моря [Бродянский, 1985, 1986, 2001, 2002, 2003; Бродянский, Раков, 1996; Разин, 1934; Раков, Бродянский, 1985; Раков, 1989, 1998, 2001, 2003; Koike, 1986; Brodianski, Rakov, 1992; Tetsuo, 1992], в Карибском бассейне [Мильтон, 1973]. В большинстве случаев источниками информации о морской адаптации послужили раковинные кучи, преимущественно состоявшие из створок устриц: более 3000 в Японии, гигантская раковинная куча Кхокпханомди в Таиланде: ее площадь 5 га, мощность до 12 м, объем 600000 м^3, время образования V–II тысячелетия до н.э. [Хигэм, 1984].

Раковинные кучи — особый тип археологических памятников, это древняя свалка, образовавшаяся на местах обработки моллюсков, собранных, добытых при промысле или снятых как урожай с контролируемых человеком устричников. Растворяемая известь створок пропитывает все органические остатки, попавшие в толщу раковин и способствует их сохранению. В Приморье кислые почвы, органика в них растворяется и исчезает, а в раковинных кучах хорошо сохраняются кости рыб, млекопитающих, птиц, пыльца растений, древесный уголь, костяки погребенных людей. Благодаря этому раковинные кучи стали источниками разнообразнейшей информации по истории людей и природы, для извлечения этой информации необходимы десятки специалистов. К сожалению, даже в академическом Владивостоке найти всех необходимых специалистов не удается, отчасти помогает международная кооперация ученых.

ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕЙ АКВАКУЛЬТУРЫ

С 1985 г. авторы провели подсчеты на нескольких раковинных кучах янковской культуры палеометалла (VIII–I вв. до н.э.). Возрастной состав добытых устриц свидетельствовал об искусственном отборе и сортировке — большая часть неизбежно добывавшейся молоди устриц в отходы не попадала, а также практически отсутствовали моллюски старше 3–4 лет. Эти наблюдения послужили основанием для сообщения об открытии первобытной аквакультуры [Раков, Бродянский, 1985]. Далее последовало открытие многослойного памятника Бойсмана II, нижняя пачка слоев которого включала в себя слои раковин, 2 могильника, 2 жилища бойсманской неолитической культуры (6825–4470 л.н.). К ней же отнесены и нижние слои северокорейского памятника Сопхохан и ряд пунктов без раковинных слоев. Одновременно в бухтах и на побережье зал. Петра Великого вблизи поселений были обнаружены и изучены ископаемые и современные биогенные образования — устричные банки и рифы в виде правильных рядов (гряд), имевшие в своем основании такой же возраст, как и раковинные кучи (рис. 3). Создание и эксплуатация их, несомненно, осуществлялись древними людьми.

Уже первые подсчеты в Бойсмана II показали, что бойсманцы регулярно эксплуатировали устричники в устье реки Рязановки, молодь отбирали настолько тщательно, что в отходы она совершенно не попадала [Brodianski, Rakov, 1992]. При большой древности аквакультуры [Манн, 1982, с. 72; Ройс, 1975, с. 217–229], археологи к этой теме не обращались, но были опубликованы наблюдения Х. Коике о регулярности эксплуатации устричников в Токийском заливе, где открыто более 600 раковинных куч, из 29 дземонских поселений 18 сопровождаются раковинными кучами. Устричники, из которых добыты устрицы — расположены в радиусе до 15 км, что позволяло за один день посетить плантацию и вернуться домой [Koike, 1986].

Тщательное исследование устричников и устриц из раковинных куч [Раков, 1982, 2001, 2003] подкрепило вывод о контролируемом воспроизводстве устриц в неолите: популяционный анализ (размерно-возрастная структура моллюсков в скоплениях), морфо-

Рис. 3. Участок устричного рифа в отлив.

логия и размеры раковин, соотношение верхних и нижних створок, искусственное происхождение устричных рифов, высокая, в десятки раз больше естественных устричников — продуктивность плантаций: вместо естественных 2–5 кг/м^2 до 20–30 кг/м^2. Созданная в неолите донная технология воспроизводства устриц сохранялась в Японии до XVII в., а во многих местах — до середины XX в. Неолитические специалисты по выращиванию устриц осуществляли интродукцию и акклиматизацию *Crassostrea gigas* с Хоккайдо на север, до залива Терпения на Сахалине, в заливы Де-Кастри и Совгавань [Раков, 2001]. Устрицеводство в неолите бассейна Японского моря — это уже не гипотеза, а глубоко аргументированная концепция.

Рыболовство в неолитических культурах, несомненно, существовало: рыболовные крючки, гарпуны, остроги, грузила, рыбьи кости и чешуя, изображения рыб надежно документируют эту отрасль хозяйства. В Приморье рыболовство фиксируется во всех неолитических культурах [Алексеева и др., 1999; Раков, Бродянский, 2004]. В Бойсмана II жаберные крышки и кости головы пиленгаса образовали на площади 100 м^2 спрессованный слой толщиной местами до 8 см. В древней лагуне бойсманцы выловили огромное количество этой травоядной рыбы, отрубили и выбросили головы (часть их съели собаки), а тушки, вероятно вяленные, переправили на места зимовки. Список рыб, выловленных бойсманцами, включает лососей, красноперок, камбал — всего 18 видов. В гроте Чертовы Ворота (руднинская культура кондонской общности) найдены остатки сетей. В зайсановской неолитической культуре, наряду с прососеющим земледелием и свиноводством, повсеместно существовало рыболовство. В неолитическом слое Синего Гая А 70% костей рыб приходилось, по определению Л.Н. Беседнова, на змееголова, достигавшего веса 32 кг, ловили также сазана, карася, амурского сома, горбушку, касатку-скрипуна, верхогляда. Нижний Амур был в неолите настоящей страной ихтиофагов: кроме лососевых, по данным Г.У. Линдберга, здесь ловили более 40 видов рыб: калуга, осетр, сиг, таймень, амур, сазан, желтощек, толстолобик, щука. В поселении Кондон найдены ямы для квашения рыбы, такие же ямы есть в Синькайлю — на песчаной косе, отделяющей Ханку от Малой Ханки. Этнографически зафиксированный на Амуре способ вяления рыбы — приготовление юколы — также известен на Дальнем Востоке, по-видимому, как минимум, с неолита (рис. 4).

Рис. 4. Продажа пойманного лосося (с древней японской гравюры).

Изображения рыб повсеместно встречаются в наскальном искусстве каменного века: в Карелии, на Ангаре, в глубине п-ова Калифорния, в Австралии [Дэвлет, 2004, с. 128, 253; Саватеев, 1983]. Народы Приамурья издревле шили одежду и обувь из рыбьих шкурок.

Рыбоводство, в отличие от рыболовства, определить по археологическим данным пока не удается, поэтому все ссылки на его древность восходят к письменным источникам, начиная с III тыс. до н.э. в Египте и Шумере, и с I тыс. до н.э. — в Китае [Виноградов, 1978; Ройс, 1975]. Орошаемое земледелие в указанных странах много древнее — с VIII–VII тысячелетий до н.э. Более чем вероятно, что с появлением каналов, прудов, заливных полей появляется и рыбоводство, но система доказательств не создана. Возможно, отолиты (органы равновесия рыб) и чешуя со временем послужат для определения рыбоводства.

Добыча и культивирование водорослей повсеместно распространены на западном побережье Тихого океана. Водоросли используются в пищу, как сырье для красителей и лекарств [Промысловые…, 1971]. Остатки сухих слоевищ (рис. 5), ризоидов, возможно, споры водорослей могут быть обнаружены в толще раковин, письменные источники сообщают об их культивировании в Китае в I тыс. до н.э. [Раков, 2003].

Морская (и озерная) охота на ластоногих и китов восходит, как минимум, к неолиту. В Бойсмана II найдены практически все возможные доказательства: кости сивучей, ларги, морских котиков, серого кита (рис. 6), фигурки этих животных, гарпуны, в т.ч. поворотные, модели лодок [Бродянский, Раков, 2003]. На юге Кореи сохранились наскальные рисунки со сценами охоты на кита, изображения акул, косаток, дельфинов, кашалотов, финвалов, горбатого кита, гренландского кита, серого кита [Раков, 1998]. В Карелии известно более 50 изображений белух и сцен охоты на них [Саватеев, 1983].

Раковины, зубы и кости морских животных широко использовались в художественном творчестве и быту [Бродянский, Раков, 2003]. Разнообразнейшие украшения, штампы для украшения керамики, музыкальные инструменты: из створок раковин, зубов акулы, костей серого кита есть в дземоне, бойсманской, рудненской культурах (рис. 7). Эта традиция, как отмечалось выше, восходит к палеолиту. Бойсманцы добавляли дробленые раковины в керамическое тесто как отощитель. Над первым бойсманским могильником был насыпан холм из створок устриц, а во втором могильнике ложе первого по-

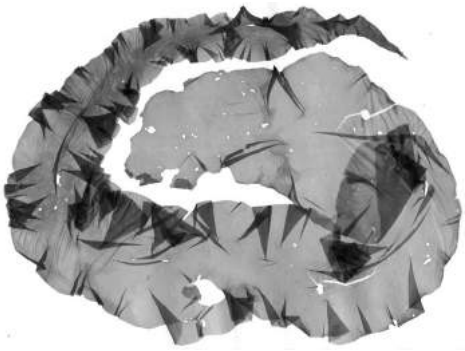


Рис. 5. Морской салат, или ульва.

Рис. 6. Серый кит.

гребения выложено слоем таких створок. Уже в древности люди добывали и использовали жемчуг [Раков, Бродянский, 2002].

Морские продукты в животноводстве. Собаки приручены и живут рядом с человеком — с палеолита. В прибрежных культурах отходы рыболовства были главным кормом для них, а сами собаки во всех тихоокеанских культурах стали вторым (после свиньи) объектом мясного животноводства (собаководства). При раскопках Песчаного, поселения янковской культуры, была обнаружена землянка — хлев для содержания свиней, устланная рыбьей чешуей (свиней кормили мелкой рыбой). Традиция, очевидно, древнее I тыс. до н.э., как и другая традиция, зафиксированная этнографически: корейцы, жившие в 1920-е годы в бухте Теляковского, никогда не запасали для своих коров сено, коровы ели водоросли, выбрасываемые морем на берега бухты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время запасы природных ресурсов и количество ряда ценных морских животных и растений крайне низки из-за мощного антропогенного воздействия — активного промысла, развития браконьерства, загрязнения воды и др. Тенденция усиления антропогенного пресса на существующие водные экосистемы ставит под угрозу их существование.

В целом пищевые ресурсы Мирового океана, съедобные гидробионты, соль, разнообразное сырье люди научились использовать на заре своей истории, в верхнем палеолите, мезолите и неолите: свидетельства эксплуатации ресурсов моря многочисленны и убедительны.

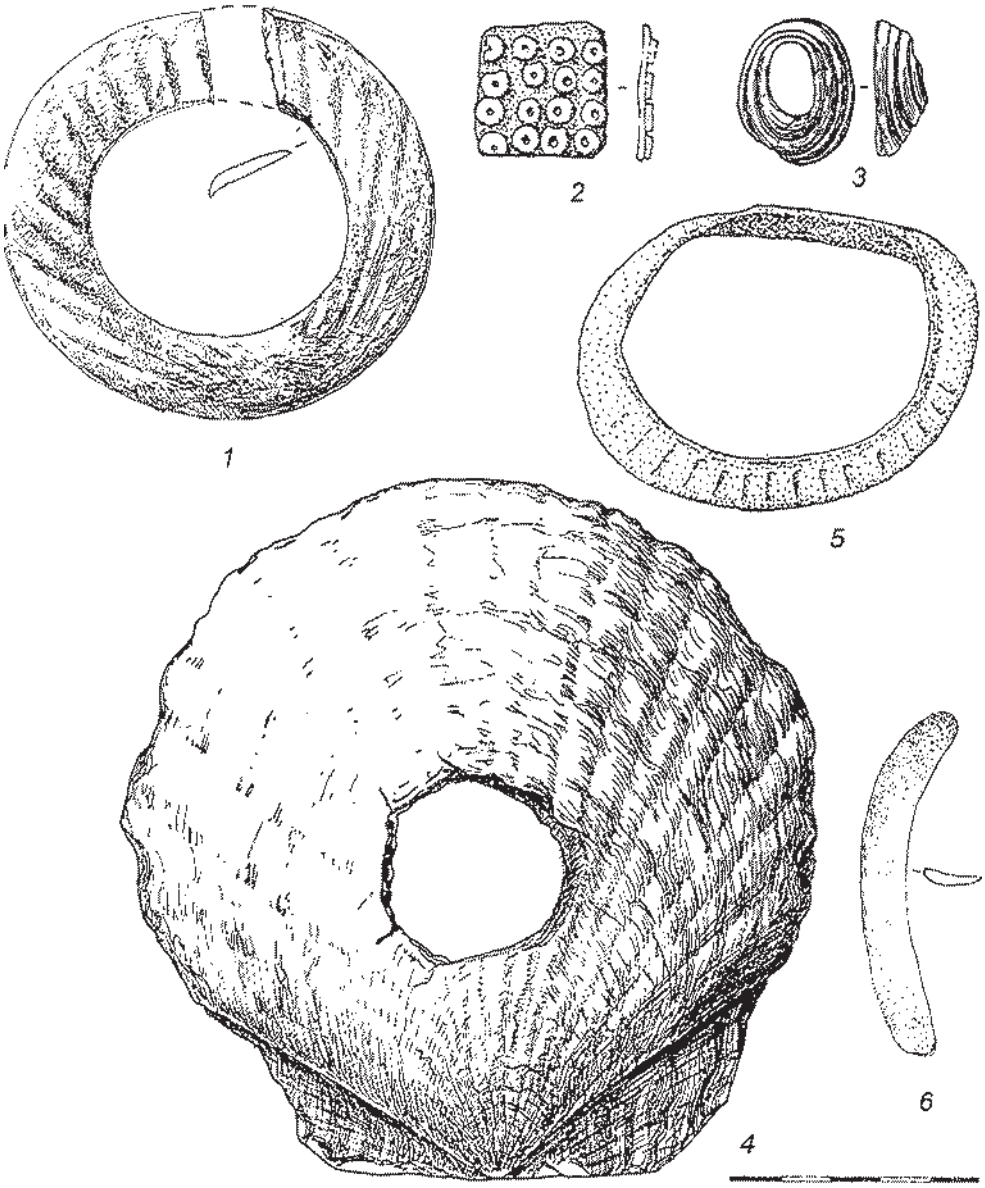


Рис. 7. Бойсмана II, бойсманская неолитическая культура, изделия из раковин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. В пещерах Арьежа // Звери в камне. Новосибирск, 1980. С. 62-95.
Алексеева Э.В., Беседнов Л.Н., Бродянский Д.Л., Раков В.А. Биостратиграфия неолита и палеометалла Приморья // Вест. ДВО РАН. 1999. № 3. С. 40-47.
Бродянский Д.Л. Водная фауна бассейна Японского моря в первобытной экономике // КСИА. Вып. 181. Каменный век. 1985. С. 57-60.
Бродянский Д.Л. Хозяйство древних в Уссурийском крае (эколого-экономическая ретроспектива) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 28-40.
Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987.
Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупянко А.А. Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Мир древних образов на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998. С. 5-18.
Бродянский Д.Л., Раков В.А. Морская адаптация населения и производящая экономика в неолите Приморья // Вест. ДВО РАН. 1996. № 1. С. 124-130.
Бродянский Д.Л. Обитатели моря в искусстве бойсманской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1. С. 60-66.
Бродянский Д.Л. От «Хозяйки моря» к хозяину океана // Человек в прибрежной зоне: опыт веков. М-лы междунар. междисципл. конф. Владивосток, 2002. С. 136-138.
Бродянский Д.Л. Раковинные кучи и аквакультура (комментарий к статье В.А. Ракова) // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. Тихоокеанская археология. Вып. 13. Владивосток, 2003. С. 98-105.
Бродянский Д.Л., Раков В.А. Раковины, зубы и кости морских животных в творчестве бойсманцев // Социогенез Северной Азии. Прошлое, настоящее, будущее. М-лы конф. Иркутск, 2003. С. 46-48.
Бродянский Д.Л., Раков В.А. Древнейшие лодки и мореходы северо-западной Пацифики // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2. С. 41-47.
Виноградов А.К. Как пополнить кладовые Нептуна? М., 1978.
Дэвлет Е.Г. Альтамира: у истоков искусства. М., 2004.
Звелебил Марек. Палеоледниковые присваивающие хозяйства в лесах Европы // В мире науки. 1986. № 7. С. 64-72.
Кабо В.Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.
Кист А. Австралия и острова Тихого океана. М., 1980.
Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М., 1977.
Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М., 1965.
Кусто Ж.И., Паккале И. Жизнь на краю земли. Патагония, Огненная Земля, архипелаг южночилийских островов. Л., 1984.
Мак Дыонг. Хозяйственно-культурный тип охотников, собирателей и рыболовов у некоторых народов Северного Вьетнама // Охотники, собиратели, рыболовы. М., 1978.
Манн Боргезе Э. Драма океана. Л., 1982.
Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
Мильтон П. К вопросу о составе пищи древних обитателей Левисы // Археология Кубы. Новосибирск, 1973.
Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
Нгуен Ван Ши. Культура Шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1982.
Прайс Д.Т., Петерсон Э.Б. Мезолитический лагерь на территории Дании // В мире науки. 1987. № 5. С. 72-81.
Придо Т. Кроманьонский человек. Возникновение человека. М., 1979.
Промысловые водоросли СССР (Справочник). М., 1971.
Разин А.И. Морские промысловые моллюски южного Приморья // Изв. ТИРХ. 1934. Т. 8.
Раков В.А. Происхождение, развитие и экология устричных рифов Славянского залива // Экология и условия воспроизводства рыб и беспозвоночных дальневосточных морей северо-западной части Тихого океана. Владивосток, 1982. С. 133-144.

Раков В.А., Бродянский Д.Л. Первобытная аквакультура // Проблемы тихоокеанской археологии. Владивосток, 1985. С. 145-162.
Раков В.А. У истоков морской аквакультуры // Океан и человек. Владивосток, 1989. С. 44-65.
Раков В.А. Наскальные изображения гигантских морских животных в неолите юга Корейского полуострова // Мир древних образов на Дальнем Востоке. Тихоокеанская археология. Вып. 10. Владивосток, 1998. С. 60-79.
Раков В.А. Устрицы *Crassostrea gigas* (Thunberg) из раковинных куч Южного Сахалина: интродукция, акклиматизация, аквакультура // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона — от Китая до Гондураса. Владивосток, 2001. С. 25-36.
Раков В.А., Бродянский Д.Л. Жемчуг в археологии // ПИФК. 2002. Вып. XII. 2002. С. 456-461.
Раков В.А. Аквакультура Восточной Азии в древние времена (проблемы происхождения и развития) // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. Тихоокеанская археология. Вып. 13. Владивосток, 2003. С. 56-98.
Раков В.А. Бродянский Д.Л. Каталог фауны из археологических памятников Приморья. Владивосток, 2004.
Ройс В.Ф. Введение в рыбохозяйственную науку. М., 1975.
Руссо Ален. Глоссарий палеолитического искусства. Кемерово, 2003.
Саватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1983.
Тоси Маурицио. К тайнам древнейших мореплавателей // Будущее науки. Вып. 18. М., 1985. С. 259-271.
Хигэм С.Ф.У. Древнее культивирование риса в Юго-Восточной Азии // В мире науки. 1984. № 6. С. 92-100.
Archaeology of Heceta Island: A survey of 16 timber Harvest units in the Tongass National Forest, Southern Alaska by *Robert E. Ackerman, Kenneth C. Reid, James D. Iallison, Mark E. Roi*. Pullman: Washington State Univers. 1985.
Brodianski D.L., Rakov V.A. Prehistoric Aquaculture on the Western Coast of the Pacific // Pacific Northeast Asia in Prehistory. Hunter-Fisher-Gatherers, Farmers and Sociopolitical Elites. Pullman: Washington St. Univers., 1992. P. 27-31.
Koike Hiroko. Prehistoric Hunting Pressure and Paleobiomass: An Environmental Reconstruction and Archaeozoological Analysis of Jomon Shellmound Area // Prehistoric Hunter-Gatherers in Japan: New Research Methods. The Univers. Museum of the Univers of Tokyo. Bull. N 27. Tokyo, 1986. P. 27-53.
Tetsuo Hiraguchi. Catching Dolphins at the Mawaki Site Central Japan, and its Contribution to Jomon Society // Pacific Northeast Asia in Prehistory. Hunter-Fisher-Gatherers, Farmers and Sociopolitical Elites. Pullman: Washington St. Univers., 1992. P. 35-43.
Volman T.P. Early Archaeological Evidence for Shellfish Collecting // Science. 1978. Vol. 201. P. 911-913.

D.L. Brodyansky, V.A. Rakov

RESOURCES OF THE SEA IN CULTURES OF PEOPLE OF THE STONE AGE

The authors are the archeologist and the hydrobiologist have collected the information on the wide use of the sea resources by people of the Stone Age and opened the ancient cultivation of oysters. The World Ocean is a huge tank of food and technical raw material, so, people were able to use its resources in the course of the history.

© 2007 г.

А. В. Епимахов

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ И АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СВЕТЕ РАДИОКАРБОННЫХ ДАТИРОВОК*

ВВЕДЕНИЕ

Интерес исследователей к синташтинским древностям бронзового века Южного Урала неизменно сохраняется на протяжении последних десятилетий. Не погружаясь в уяснение причин такого внимания, заметим лишь, что не в последнюю очередь оно обусловлено ролью данной культурной группы в хронологических построениях для значительной части Северной Евразии. Отчасти это связано с ее рубежной хронологической позицией в конце средней – начале поздней бронзы, отчасти с массовостью находок ярких категорий инвентаря, традиционно признаваемых датирующими. Самым очевидным примером является колесничный комплекс, реализованный в синташтинских памятниках в максимальной полноте[1]. Вместе с тем, использование для датирования пространственно удаленных аналогий небезупречно, что воплотилось в том числе и в дискуссии о месте происхождения и путях распространения колесничных традиций[2]. К тому же, остается открытым вопрос о длительности функционирования синташтинского феномена[3].

Преодоление обозначенных проблем лежит на пути интеграции всех источников хронологической информации. Стратиграфические наблюдения для памятников уральского бронзового века пока недостаточны (во всяком случае, они редко представлены статистически значимыми сериями[4]), в результате отдельные звенья даже системы относительной хронологии (не говоря уж об абсолютной) остаются дискуссионными.

Естественной реакцией на обозначенную проблемную ситуацию стало обращение к естественнонаучным методам, наиболее массово из которых применяется радиокарбонное датирование. В результате усилиями разных лабораторий создана обширная аналитическая база. Естественно, качество материалов существенно различается, особенно проблематично воспользоваться датировками, относящимися к периоду становления методики. «Вина» за неадекватность результатов часто лежит на самих археологах, не соблюдающих правила отбора и хранения. Отнюдь не всегда безупречна и культурная идентификация образца, особенно в случаях с многослойными памятниками или плохо документированными погребениями. Все это в полной мере относится к синташтинским и хронологически близким им древностям.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Первые опыты датирования эпонимного памятника в 1970-е — 1980-е гг. принесли обескураживающие результаты[5]. Огромный разброс значений для культурно близких материалов не мог не породить скепсис в отношении возможностей метода. Сейчас трудно установить причины неудачи, но, видимо, никаких локальных аномалий в районе памятника нет. Во всяком случае, более поздний опыт[6] в отношении СII таковых на общем фоне синташтинских дат не выявил .

Следующий шаг был сделан в 1990-е гг. в ходе комплексного исследования поселения Аркаим, прилегающей территории и ряда синхронных памятников. Результаты работы опубликованы суммарно[7], что затрудняет их использование. Автор исследования ограничился констатацией наличия двух групп значений в рамках первой половины II тыс. до н.э. К сожалению, отсутствует указание на то, калиброванные или некалиброванные даты были использованы.

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Формы и проявления социо-культурной сложности в Урало-Сибирском регионе в эпоху бронзы» и при поддержке гранта РГНФ (проект № 05-01-85113а/У).

Еще один пример применения радиокарбонных технологий к синташтинским древностям – совместная публикация Д. Энтони и Н. Б. Виноградова[8]. Для погребения 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро в Аризонской лаборатории были получены 4 даты. Несмотря на расхождение значений и скромность серии, был сделан вывод о глобальном хронологическом приоритете синташтинских колесниц в сравнении с другими территориями. Последняя по времени и наиболее массовая серия (14 образцов) была проанализирована в результате реализации международного проекта в 2003–2004 гг.[9]

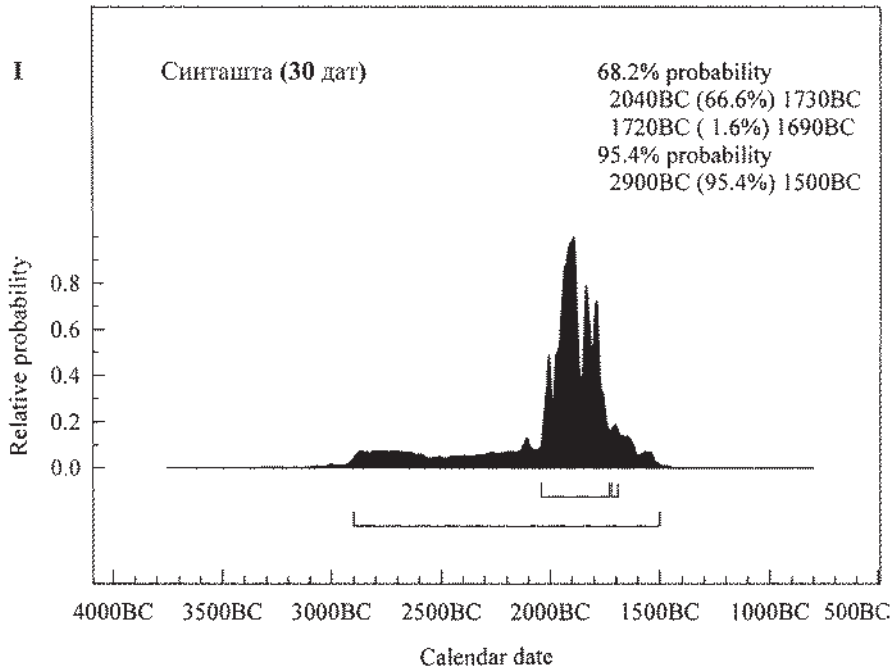
Таким образом, в количественном отношении синташтинская совокупность дат Южного Зауралья является наиболее массовой в рамках бронзового века Урала. Накопленное минимально необходимое количество определяется в 25-30 анализов[10], чему соответствуют очень немногие серии уральской бронзы. Датированием охвачены следующие памятники: поселение и могильник Синташта (СМ, СБ, СП); поселения Аркаим, Куйсак, Устье; могильники Кривое Озеро, Каменный Амбар-5. В ходе обобщения от нескольких дат пришлось отказаться: не использовались заведомо ошибочные значения (за рамками бронзового века), учет которых способен только внести информационный «шум», а также те, в которых стандартное отклонение превышает 250 лет. Все даты были приведены к единой форме и откалиброваны с использованием программы OxCal 3.10. Часть калиброванных интервалов сокращалась за счет периферийных участков с низкой вероятностью (менее 5%)[11]. В дальнейшем мы оперируем значениями с 68,2% вероятностью, хотя для последней по времени серии, выполненной в Оксфордской лаборатории, существенных отличий между калибровками по одной и двум сигмам нет.

В определении конкретных хронологических рамок культуры мы ориентировались на две статистические процедуры. Для дат, относящихся к одному комплексу, были выведены статистически обобщенные цифры (комбинированные даты), которые и были задействованы в дальнейшем анализе. Следующим этапом стало суммирование вероятностей полученных интервалов. В результате на графике была получена фигура с явной правой асимметрией (рис. 1, I), пик значений пришелся на 2040–1690 гг. до н.э. (при использовании вероятности 95,4% происходит столь существенное расширение рамок (2900–1500 гг. до н.э.), что смысл обсуждения результатов полностью утрачивается). Анализ значений показал, что ранний «шлейф» создают даты Киевской и Вильнюсской лабораторий 1970-х — начала 1980-х гг. Для проверки этого визуального наблюдения был построен график суммы вероятностей для дат, полученных в последнее десятилетие с использованием ускорительных технологий. Фигура оказалась практически симметричной, т.е. близкой нормальному распределению[12], интервал стал уже — 1970–1770 гг. до н.э. (при использовании двух сигм — 2030–1750 гг. до н.э.) — и фактически охватил два века (рис. 1, II).

ВОЗМОЖНОСТИ СИНХРОНИЗАЦИИ

На пути сопоставления полученных результатов с материалами сопредельных территорий возникает ряд труднопреодолимых препятствий, главное из которых — явная недостаточность сравнительного материала. Так, для *синташтинских памятников Приуралья* опубликованы всего три даты могильника у г. Березовой[13], хотя серия синташтинских погребальных комплексов уже довольно внушительная[14]. Обобщенный интервал (2400–1950 гг . до н.э. (рис. 2, I)) выглядит сильно удревненным, особенно на фоне суждения автора раскопок об относительно поздней позиции памятника в систематике синташтинских древностей[15]. Остается предположить, что негативную роль сыграло одно из основных достоинств памятника — разнокультурность отложившихся материалов, где наряду с синташтинскими представлены абашевские, сейминско-турбинские и срубные древности.

Более благополучная ситуация с *потаповскими* памятниками Поволжья, где стараниями П. Ф. Кузнецова создана статистически значимая серия[16]. Использование вышеописанной процедуры позволяет констатировать некоторую неоднородность значений.



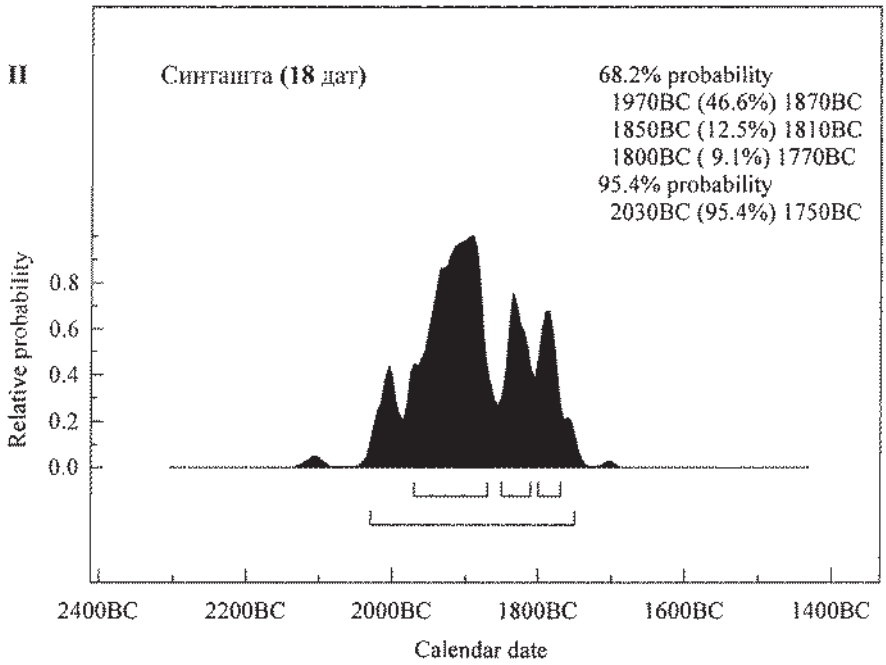
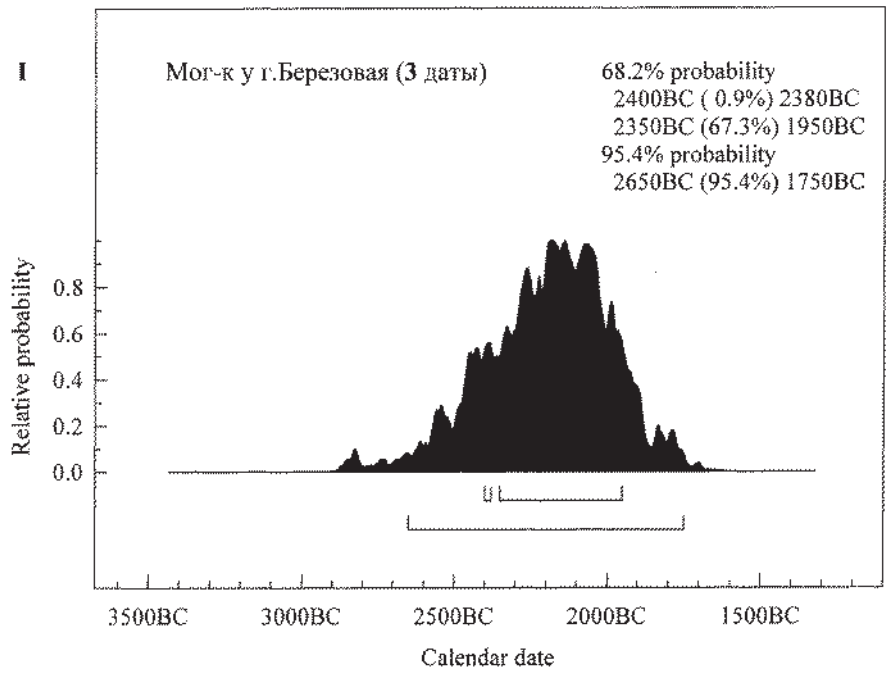


Рис. 1. I – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат синташтинских памятников Зауралья.
II – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат синташтинских памятников Зауралья (18 дат Аризонской и Оксфордской лабораторий).



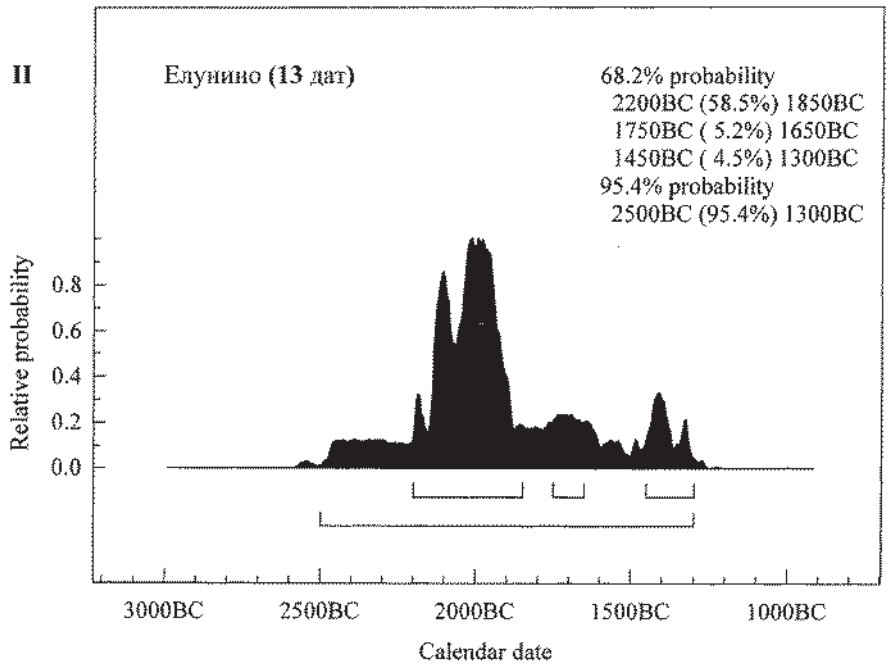


Рис. 2. I – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат синташтинских памятников Приуралья (могильник у г.Березовой).
II – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат елунинской культуры Западной Сибири.

Потаповский суммарный интервал оказался шире синташтинского — 2020–1600 гг. до н.э. в обоих направлениях. Сравнивая интервалы, мы не склонны усматривать хронологический приоритет потаповских древностей относительно синташтинских (равно и большую длительность существования), скорее речь идет о большей погрешности измерения.

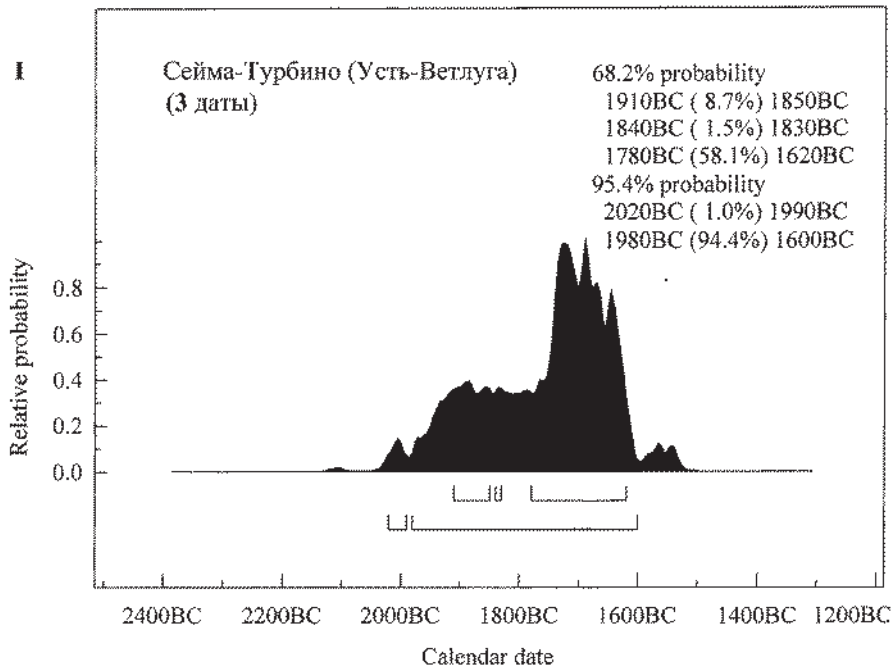
Таким образом, выводы о реальном соотношении приуральской и зауральской частей синташтинских памятников пока преждевременны. Что касается Поволжья, можно констатировать общую синхронность культурных типов, хотя наиболее поздняя группа значений, полученная для потаповских памятников, практически полностью отсутствует в зауральской «синташте». Этот период в Зауралье соотносится уже с петровской культурой и раннесрубными памятниками (см. ниже).

Еще один яркий феномен никак не может быть обойден молчанием – *сейминско-турбинский*, опорные памятники которого расположены в смежной ландшафтно-климатической зоне к северу от синташтинской ойкумены. Вновь приходится сетовать на ущербность базы данных, где до последнего времени просто нечего было обсуждать. Мало что меняет единственная дата западносибирского могильника Сатыга XVI (2130–1960 гг. до н.э.). Эта дата древнее основного синташтинского интервала, но комментировать это наблюдение, видимо, преждевременно . Гораздо интереснее сопоставить синташтинские результаты датирования с сибирскими, где имеются серии дат. Привлечение *елунинских* материалов Верхнего Приобья[17], конечно, трудно признать абсолютно бесспорным, но их культурная и хронологическая близость сейминско-турбинским очевидна. В нашем случае это подтверждается также совпадением с датой Сатыги. Диапазон елунинских датировок — 2200–1850[18] (2500–1300) гг. до н.э. (рис. 2, II) — позволяет констатировать его большую древность относительно синташтинского при наличии зоны наложения.

Это заключение нуждается в подтверждении путем формировании радиокарбонной шкалы в рамках сейминско-турбинского феномена, который характеризуется огромным территориальным размахом. Попытки такого членения пока предпринимались только на основе типологического анализа[19], однако соотнести выделяемые этапы с рассматриваемыми нами культурами невозможно. Вместе с тем, имеются археологические факты, указывающие на возможность частичной сейминско-синташтинской синхронизации. Признание версии о распространении носителей сейминско-турбинских традиций с востока на запад[20] не объясняет причин зафиксированного различия в датировках в свете суждения тех же авторов о высокой мобильности этих групп. Впрочем, если рассматривать елунинское население в качестве одного из *исходных компонентов* сейминско-турбинского, ситуация не выглядит безнадежной. Такое предположение нашло частичное подтверждение в новой серии дат по могильнику Усть-Ветлуга (Юринский) на территории Марий Эл. Памятник является превосходной иллюстрацией сочетания сейминско-турбинских и евразийских традиций металлообработки[21]. Сумма вероятностей трех дат оказалась 1910–1620 (1980–1600) гг. до н.э. (рис. 3, I), что близко синташтинской, а также петровской и ранней срубной. Хотя очевидно, что полученный интервал слишком широк для окончательных заключений, он логично укладывается в соответствующий этап.

Далее к востоку единственный материал для хронологических сопоставлений предоставляет Минусинская котловина[22]. Доандроновский период на этой территории представлен памятниками *окуневской* культуры. Не пытаясь провести реконструкцию исторических событий, мы обязаны, тем не менее, отметить, что диапазон бытования этой культуры укладывается в промежуток 2150–1750 гг. до н.э.[23] Близость очерченных границ сейминско-турбинским и отчасти синташтинским вполне очевидна (рис. 3, II).

Некоторые аналогии (прежде всего, колесничный комплекс и находки лазурита) позволяют обратить внимание и на южное направление. Относительная хронология среднеазиатского региона разработана значительно лучше абсолютной: примеры радиокарбонного датирования остаются экзотикой для большинства исследований. Наиболее ярким воплощением возможностей синхронизации материалов разных регионов стало погребение в могильнике Задрча-Халифа, содержавшее в числе прочих категорий пред-



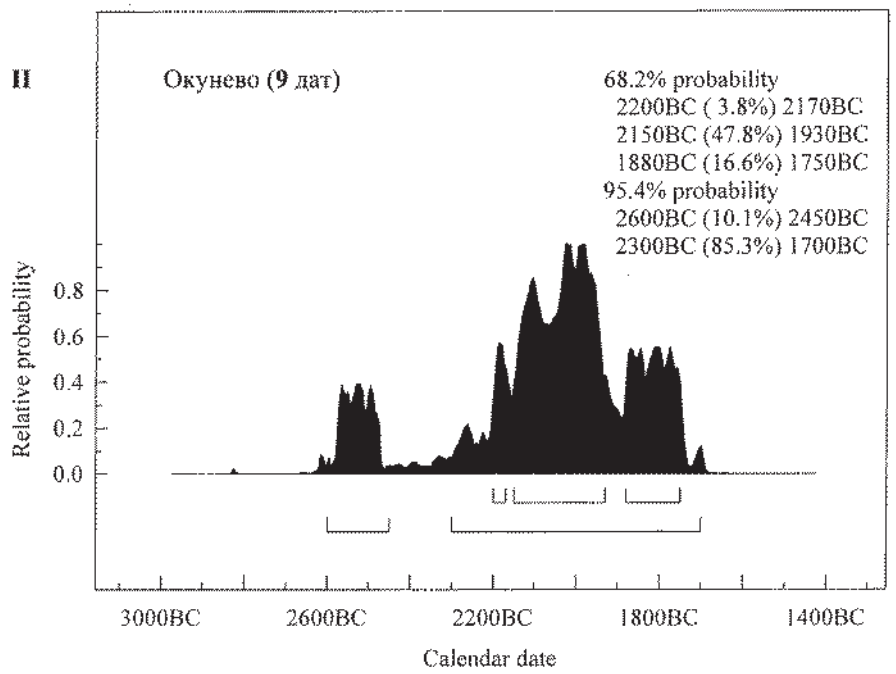


Рис. 3. I – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат сейминско-турбинского могильника Усть-Ветлуга (Поволжье).
II – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат окуневской культуры Минусинской котловины.

меты конской упряжи, аналогичные синташтинским[24]. Для него предложены несколько вариантов хронологии по датированным аналогиями. По сути, приведенная радиокарбонная дата джаркутанского этапа культуры Сапалли (2040–1880 гг. до н.э.) идентична синташтинским.

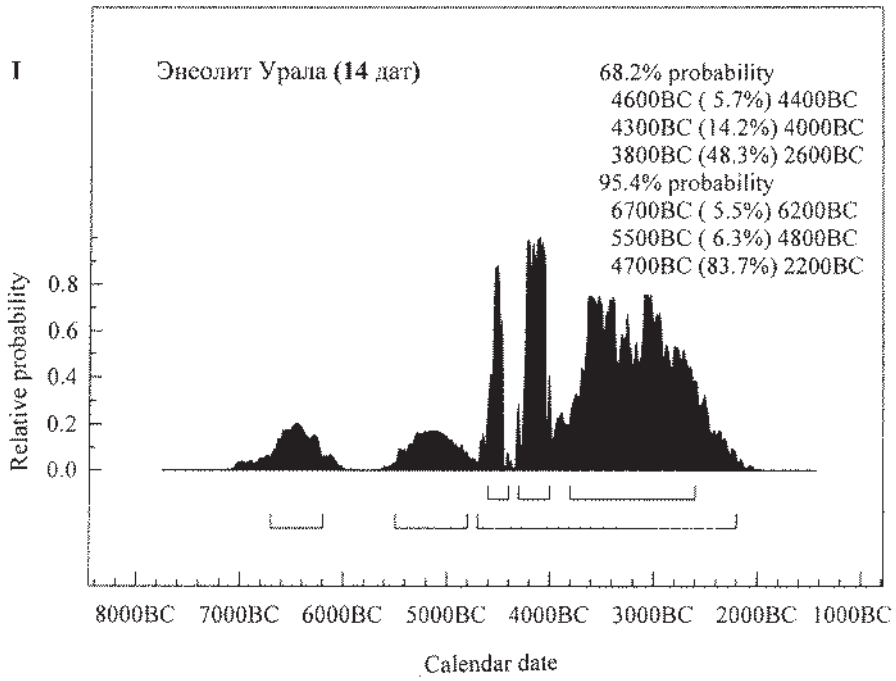
ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

Предсинташтинский период. Полученные для синташтинской группы результаты мало информативны вне общей системы периодизации и хронологии бронзового века. Посему есть прямой резон обратиться к материалам предшествующего и последующего периодов. Начнем с первых. Их обсуждение поневоле будет лапидарным. Значительная часть специалистов не видит прямой связи синташтинских традиций с зауральскими памятниками предшествующего времени[25]. Более того, не вполне ясен культурный облик этого предшествующего населения. Если речь идет об энеолитических («квазиэнеолитических», в терминологии С. В. Кузьминых[26]) культурах, то их хронология опирается почти исключительно на типологические ряды. Сводка радиокарбонных дат, приведенная А. Ф. Шориным[27], охватывает огромную территорию общности культур гребенчатого геометризма, поэтому нами были использованы только наиболее географически близкие. График (рис. 4, I), несмотря на явную разнородность значений, надежно маркирует верхнюю границу энеолитических дат (4600–2600 гг. до н.э.). Таким образом, налицо серьезный хронологический разрыв с синташтинскими древностями. Поскольку к Южному Уралу относится явное меньшинство анализов, воздержимся от категоричных заключений, однако маловероятно, что в ближайшем будущем удастся надежно аргументировать хотя бы частичную синхронизацию обозначенных культур.

Вторая группа, нередко фигурирующая в числе непосредственных «предшественников» синташты – позднеямная. Вплоть до последнего времени она была слабо отражена на карте радиокарбонных анализов[28], сегодня ситуация постепенно меняется к лучшему[29]. Хотя с учетом значительной протяженности и очевидной неоднородности периода данных пока недостаточно, некоторые наблюдения возможны. В данном случае нами использованы только даты, относящиеся к региону степного Приуралья[30]. Суммарный интервал (рис. 4, II) имеет некоторую асимметрию при использовании калибровки с 95,4% вероятности (3500–2200 гг. до н.э.). При вероятности в одну сигму период (2870–2460 гг. до н.э.)[31] имеет большую зону наложения с энеолитом, с одной стороны, и явно не имеет точек соприкосновения с синташтинским, с другой. Этот вывод согласуется с мнением С. В. Богданова, который полагает, что ямная линия развития прервалась во второй половине III тыс. до н.э.[32]

Более перспективно изучение намеченной в последние годы группы позднекатакомбных древностей степной части Урала[33], а также вольско-лбищенских[34]. Те и другие пока слабо отражены в археологических памятниках, хотя занимают вполне определенную стратиграфическую позицию в системе относительной хронологии. Однако именно эти культурные группы не подвергались радиокарбонному датированию. Единственным выходом остается использование в качестве сравнительного материала катакомбных и бабинских (КМК – культура многоваликовой керамики) памятников, расположенных к западу[35]. Следует признать, что база данных по ним тоже небезупречна, особенно в части Нижнего Поволжья, в результате фактически приходится опираться только на даты Калмыкии. Именно эта группа маркирует верхнюю границу катакомбных древностей (2600–1850 гг. до н.э.)[36]. Для катакомбных памятников в целом, и для калмыцкой группы в частности, мы констатируем близость установленным рамкам синташты.

Бабинские памятники (которые признаются генетически связанными с катакомбными) на протяжении ряда лет синхронизировались с синташтинскими, однако это заключение опиралось на типологические параллели[37]. В последние годы наметилась тенденция к ее удревнению и признанию только частичной близости датировок[38]. К сожалению, радиокарбонная аргументация на этом вопросе практически отсутствует: трудно



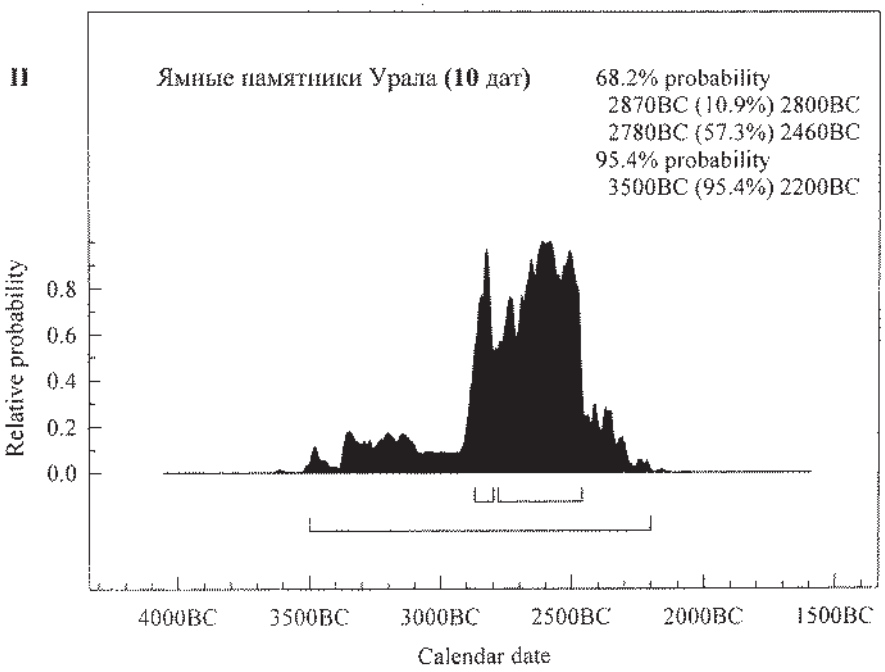


Рис. 4. I – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат энеолитических памятников Урала и сопредельных территорий.
II – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат ямных памятников Приуралья.

признать таковой 6 дат, не демонстрирующих однородности. Приходится ограничиться заключением о том, что интервал 2290–1940 гг. до н.э. целиком укладывается в позднюю часть катакомбного.

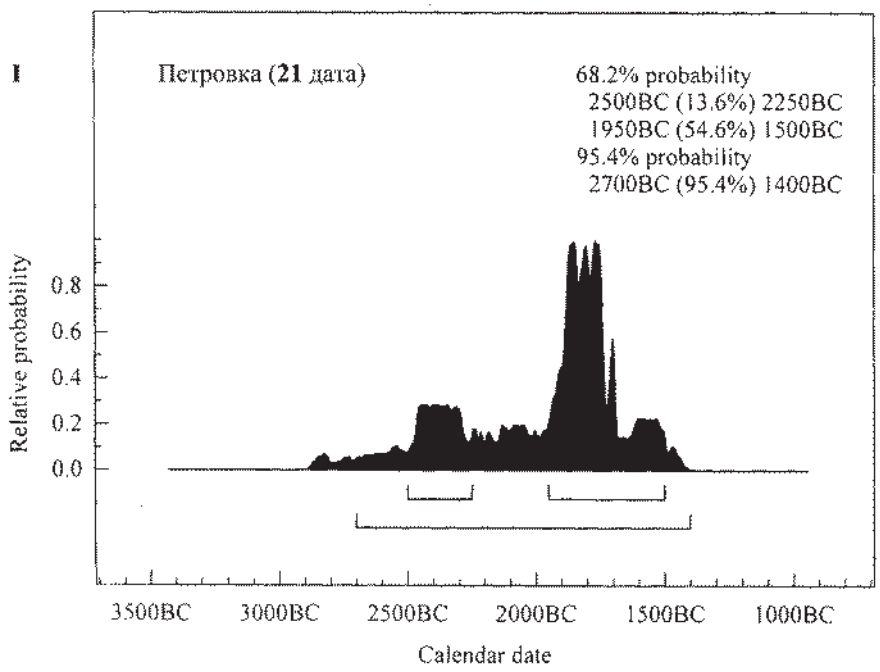
Еще более скуден фундамент для синташтинско-абашевских сопоставлений. Между тем, значительная часть исследователей усматривает абашевские корни в синташтинском облике керамики и металлокомплексе[39] . Единичная дата абашевского Пепкинского кургана[40] в силу ряда причин вряд ли может быть признана абсолютно надежной. Во-первых, при калибровке ее интервал оказывается настолько широк (2470–2190 BC (68,2%), 2600–2000 BC (95,4%)), что обсуждать ее соотношение с иными культурами весьма проблематично. Во-вторых, есть убедительные основания для синхронизации этого уникального памятника с синташтинскими и доно-волжскими абашевскими погребениями[41], чему дата прямо противоречит. Возможно, на результате сказалась длительная история хранения образца и использование реставрационных материалов. Во всяком случае, проблема радиокарбонного датирования абашевских древностей остается на повестке дня. Трудно признать удачными предшествующие попытки использования радиокарбонной технологии в отношении абашевских древностей[42]. Более успешно было проведено радиокарбонное исследование п. 2 к. 1 хутора Першин, который авторы первоначально отнесли к абашевскому[43], а позднее к абашевско-срубному периоду[44]. Последняя версия кажется предпочтительней, тем более что дата этому не противоречит (1970–1750 гг. до н.э.). Кроме упомянутых выше, в нашем распоряжении имеется только одна дата со стратифицированного поселения Тюбяк[45], полученная в Оксфордской лаборатории (OxA-14201) — 1880–1690 гг. до н.э. В целом она оказалась близка Першинской, но вряд ли из этого могут быть сделаны определенные выводы, тем более что участок содержал материалы и более поздних периодов бронзового века.

ПОСТСИНТАШТИНСКИЙ ПЕРИОД

Несмотря на некоторую условность термина, перечень археологических культур поздней бронзы может быть установлен по данным стратиграфии. В него входят петровские, раннесрубные памятники[46], по мнению некоторых исследователей, этот список должен быть дополнен алакульскими[47] и федоровскими древностями[48]. Нами были использованы даты, опубликованные в нескольких изданиях[49]. Хотя часть датировок оказалась искажена, другие не снабжены номерами анализов, созданная база данных может быть использована для формулирования ряда выводов.

Петровские памятники нечасто становились объектами датирования, к тому же существуют разногласия в оценке таксономического уровня этой группы (есть примеры употребления определения «раннеалакульский» как синонима «петровский»[50]). Не всегда однозначна культурная атрибуция конкретных памятников, нередко сочетающих алакульские и петровские черты. Это обстоятельство одни авторы объясняют прямой генетической связью между культурами[51], другие единой (синташтинской) основой[52]. Если для Зауралья имеются стратиграфические факты, подтверждающие постсинташтинскую позицию петровской культуры, то для Казахстана таковых быть не может за отсутствием синташтинских памятников. В этой связи высказано мнение о параллельном существовании этих культур[53]. Имеющиеся данные датирования пока не позволяют ответить на последний вопрос однозначно.

В связи с изложенным нами в рамках единой серии (около 20 дат[54]) рассматривались памятники, определяемые авторами раскопок как «петровские» либо «раннеалакульские» (в терминологии А. В. Матвеева — кулевчинского этапа). Другим осложнением оказался значительный разброс значений ^{14}C (около тысячи лет в конвенционных датах). 3/4 всех анализов получены в российских лабораториях, а некоторые из них резко расходятся даже при датировании одних и тех же образцов. Сумма вероятностей демонстрирует крайнюю неоднородность: два интервала весьма широки ((2500–2500 и 1950–1500 гг. до н.э.) и разделены значительной лакуной (рис. 5, I). В выборе более



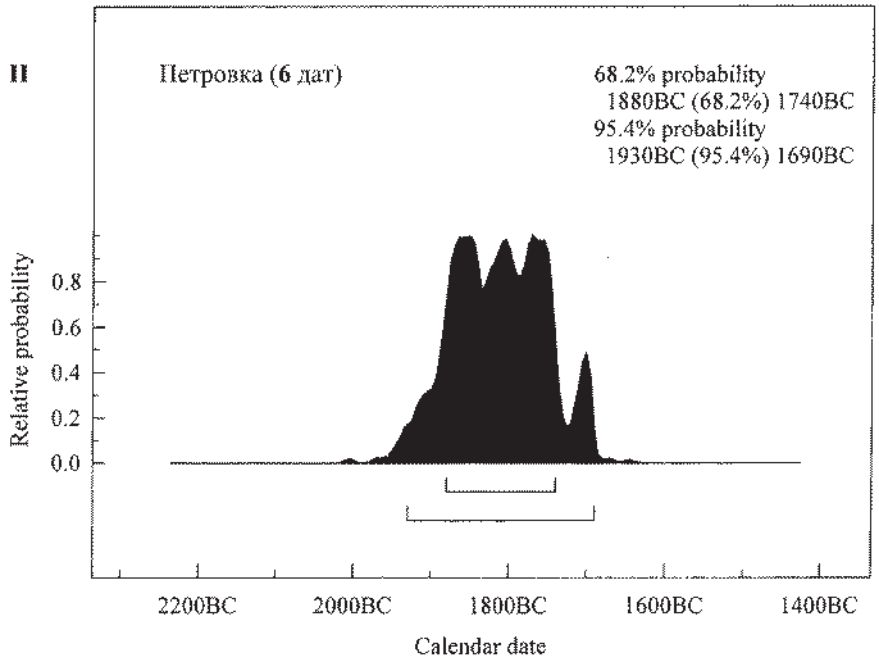


Рис. 5. I – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат петровской культуры.
II – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат петровской культуры (6 дат Оксфордской лаборатории).

предпочтительного мы опирались на последнюю серию из 6 дат, полученных Оксфордской лабораторией, где сумма вероятностей 1880–1740 гг. до н.э. (рис. 5, II) Исключение «ранней» части (6 образцов Новосибирской и Санкт-Петербургской лабораторий) позволяет добиться относительной однородности графика в рамках 1940–1690 гг. до н.э. С определенными оговорками можно констатировать близость хронологических позиций синташты и петровки. Хотя последняя и относится к более позднему периоду (что находится в согласии со стратиграфическими заключениями по поселениям и могильникам), наложение интервалов столь существенно, что есть повод говорить о преемственности .

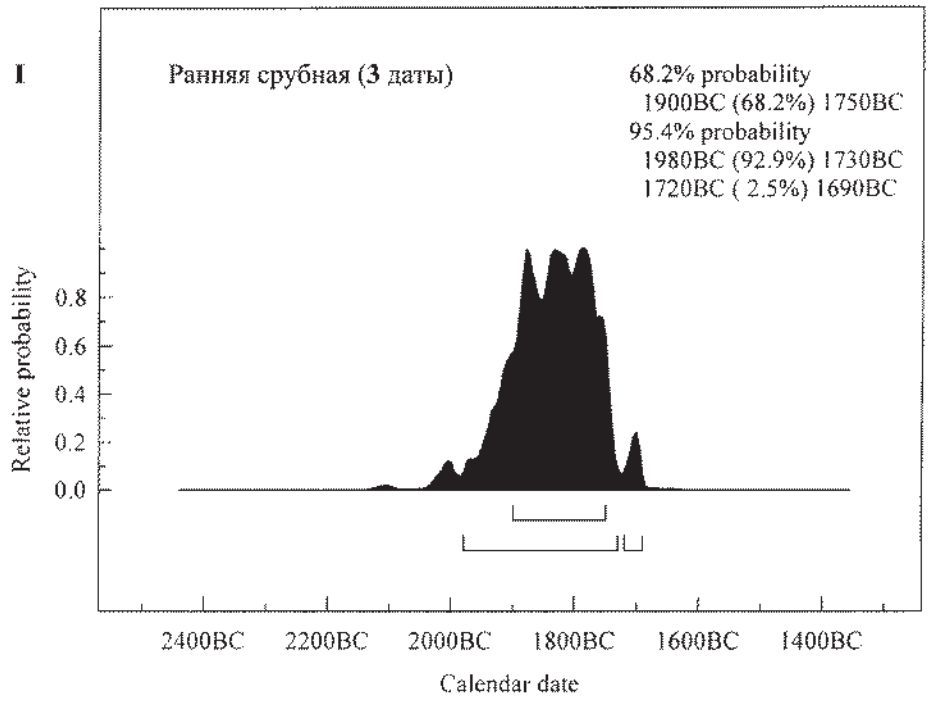
Рассматривая датировки *раннесрубных* древностей, мы вкладываем в этот термин только хронологическое содержание. Уральская часть базы данных представлена более чем скромно: с учетом упомянутой даты погребения из кургана Першинского некрополя в нашем распоряжении всего три анализа. Суммирование вероятностей дало диапазон 1900–1690 гг. до н.э. (рис. 6, I), что полностью совпадает с оксфордской серией петровских дат и близко их обобщенному интервалу. Вновь можно отметить, что полученные результаты не противоречат представлениям об относительной хронологии региона.

Обсуждение *алакульской хронологии* наталкивается на проблемы, идентичные петровской: при относительно массовом датировании (26 дат) примеров значительных серий очень немного (Чистолебяжский и Хрипуновский могильники). При этом, для первого очевидным образом выделяются несколько хронологических групп[55], наиболее раннюю из которых (кулевчинскую), мы рассматривали совокупно с петровской. За малым исключением анализы выполнены в российских лабораториях (в том числе часть 30–40 лет назад). Вновь обнаруживается существенный разброс значений (в том числе и в пределах одного памятника и даже погребения). А. В. Матвеев предпочел опираться на раннюю часть в качестве свидетельства общего удревнения свиты культур бронзового века[56]. С нашей точки зрения, этот вариант абсолютной хронологии приходит в противоречие с построениями того же автора в сфере относительной хронологии. Он со всей определенностью относит алакульские древности к постсинташтинскому времени (с чем солидарны практически все специалисты), следовательно, они никак не могут датироваться более ранним периодом.

Конкретные результаты выглядят следующим образом: выделяются два изолированных интервала — 2500–2000 и 1750–1500 гг. до н.э. (рис. 7, I). При этом даты делятся почти поровну[57]. Вопрос о предпочтении одной из групп чрезвычайно сложен.

К сожалению, в данном случае в нашем распоряжении нет проверочных данных, поскольку в последней серии алакульские даты представлены единично. С некоторыми оговорками в качестве дополнительного материала (8 дат) могут быть использованы синкретические (алакульско-федоровские) памятники. Несмотря на внешне значительный разнобой, статистические процедуры позволяют выделить «ядро» (1740–1370 гг. до н.э.) (рис. 7, II). В данном случае для нас важнее нижняя граница, которая очевидно соотносится с более поздним временем, чем синташтинская и петровская серии, а также строго совпадает с поздней группой алакульских значений. Вывод четко соответствует представлению об относительно позднем появлении (и, видимо, более длительном существовании) синкретических памятников в системе алакульских древностей, однако не позволяет отдать хронологический приоритет одной из культур андроновской общности – алакульской или федоровской.

Последний сюжет, требующий обсуждения, – *федоровская* хронология. Если ориентироваться на тезис о параллельном возникновении и существовании двух линий андроновской общности – алакульской и федоровской[58], то датировки этих культур должны быть в целом близки. Федоровская база данных едва ли не самая скудная из всех рассмотренных, более того, культурная атрибуция части памятников, которые на протяжении многих лет трактуются как федоровские, неоднозначна[59]. В связи с изложенным полученный интервал (1750–1620 гг. до н.э.) не может считаться абсолютно достоверным и окончательным (рис. 8, I). Пополнение серии федоровско-черкаскульскими датами расширяет рамки за счет верхней границы (1750–1200 гг. до н.э.), что может быть при-



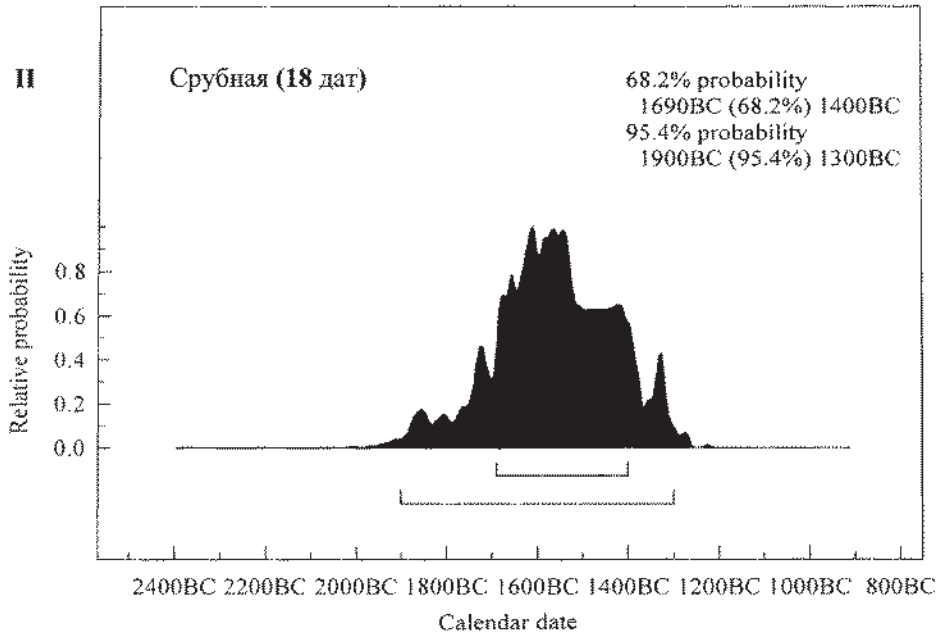
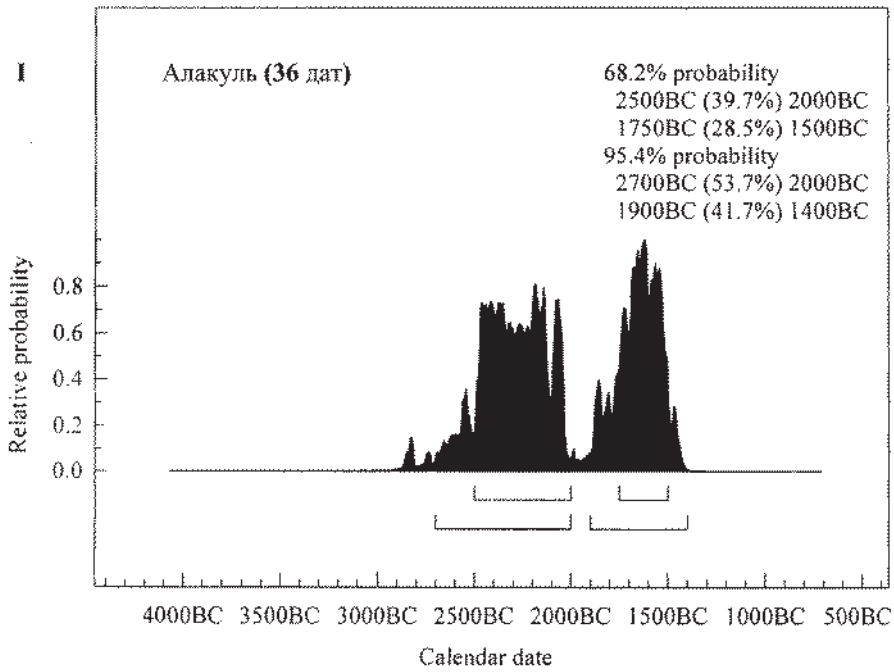


Рис. 6. I – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат раннесрубных памятников Урала.
II – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат срубных памятников Урала.



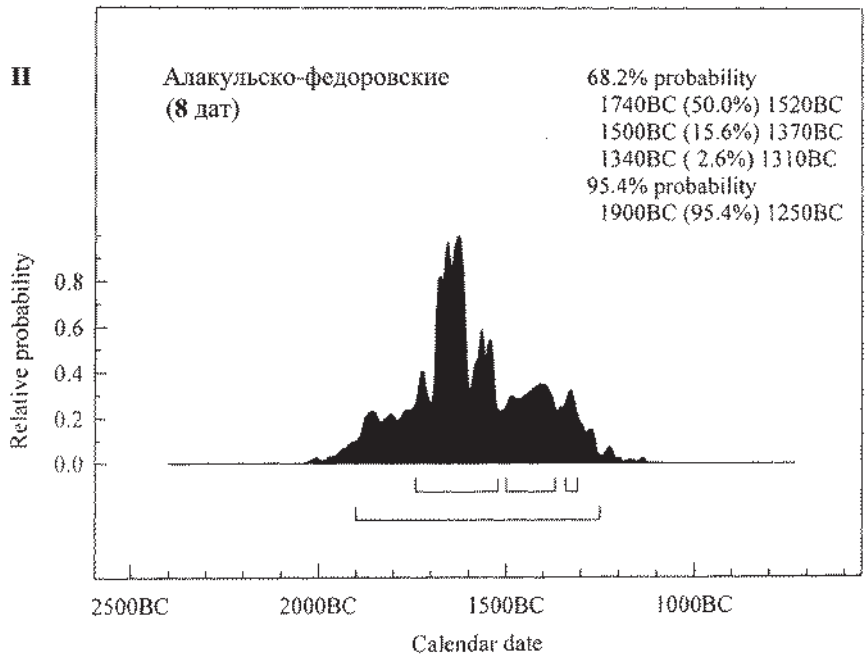
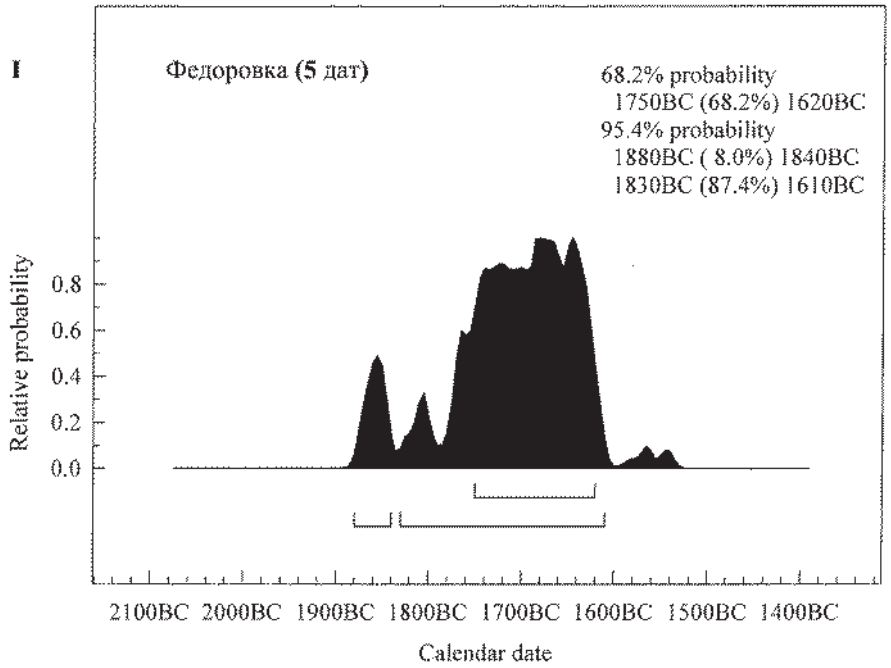


Рис. 7. I – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат алакульской культуры.
II – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат синкретических (алакульско-федоровских) памятников.



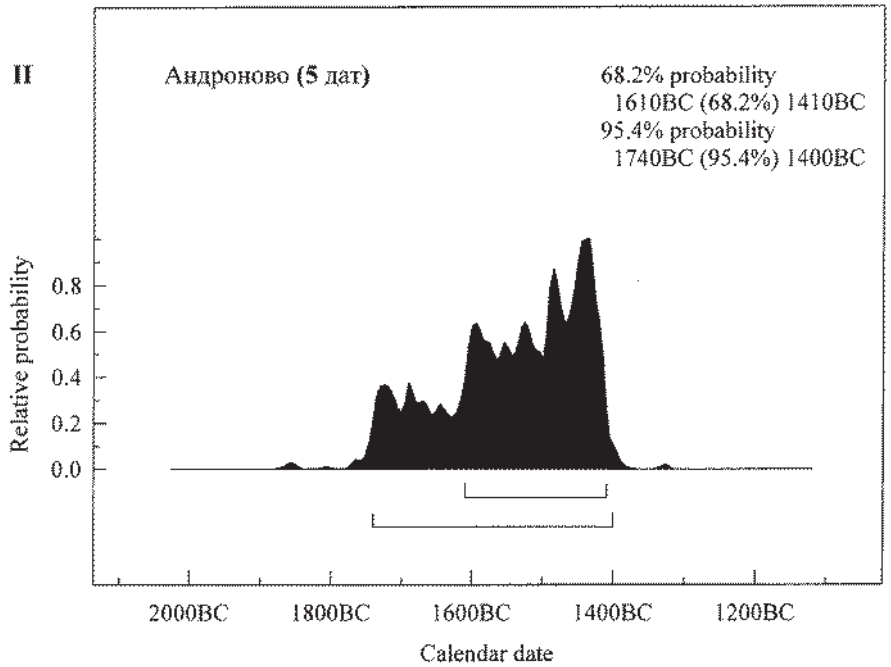


Рис. 8. I – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат федоровских памятников.
II – График суммирования вероятностей калиброванных радиокарбонных дат андроновских памятников Минусинской котловины.

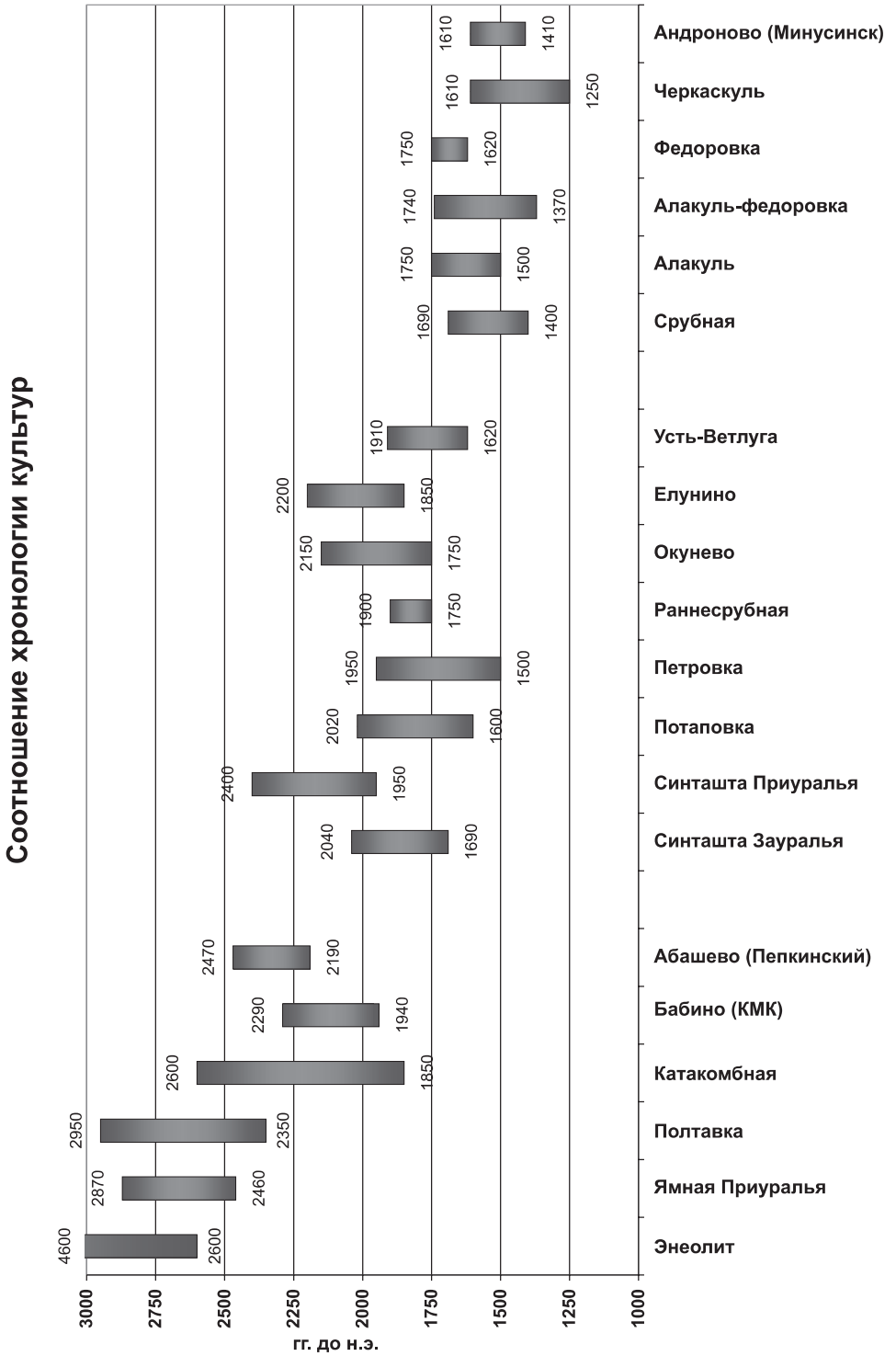


Рис. 9. Схема хронологического соотношения культур бронзового века Урала и сопредельных территорий.

знано аргументом в пользу мнения А. В. Матвеева[60] о генетической связи этих двух традиций и хронологическом приоритете первых[61].

Дополнительным основанием для заключений может служить хронология восточного фланга *срубной общности*. Судя по имеющимся данным, уральская степь и лесостепь были зоной активнейшего срубно-андроновского (прежде всего, срубно-алакульского) взаимодействия, начиная с этапа формирования этих огромных общностей. Хотя основная часть значений получена с поселения Горный I[62], массовость серии и общая непротиворечивость результатов позволяют отнести «классический» этап срубной общности к 1690–1400 гг. до н.э. (рис. 6, II). Видимо, этот период следует считать и временем существования алакульского населения (без учета кулевчинских древностей).

Таким образом, алакульские, федоровские и срубные памятники демонстрируют отчетливое хронологическое единство в рамках 1750–1500 (1400 ?) гг. до н.э. (рис. 8, II). Это неплохо согласуется с заключениями по памятникам Минусинской котловины, где андроновский период[63] определяется авторами – 1715±65 — 1420±40 гг. до н.э.[64]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткий итог обзора, можно констатировать, что в результате работы можно наметить контуры основных этапов бронзового века Урала, которые надежно согласуются с межрегиональной периодизацией Северной Евразии (рис. 9). В этой системе калиброванной радиоуглеродной хронологии период первой четверти II тыс. до н.э. довольно четко разграничивается с предшествующим и последующим, объединяя синташтинские, петровские, раннесрубные, вероятно, сейминско-турбинские древности. Этот же перечень культур (с добавлением абашевской) отнесен Е. Н. Черных с соавторами в рамки первой фазы Евразийской металлургической провинции[65]. Признавая адекватность и эвристическую ценность металлургической периодизации, полагаем, что она не является универсальной, особенно для генетически связанных культур и общностей.

Для синташтинских памятников мы считаем реальным сужение рамок по мере накопления качественных дат, уже сегодня можно предполагать относительную краткость функционирования феномена. Об этом говорят не столько радиокарбонные датировки синташтинских и петровских древностей сами по себе (наличие очень значительного участка наложения), сколько их сочетание со стратиграфическими наблюдениями, согласно которым хронологический приоритет синташты на Урале можно считать надежно установленным.

Детализации выводов о соотношении культур и групп в рамках горизонта препятствует слабость источниковой базы анализов, низкое качество отдельных дат и др. Тем не менее, следует подчеркнуть, что приведенные выше суждения не противоречат ключевым положениям относительной хронологии, базирующейся на совершенно иных основаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Epimakhov A., Koryakova L.* Streitwagen der eurasischen Steppe in der Bronzezeit: Das Wolga-Uralgebirge und Kasachan // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein, 2004. S. 221–236.
2. *Кузьмина Е. Е.* Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. 2000. № 4. С. 3–20; *Нефедкин А. К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб., 2001 и др.
3. *Зданович Г. Б., Зданович Д. Г.* Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. С. 48–62.
4. Автором к настоящему времени собрано для Южного Урала около 50 примеров стратиграфии разной степени надежности. Единичные случаи стратифицированных памятников могут не отражать общей ситуации, когда речь идет о сосуществовании и взаимодействии разнокультурных групп. Кроме того, курганная стратиграфия (а лучше пред-

ставлена именно она), диагностируя порядок захоронений, не позволяет судить о длительности разрыва между актами погребальной церемонии.

5. *Телегин Д. Я., Соботович Э. В., Ковалюх Н. Н.* Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиокарбонных анализов (Сообщение 2 Координационного совета комплексного изучения памятников археологии ИА АН УССР за 1975–1977 гг.) // Использование естественных наук в археологии. Киев, 1981. С. 78–84; *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994 и др.
6. *Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2004. № 4. С. 92–102.
7. *Зданович Г. Б.* Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2. С. 47–62.
8. *Anthony D. W., Vinogradov N. B.* Birth of the chariot // Archaeology. An official Publication of the Archaeological Institute of America. Vol. 48. № 2. 1995. P. 36–41.
9. *Hanks B., Epimakhov A. V., Renfrew C.* Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // Antiquity, in print.
10. *Черных Е. Н., Черных Н. Б.* Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005. С. 37.
11. Адекватность процедуры нашла прямое подтверждение в ходе работы. Первоначально конвенционные значения обрабатывались в OxCal 3.9, при этом проводилось сужение интервалов по описанному принципу. С выходом в свет новой версии программы работа была проделана повторно, в абсолютном большинстве случаев отброшенные на первом этапе значения оказались за пределами интервалов.
12. Такая картина является отображением относительной однородности серии.
13. *Моргунова Н. Л., Хохлова О. С., Зайева Г. И., Чичагова О. А., Гольева А. А.* Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Приуралья //Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. С. 264–274.
14. *Ткачев В. В.* Относительная хронология культурных образований конца эпохи средней – начала поздней бронзы в степном Приуралье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002. С. 48–64 и др.
15. *Халяпин М. В.* Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 417–425; *Моргунова Н. Л., Халяпин М. В.* Новые исследования памятников эпохи бронзы в Центральном Оренбуржье //Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 225–229.
16. *Кузнецов П. Ф.* Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996. С. 56–59; *Трифонов В. А.* К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы //Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996. С. 60–64 и др.
17. *Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А.* Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул, 2003. С. 105–107; *Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А.* Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул, 2004. С. 137–141.
18. Без учета значений ^{14}C вероятность менее 5%.
19. *Бочкарев В. С.* К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986. С. 78–111.
20. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. С. 251, 269–271.
21. *Соловьев Б. С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (по раскопкам 2001 г.) // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003. С. 191; *Соловьев Б.С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–111.

22. *Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* ^{14}C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time //Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht, 2004. P. 83–89.
23. В данном случае мы не считаем необходимым следовать мнению авторов публикации, которые серьезно удревняют нижнюю границу (до 26 в. до н. э.) (*Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* Ук. соч. … P. 88). Дело в том, что этот результат достигнут за счет единственной ранней даты (Bin-5196), конвенционное значение которой на три века старше основного массива.
24. *Кузьмина Е. Е.* Первая … С. 19.
25. *Мосин В. С.* К вопросу о преемственности энеолита – бронзы в Южном Зауралье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 15–25; *Григорьев С. А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999; *Епимахов А. В.* Южное Зауралье в период средней бронзы. Челябинск, 2002 и др.
26. *Кузьминых С. В.* Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 116–122.
27. *Шорин А. Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999. С. 84–85.
28. *Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000. С. 25.
29. *Моргунова Н.Л.* и др. Ук. соч.; *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология ямной общности и истоки курганных культур // РА. 2004. № 1. С. 84–99 и др.
30. К сожалению, единичные зауральские комплексы (Мало-Кизильский II, Александровский IV) не имеют радиокарбонных определений.
31. Важно отметить, что приведенные даты фактически совпадают с полтавкинскими (*Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Ук. соч. С. 18, 24).
32. *Богданов С. В.* Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004. С. 249–250.
33. *Ткачев В. В.* Ук. соч. С. 49–50.
34. *Богданов С. В.* Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург, 1998. С. 17–37.
35. *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. 2004. № 2. С. 15–29.
36. По мнению некоторых авторов, основанному на сериях радиокарбонных дат (*Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 71–82), на данной территории катакомбное население просуществовало вплоть до появления срубного.
37. *Отрощенко В. В.* До уточнення хронологіі синташтинскоі культури // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы. Днепропетровск, 1994. С. 39–41; *Виноградов Н. Б.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 261–284 и др.
38. *Литвиненко Р. А.* Южно-уральский очаг культурогенза и культура Бабино (КМК): проблема взаимодействия // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 145–152.
39. *Пряхин А. Д., Беседин В. И., Захарова Е. Ю., Саврасов А. С., Сафронов И. Е., Свистова Е. Б.* Доно-Волжская абашевская культура. Воронеж, 2001; *Кузьмина О. В.* Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Археологические изыскания. Вып. 63. СПб., 2000. С. 65–134 и др.

40. *Кузнецов П. Ф.* Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 179.
41. *Беседин В. И.* О хронологии Пепкинского кургана // РА. 1995. № 3. С. 197–200.
42. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 108; *Кузнецов П. Ф.* О роли культур Южного Урала в культурогенезе эпохи поздней бронзы // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999. С. 88.
43. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Луньков В. Ю.* Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2000. С. 63–84.
44. Каргалы /Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. Том. IV. М., 2005. С. 35–37.
45. *Обыденов М. Ф., Горбунов В. С., Муравкина Л. И., Обыденова Г. Т., Гарустович Г. Н.* Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа, 2001.
46. Справедливости ради следует отметить, что эти памятники в периодизации Евразийской металлургической провинции рассматриваются в рамках одной фазы (первой) с синташтинскими и абашевскими (*Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В.* Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. 2002. № 1. С. 21).
47. *Матвеев А. В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998. С. 348–353; *Григорьев С. А.* Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Челябинск, 2000. С. 313–314.
48. *Григорьев С. А.* Бронзовый... С. 337–338.
49. *Аванесова Н. А*. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. С. 117–118; *Матвеев А. В., Орищенко А. В., Зах В. А., Панфилов А. Н., Петренко Ю. В.* Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 28–31; *Кузьмина Е.Е.* Откуда… С. 372–375; *Обыденов М. Ф., Шорин А. Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культура). Екатеринбург, 1995. С. 39; *Матвеев А.В.* Ук. соч. С. 363, 367; *Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Рябогина Н. Е.* Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск, 2003. С. 42.
50. *Виноградов Н. Б.* Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье //КСИА. Вып. 169. М., 1982. С. 94–100; *Виноградов Н. Б.* Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // ПИФК. Вып. VIII. М.–Магнитогорск, 2000. С. 24–53; *Виноградов Н. Б.* Синташтинские… и др.
51. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.
52. *Григорьев С.А.* Бронзовый …
53. *Ткачев А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень, 2002. С. 187–189.
54. Как заведомо ошибочные отброшены некоторые из них, относящиеся к концу II тыс. до н.э.
55. *Матвеев А.В.* Ук. соч. С. 278, 286–291.
56. Там же. С. 370–371.
57. Практически все анализы «ранней» группы сделаны в лабораториях Новосибирска и Уральского пединститута, а «поздней» – в Санкт-Петербурге.
58. *Кузьмина Е. Е.* Откуда …; *Ткачев А. А.* Ук. соч.; *Стефанов В. И., Корочкова О. Н.* Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: проблемы взаимодействия // РА. 2004. № 4. С. 52–66 и др.
59. Имеются в виду федоровско-черкаскульские памятники лесостепного Зауралья: могильники Большая Караболка и Туктубаево, поселение Ново-Бурино.
60. *Матвеев А. В.* Лесостепное Зауралье во II–I тыс. до н.э.: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 36–37.

61. Этот вывод, конечно, опирается на недостаточную совокупность данных, тем более что практически не имеют датировок черкаскульские памятники горно-лесного Зауралья, считающегося территорией сложения культуры (*Обыденов М.Ф., Шорин А.Ф.* Ук. соч. 1995. С. 39).
62. Каргалы / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. Т. II. М., 2002; Т. III. М., 2004.
63. *Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* Ук. соч. P. 88.
64. Стоит, правда, отметить, что суммирование вероятностей дает несколько иные значения (1610–1410 гг. до н. э.).
65. *Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В.* Ук. соч. С. 21.

A.V. Epimakhov

RELATIVE AND ABSOLUTE CHRONOLOGY OF SINTASHTA SITES IN THE LIGHT OF RADIOCARBON DATES

The Sintashta sites are one of the major keys in the chronological system of the Bronze Age of a steppe and forest-steppe zone of Northern Eurasia. Accumulation of radiocarbon dates allows to define the chronological frameworks of this phenomenon - the 1st quarter of II millennium BC. Synchronous and diachronic analyses confirm this conclusion and let to distinguish stages of the Bronze age of the Urals. Aeneolithic sites and the Yamnaya (Pit-grave) culture must be excluded from among direct predecessors of Sintashta. The Potapovo type-sites (Volga region) and, probably, Abashevo cultures (Pre-Urals) are close chronologically and culturally for the Sintashta. Petrovka, early Srubnaya (Timber-grave) cultures are dated a little later time though there is a big site of imposing of intervals. The following stage is submitted by sites of Srubnaya, Alakul', Fyodorovka cultures. Similar stages are marked out for Siberian region – the Minusinsk depression, where the program of creation of a scale for all Bronze and the beginnings Early Iron Ages is realized.

© 2007 г.

И.В. Чечушков

ОГОЛОВЬЕ КОЛЕСНИЧНОЙ ЛОШАДИ ЭПОХИ БРОНЗЫ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

ПРЕАМБУЛА

Во второй половине XX века одной из популярных тем археологии бронзового века степей Евразии стало рассмотрение деталей конской амуниции — псалиев. В частности, оформилось два основных направления их изучения, которые могут быть условно определены как типологическое и реконструктивное. В самых общих словах задачи, которые решались в рамках второго, могут быть сформулированы так: *реконструкция модели оголовья, назначение псалиев и функции их отдельных элементов.* Предлагаемая читателю работа направлена на разрешение тех же вопросов.

Увидевший свет в 2004 году в г. Донецке Археологический альманах №15 «Псалии», по моему глубокому убеждению, стал важной вехой в деле изучения снаряжения колес-

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Формы и проявления социо-культурной сложности в Урало-Сибирском регионе в эпоху бронзы» и при поддержке гранта РГНФ (проект № 05-01-85113а/У.

ничной лошади эпохи бронзы. Собранные под обложкой этого издания публикации отразили современный уровень развития реконструктивного направления, продемонстрировали схожесть подходов, обогатили авторов новыми идеями. Так, поставленные уважаемым редактором одна за другой статьи П.Ф. Кузнецова и автора данных строк в соавторстве с А.В. Епимаховым не просто хорошо дополнили друг друга, но и стимулировали продолжение работы. На этих страницах представлены итоги второй (осень-зима-весна 2002–2003 гг.) и третьей фазы (лето 2006) экспериментального исследования псалиев эпохи финала средней бронзы Евразии. Результаты первой стадии опубликованы в упомянутой работе[1].

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛЬНОСТИ

Эпоха средней и поздней бронзы Северной Евразии характеризуется появлением и распространением так называемого «колесничного горизонта» археологических культур. С некоторыми оговорками, к ним могут быть отнесены *синташтинская, абашевская, потаповская, петровская, алакульская, срубная* и ряд других культурных образований. Идея колесничества перекинула мостики далеко на запад — до Балкано-Карпатского региона, на восток — до Китая и на юг — до ареала первых цивилизаций Древнего Востока включительно.

В материальной культуре принадлежность к этой «свите» обычно маркируется находками элементов колесничного комплекса, к которому относятся псалии, остатки колесниц, детали экипировки воина-колесничего, упряжные лошади.

В историографии эпохи бронзы щитковые псалии давно уже стали одним из хронологических реперов — на основании распространения близких по морфологии артефактов исследователи синхронизируют и датируют археологические комплексы. Накопление материала и его осмысление привело к созданию достаточно большого количества формально-типологических схем, которые стали основным инструментом исследования рассматриваемой категории артефактов и построения хронологических схем позднего бронзового века.

Однако существенной проблемой многих исследований являлось то, что при построении типологических схем, основанных на морфологии, их авторы почти не придавали значения функциональной стороне. Представляется, что функция псалиев, как элементов средств управления лошадью, напрямую детерминировала почти все детали их морфологии. Следовательно, для построения обоснованной и верифицируемой типолого-эволюционной схемы необходимо выявить назначение конструктивных элементов изделий.

Кроме того, в специализированной литературе обсуждается вопрос о модели оголовья колесничной лошади, в состав которого входили псалии. Исследователями предложено множество вариантов, однако принципиально все они объединяется в две группы. Традиция первой из них была заложена работой К.Ф. Смирнова[2], который одним из первых предпринял попытку реконструкции оголовья. Общим для всех моделей, обобщенных в этой группе, является идея монтажа суголовного ремня к щитку псалия, а нахрапного — к планке[3].

Вторая группа объединяет работы А.М. Лескова и упомянутую публикацию автора этих строк. В статье А.М. Лескова[4] произведена реконструкция оголовья, в состав которого входили щитковые псалии из Трахтемирова. Данная работа впоследствии была незаслуженно забыта исследователями, хотя она и содержит наиболее удачный, на мой взгляд, вариант реконструкции. Процитируем дословно, с тем, чтобы обратить особое внимание читателя на принципиальные детали: «через овальное отверстие, расположенное в углу рта, проходил нащечный ремень. Не совсем ясно назначение второго круглого отверстия. Вероятнее всего оно … служило для закрепления наносного и подгубного ремней. Шипы … препятствовали скольжению удил во рту коня при натягивании повода … и служили трензелем» (С. 300). Развивая мысль исследователя, мы предложили ва-

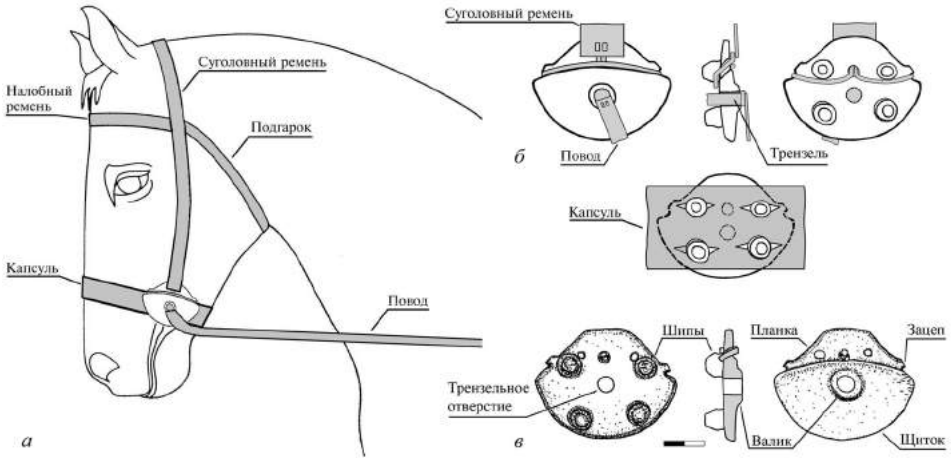


Рис. 1. Оголовье колесничной лошади эпохи бронзы:
а — реконструкция оголовья; б — схема распределения ремней на псалии;
в — элементы морфологии псалия.

риант оголовья, в котором суголовный ремень монтировался к планке изделия (см. рис. 1, *а, б*).

Для решения сформулированных в преамбуле задач использовался экспериментальный метод исследования. Программа включала в себя реконструкцию оголовья и его экспериментальную апробацию в работе с лошадью.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Посылкой работы стало суждение о том, что физиологические особенности лошади жестко детерминируют ограниченный круг возможностей ее приведения к послушанию при помощи средств физического воздействия[5]. Основные *принципы управления* были выработаны в древности и, в сущности, не претерпели изменений до наших дней. В процессе же исторического развития совершенствовались лишь *способы воздействия* на лошадь: древневосточные изобразительные источники демонстрируют, что в этом регионе на рубеже III–II тыс. до н.э. лошадь управлялась при помощи носового кольца, подобно быку или онагру[6]. На территории же Евразийской степи древнейшими достоверными свидетельствами являются псалии, связанные с применением удил. Именно этот способ управления оказался наиболее эффективным и, в результате, доминирующим во всей последующей истории отношений человека и лошади.

Параллельно с экспериментальными работами происходило осмысление накопленного опыта взаимоотношений с лошадью и знакомство с профессиональной терминологией, которая опубликована[7] и используется в данной статье.

Для экспериментальных работ был изготовлена описанная ранее модель оголовья и три пары экспериментальных изделий. Прототипами служила пара из ямы №8 могильника Каменный Амбар-5. Конструктивные особенности реплик могут быть описаны так: *роговые щитковые псалии со вставными фигурными шипами, выделенной планкой, перфорированной одним прямоугольным отверстием и снабженной зацепами; трензельное отверстие круглой формы, усилено валиком*. Разумеется, при изготовлении использовались современные ручные и электрические инструменты, но, тем не менее, можно констатировать, что эта работа требует навыка и с большим трудом поддается дилетанту. Во всяком случае, с эстетической точки зрения наши реплики существенно уступают древним оригиналам.

Рис. 2. Деталь оголовья на морде лошади (фото).

Модель оголовья состояла из суголовного ремня, который монтировался на планке псалиев, налобного ремня, кожаного трензеля, повода и вожжей. Наличие и вожжей и повода продиктовано применением дугового способа запряжки лошади.

Экспериментальная гипотеза заключалась в том, что при монтаже суголовного ремня на планке псалия, сработанность реплик будет совпадать со следами работы на древних артефактах. Здесь стоит оговориться, что под сработанностью мы понимаем нарушение изначальной морфологии изделия, выраженной в залощенностях и сломах поверхностей.

Каждой экспериментальной реплике был присвоен индивидуальный номер. В описываемых здесь фазах работа велась на образцах №№ 3–9 (№1 и №2 — реплики 2000 года). В работе использовался жеребец орловской рысистой породы по кличке Парапет (рис. 2). Лошадь работала в оголовье с псалиями в одноконной упряжке, летом и осенью — в двуколке, зимой — в санях. Оговоримся, что характер сработанности псалиев принципиально не зависит от того, одноконная запряжка или пароконная.

На всех стадиях эксперимента велись наблюдения, фиксируемые в дневнике, а также при помощи фото- и видеоаппаратуры.

Сработанность трензельного отверстия получена у всех пар. Согласно данным дневника наблюдений, незначительная сработанность трензельного отверстия правого псалия второй серии (№3) появилась после 1 часа 30 минут езды. Сработанность выглядит как залощенность края отверстия, направленная *вниз и влево*. Последующие несколько часов езды сработанность не увеличили.

Схожая картина наблюдалась у третьей пары. У правого псалия №5 небольшой слом-сработанность валика трензельного отверстия, направленная *вниз,* возникла после четырех с небольшим часов работы. На новом левом псалии (№7) после 1 часа работы появилась легкая сработанность трензельного отверстия, направленная *вниз и вправо*. Спустя еще час работы на 5 и 7 псалиях до блеска были отполированы верхние участки и края планок, а еще через час у №7 значительно увеличилась залощенность трензельного отверстия.

В 2006 году использовались образцы №8 и №9. Данная пара была в работе наиболее длительный промежуток времени, который в общей сложности составил 15 часов 25 минут. Незначительная сработанность правого псалия, направленная *вниз и влево*, появилась спустя 3,5 часа. На парном изделии залощенность трензельного отверстия была обнаружена еще после 1 часа работы. Впоследствии сработанности увеличивалась незначительно, что, вероятно, связано с особенностями материала.

Таким образом, сегодня можно сделать предварительный вывод о том, что результаты эксперимента подтверждают экспериментальную гипотезу и предложенная модель оголовья близка древней. Наиболее ярким доказательством этого является направление сработанности трензельных отверстий: *влево на правых псалиях, и вправо на левых*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время эксперимент по-прежнему нельзя считать законченным, но уже сегодня можно сделать определенные выводы. Для начала отметим, что в ходе всех фаз эксперимента возникало огромное количество непредвиденных, а подчас опасных ситуаций, дававших поводы для размышлений об особенностях функционирования псалиев, работы и отношениях с лошадью.

Эксперимент показал, что псалии являются эффективным элементом средств управления лошадью в упряжке, а реконструированный вариант узды полностью работоспособен. Безусловно, существует некоторое расхождение теории с практикой: используемая в работе лошадь выезжена в классических традициях, хорошо реагирует на действие трензеля, в связи с чем псалии не играют значимой роли. Но, с другой стороны, Парапет как минимум на 25 см выше в холке и мощнее его древних собратьев, что также накладывает отпечаток на работу.

Экспериментальное исследование с большой долей вероятности позволило установить функцию элементов морфологической структуры псалия (рис. 1, *в*). Можно констатировать, что составляющий основу изделия *щиток* предназначен для распределения остальных элементов псалия. *Трензельное отверстие* служит для крепления повода к грызлу и передачи механического эффекта псалию. Оно может быть усиленно специальной втулкой — *валиком,* который функционирует как средство защиты отверстия от разрушений. С внутренней стороны щиток зачастую снабжен монолитными или вставными *шипами,* предназначенными для разворота корпуса лошади. *Форма шипов* (прямая или фигурная) обусловлена отсутствием или наличием капсуля соответственно. *Планка,* примыкающая к верхнему краю щитка, служит для фиксации суголовного ремня при помощи *зацепов* и/или *дополнительных отверстий.* В случае отсутствия планки суголовный ремень мог крепиться при помощи дополнительных отверстий непосредственно к щитку. Некоторые разновидности псалиев могут быть снабжены *отверстием в иной плоскости,* вероятно, предназначенном для фиксации капсуля без помощи шипов[8].

Представляется, что морфология псалиев на протяжении эпохи бронзы определялась следующими факторами. **Функциональным** — это особенности использования псалиев в качестве средства управления лошадью и распределителя ремней оголовья. К элементам, морфология которых определяется функцией, относятся шипы и планка (общее оформление и вариант перфорации). **Традиционным** — господствующими в сообществе представлениями о внешнем облике подобных изделий (форма щитка и планки, наличие орнамента, вариант монтажа шипов). **Технологическим** — особенностями материала и способами изготовления псалия (размеры изделия, размеры шипов, вариант монтажа шипов, материал). **Спонтанным** — способностями, навыками, представлениями и возможностями конкретного мастера.

Кроме того, в ходе эксперимента был сделан ряд наблюдений, на основании которых можно сделать следующие выводы.

Основной эффект в управлении лошадью достигается за счет воздействия *трензеля (ременных удил)* на беззубый край нижней челюсти. Псалии же оказывают *дополнительное* воздействие при поворотах за счет давления шипов при натяжении одной из вожжей — при правом повороте «работает» левый псалий и наоборот. Таким образом, сработанность трензельного отверстия возникает в результате поворота. В ходе движения по прямой контакта между изделиями и вожжами фактически нет, в то время как при натягивании одного из поводьев ременная часть соприкасается со щитком противоположного псалия. При этом основная нагрузка ложилась на ближние к планке шипы, т.к. повод оттягивает псалий.

Торможение осуществляется, главным образом, за счет давления трензеля, в меньшей степени — нахрапного ремня (капсуля). Кожаный трензель, используемый нами, дает более мягкий эффект, в сравнении с металлическим. Т.е. управляемость лошади при использовании мягких удил несколько хуже, из чего следует, что древний способ управления, вопреки расхожему мнению о его жестокости, относительно мягок[9].

Наиболее эффективным методом изготовления ремней оголовья является плетение. Свободные окончания получившегося шнура хорошо фиксируются на псалии, после чего надежно заплетаются в основной ремень. Это позволяет отказаться от использования отдельных ремней и нитей, сделать конструкцию простой, надежной и эффективной.

Кроме того, после нескольких аварийных ситуаций был разработан вариант с несколькими степенями защиты от повреждений. Суть его заключается в двойном суголовном ремне: один фиксируется на псалии, а второй — на краях трензеля, с внутренней стороны псалия. Таким образом, в случае повреждения роговой части, возница в качестве средства управления сохраняет удила. Если же рвутся удила — остается капсуль.

Конечный вид каждого конкретного оголовья, очевидно, определялся, во-первых, общей моделью, которая, без сомнения, существовала и была хорошо отработана, а во-вторых, индивидуальной морфологией пары псалиев, которая в свою очередь зависела от четырех указанных выше факторов. Таким образом, вряд ли можно согласиться с мыслью о том, что в эпоху бронзы происходили поиски наиболее эффективного «способа запряжки»[10].

Установлено, что при среднем диаметре центрального отверстия 6–8 мм пропущенные в него кожаные удила в виде двух шнурков аналогичного диаметра приходят в негодность и рвутся в течение 2-х часов. Это потребовало изменить их конструкцию: основную функцию в модификации 2003 г. выполнял широкий (2 см) ремень, который отдельными ременными петлями крепится к трензельному отверстию. В модификации 2006 года использовался трензель, плетенный из 4 сыромятных шнуров. Этот вариант оказался наиболее работоспособным и надежным, т.к. он наименее подвержен растяжению и пережевыванию.

Интересны также наблюдения за изменениями кожи, из которой изготавливался трензель: от слюны лошади она не размягчалась, а напротив, становилась все более жесткой, что усиливало воздействие.

В ходе работ 2006 года было проверена гипотеза П.Ф. Кузнецова[11] о том, что материалом для изготовления трензеля мог служить волос. В целях эксперимента были изготовлены удила из конского хвоста, которые заменили кожаные. Было установлено, что срок их службы составляет 10 минут, после чего волос пережевывается, трензель рвется и лошадь остается без управления.

В процессе эксперимента из состава оголовья удалялся капсуль, что позволило сделать ряд интересных наблюдений. Во-первых, достоверно установлено, что уздечка функционирует и без этого элемента, однако возрастает вероятность повреждения псалиев в результате их попадания в рот лошади. Дело в том, что взнузданное животное отжевывает удила и нам приходилось наблюдать, как Парапет почти «съел» экспериментальный псалий №2. С другой стороны, при использовании капсуля многократно возрастает вероятность повреждения шипов: возникающие во время работы противодействующие силы столь велики, что хорошо зафиксированные и приклеенные шипы вылетали из своих гнезд.

Другое наблюдение, сделанное в результате повреждения удил из конского хвоста, подтвердило мысль об использовании капсуля как дополнительного средства управления лошадью: разворот и торможение галопирующей лошади осуществлялись именно за счет воздействия этого элемента оголовья[12]. Таким образом, капсуль является важным элементом оголовья, наличие которого в составе оголовья говорит о достаточно развитых представлениях о работе с лошадью.

Как было отмечено выше, сработанность псалия может возникать в достаточно короткие сроки — от 3 часов непрерывной езды. Однако следует разграничивать *общие закономерности* появления сработанности на псалиях, обусловленные конструкцией уздечки и морфологией изделий, с *частными* вариантами сработанности. Последние зависели от индивидуальных характеристик лошадей (физиологических и психологических) и особенностей материала.

Под физиологическими мы понимаем особенности формы изгиба и постановки шеи, а также специфику хода лошади. По форме изгиба выделяют прямую, оленью и лебединую шею, постановка же ее относительно корпуса бывает нормальной, высокой и низкой. В зависимости от этого может видоизмениться угол сработанности трензельного отверстия и щитка псалия, получаемой в результате воздействия вожжей. Особенностями хода следует считать широту амплитуды на любом из аллюров (от чего меняется степень сбора лошади), хромоту (например, лошадь спотыкается на одну из передних ног), «бочение» (в результате хромоты или слепоты одного глаза лошадь выдвигает одно плечо вперед — «бочит») и т.п. То или иное сочетание данных факторов приводило к появлению различных направлений и интенсивности сработанности псалиев при однотипной упряжи. Приведенные примеры, естественно, не исчерпывают всех возможных вариантов.

Психологические же особенности включают в себя черты характера лошади, от которых зависит ее поведение в упряжке. Например, животное может на полном ходу кивать головой, пытаясь вырвать из рук вожжи и ослабить тем самым болевое воздействие на рот. Такое поведение также влияло на направление сработанности псалиев. Интенсивность сработанности пары псалиев зависела не только от продолжительности эксплуатации изделий, но и от степени управляемости лошади. Так, при низкой чувствительности толстых и загрубевших беззубых краев лошадь становится «тугоуздой», что выражается в повышенном сопротивлении лошади воздействию трензеля. В результате возница вынужден плотнее подгонять узду и прилагать большие усилия для управления.

Кроме того, как показывают данные эксперимента, сработанность на правом и левом псалиях при одинаковых условиях функционирования может быть неравномерна в связи с разной плотностью материала, из которого изготовлены изделия. Так, на экспериментальном правом псалии №3 (выполненном из более рыхлого, пористого рога) сработанность трензельного отверстия с внешней стороны появилась уже в первые часы эксперимента, в то время как на левом №4 никаких следов визуально не фиксировалось. Можно сделать вывод, что существует огромное количество факторов и вариантов их сочетаний, влияющих на характер и интенсивность сработанности.

Представляется, что все известные находки псалиев являются продуктом хорошо развитого направления косторезного дела и их прототипы не известны. Однако, предполагая логику развития от простого к сложному, отметим, что удила, вероятно, эволюционировали от веревки, накинутой на нижнюю челюсть лошади. Затем появились остальные элементы оголовья, включая псалии.

Поскольку псалии являлись второстепенной деталью, обеспечивающей более жесткое управление лошадьми, логично было бы предположить, что их появление в составе оголовья связано с использованием повозки, а именно *легкой пароконной колесницы*. Наличие довольно большой дистанции между возницей и лошадьми (до 2,5 м), и связанное с этим использование вожжей, потребовало выработки особого «механизма» управления[13]. Псалии возникли именно как средство управления съезженной парой, которая должна была адекватно реагировать на команды возничего на *быстрых аллюрах* и в результате успешно совершать маневрирование. Этот вывод косвенно подтверждается данными эксперимента: кожаный трензель в сочетании с вожжами (т.к. речь идет об упряжке) не обеспечивает *жесткого* управления лошадью.

Для управления верховой лошадью, либо при одноконной запряжке рабочей лошади, иногда и по сей день, применяются средства, технически гораздо более простые, нежели узда с роговыми псалиями: управление при помощи веревочной петли[14], воздействие

ремней оголовья (как в безжелезной уздечке Кука). Совершенствование (ужесточение, по мысли А.Г. Невзорова) происходит по мере *усложнения условий работы* — совместной работы двух и более лошадей в упряжке; появление больших масс конницы и конного строя; использование породных (более норовистых и резвых) лошадей; в классических видах конного спорта и т.п.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Епимахов А.В., Чечушков И.В.* Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 2004. С. 39–45.
2. *Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. №1. С. 46–72.
3. *Пряхин А.Д., Беседин В.И.* Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи // РА. 1998. №3. С. 22–35; *Усачук А.Н.* Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998. С. 72–81.
4. *Лесков А.М.* Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. 1964. №1. С. 299–303
5. Лошадью управляет боль, однако управление может быть построено и на другой основе. Читателя, интересующегося подробной аргументацией, адресую к потрясающей книге известного журналиста и лошадника А.Г. Невзорова (*Невзоров А.Г.* Лошадиная энциклопедия мастера Haute École Александра Невзорова / под ред. Л.А. Невзоровой. М., 2006).
6. *Нефедкин А.К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 59.
7. *Гуревич Д.Я.* Справочник по конному спорту и коневодству. М., 2000. 325 с.
8. Полной убежденности в этом утверждении автор не испытывает. Необходимо продолжение работ для установления функции этого элемента.
9. С этим мнением мог бы поспорить А.Г. Невзоров.
10. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. С. 180.
11. *Кузнецов П.Ф.* Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжья // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. С. 33.
12. Правда, в конечном счете, для остановки Парапета автор вынужден был опробовать кельтский способ, описанный в свое время Цезарем: хождение по оглобле с последующим прыжком на спину скачущей лошади.
13. *Новоженов В.А.* Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алма-Аты, 1994.
14. Этот способ автор также был вынужден апробировать в процессе эксперимента 2006 г. Петля, стягивающая нижнюю челюсть, позволяет всаднику в достаточной степени управлять лошадью.

I.V. Chechushkov

HEADBAND OF CHARIOT HORSE HARNESS IN BRONZE EPOCH: EXPERIMENTAL RESEARCH

Results of the experimental research for the cheek-pieces of the Eurasian steppe Bronze Age are published in the article. The purpose of this work is to check the functionality of the harness model, establishment of basic elements within these functions and reveal their functional features. It has been established, that cheek-pieces are the effective control facility for the cart-horse and the reconstructed model of harness is close to the ancient one.

© 2007 г.

В.В. Ткачев

ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НА ЗАПАДНОЙ ПЕРИФЕРИИ АЛАКУЛЬСКОГО АРЕАЛА

ВВЕДЕНИЕ

Периферийные районы археологических культур, как правило, рассматриваются в контексте культурных взаимодействий (диффузии). Гораздо меньше внимания обычно уделяется выяснению механизмов культурогенеза в силу предполагаемой географической удаленности от исходного очага или ядра формирования комплекса культурных стереотипов. Однако такой подход не всегда соответствует археологическим реалиям. Более того, зачастую именно в периферийных районах возникают условия для культурных трансформаций, особенно если они носят стимулированный характер. Новое культурное явление в древности нередко возникает не в результате имманентного развития предшествующей культуры, но на стыке нескольких культурных образований, интеграция которых приводит к переоформлению системы стереотипов.[1]

Такая картина реконструируется в начале позднего бронзового века в степном Приуралье. Конечный результат этого процесса хорошо известен, поскольку в регионе оформляется самобытная группа срубно-алакульских памятников с безусловной доминантой алакульских канонов в погребальной обрядности и материальном комплексе. Однако в определении субстратных составляющих алакульского культурогенеза на западной периферии ареала у специалистов нет единодушия. Различное видение проблем периодизации и хронологии культур конца эпохи средней — начала поздней бронзы, направленности миграций и культурных контактов, скудость стратиграфических данных, безусловно, не способствуют выработке консолидированного мнения.

В последние годы получены новые материалы, способные вывести на новый качественный уровень обсуждение обозначенных проблем. Предлагаемая работа имеет целью на основе анализа материалов погребальных памятников начала позднего бронзового века определить исходные составляющие алакульского культурогенеза в степном Приуралье, а также выяснить роль инокультурных импульсов в этом процессе.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В начале позднего бронзового века степное Приуралье, несмотря на свое периферийное положение, выступает в качестве одного из исходных районов алакульского культурогенеза. Однако эти процессы осложнялись инокультурными воздействиями, поскольку обозначенная территория являлась пограничьем со срубным миром.

Первоначально памятники, локализующиеся в степях Южного Приуралья и Восточного Оренбуржья, рассматривались нерасчлененно в рамках Орско-Актюбинского варианта андроновской культуры.[2] Однако уже в 60–70-е гг. прошлого века был обоснован синкретический статус памятников позднего бронзового века в контактной зоне со срубной культурой. Впервые на это обратил внимание К. В. Сальников.[3] Впоследствии на базе достаточно солидной группы источников данный тезис получил подтверждение в работах Э. А. Федоровой-Давыдовой, размежевавшей памятники восточной части Приуралья и прилегающих районов Казахстана с синхронными некрополями, сосредоточенными в бассейне р. Илека.[4] Достаточно подробно синкретические памятники Башкирского Приуралья проанализированы в контексте срубно-алакульских культурных взаимодействий Н. Г. Рутто.[5]

Следует отметить, что с самого начала, наряду с традиционной трактовкой интересующей нас группы памятников как смешанных, формирующихся в результате контактов развитых алакульской и срубной культур, обозначилось стремление исследователей обосновать наличие для них общей генетической основы.[6] Близость домостроительных

традиций, погребального обряда, вещевых комплексов (исключая керамику), хозяйственно-культурного типа подвигли авторов использовать такие дефиниции как «срубно-алакульская»[7] или «срубно-андроновская»[8] общность.

Выделение новокумакского культурно-хронологического горизонта[9] в Урало-Казахстанском регионе и петровской культуры в Приишимье[10] определили на долгие годы вперед основную парадигму исследовательского поиска с точки зрения определения генетических истоков алакульской культуры. Открытие близких новокумакско-синташтинским древностям Южного Урала памятников потаповского культурного типа в Среднем Поволжье стало дополнительным стимулом к поиску общего генетического начала для алакульской и срубной культур, формирующихся, по мнению самарских исследователей, на единой потаповско-синташтинской основе.[11] Надежным теоретическим фундаментом для реализации такого подхода стало положение о Волго-Уральском очаге культурогенеза эпохи поздней бронзы, сформулированное В. С. Бочкаревым, результатом функционирования которого стало оформление срубно-алакульского блока культур.[12]

Между тем постепенно обозначилась необходимость внесения более тонких хронологических градаций при характеристике памятников, составляющих ранние звенья алакульского культурогенеза. На основе стратиграфических данных установлено хронологическое соотношение синташтинских и петровских памятников Урало-Казахстанского региона.[13] В последнее время наметилась тенденция к хронологической дифференциации и собственно раннеалакульских (петровских) древностей, что наиболее отчетливо фиксируется на материалах степного Приуралья.[14]

Учитывая вышеизложенное, памятники раннеалакульского (петровского) времени Приуралья начинают играть ключевую роль в реконструкции механизмов культурогенеза, поскольку они составляют западный фланг локализующегося на Южном Урале первоначального очага, из которого и происходило распространение волго-уральского комплекса в пределы алакульского ареала. Присутствие раннесрубного следа в их погребальном обряде и материальном комплексе открывает новые и вполне осязаемые перспективы в решении вопросов синхронизации и определения внешних импульсов, стимулировавших культурную трансформацию.

Самобытность данной культурной группы вызвала у исследователей разночтения не только терминологического порядка, но и с точки зрения поиска генетических истоков, содержания, направленности эволюции и векторов культурных взаимодействий. Е. Е. Кузьмина рассматривает их в рамках сольилецкого типа алакульской линии развития, что предполагает в ее концепции формирование на базе памятников петровского типа, куда автор включает и памятники синташтинской культуры.[15]

Совершенно иные механизмы культурогенеза в начале позднего бронзового века в Приуралье реконструирует В. С. Горбунов. Он считает, что в качестве основного субстрата для памятников выделяемого им ветлянского типа послужили абашевские популяции.[16] Эта гипотеза была с энтузиазмом воспринята некоторыми исследователями, причем перечень культурных образований, якобы участвовавших в культурогенезе позднего бронзового века в Приуралье, пополнился энеолитическими памятниками турганикского типа.[17]

Несмотря на то, что автору настоящей работы уже приходилось высказываться по поводу своего понимания динамики культурогенетических процессов начала позднего бронзового века в Урало-Казахстанском регионе[18], представляется целесообразным еще раз вернуться к обсуждению обозначенного круга вопросов.

МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Прежде чем обратиться к рассмотрению оснований для реконструкции процессов культурогенеза в степном Приуралье в начале позднего бронзового века, необходимо оговорить ряд вопросов теоретического характера. В археологии проблемы генезиса культурных образований крайне редко находят удовлетворительное решение. Это связа-

но как с объективными причинами, определяемыми самой природой культурогенетических процессов в древности, так и объясняются отсутствием единой методологии и разночтениями в методических подходах исследователей.

В рамках концепции формационного эволюционизма (длительное время господствующей методологической основы для историко-культурных реконструкций в нашей стране)[19] наибольшее распространение получили разного рода автохтонистские модели, исходящие из поступательного характера культурогенетических процессов в древности, под которые подводилось теоретическое обоснование.[20]

В условиях методологического плюрализма, являющегося безусловным достоинством современного науковедения, появились диаметрально противоположные теоретические построения, в соответствии с которыми неспособные к саморазвитию культурные образования древности трансформируются под воздействием внешних импульсов. Как правило, это происходит за счет полной смены системы культурных стереотипов, что нередко становится результатом взаимодействия двух или нескольких предшествующих культур.[21]

Между тем, указанные подходы, вероятно, являются абсолютизацией лишь отдельных механизмов культурогенеза, которые мы можем предполагать для праисторического и протоисторического периодов. Судя по изменениям, фиксируемым в материальной культуре, потестарно-политических системах, идеологических представлениях (особенно в переходные эпохи, когда новации приобретают глобальный характер), можно констатировать реализацию разнообразных сценариев. Так, В. С. Бочкарев отмечает, что в различных географических ареалах мы наблюдаем полную смену археологической культуры, ее трансформацию или эволюцию. Смена культур обусловлена миграцией носителей новых культурных стереотипов; трансформация могла носить стимулированный извне или спонтанный (на основе внутренних импульсов) характер; эволюция рельефно проявляется во внутренней периодизации культуры, возможности выделения ее этапов.[22] Проблемы спонтанных и стимулированных трансформаций на материалах культурных образований Средней Азии плодотворно разрабатывались В. М. Массоном.[23]

Учитывая вариативность механизмов культурогенеза в архаические эпохи, на передний план выходит проблема миграций. Своеобразной аккумуляцией длительной дискуссии по этой проблематике явилась разработка Е. Е. Кузьминой типологии миграций в первобытную эпоху, снабженной развернутыми комментариями о возможности их фиксации на археологических материалах. Значимость предложенной типологии оттеняется обоснованием тезиса о жесткой взаимосвязи механизмов миграций, этнолингвистического состояния субстратного и суперстратного населения от хозяйственно-культурного типа.[24]

Применительно к археологическим реалиям начала позднего бронзового века северной части Центральной Евразии особое значение имеет положение о Волго-Уральском очаге культурогенеза эпохи поздней бронзы, сформулированное В. С. Бочкаревым. Активная фаза культурогенеза в концепции исследователя характеризуется особой ролью элиты, причем наиболее уверенно реконструируется военно-аристократический путь политогенеза.[25] Это выводит нас на проблему формирования ранних комплексных обществ в степях Восточной Европы. В. М. Массон обосновал неурбанистический характер социогенеза в степных скотоводческих и даже раннеземледельческих континуумах Восточной Европы и Урало-Казахстанского региона в эпоху энеолита-бронзы.[26]

Таким образом, в настоящее время можно констатировать выработку основательного теоретического фундамента для корректной реконструкции процессов культурогенеза на интересующей нас территории. Наиболее предпочтительной моделью представляется стимулированная трансформация, приведшая к сложению раннеалакульского комплекса. На западной периферии алакульского ареала этот процесс, несомненно, характеризуется локальным своеобразием, что наглядно иллюстрирует анализ археологических материалов.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ

Обращаясь к материалам начала позднего бронзового века степного Приуралья, следует отметить, что поиск исходных составляющих алакульского культурогенеза неизбежно приводит нас к культурным образованиям, непосредственно предшествующим в регионе раннеалакульским древностям. Единственной культурой, которая может претендовать на роль ведущего субстрата, является синташтинская. Стратиграфические данные, полученные в ходе исследования погребальных и бытовых памятников начала позднего бронзового века по обе стороны Уральского хребта, свидетельствуют о хронологическом приоритете синташтинских древностей по отношению к раннеалакульским (петровским). На поселениях Устье и Аландское, в курганных могильниках Кривое Озеро и Танаберген II надежно зафиксировано стратиграфическое перекрывание синташтинских комплексов раннеалакульскими (петровскими), а, следовательно, установлена и более поздняя позиция последних в системе относительной хронологии.[27] Это позволяет снять вопрос о соотношении синташтинских и петровских древностей, которые нередко рассматривались ранее недифференцированно.

Памятники раннеалакульского времени в настоящее время образуют несколько региональных групп, сосредоточенных в Приуралье, Зауралье, Северном и Центральном Казахстане. Ядро алакульского культурогенеза, вероятно, локализовалось на Южном Урале и прилегающих областях Северного и Западного Казахстана, то есть в ареале распространения синташтинской культуры, либо в зоне ее культурного влияния. Формирование остальных региональных групп следует расценивать как расширение ареала уже собственно раннеалакульского культурного комплекса.[28]

Преемственность синташтинских и раннеалакульских (петровских) стереотипов носит системный характер, что проявляется во всех фракциях культуры. Памятники Приуралья демонстрируют ее особенно отчетливо. Учитывая то обстоятельство, что спецификой источниковой базы в регионе является безусловное превалирование могильников, а поселенческие материалы представлены лишь небольшими коллекциями находок на многослойных поселениях, представляется целесообразным обратиться именно к этой группе памятников.

Для анализа была отобрана вполне репрезентативная выборка, включающая 115 комплексов, происходящих из 34 курганов, сосредоточенных в 12 могильниках. За пределами выборки остались лишь материалы могильника Ветлянка IV, представлявшего собой разновременный и разнокультурный памятник.[29] Погребальные комплексы петровского этапа западноалакульской культурной группы образуют две совокупности, различия между которыми, вероятно, носили хронологический характер. В 4 могильниках исследовано 8 курганов, содержавших 47 погребений ранней фазы петровского этапа. Комплексы поздней (кулевчинской) группы составили 65 погребений, зафиксированных в 26 курганах из 9 могильников.

Формализация данных по синташтинским и раннеалакульским (петровским) некрополям позволила осуществить количественный и качественный анализ по единой программе, в том числе с использованием статистико-комбинаторных методов, что обеспечивало корректность полученных результатов.

Преемственность синташтинских и раннеалакульских погребальных канонов в регионе достаточно отчетливо прослеживается уже в традиции совершения впускных захоронений, которые составляют 50 % курганов ранней фазы петровского этапа. Примечательно, что в качестве основы будущего некрополя выбирались не только курганы среднего бронзового века (Танаберген II, курган 1, Имангазы-Карасу, курганы 1, 2), но серия впускных раннеалакульских захоронений зафиксирована также в насыпи синташтинского кургана 7 могильника Танаберген II, где отмечено несколько случаев прямой стратиграфии.[30] Однако нужно отметить появление скромных по абсолютным параметрам индивидуальных насыпей над престижными захоронениями. Эта тенденция в пол-

ной мере реализуется на поздней фазе, когда стандартными становятся курганы незначительных размеров с небольшим числом захоронений, в том числе и рядовых.

В определенной мере в качестве наследуемых признаков синташтинской системы погребальной обрядности можно рассматривать присутствие ровиков и деревянных конструкций под насыпями, типичных для раннеалакульских памятников, равно как и присутствие жертвенников и кострищ на подкурганных площадках.

Синташтинская традиция устройства многомогильных кладбищ отчетливо прослеживается в памятниках ранней фазы петровского этапа, где такие курганы составляют 62,5 %. Их удельный вес заметно снижается в некрополях поздней (кулевчинской) фазы (30,8 %). Еще более зримо о преемственности систем погребальной обрядности позволяет судить планиграфическое распределение погребений в многомогильных курганах. Но в отличие от синташтинских могильников в раннеалакульских всегда в центре площадки с кольцевым размещением периферийных могил совершалось индивидуальное, изредка парное захоронение с престижным инвентарем, причем в полах курганов теперь обычно сосредоточены исключительно детские захоронения.

Столь же очевидны схождения на уровне сопоставления конфигурации и параметров могильных ям, внутримогильных сооружений, жертвоприношений, характера обращения с телами покойных. Особенно показательны в этом смысле не столько стандартные признаки (прямоугольные ямы, перекрытия, поза адорации на левом боку), сколько экстраординарные, поскольку именно они демонстрируют наибольшую консервативность. К их числу можно отнести сохранение подбойной конструкции отдельных усыпальниц; совместные, вторичные, частичные, вытянутые захоронения; группировку частей туш жертвенных животных.

Необходимо отметить, что особенностью приуральской группы памятников раннеалакульского времени является значительный удельный вес ориентировок погребенных в северном и северо-восточном секторах. Этот важнейший показатель обряда, несомненно, отражает воздействие раннесрубных погребальных традиций.

Итак, в погребальной обрядности раннего этапа западноалакульской культурной группы прослеживается несомненная преемственность с приуральской группой памятников синташтинской культуры. Очень наглядно это демонстрируют статистические процедуры. Коэффициент корреляции по критерию Пирсона, для вычисления которого использовались процентные значения по 62 признакам, при сравнении суммарных серий синташтинских и раннеалакульских (петровская и кулевчинская фазы) погребальных комплексов составил 0,74. Это вполне соответствует показателям двух генетически связанных культурных образований. Показательно, что памятники ранней фазы петровского этапа по совокупности признаков погребального обряда ближе стоят к синташтинским, нежели к раннеалакульским комплексам поздней (кулевчинской) фазы (табл. 1). Это недвусмысленно указывает на их переходный статус, отображает процесс трансформации синташтинской культуры в алакульскую.

Таблица 1

КОЭФФИЦИЕНТЫ КОРРЕЛЯЦИИ ПРИЗНАКОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПО КРИТЕРИЮ ПИРСОНА

Этапы	Синташтинский (ранний этап)	Синташтинский (поздний этап)	Петровский (ранняя фаза)	Петровский (поздняя фаза)
Синташтинский (ранний этап)		0,88	0,78	0,51
Синташтинский (поздний этап)			0,88	0,53
Петровский (ранняя фаза)				0,63
Петровский (поздняя фаза)				

Отмеченные для погребального обряда тенденции в полной мере отражаются и в материальном комплексе, для которого также характерно сочетание традиций и новаций (рис. 1; 2). Большинство форм глиняных емкостей является модификацией синташтинских. Однако практически вся керамика раннеалакульского времени лишена внутреннего ребра на отгибе венчика, являющегося диагностическим показателем синташтинской посуды. Внешнее ребро на сосудах с ребристым профилем окончательно перемещается в верхнюю треть или четверть высоты. Исчезают редкие морфологические разряды синташтинской керамики, такие, как чаши и блюда, зато увеличивается количество горшечно-баночных сосудов, получает широкое распространение уступчатое плечо. Рельефные, сложные геометрические и криволинейные элементы перестают играть роль ведущей орнаментальной схемы. Стандартизируется набор геометрических фигур, появляется зональность в орнаментации. Между тем, на керамике ранней фазы петровского этапа иногда еще присутствует характерная размашистая елка, украшающая тулово сосудов, налепные шишечки (рис. 2). Заметим также, что значительная часть керамического комплекса несет на себе отпечаток воздействия раннесрубных гончарных традиций. Помимо присутствия синкретических морфологических разрядов и орнаментальных схем, которые характеризуются наличием типичных для раннесрубных керамических традиций оттисков перевитого шнура, наколов полой трубочки, сюжетных рисунков, в коллекции отмечены и прямые импорты.

Представительную серию составляют изделия из камня. Значительная их часть переходит из синташтинской культуры без изменений. В то же время, почти выходят из употребления массивные черешковые наконечники стрел с овальным сечением, начинают превалировать плоские треугольные наконечники с усеченным основанием (рис. 2, 42–45, 96). Не известны в раннеалакульских памятниках и листовидные наконечники с округлым насадом. Сохраняется традиция помещения в могилу каменных оселков, пестов, наковален, ручных рубил, молотов, булав, типология которых почти не претерпевает изменений (рис. 2, 46, 49–50, 97, 98). Однако на петровском этапе алакульской культуры появляются округлые в плане булавы с эллипсовидным сечением (рис. 2, 51), в большей степени характерные для памятников покровской линии развития, локализующихся к западу от Приуралья.

Достаточно показательны с точки зрения генетической преемственности и динамики эволюции изделия из кости. Практически идентичны костяные пряслица и черешковые наконечники стрел из обоих культурных ареалов (рис. 2, 12, 36, 87). Основная масса костяных предметов происходит из раннеалакульских погребений с колесничной атрибутикой, что характерно и для синташтинской культуры. Безусловно, из синташтинской культуры переходят в раннеалакульскую такие составляющие колесничного комплекса как костяные колечки-муфточки и проколки (рис. 2, 39, 48, 86). Особый интерес представляет коллекция щитковых псалиев. Псалии из погребений раннеалакульского (петровского) времени степного Приуралья (рис. 2, 40, 41, 84, 85) имеют многочисленные аналогии в синташтинских некрополях Зауралья и Утевском VI могильнике в Среднем Поволжье.[31] Отдельные экземпляры близки изделиям из кургана 10 петровского могильника Берлик в Северном Казахстане.[32] Они сопоставимы с псалиями типа II А, сближаясь в ряде случаев по форме щитка с псалиями типа II Б по типологии, предложенной Е. Е. Кузьминой.[33]

Особо следует отметить тот факт, что в раннеалакульском некрополе Обилькин луг III обнаружены также псалии из расколотой трубчатой кости с прямоугольным щитком, имеющим зубцы-шипы по краям, и треугольной планкой (рис. 2, 31, 32).[34] Аналогичные псалии известны в памятниках Северного и Центрального Казахстана[35], и отнесены Е. Е. Кузьминой к типу I класса желобчатых псалиев.[36] Такие псалии неизвестны в синташтинских памятниках, но появляются на обширных пространствах Урало-Казахстанского региона в раннеалакульское время. Примечательно, что приуральские псалии развиваются в рамках южноуральских традиций косторезного производства, хотя нужно заметить, что употребление вставных шипов более характерно для доно-волжских типов

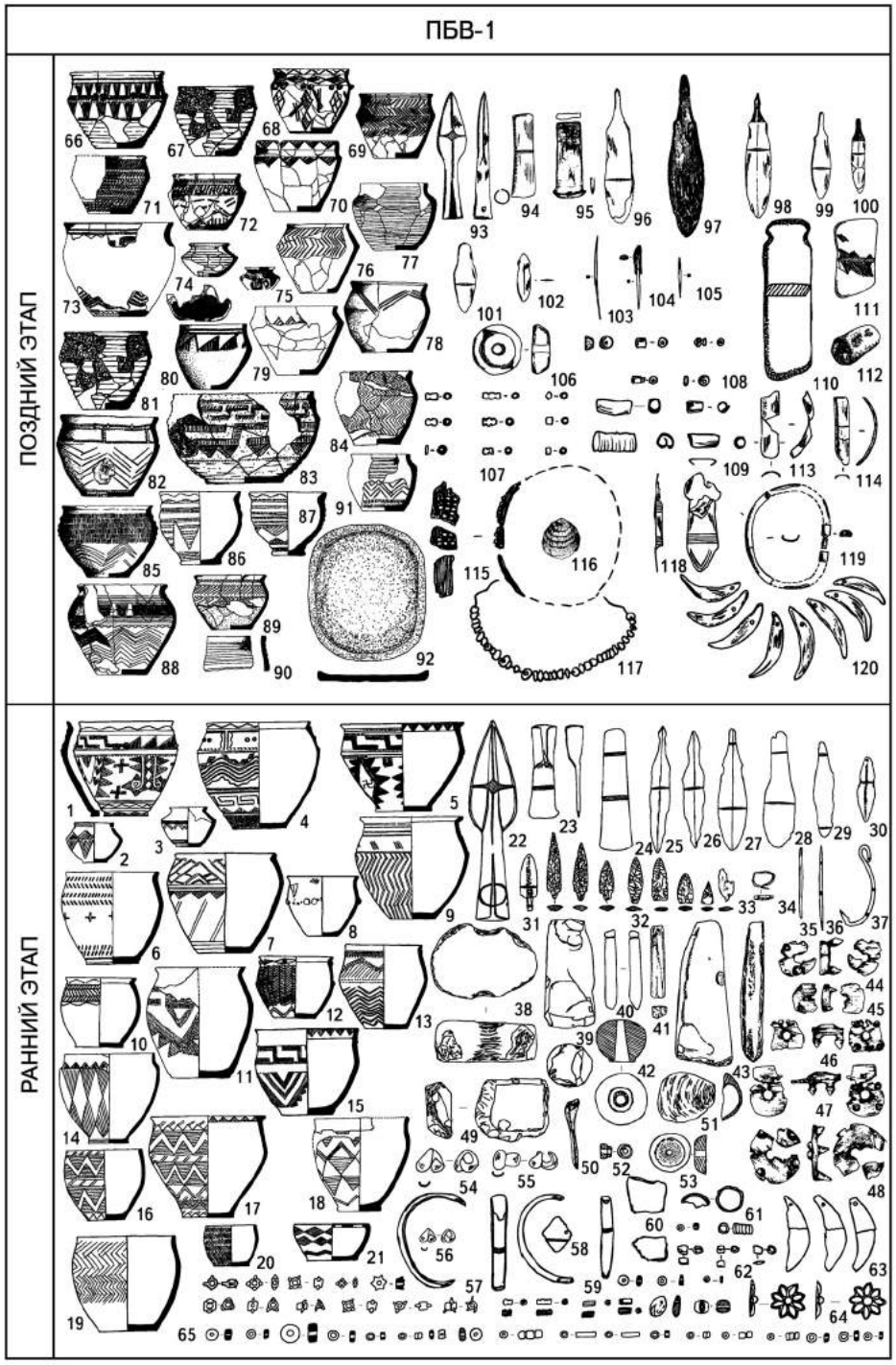


Рис. 1. Синташтинская культура:
1–65 — Танаберген II; 66, 67, 74, 75, 81, 83, 84, 92–94, 96, 98–108, 110, 111, 113–115, 118–120 — Жаман- Каргала I; 68–72, 74, 76, 79, 90, 91 — Ишкиновка I; 73, 88, 116 — Ишкиновка II; 78, 80, 82, 85, 95, 97, 112 — Новый Кумак; 86, 87, 109, 117 — Герасимовский II.

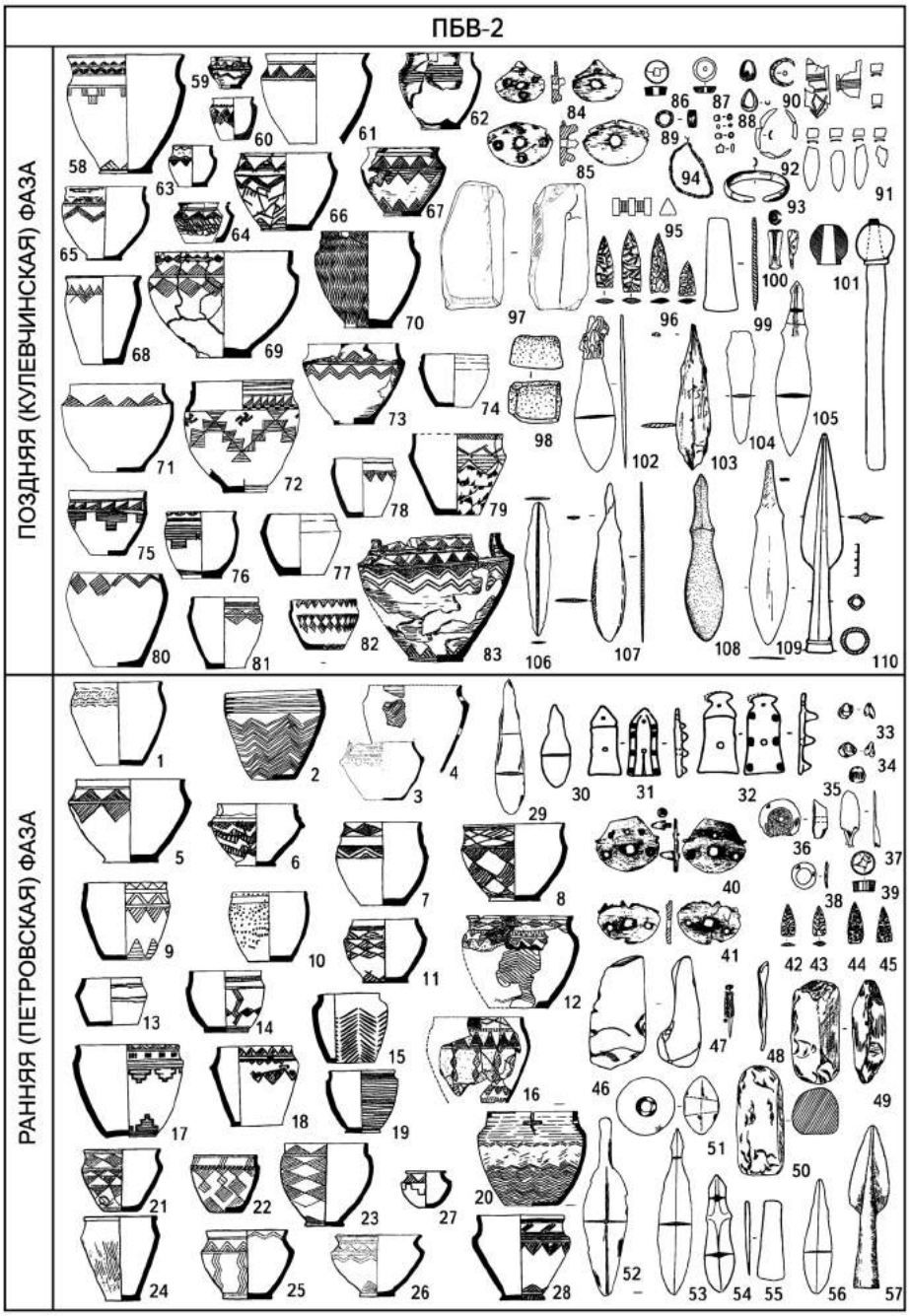


Рис. 2. Западноалакульская культурная группа (петровский этап):
1–8, 10, 11, 39, 53, 56 — Танаберген II; 9, 13–15, 17–19, 28, 36–38, 47 — Имангазы-Карасу; 12, 16, 20, 29, 33, 34, 40–46, 48–52 — Жаман-Каргала I; 24–27, 30, 32, 35, 54, 55 — Обилькин луг III; 57 — погребение у г.Орска; 58, 68, 101, 105 — Обилькин луг II; 59, 61, 62, 64–67, 69, 70, 73, 83–86, 89, 90, 92, 96, 100, 102, 104, 106 — Восточно-Курайли I; 60, 72, 76, 87, 103, 107 — Жаман-Каргала II; 63, 65 — Обилькин луг III; 74, 77, 78, 81, 91 — Учебный полигон; 82, 88, 93, 109 — Ульке I; 71, 75, 80, 88, 94, 95, 98, 108 — Васильевка III; 110 — Близнецы.

псалиев, правда, по остальным конструктивным признакам параллели не наблюдаются.[37]

Несомненно, материалы из погребальных памятников раннеалакульского времени свидетельствуют о преемственности костюма и гарнитура украшений синташтинской и раннеалакульской культур. Особое место занимают находки сложных составных накосников в виде комбинации орнаментированных накладок, обоймочек и пластинчатых подвесок, скрепленных низками бус (рис. 2, 91), которые почти в неизменном виде перейдут позже в алакульский гарнитур развитого этапа культуры. Металлические браслеты эволюционируют в сторону сужения желобка (рис. 2, 92, 93). Это же характерно и для подвесок в полтора оборота, которые к тому же приобретают овальную в плане форму (рис. 2, 33, 34, 88). На развитом этапе алакульской культуры они примут классическую восьмеркообразную форму. Фаянсовые украшения представлены только самым простым типом цилиндрического нарезного бисера (рис. 2, 94). Полностью выходят из употребления реберчатые пронизи и бородавчатые бусы.

Значительный корпус источников для сопоставления представлен изделиями из металла. Ножи с намечающимся перекрестием и ромбическим либо треугольным окончанием черенка, наследуя форму, отличаются от синташтинских пропорциями, что проявляется в расширении лезвия и появлении глубокой выемки у перекрестия (рис. 2, 53, 54, 105, 107, 108). Увеличивается количество ножей с приостренным, прямым или округлым окончанием черенка (рис. 2, 56, 102, 103, 109). Появляются ножи с едва намечающимся перекрестием и коротким широким черенком (рис. 2, 104), что может расцениваться как влияние сейминско-турбинских традиций металлообработки. Тесла с параллельными гранями, характерные для синташтинской культуры, вытесняются изделиями с расширенным лезвием (рис. 2, 55, 99). Известна находка наконечника копья с черешковым насадом, выполненного по архаичной технологии, но снабженного нервюрой, что характерно для некоторых изделий, происходящих из сейминско-турбинских памятников (рис. 2, 52). Исчезают наконечники копий с раскованной втулкой, зато из среды носителей сейминско-турбинских металлургических традиций заимствуется технология изготовления наконечников с литой втулкой (рис. 2, 57, 110).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Приведенный анализ позволяет обратиться к проблемам выяснения механизмов культурогенеза на западной периферии формирующего алакульского ареала. В качестве наиболее перспективной для разработки модели культурогенеза можно рассматривать культурную трансформацию. Спонтанный характер этого процесса маловероятен. Хотя реконструкция хозяйственно-культурного типа в будущем может создать условия для обсуждения внутренних стимулов трансформации синташтинской культуры. По крайней мере, последовавшее за оформлением основного комплекса культурных стереотипов на Южном Урале расширение ареала, связанное с нарастанием миграционной активности носителей раннеалакульского культурного комплекса вселяет некоторый оптимизм. Уже сейчас понятно, что раннеалакульские суперстратные популяции были носителями гораздо более развитого передового хозяйственно-культурного типа по сравнению с автохтонным населением глубинных районов Казахстана и предтаежной зоны Зауралья, о материальной культуре которого мы вообще имеем смутное представление. Такая форма миграции (тип А, по Е. Е. Кузьминой)[38] носит характер колонизации, что и определило практически полное тождество основных культурообразующих признаков региональных групп памятников раннеалакульского времени в Урало-Казахстанском регионе, так как реализация данного сценария миграции предполагает полный перенос культуры. Примечательно, что освоение новых территорий удивительным образом совпадает по времени с началом функционирования крупных горно-металлургических центров, основанных на эксплуатации ранее не разрабатывавшихся рудопроявлений в Центральном Казахстане, южных отрогах Уральской горной страны и в Мугоджарах.[39]

Однако на современном уровне исследования гораздо более обоснованной представляется версия о стимулированной трансформации. Генетическое ядро раннеалакульского круга памятников, безусловно, составляла синташтинская культура. В качестве катализатора сложения на синташтинской основе раннеалакульского культурного комплекса мог послужить импульс из среды носителей сейминских металлургических традиций. На это недвусмысленно указывает появление технологических новаций в металлургии и металлообработке, что особенно рельефно проявилось в изготовлении орудий с литой втулкой, выполненных в технике тонкостенного литья, и широкое использование оловянных лигатур в бронзолитейном производстве.[40] В последнее время исследованы памятники, наполняющие реальным содержанием этот тезис, что уже становилось предметом обсуждения.[41]

С точки зрения поиска внешних импульсов, стимулировавших культурную трансформацию на стадии алакульского культурогенеза, заслуживает внимания позиция Н. Б. Виноградова, предполагающего миграцию в восточном направлении значительного массива скотоводческого населения из Поволжья, сыгравшего важную роль в этом процессе.[42] Указанная гипотеза слабо согласуется с материалами раннеалакульского (петровского) времени из Притоболья, Северного и Центрального Казахстана, где отсутствуют потаповские и раннесрубные реплики. Но для контактной зоны Южного Приуралья такая постановка вопроса вполне правомерна, хотя и не является оригинальной. Так, еще К. В. Сальников указывал на возможность участия в генезисе алакульских древностей Приуралья носителей срубной культуры[43], что подвергла критике Э. А. Федорова-Давыдова, решительно отрицавшая генетический характер связей срубной и алакульской культур.[44]

Действительно, в степном Приуралье уже на ранней стадии алакульского культурогенеза можно констатировать присутствие раннесрубного компонента. Наиболее отчетливо это прослеживается в погребальном обряде и керамическом комплексе.[45] В дальнейшем указанные контакты активизируются, что приводит к формированию синкретических срубно-алакульских памятников, в которых алакульская составляющая была, безусловно, доминирующей. Однако в данном случае речь может идти о культурной диффузии в контактной зоне, что лишь придает памятникам западноалакульской культурной группы локальное своеобразие.

Судя по материалам погребальных памятников Приуралья, на стадии трансформации синташтинской культуры в раннеалакульскую формирование нового комплекса культурных стереотипов наиболее отчетливо фиксируется в захоронениях личностных лидеров и представителей элиты. Только после этого культурные новации становятся стереотипными для остального населения. В начальный период контрастно проявляется социальная неоднородность раннеалакульского общества, что отчетливо демонстрирует появление индивидуальных насыпей над престижными захоронениями и закрепление их центрального планиграфического положения в многомогильных комплексах. Разнообразие маркеров высокого социального ранга погребенных, отнюдь не всегда связанных с колесничной атрибутикой, может свидетельствовать о структурированности элиты. Это затрудняет реконструкцию путей социогенеза, но раскрывает характер культурогенетических процессов. Данные наблюдения хорошо согласуются с представлениями В. С. Бочкарева о механизмах культурных трансформаций в пределах Волго-Уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы.[46]

Таким образом, на петровском этапе алакульской культуры в степном Приуралье мы имеем дело с трансформацией синташтинской культуры. Этот процесс стимулировался импульсом из среды носителей сейминско-турбинских металлургических традиций, осложнялся влиянием формирующейся раннесрубной культуры в контактной зоне и сопровождался расширением первоначального ареала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Григорьев С. А.* Проблема культурных трансформаций в Урало-Ишимском междуречье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 36–37.
2. Андроновская культура. Памятники западных районов. САИ. Вып. В 3–2. М.-Л., 1966. С. 12–14, 44–61.
3. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 282–283, 307–308.
4. *Федорова-Давыдова Э. А.* Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 167.
5. *Рутто Н. Г.* Новые срубно-алакульские памятники Южного Приуралья // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Уфа, 1982; *Рутто Н. Г.* К вопросу о срубно-алакульских контактах (по материалам башкирских памятников) // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987; *Рутто Н. Г.* Срубно-алакульские материалы памятников Башкирии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. С. 139–140.
6. *Федорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 149.
7. *Зданович Г. Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 66.
8. *Горбунов В. С.* Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Препринт. Свердловск, 1990. С. 23–25.
9. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
10. *Зданович Г. Б.* Основные характеристики петровских комплексов … С. 65; *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. С. 132–139.
11. *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. С. 87; *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (Краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 22.
12. *Бочкарев В. С.* Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы семинара. СПб., 1991. С. 24–27.
13. *Виноградов Н. Б.* Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник ЧГПИ. Вып. 1. Челябинск, 1995. С. 26; *Виноградов Н. Б.* Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV УАС. Тезисы докладов конференции. Челябинск, 1999. С. 66; *Виноградов Н. Б.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблма соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. М., 2004. С. 272–273; *Виноградов Н. Б.* Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане: культурная атрибуция и внутренняя периодизация // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). Екатеринбург, 2005. С. 132; *Ткачев В. В.* О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала (материалы 3-й международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» часть V, книга I). Челябинск, 1995. С. 168–170; *Ткачев В. В.* К проблеме происхождения петровской культуры // АПО. Вып. II. Оренбург, 1998. С. 44–46; *Ткачев В. В.* Начальный этап позднего бронзового века в степном Приуралье (западноалакульская культурная группа) // Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып. 1. Оренбург, 2000. С. 35–36; *Ткачев В. В.* Курганная

стратиграфия и проблема относительной хронологии комплексов эпохи средней — начала поздней бронзы в Приуралье // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации) [Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 19]. Воронеж, 2005. С. 135, рис. 4–7.

14. *Ткачев В. В.* Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Азии. Т. 1. Древние эпохи. Астана, 2003. С. 114–115.
15. *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. С. 41, 46.
16. *Горбунов В. С.* Могильник бронзового века Ветлянка 4 // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 181–182; *Горбунов В. С.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992. С. 179.
17. Археология Южного Урала. Курс лекций. Стерлитамак, 1992. С. 86.
18. *Ткачев В. В.* К проблеме происхождения … С. 38–56; *Ткачев В. В.* Начальный этап … С. 29–43; *Ткачев В. В.* Начало алакульской эпохи … С. 109–124.
19. *Массон В. М.* Процессы культурной трансформации в доскифских обществах Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Археологические изыскания. Вып. 63. СПб., 2000. С. 5; *Массон В. М.* Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Археологические изыскания. Вып. 63. СПб., 2000. С. 135.
20. *Зданович Г. Б., Шрейбер В. К.* Переходные эпохи в археологии: аспекты исследования (по материалам СКАЭ-УКАЭ) // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 3–19.
21. *Григорьев С. А.* Проблема культурных трансформаций в Урало-Ишимском междуречье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 36–37.
22. *Бочкарев В. С.* Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (По материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 118–119.
23. *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л., 1989. С. 13–31.
24. *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли … С. 223–226.
25. *Бочкарев В. С.* Волго-Уральский очаг культурогенеза … С. 24–27; *Бочкарев В. С.* Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. С. 18–29.
26. *Массон В. М.* Ранние комплексные общества … С. 154–162, рис.1; 2.
27. *Виноградов Н. Б.* Хронология, содержание и культурная принадлежность … С. 26; *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 256; *Виноградов Н. Б.* Синташтинские и петровские древности … С. 132; *Ткачев В. В.* Курганная стратиграфия ... Вып. 19. С. 135, рис.4–7; *Зданович Г. Б., Малютина Т. С.* Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004. С. 56–61.
28. *Ткачев В. В.* К проблеме происхождения … С. 44; *Ткачев В. В.* Начало алакульской эпохи … С. 119–120.
29. *Горбунов В. С., Денисов И. В., Исмагилов Р. Б.* Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1990; *Горбунов В. С.* Могильник бронзового века … С. 166–194.
30. *Ткачев В. В.* Курганная стратиграфия … С. 135, рис. 4–7.
31. *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992. Рис. 114, 5, 6; *Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В.* Памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.

Рис. 24, 2, 3; *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // ПАВ. Вып. I. СПб., 1992. Рис. 6, 9, 11.
32. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век … Рис. 31, 7, 8.
33. *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли … С. 174, рис. 37.
34. *Денисов И. В.* Могильники эпохи бронзы Обилькина Луга близ Соль-Илецка // АПО. Вып. V. Оренбург, 2001. Рис. 3, 1–4.
35. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век … Рис. 30, 22–25; *Новоженов В. А.* Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степей Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, 1994. С. 158–160, рис. 97.
36. *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли … С. 181, 182, рис. 37.
37. *Пряхин А. Д., Беседин В. И.* Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи // РА. 1998. № 3. С. 29, 33.
38. *Е. Е. Кузьмина* Откуда пришли … С. 224.
39. *Ткачев В. В., Сегедин Р. А., Грешнер С. Г.* Подъемный материал из поселений и рудников бронзового века в Мугоджарах // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996. С. 109–132; *Жауымбаев С. У.* Древние медные рудники Центрального Казахстана // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 113–120.
40. *Ткачев В. В.* Сейминско-турбинский феномен и культурогенез позднего бронзового века в урало-казахстанских степях // УАВ. Вып. 3. Уфа, 2001. С. 3–14.
41. *Кузнецов П. Ф.* Свидетельства контактов в потапово-синташтинских и сейминско-турбинских памятниках начала поздней бронзы // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. В. Синицына. Саратов-Энгельс, 2000. С. 76–80, рис. 8; *Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Семенова А. П., Хохлов А. А.* Новые материалы к проблеме культурогенеза эпохи поздней бронзы в Волго-Уралье. Там же С. 80–83, рис. 9; *Халяпин М. В.* Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 417–425, рис. 2; *Ткачев В. В.* Начало алакульской эпохи … С. 115–116.
42. *Виноградов Н. Б.* Памятники петровского типа … С. 132.
43. *Сальников К. В.* Очерки древней истории … С. 307.
44. *Федорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры... С. 149.
45. *Ткачев В. В.* К проблеме происхождения … С. 45; *Ткачев В. В.* Начальный этап … С. 36; *Ткачев В. В.* Начало алакульской эпохи … С. 116; *Ткачев В. В.* Могильник Восточно-Курайли I на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 57–68.
46. *Бочкарев В. С.* Волго-Уральский очаг культурогенеза … С. 26.

V. V. Tkachev

PROCESS OF CULTURE GENESIS AT WESTERN PERIPHERY OF ALACUL AREA

The work considers some theoretical aspects of reconstruction within mechanisms of culture genesis in Northern Eurasia in the Bronze Age. The analysis among the systems of funeral ceremonialism and material complex of cultural formations at the beginning of the late Bronze Age in Southern Ural area proves that the formation of Alacul culture in the region was the result of transformation previous to sinashtinsk culture. Cultural transformation had stimulating character and had been caused by the impulse from the environment of

Sejmino-Turbinski metallurgical traditions. The process was both accompanied by expansion of the area and complicated by cultural diffusion in the contact zone with building, timber culture that in its turn defined the specificity of monuments at the beginning of the late Bronze Epoch in Ural area.

© 2007 г.

Д.Г. Бугров

БУСЫ ТОЙГУЗИНСКОГО II ГОРОДИЩА

Бусы являются одной из наиболее массовых и чрезвычайно информативных категорий находок на могильниках большинства археологических культур эпохи железа. Они свидетельствуют о торговых связях, уровне развития ремесла, эстетических представлениях и других сторонах жизни древних обществ. Все чаще бусы используются как датирующий материал[1]. В большей степени это относится именно к бусам из погребальных памятников и закрытых комплексов античных и раннесредневековых городов[2]. Для поселенческих памятников эпохи железа лесной полосы Восточной Европы трудности, в целом характерные для использования датирующих возможностей бус из культурного слоя поселений, усугубляются незначительным количеством находок этой категории предметов, что лишает ее важнейшего качества — представительности. В связи с этим привлекает внимание комплекс бус, полученный в ходе раскопок археологической экспедиции Национального музея Республики Татарстан в 1995–2000 гг. на Тойгузинском II городище[3], памятнике пьяноборской культуры конца II в. до. н.э. — II в. н.э.

Городище расположено в Тукаевском районе РТ в 4,3 км к востоку от с.Биюрган Тукаевского района и в 3 км к северо-северо-западу от д.Гулюково Мензелинского района РТ, на мысу коренной террасы левого берега р.Ик, левого притока р.Кама (ныне — Нижнекамского водохранилища). Памятник занимает треугольный мыс, защищенный с напольной стороны тройной линией укреплений[4]. Исследована площадь в 320 м^2, в том числе 256 м^2 на площадке городища, что составляет около 2/3 ее площади, и 64 м^2 — на укреплениях. Городище служило общинным убежищем, пережило два штурма и после второго уже не восстанавливалось. Следы развернувшегося на городище боя и последующей резни фиксировались в виде останков, по меньшей мере, 44 человек, погибших насильственной смертью[5]. Единовременная гибель городища объясняет необычно большое для поселения количество индивидуальных находок — украшений, наконечников стрел — при ограниченном числе бытовых предметов. Бусы являются самой многочисленной категорией находок. По материалу делятся на стеклянные (244 экз.)[6] и бронзовые (8 экз.). Далее речь пойдет о стеклянных бусах Тойгузинского II городища как о наиболее информативной части коллекции.

Стеклянные бусы (192 из одноцветного стекла, 35 с металлической прокладкой и 12 полихромных) были распределены на 42 типа. Часть бус была идентифицирована с 30 типами по классификации Е.М.Алексеевой[7]. Часть имеет лишь приблизительные аналогии (восемь типов, обозначенных как «тип, близкий типу …») или не нашла соответствия в классификации Е.М.Алексеевой (выделены в четыре дополнительных типа). Неопределенными остались 4 одноцветные бусины, 1 полихромная и 1 бусина с металлической прокладкой — коррозированные, фрагментированные или с утраченными деталями.

Бусы из одноцветного стекла — 31 тип (192 экз.) (рис. 2; 3А).

Округлые (10 типов, 118 экз.):

Тип 2 (разновидность) (1 экз.: №330) — округлая бусина из глухого белого стекла с различимой продольной структурой. Бусы типа 2 бытуют в Северном Причерноморье с

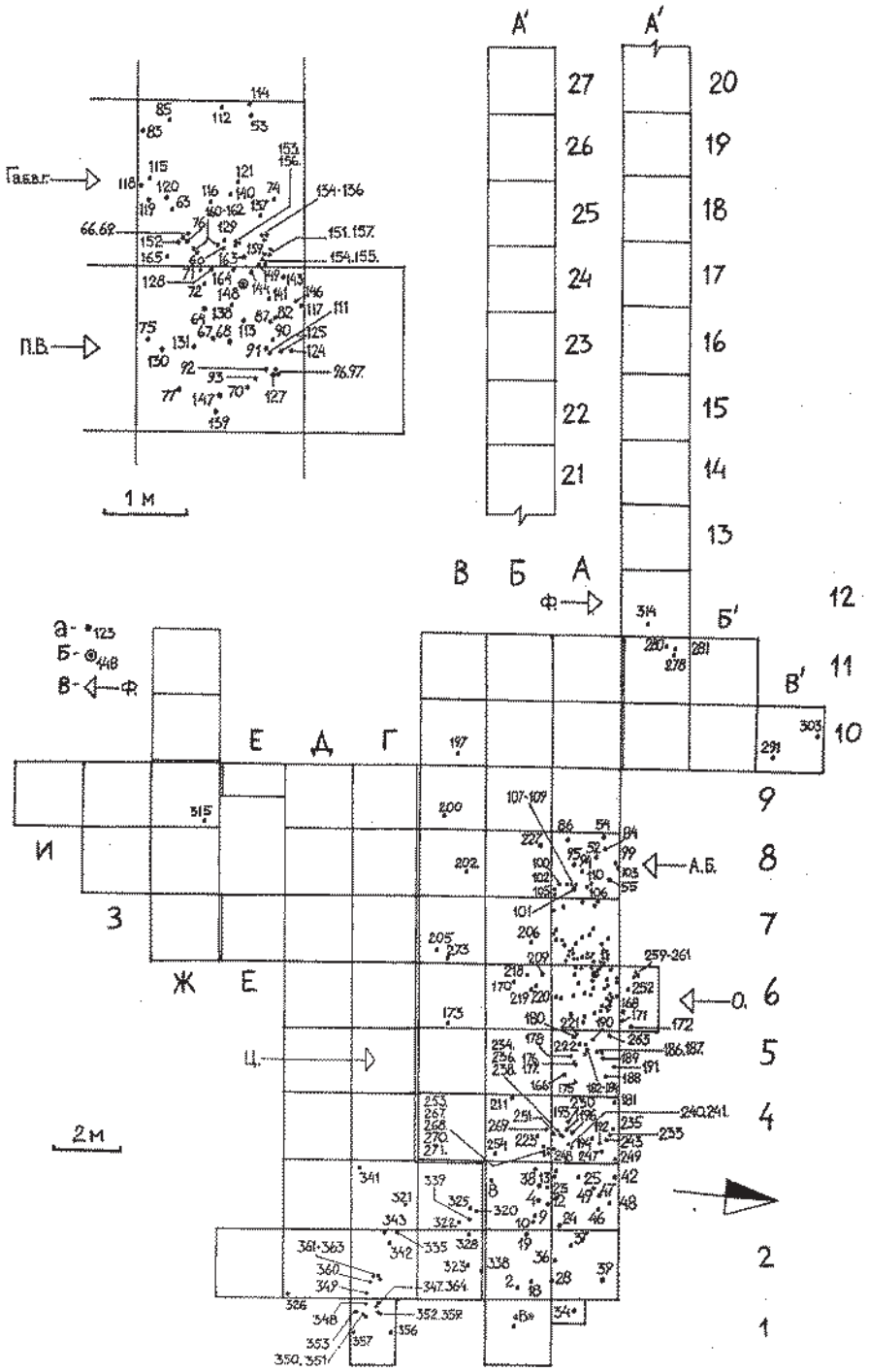


Рис.1. Размещение стеклянных бус на исследованной площади Тойгузинского II городища: а – бусы, найденные в культурном слое; б – «набор №148»; в – участки, где найдены бусы без точной привязки к месту (здесь и далее сохранена полевая нумерация бус с Тойгузинского II городища).

рубежа VI–V вв. до н.э., пик распространения приходится на I–II вв. н.э.; разновидность с продольной структурой ядра бытует только в первые века н.э.[8]

Тип 4 (разновидность) (7 экз.: №№127, 128, 143, 170, 259, 350, 364) — округлые бусы из глухого лилового стекла с продольной структурой и закраинками вокруг отверстий. Тип 4 в целом (округлые бусы из глухого и прозрачного темно-лилового стекла) бытует непрерывно с III в. до н.э. по III в. н.э., но бусы этой разновидности, изготовленные из тянутых трубочек, появляются с I в. н.э.[9]

Тип 5 (разновидность) (2 экз.: №46, 321) — округлые бусы из глухого желтого стекла с продольной структурой и гладкими краями отверстий. Бытуют очень широко (с конца VI в. до н.э. по III в. н.э.), но «бусы, сделанные из тянутых трубочек, связаны с комплексами только первых веков н.э.»[10].

Тип 8 (разновидность) (7 экз.: №№10*б*, 40*а*, 83, 86, 120, 200, 339) — округлые бусы из прозрачного темно-зеленого стекла с продольной структурой (кроме №40*а*, у которого структура не фиксируется). Тип датируется III в. до н.э. — IV в. н.э., но данная разновидность (из тянутых трубочек) распространяется в первые века н.э.[11]

Тип 9 (разновидность) (15 экз.: №№8, 10*а*, 76, 94, 107, 112, 166, 187, 188, 192, 218, 247, 251, 271, 348) — округлые бусы из глухого светло-зеленого стекла (цвет варьирует от салатового до цвета морской волны). У всех бус, кроме №№ 8, 10*а*, 107 и 251, прослежена продольная структура ядра, что позволяет датировать их I–IV в. н.э.[12]

Тип 12 (42 экз.: №№В, 4, 12, 13, 39, 42, 52*а*, 67, 100, 101, 102, 103, 114, 125, 140, 148*з*, 155, 168, 186, 220, 222, 223, 227, 234, 240, 241, 253, 263, 281, 320, 322, 335, 342, 343, 349, 356, Г*а*, Г*б*, Г*в*, Г*г*, О, П) — округлые бусы из прозрачного стекла купоросного цвета с гладкими краями отверстий. Форма бус варьирует от подцилиндрической (№№100, 101, 102, 103, 342, 356) до «зонной» (№№Г*а*, П). Часть бус (15 экз.: №№В, 4, 100, 101, 102, 148*з*, 220, 223, 241, 320, 335, 342, 356, Г*а*, П) имеют продольную структуру. Дата бус этого типа — II в. до н.э. — I в. н.э.[13]

Тип 13 (10 экз.: №№48, 92, 105, 196, 267, 269, 270, 314, 315, 326) — округлые бусы из глухого бирюзового стекла. Выделяются три разновидности: с гладкими краями отверстий и невыраженной структурой ядра (4 экз.: №№48, 92, 105, 196) — II в. до н.э. — III в.н.э.; с гладкими краями отверстий и продольной структурой (5 экз.: №№267, 269, 270, 315, 326) — I–III вв. н.э.; с закраинкой вокруг отверстия (1 экз.: №314) — первые века н.э.[14]

Тип 15 (разновидность) (26 экз.: №№18, 49, 60, 69, 71, 111, 119, 131, 134, 137, 138, 144, 148*и*, 148*к*, 148*л*, 148*м*, 159, 191, 194, 254, 261, 328, 332, 347, 357, Ц) — округлые синие бусы. Все бусы, кроме №№69, 119 и 144, имеют продольную структуру, бусы №18, 138, 148*к*, 148*м*, 159, 332, кроме того, имеют закраинки вокруг отверстий. Бусы этой разновидности, изготовленные из тянутых трубочек, характерны для I–II вв. н.э.[15]

Тип, близкий типу 10 (6 экз.: №№28, 34, 36, 106, 108, 268) — округлые бусы из желто-зеленого стекла, но не прозрачного (как у Е.М.Алексеевой), а глухого. Две из них (№№ 106 и 108) имеют продольную структуру ядра, а бусина №106 — закраинки вокруг отверстий. С известной долей осторожности этот тип можно датировать так же, как тип 10, по Е.М.Алексеевой, — I–III вв. н.э.[16]

Дополнительный тип 1 (2 экз.: №93, 361) — округлые поперечно сжатые (тороидные) бусы из прозрачного бледно-голубого (№93) или бледно-изумрудного (№361) стекла.

Бочковидные (5 типов, 21 экз.):

Тип 18 (1 экз.: №70) — бочковидная поперечно сжатая бусина глухого черного стекла. Бусы этого типа известны в комплексах II в. до н.э. и I в. н.э.[17] Наш экземпляр, имеющий продольную структуру ядра, относится, скорее всего, к I в. н.э.[18]

Тип 22 (1экз.: №206) — удлиненная бочковидная бусина из глухого красного (в нашем случае, скорее, «печеночного») стекла. Дата — I–II вв. н.э.[19]

Тип 29 или 31 (15 экз.: №№ 25, 37, 72, 75, 121, 141, 149, 189, 205, 235, 278, 280, 303, 323, 338) — укороченные бочковидные бусы из глухого грязно-синего (тип 29) или се-

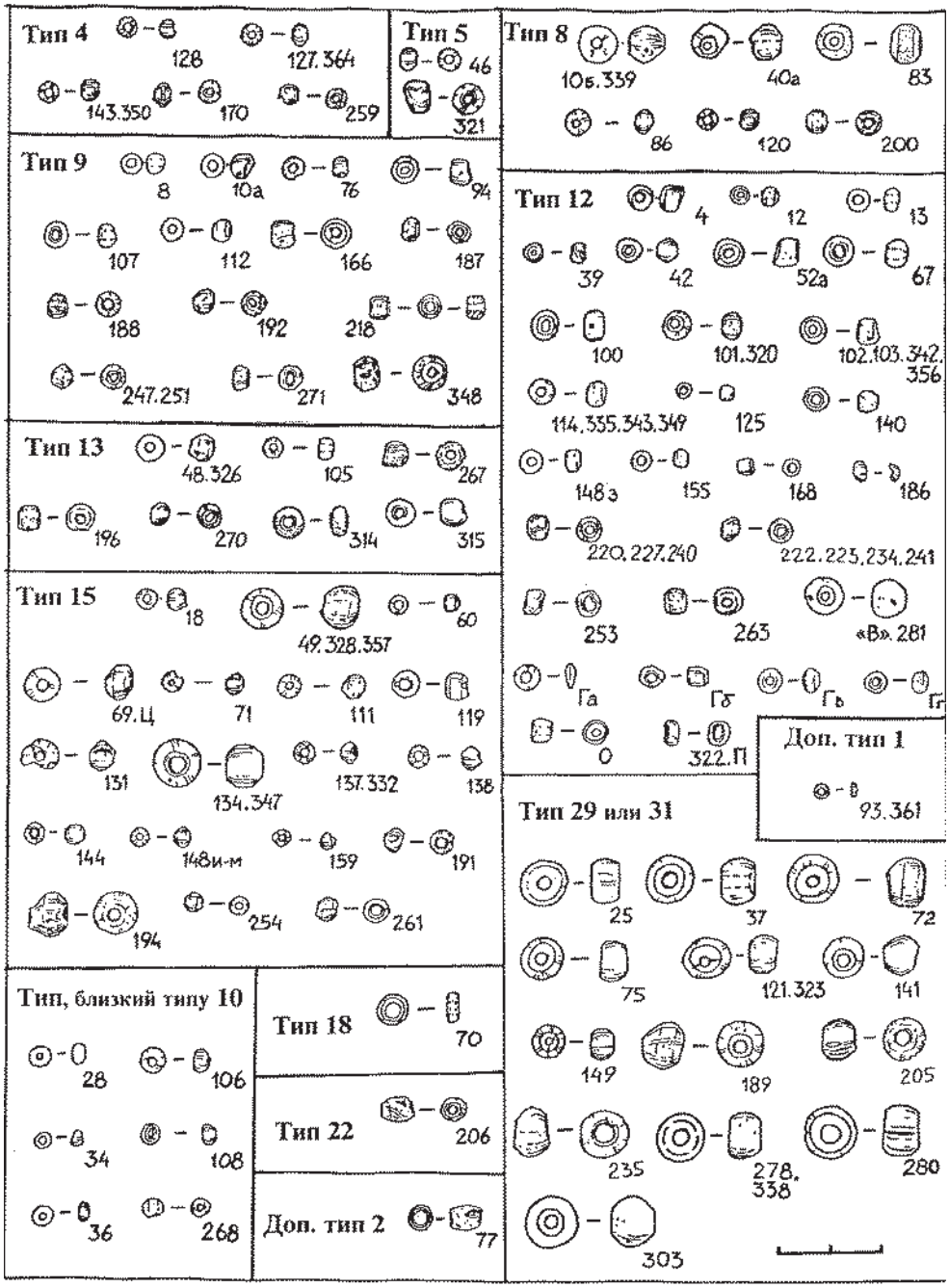


Рис.2. Бусы из одноцветного стекла (Тойгузинское II городище).

ро-голубого (тип 31) стекла; структура ядра продольная (в 2 случаях (№№ 205,235) структура неясна). Характерны для I–III вв. н.э. (тип 29) и I–II вв. н.э. (тип 31)[20].

Дополнительный тип 2 (1 экз.: №77) — удлиненная бочковидная бусина из глухого темно-желтого (золотистого?) стекла. Структура ядра продольная, следовательно, относится к периоду не ранее рубежа н.э.[21]

Дополнительный тип 3 (3 экз.: №№ 116,118,148*ж*) — укороченные бочковидные бусы из глухого желтого стекла с продольной структурой ядра. Могут быть датированы так же, как предыдущий тип.

Веретеновидные (2 типа, 5 экз.):

Тип 48 (разновидность) (4 экз.: №№148*б*, 148*в*, 148*г*, 148*д*) — веретеновидные бусы из глухого желтого («лимонного») стекла. Структура ядра поперечная, заметен продольный шов в месте соединения краев пластинки(?), из которой были согнуты бусы. Бусы такого размера и пропорций бытовали в конце I в. до н.э. — I в. н.э.[22]

Тип, близкий типу 51 (1 экз.: №X) — веретеновидная бусина из прозрачного ярко-синего стекла. Структура ядра не прослежена. Бусы типа 51 (из прозрачного грязно-синего стекла) относятся в основном к I в. н.э.[23]

Цилиндрические (5 типов, 13 экз.):

Тип 57 (1 экз.: №23) — цилиндрическая бусина вытянутых пропорций из глухого красного стекла. Структура ядра продольная. Бусы этого типа характерны для I–IV вв. н.э., пик распространения приходится на I–III вв. н.э.[24]

Тип 65 (1 экз.: №91) — цилиндрическая бусина укороченных пропорций из прозрачного сизо-зеленого стекла. Торцы цилиндра скошены, очертания смягчены. Структура ядра продольная. Бусы типа 65 связаны с комплексами первых веков н.э.[25]

Тип 68 (3 экз.: №№115, 177, 211) — Цилиндрические бусы из прозрачного темно-синего стекла с продольной структурой ядра. Дата — I в. до н.э. — IV в. н.э.[26]

Тип 69 (5 экз.: №№40*б*, 82*а,* 82*б*, 110, 219) — цилиндрические бусы из прозрачного и полупрозрачного голубого стекла. Структура ядра продольная. Два экземпляра (№№ 110, 219) имеют очень четкую форму, бусина №110, кроме того, имеет воронковидные углубления вокруг отверстий. Все бусы данного типа, независимо от пропорций, датируются I–IV вв. н.э.[27]

Тип, близкий типам 64–67 (3 экз.: №№ 113, 124, 146) — цилиндрические бусы из глухого салатового стекла с продольной структурой ядра. Бусина №124 имеет закраинку вокруг отверстия. Могут быть датированы в пределах I–IV вв. н.э.[28]

Биконические (5 типов, 20 экз.):

Тип 91 (1 экз.: №353) — бусина биконической формы из прозрачного темно-зеленого стекла. Прослеживается продольная структура. Единственный учтенный Е.М.Алексеевой комплекс с бусиной такого типа датирован IV в. н.э.[29]

Тип 93 (11 экз.: №№55, 63, 68, 99, 139, 157, 161, 164, 178, В, Ф) — бусы биконической формы из глухого бирюзового стекла (в нашем случае цвет варьирует от бледно-голубого до салатового). В двух случаях (№№63 и 157) зафиксирована продольная структура ядра. Датируются I–II вв. н.э.[30]

Тип 94 (5 экз.: №№85, 96, 129, 175, 351) — бусы биконической формы из прозрачного синего (скорее, темно-синего) стекла. Имеют широкую датировку — конец VI в. до н.э. — IV в.н.э., наибольшее распространение получают со II в. н.э.[31]

Тип 100 (2 экз.: №№238, 260) — крупные бусы биконической формы из прозрачного грязно-синего стекла. Структура ядра продольная, вокруг канала фиксируется более светлая трубка основы. Встречаются в комплексах III–I вв. до н.э. и II–III вв. н.э., возможно бытование их и в I в.н.э.[32]

Тип, близкий типу 100 (1 экз.: №341) — бусина биконической формы из прозрачного синего стекла (в отличие от грязно-синего в классическом типе 100), сильно сжатая продольно (почти до дисковидной формы). Датировка неясна. Структура продольная, что может указывать на дату I в. н.э. и позднее[33].

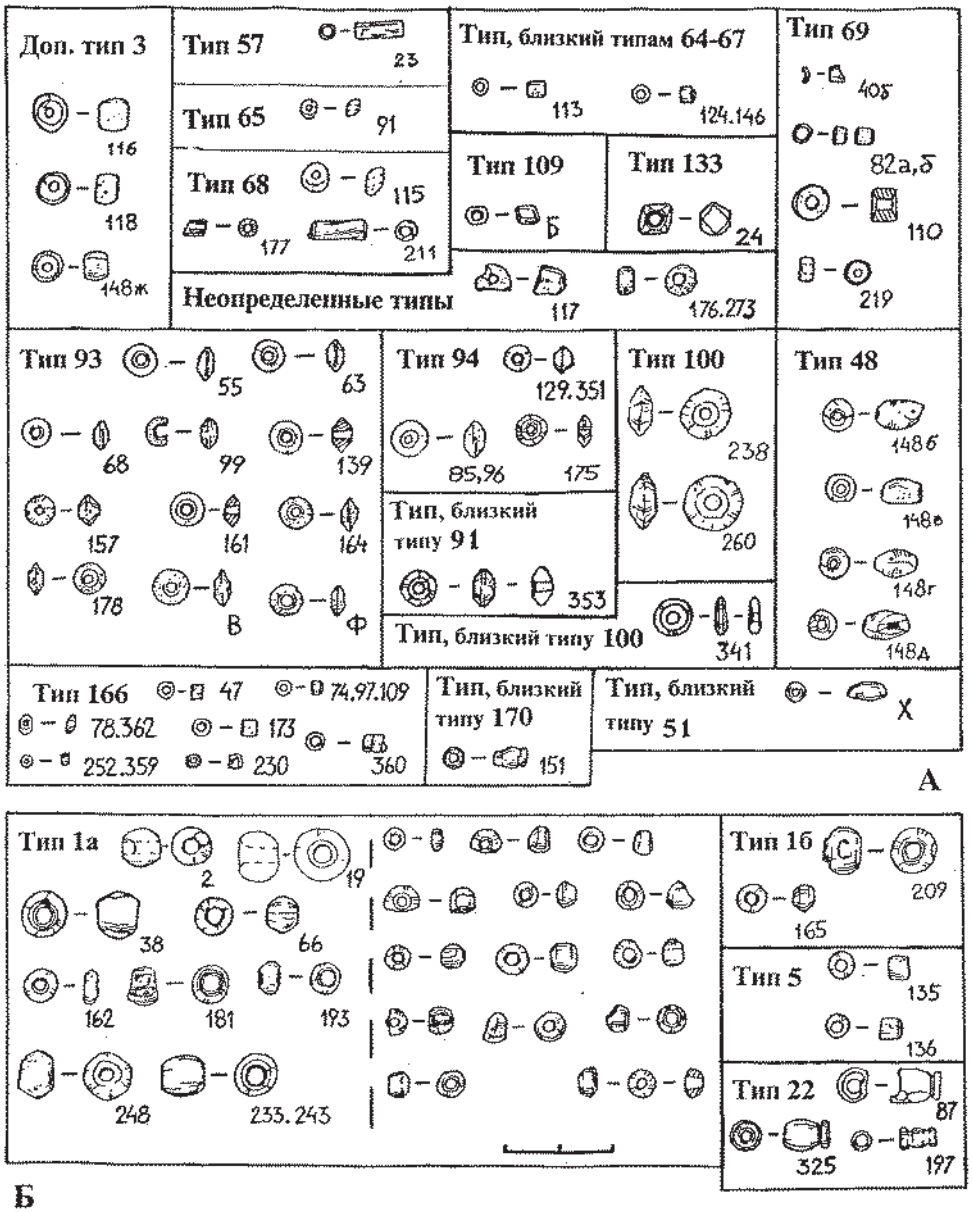


Рис.3. Бусы стеклянные (Тойгузинское II городище): А – из одноцветного стекла (продолжение); Б – с металлической прокладкой.

Отдельные типы:

Тип 109 (1 экз.: № Б) — бусина в форме параллелепипеда (в нашем случае — скорее, уплощенно-цилиндрическая) из прозрачного синего стекла. Торцы бусины скошены, структура ядра продольная. Дата — первые века н.э.[34]

Тип 133 (1 экз.: №24) — бусина в виде четырнадцатигранника из прозрачного ярко-бирюзового стекла. Дата — I–II вв. н.э.[35]

Тип 166 (12 экз.: №№47, 74, 78, 97, 109, 173, 230, 252, 359, 360, 362, 363) — рубленый бисер. Стекло прозрачное синее (№78) или купоросное (№№74, 109, 173, 363), полупрозрачное голубое (№97) или грязно-синее (№362), глухое желто-зеленое (№№47, 230, 252, 359, 360). В четырех случаях выявлена продольная структура (№№ 97, 230, 252, 362), в одном случае бисер не расчленен (№360). Бисер бытует в IV в. до н.э. — III в.н.э., максимум популярности приходится на II–I в. до н.э. и II–III в.н.э.[36]

Тип, близкий типу 170 (1 экз.: №151) — бочковидная бусина с валиками по краям из глухого темно-желтого (золотистого?) стекла с продольной структурой ядра. Бусы этой формы, имеющие небольшой размер, как наша, но изготовленные из стекла другого цвета, датируются I–II вв. н.э.[37]

Неопределенными остались полностью корродированная округлая бусина №176, фрагментированные округлые или цилиндрические бусы №95 и 273 из прозрачного стекла купоросного цвета и фрагмент овальной(?) бусины №117 из глухого молочно-белого стекла.

Бусы с металлической прокладкой — 3 типа (35 экз.) (рис. 3Б).

Тип 1 (29 экз.) — округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы. Выделяются два варианта:

Вариант 1а (27 экз.) — бусы с гладкими краями отверстий из бесцветного (10 экз.: №№2, 19, 38, 66, 162, 181,193, 233, 243, 248) и прозрачного золотистого (17 экз.: №№41, 52*б*, 64, 84, 147, 152, 153*а*, 153*б*, 156, 160, 171, 172, 180, 183, 184, 190, 221) стекла. Все бесцветные бусы и 7 золотистых бус (№№160, 171, 180, 183, 184, 190, 221) имеют продольную структуру кантарели (верхнего слоя стекла). Такая разновидность бус варианта 1а датируется первыми веками н.э. Структура остальных бус из золотистого стекла не выражена. Они характерны для эллинистического времени, но продолжают ограниченно выпускаться в первые века н.э.[38]

Вариант 1б (2 экз.: №№165, 209) — бусы с продольной структурой и закраинками вокруг отверстий, изготовленные из прозрачного золотистого стекла. Характерны только для первых веков н.э.[39]

Тип 5 (2 экз.: №№135, 136) — цилиндрические бусы из прозрачного золотистого стекла. Разновидность бус, сходных с нашими по размерам, датируется II в. до н.э. — I в. н.э.[40]

Тип 22 (3 экз.: №№87, 197, 325) — бочковидные бусы с валиками по краям из бесцветного стекла. Экземпляры №197 и 325 имеют выраженную продольную структуру. Дата бус этого типа — I–III вв. н.э.[41]

Неопределенными остались фрагменты крупной бусины из бесцветного стекла (№90).

Полихромные бусы — 8 типов (12 экз.) (рис. 4А).

С пятнистым орнаментом (2 экз.):

Тип, близкий типу 7а (1 экз.: №148*а*) — округлая бусина из прозрачного стекла купоросного цвета с тремя пятнышками из глухого желтого стекла, изготовленными из отрезков стеклянной палочки. От оригинального типа 7а наш экземпляр отличается цветом основы (купоросный вместо зеленого). Данных для датировки нет[42].

Близок этому типу не идентифицированный экземпляр №148*е* — с грязно-голубой полупрозрачной основой и утраченными пятнышками.

С продольно-полосатым орнаментом (1 экз.):

Тип, близкий типу 192а (1 экз.: №154) — округлая бусина с орнаментом из одинаковых узких полосок синего и глухого белого стекла. С типом, выделенным Е.М.Алексее-

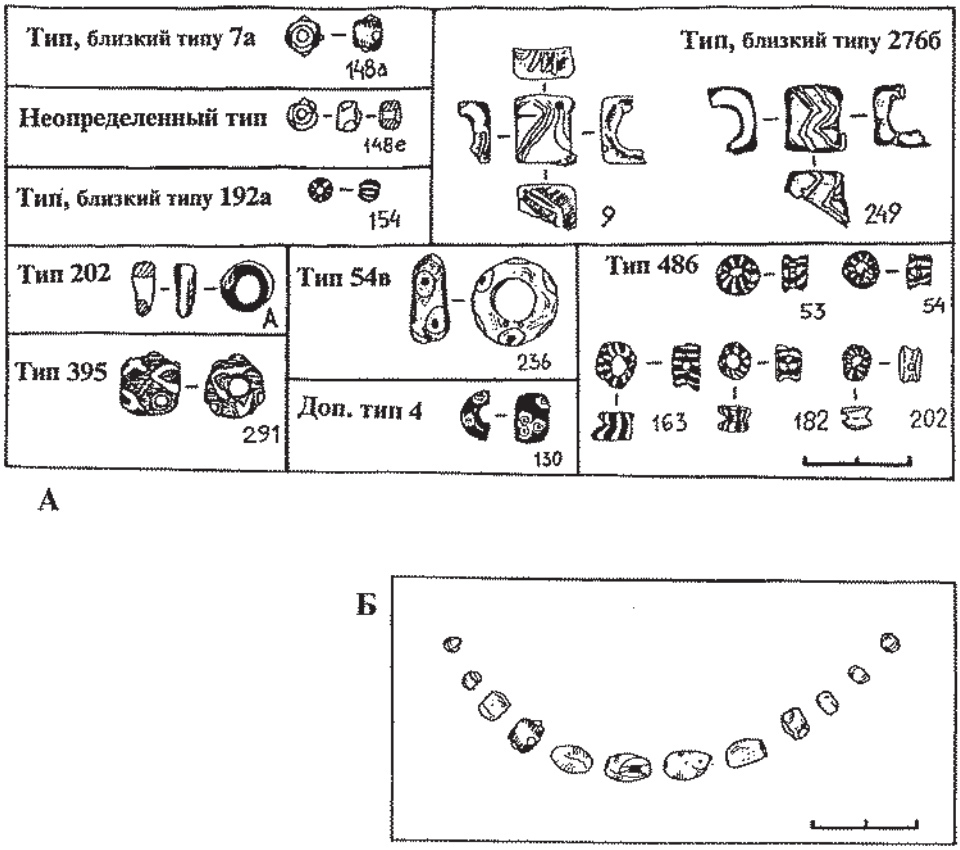


Рис. 4. Бусы стеклянные (Тойгузинское II городище): А – полихромные; Б – вариант реконструкции ожерелья («набор №148»).

вой, наш экземпляр совпадает только по цвету и технологии («орнамент не является накладным, а ядро целиком спаяно из белых и синих нитей»), отличаясь формой. Бусы этой технологической группы датируются I–II вв. н.э.[43] Этой же дате соответствуют особенности строения бусины (продольная структура и закраинки вокруг отверстий)[44].

Со спиралевидным орнаментом (1 экз.):

Тип 202 (1 экз.: №А) — округлая поперечно сжатая («зонная») бусина из прозрачного темно-синего стекла с одним замкнутым спиральным витком, нанесенным сверху поперек ядра. Характерны для эпохи эллинизма, бытуют и в I в.н.э.[45]

С фестонообразным орнаментом (1 экз.):

Тип, близкий типу 276*б* (1 экз.: №9/249)[46] — пронизь в форме параллелепипеда из густо-оливкового стекла с фестонообразным орнаментом из глухого желтого стекла. От оригинального типа отличается цветом основы (густо-оливковый вместо черного). Дата — IV–III вв. до н.э.[47]

С глазчатым орнаментом (2 типа, 2 экз.):

Дополнительный тип 4 (1 экз.: №130) — округлая бусина из полупрозрачного грязно-синего стекла с кольчатыми или слоисто-щитковыми бело-сине-белыми глазками, сгруппированными по три («треугольниками»). Структура ядра и глазков неясна, данных для соотнесения с типами по Е.М.Алексеевой и датировки недостаточно.

Тип 54в (1 экз.: №236) — округлая поперечно сжатая (тороидная) бусина прозрачного темно-синего стекла с 6 выпуклыми бело-синими глазками, расположенными зигзаго-

Таблица 1.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ СТЕКЛЯННЫХ БУС ТОЙГУЗИНСКОГО II ГОРОДИЩА

Тип по Е.М.Алексеевой	Одноцветное стекло																												С металл. прокладкой				Полихромные					
	2	4	5	8	9	10	12	13	13	13	15	18	22	29	31	48	51	57	65	68	69	91	93	94	100	109	133	166	170	1а	1б	5	22	54в	192а	202	276б	395	486
IV в. н.э.																																							
III в. н.э.																																							
II в. н.э.																																							
I в. н.э.																																							
I в. до н.э.																																							
II в. до н.э.																																							
III в. до н.э.																																							
IV в. до н.э.																																							
Количество	1	7	2	7	15	6	42	4	5	1	26	1	1	15	4	1	1	1	3	5	1	11	5	3	1	1	12	1	27	2	2	3	1	1	1	1	1	4

образно. Структура глазков и ядра неясна. Датировка неустойчива — наиболее распространены в IV–II вв. до н.э., встречаются и в I в. до н.э., и в нарушенных комплексах I–II вв. н.э.[48]

С глазчато-крестовидным орнаментом (1 экз.):

Тип 395 (1 экз.: №291) — округлая бусина из прозрачного темно-синего стекла с орнаментом из трех выпуклых бело-красно-желтых глазков, размещенных зигзагообразно, и расположенных между ними перекрещенных полос из бесцветного стекла с металлической подкладкой. Полосы плохо связаны с ядром и частично утрачены. Бусы этого типа имеют узкую дату — I в. н.э.[49]

С ресничковым орнаментом (4 экз.):

Тип 486 (4 экз.: №№53,54,182,202) — глобоидальные пронизи с двусторонним ресничковым орнаментом из прозрачного синего и глухого белого стекла; глазки красно-желтые. Дата узкая — I в. н.э.[50]

Специфика Тойгузинского II городища (закрытый комплекс с фиксированной верхней границей, содержащий значительную серию бус) делает чрезвычайно интересным анализ тойгузинского бусинного набора с помощью метода «узких» датировок. Распределение хронологических позиций стеклянных бус (табл. 1) указывает на I в. н.э. как наиболее вероятную дату гибели городища[51]. Эту же дату дает сопоставление датировок бус из «набора №148» — скопления из двенадцати бус, найденных на площади менее 20 см в поперечнике и входивших, скорее всего, в одно ожерелье (рис. 4Б). Набор содержит две бусины с пятнистым орнаментом (тип, близкий типу 7а, и неопределенный экземпляр с утраченными пятнышками), не имеющие точной даты, и бусы из одноцветного стекла типа 15 (I–II вв.н.э.) — 4 экз., типа 48 (I в. до н.э. — I в.н.э.) — 4 экз., типа 12 (II в. до н.э. — I в.н.э.) — 1 экз., и дополнительного типа 3 (не ранее рубежа нашей эры) — 1 экз.

Происхождение бус пьяноборской культуры априори связывают с античными центрами Северного Причерноморья, откуда они через кочевников Волго-Донских и Волго-Уральских степей попадали к оседлому населению Прикамья[52]. Отсутствие анализов химического состава бус не позволяет ни утверждать это со стопроцентной уверенностью, ни привести более или менее определенные возражения. Во всяком случае, на весьма тесный контакт пьяноборского населения бассейна р.Ик с сарматами указывает наличие лепной плоскодонной керамики, нетипичной для пьяноборского керамического комплекса, в материалах Новосасыкульского могильника на Среднем Ике[53] и интересующего нас Тойгузинского II городища[54]. По-видимому, непосредственный контакт установился в I в. н.э. как следствие освоения пьяноборским населением бассейна р.Ик около рубежа нашей эры и последующего формирования пограничной зоны между пьяноборцами, заселившими правобережье Ика, и сарматами, проникавшими в более низкое, пологое и слабо изрезанное овражной сетью левобережье по асимметричным долинам Ика и его левых притоков[55].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С.74.
2. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. С.10.
3. *Бугров Д.Г.* Раскопки на Тойгузинском II городище //АО 1995 года. М., 1996. *Бугров Д.Г.* Раскопки на Тойгузинском II городище //АО 1996 года. М., 1997. *Бугров Д.Г.* Раскопки на Тойгузинском II городище //АО 1997 года. М., 1999. *Бугров Д.Г.* Исследования на Нижнем Ике //АО 1998 года. М., 2000. *Бугров Д.Г.* Памятники пьяноборской культуры в левобережье Нижнего Ика (итоги исследований 1995–2000 гг.) //Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С.28–30.
4. Внешний и внутренний валы, два рва между ними, между рвами — останец материкового суглинка («средний вал»). Подробнее см.: *Бугров Д.Г.* Укрепления Тойгузинского

II городища //Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск; Глазов, 1999. *Бугров Д.Г.* Памятники… С.28–29.

5. *Бугров Д.Г.* Укрепления… С.147–148.
6. Распределение их по площади раскопов показано на рис. 1; на плане, в тексте и на иллюстрациях (рис. 2 — 4) сохранена полевая нумерация бус (арабскими цифрами обозначены бусы с точной привязкой к месту находки, прописными буквами кириллицы — бусы без точной привязки (смещенные, найденные при переборке грунта, в отвале и т.д.).
7. *Алексеева Е.М.* Ук. соч. С.12–22. Работа Е.М.Алексеевой, несмотря на определенные недостатки избранного ею подхода, является наиболее полной сводкой античных бус Восточной Европы, и для хронологической привязки бус этот свод остается единственным источником (ср. *Столярова Е.К.* Бусы могильника Бельбек IV //Поздние скифы Крыма М., 2001. С.209–222).
8. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. С.63.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. С.64.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же. С.64–65.
16. Там же. С.64.
17. Там же. С.65.
18. Там же. С.62.
19. Там же. С.65.
20. Там же. С.65–66.
21. Там же. С.62.
22. Там же. С.66.
23. Там же.
24. Там же. С.67.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. С.62, 67.
29. Там же. С.68.
30. Там же.
31. Там же. С.61, 68–69, рис. 15.
32. Там же.
33. Там же. С.62.
34. Там же. С.69.
35. Там же. С.70.
36. Там же. С.72.
37. Там же. С.73.
38. Там же. С.29.
39. Там же. С.29–30.
40. Там же. С.30–31, рис. 10.
41. Там же. С.32.
42. *Алексеева Е.М.* Античные бусы… 1975. С.57.
43. *Алексеева Е.М.* Античные бусы… 1978. С.43.
44. Там же. С.62.
45. Там же. С.44.
46. Пронизь была в древности расколота на две половины, найденные в 1995 г. (№9) и 1997 г. (№249) на расстоянии 2,85 м одна от другой.

47. *Алексеева Е.М.* Античные бусы… 1978. С.49.
48. *Алексеева Е.М.* Античные бусы… 1975. С.65.
49. *Алексеева Е.М.* Античные бусы… 1978. С.56.
50. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. С.43.
51. Из общей картины выпадает полихромная пронизь №9/249 типа 276б (IV–III вв. до н.э.). Однако она отличается от упомянутых в своде Е.М.Алексеевой бус цветом основы, и, возможно, имеет более позднюю дату. Не исключено и ее пережиточное существование. Аналогичная бусина (тип 6 отдела В, по классификации Б.Б.Агеева) известна в п.6 Камышлытамакского I могильника (*Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С.34, 113, табл. 2, 25), датируемого I в. до н.э. — началом II в.н.э. (Там же. С.70–71). Н.А.Мажитов и А.Х.Пшеничнюк первоначально датировали могильник концом II в. до н.э. — I в.н.э. (*Мажитов Н.А. Пшеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник //АЭБ. Уфа, 1969. Т. 3. С. 51).
52. *Иванов В.А.* Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками Великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) //Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С.80–81. *Агеев Б.Б.* Ук. соч. С.32.
53. *Васюткин С.М. Калинин В.К.* Ново-Сасыкульский могильник //Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С.121, рис. 20. *Агеев Б.Б.* Ук. соч. С.50, 106.
54. *Бугров Д.Г.* Отчет о раскопках на Тойгузинском II городище в 1996 г. //НА НМ РТ. 1997. Р-2021. Оп.3. №626. Рис. 76В. *Бугров Д.Г.* Отчет о раскопках на Тойгузинском II городище в 1998 г. //НА НМ РТ. 1999. Р-2021. Оп.3. Рис. 55, 3. Учтено три фрагмента венчиков и два — придонных частей, минимально от трех сосудов. Визуально наибольшее сходство эти фрагменты обнаруживают с горшковидной керамикой сарматского Нижнемактаминского погребения (*Казаков Е.П., Рафикова З.С.* Очерки древней истории Восточного Закамья //Из истории Альметьевского региона. Альметьевск, 1999. Вып.2. Рис.16, 1, 2), сравнимой с нижневолжской сарматской посудой V хронологической группы (рубеж I–II — середина III в. н.э.) по А.С.Скрипкину (горшки типа IV и V) (*Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С.28, 55–57). Кроме того, на Тойгузинском II городище найден фрагмент красноглиняной круговой керамики (*Бугров Д.Г.* Отчет… в 1998 г. Рис. 55, 2). В комплексах III–II вв. до н.э. ее рассматривают как импортную кангюйскую (*Садыкова М.Х.* Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки //АЭБ. Уфа, 1962. Т.1. С.116. *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: пьяноборская эпоха III в. до н.э. — II в.н.э. М., 1988., С.123). Тойгузинский фрагмент, судя по бусинному набору (см. выше), датируется I в. н.э. и, по-видимому, связан с началом второй волны распространения среднеазиатской красной гончарной керамики на Южном Урале в позднесарматское время (*Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С.123, 131).
55. Очерки по географии Татарии. Казань, 1957. с.135–136, 319–321.

D.G. Bugrov

BEADS OF HILLFORT OF TOYGUZINSKOYE-II

The article is devoted to the publication of the beads' complex found during the excavation in 1995–2000 at Hillfort of Toyguzinskoye-II in Tatarstan. The monument has a certain attitude to Piany Bor culture, in fact it used to be the Hillfort-refuge lost as a result of the storm. Results of the research done with the glass beads allow to date the Hillfort destruction to 1st c. A.D.

СРЕДНИЕ ВЕКА

© 2007 г.

В.П. Костюков

УЛУС ДЖУЧИ И СИНДРОМ ФЕДЕРАЛИЗМА*

Большинство вопросов, относящихся к золотоордынской улусной системе, являются дискуссионными. В источниках содержится слишком мало информации для реконструкции почти всех значимых ее элементов: количества улусов в разные периоды существования Золотой Орды, их локализации, границ, степени территориальной стабильности, политического статуса, принципов администрирования, внутреннего устройства, племенного состава и многого другого. Все эти затруднения в некоторой степени компенсируются обилием сведений относительно фундаментального деления Золотой Орды на два крыла – западный улус Бату и восточный улус Орды.

Реальность двухчастной структуры Золотой Орды признается едва ли не всеми исследователями, и анализу политического статуса улусов Бату и Орды и их взаимоотношений в золотоордынской историографии уделено достаточно много места, правда, не все аспекты этих вопросов освещены одинаково. Наибольшее внимание исследователей привлекали цветовые обозначения крыльев, кроме того, сравнительно подробно изучены участие потомков Орды в борьбе за золотоордынский престол и другие сюжеты политической самостоятельности царевичей «левой руки». В настоящей статье предполагается рассмотреть две проблемы: политическое содержание разделения Улуса Джучи на два крыла и судьбу потомства Орды. Первая проблема в литературе практически не ставилась, вторая до сих пор отчетливо не сформулирована, проявляясь во взаимоотрицающих мнениях, без развернутой аргументации воспроизводящих противоречащие друг другу сведения разных источников.

Модель управления владениями Джучи, введенная после его смерти, трактуется в литературе как реализация глубинной тюрко-монгольской традиции деления территорий кочевых государств на крылья и столь же традиционного института соправительства. С подобным объяснением можно было бы легко согласиться, если бы административное деление на крылья и соправительство наблюдались в разных частях и на разных уровнях Монгольской империи с заметной регулярностью. Поскольку этого в действительности не было, и Золотая Орда являлась, по существу, единственной структурной единицей империи с «конфедеративным» устройством, следует попытаться выяснить цели, которые достигались его введением. Как представляется, источники позволяют выстроить, в целом, непротиворечивую версию того, по каким причинам и в чьих интересах во главе Улуса Джучи были поставлены Бату и Орда.

Разделение территории кочевых образований на крылья в кочевых государствах и вождествах производилось, прежде всего, в военных целях – для улучшения управляе-

* Выражаю сердечную благодарность Р.Ю. Почекаеву и К.З. Ускенбаю за просмотр чернового варианта статьи и дружеские замечания по ее теме.

мости и повышения мобилизационной готовности армии. Оно имело утилитарный, военно-технический характер и иногда предполагало соподчиненность командующих крыльями при безусловном верховенстве главы государства. Но если в политическом аспекте ограниченность суверенитета и соподчиненность сообщают золотоордынской модели определенную традиционность, то в военном плане деление Улуса Джучи на западное и восточное крыло выглядит нефункциональным: в то время как значительная часть владений Бату соседствовала с непокоренными странами и народами, границы владений Орды были, по существу, внутренними, разделяющими улусы Чингизидов.

Что касается идеи соправительства, то вряд ли следует преувеличивать ее популярность в Монгольской империи. Подавляющее большинство фактов, интерпретируемых как соправительство, является скорее выражением сложившегося расклада сил конкурирующих чингизидских кланов, чем осознанным воплощением в жизнь политического принципа. Против того, чтобы относить подобные факты на счет традиционной практики соправительства свидетельствуют открытые либо, в лучшем случае, латентные конфликты между Чингизом и Джучи, Гуюком и Бату, Мункэ и Бату, Мункэ и Берке, Токтой и Ногаем и другими «соправителями». Как практика назначения или выборов правителя, так и наставления основателя империи своим наследникам однозначно свидетельствуют о том, что идеальное правление мыслилось строго монархическим1. Неактуальность идеи соправительства для монгольского политического сознания со всей очевидностью зафиксирована не только рельефно выраженными в монгольской политической системе принципами полновластия и единоначалия, но и многолетней борьбой между Хубилаем и Арик-Бугой и рядом других аналогичных конфликтов2.

Для рассматриваемой здесь темы непосредственный интерес представляет обоснование предположения об учреждении соправительства в улусе Джучи еще при жизни последнего[3]. Как указание на раздел территории и, тем самым, на соправительство, расценивается повеление Чингиза Хукин-нойону: «отдели западную сторону владения Джучи», содержащееся в поэтическом рассказе о пожалованиях Чингиза четырем своим соратникам. Однако, как представляется, оно не исчерпывает весь сюжет. Далее сообщается, что кроме Хукин-нойона, поставленного во главе восьмитысячного войска, Чингиз отправил во владения Джучи с теми же наставлениями беречь Джучи от опасностей еще одного помощника – Мунгэту-бахадура. Одновременно Чингиз «отделил» Богурчи и Мухули, послав их на юг и наказав захватить и разделить между собой поровну китайских чжуинов[4]. По Рашид ад-Дину, Хукин-нойон и Мунгэту-бахадур (Куки-нойон и Мугэту-бахадур) были сыновьями Мунгэту-Кияна, родоначальника племени кият, большая часть которого так и осталась в улусе Джучидов[5]. Мунгэту-Киян был братом Есугэй-бахадура, а его сыновья Хукин-нойон и Мунгэту-бахадур – двоюродными дядьями Джучи[6]. Таким образом, отправляя Хукин-нойона и Мунгэту-бахадура во владения Джучи, Чингиз дал своему старшему сыну не соправителей, а старших родичей, опытных военачальников и советчиков[7], одному из которых было персонально поручено взять на себя труд завоевания еще не покоренных народов на западной границе улуса.

Таким образом, можно считать маловероятным, что разделение улуса Джучи между Бату и Ордой было предпринято ради соблюдения традиции соправительства или для облегчения выполнения поставленных перед Джучидами военных задач. Поздние источники объясняют разделение тем, что Бату по своим личным качествам был признан Чингизом более подходящим для роли правителя улуса, Бату же из стремления пощадить самолюбие обойденного старшего брата всячески подчеркивал независимость Орды и свое уважение к нему[8]. Конечно, соображения, которыми руководствовались Чингиз-хан и его преемники, назначая правителей улусов, скрыты плотной завесой тайны, однако трудно допустить, что у Орды хватало интеллекта и воли для руководства только половиной улуса. Ничто из того, что донесли источники об Орде, не говорит об отсутствии у него необходимых государственному мужу и полководцу способностей[9]. Напомню, что в европейской кампании он участвовал в покорении булгаров, мокши и буртасов, в захвате Рязани и Киева, а после покорения Руси командовал правым флангом ар-

мии вторжения в Венгрию и Польшу. В его подчинении, как полагают, были Чагатаиды Байдар и Кайдан[10]. Корпус Орды должен был нейтрализовать польских и силезских союзников венгерского короля и превосходно справился с поставленной задачей. В 1246 г. Орда возглавлял делегацию Джучидов на курултае, избиравшем императора. В церемонии интронизации Гуюка ему было предоставлено исполнить одну из самых главных ролей[11]. На том же курултае Орда вместе с Мункэ был назначен на чрезвычайно деликатную должность дознавателя по делу Тэмугэ-отчигина – младшего брата Чингис-хана[12]. Все это, несомненно, оправдывает характеристику, которую дает Орде брат Бенедикт[13], и заставляет предположить иную, более рациональную мотивацию разделения Улуса Джучи между Бату и Ордой.

Как известно, угроза распада империи возникла еще при жизни ее основателя. Причиной являлось то, что называют первой из главных слабостей кочевых империй – невозможность контролировать власть на местах и осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия[14]. Столкнувшись с неподчинением «соправителя», которому было доверено управление огромной территорией, Чингиз-хан не мог восстановить авторитет верховной власти иначе как силовым принуждением ослушника к повиновению[15]. Доподлинно не известно, что стало причиной внезапной смерти Джучи, разрешившей его конфликт с отцом, вместе с тем, инцидент, несомненно, взывал к необходимости решений, которые хотя бы отчасти предотвращали подобные вызовы целостности империи[16]. Примерно десять лет спустя, во многом, в интересах повышения информированности и оптимизации контроля центра за деятельностью улусных и иных начальников была учреждена ямская служба[17]. Но в отношении улуса, мятежного или только давшего повод для подозрений в мятежности, надо думать, оргвыводы должны были быть сделаны немедленно.

Джучи скончался за полгода до смерти Чингиз-хана. Трудно судить, достаточным ли был этот срок для того, чтобы решение о замещении образовавшейся вакансии принял сам Чингиз, или же оно принадлежало Угэдэю и Чагатаю. Но от кого бы оно не исходило, ясно, что неприязненные отношения между наследниками Чингиз-хана являлись еще одним фактором, обусловившим особое отношение к потомкам Джучи со стороны его младших братьев. Воцарение Угэдэя, которого Чингиз задолго до своей кончины назвал своим преемником[18], стало возможным вследствие раздоров среди сыновей Чингиза от Бортэ, особенно острых между Джучи и Чагатаем. Перед походом на Хорезм братья пообещали отцу не давать «подданным своим поводов для насмешек или холопам – для пересудов», но все ж продолжали враждовать. По словам Рашид ад-Дина, между Джучи «и его братьями Чагатаем и Угедеем всегда были препирательства, ссоры и несогласие», более того, когда Чингиз собрался наказать Джучи, то «приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы впереди всех отправились Чагатай и Угедей»[19].

Нелюбовь младших братьев к «наследнику меркитского плена», надо полагать, должно было в известной мере испытывать и его потомство[20]. С другой стороны, и сыновья Джучи вряд ли были преисполнены теплыми чувствами к своим дядьям, из-за происков которых их отец, по заслугам в строительстве империи и первородству имевший больше, чем кто бы то ни было, прав на престол, не получил причитающегося. Конечно, у Чингиз-хана, когда он нарекал своим преемником Угэдэя, фактически не было выбора, так как назначение Джучи или Чагатая обрекло бы империю на немедленную и жесточайшую усобицу. Но это назначение, будучи вынужденным, косвенно подтверждало основательность сомнений в происхождении Джучи и бросало тень на репутацию его сыновей. Иными словами, независимо от того, были или не были в поведении Джучи элементы неповиновения и неуважения к отцу, для Угэдэй с Чагатаем было благоразумным не доверять сыновьям Джучи и принять надлежащие меры предосторожности.

Описанные коллизии, как представляется, и вызвали необходимость введения в Улусе Джучи специальной модели управления, внешне напоминающей «соправительство»[21]. Абсолютное большинство источников приписывает назначение Бату Чингиз-хану, и это, конечно, лишний раз характеризует его как чрезвычайно прагматичного поли-

тика, обладавшего широчайшим набором приемов и средств укрепления созидаемой империи. Стержнем управленческой модели, избранной для Улуса Джучи, являлся хорошо известный в истории власти феномен «братской любви». В данном случае ее энергетика, обычно разрушительная, использовалась, так сказать, в мирных целях – для обеспечения единства и целостности Монгольской империи. В самом деле, подчинение старшего брата младшему при сохранении за владением старшего формальной автономности и общей неясности статуса обоих создавало конкурентную среду, которую Каракорум, по меньшей мере, при жизни братьев мог, так или иначе, использовать к своей выгоде. Теперь остается проверить, есть ли в источниках свидетельства использования разделения Улуса Джучи между Бату и Ордой в интересах других ветвей «золотого рода».

Для периода правления Угэдэя в источниках нет сведений об опасных трениях в руководстве империи. Единственное исключение – «винный инцидент», произошедший в кругу вождей западного похода после окончания завоевания Руси. Судя по оскорблениям, приведенным в жалобе Бату, и содержанию выговора, сделанного Угэдэем Гуюку, наиболее вероятной причиной инцидента было отсутствие у Бату полководческих талантов или реальных успехов в западном походе[22]. Характерно, что Угэдэй, распекая Гуюка, осмелившегося «восставать на старшего брата», ссылался на завет Чингиз-хана блюсти абсолютную приоритетность единоначалия: «множество – страшно, а глубина – смертоносна»[23]. Вместе с тем, скандалу, несомненно, способствовала неопределенность полевой субординации царевичей: из имеющихся источников трудно понять, кто же, в действительности, возглавлял поход. Хотя письмо Бату и решение Угэдэя подразумевают, что командование войском было поручено Бату, изложение реакции Угэдэя на проступок Гуюка в «Сокровенном сказании» дидактично, демонстрируя идеальное поведение правителя, ради справедливости не щадящего своего сына. На самом же деле, никто из тех, кто оскорблял Бату, наказан не был, и отнюдь не вследствие мягкости пострадавшего: Бури, продолживший участие в походе, после избрания ханом Мункэ был отдан в руки Бату и умерщвлен, такая же участь постигла и Аргасуна.

Предусмотрительность Каракорума при введении «федеративного» устройства Улуса Джучи стала очевидной сразу же после смерти Угэдэя и Чагатая. Судьба Бури и Аргасуна ясно показывает, что Бату не собирался прощать своих обидчиков. Гуюк тоже вряд ли был склонен к примирению. Не исключено, что в подтексте скандала, устроенного Гуюком, было напоминание присутствовавшим на пиру Чингизидам о том, кто, как не старший сын Угэдэя, является законным наследником отца и первым претендентом на императорский престол. Одновременно это могло быть напоминанием Бату об условности его права возглавлять Джучидов и сигналом отцу, по-видимому, к тому времени уже сделавшему свой выбор в пользу Ширемуна.

В соответствии с заложенным в управление Улусом Джучи принципом *divide et impera* враждебность Гуюка к Бату предполагала взаимную лояльность Орды и Гуюка. Первое не вызывает сомнений, остается выяснить, есть ли в источниках какие-нибудь симптомы второго. Известно, что прения Чингизидов на курултае 1246 г., избиравшем нового императора, продолжались около четырех недель[24]. Это свидетельствует о том, что кандидатура Гуюка, которую усиленно продвигала его мать, была принята Чингизидами с большим трудом. Более популярными кандидатами были второй сын Угэдэя Кудэн[25], якобы нареченный еще Чингиз-ханом, и уже упомянутый выше Ширемун[26], сын Кучу, третьего сына Угэдэя[27]. Бату по понятной причине на курултай не явился[28], и Улус Джучи представляли Орда, Шибан, Берке, Беркечар, Тангут и Тука-Тимур. Надо думать, инструкции, данные Бату своим братьям, предписывали всячески противиться возведению на трон Гуюка, тем не менее, они все же должны были согласиться на его воцарение[29]. Позже Бату избрание Гуюка приписывал исключительно настойчивости Туракины. По его словам, Угэдэев «ярлык [был] в том, чтоб внук его Ширемун стал наследником. Туракина-хатун приказа его не послушалась, переиначила его и посадила на ханство Гуюк-хана»[30]. Отсутствие согласия Джучидов на избрание Гуюка подтверждает

также чагатаидский историк ал-Карши: «Воцарение Гуйук-хана вместо своего отца, великого каана, имело место в 641/1243-1244 году, без согласия (на это) сыновей его дяди Туши»[31].

Можно лишь догадываться, каким образом на курултае удалось убедить младших братьев Бату подчиниться воле Туракины. Надо полагать, не обошлось без силового давления, в связь с которым было бы чрезвычайно соблазнительно поставить остающееся загадочным по мотивации убийство князя Ярослава Всеволодовича. Если отравление вассала Бату Туракиной случилось, как позволяет думать сообщение Карпини, незадолго до вынесение решения об избрании Гуюка, то оно вполне могло быть совершено в демонстрационных целях, дабы устрашить тех, кто сопротивлялся избранию Гуюка. Смерть (или тяжелая болезнь) Кудэна, по всей видимости, произошедшая во время курултая, тоже вряд ли могла придать решимости противникам Гуюка[32]. Что же касается старшего брата Бату, то у Гуюка при получении императорской власти было что предложить ему в качестве награды за поддержку. Карпини, в известной степени сведущий в чингизидских распрях, видимо, не оговорился, назвав Орду не старшим братом Бату, а «старшим над Бату»[33]. Кроме того, если участие Орды в интронизации Гуюка еще можно расценить как церемониальное и ни к чему не обязывающее, то его активная роль в осуждении Тэмугэ-отчигина косвенно указывает на доверительные отношения с Гуюком[34].

Получив власть, Гуюк приступил к воплощению своих взглядов на законность и справедливость наследования[35]. Во главе Улуса Чагатая вместо Кара-Хулагу он поставил Есу-Мункэ со следующим разъяснением: «Как может быть наследником внук, когда сын находится в живых?»[36]. Еще больше оснований имелось для замены Бату, однако посылкой императорского ярлыка это дело решить было невозможно. Ехать в Каракорум Бату не хотел, разумеется, не потому, что опасался, преклонив колена перед новым императором, утратить статус старшего Чингизида, а потому что это было бы самоубийственно.

Готовиться к вероятному противостоянию с Гуюком Бату начал, по-видимому, сразу же после получения вести о смерти Угэдэя. Свертывание западного похода и возвращение на Волгу[37], изменение политики по отношению к кыпчакам[38], размещение в восточной части джучидских владений улуса Шибана[39] свидетельствуют о сознании масштаба угрозы, исходящей от Гуюка. Не вполне ясно, когда именно Гуюк «в величии и могуществе» выступил на запад и как скоро продвигался, но Бату озаботился мобилизацией и выдвижением своих сил на восток, несомненно, раньше, чем получил предупреждение вдовы Толуя Соркуктани[40]. Как свидетельствуют материалы миссии Карпини, францисканцы, на обратном пути повстречавшись с Бату, уже застали его двинувшимся или готовящимся двинуться на восток, к Гуюку[41].

Весной 1248 г.[42], когда армии Гуюка и Бату разделяло расстояние в 700-800 км, наступила неожиданная развязка – в местности Кум-Сенгир[43], что у западных склонов Монгольского Алтая, Гуюк скончался. Бату в это время находился в неделе пути от города Каялыка, в местности, которую Джувейни называет Алакамак. Каялык (современное городище Антоновское) располагался примерно в 100 км западнее оз. Алаколь. По мнению ряда комментаторов маршрута миссии Карпини, именно в окрестностях этого озера лежали земли Орды[44]. Следовательно, можно утверждать, что армия Бату ожидала противника на восточной границе улуса Джучи, во владениях Орды, где некогда была ставка его отца. В известной мере повторились события двадцатилетней давности: конфликт разрешился не военным столкновением, а неожиданной смертью одного из противников, правда, в этот раз смерть настигла не мятежного правителя улуса, а главу империи.

Поскольку в источниках нет никаких сведений о назначении Гуюком преемника, резонно предположить, что смерть его была внезапной и, по всей видимости, насильственной[45]. Действительно, если толуидские источники утверждают, что Гуюк умер «от болезни, которой страдал»[46], то сторонние наблюдатели с уверенностью гово-

рят об убийстве. По одной версии Гуюк был отравлен агентами Бату или вдовы Толуя, по другой – убит братом Бату Шибаном. Вторая версия есть только у Рубрука, передана она со слов вдовы Шибана, пожелавшей получить христианское благословение от путешествующих монахов: «Кен сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата по имени Стикана, который, прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга»[47]. Рубрук слышал от Андре Лонжюмо также версию об отравлении[48], поэтому оговорился, что не узнал о смерти Гуюка ничего достоверного. Тем не менее, полученная, можно сказать, из первых рук, версия об убийстве Гуюка Шибаном кажется наиболее правдоподобной. Во-первых, в ней поразительно точно отражена ситуация финальной стадии противостояния Гуюка и Бату. Во-вторых, она согласуется с той стратегической ролью, что отводилась его корпусу. В-третьих, весьма симптоматичны и ожидаемы обстоятельства, в которых возникла ссора. Ведь Шибан как сын Джучи по отношению к Великому хану тоже был старшим (*ака*), со всеми вытекающими из этого статуса правами[49], к тому же он вряд ли уступал Гуюку в военных доблестях, что даже без учета возможности преднамеренной провокации могло стать достаточным поводом для кровавого повторения памятного «винного инцидента». В-четвертых, она делает понятным, почему не Шибан, герой семилетнего похода, а Берке и Тука-Тимур (варианты: Берке и Сартак, Берке и Бука-Тимур) после смерти Гуюка были отправлены с огромным войском в Монголию, дабы утвердить Менгу на престоле. Кроме того, это последнее деяние бахадура Шибана, видимо, способно более удовлетворительно объяснить причину «уважения за отца их», оказанного Узбеком провинившимся Шибанидам[50]. Ведь, если бы в тот момент не удалось устранить Гуюка, при неблагоприятном исходе конфликта Бату и его семье грозили беды, не меньшие, чем те, которые по воле Бату и Мунке обрушились на родичей и сторонников Гуюка[51]. Наконец, вполне вероятно, что сведения, полученные Рубруком от Андре Лонжюмо и вдовы Шибана, не исключают, а дополняют друг друга: Шибан, осуществляя свою миссию, использовал яд[52].

В литературе преобладает скептическое отношение к рассказу Рубрука – по той причине, что его не подтверждает ни один другой источник. Но такого рода сведения просто не могли попасть в сочинения того времени, в подавляющем большинстве написанные по заказу Толуидов[53]. Можно не сомневаться, что истинная причина смерти Гуюка была одной из самых больших тайн Чингизидов: уж слишком черную тень она бросала на репутацию не только Бату и Мункэ, но и всех других царевичей, либо причастных к убийству, либо струсивших и смиренно искавших милости победителя. Ведь убит был не преступивший Ясу мятежник, а законно избранный правитель, законными средствами пытавшийся навести в империи должный порядок. Надо полагать, именно насильственная смерть Гуюка явилась главной, если не единственной причиной отказа Бату от императорской власти. Занять престол для Бату, так или иначе повинного в смерти Гуюка, означало бы противопоставить себя всему «золотому роду» и стать разрушителем империи. Приемлемый выход заключался в том, чтобы посадить на трон представителя дружественного клана; это позволяло спасти лицо, избежать серьезных, с непредсказуемыми последствиями усобиц и получить возможность реального влияния на политику Великой Монгольской империи. После того как Мункэ принял предложенный престол, Джучиды и Толуиды, связанные общей тайной, не дали ей ни малейшего шанса выйти на поверхность, и не будь случайной встречи Рубрука с вдовой Шибана, лишь недосказанности и умолчания официальных летописей намекали бы на некую загадку смерти Гуюка.

Впрочем, Джувейни, превосходно осведомленный современник описываемых событий, видимо, ради аккуратно продвигаемой им антиджучидской тенденции[54] все же позволил себе обрисовать настроения, произведенные смертью императора. Ответственность за возникшую смуту он возложил на Кадака, атабека Гуюка. Тот якобы «произнес

весьма неосторожные слова, которые не подобали его чину, и от своей чрезвычайной глупости и крайнего невежества высказал то, что стало *причиной паники и источником сплетен* [выделено мной – *В.К.*]»[55]. Паника в этом контексте могла быть вызвана только информацией об обстоятельствах гибели Гуюка. По-видимому, Кадак, находившийся в походе при своем воспитаннике, осмелился обвинить Бату перед сыновьями Гуюка в убийстве их отца. Такого рода обвинение, по существу, исключало примирение сыновей Гуюка с Бату. Со своей стороны, Бату не мог допустить возведение на престол кого-либо из «законных наследников», т.к. это возрождало бы прежнюю угрозу, пожалуй, в еще более опасной и бескомпромиссной форме.

Гуюк умер, будучи вдалеке от владений Орды. Рассчитывал ли он на сочувствие Орды к своей решимости наказать Бату, да и был ли к этому времени еще жив Орда[56], не известно. Хотя Рашид ад-Дин называет Орду и Шибана среди тех, кто участвовал в курултае в Алакамаке, утвердившем Мункэ единственным кандидатом на престол[57], похоже, здесь он просто дублирует перечень Джучидов, присутствовавших на прежних курултаях. Во всяком случае, Джувейни, лучше знавший подробности воцарения Мункэ, эти имена не упоминает, выставляя в качестве главного исполнителя решения курултая 1248 г. и распорядителя курултая 1251 г. Берке[58]. В 1251 г. место Орды занимал его четвертый сын Кункиран[59], и когда Мункэ дал согласие на уничтожение тех, кто препятствовал его избранию, Бурилджитей-нойону было поручено взять под контроль территорию от Каракорума до Кум-Сенгира, «чтобы оттуда протянуть *нерге* к Конкуран-Огулу, который находился в окрестностях Каялыка, а его войско занимало земли вплоть до области Отрара»[60].

Данное сообщение и ряд других отрывочных известий, относящихся ко времени царствования Мункэ, показывает, что Ордаиды в период обострения противостояния Гуюка и Бату остались лояльными главе Джучидов, что позволило им сохранить статус улуса как автономной структурообразующей единицы, но после смерти Орды уже без прежних претензий на какие-либо превосходства в ранге[61]. Смерть Гуюка и уничтожение всяческой оппозиции дали Бату силу и влиятельность, не уступающие силе и влиятельности Великого хана. Рубрук, путешествовавший в тот период, когда руководство Монгольской империи всячески подчеркивало достигнутые единство и согласие, не заметил во владениях Бату не только каких-либо отличий Улуса Ордаидов от других улусов, но и самого этого улуса, хотя на пути в Каракорум и обратно, несомненно, пересекал его территорию. При этом он привел весьма показательный пример полновластия Бату в отношении своих родичей: Берке, один из самых уважаемых и влиятельных Чингизидов и будущий глава Улуса Джучи, по приказу Бату должен был уступить кочевья в предкавказских степях Сартаку и переместиться «за Этилию к востоку»[62].

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что сохраненный статус вкупе с действием географических, экономических и внешнеполитических факторов позволял Ордаидам периодически демонстрировать свою особость и делать шаги к большей независимости. Подобные демонстрации стали возможными после фактического распада Монгольской империи; они, как правило, совпадали с ослаблением власти Батуидов и выражались почти исключительно в установлении прямых политических союзов с соседними чингизидскими государствами. Для того, чтобы оценить, насколько такие проявления суверенитета угрожали целостности Улуса Джучи и насколько остро они воспринимались в Сарае, полезно сделать общий обзор всех известий об участии Ордаидов в событиях второй половины XIII в. – первой половины XIV в. Подавляющее большинство такого рода сведений содержится в «Джами' ат-таварих» Рашид ад-Дина; они будут выстроены по возможности в хронологическом порядке и снабжены актуальными комментариями.

Первая группа известий связана с иранским походом. При перечислении потомства Орды о Кули, втором его сыне, Рашид ад-Дин пишет: «Это тот самый Кули, которого послали с войском от улуса Орды в то время, когда Хулагу-хан шел в Иранскую землю и когда последовал приказ, чтобы ему в помощь присоединилось от каждого улуса по одному царевичу с войском. Он выступил через Хорезм в Дехистан и Мазандеран»[63]. В

другом месте это же событие изложено так: «И еще при жизни Бату Менгу-каан назначил своего третьего брата, Хулагу-хана, с многочисленным войском в Иранскую землю и определил из войск каждого царевича по два человека с десятка, дабы они отправились вместе с Хулагу-ханом и стали его помощниками. Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним туманом войска, а Бату послал через Дербенд Кипчакский Балакана, сына Шейбана, и Тутара, сына Мингкадара, сына Бувала, седьмого сына Джучи-хана, чтобы они, прибыв, стали подкреплением войску Хулагу-хана, служили ему»[64]. По Джувейни, в Иран из западной части империи Мункэ отправил «представителей Бату Балагая, сына Сибакана, Тутар-Огула и Кули с войсками, принадлежащими Бату»[65]. Эти и другие сообщения, относящиеся к иранскому походу, дают материал к рассмотрению нескольких вопросов.

Прежде всего, обращает внимание принцип комплектования корпуса, общее руководство которым было возложено на Хулагу: «от каждого улуса по одному царевичу с войском». Отправка в Иран, в соответствии с этой разнарядкой, от Улуса Джучи трех царевичей является серьезным аргументом в пользу гипотезы о его делении в 50-х годах XIII в. на три военно-административные единицы: центр, правое и левое крыло[66]. Сколько времени просуществовало такого рода деление, где проходили границы между названными единицами и кто их возглавлял, едва ли возможно установить[67]. В данном случае важно констатировать усложнение прежней двухчастной структуры Улуса Джучи[68], а также то обстоятельство, что в будущем именно те кланы, из которых в Иран были отправлены «царевичи» Тутар, Балакан и Кули, т.е. потомки Бувала, Шибана и Орды, претендовали либо на сарайский престол, либо на независимость от Сарая[69].

Иранская кампания, как известно, закончилась для Джучидов крайне неудачно. Они не только не получили обещанные им Арран и Азербайджан, но и утратили те области Ирана, которые контролировали прежде. Более того, Хулагу казнил находившихся в Иране Джучидов и истребил большую часть их войск, а оставшиеся в живых «без жен, детей и имущества» прорывались в Предкавказье[70], Хорасан[71] и Сирию[72]. Выяснить причины конфликта, пользуясь данными только «Джами' ат-таварих», невозможно. Рашид ад-Дин в качестве единственной причины выставляет измену и обращение к колдовству одного из Джучидов, но кто именно злоумышлял и против кого, остается в итоге неясным, так как в разных местах «Джами' ат-таварих» приведены две взаимоисключающие версии случившегося[73]. Более правдоподобно о расправе с Джучидами повествуют армянские летописцы. По Киракосу, «Хулагу беспощадно и безжалостно истребил всех находившихся при нем и равных ему по происхождению знатных и славных правителей из рода Батыя и Беркая: Гула, Балахая, Тутхара, Мегана, сына Гула, Гатахана и многих других вместе с их войском – были уничтожены мечом и стар и млад, так как они находились при нем и вмешивались в дела государства»[74]. С существенно бóльшим количеством подробностей эти события переданы Магакией. Он сообщает, что завоевавшие Аббасидский Халифат Чингизиды «жили не признавая над собою никакой власти: каждый, полагаясь на свой меч, считал себя старшим». Хулагу, якобы озабоченный разорением покоренной страны, попросил Мункэ принять решение относительно порядка ее управления, и Мункэ прислал своих представителей с приказом «ступайте, поставьте брата моего, Гулаву, ханом в той стране; тех же, кто не подчинится ему, подвергайте *ясаку* от моего имени». Когда собравшимся на курултай предводителям войск было объявлено, «что Гулаву намерен воссесть на ханский престол, то четверо из них пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулаву. Такудар и Бора-хан подчинились, а Балаха, Тутар, Гатаган[75] и Миган не согласились признать его ханом. Когда аргучи Мангу-хана убедились в том, что эти четверо не только не желают повиноваться, но еще намерены сопротивляться Гулаву, то приказали: подвергнуть их ясаку, т. е. задушить тетивой лука: по их обыкновению только этим способом можно было предавать смерти лиц ханского происхождения. Мигана, сына Хулиева, по причине его малых годов, заключили в темницу на острове Соленого Моря»[76].

Ко времени этих событий в руководстве Улусе Джучи произошли многие перемены.

В 1256 г., после того как тумены Тутара, Балакана и Кули отправились в Иран, умер Бату. Место Бату занял его старший сын Сартак, сторонник иранской кампании, при жизни отца принимавший активное участие в согласовании ее плана с имперским руководством[77]. Короткое время спустя Сартак умер, и Мункэ пожаловал его должность Улагчи – несовершеннолетнему брату Сартака (по Джувейни – сыну Сартака), а правительницей назначил вдову Бату Боракчину. Такой режим управления, уже апробированный в Улусе Чагатаидов[78], надо полагать, позволял Каракоруму оставить в прошлом обещания и гарантии, данные Бату и Сартаку. Ввиду преждевременной смерти Улагчи, видимо, была сделана попытка сохранить регентство Боракчины при номинальном правлении ее сына Туда-Менгу, но по каким-то причинам она не удалась. Боракчина и ее приближенные были убиты, и Мункэ пришлось утвердить в качестве главы Джучидов Берке[79]. Судя по тому, что после смерти Берке власть опять была передана потомкам Бату[80], его правление рассматривалось как кризисное, обусловленное, с одной стороны малолетством либо недееспособностью здравствующих Батуидов, с другой стороны, экстренной необходимостью защиты ранее оговоренных прав Джучидов на определенную долю завоеванных территорий и поступающей дани.

Трения между джучидскими царевичами и Хулагу, которому Мункэ втайне от Бату и Сартака пообещал отдать завоеванные области, лишь «для вида» приказав вернуться в свои становища, когда тот завершит «те важные дела»[81], возникли с самого начала иранской кампании. О стычке Хулагу с Балаканом и Тутаром, поводом для которой стала попытка расположившихся в Бадгызе Джучидов подчинить своей власти правителя Герата. Систана и Балха Шамс-ад-дина Курта, рассказывает Сайфи[82], на недовольство Хулагу действиями Балакана возле Аламута и Балакана с Тутаром при осаде Багдада намекает Рашид ад-Дин[83]. Когда же возглавивший Улус Джучи Берке, в свое время едва не сорвавший иранский поход, и уже потому вряд ли симпатичный Хулагу[84], стал в выражениях, принятых для обращения старшего к младшему, требовать строгого соблюдения договоренностей, участь джучидского контингента в Иране была предрешена.

Достойно быть отмеченным, что имя Кули в связи с ходом военной кампании упоминается лишь дважды – при перечислении начальников правого крыла монгольской армии, двинувшейся к Багдаду, и описании диспозиции войск, изготовившихся к штурму[85]. Сдержанность Рашид ад-Дина, несомненно, объясняется особыми отношениями между Ордаидами и Хулагуидами. В то время как сородичи погибших Тутара и Балакана – Ногай, Джучи-Бука, Тама-Токта – многие годы посвятили борьбе с Хулагу и его преемниками, родственники Кули искали у ильханов союза и дружбы. Возможно, в том, что во время расправы с Джучидами Хулагу пощадил сыновей Кули, был не только политический расчет, поскольку женой старшего сына Орды. Сартактая, матерью будущего правителя улуса Куинджи была Худжиян, сестра Кутуй-хатун, одной из самых влиятельных жен Хулагу[86]. Но какими бы ни были причины такого рода отношений, ясно, что в условиях распада Монгольской империи, обусловленного двумя параллельно развивающимися и взаимообусловленными конфликтами – между Хулагу и Берке и между Хубилаем и Арик-Бугой, они были выгодны обеим сторонам. Ильханы, пытаясь отколоть Ордаидов от Батуидов, не только добивались ослабления своего противника, но и, в известной мере, смягчали проблему безопасности восточных областей своих владений. Ордаиды же при благоприятных условиях, опираясь на поддержку Хулагуидов, могли возобновить прерванный смертью Гуюка дрейф к избавлению от власти Батуидов.

Кто управлял улусом Ордаидов в рассматриваемое время, не известно. Имя Кункирана, сменившего Орду, упоминается в источниках лишь однажды – в приведенном выше сообщении о мерах, принятых для того, чтобы парализовать сопротивление Чагатаидов. Сообщаемые Рашид ад-Дином сведения о положении дел в середине 60-х годов XIII в. позволяют предположить, что главою улуса Ордаидов был Куинджи, но при этом необходимо иметь в виду, что Кункирана сменил не Куинджи, а, по всей видимости, Тимур-Бука, внук Орды, сын Кутукуя[87]. Не исключено, что в бурный период противобор-

ства Арик-Буги и Хубилая улус Ордаидов мог возглавлять кто-то еще из потомков Орды, помимо Тимур-Буки и Куинджи[88].

Было бы очевидным упрощением сводить все политические коллизии второй половины XIII в. в восточной части Улуса Джучи исключительно к отношениям между Ордаидами и Батуидами. Выше уже было сказано о неординарном статусе улуса Шибана, занимавшего территорию Центрального Казахстана; где-то в Западном Казахстане «на Яике» находился коренной улус Ногая[89]; неподалеку от приуральских кочевий семьи Ногая, «вблизи Хорезма», находились владения аталыка и тестя хана Токты, могущественного кунгирата Салджидая, с которым Ногай в 90-х годах XIII в. соперничал за влияние на своего ставленника[90]; в этих же краях могли располагаться кочевья шестого сына Джучи Тангута и его потомков[91]; по всей видимости, в Южном Казахстане располагался улус Беркечара – единоутробного брата отправленного в 1254 или 1255 г. «за Этилию к востоку» Берке. Ориентиром для локализации улуса Беркечара может служить сообщение из «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» о пребывании Беркечара в Сузаке[92]. Предположение о вхождении Сузака в состав владений Беркечара хорошо согласуется с теми полномочиями, которые были даны ему Менгу-Тимуром в период противоборства Кайду и Борака[93]. В тех же местах, по всей видимости, оставались кочевья и потомков Беркечара. Согласно «Му'изз ал-ансаб», достаточно сильной и влиятельной фигурой в конце XIII в. был внук Беркечара Биликчи – «тот, у которого Тукта искал убежище. Затем при помощи его войск и Букы[94] взошел на трон»[95].

Главенствующая роль Беркечара в указанных выше событиях и отсутствие представителя улуса Орды на курултае, установившем новую конфигурацию чингизидских владений не только в Мавераннахре, но и в Семиречье, и, потенциально задевавшем интересы Ордаидов, показывают, что в правление Менгу-Тимура, которое, по-видимому, имело такой же централизаторский и мобилизационный характер, как и правление Берке, Ордаидам пришлось примириться со статусом царевичей «второго эшелона»[96]. Этому, казалось бы, противоречит тот факт, что среди Чингизидов, посадивших после смерти Мункэ на трон Арик-Бугу, называется сын Орды, Карачар[97]. По Рашид ад-Дину, Карачар получил от Арик-Буги войско и участвовал в военных действиях против Хубилая[98]. О судьбе самого Карачара ничего не известно, Рашид ад-Дин лишь сообщает, что на стороне Арик-Буги вместе с Хайду воевал также сын Карачара, Кутуку, и после капитуляции Арик-Буги Хубилай выслал его в Туркестан[99]. Однако против того, чтобы принимать Карачара и Кутуку за Ордаидов, есть серьезное возражение: у Орды не было сына по имени Карачар. Условиям информации, сообщаемой Рашид ад-Дином, отвечает генеалогия потомков двенадцатого сына Джучи, Удура, который входил в группу царевичей «левой руки»[100]. Карачар был единственным сыном Удура, имел пять сыновей, и его старшего сына звали Куртука[101]. Как указывалось выше, Берке в письме султану Бейбарсу называл Карачара среди царевичей, находившихся «на землях» старших Джучидов.

Взаимосвязь событий, происходивших в период борьбы Арик-Буги и Хубилая, и поведение главных действующих лиц смуты изложены Рашид ад-Дином с малой достоверностью. Стремясь показать законность воцарения Хубилая и представляя дело так, что Арик-Буга был посажен на престол второстепенными персонами, он изображает Хулагу и Берке пассивными наблюдателями авантюры Арик-Буги, постепенно склоняющимися на сторону Хубилая. В действительности, и Хулагу, и Берке после смерти Мункэ признали императором Арик-Бугу и предоставили в его распоряжение военные контингенты, которые возглавляли вышеупомянутый сын Удура Карачар и сын Хулагу Джумукур[102]. Тем не менее, Хубилай вышел победителем, и не только потому, что располагал существенно большими, чем противник, людскими и материальными ресурсами, но и потому, что сумел обратить в свою пользу противоречия между правителями западных улусов. Главными козырями Хубилая стали закрепление за Хулагу земель к западу от Амударьи, что ему прежде обещал Мункэ, а также восстановление прежних позиций Чагатаидов в Мавераннахре[103]. Можно не сомневаться, что Хулагу приступил

к ликвидации джучидского контингента не раньше, чем получил признание своих прав на Иран от Хубилая[104]. Практически синхронные военные акции Хулагу и Алгуя не позволили Берке оказать действенную помощь Арик-Буге. Поражение Арик-Буги сделало Улус Джучи фактически независимым государством, но это новое состояние означало лишь, что владения Берке оказались во враждебном окружении. Хотя Хубилай возложил всю ответственность за усобицу на эмиров Арик-Буги, избавил от наказания воевавших против него младших Чингизидов, разослав их по своим улусам, а старших извинил тем, что им не удалось явиться на курултай и принять правильное решение «по причине дальности пути и множества дел и событий»[105], можно только догадываться, насколько долго он оставлял бы в покое вышедший из повиновения Улус Джучидов, если бы не выступление Хайду.

О начале борьбы Хайду Рашид ад-Дин рассказывает так: «Когда каан избавился от смуты и мятежа Арик-Буги, все царевичи за исключением Кайду, сына Каши сына Угедей-каана и некоторых потомков Чагатая, выразили готовность повиноваться ему. …Кайду не собирался покоряться, он принес извинения: «Наши животные отощали, когда они подкормятся, я последую приказу». Под этим предлогом он отговаривался три года, а потом в союзе с Куинджи-нойоном они обратили в бегство, разбили и разграбили Нарина, который находился вблизи от них и был в зависимости от Урунгташа [сына Менгу-каана], [этим] они положили начало мятежу и смуте»[106]. Несмотря на то, что в процитированном отрывке Куинджи назван нойоном, можно быть уверенным, что речь здесь идет именно о внуке Орды[107]. Во-первых, на это косвенно указывает то обстоятельство, что первоначальные успехи Хайду, выступившего еще до поражения Арик-Буги, были обеспечены поддержкой Берке, а затем Менгу-Тимура[108]. Во-вторых, еще два упоминания Куинджи, относящихся ко времени до курултая 1269 г., не оставляют сомнений в том, что именно он в это время правил улусом Ордаидов: союзник Хайду, Ширеки (сын Менгу-каана) отправил Сарабана (сына Чагатая) «с 50 нукерами к Куинджи, внуку Орды»[109]; царевичи Букур, сын Арик-Буги, и Улус-Бука, сын Ширеки, потерпев поражение от войск Хубилая, «вошли в лен Куинджи», но позже все же предпочли вернуться на службу Хубилаю[110]. Эта информация, как представляется, достаточно убедительно свидетельствует о том, что в правление Берке и Менгу-Тимура, тоже не признавшего власти Хубилая[111], Ордаиды оставались в послушании Сараю, участвуя в его акциях против Ханбалыка.

Лучшие перспективы для обретения независимости открылись для Ордаидов сразу же после смерти Менгу-Тимура. Появление на сарайском престоле такой странной фигуры, как Туда-Менгу, трудно расценить иначе как сговор честолюбивых лидеров правого и левого крыла, стремившихся избавиться от опеки сильной центральной власти. Несложно догадаться, кто был заинтересован в том, чтобы на троне оказался больной человек. «Когда умер внук Джучи Менгу-Тимур и на его место посадили Туда-Менгу, Ногай, Куинджи и Туда-Менгу, посоветовавшись послали к кану Нумугана и доложили: «Мы покоряемся и все явимся на курилтай»[112]. Вслед за отстранением Туда-Менгу, психическое состояние которого, очевидно, совершенно дискредитировало джучидскую государственность, стараниями, по всей видимости, тех же Ногая и Куинджи была введена не менее диковинная тетрархия Тула-Буки, Алгу, Тогрыла и Кунчека, а после того, как обнаружилась плохая управляемость четверки Батуидов, на трон был возведен несовершеннолетний Токта, пообещавший быть в полном подчинении у Ногая.

Сохранившаяся информация о Куинджи заставляет думать, что он был менее амбициозен, чем Ногай, и вполне довольствовался положением номинально зависимого от Сарая правителя[113]. Около 35 лет Куинджи возглавлял улус, и, будучи во второй половине своего правления свободным в выборе друзей и союзников[114], по-видимому, сумел избежать участия в крупных конфликтах[115], что при таких беспокойных соседях, как Хайду и Дува, делает честь его дипломатическим способностям. Обширный, богатый пастбищами улус Куинджи, судя по некоторым известиям Рашид ад-Дина, время от времени служил убежищем для Чингизидов, потерпевших неудачу в борьбе за власть. По-

мимо цитированного выше известия об откочевке «в лен Куинджи» царевичей Букура и Улус-Буки, разбитых полководцами Хубилая, можно сослаться на относящийся к 1284 г. эпизод борьбы Аргуна с Текудером. Когда с Аргуном остались всего несколько приверженцев, один из них обратился к нему с предложением: «Лучше всего нам сей же час сесть [на коней] и, перейдя через реку Амуйе, отправиться к Коничи, а оттуда с его помощью обратимся к делу отражения врагов»[116].

Последнее сообщение, можно сказать, ставит точку в вопросе о принадлежности Газны и Бамиана, но, к сожалению, не много прибавляет для уточнения местоположения улуса Ордаидов. Считается установленным, что во второй половине XIII в. политический центр улуса переместился на Среднюю Сырдарью «в пределы Дженда и Узгенда». В качестве доказательства приводятся данные Рашид ад-Дина и Натанзи. Не касаясь пока вопроса о достоверности сведений Натанзи, отмечу, что ссылка на упоминание Дженда и Узгенда Рашид ад-Дином некорректна. Согласно рассказу Рашид ад-Дина, когда арестованного противника Хайду, сына Чагатая Сарабана, препровождали «с 50 нукерами к Куинджи, внуку Орды, случайно их путь проходил через Дженд и Узгенд, у вотчины Сарабана. Его люди собрались и освободили его…»[117]. При внимательном чтении становится ясным, что Дженд и Узгенд названы исключительно в качестве ориентиров расположения улуса Сарабана, где его подданные отбили царевича; ровным счетом ничего не показывает принадлежность этих городов Куинджи или хотя бы близость к его владениям; скорее, наоборот, ремарка «случайно» заставляет думать, что освобождение Сарабана произошло далеко от границ улуса Ордаидов, да и было бы, пожалуй, странно, если бы успешное нападение на конвой произошло непосредственно у стольных городов Куинджи.

Не лучше ситуация с определением западной границы. По словам ал-Айни, битва, после которой сын Куинджи Баян, потерпевший поражение от сына Кублука Кушая, вновь отправился искать убежища у Токты, состоялась на реке Яик[118]. В литературе можно встретить опирающиеся на эту информацию утверждения, что западную границу владений Ордаидов во второй половине XIII в. маркировал Яик. Но даже если допустить, что место сражения было передано египетскими летописцами верно, ничто не говорит о том, что оно располагалось в пределах улуса Ордаидов. Точно также и цитированное выше сообщение о Кункиране, «который находился в окрестностях Каялыка, а его войско занимало земли вплоть до области Отрара», не может быть истолковано так, что при воцарении Мункэ территория улуса Орды в субширотном направлении простиралась от района оз. Алаколь до впадения Арыси в Сырдарью. В нем указаны, собственно, не границы улуса, а границы «зоны ответственности» войска Кункирана, покрывающей западную часть улуса Чагатаидов. В строгом смысле о границе улуса Ордаидов Рашид ад-Дин говорит лишь однажды, при описании войны Баяна и Кублука: «границы их владений находятся вблизи владений каана. Раньше же они примыкали друг к другу». Далее Рашид ад-Дин перечисляет имена царевичей, которых Хайду послал к границам Баяна с поручением охранять «те пределы, чтобы они служили преградой между войском каана и войском Баяна и не допускали их соединиться»[119]. Это, несомненно, важное известие, свидетельствующее о том, что в начале XIV в. восточные границы улуса Ордаидов находились фактически там же, где и в середине XIII в. Судя по серьезности принятых Хайду мер для создания преграды между войском императора и Баяна, эти границы не были дальней окраиной улуса.

Все это заставляет думать, что в XIII в. границы улуса Ордаидов не претерпели радикальных изменений, что, собственно, и отражено в географической и экономической характеристике, данной Марко Поло владениям *северного* царя Канчи. Его подданные живут в местах диких и непроходимых, где нет ни городов, ни замков, по большим равнинам и долинам и в высоких горах; есть там страна, тянущаяся на тринадцать дней пути, где много озер и ручейков, большой лед, трясины и грязь, и в этой стране передвигаются на собаках, впряженных в сани; у них много всякой скотины: верблюдов, коней, быков, овец и других животных; питаются говядиною и молоком; хлеба у них нет никако-

го; тут много всякой дичины: большие медведи, все белые и длиною в двадцать пядей, лисицы, дикие ослы, горностаи, белки и сурки; те, кто живут здесь в горах и в долинах, ловят много дорогих животных, и большая им от этого прибыль и выгода[120]. Согласно старой комментаторской традиции, местности, описанной Марко Поло, наиболее близка Иртышская Сибирь[121].

В первом десятилетии XIV в. улус Ордаидов переживал междоусобную войну. Сведения о ней есть не только у Рашид ад-Дина, но и у арабских историков – Бейбарса ал-Мансури, ан-Нувейри, Ибн Халдуна, ал-Айни. По рассказу ал-Айни, после смерти Куинджи поссорились «сыновья дяди его и (собственные) сыновья его: Баян, Куйлюк, Токтемир, Богатемир, Манкытай и Сасы; произошли между ними битвы и наконец утвердился на царстве Баян»[122]. Вначале, согласно «Тарих-и Улджайту», в борьбу вступили старший сын Куинджи Баян и восставший против него младший сын Мумгия (Макудай)[123], согласно же Ибн Халдуну, Куинджи умер, «оставив после себя сыновей Баяна, Куйлюка и Мангытая[124], которые разделили земли между собою, Баян находился в Газне. После Кунджи вступил на престол сын его Куйлюк; против него восстал брат его Баян»[125]. Баян искал поддержки у Токты, Газана и императора Тимура, а его соперник Кублук – у Хайду, Дувы и их сыновей[126]. Согласно тому же источнику, с победой Баяна над Кублуком усобица не закончилась. Против Баяна выступил сын умершего Кублука Кушай, и после упомянутой выше битвы на Яике «Баян отправился к Токте, ища у него убежища, а Кушай овладел землями его и утвердился в них на правах отца и согласно приговора его»[127].

Имя Баяна ал-Айни называет еще раз, рассказывая о мерах, предпринятых Узбеком против ильханидского эмира Чубана в конце второго десятилетия XIII в. Приказав Исе Куркузу с 8 туменами прорваться в Иран через Дербенд, Узбек одновременно отправил «огромное войско в Хорезм со своим наместником Кутлуктемиром, (поручив ему) присоединиться к Ясаулу и захватить с собою войско Баяна, сына Кунджи. Но им не удалось соединиться…»[128]. Последнее сообщение обычно понимается как свидетельство того, что Баян в указанное время еще правил своим улусом, а также как свидетельство того, что Узбек восстановил контроль над всей территорией Улуса Джучи и подчинил своей власти все джучидские кланы. Усиление центральной власти в правление Узбека, разумеется, не подлежит сомнению, но, вообще, сообщение ал-Айни имеет в виду не Баяна и даже не его войско; смысл его в том, что Кутлуг-Тимур должен был соединиться в Хорасане[129] с попросившим у Узбека помощи чагатаидом Ясаулом (Ясавуром Никудери) и использовать там в дальнейших действиях никудерцев, которых ал-Айни считал подданными Баяна – «государя Газны и Бамиана».

К сожалению, на этом пусть, по большей части, разрозненные и крайне сложные для интерпретации, но все же открытые перекрестной проверке и не вызывающие серьезных сомнений в достоверности известия об улусе Ордаидов исчерпываются. Далее в распоряжении исследователей остаются только сочинение Натанзи и зависимые от него источники, описывающие историю улуса Ордаидов в XIV – начале XV в., и ряд генеалогических материалов, в которых династия Ордаидов заканчивается на детях Баяна, т.е. в первой половине XIV в.

Всеобщая история «Мунтахаб ат-теварих-и-Муини» была составлена Муин ад-Дином Натанзи в 1413-14 г. в Исфахане для внука Тимура Искендера. По Натанзи, улус Джучи после поражения и бегства сыновей Ногая разделился на две части. Правое крыло государства утвердилось за потомками Токтая, которые стали называться султанами Кок-Орды, а левое крыло – за потомками Ногая, султанами Ак-Орды. Династию ханов Ак-Орды Натанзи начинает с сына Ногая[130] Сасы-Буки. Сасы-Бука якобы правил 30 лет при Тогрул-хане, сыне Токты, и Узбек-хане; умер в 720 г.х. и похоронен в Сауране. Затем Узбек назначил преемником Сасы-Буки его сына Эрзена. Эрзен, почти сравнявшийся величием с Узбеком, прославился строительством мечетей и медресе в Отраре. Сауране, Дженде и Барчкенде; он правил 25 лет, умер в 745 г.х. и был похоронен в Сыгнаке. После Эрзена короткое время правил его сын Мубарек-хаджа. Вследствие вызванной им

смуты он потерял трон и погиб в изгнании. По указу Джанибека главою Ак-Орды стал другой сын Эрзена, Чимтай. В его время началась смута уже в правом крыле – Кок-Орде. Эмиры Кок-Орды приглашали Чимтая занять сарайский престол, но он отказался, послав туда своего брата Орда-шейха. По прошествии года Орда-шейх был убит, и его место занял сын Сасы-Буки Хызр-оглан. Спустя год Хызр тоже был убит, и на трон был возведен еще один сын Сасы-Буки – Хальфай. Через 9 месяцев был убит и Хальфай, а на освободившийся трон был посажен сын Орда-шейха, Тимур-ходжа. После двух лет правления он также был убит, и власть перешла к его брату Муриду. Мурид удерживал трон в течение трех лет, его место досталось сыну Тимур-ходжи, Азиз-хану. Через 3 года Азиз-хан тоже был убит, и на трон сел сын Эрзена, Хаджи-хан. Недолго процарствовав, в конце 765 г.х. Хаджи-хан разделил участь предшественников, приняв смерть от рук своих эмиров. Тогда сарайский трон занял Урус, сын Чимтая, и правил 9 лет. После смерти Уруса, два месяца Ак-Ордой правил его старший сын Токтакия, а когда он умер, власть перешла к другому сыну Уруса, Тимур-беку. Еще в то время, когда Урус готовился к походу на Сарай, один из Джучидов, правитель Мангышлака Туй-ходжа-оглан, не явился на сбор и был казнен. Сын Туй-ходжа-оглана, Токтамыш, нашел приют у Тимура, получил в управление Сауран, Отрар и Сыгнак и после нескольких неудачных попыток сумел захватить трон Узбека [131].

Генеалогия ханов Ак-Орды XIV в. по версии «Мунтахаб ат-теварих-и-Муини» вошла в сочинение ал-Гаффари «Нусах-и-джеханара», посвященное сефевидскому шаху Тахмаспу I и законченное в 1564/65 г. Согласно ал-Гаффари, после Берке «царство досталось потомкам Орды, разделившимся на две ветви». Первым правителем Кок-Орды, т.е. правого крыла, стал Токта-хан – «сын Курбукуя, сына Орды, сына Джучи», а правителем Ак-Орды – Туда-Мунке, «сын Нокая, сына Кули, сына Орды». После Туда-Мунке власть перешла к его брату Сасы-Буке. Дальнейшую преемственность ал-Гаффари показывает в полном соответствии с повествованием Натанзи[132]. В начале XVII в. по ал-Гаффари генеалогию Джучидов изложил Хайдер Рази в своей «Тарих-и Хайдери». У него первым царем Ак-Орды назван «Мункай, сын Букая, сына Кули, сына Орды, сына Джучи»; Сасы-Бука назван братом Мункая[133]. Эта версия нашла отражение также в сочинении османского историка XVII в. Мунаджжим-баши[134].

Наиболее ранний из источников, обрывающих филиацию Орды на детях Баяна и Кублука и относящих хана Уруса к потомкам Тука-Тимура, – генеалогическое сочинение «Му'изз ал-ансаб», составленное неизвестным автором в 1426 г. в Герате по поручению сына Тимура Шахруха. Согласно «Му'изз ал-ансаб», третий сын Тука-Тимура «Урунгбаш, а его сын – Ачик, а его сыновья – Бахтийар, Тактак, а сын последнего – Тимур-хаджа, а его сын Бадак, а его сын – Урус-хан»[135]. Несколько иначе родословие Урус-хана дано в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» – истории, написанной в 1502-1504 гг., по всей видимости, Шейбани-ханом. В нем Урус-хан назван сыном Бадика, сына Ходжи, сына Уз-Тимура, сына Тука-Тимура[136]. Сыном Бадык-оглана называет Урус-хана Утемиш-хаджи, автор созданного в первой половине XVI в. «Чингиз-наме»[137]. Так же определяют происхождение Урус-хана Махмуд бен Вали в историческом разделе энциклопедического труда «Бахр ал-асрар», составленного между 1634 и 1641 гг. для аштарханидского правителя Балха Надир Мухаммад-хана, и Абу-л-Гази в «Шаджара-йи турк», написанном в середине XVII в.: «Тукай-Тимур, его сын Уз-Тимур, его сын… Ходжа, его сын Бадакул-углан, его сын Урус-хан»[138].

Таким образом, первая группа источников возводит Уруса к Орде, а Токтамыша к Тука-Тимуру, вторая же причисляет и Уруса, и Токтамыша к потомкам Тука-Тимура. Мнения исследователей о том, какая из этих групп заслуживает большего доверия, разделились. Большинство ученых, в частности, М.Г. Сафаргалиев[139], Г.А. Федорова-Давыдов[140], Н.Н. Мингулов[141], К.А. Пищулина[142], В.Л. Егоров[143], И.В. Ерофеева[144], Т.И. Султанов[145], А.П. Григорьев[146], К.З. Ускенбай[147] и многие другие, отдали предпочтение рассказу Натанзи. За редкими исключениями, на основе данных Натанзи реконструирована генеалогия Ордаидов XIV в. в западной востоковедческой литературе.

Противоположная версия поддержана В.П. Юдиным[148], М.Х. Абусеитовой[149], П. Джексоном[150]. Некоторые исследователи, например, Г.В. Вернадский[151], Т. Оллсен[152], пришли к выводу, что имеющейся информации для убедительного решения проблемы недостаточно.

Чаще всего сторонники обеих версий обходятся без сколько-нибудь развернутого обоснования своей точки зрения, просто ссылаясь на те известия, которым они больше доверяют. В значительной степени такое положение обусловлено отсутствием средств проверки сведений, не имеющих параллелей в других исторических сочинениях и почерпнутых из неизвестного источника. Тем не менее, к настоящему времени в литературе накоплен некоторый фонд аргументов *pro et contra* «Мунтахаб ат-теварих-и-Муини» и «Му'изз ал-ансаб».

Достоверность генеалогии, сообщаемой Натанзи, по мнению ее сторонников, свидетельствуется, прежде всего, упорядоченностью и обстоятельностью изложения хронологии правлений, а также наличием связующего звена с генеалогией Ордаидов из трудов Рашид ад-Дина, в которой одного из сыновей Баяна звали Сасы-Бука[153]. Весомым фактом, подтверждающим версию Натанзи, считаются находки медных монет с титулом «Султан правосудный Мубарак Хо[джа], да продлит Бог царство его», выпущенных в Сыгнаке в 1327-1329 гг.[154]. Они не только документируют историчность хана с таким именем на территории улуса Ордаидов, но и подтверждают информацию Натанзи о смуте, возникшей по вине Мубарак-хаджи, т.к. выпуск монет с именем правителя являлся наиболее убедительной демонстрацией его суверенности. В актив версии Натанзи включаются также такие наблюдения и факты, как совпадение территории улуса Ордаидов и владений Урус-хана – в пределах нижней и средней Сырдарьи[155], сохранение у казахов памяти о неком хане Ежене[156], большее соответствие естественной частоте смены поколений сравнительно с версией о происхождении Урус-хана от Тука-Тимура[157]. Последние два аргумента можно считать уже, собственно, критикой альтернативной генеалогии, в защите повествования Натанзи занимающей заметное место. Сторонники версии Натанзи полагают, что живучесть представления о тукатимуридском происхождении Урус-хана обусловлена, прежде всего, политическими мотивами: «потомки Шибана, пятого сына Джучи, были заинтересованы в распространении легенды о происхождении Урус-хана и его потомков от менее авторитетного, чем Орда-Ежен, правителя своего времени – Тукай-Тимура, что объясняется их притязаниями на территорию Восточного Дашт-и Кыпчака, которой они обладали в период правления Шибанида Абу-л-Хайра»[158].

Сторонники тезиса о пресечении рода Ордаидов в первой половине XIV в. обосновывают свою позицию, главным образом, предельной ненадежностью повествования Натанзи. Свойственное ему некритическое отношение к источникам, биографические вымыслы, сбивчивость хронологии, путаное изложение многих событий, в том числе последовательности правлений в 60-70 годы, которая устанавливается по монетным материалам и другим письменным источникам, в частности, русским летописям, взывают к сугубой осторожности в обращении с теми известиями Натанзи, которые невозможно проверить по другим источникам[159]. С этой оценкой трудно не согласиться. Исследователь, решившийся взять данные Натанзи для реконструкции политической истории Восточного Дашт-и Кыпчака в XIV в., поневоле принуждается к необходимости прибегать к аргументации, порой имеющей самое косвенное отношение к методике научного анализа. Между тем, сочинению Натанзи противостоят несколько самостоятельных произведений, относительно которых нельзя утверждать, что они восходят к одному протографу и отражают единую политическую линию

В то время как остается абсолютно неизвестным, из какого источника Натанзи почерпнул сведения о событиях в Улусе Джучи в XIV в., едва ли можно сомневаться, что автор «Му'изз ал-ансаб» имел в своем распоряжении сочинение Натанзи, т.к. оно в 1414 г. было преподнесено в дар Шахруху. Как указывается в «Му'изз ал-ансаб», в 1426-27 г. Шахрух «повелел составить, найдя удобопонятную форму изложения мате-

риала, родословную книгу, *заново проверив* [выделено мной – *В.К.*] генеалогическую историю «Шаджара-йи ансаб-и салатин-и могул», содержащую имена и его предков, и дополнив ее потомками, которые родились в последующие времена»[160]. Составитель «Му'изз ал-ансаб», проигнорировав генеалогическую версию Натанзи, надо полагать, не руководствовался политическими интересами Шибанидов или Тука-Тимуридов. Следует также допустить, что в Герате, не столь удаленном, как Исфахан, от номинальных владений «ханов Газны и Бамиана» и длительное время находившемся в сфере политических интересов Сарая, можно было получить более достоверную информацию о родословии Джучидов. В связи с этим можно обратить внимание, что если в кратком перечне эмиров, ясавулов и других должностных лиц, служивших Искандеру, нет указаний на их племенную принадлежность, то в аналогичном, но более пространном списке окружения Шахруха упомянуты потенциальные знатоки джучидской генеалогии – ясавулы из узбеков и могул-узбеков[161].

Немаловажно, что генеалогическую версию Натанзи заимствовали лишь сефевидские историки, вряд ли имевшие возможность оценить ее правильность, и лишь придававшие ей еще более фантасмагорический вид, превращая всех золотоордынских ханов после Берке в потомков Орды, между тем как версия, нашедшая отражение в «Му'изз ал-ансаб», была принята не только шибанидскими, но и аштарханидскими историками[162].

В повествовании Натанзи о ханах Ак-Орды и Кок-Орды[163] настораживает уже самое его начало, в котором разделение Улуса Джучи на два крыла связывается с поражением Ногая, а ханы Ак-Орды объявляются его потомками. Исследователи приложили немало сил, чтобы смягчить некомпетентность Натанзи и найти в этой причудливой завязке какое-нибудь подобие реальности. В частности, предложены разные гипотезы относительно того, как в сюжет проникло имя Ногая[164]. Несмотря на порой весьма тонкие и изобретательные объяснения, их цель – показать, что Натанзи имел в виду не соперника Токты, а другого Джучида с более или менее похожим именем – нельзя считать достигнутой, потому что Натанзи на самом деле считал Ногая Ордаидом. Источником информации в данном случае для него являлся труд Рашид ад-Дина, где в главе о Берке-хане нашлось место ремарке, поясняющей что «полководцем Берке был Нокай, сын Джарука, сына Тумакана, сына Кули, царевич очень отважный и удалой»[165]. В этой ситуации анализ тех данных Натанзи, которые не нашли отражения в других источниках, теряет всякий смысл. Ответ на риторический вопрос, как же быть с жизнеописаниями Эрзена, Чимтая и с другой уникальной информацией, если не доверять Натанзи, как мне кажется, находится в сочинении самого Натанзи и в сочинениях его последователей. Очевидно, то же самое, что с жизнеописанием Тогрула, о деталях переписки и сношений которого с Абу-Саидом Натанзи умалчивает только потому, что «изложение каждого [случая] было бы длинным», или с фантастическими родословиями золотоордынских ханов после Берке. Кстати, те же имена в исполнении Хайдера Рази («Идерен» и «Джиджай») дают наглядный пример глубины метаморфоз, случавшихся с ними даже при письменной передаче.

Что касается других аргументов, выдвигаемых в защиту генеалогии Натанзи, то ни один из них сам по себе в достаточной степени доказательным не является. Выше уже отмечалось, что в источниках, вопреки господствующему мнению, нет сведений о перемещении центра улуса Орды во второй половине XIII в. на запад к окрестностям «Дженда и Узгенда» или «Дженда и Барчкенда». Уже по этой причине локализация ханства Уруса к северу от средней и нижней Сырдарьи не может быть серьезным доводом к тому, чтобы считать его потомком Орды. Можно предположить, что монеты с именем Мубарак-хаджи принадлежат праправнуку Тука-Тимура. Его родословие – Мубарак-хаджа б.Бурукулак, б.Туканчар, б.Бай-Тимур, б.Тука-Тимур. Впрочем, как верно заметил Ю. Шамильоглу, пока остается без ответа вопрос, был ли, вообще, эмитент этих монет чингизидом[166]. Соглашаясь с тем, что родословие Уруса, как оно передано Шейбани-ханом – Урус-хан б.Бадик, б.Ходжа, б.Уз-Тимур, б.Тука-Тимур[167] и Абу-л-Га-

зи-ханом – Урус-хан б.Бадакул-углан, б.Ходжа, б.Уз-Тимур, б.Тукай-Тимур[168], не совсем органично, нелишне обратить внимание на то, что в «Му'изз ал-ансаб» цепочка поколений от Тука-Тимура к Урусу существенно длиннее – Урус-хан б.Бадак, б.Тимур-хаджа, б.Тактак, б.Ачик, б.Урунгбаш, б.Тука-Тимур[169], т.е. более ранний, концентрирующийся исключительно на генеалогии и потому более основательный и точный документ дает нормальную частоту смены поколений. Сохранение памяти о предке Ежен допускает разные толкования. Среди казахских торе были не только Тука-Тимуриды, но и потомки других сыновей Джучи, так что ничто не препятствует предположить, что среди них были и Ордаиды. С другой стороны, как известно, прозвище Ежен по основному своему смыслу должно прилагаться к младшему сыну, каковым, согласно некоторым родословиям, являлся именно Тука-Тимур[170]. Исследователи приложили немалые усилия, чтобы доказать, что Орда не был старшим сыном Джучи, либо показать, как он, все же будучи старшим сыном, мог обрести это прозвище. Но, может быть, в этих доказательствах нет нужды, потому что Ежен это и есть Тука-Тимур, а Орда назван Еженом ошибочно?

Более детального рассмотрения требуют выдвигаемые против шибанидской историографии обвинения в сокрытии истинного происхождения Урус-хана и его потомков. Разумеется, практически все средневековые исторические произведения имели строгую партийную ориентацию; вне всякого сомнения, их заказчики стремились прославить заслуги предков и собственные деяния, обосновать свои права на власть и показать в неблаговидном свете противников. Не являются в этом отношении исключением и те, что написаны по заказу Шибанидов или самими потомками Шибана, наделенными поэтическими талантами и взявшимися самостоятельно осветить историю своей династии. Вместе с тем, нелицеприятная характеристика прошибанидских исторических сочинений, справедливая в принципе и во многих частностях, не избавляет исследователя от необходимости подкрепить фактами претензии к отображению конкретных исторических реалий. На мой взгляд, высказанные в адрес шибанидских авторов обвинения в умолчании и искажении генеалогической информации не вполне корректны, а предполагаемая мотивация фальсификаций анахронична. Счеты старшинства в джучидской лествичной системе, несомненно, были важны в 60-70 годы XIV в., когда пресечение рода Батуидов сделало сарайский престол доступным для других джучидских кланов. Именно тогда были востребованы легенды вроде тех, что впоследствии передал Утемиш-хаджи, можно предположить актуальность для тех времен и более изощренных генеалогических измышлений. Но первые шибанидские сочинения появились много позже, в начале XVI в., когда Улус Джучи окончательно разделился на несколько ханств и орд, а Шибаниды успешно осваивались в Средней Азии. Права на владение новообретенными землями они еще могли отстаивать перед Тимуридами[171], но отнюдь не перед другими линиями Джучидов.

Равным образом первые шибанидские произведения, «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и «Михман-наме-йи Бухара», дают мало оснований подозревать какие-либо притязания Шейбани на владение Восточным Дашт-и Кыпчаком, из которого он, по сути, только что ушел. Сочинение Рузбихана, наполненное многими подробностями взаимоотношений «двух улусов» – улуса Шейбани-хана и улуса Бурундук-хана, конечно, не лишено оскорбительных выпадов в адрес последнего, но они имеют в виду его военные способности и агрессивные намерения, а не происхождение[172]. Владельческие права Джучидов, оставшихся в Дашт-и Кыпчаке, судя по рассказу Рузбихана, сомнению не подвергались[173], а для предъявления собственных прав Шейбани не было нужды искать прецеденты в глубокой старине, достаточно того, что «власть его величества, покойного Абу-л-Хайр-хана была признана всеми, и никто из ханов [своим] могуществом и высокой степенью не достигал его могущества»[174]. Шейбани воюет с казахами, но цель его походов в степь заключалась в том, чтобы отогнать казахов от границ Мавераннахра, а не в покорении и захвате их земель. Такая цель, похоже, вплоть до нового времени и не ставилась ни одним среднеазиатским государем ввиду ее нереальности. Об

этом мне уже приходилось писать, комментируя высказанные в литературе предположения, что Абу-л-Гази не без дальнего политического умысла так подробно описал границы выделенных Шибану кочевий[175]. Обсуждаемый здесь вопрос о ранжировании сыновей Джучи для автора «Родословия тюрок», по всей видимости, не представлял никакой важности. Абу-л-Гази знает, что Бату был вторым сыном Джучи и, как можно судить по списку Джучидов, отправившихся вместе с Бату на похороны Чингиз-хана (Орда, Шибан, Берке, Джамбай и Беркечар), знает, что старшим сыном был Орда[176]. При этом он выделяет Тука-Тимура, рассказывая, что ему было доверено управлять улусом в те годы, когда его братья участвовали в завоевании Северного Китая. Более того, Абу-л-Гази полагает, что Тука-Тимур был старше его предка, Шибана: «Узбекские генеалогисты говорят, что предки Абдул-азиз-хана, предки Казакских государей и предки Крымских государей ведут свой род от Тукай-Тимур-хана, третьего сына Джучи-хана…»[177]. Завершая тему зловещей роли шибанидской историографии, следует подчеркнуть, что она в значительной степени обязана мнению о конфронтации между Шибанидами и Ордаидами, начавшейся едва ли не со второй половины XIII в. Однако этому мнению вряд ли можно найти подтверждение в источниках. Как было показано выше, в них нет сведений ни о соправительстве Орды и Шибана, ни о подчиненном положении Шибанидов, ни о перемещение кочевий Ордаидов на первоначальную территорию улуса Шибанидов. Все говорит о том, что главными конкурентами Шибанидов с началом «великой замятни» были Тука-Тимуриды. Главою их в то время был Урус-хан, и в созданном по заказу одного из его потомков – Надир-Мухаммад-хана сочинении Махмуда б.Вали тукатимуридское происхождение Урус-хана прописано с предельной ясностью.

Таким образом, учет особенностей имеющихся письменных источников и исторического контекста, в котором они создавались, обязывает сделать вывод о сугубой предпочтительности генеалогических данных, сообщаемых «Му'изз ал-ансаб», и согласиться с предположением об угасании рода Орды в первой половине XIV в. Хотя о действительных причинах утраты Ордаидами лидерства и, возможно, полного исчезновения династии можно лишь догадываться, следует констатировать, что в принципиальном плане подобная участь одного из ведущих джучидских кланов не контрастирует с теми политическими процессами, которые переживал Улус Джучи в XIV в. Можно выделить несколько критических точек, потенциально опасных для Ордаидов. Из сообщений Рашид ад-Дина явствует, что в период борьбы Токты с Ногаем Ордаиды, занятые внутренней распрей[178], не были в состоянии оказать помощь Токте. Как расценил их нейтралитет победивший Токта, не известно, но надо думать, что продиктованные долгой и тяжелой борьбой с сепаратизмом Ногая меры, направленные на большую централизацию государства, должны были коснуться и Ордаидов, давно дразнивших Сарай своею полунезависимостью. Натерпевшись от непостоянства и предательства улусных владетелей, Токта после победы над Ногаем передал контроль над периферийными территориями своим братьям и сыновьям[179]. Более опасная для Ордаидов, как, впрочем, и для других ветвей рода Джучи, ситуация сложилась в правление Узбека, особенно в его начале. Живописный рассказ Утемиш-хаджи о печальной судьбе Джучидов, признавших власть уйгура Баджир Ток-Буги, вполне вероятно, отражает реальные события, последовавшие за приведением к власти Узбека, который больше доверял администраторам и военачальникам из среды племенных лидеров, нежели Джучидам[180]. Наконец, фатальными для Ордаидов могли стать годы правления Бердибека, методично устранявшего всех потенциальных соперников[181].

Успеху предполагаемых акций Сарая против Ордаидов должны были способствовать существенные перемены в отношениях между отдельными частями Монгольской империи. Произошедшее в правление Токты восстановление единства империи лишило Ордаидов возможности играть на противоречиях между Сараем, Тебризом, Алмалыком и Ханбалыком. Серьезные проблемы, с которыми вскоре столкнулись чингизидские правители Ирана и Средней Азии, исключали сколько-нибудь действенную помощь традиционным союзникам, а признание Узбеком верховенства каана Буянту обязывало по-

следнего отказаться от поддержки любой политической фронды в Золотой Орде. В итоге, когда золотоордынский престол стал доступен другим джучидским филиациям, тех, кто после Батуидов имел наибольшие права на него, среди претендентов уже не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чингис-хан, решая вопрос о преемнике, не только твердо заявил , что «кому-то одному из вас придется оберегать трон и могущество государства», но и отверг предложение Джучи и Чагатая «служить парой» Угэдэю, посоветовав им «отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья». Его точка зрения на этот счет рельефно выражена в данном на том же совещании повелении: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один – и наследием Отчигина, один же – и наследием Бельгутая. В таком-то разумении я и мое наследство поручаю одному. Мое повеление – неизменно. И если оное не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете» (СС. §255). Для того, чтобы его распоряжения были более понятны сыновьям, он поведал им весьма поучительную притчу о многоголовой и одноголовой змеях (Джувейни. С.29, 121).
2. Лишь Хубилаем было принято сохранявшееся до конца династии Юань правило, по которому заранее назначенный наследник престола получал в управление собственно Монголию и командование над расквартированной там армией (*Далай Ч.* Монголия в XIII-XIV веках. М., 1983. С.61-62).
3. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи. М., 1993. С.99, 127-128.
4. АТ. С.232-234.
5. РД-Iб. С.46. 270.
6. Хотя Чингиз обращается к Мунгэту-бахадуру «младший брат мой» (АТ. С.233), а Рашид ад-Дин предводителями племени кият, «которое в настоящее время находится у Токтая», называет Куки-нойона и Мугэду-Кияна, сыновей Кияна (РД-Iб. С.270), нельзя исключить, что это не сын Мунгэту-Кияна, а Мунгэду-нойон из племени сиджиут. По Рашид ад-Дину, Чингиз-хан, когда делил эмиров и войско между царевичами, отдал этого сиджиута Мунгэду-нойона Джучи, и «в эпоху Бату тот ведал войском» (РД-Iа. С.183).
7. Учитывая освещение этого эпизода в «Сокровенном сказании», можно заключить, что главной, если не единственной функцией названных нойонов была военная. В 1206 г. Чингиз-хан, отметив высокие личные качества предводителя племени кангит Кунана, приставил его к Джучи: «Чжочи – мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи» (СС. §210). (Несомненно, ошибочен перевод этого отрывка в статье И. Тоган: «Старший из моих сыновей – Джучи. Пусть Гунан будет во главе его и будет командиром десяти тысяч под командованием Джучи» (*Тоган И.* Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение Улуса Джучи (Золотой орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001. С.150)). Позже, Чингиз-хан, наделяя мать, братьев, сыновей и племянника «тысячами», говорит: «К Чжочию приставляю троих: Хунана, Мункеура и Кете». К Чагатаю же, помимо трех нойонов – Харачара, Мунке и Иодохудая – Чингиз-хан тогда же приставил в качестве советника Коко-Цоса, объяснив это решение так: «Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же Коко-Цос вместе с ним обсуждает задуманное, состоя при нем и навещая его утром и вечером» (СС. §243).
8. По предположению Р.Ю. Почекаева, Бату мог стать во главе улуса благодаря протекции старшей жены Чингис-хана, которой он, в отличие от других сыновей Джучи, приходился не только внуком по отцу, но и внучатым племянником по матери (*Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.-СПб., 2006. С.51). Действительно, протекция или заступничество по женской линии не раз решали судьбу членов «золотого

рода», но мне не удалось найти в источниках прямых указаний на то, что Бортэ еще здравствовала, когда умер Джучи. Наоборот, целый ряд косвенных данных говорит о там, что ее к тому времени уже не было в живых. К заботе о ее здоровье призывал сыновей Чингиза Коко-Цос, когда перед среднеазиатским походом Чингиз решал вопрос о преемнике, и Джучи с Чагатаем высказали взаимную ненависть (СС. §254), но позже Бортэ уже не упоминается, во всяком случае в интеррегнуме, между тем известно, сколь важную роль играли в такие периоды вдовы Угэдэя и Гуюка. В свой последний поход на Тангут Чингиз брал с собой Есуй-хатун, и «при самом отшествии своем» особо щедро наградил ее из тангутской добычи (СС. §268). А повествование Рашид ад-Дина о приемном сыне Бортэ позволяет прямо заключить, что она умерла раньше Чингиса, так как после рассказа о том, как Шики-Кутуку рыдал и причитал на могиле Бортэ, Рашид ад-Дин прибавляет: «После Чингиз-хана он был в живых» (РД-Iа. С.107). Это пояснение было бы излишним, если бы сама Бортэ умерла после Чингиз-хана.

9. В тоже время в источниках есть сведения, компрометирующие Бату как полководца (см. сноску 22). Р.Ю. Почекаев считает, что назначение Бату главой улуса было обусловлено свойственными ему чертами харизматического лидера, приводя в качестве проявления харизмы ритуал, исполненный Бату накануне битвы с войском «келеров» (*Почекаев Р.Ю*. Ук. соч. С.58-59). Но такого рода обращения к сверхъестественным покровителям перед решающими сражениями в те времена были обязанностью предводителей войск (см., напр., *Golden P.B*. Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia // Central Asiatic Journal. The Hague; Wiesbaden, Vol. 42, 1998. P.186-187), и, в частности, Утемиш-хаджи описывает столь же эффективный ритуал «на холме», совершенный Берке перед битвой с Хулагу (Утемиш-хаджи. С.98). Более существенно, что, судя по оскорблениям, которым Бату был подвергнут во время «винного инцидента», его авторитет среди Чингизидов, участвовавших в западном походе, был невысок, и, видимо, не зря Бату на заключительном этапе кампании, формально возглавляя центральный корпус, находился под присмотром Субэдэя.
10. Так по Д.Синору (*Sinor D.* The Mongols in the West // Journal of Asian History, v.33, n.1, 1999 // www.deremilitari.org/RESOURCES/ARTICLES/sinor1.htm.).
11. В центральном эпизоде интронизации Гуюка старший из Чагатаидов Есу-Мункэ «взял его за одну руку, а Хорду за другую, и они усадили его на трон Власти и на подушку Царства…» (Джувейни. С.173). К Есу-Мункэ Гуюк «питал великую дружбу и любовь» и назначил его главою Чагатайского улуса вместо сына Мутугэна Кара-Хулагу, который занимал это место по воле своего деда. В церемонии интронизации Угэдэя те же роли исполняли Чагатай и Толуй (Абу-л-Гази. С.81).
12. Джувейни. С.176; РД-II. С.119.
13. «Он – старший среди вождей и наиболее уважаем» (Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб, 2002. С.110).
14. *Крадин Н.Н. Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. С.35 и литература, там указанная.
15. Одна из статей Великой Ясы требовала предавать смерти должностных лиц и начальников, не являющихся по требованию хана (*Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. Элиста, 1991. С.71).
16. Предположение, что Чингиз-хан сознательно разделил между Бату и Ордой юрт их отца, учитывая опыт неповиновения Джучи, ранее было высказано К.И. Петровым (*Петров К.И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII-XV вв. Фрунзе, 1961. С.89).
17. Из решений курултая 1235 г.: «А для того, чтобы происходило беспрерывное прибытие гонцов как от царевичей, так и от его величества в интересах важных дел во всех странах учредили ямы…» (РД-II. С.36)
18. СС. §255.

19. РД-II. С.65, 79.
20. Возможность опасности для сыновей Джучи, исходящей от Угэдэя и Чагатая, допускает Р.Ю. Почекаев. По его мнению, Угэдэй с Чагатаем могли иметь намерение расправиться с Джучидами, чтобы устранить потенциальных конкурентов, а также ради увеличения собственных владений за счет джучидских (*Почекаев Р.Ю.* Ук. соч. С.65-66). Однако, учитывая юный возраст сыновей Джучи, прописанную в Ясе процедуру воздействия на провинившихся Чингизидов, живую память о неоднократных наставлениях Чингиз-хана блюсти единство и взаимную поддержку, а также мягкость характера Угэдэя, такое развитие событий представляется маловероятным. Что касается завидности джучидских владений, то, хотя в литературе и считается чем-то вроде аксиомы, что Джучи была выделена самая большая часть территории империи, это далеко не так. По подсчетам Д.С. Бенсона, собственные владения Угэдэя составляли 293 млн. акров, владения Чагатая – 466 млн., владения Толуя – 329 млн., владения Бату и Орды – 436 млн., владения Кулькана – 136 млн., владения Олара – 118 млн., владения братьев Чингиз-хана – 136 млн., земли, находившиеся в нераздельной имперской собственности – 128 млн., земли вассальных народов (уйгуры и др.) – в общей сложности более 200 млн. акров (*Benson D.S.* Six emperors: Mongolian aggression in the thirteenth century. Chicago, 1995. P.120-121). Владения Джучидов в сравнении с владениями братьев были наименее урбанизированными и потому наименее доходными.
21. Равный или почти равный статус Бату и Орды нашел отражение в «Юань Ши». В 1237 г. Угэдэй, наделяя имперскую семью земельными владениями в Северном Китае, долю Джучидов в провинции Шаньси записал на имена Орды и Бату. Во всех других случаях в этой процедуре упоминались только индивидуальные главы улусов (*Allsen Th.T.* The Princes of the Left Hand: An Introduction to the History of the ulus of Orda in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Archivum Eurasiae medii aevi, n.5,1987. P.15).
22. Бури и Гуюк называли Бату «бабой» и возмущались тем, что он «лезет равняться» с ними, имея в виду, конечно же, не семейное старшинство, а свои военные заслуги (это следует из того, что едкое высмеивание мнимых успехов самого Гуюка является содержанием выговора, сделанного ему отцом) (СС. §275-277). Но, видимо, у скандалистов все же были некоторые основания для подобных оскорблений. По меньшей мере одно сообщение Рашид ад-Дина характеризует Бату неудачливым полководцем: «На этом переходе Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня» (РД-II. С.39). Малая компетентность Бату как военачальника подразумевается в двух эпизодах западного похода из биографии Субэдэя в «Юань ши» – при взятии Торжка (или Торческа, как считает Р.П. Храпачевский) и в битве на р.Шайо (*Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингис-хана. М., 2004. С.381-385, 503-504).
23. СС. §277.
24. Карпини. С.66.
25. По Джувейни, кандидатура Кудэна не прошла, поскольку он был «несколько болезненным», однако содержание его рассказа о наперснице Туракины Фатиме-хатун позволяет думать, что Кудэн умер прежде, чем совершилось формальное избрание Гуюка (Джувейни. С.169, 173). Рашид ад-Дин прямо пишет, что Кудэн скончался до интронизации Гуюка, хотя в одном из списков «Джами' ат-таварих» вместо «скончался» написано «не совсем здоров», а в главе об Угэдэе и его потомстве сказано, что Мункэ дал Кудэну «юрт в области Тангут и послал его туда вместе с войском» (РД-II. С.117, 119). Последнее сообщение подтверждается содержащимся в «Пагсам-чжонсан» известием о прибытии в 1252 г. в Тибет монгольского войска во главе с Годан-ханом (*Пубаев Р.Е.* «Пагсам-чжонсан» – памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск, 1981. С.177). Согласно некоторым источникам, повествующим о завоевании монголами Тибета, Годан-хан был жив еще в 1260 г. (*Jackson P.* From Ulus to Khanate: The Making of the Mongol States, c.1220 – c.1290 // The Mongol Empire and Its Legacy. Brill Academic Publishers, 2000. P.28).

26. Курултай отказался возвести на престол Ширемуна ввиду его малолетства. Не исключено, что Бату затягивал проведение курултая с тем, чтобы Ширемун достиг приемлемого возраста.
27. В.Я. Романив в число претендентов на престол включает также Тэмугэ-отчигина, Бату и Мункэ (*Романив В.Я.* Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: От противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С.86-87). Действительно, Тэмугэ-отчигин сразу же после смерти Угэдэя сделал попытку силой захватить власть, но быстро раскаялся в своем замысле. Сожаления о содеянном, впрочем, не избавили его от суровой расправы. Что же касается Бату и Мункэ, то в источниках нет даже намека на какие-либо претензии с их стороны на трон. Легитимными претендентами на верховную власть в то время были только Угэдэиды, ведь в соглашении между Чингиз-ханом и его сыновьями говорилось, что право на власть потомки Угэдэя утратят лишь в том случае, когда среди них останутся только полные ничтожества, такие, «что хоть травушкой-муравушкой оберни – коровы есть не станут, хоть салом окрути – собаки есть не станут» (СС. §255). По свидетельству Джувейни, «старшие царевичи все были согласны с тем, чтобы передать дела Ханства и вручить ключи Империи одному из сыновей Каана» (Джувейни. С.173). Впоследствии Хайду, обосновывая свое право на имперский престол, напоминал Чингизидам об обязательстве сыновей Чингиз-хана сохранять императорский престол за потомками Угэдэя: «ведь завещали нам Чингисхан и наши деды-предки строго соблюдать правила наследования хаганского престола».
28. Рашид ад-Дин, перечисляя прибывших на курултай, пишет: «Все они собрались …за исключением Бату, который был на них обижен по какому-то поводу и который уклонился от участия [в курилтае], сославшись на слабое здоровье и на болезнь ног» (РД-II. С.118).
29. Некоторым аналогом может служить курултай 1282 г. в государстве Ильханидов, решавший вопрос о престолонаследии после смерти Абаги. Из трех претендентов (шестой сын Хулагу Текудер-Ахмед, одиннадцатый сын Хулагу Менгу-Тимур и старший сын Абаги Аргун) один – Менгу-Тимур – неожиданно умер «и насчет него успокоились». Второму претенденту, Аргуну, его эмир, трезво оценив расстановку сил, посоветовал: «Благо твое и наше в том, чтобы ты дал согласие на царство Ахмеда, дабы мы из этого собрания ушли подобру-поздорову» (РД-II. С.99).
30. РД-II. С.129.
31. ал-Карши. С.119)
32. Кроме того, смерть Кудэна, если участники курултая признавали серьезным аргументом малолетство Ширемуна, не оставляла им выбора, обязывая проголосовать за Гуюка.
33. «В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских»(Карпини. С.64). В другом месте своего отчета, перечисляя монгольских вождей, Карпини характеризует Орду так: «Орду, он старший из всех вождей» (Карпини. С.39).
34. Согласно Абу-л-Гази. именно Тэмугэ-отчигин по приказу Чингиз-хана ввел Бату в должность главы улуса и потом оставался в Дашт-и Кыпчаке вплоть до начала курултая, избиравшего кааном Угэдэя. Свое поручение Отчигину Чингиз-хан сформулировал так: «Отправься в Дешт-Кипчак и второго Джучи-ханова сына, Бату-Саин-хана, как его прозвали, возведи на отцовский престол; младшим его братьям и эмирам вели быть в повиновении у него. Если его братья и эмиры не будут держаться этого распоряжения, то ты останься там и мне доноси о тамошних делах; мы примем на себя заботы об устройстве их» (Абу-л-Гази. С.98). От кого могло исходить недовольство назначением Бату, кроме его старшего брата? и не было ли в суровом приговоре, вынесенном Тэмугэ-отчигину при непосредственном участии Орды, момента личной мести?
35. Одновременно с продвижением принципа майората была продолжена эксплуатация неисчерпаемого политического потенциала «братской любви». В споре претендентов на грузинский престол Давида Улу и Давида Нарини Гуюк поддержал первого, мотивировав свое решение старшинством Давида Улу перед братом (Карпини. С.50), но при этом

Грузия была разделена на два царства. Сыновья Ярослава Всеволодовича Александр и Андрей, прибывшие в Каракорум уже в пору регентства вдовы Гуюка Огул-Гаймиш, оба были утверждены великими князьями (что вскоре обернулось «Неврюевой ратью», сравнимой с «Батыевым погромом»). После смерти в 1246 г. султана Кей-Хосрова II решением Великого хана во главе Румского султаната были поставлены его сыновья Изз ад-Дин Кей-Кавус II и Рукн ад-Дин Кылыч-Арслан IV.

36. РД-II. С.119.
37. О предполагаемых причинах отступления монголов из Венгрии см., напр., *Jackson P.* The Mongols and the West: 1221-1410. Longman Publishing Group, 2005. P.71-74.
38. С началом среднеазиатского похода, как верно отмечено В.В. Трепавловым, прежняя программа «объединения» тюрко-монгольских народов монголами была отброшена (*Трепавлов В.В.* Ук. соч. С.57). Все источники, описывающие среднеазиатскую и европейскую кампании, отмечают целенаправленное уничтожение населения Дашт-и Кыпчака (*Костюков В.П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006). Заботы Бату об усилении военного потенциала своего улуса после окончания западного похода выразились, среди прочего и в том, что части спасшихся бегством кыпчаков было позво лено вернуться в родную степь.
39. Шибан, пятый сын Джучи, прославился в западном походе как талантливый и смелый полководец. При вторжении в Венгрию он командовал авангардом центрального корпуса, действовавшего под руководством Бату и Субэдэя. В шибанидской исторической традиции сохранился сюжет о наделении Шибана владениями в Венгрии. По всей видимости, при окончании европейской кампании предполагалось, что тумены Шибана продолжат удерживать Венгрию. В источниках есть известие о гибели в битве при Шайо монгольского военачальника по имени Бахадур, в связи с этим в литературе высказывалось предположение, что речь идет о сыне Шибана; Шибан, таким образом, обязан был остаться в Венгрии ради мести венграм. Но уже в 1245 г. Карпини фиксирует кочевья Шибана в восточной части Улуса Джучи. Завершая описание местоположения области, прежде принадлежавшей Ануштегинидам, он пишет: «..с севера же к ней прилегает часть земли черных Китаев и Океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату» (Карпини. С.64). Абу-л-Гази. праправнук Шибана, сообщает, что «Шибан-хан послал в область Корел [т.е., в Венгрию – *В.К.*] одного из своих сынов, дав ему хороших беков и людей», а сам по приказу Бату разместился в Восточном Дашт-и Кыпчаке; любопытно, что Бату, детально обозначив места летних и зимних кочевий Шибана, их общее расположение определил следующим образом: «юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена» (Абу-л-Гази. С.104). При выделении улуса Шибану были пожалованы «древние роды» – подразделения племен найман, карлык, кушчи и буйрак, по всей видимости, прошедшие с Шибаном все испытания западного похода. Учитывая те вызовы, с которыми должен был считаться Бату, резонно предположить, что главной задачей корпуса Шибана являлось боевое дежурство на восточных границах джучидских владений.
40. Когда Гуюк двинулся на запад. Соркуктани якобы «послала тайком нарочного к Бату [передать]: «Будь готов, так как Гуюк-хан с многочисленным войском идет в те пределы». Бату держал [наготове] границы и вооружался для борьбы с ним» (РД-II. С.121).
41. Это отмечено в «Истории татар» Ц. де Бридиа: Бату «также видели и братья [францисканцы], возвращаясь к господину папе от тартар. Кроме того, братья говорят, что из своих владений он уже направляется к Куюк-хану. К тому же между ними возник большой разлад…» (Христианский мир. С.113).
42. В персидских источниках нет точной даты смерти Гуюка. Согласно «Юань-ши», Гуюк почил «весной, в третьей луне года у-шэнь», т.е. 27 марта – 24 апреля 1248 г. (*Храпачевский Р.П.* Ук. соч. С.496).
43. Джувейни. С.180. У Рашид ад-Дина место смерти Гуюка ошибочно названо «Самарканд» (РД-II. С.121). Местность Кум-Сенгир, упоминаемая также в «Сокровенном ска-

зании» и в описании маршрута армянского царя Гетума I, предположительно, находилась в верховьях р. Урунгу.

44. Карпини. С.64, 196. Это мнение разделяют далеко не все исследователи (см. *Федоров-Давыдов Г.А.*, Кочевники. С.243), между тем, цитируемое ниже сообщение Джувейни о дислокации войск преемника Орды Кункирана («от Каялыка до Отрара») полностью его подтверждает. Следует вспомнить также, что Каялык маркировал восточные пределы владений Джучи.
45. Необычным выглядит отсутствие каких-либо сведений об участии Чингизидов в похоронах Гуюка.
46. РД-II. С.80. Абу-л-Гази сообщает, что Гуюк был провозглашен ханом, несмотря на то, что был разбит параличом (Абу-л-Гази. С.84).
47. Рубрук. С.118.
48. «Брат Андрей говорил мне, что Кен умер от одного врачебного средства, данного ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату» (Рубрук. С.118).
49. На это обстоятельство, повышающее достоверность сообщения Рубрука, обратил внимание П. Джексон (*Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic Journal, n.22, 1978. P.200).
50. Утемиш-хаджи. С.105.
51. По ал-Карши. «Манку-хан занял престол в сафаре 648/мае-июне 1250 года, победив и уничтожив сыновей Гуюка и других [людей] из рода Чингиз-хана в количестве более сорока амиров и около двух тысяч военачальников» (ал-Карши. С.121).
52. Можно допустить, что это событие как-то отразилось в чрезвычайно путаном сообщении «Алтан Тобчи»: «Потомки Джочи, [сына] августейшего владыки, жили в Тогмоке. Потомок Чагатая был белым русским царем. Тот Чагатай задумал против своего отца плохое, и когда он ехал к нему, то навстречу ему отправился Очир Сэчэн и дал ему яд. Говорят, вдвоем с Очир Сэчэном они и умерли» (АТ. С.293). Непосредственно после этого рассказа Лубсан Данзан неожиданно заявляет об отсутствии у Угэдэя потомства, хотя выше указывает, что «сыном Угэдэй-хагана был кляк Гяйяг-хаган» (АТ. С.244). Симптомы отравления приметны в рассказе о смерти Гуюка у ал-Карши: «А через восемь месяцев после своего воцарения он стал мишенью для смертоносных стрел и погиб, так как он замышлял недоброе и желал зла исламу. Говорят, что несколько дней у него сильно болел живот, который распух, а потом лопнул» (ал-Карши. С.119).
53. На то, что Гуюк умер насильственной смертью, довольно прозрачно намекает ал-Карши: «А через восемь месяцев после своего воцарения он стал мишенью для смертоносных стрел и погиб, так как он замышлял недоброе и желал зла исламу. Говорят, что несколько дней у него сильно болел живот, который распух, а потом лопнул» (ал-Карши. С.119).
54. Сравнительный анализ известий Джувейни и Рашид ад-Дина о финале противоборства Гуюка и Бату см. *Jackson P.* The Dissolution. P.200-202.
55. Джувейни. С.181.
56. В XVI в., когда о потомстве Орды не помнили даже знатоки генеалогии Джучидов, Утемиш-хаджи нашел этому объяснение в предании, относящем гибель Орды вместе со своими детьми к финалу западного похода. Обстоятельства смерти довольно любопытны: якобы «нукеры Иджан-хана подняли мятеж против своего господина и убили Иджан-хана со всеми его огланами» (Утемиш-хаджи. С.94).
57. РД-II. С.130.
58. Джувейни. С.403-430.
59. Рашид ад-Дин сообщает о Кункиране, что «после Орды он ведал улусом, сыновей не имел» (РД-II. С.70).
60. Джувейни. С.424. Это же событие в изложении Рашид ад-Дина: «Так как некоторые виновные еще не прибыли, а умы еще не очистились от вражды, [вызванной] их подлостью, Менгу-каан послал Бурунтай-нойона с десятью туманами войска, [состоявшего] из храбрых тюрков к границам Улу-Тага, … и …, что между Бешбалыком и Каракору-

мом, чтобы они из той местности [ушли] и приблизились к стойбищу Кункыран-огула, который находился в пределах Каялыка и обитал [растянул стан] до берега Отрара» (РД-II. С.137-138).

61. Утверждение Рашид ад-Дина, будто бы «Менгу-хан в ярлыках, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди» (РД-II. С.66), анахронично по многим причинам. Главная – старшинство Бату, признанное в 1248 г. Чингизидами: «все, кто присутствовал на том сборе, царевичи, эмиры и нойоны, пришли к решению, что поскольку Бату был старшим из царевичей и вождем среди них, ему лучше было известно, что хорошо, а что плохо в делах государства и династии. Ему решать, стать ли ему самому ханом или предложить другого» (Джувейни. С.404).
62. Рубрук. С.102. Причиной удаления Берке из Предкавказья стали, конечно же, не мелкокорыстные интересы Бату, о которых говорит Рубрук, а сопротивление Берке планам общемонгольской иранской кампании, предусматривавшим альянс с христианами против мусульман (*Костюков В.П.* О Сартаке или Где решалась судьба Ирана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Выпуск 4. Уральск, 2005).
63. РД-II. С.69.
64. РД-II. С.81.
65. Джувейни. С.441. В сообщении Джувейни внимание привлекают два момента. Во-первых, отсутствие какого-либо упоминания имени Орды, что заставляет видеть в очередном его появлении у Рашид ад-Дина недостаток редакторской обработки «Сборника летописей». Во-вторых, представляется знаменательным упоминание имени отца только Балагая.
66. *Kostyukov V.* On the Administrative and Political Structure of the Juchi Ulus // Иерархия и власть. Четвертая международная конференция. (Москва, 13-16 июня 2006 г.). Тезисы докладов. М., 2006.
67. Т.И. Султанов видит военно-административную структуру Улуса Джучи трехчастной до начала XIV в. По его мнению, Поволжье и степи вдоль западного побережья Каспийского моря входили в центр и являлись личным доменом правителя Улуса Джучи. Правое крыло, которым тоже ведали ханы Сарая, составляли владения Шибана, а также других Джучидов, улусы которых находились к западу от Яика; его территория простиралась от Дуная на западе до среднего Иртыша на востоке. Левое крыло составляли владения пяти сыновей Джучи – Орды, Удура, Тукай-Тимура, Шингкума и Сингкума; его территория простиралась от верховьев Иртыша и Тарбагатая на востоке до Мангышлака на западе (через Северное Семиречье, среднюю Сырдарью и нижнюю Амударью) (*Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С.221).
68. В очевидном противоречии с приведенными сообщениями Рашид ад-Дина находятся высказываемые в литературе предположения о принадлежности улуса Шибана левому крылу и соправительстве Орды и Шибана.
69. Это заставляет предполагать некую иерархию потомков Джучи в сфере наследования власти в Золотой Орде, вроде той, которую описал Утемиш-хаджи в легенде о юртах, поставленных Чингис-ханом для Бату, Орды и Шибана (Утемиш-хаджи. С.92).
70. Магакия: «Только двое из предводителей, Нуха-куун и Аратамур, проведав заблаговременно об опасности, взяли с собой сокровища, золото, превосходных лошадей, сколько могли и бежали с 12 всадниками [в англоязычных переводах «с 12 тысячами всадников», что, видимо, ближе к оригиналу – В.К.]. Переправившись через великую реку Кур, они воротились в свою сторону. Не довольствуясь тем, что спаслись, они восстановили против Гулаву Берке, брата Саин-хана, и в течение 10 лет производили страшное кровопролитие». К.П. Патканов в комментариях к переводу сочинения Магакии правильно определил Нуха-кууна как Ногая. Что касается Аратамура, которого грузинские источники именуют Ала-Темуром, то он может быть отождествлен с Илак-Тимуром – старшим сыном Байнала, старшего сына Шибана.
71. Рашид ад-Дин: «Войска, прибывшие с Кули и Татаром в это государство, большей частью разбежались. Некоторые вышли через Хорасан и расположились от гор Газны и

Бини-Гау до Мултана и Лахавура, которые являются границами Хиндустана. Старшим из эмиров, которые были их предводителями, были Никудер…» (РД-II. С.82). Еще в правление Угэдэя нойон Никудер был одним из командиров джучидского контингента в составе имперских войск, направленных к индийской границе, а после смерти командующего контингентом Каруласчина получил его должность (*Boyle J.A.* The Mongol Commanders in Afghanistan and India According to the Tabaqat-i-Nasiri of Juzjani // The Mongol World Empire, 1206-1370, edited by John A. Boyle, Variorum Reprints, 1977. P.242-243). Как видно, Никудер увел уцелевшие джучидские войска в хорошо знакомую ему область. От его имени произошли название орды, обитавшей на территории от верховий Амударьи до областей Кабула, Газни и Кандагара в протяжение целого столетия, и политоним «никудерцы». Арабские авторы, начиная с Бейбарса ал-Мансури и ан-Нувайри, приписывают главе Ордаидов титул «*малик* Газны и Бамиана» (СМИЗО-I. С.118, 551), т.е. сюзерен орды Никудера. На этом основании в литературе долгое время господствовало мнение, что «область Газны и Бамиана» являлась частью Улуса Орды и что его ханы реально управляли этой областью. На самом деле, орда Никудера (в составе которой, возможно, оказались также отряды внука Чагатая Негудер-оглана, имевшего владения в Грузии, в хулагидо-чагатаидском конфликте 1270 г. выступившего против ильхана, арестованного и умершего в ставке Абаги около 1275 г.) до середины 90-х гг. XIII в. являлась вассалом Ильханидов, затем подчинилась Чагатаиду Дуве, и ее земли надолго стали объектом борьбы между Хулагуидами и Чагатаидами (Арапов А.В. Никудерийская орда как фактор чагатайской истории (1270-1330-е гг.) //). По предположению П. Джексона, основанием для причисления Газны и Бамиана к владениям Ордаидам послужило расквартирование здесь до хулагуидо-джучидской войны монгольских отрядов Кули, впоследствии как-то проявлявших номинальную преданность его родственникам (*Jackson P*. The Dissolution. P. 244). Следует отметить, что все сыновья Кули (за исключением, может быть, только самого младшего – Мусульмана) были вместе с отцом в Иране, и, по-видимому, там остались. В частности, о четвертом сыне Кули, Аячи, Рашид ад-Дин сообщает: «Этот приехал сюда в детстве, а во времена Абака-хана он находился в Хорасане при Аргун-хане. После его воспитания и оказания ему милостей из дружеского расположения и для пользы дела его отправили вместе с сыном обратно» (РД-II. С.70). Несмотря на определенную натурализацию в Ильханате потомков Кули и дружеские отношения Абаги с Куинджи, начальниками войска Никудера Абага поставил Чагатаидов – сыновей Мубарек-шаха и сына Кара-Хулагу (РД-II. С.100). Г.В. Вернадский пишет, что в начале 1300-х гг. Токта предъявлял претензии на земли никудерцев и сумел ненадолго, привести к власти в Газне своего ставленника (*Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь, М., 1997. С.197), однако, источник этих сведений не называет.

72. В 1262 г. убежище в Египте нашли около 200 джучидских воинов, в 1263 г. – более 1300 и еще больше в 1264 г. (СМИЗО-I. С.100-101, 164-165). По мнению Ч.Гальперина, в правление Бейбарса в Египет прибыли в общей сложности 3000 монголов (*Halperin Ch.* The Kipchak Connection: The Ilkhans, the Mamluks, and Ayn Jalut // BSOAS, n.63, 2000. P.244). Беглецы обратились в ислам и были приняты мамлюкским султаном на службу, их старшины сделались эмирами; некоторые, однако, предпочли вернуться к Берке.

73. Согласно одной версии, к колдовству против Хулагу прибегнул Балакан (РД-II. С.81), согласно второй, в волховании был уличен Тутар – после того как скончался Балакан (РД-III. С.54). В «Му'изз ал-ансаб» сообщается, что Татар планировал «сотворить зло» против Хулагу, причем из перевода В.Г. Тизенгаузена следует, что обвинение было клеветническим (Му'изз. С.43; СМИЗО-II. С.57). Отзвуки история гибели Джучидов в Иране обнаруживаются также в арабских летописях. У ал-Муфаддаля Балакан и Тутар (Балагия и Татарша) названы послами, направленными Берке к Хулагу для того, чтобы потребовать причитающуюся Берке долю добычи, а заодно с помощью включенных в посольство волшебников извести волшебников Хулагу (СМИЗО-I. С.188-189), а у

Ибн-Халдуна детали миссии Балакана и Тутара вплетены в изложение взаимоотношений Берке и Сартака (СМИЗО-I. С.380).

74. Киракос. С.236.
75. Относительно Катагана высказаны предположения, что речь идет об одной из жен Кули (*Ханларян Л.А.* Комментарии к книге: Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976. С.312) или принце из потомства Угэдэя (*Мыськов Е.П.* Политическая история Золотой Орды (1236-1313 гг.). Волгоград, 2003. С.89). Более вероятно, что имеется в виду нойон Катаган, принимавший участие в осаде Багдада и Майфарикина. возможно, еще ранее, под 1236 г., его упоминают Киракос и Вардан среди монгольских военачальников, подчиненных Чормагану: «Гатага-ноину достались местности Чарека, Гетабакса, и Варданашата». В пользу предположения, что этот Катаган представлял в Иране Улус Джучи, может свидетельствовать сообщение Джувейни, согласно которому арест и доставка к Бату Ильчигадая были поручены *хорчи* Кадагану (*Jackson P.* The Dissolution. P.221). Вследствие молодости Мигана, заместившего умершего Кули, командование его туменами могло быть поручено Катагану.
76. Магакия. С.26-27, 31-32.
77. *Костюков В.П.* О Сартаке, 2005.
78. Вдова Кара-Хулагу Ургана-хатун с 1252 г. по 1261 г. осуществляла регентство при малолетнем Мубарек-шахе. Аналогичная ситуация в улусе Джучи передана ал-Карши в следующих словах: «После Сартака ибн Бату правление перешло к хаканам» (ал-Карши. С.120).
79. Берке пришел к власти, по-видимому, не ранее 1258 г., но при жизни Мункэ. Если бы Берке оказался во главе улуса после смерти Мункэ, как доказывает Е.П. Мыськов (*Мыськов Е.П.* Ук. соч. С.74-83), т.е. без надлежащей легитимизации, это вряд ли было бы оставлено без внимания Рашид ад-Дином. В пользу мнения о воцарении Берке при жизни Мункэ может быть привлечена также произведенная в 1258 или в 1259 г. замена правившего приднепровским улусом Курумши Бурундаем, за которой последовала резкая активизация военной активности Золотой Орды на европейском направлении. Согласно ал-Айни, Берке убеждая Арик-Бугу в законности его воцарения, приводил следующий аргумент: «ты имеешь больше прав на ханство, потому что Манку-хан назначил тебя на него (ханство) при своей жизни» (СМИЗО-Iа. С.382).
80. Едва ли главной причиной воцарения в 1266 г. внука Бату Менгу Тимура было то обстоятельство, что у Берке не было сыновей (В.В. Бартольд. С. Лэн-Пуль и другие ориенталисты полагали, что у Берке все же был сын Бадр ад-дин Мухаммед, умерший в Каире в 1280 г., однако, как показал Д. Айалон, его отцом был не золотоордынский хан, а хорезмийский военачальник Хусам ал-Дин Берке-хан б.Даулат-хан ал-Хорезми, нашедший убежище в Египте). Кроме того, в то время был жив Беркечар, возможно, еще здравствовали и другие сыновья Джучи, т.к. в письме египетскому султану в 1263 г. Берке писал: «я и четыре брата мои…» (СМИЗО-I. С.59).
81. РД-III. С.24.
82. Шамс-ад-дин Курт, утвержденный в своей должности Мункэ, отверг требования Балакана и Тутара обеспечить реквизиции, которые традиционно налагались на подвластную ему область в пользу Бату. Когда же Балакан приказал нойону Кит-Буге захватить Шамс-ад-дина, последний нанес Кит-Буге поражение и, ускользнув от новой попытки ареста, прибыл к Хулагу с жалобой на действия Джучидов. Разъяренный Хулагу строго наказал агентов Джучидов, намеревавшихся арестовать Шамс-ад-дина, и подтвердил его права на владение Гератом (*Jackson P.* The Dissolution. P.222-223; *Allsen Th.T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge University Press, 2004. P.53).
83. РД-III. С.31, 42.
84. В письме Бейбарсу Берке извещал, как Хулагу «действует против ясы Чингизхановой и закона народа своего, о том, что совершенное им душегубство вызвано только враждой к нему» (СМИЗО-I. С.59). На мой взгляд, конъектуры В.Г. Тизенгаузена в этом отрывке, представляющие дело так, что это сам Берке выступает против Ясы Чингис-хана и

душегубствует из вражды к Хулагу, не корректны. Берке, даже если вообразить его экзальтированным мусульманским фундаменталистом, вряд ли мог ставить себе в заслугу «душегубство» и борьбу с Ясой Чингиз-хана. По словам ал-Йунини, Берке после битвы с войском Хулагу увидел множество убитых, поплакал и сказал: «Тяжело мне видеть монголов, убивающих мечами один другого, но что делать с теми, кто изменил Ясе Чингис-хана?» (*Поляк А.Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С.39). Ясы, т.е. норм обычного степного права, не чурались и в судопроизводстве мамлюкского Египта (см., напр., *Ayalon D.* The Great Yasa of Chingiz Khan. A Reexamination (Part C1) // Studia Islamica, n.36, 1972).

85. РД-III. С.40, 42.
86. РД-II. С.67.
87. Такое заключение обязывает сделать формулировка претензии старшего сына Тимур-Буки Кублука: «Прежде улусом ведал мой отец, и он [улус] по наследству переходит ко мне» (РД-II. С. 67-68). Небеспочвенность требований Кублука подтверждается сообщением Бейбарса ал-Мансури, согласно которому сын Кублука, Кушнай, после кончины отца обратился за помощью к Токте и «смог заполучить свою страну, утвердился в ней на основе (прав на нее) своих отца и деда» (СМИЗО-Iа. С.116). Поскольку ультимативное заявление Кублука последовало непосредственно после смерти отца Баяна, резонно предположить, что Тимур-Бука правил до того, как улус возглавил Куинджи. Любопытно, что четвертой женой Тимур-Буки была Баялун, сестра уже упомянутой выше жены Хулагу-хана Кутуй-хатун. Таким образом, можно допустить, что одним из факторов, способствовавших занятию места главы улуса Ордаидов, являлись родственные связи с Хулагуидами. Кублук, впрочем, родился от первой жены Тимур-Буки, и в своей борьбе с Баяном опирался на помощь Хайду и Дувы, «своим» для Хулагуидов был его соперник.
88. Перспективным источником, способным послужить уточнению имен глав джучидских кланов и уяснению их статусных позиций в начале 60-х годов XIII в., является фрагмент письма Берке султану Бейбарсу, в котором перечисляются принявшие ислам его родичи и эмиры: «наши старшие и младшие братья со своими детьми, сыновья Будакура со своими чадами и домочадцами, Пулад-Кукаджасу (Кукаджур), Йаншунука (Йаншанука) и находящиеся на землях их Кудагу, Караджар, Танушбуга (Танушукбуга), Ширамун, Бузбаку, Мёнгкадар со своими ратями, Беккадак-Байнал, Токузогул, Кутлугтимур, Аджи со своими детьми, Дурбай и десятитысячный отряд, который двинулся на Хорасан, да все те, которые отправились с Байджу, например, Байнал-Нойон и Айкаку» (СМИЗО-I. С.99). Приход Берке к власти, несомненно, имел черты мусульманского переворота, но упоминание в числе принявших ислам «старших и младших братьев» без указания их имен заставляет предположить, что список является, скорее, «должностным», нежели «конфессиональным», т.е. в нем поименована джучидская элита, поддержавшая Берке и возглавившая основные структурные подразделения Улуса Джучи. Несмотря на искаженность большинства имен, в некоторых из них угадываются потомки Бувала, Шибана, Тука-Тимура и других сыновей Джучи. Так, в «сыновьях Будакура» можно подозревать Шибанидов, сыновей Бахадура, который, как предполагалось выше, погиб в Венгрии (особое расположение правителей к своим осиротевшим внукам можно заметить в монгольской династийной практике, начиная с Угэдэя и Чагатая; у Бахадура было два сына: Кутлуг-Бука, не оставивший потомства, и Джучи-Бука, к которому восходят все последующие правители Улуса Шибанидов). В списке присутствуют Караджар, в котором можно видеть сына Удура, улус которого, действительно, находился «на землях» Орды и его потомков, и Ширамун, идентифицируемый со вторым сыном Шингкура, улус которого, как полагают, тоже входил в левое крыло. Мёнгкадар – это, возможно, второй сын Бувала; Токузогул – второй сын Тангкута..
89. Это, в частности, свидетельствуется рассказом Бейбарса ал-Мансури о разделе кочевий Ногая, предпринятом Токтой после победы над Ногаем: «Он (Токта) …двух сыновей

своих, Тукулбугу и Ильбасара, отправил во владения Ногая. Что касается Тукулбуги, то он утвердился в Исакчи, на реке Дунае и на местах, прилегающих к Железным Воротам, где находились становища Ногая, а Ильбасар устроился на реке Яик. Так перешли Северные области вполне к царю Токте» (СМИЗО-I. С.117).

90. РД-II. С.84-85.
91. В 1239 г. Коркуз, которому было поручено управлять всеми областями за Амударьей, отправившись из Каракорума к месту службы, «поехал к Тангуту, брату Бату, а оттуда через Хорезм направился в Хорасан» (РД-II. С.47). Войска Бату в 1239 г. продолжали военные действия в Половецкой степи, на Руси, на Кавказе и в Крыму; Тангуту же, по всей видимости, было поручено управление заволжскими территориями улуса.
92. «Четвертый сын Йоджи-хана – Беркеджар. Этот Берке ушел, оставив Беркеджара в Сузаке. Когда [его отец?] умер из-за того, что сосал молоко неверных, одна старуха-мусульманка нашла [и] забрала его. Ту старуху отдал ему [и] ушел» (МИКХ. С.34). Как приверженец ислама Беркечар аттестован также в сочинениях Киракоса и Себастаци (Киракос. С.226; Армянские источники о монголах. М., 1962. С.27). В процитированном отрывке из «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» нашла отражение история обращения в ислам Берке, содержащаяся в «Табакат-и-Насири» Джузджани (СМИЗО-II. С.17). С некоторыми отличиями она изложена также в «Чингиз-наме» (Утемиш-хаджи. С.96-97). По Джузджани, обучение Берке исламу происходило в Ходженте; по Утемиш-хаджи, Берке в юности жил в Сыгнаке.
93. «Когда весть о поражении Кайду и Кипчака дошла до Менгу-Тимура, он разгневался и послал на помощь Кайду своего дядю Беркечера с пятьюдесятью тысячами всадников. Этот снова собрал рассеявшиеся дружины, и они дали бой Бораку, разбили его и с войском обратили в бегство» (РД-III. С.70). Весною 1269 г. собравшиеся «на луговьях Таласа и Кенджека» Беркечар, Хайду, Кипчак и Борак договорились о переделе Мавераннахра (и, надо полагать, об узаконении владений Хайду в Семиречье) с учетом законных интересов Борака. Это соглашение было реализовано после того реализовано после того, как его одобрил Менгу-Тимур (РД-III. С.71).
94. Возможно, речь идет о внуке Шибана Джучи-Буке, которого автор «Му'изз ал-ансаб» называет Бука-Джуджи (Му'изз. С.42). В пользу отождествления Буки с Джучи-Букой свидетельствует рассказ Рашид ад-Дина о вторжении в Азербайджан золотоордынского войска под предводительством Тама-Токты и Буки (РД-II. С.82), которое перекликается с известием Махмуда б.Вали о том, что Джучи-Бука командовал авангардом в походе Менгу-Тимура на Азербайджан (*Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. С.163). Но не исключено, что имеется в виду сын Ногая, ибо при описании ветви Бувала автор «Му'изз ал-ансаб» второго сына Ногая, именуемого Рашид ад-Дином Муке, называет Букой и напоминает, что Ногай «содействовал в воцарении Туктайа» (Му'изз. С.43). По Рашид ад-Дину, Токта, узнав о намерении совместно царствовавших Алгу, Тогрыла, Тула-Буки и Кунчека расправиться с ним, «искал защиты у Йылыкчи, сына Беркечара», и послал Ногаю сообщение с просьбой о защите и обещанием всегда быть в его подчинении (РД-II. С.83).
95. Му'изз. С.42.
96. В связь с ослаблением позиций Ордаидов при воцарении Берке, вероятно, можно поставить упоминавшуюся выше замену Курумши, в котором многие исследователи видят третьего сына Орды, Бурундаем.
97. «И те, которые там были, сговорившись, посадили Ариг-Буку на каанство в местности Яйлаг-Алтай. А это были: Ургана-пири, жена Кара-Хулагу, Асутай и Уренгташ – сыновья Менгу-хана, Алгу – племянник Чагатая, Наймадай – сын Тогачара, Есу – младший брат Чинг-Тимура, сыновья Кадана – Курмиши и Начин, сын Орды – Карачар и один сын Бэлькутай-нойона» (РД-II. С.159-160).
98. «Ариг-Бука дал войско Джумкуру, старшему сыну Хулагу-хана, Карачару, сыну Орды, и с несколькими другими царевичами послал [их] войной на Кубилай-каана. В передовой рати каана были Йисункэ и Нарин-Кадан. Когда они встретились на земле…, то

вступили в сражение, и войско Ариг-Буки было разбито; Джумкур и Карачар с небольшим числом [людей], убежав, ушли с поля битвы» (РД-II. С.159-160).

99. «А в то время Хулагу и Алгу склонялись на сторону каана и беспрерывно посылали друг к другу гонцов. Хулагу-хан посылал гонцов к Ариг-Буке, сердился и сдерживал его, он посылал также гонцов и к кану, точно также и Алгу посылал гонцов, а когда узнал, что Кайду и Кутуку находятся на стороне Ариг-Буки, несколько раз нападал на них и отгонял [их]» (РД-II. С.162).

«А Хуку, сына Гуюк-хана, Чапата, сына Нагу, Кутука, сына Карачара, и еще нескольких других царевичей [каан] выслал в Туркестан (РД-II. С.167).

100. «Из войск Джучи-хана одной половиной ведал он [Орда – *В.К.*], а другой половиной Бату. С [этим] войском и четырьмя братьями – Удуром, Тука-Тимуром, Шингкумом – он составил левое крыло [монгольского] войска; и их до сих пор называют царевичами левого крыла. И теперь еще их род пребывает с родом Орды» (РД-II. С.66).

101. РД-II. С.77. Т. Оллсен, правильно определяя Карачара как сына Удура, ошибочно принимает сподвижника Арик-Буги Курумиши за третьего сына Орды (*Allsen Th.T.* The Princes. P.17). Рашид ад-Дин, перечисляя Чингизидов, посадивших Арик-Бугу на трон, называет Курумиши сыном Кадана и подтверждает правильность этого определения, когда рассказывает, что после победы Хубилая Илджидая, «который оклеветал Курмиши, сына Кадана, и приложил усилия к тому, чтобы его убили …передали Кадану, чтобы [тот] его казнил» (РД-II. С.160, 167).

102. Рашид ад-Дин, следуя тезису о законности воцарения Хубилая, пишет: «Во время усобицы Арик-Бокэ с Кубилай-кааном, когда Джумукур пребывал в ставках Менгу-каана и Арик-Бокэ находился там, а Кубилай-каан был далеко, ему по необходимости пришлось стать на сторону Арик-Бокэ и сражаться с войсками Кубилай-каана ради Арик-Бокэ» (РД-III. С.19).

103. Пожалования содержатся в послании Хубилая Хулагу и Алгую, в котором, что примечательно, владения Берке вовсе не упоминаются: «От берегов Джейхуна до ворот Мисра войском монголов и областями тазиков должно тебе, Хулагу, ведать и хорошо охранять, оспаривая славное имя наших предков. С той стороны Алтая и до Джейхуна пусть охраняет и ведает улусом и племенами Алгу, а с этой стороны от Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять» (РД-II. С.162).

104. В литературе эти события относят в концу 1259 г. – началу 1260 г., в соответствии с сообщением Рашид ад-Дина, что Тутар был казнен 13 февраля 1260 г., хотя в версии, винящей Балакана, Рашид ад-Дин относит начало конфликта к 1256 г. (РД-III. С.54; РД-II. С.81). Еще одну дату столкновения между Хулагу и Берке Рашид ад-Дин дает в описании мероприятий Хубилая после его победы над Арик-Бугой. Она тоже неточная, но зато хорошо объясняет причины и следствия потрясений, пережитых империей в начале 60-х годов XIII в. По словам Рашид ад-Дина, Хубилай позвал Хулагу, Берке и Алгуя на курултай для решения судьбы Арик-Буги. Все приглашенные дали согласие явиться, но исполнить его не смогли, т.к. «Ариг-Бука заболел и скончался, а между Хулагу и Берке случилась ссора и произошла война…, и оба они скоро скончались» (РД-II. С.168). Незаинтересованность Рашид ад-Дина в объективном освещении конфликта особенно хорошо обнаруживается в утверждении, что расправа с Тутаром (или с Балаканом) была предпринята с одобрения Берке. Более поздняя, чем принято считать, хронология начала конфликта вытекает также из даты прибытия в Египет первой партии джучидских беглецов – 9 ноября 1262 г.

105. РД-II. С.167.

106. РД-II. С.168.

107. Таким образом, следует считать, что Куинджи возглавил улус Ордаидов не позже 1267 г.

108. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т.II. Л., 1926 С.480-481; *Караев О.К.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. С.20-22. В другом месте своего повествования

Рашид ад-Дин успех восстания Хайду тоже объясняет союзом с Джучидами: «Мало-помалу он собирал из всех мест войска, завел дружбу с домом Джучи и с его помощью захватил некоторые области» (РД-II. С.13). Ю.П.Верховский и Б.И.Панкратов нашли упоминание «дома Джучи» ошибочным и снабдили его примечанием, что здесь нужно читать: «с домом Чагатая». Это, разумеется, отчасти верно в долгосрочной перспективе, но в начале восстания Хайду пришлось бороться с Чагатаидами – с Алгуем, а после его смерти с Бораком.

109. РД-II. С.170.
110. РД-II. С.171.
111. Хотя, по словам Рашид ад-Дина, Хубилай после смерти Берке «пожаловал» его улус Менгу-Тимуру (РД-II. С.168), новый золотоордынский хан сюзеренитет императора не признал. Это свидетельствуется не только выпуском монет с именем Менгу-Тимура и сохранением состояния войны с Ильханатом, но и тем, что отправленные против Хайду сыновья Хубилая, Нумуган и Кокеджу, арестованные своими подчиненными и переданные в руки Менгу-Тимура, оставались в плену до воцарения Туда-Менгу (РД-II. С.155, 169, 171).
112. РД-II. С.171. Поездка в Ханбалык так и не состоялась. Джучидские *кингмейкеры*, видимо, не решились предъявить императору своего избранника. О том, что Туда-Менгу уже при воцарении был не вполне нормальным человеком, свидетельствуют нелепые просьбы, с которыми он обращался к египетскому султану (СМИЗО-I. С.105). Анекдоты о слабоумии Туда-Менгу помнились еще в первой половине XVI в. (см. Утемиш-хаджи. С.99-101). Однако главной причиной неисполнения намерения Джучидов прибыть к Хубилаю была, по всей видимости, позиция Хайду, который тоже вначале согласился участвовать в курултае, но позже благоразумно отказался от этого рискованного шага. При сохранении конфронтации между императором и Хайду политика Куинджи должна была быть крайне осмотрительной. Возвращение на службу Хубилаю вышеупомянутых царевичей Букура и Улус-Буки, нашедших было приют у Куинджи, можно расценить как очередное проявление доброй воли Куинджи. Ответные шаги Хубилая свидетельствуются сообщением «Юань Ши», согласно которому в феврале 1288 г. император предоставил принцу Хуо-ни-чи (Коничи) 500 унций серебра, жемчужное ожерелье и комплект дорогих одежд (*Allsen Th.T.* The Princes. P.21). Нейтралитет Куинджи, нашедший отражение в рассказе Марко Поло, по-видимому, до некоторой степени устраивал Хубилая.
113. Рашид ад-Дин описывает Куинджи как больного человека, страдавшего тяжелой формой ожирения. Другое имя Куинджи из «Шуаб-и панжгана» Рашид ад-Дина – Turuq-ka'an (*Allsen Th.T.* The Princes. P.15), по всей видимости, является ироническим прозвищем, имеющим в виду тучность Куинджи.
114. «Этот Куинджи был долгое время правителем улуса Орды и другом и приверженцем Аргун-хана, а потом и государя ислама, Газан-хана.. Он всегда посылал [к ним] гонцов с изъявлением любви и искренней дружбы» (РД-II. С.67). Конкретный пример посольства относится ко времени правления Гейхату: 13 июля 1293 г. «прибыли гонцы от Коничи-огула с изъявлением единодушия и просьбой о союзе». Любопытно, что в марте следующего года к Гейхату «прибыли гонцы от Токтая. Их старшины – царевич Калинтай и Пулад – предстали перед его высочеством в Далан-науре с изъявлением мира и согласия и разного рода просьбами» (РД-III. С.134).
115. Независимость и миролюбие «северного царя» особо отмечает Марко Поло: Канчи «никому не подвластен, хотя он из роду Чингис-хана, то есть из императорского, и близкий родственник великого хана.. У царя много народу, но он ни с кем не воюет и мирно правит своим народом» (Марко Поло. С.225). Следует отметить, что имеющаяся в литературе попытка отождествления Канчи с двенадцатым сыном Шибана, Коничи (*Абдиров М.* Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996. С.18), едва ли может быть принята.
116. РД-III. С.107.

117. РД-II. С.170.
118. СМИЗО-I. С.513.
119. РД-II. С.68.
120. Марко Поло. С.225-226.
121. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XIII-XVII вв. Иркутск, 1941. С.40. У Шакарима Кудайберды-улы есть любопытное замечание, относящее к местоположению улуса Орды: «Старший сын Жоши – Орда, известный также под именем Ежена, по моим предположениям, – первопредок всех калмыцких ханов» (Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990. С.95).
122. СМИЗО-I. 512-513.
123. *Allsen Th.T.* The Princes. P.22.
124. Рашид ад-Дин пишет, что у Куинджи было четыре сына: Баян, Бачкиртай, Чаган-Букай и Макудай (РД-II. С.67).
125. СМИЗО-I. С.394.
126. РД-II. С.14, 67-68, 212; СМИЗО-I. С.394, 512-513.
127. СМИЗО-I. С.513.
128. СМИЗО-I. С.521.
129. У ал-Айни: «в Хорезме». Здесь он следует Ибн Халдуну, который пишет, что «Ясаул, сын Борака, сына Сунтая, сына Митукана, сына Джагатая, был царем Харезма. Узбек подстрекнул его овладеть Хорасаном и помог ему войском через наместника своего Кутлуктемира. …Ясаул овладел значительною частью Хорасана и Джубан на этом заключил с ним мир» (СМИЗО-I. С.387)». По предположению А.В. Арапова, аттестация Ясавура как «царя Хорезма» может означать, что в сферу его влияния кроме Мавераннахра входили земли южного (чагатайского) Хорезма (*Арапов А.В.* Ук. соч.). Все источники указывают на то, что войска Кутлуг-Тимура и Ясавура должны были соединиться в Иране, а не Хорезме. Согласно Бидлиси, когда Ясавур, вытесненный из Мавераннахра, ушел в Хорасан, Олджайту «предоставил ему право поселиться в тех вилайетах в любом месте.. Йасавур поспешил в Бадгис и Герат и поселился… в долине Кадес» (*Шараф-хан Бидлиси*. Шараф-наме. Том II. М., 1976. С.57). Ибн Дукмак и Ибн Халдун сообщают, что Ясаул овладел Хорасаном и прилегающими областями и лишь потом стал просить помощи у Узбека (СМИЗО-I. С.326, 388). По Вассафу, в то время как джучидская армия вторглась в Арран, Ясавур и Бектут «без (ханского) ярлыка расположились на зимовке в Мазандеране» (СМИЗО-II. С.88).
130. Ногая Натанзи считает сыном Кули, сына Орды (*Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. С.265).
131. СМИЗО-II. С.127-131.
132. СМИЗО-II. С.211.
133. СМИЗО-II. С.214.
134. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. С.265.
135. Му'изз. С.44.
136. МИКХ. С.41-42.
137. Утемиш-хаджи. С.113.
138. Абу-л-Гази. С.102.
139. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С.129.
140. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.149.
141. *Мингулов Н.Н.* К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С.85.
142. *Пищулина К.А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV - начале XVI веков. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977. С.38.
143. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.66.
144. *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (История, историография, источники). Алматы, 2003. С.63-64.

145. *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001. С.139-144; *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. С.264-270.
146. *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004, с.162.
147. *Ускенбай К.* Мухамеджан Тынышпаев – исследователь казахского средневековья // Дауирдин жарык жулдызы: Халкымыздын корнекти саяси кайраткери М. Тынышбаевка арналады. Алматы, 2001. С.166-173.
148. *Юдин В.П.* Орды: Белая. Синяя. Серая, Золотая. // Казахстан. Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С.127; *Юдин В.П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С.67.
149. *Абусеитова М. Х.* Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы, 1998.
150. *Jackson P.* The Mongols and the West: 1221-1410. Longman Publishing Group, 2005. P.369.
151. *Вернадский Г.В.* Ук. соч. С.470-471.
152. *Allsen Th.T.* The Princes. P.31.
153. В «Джами' ат-таварих» сын Баяна назван Саты-Бука, а в «Шуаб-и панжгана» – Сасы-Бука. Но обращая внимание на полное совпадение имени одного из сыновей Баяна и имени «сына Ногая», которым Натанзи открывает династию ханов Ак-Орды в XIV в., уместно также иметь в виду, что согласно Бейбарсу ал-Мансури, главой улуса Ордаидов после смерти Баяна стал сын Кублука Кушнай, который «смог заполучить свою страну, утвердился в ней на основе (прав на нее) своих отца и деда» (СМИЗО-Iа. С.116).
154. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. С.228.
155. *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. С.143-144.
156. Это наблюдение принадлежит М.Тынышпаеву: «у казаков, а особенно у чингисидов, осталась память о каком-то хане Ежене (некоторые тюринцы считают его даже предком, между тем как Токай-Темир совсем неизвестен)» (*Тынышпаев М.* Примечания к родословной дома Джочы-хана, старшего сына Чингисхана // Тынышпаев М. Великие бедствия. Алматы, 1991. С.95).
157. Наблюдение, тоже принадлежащее М.Тынышпаеву: «Джочы, отец Ежена и Токай-Темира, умер в 1227 году, а Орус в 1376 году, т.е. их разделяют 150 лет; по первому на это время приходится 7 поколений, по второму (Токай-Темир, Узь-Темир, Ходжа, Бадакул, Орус) – 4 поколения. Из многочисленных родословных казаков выясняется, что на 100 лет у них обычно приходится 4 поколения и нередко – 5, и очень редко – 3 (случаи, подобные последним, помнят казаки, считая их божьим наказанием). В ханской фамилии были приняты более ранние браки, чем у казаков, т.е. на 100 лет должно приходится более 4 поколений. Такой подсчет более оправдывает родословную от Ежена, чем от Токай-Темира» (*Тынышпаев М.* Ук. соч. С.95).
158. *Исин А.И.* Трактовка политической истории Кок-Орды // Вестник Университета «Семей», №1, 1997.
159. Как историческую беллетристику характеризует сочинение Натанзи Ю. Шамильоглу. По его мнению, Натанзи, подобно нынешним авторам, работающим в этом жанре, включил в ткань сугубо художественного повествования много исторических персонажей. После демонстрации недостоверности известий Натанзи о западной части Улуса Джучи, Ю. Шамильоглу заключает: «Большинство ученых все еще благосклонно относится к информации Натанзи, ограничившись простым исправлением внесенной им путаницы в наименования Синей и Белой Орд. Однако, учитывая предыдущее обсуждение надежности Натанзи, какие могут быть оправдания для использования «Мунтахаб ат-теварих-и-Муини» в качестве «уникального» источника по истории улуса Орды без самых серьезных предосторожностей?» (*Shamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986. P.165-168). Аналогичную оценку дает сочинению Натанзи А.Г. Гаев: Натанзи создавал художественное произве-

дение, «при этом произвольно осмысляя, компонуя и с помощью фантазии увязывая в единую канву известные ему разрозненные исторические факты и сюжеты. Т.е. «Аноним Искандера» является не генеалогическим и даже не вполне историческим сочинением, а больше назидательно-публицистическим, показывающим молодому тимуридскому царевичу Искандеру в соответственно подобранных и подчас гротескно обработанных исторических картинах, «что такое хорошо и что такое плохо»« (*Гаев А.Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Вып. IV. Т.3. Нижний Новгород, 2002. С.14).

160. *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. С.111.
161. Му'изз. С.154-155.
162. По мнению А.К. Алексеева, хотя Махмуд б.Вали был знаком с сочинением Натанзи, он по политическим соображениям предпочел воспользоваться версией «Му'изз ал-ансаб» и причислить Урус-хана к потомству Тукай-Тимура, т.к. «отнесение …казахских султанов к младшей ветви Джучидов ставило их в равное положение с Аштарханидами, что было удобно покровителям Махмуда б.Вали» (*Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб., 2006. С.62). Это новое обнаружение подлога в происхождении Уруса, путь к которому уже хорошо проторен критикой шибанидских историков, ставит, по меньшей мере, два вопроса. Какие политические дивиденды из реального или мнимого старшинства своего предка можно было получить через более чем четыре столетия после рождения династии, когда сами Аштарханиды только что, не смущаясь старшинством Шибанидов, отняли у последних Бухару, когда рядом с ними благополучно существовали абсолютно «незаконные» нечингизидские династии и когда казахские ханы формально все равно оставались для Аштарханидов старшими, так как они и в якобы фальсифицированной генеалогии происходили от старшего сына Уз-Тимура (Узан-Тимура, Кин-Тимура, Кай-Тимура), тогда как Аштарханиды – от младшего? И зачем было прибегать к столь сомнительной подмене на виду у общеизвестно глубокой памятливости кочевой аристократии о многих поколениях своих предков, когда существовали более надежные способы утверждения главенства заказчика? В сочинении Махмуда б.Вали такой прием – фальсификация прецедента подчинения, кстати, использован как в отношении потомков Шибана, так и в отношении потомков Уруса. В первом случае это утверждение, что сын Шибана, Бахадур, якобы «считал своим обязательным и непременным долгом подчинение и повиновение потомкам Тукай-Тимур-хана, которые были известны под [именем] ханских сыновей, и в течение жизни не убирал ногу из того круга [повиновения]» (МИКХ. С.327); во втором – сообщение о принесении главою казахов Ишим-ханом незадолго до своей смерти присяги на верность Имам-Кули-хану (*Алексеев А.* Ук. соч. С.124).
163. Цветовые обозначения, присвоенные Натанзи левому и правому крыла Улуса Джучи, породили дискуссию, продолжающуюся и поныне (см. *Ускенбай К.* Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006). Ошибочность обозначений Натанзи была убедительно продемонстрирована Г.В. Вернадским, М.Г. Сафаргалиевым, Г.А. Федоровым Давыдовым, Т.И. Султановым. Автор настоящей статьи придерживается той точки зрения, что приведены достаточные доводы к тому, чтобы считать термин «Ак-Орда» названием правого крыла, а термин «Кок-Орда» – названием левого крыла улуса Джучи. Что же касается исторического дрейфа цветовых названий и употребления этих же и подобных им обозначений для *бараунгаров* и *джунгаров* второго порядка или для улусов других Джучидов, то для удовлетворительного решения названных вопросов тех отрывочных, допускающих множественные толкования сведений, которые сейчас есть в распоряжении исследователей, явно недостаточно.
164. См., напр., *Немировский А.А.* Правители улуса Орда-ичена в 1300-1370 // http://wirade.ru /cgi-bin /wirade/YaBB.pl?board=mong;action=display;num=1156549894

165. РД-II. С.82. Здесь кто-то из соавторов Рашид ад-Дина спутал потомка Бувала с его тезкой, потомком Орды, упомянутом в разделе с генеалогией Джучидов: Нокай б.Джарук, б.Тумакан, б.Кули, б.Орда (РД-II. С.69).
166. *Shamiloglu*. Ук. соч. P.170.
167. МИКХ. С.39-42.
168. Абу-л-Гази. С.102.
169. Му'изз. С.44.
170. В повествовании Абу-л-Гази об участии Джучидов в похоронах Чингиз-хана и избрании кааном Угэдэя Тука-Тимур выступает именно в роли хранителя родового очага (Абу-л-Гази. С.103), т.е. *отчигина* или *ежена* (*Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингиз-хана. М., 1997. С.36-37).
171. Шейбани-хан: «Если некоторые области мы и отняли из рук потомков Тимур-бека, то не из жажды царствовать и не из-за недовольствования малой страной, а скорей в силу божественного предопределения, которое требует, чтобы наследственное владение вновь вернулось в руки нашей власти и воли» (Рузбихан. С.96).
172. «…Все казахи являются улусом Чингиз-хана. Их ханы и султаны – потомки Чингиз-хана или Шибана, который приходится предком его ханскому величеству, и между ними есть родство и свойство» (Рузбихан. С.62). Участие, пусть даже косвенное, Шейбани-хана в фальсификации происхождения Бурундук-хана следует исключить не только потому, что спор между ними шел не о родовых землях, но и потому, что в то время, когда Бурундук-хана отделяли от основателя династии не более дюжины поколений, такого рода подделка людям, причастным к ней, не принесла бы ничего, кроме позора. По свидетельству Рашид ад-Дина, «обычай монголов издревле таков, что они блюдут [память] о своем происхождении и о родословных, …каждому народившемуся дитяти отец и мать объясняют предания о роде и родословной, и они [монголы] всегда соблюдали таковое правило, и в настоящее время оно почитается у них.» (РД-Iб. С.29), и надо думать, при том значении, которое придавалось генеалогии у монголов, вообще, а у Чингизидов, в особенности, всего через полтора века после смерти Орды, Тука-Тимура, Шибана их потомки превосходно знали свою родословную и без поверки письменной традицией.
173. «Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун, и, может быть, длина берегов Сейхуна, на которых они оседают, превышает триста фарсахов. …В каждом известном улусе есть [свой] полновластный султан из потомков Чингиз-хана, который со своим народом пребывает в какой-либо местности, старинном юрте. [Султаны] сидят там до сих пор еще со времени Ючи-хана и Шибан-хана и пользуются пастбищами. Точно так же они располагаются и занимают места по ясе [Чингиз-хана]» (Рузбихан. С.94).
174. Рузбихан. С.95.
175. *Костюков В.П.* Улус Шибана в XIII-XIV вв. (по письменным источникам) // ПИФК. Вып. VI. Москва-Магнитогорск, 1998. С.212-213.
176. Абу-л-Гази. С.98.
177. Абу-л-Гази. С.103.
178. Как сообщает Рашид ад-Дин, «до настоящего времени Баян восемнадцать раз сражался с Кублуком и войском Кайду и Дувы, из них шесть раз лично участвовал в сражениях» (РД-II. С.68). Усобица такого масштаба сама по себе могла нанести непоправимый урон витальности рода Орды.
179. Вероятно, не обошлось и без репрессий: так, Рашид ад-Дин сообщает о казни Токтой внука Чимбая, Яку (РД-II. С.76).
180. Согласно Утемиш-хаджи, Узбек после прихода к власти отдал потомков 17 сыновей Джучи «в хошун» Кыйату Исатаю, якобы сделав исключение только для Шибанидов – в память о заслугах их родоначальника (Утемиш-хаджи. С.92, 105). Как справедливо писал В.П. Юдин, «эта внешне очень эффектная акция преследовала и прозаическую, но гораздо более важную, чем наказание, цель – устранение реальных соперников, за-

конных претендентов на ханскую власть» (*Юдин В.П.* О строительстве мавзолея Кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С.84). В рассказе Утемиш-хаджи недоверие могут вызвать мотивы милости, проявленной Узбеком к Шибанидам, вследствие которой, по их словам: «После огланов Саин-хана ханствование на троне того хана досталось нам» (Утемиш-хаджи. С.93). Однако есть основания предположить, что была еще одна, вполне житейская причина, способствовавшая тому, что Шибаниды благополучно пережили правление Узбека. В повествовании Вассафа о посольстве Токты к Газану сообщается , что в соответствии с инструкцией Токты требования к Газану были выставлены в вызывающе грубой форме, но «Темта, сын Токтая», будучи царевичем предусмотрительным, без ведома хана снабдил посольство хорошими подарками и включил в него Ису-гургана, который сумел изложить суть поручения «с присоединением ласкательств и любезностей» и тем самым предотвратил провокацию Газана на силовую реакцию (СМИЗО-II. С.82-84). У хана Токты не было сына с именем Темта или похожим на него. Наиболее вероятно, что описанную Вассафом предусмотрительность проявил охранявший границу на Кавказе Тама-Токтай, пожалуй, как никто другой заинтересованный в сохранении здесь мира. А Иса-гурган – это тот самый Кыйат Исатай, который посадил на трон Узбека и получил неограниченную власть над его сородичами. В таком случае, «милость» Узбека к потомкам Шибана можно считать заслугой Шибанида Тама-Токтая, плодотворно сотрудничавшего с Исатаем незадолго до возвышения последнего. Тама-Токтай, немало способствовавший победе Токты над Ногаем (и в этом смысле Вассаф, видимо, не зря принял его за сына Токты), несомненно, обладал властью, достаточной для того, чтобы включить в посольство амбициозного бека-мусульманина, который вряд ли был на первых ролях в правление хана, окружившего себя «ламами и волшебниками», и дать ему возможность проявить свои таланты с пользой для только что вышедшего из кровопролитной усобицы государства.

181. «Бердибек был человек злой и нечестивый, с душой черной, злорадной. Из своих братьев, и старших и младших, из близких родственников он никого не пощадил, всех предал смерти» (Абу-л-Гази. С.101).

V.P.Kostjukov

ULUS DZHUCHI AND SYNDROME OF FEDERALISM

The article studies reasons and political consequences of a confederative regime at Ulus Dzhuchi. The author did not estimate the division of Dzuchi's domains between his sons Orda and Batu as a concept of co-administration but as a mechanism preventing new attempts of «mutiny». In 13th — the beginning of 14th cc. leaders of Mongolian empire contributed to declining of Ulus Dzhuchi. So, as a result of centralization policy of the government and ousting of Dzhuchi's clans from a political scene ulus of Ordaids lost its special status.

© 2007 г.

П.А. Рязанов

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ И УЧИТЕЛЯ ГРЕЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В РЕНЕССАНСНОЙ ИТАЛИИ КОНЦА XIV–XV ВВ.

Существенные изменения в отношении к греческому классическому наследию стали заметны в Италии уже к середине XIV в., что было связано, прежде всего, с деятельностью Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо. Известно, что Петрарка брал уроки греческого языка у монаха василианского монастыря в Калабрии Варлаама, которого он встретил в Авиньоне в качестве византийского посла к папе Бенедикту XII. Несмотря на то, что Варлаам преподавал в Константинополе курс мистического богословия Псевдо-Дионисия Ареопагита[1], Петрарка не смог продвинуться в изучении языка дальше его первооснов. Тем не менее, встреча в Вероне с послом императора Иоанна Кантакузина Николаем Сигеросом, произошедшая в 1348 г., только усилила его интерес к греческой культуре и особенно к Гомеру. Сигерос не только знал латынь, что было связано с его дипломатической практикой, но и обладал некоторыми познаниями в области латинской литературы. Однако гомеровская рукопись, присланная им для Петрарки, не была прочитана поэтом. По его собственному горькому признанию он мог наслаждаться только созерцанием драгоценного подарка, часто обнимать его и восклицать, вздыхая: «О, великий муж, как жадно тебя бы я слушал!» («quam cupide te audirem!»)[2].

Проект латинского перевода Гомера, вероятно, был обсужден во время встречи Петрарки с Боккаччо, состоявшейся в Милане в 1359 г. После этого события Боккаччо пригласил во Флоренцию калабрийского грека Леонтия Пилата и поручил ему переводы гомеровских поэм. В последствии не без излишней гордости Боккаччо отмечал в своей «Генеалогии языческих богов»: «Сверх того я сам первым вернул за собственный счет книги Гомера и других греческих авторов в Этрурию… Я сам первым из латинян (primus ex Latinis) услышал от Леонтия «Илиаду» у себя дома (in privato); сверх того я сам добился того, чтобы гомеровские книги читались публично (ut legerentur publice Omeri libri)»[3]. Пилат переводил Гомера привычным для итальянского юга способом «verbum ad verbum», который остро критиковался гуманистами XV в. Тем не менее, латинские версии гомеровских поэм, как показал А. Пертузи, были настолько точны, насколько это было возможно во времена Пилата. Первые строки его перевода «Илиады» звучали следующим образом:

> Iram cane dea Pelidae Achillis
> pestiferam quae innumerabiles dolores Achivis posuit,
> multas autem robustas animas ad infernum antemisit…[4]

В итоге переводческой деятельности Пилата на Западе появились латинские прозаические версии «Иллиады» и «Одиссеи» Гомера, около четырехсот строк из «Гекубы» Еврипида и некоторые «Жизнеописания» Плутарха, перевод которых был сделан для Колуччо Салютати. Благодаря познаниям Леонтия Пилата, многие из которых были приобретены им на Крите, Боккаччо смог собрать греческий мифологический материал для написания своего трактата «Genealogia deorum gentilium», который прославил необычайную ученость этого автора. В своем сочинении он стремился показать мифологию периода греческой классики, стараясь очистить её от поздних христианских приращений[5]. Усилиями того же Боккаччо во Флорентийском университете возникла первая кафедра греческой словесности, во главе которой был поставлен Пилат, преподававший язык с 1360 по 1362 г. за ежегодное жалование в 100 флоринов, которое выплачивала ему синьория[6]. Информация о качестве этого непродолжительного обучения скудна. После того как в 1362 г. Пилат прекратил свое преподавание в университете, не имевшее, очевидно, значительного влияния, кафедра длительное время оставалась не за-

нятой, пока к концу столетия на ней не зажглась звезда другого греческого ученого, Мануила Хрисолора.

Известный в Италии как византийский дипломат и учитель, который у себя на родине смог самостоятельно овладеть латынью, Хрисолор прибыл во Флоренцию в феврале 1397 г. по личному приглашению канцлера синьории Колуччо Салютати в качестве преподавателя греческой словесности. Флорентийский studium фактически стал первым западноевропейским учебным заведением, в котором стали проходить регулярные занятия в области греческого языка и литературы. Именно появление во Флоренции такой значительной фигуры, как Мануил Хрисолор, следует считать поворотным моментом в истории греческих штудий Италии. К сожалению, речь, произнесенная им по случаю начала занятий во Флоренции, не сохранилась, в отличие от более поздних вступительных речей, принадлежащих его соотечественникам Феодору Газе и Димитрию Халкокондилу[7].

Первой проблемой, которую следовало решить Мануилу Хрисолору, была нехватка греческих текстов, адаптированных для начального обучения языку. Этот недостаток он постарался восполнить составлением собственного учебного пособия, названного им «’Ερωτήματα», т.е. «Вопросы»». Манера изложения языковых основ в виде вопросов и ответов восходила к поздневизантийским грамматикам Мануила Мосхопула и Максима Плануда, доказавшим свою эффективность, однако учебник не был приспособлен для самостоятельного изучения языка. Он был написан по-гречески без сопровождающих латинских разъяснений и лишен текстов для чтения[8]. Эти недостатки были учтены Гварино Веронезе, который впоследствии переработал «’Ερωτήματα» Хрисолора, снабдив их собственными латинскими дополнениями и комментариями («Erotemata Guarini cum multis additamentis et cum commentaries latinis»). Показательно, что учебник Хрисолора обеспечивал известность автору и после его смерти. Он был напечатан удивительно рано, около 1471 г., после чего неоднократно переиздавался.[9]. Среди тех, кто использовал его грамматику уже за пределами Италии, следует назвать Иоганна Рейхлина и Эразма Роттердамского[10].

Вероятнее всего, что в процессе обучения, Хрисолор опирался на византийскую технику «схедографии», использовавшуюся в ученой среде. После разделения текста на небольшие в несколько строк фрагменты на полях или в виде междустрочных записей происходило комментирование или перефразирующее объяснение каждого отрывка, содержащее его аккуратный синтаксический и морфологический анализ. Это приводило к чередованию каждого фрагмента первоначального текста со «схедографическим» пассажем. Используя в преподавании данную технику, Хрисолор, скорее всего, начинал с громкого чтения отрывков из древних авторов, повторяя его затем с классом, после чего следовал подробный разбор прочитанного с использованием информации византийских схолий[11]. В отличие от схоластических переводчиков, переводивших методом «ad verbum»[12], Хрисолор старался выработать у своих студентов навыки перевода по смыслу, «ad sententiam transferre», уделяя внимание передаче стилистических особенностей текста. Он отмечал, что следует тщательно и с любовью изучить текст, обсудить его точное значение, а затем, избегая литерального изложения, постараться лучше передать смысл. При этом он требовал от учеников не изменять для большей ясности греческих идиом, чтобы не превратиться из переводчика в комментатора[13]. Базу для первых гуманистических переводов составили манускрипты с сочинениями Демосфена, Фукидида, Плутарха и Платона, которые Хрисолор передал некоторым из учеников[14]. С помощью своих студентов, византийский учитель приступил к латинскому переводу платоновского «Государства». Тем не менее, ввиду занятости учителя работа не была доведена до конца, и византиец рекомендовал перевести сочинение в более свободной манере одному из своих учеников Уберто Дечембрио, версия которого впоследствии также была исправлена его сыном известным гуманистом Пьетро Кандидо[15]. Другим произведением, заинтересовавшим Хрисолора как переводчика, стала птолемеевская «География», рукопись которой была привезена им во Флоренции и впоследствии вошла в коллекцию Пал-

ла Строцци[16]. Перевод этого сочинения был выполнен позднее в 1406–1410 гг. его учеником Якопо д'Анджело[17].

Вдохновленные греческими занятиями Хрисолора, его студенты стали интенсивно переводить на латинский античных авторов и произведения греческой патристики. Особенный интерес вызывали у гуманистов работы Плутарха, который, по мысли Хрисолора, наиболее успешно соединил пространство между греками и римлянами[18]. Среди прочих его «Жизнеописания» переводились Джованни Гварино и Леонардо Бруни, а содержащиеся в них примеры личных и гражданских добродетелей, рассматривались гуманистами как образцы, достойные эмуляции. Особая важность придавалась индивидуальному стилю автора. В предисловии к новому переводу аристотелевской «Этики» Бруни отмечал, что взялся за этот труд не потому, что прежде не было сделано переводов, но потому, что эти переводы были такими, «что казались скорее выполнены варварами, нежели латинянами»[19]. Далее следует резкая критика известного схоластического переводчика второй половины XIV в. Гийома из Мёрбеке, который обвиняется Бруни в плохом знании как греческих, так и латинских сочинений, поскольку «и греческий во многих местах он скверно понимает (multis in locis male accipit) и латинский переводит по-детски и неучено (pueriliter et indocte)»[20]. Гуманист стремился облагородить латинского Аристотеля. С использованием прежних схоластических версий Бруни перевел аристотелевские сочинения по логике, «Риторику», «Этику» и «Политику», стараясь донести до читателя стиль речи и манеру рассуждения философа. Порой это приводило к очень свободной передаче текста и критиковалось некоторыми сторонниками прежних схоластических методов перевода, например, испанским епископом Бургоса Алонсо Гарсией. В своем трактате против Бруни он отмечал, что «в философии слова не должны становиться пространными без их ограничения (sine freno), так как вследствие ненадлежащего употребления слов ошибка постепенно прибавляется к самому содержанию» («error ad ipsas res paulatim accrescat»)[21]. Средневековые и гуманистические переводы в некоторых случаях просуществовали довольно долго, используемые одновременно преподавателями и учеными в течение XV и XVI в., однако первые часто подвергались более или менее существенным пересмотрам. По убеждению Кристеллера, основанному на изучении средневековых версий Платона и Прокла, гуманисты намного превзошли своих предшественников в знании классического греческого языка в отношении его словаря и синтаксиса, фразеологии и стиля[22].

Несмотря на то, что первостепенное значение для Хрисолора имели деятели античной классики, вероятно, что он затрагивал в преподавании и некоторые произведения патристической литературы, в частности, обратив внимание Бруни на небольшое, ещё непереведенное сочинение Василия Великого «Слово к христианской молодежи о пользе чтения языческих книг». При этом не следует исключать, что рекомендации Хрисолора могло предшествовать и непосредственное обращение к Бруни со стороны Колуччо Салютати, нуждающегося в переводах отцов церкви для лучшей аргументации своей защиты studia humanitatis от критики противников[23]. Трактат св. Василия «Ad adolescentes» был очень важным в контексте дальнейшего распространения греческих штудий памятником раннехристианской литературы. В этом сочинении, написанном для своего племянника, но адресованном всему молодому поколению, св. Василий указывал на важность изучения светской греческой литературы, лучшие образцы которой являются источником нравственных добродетелей и внешней мудрости христиан, подготавливая их к изучению собственно св. Писания. Во введении к своему переводу Бруни обрушивается на противников нового гуманистического образования, обвиняя их в малодушии, испорченности, медлительности ума, а главное в нетерпимости[24]. Не удивительно, что трактат Василия Кесарийского, признававшего, хотя и с ограничением, высокую ценность языческих авторов, превратился в мощное средство для оправдания гуманистической тяги к античному наследию. Доказательством тому служат более чем три сотни копий, сделанные с перевода Леонардо Бруни.

Огромной заслугой Мануила Хрисолора было то, что в сравнительно короткий пери-

од своей преподавательской деятельности во Флоренции, которую он навсегда покинул уже в марте 1400 г., византийский учитель дал импульс дальнейшему развитию греческих занятий в Италии, со временем распространившихся и на другие центры гуманистической культуры. Эффект, произведенный флорентийскими занятиями Хрисолора, много лет спустя выразил в своем письме Баттиста Гварино, возблагодаривший тот праздничный день, когда византийский учитель достиг итальянских берегов. «Кто же прежде мог именоваться хорошо образованным и по-настоящему эрудированным? Кто читал Цицерона, или Вергилия, или иного прекрасного поэта или оратора? Кто бы знал о деяниях римских принцепсов, описанных Плутархом, если бы не пришло благодеяние Мануила? Кто, наконец, был бы сведущ в особенностях латинского языка? Поистине, после того, как он сам посвятил наших людей в свое учение, мы увидели, как много существовало (мужей) красноречивейших и просвещеннейших в отношении ораторского искусства. Хотя в настоящие времена мы замечаем сведущих людей, которые ведут начало от его учения, наподобие бьющих повсюду ключей красноречия, мы должны признать справедливым, что даже само это красноречие и наши гуманистические занятия, которые (прежде) уже пришли в упадок, ожили стараниями Мануила». Показательно, что греческие штудии рассматривались итальянцами как необходимое и очень важное средство в изучении латинской словесности, которая во многом опиралась на более старшую традицию graecarum litterarum. Поэтому Баттиста замечает, что именно после того, как Хрисолор обучил их греческой литературе, «от которой, как утверждает Квинтилиан, проистекает и наша, мы стали по-настоящему понимать латинскую и, узнавая её, начали ею заниматься и возвращать обратно к жизни»[25]. Преподаванием языка были заняты теперь и некоторые из учеников Хрисолора, как, например, Роберто Росси, обучавший, в частности, Козимо и Лоренцо Медичи, или Джованни Гварино, который основал в Ферраре собственную школу, а также читал лекции для университетских студентов о греческих поэтах.

Именно с Хрисолора за пол столетия до падения Константинополя начинается процесс бегства византийских ученых в Италию, ставший по-настоящему массовым после Ферраро-Флорентийского собора и особенно после катастрофы 1453 г. Но с Хрисолора также начинается и движение в обратном направлении[26]. Известно, что в 1403 г. несколько итальянских учеников сопровождали его на пути в Византию. Среди них был Гварино Веронезе, который, прожив несколько лет под покровительством семьи Хрисолоров, вернулся в Италию в 1410 г. с багажом греческих рукописей. Впоследствии в письме к Леонелло д'Эсте от 1449 г., посвященном вопросу существования в древности общего латинского языка, одинаково понятного и доступного как простонародью, так и образованным людям, Гварино отмечал, что усвоение правильных грамматических норм связано, прежде всего с повседневной практикой общения. Подобная ситуация была характерна как для латыни, так и для греческого, который, утверждал Гварино, являясь книжным языком, «осваивался не способом грамматиков, но из обиходной речи, поскольку мною было подмечено, что крестьяне и женщины, которые легче сохраняют древние обычаи неиспорченными из-за ограниченности их общения, разговаривают так, что кажется, будто читаешь или слушаешь Демосфена, Исократа, Ксенофонта или Платона»[27].

Далее Гварино вспоминает, как, погрузившись в атмосферу живого языка византийской столицы, он был очарован привлекательностью и красотой греческой речи: «Когда в молодые годы я жил в Константинополе у Мануила Хрисолора, знаменитого философа, и его племянника Иоанна, моих самых любимых наставников, и когда после усвоения первооснов я поднялся на более высокую ступень обучения, то стал примечать, как говорят дети и женщины; я находил и в тоже время удивлялся плавности языка и приятному звучанию голоса, придыханиям в словах, соблюдению правил ударения, изменениям падежей, временам глаголов, соединению двух или трех имен в одно, хотя и новое, но изумляющее благозвучием; столь значительна была эта воспринятая от родителей и земляков форма речи, далекой от нормы»[28].

Константинопольская школа Хрисолоров пользовалась известностью не только в Греции, но и за её пределами. Ещё до начала своих занятий во Флоренции Мануил Хрисолор обучал в Константинополе Роберто Росси и Якопо д'Анджело[29]. Франческо Филельфо, Пьер Паоло Верджерио и Леонардо Бруни стали учениками его племянника, Иоанна, а после смерти последнего в 1425 г. Филельфо около двух лет посещал занятия в школе Мануила Хрисокока, известного столичного грамматика и ритора. Здесь он свел знакомства с прославленными в будущем деятелями итальянского Возрождения – Виссарионом, Константином Ласкарисом и Иоанном Аргиропулом[30]. В течение 1435–1438 гг. хорошие знания греческого приобрел в столице другой итальянец, известный аретинский гуманист Джованни Тортелли, чья фундаментальная работа «De ortographia», над которой он трудился около десяти лет, является уникальным собранием грецизмов в латинском языке[31].

После своего отъезда из Флоренции Хрисолор находил себя не только в дипломатические делах, но и в гуманистических занятиях: он обучал греческому в Константинополе, Падуе, Павии и Милане, возможно, давал частные уроки в Венеции[32], а во время своего пребывания в Риме (1411–1413) получил себе в ученики папского секретаря Паоло де Рустичи. В итоге его «римских прогулок» им были написаны знаменитые письма, в которых Хрисолор выражал свое восхищение созидательным гением древних и сопоставлял памятники двух христианских столиц, объединенных общим римским прошлым[33]. Смерть Хрисолора в апреле 1415 г., заставшая его на соборе в Констанце, стала тяжелой утратой для многих итальянских гуманистов[34], однако своими трудами этот византийский учитель сумел подготовить почву для нового витка в изучении греческого языка и литературы, которое было подхвачено в дальнейшем его учеными соотечественниками, прибывшими в Италию по его следам.

В течение первой половины XV в. греческие штудии все ещё носили спорадический характер даже в главных университетах, хотя и были подхвачены итальянскими учениками византийцев, типа Гварино обучавшего в Ферраре и Венеции, Филельфо – в Болонье, Флоренции и Милане, а позже Полициано – во Флоренции. Каталитическим событием в расширении греческих штудий стал Ферраро-Флорентийский собор, который занимает наиболее значительное место в общении духовной и светской интеллигенции двух христианских миров. Дискуссии между представителями греческой и латинской сторон развернулись не только по поводу теологических вопросов, но и охватили связанные с ними проблемы определения подлинности патристических текстов, сопровождаясь филологическим анализом и сопоставлением имеющихся в их распоряжении рукописей. Личные контакты между византийскими учеными и итальянскими гуманистами позволили последним отбирать кандидатуры будущих учителей греческой словесности и философии.

Среди тех, кто эмигрировал в Италию после завершения собора, особо возвышается фигура никейского митрополита Виссариона, который после пожалования ему сана кардинала навсегда оставил свою неспокойную родину в 1440 г. Благодаря своему положению в курии, не стесненный в средствах кардинал превратился в щедрого мецената, усилиями которого Рим сделался одним из ведущих центров греческой учености, наряду с Флоренцией. Этот римский период культурного процветания продолжался около пятнадцати лет до 1455 г., совпадая по времени с понтификатом Николая V.

Покровительство ученым людям и вообще образованию занимало значительное место в жизни Виссариона. К числу его заслуг в этой области следует отнести возрождение некогда знаменитого, но пришедшего в упадок к XV в. Болонского университета. По свидетельству его панегириста Платины в период своей миссии в Болонью Виссарион восстановил здание университета, пересмотрел его устав, а также привлек туда за высокую плату новых профессоров. Кроме того, он «побуждал молодых людей к изучению хороших наук, как условию для ожидания вознаграждения и почета: многим, отступающим от учения по причине бедности, он помог милосердием и своей щедростью и удержал наставлением»[35].

По инициативе Виссариона в Мессине в монастыре Сан Сальваторе, попечителем которого он являлся, было открыто обучение древнегреческому языку с назначением на должность преподавателя Андроника Галесиота (1461–1467). Последнего сменил Константин Ласкарис, (1466–1501), который перебрался в Мессину из Милана. Его учениками были монахи местных монастырей, а также приезжие гуманисты, среди которых наиболее выделяется венецианский аристократ Пьетро Бемпо, обучавшийся в его школе в течение двух лет[36]. Ласкарис был известен современникам как автор одной из наиболее удачных (в частности, по оценке Эразма) греческих грамматик, которая была впервые напечатана в 1476 г. Димитрием Дукой. Показательно, что после нескольких последующих изданий в Милане и Виченце «Ἐρωτήματα» Константина Ласкариса были опубликованы в Венеции в марте 1495 в числе первых книг, выпущенных известной типографией Альда Мануция[37].

Навсегда оставив Византию ради кардинальского сана, Виссарион никогда не забывал о своей родине, обреченной на долгие века порабощения, и о многих соотечественниках, живущих в изгнании. Известно, что кардинал потратил много сил и средств на пропаганду и организацию крестового похода с привлечением к участию в нем коалиции христианских государей Европы[38]. Под его покровительством в Риме с 1465 г. жили наследники династии Палеологов, бежавшие сюда с Корфу. Это были племянники последнего византийского императора Константина XI и дети морейского деспота Феодора Палеолога – Андрей, Мануил и Софья. В Риме их окружал небольшой двор, состоящий из византийских эмигрантов, содержание которого оплачивались главным образом из папской казны. За воспитание молодых людей отвечал сам Виссарион. Он же выступил посредником на переговорах о свадьбе Софьи с великим князем Иваном III Васильевичем[39]. Кроме того, им также был поддержан проект организации самоуправляемой греческой колонии на территории Италии, осуществлением которого занималась знатная греческая дама Анна Нотара, дочь последнего византийского мегадуки, по воле которой были открыты долгие и, в конечном счете, безрезультатные переговоры с коммуной Сиены о предоставлении части земли под поселение греческих колонистов[40].

Располагая огромными средствами, Виссарион собирал через своих агентов в Константинополе и в южной Италии греческие манускрипты. В дальнейшем эта коллекция, насчитывавшая около 600 греческих книг, была передана Виссарионом в дар Венеции, став основой для венецианской Марчаны. Место было выбрано не случайно. После падения Константинополя (1453) и покорения византийской Мореи (1460) венецианская метрополия стала играть выдающуюся роль в судьбе многочисленных греческих переселенцев. В письме к дожу Кристофоро Моро от 31 мая 1468 г. Виссарион отмечал: «на мой выбор, нет места более удобного и притом более подходящего особенно для наших людей. Ибо как стекаются преимущественно в ваше государство все народы почти целого мира, так особенно и греки, которые, прибывая морем из своих провинций, сперва высаживаются в венецианских. Они потому с вами связаны неразрывной связью, что как только к вашему приближаются городу, им кажется, будто они прибывают в другую Византию (quasi alterum Byzantium). Ввиду этого, где по справедливости может находиться эта полученная от нас милость, как не у тех людей, которым я обязан и перед которыми в долгу за их многочисленные благодеяния по отношению ко мне, и в этом городе, который избрал для себя вместо родины, покоренной Греции, и куда я был приглашен и где с большим почетом был принят»[41]. Передачей своей замечательной библиотеки в дар венецианской республике Виссарион оказал значительное воздействие на греческие штудии в Венеции.

Вокруг Виссариона постепенно сложился кружок его единомышленников, скрепленный общей гуманистической любовью к античной древности. Резиденцией этой «Академии» стал квиринальский дворец кардинала, принимавший не только его многочисленных друзей и почитателей среди латинян, но и греческих ученых-эмигрантов, которым он оказывал всяческую поддержку и содействие[42]. Подавая пример остальным, Виссарион переводил многое из античных и раннехристианских авторов. В их числе были

очень удачные и популярные переводы 14 книг «Метафизики» Аристотеля, одноименный труд его ученика Теофраста, «Memorabilia» Ксенофонта и речи Демосфена, среди которых следует отметить речь о помощи жителям Олинфа против македонского царя Филиппа. В комментарии к её переводу, Виссарион проводит очевидные параллели между древней и современной ему историей, отмечая, что как некогда захватом Олинфа македоняне угрожали Афинам и всей Греции, так и ныне с гибелью Византии турки угрожают Италии. Из этого он заключает, что во избежание великой опасности и ради достижения желанной победы необходимо, чтобы все христианские правители и народы сплотились против общего врага. В качестве предупреждения для бездействующих он приводит слова Демосфена: «не только Бога, но даже друга не нужно просить о защите того, кто пребывает сонным и праздным»[43].

При поддержке Виссариона итальянские гуманисты начали активно переводить с греческого на латынь. Библиотекарь Ватикана Джаноццо Манетти, изучавший также и древнееврейский язык, сделал переводы трудов греческих отцов церкви Евсевия, Григория Нисского, Григория Назианзина и Василия Великого. Над Геродотом трудились Николо Перотти и Лоренцо Валла. Последний больше прославился переводом Фукидида, который поручил ему Николай V, вероятно, через рекомендацию Виссариона.

Работа над латинской версией «Географии» Страбона была доверена Николаем V сразу двоим переводчикам – Гварино Веронезе и Григорию Тифернасу. Из свидетельства Джованни Андреа Бусси, редактора первой римской печати, следует, что Гварино использовал копии книг, посвященных Европе, а Григорий – Азии и Африке[44]. Последний завершил свою часть работы в 1454 г. латинским переводом XI–XVII книг «Географии». Первые десять книг этого сочинения были переведены Гварино в 1455 г., но уже через три года он подготовил собственную латинскую версию всей страбоновой «Географии»[45]. Первое издание этого сочинение с переводами Гварино и Григория Тифернаса вышло в Риме в 1469 г.[46]

Среди римских переводчиков-грецистов особенно заметна была фигура Георгия Трапезундского, гуманиста критского происхождения, чьи предки приехали на остров из греческого города Трапезунд. Георгий прибыл в Венецию в 1416 г. по приглашению венецианского аристократа Франческо Барбаро[47]. За годы соей службы на Крите Барбаро собрал значительную библиотеку, которая нуждалась в писце и переводчике. Следуя своей первостепенной задаче изучения языка, Георгий брал в Венеции латинские уроки у Барбаро, Гварино и особенно у Витторино да Фельтре, который превратил критского эмигранта в одного из лучших латинских стилистов раннего и среднего кватроченто[48]. Уровень его знаний стал впоследствии настолько высок, что Георгий сам взялся за преподавание латинской риторики.

Своим трактатом «Rhetoricorum libri V» он познакомил гуманистическую публику Италии с византийской риторической традицией, отталкиваясь от трудов Дионисия Галикарнасского, Максима Философа, а также высоко уважаемого в Византии Гермогена Тарсийского, известного сочинением в области стиля. В своем трактате Георгий объяснил двадцать одну форму риторических эффектов в трактовке Гермогена, позволяющих оратору воздействовать на аудиторию эмоционально и логически, а также изложил способы их практического достижения. Учитывая, что риторика была наиболее важной дисциплиной в studia humanitatis, трактату Георгия было суждено не только расширить представления итальянских гуманистов об этом предмете, непререкаемыми авторитетами в котором были Цицерон и особенно Квинтилиан, но также стать общепринятым руководством в области риторики на протяжении позднего кватроченто и всего чинквеченто[49].

По поручению своих покровителей Николая V и кардинала Виссариона Георгий Трапезундский сделал переводы большого числа сочинений греческих отцов церкви: Григория Назианзина, Григория Нисского («De vita Moysis»), Кирилла Александрийского и Афанасия. Исходя из конфессиональных соображений, он перевел трактат Василия Великого против Евномия («Adversus Eunomium»), в котором излагался близкий к латин-

скому взгляд на исхождение св. Духа. Большой популярностью пользовался его перевод другого церковного автора – Евсевия Кесарийского («De praeparatione evangelica»). Кроме того, Георгий перевел комментарий Иоанна Хризостома на Матфея, едва известный на Западе благодаря античной латинской версии и позднему переводу XII в., который принадлежал Бургундио Пизанскому. Из платоновских сочинений Георгий перевел на латынь «Парменида» для Николая Кузанского, а также ок. 1450 г. трактат «Законы», который посвятил венецианскому дожу (1460)[50].

Другой важной работой Георгия стал новый перевод грандиозного астрономо-математического труда Птолемея «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах» («Megale syntaxis»), известное больше под арабским названием «Альмагест». Это сочинение уже было доступно в XII в. в несовершенной латинской версии Джерардо из Кремоны. Для своего перевода Георгий использовал новые лучшие рукописные кодексы из собрания кардинала Виссариона, сопроводив его комментарием, объясняющим астрономические теории Птолемея на основе толкований Феона Александрийского, хотя часто вступая в разногласие с последним. Перевод, выполненный Георгием, был посвящен венгерскому королю Матфею Корвину, известному покровителю искусств[51]. В Риме эта работа вызвала неодобрение, поскольку он не сослался на самого Феона. Необходимо отметить, что его переводы часто, хотя порой незаслуженно, критиковались за поспешность и неумелость в их исполнении. Свою роль в этих нелестных оценках мог сыграть вспыльчивый, конфликтный характер самого Георгия. Тем не менее, своим переводом Птолемея он оказал некоторое воздействие на развитие ренессансной астрономии. Его рукопись использовалась немецким астрономом и математиком Региомонтаном (Иоанном Мюллером), который, однако, опроверг толкования Георгия на основе собственного сопоставления латинской версии с комментариями Феона.

К ученому кружку Виссариона примыкал также известный византийский эмигрант Феодор Газа, уроженец Фессалоники, который до своего переезда в Италию, по всей видимости, имел свою школу в Константинополе. При поддержке Филельфо, дружеские отношения с которым он поддерживал уже в столице, около 1434 г. Газа принял решение покинуть родину. В Италии в течение трехлетнего периода он осваивал латинский под руководством Витторино да Фельтре, вероятнее всего, в обмен на уроки греческого языка. Изучив латынь на очень высоком уровне, что выгодно отличало его от большинства византийских ученых, в 1440 г. Феодор Газа начал преподавание греческого в Ферраре, сменив своего соотечественника Николая Секундиноса[52].

Преподавательская деятельность Газы в Ферраре, продолжавшаяся около десяти лет, была очень успешна. Среди прочих, в число его студентов входили лидер феррарского круга гуманистов Лудовико Карбоне и болонский эллинист Лианоро Лианори, преподававший затем язык в Болонье, известный как автор греческих писем, переведший для папы Николая V «Войны с готами» Прокопия Кесарийского[53]. Скорее всего, Газа строил свою учебную деятельность с опорой на византийские филологические традиции, используя в обучении палеологовский дидактический метод «схедографии». Там же в Ферраре им была написана одна из наиболее удачных и популярных греческих грамматик «Intraductiva grammatica», восходящая к более ранним образцам византийских грамматических учебников. Высокая оценка этой работе была дана впоследствии Эразмом Роттердамским, который перевел её на латынь и опубликовал в 1516 г.[54] В своем трактате «О способе обучения» («De ratione studii»), написанном в Париже для своих первых учеников, Эразм назвал этот учебник в числе лучших грамматических сочинений: «Среди греческих грамматиков любой отдаст первое место Феодору Газе; второе, по моему мнению, справедливо присваивает себе Константин Ласкарис»[55].

Заслуги Феодора Газы на преподавательском поприще были высоко оценены современниками, и в 1449 г. византийский эмигрант был удостоен чести стать первым ректором Феррарского университета, после его воссоздания герцогом Леонелло д'Эсте в 1442 г. В своей торжественной инаугурационной речи «De litteris graecis» Газа сделал акцент на важности греческих штудий для итальянских ученых, проводя параллель с их древ-

ними римскими предками, оценившими знание греческой литературы для успешного участия в политической жизни. Обращаясь к своим молодым слушателям, он подчеркивал: что «нет никого столь несведущего в литературе, столь чуждого образованности, кто не знал бы, что римляне, ваши предки, пользовались греческой литературой не меньше, чем своей; они, разумеется, имели многочисленные греческие школы в городе, их часто услаждали сцены греческих комедиографов и трагиков; наконец, они не только хотели понимать по-гречески сочинения других (авторов), но и сами желали писать…»[56] Греческая литература, замечает он далее, сохранялась в Италии до тех пор, пока сам латинский язык был безупречен. Оба языка находились в зависимости друг от друга, поэтому с началом ухудшения латыни была заброшена и греческая литература, «словно были погашены две ярчайшие свечи»[57].

Впоследствии эта тема была развита его учеником и другом Димитрием Халкокондилом в речи, произнесенной в 1463 г. по случаю его назначения на недавно учрежденную кафедру греческой словесности в Падуанском университете. Отмечая, что любая ветвь знания была выращена и доведена до цветения особенно среди греков, которые создали и культивировали почти все науки, Халкокондил напоминает, что почти все образованные римляне понимали греческий так же, как их собственный язык, и предпочитали выражать представления их умов и значения и характер вещей чаще по-гречески, чем на латыни. Несмотря на то, что римляне, являясь хозяевами как на суше, так и на море, изучали почти все существующие науки у себя дома и в школе, для них, тем не менее, было привычным посылать своих детей учиться в Афины. «Если латинская грамматика соединена с греческой и, кажется, зависит от неё, то как кто-либо сможет полностью овладеть ею, если не знает греческой литературы», ведь при этом, пишет он далее в своем дискурсе, этот человек не будет иметь представление о происхождении многих слов и их особенных значениях, ни о склонениях многих существительных, ни о долготе слогов, ни о потребности говорить правильно и изящно, если он несведущ в греческой литературе. Латинская поэзия и ораторское искусство многое позаимствовали у греков, поскольку среди латинских авторов, поэтов, ораторов и историков, не найдется того, кто бы не знал греческую литературу и не использовал её достоинства для обогащения собственной. Поистине, заключает Халкокондил, «некоторые из них уважали греческую литературу настолько глубоко, что стоит задаться вопросом, знали ли они лучше греческую или латинскую литературу?»[58]

Уже осенью 1449 г. по приглашению Николая V Феодор Газа оставил преподавание в Ферраре и отправился в Рим, где был принят в гуманистическую «Академию» Виссариона. Как отмечает Платина, его ученость и познания, как греческие, так и латинские, были столь велики, что все изучающие науки, при разрешении спорных вопросов обращались к нему, «как к оракулу всякого знания и науки»[59]. В Риме он давал уроки сыну венецианского посла Эрмолао Барбаро, Димитрию Халкокондилу и, вероятнее всего, Лоренцо Валле, с которым состоял в дружеских отношениях. Ещё в 1443 г. в Неаполе с целью установления более точного смысла Нового Завета Валла предпринял сравнение («Collatio Novi Testamenti») текста иеронимовской «Вульгаты» с греческим оригиналом. Вполне вероятно, что в период их общения в Риме Валла использовал знания Газы в области греческой патристики для филологической работы над Новым Заветом[60]. В это время Феодор Газа занимался активной переводческой работой, подобно Хрисолору, следуя методу перевода по смыслу и стараясь находить точные латинские эквиваленты для передачи специфических особенностей греческих слов. По поручению своих патронов, заинтересованных в оживлении аристотелевских штудий, Газа перевел «Проблемы» Александра Афродисийского, а, кроме того, пересмотрел уже выполненные Георгием Трапезундским переводы сочинений «Problemata» и «De animalibus» Аристотеля, а также «De plantis» Теофраста[61]. После смерти своего покровителя папы Николая V в 1455 г. Газа продолжил свою филологическую деятельность уже в Неаполе, видном центре гуманистической культуры, куда прибыл по приглашению короля Альфонсо I, открывшего ещё в 1444 г. обучение греческому в сицилийской Катании[62]. В Неаполе ви-

зантийский ученый занимался переводами греческих авторов, давая уроки языка сицилийцу Антонио Панормите и помогая гуманисту Бернардо Фачо редактировать в латинском переводе «Тактику» Арриана. В последний период жизни Газа работал в Риме под патронажем Пия II и Сикста IV, занятый переводами Аристотеля и копировкой греческих рукописей. Незадолго до своей смерти он несколько месяцев читал лекции по философии Стагирита в Феррарском университете, куда вернулся в начале 1473 г. Очень вероятно, что учеником Феодора Газы в течение его второй остановки в Ферраре был немецкий гуманист Рудольф Агрикола, ставший затем первым преподавателем греческого в Гейдельбергском университете[63].

Одним из наиболее влиятельных греческих ученых эмигрантов в Италии XV в. был знаменитый Иоанн Аргиропул, известный скорее как философ, чем как учитель греческий словесности. Различные аспекты биографии этого человека в целом достаточно изучены. Получив образование в Фессалонике и Константинополе, Аргиропул впервые появился в Италии в роли делегата Ферраро-Флорентийского собора, а после возвращения на родину занялся частным преподаванием, обучая среди прочих сына Франческо Филельфо – Джан Марио. С 1441 г. вместе с Андроником Каллистом он давал частные уроки греческого языка в Падуе в доме Палла Строцци, известного флорентийского мецената, который много лет жил в изгнании. Успешное обучение Аргиропула в Падуанском университете завершилось присвоением ему в 1444 г. степени магистра artium et medicinae, что открывало очевидные перспективы для дальнейшей преподавательской карьеры уже в Италии. Некоторое время спустя он вновь вернулся в Константинополь, где преподавал в Ксеноне (гостевых палатах Стефана Уроша) не только византийским студентам, среди которых были Константин Ласкарис и Михаил Апостолий, но также итальянцам. В результате падения византийской столицы Иоанн Аргиропул, потерявший все имущество и свою семью (её освобождением он занимался на протяжении трех лет), был вынужден эмигрировать в Италию.

По рекомендации Палла Строцци его внук Донато Аччайуоли ходатайствовал за предоставление греку возможности преподавания в университете Флоренции, которая к середине 1450-х годов почти утратила своё лидирующее положение в области греческих штудий. Это было связано как со смертью прежних учеников Хрисолора – Амброджио Траверсари, Никколо Никколи и Леонардо Бруни, так и с отъездом из Флоренции ряда видных гуманистов, вызванным их оппозицией режиму Медичи, например, Палла Строцци и Джаноццо Манетти. Кроме того, переезд папского двора в Рим привел к оттоку гуманистов, служивших при нем в качестве секретарей курии, как было в случае с Флавио Бьондо. Известно, что по поводу новых назначений во Флорентийский studium вспыхнули противоречия между сторонниками избрания молодого гуманиста из Прато Кристофоро Ландино, с одной стороны, и теми, кто выступал за кандидатуру Аргиропула, с другой. Первые сплотились вокруг престарелого канцлера синьории Поджо Браччолини. В числе вторых были Донато Аччайуоли, его брат Пьеро, их близкий друг Аламанно Ринуччини, а также Марко Паренти, Антонио Росси и Андреа Аламанни, которые образовали т.н. «Академию», неформальное сообщество, ориентированное на риторический гуманизм Леонардо Бруни. Сложившаяся ситуация разрешилась компромиссом: и тот, и другой претендент получили право преподавания в университете[64].

Флорентийский период деятельности Аргиропула был особенно длителен (он занимал должность профессора университета с 1457 по 1471 и вторично с 1477 по 1481) и плодотворен. За это время ему удалось переориентировать флорентийский гуманизм с риторики раннего кватроченто на метафизику, подготовив, таким образом, почву для последующего расцвета платонической и неоплатонической философии во Флоренции[65]. Несмотря на то, что Аргиропул занимал кафедру риторики, эта дисциплина стояла достаточно низко в интеллектуальных приоритетах учителя, который, к разочарованию Донато, не давал никаких лекций по риторическим текстам и не обсуждал сочинения историков. В отличие от Ландино, который обучал студентов красноречию и поэзии, Аргиропул сосредоточился, прежде всего на преподавании греческой филосо-

фии. Его лекции были посвящены изложению и комментированию сочинений Аристотеля, однако он не ограничивался сугубо лекционными часами и продолжал занятия уже у себя дома, где разбирал со студентами начитанный материал и излагал идеи Платона и Плотина.[66].

Называя Аламанно Ринуччини и братьев Аччайуоли в числе его последователей, которые прежде усердно изучали искусство речи, Ландино отмечает, что затем «с величайшим усердием они отдали себя Аргиропулу для изучения философии (summo deinceps studio se in philosophia Argyropylo erudiendos tradiderant): и настолько в этом деле преуспели, что уже едва их известность была незаметна у своих»[67]. Кроме них среди учеников византийца были другие представители блестящей флорентийской молодежи – Доменико ди Карло, Бартоломмео делла Фонте, Веспасиано да Бистиччи, Бернардо Платина, а также один из его наиболее талантливых студентов, Анджело Полициано, который высоко оценивал талант Аргиропула, несмотря на общую неприязнь к византийским учителям. Благодаря прекрасному знанию древнегреческого (известно, что, начиная с семнадцати лет, он писал на нем эпиграммы) Полициано перевел на латынь «Илиаду» Гомера, которую посвятил Лоренцо Медичи, «Историю от смерти Марка», Геродиана, «Руководство морали» Эпиктета, а также несколько небольших работ Плутарха. Полициано был первым ученым, который со всей серьезностью обратился к эллинистической поэзии, читая лекции по Феокриту и Каллимаху, используя которого он исправил один из искаженных пассажей Катулла[68].

Одновременно с чтением латинских курсов по философии, Иоанн Аргиропул перевел многие из аристотелевских сочинений: «Никомахову этику», «Физику», «О душе», «Вторую Аналитику», первые двенадцать книг «Метафизики», посвященные им Козимо Медичи, а также «Об истолковании», первую часть «Первой Аналитики», «Топику», «О себе» и «Опровержение софистических аргументов». Прежде всего Аргиропул был заинтересован в латинских переводах философских, а не риторических работ, наделяя последние гораздо меньшей пользой и ценностью, чем сочинения философов, как он отмечал, в частности, в посвящении Пьеру Медичи двух своих переводов «De interpretatione» и «De generatione ratiocinationis»[69].

Плодотворное влияние Иоанна Аргиропула на флорентийский гуманизм было высоко оценено флорентийцами, которые даровали ему и его потомкам по мужской линии право гражданства в 1466 г. Однако уже через пять лет после этого события византийский ученый оставил Флоренцию и отправился в Рим, чтобы войти в гуманистический кружок Виссариона. Здесь Аргиропул преподавал греческий язык и философию, а также, следуя задачам «Академии», занимался переводческой работой. Одним из её результатов стало появление латинской версии «Гексамерона» св. Василия, изданной позже в 1515 г. В период его второго возвращения в Рим с 1481 по 1487 г, ставший завершающим в его карьере, Иоанн Аргиропул обучал среди прочих француза Лефевра д'Этапля и немцев Иоганна Рейхлина и Филиппа Меланхтона, первых преподавателей греческого языка в Германии.

Как показатель того глубокого уважения, которое питали гуманисты XV в. к труду византийских и итальянских ученых-грецистов, следует привести слова Поджо Браччолини, писателя, коллекционера и переводчика греческих авторов: поскольку «многие люди не живут, а влачат существование (правда, это последнее свойственно всем, тогда как первое почти никому), то, по-видимому, счастливы те, что, по милости бессмертного бога, могут сказать, что жили. Я думаю, что это относится к некоторым нашим современникам, которые своими деяниями достигли великой славы и известности на многие века. Они перевели нам с греческого на латынь труды разных писателей и сами писали с великой премудростью и искусством, благодаря чему латинские науки приобрели больше изящества и блеска»[70].

Перед греческими учеными стояла не только проблема выживания в чужой стране, но и задача сохранения культурного достояния древней цивилизации, обреченной на порабощение и исчезновение. Это наследие, которое, по словам Виссариона, отличало гре-

ков от «варваров и рабов», рассматривалось византийскими интеллектуалами как главнейший элемент греческой самоидентичности. Яркий пример мы находим в речи знаменитого византийского мыслителя Георгия Гемиста Плифона, обращенной к императору Мануилу II Палеологу: «мы… являемся народом эллинов, как об этом свидетельствует наш язык и отцовское воспитание»[71].

В последней четверти XV в. греческие ученые начинают продвигаться уже за пределы Италии, навстречу растущему интересу к греческой словесности и культуре в Западной Европе[72]. Выходец из Спарты Георгий Гермоним преподавал в Париже и Лондоне, Андроник Каллист, надеясь найти лучшие возможности, переезжал из Падуи в Болонью, затем в Рим, Флоренцию и Милан, откуда, продав свои книги, он устремился во Францию, но вскоре после этого умер уже в Лондоне. Иоанн Сервопул учил в Оксфорде и Ридинге, Иоанн Ласкарис вращался в гуманистических кругах Парижа, куда прибыл в 1494 г. Перед этим карьерным взлетом (он был назначен французским послом в Венецию) Ласкарис давал частные уроки во Флоренции, а затем по рекомендации Димитрия Халкокондила стал библиотекарем Лоренцо Медичи, по воле которого совершил две поездки в Грецию для сбора манускриптов. Уже в XVI в. через посредство Венеции в Европу, ждущую древнего классического знания, устремляются критяне, что было прежде всего связано с началом греческой печати и потребностью в квалифицированных техниках и редакторах[73].

Греческие эмигранты крепко держались за своих покровителей, щедрость которых становилась источником их собственного благополучия, а смерть вынуждала к новым странствованиям в поисках заработка. Тяжелой утратой для многих из них была смерть Николая V, Виссариона и короля Альфонсо Неаполитанского. В письме из Мессины в Милан к Джованни Пардо Константин Ласкарис с горечью отмечает: «Бережливость правителей гонит Феодора, который достиг наивысшей мудрости, в Калабрию, где в Поликастро, увы, он безвестно лежит в могиле; Андроника Каллиста – на Британские острова, где он умер лишенный друзей; Франгулия, мудрого мужа, – в какое-то место Италии, не известное мне; Димитрия она вынуждает возвращаться на родину, чтобы служить варварам; я уже не говорю о своем мудром наставнике Иоанне Аргиропуле, который пребывает в нужде в Риме, ежедневно продавая свои книги».[74]

Следует, однако, помнить, что византийские ученые-эмигранты нашли в Италии подходящую почву для распространения там ростков греческой учености, тем более что гуманистический акцент на studia humanitatis имел сильное сходство с риторической образованностью, которая была характерна для палеологовской Византии. Интеллектуальный климат Италии давал возможность для восстановления утраченной за период средневековья связи между культурным наследием латинского Запада и греческой античностью. В этом гуманистическом процессе активной культурной интеграции и восприимчивости византийские учителя не были простыми трансляторами, передатчиками культурного достояния своей родины, но скорее, по проницательному замечанию Кристеллера, они передали их западным ученикам «также и метод интерпретации классических текстов, как он был развит в византийской филологической традиции»[75]. Благодаря греческим учителям в западные школы пришли характерные для византийского образования выбор и последовательность в изучении классических текстов, а также классификация и связь учебных предметов. Латинские переводы, выполненные как византийскими эмигрантами, так и их итальянскими коллегами, изучение классической греческой филологии в университетах или частным образом не только обогащали ренессансную культуру философскими идеями, высокими литературными образцами, удачными социально-политическими формулами и научными достижениями древности, но и способствовали развитию итальянской лингвистической мысли сравнением грамматического строя и семантических особенностей языков, гуманистической методикой перевода по смыслу, формированием филологической критики текста и, наконец, обогащением собственного литературного языка, сперва латинского, потом итальянского, а в перспективе и других национальных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West: Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissances and the Byzantine and Roman Churches. Madison, 1989. P. 9.
2. *Pertusi A.* Leontio Pilato fra Petrarca e Boccaccio. Le sue versioni omeriche negli autografi di Venezia e la cultura greca del primo Umanesimo. Venezia; Roma, 1964. P. 18.
3. Ibid. P. 20.
4. Ibid. P. 205. См также: *Reynolds L.D., Wilson N.G.* Scribes and Scholars: a Guide to the Transmission of the Greek and Latin Literature. Oxford, 1974. P. 130; *Wilson N.G.* From Byzantium to Italy: Greek Studies in the Italian Renaissance. London, 1992. P. 4.
5. *Pertusi A.* Op. cit. P. 35, 433–437.
6. *Brucker G. A.* Florence and Its University, 1348–1434. Action and Conviction in Early Modern Europe. Essays in Memory of E.H. Harbison / Ed. T. K. Rabb and J. E. Seigel. Princeton, N.J., 1969. P. 231–233; *Pertusi A.* Op. cit. P. 17–18.
7. Текст вступительной речи Газы «Oratio de Litteris Graecis» опубликован в: *Mohler L.* Aus Bessarions Gelehrtenkreis: Abhandlungen, Reden, Briefe von Bessarion, Theodoros Gazes, Michael Apostolios, Andronikos Kallistos, Georgios Trapezuntios, Niccolo Perotti, Niccolo Capranica. Padeborn, 1942. Vol. 3. S. 253–259. Дискурс Димитрия Халкокондила см. в: *Geanakoplos D.J.* Byzantium: Church, Society and Civilization Seen through Contemporary Eyes. Chicago; London, 1984. № 330. P. 444–445; *Idem.* Interaction of the «Sibling» Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330–1600). New Haven; London, 1976. P. 254–264, 296–304.
8. Об «Erotemata» Хрисолора см.: *Wilson N.G.* Op. cit. P. 9–10, 42.
9. Catalogue of Books Printed in the XVth Century Now in the British Museum / Ed. A. Pollard, V. Scholderer. Parts I–VIII. Lithographic Reprint. London; Oxford, 1963. Part V. P. 668, 690.
10. Opus Epistolarum Des. Erasmi Roterodami / Ed. P.S. Allen, H.M. Allen et H.W. Garrod. Oxonii, 1906. T. I. №. 233. P. 473; *Reynolds L.D., Wilson N.G.* Op. cit. P. 131.
11. *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West… P. 8–10; 77.
12. О средневековых переводах с греческого см: *Fryde E.* Translation from Greek into Latin, chiefly in the second half of the thirteenth century. – *Idem*. The Early Palaeologan Renaissance (1261 – c. 1360). Leiden, 2000. P. 103–143; *Haskins C.H.* Studies in the History of Medieval Science. Cambridge, 1924. P. 141–241; *Verbeke G.* Guillaume de Moerbeke et sa Methode de Traduction. Medioevo e Rinascimento: Studi in onore di B. Nardi, Firenze, 1955. Vol. 2. P. 779–800.
13. *Vacalopoulos A.E.* Origins of the Greek Nation: The Byzantine Period, 1204–1261. New Brunswick, New Jersey, 1970. P. 240; *Wilson N.G.* Op. cit. P. 11–12; *Хартман Г.М.* Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма // ВВ. 1959. Т. 15. С. 111–112.
14. *Bolgar R.R.* Appendix I: Greek MSS in Italy during the Fifteenth Century. Idem. The Classical Heritage and Its Beneficiaries. Cambridge, 1954. P. 469, 483, 485, 492.
15. *Garin E.* Ricerche sulle Traduzioni di Platone nella prima meta del sec. XV. Medioevo e Rinascimento… Vol. 1. P. 341–357; *Wilson N.G.* Op. cit. P. 20–21.
16. *Nelson R.S.* The Italian Appreciation and Appropriation of Illuminated Byzantine Manuscripts, ca. 1200–1450 // DOP. 1995. Vol. 49. P. 218–219.
17. *Weiss R.* Jacopo Angeli da Scarperia (c. 1360–1410-11). Medioevo e Rinascimento… Vol. 2. P. 811–812, 819–824, 820.
18. *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West… P. 12; *Weiss R.* Op. cit. P. 810–811, 819–827.
19. *Leonardo Bruni Aretino.* Humanistisch-Philosophische Schriften. Mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Ed. Hans Baron. Leipzig; Berlin, 1928. S. 76.
20. Ibid. S. 76–77.
21. *Birkenmayer A.* Der Streit des Alonso von Cartagena mit Leonardo Bruni Aretino. Vermischte Untersuchungen zur Geschichte der Mittelalterlichen Philosophie: Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Text und Untersuchungen. Münster, 1922. S.

169. См. также: *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West… P. 5, 12, 39; *Siegel J.E.* The Teaching of Argyropulos and The Rhetoric of The First Humanists. Action and Conviction… P. 247–248.
22. *Kristeller P.O.* Renaissance Thought and Its Sources. New York, 1979. P. 148.
23. *Schucan L.* Das Nachleben von Basilius Magnus «Ad adolescentes». Ein Beitrag zur Geschichte des christlichen Humanismus. Geneve, 1973. S. 67–72. См. также: *Wilson N.G.* Op. cit. P. 14–16.
24. *Schucan L.* Op. cit. S. 66–67.
25. Epistolario di Guarino Veronese: raccolto, ordinato, illustrato da Remigio Sabbadini. Venezia, 1916. Vol. 2. P. 588.
26. Самый ранний пример путешествий из Италии на греческий Восток с образовательными целями может быть найден в письме Димитрия Кидониса, написанном к аббату константинопольского монастыря осенью 1386 г. Кидонис рекомендует своему адресату молодого человека из Милана, желающего изучать греческий в столице. Из письма следует, что этот образованный итальянец уже имел определенные познания в философии Платона и Аристотеля, а также был знаком с произведениями таких греческих отцов церкви, как Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Хризостом (*Demetrius Cydones* Correspondance / Ed. R.J. Loenertz. Citta del Vaticano, 1960. Vol. 2. Ep. 360. P. 304–305.). Несмотря на то, что этот факт часто упускается из виду исследователями, называющими Гварино первым итальянцем, отправившимся в византийскую столицу со специальной целью изучения языка и словесности (см. об этом: *Kianka F.* Demetrios Kydones and Italy // DOP. 1995. Vol. 49. P. 109), именно со времени появления в Италии Мануила Хрисолора поездки гуманистов в Константинополь и другие города Греции становятся регулярными.
27. Ep. di Guarino. Vol. 2. P. 509.
28. Ibid.
29. *Weiss R.* Op. cit. P. 806–808.
30. *Diller A.* The Textual Tradition of Strabo's Geography. Amsterdam, 1975. P. 105; *Wilson N.G.* Op. cit. P. 42.
31. *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000. С. 194–196, 397.
32. *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice. Studies in the dissemination of Greek learning from Byzantium to Western Europe. Cambr. Mass., 1962. P. 28.
33. PG. T. 156. Col. 24–58.
34. См. гимн Гварино Веронезе в честь учителя: Ep. di Guarino. Vol. 1. P. 62–71.
35. PG. T. 161. Col. CIX. О болонском периоде деятельности кардинала Виссариона см.: *Медведев И.П.* Болонская грамота Виссариона Никейского в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВВ. 1986. Т. 47. С. 134–144.
36. *Vacalopoulos A.E.* Op. cit. P. 243, 250; *Wilson N.G.* Op. cit. P. 120–123.
37. Cat. Brit. Mus. V. P. LI, 552. Ласкарис предваряет свою грамматику кратким очерком истории греческих штудий в Италии, начиная с Мануила Хрисолора (PG. T. 161. Col. 932–939).
38. *Geanakoplos D.J.* Byzantium… № 330. P. 442–443; PG. T. 161. Col. 647–676; *Медведев И.П.* Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // ВВ. 1986. Т. 46. С. 157–163. См. также: *Hankins J.* Renaissance Crusaders: Humanist Crusade Litterature in the Age of Mehmed II // DOP. 1995. Vol. 49. P. 116–118; *Удальцова З.В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1976. Т. 37. С. 85–88.
39. *Alef G.* Diaspora Greeks in Moscow // Byzantine Studies, 1979. Vol. 6. Part 1–2. P. 29–30; *Harris J.P.* A Worthless Prince? Andreas Palaeologus in Rome – 1464–1502 // Orientalia Christiana Periodica, 1995. Vol. 61. № 2. P. 537–554; *Тихомиров М.Н.* Греки из Мореи в средневековой России // СВ. 1964. Вып. 25. С. 172–173. Сохранилось очень интересное письмо, написанное Виссарионом к правителям и коммуне Сиены в 1472 г. Кардинал сообщает о том, что в Болонье он видел посла от великого князя, который направлялся

в Рим, чтобы сватать Софью за своего господина. Виссарион отмечает, что помолвка является предметом его заботы и беспокойства. Поэтому он просит сиенцев на тот случай, если посол, возвращаясь обратно с невестой, проедет через из области, встретить его с почестями и хорошо позаботиться обо всех приехавших, чтобы по возвращении к своему государю они могли рассказать о любви народов Италии к этой девушке («cum apud dominum suum fuerint, argumenta aliqua afferre valeant amoris populorum Italiae erga hanc puellam»). См.: *Mohler L.* Aus Bessarions Gelehrtenkreis… S. 564.

40. *Matschke K.-P.* The Notaras Family and Its Italian Connection // DOP, 1995. Vol. 49. P. 68–69; *Nicol D.M.* Anna Notaras Palaiologina, died 1507. *Idem*. The Byzantine Lady: Ten Portraits, 1250–1500. Cambridge, 1994. P. 99–100.
41. *Mohler L.* Aus Bessarions Gelehrtenkreis… S. 542; PG. T. 161. Col. 702 AB. О греческой общине Венеции см: *Geanakoplos D.J.* Greek scholars in Venice… P. 53–70; *Idem.* Constantinople and the West… P. 112–137; *Nicol D.M.* Byzantium and Venice: a Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988. P. 415–418.
42. О гуманистическом окружении Виссариона см.: *Удальцова З.В.* Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии // ВВ. 1973. Т. 35. С.82–85.
43. PG. T. 161. Col. 669–676.
44. *Diller A.* Op. cit. P. 132.
45. Ibid. P. 116, 126–131.
46. Cat. Brit. Mus. IV. P. 8.
47. *Monfasani J.* George of Trebizond: A Biography and a Study of his Rhetoric and Logic. Leiden, 1976. P. 8–9.
48. Ibid. P. 9–13.
49. Ibid. P. 241 etc. См. также: *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West… P. 18–19, 43–44.
50. *Gilbert F.* The Venetian Constitution in Florentine Political Thought. – Florentine Studies. Politics and Society in the Renaissance Florence / Ed. Nicolai Rubinstein. London, 1958. P. 468–470. См. также: *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West… P. 19–21, 55–56; *Idem.* Greek scholars in Venice… P. 30.
51. Collectanea Trapezuntiana: Texts, Documents and Bibliographies of George of Trebizond / Ed. J. Monfasani. New York, 1984. P. 286–287.
52. Николай Секундинос был известен в Италии как дипломат и писатель, который оставил после себя значительное число работ по философии, теологии, риторике и истории, а также латинские переводы Демосфена, Плутарха и Онасандра. См.: The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. Alexander P. Kazhdan, 3 vols., New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1865.
53. *Kristeller P.O.* Op. cit. P. 144, 299; *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 305–306.
54. Opus Epistolarium. 1910. T. II. № 428. P. 264–266.
55. Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami. Ordinis primi tomus secundus. Amsterdam, 1971. P. 114. См. также p. 130, 148.
56. *Mohler L.* Aus Bessarions Gelehrtenkreis… S. 253–254.
57. Ibid. S. 254.
58. *Geanakoplos D.J.* Interaction… P. 254–264, 296–304. О Халкокондиле см.: *Vacalopoulos A.E.* Op. cit. P. 247–249; *Wilson N.G.* Op. cit. P. 95–98.
59. PG. T. 161. Col. CXV.
60. *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West… P. 21, 84–85; 89.
61. *Wilson N.G.* Op. cit. P. 76–81. Похвальные отзывы о переводах Феодора Газы с греческого на латинский и с латинского на греческий есть у Эразма. См.: Opera. T. II. P. 665; Opus Epistolarium. T. I. P. 15; 1938. T. IX. P. 229.
62. *Vacalopoulos A.E.* Op. cit. P. 244.
63. *Geanakoplos D.J.* Constantinople and the West… P. 75–76.

64. *Siegel J.E.* Op. cit. P. 241–242.
65. *Geanakoplos D.J.* The Career of the Byzantine Humanist Professor John Argyropoulos in Florence and Rome (1410–1487): The Turn to Metaphysics. – Constantinople and the West… P. 91–113; *Siegel J.E.* Op. cit. P. 237–256. См. также: *Брагина Л.М.* Аргѐропуло (из истории философии итальянского Возрождения) // ВВ. 1968. Т. 31. С. 237–255.
66. Лекции Аргиропула опубликованы в: *Müllner K.* Reden und Briefe Italienischer Humanisten. Ein Beitrag zur Geschichte Pädagogik des Humanismus. Wien, 1899. P. 3–56.
67. *Siegel J.E.* Op. cit. P. 244.
68. *Reynolds L.D., Wilson N.G.* Op. cit. P.136–137; *Wilson N.G.* Op. cit. P. 101–113. См. также: *Шевченко И.В.* Флорентийский гуманист Анджело Полициано // ВИ. 1991. № 7–8. С. 238–242.
69. Praefatio Iohannis Argyropyli… ad Petrum Medicem in libros Aristotelis de interpretatione et Generatione ratiocinationis. *Siegel J.E.* Op. cit. P. 257–258. См. также: *Wilson N.G.* Op. cit. P. 87–88.
70. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Сост. Л.М. Брагина. М., 1985. С. 72.
71. PG. T. 160. Col. 821 B.
72. См. об этом: *Медведев И.П.* Греческая культура конца XV — первой половины XVII в. как составная часть европейской культуры. История Европы. М., 1993. С. 586–591.
73. О критских эмигрантах см.: *Geanakoplos D.J.* Byzantine East and Latin West: two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Studies in Ecclesiastical and Cultural History. Oxsford, 1966. P. 147–164.
74. PG. T. 161. Col. 958 A. В данном отрывке речь, конечно, идет о Феодоре Газе, Иоанне Сервопуле (Франгулий) и, возможно, о Димитрии Кастриносе.
75. *Kristeller P.O.* Op. cit. P. 143.

P.A. Ryazanov

THE BYZANTINE TRANSLATORS AND TEACHERS OF THE GREEK LITERATURE IN RENAISSANCE ITALY IN THE END OF 14th – 15th cc.

The article is devoted to the role of Greek language and literature in development of the humanistic culture of Renaissance Italy. Revival of the Greek literature in the West had been directly connected with emigration of the Byzantine scholars in Italy, the first of which was the Byzantine diplomat and teacher Manuel Chrysoloras arrived in Florence in 1397.

.

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

© 2007 г.

Д.В. Григорьев, Ф.Г. Давлятшина

АНТИЧНЫЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ ИЗ ФОНДА КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Музеи различного рода и уровня являются важной частью научной жизни любой страны. Некоторые из них, имея статус краеведческого, на самом деле уже вышли за эти пределы, поскольку обладают коллекциями, которые гораздо шире, чем границы отдельного региона. В нашем случае, мы хотим сказать о коллекции античного времени.

В Москве 16-18 сентября 1998 года проходила международная конференция «Древневосточные, античные и раннехристианские коллекции российских музеев: неопубликованные, малоизвестные и вновь приобретенные памятники». Характерно, что в ней принимали участие представители отечественных музеев, которые расположены только в Европейской части России[1]. С одной стороны, это закономерно (именно в данных музеях, территориально приближенных к античным центрам, накапливаются соответствующие материалы). С другой стороны, музеи, значительно удаленные от античных центров, также обладают некоторыми греко-римскими древностями, в том числе и неопубликованными. Проведение упомянутой конференции позволяет расширить информацию о географии распространения коллекций античных вещей и установить действительно музейные связи с целью качественного изучения данных материалов.

В фонде драгоценных металлов, драгоценных камней и нумизматики Красноярского краеведческого музея при очередной инвентаризации были обнаружены монеты античного времени. По приходным книгам удалось выяснить, что монеты поступили в музей из частных коллекций состоятельных граждан г. Красноярска в конце XIX в. и в 20-х гг. XX в. Источник и путь их появления в коллекциях красноярцев неизвестен.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что монеты являются разрозненными и не представляют какой-либо системы. Несмотря на это, они безусловно имеют самостоятельную ценность и нуждаются в публикации. Перед этим нам пришлось провести подготовительную работу по разбору коллекции, определению и датировке монет.

В нашем распоряжении имеется 16 серебряных монет. Среди них одна греческая и 15 римских разных исторических периодов.

Первая монета (№1 в общей сводке в конце статьи) относится к анэпиграфным. Фактура аккуратная, плоская, гурт ровный, правильный. На лицевой стороне имеется изображение человеческой головы влево с длинными ровными волосами, безбородой, в точечном ободке, который практически полностью сливается в линейный. Штемпель смещен относительно центра. Оборотная сторона представляет нам обращенную вправо бычью голову, охваченную линейным ободком. Здесь смещение штемпеля едва заметно. Изображения имеют ярко выраженные черты архаичности. Монета относится к типу «колхидок». Название происходит от места многочисленных их находок (Западная Грузия — древняя Колхида). Имеющаяся в каталоге университета в Эрлангене монета с аналогичными данными определена как гемидрахма[2]. В грузинской научной литературе

подобного типа колхидки значатся как полудрахмы II типа или триоболы [3]. Датировка колхидок определяется широко: середина V-III вв. до н.э.[4] Экземпляр из коллекции в Эрлангене датирован 350 г. до н.э. Интерпретация типа и место чеканки остаются спорными. Высказывается предположение, что на лицевой стороне находится изображение Гекаты[5]. Чекан является полисным и относится к городу Фасис. Сомнение вызывает подлинность монеты. Известно, что античные серебряные монеты отличались высокопробным металлом — 95-98% серебра[6].

Далее перед нами четыре римских денария эпохи Республики. Первый (№2) имеет плоскую фактуру, ровный с легкой овальностью гурт, изношенность средней степени. На лицевой стороне изображен женский профиль вправо в головном уборе (короткие лучи). Это богиня Рома, что подтверждается надписью ROMA, присутствующей здесь же. На лицевой же сторонне в легенде указан монетарий — LABEO. Кроме того, заметен знак, удостоверяющий номинал монеты (X) — денарий. Он находится под подбородком, справа от Ромы. Штемпель слегка смещен по отношению к центру. На оборотной стороне изображена квадрига, на ней Юпитер. Следовательно, можно предполагать, что монета относится к типу «квадригата». Под квадригой под обрезом находятся буквы — Q. FAB. Они на самом краю монетного кружка. Поскольку штемпель слегка смещен, то могли быть и еще буквы. Тогда надпись выглядела бы Q. FAB[IO]. Данная монета соответствует выпускам монетария Квинта Фабия Лабиона в 124 г. до н.э.[7] Появление монеты подобного типа относится к периоду консульства Гая Кассия Лонгина и Гая Секстия Кальвина.

Следующий денарий (№3) имеет плоскую фактуру, гурт ровный, слегка овальный, изношенность слабая, штемпель ровный четкий. На лицевой стороне мужской бородатый профиль вправо, определяемый как профиль царя Тита Тация. Здесь же легенда, указывающая на это — SABIN. На оборотной стороне изображена колесница, запряженная парой коней («бига»), на ней Виктория. Следовательно, данная монета относится к типу «бигата». Под обрезом лежит какой-то продолговатый предмет, по-видимому, палица. Здесь же указано личное и родовое имя монетария — L.TITVRI. (Луций Титурий Сабин). В каталоге А.Н. Зографа есть упоминание этого монетария для 87 г. до н.э.[8] В последнее время монеты Сабина датируются 89 г. до н.э.[9] В год выпуска монеты на должность консулов в Риме выбраны Гней Помпей, сын Секста, Страбон и Луций Порций, сын Марка, Катон.

Следующий денарий (№4) имеет плоскую фактуру, слегка вдавленную на реверсе, гурт овальный. На лицевой и оборотной стороне заметны следы сильной изношенности в определенных местах. Штемпель слегка смещен. На аверсе профиль богини Салюс (богиня приветствия, оздоровляющая), вправо. Это подтверждается надписью SALVTIS вдоль ободка, слева от изображения. Верхний левый угол стерт. На реверсе монеты изображена стоящая богиня здоровья (Валетудо) влево, в правой руке держит змею. Об этом говорит легенда — VALETV. По всем признакам монета может относиться ко времени монетария Мания Ацилия Глабриона, выполнявшего свои обязанности в 49 г. до н.э.[10] Но на оборотной стороне монеты не сохранилось его имени, в отличие от других экземпляров. Оно обычно располагается справа от богини. Поскольку штемпель нашей монеты смещен вправо, то отсутствие строчки с именем триумвира можно объяснить этим техническим моментом[11]. Очевидно, наша монета принадлежит вышеописанному типу. Консулами 49 г. до н.э. были Гай Клавдий, сын Марка, Марцелл и Луций Корнелий, сын Публия, Лентул Крус.

Следующая монета (№5) имеет плоскую фактуру, ровный гурт в виде круга, слабую изношенность и четкий ровный штемпель. На аверсе Венера в шлеме (диадеме), вправо. Позади буквы SC (senatus consult), указывающие на одобрение сенатом данного выпуска. Характерной чертой этого выпуска является наличие рубчиков по ребру монеты. Считается, что они служат для подтверждения ее полноценности. На реверсе трига, на ней Виктория. На монете нанесен порядковый номер выпуска — CXVIII и обозначение имени триумвира-монетария C.NÆ.BAB под обрезом. Это Гай Невий Бальб. Выпуск мо-

нет данного типа датируется 79 г. до н.э.[12].В этот год консулами являлись Публий Сервилий, сын Гая, Ватия (Исаврик) и Аппий Клавдий, сын Аппия, Пульхр.

Все римские республиканские денарии чеканены из высокопробного серебра (960°), несколько отличается монета Фабия (900°). Это вызывает некоторые сомнения в ее подлинности. В целом можно отметить, что перечисленные денарии относятся к числу распространенных и известных в науке экземпляров. К сожалению, у нас нет возможности более детального исследования состава монет по металлу, чтобы делать какие-либо конкретные выводы об имеющихся монетах.

Далее следуют монеты императорского времени. Наиболее ранняя из них (№6) имеет плоскую фактуру, ровный круглый гурт, слабые следы изношенности, четкий ровный штемпель. Легенда на аверсе называет Домициана Цезарем Августом Германиком. На о. с. изображена Минерва в шлеме со щитом, замахивающаяся копьем. Легенда указывает на титул цензора. Известно, что Домициан получил должность censor perpetuus (пожизненный цензор) в 85 г. н.э.[13] Монета выпущена в 17-е консульство Домициана, которое он занимал в 95 г. н.э.[14] Известно, что в этот же год выпущены монеты с изображением Германии, сидящей на щите[15]. Наша монета может относиться к победному выпуску с Викторией, которая поражает противника. Домициан императором в 22-й раз стал в 92 г. за нанесенное поражение сарматам, что отразилось в предыдущей чеканке[16]. Титул «Германик» Домициан принял после победы над германскими племенами хаттов в 83 г. н.э. и был включен в его официальную титулатуру на монетах[17]. В то же время были созданы провинции Верхняя и Нижняя Германия (Svet. Dom. 6.1; 13.3; Eutrop. VII. 23.4). Домициан даже переименовал по своим прозвищам месяцы сентябрь и октябрь. Тип монеты может датироваться 95–96 г. н.э.[18] Вес монеты — 3,1 г. в целом соответствует среднему весу денариев в эпоху Флавиев. Правда, известно, что при Домициане вес денария увеличился до 3,32 г. и они были самыми крупными из монет правителей данной династии[19]. Следует отметить несовпадение легенды на аверсе с большинством известных в каталогах монет данного типа. Все они на лицевой стороне перед CAES имеют IMP. На нашей монете такое обозначение отсутствует. Это можно объяснить как уникальностью монеты, так и вероятной ее умелой подделкой.

Две следующие монеты связаны с типами, относящимися к чеканке Марка Ульпия Траяна. Фактура монеты (№7) плоская, гурт ровный (один край немного поврежден). Изношенность аверса средняя, буквы легенды различимы, реверс изношен сильнее — буквы различимы с трудом, как и изображение. Штемпель ровный. Консулом во второй раз Траян стал в 98 г. н.э.[20] Титул «Германик» должен быть связан с командованием Траяном германскими легионами, которые и провозгласили его императором, и наместничеством в Германии[21]. Затем Траян продолжал оставаться на рейнской границе, где шли операции против германских племен в течение еще полутора лет[22]. Монета датируется 98–99 гг. н.э.[23] Упоминание в легенде аверса имени Нерва, очевидно, должно свидетельствовать об указании на преемственность власти. Известно, что Траян был усыновлен своим предшественником Нервой.

Другая монета периода правления Траяна (№8) должна относиться к более позднему времени. Фактура плоская, гурт ровный круглый, изношенность слабая, штемпель ровный четкий. На аверсе данной монеты кроме «Германик» указан титул «Дакийский». Надписи «Дакия» на монетах появляются со 102 г.[24] Это очевидно связано со сдачей царя даков Децебала Траяну. Правда, титул «Дакийский» появляется на монетах со 104 г., после окончания I-й Дакийской войны[25]. На о.с. указано, что в данный год Траян становится консулом в 5-й раз. Таковым он стал в 103 г.[26] Наличие Фортуны, у ее ног оружия, свидетельствует о связи выпуска монеты с военными успехами. Правда, отсутствуют обозначения порядковых номеров присвоения титула императора, которое было распространено в тот период. Вес монеты (2,9 г) не выходит за пределы норм для денариев в правление ранних Антонинов[27]. К этому же периоду Траян получил титул «Лучшего принцепса», о чем свидетельствует легенда реверса. Такого типа монеты датируются сравнительно широко — 103–111 гг. н.э.[28]

Одна монета (№9) по своему типу, возможно, принадлежит чекану Траяна Элия Адриана. Фактура плоская, гурт ровный круглый. Изношенность слабая частичная. Штемпель ровный четкий. Вес монеты (2,9 г) не выходит за рамки весовой нормы при ранних Антонинах[29]. Монеты данного типа выпускались после 117 г., так как Адриан именно тогда в чеканке больше не использует титулы Траяна «Германский», «Дакийский», «Парфянский»[30]. Буквы легенды, обозначающие консульство, стерты, но четко виден порядковый номер, на основании которого можно установить год, когда Адриан занимал эту должность — III. В третий раз консулом он стал в 119 г. н.э.[31] В целом монеты этого типа датируются 119–124 или 125 гг. н.э.[32] Необходимо отметить определенные отличия публикуемой монеты от указанных в каталоге. Они связаны с реверсом: обычно Либера, которая изображена здесь, сидит, в одной руке держит ветвь, в другой скипетр, надпись LIB PVB располагается под обрезом. В нашем случае, Либера стоит, в левой руке держит копье, в правой весы. Надпись LIB слева от фигуры и PVB справа. Таким образом, данная монета либо имеет свою специфику штемпеля, либо является искусной подделкой.

Следующая монета (№10) вызывает ряд вопросов. Фактура плоская, гурт неровный: один край округлый, другой слегка вытянут. Изношенность средняя, не все буквы четко различимы. Штемпель ровный. Вес соответствует норме, принятой в этот период. Можно предполагать присутствие титула «Августина». По аналогии титула (AVG ANTONINI AVG) тип монеты относится к выпускам периода правления Антонина Пия, в честь его супруги Фаустины. К типу консекрационных монета не относится. Следовательно, чеканена она должна быть до 140 г. н.э., пока Фаустина была жива[33]. Не удалось обнаружить полную аналогию указанного на нашей монете титула. Указание «Император» отсутствует на известных нам монетах, что должно быть логичным, так как такой титул связан с военной деятельностью. При этом, всегда присутствует имя жены императора «Фаустина». На нашей монете оно, по крайней мере, не читается. Поэтому возникают некоторые сомнения в подлинности монеты.

Две следующие монеты (№11–12) относятся к типу консекрационных (посмертных, памятных) и являются однотипными. Обе имеют плоскую фактуру, ровный гурт, но у монеты №12 сильно обломан край. Изношенность очень слабая, штемпель ровный четкий. Л.с. провозглашает Антонина Пия «Божественным». На о. с. изображен погребальный костер в несколько ярусов и легенда CONSECRATIO. Этот выпуск датируется 161 г. н.э.[34]

Затем в коллекции представлены четыре антониниана периода солдатских императоров (№13–16).

Наиболее ранний из представленных типов (№13) относится к периоду правления Гордиана III. Монета имеет плоскую фактуру, ровный круглый гурт, слабую изношенность, штемпель ровный. Известно, что при Гордиане III возобновляется чеканка антонинианов[35], которая прекращается при Александре Севере и Максимине Фракийце[36]. Падение качества серебряной монеты, начавшееся при них, продолжается и дальше. Это отражает и проба нашей монеты — 800°. Согласно каталогу Фроловой Н.А., Абрамзона М.Г., монета данного типа относится к первому выпуску с июля 238 по июль 239 г. н.э.[37]

Другая монета (№14) относится также к типам, чеканившимся в период правления Гордиана III. Проба данной монеты подобна предыдущей. Серебро не является полноценным. Полной аналогии нашей монете найти не удалось. Наиболее близкий тип в каталоге ГИМ[38] содержит на реверсе надпись VIRTVS AVG, чего нет на нашей монете. Поскольку первый раз Гордиан был консулом в 238–239 гг.,[39] то к этому же времени может относиться и выпуск типа, к которому принадлежит наша монета.

Другой антониниан (№15) связан с периодом правления Филиппа I Аравитянина. Фактура плоская, гурт ровный круглый, изношенность слабая, штемпель ровный четкий. В легенде указывается, что Филипп в год выпуска монеты находился на должности консула во второй раз. Бикерман датировал это событие 247 г. н.э.[40] Согласно уточнен-

ной датировке, монета выпущена в 246 г.[41] В данный период римлянами ведутся трудные войны на дунайской границе. Очевидно, что такие события могли отражаться на качестве монетной чеканки. Проба монеты составляет 500°. Это подтверждает тенденцию к ухудшению качества монеты и превращению ее в медную[42].

Монета Галлиена (№16) имеет плоскую фактуру, ровный, слегка скошенный гурт, среднюю изношенность, штемпель ровный четкий. Изображение на реверсе, очевидно, показывает, что данный монетный выпуск был связан с военным мероприятием, которое закончилось победой: Виктория хочет возложить корону на голову вооруженного Галлиена. В каталоге Фроловой, Абрамзона по типу оборотной стороны аналогий найти не удалось. На нашей монете возможно восстановление легенды как победы над алеманнами. Известно, что в 258–259 гг. Галлиен одержал победу над германским племенем алеманнов[43]. Позднее, после следующих побед над франками и алеманнами (ок. 260 г.), Галлиен начал выпускать монеты с титулом «Германик»[44]. Как известно, именно к периоду правления этого императора антониниан достиг самой низшей степени качества[45]. Наша монета имеет пробу 100°, то есть она практически медная.

Основная масса римских монет в Северное Причерноморье поступает, начиная с периода Нерона и продолжается вплоть до византийского времени[46]. Большое количество монет было обнаружено в кладах[47]. Таким образом, можно сделать вывод, что набор римских монет в коллекции Красноярского краеведческого музея довольно обычный для территории Восточной Европы.

Благодаря изучению сплавов античных монет, удается выяснить особенности конкретного состава сплавов (вплоть до минимальных долей отдельных металлов), характерного для определенных исторических периодов. Вероятно, интересной является проблема выявления особенностей поддельных монет на этой основе. Доступ к необходимому источнику металла всегда был ограничен. Возможно ли определить, в древности или в новое время была осуществлена подделка? В случае, если можно дать положительный ответ, то изучение сплавов монет позволяет обратиться к исследованию нового направления в нумизматике.

КАТАЛОГ СЕРЕБРЯНЫХ АНТИЧНЫХ МОНЕТ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1. ск 3238
о/ф 3695–29 «Колхидка» (возможно, подделка). Полудрахма II типа (500°).
Л.с. линейный ободок. В нем изображение человеческой головы влево.
О.с. Обращенная вправо бычья голова, охваченная линейным ободком.
Вес — 1,1 гр. Диаметр 1,2 см. Середина V–III вв. до н.э.

2. ск 226
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. Голова Ромы в шлеме вправо. Позади ROMA, справа X и LABEO.
Точечный ободок.
О.с. Юпитер в квадриге вправо. Точечный ободок. Под обрезом Q.FAB.
Вес — 3 гр. Диаметр 1,9 см. Монетарий Квинт Фабий Лабеон — 124 г. до н.э.

3. ск 229
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. Голова царя Тация с бородой, вправо. Сзади сверху вниз SABIN.
Точечный ободок.
О.с. — Виктория в биге, вправо, в правой руке венок с лентами. Ниже L.TITVRI. Под обрезом — палица. Внизу заметен край точечного ободка.
Вес — 3,5 гр. Диаметр 1,9 см. Монетарий Луций Титурий Сабин — 89 г. до н.э.

4. ск 228
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. Голова Салюс в лавровом венке вправо. Позади снизу вверх SALVTIS.Точечный ободок.
О.с. Богиня здоровья (Валетудо) стоит влево, в правой руке держит змею. Слева от богини надпись IIIVIR VALETV. Точечный ободок.
Вес — 3,8 гр. Диаметр 2,1 см. Триумвир-монетарий Маний Ацилий Глабрион — 49 г. до н.э.

5. ск 224
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. Голова Венеры в диадеме вправо. S C. Точечный ободок.
О.с. Виктория в триге, вправо. В верхней правой части — CXVIII. Под обрезом C.NÆ.BA.S.
Вес — 3,8 гр. Диаметр 1,8 см. Монетарий Гай Невий Бальб — 79 г. до н.э.

6.ск 230
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. Профиль Домициана в венке вправо. CAES DOMIT AVG GERM PM TR P XV.
О.с. Фигура Минервы в шлеме, со щитом, стоит, замахивается копьем. У ног неясный предмет. IMP XXII COS XVII CENS PPP.
Вес 3,1 г. Диаметр 1,9 см. 95–96 г. н.э.

7.ск 233
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. Профиль Траяна в венке в право. IMP CAESAR NERVA TRAI[AN] AVG GERM.
О.с. Стоящая фигура богини влево. PM TR P COS II P
Вес — 2,2 гр. Диаметр 1,8 см. 98 г.н.э.

8.ск 227
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. Профиль Траяна в венке вправо. IMP TRAIANO AVG GER DAC PM TR P
О.с. Фортуна. Правая рука на оружии около ног. COS V PP S.P.Q.R. OPTIMO PRINC.
Вес 2,9 г. Диаметр 1,8 см. 103–111 гг. н.э

9.ск 225
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. Профиль Адриана в венке вправо. IMP CAESAR TRAIAN H ADRIANVS AVG.
О.с. Либера стоит. В левой руке копье, в правой весы. Вдоль края монетного кружка слева направо PM TR P COS III. По центру монетного кружка, слева от Либеры — LIB, справа — PVB.
Вес 2,9 г. Диаметр 1,9 см. 119–124 или 125 гг. н.э.

10.ск 234
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. — женский профиль вправо (Фаустина?). IMP AVG ANTONINI AVG P II FIL
О.с. — сидящая Конкордия влево. …CORDIO. Диаметр 1,9 см.
Вес — 2,9 гр. До 141 г. н.э.?

11.ск 232
о/ф 817 Римский денарий.
Л.с. — профиль Антонина Пия вправо. DIVVS ANTONINVS.
О.с. — изображение погребального костра в несколько ярусов. CONSECRATIO.

Вес 2,5 г. Диаметр 1,8 см. 161 г. н.э.

12.ск 234а
о/ф 817 то же самое. 2,4 г. Диаметр 1,7 см. 161 г. н.э.

13.Н-644-2
ск 3111 Антониниан.
Л.с. — Бюст Гордиана III в панцире и плаще вправо. Голова в лучевой короне. IMP CAES M ANT GORDIANVS AVG.
О.с. — Провиденция стоит прямо, голова влево, в правой руке шар, в левой — скипетр. PROVIDENTIA AVG.
Выпуск 1 — конец июля 238 — конец июля 239 г. н.э. (Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. 2003. Каталог… С. 113, 4; табл. 26, 6). Вес — 3 гр., диаметр 2,3 см.

14.ск 3128
Н-644-2 Антониниан.
Л.с. — Бюст Гордиана III вправо, в плаще. Голова в лучевой короне. IMP CAES M ANT GORDIANVS AVG.
О.с. — Гордиан в шлеме, опирается левой рукой на копье, правой придерживает круглый щит. PM TR PII COS PP.
Возможно, Антиохия — 238–239 гг. н.э. (Фролова, Абрамзон. 2003. С. 122–123, 101; табл.29, 6). Вес — 3,3 гр., диаметр 2,3 см.

15.ск 3136
Н-644/2 Антониниан.
Л.с. — профиль Филиппа I в плаще вправо. Голова в лучевой короне. IMP M IVL PHILIPPVS AVG.
О.с. — Фелицитас стоит влево. В правой руке — кадуцей, в левой — рог изобилия. PM TR PIIII COS II PP.
246 гг. н.э. (Фролова, Абрамзон. 2003. С. 130, 1; табл. 34, 4). Вес — 2 гр., диаметр 2,1 см.

16.ск 3097
Н-644/4 Антониниан.
Л.с. — Бюст Галлиена влево. На голове лучевая корона. IMP GALLIENVS AVG.
О.с. — крылатая Виктория идет вправо навстречу Галлиену с короной (хочет возложить). Галлиен стоит справа, в левой руке копье. VICTORI….. LMAN.
Вес 3,1 г. 258–259 гг. н.э. Диаметр 2,1 см.

Фото 1. «Колхидка». Полудрахма II типа. V-III вв. до н.э.

Фото 2. Денарий. Кв. Фабий Лабеон. 124 г. до н.э.

Фото 3. Денарий. Л. Титурий Сабин. 89 г. до н.э.

Фото 4. Денарий. М. Ацилий Глабрион. 49 г. до н.э.

Фото 5. Денарий. Г. Невий Бальб. 79 г. до н.э.

Фото 6. Денарий. Домициан. 95-96 гг. н.э.

Фото 7. Денарий. Траян. 98 г. н.э.

Фото 8. Денарий. Траян. 103-111 гг. н.э.

Фото 9. Денарий. Адриан. 119-124 гг. н.э.

Фото 10. Денарий. Фаустина (?). До 141 г. н.э.

Фото 11. Денарий. Антонин Пий. 161 г. н.э.

Фото 12. Денарий. Антонин Пий. 161 г. н.э.

Фото 13. Антониниан. Гордиан III. 238-239 гг. н.э.

Фото 14. Антониниан. Гордиан III. 238-239 гг. н.э.

Фото 15. Антониниан. Филипп I. 246 г. н.э.

Фото 16. Антониниан. Галлиен. 258-259 гг. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Древневосточные, античные и раннехристианские коллекции российских музеев: неопубликованные, малоизвестные и вновь приобретенные памятники // ВДИ. 1999. №3. С. 233–236.
2. *Ulrich Zwicker*. Griechische Münzen (Griechenland, Ägäis, Pontus, Paphlagonien und Bithynien) Sammlung Zwicker. Teil 2. Erlangen. 1996. Z 970. S.132–133.
3. *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика античной Грузии. Тбилиси. 1987. С. 15–16.
4. Там же. С. 16.
5. Там же. С. 32.
6. *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. 16. С. 25; *Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л.* Результаты исследования состава боспорских монет VI–II вв. до н.э. из собрания Государственного Эрмитажа // ДБ. 1998. Т.1. С. 227; *Смекалова Т.Н.* Значение изучения состава монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // ДБ. 2000. Т.3. С. 262.
7. Catalogue of Ancient Coins in the Ossolinski National Institute Library. Part 1. Coins of the Roman Republic. Wroclaw. 1985. №92–96. P.38–40; Craw, 273/1, Syd.532; *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Ч.I. Республика. М. 2001. С. 37–38, табл. 14. 7, 8.
8. *Зограф А.Н.* Античные монеты…Табл. XX, 16.
9. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Ук. соч. С. 63, табл. 24. 6.
10. Там же. С. 92, табл. 33. 12.
11. Catalogue of Ancient Coins in the Ossolinski… №303. P.80–81; Craw., 442/1a. Syd.922.
12. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Ук. соч. С. 75. Табл. 28. 6, 7.
13. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975. С. 290.
14. Там же. С. 228.
15. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 183.
16. *Абрамзон М.Г.* Тема борьбы с племенами Европейской Сарматии и Скифии в монетной чеканке Римской империи // ВДИ. 1999. №2. С. 178.
17. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды … С. 170.
18. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Ч.II. Ранняя империя. М. 2002. С. 77; Catalogue of Ancient Coins in the Ossolinski… №465. P.76; RIC 190; BMC 230.
19. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды... С. 50–51.
20. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира… С. 228.
21. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды… С. 133.
22. Там же. С. 179.
23. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Римские монеты в собрании… Ранняя империя. С. 88–89.
24. *Абрамзон М.Г.* Тема борьбы с племенами… С. 179.
25. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство проаганды… С. 225, 255.
26. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира… С. 228.
27. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды… С. 51.
28. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Римские монеты в собрании… Ранняя империя. Гр.V. С. 94–98. Тип 29, 5–6.
29. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды… С. 51.
30. Там же. С. 255.
31. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира… С. 228.
32. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Римские монеты в собрании…Ранняя империя. С. 121. №71.
33. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды… С. 512.
34. Там же. С. 412, илл. 65а.
35. Там же. С. 56.
36. Там же. С. 54.

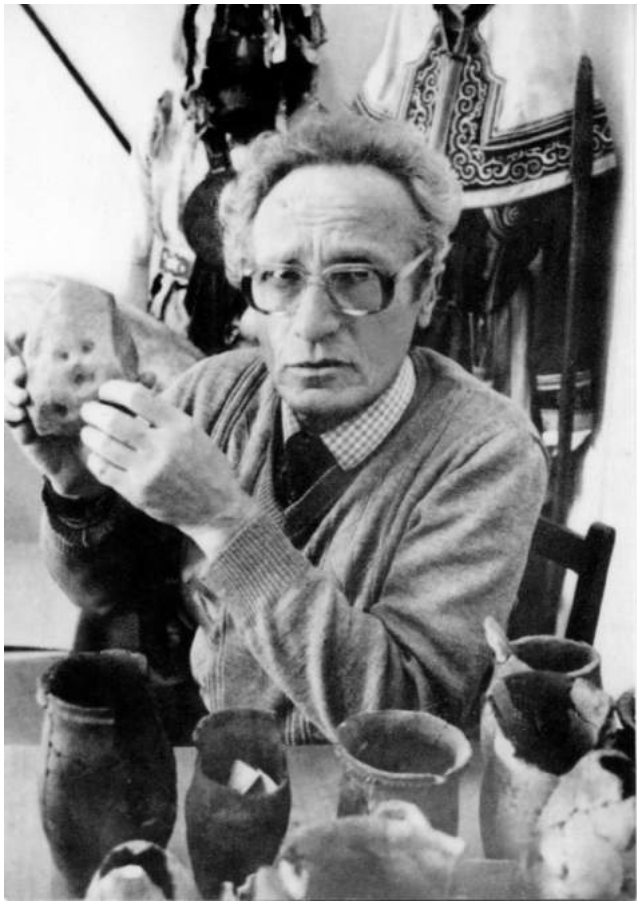
37. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Ч.III. М., 2003. С. 113, 4; табл. 26, 6.
38. Там же. Ч. III. С. 122–123, 101; табл. 29, 6.
39. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира… С. 232.
40. Там же.
41. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Римские монеты в собрании…Ч.III. С. 130, 1; табл.34, 4.
42. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды… С. 56.
43. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира… С. 295.
44. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды… С. 228.
45. Там же. С. 56.
46. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967. С. 26.
47. Там же. С. 24.

D.V. Grigorjev, F.G. Davljatshina

ANCIENT SILVER COINS FROM KRASNOYARSK MUSEUM

There is a collection of silver coins in Krasnoyarsk museum. These coins came into museum from private persons in the end of 19th — the beginning of 20th cc. Altogether there are 16 coins: 1 Greek coin («Colchis one»), 11 Roman denarii (4 dated to the period of Republic, 7 dated to the period of Early Empire) and 4 antoniniani. Most of these coins correspond to parameters of the concrete types and the historical periods of their existence, but the authenticity of some coins casts doubt.

PERSONALIA



К 70-ЛЕТИЮ ДАВИДА ЛАЗАРЕВИЧА БРОДЯНСКОГО

В октябре 2006 г. исполнилось 70 лет Давиду Лазаревичу Бродянскому, доктору исторических наук, профессору Дальневосточного государственного университета.

Д.Л. Бродянский родился 24 октября 1936 г. в городе Житомире. В 1962 г. окончил отделение истории Китая Восточного факультета ЛГУ. Востоковед-китаист, со знанием китайского языка, он уже с 1-го курса Востфака стал специализироваться в археологии, с 1958 г. ежегодно бывая в экспедициях: разведки и раскопки в Крыму, Хакасии, на Сахалине и Курильских островах, в Приамурье. С 1960 г. приоритетным становится Приморье. С самого начала ленинградской юности его наставником, учителем и старшим другом был Алексей Павлович Окладников (автореферат кандидатской диссертации в 1969 г. подписал, не читая: «А зачем мне его читать? Я все твои идеи и так знаю»). Докторская диссертация (1995) — «Неолит и палеометалл Южного Приморья».

Сразу по окончании ЛГУ Д.Л. Бродянский стал преподавать в ДВГУ (1962), в течение 15 лет сочетая работу на восточном и историческом факультетах. Читал историю Китая («от синантропа до Мао Цзэдуна»), «Географию Китая», вёл занятия по вэньяню — древнекитайскому языку. На истфаке (с 1994г. на кафедре археологии, этнографии, истории культуры) ДВГУ, по сей день читает «Историю первобытного общества», «Археологию», ведёт спецкурсы «Тихоокеанская археология», «Ископаемое искусство». 11 лет (1992-2003) читал физикам «Введение в историю культуры». Им создан первый в

ДВГУ археологический музей. За 45 лет работы в университете его лекции прослушало около 5 тыс. студентов. Многие его ученики — ныне кандидаты и доктора наук. Некоторые посвящают ему свои стихи («В крутое и бурное время, Когда опускаются руки, Он честно несёт своё бремя, Во славу российской науки!»). Возможно, ещё и потому, что студент всегда чувствует в своём учителе искренность, увлечённость, преданность делу, уважение к собственным учителям. О последнем свидетельствуют публикации Д.Л. Бродянского — им написаны очерки о тех, с кем его сталкивала археологическая судьба, и о многих других — предшественниках в избранной им сфере научной деятельности («историю предшественников в науке необходимо знать: мы стоим на их плечах и продолжаем их дело.»).

Научная специализация Д.Л. Бродянского — неолит и палеометалл Дальнего Востока (7500 — 1500 л.н.). Перечень научных открытий и исследований внушителен. Совместно с А.П.Окладниковым им определён дальневосточный очаг древнего земледелия (1969); выделена приамурско-маньчжурская археологическая провинция (1975); совместно с В.А.Раковым открыта древнейшая аквакультура — выращивание устриц в неолите и палеометалле (1985-1992) Д.Л. Бродянским открыты и исследованы древнейшие в Приморье календари, космограммы, полиэйконическая скульптура, мобильные (портативные) петроглифы.

На счету Д.Л. Бродянского открытие и исследование более 50 археологических памятников и культур, назовём лишь некоторые из них: *Олений А, Б, В, Г* — семь слоев от мезолита до раннего железа; *Синий Гай А* — поздний неолит и бронза — единственное на Дальнем Востоке полностью раскопанное поселение бронзового века (изделия из бронзы, детали костяного панциря, роговые детали скифского лука, ритуальные погребения животных); *остров Петрова* с древнейшими канами и литейной мастер-наконец, *Бойсмана II* (предбойсманский слой с остродонной керамикой 7100-7000л.н., 6 слоев раковин — бойсманская культура, 6825-4470 л.н., два могильника, жилища, ритуальные комплексы, более 130 произведений искусства, календари). В могильниках — арктические монголоиды, в памятниках искусства — образы мифологического цикла Ворона, распространённого по обе стороны Берингова пролива. Выше исследован ещё один неолитический слой и слой раннего железа. Д.Л. Бродянский принимал также деятельное участие в исследовании всего спектра приморских памятников — от палеолита до средневековья. В последнее время наряду с историей дальневосточной археологии много внимания им уделяется изучению памятников древнейшего искусства Приморья в широком культурном контексте (Китай, Корея, Япония), с привлечением дальневосточной мифологии и обоснованием возможной интерпретации конкретных памятников искусства.

В 1980 г. Д.Л. Бродянский начинает выпускать сборник «Тихоокеанская археология», составителем и редактором которого является по сей день, в нём он публикует работы своих коллег — учёных Дальнего Востока и Сибири. Вышло 14 выпусков, на подходе — 15-й. Им опубликовано более 300 статей (около десятка — на страницах нашего сборника), из них свыше 30 — на английском, китайском, корейском и японском языках. Вот некоторые монографические исследования Д.Л. Бродянского и сборники его статей:

Каменный век. Владивосток, 1977.

Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987.

Человек. Культура. Общество. Владивосток, 1995, 2003 (2-е изд.).

Археология Приморья. Сеул, 1996 (на кор. яз.).

Очерки истории дальневосточной археологии. Владивосток, 2000.

Искусство древнего Приморья. Владивосток, 2002.

Люди и проблемы дальневосточной археологии (очерки, эссе, статьи, доклады). Владивосток, 2004.

Мифы, интеллект древних в археологии Приморья (в печати).

В них — его весомый вклад в археологию и историю Дальнего Востока, его отчётливо выраженная нравственная позиция учёного, которому небезразлично происходящее вокруг («Археология интернациональна, она соединяет историю этносов, их взаимосвязь, и уже этим ей противопоказаны расизм, националистическая нетерпимость и прочие прелести межнациональной злобы.»). Интеллигентность, принципиальность, чувство ответственности за дело жизни и многие другие качества личности, к сожалению, ныне зачастую «уходящие из употребления», Давид Лазаревич Бродянский сохранил в себе и воспитывает в своих учениках.

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры», Отдел классической археологии ИА РАН, Отдел этнографии народов Сибири ИАЭ СО РАН, Ректорат МаГу, а также читатели и авторы журнала сердечно поздравляют Давида Лазаревича Бродянского с юбилеем, и от всей души желают ему долгой жизни, здоровья и новых книг и статей.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТИПОЛОГИИ СИНТАШТИНСКОЙ КЕРАМИКИ
(о монографии В.В. Ткачева и А.И. Хаванского «Керамика синташтинской культуры». Орск–Самара, 2006)*

Вышедшая в 2006 году из печати монография В.В. Ткачева и А.И. Хаванского[1], посвящена исследованию керамики из раскопок синташтинских погребальных памятников Южного Урала, — всей ее совокупности (Степное Приуралье и Южное Зауралье).

Статистическая выборка (525 сосудов), привлеченная авторами, выглядит вполне достоверной[2].

Керамика анализируется с позиций традиционной типологии. Авторы полагают, что именно корректное использование выводов по типологии керамики позволит создать «действенный механизм для выхода на уровень историко-культурных реконструкций»[3]. В целом, справедливость этого тезиса не вызывает сомнения. Но категоричность отрицания, в частности, технологических данных на основании «невозможности их формализации» озадачивает. Особенности типологии синташтинской керамики, на взгляд автора данной статьи, в значительной степени обусловлены именно традиционной технологией, указывающей на генетическое и культурное предшествование. Не бесспорен и тезис В.В. Ткачева и А.И. Хаванского о «чистоте выборки», которую дают керамические материалы из синташтинских погребальных памятников, поскольку нельзя исключить целевого изготовления сосудов именно для погребальной церемонии. Это не означает тотального отличия погребальной синташтинской керамики от поселенческой, однако, отличия, конечно, присутствуют. Они могут быть обусловлены, в частности, предполагаемым использованием именно этих сосудов в погребальных обрядах[4].

Методика типологической обработки синташтинской керамики, примененная В.В. Ткачевым и А.И. Хаванским, предполагает несколько стадий анализа по нисходящей: класс — отдел — тип — подтип. Анализ проводился по трем классам: горшки, горшечно-баночные формы и банки[5], по восьми отделам. Ключевым моментом вычленения типов и подтипов сосудов., по мнению авторов монографии, является т.н. «морфологическая формула», позволяющая объединять сосуды с соответствующими комплексами признаков в совокупности различного уровня[6]. Как достоинство предлагаемой методики авторы рассматривают возможность привлечения для типологических процедур графических изображений сосудов при наличии масштаба. Однако из анализа, при подобном подходе, исключается блок информации, характеризующий состав теста, приемы обработки поверхностей, технологию формовки (наличие или отсутствие оттисков текстильной прокладки на внутренней стороне сосудов). Но именно состав теста, точнее, ограниченное применение в синташтинском гончарстве как примесей источенных створок раковин речных моллюсков, а также практическое отсутст-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 06-01-85108а/У).

вие в абашевском гончарстве следов синташтинской технологии формовки сосудов, не позволяют автору данной статьи напрямую связывать синташтинское гончарство с южноуральским абашевским.

Синташтинская керамика сгруппирована В.В. Ткачевым и А.И. Хаванским по обсужденной выше авторской методике. В результате была создана типология, составленная из восьми типов сосудов[7]. За исключением типа VIII, остальные имеют различное количество подтипов, — от двух до четырех (тип I.1). В целом методика типообразования сомнений не вызывает. Сомнение вызывает лишь ряд утверждений. Авторы, в частности, считают, что при изготовлении новых сосудов на перевернутых вверх дном старых «высота тулова выбиралась изначально и меньше всего была подвержена случайным изменениям». Проведенные археологами ЧГПУ опыты показали, что при этом способе формовки сосуда высота тулова не могла быть одинаковой. Плечо могло формоваться и из первичной заготовки сосуда, что уменьшало высоту тулова. Что касается высоты плеча, то, поскольку для синташтинской посуды ребро (в любом его исполнении), находилось, как правило, на 2/3 общей высоты сосуда, то вопрос для гончаров заключался лишь в том, из скольких лент (одной или двух) компоновать верхнюю часть сосуда. Наблюдения показывают, что предпочтение отдавалось варианту с одной лентой, что обуславливало традиционную для синташтинской посуды относительно небольшую высоту верхней части сосуда[8]. Заключение авторов о преобладании в синташтинском керамическом комплексе остроребеpных сосудов с выраженным ребром в верхней трети высоты тулова и с «прямым» невысоким плечом полностью совпадает и с выводами автора данной статьи об облике керамического комплекса синташтинских памятников Южного Зауралья. Эта группа сосудов действительно составляет ядро анализируемой совокупности[9]. Нет вопросов и к корреляции формы и орнамента этой группы сосудов. Однако не вполне доказательным выглядит утверждение о более поздней датировке соседней группы сосудов (I, 2)[10]. Горшки со «сглаженным» ребром, конечно, по правилам создания формальной типологии, должны быть обособлены. Но очевидно, что в данном случае (притом, что сосуды, отнесенные к этой группе, составляют не более 4,5% от общего количества сосудов) они, скорее, могут считаться всего лишь «технологическим «вывихом» при «ручном» способе лепки. «Обедненность» орнаментальных композиций может быть и кажущейся, принимая во внимание небольшую и случайную выборку.

Выделение «кубкообразной» группы синташтинской керамики исключительно по формальным типологическим соображениям (соотношение диаметра по устью и по дну) должно, на взгляд автора данной статьи, соотноситься с функциональным назначением этих сосудов. Во всяком случае, сосуды из Синташтинского могильника, отнесенные по формальным соображениям к «кубкам», имеют объем, близкий корчагам.

Система орнаментации синташтинской керамики анализировалась по уровням: элементы — мотивы — композиция — стиль[11]. Авторы выделили в орнаментации синташтинской керамики 147 элементов[12]. Столь значительное их количество обусловлено, в частности, технологией нанесения орнамента. Нужно заметить, что большая дробность элементов орнамента на подварианты вряд ли обоснована, поскольку «размывает» статистическую картину.

Анализ орнаментации синташтинской керамики на уровне композиций привел авторов к заключению о существовании здесь двух видов «классических» композиций, как в «развернутом», так и в «сокращенном» варианте[13]. Справедливо отмечена динамичность, взаимозаменяемость значительной части орнаментальных мотивов синташтинской керамики, существовавших, однако, в рамках каноничности. Обсуждая стиль синташтинской керамики, авторы обоснованно подчеркивают, что орнаментальные каноны здесь «оставляли простор для реализации художественного замысла». Авторами обсуждаемой монографии предпринято также и развернутое сравнение синташтинской керамики с керамикой памятников потаповского типа из Среднего Поволжья. Сравнение организовано по морфологическому и орнаментальному основаниям. В результате авторы приходят к вполне корректному, на взгляд автора данной работы, выводу о неприемле-

мости объяснения потаповского культурного типа как варианта синташтинской культуры при признании их родственности[14].

Самые большие сомнения вызывает предпринятая авторами монографии попытка создания внутренней хронологии для памятников синташтинского типа. 98 сосудов из синташтинских погребальных памятников Приуралья, — явно недостаточная выборка для создания относительной хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры. Быстротечности культурных процессов в начальной фазе культурогенеза соответствует также и эволюционная многолинейность. Поэтому тенденция постепенного исчезновения «внутреннего ребра» в синташтинской керамике для автора данной статьи, не очевидна, поскольку не подтверждена стратиграфически или взаимовстречаемостью. Керамика из могильника Каменный Амбар-5 столь же синташтинская, как и в могильниках с сосудами с «внутренним ребром»[15]. Поскольку синташтинское население являлось поликультурным, вполне возможно, перед нами одна из (основных?) синхронно существовавших групп. Во всяком случае, археологические методы не позволяют говорить об их последовательности.

«Смазанность» эволюции типов синташтинской керамики в Южном Зауралье В.В. Ткачев и А.И. Хаванский объясняют через долговременность проживания синташтинского населения Южного Урала в укрепленных поселениях, что вызвало «постепенную эволюцию материального комплекса, в том числе и гончарства»[16]. Однако исследователи уже неоднократно отмечали выраженный дисбаланс между масштабами укрепленных поселений и скромностью сопутствующих им некрополей. Само же функционирование всех синташтинских укрепленных поселений, скорее всего, не было одновременным и не предполагало их постоянной и полной заселенности. Но и точка зрения авторов монографии заслуживает внимания и дальнейшего обсуждения.

Авторы, на основании анализа керамического комплекса, подтверждают высказанную В.В. Ткачевым ранее гипотезу о Степном Приуралье, как исходном центре зарождения керамической традиции синташтинской культуры[17] и Южном Зауралье, как о районе, где эта традиция позднее нашла свое развитие. Автор данной статьи полагает, что различия в керамике синташтинских погребальных памятников Приуралья и Зауралья могли быть обусловлены, скорее, различными культурными компонентами, вступавшими относительно одновременно во взаимодействие.

Выход обсуждаемой монографии, вне сомнения, — этапное событие в осмыслении памятников синташтинского типа, поскольку впервые предпринимается попытка типологического анализа всей совокупности синташтинской керамики из погребальных памятников, которая позволяет предметно обсуждать традиции керамического производства синташтинского населения Южного Урала.

Н.Б. Виноградов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. Орск–Самара, 2006.
2. Там же. С. 24.
3. Там же. С. 4.
4. См., например, *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч.1. Челябинск, 1992. С. 323, рис. 187, 1-2.
5. *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской.... С. 17.
6. Там же. С. 19.
7. Там же. С. 26-28, рис.3-5.
8. *Виноградов Н.Б., Мухина М.А.* Новые данные о технологии гончарства у населения ала-

кульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья. Межвузовский сборник. Куйбышев, 1985. С. 79–84.
9. *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской.... С. 51.
10. Там же. С. 51-52.
11. Там же. С. 42.
12. Там же. С. 43-44, рис. 17; 18.
13. Там же. С. 63-64.
14. Там же. С. 76.
15. *Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005. — 192 с.
16. *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской... С. 79.
17. Там же. С. 81.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ZOSIMOS
NEA HISTORIA (pars III)

ЗОСИМ
НОВАЯ ИСТОРИЯ (книга III)*

Перевод с латинского и комментарии *Н.Н. Болгова*.
Вступительная статья *Н.Н. Болгова* и *Е.В. Литовченко*

Зосим – последний языческий историк, комит и экс-адвокат фиска Восточной Римской империи (Византии). *Новая история* в VI кн. носит ярко языческую направленность. Закончена в 498 г. Единственная языческая история на греческом языке, сохранившаяся полностью от V в. Главную причину ослабления империи и натиска варваров Зосим видит в принятии христианства.

Основные темы книг:

I. Краткое вступление от Троянской войны до римских императоров. История кризиса III в.;

II. От Диоклетиана до Констанция II;

III. Юлиан и его эпоха;

IV. Валентиниан и Валент;

V. Феодосий и начало V в.;

VI. События 409-410 г.

Публикуемая здесь книга III особенно интересна с точки зрения сравнения ее с аналогичными сюжетами Аммиана Марцеллина. В целом Зосим проигрывает Аммиану, но в ряде случаев дополняет его, опираясь на независимые источники.

Работа над переводом «Новой истории» Зосима велась с 1991 г. Отдельные книги уже публиковались нами в различных сборниках БелГУ: кн. VI // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 49-56; кн. I // Античный мир. Белгород, 1999. С. 154-191; кн. V // Проблемы историографии всеобщей истории. Белгород, 2000. С. 86-115; кн. II.1-7 // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 3. Белгород, 2006. С. 136-141.

Полный перевод готовится к изданию издательством «Гуманитарная академия» (Санкт-Петербург).

---

* Публикация подготовлена при поддержке Гранта БелГУ ВКГ 126-06 2006 г.

ЗОСИМ — «ПОСЛЕДНИЙ ЭЛЛИН»*

Об авторе последнего античного исторического сочинения Зосиме мы знаем, помимо того, что он сам сообщает о себе в своем произведении, лишь в выписках, сделанных в IX в. патриархом Фотием для свода «Мириобиблион» (Bibl. Cod. 98): «Прочитано историческое сочинение в шести книгах Зосима, комита и бывшего адвоката фиска. Что касается религии, то это безбожник, и зачастую – по многим проявлениям. Он выступает против истинной веры. Зосим краток по своему стилю, четок и ясен, не лишен привлекательности. Его рассказ начинается, можно сказать, от Августа, но вплоть до Диоклетиана дается лишь беглый обзор всех правителей, обстоятельств их восшествия на престол и последующих деяний. Начиная со времени Диоклетиана, рассуждения Зосима становятся более пространными, занимая пять книг. Действительно, первая книга лишь перечисляет императоров, предшествовавших Диоклетиану со времени Августа. Автор завершает свою шестую книгу рассказом о времени, когда Аларих второй раз осадил Рим, римляне претерпевали голод, а императорский трон был передан Атталу. Позже Аларих возвысился посредством Аттала, потому что хорошо воспользовался предоставленной ему возможностью; он отослал последнего вести переговоры с императором Гонорием, который проживал тогда в Равенне. Но Сар, враг Алариха, имевший три сотни человек под своим распоряжением, присоединился к Гонорию, обещая союз против Алариха и выступив против него. Шестая книга Зосима заканчивается вслед за этим. Можно было бы сказать, что Зосим не написал историю, но что он переписал ее у Евнапия, от которого он отличается только своей лаконичностью и тем обстоятельством, что не бичует Стилихона со всей злостью, как Евнапий. Однако по манере изложения Зосим не похож на других авторов; особенно четко это проявляется в эпизодах нападок на христианских императоров. Кажется, имеется два издания его произведения; однако до сих пор я не видел первого, но тот факт, что он назвал ту рукопись, которую мы прочитали, «Новым изданием», дает нам повод предполагать, что он написал, как и Евнапий, два текста. Зосим более ясен и, как я уже сказал, краток, чем Евнапий, и он редко использует образные выражения».

Из текста Фотия, однако, не ясно, в какое время жил Зосим. Патриарх упоминает лишь об одном факте из биографии нашего историка. Примерно то же самое мы видим и в начале текста рукописи, в котором сохранилось произведение Зосима. Известно, что историк был комитом (одним из высших должностных лиц в административной системе империи) и бывшим адвокатом государственной казны (фиска) При выходе в отставку адвокаты государственной казны получали различные почести, соответственно значению должности, которую они занимали; но так как мы не знаем, комитом каких дел был Зосим, мы не можем строить никаких догадок о его карьере и о месте, где она разворачивалась. Из самого произведения можно вполне определенно заключить, что Зосим был явным язычником, враждебно относившимся к христианству и обладавшим некоторой литературной культурой; что он провел по меньшей мере какую-то часть своей жизни в Константинополе, о чем свидетельствует достаточно тонкое знание топографии этого города[1].

Вопрос о времени жизни Зосима также не вполне ясен. Зосим в кн. V опровергает утверждения Олимпиодора из Фив[2], историка, изложение которого заканчивается вступлением на престол императора Валентиниана III, 23 октября 425 г.[3] Произведение Олимпиодора, следовательно, было написано после указанной даты, которая представляет собой *terminus post quem* (наиболее ранний хронологический рубеж) для нашей редакции «Новой истории» Зосима. Упоминание имени философа Сириана[4] не слишком проясняет общую картину, так как ничего неизвестно о дате, когда было написано произведение последнего; оно могло быть известно еще до 425 г.

Первый писатель, который цитирует Зосима и произведение которого сохранилось –

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ 2006 г. ВКГ № 126-06.

Евагрий Схоластик, чья «Церковная история»[5], была написана между 592 и 594 гг. В цитируемом отрывке Евагрий говорит об историке Евстафии Епифанийском, источники которого он упоминает, между ними и появляется имя Зосима. Точность этих сведений была проверена и признана, можно ей довериться; но когда писал этот Евстафий, неизвестно. В другом отрывке «Церковной истории» Евагрия мы узнаем, что Евстафий после того, как рассказал об экспедиции римлян в Месопотамию, умер, оставив свое произведение незаконченным на описании двенадцатого года царствования Анастасия (император с 11 апреля 491 г.), что подтверждено хронистом Иоанном Малалой[6]. Из этих двух текстов следует вывод, что Евстафий умер в 502-503 гг. Однако автор довел свой рассказ лишь до 502-503 гг. Быть может, смерть помешала ему продолжить его, но нельзя доказать, что он умер именно в этот момент; это выглядит неправдоподобным, так как в этом случае мы должны были бы допустить, что Евстафий в самом конце своей жизни описывал события в буквальном смысле последних дней. Впрочем, справедливо отмечалось, что византийские историки имеют привычку останавливаться в своих повествованиях на смерти императора, который предшествовал тому, при котором они пишут. Причина – очевидная осторожность, которую должны были проявлять историки императорской эпохи. Евтропий и Аммиан Марцеллин[7], например, считают, что говорить о царствующем императоре больше подобает не истории, но панегирику. Поэтому очевидно, что произведение Евстафия, которое рассказывает о начале царствования Анастасия I, не было написано при нем, но в эпоху Юстина I (518-527). Этот вывод снабжает нас более ранним *terminus ante quem* (позднейшим хронологическим рубежом) – до 518 г. и, таким образом, заставляет поместить жизнь Зосима между 425 и 518 гг.

По косвенным указаниям (отмена ряда налогов при Анастасии) датировку «Истории» можно сузить до 498-518 гг. «Новая история» помещена в контекст времени, когда Римская империя была почти полностью занята варварами или даже практически уничтожена[8]. Без сомнения, здесь надо сделать скидку на риторическое преувеличение автора, который хочет показать, что забвение традиционной религии в пользу христианства спровоцировало распад империи, но подобные фразы не могли быть написаны до конца V века, который привел к исчезновению Западной империи. А позднее, в VI веке, империя лишь укреплялась и расширялась в рамках реставрационной политики Юстиниана.

В рукописях произведение Зосима названо «Новая история», тогда как во фрагменте, приведенном выше, Фотий называет его «новым изданием» (εκδοσις) и делает предположение, что Зосим, как и Евнапий, два раза издавал свое произведение. Следовательно, мы располагаем «вторым изданием», которое имелось в руках Фотия. Описание сочинения Зосима, которое дает патриарх, совпадает с текстом, которым мы располагаем сегодня. Некоторые новейшие историки последовали за Фотием в его гипотезе о двух редакциях, допуская, что новое издание было отредактировано и очищено от самых антихристианских отрывков, но подобное предположение ничем нельзя доказать. Гипотеза о том, что Зосим сам подготовил второе издание, выглядит невероятной, так как логический конец произведения отсутствует. Последние страницы текста представляют собой очевидные свидетельства поспешной и неоконченной правки. Видимо, Зосим не смог окончательно отделать текст своей книги. В этих условиях можно допустить, что название, данное в рукописи, подлинное, а Фотий стал жертвой путаницы. Заглавие же «Новая история» нужно понимать как «История современной (новой) эпохи».

Зосим четко указал причину, по которой он предпринял свой труд: в начале первой главы «Новой истории» упоминается Полибий, который является примером для нашего автора по форме и принципам изложения материала. Зосим претендует на то, чтобы стать, так сказать, «Полибием времен упадка». Последний посвятил свою историю описанию необычного и очень быстрого роста римского могущества. Зосим же хочет показать, как империя столь же быстро пришла в упадок. Он заимствует у Полибия важные наблюдения: римляне были долгое время незначительным народом, после своих первых успехов они были почти уничтожены карфагенянами, но немного позднее они завоева-

ли, менее чем за 53 года, огромную часть обитаемого мира. Далее Зосим еще более ясно выражает свою связь с Полибием[9]: «В то время как Полибий изложил, каким образом римляне создали свою империю так быстро, я расскажу, как они так же быстро разрушили ее своим высокомерием». Очевидно, что Зосим здесь явно опирается на Полибия и заимствует у него хронологическую и идеологическую схему своего произведения. Последнее, видимо, осталось незаконченным, поэтому нельзя сказать, в какой мере Зосим остался бы верным своему основному замыслу. Наш автор старается подражать строгому стилю своего образца, и ему это в основном удается; но нужно признать, что в целом как историк Зосим все же уступает Полибию.

Согласно Фотию, «Новая история» содержит шесть книг, и это действительно книги, имевшиеся в его распоряжении. Кроме того, писец, который переписывал последнюю часть рукописи Зосима, также указал на шесть книг. Однако более поздний рубрикатор в одной из копий выделил только 5 книг. В самом деле, в тексте имеется лакуна: четвертая тетрадь (квартерион) рукописи, содержащая конец первой книги и начало второй, исчезла, и не знавший этого рубрикатор, не заметив указания писца, сместил нумерацию книг с III по VI из-за того, что не мог видеть начало книги II. Эта трансформация имела последствием то, что среди копий, восходящих к основной рукописи, сохранилось деление на 6 книг, а среди рукописей, восходящих к рубрикатору – на 5 книг. Очевидно, что правильным является деление на 6 книг.

«Новая история» состоит из около 300 страниц в издании Тёйбнера и излагает преимущественно императорский период истории Рима. Повествование начинается с короткой преамбулы, подводящей читателя к царствованию Августа. Рассказ становится постепенно всё более подробным и завершается на событиях лета 410 г., которые предшествуют взятию Аларихом Рима. В конце текст обрывается внезапно и не сочетается никак с некоторыми эпизодами, смысл которых был бы понятен, если бы падение Рима было включено в текст. Также явно бросается в глаза, что VI книга намного короче предыдущих. Очевидно, что текст, которым мы располагаем – неполный. Может быть, по каким-то причинам он никогда и не был закончен; а может, конец не сохранился, случайно или по чьему-то умыслу. Эти разные версии были рассмотрены специалистами, но неясно, какая из них самая правдоподобная. Описание произведения, которое нам дает Фотий, показывает, что текст, которым он располагал, не был более полным, чем наш. Можно сделать этот же вывод в отношении и Евагрия, который заявляет, что история Зосима следует до эпохи Аркадия и Гонория[10], что не совсем точно, но, тем не менее, соответствует «Новой истории» в том виде, в каком мы ее читаем сегодня. Также есть и другие доказательства того, что в конце VI века произведение Зосима не было более полным, чем сегодня. Прошло не более 90 лет между временем, когда писал Зосим, и временем, когда Евагрий цитировал его, давая указание на то, чем заканчивается произведение Зосима. Мало правдоподобно, что за это относительно короткое время окончание «Новой истории» исчезло, не оставив ни малейшего следа. Если исходить из того факта, что всё произведение, и особенно его шестая книга, являют собой по стилю и по обработке текста очевидные знаки поспешной редакции, мы, вслед за Ф. Пашу, склонны допустить, что произведение осталось незаконченным по неизвестной нам причине, может быть потому, что Зосим умер.

Бесспорно, что, по замыслу автора «Новая история» должна была продолжаться хотя бы до конца 410 г.: в ряде мест историк намекает на более поздний период, когда Римская империя осталась почти только воспоминанием – конечно, к 410 г. ситуация была еще довольно далека от этого. Зосим также добавляет, что он будет говорить о позднейшей катастрофе в подробностях в нужном месте. Из этих фраз Зосима нельзя твердо заключать, что он <u>продолжил</u> свое произведение после 410 г., но лишь то, что он имел к этому вполне определенное намерение. Впрочем, если вспомнить о традиции византийских историков, которые останавливали свои сочинения на смерти императора, предшествовавшего тому, при котором они живут, правдоподобно допустить, что если бы Зосим мог закончить «Новую историю», он бы довел ее до 491 г., т.е. до смерти Зенона.

Трудно судить о гипотетической эволюции степени сохранности произведения и о его объеме, если бы период с 410 до 491 гг. сохранился, так как, чем дальше рассказ Зосима продвигается вперед, тем более подробным он становится.

Отправной точкой любого исследования источников Зосима является утверждение Фотия о том, что этот историк, так сказать, «переписывает Евнапия». У нас нет никакого повода сомневаться в принципиальной правоте патриарха, учитывая, что Фотий прочел полный текст исторического произведения Евнапия, которого нет у нас. Тем не менее, очевидно, что указание Фотия все же не совсем справедливое, так как Евнапий описал период с 270 по 404 гг., а «Новая история» хронологически начинается раньше и заканчивается позже. Это означает, что Зосим, живший на одно столетие позднее последних описанных им событий, должен был располагать и другими письменными источниками, кроме Евнапия. По поводу того, что говорит Фотий, надо еще отметить, что та сдержанность, которую патриарх приписывает Зосиму относительно Стилихона, видна лишь в описании событий 408 г., т.е. во время, для которого Зосим не мог использовать Евнапия. Когда же он следует за Евнапием, то Зосим весьма строг в отношении Стилихона. Однако этот эпизод не должен сбить нас с толку. У специалистов никогда не было сомнений, что Евнапий являлся источником важнейшей части «Новой истории», что подтверждается сравнением Зосима с уцелевшими фрагментами исторического произведения Евнапия.

Сам Зосим упоминает следующих авторов: Юлиан (III. 2; IV. 8, 2), Олимпиодор и Квадрат (V. 27, 1-2), Пизандр (V. 29, 3), Полибий (I. 1; I. 57, 1; V. 20, 4), Сириан (IV. 18, 4), Геродот (IV. 20, 3), Гомер (IV. 57, 4; 5, 6, 1) и Сивилины оракулы (I. 5; V. 36, 2). Цитаты из них у Зосима приведены не из первых рук. Без сомнений можно сделать вывод, что Олимпиодор стал основным источником Зосима, начиная с V. 26. Для периода до 270 года проблема гораздо более сложна, так как хорошо известно, что вопрос об источниках истории III века вообще очень запутан.

Существует относительное согласие специалистов по семи первым главам, включающим предисловие и обозрение истории императоров с Августа до воцарения Септимия Севера. Здесь особенно бросается в глаза критика монархического режима, которая кажется совершенно чуждым эпизодом в истории ранней Империи. Ф. Пашу склонен считать, что любой, хотя бы немного образованный человек, смог бы составить эти страницы почти без источников. Следовательно, их оригинальный автор – сам Зосим. Философские и политические рассуждения 1 и 5 глав могут также принадлежать самому Зосиму и выражать его убеждения антихристианского консерватора, выступающего против императорского режима в специфической манере, немного отдающей неоплатонизмом.

Начиная со 2-й книги, принято считать, что Зосим здесь следует за Евнапием, но некоторые отрывки приписаны большинством современных исследователей другим источникам. Это относится прежде всего к длинному отступлению о Столетних играх. Это – отрывок из римской религиозной истории, хорошо раскрывающий суть дела и достаточно точный в деталях, но, впрочем, игнорирующий хронологию[11]. Мендельсон предполагает, что невозможно считать самого Зосима подлинным автором этого отрывка и называет в качестве такового Флегона Тралльского. Согласно византийскому словарю Суда, этот писатель является автором трактата «О долгожителях», в котором приводит тот же оракул Сивиллы, что и у Зосима. Текст также мог бы происходить от Валерия Анциата через Веррия Флакка и Варрона. Конечно, эта гипотеза привлекательна, но ее достоверность не доказана.

Против 3-й книги особенно ополчились все те, кто изучал источники Зосима, так как рассказ «Новой истории» о кампании Юлиана против персов очень близок к рассказу Аммиана Марцеллина и Либания. Проблема источников о времени правления Юлиана вызвала многочисленные дебаты; сюда же можно добавить деликатные вопросы о хронологии появления исторических работ Аммиана Марцеллина и Евнапия, от чего, очевидно, зависит природа отношений между ними. Сразу становится очевидным, что све-

дения Аммиана, Либания и Зосима о персидской кампании, несмотря на определенные сходства, имеют примечательные различия, и каждый из них дает точные сведения (например, имена), которые отсутствуют в двух других рассказах.

Подойдя к концу текста Евнапия, Зосим был вынужден прибегнуть в качестве источника к Олимпиодору. Это самое простое объяснение в то же время является и самым правдоподобным. Определив таким образом метод работы Зосима с источниками как простой и механический, нельзя счесть Зосима способным соединить два или множество источников. Наш историк следует в принципе всегда одному источнику и ищет другой только тогда, когда прежний исчезает. Так как Евнапий описал поход Юлиана в Персию, мы не имеем оснований сомневаться, что Зосим и здесь следовал ему, заимствуя даже подход, где сам Евнапий принимался рассуждать об источниках, которыми располагал для правления Юлиана.

4-я книга не представляет проблемы в том, что касается источников. Общепризнанно, что она полностью зависима от Евнапия. Только два отрывка были отмечены Л. Мендельсоном как добавки самого Зосима. Во-первых, это сцена чудесного спасения Афин, когда землетрясение колебало Грецию, где упомянут гимн философа Сириана (хронология не позволяет принять, что Евнапий мог ссылаться на Сириана в первой части своего исторического произведения). Во-вторых, это экскурс о коллегии понтификов. Параллели имеются у Иоанна Лида[12]. Можно не сомневаться, что эти доводы достаточны для приписывания этих строк самому Зосиму, нежели Евнапию.

По проблеме источников пятой книги есть только одна точка зрения: историческое произведение Евнапия не продолжается за смерть императрицы Евдоксии в 404 году, поэтому Зосим обратился к Олимпиодору с главы 26. Этот переход от одного источника к другому лежит в основе уже упомянутого хронологического пробела в этой части «Новой истории». В самом деле, исторический рассказ Олимпиодора начинается с событий 406/7 гг. К этому добавляется факт, что Евнапий игнорирует практически все, что произошло на Западе после 395 г., тогда как Олимпиодор внимателен прежде всего к событиям на Западе, что удивительно для уроженца Востока и носителя греческого языка. Эти противоположные характеристики двух связанных между собой авторов четко отражаются у Зосима, повествование которого становится таким фрагментарным, что историк кажется в этом сознательным. Для нас это является точным признаком, доказывающим, что Зосим был так сильно зависим от своих источников, что не позаботился ни заметить их недостатки, ни заполнить пробел в том месте, где его допустил Олимпиодор.

Наше впечатление подтверждается, когда мы устанавливаем в «Новой истории» некоторые изменения, начиная с момента, где Зосим следует Олимпиодору. Известно, что произведение этого последнего имело характер, очень отличный от других историков, так, что Фотий определил его как «живая история». В противоположность обычной практике и особенно Евнапию, Олимпиодор ограничивается типичными латинскими терминами. Он лишь дает их в греческой огласовке, вместо того, чтобы перевести или заменить эквивалентами. Кроме того, Олимпиодор указывает даты и расстояния по римскому способу, отдает предпочтение римскому названию, когда он дает географическое указание; не колеблется упоминать точные цифры, интересуется социальными проблемами. Соответственно, и у Зосима находят множество примеров, начиная с главы 26 пятой книги, но не ранее. Вот латинские термины: V, 32, 4; 36, 3 - доместик (употреблены также в III, 30, 1); V, 32, 6; 35, 1 – магистр (употреблен также в III, 29, 3); также V, 34, 7 – нотарии и трибуны. Четыре латинских цитаты появляются в той части «Новой истории», которая произошла от Олимпиодора, тогда как прежде термины, оригинал которых был, конечно, на латинском, были представлены в греческом переводе. Уже отмечалось, что Евнапий полагал недостойным историка давать точную хронологию, и в самом деле, этого не находят у Зосима, когда он следует за этим автором (отступление о Столетних играх – сомнительного происхождения); но с того места, когда Зосим начинает следовать Олимпиодору, он указывает ежегодные изменения, приводя в пример имена

новых консулов. Более того, Зосим приводит точную дату смерти Стилихона. Если Зосим прибегает обычно к стадиям для указаний расстояний, то здесь он объясняется вдруг милями. В двух эпизодах он указал точное количество золота, серебра и других ценных вещей, которые Аларих потребовал от римлян. Интерес Олимпиодора к социальным проблемам четко прослеживается и у Зосима, когда он нам показывает знатный и богатый род Аницией, извлекавших выгоды из народных несчастий, или купцов, которые во время эпидемии в Риме во время второй осады Алариха не колебались поднимать цены на продовольственные товары. Это находится в соответствии с аналогичными местами, где Олимпиодор благосклонно оценивает Стилихона и защищает его от клеветы Сената, так как он понял, что его политика была единственно возможной. Аларих был самым сильным, ему нужно было удовлетворить свою жадность, для чего он покидает Италию, и этому мог способствовать только Сенат. Такова точка зрения сенаторской аристократии, которая объясняется заимствованиями у Евнапия, но эти нюансы полностью ускользают из поля зрения Зосима, который не колеблется сопоставлять противоположные суждения двух частей. Все эти наблюдения представляют доказательства того, что Зосим обращается к Олимпиодору, когда он не может больше прибегнуть к Евнапию, но особенно они показывают, что Зосим слишком пассивен по отношению к своему источнику, в угоду которому он даже сохраняет мелкие детали, изменяет в зависимости от него не только свою технику изложения, но даже свои идеологические позиции. Это довод, благодаря которому ученые в основном отказывают Зосиму в самостоятельности выбора и использования источников или дополнениях источника сведениями, взятыми в другом месте. Надо также отметить, что кроме Олимпиодора Зосимом был использован для периода, который нас интересует, и Созомен.

Вся 6-я книга полна ошибок, противоречий и непонятных данных. Обнаруживается крайняя небрежность, с которой было составлено ядро текста.

Итак, общепризнанно, что Зосим следовал в основном двум источникам – Евнапию с I. 47 по V. 25 и Олимпиодору с V. 26 почти до конца. Нужно ли полагать, что нет абсолютно никакого личного вклада Зосима в «Новую историю»? «Новая история» все же дает нам вполне оригинальные сведения. Это - самые интересные части произведения Зосима. В их основе лежат размышления религиозного и политического порядка, которые дополняют общий рассказ. Впрочем, уже отмечалось, что это единственные отрывки, которые подтверждают какую-то оригинальность нашего автора. Эти отступления Зосима позволяют назвать его Полибием эпохи упадка. Они выражают идеологию автора, его теологию, его языческую апологию истории. Эта забота объясняет упадок Рима заброшенностью традиционной религии. В контексте рассказа исторического идеологическая направленность заложена уже на стадии замысла и реализуется по крайней мере намерением. «Новая история» в этом отношении похожа на труд «О Граде Божием» Августина или «Историю против язычников» Орозия, которые представляют собой также в определенном роде вид идеологического сочинения. Здесь речь идет бесспорно о самом поразительном элементе произведения Зосима. Со времени Фотия Зосим всегда рассматривался как апологет язычества в сочинениях, которые ему посвящены. Этот аспект также сделался объектом нескольких специальных исследований. Излишне их пересказывать и комментировать здесь; простое перечисление будет достаточным.

Книга I. 1. 2: роль судьбы и провидения в истории. 5. 3-4: критика монархического режима. 57: предзнаменование, возвещающее поражение пальмирян. 58: другое предзнаменование, будущее вероломство римлян по отношению к богам, причина двух несчастий. 67, 1-2: чудесный дождь из зерна спасает армию Проба от голода.

Книга II. 1-7: отступление о Столетних играх, их происхождении, история Валезия, который достигает исцеления своих детей и учреждает праздник; жертвы на Марсовом поле, принесенные Попликолой; успешные празднования Столетних игр; описания церемоний; пророчество Сивиллы, посвященное Играм; их непразднование провоцирует упадок империи. 13: пожар в храме Фортуны в Риме и бунт, спровоцированный богохульством солдата. 16, 1-2: пророчество и знак, данный Максенцию перед сражением у

Мильвийского моста. 29: языческая версия обращения Константина к христианству. 30: строительство новой столицы в Константинополе. 31: Константин украшает этот город; он показывает себя безбожником и терпит отныне военные поражения. 32-33: административные нововведения Константина и губительные реформы префектуры. 34: нововведения оказываются катастрофическими в военной области, они провоцируют упадок городов и всей Империи. 35: непомерные размеры Константинополя. 36: поиски пророчества, объявляющего величину Константинополя. 37: текст и интерпретация найденного пророчества. 38: чтобы удовлетворить свое мотовство, Константин вводит притеснительные налоги, которые стали причиной упадка городов.

Книга III. 9.4-6: Юлиан публично признает свое язычество; он ободрен пророческим сном. 11.1-2: Юлиан действует в соответствии с указаниями прорицателей и небесных светил. 12.1: неблагоприятные знаки для Юлиана, проигнорированные Зосимом. 32: история римских провинций Месопотамии, находившихся под властью римлян до смерти Юлиана и никогда больше не отвоеванных обратно; общий упадок империи.

Книга IV: 3. 2-3: Валентиниан I запрещает сначала ночные обряды, потом возвращается к этому решению по просьбе Претекстата. 13, 3-4: нотарий Феодор, указанный как будущий император магическими знаками, предан смерти. 14-15: за этим следует серия процессов и экзекуций, которые разоряют города, особенно преступления против философов. 18: молния и землетрясения; хитрость жреца Нестория для выполнения ритуальной церемонии в честь Ахилла, которая спасает Афины и Аттику. 21: чудесное появление человека, ни живого, ни мертвого, который объявляет будущее исчезновение Империи. 29. 2: обремененные налогами жители городов имеют возможность воззвать к богам. 33. 4: главное отрешение язычников от власти в эпоху Феодосия; почитать богов становится опасным. 36: отступление о верховных понтификах, предсказание верховного жреца о смерти Грациана, первого императора, отказавшегося от верховного понтификата. 37.3: языческие церемонии запрещены в Египте. 50: двойственная и противоречивая точка зрения о личности Феодосия. 59: Феодосий просит сенаторов переменить веру; после их отказа он отменяет официальные субсидии на богослужения, что и приводит к упадку Империи и разрушению городов.

Книга V. 5.6-8: Афина Промахос и Ахилл спасают чудесным образом Афины, которым угрожает Аларих. 10.3: похвала Адрастее. 21.5: Фравитта приписывает свои успехи богам и не скрывает свое язычество. 23.4-6: гибельная деятельность монахов. 24. 5-8: пожар, опустошивший святую Софию; исчезновение статуй Моисея, но две статуи – Афины и Зевса – чудесным образом сохраняются; это – доказательство божественного провидения. 35.5: зловредный демон провоцирует накопление несчастий. 38: предана смерти Серена, вдова Стилихона; ее безбожие по отношению к богам - причина ее несчастья; безбожие, роковое для Стилихона. 40.4 – 41.3: этруски предлагают спасти Рим, которому угрожает Аларих, с помощью языческой официальной церемонии, на которую никто не имел смелости решиться, тем более, когда ситуация стала такой, что римляне мечтали просить поддержки богов, которые им когда-то покровительствовали. 41.5: новое упоминание о злобном демоне. 41.6-7: чтобы заплатить выкуп, увеличенный Аларихом, римляне лишают богов их украшений и даже расплавляют их статуи, поставленные за спасение Рима. 46.2-4: доблестный Генерид добивается того, что язычники могут снова занимать высокие должности в государстве

Книга VI. 7.3: неблагоприятное предзнаменование в начале царствования Аттала; божество наказывает его за хвастовство.

Итак, «Новая история» – единственное историческое произведение Поздней Империи, тенденциозно языческое, которое до нас дошло полностью: языческий труд Аммиана Марцеллина был сохранен, но сокращен переписчиками именно в местах, касающихся религиозных проблем. Что касается SHA, то их интерпретация остается более деликатной, и их враждебность к христианству не является их основной характеристикой. Таким образом, книга Зосима обладает большим значением для истории идеологических воззрений, из которой мы узнаем, как последние язычники интерпретировали судьбы

христианской империи, и можем сравнить их с толкованиями сторонников Евсевия, Августина, Орозия, Феодорита и множества других христианских авторов.

Надо, впрочем, отметить, что язычники на Востоке (по Зосиму) находились в лучшем положении, чем на Западе. Известно, что язычество, которое исповедовалось в кружке Симмаха, представляло собой значительные отличия от того, что почитали Либаний и его друзья. Лучшее доказательство – в том, что император Юлиан испытывал трудности в понимании нужд римских сенаторов. Однако Зосим доказывает нам, что эти тенденции, несколько отличающиеся в отдельных моментах, не стоит преувеличивать. Евнапий и Олимпиодор, как восточные люди, хорошо знают особенности древнегреческого язычества и, в то же время, они дают многочисленные факты, явно происходящие с Запада (мы уже видели зависимость Евнапия от летописей Никомаха Флавиана).

Читая «Новую историю», надо всегда отбирать с большим усердием зерна от плевел. У Зосима есть много правды, смешанной с большим количеством басен, и отчасти поэтому современные исследователи не очень внимательны к нему и по сей день. По источникам, которые использует «Новая история», периодам, которые она освещает, и идеологии, которой она вдохновляется, эта книга, несмотря на дату, когда она была составлена, принадлежит еще к античности. В византийской историографии ей невозможно определить место, хорошо устанавливаемое в развитии античной историографии, плодом которой она в итоге и является. История распорядилась так, что это – последнее историческое произведение, дошедшее до нас из античности. Это текст, зачастую причудливый и несистематизированный, содержащий одновременно резюме и детальный пересказ, которые чередуют апологию язычества и антихристианские памфлеты.

Фотий, говоря о языке Зосима, расхваливает лаконичность, умеренность, чистоту и привлекательность, которые противопоставляются приукрашенному стилю Евнапия. Современный ученый охотно согласится с Фотием в том, что язык Зосима скорее прост, нежели изящен. Конечно, «Новая история» лишена риторики и украшений: ни капли отваги, ни речей, ни драматических сцен, ни ярких портретов. Тон всегда ровен, и если поначалу это радует, то достаточно быстро в дальнейшем ощущается сухость, монотонность и даже (по мнению Ф. Пашу) скука. Большинство фраз следуют одной и той же схеме. Основной глагол сопровождается некоторым количеством причастий. Самое важное то, что это - стереотипная структура. Несмотря на простоту, в ней зачастую отсутствует ясность и логика; выбор действия, которое выражается в главном глаголе, расположение причастных оборотов часто кажется необдуманным, случайным, что рождает впечатление затруднения и неловкости. Фотий противопоставляет эту манеру манере Евнапия. Об этом можно поспорить еще и сегодня.

Неточность словаря Зосима затруднительна каждый раз, когда речь идет об официальных должностях, или гражданских служащих, или римских военных, или также группах войск. В источниках Зосима типичное для античных историков отсутствие повсеместной и необходимой точности отягощено тем фактом, что латинские термины заменены греческими эквивалентами, выбранными произвольно. Однако другие греческие историки римского периода и особенно надписи показывают, что в большинстве случаев тексты стремятся к постоянным переводам и общепринятым названиям одних и тех же учреждений и официальных должностей римского периода. Иногда перевод терминов легко понимается и узнается без труда. Но это относится лишь к отрывкам, происходящим от Олимпиодора.

В итоге мы имеем весьма скромный результат. Нужно ли говорить, что достаточно безыскусный язык Зосима почти не привлек внимания специалистов? Действительно, по сравнению с другими поздними греческими историками, манера Зосима писать не представляет особого интереса: он использует койнэ вместе с оборотами, взятыми у классиков, а также использует некоторые нововведения (в морфологии, использование предлогов) характерные для языка того времени.

Видно, что с самого начала произведение Зосима, которое Боссюэ назвал «открытым врагом христианства и христиан» («Защита истории от перемен», глава 7) было обрече-

но на тяжкую участь, чему способствовала его антихристианская ориентация. Действительно, реакция проявилась достаточно быстро. Из-за враждебного отношения со стороны церкви книга Зосима мало изучалась как в средние века, так и на протяжении нового времени. Счастливый случай или даже чудо способствовали ее сохранению.

Единственный основной манускрипт, который сохранил нам «Новую историю», это Ватиканский греческий кодекс 156. В данном манускрипте различают четыре различных почерка: первый от начала до I. 23, 2, второй до II. 34, 2, третий до III. 45, 4, четвертый до конца. Две первые руки принадлежат современникам и могут быть датированы второй половиной X века; речь идет о двух писцах, работавших в сотрудничестве. Второй заменил первого в середине страницы на полуслове. Схолии 28, 32, 38 должны принадлежать руке первого, который контролировал работу своего напарника. Третья рука – это XI век, четвертая – XII век.

Рукопись имеет два недостатка: четвертая тетрадь (квартерион) полностью отличается от прочих: в ней уничтожен конец первой и начало второй книги; вдобавок отсутствует лист, до которого старательно отрезан край. Речь должна идти о добровольном искажении, сделанном для того, чтобы убрать несколько небольших отрывков, враждебных христианству. Остальная часть рукописи находится в хорошем состоянии. Эти недостатки главной рукописи были зафиксированы уже в XIII веке в схолиях на конце двух других манускриптов.

Происхождение рукописи неизвестно: косвенные признаки позволяют строить лишь предположения. На лицевой стороне первого листа первого квартериона выделяют на верхнем краю, а в тексте на нижних краях, два креста. Эти кресты в основном характерны для рукописей, происходящих от известного константинопольского скриптория – Студийского монастыря.

Нужно также заметить, что почерк двух самых важных частей Ватиканского кодекса 156 не характерен для Студийского скриптория, и что эти части датируются более поздним временем, чем рукописи, типичные и подлинные, характерные для этой мастерской. Вместе с тем, этот характерный почерк исчезает в начале X века. Не исключено, что два первых писца относились к Студийскому скрипторию. В любом случае, Ватиканский кодекс 156 должен происходить из важного центра, который располагал богатой и разнообразной библиотекой, а так как это был богатый и антихристианский кодекс, он находился именно там. Эта библиотека была хорошо известна и заботилась о том, чтобы пополнить кодекс, после того, как он был искажен. Она продолжала располагать первоначальными рукописями, которые делали эту работу возможной. Вдобавок, нужно сказать, что Ватиканский кодекс 156 – не роскошный, но, тем не менее, хорошо сохраненный, и текст, который до нас дошел – удовлетворительный.

В 1590 г. о Франкфурте появляется первое полное греческое издание текста «Новой истории».

Оставляя в стороне поздние списки, основанные лишь на Ватиканском кодексе 156, Кардинал Анджело Маи сделал кропотливое сличение этого манускрипта с другими и передал его Л. Мендельсону, который выпустил в 1887 г. новое издание у Тёйбнера с критическими комментариями. Издание строго следовало рамкам тёйбнеровского издания: дано лишь некоторое количество объяснительных пометок об источниках, параллельный латинский текст, отмечены различные трудности, которые здесь встречаются. Издание Л. Мендельсона богатством и качеством своего введения и комментария ценно до настоящего времени, а также является точкой отчета, необходимой всем исследованиям Зосима и поныне.

Самое полное и образцовое на сегодняшний день издание Зосима было опубликовано в 1971-1989 гг. Ф. Пашу в трех томах с французским переводом. Это издание отличает солидный комментарий, учет всех рукописей и изданий. Нужно сказать, что текст Ватиканского кодекса 156 Ф. Пашу дает в значительной степени исправленным и учитывает все текстологические достижения, которые были сделаны в течение последних десятилетий. Некоторые разночтения в орфографии имен, сохраненные Мендельсоном

из-за его приверженности Ватиканскому кодексу 156, были устранены. Исправления и дополнения, предложенные после Мендельсона, были приняты Пашу, который использовал все последние достижения «зосимоведения».

В России до 90-х гг. XX в. публиковались лишь избранные отрывки в хрестоматиях (самые обширные – в своде В.В. Латышева «Скифика и Кавказика»)[13]. В 2001 г. в С.-Петербурге в приложении ко 2 тому нового перевода Евагрия вышел перевод отрывков: II.29-32.1; 38-39.1; 43.1-4; 44.3-4 (И.В. Кривушин)[14].

Единственная специальная работа монографического характера, скромно названная «Пять очерков о Зосиме»[15], выросла из комментария Ф. Пашу к его изданию данного текста.

«Новая история» Зосима заслуживает самого пристального внимания историков по ряду причин. Прежде всего, это единственное связное, почти целиком сохранившееся историческое сочинение в классической традиции, созданное в конце V века на востоке империи. Кроме того, труд Зосима является последним чисто античным произведением, в котором возрождается даже не позднеантичное (неоплатоническое), а скорее традиционное эллинское мировоззрение.

Тем не менее, данное сочинение почти не пользовалось вниманием ученых новейшего времени. В историографии XX в. найдется едва ли более нескольких десятков публикаций о нем, причем в основном в виде статей. Монографического исследования о Зосиме нет до настоящего времени ни на Западе, ни в России. В нашей стране не существует даже общепринятого написания имени историка. Встречаются два варианта: эллинизированный – Зосима (Ζοσιμα), и латинизированный – Зосим (Zosimus). С чем связано подобное невнимание? Если в нашей стране косвенной причиной может послужить отсутствие полного научного перевода, то для мировой науки подобный промах вряд ли оправдан. Единственное рациональное объяснение может заключаться в том, что Зосим, будучи историком античного типа, но уже византийской эпохи, стоит как бы на пороге античности и Византии и выпадает из поля зрения обеих категорий историков. Кроме того, невысокая оценка со стороны филологов-классиков связана с зависимостью текста Зосима от его предшественников – Евнапия и Олимпиодора, которые не сохранились полностью. Косвенная причина также может заключаться еще и в том, что Прокопий Кесарийский полвека спустя затмил Зосима своей действительно превосходной «Историей войн», к тому же продолженной Агафием. Наконец, критика христианства стала, пожалуй, главной идеологической причиной забвения труда «последнего эллина».

Между тем, «Новая история» Зосима в полной мере претендует на лавры последней собственно античной «Истории», так как Прокопий был уже христианином и собственно византийским историком, лишь пишущим в классической традиции.

Зосим оплакивает почти ушедшее великое прошлое. Его духовное одиночество на общем фоне эпохи звучит вполне громко и выразительно. Рядом с ним по эмоциональному накалу можно поставить едва ли только александрийского поэта Паллада. Во время написания труда Зосима на Западе «последние римляне» жили уже под властью варваров и пытались сохранить свет античной культуры на отдельных «островках» – своих виллах. На Востоке «последним эллинам» пришлось не легче. Внешне империя оставалась той же, внутренне она уже глубоко переродилась. Приспособиться к новой жизни можно было, лишь изменив своим принципам, вековым ценностям. Зосим не смог или не захотел изменить античности, и тем самым, быть может, больше других достоин называться не просто последним античным историком, но и «последним эллином».

Византия впоследствии не раз будет обращаться к классической традиции как к культурному наследию, но живые носители этой традиции во времена Зосима были ей уже не нужны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. II.30-31 – важный пассаж из истории города Константинополя.
2. V.27.1.
3. Fr.46.
4. IV.18.4.
5. V.24.
6. Evagr. Historia Ecclesiastica (далее HE). III.37; Malala 399.4.
7. Eutr. X.18.3; Amm. Marc. XXXI.19.9; Scriptores Historiae Augustae (SHA). Heliog. 35.5 (Русский перевод: Властелины Рима. М., 1992).
8. I.57.1.
9. I.57.1.
10. Evagr. HE III.41.
11. Eun. 1.
12. Известный византийский писатель VI-VII вв. Иоанн Лаврентий Лид, автор сохранившихся сочинений «О должностях римского народа» (De magistratibus populi Romani) в III кн., «О месяцах», «О костях».
13. Ряд глав был издан полностью, а ряд с сокращениями: **I**. 20, 23, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 45, 48, 49, 63, 64, 71; **II**. 21, 31, 33; **III**. 1, 2, 10; **IV**. 5, 7, 10, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 34, 35, 38, 39; **V**. 21, 22, 29. См.: *Латышев В.В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1. Вып. 1-3. СПб., 1893, 1896, 1900; т. 2, вып. 1-2. СПб., 1904, 1906.
14. *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книги III-IV. СПб., 2001. С. 253-260.
15. *Paschoud Fr.* Cinq études sur Zosimus. P., 1975.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Adler A. Time immemorial. Archaic History and its Sources in Christian Chronography from Julius Africanus to George Syncellus. Washington, 1989.

Allen P. Evagrius Scholasticus the Church Historian. Leuven, 1981.

Arce J. Estudios sobre el emperador Fl. Cl. Juliano // Fuentes literarias, Epigrafia, Numismatica. Madrid, 1984.

Bagnall R., Cameron A.D.E., Schwartz S., Worp K. Consuls of Late Roman Empire. Atlanta, 1987.

Baldini A. Richerche sulla Storia di Eunapio di Sardi. Bologna, 1984.

Baldini A. Le due edizioni della Storia di Eunapio e le fonti della Storia nuova di Zosimo // AFLM. 19. 1986. P. 45-109.

Baldwin B. Zosimus and Asinius Quadratus // CPh. 74. 1979. P. 57-58.

Baldwin B. Latin in Byzantium // Symposium «From Late Antiquity to Early Byzantium». Praha, 1985. P. 237-241.

Banchich T.M. The Date of Eunapius' Vitae sophistarum // GRBS. 25. 1984. P. 183-192.

Banchich T.M. The Historical Fragments of Eunapius of Sardis // These dactylographee. Buffalo, 1985.

Banchich T.M. Eunapius on Libanius' Refusal of a Prefecture // Phoenix. 39. 1985. P. 384-386.

Banchich T.M. Eunapius and Jerome // GRBS. 27. 1986. P. 319-324.

Barnes T.D. The Sources of the Historia Augusta. Bruxelles, 1978.

Berardo L. Struttura, lacune e struttura delle lacune nell' Storia Nova di Zosimo // Athenaeum. 54. 1976. P. 472-481.

Blockley R.C. Dexippus of Athens and Eunapius of Sardis // Latomus. 30. 1971. P. 710-715.

Blockley R.C. Was the First Book of Zosimus' New History Based on more than two Sources? // Byzantion. 50. 1980. P. 393-402.

Blockley R.C. The Ending of Eunapius' History // Antichithon. 14. 1980. P. 170-176.

Blockley R.C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Vol. 1. Liverpool, 1981.

Id. Vol. 2. Liverpool, 1983.

Breebaart A.B. Eunapius of Sardes and the Writting of History // Mnemosyne. 32. 1979. P. 360-375.

Brunt P.A. On Historical Fragments and Epitomes // CQ. 74. 1980. P. 477-494.

Buchanan J.J., Davis H.T. Traduction anglaise de Zosime. San Antonio, Texas, 1967.

Buck D.F. Eunapius of Sardis. Oxford, 1977.

Burgess R. The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana. Oxford, 1993.

Cameron A. The date of Zosimus' New History // Philologus. 113. 1969. P. 106-110.

Chalmers W.R. Zosimus and Orosius on the Decline of the Empire // Redige peu apres 1970 pour «Aufstieg und Niedergang...».

Chastagnol A. Zosime 2, 38 et l' Histoire Auguste // Bonner Historia-Augusta Colloquium 1964-1965. Bonn, 1966. P. 46-61.

Cichocka H. Begriff und Grundform der historischen Periode // Eos. 68. 1980. P. 217-227.

Cichocka H. La prose rythmique de Zosime // JOEByz. 32/3. XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Akten II/3. Wien, 1982. P. 345-354.

Cichocka H. La posizione nella clausola degli storici protobizantini // Koinonia. 6. 1982. P. 129-145.

Cichocka H. La prose rythmique de Zosime dans le contexte de l'historiographie protobyzantine. Varsovie, 1985 (на польском яз.).

Cichocka H. Die Periodenkonstruktionen bei Zosimos // JOEByz. 35. 1985. P. 93-112.

Cichocka H. La prose historique de Zosime // Symposium «From Late Antiquity to Early Byzantium». Praha, 1985. P. 253-256.

Cichocka H. The Construction and Function of the Monocolic Period in Zosimus' «New History» // LF. 110. 1987. P. 16-24.

Cichocka H. Zosimus Account of Christianity // Paganism in the Later Roman Empire and in Byzantium / Ed. M. Salamon. Cracow, 1991. P. 89-104.

Clower F.M. Olympiodorus of Thebes and the Historia Augusta // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1979/1981. Bonn, 1983. P. 127-156.

Conca F. Traduction italienne de Zosime. Milano, 1977.

Condurachi E. Les idées politiques de Zosime // Revista classica. 13/14. 1941/42. P. 115-127.

Cracco Ruggini L. Simboli di battaglia ideologica nel tardo ellenismo. Pisa, 1972.

Cracco Ruggini L. Pubblicistica e storiografia bizantine di fronte alla crisi dell'Imperio Romano // Athenaeum. 51. 1973. P. 146-183.

Cracco Ruggini L. Zosimo ossia il rovesciamento delle «Storie Ecclesiastiche» // Augustinianum. 16. 1976. P. 23-36.

Cracco Ruggini L. The Ecclesiastical Histories and the Pagan Historiography: Providence and Miracles // Athenaeum. 55. 1977. P. 107-126.

Damsholt T. Das Zeitalter des Zosimos, Evagrios, Eustathios und die Aufhebung des chrysargyron // Analecta Romana Instituti Danici. 8. 1977. P. 89-102.

Elliott T.G. Ammianus Marcellinus and Fourth Century History. Toronto, 1982.

Feugere M. Zosime // Correspondant. Sept.25, 1855. P. 921-943.

Forcina A.M. Lettori bizantini di Zosimo (Le note marginali del cod. Vat. Gr. 156). Milano, 1987.

Goffart W. Zosimus, the First Historian of Romes' Fall // AHR. 76. 1971. P. 412-441.

Goffart W. Rome, Constantinople and the Barbarians // AHR. 86. 1981. P. 275-306.

Goulet R. Sur la chronologie de la vie et des oevries d'Eunape de Sardes // JHS. 100. 1980. P. 60-72.

Grabner F. Ein Zosimusquelle // Byz. Zeit. 14. 1905. P. 87-159.

Green T.M. Zosimus, Orosius and their Traditions: Comparatives Studies in Pagan and

Christian Historiography // These dactylographiee. New York, 1974.

Grefe V. Compte rendu de l'édition de Mendelssohn // ЖМНП. 258. 1888. С. 151-165.

Hartmann A. Traduction tchèque de Zosime. Praha, 1983.

Höfler G. Kritische Bemerkunden uber Zosimus u. Den Grad seiner Glaubwürdikeit // SB Wiener Akad., phil.-hist. Kl. 95. 1879. S.521-565.

Kaegi W. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968 (особенно гл.3 – «Зосим и упадок языческой исторической апологетики»).

Leidig J. Quaestiones Zosimae. München, 1900.

Leven K.-H. Zur Polemik des Zosimos // Festschrift Ilona Opelt. Frankfurt-am-Main–Bern–New York, 1988. P. 177-197.

Lippold A. Orosius und seine Gegner // Studi Tardoantichi I (Miscellanea Calderone). Messina, 1986. P. 163-182.

Martin R.C. De Fontibus Zosimi (Diss.). Berlin, 1866.

Matthews J.F. Olympiodorus of Thebes and the history of tne West (AD 407-425) // JRS. 60. 1970. P. 79-97.

Momigliano A. L'eta del trapasso fra storiografia antica e storiografia medievale (320-550 D.C.) // Settimane di Studi del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo XVII. La storiografia medioevale I. Spoleto, 1970. P. 89-118.

Olivetti A. Osservazioni sui capitoli 42-53 del libro II di Zosimo e sulla loro probabile fonte // Riv. fil. 43. 1915. P. 221-233.

Pashoud F. Zosime 2, 29 et la version païenne de la conversion de Constantin // Historia. V.20. 1971.

Pashoud F. Influences et échos des conceptions historiographiques de Polybe dans l'Antiquité tardive // Entretiens de la Fondation Hardt XX: Polybe. Vandoeuvres-Geneve, 1974. P. 305-344.

Pashoud F. Cinq etudes sur Zosime. Paris, 1975.

Pashoud F. Quand parut la première édition de l'Histoire d'Eunape? // Bonner Historia-Augusta-Colloquium. 1977/1978. Bonn, 1980. P. 149-162.

Pashoud F. Romains et Barbares au debut du Ve siècle après J.-C.: le temoignage d'Eunape, d'Olympiodore et de Zosime // La nozione di «Romano» tra cittadinanza e universalita. Roma, 1984. P. 357-367.

Pashoud F. Die Ursachenanalyse in der *Historia nea* des Zosimos // Klio. 66. 1984. P. 641-645.

Pashoud F. Zosime et la fin de l'ouvrage historique d'Eunape // Orpheus. 6. 1985. P. 44-61.

Pashoud F. Le debut de l'ouvrage historique d'Olympiodore // Arctos Supplementum II (Studia in honorem Iiro Kajanto). Helsinki, 1985. P. 185-196.

Pashoud F. Eunapiana // Bonner Historia-Augusta-Colloquium. 1982/1983. Bonn, 1985. P. 239-303.

Pashoud F. Ebria sobrietas: de quelques généraux amateurs de femmes et de vin // Bonner Historia-Augusta-Colloquium. 1984/1985. Bonn, 1987. P. 185-196.

Pashoud F. Zosime, Eunape et Olympiodore temoins des invasions barbares // Das Reich und die Barbaren. Wien, 1989. P.181-201.

Pashoud F. La préface de l'ouvrage historique d'Eunape // A paraitre dans Historia. 38. 1989.

Pashoud F. Zosimus // RE. 10A. S.795-841.

Petre Z. La pensée historique de Zosime // Stud. Clas. 7. 1965. P. 263-272.

Ranke L. Zosimus // Weltgeschichte. Vol. 4.2. 1883. S. 264-284.

Rappaport B. Hat Zosimus I.1.46 die Chronik des Dexippus benutzt? // Klio. 1. 1901. S. 427-442.

Ridley R.T. Eunapius and Zosimus // Helikon. 9-10. 1969-1970. P. 574-592.

Ridley R. The IV and V century civil and military hierarhy in Zosimus // Byz. 40. 1970. P. 91-104.

Ridley R.T. Zosimus the Historian // ByzZ. 65. 1972. P. 277-302.

Ridley R.T. Traduction anglaise de Zosime. Canberra, 1982.

Rosenstein J. Kritische Untersuchungen uber das Verhältnis zwischen Olympiodor, Zosimus und Sozomenus // Forschungen zur deutschen Geschichte. 1. 1862. S. 166-204.

Sacks K.S. The Meaning of Eunapius' History // H&T. 25. 1986. P. 52-67.

Salamon M. Le problème de la chute de l'Empire romain dans l'historiographie grecque universelle au debut du VIe s. (Zosime et Eustathe d'Epiphanie) // Historia i Wspolczesnosc. T.3. Katowice, 1978. P. 115-129.

Scavone D.C. Zosimus, Greek historian of the fall of the Roman empire. 1969 (Diss., Loyola Univ. of Chicago).

Scavone D.C. Zosimus and his Historical Models // GRBS. 11. 1970. P. 57-67.

Schlumberger J. Die Epitome de Caesaribus. Untersuchungen zur heidnischen Geschichtsschreibung des 4 Jahrhunderts n. Chr. München, 1974.

Schlumberger J. Die verlorenen Annalen des Nicomachus Flavianus: ein Werk ûber Geschichte der römischen Republik oder Kaiserzeit? // Bonner Historia-Augusta-Colloquium. 1982/1983. Bonn, 1985. P. 305-329.

Schmidt P. De auctoritate et fide historica Zosimi utiam Constantini magni narrantis. – Diss. Halle, 1865.

Schultz P. Di Stilichone eisque de eo agunt fontibus, Claudiano inprimis et Zosimo. – Diss. Regimonti, 1864.

Selem A. La diversione dell'esercito di Procopio e Sebastiano secondo Ammiano XXIII.3.4-5: l'uso delle fonti in Ammiano a proposito della spedizione di Guiliano in Mesopotamia // Vichiana. 8. 1979. P. 25-69.

Sirago V.A. Olimpiodoro di Tebe e la sua opera storica // Miscellanea Barbagallo. II. Napoli, 1970. P. 1-25.

de Ste-Croix G. Observations sur Zosime // Mem. Acad. Inscript. et B.-Lettres. 49. 1808. P. 466-500.

Sucher F. Disputationes de Zosimi et Eusebii, historiarum scriptorum, in Constantini Magni imp. rebus exponendis fide et auctoritate. – Prog. Hersfeld, 1856.

Sudhaus H. De ratione quae intercedat inter Zosimi et Ammiani de Bello a Imperatore Iuliano cum Persis gesto relationis. Diss. Bonnae, 1870.

Veh O. Traduction allemande de Zosime. Stuttgart, sine anno.

Warmington B.H. Ammianus Marcellinus and the Lies of Metrodorus // CQ. 31. 1981. P. 464-468.

Болгов Н.Н. Зосим – историк поздней античности // Сборник научных трудов преподавателей и аспирантов. Вып. 2. Белгород, 1995. С. 106-112.

Болгов Н.Н. Зосим – последний античный историк // ВИ. 2006 (в печати).

Жуков К.В. Зосим: проблемы кризиса и упадка Западной Римской империи. Новгород, 1999. – Деп. в ИНИОН РАН № 54316 от 16.02.1999 (2 п.л.).

Жуков К.В. Падение Римской империи (Зосим и его североамериканские интерпретаторы). Великий Новгород, 2000. Автореф. канд. дисс.

Каждан А.П. Рецензия на французское издание Зосима Ф. Пашу // ВДИ. 1975. № 4.

Козлов А.С. Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима // АДСВ. № 14. Свердловск, 1977. С. 52-59.

Козлов А.С. Социальные симпатии и антипатии Зосима // АДСВ. № 15. Свердловск, 1978. С. 23-42.

Культура Византии IV–I пол. VII в. М., 1984. С. 145-148 (автор раздела – З.В. Удальцова).

Розенталь Н.Н. Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир. М., 1962. С. 611-617.

Удальцова З.В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV-VII вв.). – М., 1974.

Удальцова З.В. Из истории византийской культуры раннего средневековья (мировоззрение византийских историков IV–VII вв.) // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 260-293.

Чекалова А.А. Эволюция представлений о знатности в Византии 2-й пол. V–VI вв. // ВВ. 52. 1991 (о Зосиме С. 61-63).

ЗОСИМ.

НОВАЯ ИСТОРИЯ. Кн. III

1. После переговоров с цезарем Галлом Констанций отправился из Паннонии в Италию. В то время было очевидно, что Римская империя расчленена варварскими вторжениями: франки, аламанны и саксы уже взяли 40 городов на Рейне[1] и оставили их в руинах, уведя в плен бессчетное количество их жителей и несметную добычу; квады и сарматы нагло напали на Паннонию и Верхнюю Мёзию. Персы постоянно истощали силы Востока, несмотря на то, что ранее они не проявляли активности из страха быть атакованными цезарем Галлом[2]. Но император мог потерять всё, что имел, потому что не использовал возможность разбить врагов поодиночке. Кроме того, Констанций не был уверен в правильности выбора коллеги из-за своей чрезмерной любви к власти и подозрительности, что постоянно наводило его на мысли о невозможности иметь друзей, как все обычные люди.

(2) Пока Констанций был охвачен такой вялостью и безволием, государство пребывало в страшной опасности. Евсевия, его жена[3], чрезвычайно образованная, знакомая со всеми слухами, каковыми обыкновенно бывают женщины, посоветовала императору назначить Юлиана цезарем в заальпийских провинциях. Как было известно Евсевии, император Констанций подозревал всех своих родственников [в измене]. Поэтому, овладев всем его вниманием, женщина заявила: (3) «Юлиан – юноша простого характера. Полное отсутствие жизненного опыта и словесного изящества из-за того, что он всю жизнь учился[4], сделает его самой приемлемой кандидатурой. Среди прочих он будет наиболее счастлив, а его успехи станут приписывать императору. Если же он начнет делать ошибки и будет убит, то Констанций лишится последнего из своих [прямых] наследников»[5].

2. После того, как Констанций терпеливо выслушал жену, он послал за Юлианом в Афины, где тот учился у философов и превзошел своих учителей по всем предметам обучения[6]. Когда Юлиан прибыл по вызову императора из Греции в Италию, Констанций провозгласил его цезарем[7], женил на своей сестре Елене[8] и отправил в заальпийские провинции.

(2) Констанций продолжал подозревать Юлиана, несмотря даже на болезненность и слабость здоровья нового цезаря, в силу своей природной недоверчивости. Кроме того, император сомневался и в верности Юлиана. Поэтому Констанций послал Марцелла[9] и Салюстия[10] вместе с Юлианом и поручил им управление в указанных провинциях вместо последнего[11]. После устроения дел с Юлианом Констанций отправился в Паннонию и Мёзию. Разгромив там квадов и сарматов[12], император возвратился на восток, где ему пришлось отражать нападение персов. (3) Юлиан тем временем пересек Альпы и достиг галльских провинций, отданных под его управление, а Евсевия, используя какие-то аргументы, всё же убедила Констанция поручить управление [Галлией] одному цезарю [без «помощников»].

(4) Деяния Юлиана с этого времени[13] вплоть до конца его жизни достойны описания историками и поэтами в тяжелых томах, однако, никто из летописцев еще не отдал ему должное. Тот, кто пожелает разобраться в этих событиях, пусть прочтет собственные речи и письма Юлиана, по которым можно сделать самостоятельные выводы об истинной роли дел императора в обитаемом людьми мире. Дабы не прерывать последовательности моего рассказа, деяния эти будут освещены вкратце, каждое в свое время, и осо-

бенно те, что другие (недобросовестные и никчемные) летописцы сочли нужным опустить[14].

3. Итак, возложив на своего цезаря всю власть в контролируемых им провинциях, Констанций отправился на восток, чтобы остановить нашествие персов[15] **[весна 360 г.]**. Обнаружив, что большая часть галльских армий была разбита, и варвары беспрепятственно пересекали Рейн, доходя почти до приморских городов, Юлиан[16] произвел смотр оставшихся сил. (2) Видя ужас солдат в этой провинции при одном упоминании варваров, тогда как вверенный ему Констанцием отряд численностью в 360 человек был способен скорее молиться, нежели сражаться, как я уже говорил[17], цезарь пополнил ряды легионов новобранцами и принял много добровольцев[18]. Юлиан подумал и о вооружении. Найдя старое оружие в одном из городов, цезарь привел его в порядок и роздал солдатам. (3) Когда лазутчики доложили ему, что огромное число варваров пересекло Рейн близ Аргентората[19], цезарь тотчас же отправился туда со своей импровизированной армией и, вступив в бой[20], одержал победу, значение которой трудно преувеличить, ибо в битве этой 60 тысяч неприятельских воинов было убито и еще больше утонуло, пытаясь переплыть Рейн[21]. Если кто желает сравнить этот подвиг с победой Александра над Дарием, то победа Юлиана, пожалуй, ей не уступит[22].

(4) Следует отметить и то, что сделал цезарь после победы. У него имелся хорошо проверенный в походах отряд в шестьсот всадников, на чью силу и опыт он настолько полагался, что зачастую сильно рисковал. Когда началась битва, вся армия с жаром бросилась на врага, и римляне овладели инициативой, но тут конница нарушила ряды и начала отступать. И хотя сам цезарь и другие воины устремились за всадниками и призывали разделить победу, конница не пожелала принять участия в сражении **[358 г.]**. (5) Цезарь был особенно сердит на нее, так как всадники оставили своих соотечественников варварам, но он не наказал их, как того предписывал закон. Вместо этого Юлиан одел их в женскую одежду и перед тем как изгнать, провел через весь лагерь, полагая, что для мужественных солдат такое наказание будет хуже смерти. Результат оказался благоприятным как для цезаря, так и для воинов: во время второй войны с германцами они, вспоминая о своем позоре, были одними из тех немногих, кто отважно сражался[23].

4. После этих успехов цезарь постепенно собрал большую армию, готовясь к войне со всеми германскими народами. Когда варвары намеревались выступить против него, Юлиан не стал ждать их нападения и перешел через Рейн[24], предпочитая вести войну не на римской, а на варварской территории, дабы римские города не подверглись новому опустошению[25]. (2) Последовала жестокая битва, в которой полегло бесчисленное количество варваров, в то время как цезарь, преследуя отступавших к Герцинскому лесу, устроил резню и взял в плен сына командующего варварами, Вадомария[26]. После этого Юлиан отвел войска назад в лагерь, сопровождаемый хвалами и победными песнями. (3) Цезарь отослал Вадомария к Констанцию, посвятив победу императору. Теперь жены и дети варваров находились в опасности; они боялись, как бы цезарь не дошел до их земель и не уничтожил с корнем их племена. Поэтому варвары отправили послов просить дружбы, чтобы навсегда окончить войну с римлянами[27].

(4) Цезарь заявил, что вопрос о мире не будет обсуждаться ни при каких условиях, пока варвары не вернут всех пленных из ранее захваченных городов. Когда враги согласились выдать всех пленных, оставшихся в живых, цезарь разработал план, чтобы удостовериться, что никто из пленных не продолжает тайно удерживаться. (5) Юлиан попросил беженцев из всех городов и поселений прибыть к нему и назвать имена всех римлян, взятых в плен. Когда они перечислили всех, кого знали – родных, соседей, друзей и прочих – цезарь, не давая послам ничего узнать, повелел секретарям составить список. Затем Юлиан пересек Рейн и приказал доставить пленных. (6) Варвары поспешили повиноваться и заявили, что доставили всех имеющихся пленников. Цезарь, сидя на возвышении, за которым находились секретари, приказал варварам предъявить пленных согласно договору. Освобождаемые подходили по одному и называли свои имена, а секретари отмечали их в своих списках. Но, сравнивая их имена с имеющимися в запи-

сях, обнаружилось, что соотечественниками было заявлено гораздо большее количество. Секретари сообщили это цезарю, (7) который пригрозил послам варваров войной за то, что они не выдали всех пленных, и при подсказке секретарей он назвал по нескольку имен из каждого города и поселения. Таким образом, варвары подумали, что правда открылась цезарю божественным провидением, и они поклялись своими предками доставить всех живых пленных[28].

5. Когда пленные из сорока разграбленных городов были возвращены, цезарь не знал, что ему делать с ними, так как города были разрушены, и земля не пахалась так долго, что вернувшиеся из плена сильно голодали от нехватки пищи, которую соседние города не могли им поставить, потому что сами подверглись варварскому набегу и лишились запасов. Дабы разрешить эту проблему, цезарь задумал следующее. (2) От места, где Рейн впадает в Океан, в самой глубинной части Германии, до острова Британии расстояние составляло 900 стадий. По берегам реки Юлиан срубил лес и построил 800 судов, превосходящих по размерам быстроходные галеры, которые перевозили из Британии на континент зерно. Благодаря небольшому расстоянию, непрерывно подвозя хлеб вверх по Рейну на речных судах, цезарь хорошо обеспечивал тех, кто возвратился в родные города, зерном для посева и пищей до получения своего урожая[29]. (3) Юлиан совершил всё это, когда ему едва исполнилось двадцать четыре года[30].

Видя любовь солдат к цезарю из-за его простоты в личной жизни, храбрости в сражениях и заботы о здоровье, а также прочие его достоинства, в которых Юлиан превзошел всех современников, Констанций был охвачен завистью к успехам цезаря. Полагая, что причиной успеха Юлиана в военных и хозяйственных делах была проницательность Салюстия, одного из вверенных цезарю помощников, Констанций послал за ним под предлогом того, что собирается назначить его префектом восточных территорий. (4) И хотя Юлиан с готовностью отпустил Салюстия, приняв решение повиноваться любому приказу Констанция, всё продолжало процветать под его руководством: сила и дисциплина армии увеличивались чуть ли не ежедневно, а города пожинали плоды мира[31].

6. Поистине все варвары в Германии отныне были в отчаянии и ждали неизбежного полного уничтожения всех, кто еще остался в живых. Поэтому саксы, которые славились среди всех населяющих эту территорию варваров волей, силой и упорством в сражениях, отправили одно из своих племен – квадов[32] — на римскую территорию. (2) Так как соседствующие с ними франки, боясь дать цезарю повод для нового нападения на них[33], мешали квадам переправиться через реку, те построили лодки, переправились через часть Рейна, принадлежащую франкам, и вступили на римскую территорию. Когда квады дошли до Батавии, они вытеснили оттуда салиев. (3) Узнав об этом, цезарь двинулся на квадов и приказал войскам вступить в бой. Однако Юлиан дал указание не убивать никого из салиев и не мешать их переходу на римскую территорию, потому что те не были врагами, а выступили на стороне квадов против собственной воли. И когда салии услышали об этой милости цезаря, некоторые из них переправились со своим царем с острова на римскую территорию, а другие ушли в горы. Все пришедшие с прошением к цезарю с охотой доверились ему. (4) Цезарь увидел, что варвары более не помышляют о войне, а прибегают к тайным набегам и грабежу, которые наносили стране определенный урон. Несколько сомневаясь в успехе своих дальнейших действий, цезарь решил провести коварных варваров хитрой уловкой.

7. В то время жил некий человек гигантского роста, и храбрость его была соизмерима с его ростом. Он был варваром-разбойником и решил покинуть свою страну и отправиться в римскую Галлию. (2) Проведя некоторое время в Треверах до назначения Юлиана цезарем, и, видя, как варвары, живущие по ту сторону Рейна, беспрепятственно опустошают и грабят города, он решил их защитить. Однако, так как у него не было на это разрешения, и это задание не было ему официально поручено, вначале он просто спрятался один в глухой части леса, ожидая нападения варваров. По наступлении ночи гигант напал на них, пока они спали или были пьяны, отрезал множество голов, принес их в город и показал жителям. (3) Проделывая это неоднократно, гигант навел страх на

варваров, которые, хоть и не понимали, что происходит, тем не менее, прекрасно видели свои потери, случавшиеся почти ежедневно. Когда к гиганту присоединились другие разбойники, и их стало много, Хариеттон[34] отправился к цезарю и рассказал ему об этом. Раньше лишь немногим людям была известна эта тайна. (4) Цезарь с трудом мог противостоять своей армией ночным набегам варваров, потому что они нападали маленькими, разрозненными отрядами, а по наступлении дня никого из врагов нельзя было найти, так как они прятались в лесах около полей и жили на доход от грабежа. Ввиду невозможности победить врага, цезарь был вынужден противостоять разбойникам также при помощи разбойников. (5) Поэтому Юлиан принял Хариеттона и его помощников, добавил к ним многих из салиев и посылал их ночью против грабителей-квадов, в то время как днем он выставлял солдат, чтобы убивать тех разбойников, кто сумел спастись. (6) Цезарь продолжал это до тех пор, пока квадов не стало совсем мало, и они не оказались в таком бедственном положении, что пришли к цезарю со своим командиром. Юлиан к тому времени уже успел взять многих в плен, а Хариеттон захватил сына вождя. (7) Когда варвары предстали перед цезарем, униженно прося о милости, Юлиан потребовал в заложники знать племени и сына вождя. Но вождь распростерся перед троном и поклялся со слезами на глазах, что сын его погиб. Цезарь сжалился над слезами отца, и тот показал ему сына, с которым позднее хорошо обращались, удерживая некоторое время в заложниках. Позднее Юлиан отпустил их с миром при условии, что они больше не будут воевать с римлянами.

8. После этого соглашения цезарь принял салиев, часть квадов и некоторых из батавов к себе в легионы, которые мы до сих пор содержим[35].

Тем временем на востоке император Констанций был занят исключительно персидскими делами и продолжал там войну. Провинции за Альпами под властью цезаря Юлиана были лояльны, Италия и Иллирик пребывали в безопасности. Варвары за Дунаем удерживались страхом атаки цезаря на Галлию и за Дунай **[359 г.]**. (2) Констанций был чрезвычайно озабочен тем, что персы во время правления Сапора заполонили Месопотамию, опустошив весь район около Нисибиса и взяв этот город в осаду. Однако римский полководец Лукиллиан выдержал эту осаду, положившись отчасти на судьбу, а отчасти на свои силы, и город избежал окруживших его опасностей, хотя положение было критическим[36].

(3) Теперь, когда на востоке воцарилось спокойствие, и все говорили об успехах цезаря, на Констанция напала страшная зависть. Так как императору не давало покоя процветание Галлии и Испании, он придумал средство, чтобы постепенно и незаметно ослабить силы Юлиана и лишить его звания цезаря[37]. Император прислал цезарю приказ отправить два легиона солдат в Галлию, якобы ему на помощь. (4) Юлиан, не подозревая о планах Констанция и не желая ссориться, тотчас же повиновался. Однако цезарь принял меры чрезвычайной безопасности в Галлии; его армия постоянно росла, а варвары даже на границе были так напуганы, что и не помышляли о войне[38]. Тогда Констанций потребовал выслать еще несколько легионов, и когда его приказ был выполнен, некоторое время спустя вызвал еще четыре отряда конницы, которым цезарь приказал приготовиться к немедленной отправке[39].

9. Юлиан в это время находился в Паризии, небольшом городке в Германии[40]. Солдаты, готовящиеся к походу, ужинали поздно вечером рядом с императорским жилищем. Они абсолютно ничего не знали о заговоре против цезаря до тех пор, пока некоторые военные трибуны не раскрыли правду и тайно не распространили листовки среди отрядов. В них было написано, что цезарь, чье командование по сути позволило римлянам победить варваров и который сражался, как простой солдат безо всяких привилегий, находится в большой опасности от императора, который постепенно оттянет от него все войска, если только они не объединятся, чтобы предотвратить их отправку. (2) Когда некоторые солдаты прочли листовки и рассказали обо всем, что происходит, остальным, все вспыхнули от ярости. Они бросили пить и, с шумом выломав двери, без церемоний ворвались в императорское жилище прямо с кружками в руках и вывели це-

заря наружу **[февраль 360 г.]**. Подняв его на щит, солдаты провозгласили Юлиана августом и надели ему на голову корону[41].

(3) Цезарь очень мучился всем происшедшим, но понимал, что отказ от короны для него небезопасен, потому что Констанций не выполнял клятвы, соглашения и любые обещания. Тем не менее, Юлиан решил испытать императора и отправил послов, заявляя, что провозглашение произошло вопреки его собственному желанию, и что если Констанций простит его, он довольствуется званием цезаря и снимет корону августа.

(4) Констанций впал в ярость и высокомерно объявил послам, что если Юлиан хочет остаться в живых, то он должен отречься как от короны августа, так и от звания цезаря[42]. Превращенный таким образом в рядового гражданина, он должен будет покориться воле императора: только таким образом он может избежать страшного наказания за свою дерзость[43]. Когда Юлиан услышал это от посланников, он [впервые] открыто выразил свои религиозные убеждения и заявил во всеуслышание, что скорее вверит свою жизнь богам, чем заверениям Констанция[44]. (5) Отныне неприязнь Констанция к Юлиану стала очевидна для всех, и началась подготовка к гражданской войне. Однако Юлиан был недоволен ходом событий, понимая, что, воюя с человеком, давшим ему пост цезаря, он у многих людей приобретет славу неблагодарного. Таким образом, пока Юлиан был поглощен поиском любой возможности избежать гражданской войны, во сне боги открыли ему будущее; (6) ибо, во время пребывания в Виенне[45], ему приснилось, что Солнце показывало ему звезды и произнесло следующие слова:

«Когда Юпитер достигнет края славного созвездия Водолея, а Сатурн войдет в 25° Девы, тогда наступит отвратительный и мучительный конец приятной жизни императора Констанция, царя Азии».

(7) Ободренный этим сновидением[46], цезарь посвятил себя обычным гражданским делам, и так как тогда была зима **[360/361 г.]**, он предпринял необходимые меры предосторожности от варваров, так что если бы ему пришлось заняться чем-либо другим, Галлия осталась бы в безопасности[47]. В то же время, пока Констанций всё ещё находился на востоке, Юлиан приготовился предупредить его нападение.

10. К разгару лета цезарь навел порядок с варварами за Рейном **[361 г.]** . Некоторых он заставил повиноваться, других убедил предпочесть мир войне по опыту прошлого. Потом Юлиан подготовил свою армию к долгому походу, и, назначив гражданских и военных правителей в городах и на границе[48], повел свои войска к Альпам **[июнь]**. (2) Прибыв в Рецию, он построил речные суда, отправив 3000 человек вниз по Данубию, и приказал двадцати тысячам солдат добираться до Сирмия по суше[49]. (3) Плывя вниз по течению при помощи северо-западных ветров, на одиннадцатый день цезарь достиг Сирмия[50]. Когда люди услышали, что прибыл император, почти все подумали, что приехал Констанций, но, поняв, что это Юлиан, они были изумлены и сравнили это событие с явлением божества.

Спустя некоторое время прибыла армия, следовавшая за цезарем из Галлии, и Юлиан написал сенату и войскам в Италии, что теперь, когда он стал императором, города будут находиться в безопасности. (4) Так как сторонники Констанция, консулы того года Тавр[51] и Флоренций[52], бежали из Рима, едва узнав, что Юлиан перешел Альпы и вступил в Паннонию[53], император приказал считать их в документах изгнанниками. Однако в дальнейшем на своем пути Юлиан проявлял милосердие во всех городах, куда он приходил, дабы все ждали от него блага. Он также написал послания афинянам, лакедемонянам и коринфянам[54], объясняя причину своего прибытия[55].

11. Пока Юлиан пребывал в Сирмии[56], со всей Греции к нему были отправлены послы, которым он дал приличествующие ответы, и чьи разумные запросы он удовлетворил. После этого император отправился далее со своей галльской армией и войском, которое он собрал в самом Сирмии и из легионов, расквартированных в Паннонии и Мёзии. Прибыв в Наисс, он посоветовался с прорицателями, что ему следует делать дальше, и знамения показали, что ему некоторое время нужно оставаться на месте. Юлиан последовал совету, внимательно ожидая наступления времени, которое привиде-

лось ему ранее во сне. (2) И когда движение звезд, казалось, совпало с тем, что ему привиделось, отряд всадников из Константинополя прибыл к нему в Наисс, извещая о том, что Констанций умер[57] **[3 ноября],** и что армии потребовали, чтобы Юлиан был единственным императором[58].

Приняв то, чем боги вознаградили его, Юлиан продолжил путешествие. Когда он прибыл в Византий[59] **[11 декабря]**, его приветствовали радостными возгласами, называя дорогим согражданином, так как он родился и воспитывался в этом городе, и выказывали всеобщее уважение как человеку, который принесет большую пользу человечеству в будущем. (3) [В Византии] Юлиан занялся гражданскими и военными делами[60]: разрешил городу учредить сенат, как это было в Риме[61], построил большой порт[62] для защиты кораблей от южного ветра, и извилистый портик, ведущий в порт, а также учредил библиотеку в императорском портике, в которую отдал на хранение все свои книги[63].

После пребывания в течение десяти месяцев в Византии[64], Юлиан начал готовиться к персидской войне и назначил Хормизду и Виктора[65] магистрами и военными трибунами, придав им соответствующие войска, а сам отбыл в Антиохию[66] **[июнь 362 г.]**. (4) Нет необходимости рассказывать, с каким самообладанием и благоразумием предприняли солдаты этот поход, так как едва ли им предстояло что-либо неподобающее с императором Юлианом во главе[67]. Когда август прибыл в Антиохию, жители тепло приветствовали его, но так как они от рождения любили зрелища и были более склонны к удовольствиям, чем к серьезным делам, то их отталкивали его здравый смысл и умеренность во всем. Юлиан не посещал театр и редко проводил целый день[68], наблюдая за скачками, что побудило антиохийцев высказать (5) о нем резкие, неприятные вещи. Позднее Юлиан взял реванш, но не наказал их по-настоящему, а составил очень вежливую речь о них и их городе[69], в которой содержалось так много горечи и иронии, что речь стала всеобщим упреком жителям Антиохии. Жители раскаялись в своей ошибке, и император сделал для их города так много, как только мог, назначив сенаторами тех, кто унаследовал эту должность от отца, и столько же тех, кто был рожден сенаторскими дочерьми. Этой привилегией обладали немногие города[70]. После осуществления многих других полезных и оправданных дел[71] Юлиан начал приготовления к персидской войне[72].

12. В конце зимы Юлиан набрал войско и, отправив его вперед в организованном порядке, покинул Антиохию[73] **[5 марта 363 г.]**, несмотря на неблагоприятные предзнаменования[74]. Я знаю, почему это произошло, но обойду молчанием. На пятый день император достиг Гиераполя[75], где все корабли, как военные, так и транспортные, из Самосаты и других мест, расположенных вниз по Евфрату, должны были собраться вместе. Поставив Гиерия[76] командующим легионом пехоты, Юлиан послал его вперед в авангарде. (2) Сам же император лишь три дня пробыл в Гиераполе, а затем отбыл в Батны[77], маленький город в Осроэне, где собрались жители[78], чтобы встретить его, преподнести ему венок и радушно принять в своем городе. Юлиан с радостью внял их гостеприимству и уделил внимание необходимым делам до отбытия в Карры. (3) Оттуда на его пути лежали две дороги. Одна, пересекавшая Тигр, проходила через Нисибин и вела в сатрапию Адиабену, другая – через Евфрат – киркесийская дорога. Пока император размышлял, какой из двух путей ему выбрать для похода[79], разведка донесла о нападении персов на римскую территорию. (4) При этом известии в лагере началась паника, но император понял, что это были скорее грабители, которые захватывали всё, чем могли завладеть, а затем стремились скрыться. Итак, Юлиан решил оставить необходимую охрану в областях у Тигра, чтобы, когда всё войско выступит с ним в поход на Персидскую державу, персы не разрушили Нисибин и всю местность вокруг него, обнаружив город незащищенным. (5) Таким образом, император решил оставить там 18-тысячную пехоту[80] под командованием Себастиана[81] и Прокопия[82], тогда как сам вместе с основными силами собирался перейти Евфрат. Но позднее Юлиан разделил на две части свое войско, чтобы при появлении неприятеля оно могло оказать ему сопротивление со всех сторон, и чтобы враг не смог бы безбоязненно разорять всё на своем пути.

13. Завершив приготовления в Каррах, которые являлись границей Римской империи и Ассирии[83], Юлиан пожелал осмотреть армию с удобного пункта наблюдения. Он любовно приветствовал легионы пехоты и всадников, насчитывавших в общей сложности 65 тысяч человек[84]. Итак, покинув Карры, император быстро миновал встреченные им города вплоть до Каллиника, а оттуда прибыл в Киркесий, о котором я ранее упоминал, и там пересек реку Абора[85]. Далее римляне двинулись речным путем вниз по Евфрату. (2) Солдаты, которые везли запасы провианта, последовали за императором и погрузились на флотилию, прибывшую в срок. Это были 600 деревянных судов и 500 с обшивкой из кожи, а также 50 военных кораблей и множество понтонов, чтобы обеспечить, при необходимости, мосты для прохода пехоты. (3) Многие другие суда плыли следом, перевозя продукты для армии, дерево, необходимое для осадных сооружений, и несколько уже собранных осадных машин[86]. Наархами были назначены Лукиан[87] и Констанций[88]. Приняв такой план похода, император провел смотр войска и, сидя на возвышении, обратился к нему подобающим образом и наградил каждого солдата ста тридцатью серебрениками[89]. После этого Юлиан приступил к завоеванию Персии. Командующим пехотой был назначен Виктор, а конницей – Хормизда и Аринфей[90].

(4) Я уже упоминал о Хормизде ранее. Это был персидский царевич, который, будучи преданным своим братом, бежал к императору Константину и был удостоен высочайших почестей и должностей за доказанную им преданность [римлянам].

14. Теперь, когда император вступил на территорию Персии, конница была размещена на левом фланге, а часть пехоты сопровождала ее справа вдоль берега реки, в то время как остальное войско следовало позади на расстоянии около семидесяти стадий[91]. Вьючные животные, несущие тяжелые доспехи и другое военное снаряжение, были поставлены в середине обоза вместе со своими погонщиками. В целях безопасности со всех сторон их окружало войско[92]. Организовав таким образом наступление[93], Юлиан решил послать вперед полторы тысячи человек Лукиллиана, чтобы посмотреть, приближаются ли враги открыто, или сидят в засаде. (2) Затем, продвинувшись на 60 стадий вперед, император подошел к местечку под названием Заута[94], после чего направился в Дуру. Там находились руины города, который к тому времени был покинут [жителями]. Здесь же находилась могила императора Гордиана[95]. Там оказалось много оленей, которых солдаты перестреляли и устроили пиршество. Потом, продолжая поход в течение четырех дней, император подошел к местечку Фатуза, напротив которого на реке находился укрепленный остров[96], занимаемый большим гарнизоном.

(3) Лукиллиан с тысячей разведчиков отправился, чтобы окружить врага, и пока была ночь, они пробрались незамеченными. Но когда рассвело, римляне были замечены одним из защитников, который вышел за водой. Это повлекло за собой беспорядки внутри города, и все персы поднялись на стену, [а часть из них сдалась]. Император после этого направился на остров со своими осадными орудиями и частью своих сил, пообещав тем, кто остался [в городе], что если они сдадутся сами и сдадут крепость, то они избегут верной смерти.

(4) Когда этот призыв нашел отклик, Лукиллиан перевел [фатузских] мужчин, женщин и детей на римскую территорию[97] под конвоем солдат. Их глава Пузей[98] получил должность трибуна, и с этого времени, после проверки его верности, Юлиан стал считать его близким другом.

15. Продолжая свой путь из этих мест, император прибыл на другой остров реки, где находилась очень сильная крепость[99]. Юлиан атаковал ее и нашел ее вполне неприступной, после чего потребовал сдачи защитников, указав им на возможность тем самым избегнуть разграбления. И когда они пообещали, что последуют примеру других, император двинулся далее. (2) Юлиан проходил мимо линии других крепостей, удовлетворяясь аналогичными обещаниями, так как он не хотел тратить время по пустякам, а желал посвятить себя главной цели похода[100]. Несколько дней спустя император прибыл в Дакиру[101], которую солдаты обнаружили покинутой. Они захватили большие запасы зерна и огромное количество соли. После убийства нескольких женщин, остававшихся

там, римляне разрушили это место до такой степени, что если бросить взгляд, то никогда не подумаешь, что тут был город. (3) А на другом берегу, вдоль которого шла армия, изливались потоки жидкого асфальта. Затем Юлиан достиг Сифы[102], Мегии[103] и города Зарагардия[104], где находилась высокая каменная платформа, известная местным жителям как «Троянский трибунал».

(4) Солдаты легко разграбили и сожгли город, после чего весь этот день и следующий отдыхали.

Император, пораженный тем, что армия прошла так далеко, не встречая какого-либо сопротивления со стороны персов, ни с помощью засады, ни в открытую, послал группу разведчиков с Хормиздой, так как тот имел очень точные и детальные знания местности. (5) Царевич и его люди едва не погибли, однако, им удалось неожиданно спастись, по редкой случайности, так как Сурена[105] расположил засаду в определенном месте и ждал Хормизду с его воинами с намерением застать их врасплох, когда они пройдут мимо. (6) Надежды персов осуществились бы, если бы Евфрат не вышел за пределы своего обычного течения и не помешал бы тем самым захватить отряд Хормизды. Таким образом, намерение персов оказалось сорванным. На следующий день Сурена и его товарищи по засаде обнаружили себя и вовлекли в бой людей Хормизды, проходивших поблизости. Некоторые римляне были убиты, а другие спаслись бегством. После этого уцелевшие римляне вернулись к основным своим силам[106].

16. Продвигаясь дальше, основное войско прибыло к каналу Евфрата, который простирался вплоть до Ассирии и пересекал всю страну до Тигра[107]. Здесь солдаты натолкнулись на липкую грязь и болота. В этой местности лошади испытывали большие затруднения в движении. Что касается людей, то их доспехи очень мешали форсированию канала, а вброд пройти было невозможно из-за большой глубины и грязи. Поэтому римлян охватила ужасная паника, они не знали, что им делать. (2) Это увеличивало степень опасности. Но еще больше паника возросла при виде врагов, вооруженных стрелами и бросающих камни. Они стояли на противоположном берегу и закрывали путь. Никакого выхода не было. Опасность надвигалась. Император, однако, был во всех отношениях очень умен и имел определенный военный опыт. Он решил приказать пятнадцати тысячам воинов под командованием Лукиллиана, состоявших в разведке, атаковать врага сзади и сделать отвлекающий маневр. Это позволило бы остальным перейти через канал. (3) Для этого Юлиан также послал магистра Виктора с соответствующими силами, которые ждали наступления ночи, чтобы их подход не был замечен персидской армией. После этого отряд ушел так далеко, что враг не мог его увидеть даже днем. Персы частью своих сил пересекли реку в поисках сил Лукиллиана.

17. Лукиллиан же, выдвинувшись вперед, нигде не обнаружил врага. Он стал громко кричать, призывая своих соотечественников и созывая их звуками трубы. Когда все римляне собрались вместе, как планировал Лукиллиан, они соединились с силами Виктора. Римляне внезапно напали на врага с тыла[108]. (2) Персы, захваченные врасплох, не проявили бдительности. Многие из них были убиты, другие спаслись бегством. Император тем самым пересек реку вполне беспрепятственно. После переправы всадников через реку[109] на небольших суденышках, а пехоты – на судах, римляне расположились вдоль берега. Император продолжил поход без отдыха, ожидая незамедлительного нападения, (3) пока не прибыл в город под названием Берсабора[110]. Юлиан сравнил его размеры и мощь со своими возможностями. Город был окружен двумя кольцами стен, в центре находился акрополь, имевший собственные укрепления в виде своеобразного полукруга. К акрополю вела крутая дорога от внутренней стены города. (4) На западной и южной сторонах города из стен выходили извилистые, крутые тропы, тогда как на севере жители отвели широкий канал от реки, служивший одновременно для защиты и для снабжения жителей города водой. (5) На востоке город был закрыт глубоким рвом и частоколом из строевого леса, с большими башнями вдоль рва, построенными из обожженного кирпича, залитого асфальтом на всю нижнюю половину, а в верхней части – из таких же кирпичей, облитых гипсом.

18. Император решил взять этот город с помощью осады и ободрил своих солдат, которые следовали за ним с большим энтузиазмом. Жители города в общем согласии решили вступить в переговоры с императором, прося, чтобы Хормизда стал послом для обсуждения условий мира с ними. Но затем они стали оскорблять его как дезертира, беглеца и предателя своей страны. Император был по понятным причинам рассержен из-за всего этого, и приказал всем своим воинам форсировать осаду так, чтобы осажденные видели это. (2) Каждый солдат, получивший задание, стал работать, занимая все новые участки земли. Вскоре жители обнаружили, что они неспособны защитить стены и укрылись в акрополе. Когда император увидел это, он направил солдат в теперь уже опустевший город. После сокрушения стен и каменных домов римляне установили осадные орудия на руинах города и метали зажженные стрелы и камни на тех, кто укрылся на акрополе. Однако граждане длительное время отражали атаки осаждавших тем же способом; шло большое кровопролитие. Император должен был проявить всё своё искусство, чтобы справиться с ситуацией в городе, используя весь опыт, и собрать осадные машины[111]. (3) Он приказал скрепить четыре громадных бревна вместе с железом в острие квадратной башни, расположил ее у стены акрополя и постепенно увеличивал в размерах, пока, наконец, она не стала такой высокой, как стена. Затем император послал в бой лучников и пращников. Персы теперь атаковали со всех сторон, стремясь с одной стороны снять осаду, с другой стороны стараясь удержать позиции. Они сопротивлялись какое-то время, а потом отступили, обещая сохранить за собой лишь акрополь, если император даст им приемлемые условия. (4) Было согласовано, что все персы получат безопасность со стороны римлян; каждый получит некоторую сумму денег и плащ, если все они оставят акрополь. Когда соглашение было достигнуто, около пяти тысяч человек, включая полководца Момозейра[112], получили свободу. В это количество не вошли те, кто смог бежать через реку в маленьких лодках. (5) Когда солдаты поднялись на акрополь, они нашли там огромное количество различного оружия, боеприпасов и много другого снаряжения. Большое количество зерна было погружено на корабль для отправки армии, а оставшееся было поделено между собой. (6) То оружие, которое было пригодно для приемов ведения войны римлянами, было роздано солдатам, а то, что использовалось только персами, было или сожжено, или брошено в реку. В результате никогда больше римляне не добивались такой славы, после того как великий город, самый большой в Ассирии после Ктесифона, представлявший собой такую неприступную крепость, был взят за два дня. Император, чтобы подчеркнуть свою благосклонность к армии, похвалил воинов в своей речи и дал каждому по сотне серебряных слитков[113].

19. После этого Сурена отбыл из лагеря в Ассирии с большой армией и атаковал разведчиков, которые опрометчиво вырвались вперед от римской армии. Он убил одного из их троих командиров и нескольких солдат; остальные были разгромлены. Был захвачен военный штандарт с изображением фигуры дракона – такой, который римляне всегда брали в сражения. (2) Узнав об этом, император пришел в бешенство и обрушился на армию Сурены. Он разгромил столько врагов, сколько смог, и вернул военный штандарт. Затем Юлиан без промедления отправился в город, в котором Сурена спрятал своих солдат для захвата разведчиков, взял и сжег его. Что касается предводителя разведчиков, то, так как он отдал штандарт врагу, предпочтя сохранение жизни чести римской армии, Юлиан снял его с должности командира и с того времени держал его и его приближенных в немилости[114].

(3) Продвигаясь дальше, император пересек реку и прибыл к местечку[115] близ города Фисения. Возле его стены находился очень глубокий ров. Персы заполнили его водой из ближайшего канала, называвшегося Царская река[116]. Римляне прошли мимо города, так как не ожидали там гостеприимства, и направились дальше, туда, где начинались болота. Персы, вырыв канал и наполнив его водой, могли помешать армии идти дальше. (4) Тем не менее, армия во главе с императором вошла в воду по колено, считая позором не последовать примеру императора. На закате основное войско остановилось в этом месте, а император приказал нескольким солдатам и оруженосцам следовать за ним.

Срубая деревья в лесу, они перекрыли канал и насыпали землю в болото. Так были заполнены глубокие места и расширены узкие. После этого император вернулся и двинул армию вперед[117], пока не достиг Бифры[118], где имелся дворец и достаточно большие здания, чтобы вся армия и император нашли пристанище.

20. Продвигаясь дальше, император опять столкнулся с трудностями пути. Солдаты шли вперед, пока не достигли места, где не было жилищ, лишь роща финиковых пальм. Деревья обвивали виноградные лозы, представляя собой следующее зрелище: плоды пальмы перемешались с гроздьями винограда[119] . Здесь Юлиан провел ночь перед дальней дорогой. (2) Подойдя слишком близко к некоей крепости [Майозамалха][120], император мог получить серьезное ранение. Один из персов из крепости подбежал к нему и взмахнул саблей, но император предвидел удар и прикрыл голову щитом. (3) Солдаты кинулись на перса и тут же убили его вместе со всеми, кто был рядом с ним. Спаслись лишь те, кто успел укрыться в крепости. Взбешенный такой отчаянной смелостью, император осмотрел крепость и наметил, где можно начать штурм[121]. (4) Пока Юлиан был таким образом занят, Сурена неожиданно столкнулся с солдатами, которые были размещены позади, в роще, надеясь захватить обоз и, в то же время, отвлечь внимание императора. Как только Сурена услышал, что происходит осада крепости, он был обескуражен. Император придавал взятию крепости большее значение, чем данной стычке. (5) Рядом находился известный город Бесухис и много других крепостей, чьи жители покинули свои дома, так как им не была гарантирована безопасность. Те, кто спасся бегством из Ктесифона, были найдены в самых густых частях рощи и собраны в одной из крепостей, захваченных императором. Юлиан со всей решимостью продолжал бой. Тем временем, часть войска, отправленная на разведку, была вынуждена отражать внезапное нападение. Римляне не только отразили угрозу, но и убили некоторых врагов. Это дало возможность императору беспрепятственно продолжить осаду крепости. Разведчикам не удалось скрыться. Даже те, кто убежал в болото, были частью убиты, частью взяты в плен.

21. Осажденные в крепости персы отражали атаки с помощью всевозможных метательных снарядов, а когда поблизости уже не было камней, они лепили шары из полужидкого асфальта, который горел под ногами. (2) И хотя римские солдаты находились в невыгодном положении по сравнению с врагом, они не забывали о воинской доблести и правилах боя. Враг непрерывно подвергался обстрелам камнями и различными метательными снарядами размером с кулак. Огонь велся также с носовых частей кораблей орудиями, поражавшими сразу по двое-трое и более человек. (3) Так как крепость стояла на холме и была укреплена двумя стенами и шестнадцатью большими башнями, со всех сторон окруженная рвом, который давал питьевую воду защитникам, император Юлиан заставил своих солдат засыпать ров и тем самым нарастить уровень насыпи до башен. (4) В другом месте он решил сделать подкоп под стеной в середине внутренней линии укреплений, с тем, чтобы напасть на врага из подкопа. Но, так как враг помешал римлянам достичь уровня башен градом метательных снарядов, император решил дать главное сражение, изобретая различную защиту от стрел и горящих шаров и поручив вырыть подкоп Невитте[122] и Дагалайфу[123]. (5) Затем Юлиан передал пехоту и конницу под командование Виктора и приказал ему прочесать всю территорию вплоть до Ктесифона. Это должно было нейтрализовать попытки организовать убийство императора, что и было поручено людям Виктора, который также должен был подготовить дороги к Ктесифону для Юлиана и его армии, строя мосты и укрепления.

22. После того как Юлиан распределил обязанности между своими людьми, он поставил таран у ворот и принялся разбивать их. Увидев, что строители туннеля отнеслись к своей работе халатно, император выразил недовольство и поставил других на их место. Второй таран был поставлен у следующих ворот. Это открывало новые возможности для штурма. И когда гонец сообщил, что люди, рывшие подкоп ото рва к городу, закончили его, войско изготовилось к штурму. Оно состояло из трех легионов: маттиариев, ланциариев и викторинов[124]. (3) Император, однако, сдерживал их ярость и приказал установить орудие напротив вторых ворот. Там же была размещена и вся армия. Это должно было

убедить врага, что крепость падет на следующий день, и отвлечь персов от подкопа. (4) Итак, когда все защитники крепости приготовились защищаться от нападения осадных орудий, люди в туннеле выбрались на поверхность прямо в середине жилого дома. Хотя была ночь, рабыня молола пшеницу. Она и стала первой жертвой, так как солдатам пришлось ее убить, чтобы она не закричала[125]. Первого, кто ворвался в город, звали Суперанций. Это был известный воин из легиона викторинов. Вторым шел Магн[126], третьим – Иовиан[127], примикерий нотариев, а за ними множество прочих. (5) Все они пробирались к центру города, прижимаясь к стенам, и совершенно изумлялись персам, которые в это время распевали песни, хваля доблесть царя и насмехаясь над тщетными усилиями римлян. При этом персы утверждали, что римлянам легче было бы взять царский дворец, чем их крепость. (6) Римляне бросились на врагов и убивали всех, кого было возможно. Остальных они преследовали и тоже убивали, не щадя ни женщин, ни детей, кроме тех, кто был нужен для взятия в плен. Анаболат, командир гарнизона, был взят в плен со всей его охраной, насчитывавшей около восьмидесяти человек. Его провели через всю крепость и доставили к императору со связанными перед собой руками. (7) Теперь, когда крепость была взята, а все ее защитники убиты, независимо от возраста, кроме некоторых пленных, армия занялась грабежом. Каждый брал то, что хотел. Стены были разрушены с помощью множества орудий. Дома подвергались разрушению и сожжению. В результате со временем стало казаться, что города [на этом месте] никогда не было.

23. Продолжая свой поход, Юлиан прошел мимо других важных крепостей, пока не прибыл к заповедному месту царской охоты. Это было большое пространство, огороженное стеной и засаженное различными деревьями. Там водилось множество диких зверей. Это обеспечивало парфян едой, и они имели разрешение царя на охоту. (2) Когда Юлиан увидел это, он приказал проломить стену в нескольких местах. Парфянские забавы были закончены, как только римляне ворвались туда. По соседству с этим местом император обнаружил небольшую крепость, величественно украшенную в римском стиле. Как говорили, этот замок был построен римлянами. Здесь соединились три легиона: матиарии, ланциарии и викторины. Император покинул войска и посетил крепость один, не разрешив трибунам грабить имущество из уважения к строениям, считавшимся римскими[128].

(3) Оттуда, минуя несколько крепостей, армия подошла к городу под названием Мейнас Сабата[129]. Он был расположен в 30 стадиях от города, ранее называвшегося Зохаса, а теперь – Селевкия[130]. Император и большая часть его армии расположились неподалеку, в то время как разведчики пошли впереди и приступили к штурму города. На следующий день, когда император взглянул на стены, он увидел несколько тел, висевших на столбах перед воротами. (4) Жители, [сдавшиеся римлянам], поведали Юлиану о том, что это были потомки тех, кто предал город, когда его захватил император Кар[131]. Анабдат, командир гарнизона, был предан суду по обвинению в том, что он ввел в заблуждение римскую армию под предлогом содействия ей в персидской войне. Кроме того, он был также обвинен многими людьми еще и в том, что оклеветал Хормизду. Анабдата назвали изменником и виновником всего похода против персов. Он был признан виновным в указанных преступлениях и казнен[132].

24. В то время как армия продвигалась вперед, Аринфей обыскал болота, где он нашел много [вражеских] воинов, которых взял в плен[133]. Здесь впервые персы сплотили свои силы и атаковали римский авангард, шедший впереди армии. После быстрого поражения римляне бросились к ближайшему городу в поисках спасения. На противоположном берегу реки персы, однако, напали на слуг, которым было приказано присматривать за животными, и на многих других солдат. Некоторые были убиты, другие были оставлены в живых. Из-за всего случившегося армия пришла в подавленное состояние. Так римляне потерпели свое первое поражение[134] [в этой кампании].

(2) Двигаясь дальше, римляне достигли огромного канала, который, по словам окрестных жителей, был вырыт троянцами во время персидской войны. Река Нармалака[135] впадает в этот канал, а затем в Тигр. Император решил расчистить[136] и осмотреть его,

чтобы обеспечить проход своих судов в Тигр и, если возможно, построить мосты для перехода армии[137].

25. В это время множество персов, и конница, и пехота, собрались на противоположном берегу, чтобы предотвратить переправу римлян. Заметив вражеские приготовления, император решил выступить против персов и строго приказал своим войскам грузиться на корабли, (2) но, видя, что противоположный берег выше и имеет стену, солдаты сказали, что боятся стрел и огненных шаров, которые упадут вниз на них. Когда император настоял на своем, две лодки с солдатами всё же отправились поперек реки. Персы мгновенно обрушили ливень горящих стрел и посеяли огонь посреди воды. Так как армия была очень напугана, император ловко скрыл свою ошибку, сказав: «Они перебрались безопасно и достигли другого берега. Это доказывает огонь в лодках, который я специально приказал солдатам зажечь в качестве знака победы». (4) В тот же момент все солдаты, как они были, погрузились на суда и поплыли. И когда они добрались до места, где могли перейти вброд, то спрыгнули в воду и, схватившись с персами в рукопашном бою, овладели не только берегом, но и также захватили две лодки, которые добрались раньше и теперь были наполовину сгоревшими, и освободили оставшихся в живых солдат. (5) После этого войска двинулись друг на друга. Битва длилась с полуночи до половины следующего дня, пока, наконец, персы не уступили и не помчались опрометью со своими полководцами, возглавившими бегство. Это были Пигракс, второй после царя по происхождению и славе, Анаревс и сам Сурена. (6) Римляне и готы преследовали их по ходу бегства, убив многих, и взяли огромное количество золота и серебра, всевозможные виды украшений для людей и лошадей, серебряные ложа и столики – всё, что они нашли брошенным в военном лагере. (7) В этом сражении[138] пали 25 сотен персов и только 75 римлян. Всё же в некоторой степени празднование победы было омрачено тем, что главный победитель был ранен катапультой.

26. На следующий день император очень уверенно послал свою армию через реку Тигр. На третий день после битвы он сам со своей гвардией пересек ее[139]. Добравшись до места, которое персы называли Авгузата, Юлиан остановился здесь на пять дней[140]. (2) Осмотрев войско с фронта, император решил, что вместо продолжения похода армии вдоль реки надо идти вглубь страны, поскольку теперь нет причины полагаться на суда. С этими соображениями в голове Юлиан информировал армию о своем плане и приказал поджечь весь флот, (3) кроме 18-ти римских лодок и четырех персидских, которые перевозились на подводах, чтобы использовать их, когда возникнет необходимость. Остаток войска должен был продвинуться немного вверх по реке[141]. Достигнув Ноорды, римляне остановились в этом месте, захватив и убив много персов. (4) Потом, добравшись до реки Дурус[142], они пересекли ее по мосту и поняли, что персы сожгли весь корм для скота во всей стране, чтобы римские животные погибли от голода. Также было принято во внимание то обстоятельство, что персы, прежде рассеянные на многие отряды, намеревавшиеся по отдельности изгнать римлян, которых, по их мнению, было немного, теперь соединились в одно войско. Поэтому римляне отступили к берегу реки. (5) А когда разведчики, которые предшествовали армии, вступили в бой с персидским отрядом, воин Макамэвс, хотя и невооруженный, с рвением набросился на врагов и убил четверых, прежде чем несколько из них набросились на него все вместе и повалили. Его брат Мавр, увидев его распростертое тело, окруженное персами, вытащил его и убил воина, ударившего его первым. И Мавр не сдался, хотя был сам ранен, пока не донес брата, всё ещё живого, до римского войска[143].

27. Когда римляне подошли к городу Барсафта, они опять обнаружили, что корм для скота сожжен варварами. Показалась группа персов и сарацин[144], но сразу же исчезла, не подождав даже миг, чтобы взглянуть на римскую армию. Постепенно скапливаясь, персы собрали большое войско, так что римляне поверили, что они намереваются напасть на них, (2) но когда император, первым надев свои доспехи, помчался впереди во главе своей армии, персы не стали отстаивать свою землю, а решили бежать в места, которые лучше знали[145]. Продолжая свой путь, император подошел к поселению под на-

званием Симбра, расположенному между городами Нисбара и Нисканадалба[146]. (3) Тигр находится между этими двумя местами, но там имелся мост, который обеспечивал легкие и прочные связи между жителями. И всё же персы сожгли его, предотвратив его использование римлянами, желая исключить его из планов обеих сторон. Недалеко оттуда персидские войска потерпели поражение в стычке с римскими разведчиками, продвигавшимися впереди армии, в то время как всё войско, обнаружив богатые запасы продовольствия в поселении, брало всё, что было нужно, и уничтожало оставшееся.

(4) Между Данабой[147] и Синкой персы напали на охрану тыла армии и убили многих, но в конце концов бежали, так как их собственные потери были значительнее, и разбрелись по различным дорогам. В этой битве был убит благородный сатрап по имени Дасес[148]. Ранее он был послом к императору Констанцию для обсуждения заключения мира и прекращения войны.

28. Когда враг увидел приближение римлян к городу Акцета[149], он начал поджигать урожай в округе, но римляне поспешили потушить огонь и взяли оставшиеся продукты[150]. (2) Следуя дальше, они приблизились к селению Маронса[151], где персы снова атаковали римскую стражу и убили среди прочих трибуна …[152] Ветраниона, который отважно сражался. Были захвачены несколько лодок, которые попали в руки врага, потому что сильно отстали от остальной армии[153]. (3) Минуя несколько поселков, римляне добрались до Туммара[154], и здесь обнаружили все свои лодки сгоревшими, после чего впали в уныние. Многие животные римлян, изможденные таким долгим походом через всю враждебную страну, были не в состоянии везти продовольствие. Персы, в свою очередь, собрали все продукты и сложили их в наиболее укрепленные места во избежание их захвата римлянами. При таком положении дел персидская армия начала битву, но римляне превосходили врага по силе и убили многих персов.

(4) Немного раньше половины следующего дня **[26 июня]**, после того, как персы собрались в большую армию, они внезапно напали сзади на римскую армию. Римляне, хотя были не организованы и ошеломлены внезапным нападением, сражались отважно за императора, как обычно, ободрявшего воинов.

29. Во время рукопашного боя Юлиан лично поддержал трибунов и центурионов, смешавшихся в этот момент с простыми воинами. И в высшей точке накала битвы император был ранен мечом[155]. Его положили на щит и перенесли в шатер, где он и оставался до полуночи. Ко времени своей смерти[156] он почти полностью разгромил Персидскую державу.

(2) Все время, пока смерть императора скрывалась, римская армия была так близка к победе, что были убиты 50 выдающихся сатрапов, не говоря уже о количестве простых персов. Даже когда о смерти императора стало известно, и многие приходили в шатер, где лежало его тело, другие римляне всё ещё сражались и побеждали врагов. Некоторые войска из персидских частей напали на людей Хормизды, (3) и произошла жестокая битва, в которой Анатолий[157] – командующий войск двора, чей титул по-римски назывался магистр оффиций, был убит. Салюстий, префект претория, упал с лошади и почти погиб от рук врагов, которые набросились на него, если бы один из сопровождавших его не спешился и не помог ему бежать. С ним бежали два легиона императорской свиты, которые назывались скутариями. (4) Из тех, кто обратился в бегство, только 60 человек, позаботившихся о своей собственной и римской чести, рискнули жизнью и не напали на крепость, из которой персы с очевидным успехом нападали на римлян. После того, как враг залег в ожидании римлян в течение трех дней, защитники крепости, казалось, были спасены, но тут большая часть римской армии напала на осажденных.

30. После битвы на сходке командиров и солдат был созван совет, чтобы назначить подходящего преемника для императора. Без верховного главнокомандующего римляне не могли избежать опасности, которая окружала их в сердцевине вражеской территории. Общим голосованием императором был провозглашен Иовиан[158], сын Варрониана[159], комит доместиков[160]. (2) Таковы были события, происходившие после смерти Юлиана. После этого Иовиан надел пурпур и диадему и отправил войска в обратный путь. Когда

он прибыл к крепости Сума[161], персидские всадники напали на римлян, используя множество слонов весьма успешно так, что пострадало правое крыло, где находились иовианы и геркуланы. Названия этих легионов были даны им Диоклетианом и Максимианом от имен Юпитера и Геркулеса. (3) Сначала римляне были разгромлены мощью слонов. Многие падали на бегу, а когда подоспели персы, их слоны и лошади вздыбили землю. После этого опасность обрушилась на участок, где находились римские тылы и обозы. Теперь и они разделили опасность, разъярив персов тем, что ранили некоторых слонов, которые заревели от боли, разбежались и дезорганизовали конницу. В результате слоны были перебиты римскими солдатами, когда они спасались бегством. Много воинов погибло в ходе этого сражения. (4) Римские трибуны, включая Юлиана, Максимиана и Макробия, пали, благородно сражаясь. И когда их разыскали среди тел, а также и Анатолия, им были сделаны подобающие чину похороны, когда позволили обстоятельства в сердце вражеской территории[162].

Римляне продолжали поход в течение четырех дней, и враг беспокоил их со всех четырех сторон. Персы видели их идущими вперед, и казалось, что римляне наступали[163]. Когда появилась возможность, римляне решили переправиться через Тигр и (5) сложили надутые воздухом винные мехи для понтонного моста и для того, чтобы переплывать реку поодиночке. Когда римские солдаты достигли противоположного берега, то и их полководцы и остальные также благополучно переправились[164]. Персам не хотелось отпускать противника, и они преследовали римлян вплотную всю дорогу с большими силами. Поэтому римляне всё время находились в серьезной опасности. Их угнетали неблагоприятные обстоятельства и нехватка снабжения.

31. Хотя римская армия находилась в крайне затруднительном положении, персы звали их вождей на мирные переговоры, которые предлагал им Сурена и другие знатные люди, действовавшие как посланцы[165]. Иовиан благосклонно отнесся к идее мирных переговоров и отправил на них Салюстия, префекта претория, и Аринфея. После некоторого обсуждения было согласовано, что римляне должны будут вернуть персам провинции Забдицена, Кордуэна, Ретена и Залена, и крепости вокруг них числом 15, со всеми жителями и землями, и животными. Нисибин, однако, был отдан без жителей, которые были переселены туда, куда хотели римляне. (2) Итак, персам отходила большая часть Армении, а римляне сохраняли лишь малую ее часть. Когда перемирие[166] было заключено по этим пунктам и подтверждено договорами с обеих сторон, римлянам разрешили идти домой с миром, и они ничего не разрушили на персидской территории и не оказались жертвами персидского разгрома[167].

32. Приступая к этой части моей Истории, мне пришло на ум вернуться к более раннему времени и посмотреть, обещали ли римляне когда-нибудь отказаться от каких-либо ими завоеванных территорий или, короче говоря, потеряли ли они когда-либо то, чем они до этого овладели и поставили под свою власть[168].

(2) Люций Лукулл разгромил Тиграна и Митридата и первым построил вплоть до Центральной Армении и Нисибина крепости, включив эти земли в состав римской державы **[74-66 гг. до н.э.]**. Помпей Магн увенчал все свои победы утверждением римской власти в тех землях, которые он завоевал **[66-62 гг. до н.э.]**. (3) И когда персы чрезмерно активно беспокоили Рим, сенат выбрал Красса полководцем с полновластными полномочиями, но Красс оставил пятно на римской репутации до сегодняшнего дня, потому что его взяли в плен и убили персы **[53 г. до н.э.]**. Антоний впоследствии взял на себя командование, но будучи влюбленным в Клеопатру, уделял мало внимания войне и умер после того, как повел себя недостойно для римского имени **[36-31 гг. до н.э.]**. Даже после страданий, причиненных этими неудачами, римляне не потеряли ничего из завоеванных ими территорий. (4) Когда их государство стало монархическим, и Август обозначил Тигр и Евфрат как пределы Римской империи, эти территории были сохранены. Впоследствии, когда Гордиан проводил кампанию против персов **[243-244 гг.]** и умер в сердце вражеской земли, даже после этой победы персы не могли вырвать у римлян что-либо из того, что те некогда завоевали. То же повторилось при императорстве Фи-

липпа, заключившего самый постыдный мир с Персией. (5) Немного времени после того, как персидским оружием был притеснен Восток, а великая столица Антиохия была взята, и персидская армия дошла до Киликийских ворот, император Валериан пошел против них **[260 г.]** и, несмотря на его пленение персами, это всё еще не дало им уверенной власти над этой территорией.

(6) Только смерти императора Юлиана оказалось достаточно для того, чтобы мы потеряли эти земли так бесповоротно, что уже оказались не в состоянии возвратить что-либо из рук персов. Кроме того, римляне постепенно потеряли еще больше провинций. Некоторые из них получили независимость, другие сдались варварам, третьи постепенно обезлюдели. Это будет показано в описании дальнейших событий моей Истории[169].

33. Когда был заключен мир с Персией, как я уже сказал, Иовиан вернулся домой со своей армией, не потерпев ущерба от персов, но потерял много людей в дороге по вражеской территории, потому что на него обрушились трудности местности и недостаток воды. Итак, он послал трибуна Маврикия[170], чтобы доставить продукты для армии из Нисибина и вернуться, чем быстрее, тем лучше, а затем соединиться с основными силами. Других послали в Италию, чтобы объявить о смерти Юлиана и о провозглашении Иовиана.

(2) Когда император с трудом после многих бедствий достиг Нисибина[171], так как этот город был отдан врагу, ему не хотелось входить туда. Поэтому он расположился в открытых воротах. На следующий день император встретил плач и мольбы. Все жители умоляли его не покидать их или освободить их от варварского ига, под которым они живут уже много лет, управляясь римскими законами. (3) Они сказали, что унижены тем, что Констанций, затеявший три войны с персами, во всех потерпел поражение. Выслушав их[172], император решил удерживать Нисибин и прилагал все силы для его спасения, словно город был осажден и находился в огромной опасности. Однако вскоре, под огромным давлением обстоятельств, Иовиан передал город врагу в один день[173]. Такого никогда ранее не бывало, чтобы мирные жители были отданы без боя. (4) Император публично принес извинения жителям в качестве слабого утешения за то, что он сделал. Затем Сабин, вождь городского сената, дополнил народное прошение, объясняя то, что горожанам не заплатили деньги за войну против персов как добровольным помощникам. А то, что они защищали себя собственными телами и запасами, вынуждает их решить, что если бы римляне стали победителями в войне, горожане были бы против того, чтобы стать римскими подданными и повиноваться их власти, как раньше. (5) И когда Иовиан всё еще утверждал, что он не может нарушить соглашение, жители просили и умоляли его не лишать Римскую империю такого оплота, [как их город].

34. Римляне уже не хотели ничего, кроме того, чтобы сохранить императора при отступлении в безопасности. Персы были озабочены тем, как подчинить себе крепости в провинциях и город Нисибин в соответствии с договором. Жители тех провинций и крепостей, которые не могли бежать, позволили персам делать с ними то, что им хотелось, но жители Нисибина тянули время для эвакуации и почти все бежали в Амиду, а в небольшом количестве – и в другие города[174].

(2) По всей области царили печаль и сожаление, так как каждый ее житель был отдан врагу и стал жертвой персидских атак, как ныне Нисибин и его округа. Жители Карр были так убиты горем, что из-за новости о смерти Юлиана убили вестника и завалили огромной грудой камней его тело[175]. Таким было потрясение, вызванное смертью одного человека. (3) Иовиан быстро проходил через города, которые были так охвачены горем и унынием, что не могли принести ему возгласов радости вопреки обычаю. Сопровождение императора в Антиохию[176] осуществлялось императорской стражей, так как вся армия еще была погружена в траур по Юлиану, тело которого было отправлено в Киликию и похоронено в царской могиле в окрестностях Тарса[177]. И на погребении была начертана надпись:

Тигр покинув быстротекущий, здесь лежит Юлиан,

Царь знаменитейший наш, лучший из смертных людей[178].

35. Претендуя теперь на власть над всей империей, Иовиан среди прочих дел послал своего тестя Лукиллиана, Прокопия и Валентиниана, ставшего впоследствии императором, к войскам в Паннонию, чтобы оповестить их о смерти Юлиана, и о том, что он стал его преемником.

(2) Как только батавы, стоявшие у Сирмия, покинули это место, чтобы взять город под охрану, и узнали о происшедшем, они убили Лукиллиана за то, что он стал вестником столь горькой новости, невзирая на его родство с императором. Прокопия они отпустили невредимым из уважения к тому, что он был родственником Юлиана, а Валентиниану удалось ускользнуть от смерти в их руках только бегством[179]. (3) Иовиан покинул Антиохию и уже находился на пути в Константинополь, когда внезапно заболел в Дадастане в Вифинии, где и умер[180] **[17 февраля 364 г.]** после правления лишь в течение восьми месяцев, не успев сделать ничего полезного для государства.

36. Был созван совет для того, чтобы выбрать необходимого преемника императора. И хотя там были различные споры о многих кандидатурах и среди солдат, и среди командиров, единогласно был избран Салюстий[181], префект претория. Однако он счел себя слишком старым и заявил, что не может справиться с существующим кризисом. После этого совет спросил Салюстия, не будет ли его сын императором, (2) но отец сказал им, что тот слишком молод, среди прочих причин, для выполнения обязанностей такого рода. Таким образом, солдаты не выбрали императором лучшего человека своего времени. Проголосовали же они за Валентиниана, уроженца Кибалиса в Паннонии. Он был опытным солдатом, но совершенно необразованным человеком. (3) Несмотря на его отсутствие на сходке, за ним были отправлены послы, а государство находилось без правителя несколько дней. Соединив армии в Никее в Вифинии, Валентиниан принял дела императора и двинулся вперед[182] **[25-26 февраля]**.

КОММЕНТАРИИ

1. Amm. Marc. XV.8.1,6,18сл.; XVI.2.12; Jul. Ep. Ath. 279сл.; Liban. 12.44,48.
2. Аммиан Марцеллин не упоминает о каких-либо победах Галла над персами.
3. Евсевия, возможно, дочь Флавия Евсевия, консула 347 г. (Jul. Or. 3.107D). Вторая жена Констанция, за которого вышла замуж зимой 352/353 г., известна своей красотой (Amm. Marc. XVIII.3.2; XXI.6.4) и влиянием на мужа (Epit.42.20; Philost. 4.8.). Была арианкой по вероисповеданию (Socr. II.2; Soz. III.8). При благосклонности к ней Юлиана (Jul. Or. 3.123B; Amm. Marc. XV.2.8; XV.8.3; XXI.6.4; Liban. 18.27), однако, была повинна в бесплодии Елены (Amm. Marc. XVI.10.18: Inter haec Helenae sorori Constanti, Iuliani coniugi Caesaris, Romam adfectionis specie ductae regina tunc insidiabatur Eusebia, ipsa quoad vixerat sterilis, quaesitumque venenum bibere per fraudem inlexit, ut quotienscumque concepisset, immaturum abiceret partum. /Будучи сама бесплодной всю свою жизнь, Евсевия коварством заставила Елену выпить особое снадобье, чтобы каждый раз, как она забеременеет, у нее случался выкидыш/). Евсевия обеспечила должности консулов для обоих своих братьев (359 г.) и освободила от налогов собственность своей семьи (Cod. Theod. 11.1.1). Страдала хроническим бесплодием и не имела детей (Amm. Marc. XVI.10.18).
4. Юлиан обучался в Константинополе, Никомедии, Пергаме, Эфесе и Афинах, начиная с 347 года. Предыдущие шесть лет он провел в изгнании в Мацеллуме (центральная Малая Азия).
5. Таков же отзыв Фукидида о Клеоне (IV.28). Этот предательский совет находится в противоречии с отношением Евсевии к Юлиану (ср. гл.4); скорее, это было личное мнение Констанция. О Юлиане подробнее см.: *Стручевский И.А.* Юлиан Отступник // ВИ. 1968. № 1; *Brouning R.* The Emperor Julian. – L.,1975; *Бенуа-Мешен Ж.* Юлиан Отступник / Предисл. М.В. Бибикова. – М., 2001 и др.
6. Ср. Amm. Marc. XV.8.1; Jul. Ep. Ant. 277сл.; Liban. 18.36сл.

7. Ср. Amm. Marc. XV.8.11.
8. Елена – дочь Константина I; вышла замуж за Юлиана, когда он был назначен цезарем (Amm. Marc. XV.8.18; Philost. 4.2; Socr. III.1; Soz. V.2; Chron. Pasc. [CM 1.238]; Eutrop. X.14; Jul. Or. 3.183D). Она потеряла своего первого ребенка в Галлии в 356 году (Amm. Marc. XVI.10.19), приехала в Рим в 357 г., где, как считается, Евсевия способствовала развитию ее бесплодия (см. прим. 4) (Amm. Marc. XVI.10.18). Она находилась с Юлианом в Лютеции (Париже), когда он был провозглашен августом в 360 г. (Jul. Ep. Ath. 284C, 258B), но умерла в конце 360 или начале 361 г. (Amm. Marc. XXI.1.5; Jul. Ep. Ath. 284C; Liban. 18.179; Zon. 13.11). Похоронена в Риме (Amm. Marc. XXI.1.5). Позднее Юлиана обвиняли в отравлении жены (Liban. 37.3-11).
9. Марцелл – магистр конницы Галлии; осуществлял надзор за Юлианом (Amm. Marc. XVI.2.8; Eunap. 8; Jul. Ep. Ath. 277D); отказался помочь ему в борьбе против франков в 356/357 г. (Amm. Marc. XVI.4.3, 7.3) и был заменен Севером (Amm. Marc. XVI.10.23; Jul. 278B; Liban. 18.48). После попытки оклеветать Юлиана в суде возвратился домой в Сердику (Amm. Marc. XVI.7.1, 8.2).
10. Сатурниний Секунд Салюстий. Его карьера началась рано; был отправлен в Галлию для надзора за Юлианом (Jul. Ep. Ath. 281D), но подружился с ним. Констанций заподозрил, что Салюстий перешел на сторону Юлиана и отозвал его (Jul. 281D сл.; Zos. III.5.3-4; Liban. 12. 58; 18.85). Впоследствии Юлиан назначил Салюстия префектом претория Востока (Amm. Marc. XXII.3.1; Zos. III.29.3; Cod. Theod. 1.16.5), главным судьей над сторонниками Констанция (Eunap. 17; Liban. 18.182). Салюстий сдержанно протестовал против языческой политики Юлиана в Антиохии (Socr. III.19; Soz. V.10,20). Принял участие в персидском походе, особенно в его подготовке (Liban. 18.214; Amm. Marc. XXIII.5.6), несмотря на серьезную болезнь (Amm. Marc. XXV.3.21; XXV.5.3). Рисковал жизнью в сражениях (Amm. Marc. XXV.3.14; Zos. III.29.3). Претендент на трон в 363 г., отказавшийся от него (Amm. Marc. XXV.5.3). Свидетель смерти Иовиана (Zos. III.36; Zon. 13.14). Сохранил должность префекта при Иовиане (Liban. Ep. 1429; Soz. VI.3), позднее стал главой посольства к персам (Amm. Marc. XXV.7.7; Liban. 24.20; Zos. III.31.1). Сохранил свои посты при Валентиниане (Zos.IV.1; IV.2.3; Eunap. 30) и Валенте (Amm. Marc. XXVI.5.5). Его преемником стал Небридий в августе 365 г. (Cod. Theod. 12.6.8; Amm. Marc. XXVI.7.4; Zos. IV.6.2), а позднее – Авксоний в начале 367 г. (Cod. Theod. 4.12.6; 10.16.1). Имел хорошее образование (Jul. 8.25.2), исповедовал язычество (четвертая речь Юлиана посвящена ему).
11. Попытки ограничить полномочия Юлиана (Jul. Ep. Ath. 277-278; Amm. Marc. XVI.1.5; XVI.5; XVII.9.6; XX.5.4; XXII.3.7; Liban. 18.42). Третьей решающей фигурой был префект претория Флоренций.
12. Amm. Marc. XXVII.12-13; XVIII.11.
13. О первых событиях царствования Юлиана также см.: Amm. Marc. XX.5.8; Liban. Orat. Parent.49-50.
14. Здесь видны явные следы текста Евнапия (fr.9). Трудно сказать, кто были эти историки и поэты. Также непонятно, что мог добавить Зосим к исчерпывающему тексту Аммиана, действительно ли интересы Зосима были столь фискальными и милитаристскими. Насколько Зосим здесь зависит от своих источников, неясно.
15. Констанций не ездил на восток от Константинополя до весны 360 г.
16. Кампании 356 г. (Amm. Marc. XXVI.2-3) полностью опущены Зосимом. Кампании 357 г. см.: Amm. Marc. XXVI.11-17.1.
17. Эта фраза не найдена в сохранившихся работах Юлиана. Однако Юлиан упоминает 360 солдат (Jul. Ep. Ath. 277D), ср. 300 у Либания (Liban. Or. 18.37).
18. Весьма вероятно, что многие из рекрутов Юлиана были повстанцами-багаудами. У них был прямой расчет поддерживать такого государя, который пообещал бы облегчить налоговое бремя.
19. Совр. Страсбург.
20. Ср. Amm. Marc. XVI.12.

21. О битве: Jul. Ep. Ath. 279B; Amm. Marc. XVI.12; Liban. Or. 18.52-67. Сильным аргументом в пользу конъектуры «шестьдесят тысяч» вместо шести тысяч служит признание Зосима, что намного больше людей утонуло. Аммиан дает цифру шесть тысяч жертв среди врагов (Amm. Marc. XVI.12.63), Либаний – восемь тысяч (Liban. Or. 18.60), современные ученые утверждают, что римские силы насчитывали 13-15 тысяч, а германские – в 2-3 раза больше.
22. Предположительно, имеется в виду победа Александра под Гавгамелами (331 г. до н.э.). Возможно, поводом для сравнения послужили не понесенные потери, а огромное неравенство двух сторон. Этот пассаж служит примером нарастания негативных оценок в исторической перспективе у Зосима.
23. Amm. Marc. XVI.12.37сл.; Liban. 18.57-59,66.
24. Юлиан пересекал Рейн в 357 г. (Amm. Marc. XVII.1.2сл.; Liban. 18.68), 358 г. (Zos. III.4.5; Amm. Marc. XVII.10.1; Liban. 18.76) и 359 г. (Amm. Marc. XVIII.2.8сл.), т.е. всего три раза (Jul. Ep. Ath. 280C).
25. Ср. Amm. Marc. XVII.1-2.
26. Вадомарий был вождем племени аламаннов. Приглашенный римлянами на пир, он был арестован и выслан в Испанию, впоследствии вступил на римскую службу и получил должность военного дукса Финикии. Он оставался таким же вероломным, как и прежде (Amm. Marc. XXI.4), но в правление Валента отличился своей храбростью в Армянской войне (Amm. Marc. XXIX.1). См. также: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Т. II. Гл. XXII, прим. 20. Зосим путает Хнодомара, взятого в плен после битвы при Аргенторате и отправленного к Констанцию (Jul. Ep. Ath. 279C; Amm. Marc. XVI.12.65-66), с Вадомарием, плененным в самом конце галльских войн (Amm. Marc. XXI.3.1).
27. Десятимесячное перемирие было заключено в конце 357 года (Amm. Marc. XVII.1.12).
28. О кампаниях против аламаннов в 358 г. (Amm. Marc. XVII.10) Зосим сообщает лишь только необычную историю о пленниках, произошедшую у Рейна на земле Гортария: тысяча пленных была возвращена назад (Jul. Ep. Ath. 280C). Ср. акцию Аттилы (Prisc. 8).
29. Перевоз и хранение британской пшеницы не были в то время ничем необычным (Amm. Marc. XVIII.2.3-4). Юлиан лишь построил 400 кораблей, которые он прибавил к 200 уже имевшимся (Jul. Ep. Ath. 280). Ср. Liban. 18.83.
30. Юлиану в ноябре-декабре 362 г. было 32 года (Ep. 434D); столько же – и в момент его гибели в июне 363 г. (Amm. Marc. XXV.3.23), поэтому датой его рождения следует считать 331 год.
31. О времени правления Юлиана в Галлии: Amm. Marc. XVI.5.14сл.; XVII.3; XVIII.1.
32. О войнах против хамавов в 358 г.: Amm. Marc. XVII.8; Jul. Ep. Ath. 280B; Eunap. 10,12; Liban. 18.75. Зосим путает хамавов с квадами во всех случаях, но это – не его ошибка, так как он не знал, что в то время квады жили на Дунае, а не на Рейне (III.3.2).
33. Зосим имеет в виду более ранний поход Юлиана против франков. Возможно, он считает, что они были подчинены в 357 году (Amm. Marc. XVII.2). Салические франки пришли из Токсандрии в район Батавии в 358 г., где они были поселены как dediticii («сдавшиеся») (Amm. Marc. XVII.8.3-4), защищая свою территорию и поставляя войска для римской армии.
34. Хариеттон – руководитель сопротивления против хамавов (Eunap. 11; Liban. 18. 104), позднее командующий в войне против аламаннов в 358 г. (Amm. Marc. XVII.10.5); комит Германии 365 г.; погиб, сражаясь с германцами в Галлии (Amm. Marc. XXVII.1).
35. Позднее салии отмечены во вспомогательной дворцовой гвардии (ND Occ. 5.177, 210), где имелось 11 когорт из хамавов (ND Or. 31.61), вспомогательные силы palatina из батавов (ND Occ. 5.163, 186), когорты из Реции (35.24) и Британии (40.39), а также лэты (42.34, 40, 41).
36. Зосим склонен обойти стороной персидский вопрос со времени воцарения Юлиана в 359 г. Ср. переговоры 366 г. (Amm . Marc. XVI.9) и 358 г. (Amm. Marc. XVII.5), вторже-

ние в Месопотамию в 359 г. (Amm. Marc. XVIII.4-8, 10) и захват Амиды (Amm. Marc. XIX.1-9). Хотя у нас нет причины сомневаться, что осада Нисибина была в этом году (Amm. Marc. XVIII.6.8), упоминание Лукиллиана делает этот пассаж повторением II.45 (Jul. Or. 1.27сл.).

37. Действительно, Констанций имел законные основания требовать войска для востока по праву августа (Liban. 18. 90-93).
38. Зосим ничего не говорит о кампаниях Юлиана в 359 г.: пересечении Рейна по ходу преследования аламаннов (Amm. Marc. XVIII.2) и др.
39. О Юлиане того времени в Галлии см. Jul. Ep. Ath. 280.
40. Ошибка Зосима или проявление незнания им географии: город в то время назывался Лютецией в земле племени паризиев, в Галлии, а не в Германии (ныне – Париж). Юлиан зимовал в Париже каждый год (357/358, 358/359, 359/360).
41. Amm. Marc. XX.4; Jul. Ep. Ath. 283-285; Liban. 18. 94-99. Юлиан в действительности не был коронован до утра после мятежа, и листовка была только одна.
42. Ср. Amm. Marc. XX.9.
43. На переговорах с Констанцием Юлиан (Jul . Ep. Ath. 285сл.) заявил, что он всегда почитал его как цезаря и гарантировал личную безопасность. Аммиан (Amm. Marc. XX.8-9) говорит, что Юлиан послал два письма Констанцию. В одном из них он в умеренных выражениях отказывался послать солдат на восток и выдвинул претензию назначать всех чиновников в Галлии помимо префектов претория. Другое письмо было более резким. Констанций ответил Юлиану, чтобы он был доволен званием цезаря и не претендовал на большее (Liban. 18.106; Zon. 13.10; Epit. 42.16).
44. Ср. Amm. Marc. XX.I.2.4-5. Надо отметить, что религиозная политика Юлиана в целом отвергается Зосимом, но еще более – Аммианом Марцеллином (Amm. Marc. XXII.10.7; XXV.4.2). Было высказано мнение, что это молчание связано с плохими предзнаменованиями при выходе из Антиохии, с конфликтом между гаруспиками и философами. Религиозная политика Юлиана замалчивается, чтобы не возникло противоречия между набожностью императора и его трагическим концом. В тексте Зосима нет явных признаков христианской цензуры.
45. Город в Галлии (ныне Вьенн). Позднее, в 360 г., Юлиан разбил франков на Рейне, объехал весь передний рубеж обороны и прибыл в Виенну на зиму, чтобы защитить переходы в Альпах против Констанция (Amm. Marc. XX.10).
46. О других предзнаменованиях, виденных Юлианом во сне, см.: Amm. Marc. XX.5. Сам Юлиан в письме к Орибасию (Epist.17) говорит о другом аналогичном сновидении, которое поразило цезаря: он видел огромное дерево, поваленным на землю, и небольшое растение, пустившее в землю глубокие корни. Зосим рассказывает о сновидении, виденном уже после его провозглашения.
47. О кампаниях Юлиана против аламаннов в начале 361 г. см.: Amm. Marc. XXI.3-4; Jul. Ep. 8W.
48. Amm. Marc. XXVIII.8.1-2.
49. Поскольку легионы Констанция находились в Азии, путь по Дунаю охранялся слабо. В действительности армия Юлиана была разделена на три части. Одна – под командованием Невитты – шла через Рецию и Норик, другая, во главе с Иовином – через Северную Италию, третья – вместе с самим Юлианом – вниз по Дунаю (Amm. Marc. XXI.8 сл.).
50. Эти подробности семисотмильного пути сообщает только Зосим.
51. Фл. Тавр, квестор 354 г. (Amm. Marc. XIV.11.14) префект претория Италии 355-361 гг. (его упоминают несколько конституций), консул 361 г. Действовал против Юлиана (Jul. Ep. Ath. 286B), но бежал к Констанцию (Amm. Marc. XXI.9.4). Отправлен в ссылку в Верцелл судом в Халкидоне (состав судей – Салюстий, Мамертин, Арбицион, Агилон, Невитта, Иовин; стража – командиры и трибуны иовиан и геркулиан), на котором были осуждены многие сторонники Констанция (Amm. Marc. XXII.3.4). Дожил до 390-х гг.
52. Фл. Флоренций – префект претория Галлии 357-360 гг. Его давлению противостоял

Юлиан (Jul. Ep. Ath. 280F, 282C, 283; Ep.4W ; Amm. Marc. XVI.12.14; XVII.3.2-6; XVIII.2.4, 7; XX.4.2.6-9; XX.9.5; Liban. 18.84-85). В 361 г. бежал к Констанцию (Amm. Marc. XX.8.20-23) и был назначен префектом претория Иллирика и консулом (Amm. Marc. XXI.6.5; XXI.9.4). Хотя и был приговорен к смерти судом в Халкидоне, бежал (Amm. Marc. XXII.3.6; XXII.7.5).

53. Ср. Amm. Marc. XXI.9.
54. Содержание этих писем, вероятно, было одинаковым, хотя внешняя форма и могла быть различной.
55. Политические памфлеты Юлиана были написаны в Наиссе, а не в Сирмии. О его письмах в сенат см. Amm. Marc. XXI.10.7. Из греческих писем сохранилось только письмо к афинянам. Оно содержит много ценных сведений. Это – один из лучших политических манифестов в истории Европы (по мнению Р. Ридли). Часть писем цитируется у Liban. 12.64; 18.115 и в Paneg. 11.9.4. См.: *Thompson E.A.* Three notes on Julian //Hermath. 62. 1943. P.93сл.
56. Ср. Amm. Marc. XXI.10.
57. Ср. Amm. Marc. XXI.15. Констанций вынашивал планы возвращения в Европу и разгрома Юлиана, говоря при этом, что это будет «охотничья прогулка» (Amm. Marc. XXI.7). Были предприняты значительные усилия по нейтрализации Юлиана: нотарий Гауденций перекрыл подвоз продовольствия из Африки в Рим, восстал гарнизон сильной крепости Аквилея. Констанций умер в городке Мопсукрены в 12 милях к востоку от Тарса в Киликии на 45-м году жизни и 24-м году правления. План Юлиана по завоеванию Фракии тем самым отпал сам собой.
58. Cons. Const. 361; Amm. Marc. XXI.15.
59. Ср. Amm. Marc. XXII.2. Почти одновременно в столицу доставили останки покойного Констанция. Юлиан пешком, без диадемы и одетый в траур, сопровождал погребальное шествие до церкви Св. Апостолов, где было положено тело усопшего.
60. Дворцовые преобразования Юлиана описаны: Amm. Marc. XXII.4; Liban. Orat. Parent. 62; Socr. Schol. III.1; Mamert. Paneg. Vet. XI.II.
61. Ссылка на константинопольский сенат ошибочна или искажена; его установил Константин (Anon. Val. 30). Скорее, Юлиан увеличил его число или состав (Paneg. XI.24.5).
62. Janin. Constantinople byzantine. P.231.
63. Ibid. P. 161.
64. Юлиан вошел в Константинополь 11 декабря 361 г. (Amm. Marc. XXII.2.4), а зиму 362/363 г. провел в Антиохии (Amm. Marc. XXII.10.1). Десять месяцев представляются слишком долгим сроком, и он часто сокращается специалистами до восьми. О пребывании Юлиана в Константинополе: Amm. Marc. XXII.2-9.
65. Виктор – сармат (Amm. Marc. XXXI.12.6) и католик (Theod. 4.33). Трибун в период правления Констанция (Amm. Marc. XXM.5.2). Сыграл главную роль в персидском походе Юлиана (Amm. Marc. XXIV.1.2; 4.13; 4.31; 6.4; 6.13; Zos. III.13.3; 16.3; 17.1; 21.5; 25.7). Есть сведения, что он был магистром пехоты (Zos. III.13.1). Продвинут по службе Иовианом (Amm. Marc. XXVI.5.2). Вовлечен в борьбу за власть после смерти Юлиана (Amm. Marc. XXV.5.2). При Иовиане и Валенте – магистр (Zos. IV.2.4; CTh 7.4.12). Посол к Сапору (Liban. 24.20; Amm. Marc. XXV.7.9) и к готам в 366 г. (Amm. Marc. XXVII.5.1), 369 г. (Amm. Marc. XXVII.5.9), к персам в 377/378 г. (Amm. Marc. XXX.2.4-7; XXXI.7.1). Консул 369 г. Препятствовал намерению Валента дать сражение под Адрианополем (Amm. Marc. XXXI.12.6; XXXI.13.9). Передал известие о поражении Грациану (Zos. IV.24.3).
66. Ср. Amm. Marc. XXII.9.
67. Amm. Marc. XXI.5.8.
68. Jul. Misop. 339C, 340A.
69. Эта речь носит название «Мисопогон, или Враг бороды». Русский перевод: Римская сатира. – М.,1959. Ср. Amm. Marc. XXII.14.
70. Jul. Misop. 367D, CTh 12.1.51=CJ 10.32.22; Liban. 48.15; Amm. Marc. XXV.4.21. Юлиан

увеличил количество сенаторов до 1200, назначив тех, кто старался этого избежать, и введя наказания за распущенность, что было особенно актуально для Антиохии. Заметим, что Антиохия была преимущественно христианским городом. О куриалах см.: *Jones A.H.M.* LRE. P. 737-763.О пребывании там Юлиана см.: *Downey G.* History of Antioch. 1961. P. 380f.; *Festugiere A.* Antioche paienne et chretienne. 1959. Chap.2.

71. Пребывание в Антиохии было важным этапом развития религиозной системы Юлиана. См. целиком главу XXIII Гиббона, завершающую второй том.
72. Вопрос о соотношении источников по персидскому походу Юлиана, возможно, самый сложный во всей «Истории» Зосима. Основные теории: 1) происходит от Магна Каррского (общий источник и для Аммиана Марцеллина) [Мендельсон, Зеек, Кляйн]; 2) от утраченных «Записок» Юлиана (общий источник с Аммианом Марцеллином) [Геккер]; 3) от Орибасия через Евнапия независимо от Аммиана Марцеллина [Судхаус, Чалмерс]; 4) от Аммиана Марцеллина либо непосредственно [Вайтерсхайм], либо через Евнапия [Опиц, Томпсон]. Об общей биографии и обсуждении различных деталей см.: *Ridley R.* Notes on Julian's Persian Expedition //Historia. 22. 1973. P.317-330. О географии похода: *Dillemann L.* Ammien Marcellin et les pays de l'Euphrate et du Tigre // Syria. 38. 1961. P.87сл.
73. Персидская кампания Юлиана целиком подробно рассмотрена в XXIV главе знаменитого сочинения Э. Гиббона «Упадок и разрушение Римской империи».
74. Параллели см. у Геродота (II.123, 171f). Дурные предзнаменования (Soz. V.18; Amm. Marc. XXIII.1.5-7 /перед отправлением/, Amm. Marc. XXIII.3.3 /в Каррах/). Это единственное указание Зосима, хотя и косвенное, на одну из главных черт кампании – постоянный конфликт между этрусскими прорицателями и восточными неоплатониками, которые сопровождали Юлиана (Amm . Marc. XXIII.5.10).
75. Гиераполь не расположен на Евфрате. Пехота Юлиана соединилась в Гиераполе (Amm. Marc. XXIII.3.6-7), а флот – в Каллинике (Amm. Marc. XXIII.3.9) или Киркесии (Zos. III.13.2). Ср. с последним письмом Юлиана.
76. Имя дано также в надписи из Гиераполя.
77. Amm. Marc. XXIII.2.7 упоминает только об истощении запасов зерна. Батны не расположены близ Гиераполя (Jul. Ep. 58W).
78. В одной из рукописей читается «эдесцы», но Юлиан отказался посетить этот город, так как он был христианским (Ep. 40W; Soz. VI.1; Theod . 3.25). Судхаус исправил это место на «население». Мендельсон предположил здесь лакуну и восполнил ее так: «...не пожелал войти, но батниане собрались в толпы для встречи с ним».
79. Amm. Marc. XXIII.3.1 У Юлиана не было выбора, какую из двух дорог предпочесть. Его флот пошел по второй.
80. Amm. Marc. XXIII.3.4-5; Liban. 18.214-215; Magn. Эту часть войска надо было послать наперерез, через Карры к Тигру. Аммиан Марцеллин говорит, что она состояла из 30 тысяч, Либаний дает 20 тысяч, Магн – 16 тысяч. Зосим полностью игнорирует ее стратегическую важность для встречи Аршака и присоединения к Юлиану в Ассирии после отвлечения персов от действительного маршрута наступления (IV.4.21). Эта армия не достигла цели (Amm. Marc. XXIV.7.8; Liban. 18.260) из-за препирательств и трусости.
81. Себастиан – вифинец (Athan. Ad mon. 55). Дукс Египта 356 г. (Amm. Marc. XXIII.3.5). Изгнал Афанасия из Александрии в 358 г. (Athan. Hist. Ar. 59-70; Soz. IV.10-11). Командующий связью войск Юлиана на Тигре (Amm. Marc. XXIII.3.5; XXIV.7.8; XXV.8.7, 16; XXVI.6.2; Liban. 18.214). Комит Галлии 368 г. (Amm. Marc. XXVII.10.6, 10, 15), комит Паннонии 375 г. (Amm. Marc. XXX.5.13). Был любим своими войсками; после смерти Валентиниана едва не коронован (Amm. Marc. XXX.10.3). Магистр пехоты, командующий в готской войне 377 г. (Amm. Marc. XXXI.11.1; Zos. IV.22.4; Eunap. 47M). Пал под Адрианополем (Amm. Marc. XXXI.13.18; Liban. 24.3).
82. Прокопий – родственник Юлиана (Amm. Marc. XXIII.3.2; XXVI.6.1, 18; XXVI.7.10; Zos. III.35.2; IV.4.2; IV.7.1), предположительно, не только по линии матери, так как его не упоминают как родственника среди других Флавиев. Из Корика в Киликии (Liban.

35.113; Eunap.31M; Philost. 9.5; Them. Or. 7.86C). Трибун и нотарий, посол к Сапору II от Констанция (Amm. Marc. XVIII.6.17f), *comes primi ordines* 360 г. (Amm. Marc. XXVI.6.1). В персидской войне вместе с Себастианом командовал армией на Тигре (Amm. Marc. XXIII.3.5; XXV.8.7, 16; Zos. III.12.5; IV.4.2; Liban. 18.214; Ep. 1439; Magn. FGH 4, p.5; Malala 13). Вероятно, Юлиан прочил его в свои наследники (Amm. Marc. XXIII.3.2; XXVI.6.2f; Zos. IV.4.2сл.). Иовиан спешил заключить мир с Персией из страха перед ним (Amm. Marc. XXV.7.10), но вызывает удивление, что в такой ситуации именно Прокопию было поручено везти тело Юлиана в Тарс (Amm. Marc. XXV.9.12). Тем не менее, Прокопий, очевидно, боялся за свою жизнь и скрылся (Amm. Marc. XXVI.9.13; XXVI.6.3). События, связанные с его узурпацией, см. в IV.4сл. Первоначально действия этой армии были оставлены на усмотрение ее полководцев.

83. Карры в IV веке не были границей. Эту роль выполнял, скорее, Киркесий (III.12.3; Amm. Marc. XXIV.1.1; XXIII.5.2).
84. Никакой другой источник не дает такой огромной цифры. Проблема, однако, состоит в том, относится ли эта цифра к двум армиям, основным силам и войскам на Тигре, или, как говорит Зосим, только к основным силам. Заметим, что Зосим не говорит о каком-то смотре в Каррах, как показалось бы при поспешном чтении. Это было, скорее, в Киркесии (Amm. Marc. XXIII.5).
85. Ср. Amm. Marc. XXIII.5. Юлиан обманул персов ловким маневром. Направляясь первоначально к Нисибину и Тигру, войска внезапно повернули вправо, прошли ничем не защищенную равнину до Карр и на третий день достигли Евфрата в районе города Никефория (Каллиника). Оттуда император совершил поход более чем в 90 миль вдоль Евфрата, достигнув Киркесия через месяц после выхода из Антиохии. Киркесий был крайним пределом римских владений на востоке. Абора впадает в Евфрат как раз в районе Киркесия.
86. Аммиан Марцеллин (XXIII.3.9) говорит, что флот состоял из тысячи транспортных судов, пятидесяти военных кораблей и пятидесяти понтонов. Магн дает 1250 в общей сложности. Зосим просто дважды упомянул транспортные корабли: 1100 кораблей из дерева и кожи перевозили провиант и оборудование для осады.
87. Лукиан – флотоводец Юлиана (Amm. Marc. XXIII.3.9; XXIV.1.6), впоследствии руководил разведчиками (Zos. III.14.1-3; III.16.2-17.1).
88. Константиан – брат императрицы Юстины (Amm. Marc. XXVIII.2.10), наварх Юлиана (Amm. Marc. XXIII.3.9), трибун *stabuli* с 370 г., убит галлами (Amm. Marc. XXVIII.2.10).
89. Речь Юлиана (Amm. Marc. XXIII.5.16сл.), в которой он не называет жертвователя.
90. Аринфей – христианин-ортодокс (Theod. IV.30), известный своим ростом и силой (Amm. Marc. XXVI.8.5). Действовал как военачальник (*rector armaturarum*) в аламаннской войне 355 г. (Amm. Marc. XV.4.10), магистр конницы в персидской кампании (Amm. Marc. XXIV.1.2), затем руководил рейдами (Zos. III.24.1; Amm. Marc. XXIV.7.2). Поддерживал восточные устремления Юлиана (Amm. Marc. XXV.5.2). Посол Иовиана к Сапору (Zos.31.1; Amm. Marc. XXV.7.7) и в Галлию в 363 г. (Amm. Marc. XXV.10.9). Поддерживал Валентиниана (Philost. 8.8). Магистр пехоты при Валенте (Zos. IV.2.4; Amm. Marc. XXVI. 5.2). Действовал против Прокопия в 366 г. (Amm. Marc. XXVI. 8. 4 сл.), против готов в 367-369 гг. (Amm. Marc. XXVII.5.4, 9), персов в 370 г. (Amm. Marc. XXVII.12.13-15). Консул 372 г. Имел связи с Евтропием (Claud. Eutr. 1.63сл.).
91. Мост через Абору был уничтожен. В Киркесии был оставлен гарнизон в 10 тысяч воинов.
92. О растянувшейся на марше колонне Юлиана см. Amm. Marc. XXIV.1.2-4. Аммиан Марцеллин говорит, что между авангардом и арьергардом было расстояние в десять миль.
93. Войска римлян продвигались вперед тремя колоннами: пехота под командованием Виктора – в центре, справа – колонна Невитты из нескольких легионов вдоль Евфрата в виду флота, слева – конница Хормизды и Аринфея. Фронт и фланги прикрывал Лукиллиан с мобильными силами.
94. О Зауте: Amm. Marc. XXIII.5.7.
95. Могила Гордиана имела важное идеологическое значение: Гордиан был ближайшим

предшественником Юлиана в войнах с персами. Это яснее видно у Аммиана Марцеллина. Могилу впервые увидели издалека между Заутой и Дурой (Amm. Marc. XXIII.5.7). Она также упоминается в речи Юлиана в Киркесии (Amm. Marc. XXIII.5.17). Очевидно, она находилась неподалеку от этого города, как указывают другие источники (SHA Gord. 34.2; Eutrop. IX.2).

96. Анафа (Amm. Marc. XXIV.1.6f; Liban. 18.218).
97. В Халкиде в Сирии (Amm. Marc. XXIV.1.9).
98. Пузей, впоследствии – дукс Египта (Amm . Marc. XXIV.1.9).
99. Филита (Amm. Marc. XXIV.2.1; Liban. 18.219).
100. Эти города желали дождаться исхода кампании, прежде чем заявить о своей преданности. Мудрость политики Юлиана сильно оспаривалась, но ему было важно быстро достичь Ктесифона. Он имел дело с каждой крепостью отдельно, брал те, которые можно было одолеть без труда, оставлял те, которые потребовали бы много времени и сил при осаде. Доказательство эффективности этой политики было вполне ясным: различные города, такие, как Дакира и Озогадана, были покинуты жителями до прихода Юлиана.
101. Дакира (Amm. Marc. XXIV.3.2).
102. Дублет Дакиры.
103. Дублет Асфальтовых рек.
104. Озогадана (Amm. Marc. XXIV.2.3).
105. Plut. Crassus. 21; Amm. Marc. XXIV.2.4, 4.7. Это не имя собственное, а титул персидского полководца.
106. Засада Хормизды очень отличается у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXIV.2.4). Она была неудачной, так как персы не пересекли реку. На следующее утро они были разбиты основными силами.
107. Этот рукав Евфрата едва ли был Наармалхой, которая соединяла Евфрат с Тигром от Пирисаборы до Селевкии (ср. Zos. III.19.3, от окрестностей Фиссении), и был пересечен позднее (III.24.2; Amm. Marc. XXIV.6.1). Между двумя великими реками находилось много таких каналов.
108. Маневр Лукиллиана и Виктора является простым переходом фланга, но был грубо искажен нашим историком или его источниками. Вероятно, Лукиллиан сдвинулся слишком рано, и это затруднило его соединение с Виктором. Удивительно, что же делали персы в то время, пока войска римлян не могли соединиться. Этот эпизод отсутствует у Аммиана Марцеллина.
109. Есть серьезные расхождения относительно переправы у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXIV.2.7-8), который говорит, что пехота перешла реку по мосту, а конница и вьючные животные – вплавь, в то время как вспомогательные силы атаковали персов. То же у Либания (18.224), который не упоминает о враге.
110. Аммиан дает название Пирисабора (Amm. Marc. XXIV.2.9-22; Liban. 18.227-228). В обоих вариантах можно усмотреть первооснову «Перс Сапор» или «Пероз-Сапор». Город находился в 50 милях от царской резиденции – Ктесифона. Он был обнесен двойной стеной, которую почти со всех сторон обтекал один из рукавов Евфрата. Отметим гораздо более детальное описание города у Зосима.
111. Это была гелепола, изобретенная не Юлианом, как говорит Зосим, а древним Деметрием Полиоркетом (IV в. до н.э.; Amm. Marc. XXIV.2.18).
112. По Аммиану – Мамерсида (Amm. Marc. XXIV.2.22). Аммиан Марцеллин также указывает количество людей, окружавших город – 2500.
113. Эту сумму солдаты считали ничтожной, пока не получили выговор от Юлиана (Amm. Marc. XXIV.3.3-8).
114. Amm. Marc. XXIV.3.1-2; Liban. 18.229-230. Изображениям дракона есть аналогии на колонне Траяна и на арке Константина. Аммиан Марцеллин говорит, что два оставшихся трибуна были уволены, и, что, возможно, была сокращена численность солдат на одну десятую от общего количества.
115. = Мацепракта? (Amm. Marc. XXIV.2.6).

116. Наармалха.
117. Аммиан Марцеллин здесь (Amm. Marc. XXIV.3.11) серьезно ошибается; армия форсировала болота на надутых мехах и пузырях.
118. Перепутано с «бирфой», «крепостью» в Сирии.
119. Об этой орошаемой области см.: Amm. Marc. XXIV.3.12-13.
120. Майозамалха (Amm. Marc. XXIV.4; Liban. 18.235сл.). Здесь, кажется, тоже есть путаница (Amm. Marc. XXIV.5.6-7). У Зосима – значительные расхождения с Аммианом Марцеллином: нападение на Юлиана совершили два человека; оба они были убиты, но восемь их товарищей, из которых некоторые были ранены, спаслись. Аммиан не говорит и о количестве башен и крепостном рве, наполненном водой, и не упоминает о подкопах. Очень важна топография города. Исходя из его размеров и положения среди больших «скал» (по Аммиану), и учитывая расчистку Виктором пути на Ктесифон, а также тот факт, что Юлиан продолжал марш вниз по Евфрату после Пирисаборы (Amm. Marc. XXIV.3.14), Лейн отождествляет его с Хан-Насирией. В стратегии Юлиана здесь, очевидно, произошел поворот: предполагался прорыв на юг в направлении этого большого города всего в десяти милях к северу от Вавилона, а уже после этого предстояло двигаться к главной цели – Ктесифону. Очевидность такого отождествления кажется правильной. Оно лишь игнорирует другие сведения, которые у нас имеются. Зосим говорит, что это происходило близ Ктесифона (III.20.5) – в 90 стадиях далее (III.21.5), тогда как Хан-Насирия расположена в 30 милях. Кроме того, было бы величайшей глупостью со стороны Юлиана оставить незащищенным свой флот в начале Наармалхи и так далеко идти на юг. Нет ничего, что противоречило бы помещению Майозамалхи на этом канале. Крепость имела 16 больших башен, глубокий ров, двойную крепкую стену из кирпича с горной смолой. Расположена в 11 милях от столицы Персии.
121. Зосим утверждает, что Юлиан осадил Майозамалху только из-за собственного гнева, а не из-за военной необходимости. Интересно, что Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIV.5.6-7) упоминает крепость, о которой молчит Зосим, после Селевкии, которая была атакована по этой же причине.
122. Фл. Невитта – командующий конницей в аламаннской войне 357 г. (Amm. Marc. XVII.6.1). Был назначен Юлианом магистром конницы в Галлии в 361 г. (Amm. Marc. XXI.8.1,3) и сыграл важную роль в провозглашении Юлиана императором (Amm. Marc. XXI.10.2). Консул 362 г. вопреки своему варварскому происхождению (Amm. Marc. XXI.10.8; XXI.12.25; XXII.7.1). Принял участие в халкидонском процессе над сторонниками Констанция в качестве судьи (Amm. Marc. XXII.3.1). Магистр конницы и презид в 362 г. Участвовал в персидском походе (Amm. Marc. XXIV.1.2; XXIV.4.13). Стремился, чтобы после Юлиана императором стал бы уроженец Запада (Amm. Marc. XXV.5.2). Был заменен Валентом на Виктора.
123. Дагалайф – комит доместиков в 361-363 гг. (Amm. Marc. XXI.8.1). Взял Сирмий для Юлиана (Amm. Marc. XXI .9.6). Сыграл важную роль в персидской кампании (Amm. Marc. XXIV.1; XXIV.4.13). Поддержал Иовиана (Amm. Marc. XXVI.5.2). Назначен магистром конницы (Amm. Marc. XXVI.1.6). Поддерживал Валентиниана, но выступил против выборов императором Валента (Amm. Marc. XXVI.4.1; Philost. 8.8). Неудачно воевал против аламаннов в 365 г. (Amm. Marc. XXVI.5.9; XXVII.2.1). Магистр пехоты в Галлии в 364-366 гг. (CTh . 7.20.9). Консул 366 г. (Amm. Marc. XXVI.9.1).
124. Маттиарии упоминаются в связи с ланциариями (Amm. Marc. XXI.13.16; XXXI.13.8). Назывались так из-за галльских копий, которые они носили (Caes. BG I.26.3; Liv. VII.24.3; Sisenna, fr.29,71 Peter). В ND они фигурируют как «дворцовые легионы» (Or. 5.7, 6.2), комитаты в Иллирике (Or. 9.9) и Италии (Occ. 5.83), и как вспомогательные силы дворца (*auxilii palatinum*) в Иллирике (Occ. 7.52). Ланциарии часто соединялись с маттиариями (см. выше). Они были вооружены, очевидно, пиками (Iohan. Lyd. Mag. I.46) и выросли из вспомогательных отрядов. Кроме пехоты они составляли схолу доместиков (CIL 6.32965). При Диоклетиане солдаты служили в ланциариях перед вступлением в преторианские когорты (CIL 6.2759? 2787, 32943). Легион комитатов (CIL

3.6194), возможно, был включен в число дворцовой гвардии Константином. В ND они появляются среди *palatini* (Or. 5.2, 6.7), *comitatenses* (Or. 4.16, 8.12, 9.14; Occ. 5.90, 7.82), *pseudocom.* (Occ. 5.110).

125. Видимо, Зосим лучше информирован о деталях вылазки из тоннеля. Далее идут Либаний (не упоминающий о старухе и ребенке, найденных в башне) и Аммиан Марцеллин, который туманно говорит, что найденные там были преданы смерти.
126. Этот эпизод важен с точки зрения определения источников Зосима: Магн считается одним из гипотетических первоисточников, из которого Зосим заимствовал часть текста. О Магне: Amm. Marc. XXIV.4.23 (трибун). Ридли и Томпсон считают, что нет оснований для отождествления его с историком из Карр (см.: *Thompson E.A*. Historical Work of Ammianus Marcellinus. 1947. P. 28f.).
127. Иовиан [Iovianus] – примикерий нотариев (Amm. Marc. XXV.8.18). Находился с Юлианом в Персии (Amm. Marc. XXIV.4.23; Liban. 18.238). Претендент на трон после гибели последнего. Убит новым императором Иовианом [Iovian] (Amm. Marc. XXV.8.18; XXVI.6.3).
128. О царской охоте и римском дворце см. Amm. Marc. XXIV.5.1-2; Liban. 18.243 (персидский дворец).
129. У Аммиана Марцеллина нет.
130. Зохаса, видимо, должна быть Кохе (Amm. Marc. XXIV.6.2). Селевкия, к тому времени оставленная, была разрушена Траяном в 116 г. (Dio 68.30) и Авидием Кассием в 164 г. (71.2).
131. Amm. Marc. XXIV.5.3. Юлиан разбил лагерь в Селевкии без сопротивления, а затем отправился с несколькими прокураторами в покинутый город, разрушенный Каром. Там еще были видны тела родственников человека, который сдал Пирисабору Юлиану – Мамерсида (Amm. Marc. XXIV.2.21). Евтропий утверждал (IX.18), что Кар захватил Селевкию и Ктесифон, но этот император скорее ограбил окружающие города. Одну из ошибок Зосима можно было бы исправить, изменив всю фразу о захвате города Каром на фразу о Селевкии. Тем не менее, мы остаёмся с телами в Селевкии у Зосима, в неназванном городе у Аммиана Марцеллина и с непониманием, какой же город был предан.
132. Он был сожжен заживо (Amm. Marc. XXIV.5.4: «Здесь был сожжен живым и Набдат, который был вытащен из тайного убежища во взятом городе с 80 людьми. В начале осады он дал на тайных переговорах обещание сдать город, но вел оборону самым ожесточенным образом; а, получив сверх ожидания прощение, дошел в своей дерзости до того, что позволял себе всячески поносить Хормизду»).
133. Аммиан Марцеллин помещает его после пересечения Тигра (Amm. Marc. XXIV.7.2).
134. Amm. Marc. XXIV.5.5. Обоз двигался вдоль северного берега канала, чтобы воспрепятствовать нападению.
135. Аммиан называет эту реку Нагармалха и дает второе название – Царский канал. Во времена Юлиана река, скорее всего, впадала в Евфрат выше Ктесифона. В настоящее время этот проток почти исчезает в болотах.
136. Был прорыт целый канал, достаточно широкий и глубокий для прохода судов из Евфрата в Тигр.
137. Канал Траяна был, очевидно, вырыт в устье Наармалхи (Amm. Marc. XXIV.6.1-2; ср. Dio 68.28). Флот находился в сложном положении, из которого он был выведен с помощью этого канала, который соединялся с Тигром выше Ктесифона, и поэтому не был вынужден атаковать от этого сильного города и лишен возможности быть пронесенным течением мимо него, чтобы затем возвращаться против течения (Liban. 18.244-247).
138. О битве, состоявшейся после переправы через Тигр, см. также: Amm. Marc. XXIV.5.5; Liban. Orat. Parent. 124-128; Greg. Naz. Orat. 4; Sext. Ruf. De provinc. 28.
139. Аммиан апологетически утверждает, что Юлиан лично сам руководил переправой авангарда через Тигр. Гиббон замечает по этому поводу, что объективно расположенный к императору Зосим здесь, видимо, более точен (История упадка... – Гл.XXIV, прим. 71). Вместе с тем, рассказ Зосима здесь достаточно хаотичен. Он совмещает форсирование

Тигра (III.25.1-4 и 26.1) (перепутанного с Наармалхой) с битвой под Ктесифоном (III.25.5-7). По Аммиану Марцеллину (Amm. Marc. XXIV.6.1сл.), Наармалха была очищена, и флот вошел в Тигр, в то время как армия перешла канал по мостам (о сопротивлении упоминаний нет) и двинулась к Кохе. Тигр был форсирован ночью, после чего произошла битва на берегу, продолжавшаяся весь следующий день. Она закончилась на персидской дороге в Ктесифон. Также есть расхождения в деталях: пять кораблей были посланы вперед, неповрежденными остались все, было убито 70 римлян. Ошибка Зосима о трехдневной переправе может происходить от недопонимания того, что флот был разделен на три части (Amm. Marc. XXIV.6.4). Либаний (18.249-255) говорит достаточно общо, но приводит детали, никем более не сообщаемые: о том, что Юлиан перед переправой провел учения, чтобы укрепить дух войска, а также, что 6000 (!) персов были убиты. Конечно, число убитых римлян у Зосима кажется неправдоподобным, учитывая жестокость и продолжительность сражения.

140. После битвы на том берегу Тигра перед Юлианом открылся путь на Ктесифон. После подхода иовиан и геркулиан сил для штурма было достаточно. Однако царь Армении приказал отойти своим вспомогательным частям. Начались раздоры между полководцами Себастианом и Прокопием. Вследствие этого император не решился штурмовать столицу. 60-тысячная армия римлян не смогла повторить то, что до этого римляне проделали три раза. Вместе с тем, Юлиан отверг и мирные предложения, отправившись вглубь Персии. Об отступлении Юлиана от стен Ктесифона см. также: Amm. Marc. XXIV.7.8; Liban. Orat. Parent. 134. Зосим и Либаний нигде не упоминают о том, что этот поход был отступлением. Аммиан более объективен. Либаний, кроме того, еще и неточен: по нему получается, что Юлиан продолжал путь по Тигру. Евфрат никогда не был судоходен выше Вавилона, а Тигр – выше Описа, расположенного недалеко от римского лагеря, так что план императора двигаться против течения с флотом провалился.
141. Amm. Marc. XXIV.7.3-6. Аммиан Марцеллин помещает сожжение флота в Ктесифон и утверждает, что только 12 кораблей было спасено. Либаний (18.261-263) неопределенно говорит о сожжении флота и утверждает, что 15 кораблей из него были спасены. По Зосиму никак нельзя понять, что это был поворотный пункт всей кампании. Персидская тактика выжженной земли и срыв прибытия подкреплений Прокопия и Себастиана (Amm. Marc. XXIV.7.7-8) вынудили Юлиана начать отступление. Также Зосим не говорит о важнейшем значении персидских дезертиров, о чем упоминает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIV.7.2, к сожалению, с лакуной, но ср. XXIV .7.3) и чему большое значение придавали церковные историки (Soz. VI.1; Greg. Naz. 5.11).
142. Река Дияла.
143. Amm. Marc. XXV.1.1-3.
144. Это – единственное упоминание Зосимом участия сарацинов в персидской кампании. Они считались союзниками Юлиана (Ep. 58W; Amm. Marc. XXIII.8.8) и воевали на его стороне (Amm. Marc. XXIV.1.10), но другие их племена поддерживали персов (Amm. Marc. XXV.1.3; XXV.6.9; XXV.8.1) и были одними из важнейших их союзников. Возможно, один из них смертельно ранил Юлиана.
145. Amm. Marc. XXV.1.3.
146. Симбра – это Укумбра (Amm. Marc. XXV.1.4). Нисбара – возможно, дублет Барсафты (*bara* – крепость). Нисканадалба (или Нисханаба) – возможно, Месхана.
147. Данаба перепутана с Нисканабой.
148. Amm. Marc. XXV.1.5-6.
149. Название города представляет собой искажение имени сатрапа.
150. Amm. Marc. XXV.1.10.
151. Маранга (Amm. Marc. XXV.1.11). Персы потеряли в этой битве много сатрапов и слонов.
152. Мендельсон устанавливает здесь небольшую лакуну, в которой, возможно, было утрачено название легиона трибуна Ветраниона.
153. Сведения Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXV.1.11-19) гораздо полнее, но он не

упоминает о кораблях. У него здесь – кровавая битва, а у Зосима – лишь нападение на римские тылы.

154. Это не Сумера (Amm. Marc. XXV.6.4), а Сума (III.30.2), как говорит Зосим. Возможно, дублет реки Тормара (Дияла). Где погиб Юлиан? Аммиан Марцеллин говорит: «во Фригии» (Amm. Marc. XXV.3.9). Это, очевидно, приблизительное произношение местного названия. Предыдущая крупная битва происходила в Маронсе (Маранге), в двух днях пути. Сумера на Тигре была расположена в одном дне пути.
155. Юлиан был ранен копьем. Зосим допустил ошибку или дал традиционную версию (Theod. 3.25; Iohan. Lyd. De mens. IV.75). Кем был нападавший? Аммиан Марцеллин этого не знает, но римлянина исключает (Amm. Marc. XXV.6.6). Большинство других современных источников тоже не знают этого (Magn.; Eutrop. X.16; Fest. Brev. 28), но Либаний обвиняет христиан (18.274-275, 24 pass.). Хотя позднее церковные историки приняли эту версию (Soz. VI.1-2), молчание Григория по этому поводу сыграло решающую роль (V.13 – или перс, или сарацин, или варваризованный римлянин). Впоследствии этот акт был приписан различным христианским святым. Дата дается по: Cons. Const. (CM 1.240).
156. Ср. Amm. Marc. XXV.3; Liban. Orat. Parent. 136-140. О смерти Юлиана существует большая литература. Христианские апологеты считают, что Юлиан понес заслуженное наказание за отступничество от христианства. Существует легенда о том, что императора поразил свой же воин-христианин в спину. Единоличное правление Юлиана продолжалось один год и 8 месяцев.
157. Анатолий – магистр записей (*libellorum*) у Юлиана, позднее – магистр оффиций (Amm. Marc. XX.9.8; CTh 11.39.5). О его смерти: Zos. III.29.3; III.30.4; Amm. Marc. XXV.3.14,21; XXV.6.4 («Близ укрепления Сумеры обнаружили мы труп Анатолия, распростертый на земле, и спешно похоронили его»). Юлиан упоминает его в Or. 7.22B. Ему писал Либаний (Ep. 651,925,1209).
158. Политическая борьба, стоявшая за избранием Иовиана, описана Аммианом Марцеллином (Amm. Marc. XXV.5.1-4), но опущена Зосимом. Также (Epit. 44.1; Eutrop. X.17.1; Zon. 13.14; Hieron. Chron. 2379; Soc. III.22; Soz. VI.3).
159. Варрониан – комит (Amm. Marc. XXV.5.4), полководец Иовиана (Amm. Marc. XXV.5.8), в конце службы становится комитом доместиков (Zos.). Вышел в отставку до 363 г., но играл важную роль в избрании своего сына (Amm. Marc. XXV.5.4; Them. 5.65A; Eutrop. X.17; Epit. 44; Iohan. Ant. 181; Zon. 13.14). Умер в конце 363 г.
160. Ср. Amm. Marc. XXV.5. Аммиан называет Иовиана примикерием протекторов-доместиков. Первым претендентом на престол был Салюстий, но он отказался от власти. Сразу же сложились две группировки – одна – из тех, кто служил еще при Констанции (Виктор и Аринфей), другая – из ближайших друзей Юлиана (Дагалайф и Невитта). Кандидатура Иоанна была компромиссной. Он был христианином (Socr. Schol. III.22; Soz. VI.3; Theodor. IV.1).
161. =Сумера (Amm. Marc. XXV.6.4).
162. Эту же битву описывает и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXV.6.2-3), который помещает ее перед тем, как римляне достигли крепости. Он не упоминает об обозе и называет трибуна Максимом. Зосим указывает, что тело Анатолия было найдено на поле битвы, а не на дороге.
163. Amm. Marc. XXV.6.11. Зосим пропустил около трех дней после битвы при Суме.
164. Amm. Marc. XXV.6.11-15, 8.1-3. Переправа через Тигр происходила после договора. Она велась на плотах, «пузырях» и нескольких оставшихся лодках; многие при этом утонули. Возможная причина хронологических расхождений – более ранняя переправа галлов и германцев.
165. Сурена лично явился в лагерь римлян с мирными предложениями (Sext. Ruf. De Provinc. 29).
166. Ср. Amm. Marc. XXV.7.
167. Amm. Marc. XXV.7: пять провинций были отданы персам (Зосим пропускает Моксену).

Нисибин был завоеван для Рима Септимием Севером в 195 г. (Dio 75.3.2). Относительно Армении Зосим, возможно, имеет в виду, что Рим должен был прекратить союзнические отношения с Аршаком.

168. Отметим похожий обзор у Евтропия (X.17.1-2), Феста (Brev. 2.29), Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXV.9.7сл.) и Августина (CD IV.29). Положение населения при Иовиане было более бедственным, чем при Адриане. Эти параллели опровергают попытки увидеть здесь ссылку на персидскую экспедицию Анастасия. Ряд исследователей полагает, что у Зосима кроме данного пассажа нет особого интереса к восточной границе. Он не мог избежать упоминания даже в беглом обзоре книги I о кампании Валериана, отделении пальмирян и присоединениях территорий Аврелианом. За потерю территорий в то время многие, конечно, обвиняли Юлиана (Them. 5.66; Greg. Naz. 5.15), но Зосим расценивал данное поражение скорее как психологический эффект от гибели Юлиана. Это объяснение, тем не менее, неудачно по двум причинам. Зосим говорит о потере территорий, в то время как они являлись уступками, которые были следствием легитимных договоров. Также Зосим говорит о потерях римских территорий вообще, хотя в действительности все его примеры относятся лишь к восточным границам.
169. Важный образец пессимизма Зосима в отношении Восточной империи (ср. Феодосий в кн. IV).
170. Послан в Ур (по Amm. Marc. XXV.8.7).
171. Amm. Marc. XXV.8.13-14, 17; XXV.9.1-12.
172. Ср. с гл. 31.
173. Ср. Amm. Marc. XXV.9.
174. Ср. Amm. Marc. XXV.9.
175. У Ридли есть искушение считать этот текст восходящим к Магну Каррскому (Liban. 18.304), тогда как Аммиан Марцеллин (XXV.10.1) упоминает о затмении в Антиохии, его родном городе.
176. Путь из Нисибина в Тарс занял две недели.
177. Гробница на берегу Кидна. Зонара (13.13) соглашается с Аммианом Марцеллином (XXV.9.12), что погребение Юлиана было поручено Прокопию.
178. Другая версия – у Зонары (13.13), совпадающая только во второй строке (Il. 3.179). За погребение заплатили Валент и Валентиниан (Liban. 24.10).
179. Сжато до ошибки: Прокопий и Меморид были посланы в Иллирик и Галлию, чтобы объявить о провозглашении императором Иовиана и назначить Лукиллиана магистром пехоты и конницы в Сирмии, где он жил в отставке. Последний взял с собой в Реми (Реймс) Валентиниана, где и был убит (Amm. Marc. XXV.8.8-12; XXV.10.6-7).
180. Дадастана – скорее в Галатии, чем в Вифинии. О смерти Иовиана см.: Amm. Marc. XXV.10.12-13; Eutrop. X.17-18; Soc. III.26; Soz. VI.6; Philost. 8.8; CM 1.240.
181. Избран вскоре после смерти Юлиана. Так у Аммиана Марцеллина (XXV.5.3).
182. Валентиниан – трибун второй схолы скутариев – был оставлен позади, в Анкире. Он потратил 10 дней, чтобы добраться до Никеи (Amm. Marc. XXVI.1.5; Eunap. 29M; Zon. 13.15).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абу-л-Гази — Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996.

ал-Карши — Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат би-с-сурах. История Казахстана в персидских источниках. Т.I. Алматы, 2005.

АМА — Античный мир и археология. Саратов.

АТ — Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М., 1973.

БИ — Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.

БФ — Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб.

ВВ — Византийский временник.

ВДИ — Вестник древней истории.

ВИ — Вопросы истории.

ВЭ — см. стр. 38

ГИМ — Государственный исторический музей.

ДБ — Древности Боспора.

Джувейни — Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.

Карпини — Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.

КБН — Корпус боспорских надписей.

Киракос — Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

Магакия — История монголов инока Магакии.

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.

Марко Поло — Книга Марко Поло. М., 1955.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.,-Л.

МИКХ — Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

Му'изз — Му'изз ал-ансаб. История Казахстана в персидских источниках. Т.III. Алматы, 2006.

ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет.

ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск.

РА — Российская археология. М.

РД-Iа — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, книга первая. М.-Л., 1952.

РД-Iб — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, книга вторая. М.-Л., 1952.

РД-II — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960.

РД-III — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946

Рубрук — Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.

Рузбихан — Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.

СА — Советская археология.

СВ — Средние века. М.

СМИЗО-I — Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. СПб, 1884.

СМИЗО-Iа — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном). История Казахстана в арабских источниках. Т.1. Алматы, 2005.

СМИЗО-II — Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. Т. II. М.-Л., 1941.

СО РАН — Сибирское отделение Российской Академии наук.
СС — Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольский обыденный сборник. Т.I. М.-Л., 1941.
УрГУ — Уральский государственный университет (Свердловск, Екатеринбург)
Утемиш-хаджи — Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П.Юдина. Алма-Ата, 1992.
ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь.
AJA — American Journal of Archaeology.
AJPh — American Journal of Philology
CAH — Cambridge Ancient History.
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
DOP — Dumbarton Oaks Papers
HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology.
IG — Inscriptions Graecae, 1 (1873–).
IOSPE — V. Latyshev. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, I2.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
JRS — Journal of Roman Studies.
ND — Notitia Dignitatum.
PG — Patrologiae Cursus Completus. Series graeca / Ed. J.P. Migne

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ГРЕЦИЯ И РИМ

М. Ю. Лаптева (Тобольск) — Миграции ионийцев XII–XI вв. до н.э. в свете традиции и археологии . . . 3
Л.Л.Селиванова (Москва) — Древние Пифийские и современные Дельфийские Игры 14
М.Ф. Высокий (Москва) — Древнегреческое законодательство на Сицилии: законы Харонда . . . 42
В. А. Квашнин (Вологда) — «Ячменные деньги» для римской армии: вдовы и сироты на службе у общины . . . 52
В. А. Квашнин (Вологда) — Борьба с роскошью в деятельности цензоров 184 г. до н.э. . . . 59
С.М. Крыкин (Москва) — Спартак: версии о его происхождении (научный подход вразрез с литературно-легендарным). . . . 66
А. В. Короленков (Москва) — Percussor Sertorii: Очерк политической биографии Марка Перперны Вейентона . . . 81
Р. В. Лапырёнок (Иркутск) — Публий Клодий и оптиматы . . . 98
Н.С. Широкова (Москва) — Экспедиции Цезаря в Британию . . . 112
И. Г. Гурин (Самара) — Аспекты романизации Испании раннеимперского времени в новейшей отечественной литературе. . . . 125
А.Д. Пантелеев (Москва) — Мученичество и самоубийство: проблемы восприятия раннего христианства язычниками . . . 136
Э.Д. Фролов (Санкт-Петербург) — Из истории социально-экономического направления в русском антиковедении: римская аграрная история в трактовке И.М.Гревса 146
В. Н. Илюшечкин (Москва) — Стихотворное посвящение чудотворцу из Тианы . . 157
Н. В. Парфенова (Саратов) — Борьба с язычеством в Римской империи после 395 г. (по данным кодекса Феодосия) . . . 166
Е.А. Чиглинцев (Казань) — Рецепция как интерпретация: античный образ в иных социокультурных условиях . . . 171
А.Б. Кисельников (Москва) — Морские перевозки грузов в античное время. . . . 178

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Э.В.Рунг (Казань) — Афины и персидский сатрап Оронт . . . 196
Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов (Москва) — Судьбы сатрапов Востока. Эпоха Александра Македонского . . . 202
Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов (Москва) — Общественные отношения в Восточном Иране в период Александра Македонского . . . 223
М. М. Холод (Санкт-Петербург) — Александр Великий и греческие полисы Малой Азии (историографический аспект проблемы) . . . 232
Д.В. Колосов (Тула) — Наследник Александра (некоторые аспекты полководческого искусства Эвмена Кардийского) . . . 249
Н.В. Журавлева (Москва) — Селевк Никатор. Создание династии . . . 255
A. O. Zakharov (Moscow) — Constructing the insular polities of Southeast Asia in the 5th–7th cc. A.D.. . . . 270

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И БОСПОР

А.Р. Панов (Арзамас) — К вопросу о политической ориентации Динамии 286
В.Н. Парфенов (Саратов) — Загадка Скрибония 291
Н.В. Завойкина (Москва) — Частные сообщества Танаиса (104–244 гг. н.э.) 299
Ю.В. Миляева (Тула) — Место и роль кризиса второй — третьей четверти III в. н.э. в социально-экономической и политической истории Боспора Киммерийского 315
Е. В. Четвертаков (Новосибирск) — К вопросу о скифском происхождении некоторых боспорских имен I–III вв. н.э. 324
В.Г. Зубарев, С. В. Ярцев (Тула) — К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму 329
Д.В. Журавлев (Москва) — Сиро-палестинские светильники и их имитации Римского и Византийского периода из Херсонеса 339

КАВКАЗ

Ю.В. Горлов (Москва) — Палеоэкологические аспекты истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху 356
О.В. Маан (Сухум) — Памятники материальной культуры юго-восточной (Абжуйской) Абхазии 362

ПЛЕМЕННОЙ МИР

А.К. Абдыканова (Новосибирск) — Палеолитические местонахождения полуострова Мангышлак (Западный Казахстан) 372
Д.Л. Бродянский (Владивосток) — Природа и человек в древнем искусстве Дальнего Востока 386
Д.Л. Бродянский, В.А. Раков (Владивосток) — Ресурсы моря в культурах людей каменного века: рождение аквакультуры 393
А.В. Епимахов (Челябинск) — Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиокарбонных датировок 402
И.В. Чечушков (Челябинск) — Оголовье колесничной лошади эпохи бронзы: экспериментальное исследование. 421
В.В. Ткачев (Орск) — Процессы культурогенеза на западной периферии алакульского ареала 429
Д.Г. Бугров (Казань) — Бусы Тойгузинского II городища 442

СРЕДНИЕ ВЕКА

В.П. Костюков (Новосибирск) — Улус Джучи и синдром федерализма 454
П.А. Рязанов (Нижний Новгород) — Византийские переводчики и учителя греческой словесности в в ренессансной Италии конца XIV–XV вв. 490

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

Д.В. Григорьев, Ф.Г. Давляшина (Красноярск) — Античные серебряные монеты из фонда Красноярского краеведческого музея 506

PERSONALIA

К 70-летию Давида Лазаревича Бродянского 519

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н.Б. Виноградов (Челябинск) — Размышления о типологии синташтинской керамики (о монографии В.В. Ткачева и А.И. Хаванского «Керамика синташтинской культуры». Орск–Самара, 2006) 522

ПРИЛОЖЕНИЕ

Зосим. Новая история. Перевод, вступительная статья и комментарии *Н.Н. Болгов* (Белгород), *Е.В. Литовченко* (Москва) 526

CONTENTS

HISTORY

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

GREECE AND ROME

M. Yu. Lapteva (Tobolsk) — Migrations of Ionians in 12th–11th cc. BC in Light of Traditions and Archeology 13
L.L. Selivanova (Moscow) — Ancient Pythian and Modern Delphian Games 42
M.F. Vysokij (Moscow) — Ancient Greek Legislation on Sicily: Charondas Laws. . . . 52
V.A. Kvashnin (Vologda) — «Barley money» for Roman Army 59
V.A.Kvashnin (Vologda) — Struggle of 184 BC. Censors against Luxury 66
C. M. Krykin (Moscow) — Spartacus: Versions of Origin (Scientific Method against Literary-Legendary Approach) 80
A.V. Korolenkov (Moscow) — Percussor Sertorii: Studies on Political Biography of Marcus Perperna Vento 97
R.V. Lapyrenok (Irkutsk) — Publius Clodius and Optimats 111
N.S. Shirokova (Moscow) — The Caesar's Expeditions in Britain 124
I.G. Gurin (Samara) — Aspects of Romanization of Spain: during Early Empire in Newest Native Literature 135
A.D. Panteleev (Moscow) — Martyrdom and Suicide: Perception of early Christianity by Pagans 145
E.D. Frolov (St.Petersburg) — History of Socio-Economical School in Russian Historiography: Roman Agrarian History in Work by I.M. Grews 157
V. N. Ilyushechkin (Moscow) — The Poetic Inscription in Honor of the Thaumaturgos from Tyana 166
N.V.Parfyonova (Saratov) — Struggle with Paganism in Roman Empire after 395 A.D. (According to the Codex Theodosianus) 171
E.A.Chiglintzev (Kazan) — Reception as Interpretation: Antique Image in Different Socio-Cultural Conditions. 177
A.B. Kiselnikov (Moscow) — Sea Transportations of Cargoes during Antiquity 195

ANCIENT EAST

E.V. Rung (Kazan) — Athènes and Persian Satrap Orontes 202
G.A.Koshelenko, V.A.Gaibov (Moscow) — Satraps of East: Fates and Lots. Alexander the Great Epoch 222
G.A.Koshelenko, V.A.Gaibov (Moscow) — Public Relations in Eastern Iran during Alexander the Great Epoch 231
M. M. Kholod (St.Petersburg) — Alexander The Great and Greek Settlements of Minor Asia: History of Question 249
D.V. Kolosov (Tula) — Alexander's Successor (Some aspects of Eumenes of Cardia's art of war) 254
N.V. Zhuravleva(Moscow) — Seleucos Nicator. Creation of the Dynasty 269
A.O. Zakharov (Moscow) — Constructing the insular polities of Southeast Asia in the 5th–7th centuries 270

NORTH BLACK SEA AND BOSPORUS

A.R. Panov (Arzamas) — To the Question on Dynamis' Political Orientation 291
V.N. Parfyonov (Saratov) — Scribonius' Mystery 298
N.V. Zavoykina (Moscow) — Private associations in Tanais 315
Yu. V. Miljaeva (Tula) — Place and Role of Crisis in the second — the third quarter of the 3th c. A.D. in Social, Economic and Political History of Bosporus Kimmerian 324
E.V. Chetvertakov (Novosibirsk) — To the question of Scythian origin of some Bosporan names (1st–3rd cc. A. D.). 329
V.G. Zubarev, S.V. Yartsev (Tula) — To the Question of the Priazov German's Settling in Crimea 338
D. Zhuravlev (Moscow) — Syro-Palestinian Clay Lamps and Their Imitations of Roman and Byzantine Periods from Chersonesos 354

CAUCASUS

Yu.V. Gorlov (Novosibirsk) — Paleoecological aspects in History of the Black Sea North-east region during the Antique Epoch:. 362
O.V.Maan (Sukhum) — Monuments of Material Culture in Southeast (Abzhujskaya) Abkhazia. 371

PREHISTORY

A.K. Abdykanova (Novosibirsk) — Paleolithic Sites of Mangyshlak Peninsula (The Western Kazakhstan) 386
D.P. Brodyansky (Vladivostok) — Nature and Man in Ancient Art of Far East. 392
D.L. Brodyansky, V.A. Rakov (Vladivostok) — Resources of the Sea in Cultures of People of the Stone Age 401
A.V. Epimakhov (Chelyabinsk) — Relative and Absolute Chronology of Sintashta Sites in the Light of Radiocarbon Dates 421
I.V. Chechushkov (Chelyabinsk) — Headband of Chariot Horse Harness in Bronze Epoch: Experimental Research 428
V. V. Tkachev (Orsk) — Process of Culture Genesis at Western Periphery of Alacul Area 441
D.G. Bugrov (Kazan) — Beads of Hillfort of Toyguzinskoye-II 453

MIDDLE AGES

V.P. Kostjukov(Novosibirsk) — Ulus Dzhuchi and Syndrome of Federalism 489
P.A. Ryazanov (Nizhnij Novgorod) — The Byzantine translators and teachers of the Greek literature in Renaissance Italy in the end of 14th – 15th cc. 505

IN MUSEUM

D.V. Grigorjev, F.G. Davljatshina (Krasnoyarsk) — Ancient Silver Coins from Krasnoyarsk Museum 518

PERSONALIA

To the 70th Anniversary of David Lazarevich Brodyansky 519

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

N.B. Vinogradov (Chelyabinsk) — Размышления о типологии синташтинской керамики 522

SUPPLEMENT

Zosimos. Nea historia (pars III). Translation from Latin, Introduction and Commentary by N.N. Bolgov and E.V. Litovchenko (Belgorod) 526

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, материалы полевых исследований, архивные материалы, также критические статьи и рецензии на новые публикации по тематике издания. Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Рукопись (общим объемом до 1 а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается дискета. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи. Например:

Е.М.Алексеева (Москва)
Местная среда ранней Горгиппии

4. Сноски (нумерация сквозная) помещаются после основного текста и оформляются по образцу:

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. №3. С. 221-232.

Псковские летописи. Т.1. М.; Л., 1941. С.341.

Чернов С.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

ЦДОООСО. Ф.42. Оп.2. Д.29. Л.6.

Ссылки на оригинальные работы древних авторов приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.

В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН.

5. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия и имена давать или в переводе, или с пояснением. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.

6. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.

7. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 455038, г. Магнитогорск, 114, ауд.510, тел. (3519)34-38-49;
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru.

Проблемы истории, филологии, культуры

Выпуск XVII

Сдано в набор 10.01.2007. Подписано в печать 16.05.2007 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,96. Уч.-изд. л. 45,4. Бумага тип. №2.
Тираж 940 экз. Заказ №230.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-0868 от 25 сентября 2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО "Аналитик". 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.

Типография МГПК.

На 1 стр. обложки: Серебряный тетробол Пантикапея.
Около 340–330 гг. до н.э.

На 4 стр. обложки: Золотой статер Пантикапея.
Около 330–315 гг. до н.э.